ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

1.

Стр.

5. Изъ переписки княгини Е. Р. Дашковой съ ея братьями.

21. Павелъ Первый и Станиславъ Августъ. По неизданной рукописи. **С. М. Горяинова.**

46. Депеша **графа Жозефа де-Местра** Сардинскому королю о нашей отечественной войнѣ 1812 года.

62. Письмо неизвѣстнаго лица о предыдущей депешѣ.

68. Очерки Терской старины: I. Побѣги къ непокорнымъ горцамъ и жизнь у Шамиля. II. Разбойникъ Яшка Алпатовъ. **Ѳедора Чернозубова.**

80. Мы въ половинѣ XIX вѣка (стихи).

81. Шуточная хроника Московскаго университета 60-хъ годовъ.

129. Наполеонъ Первый и наши поддѣльныя ассигнаціи. **С. Фарфоровскаго.**

131. Изъ донесеній **графа Б. П. Шереметева** въ Правительствующій Сенатъ.

134. Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ **Я. Штелинымъ.**

138. Куманины. Ихъ родословіе. **У. Г. Иваска.**

143. Изъ портфеля стараго журналиста. (Ѳ. А. Кони.) Письма къ **А. Ѳ. Вельтмана, К. Ѳ. Рулье, Н. В. Беклемишева** и **П. С. Мочалова.**

148. Изъ писемъ графа **Д. Н. Толстого.** къ графу М. Д. Бутурлину.

Внутри обложки: О перепискѣ **А. С. Пушкина,** изданной **В. И. Саитовымъ.**

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Библиотека "Руниверс"

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій (1833—1837). СПБ. 1911. большая 8° XV+473.

Радуемся продолжающемуся успѣшному изученію Пушкина, которое въ наши дни имѣетъ значеніе бодрящее и отрезвляющее. Сдѣланы новыя открытія въ Парижѣ въ бумагахъ Н. И. Тургенева, которыя переданы въ нашу Академію Наукъ его сыномъ Петромъ Николаевичемъ. Академическое изданіе: «Пушкинъ и его современники» съ каждымъ выпускомъ становится содержательнѣе и важнѣе. Но въ особенности слѣдуетъ привѣтствовать оконченный нынѣ трудъ В. И. Саитова, который въ умѣньи своемъ издавать историческіе памятники нашей словесности превосходитъ даже покойнаго А. Ѳ. Бычкова. Въ этихъ трехъ томахъ переписки Пушкина, нашъ поэтъ, наша отрада, святая искра, выбитая изъ груди Россіи нашествіемъ Европы, выразился вполнѣ, точно какъ будто передъ нами его рабочій столъ, и мы можемъ слѣдить за его письменными занятіями. И въ перепискѣ своей, какъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, онъ необыкновенно привлекателенъ: такая быстрота отвѣтовъ, такое тонкое умѣнье приноровиться къ характеру писавшаго и сказать ему что либо любезное и ободрительное.

Трудно оторваться отъ чтенія писемъ его къ супругѣ. Біографъ сличитъ его показанія съ сохранившимися его Записками 1833—1835 г. Отвѣтныя письма если и появятся въ свѣтъ, то лишь въ очень далекомъ будущемъ: супруга конечно писала ему помногу, когда онъ уѣзжалъ въ Москву, Болдино, Волжскій край для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ. Онъ самъ, какъ видно, сознавалъ всю цѣнность своихъ супружескихъ повѣреній, и въ одномъ письмѣ требуетъ отъ Наталіи Николаевны, чтобы она никому не давала списывать его письма. Она же очень ими дорожила и передала ихъ младшей своей дочери на случай, когда ея дѣла потребуютъ особыхъ тратъ. Этимъ самымъ она и уполномочила Наталью Александровну выручить за нихъ денежную плату, и черезъ посредство И. С. Тургенева она получила отъ „Вѣстника Европы“ тысячу рублей.

Изъ переписки съ друзьями очень драгоцѣнны полуграмотныя письма Нащокина. Это былъ, можно сказать, единственный человѣкъ, которому Пушкинъ вполнѣ довѣрялъ. И къ нему могутъ относиться стихи:

Кто клеветы про насъ не съетъ,
Кто насъ заботливо лелѣетъ,
Кому порокъ нашъ не бѣда,
Кто не измѣнитъ никогда.

Что Нащокинъ былъ человѣкъ души необыкновенной, свидѣтельствуетъ то, что вдова его, которая пережила его на нѣсколько десятковъ лѣтъ, не встрѣчала у друзей и цѣнителей своего мужа отказа въ помощи до самой своей кончины. Писемъ сестры не имѣется, а письма ея супруга Павлищева крайне непривлекательны: онъ, хотя и самъ писатель, видѣлъ въ Пушкинѣ только доставителя ему денегъ и, живучи въ Варшавѣ, приставалъ къ нему до самой его кончины, такъ что послѣднее письмо Павлищева пришло, когда уже Пушкина не было на свѣтѣ. Братъ Левъ писалъ тоже лишь о денежныхъ дѣлахъ своихъ. Отъ матери не сохранилось ни одного письма, а отъ отца лишь одно: они оба предпочитали Александру Сергѣевичу его брата. Какъ извѣстно, съ отцомъ бывали у Пушкина самыя рѣзкія столкновенія еще до высылки поэта изъ Петербурга, о чемъ имѣется разсказъ И. В. Кирѣевскаго.

Нельзя не дивиться, что, вопреки пылкому своему нраву и всякаго рода

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

1912.

I.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Святая заповѣдь: „чти отца и мать и будешь долголѣтенъ на землѣ“, можетъ примѣняема быть и къ народамъ и къ представителямъ ихъ. Горе народу, не почитающему старины своей! Горе поколѣнію, отвергающему завѣты родоначальника своего! Горе писателямъ, которые самонадѣянно предаютъ забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцевъ! Ни тѣмъ, ни другимъ не бывать „долголѣтними на землѣ“.

Князь Вяземскій.

1912.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ СЪ ЕЯ БРАТЬЯМИ.

Подлинныя своеручныя Записки пресловутой княгини Екатерины Романовны, на Французскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ ея Московскимъ домомъ на Большой Никитской (нынѣ Консерваторія) перешли въ собственность ея племянника графа М. С. Воронцова и обнародованы лишь въ 1881 году въ „Архивѣ Князя Воронцова“ (кн. 21-я). Англійскій же пересказъ Записокъ съ дополненіями былъ изданъ еще въ 1842 году въ Лондонѣ Англичанкою Бредфордъ, послѣ того какъ ей не удалось продать эту рукопись графу М. С. Воронцову, бывшему тогда Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Эти Англійскія Записки долгое время оставались запретною для насъ книгою, какъ и все касавшееся Петра III и воцаренія Екатерины II. Въ 1859 году Герценъ въ Лондонѣ издалъ Русскій ихъ переводъ, и послѣ этого онѣ появились во Французскомъ и Нѣмецкомъ переводахъ. С. Д. Чичулинъ въ 1905 году помѣстилъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ превосходный очеркъ жизни и дѣятельности княгини Дашковой, съ указаніемъ всего, что до сихъ поръ появлялось о ней въ печати. Но живыя черты этой необыкновенной женщины являются не столько въ ея самохвальныхъ Запискахъ, нуждающихся въ замѣчаніяхъ и опроверженіяхъ, какъ въ ея перепискѣ, которая велась большею частію по-французски и помѣщена въ „Архивѣ Князя Воронцова“, и изъ которой выдержки приводимъ. Она напечатана въ нѣсколькихъ книгахъ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Письмо графа Александра Романовича.

1.

Милостивая государыня,
Дражайшая сестрица!

Очень вамъ благодаренъ за Ваши привѣтствія, переданныя мнѣ капитаномъ Тиромъ, прибывшимъ сюда курьеромъ. Приношу Вамъ также мои искреннѣйшія поздравленія съ орденомъ, коимъ вы пожа-

Библиотека "Руниверс"

лованы, какъ и особливо по поводу доказанной Вами преданности Ея Величеству, при ея восшествіи на престолъ. Ея царствованіе сулитъ Россіи безконечное благоденствіе, о каковомъ я и буду постоянно молиться.

Господинъ Тиръ передалъ мнѣ еще ваше желаніе имѣть Англійскіе часы; но хорошіе можно получить только по заказу, почему я и не посылаю вамъ часовъ съ нимъ, а заказалъ для васъ часы.

Вижу, по всему доходящему до меня изъ Петербурга, что Императрица безгранично добра до васъ; поэтому я не нахожу оправданія вашему небреженію къ участи сестры нашей Елисаветы, о которой я не знаю даже, гдѣ она. Допустимъ даже, что она была непочтительна къ Государынѣ (о чемъ, однако-же, мнѣ ничего неизвѣстно), вамъ и тогда слѣдовало-бы испросить ей помилованіе, вмѣсто всякой награды себѣ, и предпочесть это Екатерининской лентѣ. Тогда Вы-бы остались вѣрны тѣмъ высокимъ правиламъ, о которыхъ я слышалъ разглагольствованія Ваши, дававшія мнѣ право считать Васъ равнодушною къ человѣческимъ почестямъ. Но, какъ я вижу теперь, я ошибался въ Васъ: моя сестрица дорожитъ ими, не менѣе другихъ.

Вы мнѣ скажете, можетъ, въ свое оправданіе, что сестра наша не сдѣлала для Васъ всего, что̀ могла бы, за время своего случая. Но я былъ свидѣтелемъ*) того, что она не имѣла на это никакой возможности. А еслибъ даже Вашъ доводъ былъ справедливъ, то развѣ небреженіе нами даетъ намъ право платить тѣмъ же? Далеко завело бы насъ подобное правило, и какъ оно всего менѣе соотвѣствовало бы высокимъ сентиментамъ, о которыхъ я слышалъ Ваши проповѣди и для проведенія которыхъ въ жизнь Вамъ представляется, кажется, случай. Подобнымъ правиломъ Вы доказали бы только, что отъ слова до дѣла далеко.

Съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ буду поджидать отвѣта Вашего; имъ я установлю мое сужденіе о поступкахъ Вашихъ, относительно сестры нашей. А до полученія онаго, воздержусь отъ сужденія, желая только, чтобъ Вы оказались такою, какъ я Васъ желаю знать.

Васъ удивитъ, можетъ, и разсердитъ моя откровенность, какъ единственное пріобрѣтеніе, сдѣланное мною, за время моего пребыванія въ Лондонѣ. Надѣюсь, оно придется Вамъ по вкусу.

Лондонъ, 6 (17) Августа 1762 г.

---

*) Въ кратковременное пребываніе въ Петербургѣ, при Петрѣ III, весною 1762 г., Графъ Александръ Романовичъ на 22 году возраста былъ уже посланникомъ въ Англіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

2.

Я Вамъ безконечно обязанъ за письмо, отъ 2 Августа, недавно мною полученное и единственное дошедшее до меня отъ Васъ, послѣ великаго переворота, происшедшаго въ Россіи. Вы могли видѣть изъ моего послѣдняго къ Вамъ письма, какъ обрадовали меня милости, коими Императрица Васъ удостоиваетъ. Одинаково радуюсь и помилованію супруга Вашего, и прошу передать ему мое почтеніе, если онъ еще помнитъ меня.

Жду отъ дружбы Вашей, что Вы повергнете меня къ стопамъ Ея Величества, вмѣстѣ съ моею благодарностію за милостиво принятое письмо мое изъ Голландіи, хотя, вѣроятно она не успѣла и взглянуть на посланную книгу такъ обременила она себя многими трудами, пожелавъ участвовать во всѣхъ дѣлахъ своего сана. Еслибъ я только зналъ, что сдѣлаю этимъ угодное Ея Величеству, я продолжалъ бы высылать ей все интересное по части литературы. Я и Васъ снабжалъ бы этимъ, и мнѣ было-бы пріятно вести съ Вами правильную переписку. Особенно жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на мое послѣднее къ Вамъ письмо и начинаю радоваться, что мое мнѣніе на счетъ Васъ, повидимому, ошибочно, и что Вы поступали какъ слѣдовало относительно своихъ родственниковъ. Вашъ отвѣтъ выведетъ меня изъ моихъ сомнѣній касательно Васъ.

Милости, коими Васъ осыпала Ея Величество, даютъ Вамъ возможность, дорогая сестрица, оказывать многимъ услуги. Полагаюсь на ясность Вашего ума, въ моей надеждѣ, что Вы съумѣете выдвигать талантливыхъ. Мнѣ только остается, по безпристрастной дружбѣ къ Вамъ, убѣдительно просить Васъ дѣлать добро насколько можно больше, не мстить за зло и не кичиться ни передъ кѣмъ, такъ какъ земное величіе мало прочно, но, въ случаѣ его утраты, если Вы дѣлали только доброе, за Вами останется неотъемлемое общественное уваженіе или, покрайней мѣрѣ, чистая совѣсть. А это много значитъ и на этомъ свѣтѣ и въ будущемъ. Въ противномъ же случаѣ, всякій кромѣ безучастности къ постигшему Васъ несчастію, постарается еще и умножить его, въ отместку за выстраданное черезъ Васъ.

Безполезно распространяться мнѣ о семъ долѣе: такъ я увѣренъ, что Вы лучше меня сознаёте все преподанное мною тутъ.

Можно дѣлать добро своей семьѣ, безъ обвиненія насъ въ честолюбіи. Вѣдь это законъ предписанный намъ природою и всѣми одобряемый, пока онъ не выходитъ изъ границъ справедливости и умѣ-

Библиотека "Руниверс"

ренности. Я не говорю Вамъ объ оказаніи помощи тѣмъ изъ семьи нашей, которыхъ постигло несчастіе, такъ какъ человѣколюбіе и религія повелѣваютъ намъ это даже относительно всякаго посторонняго. Надѣюсь поэтому, что Вы и поступили такъ съ сестрицей нашей Елисаветой, хотя доказательствъ на это у меня еще нѣтъ, ибо я не знаю, гдѣ она находится.

Всѣ эти соображенія вынуждаютъ меня, какъ друга Вашего, радѣющаго о Вашей славѣ, побуждать Васъ, на случай, что Вы не облегчили судьбу сестрицы нашей, принять въ ней участіе и устроить ее покойно. Полагаю, что на бо̀льшее она и не въ правѣ расчитывать. Не заглушая въ себѣ естественныхъ чувствъ, Вы докажете всѣмъ свою правоту, а у завистниковъ отнимете, по крайней мѣрѣ, возможность чернить Васъ, такъ какъ, повторяю Вамъ, какъ человѣкъ прямой и другъ Вашъ, что въ глазахъ мудраго двадцать громкихъ дѣлъ ничто противъ пренебреженія своими кровными обязанностями.

Для меня не будетъ бо̀льшей радости, какъ узнать, что моя сестра выполнила все должное своимъ кровнымъ; а моей дружбѣ къ Вамъ польститъ, что мои совѣты совпадаютъ съ Вашимъ образомъ мыслей. Я не требую отъ Васъ ничего больше и не престану желать Вамъ счастья, какъ и того, чтобъ Вы способствовали счастью тѣхъ, кто онаго достоинъ. Съ полнымъ уваженіемъ пребываю и пр.

Лондонъ, 30 Августа (10 Сентября) 1762.

Княгиня Дашкова графу А. Р. Воронцову.

Дорогой братецъ!

Я только что получила, одно за другимъ, Ваши два послѣднія письма, въ которыхъ Вы заговорили со мной совсѣмъ иначе. Позвольте мнѣ сказать Вамъ, что Вамъ слѣдовало бы быть болѣе осмотрительнымъ въ сужденіяхъ Вашихъ о сестрѣ, никогда не срамившей Вашей фамиліи и честное имя которой внѣ всякихъ подозрѣній, а гнусность ихъ только и можетъ пасть на распускающихъ оныя. Вещи сестры моей, бывшія у меня и ей возвращенныя, не были изъ такихъ, чтобъ я ими соблазнилась и тѣмъ пошатнула мое безкорыстіе и нравственные мои устои, достаточно, кажется, доказанные мною теперь. Признаюсь Вамъ прямо, что я заподозрѣваю Вашу искренность касательно того, что̀ Вы говорите о полученіи Вами въ Лондонѣ черезъ путешествен-

Библиотека "Руниверс"

никовъ этого извѣстія. Только люди безчувственные и ожесточенные противъ меня могли возъимѣть такія нелѣпыя мысли, не имѣющія и тѣни вѣроятія, такъ какъ всѣ знали, что у меня на храненіи изъ вещей сестры были только тѣ, которыя она оставила въ комнатахъ Лѣтняго дворца, брилліанты же были у Императрицы, а прочіе шкафы опечатаны Рославлевымъ, и я даже не знала что̀ въ нихъ. Поймите меня какъ надлежитъ, дорогой братецъ, и вѣрьте, что я никогда ничего не сдѣлаю безчестнаго, хотя бы въ ущербъ своему благосостоянію, и разсмотрите всѣ мои дѣйствія, чтобъ убѣдиться, что я, съ твердыми правилами и пренебрегающая богатствомъ, не стану же пріобрѣтать его позорными способами за счетъ искренно любимой сестры. Вамъ извѣстно, конечно, что я ничѣмъ не обязана ни ей, ни кому другому изъ нашей семьи. Любя въ ней только ее, я раздѣляю съ нею всѣ ея непріятности, живо принимая въ ней участіе, не вынужденная къ тому чувствомъ благодарности и, слѣдовательно, по побужденіямъ болѣе достойнымъ. Если Вы пожелаете безпристрастно судить обо мнѣ, то увидите, что поведеніе мое, за время Петра III и въ настоящее царствованіе, достаточно доказываетъ, что меня нельзя заставить дѣйствовать подкупомъ, и что я, знающая цѣну всякой вещи, не могу прельститься бездѣлицами до того, чтобъ опозорить себя. Но, что̀ меня задѣло всего больнѣе въ Вашихъ ко мнѣ отношеніяхъ, это злоумышленіе Ваше повредить мнѣ у всѣхъ родственниковъ, пославши имъ всѣмъ копіи съ моего письма. Сознайтесь, что поступили не очень разборчиво. Впрочемъ, не подумайте, чтобъ я пожалѣла, что мое письмо стало всѣмъ извѣстно. Оно никогда не сможетъ повредить мнѣ во мнѣніи людей разсудительныхъ. Писала я его безъ предубѣжденій, безпристрастно, какъ къ брату и другу, который не можетъ подпасть подъ впечатлѣнія несовмѣстимыя съ его отвращеніемъ отъ клеветы.

Умоляю Васъ, какъ сестра и еще болѣе какъ вѣрный другъ, не поддаваться такъ легко кознямъ, которыя подстраиваютъ люди ненавидящіе доброе согласіе и пользующіеся порождаемыми отъ того раздорами. Завѣряю Васъ, что во мнѣ Вы всегда найдете друга, любящаго Васъ нѣжно и радующагося поэтому Вашему возвращенію ко мнѣ. Все, на что я Вамъ здѣсь указываю, исходитъ не изъ злопамятства; я слишкомъ Васъ всегда любила, чтобъ питать противъ Васъ неудовольствіе послѣ того, что Вы, образумившись, обратились опять ко мнѣ. Прощайте, дорогой братецъ.

13 Марта 1763. Москва.

Библиотека "Руниверс"

Письмо графа Александра Романовича.

Я получилъ, милостивая государыня, Ваше письмо отъ 13 Марта, въ отвѣтъ на мои два письма. Признаюсь, я ожидалъ совсѣмъ другаго отвѣта, послѣ сдѣланнаго мною снисхожденія моими передъ Вами извиненіями, въ коихъ и не было никакой надобности: все то, что̀ я Вамъ выставлялъ, отчасти подтвердилось. Ваше сдержанное письмо тронуло меня тѣмъ болѣе, что я не ожидалъ, что Вы мнѣ отвѣтите: это и подвинуло меня написать Вамъ такъ, что Вы уже приняли это за изъявленіе моей покорности, отъ которой я, по правдѣ сказать, очень далекъ. Повелительный тонъ Вашего послѣдняго письма всецѣло недопустимъ въ Вашихъ обращеніяхъ ко мнѣ. Только изъ уваженія къ правдѣ, вхожу въ эту подробность и отвѣчу Вамъ, пунктъ за пунктомъ.

Во первыхъ, я ничуть не прегрѣшилъ противъ истины, говоря Вамъ, что никто мнѣ ничего не писалъ объ отношеніяхъ Вашихъ къ сестрѣ Елисаветѣ; мнѣ стало это извѣстно не отъ путешественниковъ, и я не говорилъ Вамъ о нихъ, а отъ пріѣхавшихъ на Англійскихъ корабляхъ изъ Россіи пассажировъ, что̀ и подтверждаю снова. Они мнѣ сообщили, по какому поводу Вы посѣтили сестру мою, когда она была арестована въ домѣ отца нашего и объ безпримѣрномъ способѣ, коимъ Вы старались ее утѣшить, что̀ мнѣ послужитъ поученіемъ, а для потомковъ будетъ памятникомъ Вашего безкорыстія. Васъ будутъ выставлять примѣромъ, и я заранѣе поздравляю Васъ съ предоставленной Вамъ ролью. Но, не смотря на Вашу знаменитость, Вы могли бы выражаться болѣе вѣжливо, чѣмъ тѣми словами, которыми переполнено Ваше письмо.

Я не былъ бы искрененъ, сказавъ Вамъ, что, послѣ моего послѣдняго письма, я не получалъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о Вашихъ отношеніяхъ къ роднымъ, кромѣ сообщенныхъ пассажирами. Я умолчу объ этихъ отношеніяхъ и думаю, разъ навсегда, покончить съ подобными объясненіями, въ которыхъ такъ трудно, придерживаясь истинѣ, соблюсти вѣжливость, обязательную для насъ обоихъ. Ограничусь поэтому увѣреніемъ, что за приведеніемъ доказательствъ у меня не станетъ дѣло. Вы и сами теперь знакомы съ ними и говорите, что очень любите сестру и что это тѣмъ достойнѣе, что Вы ничѣмъ ей не обязаны, и что любовь, не изъ чувства благодарности, вдвое цѣннѣе. Такъ позвольте-же мнѣ напомнить Вамъ хоть объ извѣстныхъ мнѣ услугахъ, полученныхъ Вами.

Библиотека "Руниверс"

Во первыхъ: мужъ Вашъ своимъ посольствомъ въ Константинополь*), обязанъ сестрѣ Вашей; черезъ нея-же и Вамъ было оказано множество любезностей. Должны Вы тоже признать, любя сестру, что всецѣло ей обязаны, если, по Вашей къ ней просьбѣ, Вы избѣгли нежеланнаго путешествія въ Москву и получили предложеніе занять домъ, только что подаренный ей.

Не стану распространяться на счетъ Вашихъ отношеній къ отцу. Вамъ, какъ дочери, понятно, чѣмъ Вы ему обязаны. Всѣмъ извѣстно тоже, какъ много заботились дядя съ тётей о Вашемъ воспитаніи и пристройствѣ; надѣюсь, вы не забыли этого. Впрочемъ, если я привожу Вамъ въ память все это, то единственно вслѣдствіе Вашего увѣренія, что Вы ничѣмъ не обязаны роднѣ Вашей, но вовсе не для того, чтобъ Вы вознаградили ихъ какими нибудь услугами. Если они мыслятъ со мной одинаково, то избавятся всѣ отъ оныхъ; да и Вы сами, сказать правду, освободили себя отъ нихъ. Совершенно вѣрно сообщенное Вамъ на счетъ отсылки мною Вашего письма въ Петербургъ къ дядѣ, хотя я и не вижу никакой надобности отдавать Вамъ въ этомъ отчетъ. Скажу Вамъ только, что, сообщая дядѣ обо всѣхъ моихъ хлопотахъ, я не счелъ возможнымъ скрыть отъ него письмо это. Ни съ чѣмъ несообразно, впрочемъ, думать, что я имѣлъ чрезъ это намѣреніе повредить Вамъ, такъ какъ, находясь съ Вами въ одномъ мѣстѣ, дядя могъ судить о Васъ по дѣламъ, не нуждаясь въ письмѣ. Если Вы сохраняете черновики съ Вашихъ писемъ ко мнѣ, то легко увидите, какъ Вы себѣ противорѣчите въ приводимыхъ мнѣ чертахъ своего поведенія; предоставлю Вамъ самимъ сдѣлать изъ этого должный выводъ.

Лондонъ, 17 (28) Апрѣля 1763 г.

Потрудитесь передать мой привѣтъ милостивому государю господину Дашкову, котораго я безконечно уважаю. По всему, что мнѣ извѣстно, поведеніе его дѣлаетъ ему только честь. Уваженіе мое не имѣетъ большой цѣны, но я на него скупъ.

*

Княгиня Дашкова графу А. Р. Воронцову.

Москва, 26 Января 1766 г.

Если я еще не писала отцу, чтобъ испросить его прощеніе за мои мнимыя прегрѣшенія, то единственно потому, что боялась поте-

*) Въ Январѣ 1762 князь Дашковъ былъ отправленъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III-го. Не успѣлъ онъ доѣхать до Константинополя, какъ Императоръ отрекся отъ престола. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

рять черезъ это его уваженіе, такъ же какъ и братьевъ. Выслушайте меня, мой другъ; это не порядокъ, но истина, которую Вы, съ Вашимъ умомъ и справедливостію, непремѣнно признаете. Отецъ считаетъ меня, въ настоящее время, въ бѣдственномъ положеніи и вынужденною просить благодѣянія или пособія; если я, ни съ того ни съ чего, стану теперь хлопотать о полученіи прощенія, первая его мысль будетъ истолковать мою покорность выгодою и нуждою, что и многіе другіе подумаютъ съ нимъ за одно. Что-же скажете Вы мнѣ на это, какъ ни то, что, не довольствуясь имѣть чистую совѣсть, не нужно и подавать повода заподозрить Васъ въ противномъ. Я и разсудила выждать благопріятнаго случая и могу Васъ увѣрить, что никогда не пренебрегу возможностію сблизиться съ братьями, чтобъ доказать имъ какъ они ошибаются, считая меня преступною. А еслибъ даже я оказалась виноватой, то не посовѣстилась бы признаться Вамъ въ этомъ: такъ я увѣрена, что несчастія и огорченія, которыя я испытала, расположили бы Васъ простить мнѣ грѣхи мои, такъ Васъ сильно смутившіе. Но клянусь Вамъ, что я перебрала всѣ мои поступки и не нашла въ нихъ ничего обиднаго для отца. Чтобъ покончить съ столь мало утѣшительнымъ предметомъ, скажу Вамъ, что Вашъ другъ Гурьевъ показался мнѣ очень любезнымъ молодымъ человѣкомъ. Я просила его бывать у меня возможно чаще и постараюсь своею привѣтливостію доказать ему, съ какимъ уваженіемъ я принимаю Вашихъ друзей.

Сестра еще не уѣхала. Какъ ни сильно желаемъ мы быть всегда вмѣстѣ, намъ не всегда удается это. Бывать у нея я опасаюсь, чтобъ не повредить ея дѣлу, такъ что только она ѣздитъ ко мнѣ.

Княгиня Дашкова графу Семену Романовичу.

Москва, 24 Ноября 1767 г.

Съ великимъ удовольствіемъ узнаю, что братецъ мой вновь поступилъ на службу. Сдѣланный имъ шагъ послужитъ къ его славѣ; у него, по крайней мѣрѣ, есть что-нибудь въ будущемъ, и онъ выведенъ изъ бездѣйствія, которое тѣмъ болѣе было отчаянное, что, въ виду его молодыхъ лѣтъ, длилось бы долго. Вернемтесь-же къ тому, что касается Васъ и чему я очень сочувствую. Мнѣ мнится, что, добившись мѣста*) члена Иностранной Коллегіи, Вы этимъ самымъ всту-

*) Я говорила дядѣ Ивану Ларіоновичу, чтобъ онъ написалъ касательно сего предмета отцу, что онъ, говоритъ, и сдѣлалъ. Я сгораю нетерпѣніемъ видѣть Васъ внѣ списка лежебоковъ, къ числу которыхъ относятъ, обыкновенно, всѣхъ придворныхъ.

Библиотека "Руниверс"

пите на дорогу, съ которой и не должны сходить, чѣмъ и пріобрѣтете право, при первомъ случаѣ, получить штатную въ ней службу. Постарайтесь же, дорогой братецъ, порадовать меня этимъ. Думаю, что все въ зависимости отъ Вашей доброй воли, такъ какъ, оставаясь камергеромъ, Вы не можете встрѣтить другихъ затрудненій. Относительно моего отъѣзда въ Петербургъ, въ виду слуховъ объ оставленіи онаго Ея Величествомъ, ничего еще не рѣшено. Попрошу Васъ, съ первой же почтой, отписать мнѣ, что̀ Вы знаете вѣрнаго на счетъ этого, чтобъ мнѣ не проѣхаться по пусту. Что̀ касается Вашей надежды на согласіе отца для нашихъ свиданій, то, какъ ни желательно оно мнѣ, но я мало расчитываю на полученіе его; но у Васъ, мужчинъ, столько способовъ извернуться тайно, что, только было бы у Васъ желаніе, мы сможемъ видѣться часто.

Княгиня Дашкова графу Александру Романовичу.

1.

Вудско, 4 (15) Ноября.

Дорогой другъ и братецъ.

Задержанная здѣсь сломавшеюся каретою, я спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ сказать Вамъ, что и я и дѣти совершенно здоровы и, до сихъ поръ, очень легко переносимъ дорогу. Еслибъ не задержка съ каретою, мы были-бы уже теперь въ Данцигѣ, куда, тѣмъ не менѣе, я расчитываю прибыть завтра или послѣзавтра, и пожалуй, только оттуда и смогу отправить настоящее письмо. Не отвѣчала ранѣе на Ваше послѣднее, такъ какъ получила его въ день моего выѣзда изъ Берлина. Я въ восторгѣ отъ принятаго Вами рѣшенія проѣхаться по Сибири, что̀ развлечетъ Васъ, дастъ другое направленіе мыслямъ и матеріалъ для занятій. Къ тому же, путешествіе это послужитъ Вамъ на пользу въ будущемъ, если не въ настоящемъ. Мнѣ болѣе всего хотѣлось бы побывать въ этой части нашего отечества, ибо смотрю на нее какъ на неизсякаемый источникъ новыхъ открытій и обильныхъ произведеній всякаго рода матери-природы, которыя далеко неизвѣстны у насъ. Будь я въ Россіи, когда Вы предприняли Вашу поѣздку, и еслибъ Вы согласились обременить себя обществомъ женщины (довольно покладистой въ дорогѣ), я съ радостію поѣхала бы съ Вами. Относительно второй части Вашего письма, я не очень-то спокойна, и какъ бы ни называли господствующія въ Москвѣ болѣзни, я страшно встревожена ими. Двадцать выигранныхъ сраженій никогда не принесутъ отечеству моему столько пользы, сколько ему причинятъ вреда три дня подобныхъ болѣзней; такъ какъ, по моему слабому

Библиотека "Руниверс"

сужденію и понятію о настоящей его силѣ и могуществѣ, оно не въ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, не въ вывозѣ пеньки, лѣса и проч., а въ сбереженіи людьми, что̀ я и посовѣтовала-бы правительству: мы далеки отъ избытка въ народонаселеніи, соотвѣтственно его пространству. При увеличившемся народонаселеніи, наша вывозная торговля, сама собой, приняла бы болѣе правильный и прибыльный ходъ, сравнительно съ ея настоящимъ веденіемъ. Но, я предпочитаю этимъ и кончить, боясь услышать отъ Васъ: „какъ же Вы смѣлы, дорогая сестрица, что беретесь разсуждать о томъ, что̀ выше Вашихъ понятій, да еще съ кѣмъ? съ человѣкомъ, пробывшимъ много лѣтъ посланникомъ въ Англіи и Голландіи; возьмитесь-ка лучше за иглу и прялку“. Замолчать, замолчу; но не возьмусь ни за то ни за другое, никогда не державши ихъ въ рукахъ. Но, чтобъ не остаться безъ дѣла и наказать Васъ за наложенное мнѣ молчаніе, я поручаю Вамъ доставить мнѣ нѣсколько строкъ отъ Сенюши. Цѣлую вѣчность ничего объ немъ не знаю. Но теперь не буду ему писать, убѣжденная, что все мое краснорѣчіе не возъимѣетъ такого на него дѣйствія, какъ то, что̀ Вы ему скажете на счетъ незаслуженнаго мною его молчанія.

2.

Эксъ-ла-Шапель, 1 (12) Іюня.

Я пріѣхала сюда вчера; чувствую себя хорошо такъ же какъ и дочь[1]); но Павлуша прихворнулъ: золотуха бросилась ему въ глаза такъ сильно, что я вынуждена была поставить ему, въ Страсбургѣ, Шпанскія мушки. Теперь ему лучше, но у него вся спина покрыта чирьями, страшно его мучающими. Расчитываю пробыть здѣсь съ недѣлю и затѣмъ, поѣду на три мѣсяца въ Спа. Въ Февралѣ буду въ Петербургѣ непремѣнно; но, Богъ знаетъ, увижу-ли я Васъ тамъ. Ради Бога, скажите-же мнѣ что нибудь на счетъ того, гдѣ Вы, здоровы-ли, и что̀ подѣлываетъ полковникъ[2]). Я только и знаю, какимъ онъ полкомъ командуетъ, но меня гораздо больше интересуетъ его здоровье и касающееся его возвращенія въ Петербургъ.

Москва 31 Мая.

Сегодня утромъ я была у Маріи Романовны[3]). Ея положеніе терзаетъ мнѣ сердце, съ какой бы стороны я ни разсматривала его.

---

[1]) Княжна Анастасія Михайловна, род. 21 Февраля 1760. П. Б.

[2]) Т. е. графъ Семенъ Романовичъ. П. Б.

[3]) Старшая сестра княгини Дашковой графиня Бутурлина, о которой не сохранилось вовсе извѣстій, и мы не видали ни одного письма отъ нея. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Отъ души желала бы помочь ей, но не вижу чѣмъ, и думаю, что только ея супругъ въ состояніи сдѣлать это. Онъ поступилъ съ ней подло, но не удивилъ меня этимъ. Человѣкъ холодный и равнодушный ко всему, что̀ не касается его собственнаго удовольствія (т. е. разврата), рѣдко способенъ на благородные и великодушные поступки, развѣ только изъ тщеславія. Мы условились съ сестрою, что, по пріѣздѣ ея мужа, она увѣдомитъ меня, если будетъ имѣть во мнѣ надобность. Я тотчасъ пріѣду тогда изъ Троицкаго[1]), чтобъ оказать ей поддержку, насколько буду въ силахъ.

Сдѣлайте мнѣ, дорогой другъ, величайшее одолженіе: съѣздите съ Мещерскимъ въ таможню получить, съ корабля капитана Rynoud Souvens, одинъ ящикъ съ окаменѣлостями, книгою и боченкомъ съ напиткомъ Ирландскихъ крестьянъ; а другой съ 20 томами Всеобщей Исторіи одного ученаго общества, и кромѣ этого посылку (которая опередила ящики) съ платками изъ толстой кисеи для m-elle Каменской, съ точно такимъ же кускомъ кисеи для меня, съ нѣсколькими книгами, эстампами и монетами. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей посланы на имя Фредерикса, а другія на мое. Умоляю Васъ, дорогой другъ, похлопотать объ этихъ ящикахъ; не скрою, что очень дорожу этими бездѣлицами.

3.

8 Января 1775 г.

За послѣднее твое, батюшка, сердечно благодарю; ты спрашиваешь, мой другъ, имѣла-ли я, какъ многіе, любопытство видѣть Пугачева, изъ чего я заключаю, что ты худо еще меня, батюшка, знаешь. Сколь ни отвратителенъ онъ по злодѣяніямъ своимъ и сколь возмездія по онымъ ни справедливы будутъ, но окованный человѣкъ и осужденный къ смерти мнѣ не иначе какъ жалостнымъ предметомъ представляется. Я его не видала и видѣть не хочу. Петръ Ивановичъ[2]) пріѣхалъ въ Рождество; мнѣ кажется старѣе и дряхлѣе, нежели, отъѣзжая въ Петербургъ, я его оставила. Я страшусь видѣть, что онъ опаснѣе день ото дня становится. Онъ жалуется на боли внутренностей, головы и костей; эта жестокая подагра можетъ сразу подкосить его.

---

[1]) Село Троицкое, Тарусскаго уѣзда, Калужской губ., по большой Боровской дорогѣ, въ 18 верстахъ отъ Серпухова. Тамошніе сооруженія княгини Дашковой: прекрасный домъ на самомъ берегу рѣки Протвы, паркъ и въ немъ памятникъ Екатерины Великой. Такой же точно памятникъ, въ уменьшенномъ видѣ, поставленъ и у графа Александра Романовича въ саду села Андреевскаго. П. Б.

[2]) Усмиритель Пугачевщины, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

4.

Римъ, 30 Января (1782).

Сынъ мой только что выгравировалъ видъ изъ окрестностей Неаполя, а другой изъ Римскихъ. Я Вамъ пошлю ихъ, если представится случай. Папа, которому онъ представлялся, безконечно расхваливалъ его послѣ того. Я расчитываю увидѣть его святѣйшество на этихъ дняхъ: онъ одинъ стоитъ всѣхъ Итальянцевъ взятыхъ вмѣстѣ.

На счетъ пріѣзда ихъ Императорскихъ Высочествъ ничего еще не опредѣлено, и никто не знаетъ ни дня ихъ проѣзда, ни того, остановятся ли они на день, или всего на часъ.

Одобряете-ли Вы, мой другъ, что я не отвѣчала на милостивое письмо Ея Величества? Мнѣ казалось, что будетъ приличнѣе и почтительнѣе выразить мою благодарность черезъ Безбородко; если-же на это посмотрятъ иначе, пожалуйста, разъясните что̀ мною руководило въ этомъ случаѣ.

Вы говорите, мой другъ, что Завадовскій не имѣлъ намѣренія оскорбить меня; пусть такъ. Но, я увѣрена, что возьми я, не спросясь его какого нибудь секретаря изъ Банка для преподаванія ариѳметики моимъ гимназистамъ, и безъ того, чтобъ послѣдній также испросилъ его согласія, Сенатъ, на мое представленіе сего секретаря къ чину, замѣтилъ бы, что это должно исходить отъ его прямаго начальника, а не отъ меня; и ужъ, конечно, Завадовскому не понравилось бы, что я считаю его ни во что въ глазахъ Сената и его подчиненныхъ.

Вы говорите, дорогой другъ, что если я буду принимать все такъ горячо, никогда этому не будетъ конца. Но могу ли я не волноваться, когда со мной обращаются презрительно и унижаютъ меня въ моемъ собственномъ вѣдомствѣ? Примите въ соображеніе, въ какомъ состояніи я нашла Академію, сколько мнѣ было затрудненій привести ее въ лучшее положеніе и увидите, что, если я позволю считать меня нулемъ, мнѣ нельзя будетъ даже добиться повиновенія отъ моихъ подчиненныхъ. Съ тѣхъ поръ, что̀ я въ Академіи, я три раза была вынуждена, напримѣръ, дѣлать выговоры Гурьеву. Онъ совсѣмъ не хочетъ работать для Академіи. По милости Домашнева, онъ получаетъ 600 р., а работа его не стоитъ и шести грошей. Онъ безъ моего разрѣшенія преподаетъ въ Смольномъ. Не испросилъ онъ и моего позволенія на принятіе чина, полученнаго не черезъ меня. Я и захотѣла дать ему почувствовать, какъ онъ виноватъ передъ Академіей, и не представила

Библиотека "Руниверс"

его теперь къ повышенію; а онъ, за одно съ Сенатомъ, глумится надо мной! Впрочемъ, если Гурьевъ такъ необходимъ Завадовскому, я его предоставлю ему всецѣло, исключивъ его изъ нашихъ списковъ, такъ какъ не могу держать подчиненнаго насмѣхающагося надо мною. Относительно адъюнкта Головина, не смотря на то, что онъ безъ моего разрѣшенія даетъ уроки въ школахъ, я дѣлаю видъ, что не знаю объ этомъ, такъ какъ онъ всегда выполняетъ свои обязанности по Академіи. Ограничусь выговоромъ ему за то, что онъ предпочелъ получить повышеніе черезъ Завадовскаго, а не черезъ меня, тоже намѣтившую его къ чину ассесора, только что имъ полученному.

По Вашему, я слишкомъ страстно отношусь къ случающимся со мною пустякамъ. Не передъ Вами же мнѣ скрытничать и надѣвать личину податливости, выносливости, проявляемыхъ изъ подлости или изъ цѣлей корыстныхъ. Нѣтъ, повторяю Вамъ, другъ мой, я вѣдь ничего не прошу новаго, кромѣ преимуществъ и удобствъ, коими пользовались мои предшественники, но не хочу и не могу быть поставленной ниже ихъ. Оставили-бы только меня въ покоѣ, да чтобъ друзья Ваши не увеличивали оскорбленій, которыми меня мучаютъ, тогда я и перестану надоѣдать Вамъ, не добиваясь ничего другого, какъ возможности нести мою службу съ достоинствомъ, или же оставить ее вовсе и покинуть отечество. Все со мной приключающееся, въ настоящее время, потому такъ меня огорчаетъ и терзаетъ мое сердце, что едва-ли я проведу болѣе 14 мѣсяцевъ въ Россіи, по оставленіи Академіи.

Увѣряю Васъ, дорогой братъ, что если мое настоящее положеніе продлится, то оно сведетъ меня въ могилу; мнѣ только и остается, что получать новыя оскорбленія. Г. Завадовскій, не удостоивъ меня сообщеніемъ о своемъ намѣреніи, представилъ Сенату двухъ моихъ адъюнктовъ къ повышенію. Одинъ изъ нихъ взялся, безъ моего разрѣшенія, давать уроки въ Смольномъ или въ училищахъ; а такъ какъ онъ, вотъ уже два года, какъ вернулся изъ экспедиціи по Крыму и въ Турцію и не представилъ Академіи своего отчета и не хочетъ ничего дѣлать, я и не включила его въ списокъ, кого желала повысить. Головина-же я, напротивъ, представила въ адъюнкта, во вниманіе того, что онъ, хотя тоже даетъ уроки, но не пренебрегаетъ своими занятіями въ Академіи. Рекомендація Завадовскаго оказалась дѣйствительной и мои подчиненные получили повышеніе, безъ моего участія и отзыва! Нужно-ли говорить о впечатлѣніи отъ такой пощечины? Въ прошломъ году, Завадовскій переманилъ у меня одного ученика, и его сдѣлали титулярнымъ совѣтникомъ. Судите-же, легко-ли мнѣ будетъ удерживать при себѣ служа-

Библиотека "Руниверс"

щихъ и заставить ихъ слушаться меня и уважать. Однимъ словомъ, я умоляю Васъ положить конецъ моимъ мученіямъ и выяснить черезъ Вашихъ друзей, очернили-ли меня передъ Императрицей и не желаетъ ли она, чтобъ я оставила мою службу? Оставаться въ настоящемъ положеніи и ежедневно поджидать новыхъ обидъ и придирокъ, мнѣ невозможно, да я ничѣмъ не заслужила ихъ. Умоляю Васъ всѣмъ, что для Васъ свято, заставить поскорѣе положить конецъ моимъ терзаніямъ, которыя волнуютъ и умъ и душу. Я не изъ такихъ, чтобъ позволить поступать съ собой такъ неблагородно; и если я не заслуживаю лучшаго обращенія противъ Орлова, Ржевскаго и Домашнева, то ужъ не знаю, что̀ могу ожидать болѣе худшаго! Казалось бы, что мое происхожденіе, мѣсто мною занимаемое, мой полъ, удивительный выборъ Императрицы въ моемъ назначеніи, и какъ я выполняла мои обязанности, все это должно было предохранить меня отъ переживаемаго мною; а для г-на Завадовскаго, полагаю, достаточно того, что я Ваша сестра, чтобъ заставить его считаться со мною, особенно передъ Сенатомъ. Не заслужила я, моими отношеніями къ нему, получить такую пощечину. Скажите мнѣ, пожалуйста, когда Вы вернетесь въ городъ; боюсь, какъ бы не пришлось поставить себѣ завтра фонтанель, и тогда, Богъ знаетъ, когда мнѣ можно будетъ выйти. Я съ Воскресенья въ постели. Послѣ маскарада у меня совсѣмъ отнялась рука, а душевныя тревоги не способствуютъ исцѣленію отъ ревматизма.

5.

Село Дашково, 22 Маія.

Со вчерашняго дня, въ старинной вотчинѣ князей Дашковыхъ [1]). Доѣхала я сюда благополучно и въ вожделѣнномъ здоровіи. Въ самый день моего выѣзда изъ Троицкаго, т. е. въ Среду, 14-го, Санти-отецъ [2]), пріѣхавшій наканунѣ, далъ свое согласіе, такъ же какъ и жена его, на приведеніе въ исполненіе желаній князя Маврокордато и ихъ дочери. Повѣнчали ихъ въ 9 ч. утра и, по выходѣ изъ церкви, мы сѣли въ карету и отобѣдали у городничаго въ Серпуховѣ. Я въ восторгѣ, что это все кончено, но не думайте, что этому быстрому рѣшенію неспособствовали мои убѣжденія. Не только на словахъ, но когда графиня прислала за своимъ мужемъ, я, письменно, въ моей записочкѣ къ нему,

---

[1]) Село Птицыно-Дашково, Орловской губ. П. Б.

[2]) Графъ Левъ Францовичъ, женатый на Аннѣ Александровнѣ, двоюродной сестрѣ кн. Дашковой (отъ Пелагеи Ларіоновны Воронцовой) выдалъ дочь свою гр. Александру Львовну за князя Александра Ивановича Маврокордато. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ясно объяснила, что мало того, что не буду уговаривать, но воздержусь отъ выставленія всѣхъ за и противъ.

Князь, съ женой и тещей проводили меня за 62 версты, до нашего ночлега. На другой день, рано утромъ, я поѣхала въ Тулу, а они вернулись. Я провела два дня въ Тулѣ, гдѣ нарочно возобновили работы, прерванныя наводненіемъ, и дали представленіе, хотя въ этотъ день не было назначеннаго. Театръ красивый и труппа очень порядочная. Губернаторъ на ножахъ съ Кашкинымъ; но все-же мнѣ первый кажется болѣе порядочнымъ со своей прямотой стараго закала. Я еще никого не повидала здѣсь: губернаторъ боленъ, въ дѣлахъ полнѣйшій застой, а Беклешовъ[1]) отсутствуетъ. Судьи продажные, дороги въ небреженіи; для моего проѣзда сдѣлали нѣсколько необходимыхъ починокъ на мостахъ. Изо всего громаднаго количества земель, коими владѣетъ дворянство въ Тульской г., только десять тысячъ свободны отъ запрещеній по долгамъ.

6.

С. Дашково, 10 Іюня.

Представь себѣ, что, для сбору пятнадцатилѣтней недоимки съ однодворцевъ, изъ всѣхъ городовъ уѣздные суды отправлены съ самой Страшной недѣли, по Троицынъ день, а между тѣмъ никакихъ дѣлъ не дѣлается. Конечно, Богъ во гнѣвѣ противу Россійскихъ дворянъ попустилъ существовать вредную тварь, называемую однодворцы. Здоровье мое страдаетъ отъ моего пребыванія здѣсь. Никакіе денежные расчеты не заставили бы меня оставаться здѣсь; но, когда дѣло идетъ о благоденствіи 2950 существъ обоего пола, мнѣ подобныхъ, и судьбою ввѣренныхъ моимъ попеченіямъ, я должна жертвовать собою. Не слѣдовало бы мнѣ и ворчать на эту обузу.

Каменскій[2]) былъ тутъ по сосѣдству на три дня. Онъ разбилъ до крови головы двумъ мужикамъ о комнатную печь, а пятерыхъ заковалъ въ кандалы. Онъ оказываетъ эти маленькія милости изъ собственныхъ рукъ. По всему, что онъ здѣсь творитъ и что мнѣ онъ говорилъ, когда удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, я убѣдилась, что необходимо его засадить. Онъ жестоко ругаетъ намѣстника. А послѣдній, какъ говорятъ, въ свою очередь, отписалъ о немъ Сенату очень сильно. Это можетъ кончиться нехорошо. Если Вы не слышали, что

[1]) Александръ Андреевичъ Беклешовъ, съ 1790 года до воцаренія Павла, былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничества. П. Б.

[2]) Извѣстный Михаилъ Оедотовичъ, при Павлѣ графъ и фельдмаршалъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

случилось съ его младшимъ сыномъ, то Васъ это займетъ. Онъ находился въ Петербургѣ. Ея Величество, узнавши, что онъ собирается бѣжать, поручила Архарову догнать его. Тому удалось настигнуть Каменскаго за Дерптомъ, съ двумя съ нимъ Французами, которые взялись доставить его во Францію. Всѣхъ трехъ подвергли строгому допросу. Молодой Каменскій показалъ, что онъ хотѣлъ бѣжать изъ Россіи по слѣдующей причинѣ. Онъ получилъ отъ отца разные подарки и деньги для раздачи нѣкоторымъ лицамъ; онъ и назвалъ ихъ, дабы они рѣшили его тяжбу въ его пользу. А тѣ рѣшили противъ него, хотя приняли подарки. Отецъ заподозрилъ, что онъ присвоилъ ихъ себѣ, а не подкупилъ ими, и требовалъ его къ себѣ, грознымъ письмомъ, для полученія наказанія, коего заслуживаетъ безчестный, блудный сынъ. „Я же, добавилъ молодой Каменскій, зная, какъ страшно наказываетъ отецъ, предпочелъ оставить отечество, чѣмъ подвергнуть себя его гнѣву“. По этимъ показаніямъ, слѣдовало бы произвести новое слѣдствіе, но отъ Императрицы все скрыли, а сообщили ей только объ отношеніяхъ отца къ сыну, на что Императрица повелѣла: отослать послѣдняго къ генералу Румянцеву, зачислить въ полкъ и не разрѣшать отлучекъ. Мнѣ передавали объ этомъ вице-губернаторъ и княгиня Прозоровская, знающая все отъ своего мужа, у котораго и находится бѣдный юноша.

Библиотека "Руниверс"

ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ И СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ.

По неизданной рукописи.

I.

Станиславъ-Августъ имѣлъ обыкновеніе, въ теченіе всей своей жизни, вести записи событіямъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. При немъ состоялъ постоянно цѣлый штатъ секретарей, которымъ онъ диктовалъ свои мысли и которые собирали и переводили на Французскій языкъ акты и документы, интересовавшіе короля. Немудрено, что послѣ его смерти ($^1/_{12}$ Февраля 1798 г.) осталось кромѣ восьми томовъ записокъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, немало бумагъ, переданныхъ въ Московскій Главный Архивъ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Въ числѣ этихъ бумагъ имѣется пять тетрадей, собранныхъ подъ общее заглавіе: „собственноручныя записки короля Польскаго Станислава-Августа о современныхъ ему событіяхъ въ Польшѣ съ 1794 по 1798 гг.“. Это черновыя записи, 87 листовъ учиненныя на Французскомъ языкѣ не собственноручно королемъ, но постороннею рукою, отъ его имени, въ видѣ дневнòго журнала, начиная съ 2 Марта 1794 г. Кромѣ изложенія совершившихся событій въ этихъ тетрадяхъ приведены разговоры Станислава-Августа съ разными лицами, письма его къ другимъ, отвѣты полученные имъ и различные акты переведенные на Французскій языкъ. Составленіе этихъ записокъ всегда занимало Станислава-Августа; извѣстно, что и въ свое послѣднее пребываніе въ Петербургѣ онъ ежедневно работалъ надъ ними со своими секретарями. Въ числѣ послѣднихъ главнымъ былъ Христіанъ Фризе, принятый въ 1796 г. на Русскую государственную службу съ чиномъ

Библиотека "Руниверс"

коллежскаго совѣтника. Въ дипломатическомъ отдѣлѣ С.Пбскаго Главнаго Архива хранятся бумаги Фризе. Въ нихъ, между прочимъ, имъ удостовѣряется, что 33 года онъ состоялъ на службѣ Станислава-Августа и что работалъ подъ его диктовку надъ его записками. Но кромѣ почерка Фризе встрѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ записокъ и другіе почерки, почему съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что Фризе составлялъ подъ диктовку Станислава-Августа черновыя записки, которыя по исправленіи и дополненіи ихъ переписывались или самимъ Фризе, или другими секретарями, а таковыхъ во время послѣдняго пребыванія Станислава-Августа въ С.-Петербургѣ состояло при немъ нѣсколько: Пузыно, Антоній Понятовскій, упомянутый Фризе. Пять тетрадей бумагъ, переданныхъ на храненіе въ Московскій Архивъ, представляются черновыми записями, писанными рукою Фризе съ различными выносками и дополненіями. Вѣроятно онѣ не были переписаны, а ожидали окончательной отдѣлки, но смерть Станислава-Августа прервала эту работу.

Изъ этихъ бумагъ насъ интересуетъ отрывокъ, находящійся въ пятой тетради, на оборотѣ 65 листа, а на 128 страницѣ всей рукописи. На поляхъ страницы, въ томъ мѣстѣ, съ котораго начинается отрывокъ, стоитъ надпись: „Entretien du feu roi le $^{4}/_{15}$ juillet 1797“. сдѣланная рукою Фризе очевидно уже послѣ смерти короля. Съ этого мѣста рукописи на 20 страницахъ излагаются на Французскомъ языкѣ разговоры, которые Станиславъ-Августъ велъ съ Императоромъ Павломъ I въ разное время своего пребыванія при Русскомъ дворѣ, съ 4 Іюля по 13 Ноября 1797 г. Эти разговоры не вошли въ дневникъ Станислава-Августа, который онъ велъ о своей жизни въ С.-Петербургѣ и который посылался въ Варшаву для свѣдѣнія его родственниковъ *). Разговоры съ Императоромъ не предназначались оглашенію. Они тѣмъ болѣе интересны, что рисуютъ отношенія Павла Петровича къ развѣнченному королю и положеніе послѣдняго при Русскомъ дворѣ. Съ одной стороны, самодержавный повелитель могущественной имперіи, непризнававшій надъ собою никакого закона, не лишенный однако благородства, но неумѣренный въ своихъ побужденіяхъ, полный причудъ, не выносившій чужого мнѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительный и вспыльчивый. Съ другой—король, потерявшій всѣ свои владѣнія и все свое состояніе, униженный и принужденный пользоваться гостепріимствомъ и милостями своего грознаго покровителя. Независимо отъ сего въ этихъ разговорахъ выражается личность Павла, недавно

*) Дневникъ Станислава-Августа въ рукописи хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Библиотека "Руниверс"

только вступившаго на престолъ, выдѣляются нѣкоторыя его черты, развившіяся впослѣдствіи въ немъ, замѣчаются проблески мистицизма, созрѣвается мысль о томъ, что онъ призванъ божествомъ спасти человѣчество отъ гибели, возстановить начала вѣры, попранныя революціею и водворить порядокъ, ею разрушенный.

II.

Павелъ Петровичъ, ни въ чемъ не раздѣлявшій воззрѣній своей матери, всегда былъ противникомъ раздѣла Польскихъ областей и относился сочувственно къ Полякамъ. Поэтому, немедленно по воцареніи, онъ даровалъ свободу Польскимъ плѣннымъ, содержавшимся въ С.-Петербургѣ и распространилъ эту милость на прочихъ Поляковъ, сосланныхъ Екатериной II. Въ Воскресеніе 16 Ноября 1796 г., т. е. десять дней спустя по смерти Императрицы, Государь пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался Тадеушъ Костюшко, глава послѣдняго возстанія и самъ сказалъ ему: „vous êtes libre, je voulais moi-meme vous apporter cette bonne nouvelle“ [1]). Вмѣстѣ съ Костюшко были освобождены его главные сподвижники: адъютантъ его Юліанъ Урсынъ-Нѣмцевичъ, графъ Игнатій Потоцкій, членъ совѣта революціоннаго управленія и др. Императоръ не забылъ при этомъ короля, проживавшаго въ неволи въ Гроднѣ и пригласилъ его въ С.-Петербургъ. Ему былъ отведенъ для жительства весь Мраморный, а для лѣтняго пребыванія Каменноостровскій дворецъ, увеличено содержаніе съ 11000 до 16600 червонцевъ въ мѣсяцъ, а его ближайшимъ родственникамъ возвращены конфискованныя староства. Отъ короля и его родныхъ милости Императора распространились на Поляковъ вообще; многимъ вернули имѣнія, другихъ приняли на службу въ войска.

Если обратиться къ дневнику Станислава-Августа, то мы увидимъ, что 3 Іюля 1797 года король былъ приглашенъ въ Петергофъ, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ племянницей графиней Урсулой Мнишекъ, мужемъ ея графомъ Михаиломъ-Юріемъ Мнишкомъ и ихъ дочерью Изабеллой. Ихъ сопровождалъ генералъ графъ И. А. Безбородко, братъ канцлера. Королю отвели апартаменты, которые занимала Императрица Екатерина II, когда она проживала въ Петергофѣ. Государь принялъ его послѣ парада и крестинъ дочери Маріи у князя П. П. Щербатова [2]),

---

[1]) Вы свободны, я самъ пожелалъ принести вамъ эту добрую вѣсть.

[2]) Князь Павелъ Петровичъ Щербатовъ (1762—1831), каммергеръ, сенаторъ, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Валентиновнѣ Мусиной-Пушкиной, фрейлинѣ Екатерины II.

Библиотека "Руниверс"

которой воспріемниками были Ихъ Величества. Государь обошелся съ королемъ очень ласково. На обѣдѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ, какъ по обыкновенію, между Ихъ Величествами. Послѣ обѣда Императоръ показалъ королю свои апартаменты, во дворцѣ Monplaisir, въ особенности свой рабочій кабинетъ, стѣны котораго, отдѣланныя деревомъ, остались такими, какими онѣ были при Петрѣ I. Послѣ осмотра дворца все общество разошлось до шести часовъ, когда, по приглашенію августѣйшихъ хозяевъ, король и Мнишки сѣли въ линейку для прогулки въ паркъ. Ужинъ на террассѣ дворца ожидалъ Государя и его гостей. Послѣ ужина Императоръ пригласилъ короля провести еще два дня въ Петергофѣ. Четвертаго Іюля король осматривалъ гранильную фабрику, а вечеромъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Государемъ въ Ораніенбаумъ, который Императоръ подарилъ въ этотъ день великому князю Александру Павловичу. Возвратившись съ прогулки, король ужиналъ съ дворомъ въ залѣ дворца Monplaisir.

Мы привели всѣ эти подробности, чтобъ показать, при какой обстановкѣ произошелъ 4 Іюля разговоръ между Императоромъ и королемъ, приведенный въ бумагахъ послѣдняго. Бесѣда началась съ того, что Павелъ Петровичъ спросилъ короля, не имѣетъ ли онъ свѣдѣній о личности Прусскаго генерала Рюхеля, прибывшаго отъ Фридриха Вильгельма III, чтобъ благодарить Императора за присылку генералъ-маіора Нелидова въ Берлинъ, чтобы выразить соболѣзнованіе Императора по случаю смерти тещи короля.

Станиславъ-Августъ отвѣтилъ, что онъ видѣлъ Рюхеля[1]) впервые въ этотъ день и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ генералѣ, но что его поразило сходство Рюхеля съ самимъ королемъ Прусскимъ.

Императоръ Павелъ. Дѣйствительно, онъ похожъ на него съ той разницей, что у короля Прусскаго лицо и все тѣло гораздо шире, чѣмъ у Рюхеля. А что происходитъ съ вашей виллой „Лазенки“.

Король. Она, какъ любовница, скучаетъ по своемъ миломъ, который желалъ бы ее пристроить и съ этой цѣлью передать Прусскому королю; но я не знаю, состоится ли наконецъ эта продажа. Я однако премного обязанъ благодарить Ваше Величество за то, что Вы велѣли для моей пользы передать въ Берлинъ, чтобъ ускорили продажу[2]).

Имп. Павелъ. Я еще переговорю съ Рюхелемъ, манеры котораго мнѣ очень нравятся, и вы могли бы, какъ мнѣ кажется, сами замолвить слово съ нимъ о томъ.

---

[1]) Генералъ Рюхель имѣлъ въ то время большое значеніе при Прусскомъ дворѣ.

[2]) Варшава по третьему раздѣлу Польши перешла во владѣніе Пруссіи.

Библиотека "Руниверс"

Король. Я вновь выражаю мою благодарность и послѣдую вашему совѣту.

Имп. Павелъ. Знаете ли вы другого какого-либо Прусскаго генерала?

Король. Я знаю одного принца Голштинскаго [1]).

Импер. Павелъ. Что̀ это за человѣкъ и что̀ онъ изъ себя изображаетъ?

Король. Онъ считается хорошимъ военнымъ; онъ заслуживаетъ уваженіе за свое безкорыстіе и кроткое обращеніе, которыя онъ проявилъ въ Польшѣ, вездѣ, гдѣ бы ему ни приходилось командовать. Онъ росту небольшого и наружности довольно обыкновенной. Позвольте спросить у васъ извѣстій объ одной личности, которой я желаю много добра, такъ какъ она много оказала его въ Польшѣ, а именно въ помѣстьяхъ моей сестры въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ. Я говорю о генералѣ Бенингсенѣ [2]).

Импер. Павелъ. Онъ долженъ находиться въ настоящее время съ своимъ полкомъ въ походѣ не далеко отъ Астрахани, онъ родомъ изъ Ганновера, и я его цѣню.

Въ продолженіе того же дня разговоръ перешелъ на С.-Петербургскій ломбардъ, управленіе котораго приняла на себя Императрица, въ виду того, что отъ него зависѣла больница Воспитательнаго Дома. При этомъ Императоръ сказалъ своей супругѣ въ видѣ шутки: „Вы продаете въ ломбардѣ не только заложенныя вещи, но даже и краденыя“. На послѣднее указаніе Императрица отвѣтила довольно серьезно, отрицая подобный случай, и принялась даже излагать подробно, какъ погашено уже долговъ Воспитательнаго Дома на милліонъ рублей, какія благія послѣдствія получились уже отъ управленія графа Сиверса [3]), который завѣдывалъ отъ имени Императрицы этимъ учрежденіемъ, а равно Воспитательнымъ Домомъ въ Москвѣ. При этомъ разговорѣ присутствовалъ самъ Сиверсъ. Императоръ сказалъ тогда: „къ краденымъ вещамъ, которыми мы пользуемся, я причисляю Польшу“.

Король. Я думаю, что по душевнымъ качествамъ, которыми Богъ васъ надѣлилъ, у васъ самихъ чувство справедливости честнаго человѣка должно часто сталкиваться съ политическимъ положеніемъ главы Государства.

Импер. Павелъ. Это правда; я однако стараюсь, по мѣрѣ возможности, чтобъ моя совѣсть шла въ авангардѣ.

---

[1]) Принцъ Голштейнъ-Бекъ, бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ.

[2]) Генералъ Леонтій Леонтьевичъ Бенингсенъ, впослѣдствіи графъ.

[3]) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, бывшій Русскій посолъ въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

Этимъ разговоромъ король воспользовался, чтобъ разсказать Императору о всѣхъ козняхъ Ассебурга*) и другихъ дѣятелей, совершившихъ первый раздѣлъ Польши. Императоръ выслушалъ это сообщеніе съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, а когда король назвалъ Панина, то онъ сказалъ мнѣ: „о да, Панинъ всегда былъ чрезвычайнымъ приверженцемъ Пруссіи“. Продолжая этотъ разговоръ, король имѣлъ случай сообщить и о послѣднемъ Гродненскомъ сеймѣ и сказалъ: „этотъ графъ Сиверсъ, котораго В. В. такъ цѣните и услугами котораго вы пользуетесь, въ состояніи лучше всякаго другого представить вамъ отчетъ о тѣхъ средствахъ, къ коимъ прибѣгали нарочно для того, чтобъ мой народъ возбудить къ возстанію 1794 г.“

Импер. Павелъ. Вы правы, я очень цѣню Сиверса.

Король. Несомнѣнно, все, что онъ сдѣлалъ въ Гроднѣ, только могло причинить мнѣ сильнѣйшее горе; но онъ всегда это дѣлалъ такъ, что я по справедливости долженъ заявить одно: я всегда видѣлъ, что онъ самъ первый былъ сильно огорченъ этими приказаніями, которыя онъ обязанъ былъ исполнять.

Въ тотъ же день, а равно и наканунѣ, Императоръ требовалъ настоятельно отъ меня самыхъ подробныхъ объясненій о томъ, что со мною произошло когда-то въ Петербургѣ и Ораніенбаумѣ (и это было безбожно (das war gottlos), онъ задавалъ вопросы о личностяхъ обѣихъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины, а также объ особахъ ихъ дворовъ и о личности Петра III. Затѣмъ онъ продолжительно распространился также и о несправедливости, будто-бы причиненной ему царствованіемъ его матери, къ которой онъ также примѣнялъ Русскую пословицу: я желаю, чтобы трава не росла болѣе, когда я умру (а по мнѣ, хоть трава не расти). Онъ увѣрялъ, что въ послѣдніе годы Екатерины II она, казалось, преднамѣренно допускала постепенное разрушеніе Петергофа, Ореніенбаума и многаго другого.

Король. „Послѣдній любимецъ всегда вредитъ предыдущему. Екатерина II украсила Царское Село въ ущербъ другимъ Императорскимъ резиденціямъ“. Замѣтивъ, что Императоръ ласкалъ великаго князя Александра въ Ораніенбаумѣ, я ему выразилъ, какъ трогательно было видѣть въ немъ проявленіе отеческихъ чувствъ. Онъ восполь-

*) Баронъ Ахацъ-Фердинандъ Ассебургъ, Брауншвейскій уроженецъ, бывшій на Датской службѣ посланникомъ Даніи въ С.-Пбгѣ въ 1765 г., перешедшій въ 1771 на Русскую службу съ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника. По порученію Екатерины II онъ пріискалъ невѣсту для Павла Петровича въ лицѣ принцессы Гессенской, бывшей впослѣдствіи великой княгини Наталіи. Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ указываетъ на Ассебурга, какъ на лицо, подавшее первую мысль о раздѣлѣ Польши и побудившее на то короля Прусскаго и Екатерину II.

Библиотека "Руниверс"

зовался этимъ случаемъ, чтобы высказать вновь то негодованіе, которое онъ таилъ въ себѣ противъ своей матери, питавшей къ нему такъ мало любви. Между прочими предметами, о которыхъ шла рѣчь въ тотъ же день, онъ сказалъ много добра объ обоихъ Разумовскихъ, и онъ съ интересомъ узналъ отъ меня разсказъ о томъ, какъ младшій Разумовскій, Кириллъ Григорьевичъ, отвергъ предложеніе Императрицы Елисаветы, поставивъ ей слѣдующій вопросъ: „Рѣшились ли вы дѣйствительно на гибель вашей арміи? Если вы на это рѣшились, я по совѣсти не могу принять начальствованіе надъ нею, которое вы желаете мнѣ поручить въ эту кампанію“ *).

Имѣя въ виду современныя событія Императоръ скаааалъ: „Я такъ сдѣлалъ, что всѣ воюющіе будутъ вынуждены подъ конецъ примириться“.

Король. Гдѣ будетъ конгрессъ?

Имп. Павелъ. Его не будетъ, такъ какъ Французы его не хотятъ, а каждый заключитъ миръ отдѣльно.

Потомъ зашла рѣчь объ ассигнаціяхъ. Императоръ сказалъ по этому поводу: „нужно же мнѣ оставить нѣсколько для облегченія циркуляціи, но я стою за поднятіе цѣны металловъ. Послѣ того разговоръ перешелъ, съ той и съ другой стороны, на легкую тему: о любовныхъ похожденіяхъ, о женщинахъ, Іодцко и др. Король упомянулъ о предсказаніи продолжительности жизни до 72 лѣтъ въ виду того, что развитіе длилось до 24 лѣтъ.

III.

Слѣдующій разговоръ помѣченъ третьимъ Сентября. Онъ произошелъ въ Гатчинѣ, гдѣ Станиславъ-Августъ находился по приглашенію Императора уже съ 23-го Августа. Короля въ это время сильно раздражали памфлеты, которые тогда писались противъ него въ Польшѣ. Онъ жаловался на эти нападки князю Н. В. Репнину; именно въ этотъ день онъ доказывалъ, что ему слѣдовало отвѣчать на клеветы противъ него; и негодовалъ на то, что его секретарю Вольскому, который былъ уполномоченъ имъ опровергать все, что̀ писалось, не было разрѣшено напечатать возраженія противъ памфлетовъ, ни въ Галиціи, ни въ Пруссіи, и что даже въ Вильнѣ ни одна типографія не соглашалась исполнить эту работу. Князь Репнинъ обратился за совѣтомъ къ фрейлинѣ А. И. Нелидовой, которая на слѣдующій день отвѣтила, что Государь былъ согласенъ разрѣшить печатаніе опроверженій короля, но подъ

*) При открытіи Семилѣтней войны?

Библиотека "Руниверс"

непремѣннымъ условіемъ, чтобы они предварительно подвергнуты были цензурѣ. Императоръ находилъ неприличнымъ печатать въ Русскихъ предѣлахъ слишкомъ рѣзкія сужденія о событіяхъ затрогивавшихъ память Екатерины II. Репнинъ предложилъ назначить цензоромъ Виленскаго губернатора Якова Булгакова, такъ какъ онъ разумѣлъ по польски, но Государь отвѣтилъ: „я предпочитаю, чтобы цензоромъ былъ князь Безбородко; онъ знаетъ Польскій языкъ не хуже Булгакова“!

4-го Сентября король сказалъ Императору: „я благодарю васъ за то, что̀ вы велѣли мнѣ отвѣтить вчера. Это дѣло необходимо для спасенія моей чести“.

Имп. Павелъ. Я этимъ только исполнилъ свой долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, я смотрю на это дѣло такъ, а именно, что я бы нарушилъ свои обязанности, если бы поступилъ иначе.

Король. То, что̀ вы только-что сказали—новое благодѣяніе.

Имп. Павелъ. Настоящій вѣкъ столь испорченъ, что не только творятъ зло, но даже не прячутся, а сбрасываютъ совершенно покрывало и гордятся своею злобою.

Король. Дѣйствительно, мнѣ приходится удивляться злобѣ тѣхъ, которые клевещутъ на меня столь жестоко, въ особенности теперь, когда они не могутъ болѣе расчитывать на какую нибудь выгоду для себя.

Пятаго Сентября императоръ спросилъ: „Что за офицеръ Эльсницъ (Oelsnitz)?

Король. Откуда вы знаете его?

Имп. Павелъ. Онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ: его книга по тактикѣ очень хороша. Что стало съ нимъ?

Король. Онъ умеръ уже около десяти лѣтъ. Онъ былъ недоволенъ службою въ Пруссіи. Князь Адамъ Чарторыйскій, находившійся тогда въ Берлинѣ, пригласилъ его быть профессоромъ тактики въ Варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Имп. Павелъ. Что̀ стало съ нѣкіимъ Красинскимъ Кальвинистомъ, который когда-то былъ здѣсь, и что̀ это за человѣкъ?

Король. Онъ умеръ уже давно. Это была очень незначительная и дрянная личность; онъ былъ орудіемъ въ рукахъ большого негодяя. примаса Подоскаго, который присылалъ его сюда съ предложеніемъ императрицѣ Екатеринѣ II свергнуть меня съ престола и посадить на мое мѣсто Саксонскаго принца; но императрица отвергла эту мысль.

Импер. Павелъ. Что̀ за человѣкъ былъ Гольцъ, бывшій маршаломъ короннымъ диссидентовъ.

Библиотека "Руниверс"

Король. Это былъ достойный человѣкъ, искусный военный и добрый гражданинъ. Онъ былъ бы еще лучше, если бы не отличался столь желчнымъ нравомъ. Онъ также умеръ.

Импер. Павелъ. А кто былъ главою диссидентовъ въ Литвѣ?

Король. Грабовскій.

Павелъ. Что̀ за человѣкъ былъ онъ?

Король. Онъ былъ еще лучше Гольца. Оба они даже не искали для диссидентовъ столько, сколько Екатерина II, въ дѣйствительности, вынудила ихъ требовать подъ угрозою ихъ совершенно покинуть на мщеніе тѣхъ, которыхъ они обидѣли, если они не продолжатъ упорно домогаться того, чего она сама требовала для нихъ; но въ этомъ былъ только поводъ для сокрытія другихъ политическихъ видовъ.

Павелъ. Я это хорошо знаю, и тутъ положено начало несчастіямъ Польши.

Король. Коль скоро вы знаете и выражаете сочувствіе, я по крайней мѣрѣ въ томъ могу видѣть утѣшеніе.

Павелъ. Знаете-ли вы маіора Цугегера (Zugehrer)? Что онъ за человѣкъ?

Король. Это честная личность; онъ вѣрно служилъ у насъ офицеромъ; его отецъ былъ Курляндскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, мать его Полька; онъ родился и воспитывался въ Польшѣ, такъ что онъ настоящій Полякъ.

Павелъ. Что̀ за человѣкъ Пписиховскій, прежде служившій въ Польшѣ въ кавалеріи, котораго я нахожу въ царствованіе моей матери полковникомъ въ нашей пѣхотѣ и который можетъ скоро оказаться подлежащимъ производству въ генералъ-маіоры, если произойдетъ смертность между генералами.

Король. Саксонскій дворъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, поручалъ ему производство ремонта въ Польшѣ для Саксонской кавалеріи. Насколько я знаю, это хорошій малый.

Павелъ. Что̀ же человѣкъ Виттъ*), который находится у насъ теперь на службѣ генераломъ?

Король. Онъ послѣ отца преемственно получилъ начальство надъ Каменецкою крѣпостью, каковую обязанность онъ исполнилъ добросовѣстно. Онъ пользовался у насъ славою искуснаго инженера.

---

*) Іосифъ Виттъ, перешедшій на Русскую службу въ 1790; его жена Гречанка Софія К., знаменитая красавица, развелась съ нимъ и вышла за графа Станислава-Феликса Потоцкаго-Щенснаго, бывшаго маршала Тарговицкой конфедераціи.

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Это рогоносецъ этой красавицы панны Виттъ, которую мы видѣли здѣсь.

Король. Да, Ваше Величество.

Пребываніе короля въ Гатчинѣ продолжилось еще нѣсколько дней. 15 Сентября, какъ сказано въ дневникѣ, въ Гатчинѣ состоялись послѣдніе маневры, которыми Императоръ остался недоволенъ, что онъ высказалъ королю въ разговорѣ съ королемъ.

Въ этотъ день разговоръ записанъ въ слѣдующемъ видѣ.

Павелъ. А что вы мнѣ скажете о Годлевскомъ, который теперь сидитъ подъ стражей?

Король. О немъ я знаю только, что покойный Виленскій епископъ Масальскій способствовалъ своими рекомендаціями вступленію его на Русскую службу, около 12 лѣтъ тому назадъ. Онъ отличился при штурмѣ Очакова, поднявъ на себя одну изъ первыхъ лѣстницъ, вслѣдствіе чего князь Потемкинъ послалъ его съ вѣстью о взятіи Очакова въ Варшаву къ послу Штакельбергу. Тогда же я видѣлъ его въ продолженіе немногихъ дней, а съ того времени я ничего не слышалъ о немъ.

Павелъ. Одно то, что онъ былъ въ числѣ любимцевъ Потемкина, было достаточнымъ, чтобъ привлечь мое вниманіе на него, но обнаружилось еще худшее. Открылись пакости на его счетъ: онъ попался въ злоупотребленіяхъ по обмундировкѣ солдатъ и въ другихъ дѣяніяхъ того же рода.

Король. Онъ могъ испортиться подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, такъ какъ Вашему Величеству извѣстно, что во времена Потемкина кормленіе начальниковъ за счетъ ихъ полковъ вошло въ обычай; увѣряли даже, что это дѣлалось съ согласія самой Государыни.

Павелъ. Я знаю это хорошо, но я не желаю, чтобъ это продолжалось теперь. Другой Полякъ, по имени Гнжицкій, просилъ зачислить его въ тотъ же полкъ Годлевскаго, и какъ скоро онъ вступилъ, злоупотребленія Годлевскаго открылись. Я лишилъ его полка, который я отдалъ тому же Гнжицкому. Знаете ли вы его?

Король. Мнѣ не помнится, видѣлъ ли я его когда-нибудь; но я освѣдомлюсь; я хорошо знаю его родныхъ.

Павелъ. Изъ котораго онъ повѣта?

Король. Изъ Кіевскаго воеводства.

Павелъ. О, въ этомъ повѣтѣ имѣется много смѣшеннаго товара.

Король. Какъ вездѣ.

Павелъ. О, тамъ болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Знаете ли вы многихъ оттуда?

Библиотека "Руниверс"

Король. Безъ сомнѣнія, я знаю многихъ, между прочимъ одного Перекладовскаго, который былъ у насъ бригадиромъ; онъ очень исполнителенъ и храбръ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ одной схваткѣ въ 1792 г. Щенсній-Потоцкій, къ которому его привели, обошелся съ нимъ не прилично, какъ съ холопомъ, чтобъ принудить его къ переходу на его службу. Перекладовскій не уступилъ, пока война продолжалась, не желая быть измѣнникомъ передъ отчизной, но когда все кончилось, онъ напослѣдокъ, за неимѣніемъ какихъ-либо средствъ къ существованію, поступилъ на Русскую службу; съ того времени я не имѣю свѣдѣній о немъ.

Павелъ. Мнѣ ничего неизвѣстно, такъ какъ его имя мнѣ не попадалось въ спискѣ офицеровъ нашихъ войскъ. Но кстати объ офицерахъ, знаете ли вы, что Пшиспковскій производится, однако, въ генералъ-маіоры моей службы. Очередь производства дошла и до него.

Король. Можно его поздравить.

Павелъ. А что̀ стало съ Мадалинскимъ*), съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ, столь тонкимъ интриганомъ?

Король. Онъ спокойно живетъ въ маленькомъ помѣстьѣ, находящемся въ Прусскихъ владѣніяхъ. Это хорошій и честный человѣкъ, впрочемъ самый простой, чтобъ не сказать самый глупый и уже положительно совсѣмъ неспособный на хитрости и интриги.

Павелъ. Значитъ, мнѣ доставили очень не вѣрныя свѣдѣнія на его счетъ. Но что скажете вы мнѣ объ Игнатьѣ Потоцкомъ, гдѣ онъ находится, что̀ дѣлаетъ онъ, сидитъ ли онъ смирно?

Король. Онъ былъ на водахъ. Онъ часто проживаетъ у князя Чарторыйскаго и, насколько мнѣ извѣстно, онъ держится въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ и интригъ.

Павелъ. Какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, я поступилъ съ нимъ такъ, что ему не подобало бы жаловаться на меня.

Король. Я знаю, что онъ очень прославлялъ вашу доброту и что онъ былъ бы человѣкомъ нечувствительнымъ, если бы поступилъ иначе.

Павелъ. Какое ваше мнѣніе о его умѣ и сердцѣ?

Король. У него въ самомъ дѣлѣ много ума и способностей.

Павелъ. Онъ мнѣ ихъ проявилъ, когда я съ нимъ говорилъ; но скажите мнѣ, каковъ онъ по отношеніи къ душевнымъ качествамъ?

Король. Онъ остался сиротою очень рано; его воспитала тетка, которая была его опекуншей и которая всегда славилась чрезвычайно

*) Польскій бригадный генералъ, принимавшій участіе въ возстаніи 1794 г.

Библиотека "Руниверс"

злою. Можетъ статься, что это подѣйствовало на его молодые годы, когда онъ показался въ свѣтѣ; но я думаю, что за послѣдніе годы онъ далеко отступилъ отъ своего прежняго образа дѣйствій.

Затѣмъ, въ продолженіе разговора того же 15-го Сентября, Императоръ повѣдалъ королю въ слѣдующихъ выраженіяхъ, что̀ возбудило, въ этотъ день, его негодованіе на маневрахъ.

„Знаете ли вы, что сегодня меня постигло настоящее горе, такъ какъ я получилъ новое доказательство порочности, къ несчастью столь всеобщей. Сегодня утромъ, во время военныхъ маневровъ, я видѣлъ нѣсколько офицеровъ Петербугскаго гарнизона, которые попросили у меня разрѣшенія присутствовать при маневрахъ подъ предлогомъ горячаго желанія усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ. Но вмѣсто того, чтобы прилежно заниматься дѣломъ, эти господа при встрѣчѣ со мною, въ праздности, разгулпвали въ отдаленіи отъ войскъ и вовсе не занимались тѣмъ, что̀ они заявили желаніе видѣть. Если они думаютъ угождать мнѣ этимъ, они ошибаются, такъ какъ я пріучаюсь ихъ разгадывать. Я вамъ довѣряю все это, потому что вы стоите вдали отъ всякихъ отношеній этого рода и не можете ими интересоваться.

Король. Я не знаю, въ чемъ дѣло; но когда вамъ неизвѣстна впередъ цѣль маневровъ и вы даже не знаете мѣсто, назначенное для нападенія, можетъ случиться самымъ ретивымъ военнымъ блуждать по окрестностямъ, такъ что они окажутся совершенно безучастными тому, что̀ происходитъ. Это бывало даже со мною.

Павелъ. О, не дѣлайте этого сравненія, оно никакъ не подходитъ къ данному случаю. Но, надо признать, что въ этомъ XVIII-мъ вѣкѣ, родъ человѣческій вообще очень испорченъ, люди весьма порочны и большею частью очень фальшивы. Но что̀ вы думаете, какой конецъ будетъ этому столѣтію, не предчувствовали ли вы чего либо по этому поводу или не узнали ли вы чего?

Король. Я не пророкъ, ни богословъ.

Павелъ. Но, не можетъ быть, чтобы вы не имѣли свѣдѣній по такому предмету; прошу васъ, скажите мнѣ, какія бы они ни были.

Король. Ну, да: я, какъ и многіе другіе, дѣйствительно слыхалъ о различныхъ предсказаніяхъ или гаданіяхъ, но не придавалъ имъ вѣры, ни значенія.

Павелъ. Но все таки разскажите мнѣ нѣкоторыя, а я вамъ также повѣдаю потомъ тѣ, которыя мнѣ самому были сдѣланы.

Король. Я гдѣ-то читалъ, что въ 1800 году произойдутъ въ человѣческомъ родѣ большія перемѣны въ отношеніи богослуженія.

Павелъ. Именно, мнѣ тоже самое было сказано, будто бы произойдетъ великое объединеніе.

Библиотека "Руниверс"

Король. Въ виду того, что вы желаете говорить со мною по этому вопросу, я вамъ разскажу незначительный случай, который, какъ бы сказать, самъ по себѣ ничтоженъ, но который относится къ предмету нашего разговора: Петербургскій архіепископъ[1]) обѣдалъ у меня, три недѣли тому назадъ, вмѣстѣ съ другимъ епископомъ Греческаго происхожденія Евгеніемъ[2]). Случайно рядомъ съ ними сѣлъ Французскій епископъ, который находится въ Петербургѣ[3]). Желая выразить имъ что-нибудь подходящее къ случайной ихъ встрѣчѣ, я сказалъ имъ съ улыбкою: „обѣ церкви сближаются". Въ отвѣтъ Петербургскій архіепископъ поднялъ стаканъ и сказалъ, провозгласивъ тостъ, что онъ пьетъ за соединеніе церквей.

Павелъ. Скажите мнѣ, знаете ли вы, что̀ про Авиньонское братство, которое во многомъ свѣдуще; съ своей стороны я слыхалъ о немъ около восьми лѣтъ тому назадъ. Оно состоитъ изъ семи человѣкъ, они живутъ очень набожно; ихъ даже не разъединила смута, происшедшая во Франціи[4]).

Король. Я никогда о нихъ не слыхалъ. Не принадлежатъ ли они къ отрасли мартинистовъ или къ преемникамъ Нострадамуса?

---

[1]) Католическій митрополитъ Сестренцевичъ.

[2]) Уроженецъ острова Корфу, бывшій Таврическій епископъ при Екатеринѣ II.

[3]) Жирахъ, епископъ Ренскій.

[4]) Въ 1778 году Литовскій помѣщикъ, графъ Осдадей Грабянка, основалъ въ Берлинѣ мистическую секту подъ названіемъ: „Новый Израиль". Главнымъ его побужденіемъ служило не религіозное чувство, а изученіе магіи и алхиміи. Въ 1786 г. Грабянка перенесъ свою дѣятельность на Югъ Франціи, въ городъ Авиньонъ, принадлежавшій тогда папскому престолу. Здѣсь онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько лицъ изъ Французовъ, Итальянцевъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, которые внесли ему и свои деньги; на эти средства онъ построилъ церковь, гдѣ совершалась особаго рода служба—смѣшеніе разныхъ религій и суевѣрныхъ обрядовъ. Самъ Грабянка называлъ себя королемъ, уповая по какимъ-то предсказаніямъ на полученіе Польскаго престола. Какая-то женщина изъ среды его послѣдователей изрекала пророчества. Все это продолжалось, пока не открылся обманъ; тогда исчезли послѣдователи, изсякли и деньги. Въ началѣ дѣятельности этого братства, въ немъ состояли, между прочимъ, принцъ Фердинандъ Виртембергскій съ женой, а изъ Русскихъ капитанъ генералъ-маіорскаго чина Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, близкій человѣкъ Павла Петровича, сопровождавшій его въ его путешествіяхъ по Европѣ. Плещеевъ, вступившій въ братство въ 1788 г., оставался въ немъ только два года: онъ его покинулъ, убѣдившись въ томъ, что цѣль его была безнравственна и не имѣла никакой связи съ масонствомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Надо полагать, что Императоръ Павелъ зналъ объ Авиньонскомъ братствѣ черезъ Плещеева. Въ 1799 году Авиньонское братство разошлось; Грабянка появился въ Петербургѣ и продолжалъ морочить людей; но и тогда нашлись у него послѣдователи среди Русскихъ: между ними, странно встрѣтить фельдмаршала князя Н. В. Репнина, которому однако не долго пришлось оставаться въ этомъ сообществѣ, такъ какъ онъ умеръ въ 1801 г.

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; но мнѣ было именно сказано, что въ 1800 году, послѣ страшныхъ міровыхъ смутъ, случится полное замиреніе, и оно прійдетъ съ Сѣвера. Что вы думаете о томъ?

Король. Еще разъ, я не пророкъ, ни богословъ; но наконецъ, при мысли о томъ, что происходитъ, не трудно также прійдти къ заключенію, что эти бѣшеные Французы, свергнувъ у себя и престолъ, и алтарь, обративъ свои усилія на то, чтобы разсадить по всему свѣту свои начала политическія и религіозныя, или скорѣе антирелигіозныя, унизивъ почти всѣ державы Европы, за исключеніемъ васъ, могутъ, наконецъ, если они еще далѣе разовьютъ свои замыслы, побудить васъ противопоставить имъ вашу мощь и сдѣлаться даже возстановителемъ истинныхъ религіозныхъ началъ и настоящихъ обязанностей человѣка и гражданина.

Павелъ. Вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести. Кто же я такой, чтобы признать за собой подобныя достоинства?

Король. Одно произвело громадное впечатлѣніе, во всей Европѣ и обратило вниманіе на васъ.

Павелъ. Что же это такое?

Король. Это надпись, вычеканенная вами на вашихъ червонцахъ: „слава Богу, а не мнѣ“ (Не мнѣ, не мнѣ, а имени твоему).

Павелъ. Дѣйствительно ли обратили вниманіе на это?

Король. И большое.

Павелъ. Да, я туже надпись велѣлъ сдѣлать на моихъ знаменахъ; съ одной стороны изобразить слова видѣнія, которыя Константинъ прочелъ: „этимъ знаменемъ побѣдишь“. И вы замѣтили, сколько крестовъ я изобразилъ на своихъ знаменахъ.

Король. Да, ваше величество, и вотъ почему образующееся общее мнѣніе о томъ, что вы человѣкъ чести и вѣрующій, согласуется съ вѣроятностями грядущаго, о которыхъ я только что говорилъ съ вами.

Павелъ. Съ моей стороны, я держусь смирно въ моей простотѣ, ожидая наступленія этихъ великихъ перемѣнъ, которыя, по моему крайнему убѣжденію, близки. Скажите мнѣ еще, что вы о нихъ думаете? Нѣтъ ли въ Священномъ Писаніи чего-либо въ подтвержденіе этого вѣрованія?

Король. Въ немъ, дѣйствительно, сказано, что произойдутъ великія войны среди народовъ, которые подвинутся другъ на друга, и междуусобныя брани внутри государствъ, что поколеблятся престолы и погибнутъ первосвященники, что Антихристъ будетъ потворствовать преступленіямъ и неправдамъ, но что подъ конецъ, по Божьему указа-

Библиотека "Руниверс"

нію, воспрянутъ сильные міра сего для успѣшной борьбы съ Антихристомъ и что двери ада не преодолѣютъ однако церкви Господней.

Павелъ. По исчисленію вѣковъ не соотвѣтствовало ли бы это моимъ предчувствіямъ?

Король. Какъ вы хорошо знаете, нашлись многіе, вообразившіе, что открыли извѣстнаго рода предѣлъ, приблизительно соотвѣтствующій великимъ событіямъ нашего міра, около 2000 лѣтъ со времени сотворенія міра, приблизительно столько же со времени потопа до Іисуса Христа и что они полагаютъ еще 2000 лѣтъ со времени Іисуса Христа до конца міра.

Павелъ. И такъ, еще недостаетъ намъ только двухъ столѣтій.

Король. Но если все точно исчислить и припомнить все, что̀ написано, то не слѣдуетъ также забыть о тысячелѣтіи, которое должно быть вѣкомъ царствованія праведныхъ.

Павелъ. И не сказано ли, что въ этомъ тысячелѣтіи молодые грѣшники погибнутъ, а праведные останутся молодыми въ столѣтнемъ возрастѣ?

Король. И вотъ, вы въ такомъ разсвѣтѣ силъ, вы крѣпкаго здоровья и, можетъ быть, вамъ суждено чувствовать себя молодымъ черезъ многіе годы съ настоящаго, такъ какъ на васъ, впрочемъ, смотрятъ какъ на человѣка стремящагося къ добру и обладающаго всѣми средствами для его осуществленія.

Павелъ. Да могу ли я, въ своемъ ничтожествѣ, считать себя въ силахъ исполнять это? Но послѣ сказаннаго тысячелѣтія, что̀ еще случится?

Король. Если память мнѣ не измѣняетъ, то написано, что послѣ тысячелѣтія вновь воцарится на нѣкоторое время Антихристъ, а съ нимъ будетъ царство злыхъ, и что, наконецъ, Іисусъ Христосъ Самъ лично явится для суда надъ человѣческимъ родомъ, и что наступитъ конецъ міра.

Павелъ. Да, но когда это будетъ?

Король. Вспомните и о томъ, что, какъ сказалъ самъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи, никто кромѣ одного Бога Отца не знаетъ, когда это случится.

Павелъ. Это правда, но что̀ вы думаете о св. Іоаннѣ, который долженъ явиться ранѣе Іисуса Христа?

Король. Вы знаете, что Энохъ и Илія считаются не умершими, но вознесенными Богомъ живыми на небеса и что, какъ предполагаютъ, евангелистъ Іоаннъ былъ также изъятъ изъ среды людей и куда-то скрытъ отъ нихъ живьемъ, для какой-то цѣли, намъ неизвѣстной.

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Слѣдуетъ признать, что мы знаемъ многое, но еще болѣе намъ неизвѣстно, и что эти Авиньонскіе братья, которые многое знаютъ, также многаго не знаютъ. Извѣстно ли вамъ, что этотъ Грабянка, про котораго мы бесѣдовали и котораго мы нѣсколько разъ осмѣивали, также принадлежалъ къ Авиньонскому братству?

Король. Я этого не зналъ и конечно не подозрѣвалъ бы, судя по его образу дѣйствій, которыя были мнѣ извѣстны за 30 лѣтъ, такъ какъ я его не видалъ съ того времени; но мы знаемъ, что самые ничтожные люди бываютъ Божьими избранниками.

Павелъ. Что ни было бы, помните, что̀ я сказалъ вамъ сегодня, а именно, что черезъ три года вы будете свидѣтелемъ великихъ событій, очень удивительныхъ.

Король. Я себѣ замѣчу это; но такъ какъ мнѣ уже 66 лѣтъ отъ роду, кто знаетъ, доживу ли я до 1800 года?

Павелъ. О, я надѣюсь на то; но скажите, какое впечатлѣніе вы ощущаете въ самомъ себѣ, послѣ всего того, о чемъ мы съ вами говорили?

Король. Понятно, когда затрогиваешь такіе предметы, душа возносится надъ земнымъ міромъ къ Тому, Кто держитъ все въ Своей власти.

Павелъ. Вы совершенно правы, и такъ должно быть, и эта потребность, ощущаемая всегда въ чемъ-то высшемъ, за предѣлами настоящаго, служитъ доказательствомъ будущей жизни, которой мы обречены.

Еще послѣ обѣда, Императоръ взялъ короля за руку, повелъ къ противоположному концу зала и сказалъ: „какъ чувствуете вы себя въ настоящую минуту?“

Король. Въ какомъ-то тихомъ меланхолическомъ настроеніи.

Павелъ. Да, въ такой меланхоліи, это вѣрно; такъ и должно быть послѣ разговора, который мы только что имѣли.

За ужиномъ Императоръ еще сказалъ королю: „не говорится ли о знакѣ, который покажется людямъ во время этихъ великихъ перемѣнъ?“

Король. Да; но сказано также, что у Антихриста будетъ свой и что онъ заставитъ носить такой знакъ, который обманетъ многихъ, но все-таки не всѣхъ и что найдутся такіе, которые сохранятъ и будутъ всегда держаться истиннаго знака Агнца.

14 Сентября, какъ записано въ дневникѣ, прибылъ въ Гатчину Прусскій генералъ-маіоръ герцогъ Голштейнъ-бекъ, котораго Императоръ произвелъ въ генералъ-лейтенанты и принялъ съ отличіемъ, какъ принца своей крови. Въ разговорѣ 16 (27) Сентября упоминается

Библиотека "Руниверс"

о немъ. Бесѣда Императора съ королемъ началась въ этотъ день съ того, что Павелъ Петровичъ передалъ Станиславу-Августу о принятіи имъ на Русскую службу Деболи, бывшаго Польскимъ министромъ при императорскомъ дворѣ.

Павелъ. Деболи долго былъ здѣсь; я его помню мелкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а затѣмъ онъ постепенно возвысился до мѣста министра второго ранга, всегда слѣдуя прямому пути, что̀ заставляло его уважать, не взирая на его щедушную наружность.

Король. Не смотря на царство любимцевъ, которые чередовались одинъ за другимъ, онъ всегда держался графа Панина и своего долга.

Императоръ. И это обстоятельство дало мнѣ возможность часто видѣться съ нимъ и узнать его съ хорошей стороны. Знаете ли вы этого Пруссака (то былъ принцъ Голштинскій, генералъ-лейтенантъ на Прусской службѣ).

Король. Да, ваше величество: я видѣлъ его въ Бѣлостокѣ и въ Гроднѣ.

Павелъ. Что̀ вы думаете о немъ?

Король. Онъ мнѣ кажется здравомыслящимъ и пользуется славою умнаго и добраго человѣка.

Павелъ. Я нарочно буду говорить съ вами по русски, чтобъ онъ не понялъ насъ, во избѣжаніе того, чтобъ онъ случайно не услышалъ нашихъ словъ (хотя мы говорили довольно тихо). Не поговорите ли вы съ нимъ о вашихъ дѣлахъ съ Прусскимъ королемъ, а именно объ этой Прусской гадости съ червонцами?

Король. Если ваше величество думаете, что это будетъ кстати, я обращусь къ нему по этому предмету.

Павелъ. О, нѣтъ, я шучу; но я уже говорилъ съ нимъ о томъ сегодня утромъ.

Король. Въ самомъ дѣлѣ, вы съ нимъ говорили?

Павелъ. Да, это правда.

Король. И что же онъ отвѣчалъ?

Павелъ. Онъ старался увѣрить, что все это не должно было быть приписано Прусскому королю, но однимъ его подчиненнымъ.

Король. Ему такъ и подобало отвѣчать въ качествѣ Прусскаго дѣятеля.

17 Сентября Императоръ очень ласкалъ принца Гольштинскаго; между прочимъ онъ сказалъ королю: Мнѣ нужно найдти способъ удержать этого принца крови здѣсь. Я предложу ему и вамъ, ваше величество, на будущей недѣлѣ поѣхать верхами, чтобъ пообѣдать, за нѣсколько верстъ отсюда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится каменеломня, изъ которой я добываю камень на всѣ постройки, возводимыя мною

Библиотека "Руниверс"

здѣсь[1]). Послѣ того Императоръ задалъ королю вопросы о 1792 и 1794 г.г., о 14 Апрѣля 1794[2]) и распрашивалъ о подробностяхъ, касающихся его самого. „Вы въ самомъ дѣлѣ перенесли жестокія страданія и въ различныхъ видахъ".

Король. Въ особенности въ отношеніи моей чести, и вотъ чѣмъ объясняется необходимость напечатанія отвѣта Вольскаго.

Павелъ. Я предупреждаю васъ, не дѣлайте этого; вы навлечете на себя еще пропасть бѣдъ и отвѣты болѣе рѣзкіе, и это падетъ отчасти еще на меня за то, что я разрѣшилъ напечатаніе.

Король попросилъ позволенія поговорить потомъ на единѣ съ Императоромъ. Императрица сказала тотчасъ: „слѣдуйте доброму совѣту Императора". Потомъ, въ простѣнкѣ окна, король объяснился съ Павломъ Петровичемъ[3]).

Павелъ. Плюйте на это, какъ я.

Король. Какое сравненіе!

Павелъ. Дѣло идетъ не о чести, а о вашемъ собственномъ спокойствіи; вы себѣ навлечете нѣчто худшее.

Король. Но это мнѣ приходится судить о своемъ положеніи; вы однако не берете назадъ свое обѣщаніе?

Павелъ. Я говорю вамъ это изъ любви къ вамъ самимъ.

20 Сентября былъ день рожденія Павла Петровича; по принятому обычаю поздравленія при дворѣ приносились вечеромъ наканунѣ торжественнаго дня. Въ Дневникѣ короля записано, что онъ вечеромъ 19 Сентября первымъ поздравилъ Императора со днемъ его рожденія.

Въ этотъ день произошла слѣдующая бесѣда между ними.

Павелъ. Знаете ли вы, что эти Французы всѣхъ обманываютъ?

Король. Мира не будетъ слѣдовательно.

Павелъ. Я очень боюсь такого исхода; что́ вы думаете, какой будетъ конецъ всему этому?

Король. Когда никого не окажется, кто бы могъ сопротивляться имъ, они обратятся къ апостолу Павлу.

Павелъ. Но того, исторію котораго я читалъ, нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Король. А тотъ, кому онъ завѣщалъ свое имя, еще на свѣтѣ.

---

[1]) Изъ Дневника короля видно, что эта поѣздка состоялась 18 Сентября въ линейкахъ.

[2]) Въ этотъ день гвардія короля покинула его и примкнула къ повстанцамъ.

[3]) Въ записи не приводится этотъ разговоръ; въ ней отмѣчены слова: le roi sur l'opinion des parens et de la paternité; очевидно, въ памфлетахъ оглашалась какая-то тайна о происхожденіи короля (мнѣнія воспріемниковъ о законности рожденія). Слова короля вызвали совѣтъ Императора: „crachez dessus, comme moi je l'ai fait".

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Но когда и кто его призоветъ?

Король. Тотъ или тѣ, которымъ Французы нанесутъ всего болѣе вреда.

Послѣ долгаго молчанія Императоръ Павелъ сказалъ: Вы призадумались.

Король. Позвольте мнѣ сказать, что и вы кажетесь въ раздумьи.

Павелъ. Посмотримъ, угадаемъ ли мы свои мысли другъ у друга.

Король. Я признаюсь чистосердечно, что я думалъ о томъ, что̀ вы сказали мнѣ сегодня и въ тотъ день, во время нашего продолжительнаго разговора относительно будущаго.

Павелъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣже мысли занимаютъ и меня; во всякомъ случаѣ я готовъ.

Затѣмъ послѣ обѣда Императоръ мнѣ сказалъ еще: Но кто же, по вашему мнѣнію, болѣе всѣхъ пострадаетъ отъ Французовъ?

Король. Это не трудно предположить.

Павелъ. Это могъ быть его величество король Прусскій.

Король. Онъ такъ обманывалъ; кто знаетъ, не будетъ ли онъ обманутъ.

21 Сентября разговоръ между Императоромъ и королемъ произошелъ во время театральнаго представленія въ Гатчинскомъ дворцѣ. Давали въ этотъ вечеръ двѣ Французскія пьесы: „l'avocat Patelin и Le déguisement inutile“.

Во время спектакля, Императоръ спросилъ у короля, знаетъ ли онъ архіепископа Сѣраковскаго и что̀ это за личность?

Король. Это очень дурной человѣкъ.

Павелъ. Но мнѣ доносятъ, что онъ хорошо показалъ себя теперь во время чумы въ Сатановѣ.

Король. Во-первыхъ, окажется подъ конецъ, что не было настоящей чумы въ Сатановѣ, а только эпидемія кроваваго поноса, который, впрочемъ, уже теперь прошелъ. Можетъ статься, что Сѣраковскій удачно чѣмъ-либо проявилъ свою дѣятельность, чтобъ показаться съ выгодной стороны передъ начальникомъ области; но если вы хотите знать, что̀ это за человѣкъ, спросите Сиверса. Во время Тарговицкой конфедераціи, его покровители назначали ему миссію въ Римъ. Онъ даже получилъ необходимыя деньги; но онъ все проигралъ въ слѣдующую ночь, вслѣдствіе чего его путешествіе не состоялось. Нѣсколько лѣтъ до того, когда папа былъ въ Вѣнѣ, тотъ же Сѣраковскій прибылъ туда, чтобы принести присягу передъ нимъ въ томъ, что епископъ Солтыкъ съ ума не сходилъ; между тѣмъ было всѣмъ извѣстно, что онъ былъ сумасшедшимъ, да еще въ очень замѣчательной степени.

Библиотека "Руниверс"

Сѣраковскій принесъ эту ложную клятву для пользы той партіи, которая старалась тогда мнѣ сдѣлать огорченіе, обвиняя меня передъ обществомъ, на сеймѣ, въ томъ, что я былъ причиною распоряженія Краковскаго капитула о заточеніи этого епископа по случаю его умственнаго разстройства. Во время Гродненскаго сейма въ 1793 г. я спросилъ графа Сиверса, какъ онъ могъ требовать отъ меня благодѣяній для такого мерзавца. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „я знаю хорошо, что онъ мерзавецъ; но вы знаете также, что я Русскій посолъ и что слѣдовательно я вынужденъ просить за такого человѣка, такъ какъ онъ первый изъ всѣхъ Польскихъ священниковъ согласился присягнуть Тарговицкой конфедераціи. Вотъ чѣмъ подводится итогъ его заслугамъ.

Павелъ. Ахъ, я не зналъ всего этого.

Разговоръ продолжался за ужиномъ.

Павелъ. Кому принадлежитъ Дубно?

Король. Князю Михаилу Любомирскому, который въ настоящее время пребываетъ еще въ Петербургѣ.

Павелъ. Я въ немилости у него.

Король. Онъ много теряетъ отъ этого.

Павелъ. Я лучше желаю, чтобъ онъ не пользовался тѣми выгодами, которыя онъ извлекалъ въ Дубнѣ, нежели позволять негодямъ ими пользоваться. Знаете ли вы генерала Карра?

Король. О, да.

Павелъ. Что онъ дѣлалъ въ Польшѣ?

Король. Онъ состоялъ при посольствѣ князя Репнина. Въ 1767 г. ему было поручено убѣдить сеймъ въ Радомѣ къ отправкѣ четырехъ мнимыхъ пословъ, которые прибыли сюда.

Павелъ. И это дѣйствительно совершилось. Но каково было его поведеніе въ Польшѣ?

Король. Такъ себѣ.

Павелъ. Предавался ли онъ игрѣ?

Король. Достаточно, но къ тому же онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ.

Павелъ. О, этого я не зналъ.

Король. Онъ даже считался большимъ ходокомъ въ этомъ родѣ.

Павелъ. Г-нъ Витвортъ*) пребывалъ при вашемъ дворѣ въ теченіе нѣкотораго времени.

Король. Почти въ теченіе трехъ лѣтъ.

Павелъ. Въ началѣ вашего царствованія дипломатическій корпусъ былъ хорошо составленъ у васъ.

---

*) Англійскій посланникъ при Павлѣ I.

Библиотека "Руниверс"

Король. Товаръ тамъ былъ смѣшанный.

Павелъ. Посмотримъ, кто именно?

Король. Сперва князь Репнинъ, потомъ Роотонъ[1]).

Павелъ. Не умеръ ли онъ?

Король. Да, ваше величество, отъ самоубійства.

Павелъ. Изъ-за чего?

Король. Изъ за того, что онъ призналъ себя неспособнымъ съ женщинами и онъ говорилъ, что въ такомъ случаѣ нечего болѣе жить.

Павелъ. Какой сумасшедшій; но посмотримъ, кто были другіе.

Король. Былъ Дубенъ со стороны Швеціи.

Павелъ. Это тотъ самый, который находился впослѣдствіи здѣсь; но каковымъ онъ былъ?

Король. Нельзя про него много сказать ни добраго, ни худаго; но онъ обладалъ нѣкоторыми странными талантами, которые вовсе не относились къ предметамъ его инструкцій.

Павелъ. Напримѣръ.

Король. Онъ умѣлъ ржать какъ лошадь, свистать какъ птица, плясать на канатѣ и показывалъ всякія подобныя штуки.

Павелъ. О, какъ именно?

Король. Разъ на гуляньѣ въ Бѣлянахъ, что вблизи Варшавы, почти какъ Екатериненгофъ приходится къ Петербургу, Дубенъ, прохаживаясь съ дамами, увидалъ приготовленія, сдѣланныя для представленія плясунами на канатѣ, и, проходя мимо ихъ, прыгнулъ на канатъ, не предупредивъ никого, и сталъ плясать на немъ такъ ловко, что предприниматели, принявъ его за своего собрата по ремеслу, предложили ему вступить къ нимъ въ компанію для участія въ барышахъ.

Павелъ. А. В. Бенца[2])?

Король. О, этотъ забавлялъ общество своею разсѣянностью, вслѣдствіе которой онъ былъ очень смѣшонъ; но его разсѣянность исчезала въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ уже слишкомъ усердно послужилъ своему государю.

Павелъ. А изъ Французовъ кто былъ при васъ?

Король. Сперва маркизъ Помѝ, который поссорился изъ-за этикета съ примасомъ во время междуцарствія, каковое обстоятельство было причиною его отъѣзда и того, что Франціей признано мое избраніе лишь годомъ спустя послѣ прочихъ дворовъ. Потомъ маркизъ Конфланъ былъ отправленъ для признанія меня королемъ.

---

[1]) Англійскій министръ въ Варшавѣ.

[2]) Прусскій министръ въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Мы увидѣли его здѣсь впослѣдствіи, но что вы думаете про него?

Король. Я считаю его первою причиною многаго зла.

Павелъ. Какимъ образомъ?

Король. Будучи гусарскимъ полковникомъ, онъ считалъ для себя умѣстнымъ много курить и много пить. Этотъ пріучилъ послѣдняго герцога Орлеанскаго и все его общество къ постыдному пьянству; герцогъ Орлеанскій, во время своихъ путешествій по Англіи, привилъ этотъ порокъ принцу Уэльскому и герцогу Іоркскому: хотя эти принцы, какъ говорятъ, отъ него избавились, но онъ слишкомъ широко развился среди Англійской молодежи.

Павелъ. Но послѣ Конфлана не были ли у васъ при дѣлѣ другіе Французы?

Король. Были нѣкоторые второстепенные агенты, какъ-то Бонно, котораго видѣли здѣсь, Якубовскій, родомъ Полякъ, очень честный человѣкъ и подъ конецъ въ качествѣ министра г-нъ Санъ-Круа, который впослѣдствіи назвался дэ-Коршъ, а затѣмъ былъ Французскимъ республиканскимъ министромъ въ Турціи.

Павелъ. Почему у него было два прозвища?

Король. Пока во Франціи разрѣшалось быть дворяниномъ, онъ назывался г-мъ де-Санъ-Круа; когда же дворянство во Франціи было изгнано, онъ принялъ первоначальное имя своей семьи де-Коршъ и подъ этимъ именемъ онъ распространялъ революціонныя идеи у насъ по всѣмъ слоямъ общества.

Затѣмъ разговоръ случайно перешелъ на балетъ Донъ-Жуанъ и на впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на разныхъ лицъ. Императоръ даже сознался, что вздрогнулъ, когда онъ его увидалъ въ первый разъ въ Венеціи. Послѣ того онъ разсказалъ хорошо слѣдующее: „Я вамъ сообщу объ одномъ случаѣ, признанномъ всѣми. Я находился самъ третій въ одномъ саду; одинъ изъ трехъ хвастался своимъ невѣріемъ и посреди своихъ рѣчей онъ привелъ тираду изъ, не помню, какого автора, подходящую къ мыслямъ, которыя онъ только что развивалъ. Пока онъ декламировалъ, я подумалъ про себя: какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ Богъ наказалъ его какою-либо бѣдою, для примѣрнаго урока, и въ то же мгновеніе мраморный бюстъ, передъ которымъ онъ декламировалъ, сорвался съ своей подставки, хотя никто къ нему не прикоснулся, причемъ ни въ самую минуту паденія, ни послѣ того нельзя было опредѣлить ближайшей его причины, однимъ словомъ бюстъ упалъ столь неожиданно, что онъ чуть чуть не повалилъ безбожника, который едва успѣлъ отскочить. Онъ поблѣднѣлъ и смутился.

Король. Но исправился ли онъ?

Библиотека "Руниверс"

Павелъ. Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

Король. Позвольте спросить, въ какомъ саду это случилось?

Павелъ. Въ саду, гдѣ имѣются деревья; но я вамъ разскажу другой случай. Кавалерійскій офицеръ, который даже командовалъ уже эскадрономъ, разъѣзжалъ верхомъ на сѣрой Англійской лошади, которая отличала его отъ другихъ всадниковъ. Онъ былъ безпутенъ и не скрывалъ своего невѣрья. Во время ученія я также подумалъ про себя: „не будетъ ли угодно Богу дать ему хорошій урокъ“, и въ тоже мгновеніе, когда я подумалъ это, я потерялъ офицера изъ виду. Я поскакалъ къ эскадрону спросить, куда онъ дѣлся; мнѣ донесли, что его лошадь свалилась подъ нимъ и что онъ былъ тяжело помятъ.

Король. Ну, а этотъ, не исправился ли онъ?

Павелъ. Нѣтъ.

Послѣ чего Императоръ велѣлъ князю Юсупову приготовить къ поставкѣ комедіи и балета Донъ-Жуанъ.

Король. По приказанію Маріи Терезіи давали эту пьесу въ Вѣнѣ всегда во Вторникъ на Масляницѣ съ цѣлью приготовленія къ посту. Но мнѣ кажется, что балетъ „Донъ-Жуанъ“, когда онъ хорошо исполненъ (производитъ еще болѣе впечатлѣнія, чѣмъ пьеса).

Павелъ. Я раздѣляю ваше мнѣніе, такъ какъ les faits sont plus rapprochés (дѣйствія поражаютъ сильнѣе).

IV.

21 Сентября послѣ ужина король откланялся Императору передъ своимъ выѣздомъ изъ Гатчины. Въ запискахъ за этотъ день встрѣчается указаніе на то, что по примѣтамъ придворныхъ Павелъ Петровичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа; они замѣтили, что Императоръ не былъ такъ привѣтливъ къ королю, какъ обыкновенно, почему они обратились къ Станиславу-Августу за разъясненіемъ, не просилъ ли онъ Императора за кого изъ своихъ близкихъ или соотечественниковъ. Но король объяснилъ, что онъ въ своихъ бесѣдахъ ограничивался отвѣтами на то, о чемъ спрашивалъ его Императоръ.

Только 13 Октября Станиславъ-Августъ вернулся въ Гатчину наканунѣ дня рожденія Маріи Ѳеодоровны. Вечеромъ 13 Октября, записываетъ Станиславъ-Августъ, Императоръ мнѣ сдѣлалъ пріемъ холоднѣе обыкновеннаго и мнѣ не сказалъ ни слова во время ужина, за церемоніальнымъ обѣдомъ на слѣдующій день онъ былъ также холоденъ. Императрица, замѣтивъ это и очевидно будучи огорчена тѣмъ, сказала мнѣ какъ бы оправдываясь: „на церемоніальномъ обѣдѣ, какъ сегодня, разговоръ обыкновенно не вяжется“. Я ей отвѣтилъ улыбкою

Библиотека "Руниверс"

и склоненіемъ головы; она какъ будто поняла меня. Вечеромъ, во время бала, императоръ не сказалъ мнѣ ни слова; за ужиномъ онъ предложилъ мнѣ очень пустой вопросъ. Въ Четвергъ 15 (26) Октября за обѣдомъ онъ поговорилъ со мною немного болѣе; вечеромъ во время спектакля онъ также бесѣдовалъ, а за ужиномъ я замѣтилъ, какъ онъ посылалъ знаки дѣвицѣ Нелидовой, которая отвѣчала ему тѣмъ же, хотя сидѣла очень далеко. Потомъ Императоръ какъ будто пришелъ въ себя и сталъ обходиться со мною по прежнему. Еще до пріѣзда моего, въ этотъ разъ въ Гатчину, меня уже предупредили о томъ, что Императоръ два дня какъ очень угрюмъ по отношенію ко всѣмъ и даже раздосадованъ чѣмъ-то, что онъ былъ очень недоволенъ вахтпарадомъ, потомъ мнѣ сказали, произошла ссора между нимъ и Е. И. Нелидовой. Я даже примѣтилъ оттѣнокъ къ охлажденію и принужденности между нимъ и Императрицей.

Нѣкоторые предполагали, что причиной его нерасположенія было открытіе этого заговора въ Дубнѣ (какой бы онъ ни былъ), который долженъ былъ вспыхнуть во время контрактовъ на прощанье и что онъ хотѣлъ мнѣ дать понять это, хотя сказанное меня вовсе не касалось. Нѣкоторые придворные довольно открыто заявили, насколько они не одобряли обхожденіе Императора со мною въ этотъ разъ, послѣ того какъ онъ самъ пригласилъ меня пріѣхать.

16-го Октября король вернулся изъ Гатчина въ С.-Петербургъ. Въ тотъ же день къ нему явился отъ имени канцлера его братъ графъ И. А. Безбородко съ дружескимъ предупрежденіемъ не просить Императора ни за него, такъ какъ 14 Октября за обѣдомъ Павелъ Петровичъ велѣлъ Обрѣзкову явиться къ нему послѣ обѣда и, когда онъ его увидалъ, поручилъ сказать князю А. А. Безбородко о своемъ удивленіи и неудовольствіи, что король его просилъ за князя Михаила Любомирскаго. Станиславъ-Августъ разсказалъ графу Безбородко свой разговоръ съ Императоромъ по этому предмету, объяснивъ, что ни слова не замолвилъ за князя Любомирскаго.

Положеніе Станислава-Августа было очень тягостно при Русскомъ дворѣ: съ одной стороны его досаждали родные и соотечественники, явившіеся за разными милостями, а съ другой несчастный король долженъ былъ опасаться подозрительнаго и измѣнчиваго нрава Императора, который въ это время былъ встревоженъ разными слухами о заговорахъ въ разныхъ областяхъ перешедшихъ къ Россіи по раздѣлу Польши.

Примѣченное еще въ Гатчинѣ придворными съ 14 Октября дурное расположеніе Императора отразилось на королѣ, который въ теченіи цѣлаго мѣсяца не имѣлъ бесѣды съ нимъ, хотя, какъ видно изъ

Библиотека "Руниверс"

его дневника, онъ участвовалъ на церемоніяхъ всего Мальтійскаго орденскаго праздника 8 Ноября, въ день Михаила Архангела, но только 15 Ноября отмѣчается королемъ его разговоръ съ Павломъ Петровичемъ во время бала въ Эрмитажѣ, на который Станиславъ-Августъ былъ приглашенъ. Однако, этотъ разговоръ начался съ того, что Императоръ поставилъ на видъ королю новыя сцены въ Литвѣ. По замѣчанію короля это дѣло кончилось арестомъ четырехъ лицъ и оказалось въ высшей степени преувеличеннымъ. Во время разговора, который почти исключительно имѣлъ своимъ предметомъ Польскія дѣла, Павелъ Петровичъ обнаружилъ свойственную ему раздражительность и тяготился музыкою и продолжительностію бала, причемъ изъ замѣченнаго Станиславомъ-Августомъ разговора, который онъ имѣлъ съ графомъ Безбородко на слѣдующій день, не трудно усмотрѣть, что обхожденіе съ королемъ стало другое и что за измѣненіемъ отношеній къ нему со стороны Императора ему при дворѣ не оказывалось уже прежняго вниманія.

Въ дневникѣ короля говорится, что императрица предложила ему во время бала партію въ бостонъ, но, онъ умѣя играть только въ пикетъ, извинился, и она стала играть въ бостонъ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ, съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и съ графомъ Завадовскимъ. На слѣдующій день король спросилъ графа Безбородко, игралъ ли въ прошлый вечеръ его братъ князь Александръ Андреевичъ въ карты въ залѣ примыкающемъ къ бальному. Генералъ отвѣтилъ, что его братъ дѣйствительно игралъ въ помѣщеніи на лѣво отъ дальняго зала и на вопросъ короля, имѣются ли тамъ стулья, онъ подтвердилъ, что имѣются, а мнѣ, замѣтилъ король, пришлось стоять на ногахъ все время бала, и я признаюсь, что онъ показался мнѣ немного продолжительнымъ. Но ваше величество не пожелали играть, сказалъ Безбородко. Мнѣ, возразилъ король, императрица предложила играть въ бостонъ, во что я не умѣю; но вы видѣли, что я игралъ въ Гатчинѣ въ пикетъ всякій разъ, когда императрица меня приглашала. Такимъ образомъ бѣдному королю пришлось стоять весь вечеръ въ наказаніе за то, что не умѣлъ играть въ бостонъ, и никто ему стула не предложилъ. Разсказывая о своемъ печальномъ положеніи, Станиславъ-Августъ прибавилъ, что въ тотъ же день, 16 Октября, графъ Безбородко сказалъ одному лицу: „мой братъ порицаетъ многое, что позволяютъ себѣ творить здѣсь въ отношеніи короля“.

С. Горяиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Депеша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю

о нашей Отечественной войнѣ 1812 года.

С.-Петербургъ, 2 (14) Іюня 1813 г.

Послѣ всего что̀ написано о кампаніи 1812 г., кажется, что предметъ этотъ исчерпанъ, а между тѣмъ можно сказать, что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, къ нему только едва прикоснулись, если его разсматривать съ нравственной стороны этихъ великихъ событій, стороны почти совсѣмъ неизвѣстной въ чужихъ краяхъ. Изъ подлинной исторіи этой кампаніи составится когда нибудь весьма занимательная книга; теперь же я могу только наскоро набросать о ней нѣсколько мыслей.

Когда Русскій Императоръ оставлялъ свою армію, по направленію къ Дриссѣ, рѣшившись на это особенно по неотступнымъ, дерзкимъ настояніямъ маркиза Паулучи, онъ обратился къ Барклаю-де-Толи съ слѣдующими словами: „Генералъ! Помните, что у меня нѣтъ другой арміи, кромѣ этой и что у васъ, во главѣ ея, великій полководецъ“. Что̀ могъ предпринять, на что могъ рискнуть Барклай-де-Толи, послѣ такихъ словъ Государя? Съ другой стороны, великій князь Константинъ Павловичъ, такъ отважно вызвавшійся ѣхать къ Наполеону, чтобъ испросить у него мира, только что вернулся въ столицу, чтобъ разглашать, что армія не существуетъ болѣе, и что самое лучшее, что̀ остается сдѣлать, это добиться мира, какой бы ни было цѣною. Императоръ предупреждалъ насъ быть готовымъ къ отъѣзду, и самъ готовился къ нему. Изо всѣхъ дворцовъ, коллегій и прочихъ государственныхъ учрежденій выбирались. Не доставало барокъ, экипажей и лошадей для людей со всѣмъ богатствомъ, какое можно было увезти. Наполеонъ былъ отлично освѣдомленъ объ этомъ. И кто станетъ удивляться его довѣрчивости?

Библиотека "Руниверс"

Армія между тѣмъ все отступала, не терпя чувствительныхъ уроновъ, но и не нападая на непріятеля, а незамѣтно уменьшаясь, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Барклай сдалъ Смоленскъ. И это не потому, чтобъ онъ не хотѣлъ дать большого сраженія, но, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ сказалъ себѣ: „нѣтъ, я не могу играть на эту карту“. Тогда мнѣніе столицы, до крайности растерянное, приписало Барклаю все, что было унизительнаго въ этихъ обстоятельствахъ. Стали громко и настоятельно требовать его смѣщенія, и Государь долженъ былъ сдаться. Но ему очень было трудно удовлетворить общественному мнѣнію, такъ какъ оно указывало на Кутузова, къ которому онъ не скрывалъ своего отвращенія, упрекая его, по крайней мѣрѣ про себя, за его лукавство, эгоизмъ и гнусные нравы. Я не останавливаюсь на болѣе глубокихъ причинахъ нерасположенія къ нему Императора, но такъ какъ всѣ, въ одинъ голосъ, кричали: Кутузова, Кутузова, то Государь и сдѣлалъ его главнокомандующимъ, и ему-то дряхлому, полуслѣпому, пришлось замѣнить Барклая въ борьбѣ съ Наполеономъ, и это въ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ! Барклай сдалъ ему армію, въ то самое время, какъ она должна была получить подкрѣпленіе и искалъ смерти подъ Бородинымъ, но остался живъ. Объ этой битвѣ, кажется, ничего нельзя сказать новаго: это была кровавая рѣзня-бойня; но, по мнѣнію знающихъ дѣло военныхъ людей, ни съ той, ни съ другой стороны не было талантливыхъ распорядителей. Только Французы лучше дѣйствовали своею артиллеріею (не бывъ однако же лучшими артиллеристами, что дѣло совсѣмъ другое). Русская артиллерія отлично была оборудована, но Французская лучше размѣщена. У Русскихъ при Бородинѣ осталось сто пушекъ безъ дѣйствія, что непростительно. Въ эту достопамятную битву Кутузовъ находился въ трехъ отъ нея верстахъ. Я знаю, что главнокомандующій не то, что какой нибудь гренадеръ; но на все есть мѣра. Битвою распоряжались собственно Барклай, искавшій смерти, и Багратіонъ, нашедшій ее тамъ. Только планъ битвы былъ составленъ Кутузовымъ, но и его сильно критиковали. Я не стану говорить объ этихъ военныхъ подробностяхъ. Такъ какъ, по общему мнѣнію, Барклай былъ настоящимъ главнокомандующимъ въ битвѣ при Бородинѣ, то Кутузовъ его возненавидѣлъ и причинилъ ему столько непріятностей, что вынудилъ его, наконецъ, покинуть свою должность. Москву оставили и сожгли. А была ли необходимость въ ея оставленіи? Надъ этимъ вопросомъ поработало немало умовъ. Извѣстно, что на военномъ совѣтѣ лучшіе генералы выговорили противъ этой ужасной мѣры. Пишущій эти строки молчитъ, но по совершенно другой причинѣ, чѣмъ прочіе молчащіе. Въ основу сомнѣнія ставятъ обыкновенно несогласіе мнѣній и вѣскость военныхъ

Библиотека "Руниверс"

доказательствъ, удерживавшихъ равновѣсіе. Онъ же воздерживается произнести обвинительный приговоръ Кутузову по совершенно другимъ соображеніямъ.

Но чего ничѣмъ нельзя извинить, это конецъ его реляціи Государю: „Впрочемъ, ваше величество, оставленіе Москвы было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ оставленія Смоленска". Какая низость! Какая гнусность! Чтобъ называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, мало преступленій подобныхъ тому, чтобы открыто приписать весь ужасъ гибели Москвы генералу Барклаю, который не-Русскій и у котораго нѣтъ никого, чтобъ его защитить!

Оставленіе Смоленска, точно, такъ мало повело къ оставленію Москвы, какъ переходъ черезъ Нѣманъ. Еслибъ Кутузовъ постарался завершить Бородинскую битву полною побѣдою, конечно, Москва еще была бы цѣла, такъ что Барклай имѣлъ гораздо болѣе права сказать Государю: впрочемъ, ваше величество сомнительная побѣда подъ Бородинымъ вызвала необходимость оставленія Москвы, и по моимъ предъидущимъ донесеніямъ вашему величеству достаточно извѣстно о гибели этой громадной столицы". Но необходимо добавить, что до сихъ поръ еще въ народѣ говорятъ, да и повыше народа, что Москву сожгли Французы: такъ еще сильны здѣсь предразсудки, убивающіе иногда всякую мысль на подобіе гасильниковъ, которыми тушатъ свѣчи.

Своею гибелью Бонапартъ обязанъ себѣ. Почти всѣ великіе люди, особенно отличающіеся громадною силою воли (и если у нихъ, при этомъ, верховная власть) кончаютъ тѣмъ, что не терпятъ и малѣйшаго противорѣчія: такъ портитъ ихъ успѣхъ. Видя постоянно, что всѣ передъ ними преклоняются, они не признаютъ никакихъ авторитетовъ, даже въ вещахъ, въ которыхъ сами ничего не смыслятъ. Генералъ Шметау, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ о томъ, какъ однажды король Прусскій, Фридрихъ II приказалъ двумъ инженерамъ измѣрить ему разстояніе двухъ точекъ, на которыя указалъ имъ въ отдаленіи. „Сію минуту, ваше величество!" отвѣтили, какъ и слѣдовало, оба инженера.—Ну, это только легко на словахъ, возразилъ король. Обѣ эти точки на виду непріятельскихъ батарей, и вамъ трудновато будетъ работать на нихъ.—„Да намъ и нѣтъ надобности къ нимъ подходить", сказали инженеры.—А какъ же это вы будете измѣрять мѣсто, не находясь на немъ? (Ужасная математическая задача) Ваше величество, униженно продолжали инженеры, у геометріи есть способы... Король не далъ имъ продолжать, воскликнувъ: „ну вотъ еще что, геометрія!" Это совершенно по наполеоновски, такъ какъ между

Библиотека "Руниверс"

этими двумя особами много сходства. Если отнять у одной стороны (или если прибавить къ другой) это величіе, это достоинство, эту извѣстную атмосферу присущую настоящей, законной королевской власти: уравненіе, по моему, будетъ полное. У нихъ у обоихъ одинаковое невѣріе, грубость, безнравственность, презрѣніе къ людямъ, при очень схожихъ талантахъ. Такіе характеры творятъ чудеса, пока обстоятельства имъ благопріятствуютъ; но они же увлекаются въ ужасныя, непоправимыя ошибки. Генералы Бонапарта говорили ему: „ваше величество, не входите въ Москву, дайте сраженіе Кутузову; вы его разобьете, или прорубитесь черезъ него, и вся слава будетъ за вами". Но онъ, какъ Фридрихъ, сказалъ въ отвѣтъ: „ну вотъ еще что!" и вступилъ въ Москву. Когда я думаю о томъ, какъ этими минутами рѣшена вся тяжба, мнѣ кажется, что я вхожу въ ледяную воду, и что у меня захватываетъ духъ. Вотъ въ этихъ-то обстоятельствахъ нравственныя качества Кутузова послужили отечеству на пользу. Несомнѣнно, что онъ провелъ Наполеона своею непомѣрною хитростью. Онъ такъ ловко сумѣлъ обмануть этого разбойника, принимая его посланцевъ съ такимъ важнымъ видомъ и дѣлая распоряженія, какъ будто готовился къ перемиріе, что Наполеонъ пропустилъ въ выжиданіяхъ 38 дней и черезъ это потерялъ все. Онъ и самъ созналъ свою ошибку, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, когда уже нѣтъ средствъ помочь дѣлу; однакоже нужно оставаться справедливымъ, даже въ отношеніи обвиняемаго. Если безпристрастно принять во вниманіе всѣ ошибки, сдѣланныя Русскими, состояніе ихъ умовъ и положеніе вещей, хорошо извѣстныя Наполеону, его неоспоримое превосходство надъ всѣми Русскими полководцами, опьянѣніе, которое онъ испытывалъ отъ этого тысячеверстнаго похода, во все время котораго ни одинъ Русскій штыкъ не переходилъ въ наступленіе, власть, надъ личностью Александра, которую онъ не безъ основанія себѣ приписывалъ, но недостаточно глубоко оказанную въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, и наконецъ, предполагаемое имъ вліяніе перваго министра, лично ему извѣстнаго, повторяю, если принять все это во вниманіе: то нельзя не согласиться, что въ его замыслѣ принудить къ миру въ Москвѣ не было никакого безумія. Чтобъ означить рѣшимость этаго ужаснаго ума, можно употребить слово отвага, или, пожалуй, еще вѣрнѣе, Англійское слово boldness; но ни одно изъ нихъ не означаетъ ни глупости, ни сумасшествія. Онъ понялъ, наконецъ, что слѣдуетъ отступать и сосредоточилъ тогда на этомъ всѣ свои мысли.

Для того, чтобъ представить себѣ ясно, что̀ произошло бы, если Наполеонъ, лично, съ своимъ двадцатипятитысячнымъ резервомъ,

Библиотека "Руниверс"

не участвовавшимъ въ Бородинскомъ сраженіи, напалъ бы на Кутузова, нужно вспомнить, что у сего послѣдняго, послѣ оставленія имъ Москвы, было 18 т. мародёровъ въ арміи, и что у него господствовалъ такой безпорядокъ, что онъ писалъ въ Петербургъ: „меня гораздо больше тревожитъ моя армія, чѣмъ непріятель“. Наконецъ, подошли его подкрѣпленія, онъ устроилъ свой подвижный составъ въ 30 т. лошадей, и помощь стала приходить отовсюду; но больше всего ему помогли наступившіе холода.

Превосходство Наполеона въ военномъ дѣлѣ произвело такое глубокое впечатлѣніе на этого ветерана, что, передъ Тарутинскимъ сраженіемъ, 6 (18-го) Октября, онъ признался барону Бенингсену, что при одномъ имени Наполеона онъ чувствуетъ себя угнетеннымъ и не смѣетъ думать о возможности побѣдить его. На первую аттаку онъ рѣшился только послѣ того, что потребовалъ отъ Бенингсена письменнаго заявленія, что онъ считаетъ выгоднымъ дать сраженіе и что успѣхъ возможенъ. И, дѣйствительно, сраженіе было дано; но какія отъ него получились послѣдствія, въ сравненіи съ тѣми, которыхъ въ правѣ были ожидать? Захватъ или истребленіе двадцатитысячнаго авангарда Наполеонова былъ обезпеченъ, а взятіе въ плѣнъ самого Мюрата считалось весьма вѣроятнымъ; но, когда Бенингсенъ попросилъ подкрѣпить его кавалеріей, Кутузовъ отказалъ, остановивъ выступившую уже было кавалерію, такъ какъ видѣлъ, что эту побѣду припишутъ (какъ и слѣдовало) не ему, а Бенингсену и сдѣлаютъ его фельдмаршаломъ. Вмѣсто блестящаго одоленія мы отпраздновали благодарственнымъ молебномъ жалкую побѣду: стотысячная армія заставила отступить 20 тыс. Французовъ, взявъ у нихъ артиллерійскій паркъ съ 20 пушками и погубивъ тысячу человѣкъ. Бенингсенъ сталъ громко кричать, называя Кутузова измѣнникомъ, въ чемъ ему вторили его друзья, а затѣмъ подалъ въ отставку. Государь пожаловалъ ему Андреевскую ленту со стотысячнымъ подаркомъ: прямое доказательство, что Государь отлично знаетъ, чего ему держаться. Чѣмъ же иначе объяснить себѣ эти милости? Но Русскіе порѣшили ни одному иностранцу не дать участія въ ихъ славѣ. Кутузова они выбрали сами и хотѣли его превознесть какъ исполина, для достиженія чего мало того, что они приписывали ему одному всѣ удачи, страшно преувеличивая ихъ, но еще взвалили на другаго всѣ его ошибки.

Адмиралъ Чичаговъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ дѣятелей. Въ настоящую минуту не найти, кто бы изъ людей высокопоставленныхъ превосходилъ его, или даже былъ ему равенъ, по

Библиотека "Руниверс"

уму, быстротѣ сужденій, силѣ характера, справедливости, умѣнью оцѣнить заслугу, гдѣ бы она ни была, безкорыстію и даже по строгости нравовъ. Но всѣ эти чудныя качества затемнѣны двумя большими пятнами: первое, на которомъ, думается мнѣ, можно бы и не останавливаться, не будь второго, это его взглядъ на религію, который не подходитъ ни къ Греческой церкви, ни къ Латинской; второе пятно это его презрѣніе, даже глубокая ненависть ко всѣмъ учрежденіямъ его отечества, гдѣ онъ находитъ только глупость, невѣжество, разбой и деспотизмъ. Русскій человѣкъ изо всѣхъ людей въ мірѣ лучше всѣхъ видитъ свои недостатки, но, за то, менѣе всякаго другаго прощаетъ тому, кто указываетъ ему на нихъ. Если кто хочетъ быть съ Русскими въ добрыхъ отношеніяхъ, тотъ не долженъ никогда осуждать ничего въ нихъ (они сами частенько подставляютъ эту ловушку иностранцамъ); мало того, онъ долженъ еще и не соглашаться съ ними въ ихъ осужденіяхъ, дозволивъ себѣ, самое большее, улыбнуться, чтобъ уже не казаться столь одураченнымъ. За исключеніемъ ограниченнаго числа людей, близко знающихъ адмирала и воздающихъ ему должное, всѣ прочіе ненавидятъ его нещадно и считаютъ открытымъ врагомъ своего отечества. А разсмотрѣть поглубже, то это совершенно невѣрно. Онъ даже больше Русскій, чѣмъ всякій другой Русскій, такъ какъ онъ не Россію ненавидитъ, а ея пороки и злоупотребленія, которые ее позорятъ; но большинство людей неспособно понять такое тонкое разграниченіе, которое, впрочемъ, не извиняетъ его желчныхъ сужденій и страшныхъ, язвительныхъ насмѣшекъ на счетъ своего отечества. Его друзья постоянно останавливали его въ этомъ; онъ давалъ имъ говорить, но не исправлялся. Императору извѣстны его пріемы и рѣчи; однако онъ всегда былъ къ нему очень расположенъ, что̀ даже повредило Государю въ общественномъ мнѣніи. Онъ не Русскій, онъ не любитъ Россію, а любитъ тѣхъ, кто ее ненавидитъ: вотъ что говорили. Въ этомъ только то вѣрно, что Государь опередилъ своихъ подданныхъ, и что въ этомъ, можетъ, несчастіе для него. Не будь онъ такъ выше ихъ, его любили бы больше, потому что тогда онъ самъ только бы зналъ, любилъ и хвалилъ то, что̀ видѣлъ бы около себя.

Злополучная война съ Турціей была, наконецъ пріостановлена перемиріемъ. Кутузовъ, ведшій эту войну далеко не съ выдающимся успѣхомъ, остался съ необходимыми полномочіями для заключенія мира; но онъ все медлилъ, такъ что Императоръ, выведенный изъ терпѣнія, послалъ туда Чичагова, тѣмъ скорѣе, что до него доходили изъ Молдавіи постоянныя жалобы на образъ жизни Кутузова. Предупрежденный курьеромъ о пріѣздѣ Чичагова, Кутузовъ въ одинъ мигъ заключилъ

Библиотека "Руниверс"

миръ, чего никогда бы безъ этого не сдѣлалъ, такъ что Чичаговъ, по своемъ пріѣздѣ, нашелъ миръ уже подписаннымъ. Онъ тотчасъ-же сказалъ, что не будетъ ни мѣшаться въ это, ни приписывать себѣ чужую славу; но, изъ предосторожности, нѣкоторые люди попросили и его подписи, каковую онъ и поставилъ въ самомъ концѣ мирнаго договора и о чемъ немедленно написалъ Государю, поясняя, что сдѣлалъ это единственно для формальности, оставляя за своимъ предшественникомъ всю честь заключеннаго мира. Кажется, нельзя было поступить вѣжливѣе, а между тѣмъ Кутузовъ никогда ему этого не простилъ.

Чичаговъ остался въ Молдавіи, а Кутузовъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, первое время, имъ довольно пренебрегали. Но крики изъ гостиныхъ заставили Государя назначить его главнокомандующимъ, вопреки личному нерасположенію, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, графомъ, княземъ и княземъ Смоленскимъ, такъ что его женѣ пришлось за это время три раза перепечатывать свои визитныя карточки.

Сначала Государь и Чичаговъ не думали, что чудная Молдавская армія понадобится на главномъ полѣ сраженій, и располагали употребить ее на обширныя и важныя дѣйствія, особенно выгодныя для его королевскаго величества. Но они оба ошибались, и Чичаговъ отправился, наконецъ, къ Березинѣ черезъ Минскъ. А между тѣмъ здѣсь всѣ обвиняютъ его въ медлительности, какъ будто человѣка съ его характеромъ могла задержать какая другая причина, кромѣ державной воли своего повелителя, тайную мысль котораго, и даже двѣ, не трудно было отгадать.

Тѣмъ временемъ, какъ Чичаговъ изъ Молдавіи, а кн. Кутузовъ изъ Смоленска должны были соединиться у Березины, общественное мнѣніе незамѣтно подготовили къ мысли, что именно Чичаговъ долженъ былъ изловить Наполеона, при его переходѣ черезъ рѣку, словно какую мышь. О дѣйствіяхъ Кутузова отъ Смоленска до Березины нечего распространяться: они имѣли блестящій успѣхъ, но въ нихъ не видно ни одного мастерскаго хода: онъ захватывалъ и уничтожалъ людей, по мѣрѣ того, какъ они валились отъ голода и холода. Пушки доставались ему лишь тѣ, которыя непріятель бросалъ: вотъ и все! Онъ не съумѣлъ взять въ плѣнъ ни одного маршала, или хоть бы какого-нибудь извѣстнаго генерала, и ничѣмъ не выказалъ, что считаетъ возможнымъ захватить самого Наполеона. Сей послѣдній раздѣлилъ свою армію на три корпуса: 1-мъ онъ командовалъ самъ, 2-мъ—Даву, а 3-мъ—Ней. Подъ Краснымъ Русскіе шли паралельно съ Французами

Библиотека "Руниверс"

и очутились между ихъ 2-мъ и 3-мъ корпусами (сами того не зная, а единственно по движенію войскъ), такъ что Ней сталъ отрѣзаннымъ, да такъ отрѣзаннымъ, что, когда онъ показался въ тылу Русскихъ, они послали на развѣдку, чтобъ узнать, свои-ли это или непріятель. Вотъ когда представлялся случай нанесть сильный ударъ, но Кутузовъ не воспользовался имъ. Онъ принялъ 12 т. закоченѣлыхъ, голодныхъ, которые сдались съ 27-ью пушками, а выпустилъ маршала Нея со стами пушками и 15 т., приблизительно, человѣкъ. Наполеонъ, считавшій Нея погибшимъ, по невозможности спастись, не вѣрилъ глазамъ, когда Ней присоединился къ нему. Спрашивается, при всемъ этомъ, гдѣ же тутъ великій полководецъ? Чтобъ позабавить друзей, мнѣ случалось послѣ этого говорить, что, будь Наполеонъ во главѣ Русскихъ, Наполеонъ захватилъ бы себя.

Въ то время, какъ Французская армія отступала, Чичаговъ подходилъ съ своею великолѣпною арміей въ 60 т. человѣкъ, и походъ его черезъ Польшу, конечно, достоинъ самыхъ большихъ похвалъ. Въ 12 дней онъ очистилъ Волынь отъ Австро-Поляковъ, отбросивъ ихъ за Бугъ, не переставая преслѣдовать ихъ и давать имъ сраженія. Такой же хорошій администраторъ, какъ полководецъ, онъ вселилъ любовь къ своимъ распоряженіямъ, не допустилъ грабежа, пріобрѣлъ Россіи друзей и сблизился съ людьми хорошо поставленными, которые и освѣдомляли его обо всемъ. Онъ разсѣялъ Польскую конфедерацію и сверхъ того оказалъ значительную услугу, какъ Россіи, такъ и общему дѣлу, посылая въ Вѣну, и особенно, въ Константинополь, извѣстія о своихъ побѣдахъ, о чемъ не позаботились здѣсь. Порта, ошеломленная побѣдами Наполеона и гибелью Москвы, успѣла уже обезглавить двухъ несчастныхъ братьевъ Молдавскаго господаря Мурузи, единственно за то, что они были переводчиками при заключеніи мира съ Россіей; Молдавія была уже готова отдаться въ руки Франціи, сторонники которой превозносили ее до небесъ. Русскій посолъ почти что молчалъ, когда депеши Чичагова подоспѣли, чтобъ поднять его духъ и общественное мнѣніе.

По несчастію, въ это ужасное время точно было предопредѣлено, что законные правители будутъ другъ друга душить, чтобъ тѣшить разбойника и высвобождать его изъ самыхъ опасныхъ положеній. Австрія съ лихвою отплатила намъ за зло, причиненное ей въ 1809 г., когда изъ за насъ она была вынуждена раздѣлить свои силы. Однако, разница при этомъ огромная, такъ какъ князь Голицынъ велъ тогда войну съ Австріей благородно, безпокоя ее слегка и всячески дока-

Библиотека "Руниверс"

зывая свое желаніе не причинять имъ вреда, а Шварценбергъ своими дѣйствіями заставлялъ жалѣть о Французахъ, даже—желать ихъ: его шествіе уподоблялось потоку лавы.

Адмиралу Чичагову пришлось раздѣлить свою армію. Онъ оставилъ генералу Сакену 30 тыс. человѣкъ, чтобъ давать отпоръ Шварценбергу, а съ остальными 30-ью тысячами онъ двинулся къ Минску, согласно полученнымъ приказаніямъ (все это нужно читать съ картою въ рукахъ). Князь Кутузовъ писалъ ему: надѣюсь, что вы будете 12-го (Ноября) въ Минскѣ. Минскъ былъ занятъ 4-го, мостовое прикрытіе взято съ бою, Полякъ Домбровскій отброшенъ въ Борисовъ 11-го, и Борисовскій tête-de-pont также взятъ съ бою. Взоры всей Россіи обращались на мѣсто, гдѣ было средоточіе военныхъ дѣйствій, и (какъ уже было сказано выше) всѣми было рѣшено, что Чичаговъ захватитъ тутъ Наполеона. Подготовлявшіе это мнѣніе отлично знали, что они дѣлаютъ.

Чтобы имѣть представленіе о положеніи Наполеона, нужно прежде всего принять въ соображеніе число войскъ у воюющихъ сторонъ. Наполеонъ выступилъ изъ Москвы съ 125 тыс. человѣкъ. Не касаясь всѣхъ подробностей, достаточно сказать, что число это опредѣлено со всею точностію, которая возможна при подобныхъ исчисленіяхъ. Съ одинаковою достовѣрностію можно считать, что въ дни присоединенія къ нему генераловъ Виктора и Макдональда съ 30 тыс. человѣкъ, онъ потерялъ уже 60 тыс. *) изъ своей арміи, такъ что къ Березинѣ онъ подступилъ съ войскомъ въ 95 т.; нужно обратить особенное вниманіе на это, о чемъ, даже въ Англіи, не имѣли настоящаго понятія. Когда Чичаговъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ хвастливости, писалъ, въ одномъ изъ своихъ заявленій, что у Наполеона было, по крайней мѣрѣ, 70 тыс. чел., въ Лондонѣ нашли, что число это кажется очень преувеличеннымъ; это доказываетъ, что Англію ввели въ заблужденіе какими нибудь ложными свѣдѣніями. Преувеличеніе, дѣйствительно, было, но въ обратную сторону, т. е. въ уменьшеніи настоящаго числа войскъ у Наполеона.

Теперь вернемся къ тому, что было сказано выше, на счетъ сокращенія арміи Чичагова на 30 тысячъ чел., оставленныхъ Сакену. Отъ сраженій, утомленія, болѣзней и холода, его армія сократилась еще на нѣкоторое число, такъ что, когда онъ прибылъ въ Борисовъ,

*) По подлиннымъ донесеніямъ Кутузова потеря исчислена въ 56,130 чел. Здѣсь приводятся круглыя числа.

Библиотека "Руниверс"

у него было только 25 тысячъ чел., изъ которыхъ 10 тыс. кавалеріи. сдѣлавшейся почти ни къ чему непригодною ради болотистой мѣстности, представлявшей зимою сплошной катокъ. было бы полнымъ безумiемъ разсчитывать, чтобъ какой бы то ни было генералъ смогъ съ 15 или 18 т. чел. захватить Бонапарта, у котораго было 95 тыс. Впрочемъ, какъ знать, что могло бы произойти, если бы каждый исполнилъ свой долгъ; но исполнили его очень немногіе.

Передъ сраженіемъ подъ Краснымъ, Бенингсенъ писалъ Императору: „медленность и слабость, съ которыми мы преслѣдуемъ непріятеля, доведутъ до того, что силъ у Чичагова не достанетъ, чтобы остановить его у Березины". Предсказаніе оправдалось; но чтобы его вполнѣ понять, нужно начать съ обнаруженія горькой истины. Фельдмаршалъ, чувствуя себя совершенно неспособнымъ нанести Наполеону смертельный ударъ, дрожалъ отъ страха, какъ бы ему не пришлось быть приведеннымъ къ самой Березинѣ, гдѣ, при хорошо извѣстномъ его настроеніи, онъ прямо предпочелъ бы выпустить Наполеона, хоть сто разъ къ ряду, чѣмъ видѣть, что Чичаговъ нанесетъ ему послѣдній ударъ. Кутузовъ ненавидѣлъ адмирала, и какъ соперника, который можетъ у него отнять часть его лавровъ, и какъ моряка, умѣющаго дѣйствовать и на сушѣ. Поэтому онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ погубить его. Вотъ и объясненіе всему происшедшему. Преступленія, на которыя онъ рѣшился, въ виду этого, будутъ сейчасъ объяснены.

На другой день, послѣ того, что̀ мостовыя укрѣпленія Борисова были взяты съ бою, адмиралъ перешелъ черезъ мостъ со всѣмъ своимъ штабомъ, но на аванпостахъ потерпѣлъ маленькую неудачу, по винѣ чрезъ-чуръ храбраго, но недостаточно опытнаго офицера. Такъ какъ я пишу не книгу, то не коснусь подробностей. Достаточно сказать, что Чичаговъ, при отступленіи черезъ этотъ мостъ, потерялъ до 30 фуръ, и отъ 100 до 150 чел. убитыми или плѣнными. Фельдмаршалъ донесъ объ этомъ Государю слѣдующими словами: „Адмиралъ Чичаговъ только что причинилъ мнѣ уронъ въ 4,000 чел. убитыми, 2,000 плѣнными; но о подобныхъ вещахъ не слѣдуетъ публиковать, вслѣдствіе дурнаго впечатлѣнія, которое онѣ производятъ". Но это еще не все. Графу Витгенштейну приказано было перейти Березину и присоединиться къ Чичагову, на правомъ берегу, а генералъ Эртель, командовавшій 8-ю тыс. чел. въ Мозырѣ, долженъ былъ еще въ Минскѣ присоединиться къ нему. Эртель не исполнилъ приказа, совершенно не стѣсняясь, по пустѣйшимъ отговоркамъ, и Чичаговъ счелъ себя обязаннымъ предать

Библиотека "Руниверс"

его полевому суду, по которому ему грозила смертная казнь; но Эртель отлично зналъ, рѣшась ослушаться Чичагова, что этимъ самымъ онъ угождаетъ другому. И, дѣйствительно, адмирала вскорѣ послѣ того, попросили не возбуждать дѣла, такъ что Эртелю это сошло безнаказанно. Чичаговъ такимъ образомъ не получилъ 8 тыс. подкрѣпленія; но ему пришлось перенести еще и другіе подвохи. Зная, на что способенъ Чичаговъ и при такомъ недочетѣ, необходимо было удалить его съ береговъ Березины, и вотъ какъ это устроили. 12-го (25-го) Ноября адмиралъ получилъ отъ кн. Кутузова письмо, которымъ тотъ извѣщалъ его, что, по полученнымъ имъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, бо́льшая часть войскъ непріятеля идетъ на Бобруйскъ (болѣе чѣмъ на 100 верстъ южнѣе, см. карту) и что необходимо Чичагову поспѣшить пресѣчь ему дорогу.

Нѣсколько часовъ послѣ полученія письма отъ кн. Кутузова, гр. Витгенштейнъ увѣдомлялъ его о томъ же. Чичаговъ оставилъ одну дивизію въ Студянахъ, на 20 или 25 верстъ восточнѣе, но все еще на самой Березинѣ, нѣсколько обсерваціонныхъ постовъ вдоль рѣки, а самъ быстро направился къ Бобруйску: но онъ не успѣлъ отойти и 20 верстъ, какъ примчавшійся казакъ донесъ ему, что Наполеонъ, со всей своей арміей, аттакуетъ дивизію, оставленную въ Студянахъ. Правый берегъ рѣки господствовалъ надъ лѣвымъ; рѣка не глубока, что̀ позволило кавалеріи переправиться черезъ нее въ бродъ, сажая позади себя на лошадь пѣхотинцевъ. Послѣ упорнаго боя, затянувшагося далеко за ночь, генералъ Чаплицъ, командовавшій отрядомъ, принужденъ былъ отступить, а Бонапартъ, нарубивши лѣсу, навелъ мосты и началъ переправу. Безъ сомнѣнія, является вопросъ, почему же Витгенштейнъ не послѣдовалъ даннымъ ему инструкціямъ и почему главная армія, безъ которой нельзя было ничего сдѣлать, почему она, въ этотъ рѣшительный и предвидѣнный моментъ, находилась въ ста верстахъ отъ пункта, на которомъ ей слѣдовало быть? Отвѣтъ на это очень простъ. Еслибъ Французскую армію истребили при Березинѣ, то слава отъ этой побѣды досталась бы тремъ полководцамъ, принявшимъ въ ней участіе и болѣе всего, если ужъ не исключительно, одному, Чичагову; тогда какъ, если главная армія оставалась позади, Французскую армію немыслимо было остановить, но за то можно было эту ошибку всецѣло взвалить на одного человѣка, которымъ хотѣли пожертвовать, нанеся нѣсколько громкихъ ударовъ по хвосту тигра, вмѣсто того, чтобъ серьезно отразить его, чего не пожелали сдѣлать герои дня!

Библиотека "Руниверс"

Все такъ и произошло, какъ предвидѣли. Въ Петербургъ донесли, что адмиралъ Чичаговъ выпустилъ Бонапарта, и сейчасъ же всѣ поднялись противъ него, какъ на изобличеннаго измѣнника, а пишущій эти строки нигдѣ не слышалъ, чтобъ, при этихъ крикахъ, хоть кто нибудь посмѣлъ спросить: сколько солдатъ было въ распоряженіи у Чичагова. А вѣдь, однако, это было такое обстоятельство, которое слѣдовало принять во вниманіе.

Чичаговъ не далъ себя смутить этимъ страшнымъ предательствомъ и собралъ всѣ свои силы, чтобъ напасть на врага, на приготовленія къ чему и употребилъ весь день $^{15}/_{27}$. Графъ Витгенштейнъ находился, съ 13-го, въ Ракаси, и хотя эта деревня всего только 25 вер. отъ Борисова, его пушки загремѣли только 15-го вечеромъ. Чичаговъ тотчасъ вошелъ съ нимъ въ сношеніе и предложилъ ему сдѣлать на слѣдующее утро аттаку, каждый съ своей стороны; но таже причина, которая помѣшала этому плану 13-го, остановила его и 16-го. Бонапартъ занималъ всѣ дефилеи съ многочисленной пѣхотой, достаточнымъ количествомъ артиллеріи и нѣкоторою исправною частью кавалеріи (ее привели ему Удино и Викторъ). Еслибъ Витгенштейнъ переправился черезъ Березину 16-го, онъ этимъ самымъ призналъ бы, что могъ сдѣлать это и нѣсколькими днями раньше; поэтому, хотя онъ и согласился во всемъ съ Чичаговымъ, но ничего не исполнилъ изъ обѣщаннаго. Адмиралъ началъ очень рано аттаку, съ своей стороны, и не слыша пушекъ Витгенштейна, послалъ къ нему, чтобъ поторопить его вести аттаку одновременно. Графъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ понтоновъ, адмиралъ тотчасъ же послалъ ему свои и горячо продолжалъ аттаку. Послѣ того, что̀ бились цѣлый день, войска Чичагова подвинулись впередъ; тогда Бонапартъ, чтобъ не быть стѣсненнымъ своимъ обозомъ, сжегъ свой мостъ, оставивъ 6 пушекъ, 10,000 чел. и свой огромный обозъ, о которомъ я писалъ. Витгенштейну досталась легкая слава завладѣть всѣмъ этимъ, и мы опять слушали молебствіе за эти великіе боевые подвиги. Почтенный графъ имѣлъ слабость написать въ своемъ донесеніи объ этомъ днѣ: „я заставилъ непріятеля перейти рѣку въ Студенцѣ“. На это очень справедливо замѣтили, что, значитъ, онъ сражался противъ Чичагова, которому было именно приказано не допускать этого перехода. Все дальнѣйшее извѣстно: Чичаговъ въ этотъ день отнялъ у Французовъ убитыми или взятыми въ плѣнъ 18,000 ч., 7 пушекъ и 2 знамя. Затѣмъ онъ бросился ихъ преслѣдовать, съ быстротою безпримѣрной, проводя всѣ ночи на бивуакахъ и не давая имъ ни минуты отдыха. Отъ Студенца до Вильны, въ 12 дней, Французы потеряли 40,000 плѣнными, отъ 25 до 30,000

Библиотека "Руниверс"

убитыми и 250 пушекъ. Въ Вильнѣ адмиралъ просилъ 20.000 чел., для дальнѣйшаго преслѣдованія, но фельдмаршалъ отказалъ. Три недѣли простояли у Нѣмана, который перешли только по прибытіи Государя. Остатки великой арміи воспользовались этой остановкой, чтобъ спастись со всѣми маршалами, выдающимися генералами, и можетъ быть съ 4,000 начальниковъ.

При Березинѣ ихъ всѣхъ ожидала гибель, до послѣдняго человѣка. Но зависть и самолюбіе помѣшали этому исполниться. Послѣдствія этихъ преступныхъ расчетовъ, даже въ настоящую минуту, очень серьезны. Дай Богъ, чтобъ они не были гибельны.

Вотъ когда, при подобныхъ важныхъ случаяхъ, можно съ грустію смотрѣть на силу предразсудковъ, поддерживаемыхъ духомъ партій и національною гордостію. Эта гордость требовала героя, и она же и смастерила его, какъ дѣлаютъ какой нибудь ящикъ или башмакъ; ей нужна была жертва, чтобъ сдѣлать ее виновною во всемъ, что творилось дурного, и такую жертву она нашла, и, какъ знать, удастся ли когда этой жертвѣ вполнѣ высказаться. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе кампаніи Кутузова, хотя стихіи способствовали сдѣлать ее эпохою въ исторіи. Онъ былъ осыпанъ милостями въ свои послѣдніе дни. Скончался онъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена, тѣло его было привезено сюда и погребено въ Казанскомъ Соборѣ (почесть, до него, никому еще не оказанная). Ему поставятъ памятникъ. А, между тѣмъ, еслибъ этогожъ человѣка перенесть въ одинъ изъ нашихъ военныхъ совѣтовъ, или представить въ военный судъ Англіи, какъ знать, сохранилъ-ли бы онъ голову. Чичаговъ, напротивъ, не совершилъ ни одной ошибки, всегда былъ въ должное время на назначенномъ мѣстѣ, нанесъ врагу своего отечества страшные удары, а отечество отказывается отъ него, нелѣпо обвиняя его въ томъ, что онъ выпустилъ врага.

Адмиралъ перенесъ эти несправедливости съ достоинствомъ и твердостію, ему присущими. Онъ хотѣлъ понудить Государя заступиться за него и отдать ему справедливость всенародно; но Государю это, буквально, невозможно. Ему пришлось бы ниспровергнуть общаго кумира; пришлось бы даже огорчить Витгенштейна, у котораго хотя и были минуты слабости, но, не смотря на это, онъ чудесный человѣкъ, съ которымъ самъ Чичаговъ не порвалъ. Императоръ Нѣмецкаго происхожденія, очень добръ, болѣе зрѣлъ, чѣмъ его народъ и отлично понимаетъ его. Государь подвергъ бы себя большой опасности, еслибъ рѣшился пойти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ своего народа, поддерживая открыто

Библиотека "Руниверс"

Чичагова. А Чичаговъ не хочетъ этого понять и, вслѣдствіе этого, удалился, отрапортовавшись больнымъ (это обычный здѣсь пріемъ). Онъ теперь здѣсь, держитъ себя гордо и чувствуетъ себя совершенно спокойнымъ; видается съ немногими друзьями, оставшимися ему вѣрными. Я вижусь съ нимъ ни чаще, ни рѣже прежняго и постоянно твержу ему, что мнѣ тяжело видѣть человѣка съ такими достоинствами, сдѣлавшагося безполезнымъ, по своему неукротимому нраву и по совершенно безразсуднымъ рѣчамъ. Онъ прекрасно выслушиваетъ меня, но не исправляется. Государю онъ написалъ, что его болѣзнь все продолжается; но кто знаетъ, что̀ онъ еще написалъ и что̀ съ нимъ будетъ?

Среди этой борьбы я любуюсь Императоромъ. Онъ принесъ великія жертвы, превозмогъ страшныя затрудненія, и съ большимъ искусствомъ примирилъ страсти самыя непримиримыя. Я не сомнѣваюсь, что ему пришлось дѣлать многое противъ своихъ склонностей и убѣжденій, но меня именно это и восхищаетъ.

Что̀ ему оставалось дѣлать? Вездѣ много говорятъ о всемогуществѣ Императора Русскаго; но забываютъ, что менѣе всего могучъ тотъ Государь, который все можетъ.

Ничѣмъ нельзя исправить странную привычку большинства обыкновенныхъ людей судить о могуществѣ государей по тому, что̀ они могутъ дѣлать, тогда какъ его нужно оцѣнивать по тому, чего они не могутъ дѣлать. Султанъ или царь могутъ обезглавить или наказать кнутомъ, если имъ это угодно; и на это говорятъ: ахъ, какъ онъ могущественъ; а слѣдуетъ сказать: ахъ, какъ онъ безсиленъ! такъ какъ его могутъ на другой же день задушить. Жестокость называютъ силою, а это двѣ вещи, между тѣмъ, такъ же мало сходны, какъ сладкое съ приторнымъ. Нѣтъ ничего легче доказать, во всякое время и кому угодно, что нашъ король и его дѣйствительные сотрудники во сто кратъ болѣе независимы и неограничены, чѣмъ Русскій Императоръ, которому еще долго нельзя будетъ отдать справедливость адмиралу, какъ бы онъ ни хотѣлъ этого.

Всѣ глаза устремлены, въ настоящее время, на Германію, гдѣ дѣло началось совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Много говорили о постыдномъ бѣгствѣ Бонапарта, и я вижу, что это мнѣніе дошло и до короля; но я увѣренъ что если его величество разсмотритъ все съ присущей ему мудростію, то онъ откажется отъ подобнаго мнѣнія. Какъ разъ Наполеонъ вынужденъ былъ удалиться: ему прежде всего былъ разсчетъ попасть въ Парижъ, или, скорѣе, нагрянуть туда.

Библиотека "Руниверс"

Онъ не былъ наивенъ, чтобъ дать намъ время послать нашихъ агентовъ въ Германію для предупрежденія всѣхъ быть на готовѣ (что, къ стыду нашему, мы не сдѣлали двумя мѣсяцами раньше) и стрѣлять по немъ, при его проѣздѣ. Безъ денегъ, безъ рубашекъ, онъ пролетѣлъ, какъ молнія, черезъ всю Германію однимъ могуществомъ своего имени, которое два мѣсяца позднѣе перестало бы существовать. Онъ вернулся въ Парижъ, прежде чѣмъ бунтовщики успѣли опомниться, привелъ все въ порядокъ, устроилъ, успокоилъ и, въ то время, какъ здѣсь кричали: онъ низверженъ, онъ умираетъ со стыда, у него нѣтъ больше денегъ, онъ не можетъ болѣе сражаться, не имѣя ни артиллеріи, ни лошадей, и т. п., онъ уже былъ въ сердцѣ Германіи, во главѣ 200000 чел. Онъ далъ битву подъ Лютценомъ, длившуюся 13 часовъ и гдѣ посты переходили по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки; онъ заставилъ Пруссаковъ и Русскихъ отступить и уступить ему это несчастное населеніе, которое слишкомъ явно выказало себя на сторонѣ праваго дѣла. Онъ три дня подъ рядъ бился въ Кёнигсвартѣ и Бауценѣ, отбросивъ Императора отъ Лейпцига къ Швейдницу. Всѣ эти бѣдствія, такими они по крайней мѣрѣ кажутся, происходили отъ двухъ причинъ: первая изъ нихъ та, что слишкомъ уже ни во что считали средства противника, а они у него были громадныя, а вторая постоянная медлительность Австрійцевъ. Императоръ пробылъ 6 недѣль въ Калишѣ, все въ переговорахъ съ ними. Они его убѣдили войти въ Саксонію, обѣщая быть постоянно близъ него; а, затѣмъ оставили его дѣйствовать одного, и я думаю даже, что еслибъ Пруссія принуждена была сама себя уничтожить, какъ приказывалъ ей это, условно, ея несчастный монархъ въ своей прекрасной и грустной прокламаціи отъ 21-го Апрѣля, набожная Австрія охотно бы подчинилась велѣніямъ Провидѣнія; но какъ кажется, Его предопредѣленія совсѣмъ не такія. Но нужно остерегаться излишняго страха. Сраженіе подъ Люценомъ имѣетъ много общаго съ Бородинскимъ. Его немного обезславили послѣдовавшимъ за нимъ отступленіемъ, но, тѣмъ не менѣе, оно нанесло страшный ударъ врагу. Къ тому же, отступленіе это не было вынужденное. Русскіе полководцы просили Государя отступить, дабы не истреблять понапрасну силы Его Величества, который съ минуты на минуту долженъ былъ присоединиться къ могущественному союзнику.

Наполеонъ выказалъ себя мастеромъ военнаго дѣла, пытавшись нанесть сильный ударъ, до прибытія Австрійскихъ баталіоновъ. Останься онъ побѣдителемъ при Люценѣ, Европа снова была бы въ цѣпяхъ; но онъ побѣдилъ только по газетамъ. Въ войскѣ Пруссіи и Россіи

Библиотека "Руниверс"

воодушевленіе прекрасное; при ежедневныхъ бояхъ преимущество всегда за Русскими и Пруссаками, захватывающими въ плѣнъ великое число. Французы приходятъ въ отчаяніе отъ казаковъ. Маршалъ Бессіеръ и знаменитый маршалъ Дюрокъ убиты. Настроеніе умовъ Австрійскаго народа тоже отличное; но что-то предприметъ Австрійская держава? Вещь невѣроятная. 2-го числа настоящаго мѣсяца она еще не шевельнулась. Не хочетъ ли она посмотрѣть, въ какую сторону наклонятся вѣсы, завоевать провинціи чужою кровью и выиграть громадный выигрышъ въ лотереѣ, на которую у ней нѣтъ билетовъ? Посмотримъ. Необходимо помнить, что Императоромъ Австріи—его министры, и что всѣ добродѣтели Двора такъ же чужды вопросу, какъ Китаю. По счастію, дѣла пойдутъ сами собой, по своему значенію, и все кончится Французами. Рѣшено, что они будутъ жестоко наказаны, при этомъ случаѣ (и, конечно, ничто не можетъ быть болѣе справедливымъ), но нисколько не унижены, и они и изъ этаго положенія выйдутъ съ репутаціей націи самой сильной, т. е. такой, которая, во время войны, выставляетъ самую бо́льшую силу въ соединеніи съ величайшимъ умѣніемъ.

Походъ этотъ въ Россію непонятенъ: даже послѣ совершившихся событій не вѣрится, что изъ Парижа пошли въ Москву, чтобъ ее сжечь или велѣть сжечь: все остальное зависило уже отъ немногаго. Нельзя ли сказать другимъ державамъ: „теперь вашъ чередъ: идите сжечь Парижъ?“ Ну чтожъ! воскликнулъ бы Фридрихъ.

Старикъ Катонъ (а можетъ „кто другой, подъ его именемъ) сказалъ слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: у Галловъ всегда было два притязанія: хорошо говорить и хорошо сражаться. Ничто не измѣнилось и до настоящаго времени.

Говорили еще и другое что-то о другомъ народѣ, что точно также доказало бы, что никакихъ измѣненій нѣтъ; но, въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ объ этомъ написать, я забылъ, что̀ еще говорили.

Списки съ этого донесенія, равно какъ и нижеслѣдующаго письма о немъ сохранились въ бумагамъ графа С. Р. Воронцова и переведены съ Французскаго. Они напечатаны въ XV-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Письмо неизвѣстнаго лица о донесеніи графа Местра Сардинскому королю.

Лондонъ, 24-го Сентября (6 Октября) 1813 г.

Графъ. При семъ честь имѣю препроводить вашему сіятельству копію съ депеши гр. Местра, посланную имъ своему двору въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Я имѣлъ случай видѣть ее въ подлинникѣ и снять съ нея копію, какъ съ документа интереснаго во многихъ отношеніяхъ. Курьеры въ Главную Квартиру были очень часты, съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ этотъ документъ, но я воздержался переслать его Государю, а передаю его въ ваши руки. Ваше сіятельство лучше меня рѣшите, какое изъ него сдѣлать употребленіе, и я увѣренъ, что вы примете необходимыя предосторожности, чтобъ не подвести лицо, которое доставило мнѣ его и отъ котораго я могу получить и другія интересныя свѣдѣнія.

Депеша эта настолько же замѣчательна по дерзости и нелѣпости утвержденій, какъ и по пестротѣ ея слога. Право, не знаешь, чему больше удивляться въ этомъ курьезномъ произведеніи дипломатическихъ трудовъ гр. де-Местра: несвязности разсужденій, которыми онъ хотѣлъ подорвать славу Русскаго народа и князя Кутузова, или неудачной злобѣ, заставившей его провести раздѣльную черту между Государемъ, справедливо уважаемымъ и цѣнимымъ, и его народомъ, только что явно доказавшимъ ему свою привязанность, какъ правителю мудрому и кроткому.

Нѣтъ сомнѣнія, что Его Величество съ презрѣніемъ отвергнетъ лживый голосъ льстеца, который, только приниженіемъ добродѣтели его подданныхъ, думаетъ превознести его собственную добродѣтель, и воздать должное таланту, только потому, что онъ не Русскій. Такъ и сквозитъ черезъ это сплетеніе ошибочныхъ мнѣній, перемѣшанныхъ

Библиотека "Руниверс"

съ игрою словъ, неумѣстною ни въ какомъ случаѣ въ дѣловой бумагѣ, опредѣленная ненависть къ Русскимъ автора этого страннаго донесенія. Казалось бы необъяснимымъ, что гр. де-Местръ питаетъ еще такія чувства, не смотря на свое десятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, за которое онъ столько постоянно видѣлъ милостей и добрыхъ къ нему отношеній, какъ отъ Императора, такъ и отъ всего общества; но меня это не удивляетъ. Я слышалъ, какъ онъ сожалѣлъ о прекращеніи вопроса о сектантахъ Іезуита Малагриды*) и защищалъ ихъ. Главный предметъ этого донесенія состоитъ въ томъ, чтобъ оправдать адмирала Чичагова въ приписываемыхъ ему въ Англіи ошибкахъ, въ его дѣйствіяхъ, при Березинѣ. Но мнѣ претитъ допустить, чтобъ это дѣлалось съ вѣдома адмирала Чичагова. Зная возвышенныя чувства адмирала, нельзя его заподозрить въ допущеніи,—хотя бы съ тайнаго его на то согласія,—позорить его родину, чтобы вернуть себѣ мнѣніе чужой націи. Считаю однако нужнымъ сдѣлать извѣстнымъ вашему сіятельству, что это донесеніе, написанное безъ шифры, было поручено Англійскому курьеру и, слѣдовательно, извѣстно Англійскому министерству.

*) Малагрида, казненный въ Испаніи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

ПОБѢГИ КЪ НЕПОКОРНЫМЪ ГОРЦАМЪ.

Жизнь у Шамиля.

(1832—1859 гг.).

Изъ слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ мы можемъ совершенно ясно себѣ представить, какіе разбойничьи подвиги совершали въ нашихъ предѣлахъ бѣглые казаки. Мы знаемъ также, какъ окончило большинство изъ нихъ свою буйную жизнь. Но про ихъ существованіе у горцевъ, нравы и обычаи Чеченцевъ, наконецъ, про какіе либо замыслы Шамиля и его наибовъ наши архивы даютъ пока самыя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія*). Каждый пойманный или добровольно явившійся изъ бѣговъ казакъ подвергался у насъ на Линіи допросу; но на вопросъ: „не знаешь ли чего особеннаго о горцахъ и вообще, что могъ замѣтить, находясь у нихъ“—всѣ казаки говорили: „знать ни-

*) Источники: приказъ по Кавк. Линейн. войску 1839 г. № 55—о казакѣ Матукѣ Мазавовѣ. 3 стола Войсков. Дежурств.—дѣла: 2 Св. № 3—№ 156 о казакѣ Хурановѣ. 1841 г.; 3 Св. № 8—№ 112 о казакѣ Иванѣ Фроловѣ 1841 г.: 4 Прик. по Кавк. лин. войску 1842 г. № 25 о казакахъ Матвѣѣ Богоевсковѣ и Иванѣ Кулаковѣ. 3 стола Войск. Деж. дѣла: 5 Св. 11—№ 202 о казакахъ Байрамѣ Эрженовѣ и Курманъ-Али-Таштемировѣ 1842 г.; 6 св. 10—№ 190 Зотъ Черинъ 1843 г.; 7 дѣло I ст. св. 3—№ 148, о казакѣ Александрѣ Голаевѣ 1843 г. Дѣла 3 ст. 8 св. 10—№ 165—Гулаевъ, Свиткинъ и Андреевъ 1844 9 10—188—Вавиловъ 1845, 10 св. 17—392 Иванъ Архиповъ 1852. 11 св. 20—дѣло 512 Амакай Асановъ 1854 12 св.—№ 495 Капланъ Ализаевъ 1854 13 св. 22—№ 620 Шамшадонъ-Бухаровъ 1857 14 св. 22—№ 601. Лука Кудрявцевъ 1857 15 св. 24—№ 691 Несторъ Доспѣевъ 16 св. 25—№ 741 Федоръ Назаровъ 1859 17 св. 24—№ 657 Игнатъ Черновъ 1859 и другіе дѣла и приказы.

Библиотека "Руниверс"

чего не знаю, вѣдать не вѣдаю". Трудно предположить, чтобы они были искренни. Казаками руководило вѣроятнѣе всего или нежеланіе выдавать тѣхъ, кто имъ оказывалъ, хотя временно, гостепріимство, или, быть можетъ, боялись они подвергнуть себя или своихъ близкихъ кровной мести туземцевъ. Какъ бы то ни было, но пребываніе казаковъ у Чеченцевъ проливаетъ очень мало свѣта на нравы и обычаи горцевъ того времени и на участіе нашихъ бѣглецовъ въ дѣйствіяхъ противъ насъ въ скопищахъ Шамиля и его наибовъ.

Вотъ что можемъ мы разсказать про жизнь въ горахъ.

Бѣжавъ изъ станицы, казаки стремились къ Тереку. Переправа черезъ рѣку являлась первымъ труднымъ испытаніемъ для бѣглецовъ. Во первыхъ—можно было всегда наскочить на секретъ, попасть подъ ружейный огонь или утонуть. Во вторыхъ—сама рѣка, какъ препятствіе, требовала извѣстныхъ усилій. Нѣкоторые переплывали Терекъ на лошадяхъ; другіе захватывали чей нибудь каюкъ и не только переправлялись на другой берегъ, но совершали довольно продолжительное путешествіе по водѣ, подымаясь даже и по Сунжѣ. Излюбленными мѣстами для переправы служили окрестности станицы Николаевской, поста Аксинскаго и Новаго-Юрта.

За Терекомъ бѣглецамъ уже было свободнѣе. Но встрѣчи съ Чеченцами являлись также далеко не безопасными. Горцы открывали обыкновенно огонь первыми, завидя казаковъ и не зная съ какими намѣреніями они являлись на Чеченскій берегъ. Поэтому наши дезертиры старались прежде всего добраться до ближайшаго непокорнаго аула и объявиться кому либо изъ Чеченцевъ, славящагося на Линіи, какъ посредникъ между казаками и горскими властями. Особенною популярностью въ станицахъ пользовались въ описываемое нами время мулла Нуръ-Магома, Хаджи-Ханъ, Вамегжи, Траммъ, Амма, Магометъ, Бирюкъ и др.

Съ тѣхъ поръ, какъ Шамиль прочно утвердилъ свою власть, онъ завелъ строгіе порядки. Каждый Русскій дезертиръ изъ передовыхъ ауловъ, подъ конвоемъ, непремѣнно, доставлялся къ одному изъ наибовъ (Талхикъ, Али-Ахметъ, Суэсипъ, Мула Шуаипъ и др.), которые и рѣшали ихъ судьбу. Однихъ сразу принимали, какъ полноправныхъ людей, другихъ давали на поруки нѣкоторымъ Чеченцамъ, а преимущественно Русскимъ дезертирамъ, наконецъ, третьи обезоруживались и даже заковывались въ цѣпи. О бѣглецахъ послѣдней категоріи собирались справки, что̀ дѣлалось весьма скоро и достовѣрно при помощи существовавшихъ тогда непрерывныхъ сношеній между Чеченцами и казаками. Чѣмъ бо̀льшимъ числомъ преступленій на Линіи сопровождался побѣгъ, тѣмъ желаннѣе принимался дезертиръ. Прошлое казака

Библиотека "Руниверс"

на Линіи служило мѣриломъ его благонадежности для горцевъ. Быть можетъ, именно поэтому, совершивъ побѣгъ, и старался казакъ обагрить свою руку преступленіемъ. Онъ обезпечивалъ этимъ свою будущность въ горахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывалъ себѣ путь отступленія на родину, боясь припадка слабости въ минуты тоски по станицѣ.

Дезертиры распредѣлялись по ауламъ. Наиболѣе надежные изъ нихъ даже были собраны Шамилемъ въ одномъ поселеніи, въ оврагѣ, недалеко отъ Дарго. Въ 1852 году въ этой деревнѣ жило 150 человѣкъ, изъ которыхъ десять женатыхъ, имѣвшихъ дѣтей. Всѣ они получали отъ Шамиля паекъ и занимались мирнымъ трудомъ, по преимуществу земледѣліемъ, воздѣлывая для Имама кукурузу и приготовляя запасы сѣна. Другіе работали въ горахъ въ желѣзномъ рудникѣ, открытомъ въ 1851 году однимъ бѣглымъ фельдфебелемъ. Вскорѣ однако руда изсякла, и на заводѣ стали дѣлать ракеты, чѣмъ занимался бѣжавшій изъ Тифлиса солдатъ. Но боевыя ракеты рвались на мѣстѣ, и только сигнальныя удавались мастерамъ. Часть Русскихъ Даргинскихъ переселенцевъ работали на пороховомъ заводѣ, устроенномъ Шамилемъ въ Дарго около рѣчки. Главными мастерами были какой-то Арабъ и бѣглый Татаринъ-солдатъ изъ Казани. Наконецъ нѣкоторое число дезертировъ служило въ Шамилевской артиллеріи.

Бѣглые казаки разселялись по ауламъ, и въ Дарго ихъ жило только 3—4 человѣка. Чеченцы вообще къ тяжелой черной работѣ неспособны и очень цѣнили тѣхъ безропотныхъ казаковъ, которые не были созданы для хищничества и разбоевъ. Такіе бѣглецы всегда находили въ аулахъ заработокъ и часто переходили изъ рукъ въ руки отъ одного хозяина-Чеченца къ другому. Ихъ работа, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, носила характеръ найма и была чужда крѣпостной зависимости, что̀ несомнѣнно существовало у Чеченцевъ по отношенію къ Русскимъ плѣннымъ. Побѣги этой категоріи казаковъ участились съ 1852 года, когда казаки въ своихъ взглядахъ на вольность уже значительно измельчали и когда нравы на Линіи замѣтно смягчались.

Въ гораздо худшемъ положеніи находились тѣ бѣглецы, которые являлись въ глазахъ горцевъ неблагонадежнымъ элементомъ. Увлеченный въ 1844 году въ побѣгъ изъ Червленной станицы казаками Михѣемъ Гуляевымъ и Тимофеемъ Свиткинымъ, малолѣтокъ Анисифоръ Андреевъ, черезъ двадцать дней послѣ прибытія въ аулъ Узунталла, началъ сильно тосковать по родному дому и не разъ плакалъ. За проявленіе такой слабости его поручитель, Гуляевъ, ругалъ его, билъ и содержалъ въ цѣпяхъ вмѣстѣ съ плѣнниками. Подобные Андрееву дезертиры не представляли для Чеченцевъ особенной цѣнности. Къ труду

Библиотека "Руниверс"

они не были способны, выкупа ожидать за них нельзя, такъ какъ возвращеніе на линію сопровождалось съ неминуемою карою. Поэтому жизнь такихъ бѣглецовъ была далеко не завидна.

Въ горахъ бѣглые казаки имѣли полную возможность не только получить у горцевъ полноправіе, но семью и безбѣдное существованіе: стоило только принять Исламъ. Судя по той свободѣ и довѣрію, которыми пользовались казаки у Чеченцевъ, большинство, конечно, переходило въ Магометанство. Но, отрѣкаясь отъ вѣры отцевъ, бѣглецы очевидно смотрѣли на это, какъ на практическую необходимость, притомъ совершенно временнаго характера. Въ своемъ отклоненіи отъ Христіанства возвратившіеся на Линію не сознаются и не выдаютъ товарищей. Лишь Алпатовъ, да Корчагинъ и немногіе другіе, имѣвшіе слишкомъ много баласту на совѣсти, дерзнули публично признаться въ принятіи Ислама.

Къ казакамъ-хищникамъ и отступникамъ въ высшей степени благоволилъ Шамиль и всячески выказывалъ имъ свое расположеніе. Бѣжавшій въ горы въ 1842 году казакъ Филатъ Алешечкинъ поселился въ аулѣ Чалы съ Михѣемъ Корчагинымъ и Зотомъ Черинымъ. Въ это самое время Шамиль отлилъ три пушки, собралъ всѣхъ надежныхъ Русскихъ дезертировъ, пошелъ походомъ въ землю Чаберли. Три эти казака были подчинены наибу изъ Тавлинцевъ Нуръ Магомету. Во время битвы наибъ былъ убитъ Чаберлинцемъ, въ свою очередь пораженнымъ на смерть Зотомъ Черинымъ. Объ этомъ узналъ Шамиль и вытребовалъ по окончаніи похода къ себѣ трехъ казаковъ, обласкалъ ихъ, обѣщалъ награждать и позволилъ жить, гдѣ пожелаютъ, но посовѣтовалъ быть осторожнѣе. Прощаясь, казаки по обычаю поцѣловали ему правую руку и обѣщались служить вѣрою и правдою. Затѣмъ Алешечкинъ, Черинъ и Корчагинъ пошли въ Чали, откуда черезъ два мѣсяца были вытребованы къ пятисотенному старшинѣ на поляну Тохчирсу. Тутъ отъ имени Шамиля, старшина навѣсилъ на нихъ медали. Казаки отправились въ Дарго благодарить Шамиля. Имамъ милостиво ихъ принялъ, снова обласкалъ и подарилъ изъ рукъ своихъ по куску кумача.

Но, отступивъ даже отъ вѣры и пользуясь милостями Шамиля, бѣглые казаки не могли все-же въ душѣ примириться съ новою жизнью. Ихъ тянуло къ своимъ. Многіе воровски прокрадывались въ станицы и навѣщали женъ. Другіе тосковали по Русской пищѣ и являлись въ станицы для воровства хлѣба, а главное чихиря. Тимофей Свиткинъ, Наумъ Вавиловъ и Филатъ Алешечкинъ совершили въ 1845 году смѣлый набѣгъ въ Щедринскую станицу, чтобы полакомиться чихиремъ.

Библиотека "Руниверс"

Какое-то неосторожное ихъ дѣйствіе вызвало тревогу, станица всполошилась, и раненый въ ногу Алешечкинъ былъ пойманъ.

Тоска по родинѣ вызываетъ общеніе съ другими себѣ подобными бѣглыми казаками и солдатами-дезертирами. Въ большіе праздники, а именно на Рождество, Пасху и въ Царскіе дни, они собираются вмѣстѣ. Такъ въ 1856 году „много солдатъ, Донскихъ и линейныхъ казаковъ, до ста человѣкъ, сошлись на Пасху въ аулѣ Нурки, гдѣ пили водку и брагу и имѣли разговоры“. Эта потребность къ общенію со всѣми особенно знаменательна, принимая во вниманіе, что многіе бѣглые обзаводились новыми Магометанскими семьями.

Не желавшіе работать у Чеченцевъ должны были изыскивать себѣ средства къ жизни набѣгами на станицы для воровства и грабежа, а преимущественно для скота и конокрадства и захвата Русскаго населенія, съ цѣлью извлечь пользу изъ выкупа или продажи плѣнныхъ въ рабство Чеченцамъ. Какъ совершались эти набѣги, достаточно выясняетъ жизнь Алпатова и его шайки.

Яшка Алпатовъ.

(1842—1856).

1.

При Грозномъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ неудержимая сила влекла во всѣ стороны охочихъ энергичныхъ людей къ расширенію земли Русской. Тѣ идеалы и желанія, въ которыхъ открыто не осмѣливалось признаваться правительство, осуществлялись на дѣлѣ вольницею, назвавшею себя казаками.

Слабое тогда государство Россійское часто отрекалось отъ солидарности съ Кавказскими казаками, предоставляло ихъ судьбѣ и не брало отвѣтственности за ихъ поступки и дѣйствія.

Лишь позднѣе, почувствовавъ въ себѣ достаточную мощь, для борьбы съ Турціею и Персіею, правительство наше признало станицы на Терекѣ за рубежъ своей земли, приняло казаковъ подъ свое покровительство и поняло необходимость укрѣпить пограничную полосу.

Устройство Кавказской линіи является актомъ великой государственной мудрости. Основаніемъ ея явились станицы осѣвшей вольницы. На подкрѣпленіе ей были двинуты переселенцы изъ внутреннихъ губерній, а преимущественно казаки съ Дона и Волги. Все это были

Библиотека "Руниверс"

Русскіе люди, которые, осѣдая на новомъ мѣстѣ, приносили свои нравы и обычаи. Держа въ одной рукѣ мечъ, большинство принялось другою за плугъ и прикрѣплялось къ землѣ. Прикрѣпленіе это вызывало любовь къ новой кормилицѣ и рождало сознаніе необходимости отстаивать каждую пядь земли отъ врага. Земледѣліе создавало идею обороны, которая была такъ необходима правительству.

Но на Линію шли не одни земледѣльцы. Множество народа устремлялось сюда, убѣгая отъ крѣпостного права и упорнаго и тяжелаго труда, мечтая о другихъ идеалахъ, а именно о вольной жизни. Эта категорія представляла собою избытокъ энергіи Россіи, искавшей выхода на просторъ пограничныхъ рубежей, шедшихъ сюда для продолженія дѣла первыхъ казаковъ. Но времена уже измѣнились. Теперь Россія не могла уже даже смотрѣть сквозь пальцы на активныя дѣйствія казаковъ. Запрещая имъ наносить вредъ горцамъ, правительство тѣмъ самымъ удерживало и послѣднихъ отъ нападенія на наши предѣлы.

Такимъ образомъ, развивая всячески среди казаковъ идею о необходимой оборонѣ, государство наше должно было одновременно стремиться обуздать свою вольницу и остановить самовольные порывы казаковъ впередъ. Но обуздать эту вольницу было не такъ-то легко. Столкнувшись съ природою, поощрявшею своими лѣсами и горами къ безпредѣльной дѣятельности, а главное, войдя въ соприкосновеніе съ горными народами, не признававшими никакой власти, казаки не могли не понять всей прелести вольной независимой жизни. Они незамѣтно для себя приняли не только костюмъ горцевъ, но обычаи и идеалы. Правительству предстояла трудная задача перевоспитать свой буйный и пылкій элементъ.

И надо признаться, государство Россійское повело удивительно умѣло свою политику съ казаками. Не имѣя возможности остановить нежелательныя ему дѣйствія казаковъ какими либо существенными мѣрами, оно на первыхъ порахъ старалось создать общины, имѣвшія самоуправленіе и отвѣтственныхъ выборныхъ старшинъ. Послѣдніе конечно могли ручаться только за огульный образъ дѣйствій общины, но не въ силахъ были остановить отдѣльныхъ смѣльчаковъ въ ихъ личныхъ предпріятіяхъ. Всѣмъ этимъ общинамъ правительство придаетъ военную организацію, называя „войскомъ“: Гребенскимъ, Астраханскимъ, Терскимъ, Кизлярскимъ... Затѣмъ съ теченіемъ времени „войско“ постепенно принимаетъ физіономію и названіе „полка“, что вносило въ существованіе уже понятіе о вполнѣ законченной военной части. Наконецъ, въ 1832 году, сознавая необходимость объединенія всѣхъ этихъ линейскихъ полковъ въ одно цѣлое, не столько въ военномъ,

Библиотека "Руниверс"

сколько во внутреннемъ отношеніи, правительство создаетъ Кавказское Линейное войско и ставитъ во главѣ его наказного атамана.

Собственно этимъ актомъ былъ поставленъ конецъ вольности жившихъ на Терекѣ казаковъ. Больше уже не могло имѣть мѣста проявленіе своеволія. Каждое такое выступленіе могло быть усмирено. Для этого достало бы и силъ и средствъ.

Въ тяжеломъ положеніи очутились тогда тѣ казаки, которые не признавали прелести въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, въ отрядахъ, гдѣ все было подчинено распоряженію власти. Не было больше простора для иниціативы, а главное получалась почти полная бездоходность въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя прежде такъ поддерживали хозяйство казака. О широкихъ грабежахъ не могло быть и рѣчи. Съ высоты атаманской власти раздалось грозное: „Линейный казакъ не хищникъ, а воинъ Христовъ“.

Между тѣмъ энергіи было еще много. Къ жаждѣ своевольничать примѣшивалось сожалѣніе о временахъ былыхъ, объ отнятой вольной жизни. У многихъ предпріимчивыхъ натуръ явилось озлобленіе къ власти. И вотъ открывается новый клапанъ для казачей энергіи: *побыли къ непокорнымъ горцамъ и война противъ своихъ*. Дѣйствіе ужасное съ нашей національной точки зрѣнія, вызывавшее перемѣну вѣры, разрывъ съ прошлымъ и постоянное угрызеніе совѣсти. Но съ точки зрѣнія казака въ этомъ порывѣ много извинительнаго и понятнаго. И къ памяти этихъ послѣднихъ борцевъ за свободу, въ большинствѣ положившихъ свои буйныя головушки на плахѣ, казаки относятся до сихъ поръ снисходительно и доброжелательно. Объ этихъ послѣднихъ Могиканахъ вольности сейчасъ и поведемъ мы рѣчь.

2.

Въ концѣ сороковыхъ и въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ особенно плохо приходилось жителямъ Наура и окрестныхъ станицъ. Война не особенно пугала казаковъ и не слишкомъ разоряла ихъ. Къ ней привыкли, какъ къ неизбѣжной необходимости: но утомляла казаковъ невозможность спокойно работать. Горцы, какъ дикія кошки, переправлялись на нашу сторону небольшими шайками, грабили и разбойничали. Приходилось всѣ полевыя, а въ особенности садовыя работы, производить съ ружьемъ за плечами. Въ особенности стало тяжело, когда въ набѣгахъ горцевъ приняли участіе наши бѣглые казаки: Филатъ Алешечкинъ, Зотъ Черинъ, Иванъ Фроловъ, Наумъ Вавиловъ, Михѣй Гуляевъ (онъ же Корчагинъ), а въ особенности

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Алпатовъ[1]). Отрѣзавъ себѣ преступленіями путь къ возврату на родину въ станицы, бѣглецы эти совершенно сроднились и сблизились съ Чеченцами, и образовывали совмѣстно съ ними хищническія шайки. Отлично зная ходы и выходы въ станицы, нравы и обычаи казаковъ, они являлись проводниками и главарями всѣхъ партій. А атаманомъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ сталъ Алпатовъ. Населеніе настолько его боялось, что долгое время бабы именемъ его пугали дѣтей: скажутъ: „Яшкѣ отдамъ“ или „Яшка идетъ“, и присмиряетъ малышъ.

Началъ свою дѣятельность казакъ Наурской станицы Моздокскаго полка Яковъ Алпатовъ воровствомъ телушки у сосѣда въ 1842 году. Онъ попался въ кражѣ и былъ высѣченъ въ станичномъ правленіи. Самолюбивый казакъ не вынесъ порки и по примѣру многихъ—бѣжалъ къ непокорнымъ Чеченцамъ. Тутъ онъ сейчасъ же сошелся съ тремя бѣглыми, Филатомъ Алешечкинымъ, Зотомъ Черинымъ и Михѣемъ Гуляевымъ (Корчагинымъ), которые и приняли его къ себѣ въ товарищи[2]). Съ Черинымъ, двумя Чеченцами и бѣглымъ солдатомъ-Полякомъ совершилъ Алпатовъ свой первый набѣгъ, переправившись черезъ Терекъ у поста Нижнепрогоннаго. Въ окрестностяхъ Червленной шайка захватила четырехъ пасшихся лошадей, но, попавъ подъ огонь секретныхъ казаковъ, бросила добычу и только съ большимъ трудомъ спаслась. Быть можетъ, эта неудача, а вѣрнѣе тоска по семьѣ, заставила скоро Алпатова стремиться въ станицу. Родные исхлопотали ему у начальства прощеніе.

Алпатовъ вернулся домой къ женѣ и двумъ дѣтямъ, но сталъ совершенно другимъ человѣкомъ: часто загуливалъ, съ начальствомъ держалъ себя какъ-то вызывающе и ходилъ хмурый, всегда погруженный въ какую-то думу. Разговаривать сталъ казакъ мало, хотя и былъ по природѣ человѣкомъ общительнымъ и живымъ. Попробовалъ, значитъ, казакъ вольной жизни и сталъ тосковать по природѣ. А тутъ, слыша разсказы о прошлой свободной жизни казаковъ, сопоставлялъ онъ съ нею все болѣе и болѣе усиливающійся гнетъ начальства. Трудно Алпатову было смириться передъ не всегда справедливыми властями.

Вскорѣ настроеніе и думы Алпатова выплыли наружу. 1845 годъ былъ весьма урожайный, а потому осеннихъ свадебъ было очень много. Пируя въ числѣ гостей на одной вечеринкѣ, Алпатовъ вмѣстѣ съ дру-

---

[1]) Дѣла 3 стола Войскового Дежурства: 1) Связка 10 № 184; 2) Св. 10 № 190; 3) Св. 8 № 112, 4) Св. 10 № 188, 5) Св. 9 № 165 и 6) Разсказы и преданія объ Алпатовѣ, записанные въ 1910 году сотникомъ Харитономъ Михайловичемъ Мельниковымъ, послужившіе основаніемъ настоящему очерку въ почти неизмѣненной, но только нѣсколько дополненной архивными данными редакціи.

[2]) Арх. Войск. Дежурства 3 стола Св. № 8, дѣло № 112.

Библиотека "Руниверс"

гими плясалъ, пѣлъ и веселился. Всѣ, согласно обычаю, сидѣли въ шапкахъ. Въ папахѣ былъ и Яшка. Въ самый разгаръ веселья пришелъ и станичный начальникъ Ѳедоръ Ивановичъ. Всѣ встали, обнаживъ головы. Въ папахѣ остался лишь одинъ Яшка. Всѣмъ присутствующимъ стало не по себѣ. Вѣдь въ тѣ времена поступокъ Алпатова считался большимъ преступленіемъ. Покоробило и станичнаго начальника, который долженъ былъ конечно поддержать свой авторитетъ. Властный взглядъ, брошенный на Яшку, а потомъ на гармониста, заставилъ послѣдняго остановиться. Все сразу стихло. Парни робко жались по угламъ, всѣ ждали бури. Послѣ небольшого, неловкаго для всѣхъ затишья, начальникъ подошелъ къ Яшкѣ, а потомъ сказалъ: „А ты, бродяга, не хочешь снять шапки?“ И звонкая пощечина огласила казацкую хату. Яшка не моргнулъ даже глазомъ; онъ, стало быть, шелъ на это. Потомъ, молча, закинувъ руку назадъ, выхватилъ Алпатовъ изъ за пояса пистолетъ и въ упоръ направилъ въ голову своего обидчика. Но, подержавъ немного оружіе, онъ сказалъ: „Не тебя, а твоихъ дѣтей жаль; живи пока!“. И, пользуясь всеобщимъ ужасомъ и изумленіемъ, Алпатовъ быстро шмыгнулъ изъ хаты. На улицѣ раздался пистолетный выстрѣлъ. Всѣ поняли протестъ Яшки противъ начальства.

Въ туже ночь Яшка уворовалъ двухъ лошадей у командира полка полковника барона Аминова и скрылся съ ними въ горы. Начальство поняло свою оплошность и подрывъ престижа власти, а потому поспѣшило арестовать станичнаго начальника на недѣлю за непринятіе должныхъ мѣръ къ пресѣченію бѣгства Алпатова[1]). Но это дѣлу конечно не помогло. Лазутчики вскорѣ донесли, что Яшка за Терекомъ. О немъ забыли, но впрочемъ не надолго.

3.

Въ ночь подъ 8 Апрѣля 1845 года[2]) бѣглые казаки Филатъ Алешечкинъ, Тимофей Свиткинъ, Зотъ Черинъ, Яковъ Алпатовъ и пять Чеченцевъ захватили недалеко отъ Наурской станицы нѣсколькихъ лошадей и быковъ. Возвращаясь съ добычей и переправляясь черезъ Терекъ, шайка наскочила на казачій секретъ. Выстрѣлы заставили хищниковъ бросить воловъ на островѣ посреди Терека, а съ лошадьми ускользнули въ горы. Но съ дороги Черинъ вернулся для розыска утерянаго кинжала и постолета и попался вмѣстѣ съ тремя Чеченцами въ руки преслѣдовавшихъ шайку казаковъ. Онъ былъ доставленъ въ

[1]) Приказъ по Моздск. полку 1849 года № 6 Св. № 5 Дѣло № 34.

[2]) Ар. 2 стола Войск. Деж. Св. № 10 дѣло № 190.

Библиотека "Руниверс"

Науръ, судимъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ въ Червленной станицѣ при собраніи со всѣхъ станицъ Гребенского полка служащихъ и неслужащихъ казаковъ по двадцати пяти человѣкъ*).

Объ участи Зота Черина конечно скоро узналъ Алпатовъ; казнь и скорбь по товарищѣ служитъ толчкомъ для развитія его мстительности, предпріимчивости и смѣлости. Съ начала 1846 года о Яшкѣ заговорили не только Наурцы, но почти вся Линія по Тереку. Его отчаянные, до дерзости смѣлые разбойничьи набѣги на нашу сторону доставили намъ очень много хлопотъ: только и было разговору про Яшку. Тамъ угналъ онъ табунъ лошадей, тамъ взялъ въ плѣнъ кого нибудь. Не было отъ него житья. Зимой, когда хищникамъ трудно было найти мѣсто для ночлега, и лѣтомъ, когда Терекъ дѣлался полноводнымъ, про Яшку не было слышно. Зато весною и осенью работалъ Алпатовъ со своею шайкою во всю.

Иногда появлялся Алпатовъ въ станицѣ и одинъ. Надѣнетъ офицерскую форму и никто не подозрѣваетъ въ немъ разбойника. Лишь потомъ, когда уѣдетъ, начнутъ догадываться, кто былъ встрѣченный офицеръ. Много разъ пріѣзжалъ онъ къ женѣ и только впослѣдствіи, когда власти стали слѣдить за домомъ, прекратилъ Яшка свои посѣщенія.

Бывало, встрѣтитъ Алпатовъ какого-нибудь казака въ полѣ, остановитъ его и сейчасъ же спрашиваетъ: „Есть у тебя ружье?“ Было ружье, все сходило хорошо, развѣ отберетъ провизіи для шайки. Но не случись у встрѣченнаго ружья, приказывалъ Алпатовъ казака хорошенько отодрать, а потомъ говорилъ: „Это тебѣ за то, что ѣздишь безъ ружья. Теперь время опасное, а казакъ безъ ружья все равно, что̀ баба. Поѣдешь въ станицу скажи, что тебя высѣкъ Яшка“. Въ этой заботѣ о поддержаніи казачества крылась конечно глубокая иронія по адресу начальства, допустившаго паденіе военныхъ нравовъ, а также желаніе поднять духъ у тѣхъ, за которыхъ Алпатовъ отказался отъ вѣры и семьи, но которыхъ такъ любилъ послѣдній воровской атаманъ дѣйствительно вольныхъ Терскихъ казаковъ.

Къ убійствамъ Яшка прибѣгалъ лишь въ крайности, расправляясь съ сопротивлявшимися и спасая свою жизнь. Въ плѣнъ забиралъ только женщинъ и дѣвушекъ. Товаръ этотъ высоко цѣнился у Чеченцевъ: изъ Наурской станицы, съ хутора Атарщикова онъ увезъ въ плѣнъ двухъ родныхъ сестеръ Пятирублевыхъ, которыя и были отданы въ жены какимъ-то князьямъ. Впослѣдствіи, когда кончилась война, онѣ, говорятъ, пріѣзжали въ станицу, но остаться уже не захотѣли, а вернулись

*) Дѣло Войскового Дежурства 3 стола св. № 10 Дѣло № 190.

Библиотека "Руниверс"

въ Чечню къ мужьямъ и дѣтямъ. На хуторѣ Голышева (ст. Ищерской) Алпатовъ взялъ въ плѣнъ казака Тарасова и его табунщика, Ногайца, а по дорогѣ въ дачахъ Наурской станицы захватилъ на полевыхъ работахъ двухъ дѣвокъ Екушевыхъ и повелъ ихъ въ плѣнъ. Но тревога уже поднялась, и на переправахъ засѣли казаки. Плѣнныхъ удалось отбить храброму сотенному командиру, Наурцу же, Андрею Димитріевичу Усачеву.

4.

Такъ гулялъ Алпатовъ больше десяти лѣтъ. Изъ многихъ его подвиговъ наиболѣе удалыхъ надо считать слѣдующій набѣгъ произведенный въ 1851 году*).

Шайка Алпатова переправилась черезъ Терекъ недалеко отъ Ищерской станицы и пошла къ Степанъ-Бугру. Тутъ наткнулась она на нѣсколько казачьихъ командъ, а въ томъ числѣ и на взводъ сотника Панченко, но ловко ускользнула, замѣтя слѣды, и появилась 3 Октября на рѣкѣ Кумѣ у песчанаго брода, въ двухъ-стахъ верстахъ отъ Линіи по прямому направленію. Взявъ здѣсь въ плѣнъ губернскаго секретаря Буцевича, его воспитанника, переводчика, поручика Заустинскаго и убивъ нѣсколько человѣкъ прислуги, шайка круто повернула на Астраханскій трактъ, ограбила и убила 4-го Октября пятнадцать ловившихъ рыбу на озерѣ Калмыкъ. Затѣмъ 5-го Октября въ 11 часовъ дня между станціями Колпичевскою и Горькорѣченскою, Алпатовъ разграбилъ двѣ сошедшихся почты: Екатериноградскую и Астраханскую, захватилъ 37 тысячъ рублей, убивъ почтальона и двухъ конвойныхъ казаковъ. Совершивъ это злодѣяніе, партія встрѣтилась на дорогѣ съ Моздокскими Осетинами, слѣдовавшими на Серебряковскую пристань, и при перестрѣлкѣ одного тяжело ранила. Потомъ черезъ часъ шайка появилась на Горькорѣченской станціи и изрубила одного конвойнаго казака. Послѣ этого партія быстро пошла степью въ Гребенской полкъ, гдѣ и переправилась выше Щедрина, прежде, чѣмъ получено было на линіи извѣстіе о появленіи ея на Астраханскомъ трактѣ. Такимъ образомъ не болѣе, какъ въ 6-7 дней Алпатовъ прошелъ верстъ около семи сотъ, совершивъ настоящій рейдъ, цѣлью котораго было нападеніе на двѣ сошедшихся почты. Надо сознаться, что набѣгъ былъ прекрасно разсчитанъ и отлично выполненъ.

Послѣ этого приходится вѣрить, что Шамиль цѣнилъ и особенно отличалъ Яшку за его удаль.

---

*) Рапортъ к-ра Кизл. полка 14 Окт. 1851 г. № 460, Арх. Войскового Дежурства I-го стола Св. № 21—дѣло № 30.

Библиотека "Руниверс"

Но къ 1855 году Алпатовъ началъ видимо уставать въ своей дѣятельности и вѣроятно разочаровался въ вольности, купленной такою дорогою цѣною, какъ отрѣченіе отъ вѣры, родины и семьи. Вышедшіе изъ плѣна не разъ видѣли Яшку, и онъ имъ каялся, что надоѣло уже проливать Христіанскую кровь, что очень скучаетъ „по своимъ“, но, что вернуться на родной Терекъ конечно онъ не можетъ, такъ какъ его несомнѣнно разстрѣляютъ. Бѣжавшій изъ плѣна солдатъ, говорившій съ Яшкою незадолго, передавалъ, что Алпатовъ былъ очень мраченъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, часто глядѣлъ на нашу сторону за Терекъ; разъ-же, когда горцы ушли, долго распрашивалъ про Русскихъ, про ихъ намѣренія. Солдатъ не желая выдавать своихъ, прикусилъ языкъ. Тогда Алпатовъ потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Молодецъ, хорошій солдатъ. Вотъ ты въ плѣну, а куда счастливѣе меня! Тебя обмѣнятъ на плѣннаго Чеченца, или ты убѣжишь и вернешься къ своимъ, а я.....“, и слезы показались на суровыхъ глазахъ Алпатова.

5.

Съ весны 1856 года не проходило недѣли, чтобы на линіи не поднималась тревога. Приходилось на ночь или въ станицу ѣхать, или собираться для ночлега въ полѣ таборомъ въ нѣсколько десятковъ повозокъ.

Осенью разнесся вдругъ слухъ, что поймали Яшку. Но этому никто не повѣрилъ.

На этотъ разъ слухи оказались однако вѣрными. Яшку не только поймали, а онъ почти добровольно сдался самъ въ руки.

15-го Марта 1856 г. рано утромъ, командиръ Моздокскаго полка подполковникъ Іедлинскій получилъ извѣстіе изъ Ногайскихъ ауловъ съ Копани Корнѣева, въ 45 верстахъ отъ Наура, что хищники отбили нѣсколько десятковъ лошадей и, взявъ въ плѣнъ двухъ Ногайцевъ, потянулись къ Моздоку. Сообразивъ, что это дѣло рукъ Алпатова, Іедлинскій принялъ мѣры предосторожности на Терекѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ степь нѣсколько командъ казаковъ, изъ которыхъ одна къ вечеру открыла шайку около Камышева Ильменя, отбила взятыхъ въ плѣнъ вожаковъ-Ногайцевъ и четырехъ лошадей и завязала перестрѣлку. Однако наступившая ночь прекратила дальнѣйшія дѣйствія.

Хищники, видя совершенную невозможность углубляться далѣе въ степь на грабежи, повернули къ Тереку. Послѣ перестрѣлки подъ Алпатовымъ стала лошадь и была брошена въ степи. Тогда онъ пересѣлъ на Ногайскаго коня, и партія стала переправляться черезъ рѣку между станицею Мекенскою и хуторомъ Савельевскимъ. Но тутъ у

Библиотека "Руниверс"

Яшки загрузла лошадь въ тинѣ. Когда всѣ усилія вытащить ее оказались безуспѣшными, Алпатовъ сказалъ: „Ѣзжайте и дожидайтесь меня на томъ берегу, а я пойду на постъ и достану себѣ лошадь. Если же черезъ часъ меня не будетъ, знайте, что Яшку поймали“. Сколько ни уговаривали сподвижники своего атамана взять чью нибудь лошадь, Алпатовъ не согласился. Не захотѣлъ онъ также исполнить и настойчивое требованіе шайки взять съ собою нѣсколькихъ человѣкъ. Постъ, куда направился Яшка, назывался Рыночнымъ и находился между Мекенской станицею и Савельевскимъ хуторомъ, около того мѣста, которое извѣстно у жителей подъ названіемъ „Дурного переѣзда“.

Появленіе Яшки было совершенно неожидано. На разсвѣтѣ къ начальнику поста урядн. Цымлянскому прибѣжалъ дневальный: „У насъ въ конюшнѣ Алпатовъ!“ Урядникъ въ одномъ бешметѣ вскочилъ съ постели, схватилъ ружье и выскочилъ на дворъ. Поставивъ трехъ казаковъ въ воротахъ, на единственномъ пути отступленія Яшки, Цымлянскій побѣжалъ въ конюшню. Яшка, съ головы до ногъ увѣшанный оружіемъ, стоялъ около засѣдланной лошади. Увидѣвъ урядника, онъ даже не пошевельнулся, а только сказалъ: „Здравствуй, Цымлянскій!“ Однако ты, братъ счастливый, что тебѣ, а никому другому пришлось поймать Яшку. Стало быть, твое счастье!“

Когда начальникъ поста направился впередъ, воровской атаманъ жестомъ остановилъ его. И немного подумавъ, Алпатовъ бросилъ въ сторону далеко отъ себя ружье, пистолетъ, снялъ кинжалъ и шашку и положилъ ихъ въ кучу. Потомъ, заложилъ руки назадъ, подошелъ къ Цымлянскому и сказалъ: „А теперь—вяжи меня“. Потомъ оказалось, что Яшка имѣлъ полную возможность бѣжать. Но очевидно онъ самъ рѣшилъ свой послѣдній часъ. Связаннаго по рукамъ и ногамъ Алпатова доставили на полковую гауптвахту въ Науръ. Тутъ его судили военнымъ судомъ, затѣмъ перевезли въ кр. Грозную; приговоръ же представили по начальству на конфирмацію главнокомандующему.

6.

17 Декабря 1856 года по Кавказскому Линейному войску былъ отданъ слѣдующій приказъ *).

„Казакъ Моздокскаго казачьяго полка Яковъ Алпатовъ по произведенному надъ нимъ военно-судному дѣлу, по полевымъ уголовнымъ законамъ, оказался виновнымъ: Во второмъ побѣгѣ съ оружіемъ къ непокорнымъ горцамъ; участіи съ ними въ военныхъ дѣйствіяхъ про-

*) Арх. Войск. Деж. св. № 43—дѣло № 786 (1-го стола).

Библиотека "Руниверс"

тивъ своего отечества, въ отступленіи отъ православной вѣры въ Магометанство; ограбленіи почты, разныхъ хищнечествахъ, участіи въ убійствахъ, нападеніи на безоруженныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; уводѣ ихъ въ плѣнъ лично и съ партіями, въ которыхъ бывалъ зачинщикомъ, и шпіонствѣ. А потому г. главнокомандующій корпусомъ конфирмовалъ: подсудимаго Алпатова казнить смертію-разстрѣлять, что̀ привести въ исполненіе на мѣстѣ прежняго жительства его въ станицѣ Наурской".

Алпатова перевезли „за самострожайшимъ карауломъ", закованнаго въ Науръ, а 24 Декабря публично разстрѣляли въ 8 часовъ утра съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ предписанныхъ для этой казни *).

Посмотрѣть, какъ будутъ казнить Яшку, собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Изъ окрестныхъ станицъ пріѣхали всѣ, кто могъ. Повезли Яшку. Впереди шелъ взводъ казаковъ, за ними на арбѣ со связанными руками и съ кандалами на ногахъ сидѣлъ Яшка, сзади шло прикрытіе, а далѣе ломилась толпа. Смотря на Яшку, трудно было себѣ представить, что его везутъ на казнь: по крайней мѣрѣ по лицу этого замѣтно не было. Онъ шутилъ, смѣялся, узнавалъ станичниковъ, перебрасывался съ ними словами и говорилъ: „Простите станичнички за все, что̀ я вамъ сдѣлалъ дурного. Вынужденъ былъ къ тому. Теперь успокойтесь, сегодня Яшки не будетъ". Бабы хныкали.

Печальная процессія остановилась у мѣста, назначеннаго для казни. Твердо сошелъ Яшка съ арбы. Прочитали приговоръ. Привели священника, но Яшка не захотѣлъ у него исповѣдаться. Когда всѣ предварительныя распоряженія были окончены, Яшка благодарилъ князя Барятинскаго за милость быть разстрѣляннымъ, а не повѣшеннымъ, а затѣмъ по чеченски просилъ Чеченскихъ депутатовъ похоронить тѣло его въ аулѣ. И говорилъ такъ спокойно, будто на свадьбу собирался. Потомъ, поклонившись народу на всѣ стороны, онъ поднялъ глаза къ небу и произнесъ какую-то краткую молитву. Затѣмъ смѣло подошелъ къ столбу, около котораго была вырыта яма и остановился.

Послѣднею его просьбою было, чтобы не завязывали глазъ и чтобы разстрѣливали свои станичники. „Хочу встрѣтить смерть съ открытыми глазами и прошу цѣлиться вѣрнѣе, и бейте безъ промаху".

Поступили конечно по закону: завязали глаза, а для разстрѣливанія назначили взводъ солдатъ. Подали знакъ. Прогрѣмѣли барабаны. Тишина наступила большая. Раздалась команда, и сухой залпъ нѣсколькихъ ружей.

*) Рапортъ полковника Іедлинскаго, Арх. Войск. Деж. 3-го стола, св. № 21—дѣло № 541.

Библиотека "Руниверс"

Много надѣлалъ бѣдъ Яковъ Алпатовъ; преступникъ онъ былъ большой, но казаки понимали теченіе его мыслей и всю его психологію. До сихъ поръ среди Терскихъ казаковъ ясно живетъ воспоминаніе объ Алпатовѣ и передаются положительныя стороны его характера: смѣлость, удаль, храбрость, великодушіе и мужество, съ которымъ Яшка встрѣтилъ смерть. Въ народѣ живетъ слѣдующая пѣснь:

Разудалый сиротина
Вздумалъ въ горы убѣжать.
Тамъ скорѣй придетъ кончина,
А чего же больше ждать?
Лишь вотъ только проберуся
Черезъ Терекъ и лѣса,
Предъ Аллахомъ поклянуся
И взгляну на небеса,
Прійму вѣру ихъ, Пророка,
Ихъ догмàтамъ научусь,
А потомъ веленьемъ рока
Воровать съ ними пущусь
. . . . . .
На линіи, гдѣ Терекъ льется
Широко лѣтнею порой,
Чеченцамъ рѣдко удается
Переправляться на разбой.
Но осенью всегда глубокой,
Не-то зимой, какъ станетъ ледъ,
Они съ рѣшимостью жестокой
Берутъ людей и гонятъ скотъ.
. . . . . .
Здѣсь начальнички такіе:
Замѣчаютъ, когда пью,
А не видятъ въ дни другіе,
Какъ безпрестанно слезы лью.

7.

Теперь, надо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ сподвижниковъ Алпатова. Про участь Зота Черина было уже сказано.

Иванъ Фроловъ въ концѣ 1842 года совершилъ третій набѣгъ на линію съ двумя Чеченцами и Михѣемъ Гуляевымъ, переправившись черезъ Терекъ у поста Коровина. До слѣдующаго дня партія скрывалась въ лѣсу противъ Червленной, затѣмъ захватила лошадь, пасшуюся на опушкѣ. Тутъ встрѣтилъ Фроловъ станичника, казака Бѣляйкина съ женою и, не вытерпѣвъ, предупредилъ ихъ объ опасности. Вслѣдствіе этого вскорѣ раздался тревожный звонъ колоколовъ. Шайка

Библиотека "Руниверс"

бросилась бѣжать врозь. Фроловъ направился въ степь и былъ тутъ казаками схваченъ. Въ Декабрѣ 1842 года Фроловъ разстрѣлянъ въ Червленной.

Наумъ Вавиловъ въ Маѣ 1845 года съ Тимофеемъ Свиткинымъ, двумя бѣглыми солдатами Ларіономъ и Мустафою и Чеченцемъ Садулою отправились на хищничество и переправились черезъ Терекъ между Щедриномъ и Амиръ-Аджи-Юртомъ. Скрывшись въ огородахъ они стали дожидаться времени, когда мимо нихъ погонятъ скотъ, намѣреваясь отбить нѣсколько головъ. Однако день прошелъ, а скота не прогоняли. Тогда рѣшили ждать вечера, а пока что послали въ Амиръ-Аджи-Юртъ рядового Лаврентія Александрова купить хлѣба. Бѣглаго солдата узнали и поймали. Тогда Александровъ для спасенія своей участи согласился выдать товарищей. Начальникъ Амиръ-Аджи-Юртовскаго укрѣпленія капитанъ Фленсъ и Хорунжій Богдановъ съ командою пѣхоты и 14-ю внутренно-служащими казаками прибыли къ огородамъ и окружили шайку. Бѣглые оказали упорное сопротивленіе. Вавиловъ былъ взятъ въ плѣнъ. Свиткинъ же, сдѣлавъ съ товарищами своими залпъ, успѣлъ пробиться и скрылся въ лѣсу.

Раненый Вавиловъ былъ доставленъ въ госпиталь и затѣмъ по суду разстрѣлянъ.

Михѣй Гуляевъ (Корчагинъ) свирѣпствовалъ до 1854 года, когда попался въ руки Русскихъ властей. Какимъ образомъ его захватили, пока въ архивахъ свѣдѣній не найдено. Извѣстно только, что, признанный виновнымъ во второмъ побѣгѣ къ горцамъ, въ принятіи Магометанства и другихъ преступленіяхъ, онъ какъ измѣнникъ „для страха и примѣра другимъ былъ повѣшенъ въ началѣ 1857 года“.

Свиткина имя попадается въ сороковыхъ годахъ, затѣмъ о немъ ничего больше неизвѣстно. Трудно предположить, чтобы онъ добровольно отказался отъ хищничества, близости съ покинутымъ домомъ и удалился-бы въ Персію или Турцію. Вѣрнѣе всего онъ палъ въ какой-нибудь стычкѣ отъ казачьей пули и преданъ былъ землѣ чужой.

Ѳеодоръ Чернозубовъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы въ половинѣ XIX вѣка.

Не жди, чтобы цвѣла страна
Гдѣ царство власти—не разсудка,
И гдѣ зависитъ все отъ сна
Иль отъ сваренія желудка.
Гдѣ есть законъ на то чтобъ знать,
Какъ онъ безмолвенъ и не проченъ,
И гдѣ звѣздами лечатъ знать
Отъ заслуженныхъ ей пощечинъ.
Гдѣ много есть доходныхъ мѣстъ
Для угнетенья и позора,
Гдѣ вѣшаютъ на вора крестъ,
А не на крестъ вздѣваютъ вора.
Гдѣ низость доставляетъ чинъ,
А чинъ даетъ на взятки право,
Гдѣ тотъ кто ползалъ—исполинъ,
Кто прямо шелъ—упалъ безъ славы.
Гдѣ за словечко цензоровъ
Стращаютъ пытками тиранства.
Гдѣ можно родину продать,
. . . . . .
И ей же вновь служить шпіономъ.
Гдѣ съ дѣтства учатъ фронтовой,
Изъ школъ подѣлали казармы,
Гдѣ управляетъ всей страной
Фельдфебель съ палкой да жандармы.

Въ 1853 году и А. С. Хомяковъ писалъ, что Россія

Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Но вѣщій поэтъ звалъ свою родину къ покаянію.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача изцѣли.

Севастопольскіе громы очистили атмосферу.

П. Б

Библиотека "Руниверс"

Изъ воспоминаній генералъ-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева.

Май мѣсяцъ 1900 года.

Путешествіе съ Персидскимъ шахомъ по Россіи отъ Джульфы до Александрово.

25 Апрѣля, я имѣлъ счастіе представиться Государю и получить отъ Его Величества словесныя инструкціи касательно сопровожденія Персидскаго шаха по Россіи на пути его поѣздки въ Контрэксвиль, такъ какъ здоровье Шаха на столько плохо, что требуетъ немедленнаго пользованія, до совершенія предполагаемыхъ визитовъ Европейскимъ дворамъ, которые шахъ намѣревался начать съ нашего двора. Государь, какъ всегда, принялъ меня очень милостиво и далъ мнѣ прочесть записку полковника Косаговскаго (нашей службы), который командовалъ шаховой казацкой бригадой, исполняющей въ Персіи обязанности нашей охранной команды и конвоя. Эта чрезвычайно интересная записка была мнѣ очень полезна для ознакомленія съ Персидскимъ дворомъ, его обычаями и составомъ и съ главными лицами, съ которыми мнѣ предстояло имѣть дѣло во время путешествія Шаха.

27-ое Апрѣля я выѣхалъ изъ Петербурга. У насъ въ домѣ въ это время была корь у всѣхъ дѣтей, и я въ послѣднее время былъ отъ нихъ отдѣленъ; старшій сынъ Сережа, за два дня до моего отъѣзда, вышелъ изъ карантина, и я былъ очень, очень радъ, что, въ мое отсутствіе, онъ уже могъ помогать матери во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и утѣшать ее въ одиночествѣ, такъ какъ, по случаю кори въ домѣ, мы были въ карантинѣ и никого не видѣли.

Въ Москву я прибылъ 28 Апрѣля утромъ и по любезному приглашенію Великаго Князя Сергія Александровича остановился у него въ домѣ. Къ завтраку уже собрались, кромѣ лицъ двора и ихъ высо-

Библиотека "Руниверс"

чествъ, многіе пріѣхавшіе изъ Петербурга ко дню рожденія великаго князя (29 Апрѣля): tous les fidèles, и между ними я былъ очень радъ увидѣть Николая Сергѣевича Мальцева. Великій князь Павелъ Александровичъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ тоже утро, но съ другимъ поѣздомъ.

Завтракъ и сидѣнье послѣ него были очень веселы и задушевны. Это было какъ бы преддверіе празднованія рожденія Великаго Князя. Мнѣ всегда очень отрадно всякое пребываніе у Сергія Александровича, въ Москвѣ ли, или въ Ильинскомъ. И онъ и Великая Княгиня такъ всегда любезны и добры къ гостямъ, что никто не чувствуетъ никакого стѣсненія, и всѣ между тѣмъ такъ хорошо и близко знаютъ другъ друга, что нѣтъ никакой натянутости въ отношеніяхъ: но въ тоже время, благодаря умѣнью Великаго Князя и такту Великой Княгини, всякій знаетъ свое мѣсто и всякій доволенъ своимъ положеніемъ. Это единственный дворъ въ своемъ родѣ. Тутъ всѣ были преисполнены почтенія и привязанности къ хозяевамъ, и благорасположенія другъ къ другу, всѣ довольны своимъ положеніемъ, и всѣ чувствовали себя совершенно свободными; но эта свобода никогда не доводила до распущенности, и нравственная атмосфера этой среды всегда была чистая и спокойная.

Съ грустнымъ чувствомъ я простился съ Ихъ Высочествами, въ самый день рожденія Великаго Князя. Около 5 часовъ пополудни, я проѣхалъ по Курской желѣзной дорогѣ, въ вагонѣ, данномъ мнѣ княземъ Хилковымъ для пути отъ Петербурга до Баку и Акстафы, гдѣ кончалась тогда желѣзная дорога, въ направленіи къ Персіи, а изъ Акстафы до Персидской границы я долженъ былъ ѣхать 400 верстъ въ экипажѣ.

Въ Баку я подробно осмотрѣлъ всѣ отрасли нефтянаго производства. Если запасы нефти, содержащіеся въ землѣ, не изсякнутъ (чего по сихъ поръ никто не можетъ сказать), то трудно себѣ и представить великую будущность, ожидающую Баку. Когда я впервыя посѣтилъ Баку въ 1858 году, это былъ скучнѣйшій и бѣдный городокъ безъ всякой растительности и оживленія. Никто и не помышлялъ тогда о добываніи нефти, и только монастырь огнепоклонниковъ (которыхъ тогда оставалось всего четыре человѣка) съ своими вѣчно горящими огнями напоминалъ о присутствіи нефти, хотя въ отдаленной древности это добываніе было предметомъ здѣшней торговли. Теперь Баку огромный городъ съ 160,000 жителей; онъ напоминаетъ Одессу шестидесятыхъ годовъ. Прекрасныя зданія, широкія улицы, даже публичный садъ, поддерживаемый съ большимъ усиліемъ постоянною поливкою, большіе

Библиотека "Руниверс"

магазины, оживленная набережная на берегу Каспійскаго моря со множествомъ пароходныхъ пристаней. На рейдѣ большое оживленіе множество снующихъ во всѣ стороны пароходовъ, суда нашей флотиліи на якорѣ. Мнѣ все это показалось такъ странно. Что было сномъ, прошедшее или настоящее?

Особенно замѣчательны всѣ заведенія Нобеля, ихъ можно назвать до нѣкоторой степени благодѣтелями города Баку. Они поставили нефтяное производство на правильную и широкую ногу, примѣнили къ нему всѣ употребляемые въ Америкѣ пріемы, приладивъ ихъ къ здѣшнимъ особенностямъ и обстоятельствамъ. Нобели прекрасно содержатъ своихъ рабочихъ, устроили имъ хорошія помѣщенія, заботятся объ ихъ здоровьѣ, даже насадили для своихъ прикащиковъ и служащихъ сады, которые поливали сначала прѣсной водой, привозимою изъ Волги пароходами, возившими въ Царицынъ нефть. Теперь эти сады поливаютъ опрѣсненною морскою водою, въ которую кладутъ тѣ соли, которыхъ не имѣется въ опрѣсненной водѣ и которыя необходимы для питанія растительности. Нобели же установили правильное распространеніе нефти въ разныхъ мѣстахъ Россіи и первые ввели въ употребленіе нефтяные вагоны и особо устроенные пароходы, въ которые нефть прямо накачивается. На Волгѣ главныя складочныя мѣста для нефти—Царицынъ и на Дону—Ростовъ; оттуда она развозится всюду и мало по малу вытѣсняетъ Американскую нефть, которая гораздо хуже и дороже Русской. Ростовъ-на-Дону тоже теперь обширный и торговый городъ, отчасти изъ за нефти. Нобели же начали выдѣлывать изъ нефти минеральное масло, продуктъ великой потребности для смазки машинъ и нынѣ вошедшій во всеобщее употребленіе, такъ какъ Американское минеральное масло изъ нефти совсѣмъ нехорошо, и всѣ предпочитаютъ Русское. Теперь уже всѣ пароходы на Волгѣ, Каспійскомъ морѣ, Азовскомъ и даже уже отчасти на Черномъ, топятся нефтью, и желѣзныя дороги Кавказа и Юга Россіи до Харькова тоже топятся нефтью, и это топливо такъ удобно и дешево, что, безъ сомнѣнія, оно распространится весьма быстро во всей Россіи и совершенно вытѣснитъ не только изъ Чернаго, но вѣроятно и изъ Средиземнаго моря каменный уголь. Изъ *Балахановъ* и *Сураханъ* нефть въ желѣзныхъ трубахъ проведена въ такъ называемый *Черный Городъ* (близъ Баку), гдѣ она очищается, и въ очищенномъ видѣ она и есть *керосинъ*, а остатки, называемые *мазутомъ*, собираются въ огромныхъ бассейнахъ и составляютъ *топливо*.

Черный Городъ производитъ довольно тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь вѣчно дымъ и смрадъ, особенно на заводахъ, гдѣ добываютъ минераль-

Библиотека "Руниверс"

ное масло, вазелинъ и прочіе химическіе продукты, добываемые изъ нефти посредствомъ сѣрной кислоты, смѣсь которой съ нефтью производитъ чрезвычайно противный человѣческому обонянію запахъ. Даже рабочіе завязываютъ себѣ рты и носы, и этотъ запахъ до такой степени внѣдряется въ человѣка, что послѣ посѣщенія Чернаго Города я болѣе сутокъ его чувствовалъ, и все что̀ я ѣлъ и пилъ казалось мнѣ было имъ пропитано и было мнѣ противно: и хлѣбъ, и масло, и мясо, и рыба, и фрукты, и вино, и вода, казалось мнѣ, отзывались керосиномъ.

Происхожденіе нефти—вопросъ до сихъ поръ неизслѣдованный; очевидно, она наполняетъ огромные подземные резервуары, которые тянутся отъ низовьевъ Кубани (близъ Азовскаго моря) вдоль всего хребта Кавказскихъ горъ; затѣмъ въ особенномъ обиліи находится она на Апшеронскомъ полуостровѣ и, отъ Баку, идетъ черезъ Каспійское море, подводный кряжъ горъ, изъ которыхъ нефть появляется мѣстами на поверхности моря; и далѣе на Восточномъ берегу Каспійскаго моря тоже много нефти до Кизиль-Арвата, а также и на островахъ Каспійскаго моря, которые даже и называются *нефтяными*. Само собою разумѣется, что наша Закаспійская желѣзная дорога тоже и исключительно топится нефтью. Теперь желѣзная дорога изъ Россіи черезъ Ростовъ-на-Дону, на Петровскъ, Дербентъ, уже доходитъ до Баку, и оттуда на Тифлисъ и Батумъ. Благодаря этому, Баку становится великимъ торговымъ центромъ, и недалеко то время, что Баку переростетъ Тифлисъ: этотъ послѣдній всегда будетъ административнымъ и военнымъ центромъ Кавказа, но Баку очевидно—*великій базисъ всѣхъ нашихъ дѣйствій въ Закаспійской области*, Персіи, *а главное,—въ случаѣ похода на Индію, черезъ Мервъ, Гератъ и Кандачаръ*. Интересны Англійскія описанія Баку, особенно книга Марвина „the City of Eternal fire“, гдѣ ясно доказывается, какъ возможна и сбыточна и даже легка для Россіи подобная экспедиція и какъ невозможно Англіи ничѣмъ ей воспрепятствовать серьезно. Англійскіе авторы предвидятъ это какъ вещь неизбѣжную въ будущемъ, какъ катаклизмъ стихійный, который человѣческими усиліями устранить нельзя, и только самые благоразумные изъ нихъ желаютъ, чтобы это соприкосновеніе съ Индіей произошло не въ видѣ борьбы, а въ видѣ дружескаго сближенія на пользу человѣчества. Но Англія своими дѣйствіями этого дружескаго соприкосновенія не подготовляетъ, и теперь уже очевидно, что возможность достигнуть Индіи для Русской арміи уже не праздная мечта, а грозная возможность, и *это великій козырь* данный Россіи Провидѣніемъ. Баку очевидно будетъ базисъ и великій отходный пунктъ.

Библиотека "Руниверс"

Я выѣхалъ изъ Баку утромъ по желѣзной дорогѣ, которая почти все время идетъ вдолъ Куры по довольно ровной мѣстности между Кавказскими горами и горами Малаго Кавказа; мѣстность очень красивая и растительность чудная, вездѣ гдѣ есть вода. Рано утромъ, 1-го Мая, мы прибыли въ Акстафу, откуда должно было начаться наше путешествіе въ экипажахъ до Персидской границы. Въ Акстафѣ меня ожидали флигель-адъютантъ полковникъ Живковичъ и подполковникъ Бельгардъ, назначенные вмѣстѣ со мною состоять при Персидскомъ шахѣ. Живковича я зналъ давно, но очень мало, а Бельгарда нѣтъ. Онъ началъ службу въ конной гвардіи, а потомъ былъ командированъ въ Персію для службы въ Персидской казацкой бригадѣ, въ которой, при покойномъ шахѣ еще, инструкторы, часть офицеровъ и начальникъ были Русскіе офицеры. Эта казацкая бригада въ Тегеранѣ играетъ роль преторіанцевъ въ древнемъ Римѣ, и при воцареніи настоящаго Шаха она обезпечила не только порядокъ въ Тегеранѣ, но и самое восшествіе на престолъ Шаха совершилось совершенно благополучно, безъ кровопролитія и междоусобія, благодаря твердости и рѣшительности начальника бригады полковника Косаговскаго. Зато и Шахъ къ нему чрезвычано благосклоненъ и осыпаетъ его различными знаками вниманія, орденами, чинами и т. д., такъ что въ Персидской арміи онъ чуть ли не фельдмаршалъ, хотя продолжаетъ состоять въ Русской арміи полковникомъ. Во время пребыванія Шаха въ Петербургѣ, въ Іюлѣ 1900 года, полковникъ Косаговскій, по представленію военнаго министра (очень къ нему расположеннаго), произведенъ въ генералы съ оставленіемъ начальникомъ Персидской казачьей бригады. Но съ Косаговскимъ Бельгардъ не ужился, и Бельгардъ долженъ былъ уѣхать изъ Персіи; теперь онъ служитъ въ Бугскомъ драгунскомъ полку и, такъ какъ онъ очень хорошо научился говорить по персидски, то командующій Императорской Главной Квартирой баронъ Фредериксъ просилъ о назначеніи Бельгарда состоять при шахѣ Персидскомъ.

Отъ *Акстафы* до *Джульфы*, на Персидской границѣ 280 верстъ, которыя мы сдѣлали въ экипажахъ на лошадяхъ, вездѣ уже заготовленныхъ для Шаха и его свиты. Мнѣ дали теперь ландо, въ которомъ долженъ былъ ѣхать Шахъ, и я совершилъ это путешествіе очень удобно и пріятно. Погода была прекрасная, растительность въ полномъ блескѣ только что начинавшагося лѣта. Сирень, персиковыя, яблонныя, вишневыя и грушевыя деревья въ цвѣту, луга покрытыя свѣжею травою и красными тюльпанами, были какъ коверъ, и самая мѣстность очень живописна. Мы ѣхали почти все время по долинамъ рѣкъ, сначала

Библиотека "Руниверс"

Куры, потомъ Акстафинки, Арпачая и наконецъ Аракса. Долины эти, благодаря богатому и искусному орошенію, чрезвычайно плодородны и богаты, а съ обѣихъ сторонъ горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, очень живописны. Почтовыя лошади на Кавказѣ превосходны: крѣпки, вѣрны на ногу и бѣгутъ быстро и долго. Мы дѣлали все время около 20 верстъ въ часъ, и ямщики такъ опытны, что вовсе нечего было чего либо опасаться. Насъ везли съ большимъ почетомъ, съ конвоемъ мѣстной полиціи, и у каждаго экипажа, на козлахъ, былъ *кондукторъ*, какъ это обыкновенно дѣлается для путешественниковъ на Кавказѣ. Нашъ назывался Мамацъ, высокаго роста Грузинъ, похожій, какъ двѣ капли воды, на покойнаго адмирала Шестакова; онъ прекрасно зналъ всю дорогу, показывалъ намъ всѣ замѣчательные пункты, все объяснялъ и, словомъ, былъ живой Бедекеръ.

Къ вечеру мы взобрались на гребень Малыхъ Кавказскихъ горъ, на высоту 7000 футъ, и проѣхали вдоль озера Гокчи, находящагося на этой высотѣ; это огромный бассейнъ прѣсной воды въ 70 верстъ длины и 20 ширины, очень глубокій и обильный рыбою. Мы ночевали, проѣхавъ озеро, въ Русскомъ селеніи *Еленовкѣ*, но очень плохо: сдѣлалось холодно, сыро, темно, багажъ нашъ отсталъ, и большую часть ночи я провелъ на жесткой и пустой кровати, завернутый въ свою шинель.

Отъ Еленовки начинается спускъ въ Закавказье и, проѣхавъ Эривань, мы вскорѣ увидѣли гору *Арарать*, которая очень красива и внушительна. Обыкновенно виденъ только Малый Арарать, коническая гора, верхняя часть которой покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Большой Арарать такой же, но гораздо выше. Видъ Арарата сопровождаетъ васъ почти до самой Персидской границы.

Проночевавъ въ *Нахичеванѣ*, въ домѣ, принадлежащемъ внуку Нахичеванскаго хана и носящему тоже названіе хана, мы прибыли 5-го Мая благополучно въ *Джульфу*, на берегу Аракса, въ 5-мъ часу дня, и узнали, что Шахъ въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, прибылъ со своимъ отрядомъ и свитою въ Персидскую Джульфу, на другомъ берегу Аракса и противъ Русской Джульфы.

Меня помѣстили въ домѣ начальника таможни, въ которомъ уже помѣстился генералъ Зеленой, присланный отъ имени главноначальствующаго на Кавказѣ, для привѣтствія Шаха. Въ этомъ же домѣ была большая столовая, въ которой Садразамъ, всѣ министры и сановники Персидскіе и наша свита должны были пить чай, завтракать и обѣдать.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ часъ ко мнѣ пріѣхалъ Персидскій посланникъ въ Россіи мирза Риза-Ханъ, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ, и я черезъ него просилъ узнать у Шаха, когда Его Величеству будетъ угодно меня принять на Персидскомъ берегу.

Посланникъ возвратился черезъ часъ и увѣдомилъ меня, что Его Величество былъ очень доволенъ, что я прибылъ въ добромъ здоровьѣ, что самъ Шахъ здоровъ (о чемъ я, конечно, прежде всего спросилъ) и что онъ меня приметъ на другой день, въ 11 часовъ утра.

Затѣмъ я осмотрѣлъ помѣщеніе, приготовленное у насъ для Шаха, въ таможенномъ домѣ, на берегу Аракса. Это домъ въ 8 комнатъ; вездѣ ковры, очень приличная мебель, и вообще все устроено очень удобно и примѣнительно къ Персидскимъ обычаямъ. Кругомъ дома нѣсколько маленькихъ домиковъ для прислуги и большой крытый навѣсъ, гдѣ будетъ помѣщаться на ночь почетный караулъ. Передъ домомъ веранда, и передъ ней площадка, откуда видъ на Араксъ и на противоположный берегъ.

Вслѣдствіе выпавшихъ въ послѣдніе дни обильныхъ дождей, Араксъ очень разлился и былъ въ это время также глубокъ, какъ Нева у дворцоваго моста. Посреди рѣки, предъ самой Джульфой, былъ довольно длинный плоскій островъ, раздѣлявшій рѣку на два русла. Между нашимъ берегомъ и островомъ было устроено два парома на канатахъ, а отъ острова до Персидскаго берега сообщеніе происходило на шлюпкахъ, но должно сказать, очень маленькихъ и самыхъ примитивныхъ; только у нашей таможни была шлюпка получше, въ родѣ рыбацкой, на которой могло помѣститься человѣкъ восемь.

На противоположномъ берегу, на равнинѣ, окаймленной полукружіемъ горъ, былъ расположенъ станъ Персидскаго Шаха. Самъ Шахъ и его ближайшая свита занимали два таможенныхъ дома, увѣшанные коврами и флагами, а семитысячный отрядъ войскъ, его сопровождавшій, расположился лагеремъ, занимавшимъ всю равнину. Между простыми бѣлыми палатками солдатъ возвышались высокія, круглыя палатки начальниковъ и, наконецъ, шаховыя высокія красныя палатки, окруженныя полотняными красными ширмами съ вышитыми на нихъ деревьями и разными украшеніями. Этотъ лагерь на берегу рѣки, среди горъ, былъ очень живописенъ; оттуда слышалась музыка, крики, блеяніе овецъ, постоянный шумъ и гулъ.

6-го Мая въ $10^1/_2$ час. утра, одѣвшись въ парадную форму, я отправился на Персидскій берегъ. Меня сопровождали полковникъ

Библиотека "Руниверс"

Живковичъ, Бельгардъ, ст. сов. Кохановскій и начальникъ Джульфинской таможни, какъ мѣстный начальникъ.

Г. Кохановскаго я засталъ уже вчера въ Джульфѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ очень много о немъ мнѣ говорилъ, какъ о великомъ экспертѣ по Персидскимъ дѣламъ и что было-бы очень желательно устроить, чтобы Шахъ пригласилъ Кохановскаго сопутствовать ему во время путешествія его величества по Европѣ, дабы слѣдить за Англійскими и прочими происками противъ Россіи. Кохановскій долгое время служилъ въ Тавризѣ, гдѣ Шахъ, будучи наслѣднымъ принцемъ, былъ тогда генералъ-губернаторомъ и очень хорошо зналъ Кохановскаго, любилъ его. Онъ состязался съ нимъ усами, которые тогда у Кохановскаго были необычайной длины. Затѣмъ у Кохановскаго была тогда чудная собака „Угрюмъ“, которую теперешній Шахъ очень хотѣлъ имѣть, но Кохановскій собаки этой не далъ, а подарилъ принцу Мозаферъ-Эддину (т. е. теперешнему Шаху) другую собаку; однимъ словомъ, Кохановскій былъ тогда persona grata у Мозаферъ-Эддина, и это послужило причиной теперешняго его назначенія на время путешествія Шаха. Послѣ того Кохановскій былъ долго консуломъ въ Астрабадѣ, а теперь онъ служитъ чиновникомъ по дипломатической части у главнокомандующаго на Кавказѣ.

Г. Кохановскій явился ко мнѣ, какъ только я прибылъ въ Джульфу, и я просилъ его мнѣ разсказать все, что онъ успѣетъ о Шахѣ, о его свитѣ, о нашихъ отношеніяхъ въ Персіи, и разсказы Кохановскаго, въ высшей степени интересные, мнѣ были чрезвычайно полезны: ибо я, съ перваго своего шага, съ перваго знакомства съ Персидскими сановниками, уже могъ знать, кто сторонникъ Россіи и кто ей врагъ, а равно и отношенія всѣхъ этихъ лицъ между собою и въ особенности ихъ положенія при дворѣ Шаха.

Лишь только мы переѣхали на шлюпкѣ на Персидскій берегъ, войска, поставленныя шпалерами вдоль берега и отъ него по направленію къ дому, занимаемому Шахомъ, взяли на караулъ, и музыка заиграла „Боже Царя храни“, довольно схоже съ настоящимъ. У мѣста высадки стоялъ почетный караулъ изъ дивизіона Персидской казацкой бригады съ музыкой. Казаки эти одѣты совершенно какъ наши конвойные, только шапка у нихъ, какъ у всѣхъ Персіанъ, въ видѣ усеченнаго конуса, съ золотымъ изображеніемъ Льва и Солнца. Бельгардъ научилъ меня, какъ здороваться съ казаками, что я и сдѣлалъ; они мнѣ отвѣчали что-то очень громко. Исполнивъ все, что полагается при почетномъ караулѣ, я пошелъ далѣе къ дому Персидскаго Шаха, со-

Библиотека "Руниверс"

провождаемый многими сановниками, пришедшими меня встрѣтить и въ предшествіи 20 скороходовъ, въ красныхъ съ серебромъ мундирахъ и съ громадными булавами.

Мундиры Персидскаго войска у каждаго полка совершенно различные и, имѣя покрой казакиновъ, во всемъ остальномъ въ высшей степени разнообразны; одинъ полкъ имѣетъ мундиры похожіе на нашу золотую роту, другой похожій на Итальянскихъ стрѣлковъ, иной съ бранденбургами, какъ прежніе гусары и т. п. Такъ какъ всю ночь лилъ дождь, то грязь была страшная по ступицу, и я былъ очень радъ, что меня повели подъ руки. У дверей шаховаго дома меня встрѣтили министры Шаха и ввели меня на маленькій дворикъ, гдѣ меня встрѣтилъ самъ *Садразамъ*.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимныхъ представленій и разговоровъ съ главными сановниками Шаха, во время которыхъ намъ подали шербеты съ довольно грязнымъ льдомъ и угощали папиросами, насъ провели по узкой каменной лѣстницѣ, по довольно грязному ковру, во второй этажъ, къ Шаху. Онъ стоялъ въ концѣ веранды (которую видно съ Русскаго берега), опершись на кресло. Шахъ былъ одѣтъ въ черный казакинъ, и на груди у него съ обѣихъ сторонъ было по пяти рядовъ крупныхъ брилліантовъ; тоже по три крупныхъ брилліанта на каждомъ погонѣ и на воротникѣ, по одному съ каждой стороны. На шеѣ у него былъ одѣтъ Русскій орелъ, осыпанный брилліантами на Андреевской лентѣ. Мы узнали впослѣдствіи, что это особый знакъ отличія, или правильнѣе, орденъ, который наше правительство даетъ Персидскому наслѣднику и нѣкоторымъ принцамъ, потому что нельзя никому въ Персіи давать тотъ же орденъ, что̀ Шаху и если ему даютъ Андрея, то его наслѣдникъ и подданные уже этого ордена получать не могутъ. На головѣ Шаха была обычная Персидская шапка съ перомъ и великолѣпной брилліантовой пряжкой.

Шахъ совершенно такой, какъ изображенъ на портретахъ; лицо у него задумчивое и очень доброе, улыбка пріятная, и вообще его физіономія, нѣсколько болѣзненная, очень симпатична.

Вправо отъ Шаха, но отступя нѣсколько шаговъ, стоялъ наслѣдный принцъ, лѣтъ 24-хъ. Въ его наружности не было ничего особеннаго. Онъ довольно толстый, апатичный, но впрочемъ о немъ судить трудно, ибо при Шахѣ всѣ дѣти его стараются какъ бы совершенно стираться и уничтожаться.

Кругомъ насъ стали всѣ сановники, а между Шахомъ и нами переводчикъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда меня назвали Шаху, то я привѣтствовалъ его отъ имени нашего Государя съ пріѣздомъ на Русскую границу и сказалъ, что Его Величество осчастливилъ меня порученіемъ сопровождать Его Величество Шаха во время проѣзда его по Россіи, что Государь приказалъ мнѣ узнать о его здоровьѣ и желаетъ ему добраго здоровья и счастливаго и пріятнаго путешествія по своимъ владѣніямъ, приказавъ мнѣ всячески заботиться о томъ, чтобы путешествіе было удобно и не утомительно для Его Величества.

Шахъ черезъ переводчика прежде всего спросилъ меня о здоровьѣ Государя; потомъ сказалъ, что онъ очень тронутъ тѣмъ, что Государь прислалъ къ нему такую высокую и приближенную особу, какъ я, и потомъ спросилъ меня о моемъ здоровьѣ, и я благодарилъ его съ великими комплиментами за его ко мнѣ вниманіе.

Потомъ я просилъ позволенія представить Шаху лицъ моей свиты, и Шахъ у каждаго спрашивалъ про его здоровье. Когда дошла очередь до Кохановскаго, то Шахъ сказалъ ему, что онъ очень радъ его опять увидѣть и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Я Кохановскаго давно знаю: онъ былъ при мнѣ въ Тавризѣ, и у него были прекрасные усы“. На это я сказалъ, что Кохановскій разсказывалъ мнѣ, что у него были дѣйствительно очень большіе усы, но теперь усы у него хуже чѣмъ прежде, но что у Вашего Величества чудные усы, и я теперь убѣждаюсь, что это дѣйствительно справедливо. Эти слова произвели на Шаха самое пріятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ: „Якши, якши (очень хорошо) и сталъ улыбаться, а потомъ сказалъ мнѣ, что, кромѣ того, что онъ очень тронутъ, что Государь послалъ меня къ нему, но онъ еще видитъ, что я очень прекрасный человѣкъ, что я ему очень понравился и что онъ увѣренъ, что, благодаря мнѣ, его путешествіе будетъ очень хорошо.

Я ему отвѣчалъ благодарностью за его милостивыя слова и прибавилъ, что, кромѣ того почтенія, которое я чувствую къ его особѣ, я прошу позволенія сказать ему, что я вижу, что Его Величество имѣетъ лучшее качество въ монархѣ: высокую и добрую душу.

При этихъ словахъ лицо Шаха просіяло и приняло самое довольное выраженіе. Онъ, улыбаясь, очень меня благодарилъ, повторяя, что очень меня полюбилъ, что очень радъ, что я буду при немъ и что благодаренъ сердечно Государю за мое назначеніе и прочее. И съ этой минуты разговоръ принялъ самый пустой характеръ. Онъ слушалъ, что я говорилъ ему по французски, и только когда затруднялся въ пріисканіи выраженій, то обращался ко мнѣ черезъ переводчика

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ распрашивалъ о нашемъ путешествіи, о дорогѣ и разныхъ другихъ предметахъ и вообще былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Его придворные кругомъ выражали почтительно свою радость и одобреніе улыбками, вздохами и потираніемъ рукъ, и аудіенція наша продолжалась около получаса. Мнѣ казалось, что уже пора ее кончать и, сдѣлавъ маленькую паузу, я спросилъ у Шаха, когда ему будетъ угодно назначить свой пріѣздъ на нашъ берегъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что хочетъ переѣхать въ тотъ же день, въ 5 часовъ вечера, и затѣмъ пробыть въ Русской Джульфѣ два дня, такъ чтобы ѣхать оттуда дальше утромъ 9-го Мая.

Потомъ онъ мнѣ показалъ на своего наслѣдника и назвалъ его. Меня тогда назвали наслѣднику, а я ему представлялъ лицъ моей свиты; онъ каждаго изъ нихъ спрашивалъ о здоровьѣ. Тѣмъ кончилась аудіенція, и мы, откланиваясь Шаху, пошли внизъ, сопровождаемые Садразамомъ и министрами. Внизу, насъ опять угощали шербетомъ и папиросами, но разговоры были уже гораздо болѣе оживленные и дружественные, и всѣ Персы выражали радость, что Шахъ былъ такъ веселъ и доволенъ и благодаренъ Государю за счастливый выборъ довѣреннаго лица для сопровожденія Шаха по Россіи, причемъ выражали свою радость и увѣренность, что все въ нашемъ путешествіи пойдетъ отлично и что путешествіе будетъ самое благополучное и пріятное.

Чтобы доѣхать до берега рѣки, мнѣ подвели лошадь, покрытую чепракомъ и богато осѣданную и, когда я сѣлъ верхомъ, то ее повели подъ уздцы; скороходы опять шли впереди, сановники и свита меня провожали, полки держали на караулъ, музыка играла Русскій гимнъ, и мнѣ думалось, что это шествіе было въ родѣ шествія праведнаго Мардохея, ведомаго Аманомъ.

Вернувшись домой, я занялся приготовленіями къ пріему Шаха на нашемъ берегу. Путь для Шаха былъ устланъ коврами: отъ самой пристани до дома были разставлены солдаты пограничной стражи, а на площадкѣ передъ домомъ выстроился почетный караулъ съ музыкою отъ Кубанскаго Полтавскаго казачьяго полка.

Ровно въ 5 часовъ шахъ вышелъ изъ своего дома и сопровождаемый свитой пошелъ пѣшкомъ къ берегу. Весь отрядъ его войскъ былъ выстроенъ во фронтъ, заиграла музыка, стали палить изъ пушекъ, и воздухъ огласился восторженными криками Персовъ, провожавшихъ своего монарха.

Библиотека "Руниверс"

Мы смотрѣли на все это съ своего берега. Наконецъ видимъ, что Шахъ и человѣкъ восемь ближайшихъ сановниковъ садятся на нарочно приготовленный Персами плотъ. Плотъ этотъ имѣлъ треугольную форму, съ перилами съ двухъ сторонъ. Его сначала потянули вверхъ по теченію на канатѣ, чтобы потомъ спускать его по теченію: но вдругъ мы съ ужасомъ увидѣли, что канатъ оборвался, и плотъ съ шахомъ быстро понесло по теченію внизъ, и два раза его повернуло. Я немедленно послалъ нашу шлюпку на помощь. Но къ счастью, еще до ея прихода, человѣкъ 50 Персовъ бросились въ воду. схватили плотъ и подтащили его благополучно къ Персидской сторонѣ острова, находящагося, какъ сказано выше, посреди рѣки. Шахъ вышелъ на островъ, перешелъ его и сѣлъ на нашъ паромъ, который черезъ нѣсколько минутъ причалилъ благополучно къ Русскому берегу.

Здѣсь я его встрѣтилъ и опять привѣтствовалъ отъ имени Его Величества нашего Государя, и на этотъ разъ со вступленіемъ на Русскую землю и пожелалъ ему счастливаго путешествія и скораго и полнаго поправленія его здоровья. Шахъ благодарилъ очень любезно сказавъ, что, уже вступленіе на Русскую территорію, отзывается хорошо на его здоровьѣ. Затѣмъ его стали привѣтствовать ген. Зеленой отъ имени главно-начальствующаго на Кавказѣ; но рѣчь его становилась длинна, а Шахъ отъ эмоціи и жары мѣнялся въ лицѣ и министръ его двора уже поднесъ ему чайникъ съ холодной водой: такъ дѣлается всегда, чтобы предупредить обморокъ. Я дернулъ Зеленаго за полу мундира, шепнувъ ему: Желайте только здоровья и благополучія и кончайте. Рѣчь, къ счастью, прекратилась. Шахъ прошелъ мимо караула, и я отъ его имени здоровался съ карауломъ. Затѣмъ онъ принялъ представленіе всего начальства и вошелъ въ приготовленный для него домъ, который ему очень понравился. Онъ былъ очень доволенъ почетомъ и великолѣпіемъ встрѣчи и тотчасъ захотѣлъ телеграммой благодарить Государя за торжественный и сердечный пріемъ.

Затѣмъ я спросилъ, что ему угодно будетъ приказать, чаю или чего другого, онъ просилъ чаю. а обѣдъ назначилъ въ 9 часовъ; а я, оставивъ при домѣ, для переводовъ и распоряженій при Шахѣ, г. Кохановскаго, провелъ Садразама въ его комнаты. приготовленныя въ томъ же домѣ съ Шахомъ и поручилъ флигель-адъютанту Живковичу и полковнику Бельгарду развести министровъ по приготовленнымъ для нихъ въ разныхъ домахъ квартирамъ.

Но тутъ оказалось, что министръ двора, съ разрѣшенія Садразама, предпочелъ занять комнату лакея Садразамова, лишь бы быть въ одномъ

Библиотека "Руниверс"

домѣ съ Шахомъ. Тоже сдѣлали и министръ почтъ и начальникъ охраны, которые и заняли часть комнатъ, назначенныхъ для лакеевъ Шаха. И потомъ это повторялось во все время путешествія, т. е. наиболѣе приближенные къ Шаху предпочитали имѣть хотя самое небольшое и скромное помѣщеніе, но какъ можно ближе къ Шаху, видя въ этомъ преимущество.

Шахъ провелъ остальную часть дня дома. Къ нему потомъ пріѣзжалъ его наслѣдный принцъ. Послѣ шахскаго обѣда въ 9 часовъ. мы устроили еще маленькое увеселеніе: играла музыка Полтавскаго казачьяго полка, очень хорошая, пѣли пѣсенники и плясали казаки. Шахъ былъ очень доволенъ. Онъ вышелъ на веранду, ему принесли кресло, онъ въ него усѣлся и очень любезно пригласилъ всѣхъ насъ подойти къ нему; много разговаривалъ, но ему не пришло и въ голову пригласить кого нибудь сѣсть. Да и по Персидскому этикету никто изъ его подданныхъ не смѣетъ при немъ садиться, и когда министры ему дѣлаютъ доклады, то онъ сидитъ въ креслѣ, а они сидятъ на полу. поджавъ ноги, какъ портные. Постепенно, Шахъ, знакомясь съ Европейскими обычаями, понялъ, что надо Русскихъ сановниковъ просить сѣсть, и черезъ нѣсколько дней послѣ, когда я приходилъ къ нему, онъ меня всегда сажалъ, говоря очень любезно: asseyez.

Ночью шелъ сильный дождь, островъ на Аракcѣ почти затопило и сообщеніе съ Персидскимъ берегомъ стало затруднительно, и я сталъ получать изъ Баку и Тифлиса весьма непріятныя извѣстія о порчѣ дорогъ. Оказалось, что отъ сильныхъ дождей и разлитія рѣкъ, желѣзная дорога, между Баку и Петровскомъ была во многихъ мѣстахъ размыта, что многіе мосты были повреждены и что большой мостъ на рѣкѣ Самурѣ совершенно разрушенъ, такъ что по дорогѣ отъ Баку до Петровска сообщеніе не могло быть возстановлено ранѣе двухъ недѣль. Равнымъ образомъ сильные дожди на Кавказѣ, если бы они продолжались, угрожали порчею Военно-грузинской дорогѣ.

Намъ оставалось одно: какъ нибудь добраться до Тифлиса, куда теперь и не предполагалось ѣхать, и оттуда ѣхать на Владикавказъ чрезъ Военно-грузинскую дорогу, если это будетъ возможно, а не то дожидаться въ Тифлисѣ, пока дожди прекратятся и поврежденія на Военно-грузинской дорогѣ будутъ исправлены.

Я такъ и рѣшился сдѣлать, и на слѣдующее утро доложилъ обо всемъ этомъ шаху и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но намъ слѣдовало торопиться выѣхать изъ Джульфы, потому что рѣки Адолинъ-

Библиотека "Руниверс"

чай и Нахичевань-чай начинали сильно разливаться, и переѣздъ черезъ нихъ въ бродъ становился опаснымъ и могъ бы даже сдѣлаться невозможнымъ, а въ Джульфѣ тоже пережидать не приходилось, ибо тутъ нельзя было достать и продовольствія на нашу большую свиту. Джульфа мѣсто пустынное и въ степи песочной, ничего не произрастающей, и надо было ѣхать за 20 верстъ, чтобы доставать какую нибудь провизію. Но дождь лилъ цѣлыя сутки, и приходилось дождаться хотя остановки его на нѣсколько часовъ, чтобы переѣхать черезъ названныя рѣки, находящіяся на пути перваго перехода отъ Джульфы. Рѣшено было оставаться тутъ 7 и 8 Мая и выступить утромъ 9-го Мая.

Затѣмъ 7 и 8 Мая прошли въ Джульфѣ очень спокойно и благополучно. Шахъ чувствовалъ себя довольно хорошо; оказалось, что уже путешествіе изъ Тегерана до Джульфы, à petites joirnées, длившееся 60 дней, принесло большую пользу его здоровью. Ему тяжело было только выносить большое утомленіе и духоту, въ нормальныхъ условіяхъ его обычнаго образа жизни онъ чувствовалъ себя довольно хорошо, имѣлъ прекрасный апетитъ и отлично спалъ. Эти два дня онъ выходилъ изъ дома только на площадку передъ нимъ или на веранду, откуда былъ видъ на Араксъ, Персидскій берегъ и Шахскій станъ. Безпрестанно съ того берега и обратно ѣздили сановники, и видно было, что шахъ былъ занятъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ передъ отъѣздомъ въ Европу. Наслѣдный принцъ тоже проводилъ часть дня у отца, и даже одна изъ женъ шаха къ нему пріѣзжала и уѣхала утромъ 8-го числа обратно, горько рыдая; но лица ея никто не видѣлъ, такъ какъ Персіянки тщательно закрываютъ себѣ лица, гораздо больше и гораздо добросовѣстнѣе, чѣмъ Турецкія женщины. Я являлся къ шаху утромъ, освѣдомлялся о его здоровьѣ и сообщалъ ему новости о предстоящей дорогѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ порученій и всякій разъ, когда онъ желалъ то или другое, то немедленно и дѣлалось: затѣмъ я заходилъ къ нему еще разъ во время дня, узнать не имѣетъ ли онъ какого нибудь вопроса или порученія, а вечеромъ, передъ верандой становилась музыка Кубанскаго полка и играла до тѣхъ поръ, пока онъ ложился спать: въ это же время пѣли пѣсенники и плясали казаки. Шаху очень нравились нѣкоторые напѣвы казацкихъ пѣсенъ и нѣкоторые пьесы оркестра, и онъ просилъ дать ему ноты, что я и исполнилъ. 7-го вечеромъ была иллюминація Персидскаго лагеря, а 8-го на островѣ, на рѣкѣ, былъ пущенъ фейерверкъ нами приготовленный и привезенный изъ Тифлиса, и шахъ остался имъ очень доволенъ и очень меня благодарилъ. Онъ наслаждался фейерверкомъ какъ дитя и, видя разсыпающіяся по воздуху разноцвѣтныя звѣзды ракетъ, говорилъ: „très joli, tres joli!“ или „très magnifitique!“

Библиотека "Руниверс"

8-го утромъ Персидскій лагерь былъ снятъ, отрядъ шаха тронулся въ обратный путь, и Персидскій берегъ опустѣлъ.

Въ эти дни мы ознакомились съ Персидскими министрами и всею шахскою свитой.

Почти всѣ они приходили утромъ въ столовую (рядомъ съ моимъ кабинетомъ) пить чай. Затѣмъ въ часъ дня приходили всѣ завтракать, а въ 9 час. вечера—обѣдать. Обыкновенно я посылалъ доложить Садразаму, что обѣдъ готовъ; онъ скоро приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ, гдѣ собирались и главные сановники и затѣмъ мы вмѣстѣ выходили въ столовую и садились кушать. Но тутъ съ перваго дня пошли исторіи, споры между Персами, кто долженъ сидѣть выше. Я поручилъ Кохановскому имъ сказать, что списокъ ихъ старшинства составленъ Садразамомъ и что потому они должны къ нему обращаться со своими претензіями, но что за столомъ такіе споры не будутъ допущены. Садразамъ имъ сказалъ по этому поводу нѣсколько словъ, и все успокоилось.

Однако споръ изъ за мѣстъ повторился и вечеромъ между посланникомъ и министромъ двора; правда, это дѣлалось шепотомъ, за нѣсколько минутъ до стола. Посланникъ увѣрялъ, что онъ, какъ пожалованный свѣтлѣйшій князь, долженъ сидѣть слѣва отъ меня, а министръ двора *Гики-Муль-Мулькъ* говорилъ, что этотъ титулъ свѣтлости не ставитъ посланника выше его; и, напротивъ, онъ министръ двора выше посланника; кончилось тѣмъ, что посланникъ ушелъ, говоря, что у него болитъ голова, а министръ двора сѣлъ подлѣ меня, такъ и удержалъ за собою это мѣсто во все время путешествія шаха по Россіи. Порядокъ затѣмъ установился такой: въ серединѣ сидѣлъ я, справа отъ меня Садразамъ, слѣва отъ меня министръ двора: напротивъ меня нашъ губернаторъ (Эриванской губ.) графъ Тизенгаузенъ, а затѣмъ его замѣнявшіе наши губернаторы: около губернатора, съ одной стороны, Персидскій посланникъ въ Петербургѣ *Риза-Ханъ*, а съ другой бывшій министръ финансовъ *Насръ-Эль-Мулькъ*: затѣмъ всѣ остальные министры и сановники и между ними Русскіе, свита и приглашенные.

Но тѣмъ споры не ограничивались: свита раздѣлялась на двѣ категоріи, которыя не должны были обѣдать вмѣстѣ, а въ разныхъ комнатахъ, что и было сначала устроено; но между Персами пошли пререканія, кто въ 1 или во 2-й категоріи. Все это было мнѣ доложено до 1-го завтрака, и я по этому вопросу далъ туже резолюцію, что и

Библиотека "Руниверс"

по первому, и приказалъ объявить моимъ именемъ, что кто не хочетъ подчиняться, пусть кушаетъ гдѣ ему угодно. Все уладилось, но между собою Персы долго еще грызлись, какъ поспорившіе изъ за кости собаки, которыя, подравшись, продолжаютъ ворчать.

Но за всѣмъ тѣмъ, въ моемъ присутствіи и съ нами Русскими они были очень учтивы и даже почтительны и любезны.

Я считался такою высокою особою, что роль моя была очень легка. Я держалъ себя съ величавой вѣжливостью, т. е. съ большою простотою; былъ со всѣми очень учтивъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ снисходительности высшаго лица къ низшимъ, и моя вѣжливость и любезность (хотя совершенно естественныя) считались персами-великодушіемъ, которое ими очень цѣнилось. Въ очень скоромъ времени я сталъ между ними очень популяренъ, и они меня прозвали „Ангеломъ“, при всякомъ случаѣ выказывали свое расположеніе, почтеніе и благодарность, постоянно говорили мнѣ комплементы и одно слово „*Pamirdl a ordonné!*“ было закономъ. Это было очень удачно, потому что Персидская свита состояла изъ 45 человѣкъ, не считая прислуги.

Русская свита была довольно хороша. Только въ первый день нашего пребыванія въ Джульфѣ оказалось, что инженерный полковникъ фонъ-деръ-Нонне сдѣлалъ довольно плохо нужныя приготовленія для Персидскихъ сановниковъ и Русскихъ размѣщенныхъ по домамъ: и кроватей не было достаточно, и утвари (т. е. рукомойниковъ и пр.). Я его позвалъ къ себѣ и, въ негодованіи, страшно его распекъ и сказалъ ему, что это безсовѣстное исполненіе возложеннаго на него порученія и что если онъ немедленно, откуда знаетъ, не поправитъ замѣченныхъ недостатковъ, я его отдамъ подъ судъ. Крики слышались изъ моего кабинета и разносились по всему дому. Всѣ узнали, что спокойный и, по видимому, добрый адмиралъ можетъ быть грознымъ, и этотъ инцидентъ принесъ свою пользу на все время нашей Персидской кампаніи, а самъ полковникъ фонъ-деръ-Нонне былъ съ этой минуты неутомимо ревностенъ, и все устроилъ какъ слѣдуетъ.

Шахъ былъ все время ко мнѣ очень любезенъ и внимателенъ и между прочимъ, 7-го Мая, прислалъ ко мнѣ своего внука, старшаго сына наслѣднаго принца. Я очень жалѣлъ, что, не будучи объ этомъ предупрежденъ, не приготовилъ ему какого нибудь подарка. Вижу, ко мнѣ входитъ какой-то Татарченокъ лѣтъ семи со старикомъ, который мнѣ и объяснилъ, что онъ дядька Шаховскаго внука и что Шахъ его прислалъ ко мнѣ. Я его только могъ приласкать и сказать нѣсколько словъ, а вечеромъ благодарилъ Шаха за оказанное мнѣ вниманіе.

Библиотека "Руниверс"

Первое и самое замѣчательное лицо при Шахской свитѣ былъ *Эминусъ-Султанъ-Садразамъ*. Это дѣйствительно замѣчательный человѣкъ, твердаго и рѣшительнаго характера и хотя не получившій образованія и говорящій очень немного по Французски, но съ большой дозой здраваго разсудка и практическаго ума. При этомъ онъ человѣкъ положительно добраго сердца, прямой, хотя и не лишенный хитрости; но онъ не употребляетъ ее на зло, а только на свое огражденіе. При этомъ онъ, естественно, расположенъ прощать своимъ врагамъ и предпочитаетъ обращать ихъ въ своихъ приверженцевъ, что̀ по моему гораздо вѣрнѣе, чѣмъ ихъ преслѣдовать: ибо если человѣка нельзя уничтожить, что̀ и безчеловѣчно, то гораздо лучше помирить его съ собой. Конечно это не всегда удается: но еще хуже, если врагъ, котораго не уничтожили, при случаѣ, оперившись, начнетъ вамъ мстить. Садразамъ былъ нѣкогда первымъ красавцемъ при дворѣ Персидскомъ; отецъ его былъ также министромъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, первые шаги Эминусъ-Султана на жизненномъ поприщѣ были быстрые, и скоро его умъ и твердость подняли его на высокія должности. Во время второго путешествія по Россіи покойнаго Шаха Насръ-Эддина, Эминусъ-Султанъ уже былъ первымъ министромъ и въ слѣдъ затѣмъ сдѣланъ Садразамомъ. Въ то время и Шахъ и его Садразамъ придерживались Англіи. Но подъ конецъ своего царствованія Насръ-Эдинъ прозрѣлъ, какъ вредно для Персіи Англійское преобладаніе. Англія держала Персію въ рукахъ, благодаря 16 милліонамъ данныхъ Персіи въ займы и за эти займы требовало себѣ все новыхъ и новыхъ привиллегій, для Персіи неудобныхъ и, наконецъ, заняла Персидскую территорію въ Персидскомъ заливѣ. Въ это время Шахъ Насръ-Эдинъ былъ убитъ, и теперешній Шахъ Мозаферъ-Эдинъ, хотя окруженный людьми Англійской партіи, душою которой былъ его Англійскій докторъ Адкокъ (находящійся и теперь при Шахѣ), понималъ, что подчиненіе Англіи весьма вредно и опасно, ибо разладъ съ Россіей могъ бы легко повести къ войнѣ, первымъ и быстрымъ результатомъ которой было бы покореніе и отпаденіе всей сѣверной половины Персіи и присоединеніе ея къ Россіи, а отъ Англіи дѣйствительной помощи въ это время конечно бы не было. Вслѣдствіе этого Шахъ и Садразамъ стали сближаться съ Россіей и относиться къ Англіи осторожно и сдержанно.

Но по непослѣдовательности, которая часто проявляется и не въ одной Персіи, Шахъ сталъ охладѣвать къ Садразаму. Приближенные Шаха, такъ называемые Тавризскіе любимцы, т. е. люди окружавшіе Шаха во время его пребыванія въ Тавризѣ, въ качествѣ генералъ-губернатора, и почти всѣ принадлежавшіе къ Англійской пар-

Библиотека "Руниверс"

тіи*) стали всячески клеветать на Садразама, увѣрять Шаха, что Садразамъ хвастается своими заслугами при воцареніи Шаха, своимъ на него вліяніемъ и, наконецъ, увѣрили слабохарактернаго Шаха въ томъ, что Садразамъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться Шахомъ.

Случай съ Русскими пушками привелъ къ окончательному паденію Садразама. Дѣло было въ томъ, что Государь Александръ III прислалъ Шаху въ подарокъ 4 орудія. Эти пушки предполагалось отдать въ казацкую бригаду, составлявшую охрану Шаха, и ею командовалъ Русскій полковникъ Косаговскій: у этой бригады уже было двѣ пушки. Но враги Садразама увѣрили Шаха, что было-бы опасно усиливать ее 4-мя пушками и эти 4-е пушки приказано было сдать прямо въ арсеналъ, что было сдѣлано безъ всякой церемоніи, подобающей при пріемѣ подарка отъ Русскаго Императора. Нашъ посланникъ въ Тегеранѣ былъ этимъ недоволенъ, и Садразамъ совѣтовалъ такъ не поступать, но на все это не обратили никакого вниманія. Послѣ Садразамъ три дня не являлся къ Шаху. Этимъ временемъ и воспользовались его враги и, на 4-й день Шахъ приказалъ Садразаму возвратить ему знаки своего сана и ѣхать въ ссылку въ городъ Кумъ. Было даже рѣшено на дорогѣ его убить или отравить. Но наше правительство, увѣдомленное обо всемъ этомъ нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ, прислало телеграмму, въ которой было сказано, что хотя Императоръ Россійскій и не вмѣшивается во внутреннія дѣла Персіи, однако заявляетъ что смерть Садразама, расположеннаго къ дружбѣ съ Россіей, была бы сочтена Россіей враждебнымъ дѣйствіемъ. Эта телеграмма спасла жизнь Садразаму, и онъ благополучно доѣхалъ до Кума, отдаленнаго города на Востокѣ Персіи, гдѣ онъ и поселился въ своемъ имѣніи и оставался тамъ два года.

Между тѣмъ дѣла управленія приходили въ разстройство, и Англійское вліяніе, даже противъ желаній Шаха, стало усиливаться. Персіи было необходимо сдѣлать новый заемъ, и Англія предлагала Персіи нѣсколько милліоновъ, но съ тѣмъ, чтобы Персидскія таможни были отданы въ управленіе Англіи, и чтобы таможенными доходами уплачивался постепенно Персидскій долгъ. Самыя условія займа, т. е. дисконтъ, были крайне обременительны для Персіи. Тутъ сторонники Садразама подняли голову, стали дѣйствовать въ его пользу и убѣдили

*) Все это относится ко времени—борьбы въ Персіи между вліяніемъ Россіи и Англіи,—совершенно прекратившейся со времени Англо-Русскаго соглашенія, но тогда т. е. въ 1900 г. бывшей еще въ полной силѣ.

Библиотека "Руниверс"

Шаха вызвать его изъ ссылки и ввѣрить ему управленіе, говоря, что онъ одинъ можетъ вывести Персію изъ крайне опаснаго положенія, т. е. освободить ее отъ Англійскаго гнета, грозящаго привести къ войнѣ съ Россіей, и обезпечить порядокъ внутренняго управленія страною.

Садразамъ былъ вызванъ изъ ссылки и приглашенъ пріѣхать въ Тегеранъ. Шахъ принялъ его очень милостиво и совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, но назначенія ему не далъ. Благодаря стараніямъ Эминусъ-Султана было подготовлено соглашеніе съ Россіей, по которому Россія соглашалась дать Персіи въ займы 22 милліона рублей (это было сдѣлано по мысли нашего министра финансовъ Витте) съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ 16 Россія сама уплатитъ отъ имени Персіи Англіи, а 6 милліоновъ отдастъ на руки персидскому правительству на государственныя потребности, *soit disant* но въ сущности на *menus plaisirs* Шаха и его двора. Дисконтъ и условія займа были умѣренныя и можно сказать, безкорыстныя.

А въ тоже время Англія, чрезъ своего посланника, налегала на Персидское правительство для заключенія предлагаемаго ею займа. Произошла скандальная сцена: Англійскій посланникъ пріѣхалъ на *торжественную* аудіенцію, между тѣмъ какъ Шахъ полагалъ, что она будетъ *частною* и сталъ настаивать на подписаніи условія о займѣ, говоря, что если оно не будетъ подписано *тутъ-же*, то Англія возьметъ свои предложенія обратно. Шахъ обидѣлся и сказалъ, что никогда такъ не дѣлается, чтобы подпись его давалась бы въ такой обстановкѣ и что, за его нездоровьемъ, аудіенція отмѣняется.

Англійскій посланникъ Sir Diraud, въ бѣшенствѣ и смущеніи, поѣхалъ домой, а Шахъ поручилъ Садразаму увѣдомить посланника, что онъ самъ находитъ предложеніе Англіи неудобнымъ и невыгоднымъ для Персіи. Тогда Эминусъ-Султанъ доложилъ Шаху, что онъ былъ счастливъ ему служить во всемъ этомъ дѣлѣ и устроить заемъ съ Россіей, но что онъ не имѣетъ никакого офиціальнаго званія, и потому невозможно ему вступать въ офиціальные переговоры съ Англійскимъ посломъ, который прежде всего спросилъ-бы его, какія у него уполномочія. Тогда Шахъ назначилъ его Садразамомъ, и съ этихъ поръ вліяніе его съ каждымъ днемъ возрастало и укрѣплялось, и теперь Садразамъ Эминусъ-Султанъ при Шахѣ всесиленъ, къ великому прискорбію всѣхъ своихъ враговъ, до сихъ поръ окружающихъ Шаха и пользующихся близостью къ нему и его благорасположеніемъ. Съ этихъ же поръ политика Персіи окончательно опредѣлилась: полное довѣріе

Библиотека "Руниверс"

къ Россіи и опирательство на нее въ увѣренности, что Россія всегда можетъ, когда захочетъ, принести Персіи великій вредъ отнятіемъ у нея всѣхъ сѣверныхъ провинцій, прежде чѣмъ Англія, если бы и захотѣла, могла бы сдѣлать что нибудь въ пользу Персіи. Шахъ и Садразамъ глубоко убѣждены, что Россія никакихъ завоевательныхъ намѣреній относительно Персіи не имѣетъ, что находитъ и для себя выгоднымъ жить съ Персіей въ полной дружбѣ и что Россія вообще самый лучшій и вѣрный и естественный союзникъ Персіи.

Все это мнѣ разсказывали Садразамъ, посланникъ Персидскій въ Петербургѣ Риза-Ханъ и г. Кохановскій, знатокъ Персидскихъ дѣлъ, который мнѣ и переводилъ почти всегда слова Садразама.

Главные противники Садразама между сопровождающими теперь Шаха были министръ двора *Гакимъ-Муль-Мулькъ*, бывшій министръ финансовъ *Насръ-Эль-Мулькъ* (который и подготовлялъ неудавшійся Англійскій заемъ), министръ почтъ *Везире Гумаюнъ*, очень ловкій и остроумный человѣкъ (къ сожалѣнію не говорящій на Европейскихъ языкахъ) и Англійскій докторъ *Адкокъ*, душа Англійской партіи; онъ уже 14 лѣтъ состоитъ при Шахѣ, который къ нему очень привыкъ, и Адкокъ имѣетъ на Шаха нѣкоторое вліяніе тѣмъ, что пугаетъ его преувеличеніемъ его болѣзненнаго состоянія и умѣлъ убѣдить Шаха въ томъ, что самая его жизнь и здоровье вполнѣ зависитъ отъ него, Адкока. Этотъ Адкокъ былъ главнымъ противникомъ желанію Шаха начать свое путешествіе по Европѣ визитомъ нашему Государю въ Петербургѣ, увѣряя Шаха, что у него болѣзнь сердца и что малѣйшее волненіе и утомленіе могутъ быть ему пагубны; онъ же былъ главнымъ партизаномъ путешествія по Россіи *инкогнито*, все подъ предлогомъ избѣжанія утомленія, но въ сущности для того, чтобы отсутствіе всякаго парада и торжествъ во время пути было-бы поводомъ говорить Шаху, непонимающему значенія *инкогнито*, что его принимаютъ въ Россіи безъ всякаго вниманія, что это плоды его Русской политики (все это было разсказано мнѣ Садразамомъ и подтверждено г. Кохановскимъ), и что наше правительство обращается съ нимъ, какъ съ подручникомъ, и трактуетъ его какъ Бухарскаго эмира, вассала Россіи. Къ счастью, Государю угодно было приказать принимать вездѣ Шаха со всякимъ почетомъ, избѣгая только утомленія, по возможности, при парадныхъ встрѣчахъ, что и было тщательно исполнено.

Я въ обращеніи своемъ съ Адкокомъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаю о его продѣлкахъ, и обращался съ нимъ очень вѣжливо и внимательно, какъ со всякимъ образованнымъ человѣкомъ, угощалъ его во

Библиотека "Руниверс"

время завтраковъ и обѣдовъ сигарами, до которыхъ онъ большой охотникъ, и онъ былъ мною доволенъ. Я полагалъ, что хотя онъ и заклятый нашъ врагъ, но что если обращаться съ нимъ хорошо, его личныя впечатлѣнія будутъ въ нашу пользу, и маленькіе знаки вниманія ему дѣланные, льстя его самолюбію, приведутъ къ тому, что онъ не будетъ подбавлять яду оскорбленнаго сердца въ свои слова и его дѣйствія, и считая меня безвреднымъ, не постарается, во время путешествія, особенно энергично противъ меня и Россіи, вообще, интриговать. Это вполнѣ оправдалось. Онъ былъ очень доволенъ путешествіемъ, обращеніемъ съ нимъ и полагалъ ненужнымъ энергично дѣйствовать на умъ Шаха. А между тѣмъ Шахъ, болѣе и болѣе сближаясь со мною, отчасти благодаря Кохановскому, котораго я очень обласкалъ и приблизилъ къ себѣ, былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ по Россіи и начиналъ сердиться на тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые наговаривали на Россію; и почести, вниманіе и любезность ему оказываемыя, онъ принималъ съ большою благодарностью, какъ знакъ добрыхъ чувствъ къ нему нашего Государя и всѣхъ его подданныхъ. Въ Варшавѣ дѣло дошло до того, что однажды, передъ поѣздкою въ театръ, Шахъ пошелъ въ комнаты Садразама, чего никогда не дѣлалъ и тутъ при собраніи всей своей свиты сказалъ: „Что ему очень непріятны толки между его сановниками противъ путешествія по Россіи и политики Садразама и что онъ желаетъ, *чтобы впредь этого не было*“. Всѣ притихли; два министра, наиболѣе виновные, тотчасъ-же заболѣли и два дня никуда не показывались, выражая этимъ печаль отъ Шахскаго неудовольствія. Во время же дороги, на пути изъ Тифлиса до Варшавы, Шахъ, въ изъявленіе своего благоволенія Садразаму, подарилъ ему кашемировый халатъ „съ своего плеча“, а посланнику въ Россіи Риза-Хану пожаловалъ брилліантовые вензеля на эполеты.

Министръ двора Гакимъ-Муль-Мулькъ былъ прежде докторомъ Шаха. Кажется, онъ былъ ученикомъ извѣстнаго доктора Толозана (отличнаго Француза), который былъ долго докторомъ у покойнаго Шаха Насръ-Эдина и сопровождалъ его въ Россію. Гакимъ-Муль-Мулькъ тоже противникъ Садразама и, говорятъ, желаетъ занять его мѣсто; но онъ не имѣетъ ни большаго ума, ни талантовъ, ни сильнаго характера; онъ только ловкій придворный. Когда Садразамъ мнѣ его представилъ въ Джульфѣ, то сказалъ: „*il est comme mon frére*“; но это было сказано изъ политики и въ сущности Гакимъ-Муль-Мулькъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ враговъ Садразама, который однажды, говоря мнѣ о своихъ врагахъ, сказалъ: вѣроятно, во время нашей поѣздки, они всѣ перей-

Библиотека "Руниверс"

дуть на мою сторону, увидѣвъ, что это имъ выгоднѣе, а кто будетъ очень идти противъ, я долженъ буду настоять, чтобы его удалили.

Знакомясь постепенно со всѣми партіями Персидскаго двора, съ ихъ взаимной борьбой и каверзами, я не могъ не думать, что тутъ нѣтъ никакой особенной разницы съ тѣмъ, что происходитъ и при всѣхъ Европейскихъ дворахъ.

9 Мая, въ 7 часовъ утра, всѣ 25 экипажей, составляющихъ поѣздъ Шаха и его свиты, стояли (запряженные каждый четверкою) на Джульфинской площади передъ домомъ, гдѣ жилъ Шахъ. Когда усадили всѣхъ министровъ и сановниковъ, что было нелегко устроить, ибо враждовавшіе не хотѣли ѣхать въ томъ же экипажѣ, я пошелъ доложить Шаху, что все готово къ отъѣзду. Онъ вскорѣ вышелъ и сѣлъ въ свое ландо, посадивъ на передокъ экипажа Садразама и начальника охраны Богадура. Этотъ послѣдній есть собственно главный тѣлохранитель Шаха, всегда спитъ въ его комнатѣ и никогда не покидаетъ Шаха. Затѣмъ для компаніи Шахъ сажаетъ къ себѣ по очереди то Садразама, то министра двора, или Везире-Гумаюна—это его любимые собесѣдники.

Поѣздъ тронулся при звукахъ Персидскаго гимна и крикахъ народа, собравшагося на площади. Впереди и съ боковъ Шахова ландо ѣхала сотня Кубанскаго казачьяго полка, которая смѣнялась на каждой станціи и такъ продолжалось во все время путешествія Шаха въ экипажахъ до Эривани, а оттуда другой казачій полкъ, которымъ командовалъ извѣстный Милашевичъ, мужъ Елены Строгановой, котораго я тутъ въ первый разъ и увидѣлъ.

Первый переходъ до Нахичевани, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, былъ довольно тяжелый; во первыхъ, потому, что отъ Джульфы до Нахичевани не шоссе, а грунтовая дорога, первая половина которой тянется по намокшимъ тогда пескамъ и грязь была большая; а во вторыхъ главное затрудненіе было отъ переѣзда въ бродъ двухъ рѣкъ Алинда-чай и Нахичевань-чай, очень сильно разлившихся. На той и другой рѣкѣ были собраны по 200 рабочихъ, которые за полчаса до проѣзда Шаха расчищали нѣсколько новыхъ протоковъ для рѣки; вода, устремившись въ нихъ, начинаетъ быстро спадать и покуда новая вода съ горъ не успѣетъ еще подойти, дѣлается мельче, и экипажи въ это время проѣзжаютъ безопасно. Трудно себѣ представить, какъ дѣйствительно вода быстро спадаетъ, благодаря наскоро прорытымъ русламъ. Мы проѣхали Алинда-чай совершенно благополучно, однако вода попала въ экипажи, но такъ какъ Шахъ ѣхалъ въ довольно высокомъ

Библиотека "Руниверс"

ландо, дверцы котораго были плотно закрыты и что Шаха провезли черезъ рѣки очень быстро, вода въ ландо не попала.

Ближе къ Нахичевани, переѣздъ черезъ рѣку Нахичевань-чай былъ гораздо серьезнѣе; но и здѣсь, благодаря разлитію руслъ передъ самымъ переѣздомъ, воды въ рѣкѣ было только на одинъ аршинъ высоты. Впереди поѣхала коляска съ инженернымъ полковникомъ фонъ-деръ-Нонне; рѣка шириною съ Мойку, бушевала страшно. Вдругъ мы видимъ, что коляску какъ-то подняло и затѣмъ опрокинуло. Казаки вытащили фонъ-деръ-Нонне изъ коляски и перенесли его на рукахъ на противоположный берегъ, а коляску теченіе понесло внизъ. Оказалось, что коляска наѣхала на коршъ (дерево лежащее на днѣ); коршъ этотъ сейчасъ же вынули; казаки, изслѣдовавъ бродъ, сошли съ лошадей, и когда экипажъ Шаха помчался по рѣкѣ, казаки бѣжали и подталкивали экипажъ, который переѣхалъ на противоположный берегъ вполнѣ благополучно; также проѣхали и всѣ слѣдующіе экипажи, но вода въ нихъ проникала, и надо было поднимать ноги. Это происходило *9-го Мая*, и я усердно благодарилъ Николая Чудотворца за Его покровительство. Послѣ насъ вода стала опять прибывать, и послѣдніе экипажи нашего огромнаго поѣзда проѣхали черезъ Нахичевань-чай съ большими затрудненіями и еще болѣе сильными ощущеніями.

Такъ какъ населеніе Нахичеванскаго уѣзда и Эриванской губерніи состоитъ преимущественно изъ Персовъ, то, подъѣзжая къ Нахичевани, мы были окружены множествомъ народа и всадниковъ, пріѣхавшихъ почтить Персидскаго Шаха и при проѣздѣ Шахова экипажа, многіе Персы рѣзали по дорогѣ въ честь Шаха барановъ, что было очень непріятно видѣть. Мы не мѣшали толпѣ ѣхать въ слѣдъ за нами или бѣжать, только конвой не допускалъ никого между экипажами поѣзда: Шахъ же былъ очень тронутъ такимъ пріемомъ населенія. На пригоркахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояли персіанки, покрытыя чадрами, окутанныя съ головы до ногъ, что придавало имъ очень таинственный и живописный видъ.

Въ Нахичевани Шахъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ и городскими властями, поднесшими ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Шаху былъ приготовленъ домъ Хана Нахичеванскаго, служащаго въ л.-гв. конномъ полку. Домъ былъ красиво и богато убранъ и очень понравился Шаху. На верандѣ этого дома, выходящей на садъ, былъ приготовленъ завтракъ для свиты Шаха; тамъ же вечеромъ мы и обѣдали. Самъ-же Шахъ, по обыкновенію, обѣдалъ въ комнатахъ одинъ, но во время нашего обѣда и завтрака онъ въ окно смотрѣлъ на насъ

Библиотека "Руниверс"

и наше яденье съ большимъ любопытствомъ. Передъ домомъ играли до вечера попеременно два оркестра военной музыки.

Меня помѣстили въ домѣ брата Нахичеванскаго хана и его другого брата, Нахичеванскаго городского головы; они всѣ трое именуются ханами Нахичеванскими и всѣ очень милые люди. Кажется, они продолжаютъ владѣть большею частью имѣній Нахичеванскихъ хановъ, которые за отчужденныя имѣнія получили отъ нашего правительства денежное вознагражденіе. Домъ, въ которомъ меня помѣстили, устроенъ въ восточномъ вкусѣ, съ прелестнымъ садикомъ и посреди него съ неизбѣжнымъ фонтаномъ, и тутъ же рядомъ древняя башня, покрытая Персидскими надписями и арабесками, изъ голубыхъ, бирюзоваго цвѣта, изразцовъ, что̀ чрезвычайно красиво. Къ сожалѣнію, голубые изразцы отчасти выпали, и этотъ чудный памятникъ древне-персидскаго зодчества, какъ и почти всѣ памятники этой эпохи на Кавказѣ, постепенно приходитъ въ разрушеніе. Съ другой стороны дома веранда, откуда чудный видъ: вдали виденъ Араратъ и окружающая его цѣпь горъ; ближе широкое русло Аракса и богатая плодородная равнина, покрытая садами съ чудными деревьями и виноградниками, вѣроятно, не переводившимися здѣсь со временъ Ноя, могила котораго находится, по общепринятому здѣсь преданію, тутъ-же. Я ѣздилъ ее смотрѣть: это пещера, внутри оштукатуренная и выбѣленная, со столбомъ въ серединѣ, которымъ поддержанъ сводъ, и находящаяся въ высокомъ берегу, окаймляющемъ со стороны Нахичевани долину Аракса. Рядомъ съ могилою Ноя, Армянская церковь и кладбище. Я съ большимъ почтеніемъ посѣтилъ гробницу нашего общаго праотца и, такъ какъ старинныя и обще-принятыя преданія почти всегда справедливы, то и я преклонился предъ памятью праведнаго Ноя.

День прошелъ очень спокойно, Шахъ, по обыкновенію, никуда не выѣзжалъ, и мы наслаждались чудною погодою, сидя на верандѣ или въ нашихъ садахъ.

10 Мая. На другой день, 10 Мая, въ 7 часовъ утра, мы выѣхали изъ Нахичевани, сопровождаемые тѣми же почестями и толпою, что и наканунѣ.

Самый Нахичевань—небольшой восточный, довольно красивый городъ со множествомъ садовъ; рядомъ съ городомъ находятся развалины стараго города, совершенно разрушеннаго землетрясеніемъ, какъ говорятъ, въ XVII столѣтіи; теперь это рядъ ямъ и груды развалинъ, въ которыхъ всегда находятъ множество старинной домашней утвари

Библиотека "Руниверс"

грубаго Китайскаго фарфора и иногда золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ украшеній.

Сегодня ѣхали все время очень живописными мѣстностями, долинами Аракса и его притоковъ. Множество селъ, садовъ, виноградниковъ и тополевыхъ рощъ; тополь служитъ здѣсь прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ, благодаря прямизнѣ его стволовъ, и ростетъ онъ очень быстро.

Мѣняли лошадей въ Буюкъ-Дуза, Киврочъ и Башнаруженъ, куда пріѣхали въ 3 часа и здѣсь завтракали, обѣдали и ночевали. Станціи и села на пути были украшены флагами и вывѣшенными коврами. Населеніе здѣсь состоитъ изъ Армянъ и Персовъ, которые выражали Шаху большое почтеніе. При перемѣнѣ лошадей, ученики Персидскихъ школъ собирались передъ домами, въ которыхъ останавливался Шахъ и пѣли ему по персидски разныя похвалы, привѣтствія и тексты изъ Корана; все это съ ужаснымъ крикомъ, безъ всякой уловимой мелодіи и въ носъ; но Шахъ былъ этимъ очень доволенъ, слушалъ эти привѣтствія и давалъ пѣвшимъ вездѣ деньги.

Вообще Персы, живущіе на Кавказѣ, очень радовались пріѣзду Шаха и своихъ единоплеменниковъ и гордились почестями, которыя ему воздавались, но безъ всякаго худого чувства къ Русскимъ. Напротивъ, они какъ бы радовались, что Русскіе оказывали Шаху столько почета и какъ бы были благодарны намъ за это; что было замѣтно по насторенію толпы.

Надо здѣсь сказать, что Закавказье, кромѣ своего Персидскаго населенія, переполнено приходящими изъ Персіи работниками. Въ Персіи, при общемъ застоѣ и отсутствіи всякой промышленности, простолюдинамъ нѣтъ никакихъ заработковъ, и населеніе сѣверныхъ провинцій Персіи уходитъ охотно въ Россію, на Кавказъ, гдѣ требуется постоянно много человѣческихъ рукъ для всякаго рода работъ. Разоренные поборами своего правительства, нищіе и голодные Персы очень довольны своею жизнью и заработками на Кавказѣ, и они блаженствуютъ и поправляются сравнительно съ своими соотечественниками, оставшимися дома, гдѣ бѣдность и притѣсненія такъ велики, что сѣверная Персія желала-бы принадлежать Россіи. Но естественно, что Персы, живущіе въ Россіи и наслаждающіеся спокойствіемъ и нѣкоторымъ благосостояніемъ, сочувствуютъ все-таки своей родинѣ, поправившись, получаютъ опять нѣкоторое къ ней тяготѣніе и съ этимъ чувствомъ надо будетъ всегда считаться. Между тѣмъ, знающіе хорошо

Библиотека "Руниверс"

Персію, считаютъ, что сѣверная Персія очень желаетъ своего присоединенія къ Россіи; такъ много она страдаетъ отъ своего правительства. Полагаютъ, что появленіе нѣсколькихъ Русскихъ полковъ въ сѣверной Персіи было-бы достаточно для ея завоеванія.

Сегодня мы сдѣлали немного болѣе 60 верстъ, по прекрасному шоссе, но ѣхали тихо, потому что Шахъ боится скорой ѣзды.

На остановкахъ мы подходили къ Шаху, и я водворялъ его въ приготовленныя на станціяхъ комнаты; тутъ онъ пилъ чай или закусывалъ и потомъ часъ отдыхалъ, затѣмъ занятъ былъ своею дневною молитвою (намазъ) и ѣхалъ дальше. Онъ все время былъ веселъ и очень любилъ, когда я и Кохановскій къ нему приходили.

Шахъ всякій разъ меня задерживалъ; но признаюсь, что каждый разъ поговоривъ съ нимъ немного и устроивъ все нужное для его удобства, я подъ видомъ скромности уходилъ, но это мнѣ не всегда удавалось.

Въ Башнарушенѣ на ночлегѣ Шаху, его ближайшей свитѣ и мнѣ былъ приготовленъ очень удобный домъ, стараніями мѣстныхъ властей и, послѣ прекрасной ночи, мы выѣхали дальше.

11-го Мая. 6 часовъ утра. Ночью шелъ опять дождь, но днемъ сегодня погода чудная и зелень рощей и садовъ, освѣженная дождемъ, была еще свѣжѣе и какъ бы зеленѣе. Мы сдѣлали сегодня въ четыре перегона 80 верстъ съ такими же остановками и такимъ же образомъ, какъ вчера. Шахъ сердился на Мамаца, сидѣвшаго на козлахъ его ландо, зачѣмъ онъ *недостаточно* запрещалъ ямщикамъ скоро ѣхать. А Мамацу дано было отъ меня приказаніе ѣхать 10 верстъ въ часъ, а когда Шахъ прикажетъ ѣхать тише, то сначала исполнять его приказаніе, но, спустя нѣсколько минутъ, опять постепенно доводить до начальной скорости т. е. 10 верстъ; но сегодня, видя, что и такая ѣзда Шаху непріятна, я приказалъ Мамацу ѣхать тише, такъ что въ Эривань мы пріѣхали только въ 6 часовъ вечера.

Въѣздъ Шаха въ Эривань былъ очень торжественъ: войска стояли шпалерами по пути Шаха, и у дома губернатора, приготовленнаго для Шаха, былъ почетный караулъ и всѣ военныя и гражданскія власти тутъ были собраны и представлены Шаху, который былъ очень утомленъ долгимъ для него переѣздомъ, и остальную часть дня провелъ дома. Музыка играла весь вечеръ передъ его домомъ, что онъ очень любитъ. Передъ губернаторскимъ домомъ прекрасный тѣнистый садъ былъ иллю-

Библиотека "Руниверс"

минованъ фонарями очень красиво. и въ немъ былъ народный праздникъ, тѣмъ особенный. что разные цѣхи и отдѣльные кружки жителей (Армянъ, Грузинъ и Персовъ), устроили себѣ отдѣльные пикники.

Каждое такое сборище отгораживало себѣ часть сада, и въ нихъ устроены были столы съ угощеніями, пѣвцами, музыкой и танцорами. гдѣ члены каждаго общества угощались и веселились. Это было очень оживленно и своеобразно.

Тѣмъ же вечеромъ я пошелъ въ садъ, думая посмотрѣть праздникъ незамѣченнымъ, но скоро меня узнали, стали угощать, кричать „ура". и я насилу-насилу могъ оттуда уйти и скрыться у себя въ клубѣ, гдѣ мнѣ было приготовлено помѣщеніе очень удобное.

На слѣдующее утро было назначено представленіе Армянскаго католикоса Персидскому Шаху, причемъ я рѣшился дать католикосу маленькій урокъ, такъ какъ Армянскій католикосъ ведетъ себя не совсѣмъ прямо относительно нашего правительства. Дѣйствуя очень осторожно и, по наружности, превольно, онъ разыгрываетъ роль Армянскаго царька, что при нынѣшнемъ положеніи Армянъ въ Россіи, Турціи и Персіи не совсѣмъ удобно и при осложненіи вопроса можетъ быть не хорошо. Эриванскій губернаторъ графъ Тизенгаузенъ, сопровождавшій насъ отъ Джульфы, сказалъ мнѣ, что католикосъ прислалъ ему сказать, что онъ желаетъ представиться Шаху и что онъ для этого пріѣхалъ изъ своей резиденціи въ Эчміадзинѣ (въ 19 верстахъ отъ Эривани).

12 Мая утромъ. Въ назначенное время католикосъ пріѣхалъ ко мнѣ. Вижу я. сначала ѣдутъ два каваса съ большими булавами верхомъ, за ними въ коляскѣ два иподіакона. одинъ съ посохомъ. другой съ большимъ крестомъ, затѣмъ коляска съ двумя архимандритами. потомъ еще коляска съ двумя архіереями, потомъ экипажъ съ драгоманомъ и. наконецъ. въ каретѣ, запряженной 6-ю лошадьми съ форейторами. самъ его блаженство католикосъ.

Я встрѣтилъ его у крыльца, повелъ къ себѣ. угощалъ кофе и папиросами и потомъ. пѣшкомъ. пошелъ съ нимъ къ Шаху. домъ котораго былъ рядомъ съ клубомъ.

Шахъ принялъ его очень прилично. стоя, при всей своей свитѣ. спросилъ о здоровьѣ. выслушалъ привѣтствіе и на просьбу католикоса удостоить Эчміадзинъ своимъ посѣщеніемъ отвѣтилъ. что на обратномъ пути въ Персію. если его здоровье позволитъ. то посѣтитъ Эчміадзинъ,

Библиотека "Руниверс"

и затѣмъ отпустилъ католикоса, который остался очень недоволенъ этимъ пріемомъ, столь короткимъ и въ присутствіи моемъ, бывшихъ при мнѣ Русскихъ и всѣхъ Персидскихъ сановниковъ. Затѣмъ католикосъ посѣтилъ Садразама, жившаго въ томъ же домѣ, что и Шахъ, и уѣхалъ. Черезъ ½ часа Садразамъ и я, мы вмѣстѣ, отдали визитъ католикосу, который при встрѣчѣ и проводахъ соблюдалъ, сколько могъ, свое величіе. Меня увѣдомили, что онъ будто говорилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ по ошибкѣ, думая ѣхать прямо къ Шаху; но его хитрость, чтобы обмануть Армянское Эриванское населеніе, не удалась; ибо я распорядился, чтобы въ тотъ-же день въ Эриванской газетѣ и въ телеграммахъ другимъ газетамъ, по всему Кавказу, было напечатано, что католикосъ посѣтилъ сначала генералъ-адъютанта Арсеньева и имъ былъ представленъ Шаху. Всѣ Русскіе въ Эривани были этимъ очень довольны и, я полагаю, что исполнилъ только свой долгъ.

Скоро послѣ визита католикоса пронеслась надъ Эриванью страшная гроза съ градомъ; черезъ нѣсколько минутъ всѣ улицы были покрыты градомъ, какъ снѣгомъ, при чемъ градъ былъ такой крупный, какъ голубиное яйцо и такой плотный, какъ пули. Эта гроза принесла страшный вредъ всѣмъ плодовымъ деревьямъ, которыя въ это время были въ полномъ цвѣту. Шахъ сидѣлъ весь день дома въ комнатахъ или во внутреннемъ саду и очень благодушествовалъ: утромъ онъ ѣздилъ въ городскую восточную баню.

Затѣмъ я былъ у него нѣсколько разъ и разговаривалъ съ нимъ. Кохановскій, котораго онъ очень любитъ, тоже нѣсколько разъ у него сидѣлъ, а затѣмъ его министры и ближайшіе слуги. А тутъ завтракъ, отдыхъ послѣ него, вечеромъ обѣдъ, и день прошелъ очень пріятно и какъ онъ любитъ.

Въ 8 часовъ вечера, передъ обѣдомъ Шаха, на площади была вечерняя заря, въ которой участвовали всѣ войска бывшія въ Эривани, почти дивизія, подъ начальствомъ князя Орбеліани (отца фрейлины Императрицы Александры Ѳеодоровны). Шахъ былъ въ восторгѣ отъ церемоніи зари и такого множества войска, дивился его бодрому виду, прекрасному обмундированію, стройности всѣхъ передвиженій и прекраснымъ равненіемъ. Въ дефиле послѣ зари участвовала и артиллерія съ пушками и, такъ какъ артиллерія любимое оружіе Шаха, то онъ очень восторгался и послѣ зари послалъ телеграмму Государю, въ которой еще разъ благодарилъ Его Величество за чудный пріемъ въ Россіи и отзывался съ восторгомъ о прекрасномъ состояніи Русскаго войска.

Библиотека "Руниверс"

Эривань довольно красивый городъ съ 30,000 жителей; это полурусскій, полу-восточный городъ, со множествомъ садовъ, но и довольно грязный; онъ расположенъ на рѣкѣ Занга, въ долинѣ у южнаго подножія Малаго Кавказа. Когда я подъѣзжалъ въ первый разъ къ Эривани съ Сѣвера, то, увидавъ городъ съ высоты горъ, по которымъ шла дорога, я тотчасъ же узналъ цитадель и городъ по сходству съ картиной въ одной изъ залъ Зимняго дворца, изображающей взятіе Эривани Паскевичемъ, и старшинъ города, приносящихъ ему ключи. Говорятъ, что императоръ Николай I-й, когда онъ посѣтилъ первый разъ Эривань, увидавъ ее съ высоты горъ, сказалъ: „Однако подвиги Ивана Ѳедоровича здѣсь не особенно велики“. И дѣйствительно, нѣсколько пушекъ на горахъ, окружающихъ Эривань, могутъ его совершенно разрушить въ нѣсколько часовъ. Въ Эривани очень замѣчательна древняя мечеть въ серединѣ города съ чуднымъ внутреннимъ дворомъ, окруженнымъ вѣковыми деревьями. Въ цитадели находится тоже старинный дворецъ Эриванскихъ сардаровъ, т. е. собственно только одна зала съ прекрасными старинными окнами; въ нихъ рамы рѣзныя, и въ деревянныхъ узорахъ вставлены мелкія разноцвѣтныя стекла. Самая зала покрыта множествомъ маленькихъ зеркалъ подъ разными углами; она въ Арабскомъ стилѣ и въ стѣнѣ вставлены большіе портреты al fresco Персидскихъ Шаховъ и другихъ Персидскихъ историческихъ лицъ. Замѣчательна тутъ-же и мечеть съ куполами изъ эмалированныхъ кирпичей въ которыхъ преобладаетъ прелестный бирюзовый цвѣтъ. Но всѣ эти зданія содержались очень плохо и мало по малу приходятъ въ разрушеніе. Говорятъ, что въ этой дворцовой залѣ впервыя, подъ руководствомъ Грибоѣдова, играли нѣсколько отрывковъ изъ „Горя отъ ума“.

13 Мая, утромъ въ 6 часовъ, мы выѣхали изъ Эривани. По выѣздѣ изъ города на обширной полянѣ двѣ стоящія въ Эривани батареи сдѣлали для Шаха ученіе съ пальбою, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Начиная отъ Эривани, путь идетъ постоянно въ гору, на протяженіи 50 верстъ, и къ обѣду мы добрались до селенія Еленовки, находящейся на высотѣ 7,000 футовъ, т. е. на возвышенномъ плато Малаго Кавказа; проѣхали благополучно мимо озера Гокчи, засвѣтло перевалили черезъ гребень Малаго Кавказа и спустились на сѣверный его скатъ; въ Джелейджанѣ, находящійся въ очень живописномъ ущельи, на высотѣ 3000 футъ, мы пріѣхали, уже когда стемнѣло. Тѣмъ не менѣе тутъ былъ почетный караулъ, и Шахъ, поздоровавшись

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ, пропустилъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, потомъ вошелъ въ приготовленный ему отъ военнаго вѣдомства домъ, и скоро легъ спать, порядочно утомленный сегодняшнимъ 78-и верстнымъ переходомъ. Джелейджанъ очень красивая мѣстность, куда Эриванское общество пріѣзжаетъ на лѣтнее время на дачи.

14 Мая. Въ этотъ день мы сдѣлали 73 версты. Погода была прекрасная, и дорога очень живописная. Завтракали мы на станціи Караванъ-сарай, гдѣ для Шаха была приготовлена прекрасная палатка, великолѣпно убранная въ Персидскомъ вкусѣ, и онъ въ нее вошелъ съ большимъ удовольствіемъ, позавтракалъ и легъ отдыхать. Такъ какъ живущіе тутъ Персы стали толпиться вокругъ палатки Шаха, то ихъ разгоняли, въ чемъ принялъ участіе и губернаторъ графъ Тизенгаузенъ; увидавъ, что одинъ Персъ сталъ входить въ палатку Шаха, онъ принялся этого Перса тузить, но оказалось, что этотъ Персъ былъ одинъ изъ министровъ, котораго графъ не узналъ. Я потомъ старался быть очень любезнымъ и хотѣлъ объяснить ему поступокъ графа Тизенгаузена и извиниться передъ обиженнымъ; но когда я сталъ говорить съ нимъ и началъ съ путешествія вообще, онъ мнѣ сказалъ, что никогда не дѣлалъ еще такого пріятнаго путешествія. Послѣ этого я уже ничего ему не говорилъ.

Для свиты тутъ же на лугу была устроена большая палатка, и въ ней накрытъ большой столъ; все это было великолѣпно украшено гирляндами изъ цвѣтовъ, устлано коврами, и завтракъ превосходный. Тутъ-же играла музыка, пока Шахъ не легъ отдыхать. Окружающая долину мѣстность была очаровательна. Но вдругъ налетѣла туча, ударилъ громъ. Шахъ проснулся, и такъ какъ онъ очень боится грозы, то послалъ за мной и сталъ говорить: partons, partons plus vite! Черезъ $^1/_2$ часа мы поскакали дальше.

Передъ отъѣздомъ Шахъ очень благодарилъ Тизенгаузена и пожаловалъ ему ленту Льва и Солнца: здѣсь графъ насъ оставилъ, потому что, начиная со станціи Семеновки, которую мы проѣхали наканунѣ, тянется Елисаветпольская губернія, и губернаторъ генералъ Кирѣевъ, встрѣтивъ Шаха на границѣ своей губерніи, сопровождалъ его до Акстафы, станціи желѣзной дороги (отъ Баку въ Тифлисъ и Батумъ), куда мы и прибыли благополучно въ 8 часовъ вечера.

Мы остановились у самой станціи желѣзной дороги, гдѣ Шаха ожидалъ приготовленный для него царскій поѣздъ Кавказской желѣзной дороги, присланный изъ Тифлиса; такъ какъ царскій поѣздъ, посланный

Библиотека "Руниверс"

для Шаха изъ Петербурга за невозможностью везти Шаха черезъ Баку долженъ былъ встрѣтить Шаха только во Владикавказѣ, чтобы везти его до Варшавы. Шахъ никогда не видалъ такого чуднаго поѣзда; въ Персіи только одна желѣзная дорога въ 18 верстъ отъ Тегерана до Могилы какого-то почитаемаго святого; Шахъ по ней ѣздилъ одинъ разъ; другихъ желѣзныхъ дорогъ въ Персіи нѣтъ. Его поразило большое число вагоновъ, предназначенное для его особы, богатство ихъ убранства и блескъ электрическаго освѣщенія. Шахъ очень довольный вошелъ въ салонный вагонъ, гдѣ ему былъ поданъ обѣдъ, во время котораго играла музыка, а потомъ сожженъ фейерверкъ закончившійся большой звѣздой, въ серединѣ которой красовался его портретъ; при этомъ былъ пущенъ дождъ ракетъ, и музыка играла Персидскій гимнъ. Глядя на свое изображеніе. Шахъ улыбался и говорилъ: tres ressemblant. Признаюсь мнѣ стало легче на душѣ, когда мы достигли желѣзной дороги. Путь до Тифлиса отнынѣ былъ обезпеченъ. Если бы Военно-грузинская дорога и была бы испорчена, то въ Тифлисѣ вполнѣ спокойно и пріятно можно было-бы оставаться до ея исправленія.

Въ Акстафѣ встрѣтилъ Шаха Тифлисскій губернаторъ Свѣчинъ и нѣкоторыя другія власти и почетный караулъ. На правомъ флангѣ караула обыкновенно становилось начальство и по представленіи его Шаху, онъ говорилъ мнѣ: *Demandez comment santé!* Я имъ это переводилъ, и всѣ кланялись и благодарили. Затѣмъ Шахъ, показывая на караулъ, говорилъ опять: *demandez comment santé.* Тогда я кричалъ караулу: его величество Шахъ Персидскій говоритъ вамъ: „здорово, ребята“. Караулъ отвѣчалъ: Здравія желаемъ, ваше величество, и потомъ кричали ура, пока Шахъ проходилъ мимо фронта, въ увѣренности, что караулъ отвѣчалъ на его привѣтствіе. На лѣвомъ флангѣ Шахъ принималъ ординарцевъ, говоря каждому: *Comment santé?* Затѣмъ Шаха отводили на приготовленное мѣсто, и караулъ проходилъ мимо его церемоніальнымъ маршемъ, причемъ я всегда проходилъ съ карауломъ мимо Шаха, и потомъ отъ имени его благодарилъ. Эта церемонія всегда была пріятна шаху.

15 Мая. Въ 7 часовъ утра поѣздъ тронулся, но черезъ нѣсколько минутъ Шахъ проситъ ѣхать тише и, такъ какъ путь былъ совершенно свободенъ, то просьба была его исполнена, и мы прибыли благополучно въ Тифлисъ, въ 10 часовъ утра при прекрасной, солнечной и жаркой погодѣ.

Въ дебаркадерѣ Шахъ былъ встрѣченъ генераломъ Фрезе, временно исполнявшимъ должность главноначальствующаго князя Голицына

Библиотека "Руниверс"

(бывшаго въ это время въ Петербургѣ), всѣми начальствующими лицами военными и гражданскими и почетнымъ карауломъ. Послѣ представленій и обычныхъ: „Comment santé“, Шахъ сѣлъ въ коляску, пригласивъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ, а на передкѣ сѣли Садразамъ и генералъ Фрезе и, въ сопровожденіи сотни Кубанскихъ казаковъ, процессія тронулась. По улицамъ были разставлены шпалерами всѣ войска, бывшія въ это время въ Тифлисѣ, всѣ учебныя заведенія, военныя и гражданскія; при этомъ меня поразило, что у всякой гимназіи и реальнаго училища былъ свой оркестръ музыки, составленный изъ воспитанниковъ, и свое знамя, или правильнѣе свой значекъ. Улицы были полны народомъ, всѣ дома были украшены флагами и коврами, на многихъ мѣстахъ арки, украшенныя флагами, цвѣтами и неизбѣжными: Львомъ и Солнцемъ. Мы ѣхали, по желанію Шаха, очень тихо: „pour voir la ville“ говорилъ онъ, но въ сущности отъ того, что онъ боится скорой ѣзды. Этотъ тріумфальный въѣздъ произвелъ на Шаха большое впечатлѣніе. Онъ не ожидалъ, чтобы Тифлисъ былъ такимъ большимъ городомъ, чтобы въ немъ было такъ много войска и былъ очень польщенъ пріемомъ населенія, кричавшимъ ему, вмѣстѣ съ войсками по пути: ура.

Наконецъ мы подъѣхали ко двору главноначальствующаго, гдѣ былъ опять почетный караулъ, и ввели Шаха по прекрасной лѣстницѣ, уставленной апельсинными деревьями, въ цвѣту, въ его покои.

Шаху отвели комнаты, въ которыхъ останавливался нынѣшній Государь, будучи наслѣдникомъ. Это собственно бывшіе покои князя Барятинскаго, и надо сказать, прелестные: большой кабинетъ, окна и двери котораго съ двухъ противоположныхъ сторонъ выходятъ на два прелестныхъ двора съ большими тѣнистыми деревьями, множествомъ цвѣтовъ и фонтанами по серединѣ. За кабинетомъ идутъ внутреннія покои. C'est tout-à-fait un petit coin de l'Alcazar ou de l'Alhambra. И Шахъ проводилъ на одномъ изъ этихъ двориковъ (откуда былъ видъ на городъ) почти цѣлый день; ибо во время своего пребыванія въ Тифлисѣ, т. е. трехъ дней, онъ выѣзжалъ только въ баню, въ ботаническій садъ и на ученіе Нижегородскаго драгунскаго полка, произведеннаго въ его честь за городомъ.

Вечеромъ перваго дня прибыванія въ Тифлисѣ городъ былъ иллюминованъ, и площадь предъ дворцомъ представляла феерическое зрѣлище, вся, освѣщенная разноцвѣтными фонарями и транспарантами и вензелемъ шаха и „Львами съ Солнцемъ“. Предъ дворцомъ играла музыка, площадь была полна народомъ, и экипажи въ нѣсколько рядовъ ката-

Библиотека "Руниверс"

лись предъ дворцомъ. Шахъ долго смотрѣлъ на это зрѣлище съ балкона, а потомъ и въ одной изъ залъ дворца. Пѣли и плясали казаки и играли балалаечники, которые очень пришлись Шаху по вкусу.

На слѣдующее утро Шахъ отправился въ Персидскую баню. Такъ какъ у Персовъ баня—вещь *секретная*, то ни я и никто изъ Русской свиты не поѣхали съ нимъ, но только его прислуга, и сопровождалъ Шаха Тифлисскій полиціймейстеръ.

Когда я передъ завтракомъ пришелъ къ Шаху по обычаю узнать о его здоровьѣ и о томъ, что̀ на этотъ день онъ пожелаетъ приказать, Шахъ, выразивъ мнѣ свою благодарность за мои попеченія о немъ и труды во время путешествія отъ Джульфы до Тифлиса, пожаловалъ мнѣ собственноручно свой портретъ, украшенный брилліантами, для ношенія на шеѣ. Я благодарилъ, какъ слѣдуетъ, Шаха за его милость и, выходя отъ него по дорогѣ, принималъ поздравленія шаховыхъ сановниковъ. Портретъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе чрезвычайно великолѣпной и дорогой вещи и по виду напоминаетъ нѣсколько панагію, самые же камни не брилліанты, а алмазы, т. е. тѣже брилліанты, но не отшлифованные по европейски многочисленными гранями, отчего брилліантъ хотя и больше, но не имѣетъ игры нашихъ брилліантовъ. Персы предпочитаютъ свою шлифовку, сохраняющую величину алмаза и всѣ носимые шахомъ брилліанты всегда алмазы.

Въ денные часы происходило представленіе властей, при чемъ Шаху называли главныхъ лицъ, а онъ огуломъ всѣхъ спрашивалъ про здоровье, но происходящая отъ такого большого сборища духота утомляла его.

Вечеромъ въ большой залѣ дворца былъ парадный обѣдъ для шаховой свиты и всѣхъ Тифлисскихъ властей.

Послѣ обѣда Шахъ со мною, генераломъ Фрезе и Садразамомъ отправился въ театръ на парадный спектакль. За отсутствіемъ оперной трупы, давали „*Измаилъ*“; труппа была весьма порядочная, и постановка на сцену очень приличная. Къ сожалѣнію, Тифлисскій театръ некрасивъ и гораздо хуже прежняго, декорированнаго княземъ Григоріемъ Гагаринымъ въ восточномъ вкусѣ и очень мило. Шахъ, никогда не выѣзжавшій изъ Персіи, въ театрѣ еще до сего дня никогда не бывалъ и потому поѣхалъ туда съ большимъ любопытствомъ; но я думалъ, что онъ пробудетъ лишь одно дѣйствіе, чтобы только посмотрѣть, что̀ такое театръ, а потомъ пріѣдетъ домой обѣдать (какъ всегда, въ 9 часовъ). Видъ залы, наполненной нарядной публикой и

Библиотека "Руниверс"

властями въ мундирахъ, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Войдя, онъ сѣлъ; но я ему шепнулъ, что нельзя садиться, пока играютъ въ его честь Персидскій гимнъ; потомъ онъ всѣмъ поклонился и сѣлъ.

Желая, чтобы онъ понялъ что происходитъ на сценѣ, я просилъ его позволенія г. Кохановскому сѣсть немного сзади его (клиномъ) между Шахомъ и мною, чтобы переводить, и Кохановскій переводилъ такъ бѣгло и хорошо, что Шахъ все понималъ, въ высшей степени заинтересовался представленіемъ и остался до самаго конца. Когда происходила сцена ревности между Польской графиней и Русской дѣвицей изъ за любви къ молодому адъютанту Потемкина, то Шахъ слушалъ, слушалъ, а потомъ сказалъ мнѣ: „Pourquoi quereller? On peut vivre avec toutes les deux". Въ антрактахъ онъ сидѣлъ въ фойе царской ложи и былъ очень веселъ. По окончаніи спектакля, коляску Шаха сопровождала сотня Кубанскихъ казаковъ съ факелами, что было очень красиво.

18 Мая. Утро Шаха было посвящено поѣздкѣ въ ботаническій садъ, который очень его интересовалъ; онъ обнаружилъ основательное знакомство съ ботаникой, останавливался передъ многими растеніями и просилъ прислать ему сѣмена многихъ деревьевъ и цвѣтовъ. Остальную часть дня онъ провелъ дома, слушалъ опять въ одной изъ залъ балалаечниковъ и разныхъ Персидскихъ пѣвцовъ, а послѣ полдня ѣздилъ по желѣзной дорогѣ за городъ смотрѣть ученіе Нижегородскаго драгунскаго полка, которое ему понравилось.

19 Мая утромъ въ 8 часовъ, мы должны были выѣхать изъ Тифлиса; но, когда я за $^1/_2$ часа да отъѣзда пришелъ къ Шаху, то оказалось, что онъ еще спитъ и что никто изъ приближенныхъ не смѣетъ его будить. Такъ какъ первую станцію отъ Тифлиса да Мцхета мы должны были сдѣлать по желѣзной дорогѣ и опаздывать много было нельзя, то я пошелъ къ Садразаму, который и рѣшился приказать будить своего владыку, что и было сдѣлано, но все таки мы опоздали на цѣлый часъ.

Шахъ выѣхалъ изъ Тифлиса съ тѣми же почестями, что и при въѣздѣ въ него, и былъ очень доволенъ своимъ трехдневнымъ пребываніемъ въ Тифлисѣ, гдѣ ему было весело и гдѣ онъ очень хорошо отдохнулъ.

Я нашелъ, что Тифлисъ, съ перваго моего здѣсь пребыванія въ 1858 г., очень разросся; теперь въ немъ было 200.000 жителей; улицы Европейскаго квартала съ прекрасными большими домами, и

Библиотека "Руниверс"

деревья и сады въ городѣ очень его украшаютъ, но мнѣ больше всего понравился народный кварталъ Армяно-грузинскій съ его базарами, лавченками и національными трактирами. Мы взошли съ губернаторомъ Свѣчинымъ въ одинъ изъ такихъ трактирчиковъ, такъ сказать, висящихъ надъ Курою, которая бурно стремится между скалистыми берегами, такъ что дѣлается даже страшно, и думается: а что если туда упадешь? Намъ подали національный завтракъ и Кахетинское вино, и этотъ завтракъ мнѣ такъ напомнилъ, съ какимъ удовольствіемъ, во Флоренціи, въ 1880 году, я съ Дерфельденомъ иногда заходилъ въ маленькія простонародныя остеріи, близъ Старого рынка, и тамъ завтракалъ. Эта прогулка мнѣ всего болѣе понравилась въ Тифлисѣ: такъ это было живописно и своеобразно.

Черезъ часъ по выѣздѣ изъ Тифлиса мы прибыли въ Мцхетъ, древнюю столицу Грузіи; но къ сожалѣнію, такъ какъ мы ѣхали съ бусурманами и торопились еще къ тому-же, то не было никакой возможности посѣтить древній соборъ, построенный въ IV вѣкѣ, и осмотрѣть замѣчательныя древнія фрески и гробницы; въ этомъ соборѣ нѣкогда хранилась и риза Господня, посланная въ даръ царю Михаилу Ѳедоровичу царемъ Иракліемъ и хранящаяся съ тѣхъ поръ въ Успенскомъ соборѣ. Въ окрестностяхъ Мцхета много и другихъ древностей, такъ напримѣръ: монастырь Самтамвро, въ которомъ тоже соборъ IV вѣка и рядомъ обширный могильникъ въ нѣсколько ярусовъ. Могилы нижнихъ ярусовъ принадлежатъ къ началу желѣзнаго вѣка и относятся къ X вѣку до Рождества Христова, а въ верхнихъ находятъ Римскія монеты временъ Августа и позже. Самые черепа въ нижнихъ ярусахъ гробницъ принадлежатъ *длиннымъ* породамъ (долихоцефаламъ), между тѣмъ какъ черепа верхнихъ ярусовъ—*короткоголовыя* (брахицефалы), т. е. тѣхъ-же народностей, которыя и понынѣ живутъ на Кавказѣ.

Въ Мцхетѣ Шахъ и его свита пересѣли въ приготовленные для нихъ экипажи, и мы поѣхали по Военно-грузинской городѣ. Съ нами взяли ручную поклажу, все же тяжелое я отправилъ во Владикавказъ еще наканунѣ. Сегодня намъ предстояло сдѣлать 80 верстъ до станціи Млетъ, и я опасался, что этотъ длинный переѣздъ утомитъ Шаха.

Отъ Мцхета до Млета дорога идетъ все въ гору вдоль теченія Арагвы, впадающей въ Куру у Мцхета. Я не буду описывать подробно нашего путешествія по Военно-грузинской дорогѣ, имѣющей 200 верстъ длины. Скажу только, что эта дорога—великое преодолѣніе рукою человѣческою препятствій устроенныхъ природою. Шоссе превосходно,

Библиотека "Руниверс"

и на всемъ его протяженіи оно ограждено со стороны обрыва каменной оградой въ аршинъ высоты, такъ что теперь совсѣмъ не ощущаешь того чувства ужаса свалиться при каждомъ поворотѣ или испугѣ лошадей въ пропасть, какъ оно было прежде еще въ 1858 г., когда я въ первый разъ ѣхалъ по Военно-грузинской дорогѣ. Вездѣ прекрасные каменные или желѣзные мосты. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ обвалы, устроенъ на дорогѣ родъ тунелей, крышка которыхъ, наклонная, служитъ естественнымъ продолженіемъ самой горы и покрываетъ дорогу, такъ что камни или снѣгъ, падая съ горъ, катятся по крышѣ въ пропасть. Разумѣется, эта крыша сдѣлана изъ толстыхъ брусьевъ, которые въ свою очередь укрѣплены цѣлою системою діагональныхъ брусьевъ, какъ мосты, или правильнѣе, какъ была укрѣплена внутренность полярнаго судна „Фрамъ“ противъ давленій наружнаго льда на корабль. Говорятъ, что зимою здѣсь преспокойно проѣзжаешь этими тунелями, когда крыша ихъ покрыта слоемъ снѣга въ 6 или 7 саженей. Въ мѣстахъ, гдѣ дорога спускается на дно долины, на рѣкахъ устроены частые *шпоры*, т. е. дамба, отводящая быстрину теченія и предохраняющая путь отъ разрушенія. Тѣмъ не менѣе Военно-грузинская дорога, въ большей части своего протяженія, производитъ подавляющее впечатлѣніе: человѣкъ такъ малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ громадами горъ, съ бездонностью пропастей и ужасомъ обрывовъ, а также со страшными массами и глыбами камней и земли (слѣды отъ обваловъ), что путникъ ѣдетъ все время съ этимъ тяжелымъ чувствомъ. Для насъ оно еще усиливалось разрушеніями, происшедшими на дняхъ отъ сильныхъ дождей. На дорогѣ лежало много громадныхъ камней, обломковъ скалъ, нанесенныхъ потоками съ горъ; мѣстами вода неслась изъ ущелій, потокомъ, черезъ шоссе, внизъ: мѣстами самое шоссе было разрушено, и приходилось его объѣзжать по на-скоро устроенному пути, для чего вездѣ было согнано множество рабочихъ. При этомъ на Кавказѣ всегда на станціяхъ разсказываютъ о разныхъ несчастіяхъ, случившихся въ томъ или другомъ мѣстѣ нашего пути. Тутъ напримѣръ, вамъ говорятъ, вотъ эта скала называется *Маіорша*; въ 50-хъ годахъ тутъ ѣхала одна маіорша; отъѣхавъ двѣ версты отъ станціи, она замѣтила, что забыла на ней зонтикъ и, остановившись на дорогѣ, послала за зонтикомъ на станцію денщика. Когда же тотъ воротился съ зонтикомъ—маіорши уже не было: она была засыпана происшедшимъ обваломъ. И такихъ исторій бездна. Я конечно не разсказывалъ этихъ исторій Шаху, который и то очень волновался, и при высокихъ подъемахъ и при крутыхъ спускахъ.

Наконецъ уже стемнѣло, и было около 7 часовъ, когда мы прибыли на станцію Млетъ на высотѣ 4000 футъ, и бѣдный Шахъ чув-

Библиотека "Руниверс"

ствовалъ себя очень утомленнымъ и просилъ, чтобы завтрашній переѣздъ уменьшить и вмѣсто того, чтобы ночевать во Владикавказѣ, остановиться на ночь на станціи Казбекъ. Хотя всѣ власти противились этому, говоря, что въ Казбекѣ тѣсно и что невозможно устроить тамъ ночлегъ на всю свиту и т. п., но, видя утомленье Шаха, я телеграммой сдѣлалъ въ Казбекѣ приспособленія для ночлега и приказалъ, чтобы такъ и было.

30 Мая. Отъ Млета до Казбека 48 верстъ: мы поднялись съ мѣста въ 8 часовъ утра, при ясной, но довольно холодной погодѣ: до Крестовой горы подъемъ довольно крутой, но дорога на этихъ высотахъ прекрасная, и обваловъ тутъ нѣтъ. Близъ станціи Гудауръ стоитъ каменный крестъ на самомъ гребнѣ горы, на высотѣ 5000 футъ (самое высокое мѣсто Военно-грузинской дороги). Здѣсь отпрягаютъ лишнихъ лошадей и оставляютъ въ каждомъ экипажѣ только двѣ, такъ какъ отсюда до самаго Казбека начинается спускъ. Подошедши на остановкѣ къ каретѣ Шаха, я нашелъ его въ сильномъ смущеніи: сначала онъ не понималъ, зачѣмъ оставляютъ только двѣ лошади запряженными въ его экипажъ, а когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ еще болѣе смутился и, боясь, что лошади понесутъ, не хотѣлъ ѣхать, а идти пѣшкомъ, но вѣдь спускъ продолжался на протяженіи 20 верстъ. Я его всячески успокоивалъ и наконецъ уговорилъ его остаться въ каретѣ, подъ тѣмъ условіемъ, что онъ позволитъ г-ну Кохановскому сѣсть къ нему въ карету, чтобы во 1-хъ, заставить Мамаца приказывать ямщику ѣхать очень тихо, передавать немедленно порусски всѣ желанія Шаха и объяснять Шаху всѣ случайности дороги. Такъ и сдѣлали. Кохановскій все время успокоивалъ, разговаривалъ съ Шахомъ и заставилъ Мамаца тихо ѣхать, и все обошлось совершенно благополучно, такъ что, когда мы пріѣхали на станцію, и я подошелъ къ каретѣ Шаха его провѣдать, онъ былъ совершенно веселъ и спокоенъ и сказалъ мнѣ: „Encore Kochanovsky!“ Такъ Кохановскій и доѣхалъ съ Шахомъ въ каретѣ до самаго Казбека, гдѣ мы должны были ночевать.

Мы прибыли въ Казбекъ около 5 часовъ дня; шелъ мелкій дождь, горы затянуло облаками, и видъ мѣстности былъ самый удручающій и унылый. Станція расположена въ ущеліи между горами, шириною не больше ширины Невскаго проспекта. Прямо передъ нами былъ Казбекъ (10.000 футъ высоты), но такъ какъ мы были отъ него очень близко, то надо было поднимать высоко голову, чтобы видѣть его вершину, да и онъ скоро совершенно затянулся облаками. Ущелье, въ которомъ мы находились, казалось какъ бы простой трещиной между горами, и это дѣйствовало подавляющимъ образомъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы помѣстили Шаха очень прилично; всѣ остальные, по двое и по трое, размѣстились и провели остатокъ дня и ночь хорошо. Къ вечеру сдѣлалось такъ холодно, что надо было истопить всѣ печи. Вечеромъ немного прояснило, ущелье и горы были освѣщены Бенгальскими огнями. Это было очень величественно.

На другой день утромъ мы выѣхали со станціи Казбекъ и вполнѣ благополучно проѣхали черезъ Дарьяльское ущелье, которое точно узкій коридоръ между двумя высокими стѣнами горъ, такъ что мѣстами едва виденъ кусочекъ неба. Мы ѣхали все время долиною Терека и были рады, когда наконецъ выѣхали изъ горъ и поѣхали широкой, плодородной равниной до самаго Владикавказа, куда Шахъ и прибылъ въ 2 часа дня.

За одну станцію до Владикавказа онъ пригласилъ меня къ себѣ въ карету, что̀ дѣлалъ всякій разъ, какъ мы въѣзжали въ городъ или мѣсто, гдѣ его ожидаетъ парадная встрѣча, дабы не оказаться въ затруднительномъ положеніи при встрѣчѣ съ войсками, начальствами и привѣтствіями. Дѣйствительно, и въ Владикавказѣ войска уже стояли шпалерами, и у вокзала желѣзной дороги собралось много начальства, и ожидалъ Шаха почетный караулъ.

Въ Владикавказѣ былъ приготовленъ для Шаха царскій поѣздъ, присланный изъ Петербурга, тотъ самый, въ которомъ обыкновенно путешествовала императрица Марія Александровна. Я всегда, съ особеннымъ чувствомъ, вхожу въ этотъ малиноваго цвѣта салонный вагонъ, такъ напоминающій мнѣ столько путешествій съ Ея Величествомъ! Кажется, такъ и видишь въ немъ ея святую, обаятельную особу, и всякое путешествіе въ этомъ вагонѣ теперь—съ Германскими и Бусурманскими владыками—мнѣ кажется профанаціей.

Шаху поѣздъ очень понравился. Онъ прошелъ во всѣ вагоны и съ любопытствомъ ихъ осматривалъ, удивлялся и столовой, и кухнѣ, и вагону съ апаратомъ электрическаго освѣщенія, и сказалъ мнѣ потомъ: „Comme un palais“! Онъ никогда ничего подобнаго не видалъ.

Изъ Владикавказа Шахъ долженъ былъ слѣдовать по желѣзнымъ дорогамъ на Ростовъ-на-Дону, Харьковъ, Ворожбу, Брестъ, Варшаву и Александрово на границу, а потомъ ѣхать прямо въ Контрксевиль, чтобы начать свое лѣченіе. Въ Харьковѣ предполагалась остановка на два дня; но я опасался, что это долговременное путешествіе будетъ для него слишкомъ утомительнымъ и что въ Харьковѣ Шаху ничего

Библиотека "Руниверс"

не будетъ замѣчательнаго, такъ какъ на пути, въ городахъ, онъ никуда не любитъ ѣздить и что либо смотрѣть кромѣ ботаническихъ садовъ и театровъ. Поэтому я ему и предложилъ не останавливаться на два дня въ Харьковѣ, а вмѣсто того останавливаться ежедневно на ночь; на это Шахъ очень охотно согласился, и такимъ образомъ было рѣшено провести первую ночь во Владикавказѣ, вторую въ Славянскѣ, третью въ Ворожбѣ, четвертую въ Житковичахъ и 25-го Мая прибыть въ Варшаву, гдѣ Шахъ намѣревался три дня отдохнуть предъ началомъ своего путешествія по Западной Европѣ.

На другой день, рано утромъ, нашъ поѣздъ тронулся; но Шаху наша скорость, 45 верстъ въ часъ, показалась слишкомъ большою, и онъ сталъ просить меня приказать ѣхать тише. Когда я ему сказалъ, что такимъ образомъ путешествіе его очень затянется и еще болѣе его утомитъ, то онъ мнѣ отвѣтилъ жалостливо: „*Seulement au commencement: après je m' habituerai!*“ И на первый день я исполнилъ его желанье, и мы дѣйствительно поѣхали гораздо тише. Первую ночь на желѣзной дорогѣ Шахъ спалъ худо; но я узналъ, что онъ спалъ на полу въ вагонѣ, что̀ очевидно такъ тряско, что и заснуть нельзя, и я его теперь уговорилъ устроить себѣ спанье въ салонѣ, *на диванахъ*, такъ какъ въ своемъ спальномъ вагонѣ онъ спать не хотѣлъ, находя его узкимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ и съ тѣхъ поръ спалъ прекрасно, и со второго дня мы уже ѣхали обычною скоростью царскихъ поѣздовъ, 45 верстъ въ часъ. Часовъ въ 9 вечера поѣздъ останавливался, его отводили на запасный путь; Шахъ выходилъ со своей свитой погулять, потомъ обѣдалъ и ложился спать. Въ Харьковѣ былъ опять торжественный пріемъ, караулъ, представленія начальства, а потомъ Шахъ просилъ не удалять публику съ платформы, смотрѣлъ на смотрящихъ на него и снималъ съ публики фотографіи. Днемъ онъ все смотрѣлъ въ окна съ большимъ любопытствомъ на проходимую страну.

До Ростова-на-Дону мы ѣхали большими зелеными полями и лугами, виноградными садами; села въ этой мѣстности чистыя, благоустроенныя, и весь этотъ край имѣетъ видъ большого изобилія и довольства. Потомъ мы въѣхали въ Екатеринославскую губернію и Харьковскую, гдѣ я былъ пораженъ множествомъ дѣйствующихъ и строившихся заводовъ и общимъ видомъ изобилія и хозяйственнаго подъема этого края. Какъ будто долго спавшая страна пробудилась отъ сна и зажила усиленною дѣятельностью. И далѣе чрезъ Малороссію и Польшу, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ и населеніе не бѣдствуетъ, вездѣ общій видъ благосостоянія и довольства. Если бы отъ Харькова мы пово-

Библиотека "Руниверс"

ротили выше, къ Петербургу, то картина была бы увы—*иная!* Но тамъ, гдѣ онъ ѣхалъ, Шахъ видѣлъ вполнѣ благоустроенное и богатое государство и притомъ въ весеннее время, когда все такъ жизнерадостно, зелено и свѣжо. Мнѣ кажется, что Шахъ невольно сравнивалъ эту страну со своею Персіею, въ которой, не смотря на прекрасный климатъ, плодородную почву и естественныя богатства, страна раззорена и не устроена, народъ въ нищетѣ и угнетеніи, а высшіе классы, участвующіе въ управленіи, такъ испорчены, что конечно въ нихъ никогда Шахъ, если-бъ и хотѣлъ, не найдетъ помощниковъ и сотрудниковъ къ хорошему управленію.

Въ Боркахъ, на мѣстѣ крушенія поѣзда и спасенія покойнаго Государя и царскаго семейства, Шахъ просилъ ѣхать тише, чтобы видѣть построенную церковь и, узнавъ, что одинъ изъ кондукторовъ, съ нами бывшихъ, былъ и при крушеніи, позвалъ его, распрашивалъ про крушеніе и пожаловалъ ему медаль.

Вечеромъ, когда поѣздъ останавливался на ночлегъ, Шахъ ходилъ съ нами погулять по станціонному саду и при этомъ обращалъ вниманіе на всякую породу деревьевъ, цвѣтовъ и растеній и входилъ во всякія подробности и распросы съ живою любовью; это очень хорошая и симпатичная въ немъ черта, проявлявшаяся постоянно.

Въ дневные часы, на ходу, онъ часто посылалъ за мною, чтобы съ нимъ разговаривать, предпочитая для переводовъ Кохановскаго, ибо съ своими подданными онъ бы не могъ быть столь откровеннымъ. Онъ говорилъ о своей политикѣ, о его довѣріи къ Россіи и симпатіи, основанной на этомъ довѣріи, о своей благодарности Государю за чудный и дружественный его пріемъ въ Россіи, о своемъ желаніи скорѣе видѣть Государя и о своемъ сожалѣніи, что болѣзнь мѣшаетъ ему ѣхать прямо въ Петербургъ. „Mais Vous voyez dans quel état je suis;—tout me fatigue!“ Онъ много меня распрашивалъ о Россіи, объ ея управленіи и пр., и я старался ему всячески внушать сочувствіе и уваженіе къ нашему Государю и правительству и, кажется, еще болѣе утвердилъ Шаха въ его довѣріи и любви къ Государю и Россіи и въ его твердой рѣшимости опираться на ея покровительство и дружбу.

Шахъ поручилъ мнѣ доложить Государю о его чувствахъ и образѣ мыслей по отношенію къ Россіи и прибавилъ: Si même on dit quelque chose contre moi, sachez, ce n'est pas vrai. Avec les autres puissances, surtout avec l'Angleterre, je suis obligé de biaisez; mais avec l'Empereur ma politique sera toujours invariable: confiance et amitié!

Въ проѣздъ черезъ Брестъ (лагерное расположеніе подъ Рембероваымъ) вездѣ Шаху воздавали царскія почести; форты палили изъ пушекъ, и населеніе вездѣ привѣтствовало его громкими ура!

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, 22 Мая въ 5¾ часа дня, Шахъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ встрѣченъ княземъ Имеретинскимъ со всевозможнымъ почетомъ.

Въѣздъ въ Варшаву былъ по истинѣ великолѣпенъ. Погода была чудная, и войска стояли шпалерами и при оружіи по всѣмъ улицамъ пути Шаха отъ Праги до Лазенокъ, и по обѣ стороны улицъ, всякій полкъ со своей музыкой. Высокій ростъ полковъ гвардейской дивизіи, прекрасное обмундированіе всѣхъ войскъ и большое число ихъ (25000) производилъ большое впечатлѣніе; городъ чрезвычайно красивый былъ весь увѣшенъ флагами и коврами. Когда мы въѣхали въ Уяздовскія аллеи (по выѣздѣ изъ города), казалось долженъ быть и конецъ войскамъ, но тутъ стояли чудные Уланскій и Гродненскій Гусарскій полки вплоть до воротъ Лазенковскаго дворца. При проѣздѣ Шаха черезъ мостъ на Вислѣ цитадель ему салютовалъ изъ своихъ пушекъ. Шахъ былъ въ восторгѣ и очень благодарилъ князя Имеретинскаго. Лазенки и Лазенковскій дворецъ ему очень понравились; особенно Шаху нравился паркъ. Онъ гулялъ въ немъ пѣшкомъ и катался въ коляскѣ и говорилъ про паркъ: „*C'est comme Téhéran*!“

Шахъ былъ чрезвычайно занятъ парадомъ; прекрасное равненье войскъ при прохожденіи мимо его восхищало Шаха, и онъ говорилъ: „*Ils marchent comme une mour* (un mur)“. Когда послѣ парада онъ подошелъ къ воздушному шару, то смотрѣлъ на шаръ съ большимъ сомнѣніемъ и когда принцъ Хаимъ Бурбонскій, страстный охотникъ къ полетамъ на шарѣ, собираясь летать, увѣрялъ, что это высшее наслажденіе, то Шахъ засмѣялся и сказалъ, что онъ не хотѣлъ бы этого наслажденія испытать.

Во второй день своего пребыванія въ Варшавѣ, когда Шахъ послѣ завтрака отдохнулъ, онъ пошелъ на терассу передъ дворцомъ, приказалъ принести себѣ кресло и сѣлъ близъ озера; затѣмъ позвалъ своихъ министровъ и слугъ и сталъ посылать ихъ кататься по озеру въ шлюпкахъ, чего большая часть ихъ страшно боялись. Одному отъ страха сдѣлалось дурно, другіе кричали, третьи закрывали себѣ отъ ужаса глаза руками, а Шахъ катался со смѣха и чрезвычайно веселился.

Третій день своего пребыванія въ Лазенкахъ Шахъ никуда не выѣзжалъ, только катался въ Лазенковскомъ паркѣ, а въ 4 часа дня, послѣ отдыха, снимали съ него и свиты фотографіи два приглашенные

Библиотека "Руниверс"

фотографа. Одинъ все сердился, что Персы двигались и смѣялись, и онъ безъ всякой церемоніи на всѣхъ кричалъ: „On ne peut pas rire, c'est une affaire serieuse, on ne peut pas plaisanter!“ И Шаха это очень забавляло, и онъ шутя говорилъ: „*fotographe très sévère*“! Сдѣлано было множество фотографій: Шаха одного и со свитой, самой приближенной, и Русско-персидской и одной Русской, и такъ далѣе; Шахъ и всѣ Персы чрезвычайно любятъ снимать съ себя фотографіи.

Вечеромъ третьяго дня былъ спектакль à ciel ouvert, въ открытомъ Лазенковскомъ театрѣ. Это одно изъ самыхъ прелестныхъ зрѣлищъ и самыхъ красивыхъ, и Шахъ наслаждался чрезвычайно; по окончаніи спектакля озеро и дорога во дворецъ были иллюминованы, пускали фейерверкъ, и тѣмъ закончились Варшавскія празднества.

Такимъ образомъ Шахъ былъ въ Варшавѣ три раза въ театрѣ: 1-ый день—парадный спектакль, описанный въ газетахъ, въ парадномъ спектаклѣ давали одно дѣйствіе Евгенія Онѣгина и два дѣйствія балетовъ; во второй день давали, между прочимъ, одно дѣйствіе изъ Ballo in maschera, и Батистини игралъ роль короля; у него на шеѣ была зеленая лента съ орденомъ Вазы. Шахъ ему пожаловалъ туже степень Льва и Солнца, о чемъ я и объявилъ Батистини, сказавъ ему, что ему слѣдуетъ на туже ленту надѣть другой орденъ, а именно Льва и Солнца, который жалуетъ ему Шахъ. Батистини былъ въ восторгѣ. Пѣвицѣ г-жѣ Крушельницкой была подарена бирюзовая брошь съ брилліантами, и подобные же, но нѣсколько проще, подарки были сдѣланы двумъ первымъ танцовщицамъ.

Желая, чтобы Шахъ до послѣдняго своего шага пребыванія въ Россіи оставался подъ пріятными впечатлѣніями, я выпросилъ у министра двора барона Фредерикса разрѣшеніе дать Шаху, для проѣзда изъ Варшавы въ Александрово, Императорскій поѣздъ, имѣющійся въ Варшавѣ и называемый Наполеоновскимъ, потому что онъ купленъ у императрицы Евгеніи. Поѣздъ этотъ, очень красивый и довольно удобный, очень понравился Шаху, который выразилъ свое удивленіе, что у Русскаго Государя столько своихъ поѣздовъ. Передъ отъѣздомъ онъ очень благодарилъ князя Имеретинскаго, которому еще на другой день своего пріѣзда, передъ парадомъ, пожаловалъ свой портретъ съ брилліантами для ношенія на шеѣ. Мы благополучно прибыли въ Акександрово въ 2 часа дня.

Но здѣсь Шаха ожидало разочарованіе, при первомъ своемъ шагѣ за Русскую границу. Нѣмецкій поѣздъ, приготовленный для него Персидскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, былъ прескверный. Вагоны для

Библиотека "Руниверс"

свиты всѣ грязные и даже не обтертые отъ пыли, покрывающей обыкновенно пассажирскіе поѣзда, и самый вагонъ Шаха былъ какой-то старый директорскій вагонъ. Шахъ, уже привыкшій къ великолѣпію Русскихъ царскихъ вагоновъ, очутился въ небольшомъ купѣ сомнительной чистоты и очень ненарядномъ. Шахъ обидѣлся и разсердился на своего посланника, который тщетно старался объяснить, что въ Германіи императоръ своего поѣзда никому не даетъ и что у него всего одинъ поѣздъ. Но Шахъ говорилъ, что, значитъ, его посланникъ въ Берлинѣ не имѣетъ никакого вѣса и что онъ не умѣлъ вселить къ себѣ уваженія, если онъ своему государю не могъ устроить приличнаго поѣзда. Мнѣ было жалко Шаха; но чѣмъ хуже были его впечатлѣнія отъ пріема его за границей, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ все великолѣпіе пріема въ Россіи и тѣмъ болѣе будетъ цѣнить все вниманіе, скажу поистинѣ, *сердечное*, всѣ попеченія, которыми онъ былъ окруженъ въ Россіи по волѣ нашего Государя.

Во время дороги до Александрова и при отъѣздѣ Шахъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ поручалъ мнѣ представить его благодаренія Государю, вспоминалъ многіе эпизоды своего путешествія, въ которыхъ забота Государя о немъ его особенно трогала, и меня благодарилъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, говоря, что ему безъ меня будетъ скучно и что онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ждать свиданія со мною и своего возвращенія въ Россію на пути въ Петербургъ, чтобы лично благодарить Императора и что онъ будетъ очень радъ со мною опять ѣхать и быть. Предъ отъѣздомъ онъ подарилъ мнѣ два кольца съ брилліантами, одно мнѣ, а другое для моей жены, сказавъ, отдавая мнѣ для нея кольцо: „Donnez votre femme!“

Когда весь багажъ Шаха былъ перенесенъ въ поѣздъ, и всѣ были усажены по мѣстамъ, я доложилъ Шаху, что все готово, и онъ еще разъ меня горячо благодарилъ. Поѣздъ тронулся, почетный караулъ отдалъ честь, и при звукахъ Персидскаго гимна и „ура“ многочисленной публики, поѣздъ Шаха вышелъ изъ Россійскихъ предѣловъ.

Мнѣ потомъ разсказывали, что неудовольствіе Шаха на Германскія желѣзныя дороги не только продолжалось, но все росло. Онъ нашелъ, что вагоны ужасно тряски, что ихъ страшно качаетъ, и ему сдѣлалось даже дурно. Онъ сталъ кричать: Où est amiral!.. arrêtez! и т. п.; къ счастію, бывшій при немъ Кохановскій (мнѣ удалось устроить такъ, что Шахъ пригласилъ его сопровождать его въ Контрксевиль) немного успокоилъ Шаха и уговорилъ инженера поѣзда ѣхать тише. Но все-таки Шахъ объявилъ, что онъ никогда больше не поѣдетъ въ Нѣмец-

Библиотека "Руниверс"

кихъ вагонахъ. И дѣйствительно, свое вторичное путешествіе до Русской границы, послѣ леченія въ Контрксевилѣ, Шахъ совершилъ во Французскихъ вагонахъ.

Я былъ очень счастливъ, что Господь сподобилъ меня совершить благополучно наше дальнее и продолжительное странствованіе и что мнѣ удалось исполнить удачно и вѣрно порученіе, возложенное на меня Государемъ, и при томъ вполнѣ согласно съ тѣмъ *характеромъ*, который Его Величество хотѣлъ дать этому проѣзду Шаха по Россіи.

Долженъ сказать, что Шахъ очень добрый человѣкъ, хотя не очень образованный, но разумный и здравомыслящій и вполнѣ благонамѣренный и разсудительный. Хотя онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что „L' État c'est moi"! и убѣжденъ, что его воля законъ для всѣхъ его подданныхъ, но онъ желаетъ блага своему народу и очень добръ ко всѣмъ окружающимъ его и даже *очень кротокъ*, что̀ драгоцѣнно въ Восточномъ монархѣ. Въ одномъ изъ своихъ разговоровъ со мной онъ сказалъ: „Я никого не казнилъ, кромѣ убійцы своего отца" et encore seulement par *politesse*. Вѣроятно онъ подразумѣвалъ подъ этимъ, т. е. „*изъ политики*" уваженіе къ памяти отца.

Шаху тяжело видѣть кругомъ себя недовольныя лица, а онъ постоянно очень добръ и деликатенъ со своими министрами и даже слугами. Вообще онъ возбуждаетъ къ себѣ большое сочувствіе, и окружающіе его очень его любятъ. Жаль, что его слабое здоровье, слишкомъ большая доброта и нѣкоторая слабость характера лишаютъ его возможности быть дѣйствительно полезнымъ своему народу.

Но для Россіи *онъ очень удобный сосѣдъ* и расположенъ къ ней чрезвычайно дружелюбно: увѣренный въ могуществѣ Россіи и въ томъ, что она всегда, если захочетъ, можетъ нанести Персіи страшный вредъ отнятіемъ ея сѣверныхъ провинцій, Шахъ въ тоже время вполнѣ убѣжденъ въ дружелюбіи нашего Государя къ Персіи и въ отсутствіи у Русскаго правительства всякихъ завоевательныхъ замысловъ.

Надо полагать, что пріемъ, теперь сдѣланный Шаху въ Россіи, еще болѣе укрѣпитъ въ немъ это довѣріе къ Россіи, а личное свиданіе съ нашимъ Государемъ, которое должно произойти въ Іюлѣ мѣсяцѣ, еще укрѣпитъ въ Шахѣ его приверженность къ Россіи и любовь къ ея Монарху.

Библиотека "Руниверс"

ШУТОЧНАЯ ХРОНИКА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА[1]).

I.

Аркадскія времена.

(Подражаніе Ломоносову).

О ты, что̀ въ горести напрасно
Такъ сильно ропщешь на Совѣтъ,
Аркаша, ректоръ мой прекрасный,
Внемли сей праведный отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ передъ тобою
Нашъ попечитель Исаковъ
Музеи дерзостной рукою
Перенести ужъ былъ готовъ?[2]).

*

Гдѣ былъ, какъ тотъ же попечитель,
Невинность самую поправъ,
Отнялъ Любимова обитель
И самого его изгналъ?
Твоей ли хитростью слагаетъ
Намъ протоколы Жигаревъ?[3])
Не самъ-ли ихъ онъ сочиняетъ,
А ты подписывать готовъ?

*

Возмогъ ли ты, хотя однажды,
Рѣчь Армфельда остановить,
Иль помѣшать ему, чтобъ дважды
Не могъ онъ тоже повторить?[4])

---

[1]) Эта хроника раздѣляется на двѣ части. Первая часть „Времена Аркадскія“, когда ректоромъ былъ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій (онъ съ утра надѣвалъ бѣлый галстухъ и объяснялъ: „можетъ быть, его превосходительство встрѣчу“). Вторая часть „Времена историческія“, когда начались въ Университетѣ „исторіи“, повлекшія къ выходу въ отставку Ѳ. М. Дмитріева, Б. Н. Чичерина и С. А. Рачинскаго.

[2]) Н. В. Исаковъ хотѣлъ перевести для общаго пользованія Университетскіе музеи въ Румянцевскій музей.

[3]) Жигаревъ—секретарь Университетскаго Совѣта.

[4]) Даровитый и словоохотливый профессоръ судебной медицины, А. О. Армфельдъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда придумаетъ онъ фразы.
И самъ собою увлеченъ,
Возмогъ ли ты отъ сей заразы
Избавить нашъ синедріонъ?

*

Ты можешь ли Левіаѳана,
Который, отправляясь въ путь,
Такъ славно торговалъ Пастраной,
Умнѣе сдѣлать какъ нибудь?
Широкъ онъ спереди и сзади,
И страшенъ Толстопятскій ревъ...
Возмогъ ли ты, о мой Аркадій,
Ему внимать не присмирѣвъ? [5])

*

Взгляни еще на бегемота,
На дальній типографскій дворъ [6]).
Ему глаголица—охота,
И по древлянски онъ остеръ.
Разнообразное строенье
Являетъ въ членахъ мудрый звѣрь.
Пойми его тѣлосложенье
И остроуміе измѣрь [7]).

*

Смотри и виждь иного звѣря,
Четвероногаго притомъ.
Въ немъ Чудь и Весь и даже Меря,
Всѣ воплотилися въ одномъ.
Нераздвоенное копыто
Ему защита отъ обидъ;
Оно не сильно, но сердито,
И раздраженное смердитъ.

*

Сиди жъ безъ жалобъ, не тоскуя,
Что̀ бъ ты въ Совѣтѣ ни нашелъ,
О вздорѣ ли благовѣствуя,
Звучитъ Галунина глаголъ.

---

[5]) Непомѣрно толстый профессоръ анатоміи Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ долженъ былъ отложить поѣздку въ чужіе края по поводу дѣла, возникшаго между Университетскимъ анатомическимъ театромъ и мужемъ извѣстной Юліи Пастраны, женщины огромнаго роста, которая обросла волосами, которую показывалъ ея мужъ за деньги, и послѣ смерти отдалъ препарировать для тойже цѣли, но отказался заплатить анатомическому театру 3.000 рублей. Лишь судомъ эти деньги были получены, и Соколовъ могъ уѣхать за границу.

[6]) О. М. Бодянскій въ это время былъ директоромъ Университетской типографіи.

[7]) Бодянскаго звали Осипомъ, и онъ говаривалъ:—Я ѳсипъ и осипъ.

Библиотека "Руниверс"

Или, мірской подобясь сходкѣ,
Въ одинъ всѣ голосъ говорятъ,
И силой ни ума, ни глотки
Не одолѣешь сей набатъ.

*

Когда среди погоды ясной,
Встаетъ въ Совѣтѣ ураганъ.
Ты только молвишь: „и прекрасно“,
И это слово есть обманъ!
Но утлымъ челномъ засѣданій
Ты править никогда не могъ,
Хотя и держишь въ слабой длани
Ты повелительный звонокъ!

*

Сіе, Аркадій, разсуждая,
Познай законы здѣшнихъ мѣстъ,
И, утромъ звѣзды надѣвая,
Надѣнь терпѣнья также крестъ.
И будешь ректорскую долю
Влачить безъ всякаго труда;
Лишь грозную Совѣта волю
Чти и въ Любимовѣ всегда!

25 Ноября 1861.

На отверстіе устъ И. Д. Бѣляева въ засѣданіи 19 Марта 1861 года.

Ахъ, Бѣляевъ, ахъ, Иваша!
Ты вѣдь прежде былъ скромнѣй,
И твое молчанье краше
Было нынѣшнихъ рѣчей.

Ты идешь дорогой скользкой:
Жаждой славы обольщенъ,
Ты подробностью Никольской
Скоро будешь зараженъ!

На Н. А. Любимова.

Ахъ, зачѣмъ онъ душу мирную
Вдругъ политикой смутилъ,
Агитацію квартирную
Для чего производилъ?

Въ душу прежде столько нѣжную
Штаты новые внесли
Страсть горячую, мятежную.
Все волненіе зажгли.

Библиотека "Руниверс"

Все, что̀ прежде было чистаго,
Онъ уже не признаетъ,
Сокрушился духъ Любимова
Бурей денежныхъ заботъ!

Два экспромта на актъ 13 Января 1861 г. по поводу рѣчи профессора Петрова) и предстоявшаго обѣда съ А. В. Назаровымъ.*

Во всемъ есть мѣра и граница,
Во всемъ приличье надо знать,
И объ Арабской кобылицѣ
Не надо долго такъ читать.

О сколько горестныхъ ударовъ!
И рѣчь, и праздничный нарядъ;
А тамъ Тиберій-Гракхъ Назаровъ,
Превосходительный Маратъ.

20 Января 1862 года.

Когда бы Алексѣй Иванычъ
Въ Испаніи старинной жилъ,
То вѣрно каждый день бы на ночь
Пѣть серенады онъ ходилъ

И голосъ собственный гитарой
Для Донъ-Галунина-бъ служилъ;
Такъ жилъ бы онъ въ Европѣ старой.
А въ новой отъ него нѣтъ силъ!

Гласъ его лирическій,
Возгласы дьячка,
Умъ патологическій,
Глотка широка.

Послѣ слова каждаго
Издаетъ онъ стонъ:
О своей неловкости
Все жалѣетъ онъ.

Когда съ вершины Капитольской,
Гремѣлъ рѣчами Цицеронъ,
Ужели также, какъ Никольскій,
Собою любовался онъ?

А если также рѣчью длинной,
Изъ самолюбія, онъ томилъ,
То какъ-же, вмѣстѣ съ Катилиной,
Онъ и Сенатъ не уморилъ.

---

*) Преподаватель восточныхъ языковъ.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ Первый и наши поддѣльныя ассигнаціи.

Во Франціи появляется множество всевозможныхъ воспоминаній о Наполеонѣ. Наиболѣе содержательны записки *Пакье**), особенно тѣ ихъ части, гдѣ говорится о подготовленіи Наполеона къ войнѣ съ Россіей. Вотъ разсказъ о поддѣлкѣ кредитныхъ Русскихъ билетовъ. Предпріятіе это было настолько позорно, что Наполеонъ скрывался съ нимъ даже отъ собственной полиціи, не желая показать, къ какимъ низкимъ средствамъ можетъ прибѣгать его военный геній. Онъ задумалъ наводнить Россію фальшивыми бумажками Французскаго производства и вызвать у насъ финансовый кризисъ. Этотъ планъ ему не удался. У Пакье разсказано, въ какое положеніе попали и высшая власть, и Французская полиція изъ за фабрикаціи фальшивыхъ Русскихъ билетовъ.

Передъ самымъ выступленіемъ Наполеона въ Русскій походъ, до Французской полиціи дошли слухи, что въ Парижѣ появилась какая-то тайная типографія. Полицейскіе агенты, наблюдавшіе за типографіями, донесли однажды о томъ въ префектуру. На полянѣ Монру, за городской заставой, въ одинокій полузаколоченный домъ ежедневно собирались съ особыми предосторожностями мастера, печатники и граверы. Всѣ они соблюдали строгую конспирацію и, очевидно, получали большія деньги.

Домъ этотъ былъ осмотренъ полиціей. Въ нижнемъ этажѣ его были громадныя рѣшетки въ окнахъ, а двери такъ укрѣплены, что ихъ трудно было выломать. Отъ кого Наполеонъ прятался съ этимъ дѣломъ? Не отъ полиціи же? Скажи онъ слово, и полиція на версту бы не подпустила къ этому дому ни одного нескромнаго Парижанина. Этотъ коварный замыселъ онъ пряталъ отъ совѣсти общества и отъ совѣсти услужливой и гибкой полицейской агентуры.

Всѣ обезпокоились, получивъ это извѣстіе. Отдано было строгое приказаніе ночью окружить таинственный домъ прочнымъ тройнымъ кольцомъ, а на

*) Пакье (Etienne-Denis) род. 1767 † 1862, былъ президентомъ Палаты Перовъ при Людовикѣ-Филиппѣ.

Библиотека "Руниверс"

разсвѣтѣ взять его приступомъ. Предполагая, что будетъ оказано сопротивленіе, полицейскіе агенты просили, чтобы ихъ силы были подкрѣплены жандармеріей. Командированы жандармы, и взятіе дома не обошлось безъ кроваваго сопротивленія. Было нѣсколько раненыхъ со стороны нападавшихъ и среди защищавшихся. Открылась фабрика фальшивыхъ кредитокъ... Но они были не Французскія, а Русскія и изготовлялись для Россіи.

Не допуская мысли, что въ этомъ дѣлѣ могъ принять хотя бы косвенное участіе самъ Императоръ, полиція отобрала всѣ изготовленные билеты, гравировальныя доски, пунсоны, краски и печатныя принадлежности. Все это было отослано въ префектуру. Тамъ ликовали, поздравляя себя съ открытіемъ такого грандіознаго преступленія.

Радость была непродолжительна. Когда до Наполеона дошло извѣстіе о разгромѣ этого гнѣзда, онъ былъ въ сильномъ смущеніи и приложилъ усилія, чтобы скрыть этотъ подвигъ полиціи ото всѣхъ; онъ старался, чтобы и сами работавшіе фальшивыя ассигнаціи думали, что они работаютъ не для императора, а для одной Еврейской компаніи. Это былъ, пожалуй, единственный случай, когда полиція вызвала страшное неудовольствіе Императора своей бдительностью и энергіей. Къ префекту полиціи въ состояніи ужаса прибѣжалъ герцогъ Ровиго и объявилъ, что это дѣлалось по его приказанію, подъ наблюденіемъ нѣкоего Дэмарэ, топографомъ Фэнъ. Братъ этого типографа былъ личнымъ секретаремъ самого Императора. Пришлось изумиться самому префекту и пожалѣть о своей слишкомъ большой энергіи. Оказалось, что этими деньгамъ Наполеонъ хотѣлъ платить за провизію въ Россіи.

Всѣ вещи изъ префектуры торжественно были возвращены министру полиціи, а онъ передалъ ихъ съ извиненіями фальшивомонетчикамъ, которые уже безпрепятственно продолжали свои занятія.

Префектъ полиціи заявилъ герцогу Ровиго: „Я очень благодарю васъ за ваше высокое довѣріе, но простая осторожность должна бы заставить васъ предупредить меня. Вы могли бы не посвящать меня въ это дѣло, но просто сказали бы, что этотъ домъ принадлежитъ вамъ и чтобы я не безпокоился о томъ что тамъ происходитъ. Не было бы этой непріятности для Императора“. Герцогъ въ объясненіе заявилъ, что Императоръ въ этомъ случаѣ подражаетъ Англіи.

Какъ извѣстно, изготовленіе нашихъ фальшивыхъ ассигнацій возобновлено было Наполеономъ въ Дрезденѣ.

Внутри Россіи ихъ распространилось сравнительно мало, потому что крестьяне не продавали врагамъ почти ничего, а въ городахъ фальшивыя деньги ходили наровнѣ съ настоящими, и рубль въ цѣнѣ не упалъ. При отступленіи, Французы сожгли ихъ на десятки милліоновъ.

С. Фарфоровскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ донесеній графа Б. П. Шереметева въ Правительствующій Сенатъ.

(Моск. Архивъ М. Ю. Книга Прав. Сената до раздѣленія на департаменты № 22 (22), листы 1—13. Выборка).

Высочайшіе господа, Правительствующій Сенатъ.

Симъ вамъ высочайшимъ господамъ доношу, что вчерашняго числа, въ отдачу дневныхъ часовъ, подбѣгали орда подъ самый Кіевъ во многомъ собраніи, между которыми обрѣтаются Запорожцы и Янчары, и брали около Василькова, Триполья и въ иныхъ по рубежу селѣхъ и деревняхъ въ полонъ людей, и села и деревни разоряли и жгли.

И подъ оное непріятельское войско, ради увѣдомленія и взятья языковъ, вчерашняго числа отправлена была партія отъ меня, и взяли языковъ трехъ человѣкъ, между которыми Татаръ двое, а третій Янчаръ и что̀ оные говорили, изволите увѣститься изъ приложныхъ ихъ при семъ допросовъ. И познавается, что въ ономъ собраніи орды и по другой сторонѣ Днѣпра къ Слобоцкимъ городамъ или внутрь Украйны для разоренія жъ и полону пошли, что тому время покажетъ.

И для того какъ къ господину Скоропадскому, такъ и корпуса моего къ командующимъ, гдѣ квартиры имѣютъ, я писалъ, дабы отъ ихъ непріятельскаго нападенія имѣли всякую осторожность и смотря силъ непріятельскихъ, чинили поискъ, чинили купно съ Малороссійскими войски. (Къ Казанскому губернатору господину Апраксину я предъ симъ писалъ же, дабы онъ, по указу Царского Величества, со опредѣленнымъ ему корпусомъ въ указныя мѣста немедленно маршировалъ, чтобъ въ Слобоцкіе городы возможно было ему заранѣе отъ непріятельскаго приходу (какъ о томъ въ прежнемъ своемъ разсужденіи вамъ доносилъ) закрыть и до ихъ намѣренія не допустить). Такожъ и вы, высочайшіе, о семъ къ нему господину Казанскому губернатору изволите указами повелѣть, чтобъ своимъ корпусомъ маршемъ въ указныя мѣста ускорялъ же, предлагая, ежели медленно тотъ маршъ имѣть будетъ, то Слобоцкимъ городамъ и Украйнѣ весьма отъ непріятельскаго разоренія не безъ великой опасности.

Библиотека "Руниверс"

О полкахъ пѣхотной дивизіи господина генерала Аларта да о дву полкахъ, что̀ пришли изъ Елбинга. Воронежскому и Рязанскому, о прибытіи ихъ сюда на Украйну, такожъ и о царедворцахъ по моему къ вамъ доношенію изъ Смоленска Февраля 2 дня съ куріеромъ Васильемъ Скорятинымъ, какое опредѣлено учинено, изволите меня немедленно увѣдомить и кто у царедворцевъ*) командиромъ учрежденъ; понеже помянутыя дѣла главныя, и время уже наступило, что противъ непріятеля дѣйствовать надлежитъ: а въ даль откладывать не надобно, понеже въ томъ интересъ Царскаго Величества можетъ быть упущенъ.

Уповаю вамъ, высочайшимъ господамъ, изъ указу Его Царскаго Величества и разсужденія о Турецкой войнѣ, какъ въ 1-мъ пунктѣ изображено, извѣстнымъ быть, что старую крѣпость во время военнаго случая имѣть за стражаментъ и для того тотъ валъ, который къ Печерской крѣпости, разрыть, а оную линію, которая сдѣлана отъ Печерской крѣпости къ старому Кіеву, поправить и сомкнуть съ обѣми: такожъ за Днѣпромъ, противъ сихъ крѣпостей сдѣлать добрый шанецъ и посадить во оныхъ регулярныхъ и Черкасъ для закрытія мосту. Также отъ моста до горы по обѣ стороны дороги комуніціонъ сдѣлать, дабы обѣ стороны Днѣпра были въ нашихъ рукахъ. Къ Лыбеди ко оной работѣ потребны работные люди и лошади для возки лѣсу и фашинъ. И о томъ, чтобъ заблаговременно пріуготовить, писалъ я еще изъ Смоленска до Кіевскаго губернатора князя Голицына: но онъ ко мнѣ отвѣтствовалъ, что лѣсу и фашинъ управить некѣмъ: одни гарнизонные солдаты, и тѣ высланы въ лѣсъ для пріуготовленія мосту и прочихъ припасовъ, что̀ надлежитъ въ гарнизонъ, потому что у него всегда готовые припасы гварнизонные готовятся нынѣшнею порою и лѣса берутъ около Черниговскаго и Стародубовскаго полковъ, а близко лѣсовъ нѣтъ, а прежніе лѣса отошли въ сторону Польскую, и брать невозможно, и не токмо ему губернатору что̀ вновь пріуготовить, но и городового старого дѣла, которыя обвалились, а надобно починить (чему я самъ свидѣтель) управить некѣмъ.

Того ради изволите вы, высочайшіе господа, ко устроенію вышеупомянутой работы о высылкѣ работниковъ съ лошадьми и съ запасы, кѣмъ то въ совершенство все привесть, учинить опредѣленіе: понеже тѣ крѣпости, кои велѣно строить, такъ надобны, что всѣ дѣйствія противъ непріятеля и вся защита ихъ будетъ и весьма о томъ скорое стараніе надлежитъ учинить и меня о всемъ увѣдомить.

---

*) Кого гр. Б. П. Шереметевъ называетъ царедворными, не знаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

О 500-мъ числѣ казаковъ, кои были у меня при корпусѣ, такожъ изволите указами подтвердить, дабы они шли нынѣшнимъ путемъ, ничего не мѣшкавъ, понеже безъ оныхъ въ партіи для языковъ и въ розъѣзды употребить некого. Въ протчемъ пребываю вамъ, высочайшимъ господамъ, ко услугѣ готовый слуга Барисъ Шереметевъ (несобственноручно). Изъ Кіево-Печерской крѣпости. Марта 6 дня 1713 года.

1713 года Апрѣля въ 10 день, по указу Великаго Государя, Правительствующій Сенатъ приговорили: къ Казанскому губернатору послать нарочнаго съ указомъ, дабы онъ маршировалъ съ опредѣленнымъ корпусомъ въ указныя мѣста немедленно, написавъ въ грамотѣ къ нему именно, какое по вѣдомостямъ на Украйнѣ отъ непріятеля разореніе чинится. А о высылкѣ Донскихъ казаковъ пятисотъ человѣкъ, которые опредѣлены быть въ корпусѣ генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, послать указъ въ Посольскій Приказъ, велѣть изъ пріѣзжія легкой Зимовой станицы съ нарочнымъ казакомъ на почтѣ послать листъ, дабы они къ нему генералу-фельдмаршалу въ корпусъ (шли) съ поспѣшеніемъ. О высылкѣ царедворцевъ, объ отпискѣ помѣстій ихъ и вотчинъ, которые опредѣлены къ походной артиллеріи, а тамъ не являются, послать указъ въ Приказъ артиллеріи. Сербовъ и Волоховъ въ службу Его Царскаго Величества ему фельдмаршалу призывать и сверхъ тысячнаго числа въ прибавку къ прежнимъ, но токмо смотря по вѣдомостямъ съ Турецкой стороны, ежели подлинно отъ нихъ война будетъ. На содержаніе же оныхъ, коликое число ихъ призвано будетъ, денежное жалованье выдавать противъ тѣхъ, которые по капитуляціямъ служатъ отъ камисарства, по требованію его генерала фельдмаршала безъ задержанія. А Астраханскимъ казакамъ 130 человѣкомъ быть въ корпусѣ при немъ генералѣ-фельдмаршалѣ; жалованье онымъ давать отъ камисарства по 10 рублевъ человѣку, а лошади дать изъ присланныхъ въ корпусъ къ нему генералу-фельмаршалу изъ губерній, для того что тѣхъ лошадей изъ губерній велѣно отправить сверхъ требованія генералъ-маіора господина Чирикова съ 600 лошадей. И о вышеписанномъ о всемъ къ камисарству послать Великаго Государя указъ.

(Сообщено графомъ **С. Д. Шереметевымъ**).

Библиотека "Руниверс"

Изъ разсказовъ о Петръ Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ.

Спокойствіе Петра въ минуты очевидной опасности.

Во время возстанія стрѣльцовъ одна рота, съ офицерами Циклеромъ и Соковнинымъ во главѣ, составила заговоръ на убійство Государя. Для болѣе удобнаго выполненія своего намѣренія, они рѣшили воспользоваться обыкновеніемъ Царя лично присутствовать и всегда первымъ прибывать на мѣсто пожара. Въ виду этого былъ выработанъ планъ поджечь два смежные дома посреди Москвы и, заманивъ такимъ образомъ Государя, злодѣи, подъ видомъ усерднаго тушенія пожара, намѣревались окружить тѣснымъ кольцомъ Монарха и незамѣтно для другихъ заколоть его.

Въ день, назначенный для исполненія ужаснаго замысла, заговорщики собрались къ обѣду у Соковнина. Было подано вдоволь вина, меда, водки и пива, и вѣрные друзья пьянствовали до поздняго вечера. Около восьми часовъ двое стрѣльцовъ, мучимые угрызеніями совѣсти, въ то время какъ ихъ товарищи набирались виномъ отваги для предстоящаго преступленія, вышли на дворъ. Оставшись на единѣ, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „Другъ мой, я увѣренъ, что намъ придется дорого поплатиться за это злодѣйство; я не вижу возможности выйти съ честью изъ этого ужаснаго положенія“.—„Я совершенно согласенъ съ тобою, возразилъ другой; по моему мнѣнію, намъ не остается другого исхода, какъ отправиться въ Преображенское и открыть заговоръ Царю“.—„Ты правъ, замѣтилъ первый; но какимъ же образомъ намъ удастся вырваться отсюда?“—„Мы увѣримъ ихъ, сказалъ второй, что, въ виду предстоящаго намъ столь труднаго дѣла, въ двѣнадцать часовъ ночи, намъ слѣдовало бы перестать пить и разойтись по домамъ“. Они ударили по рукамъ и, возвратясь къ злоумышленникамъ, высказали имъ свое предложеніе; тѣ согласились съ ихъ мнѣніемъ. Взято съ нихъ обѣщаніе возратиться обратно въ полночь; другіе остались у Соковнина, ожидая, когда ударятъ въ набатъ и начнется пожаръ. Тѣ два стрѣльца, прибывъ въ Преображенское, обратились къ царскому денщику и попросили доложить о себѣ Государю. Петръ I, уже въ то время не довѣрявшій стрѣльцамъ, приказалъ предварительно узнать, чего имъ нужно. Стрѣльцы отвѣчали, что имъ необходимо видѣть лично Царя для сообщенія ему крайне важнаго, не терпящаго ни малѣйшаго отлагательства извѣстія. Государь тогда вышелъ въ прихожую, куда при-

Библиотека "Руниверс"

казалъ привести обоихъ стрѣльцовъ. Приблизившись къ Царю, они пали ницъ и сказали, что приносятъ свои повинныя головы подъ кару, которую они вполнѣ заслужили, принявъ участіе въ заговорѣ своей роты противъ Государя, тутъ же пояснивъ, что остальные измѣнники остались у Соковнина, гдѣ пробудутъ до полночи въ ожиданіи ударовъ набата. Петръ I, выслушавъ ужасное донесеніе съ полнымъ наружнымъ спокойствіемъ, спросилъ, вполнѣ ли вѣрно то, что они утверждаютъ. „Все это сущая правда, отвѣчали стрѣльцы; наши головы теперь въ твоихъ рукахъ, пошли къ измѣнникамъ, и ты убѣдишься въ справедливости нашихъ словъ“.

Доносчиковъ оставили подъ стражею въ Преображенскомъ, и такъ какъ было уже около 8-ми часовъ вечера, то Государь, не теряя времени, написалъ записку капитану лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Лопухину (иначе Ляпунову) съ приказаніемъ собрать тайнымъ образомъ всю роту и отправиться съ нею къ дому Соковнина, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ 11 часовъ весь домъ былъ окруженъ солдатами, и всѣ находящіеся въ немъ захвачены. Предписаніе было въ точности исполнено Лопухинымъ; но Государю показалось, что онъ въ своей запискѣ приказалъ капитану быть на мѣстѣ не въ 11, а въ 10 часовъ вечера. Основываясь на этомъ предположеніи, онъ былъ увѣренъ, что, прибывъ въ $10^1/_2$ часовъ къ дому Соковнина, найдетъ тамъ Лопухина съ его ротой. Въ одиннадцатомъ часу, приказавъ подать себѣ одноколку и взявъ съ собою только одного денщика, Государь отправился прямо къ Соковнину. Прибывъ туда, онъ былъ немало пораженъ, не встрѣтивъ не только у воротъ, но и у самаго дома ни одного гвардейца. Предположивъ, что караулъ разставленъ во дворѣ, Государь подъѣхалъ къ крыльцу и вошелъ въ сопровожденіи денщика въ домъ. Пріѣздъ Царя замѣтно взволновалъ присутствующихъ. Петръ смѣло вошелъ въ комнату, гдѣ засталъ Циклера, Соковнина и всѣхъ заговорщиковъ въ сборѣ. Они тотчасъ же поднялись съ своихъ мѣстъ и почтительно привѣтствовали Государя. Монархъ дружелюбно поклонился, объяснивъ, что проѣзжалъ мимо и, завидя въ окнахъ свѣтъ, рѣшилъ, что у хозяина гости, что такъ какъ еще рано ложиться спать, то ему захотѣлось распить рюмку вина въ компаніи. Царь былъ, повидимому, совершенно спокоенъ, ничѣмъ не выказывая накопившагося раздраженія противъ капитана, не исполнившаго въ указанный часъ его приказанія. Онъ остался тамъ нѣкоторое время, причемъ стоявшіе передъ нимъ измѣнники выпили круговую за его здравіе, за что Царь ихъ поблагодарилъ. Въ эту минуту одинъ изъ стрѣльцовъ, кивнувъ головой Соковнину, тихо замѣтилъ: „пора, братъ“, на что Соковнинъ, не желавшій еще

Библиотека "Руниверс"

открывать замысла, отвѣтилъ: „нѣтъ еще“.—Не помня себя отъ гнѣва, Петръ I вскочилъ съ мѣста и, ударивъ въ лицо кулакомъ Соковнина, сказалъ: „если тебѣ, негодяй, еще не пора, то мнѣ давно пора!“ Въ туже минуту часы пробили 11, и въ комнату, въ сопровожденіи роты солдатъ, вооруженныхъ штыками и ружьями, вошелъ капитанъ Лопухинъ. При видѣ послѣдняго остальные измѣнники пали съ повинной на колѣни. Царь приказалъ злоумышленникамъ самимъ вязать другъ друга, что̀ они и исполнили. Въ ту же минуту, обернувшись къ капитану, онъ далъ ему пощечину, упрекнувъ его въ запозданіи на цѣлый часъ противъ назначеннаго въ приказѣ времени. Сей послѣдній оправдывался, вынувъ изъ кармана и показавъ Царю его собственноручную записку. Царь, убѣдившись въ своей ошибкѣ, поцѣловалъ въ лобъ капитана, назвалъ его усерднымъ офицеромъ и отдалъ ему подъ стражу заговорщиковъ. Всѣмъ извѣстно, какую кару понесли они.

Это разказывалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, почтенный старый генералъ, служившій въ молодости при Петрѣ Великомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Онъ пользовался такимъ довѣріемъ Государя, что при послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, когда сестра Монарха Софья Алексѣевна, бывшая виновницей этого бунта, была заключена въ Дѣвичій Московскій монастырь, кн. Трубецкому, какъ капитану гвардіи, было поручено охранять ее. Въ началѣ Шведской войны, въ чинѣ генералъ-майора, онъ участвовалъ въ походѣ съ Петромъ, при несчастной осадѣ Нарвы попалъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Швецію, гдѣ провелъ много лѣтъ. При заключеніи мира въ 1721 г. онъ былъ произведенъ Императоромъ въ генералъ-аншефы и призванъ на службу въ военный совѣтъ. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ былъ назначенъ фельдмаршаломъ и пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Онъ умеръ въ 1751 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду.

*

Петръ Великій не соглашается на смертномъ одрѣ простить убійцъ.

Петръ Великій на двадцать пятомъ году жизни опасно заболѣлъ горячкою; не оставалось почти никакой надежды на выздоровленіе Государя. Глубокая печаль охватила весь дворъ; въ церквахъ безпрерывно служили молебны о его здравіи и, наконецъ, по древнему обычаю, къ Государю явился уголовный судья съ просьбою даровать свободу девяти приговореннымъ къ смертной казни убійцамъ и разбойникамъ, чтобы они своими молитвами испросили у Бога выздоровленіе Царя. Узнавъ объ этомъ, Петръ Великій приказалъ призвать къ себѣ судью и повелѣлъ прочесть имена преступниковъ и перечислить пре-

Библиотека "Руниверс"

ступленія, за которыя они осуждены. Затѣмъ, обратясь къ судьѣ, онъ сказалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ: „Неужели ты думаешь, что противъ этихъ злодѣевъ нарушивъ дѣло правосудія, я могу умолить Небо продлить мнѣ жизнь? Или же ты предполагаешь, что Господь услышитъ молитвы этихъ богоотступниковъ и убійцъ? Пойди и прикажи завтра же привести въ исполненіе приговоръ надъ всѣми девятью осужденными. Я твердо увѣренъ, что, выполняя задачу правосудія, скорѣе могу надѣяться на милость Всевышняго и на поправленіе здоровья". На другой же день была совершена казнь. Монархъ началъ съ каждымъ днемъ поправляться и въ скоромъ времени совершенно выздоровѣлъ.

Анекдотъ этотъ извѣстенъ изъ устъ Петра Миллера, одного изъ старѣйшихъ Нѣмецкихъ обитателей Москвы. Петръ Миллеръ умеръ въ глубокой старости въ Москвѣ въ 1745 г.

*

Янъ Гофи одинъ изъ первыхъ медиковъ, поступившихъ на службу къ Петру Великому. Императоръ привезъ его съ собою изъ Амстердама въ Россію, гдѣ онъ занялъ должность придворнаго лѣкаря, и онъ находился постоянно при Петрѣ Великомъ, сопровождая его въ походахъ. Чтобъ дать ему случай заработать лишнихъ денегъ, Государь отправилъ его по окончаніи Шведской войны, въ качествѣ мирнаго вѣстника, въ Архангельскъ, гдѣ онъ при пушечной пальбѣ былъ торжественно встрѣченъ губернаторомъ и городскимъ магистратомъ и имѣлъ даровое содержаніе въ продолженіе всего времени своего пребыванія въ этомъ городѣ. Передъ его квартирой стояла со знаменемъ цѣлая рота почетной охраны; при появленіи его играла музыка, и солдаты становились въ рядъ. Кушанья подавались ему подъ звуки трубъ и литавръ, а когда пили за высочайшее здравіе, производилась пушечная пальба. Пробылъ онъ въ Архангельскѣ цѣлый мѣсяцъ, возвратился въ Петербургъ, получивъ значительные денежные подарки отъ губерніи, города и многихъ знатныхъ иностранныхъ купцовъ. Явившись къ Государю, онъ сдѣлалъ устное донесеніе о всемъ имъ видѣнномъ и поблагодарилъ Монарха за пріобрѣтенный при этомъ посольствѣ капиталъ. Въ послѣдствіи онъ сопровождалъ Петра въ Персію, а по кончинѣ Петра онъ остался первымъ хирургомъ въ адмиралтействѣ. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны онъ вышелъ въ отставку съ удержаніемъ годовой пенсіи. Въ глубокой старости онъ еще сохранялъ необыкновенную легкость и живость ума, благодаря которымъ могъ сообщать многія обстоятельства изъ жизни Петра Великаго. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1743 году, 80 слишкомъ лѣтъ отъ роду.

Библиотека "Руниверс"

КУМАНИНЫ[1].

I.

1. *Алексѣй Куманинъ*, Переяславскій купецъ; родоначальникъ Московской вѣтви Куманиныхъ.

ж. *Марѳа Андреевна* ХХ, род. 1730 г. † 1789 г.

II.

2/1. *Алексѣй Алексѣевичъ*, Переяславскій, а затѣмъ (съ 1789 г.)—Московскій „Кошельной слободы“[2] первостатейный купецъ; коммерціи совѣтникъ и ордена св. Владиміра IV-ой степени кавалеръ; съ 1792—1795 г. бургомистръ Московскаго Магистрата; съ 1811—1813 г. Московскій градскій голова. Род. 1751 г. † 20-го Сентября 1818 г.

ж. *Марія Петровна Столбова* (дочь Переясл.-Залѣсск. купца Петра Яковлевича Столбова), род. 1755 г. † 31-го Января 1820 г. Оба погребены въ Даниловомъ монастырѣ.

3/1. *Василій Алексѣевичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ купецъ, род. 1759 г. † между 1792—1794 гг.

ж. 1) *Марѳа Ивановна* ХХ, род. 1757 г. † 1785 г.; 2) *Прасковья Ѳедоровна* ХХ, род. 1770 г. (во 2-мъ бракѣ за Московскимъ „Устюжской полусотни“ 2-ой гильдіи купцомъ *Филимономъ Ивановичемъ Вахрамѣевымъ*).

4/1. *Иванъ Алексѣевичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ 1-ой гильдіи купецъ, род. 1762 г. † 3-го Марта 1819 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. Съ 1799—1801 г. состоялъ гильдейскимъ старостой.

ж. 1) ХХ; 2) *Ольга Михайловна* ХХ, род. 1780 г. † 26-го Сентября 1820 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

---

[1]) Матеріаломъ для родословной послужили: дѣла Московской Купеческой Управы и Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія; надписи на надгробныхъ памятникахъ, адресныя и справочныя книги и т. п. У. Г. И.

[2]) Первоначально дѣленіе Московскаго купечества на „сотни“, „полусотни“ и „слободы“ выражало мѣстожительство принадлежавшихъ къ той или другой части лицъ и опредѣляло извѣстную подвѣдомственность; въ настоящее время, по несуществованію какого-либо слободскаго управленія, оно является только номинальнымъ У. Г. И.

Библиотека "Руниверс"

III.

$^{5}/_{2}$. *Константинъ Алексѣевичъ*. Московскій „Кошельной слободы“ первостатейный купецъ; съ 1824—1827 г. Московскій градскій голова; съ 1830 г. потомственный дворянинъ. Род. 1785 г. † 16-го Іюня 1852 г.

ж. *Наталія Ѳедосѣевна Бородина* (дочь Московскаго „Алексѣевской слободы“ 1-ой гильдіи купца Ѳедосѣя Андреевича Бородина, † 1813 г.), † 4-го Августа 1846 г. Оба погребены въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

$^{6}/_{2}$. *Александръ Алексѣевичъ*, потомственный дворянинъ (съ 1830 г.), род. 1792 г. † 10-го Августа 1863 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

ж. *Александра Ѳедоровна Достоевская* (тетка писателя), род. 1796 г.

$^{7}/_{2}$. *Валентинъ Алексѣевичъ*, потомственный дворянинъ, временно Московскій 1-й гильдіи купецъ, род. 24-го Апрѣля 1793 г. † 26-го Ноября 1863 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. Состоялъ: членомъ Московскаго Мануфактурнаго и Коммерческаго Совѣтовъ; директоромъ Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета; непремѣннымъ почетнымъ попечителемъ Мѣщанскихъ училищъ; дѣйств. членомъ Общества Любителей Коммерческихъ Знаній; Московскимъ городскимъ головой (съ 1837—1840 г.).

ж. *Татьяна Александровна Москвина* (дочь коммерціи совѣтника и ратсгера Александра Осиповича Москвина, род. 1761 г. † 1831 г.), род. 21-го Марта 1798 г. † 26-го Ноября 1865 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{8}/_{3}$. *Надежда Васильевна*, род. 1777 г.

м. Бѣлевскій 1-ой гильдіи купецъ *Александръ Григорьевичъ Истоминъ*.

$^{9}/_{3}$. *Дормидонтъ Васильевичъ*, род. 1781 г.

$^{10}/_{3}$. *Вѣра Васильевна*, род. 1785 г.

$^{11}/_{3}$. *Егоръ Васильевичъ* (отъ 2-го брака), Московскій „Кошельной слободы“ 2-ой гильдіи купецъ, род. 1789 г. Въ 1814 г. выбылъ изъ Московскаго купечества.

ж. *Ѳеодосія Ѳедоровна NN*, род. 1791 г.

$^{12}/_{3}$. *Алексѣй Васильевичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ купецъ, род. 1792 г. Въ 1814 г. также выбылъ изъ Московскаго купечества.

$^{13}/_{4}$. *Александра Ивановна*, род. 1789 г.

$^{14}/_{4}$. *Петръ Ивановичъ*, потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій первостатейный купецъ, род. 1793 г. Съ 1852—1855 г. состоялъ Московскимъ городскимъ головой. Учредилъ въ Москвѣ богадѣльню, носящую его имя (на Калужской улицѣ, въ зданіи Мѣщанскаго училища).

ж. *Анна Васильевна NN*, род. 1800 г. † 17-го Марта 1834 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{15}/_{4}$. *Павелъ Ивановичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ 3-ей гильдіи купецъ, род. 1798 г. † 20-го Октября 1847 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

Библиотека "Руниверс"

$^{16}/_{4}$. *Гордіанъ Ивановичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ купецъ, род. 1799 г. † 15-го Ноября 1854 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

ж. *Марія Никитична NN*, род. 1809 г. † 6 Сентября 1839 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

IV.

$^{17}/_{5}$. *Наталія Константиновна*, род. 10-го Августа 1809 г. † 2-го Августа 1834 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

м. Потомственный почетный гражданинъ *Кириллъ Аѳанасьевичъ Кукинъ* (бывшій въ 1852—1855 гг. Московскимъ городскимъ головой), † 28-го Сентября 1883 г. Погребенъ въ Новодѣвичемъ монастырѣ.

$^{18}/_{5}$. *Александръ Константиновичъ*, потомственный дворянинъ, временно Московскій первостатейный купецъ, род. 11-го Іюля 1811 г. † 6-го Марта 1868 г. Состоялъ: почетнымъ попечителемъ Московскихъ мѣщанскихъ училищъ; почетнымъ членомъ Московскаго Коммерческаго Училища и Общества Любителей Коммерческихъ Знаній.

ж. *NN*.

$^{19}/_{5}$. *Марія Константиновна*, род. 28-го Марта 1814 г. † 20-го Іюня 1892 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

м. Потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ *Петръ Ѳедоровичъ Веретенниковъ*, род. 1798 г. † до 1850 г. Погребенъ рядомъ съ женой.

$^{20}/_{5}$. *Елисавета Константиновна*, род. 28-го Іюля 1815 г. † 12-го Сентября 1878 г.

м. Потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій купецъ *Григорій Александровичъ Москвинъ*, род. 13-го Мая 1812 г. † 2-го Апрѣля 1862 г. Оба погребены въ Покровскомъ монастырѣ.

$^{21}/_{5}$. *Алексѣй Константиновичъ*, потомственный дворянинъ, ротмистръ, род. 11-го Іюля 1817 г. † 6-го Марта 1868 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

$^{22}/_{5}$. *Анастасія Константиновна*. род. 1820 г. † до 1879 г.

м. Потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій 1-ой гильдіи купецъ, *Александръ Владиміровичъ Третьяковъ*. род. 4-го Апрѣля 1816 г. † 3-го Декабря 1869 г. Погребенъ въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

$^{23}/_{5}$. *Анна Константиновна*. род. 1823 г. † 15-го Августа 1825 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{24}/_{5}$. *Екатерина Константиновна*, род. 1823 г. † 26-го Іюля 1892 г.

м. Московскій „Хамовой слободы“ купецъ и фабрикантъ *Михаилъ Ѳедоровичъ Медвѣдевъ*. род. 1816 г. † 29-го Іюня 1848 г. Оба погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

$^{25}/_{5}$. *Глафира Константиновна*, род. 1826 г. † дѣвицей, 19-го Марта 1852 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

$^{26}/_{5}$. *Константинъ Константиновичъ*, потомственный дворянинъ, надворный совѣтникъ, род. 5-го Октября 1827 г. † 13-го Мая 1886 г. Погребенъ

Библиотека "Руниверс"

въ Даниловомъ монастырѣ. Состоялъ: почетнымъ смотрителемъ 1-го Московскаго уѣзднаго училища; почетнымъ членомъ Московскаго Совѣта Дѣтскихъ Пріютовъ; старостой церкви Введенія, что бывшій Новинскій монастырь.

$^{27}/_{7}$. *Алексѣй Валентиновичъ*, потомственный дворянинъ, род. 25-го Сентября 1816 г. † 11-го Января 1832 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{28}/_{11}$. *Валентинъ Егоровичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ 3-ей гильдіи купецъ; въ 1842 г. причисленъ къ мѣщанству.

$^{29}/_{14}$. *Петръ Петровичъ* (пріемный сынъ), потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ, временно Московскій купецъ, род. 1817 г.

ж. *Александра Васильевна NN*, род. 1827 г.

$^{30}/_{16}$. *Петръ Гордіановичъ*, Московскій „Кошельной слободы“ 1-ой гильдіи купецъ, род. 15-го Февраля 1826 г. † 11-го Іюля 1866 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

ж. 1) *NN*; 2) *Екатерина Ильинична NN*, род. 1837 г.

$^{31}/_{16}$. *Николай Гордіановичъ*, потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій 1-ой гильдіи купецъ, род. 21-го Февраля 1827 г. † 5-го Марта 1890 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ. Состоялъ казначеемъ Городской Распорядительной Думы; выборнымъ Купеческаго Сословія; членомъ Совѣта Московской Глазной Больницы. Въ 1888 г. на его средства, основана Петро-Николаевская богадѣльня (на Пятницкой улицѣ).

ж. *Ольга Васильевна NN*, род. 1840 г. † 4-го Апрѣля 1882 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{32}/_{16}$. *Варвара Гордіановна*, род. 1830 г.

$^{33}/_{16}$. *Ольга Гордіановна*, род. 15-го Марта 1833 г. † дѣвицей, 20-го Августа 1848 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{34}/_{16}$. *Александра Гордіановна*, род. 29-го Октября 1836 г., † 28-го Іюля 1859 г.

м. Потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ, временно Московскій 2-ой гильдіи купецъ *Михаилъ Ивановичъ Рогаткинъ-Ежиковъ*, † 23-го Декабря 1890 г. Оба погребены въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{35}/_{16}$. *Мипрофанъ Гордіановичъ*, Московскій купецъ, род. 1839 г. † 4-го Мая 1880 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

V.

$^{36}/_{18}$. *Наталія Александровна*, род. 31-го Января 1841 г. † 8-го Іюля 1842 г. Погребена въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Троицкимъ соборомъ.

$^{37}/_{18}$. *Константинъ Александровичъ*, потомственный дворянинъ, род. 26-го Августа 1847 г. † 18-го Марта 1862 г.

$^{38}/_{18}$. *Валентинъ Александровичъ*, потомственный дворянинъ, коллежскій регистраторъ, род. 1851 г. Служилъ дежурнымъ чиновникомъ при читальномъ залѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ; владѣлъ банкирской конторой (одно время въ компаніи съ Павломъ Алексѣевичемъ Медынцевымъ). Пристрастившись къ театру, выступалъ въ труппѣ Лентовскаго.

Библиотека "Руниверс"

ж. *Ольга Петровна Матвѣева*, род. 1845 г. † 21-го Февраля 1889 г. Погребена въ Симоновомъ монастырѣ.

$^{39}/_{18}$. *Ѳедоръ Александровичъ*, потомственный дворянинъ, † 24-го Апрѣля 1896 г. Служилъ въ Московскомъ Губернскомъ Акцизномъ Управленіи, а затѣмъ посвятилъ себя литературной дѣятельности. Извѣстенъ какъ издатель журналовъ: „Артистъ“, „Театралъ“, Театральная Библіотека“, „Читатель“ и др.

$^{10}/_{18}$. *Александръ Александровичъ*, потомственный дворянинъ; служилъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

$^{41}/_{30}$. *Софія Петровна* (отъ 2-го брака), род. 26-го Сентября 1853 г.

$^{12}/_{30}$. *Сергѣй Петровичъ*, потомственный почетный гражданинъ, род. 26-го Сентября 1854 г. † 18-го Января 1892 г. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

$^{13}/_{30}$. *Гордіанъ Петровичъ*, потомственный почетный гражданинъ, бывшій биржевой маклеръ, род. 1855 г.

$^{14}/_{30}$. *Марія Петровна*, род. 1857 г.

$^{15}/_{31}$. *Василій Николаевичъ*, потомственный почетный гражданинъ, попечитель Петро-Николаевской богадѣльни, род. 1855 г.

VI.

$^{16}/_{38}$. *Александръ Валентиновичъ*, потомственный дворянинъ, род. 1-го Іюля 1873 г.

$^{17}/_{38}$. *Надежда Валентиновна*, род. 8-го Іюля 1874 г.

У. Г. Иваскъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА.

Письма къ Ѳ. А. Кони.

1.

А. Ѳ. Вельтмана*).

Ноября 1, 1852. Москва.

Извините, любезный Ѳедоръ Алексѣевичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше отъ 22 Сентября, которое мнѣ доставилъ г. Перецъ. Отъ него узналъ я, что вы и Ирина Семеновна посреди заботъ и трудовъ житейскихъ, семейныхъ и литературныхъ, здоровы и веселы, что журналъ вашъ идетъ успѣшно, и это все меня порадовало.

Вы мнѣ пишете, что покойный Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ обѣщалъ вамъ свою автобіографію, написанную имъ для Вальтеръ-Скотта. Нѣсколько разъ заѣзжалъ я къ его сыну, но не заставалъ дома, и потому ничего еще не могу сказать вамъ, есть она въ черновыхъ бумагахъ покойнаго или нѣтъ. Она бы и мнѣ была необходима для соображеній при составленіи біографіи и разбора сочиненій Михаила Николаевича, о чемъ относилось ко мнѣ Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, и за что однакожъ въ настоящее время не могу приняться, потому что занятъ составленіемъ текста къ изданію Древностей Россійскаго Государства. Это сложное занятіе, не говоря ужъ о завѣдываніи всѣмъ изданіемъ Древностей Р. Г. и ходомъ его и о заботахъ по должности, занимаетъ все мое время. Собственно о литературной своей охотѣ мнѣ и подумать некогда. Давно оконченный на черно „Чудодѣй“ лежитъ безъ отдѣлки и врядъ ли скоро дождется чести явиться въ свѣтъ, не смотря на то, что самолюбіе мое

*) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1911 года XII, 534.

Библиотека "Руниверс"

должно бы было быть затронуто похвальнымъ словомъ Отечеств. Зап., что я не съумѣю свести всѣ концы своего романа; а на это Русская пословица: концы въ воду! Я думаю, что, по этому удобству, у насъ такъ и много водяныхъ произведеній.

Назначенный вами фотографъ нѣсколько разъ снималъ съ меня обликъ; да кажется, все неудачно. Кланяюсь усердно Иринѣ Семеновнѣ и желаю вамъ обоимъ мирной любви и во всемъ преуспѣянія. Остаюсь душевно вамъ преданный А. Вельтманъ.

P. S. Сколько разъ ни напоминалъ въ конторѣ Ратькова, чтобъ взяли для вашей конторы экземпляръ Описанія дворца; но они не позаботились объ этомъ.

2.

Карла Францовича Рулье.

17 Марта 1848 г.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы намъ не приходилось молвить словца: было не о чемъ. Теперешній случай ясенъ самъ по себѣ и не допускаетъ многихъ словъ.

Мы теперь передъ гробомъ П. С. Мочалова, нашего Мочалова: и этого довольно, чтобы оправдать передъ вами мою просьбу.

Вчера 16 Марта, въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ изъ Воронежа, скончался тотъ, кто дарилъ насъ минутами неописуемаго счастья. Горестную вѣсть принесъ служащій въ театрѣ намъ, навѣстившимъ больного Ленскаго. Тутъ у него вылилось экспромтомъ прилагаемое стихотвореніе, которое предлагаю вамъ для употребленія по вашему усмотрѣнію; можетъ быть, годно оно будетъ и для Пантеона.

Вспомнимъ что̀ такъ часто онъ намъ говорилъ въ Гамлетѣ: „Человѣкъ онъ былъ“, а онъ былъ человѣкъ и съ достоинствами и со слабостями его. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ слуга Карлъ Рулье.

Сейчасъ лишь я узналъ о горестной потерѣ...
Не плачьте... жизнь ему другая настаетъ—
И будьте въ полной вѣрѣ,
Онъ для потомства не умретъ.
Невидимо рукою Мельпомены
Ему уже стяженъ безсмертія вѣнецъ...
Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце Русской сцены,

Библиотека "Руниверс"

Какъ мощный двигатель сердецъ!..
Не плачьте, говорю: вы будете не правы,
Всѣ нашей участи завидовать должны.
На насъ отражены
Лучи его блестящей славы!..
Какой прекрасный новый міръ
Теперь душа его встрѣчаетъ!
Онъ въ небесахъ—и самъ Шекспиръ
Пришельца новаго, какъ сына обнимаетъ!..
Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!...
А я, измученный, больной,
Предъ памятью его во прахѣ преклоняюсь
И тщетно скорбною душой
Послѣднее прости сказать ему стараюсь!

P. S. Ежели Москва была несправедлива къ Мочалову, то, по крайней мѣрѣ, послѣдовательна въ поступкахъ и будетъ несправедлива до нельзя. Мы собираемъ ему скромный памятникъ. Сочувствій тьма. Что?

3.

Николая Васильевича Беклемишева.

Мочалова не стало! Исчезъ дорогой перлъ, выпалъ самоцвѣтный камень изъ вѣнца драматическаго... Много лѣтъ протечетъ и все дорогой перлъ—драгоцѣнный камень никѣмъ не будетъ замѣненъ. Много у насъ есть на Руси хорошихъ актеровъ, но хотъ одинъ изъ нихъ замѣнитъ ли намъ Мочалова? Конечно нѣтъ... Многіе изъ нихъ увлекутъ насъ своимъ талантомъ, но ни одинъ изъ нихъ не вызоветъ у насъ сочувствія; нѣкоторые изъ нихъ даже удивятъ насъ своимъ искусствомъ, но не одинъ изъ нихъ не поразитъ насъ своимъ творчествомъ: искусство доступно многимъ, а творчество однимъ избранникамъ Неба, а много ли такихъ избранниковъ, какъ былъ Мочаловъ? И, глядя на вѣнецъ, невольно вздохъ будетъ вырываться изъ груди, что тамъ, гдѣ нѣкогда блестѣлъ драгоцѣнный брилліантъ, тамъ все виднѣется одна пустота—да, одна пустота... Сколько каждый день родится людей на свѣтъ, ужели Провидѣніе не отмѣтило своимъ Божественнымъ перстомъ ни одного еще изъ новорожденныхъ и, отмѣчая, не рекло: да будетъ другой Мочаловъ! Великій Боже! Сколько грустныхъ раздумій наводитъ на душу эта мысль.

Многіе любили Мочалова, многіе достойно понимали и цѣнили его, и потому многіе будутъ довольны, если вы, Оедоръ Алексѣевичъ, напечатаете его предсмертное письмо въ вашемъ Пантеонѣ; я говорю предсмертное потому, что Мочаловъ умеръ не 16-го Марта 1848 г., а тогда, когда оставилъ сцену, а оставилъ онъ ее въ Январѣ 1847 года. Письмо имъ писано ко мнѣ 29-го Января, въ среду на Масляницѣ, а наканунѣ онъ игралъ въ послѣдній разъ въ утреннемъ спектаклѣ на Маломъ Театрѣ, Морица въ драмѣ „Клара д'Обервиль". Очевидцы говорили мнѣ, что Мочаловъ въ этомъ спектаклѣ былъ

Библиотека "Руниверс"

вдохновенно прекрасенъ, что зрители были удивлены, поражены совокупностью его игры, что онъ съ начала до конца выдержалъ свою роль такъ, какъ никогда не выдерживалъ. Теперь только тайна разгадалась—геній Мочалова пѣлъ свою лебединую пѣснь.

Всѣ лоскутки покойнаго Мочалова находятся у меня. Вамъ хорошо извѣстны мои дружескія отношенія съ покойнымъ; я имѣлъ случай изучить его и теперь пишу біографію Мочалова, не только какъ актера, но и человѣка. Надѣюсь, дадите мѣстечко въ вашемъ Пантеонѣ для помѣщенія моей статьи. Теперь дайте мнѣ совѣтъ: говоря о Мочаловѣ, я долженъ буду невольно коснуться близкихъ ему людей, которые имѣли ощутительное вліяніе на образъ его жизни, Конечно, эти люди, ложась тѣнью около покойника, рельефно оттѣняютъ геній художника Мочалова, но... да вѣдь вы поняли меня.

Николай Беклемишевъ.

P. S. Ежели вы напечатаете письмо Мочалова въ вашемъ Пантеонѣ, то я желалъ бы, что бы и мое письмо къ вамъ было напечатано, какъ pendant къ его письму. Письмо это вамъ было написано въ Маѣ мѣсяцѣ, но не послано потому, что простуда, яростью пылая,

Въ меня впилася словно шеголь,
И я сто двадцать дней страдая,
Не покидалъ свою постель...

Письма П. С. Мочалова къ Н. В. Беклемишеву.

1.

Утро 23 Января 1847 г.

Любезный другъ Николай Васильевичъ!

Слава Богу! Опять держу въ рукѣ перо; живъ, здоровъ, молодѣю, не смотря на то, что злое зеркало мнѣ говоритъ противное; да оно и не ошибается,—оно говоритъ о лицѣ; а я о душѣ, о той знакомой тебѣ душѣ, которая не можетъ дряхлѣть вмѣстѣ съ тлѣннымъ моимъ составомъ.

Мой другъ! и это не она,
Не та, которая судьбою—
Была бъ мнѣ спутницей дана!
Опять обманутъ я мечтою!
Опять я на моемъ пути,
Опять остался сиротою;
И вѣрно мнѣ ужъ не найти
Подруги съ пламенной душою!

Можетъ быть, другъ Николя, еще допишу эти стишки. Ты представь себѣ, отъ чего родилась мысль не терять даромъ моего ранняго утра—эта мысль родилась отъ сумасшедшаго намѣренія признать товарищемъ себѣ явившуюся на сцену дѣвицу П. Да! Я увидѣлъ молодость, говорилъ съ ней,

Библиотека "Руниверс"

видѣлъ умъ,—но все затмилъ проклятый холодъ души. Ну! Такъ это точно не она! Я, мой другъ, все виноватъ и всегда правъ въ глазахъ людей, которые меня знаютъ, какъ ты! А много ли такихъ?.. И одного довольно!!!

2.

Утро 29 Генваря. Середа Сырныя недѣли.

Вчера, мой другъ, пропалъ день, ибо игралъ я въ утреннемъ спектаклѣ въ Маломъ театрѣ въ драмѣ Клара д'Обервиль. Почему говорю: пропалъ? Потому, что не похожъ былъ на обыкновенный день. Разумѣется, изъ театра пріѣхалъ домой, усталый въ 40 минутъ 4-го часа. Въ такое позднее время я не привыкъ обѣдать, да прежде чѣмъ обѣдать надо было отдохнуть. Трубка, племянникъ, который смотрѣлъ на Жоржа изъ оркестра, да наслѣдница моя—все это помогло мнѣ отдохнуть. На вопросъ мой о трапезѣ отвѣчаютъ: у насъ блины, зернистая икра, семга и т. д. Послѣ обѣда спалъ больше 3 часовъ, около полуночи уснулъ опять, а въ 4 часа уже сидѣлъ за самоваромъ. Теперь бьетъ шесть. Прости, добрый мой, П. В., что̀ пишу все, все, что подъ руку попало, или, какъ говорится—что̀ на умъ взбрело: знаю, что простишь, что тебѣ пріятно читать мои строки, изъ которыхъ видно душевное желаніе: хоть заочно съ тобой побесѣдовать. Не могу не сказать: ты видѣлъ меня въ Кларѣ, но что̀ бы ты увидѣлъ вчера! Ты меня знаешь, знаешь, что я люблю правду и такъ—смѣло говорю, что я былъ безъ сравненія хорошъ. Нынѣ я, по назначенному репертуару, не играю, и завтра—тоже. Если Божіею милостью всѣ будемъ здоровы, то вотъ что остается сыграть: утромъ въ Пятницу на большомъ театрѣ: „Скопинъ-Шуйскій“, вечеромъ въ Субботу на большомъ театрѣ „Гамлетъ“, утромъ на маломъ театрѣ въ Воскресенье „Коварство и Любовь“.

Теперь скажу тебѣ нѣсколько словъ объ общемъ нашемъ знакомомъ Самаринѣ или, вѣрнѣе сказать, разговоръ его со мною. „Вы думаете, Павелъ Степановичъ, что я въ полгода жительства моего въ Петербургѣ мало игралъ, такъ и скучалъ безъ дѣла? Нѣтъ, я не скучалъ, а работалъ работу великую. Все что только можно прочесть о Гамлетѣ, все я прочелъ и, кажется, уже готовъ совершить подвигъ, т. е. сыграть; затрудняюсь, думая о пятомъ дѣйствіи, а всего досаднѣе то, что не нахожу никакихъ средствъ прекрасныя, великія мѣста этой роли исполнить непохоже на ваше исполненіе; однимъ словомъ, мнѣ бы не хотѣлось быть подражателемъ; подражатель: какъ всякая копія, и цѣнится всегда, какъ копія, а не какъ оригиналъ“... Вотъ почему онъ не рѣшался.

Конечно, я согласенъ, можно быть оригиналомъ, да не въ подобномъ подвигѣ. Мое мнѣніе:—Гамлета играть... Что̀ тебѣ сказать? Рѣшиться трудновато! Конечно, одѣться актеру въ траурный костюмъ Гамлета и прочесть, а коли сумѣется, такъ и проговорить, можно, а достаточно ли этого для того, чтобы зритель-человѣкъ, выходя изъ театра, сказалъ: Да! точно! Я видѣлъ Гамлета.

Тебя любящій и тобою любимый Мочаловъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ писемъ графа Д. Н. Толстого къ графу М. Д. Бутурлину.

1.

Село Толстые, 16 Декабря 1866 года.

Почти таже исторія, которая случилась съ вами по званію мировыхъ судей была здѣсь и со мною. Васъ устранили изъ списка кандидатовъ; меня, избраннаго почти единогласно въ почетные мировые судьи, упросили идти въ предсѣдатели мирового съѣзда, написали большинствомъ $^2/_3$ мое имя на запискахъ, и потомъ, при балотированіи шарами, едва не забалотировали! Вы видите, что намъ одинаковая участь. Понятно, что званіе предсѣдателя Данковскаго мирового съѣзда лично для меня не представляетъ ничего привлекательнаго, но прискорбно то, что въ новое учрежденіе такъ легко втирается старая интрига.

Все, что̀ сообщаете вы мнѣ о Римско-католикахъ весьма любопытно. Воистину мы должны благодарить Бога, что родились въ нѣдрахъ Православной церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ содержится истина, по скольку она передается имъ буквою Писанія; но мы смѣло можемъ сказать, что въ нашей церкви мы владѣемъ всѣмъ, что̀ они имѣютъ у себя хорошаго, и свободны отъ всего, что̀ у нихъ ложно или ошибочно. Это крайнее мое убѣжденіе.

Я далекъ отъ мысли обвинять нашихъ единовѣрцевъ въ отпаденіи отъ церкви. Напротивъ: побужденія ихъ достойны уваженія. Варнавитъ Шуваловъ, въ книгѣ, о которой вы упоминаете, сознается, что въ первый разъ прочиталъ Евангеліе на сорокалѣтнемъ возрастѣ! При такомъ воспитаніи, не имѣя никакого понятія объ ученіи своей церкви, гдѣ христіанскому чувству найдти удовлетвореніе?

Библиотека "Руниверс"

Прибѣгнуть къ нашему священнику? Но его семинарскія формы такъ чужды нашей цивилизаціи; его Русскій языкъ такъ мало знакомъ нашему уху! И вотъ первый Французскій аббатъ, со своими элегантными фразами, становится между нимъ апостоломъ и дѣлаетъ прозелитовъ. Можно жалѣть о нихъ, но обвинять нельзя.

Прошлую зиму я каждую недѣлю ѣздилъ за 25 верстъ къ моимъ сосѣдямъ Муромцевымъ. Я читалъ тамъ лекціи церковной исторіи. Аудиторію мою составляли нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвицъ и человѣкъ 5—6 молодыхъ людей. Всѣ они были проникнуты христіанскимъ чувствомъ, но всѣ совершенно не знакомы съ церковной исторіей и въ особенности съ литургіею. Проводя по нѣскольку лѣтъ сряду заграницей и въ особенности въ южной Франціи, они были подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Іезуитовъ. Въ моихъ бесѣдахъ я задался особеннымъ разъясненіемъ тѣхъ точекъ, въ которыхъ мы наиболѣе расходимся съ Латинистами и Протестантами. Мнѣ хотѣлось снабдить моихъ слушателей готовымъ оружіемъ при такихъ вопросахъ, какіе наичаще могутъ встрѣтиться въ заграничныхъ салонахъ, и мнѣ кажется, что Господь благословилъ мое слово, и что аудиторія моя можетъ выдержать нападеніе.

Histoire du schisme d'Orient et d'Occident par Picler я не читалъ, но имя автора ручается, что книга эта должна быть произведеніемъ серьезнымъ, хотя далеко не безпристрастнымъ.

2.

С. Толстые. 9 Февраля 1867.

Охотно бы послалъ вамъ мои лекціи, если бы я писалъ ихъ: но я читалъ по конспекту, составленному самымъ бѣглымъ образомъ, котораго также не сохранилъ. Лекціи мои носили названіе „собесѣдованій“ (conférences), и потому были нерѣдко прерываемы слушателями. Вотъ причина, почему я не могъ и приготовить изложеній, а довольствовался конспектомъ.

Обращаюсь къ сдѣланнымъ вами вопросамъ. 1-е Autocéphale, слово Греч. αὐτοκέφαλος, буквально *самоглавный*, т. е. самостоятельный, употребляется въ отношеніи всѣхъ независимыхъ отъ Великой Церкви, но состоящихъ съ нею въ общеніи (единеніи) церквей, какъ-то: Русской, Аѳинско-греческой, Грузинской и т. п.

Библиотека "Руниверс"

2-е. Латинствующіе Славяне. Поляки, Чехи и др. невдругъ приняли Латинскую азбуку. Еще при жизни нашихъ апостоловъ были вопросы о подчиненіи ихъ самихъ Риму, которое было признано, но Славянское богослуженіе имъ дозволено. Впослѣдствіи Нѣмецкій клиръ, и въ особенности архіепископы Зальцбургіи, распространили на нихъ свою юрисдикцію, и постепенно замѣняли Кириловскую азбуку Глаголитскою, изобрѣтенною (какъ полагаютъ) Іеронимомъ Моравскимъ. Послѣ этой перемѣны легче было перемѣнить и тексты, а съ ними и Восточный обрядъ замѣнить Латинскимъ. Вы поймете, какъ легко было и какъ удобно послѣ всего этого принять и Латинскую азбуку. Натяжки Монталамбера о подчиненіи Русской ц. Риму не новость: нѣтъ такой нелѣпости и лжи, которую не были бы готовы распространять о насъ А М Д G. послѣдователи Папизма, и чѣмъ они искреннѣе, тѣмъ для насъ безпощаднѣе. Нельзя пропустить безъ вниманія окружнаго посланія (Encyclique) г. Джунковскаго, изданнаго имъ въ Спб. и строго запрещеннаго во Франціи. Онъ прекрасно раскрываетъ ложь Папизма и Іезуитизма. Равнымъ образомъ могу рекомендовать вамъ и книгу Самарина о Іезуитахъ, напечатанную прошлаго года въ Москвѣ.

Мѣстные анекдоты ваши о мировыхъ судьяхъ очень забавны. Должно надѣяться, что новое учрежденіе разовьется къ общей пользѣ, хотя настоящее положеніе его нельзя признать удовлетворительнымъ, по тѣмъ тенденціознымъ рѣшеніямъ, которыми оно отличается. Теперь никому изъ насъ, сколь бы ни были святы наши права, нельзя тягаться съ мѣщаниномъ. Судьѣ нуженъ голосъ этого „мнимаго брата", какъ былъ нуженъ прежде шаръ дворянина. Явленіе было бы прискорбнымъ, еслибъ не объяснялось общимъ закономъ реакціи.

3.

Село Толстые, 23 Мая 1868.

Письмо ваше, искренноуважаемый графъ, много меня обрадовало, давши мнѣ надежду на близкое свиданіе, и притомъ подъ кровомъ моего дѣдовскаго дома. Спѣшу отвѣчать вамъ скорѣе изъ опасенія, что письмо, замедля на пути, можетъ уже не застать васъ, такъ какъ, благодаря нашимъ почтамъ, вами писанное отъ 14 Мая получено мною только 21-го; ergo шло цѣлую недѣлю.

Вы изъ Рязани можете ѣхать ко мнѣ по жел. дорогѣ до г. Ряжка. Отсюда берете вольныхъ (или почтовыхъ, которые везутъ охотно) лошадей до села „Конюшки", 40 верстъ безъ перемѣны, съ платою обыкновенныхъ прогоновъ, и отнюдь не дороже 10 коп. за тройку. Везутъ въ простомъ рогожномъ тарантасѣ. Изъ „Конюшковъ" 33 версты

Библиотека "Руниверс"

до село „Толстыхъ“; везуть за туже цѣну на версту и въ такомъ же экипажѣ. Изъ „Толстыхъ“ вы доѣдете до г. Раненбурга, и оттуда до станціи „Богоявленска“, уже въ Козловскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Козлова. Съ нынѣшняго дня я начинаю васъ ожидать и до пріѣзда вашего не тронусь съ мѣста никуда, а по пріѣздѣ провожу васъ до Козлова, такъ какъ мнѣ будетъ нужно самому ѣхать въ Воронежъ.

Неудачи ваши по выборамъ меня не удивляютъ. Послѣдняя въ церковные старосты объяснена вами ясно, а первая въ мировыя судьи понятна изъ того къ сожалѣнію у насъ преобладающаго вліянія, какое имѣютъ на избирателей люди, признающіе, что и одинъ честный человѣкъ для нихъ вреденъ. Я былъ избранъ въ почетные мировые судьи большинствомъ 34 шаровъ противъ 2. Служилъ и служу по мѣрѣ умѣнья, и увѣренъ, что при предстоящихъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ выборахъ, если не буду окончательно забалотированъ (а можетъ быть, и буду), то едва ли получу и два лишнихъ шара.

4.

Римъ, 29 Дек. 1869. (10 Янв. 1870).

Прошло болѣе полутора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами, милый, добрѣйшій графъ, а я еще не поблагодарилъ васъ за тѣ новые знаки вашей дорогой для меня дружбы, которыми вы меня удостоивали во все время пребыванія нашего въ Городищѣ. Но да не припишете мое молчаніе равнодушію; нѣтъ, я слишкомъ люблю васъ, слишкомъ цѣню ваши рѣдкія въ наше время качества, чтобы быть равнодушнымъ. Другія причины, истекающія изъ многосторонности окружающихъ меня вопросовъ, мѣшали мнѣ доселѣ взяться за перо, чтобы побесѣдовать съ вами. Теперь пользуюсь первой свободной минутой, чтобы писать къ вамъ.

Я опоздалъ пріѣхать въ Римъ ко дню открытія собора, но не жалѣю объ этомъ, потому что не потерялъ черезъ это ничего, кромѣ театральной стороны дѣла, такъ какъ въ публичныхъ засѣданіяхъ, а особенно въ первомъ, инавгураційномъ, ничего и быть не можетъ. Намѣреваясь сказать вамъ нѣсколько словъ о соборѣ, я заранѣе долженъ оговориться въ краткости и неполности моихъ замѣчаній. Трудно сказать что либо законченное на 4-хъ страничкахъ почтовой бумаги. Предполагая въ васъ уже нѣкоторое знакомство съ предметомъ посредствомъ газетъ, буду говорить о соборѣ, какъ о дѣлѣ вамъ извѣстномъ.

Членовъ собора можно раздѣлить на два противоположные лагеря: іезупто-ультрамонтанскій и либерально-католическій. Послѣдній, составляющій оппозицію, считаетъ въ своей средѣ отъ 150 до 180 членовъ;

Библиотека "Руниверс"

остальные отъ 615 до 585 принадлежатъ безусловному Папству. Несмотря однакоже на это числительное большинство, оно не имѣетъ такого авторитета, котораго бы должно было ожидать, потому что содержитъ въ себѣ громадное количество епископовъ in partibus, не имѣющихъ епархіи. Соборъ не имѣетъ ничего общаго съ древними, дѣйствительно вселенскими соборами; онъ напоминаетъ только печальной памяти Тридентскій, порядочно révu et corrigé въ смыслѣ стѣсненія всякой свободы мнѣній. Достаточно сказать, что членамъ оппозиціи запрещено съѣзжаться внѣ залы собраній; имъ не дозволено печатать своихъ мнѣній не для публики, а для раздачи членамъ собора; не разрѣшено просматривать, такъ ли оффиціальные стенографы изложили ихъ рѣчи; наконецъ, тѣмъ, которые записываются, чтобы говорить на соборѣ, право голоса дается не по порядку записи, а по сану оратора. Это послѣднее обстоятельство особенно курьезно по своей Іезуитской замашкѣ. Стоитъ только какому-нибудь Дюпанлу записаться въ число ораторовъ,—тотчасъ же явится 20 или 30 архіепископовъ, которые потребуютъ слова, и по старшинству своего сана будутъ говорить пренія, протянутъ время, утомятъ соборъ и оттрутъ опаснаго витію. На дняхъ былъ уже подобный опытъ. Какой-то епископъ изъ оппозиціи записался. Почуяли опасность и нѣсколько членовъ изъ старшихъ потребовали слова. Толковали переливая изъ пустого въ порожнее, и когда достаточно утомилась аудиторія, дали слово записавшемуся. Этотъ началъ объявленіемъ, что имѣлъ много, на что желалъ обратить вниманіе отцовъ, но теперь ограничивается по недостатку времени, однимъ предметомъ. Общій отзывъ одобренія встрѣтилъ оратора и тѣмъ доказалъ, что и этого слышать не желаютъ. Недостатокъ бумаги заставляетъ прекратить мое письмо. Прибавлю только одно: каково должно быть безстыдство, каково безвѣріе, чтобы всѣ эти продѣлки торжественно облекать авторитетомъ Святого Духа? Забыли слово Христа Спасителя нашего: „всяка хула отпустится, но хула на Духа Святаго не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій". Да сохранитъ Милосердный Господь всѣхъ насъ отъ такого отчужденія!

Прощайте и передайте Николаю Андріановичу *), что я не забуду его гостепріимнаго ко мнѣ вниманія и неизмѣнно искренняго моего къ нему уваженія. Душевно преданный Дм. Толстой.

Письмами вашими я еще доселѣ не воспользовался. Когда былъ я во Флоренціи, они были въ Римѣ; когда пріѣхалъ сюда, они уѣхали во Флоренцію.

---

*) Дивову. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

5.

Римъ, 24 Января (5 Февраля) 1870 г.

Получивши письмо ваше, любезный и любимый графъ, отъ 8 Января, я еще, не распечатавши его, былъ удивленъ скоростью вашего отвѣта на мое письмо. Оказалось, что это не отвѣтъ, а привѣтъ вашъ: благодарю васъ отъ всего, нелицемѣрно васъ любящаго сердца?

Изъ письма моего, которое было адресовано на станцію Дивово, которое вы безъ сомнѣнія уже теперь получили, вы знали, что я не успѣлъ воспользоваться вашими письмами. Если случай представится встрѣтить гр. Дмитрія Петровича, я, хотя уже и поздно, воспользуюсь имъ, чтобы передать письмо ваше. Графиню едвали придется мнѣ видѣть.

Все, что̀ вы пишите мнѣ о преосвящен. Алексіи, къ сожалѣнію, совершенно справедливо и все мнѣ уже извѣстно. Поступокъ съ бѣднымъ семинаристомъ не извинителенъ, и если бы я теперь былъ въ Россіи, то можетъ быть рѣшился бы на оглашеніе его въ печати. Если несправедливость вообще возмутительна, то насколько она возмутительнѣе въ лицѣ, облеченномъ столь высокимъ и святымъ саномъ. „Аще соль обуяетъ, чимъ осолится?“ Откуда вы начли по 100 училищъ на уѣздъ въ Рязанской губ.? Еслибы ихъ было по 15, я и тогда сказалъ бы, это слава Богу. Правда, въ печатныхъ отчетахъ я читалъ цифру какъ будто похожую на вашу; но кто же не знаетъ, что̀ значатъ отчеты? По крайней мѣрѣ, я знаю, что въ Данк. уѣздѣ едва ли наберется 15 дѣйствительно существующихъ школъ. При томъ же, хоть мнѣ незнакома инструкція новыхъ инспекторовъ, все же я думаю, что они не обязаны каждый годъ посѣщать каждую школу. Иначе это было бы безмыслицей. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи они могутъ извлекать большую пользу изъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ, и было бы несравненно болѣе пользы, если бы инспекторы умѣли вдохнуть въ это учрежденіе духъ жизни. Теперь они если не умерли, то спятъ сномъ летаргическимъ, и если въ комъ нибудь изъ нихъ проявляется какое движеніе, то справедливость требуетъ сказать, что это только въ членахъ отъ духовенства. Я твердо убѣжденъ, что если-бъ вамъ удалось получить это мѣсто, то вы принесли бы огромную и солидную пользу дѣлу, внеся въ него не духъ школьной рутины, а духъ услуги и „начало премудрости— страхъ Господень. За симъ технические пріемы и все относящееся до

Библиотека "Руниверс"

техники преподаванія скоро бы сдѣлались вамъ сподручными: это дѣло простого навыка. Опредѣленіе, какъ вамъ извѣстно, зависитъ отъ попечителя, а утвержденіе отъ министра. Боюсь, не скрою отъ васъ, чтобы Московское начальство не увлеклось школярскою обстановкою, по преимуществу, но не исключительно требуемою при опредѣленіи на эти должности. Я думаю, что Николай Адріановичъ можетъ быть очень полезенъ въ этомъ дѣлѣ: будетъ ли также сколько нибудь полезенъ и Бартеневъ?*)

Искренно и отъ всего сердца благодарю васъ, добрѣйшій графъ, за воспоминаніе о дорогомъ для моего сердца Сережѣ. Мать его также благодаритъ васъ за приписку о ней. M-me Балкъ я не могъ передать вашего поклона: она уже не во Флоренціи и уже не дѣвица Балкъ, а m-me Делатръ. Она вышла замужъ за Бельгійца и очень довольна своей судьбой.

Я не знаю, печатаются ли мои записки. Если Господу угодно будетъ возвратить меня въ Россію, я многое и притомъ очень любопытное сообщу вамъ лично. А до того, да сохранитъ Вседержитель Богъ всѣхъ насъ Своею милостію!

Искренно и неизмѣнно вамъ преданный Дм. Толстой.

6.

Римъ, 17 Февраля (1 Марта) 1870 г.

Письмо ваше, любезнѣйшій графъ, отъ 6 Февраля наш. ст. получено мною вчера. Недѣли двѣ я былъ нездоровъ; теперь выздоравливаю и еще за серьезное дѣло не принимался. Пользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы отвѣчать на ваши вопросы. Я не знаю какъ Русскія газеты передали исторію Вавилонскаго патріарха, но дѣло было такъ. Вавилонскій патріархъ, Халдійскаго обряда, Іосифъ Авду давно уже отстаивалъ передъ Пропагандой права своей церкви относительно назначенія епископовъ. Споръ о замѣщеніи двухъ вакантныхъ каѳедръ продлился до открытія собора, когда патріархъ пріѣхалъ въ Римъ, когда прибыли также и два кандидата папскихъ. Папа настаивалъ, патріархъ отрицалъ. Наконецъ, подбитый, какъ говорятъ, оппозиціонными епископами собора, Авду произнесъ въ генеральной конгрегаціи собора сильную рѣчь о завладѣваніи (empiétement) Р. престола. Прогнѣванный папа призвалъ его къ себѣ и подъ опасеніемъ лишенія престола далъ 24 ч. срока для согласія на рукоположеніе своихъ кандидатовъ.

*) Потому развѣ, что могъ написать къ министру народнаго просвѣщенія? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Разумѣется, что расхорохорившійся патріархъ согласился, и епископы въ первое же Воскресенье были имъ рукоположены. Несравненно важнѣе недоразумѣніе возникло теперь въ Константинополѣ между Армяно-Уніатами. Ихъ патріархъ Гассунъ находится также здѣсь. Онъ воспитывался въ Римѣ и несмотря на восточный обрядъ Латинянинъ въ душѣ. Вѣрный своей наставницѣ Пропагандѣ, онъ уже пожертвовалъ многими преимуществами своей церкви и въ этомъ числѣ кандидатурою епископовъ, всегда избиравшихся народомъ, а теперь назначаемыхъ папою. Его уже давно не любятъ Армяне. При отъѣздѣ въ Римъ онъ оставилъ вмѣсто себя викаріемъ архіепископа Авреликіана, также нелюбимаго. Этого прихожане не прогнали, и онъ пріѣхалъ сюда, а на его мѣсто посланъ изъ Рима другой съ грамотами отъ Гассуна. Ихъ не стали слушать и изорвали, а его не признали. Тур. правительство отвело недовольнымъ особыя церкви для богослуженія. Здѣсь очень струхнули. Послали туда нарочнаго и все приписываютъ Русскимъ. А мы преспокойно спимъ себѣ и ни о чемъ не думаемъ. Благодарю васъ, что напомнили мнѣ о мѣстѣ погребенія Св. Кирилла. Весь преданный „злобѣ дня“, я совершенно забылъ о немъ, теперь благодаря вамъ непремѣнно поклонюсь его мощамъ. Онъ долженъ почивать вѣроятно въ церкви св. Климентія.

Недоразумѣнія ваши на счетъ подчинитости нашихъ первоучителей Риму разрѣшаются тѣмъ, что Моравія и Паннонія составляли часть Римскаго патріаршества, а раздѣленіе церкви окончательно тогда еще не совершилось. Притомъ же никогда не слѣдуетъ забывать, что Римское старшинство (а не главенство) никогда нами не отрицалось. Нерѣдко наши патріархи прибѣгали къ защитѣ Рима: примѣромъ можетъ служить Іоаннъ Златоустый, въ житіи котораго, по нашей редакціи, видно, что онъ при постигшемъ его гоненіи обращался къ папѣ. Но это старшинство неизмѣримо далеко отъ настоящаго самодержавія, цѣлою бездною отъ ожидаемой нынѣ непогрѣшимости. Эта послѣдняя будетъ несомнѣнно признана членомъ католической вѣры, и чтобы быть Латиняномъ слѣдуетъ измѣнить снова свой символъ, внеся въ него четвертое лицо и слова: „вѣрую во Едину святую, соборную и апостольскую церковь“ замѣнить словами: „вѣрую во единаго, святаго и непогрѣшимаго папу“. Вы понимаете, конечно, что я говорю это вовсе не въ видѣ шутки. Этой перемѣны символа, конечно, не будетъ; но что же изъ этого, если въ сущности такое ученіе будетъ признано? Признаніе новаго здѣсь ждутъ къ Пасхѣ, это почти несомнѣнно. За симъ по всей вѣроятности соборъ будетъ отложенъ (prorogé) съ тѣмъ, чтобы уже

Библиотека "Руниверс"

никогда болѣе не быть созваннымъ, а неразрѣшимые вопросы будутъ переданы въ особую коммисію.

Тогда и азъ, если Господь благословитъ, возвращусь въ Россію и проѣздомъ черезъ Москву надѣюсь прижать васъ къ сердцу, искренно васъ любящему. Но прежде 1 Мая я не думаю возвращаться на родину: боюсь ея холоду за Сережу. Молитвенно благодареніе Создателю, много здѣсь поправился, и я боюсь, чтобы все это не пропало отъ нашего сѣвернаго климата.

Неудачи ваши меня искренно огорчаютъ. Неужели вы или Н. Адр. не можете найти пути къ Шихматову? Моя попытка у племянника была не удачна. Знакомы ли вы съ тайн. сов. Степ. Алексѣевичемъ Масловымъ? Это мой другъ и благодѣтель. Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ нему о васъ: сходите къ нему. Онъ живетъ въ Салтыковскомъ переулкѣ, соединяющемъ Б. Дмитровку съ Петровкой, въ д. Буровцовомъ. Можетъ быть, онъ будетъ вамъ полезенъ. Во всякомъ случаѣ вы поблагодарите меня, я увѣренъ, за знакомство съ этимъ старцемъ, котораго я люблю отъ всей души.

Душевно вамъ преданный Дм. Толстой.

7.

Римъ, 14 (26) Апр. 1870.

Христосъ Воскресе!

Вчера возвратился я изъ Флоренціи и вчера же получилъ письмо ваше, любезнѣйшій и родной сердцу графъ, отъ $^{4}/_{16}$ Апр. Я никогда не откладываю вдаль моихъ къ вамъ отвѣтовъ, потому что люблю васъ искренно и бесѣду съ вами нахожу однимъ изъ самыхъ живѣйшихъ моихъ утѣшеній.

Выѣхавъ отсюда въ Великій Четвергъ, я вечеромъ пріѣхалъ въ Ливорно, гдѣ пробылъ Страстную Пятницу, сподобясь отслушать часы, вечерню и утреню подъ Великую Субботу. Искренно сожалѣю, что не зналъ о мѣстѣ погребенія вашего родителя: я по любви моей къ вамъ и самъ бы отслужилъ панихиду о упокоеніи души усопшаго о Господѣ въ единствѣ Св. церкви. Теперь едва ли приведется мнѣ еще разъ быть въ Ливорно. Я выѣхалъ оттуда въ 5 часовъ въ Субботу и слушалъ литургію во Флоренціи, гдѣ былъ и у заутрени на Свѣтлое Воскресеніе,

Библиотека "Руниверс"

за которой тотчасъ же слѣдовала и обѣдня. Въ 10 часовъ вечера я выѣхалъ обратно въ Римъ.

Вы правы, пользы отъ моего здѣсь пребыванія не будетъ никому. Мнѣ лично даже вредъ, потому что я боленъ третій мѣсяцъ и вслѣдствіе этой болѣзни оглохъ почти совершенно; но я благодарю Господа за моего Сережу: мальчикъ видимо поправился и много меня утѣшаетъ. Хочется мнѣ очень скорѣе домой. Къ этому побуждаетъ и положеніе моихъ фондовъ до крайности уже истощившихся; но вы знаете, что я не господинъ самъ себѣ. Поэтому я писалъ къ кому нужно и жду съ нетерпѣніемъ разрѣшенія къ выѣзду. Если скоро получу, то немедля оставлю Римъ, котораго, къ стыду моему, почти не видалъ, ни въ художественномъ, ни въ археологическомъ отношеніи. Все откладывалъ, и, кажется, ничего не увижу. Изъ Рима хочется проѣхать въ Вѣну, чтобы посовѣтываться со спеціалистами, нельзя ли сколько нибудь возстановить мой слухъ. За симъ желательно посѣтить и наши старо-Русскіе города, Перемышль и Львовъ, столько страдавшіе, страдающіе и имѣющіе страдать отъ Поляковъ, особенно теперь въ министерство Потоцкаго. Кстати о Полякахъ. Переводъ дополнительнаго богослуженія вмѣсто Польскаго на Русскій я признаю очень полезнымъ; но мнѣ и въ голову не приходило, чтобы его вводили въ употребленіе; я думалъ, что его предоставятъ на волю каждому. Скажутъ, что его добровольно никто не приметъ. Что̀ дѣлать? Подождемъ: придетъ время, когда мало по малу онъ пригодится. Я даже думаю, что съ умѣньемъ и настойчивостью можно было бы получить разрѣшеніе даже и отъ Римской курія. Вѣдь Штросмайеръ получилъ же разрѣшеніе служить послaвянски, да не дополнительное только, а все вообще богослуженіе, замѣнивъ имъ вполнѣ Латинское. Въ надобныхъ дѣлахъ торопливость никуда не годится. Намъ нужна не поспѣшность дѣйствія, а неуклонность отъ принятаго пути.

Если Господу будетъ угодно, я, быть можетъ, буду дома въ половинѣ нашего Мая. Не совпадаетъ ли съ этимъ временемъ возвратъ вашъ изъ Тамбовской губерніи? Много бы я былъ утѣшенъ, если бы мнѣ довелось видѣть васъ въ моей хатѣ.

Адресую это письмо на имя Николая Адріановича и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы просить васъ передать ему мое искреннее почтеніе. Прощайте, мой добрый другъ. Христосъ съ вами.

Вашъ отъ всей души Дм. Толстой.

Библиотека "Руниверс"

8.

С. Толстые. 1 Окт. 1870.

Кровавая война, измѣняющая лицо Европы, оттѣснила на задній планъ Римъ съ его событіями; но и та и другой научаетъ насъ одной и той же истинѣ: „Коль страшно впасть въ руцѣ Бога Живаго“... Давно ли Французскій плебисцитъ, казалось, навсегда утвердилъ, упрочилъ династію Наполеона III? Давно ли сонмъ епископовъ въ Римѣ, не устрашась хулы на Духа Св., будто бы ихъ вдохновлявшаго, увѣнчали богохульнымъ догматомъ превозношеніе Римскаго епископа? Судъ Божій не замедлилъ, и кумиръ Франціи во прахѣ, и вселенскій папа на жалованьи у проклятаго имъ же короля! „Видѣхъ нечестиваго превозносящеся и высящихъ яко кедры Ливанскія,—азъ же мимоидохъ, и се не бѣ!“ Жаль только, что мы мало понимаемъ грозные уроки, и все относимъ къ комбинаціямъ Бисмарковъ и Антонелліевъ!

9.

С. Калистово. 1 Іюля 1872 г.

Письмо ваше, дорогой графъ, доставленное Евдокимомъ, нашло насъ здоровыми, но сильно страдающими отъ холода, благодаря отечественному климату и гнилости оконныхъ рамъ, въ которыя вѣтеръ бьетъ какъ въ рѣшето.

Записанный вами въ Оболенскѣ обычай, охраняющій въ народѣ память о грозной нѣкогда Литвѣ, очень любопытенъ и стоитъ общественнаго вниманія; на мой взглядъ онъ послужитъ украшеніемъ вашей статьи. Разочарованіе ваше въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ вами отъ старожиловъ ученаго вѣдомства, очень понятно; оно послужило вамъ урокомъ, какъ должно осторожно обращаться съ публикою.

Экземпляровъ вашей съемки я не получалъ и не раздавалъ, потому что архим. Михаила здѣсь нѣтъ: онъ, а также и Мельниковъ въ Нижнемъ; остаются только я, мой племянникъ Мих. Вл. и Масловъ, которыхъ и прошу о высылкѣ.

О. діаконъ Іоанникій не только постриженъ, но и рукоположенъ во іеромонаха. Онъ, вмѣстѣ съ 3 Греческими дьяконами, окончилъ курсъ, и теперь Академія остается вовсе безъ дьяконовъ, а также и безъ пѣвчихъ, хоръ которыхъ по случаю окончанія курса разстроился.

О Гаверли я знаю только изъ „Совр. Изв.“, и для меня все это дѣло черезъ чуръ темно, чтобы высказать о немъ какое либо мнѣніе.

Библиотека "Руниверс"

Бартеневъ у меня не былъ, но я готовлю ему обѣщанное дополненіе къ біографіи Головина. Дневникъ воспоминаній, хотя туго, но подвигается. Я теперь на вступленіи моемъ на службу; боюсь, что умру во „цвѣтѣ юношескихъ лѣтъ“.

Жена моя и сынъ кланяются низко и благодарятъ за воспоминанія, а я, позволяя себѣ просить графиню Бутурлину вспомнить и обо мнѣ, приношу ей выраженіе моего глубокаго почтенія.

За симъ, обнимаю васъ отъ всего сердца и, желая вполнѣ совершенія путешествія, прошу засвидѣтельствовать Николаю Адріановичу мое почтеніе и сказать, что я никогда не забуду его ко мнѣ вниманія и тѣхъ дружественныхъ отношеній, которыхъ онъ меня удостоиваетъ.

Душевно васъ любящій и преданный Дм. Толстой.

10.

Сергіевъ Посадъ, 23 Ноября 1872 г.

Передавая вамъ, любезнѣйшій графъ, выраженіе благодарности кн. Друцкаго за высланный ему экземпляръ вашей съемки, я вмѣстѣ сообщилъ вамъ его мысль о доставленіи таковаго о. намѣстнику, не зная ничего о томъ, что вы уже это сдѣлали чрезъ Петра Симоновича Казанскаго и отнюдь не говоря, что намѣстникъ его не получалъ. Къ чему же поспѣшили вы высылкою ему вновь 2-хъ экз.? Не лучше ли было, не посылая ихъ, поручить мнѣ справиться, исполнитъ ли Петръ Сим. ваше порученіе? Я спрашивалъ князя, извѣстно ли ему, что у намѣстника нѣтъ этого плана, и онъ отозвался незнаніемъ: Казанскаго же еще не видалъ, но думаю, что онъ экземпляры передалъ. Конечно въ томъ, что о. Антоній получилъ еще 2 экзем. бѣды нѣтъ, но мнѣ будетъ неловко, если эта посылка будетъ сопряжена съ письмомъ вашимъ, въ которомъ можетъ быть обвиненіе Петра Сим-ча, вѣроятно исполнявшаго вашу коммиссію, и вся эта путаница произойдетъ отъ моего къ вамъ письма.

Статьи Филиппова я читалъ съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что постановленіе Константинопольскаго собора (я не помню, говорилъ ли вамъ?) признаю совершенно правильнымъ. Засимъ, что касается до общенія съ Болгарами, то признаніе ихъ схизматиками истекаетъ изъ мѣстнаго собора, а не вселенскаго и должно быть принято ad referendum къ бо̀льшему собору. Впрочемъ этотъ вопросъ

Библиотека "Руниверс"

слишкомъ еще живъ, чтобы могъ быть исчерпанъ. Когда Богъ приведетъ свидѣться, потолкуемъ о немъ лично и сами послушаемъ здѣсь знатоковъ дѣла. Я не знаю мнѣнія о семъ о. ректора, но думаю, что онъ получше меня объяснитъ его.

Благодарю васъ за участіе въ моемъ безлюдьѣ: но оно устроилось. Хотя вы и думали, что мнѣ кромѣ Герасима никто услужить не въ состояніи, но такое заключеніе кажется не совсѣмъ основательнымъ: во 1-хъ потому, что я 65 лѣтъ прожилъ, не зная Герасима въ глаза, а во 2-хъ, что и теперь имѣю слугу, которымъ совершенно и вполнѣ доволенъ, и если только онъ будетъ такимъ же впредъ, то я лучшаго не желаю. Разумѣется, если онъ окажется трезвымъ.

Жена моя очень благодаритъ васъ за участіе въ ея здоровьѣ: но что̀ дѣлать? Она очень болѣетъ и почти ни одного дня здорова вполнѣ не бываетъ. Съ нѣкотораго времени у нея показалась кровь горломъ. Буди милость Божія надъ нею и надъ бѣднымъ малюткой, которому грозитъ круглое сиротство! Сережа васъ очень любитъ: въ этомъ онъ очень похожъ на своего отца.

Христосъ съ вами, вашъ Дм. Толстой.

Если встрѣтитесь съ докторомъ Найденовымъ, не откажитесь спросить его, что̀ онъ думаетъ объ этомъ новомъ явленіи въ болѣзни моей жены?

Сообщено И. С. Листовскимъ.

Библиотека "Руниверс"

вспышкамъ, Пушкинъ умѣлъ быть отмѣнно точенъ въ занятіяхъ словесностью и Русскою исторіей. Даже и по изданіи въ свѣтъ исторіи Пугачевскаго бунта онъ пополняетъ свои свѣдѣнія о самозванцѣ, и ему доставляются о немъ новыя показанія. Лажечниковъ, оцѣненный имъ, пишетъ ему цѣлое письмо о Тредьяковскомъ и Биронѣ. Любопытно, что въ этомъ томѣ такъ мало писемъ Плетнева; можетъ быть, скромный любитель Музъ не желалъ подвергать себя, какъ нѣкогда, надзору и внушеніямъ высшей власти за сношенія съ Пушкинымъ.

Весною 1880 года, передъ тѣмъ какъ открываться въ Москвѣ Пушкинскому памятнику, старшій сынъ поэта и владѣлецъ его бумагъ, въ то время генералъ-маіоръ и доблестный командиръ Нарвскаго гусарскаго полка, Александръ Александровичъ Пушкинъ, будучи въ Москвѣ, выразилъ благое намѣреніе принести рукописи отца въ даръ Румянцевскому Музею съ тѣмъ, чтобы Общество любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ предварительно дало ихъ на предстоявшую Пушкинскую выставку. Общество поручило мнѣ (одному изъ старѣйшихъ своихъ членовъ) принять этотъ драгоцѣнный даръ. Въ началѣ Мая съѣздилъ я въ Козловъ, гдѣ тогда стоялъ Нарвскій гусарскій полкъ, и принялъ рукописи, при чемъ получилъ позволеніе напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ то, что̀ найдется новаго, и такимъ образомъ мнѣ посчастливилось впервые огласить цѣлую главу Капитанской Дочки и нѣсколько новыхъ стиховъ и отрывковъ. Вмѣстѣ съ рукописями привезъ я въ Москву и позднѣе передалъ Румянцевскому Музею нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ Александру Сергѣевичу. Но это лишь малая часть того, что̀ нынѣ напечатано В. И. Саитовымъ. Мы увѣрены, что найдутся еще многія письма; такъ напримѣръ, Третье Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи задержало письма къ Пушкину князя П. А. Вяземскаго, отъ котораго я слышалъ, что это сдѣлано было для того, чтобы поискать слѣдовъ сношеній князя съ Декабристами. Разумѣется, ничего не было найдено, и только въ 1838 году, когда появилась за границей Французская статья князя о пожарѣ Зимняго дворца, Государь сталъ къ нему благоволить.

Смерть застала Пушкина въ самый разгаръ его журнальной дѣятельности. Въ четвертой книжкѣ „Современника“ помѣстилъ онъ свою Капитанскую Дочку, которая была обрѣзана цензурою. И всѣ четыре книжки таковы, что стоило бы ихъ почти цѣликомъ перепечатать. Пушкинъ широко раскидывалъ сѣть своихъ издательскихъ сношеній; адъ въ душѣ по поводу длившихся съ самаго начала Ноября 1836 года отношеній къ барону Гекерну и къ Дантесу, не помѣшалъ ему заботливо и трудолюбиво относиться къ дѣлу, отъ котораго ожидалъ онъ большой прибыли. Но есть извѣстіе (въ одномъ изъ отчетовъ Императорской Публичной библіотеки), что у Пушкинскаго „Современника“ не было и 200 подписчиковъ. Эта неудача грозила подкосить его. П. А. Плетневъ сказывалъ мнѣ, что въ день кончины Пушкина въ домѣ у него было всего 75 рублей, между тѣмъ какъ кромѣ четырехъ дѣтей жила у него свояченица и расходы чрезмѣрно умножались. Квартира находилась въ лучшей, дорогой части города, а безъ кареты и многой прислуги обойтись было невозможно.

Желательно, чтобы появились скорѣе примѣчанія В. И. Саитова къ этимъ драгоцѣннымъ томамъ Пушкинской переписки.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса—**тридцать копѣекъ.**

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865. 1866. 1867, 1868. 1869. 1870, 1871, 1872, 1873. 1874. 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888. 1891. 1892, 1893, 1895. 1896. 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Годы: **1889, 1890. 1894. 1898 -1903** продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы **1907, 1908, 1909 и 1910,** по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ **1907 и 1908**-мъ указателя къ прежнимъ годамъ **1863** платятъ за эти два года по 6 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

2.

Стр.

161. Письма **графа Жозефа де-Местра** изъ Петербурга въ Сардинію. 1814—1817.

235. Изъ воспоминаній **Д. С. Арсеньева**. Второе путешествіе шаха Музаферъ-Эдина по Россіи.

257. Пятидесятилѣтній юбилей **Д. С. Арсеньева.**

277. Изъ фамильнаго архива Стороженокъ: Письма **Булгарина** къ В. А. Стороженку.

280. Шуточная хроника Московскаго университета полвѣка назадъ. Времена историческія.

290. Изъ воспоминаній **Н. А. Малевскаго-Малевича**. Учебные годы.

309. Великій Князь Владимиръ Александровичъ въ Омскѣ. 1868. И. Г. Кузнецова.

311. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

316. Изъ альбома В. В. Ганки.

317. Стихотворенія **К. К. Павловой.**

319. О книгѣ С. Р. Минцлова: «Обзоръ Записокъ». **У. Г. Иваска.**

— Графъ Д. А. Милютинъ. Некрологъ.

Внутри обложки: О письмахъ **Ю. Ѳ. Самарина.**—О книгѣ: «Дмитріевы-Мамоновы».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912.

Библиотека "Руниверс"

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ двѣнадцатый. Письма 1840—1853. М. 1911. Больш. 8°. XII+477 стр.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ прямой потомокъ по женскому колѣну боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева и Петровскаго подканцлера Шафирова (который отважился бороться съ княземъ Меньшиковымъ) останется навсегда однимъ изъ достопамятнѣйшихъ лицъ Русской исторіи.

Мы не знаемъ другого лица, котораго воспитаніе было такъ тщательно ведено. Сравниться можетъ развѣ воспитаніе императора Александра Николаевича. Самарина учили профессора Надеждинъ и Шевыревъ. Домашнимъ наставникомъ у него былъ Степанъ Ивановичъ Пакô, профессоръ французскаго языка въ Московскомъ университетѣ, уроженецъ Нормандіи, знатокъ наукъ естественныхъ, человѣкъ рѣдкихъ качествъ. Въ Московскомъ университетѣ Самаринъ имѣлъ товарищами К. С. Аксакова, А. Н. Попова и М. Н. Каткова.

Начавшійся теперь печатаніемъ сборникъ его писемъ есть изданіе монументальное и въ высокой степени драгоцѣнное для внутренней Русской исторіи за вторую половину царствованія Николая Павловича. Оно значительно бы выиграло въ своей цѣнности, ежели бы къ письмамъ присоединены были письма отвѣтныя и вообще письма полученныя, какъ это прекрасно сдѣлано В. И. Саитовымъ въ трехъ томахъ переписки Пушкина. Но и того, что̀ теперь сдѣлано племянникомъ Самарина, Петромъ Дмитріевичемъ Самаринымъ, уже достаточно для того, чтобы сдѣлать эту книгу настольною для всякаго занимающагося тою эпохою нашей исторіи.

Многія письма перваго отдѣла уже были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 года. Важность и занимательность писемъ растетъ въ особенности съ переѣздомъ Самарина въ Петербургъ на службу. Подобно Хомякову въ 1815 году Самаринъ чувствовалъ себя въ Петербургѣ, какъ на чужбинѣ. „Простого народа ты нигдѣ не увидишь, пишетъ онъ къ Аксакову; съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, не слыхалъ Русской пѣсни, не слыхалъ голоса мужика. Послѣ узналъ, что здѣсь запрещено пѣть“.

Любопытно читать, какъ Самаринъ осуждаетъ Аксакова за его увлеченія, за его мурмулку и простое народное платье. „Былъ я, пишетъ онъ, на двухъ такъ называемыхъ литературныхъ вечерахъ у Даля. Нѣтъ свободы, веселости, теплоты. Съѣзжаются люди чиновные, неглупые, но убитые службою. Они отдыхаютъ молча за чашкою чая, или же разсказываютъ анекдоты и толкуютъ объ операхъ“.

Самаринъ и Константинъ Аксаковъ пополняли другъ друга. У одного все на распашку и въ морозы онъ ходитъ по улицамъ съ открытою грудью. Самаринъ же почти постоянно застегнутъ и оглядливъ.

Нетерпѣливо станемъ ждать продолженія этого изданія, для котораго собрано уже болѣе 2000 писемъ. Издатель унаслѣдовалъ отъ своего отца отличную добросовѣстность труда и снабдилъ книгу превосходно составленными примѣчаніями, въ чемъ помогалъ ему Н. П. Чулковъ.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Письма графа Жозефа де-Местра изъ Петербурга въ Сардинію.

Графъ Жозефъ де-Местръ (1754—1821), знаменитый противникъ Французской революціи и всѣхъ ея послѣдствій, прожилъ у насъ около 14 лѣтъ, въ качествѣ представителя Сардинскаго короля Виктора Эмануила 1-го, тѣснимаго Французами и Австрійцами, удержавшаго во владѣніи своемъ одинъ только бѣдный островъ Сардинію и искавшаго спасенія въ великодушіи Русскихъ государей. Нашъ Суворовъ очистилъ королевство его отъ Французовъ; но Австрія не допустила короля утвердиться во владѣніи его предковъ, а затѣмъ побѣды Бонапарта принудили его искать убѣжища въ Римѣ, откуда потомъ онъ переселился на свой островъ, въ городокъ Кальяри. Посреди всякаго рода несчастій, графъ де-Местръ оставался вѣренъ королю и управлялъ въ Кальяри его канцеляріею. Россія же народною политикою Екатерины была поставлена на такую высоту, что еще долго спустя могла тратить силы свои для внѣшнихъ цѣлей. Она являлась тогда величавою покровительницею жертвъ Французской революціи и Наполеоновскихъ завоеваній, и вотъ несчастный король отправляетъ въ Петербургъ вѣрнаго слугу своего искать нашей дипломатической обороны отъ угнетеній перваго консула. Для оцѣнки сношеній нашихъ съ Сардиніею не мѣшаетъ припомнить, что не задолго передъ тѣмъ графъ Литта и Іезуитъ Груберъ пустили корень свой въ Петербургѣ, что политика Павла съ его Мальтійскимъ орденомъ подавала Католикамъ поводъ къ несбыточнымъ планамъ и что князь Адамъ Чарторыжскій, при Павлѣ, жилъ въ Кальяри нашимъ посланникомъ. Когда, съ воцареніемъ Александра, онъ (по духу, сынъ іезуитства) очутился во главѣ управленія внѣшними сношеніями Россіи, и въ тоже время Англія объявила войну Франціи,—надежды Сардинскаго короля ожили, и тутъ несмѣтныя суммы Русскихъ денегъ ушли на безполезную для насъ поддержку совершенно чужихъ выгодъ. Такъ напр., въ войну 1799 года, Русскіе корабли захватывали Французскіе суда у Сардинскихъ береговъ; король выплачивалъ за нихъ деньги республиканскому правительству Франціи и за тѣмъ съумѣлъ получать ихъ обратно отъ императора Александра Павловича. Онъ получалъ кромѣ того значительную пенсію изъ Россіи на свое содержаніе. Полвѣка спустя, Сардинія отблагодарила Россію, присоединившись къ Турціи, Англіи и Франціи.

Библиотека "Руниверс"

Итальянскій походъ Суворова познакомилъ графа де-Местра съ Русскими. Родной братъ его графъ Ксаверій (впослѣдствіи женившійся на Софьѣ Ивановнѣ Загряжской), находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову и служилъ въ нашихъ войскахъ.

13 Мая 1803 г. графъ де-Местръ пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда, въ теченіи многихъ лѣтъ, писалъ свои исполненныя тонкой наблюдательности и необыкновеннаго ума депеши и письма къ королю и его приближеннымъ. Докторъ Туринскаго университета Альбертъ Бланкъ, при содѣйствіи славнаго Кавура, издалъ эти важныя для Русской исторіи бумаги съ обширными историческими примѣчаніями. Мы пользовались Парижскимъ изданіемъ этой книги: Mémoires politiques et correspondance diplomatique 2 éd. Paris. 1859—1860. 8°. 395 стр., и по возможности извлекали изъ нея все, что̀ касается до Русской политики, Русскаго двора и общества.

Слава замѣчательнаго писателя уже предшествовала графу де-Местру. Впрочемъ, друзья-Іезуиты безъ сомнѣнія скоро познакомили его съ Петербургомъ. Въ особенности съумѣлъ онъ сблизиться съ графинею Анною Ивановною Толстою (ур. кн. Барятинскою), супругою обергофмаршала графа Николая Александровича (который до Августа 1814 г. имѣлъ во всякое время свободный входъ къ Государю); черезъ нее узнавалъ онъ многое и этимъ путемъ достигалъ своихъ цѣлей вѣрнѣе, нежели посредствомъ оффиціальныхъ бумагъ. „Императоръ никогда не допускалъ иностранныхъ министровъ говорить съ нимъ о дѣлахъ; канцлеръ (графъ А. Р. Воронцовъ) и лица, завѣдующія иностранными дѣлами, недоступны. Все дѣлалось оффиціально, нотами и торжественными аудіенціями“ (стр. 78). Главнымъ лицомъ былъ князь Адамъ Чарторыжскій, который прикидывался, что онъ не болѣе какъ товарищъ старика-канцлера.

26 Мая графъ представлялся Государю и его супругѣ. „Конечно, пишетъ онъ, въ Европѣ нѣтъ другой болѣе прекрасной царственной четы. Любезность обоихъ выше всякихъ словъ. Они любятъ скрывать свое величіе, и присутствіе ихъ ни для кого не стѣснительно. Императоръ часто гуляетъ одинъ безъ прислуги“..... (стр. 77).

Извлеченія изъ писемъ графа де-Местра съ 1803 по 1811 годъ напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года. Подлинниковъ за годы 1812 и 1813 не имѣется доселѣ въ печати. Продолжаемъ здѣсь наши извлеченія изъ писемъ за остальное время пребыванія графа де-Местра въ Россіи 1814—1817 г. П. Б.

Петербургъ, 26 Сент. (8 Октября) 1814 г.

Я разсчитывалъ навѣрное видѣться съ Его Величествомъ, но, какъ и многіе, потерпѣлъ неудачу: Императоръ уѣхалъ *), не принявъ никого.

Изъ газетъ мы узнаёмъ, что Его Величество король, какъ и многіе другіе государи поѣхалъ на конгрессъ, но я не повѣрилъ, такъ какъ ваше сіятельство мнѣ о томъ ничего не писали.

---

*) На Вѣнскій конгрессъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Болѣе чѣмъ когда-либо говорятъ о самомъ знаменательномъ бракѣ въ Европѣ, а именно о женитьбѣ герцога Беррійскаго на прелестной, во всѣхъ отношеніяхъ, великой княжнѣ Аннѣ. На мой взглядъ, это дѣло рѣшенное. Здѣсь толкуютъ о большихъ затрудненіяхъ относительно вѣроисповѣданія; я даже слышалъ, что митрополитъ Амвросій (онъ здѣсь архіепископъ) требовалъ, чтобъ великая княжна, кромѣ того, что будетъ имѣть въ Парижѣ свою домовую церковь, не присутствовала съ королевской семьей ни на одномъ католическомъ богослуженіи. Не вѣрю ни единому слову изъ этого вздора. Король Франціи измѣнилъ бы себѣ, согласясь на подобныя условія, а Императоръ Русскій, по свойственной ему смѣткѣ не можетъ и предлагать подобныхъ*). Между ними, полагаю, состоялось соглашеніе; а что̀ касается митрополита и всего его синода, то вашему сіятельству, жившему здѣсь, хорошо извѣстно, что они въ полномъ подчиненіи гражданской власти. Повидимому, правда совершенно противоположна тому, что̀ я слышалъ: у великой княжны будетъ своя церковь, до которой никто не коснется, а она будетъ настолько добра, чтобъ ходить съ своимъ супругомъ въ господствующую церковь; духовенство же ея все перейдетъ въ Католичество, какъ только выучится Французскому языку. Греческое вѣроисповѣданіе только невѣжествомъ и сохраняется въ своей цѣлости; а какъ скоро появляется знаніе, Православные неминуемо дѣлаются или Католиками или Протестантами; все просвѣщенное духовенство здѣсь клонится къ послѣднимъ, и скоро будетъ служить обѣдню, не вѣря въ нее; обрядность же сохраняется національною гордостью и ненавистью къ папѣ. У Императора широкія вѣроисповѣдныя мысли, которыя тѣмъ болѣе достойны уваженія, что онъ ими обязанъ только себѣ одному; воспитаніе же, полученное имъ, направляло его въ совершенно противоположную сторону, но я ни почему не вижу, чтобъ онъ хорошо былъ ознакомленъ съ вопросомъ, раздѣляющимъ наши двѣ вѣры; онъ только вѣротерпимъ, а это значитъ много. У меня много основаній думать, что злопамятство Православныхъ всячески пыталось повредить намъ у него, но не успѣло въ этомъ.

Пребываніе Іезуитовъ въ Россіи—блестящее доказательство тому, какъ Императоръ умѣетъ властвовать надъ собою: вѣдь ему внушили противъ нихъ сильнѣйшее предубѣжденіе, и его ежедневно окружали люди смертельно ихъ ненавидящіе; а тѣмъ не менѣе Іезуиты продолжаютъ пребывать здѣсь. Вообще, дѣла вѣроисповѣдныя въ Россіи заслу-

*) Однако, Наполеонъ въ 1809 году, добиваясь вступить въ бракъ съ тою же великою княжною Анной Павловной, выражалъ готовность имѣть для нея въ Тюльерійскомъ дворцѣ православную церковь. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

живаютъ вполнѣ, чтобъ хорошій наблюдатель занялся ими внимательно.

Канцлеръ*) долго дулся, безконечно тянулъ и наконецъ удалился. Его Величество обошелся съ нимъ чудесно и даже посѣтилъ его. Я еще не ясно освѣдомленъ на счетъ ихъ бесѣды, длившейся, какъ увѣряютъ, безъ четверти два часа; но достовѣрно лишь то, что они не пришли ни къ какому соглашенію. Говорятъ, и это очень вѣроятно, что канцлеръ ставилъ условіемъ примиренія свое присутствіе на конгрессѣ, но Императоръ не уступилъ. Какъ вы могли видѣть по моимъ письмамъ, я никогда не раздѣлялъ крайность Русскихъ противъ гр. Румянцова. Ему ставятъ въ упрекъ безполезное низкопоклонство передъ Коленкуромъ и нѣкоторую систему въ политикѣ, легко допустимую, а обходятъ молчаніемъ дѣятельность его по части войнъ, гораздо болѣе заслуживающую порицанія. Онъ, впрочемъ, добрый Русскій, добрый слуга царю, до крайности учтивъ, дѣлаетъ много добра и очень щедро; но у него ледяное сердце, и друзей у него не будетъ никогда. Сообразивъ все, я нахожу, что Императоръ отлично поступилъ, не пожелавъ его сношеній съ иностранными кабинетами, которые не выносятъ его, и такъ же бы поступилъ отлично, удержавъ его, еслибъ канцлеръ пожелалъ остаться, такъ какъ онъ не изъ людей легко замѣняемыхъ другими: никто не задавалъ такихъ обѣдовъ какъ онъ, и въ рукахъ Императора онъ никому не могъ вредить. Но онъ ушелъ, значитъ, все кончено. Вся его канцелярія очень недовольна, что онъ, вопреки установившемуся обычаю, не былъ въ канцеляріи и не испросилъ наградъ для своихъ подчиненныхъ, разставаясь съ ними. Гр. Румянцовъ отказался сдѣлать это, говоря, *что Императору извѣстны тѣ изъ его слугъ, которые достойны его милостей.*

Отставка канцлера послужила графу Нессельроде къ большему успѣху. Императоръ, повидимому, вполнѣ привыкъ къ нему; маркизъ де-Санъ-Марсанъ сообщитъ вамъ о немъ. По своимъ мнѣніямъ онъ Австріакъ.

Закончу сожалѣніемъ, что не могъ получить аудіенціи у Императора, до его отъѣзда; маркизъ де-Санъ-Марсанъ замѣнитъ меня въ томъ, что я могъ бы сказать. Поддержка Императора для насъ выше всего. Графъ Нессельроде, какъ я уже имѣлъ честь сказать вамъ, держится взглядовъ Австріи; но, не смотря на свой умъ и прочія достоинства, онъ не настолько еще утвердился, чтобъ дѣйствовать на Государя. Да я и не думаю, чтобъ кто либо могъ на него дѣйствовать, не исключая даже графа Андрея Разумовскаго, котораго можно прямо считать гражданиномъ

*) Графъ Н. П. Румянцовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

г. Вѣны: нѣтъ на свѣтѣ государя болѣе подозрительнаго, особенно въ этомъ отношеніи: у него удивительное чутье и осторожность, чтобы отгадывать въ людяхъ, къ чему они склонны; онъ за версту видитъ человѣка, намѣревающагося направить его сюда или туда. Думаю, что онъ останется вполнѣ независимымъ и невозмутимымъ. Дай Богъ, чтобъ онъ благопріятствовалъ вполнѣ нашему королю. Настоящее время столько же щекотливо для насъ, какъ и рѣшительно. Такъ какъ мы находимся между Россіей и Австріей, то каждая изъ нихъ можетъ насъ поссорить съ другими державами. Тому, кто будетъ вести переговоры съ Русскимъ государемъ, нужно отбросить всякую хитрость и угодливость; всѣ эти южныя церемоніи съ нимъ неумѣстны; онъ очень хорошо знаетъ себѣ цѣну, но допускаетъ почтительную веселость: изящная шутка не испугаетъ его, а человѣкъ, привыкшій къ нашимъ обычаямъ, рискуетъ очень надоѣсть ему или заставитъ его смѣяться. Всѣ обычаи достойны уваженія; слѣдуетъ знакомиться съ ними и слѣдовать имъ. Впрочемъ, зная осторожность маркиза, намъ нечего безпокоиться.

Вы, можетъ, не разсердитесь, графъ, если я вамъ напишу, что̀ мнѣ говоритъ въ своемъ письмѣ одинъ мой соотечественникъ, по поводу мирнаго трактата 30-го Мая: „.....Я плàчу надъ невзгодами, принесенными злосчастнымъ миромъ; право, онъ можетъ заставить пожалѣть о Бонапартѣ. Какъ могъ императоръ Русскій, при своей добротѣ, съ его человѣколюбіемъ и при участіи его къ нашему королю, какъ могъ онъ согласиться на такое нечестіе?“

Вотъ, уже съ мѣсяцъ, какъ у насъ здѣсь посланникомъ короля Французскаго герцогъ де-Ноайль, котораго, кажется, вы знаете. Король имѣлъ, какъ вамъ извѣстно, большіе счеты съ его семьей, но по своей мудрости онъ предалъ все забвенію. Герцогъ получаетъ 200 тысячъ франковъ содержанія, что̀ много меньше того, которое получалъ посланникъ *узурпатора*, столь извѣстный Коленкуръ, имѣвшій 480 тыс. фр. при неограниченномъ кредитѣ. Онъ проживалъ тутъ милліонъ, особенно на *добрыя дѣла*. Государь пожаловалъ ему въ то время (вѣрнѣе Французскому посольству) роскошный дворецъ, который, говорятъ, займетъ Ноаль; но, пока въ немъ будутъ сдѣланы необходимыя передѣлки, онъ нанялъ, на шесть мѣсяцевъ, помѣщеніе за 10 тысячъ. При этомъ, многіе замѣчаютъ, что для Коленкура отдѣлали бы дворецъ много скорѣе. Можетъ быть, они и правы, говоря такъ: но какое жалкое удовольствіе наводить страхъ! Графъ Ноайль человѣкъ тихій, вѣжливый, нравственный и благочестивый, придерживающійся вполнѣ старинныхъ обычаевъ; однимъ словомъ, удивительное замѣщеніе Коленкура.

Библиотека "Руниверс"

Купечество г. Риги воздвигаетъ великолѣпный памятникъ его Величеству Государю Императору. Онъ изъ чуднаго гранита и состоитъ изъ очень высокой колонны, на соотвѣтствующей подставкѣ, въ верху которой, на шарѣ, поставлена колоссальная бронзовая фигура Славы; вокругъ памятника превосходная желѣзная рѣшетка. Надпись на памятникѣ пожелали имѣть на Русскомъ и на Латинскомъ языкахъ; надпись на послѣднемъ составлена мною по просьбѣ маркиза Паулучи, которому я не могъ отказать. Ему, какъ генералъ-губернатору Лифляндіи и Курляндіи, Рижское купечество предоставило распоряжаться постановкою памятника по его полному усмотрѣнію. Переводъ на Французскій моей Латинской надписи передастъ вамъ маркизъ Санъ-Марсанъ.

За свое мѣсячное здѣсь пребываніе, маркизу Паулуччѣ удалось получить отъ Императора все, что онъ испрашивалъ для другихъ, а для себя на двѣнадцать лѣтъ аренду въ 2 тысячи червонцевъ ежегодно; подобныя пожалованія могутъ быть продолжены. Порывистый характеръ маркиза причинялъ въ началѣ порядочныя замѣшательства, и мнѣ самому пришлось видѣть ихъ послѣдствія въ нашихъ дѣлахъ, или въ дѣлахъ моихъ соотечественниковъ; но, по общему отзыву объ его управленіи, лучшаго не можетъ быть благодаря твердости, справедливости и дѣятельности.

С. Петербургъ, 21 Января (2 Февр.) 1815 г.

Вмѣсто ожидаемаго возвращенія Государя, получено извѣстіе, что *онъ не можетъ выѣхать раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ*, и Кабинетъ получилъ приказъ о высылкѣ 33 тысячъ червонцевъ, которые немедленно и отправлены въ очень красивой шкатулкѣ. По одному оглашаемому письму его говорятъ, что Императоръ находитъ свое присутствіе еще надолго необходимымъ, для избѣжанія войны. По нѣкоторымъ публикаціямъ въ газетахъ позволительно было считать войну неизбѣжною. Многіе дальновидные люди продолжаютъ держаться мнѣнія, что Франція слишкомъ обижена, чтобъ не пожелать воспрянуть, чувствуя себя на то довольно сильною, не смотря на свою придавленность. Кромѣ того, нѣкто изъ людей хорошо освѣдомленныхъ даже по сокровеннѣйшимъ дѣламъ, увѣряетъ, что и Государь склоняется на сторону Франціи, въ обратную сторону отъ Австріи. Прочее остается на благоусмотрѣніе его величества короля. Три державы поднялись на высоту, приводящую въ страхъ воображеніе: Англія, Россія и Австрія. Непостижимо особенно, какъ Австрія, низверженная въ пропасть, поднялась вдругъ къ небесамъ. Напрасно считали ее безхитростною: нужно, напротивъ, удивляться ея ловкости при захватѣ такой ставки, съ меньшимъ, противъ всѣхъ прочихъ, рискомъ. Ея первенствующее вліяніе въ Италіи сильно тѣснитъ насъ, и Италіей заплатятъ за Польшу.

Библиотека "Руниверс"

Я думаю, что, въ настоящее время, королевство Польское возстановлено. Трудно передать недовольство Русскихъ; объ этомъ не говорятъ, какъ и о томъ, чѣмъ оно вызывается. Польша имѣла свои законы, и Государь ихъ любитъ; а этому расположенію будетъ благопріятствовать множество Поляковъ, пропитанныхъ современными идеями, какъ, напр.. кн. Чарторыжскій, Потоцкіе и сотни другихъ, такъ что въ Полынѣ введутъ конституцію; кромѣ того, на подобіе Венгерской гвардіи въ Вѣнѣ, будетъ Польская гвардія и проч. Очень понятно, какъ все это претитъ національной гордости. Возстановленная подобнымъ способомъ Польша сдѣлается для Русскихъ примѣромъ, предметомъ зависти и вожделѣній. Прибавьте, графъ, къ этому, что, по общему здѣсь мнѣнію, сложившемуся на правдоподобныхъ основаніяхъ, Императоръ лелѣетъ въ своемъ сердцѣ мысль начать устройство своего государства уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Можете еще прибавить, что, разъ Польша будетъ объединена и устроена, она, немного раньше или позднѣе, пожелаетъ еще болѣе улучшить свое существованіе, въ чемъ ей не будетъ недостатка въ поддержкахъ. и вы поймете, что недовольству Русскихъ есть основаніе.

С. Петербургъ 9 (21) Февраля 1815.

Я сдѣлаю все, что̀ могу, по дѣлу господина Л., но я никогда не ожидаю ничего хорошаго для иностранца. имѣющаго здѣсь дѣло въ судебныхъ мѣстахъ; хорошо еще. если должникъ добросовѣстный; если же онъ предъявитъ споръ, то я не вижу способа къ его принужденію. Во первыхъ, въ Россіи существуетъ ужасный обычай: адвокатъ, къ которому кто обращается, требуетъ, въ счетъ своего вознагражденія, половину искомой суммы, такъ что условіе, признаваемое у насъ безчестнымъ, здѣсь признается за право.

Третьяго дня курьеръ привезъ императрицѣ-матери важное извѣстіе отъ Императора, что конгресъ конченъ и что онъ скоро прибудетъ сюда. Значитъ, мы не замедлимъ узнать великія постановленія конгресса, которыхъ такъ ждали.

Надѣюсь, что соборъ ихъ величествъ озаботился высылкою Наполеона, такъ какъ она необходима, и нужно уничтожить его и нравственно. Удивительный человѣкъ этотъ очень многое измѣнилъ на свѣтѣ. Онъ надѣлалъ королей. королевскихъ высочествъ, великихъ герцоговъ и проч.. наконецъ. дворянъ; и я не вижу, чтобъ кто нибудь пожелалъ сбросить съ себя эти титулы. нашедъ ихъ незаконными и презрительными: подобнаго отвращенія я что-то еще не встрѣчалъ нигдѣ. Развѣ графиню Сенъ-Лё и ея сына, герцога. низведутъ съ ихъ положенія? А герцогъ Евгеній Богарне? А внукъ императора Австрійскаго сдѣлается развѣ какимъ

Библиотека "Руниверс"

нибудь гражданиномъ, не смотря на условія его рожденія? А племянникъ Русскаго императора, по Іерониму, развѣ онъ остановится въ гостинницѣ, если пріѣдетъ въ Петербургъ? Имѣйте при этомъ въ виду несмѣтныя богатства ненасытной семьи Наполеона, пока скрываемыя, но которыя тотчасъ проявятся по наступленіи безопасности. Всѣ эти лица пріобрѣтутъ цѣлыя области, а по ихъ родству съ царствующими лицами они окажутся во главѣ всего, что̀ будетъ очень унизительно: но я не сомнѣваюсь въ этомъ, обсудивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Мюратъ, напр., покинетъ, конечно, свой тронъ, но останется, тѣмъ не менѣе, лицемъ значительнымъ, и императоръ Австрійскій, увидя его у себя, не станетъ же требовать тому доказательствъ, послѣ того, что онъ имѣлъ отъ него посланниковъ и считалъ его себѣ равнымъ. Тоже самое можно сказать и на счетъ Бернадота: царствовать онъ, конечно, не будетъ, но сохранитъ свое блестящее положеніе. Какъ ни утомляетъ воображеніе подобная перспектива, но она напрашивается вопреки разсудку. Мнѣ кажется, что если есть что нибудь уже рѣшенное, то развѣ только между Россіей, Австріей и Пруссіей.

С.-Петербургъ, 3 (15) Марта 1815 г.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я уже имѣлъ честь сообщить вашему сіятельству о необычайномъ событіи въ институтѣ здѣшнихъ Іезуитовъ, событіи, за которымъ могутъ послѣдовать большія перемѣны. Здѣсь ходятъ слухи, что Государь уже отвѣтилъ на донесеніе министра департамента духовныхъ дѣлъ, но содержаніе отвѣта еще скрывается; хотя, по утвержденію нѣкоторыхъ, Государь посмотрѣлъ на все это дѣло, какъ на пустѣйшее. Увидимъ! Броженіе умовъ поуспокоилось, но есть еще люди, спрашивающіе себя, к т о ж е м о г ъ с о в р а т и т ь м о л о д о г о Г о л и ц ы н а? А у самихъ не достаетъ ума и твердости, чтобъ отвѣчать себѣ: „да кто же, какъ не и с т и н а“, побѣждающая весь міръ и не нуждающаяся для этого въ помощи ни Іезуитовъ, ни Доминиканцевъ?

С. Петербургъ, 15 (27) Марта 1815 г.

Въ числѣ воспитанниковъ здѣшнихъ Іезуитовъ былъ шестнадцатилѣтній князь Голицынъ, племянникъ кн. Александра Голицына, министра духовныхъ дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, мѣсто дѣлающее его, послѣ Императора, настоящимъ главою здѣшней церкви, какъ бы Папою. Молодой Голицынъ, по природѣ, очень набоженъ, расположенъ къ молитвѣ и къ нравственной чистотѣ. Онъ очень преданъ Греческому вѣроисповѣданію, вѣрнѣе къ Россійскому, такъ какъ собственно Г р е ч е с к а г о вѣроисповѣданія нѣтъ; ему даже пришло какъ-

Библиотека "Руниверс"

то на умъ склонять одного Іезуита къ переходу въ Православіе, что̀ немало позабавило послѣдняго.

Одинъ изъ его товарищей, нѣкій Михайловъ, обѣдалъ какъ-то въ одномъ домѣ (мнѣ неизвѣстно, у кого именно) и слышалъ тамъ, какъ одинъ изъ гостей держалъ за столомъ рѣчь (очень осторожную, какъ вы увидите) о томъ, что его неудовлетворяетъ ни одна изъ религій въ Россіи, что Протестантская—ничего не стòитъ. Православная—очень мало, а Католическая самая лучшая, но и она не безъ большихъ недостатковъ. Михайловъ передалъ Голицыну все слышанное имъ, это привело послѣдняго въ необыкновенное возбужденіе; онъ сталъ превозносить свою религію, а Католической произнесъ анаѳему. Но вечеромъ, ложась спать, онъ вдругъ почувствовалъ страшныя угрызенія совѣсти, сталъ молиться, бодрствуя и въ концѣ концовъ, по неизвѣстному перелому въ его душѣ съ этого времени онъ сдѣлался Католикомъ. Передаютъ, что какъ-то на урокѣ Закона Божія, который преподаетъ православнымъ воспитанникамъ Русскій священникъ, когда Голицынъ услышалъ его толкованіе на слова Евангелія: Ты еси Петръ, и проч., онъ воскликнулъ: „правота Католиковъ подтверждается этими словами“. Я не могу ручаться вамъ за достовѣрность этого случая; но я доподлинно знаю, что Голицынъ прямо обратился къ двумъ Французскимъ Іезуитамъ, прося ихъ принять его отреченіе. И тотъ и другой отвѣтили ему, какъ были обязаны отвѣчать: „что онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы принять подобное рѣшеніе, и что они не могутъ и слушать его“. Тутъ мнѣнія расходятся: одни говорятъ, что Іезуиты обязаны были предупредить о случившемся дядю—Голицына, другіе не соглашаются съ этимъ. Можно сказать многое и за и противъ въ этомъ случаѣ; но именно потому, что вопросъ спорный, я не осудилъ бы Іезуитовъ, если они говорятъ, что они обязались не совращать никого въ Католичество, но не обязывались упражняться въ ремеслѣ доносчиковъ. Какъ бы то ни было, молодой Голицынъ не остановился на этомъ и объявилъ себя Католикомъ. Другой его дядя, генералъ Кутузовъ, призывалъ его къ себѣ, чтобъ усовѣстить его и между прочимъ сказалъ ему, что за подобный поступокъ по закону отдаютъ въ солдаты. Голицынъ на это возразился очень спокойно: „я буду очень счастливъ, если мнѣ придется быть солдатомъ за такой поступокъ, а еще болѣе счелъ бы себя счастливымъ, еслѝъ меня лишили жизни; но если даже вы меня буде-

Библиотека "Руниверс"

те жечь живымъ, то и тогда мое послѣднее вамъ слово будетъ: я Католикъ!" *)

Это что-то болѣе подходящее къ первымъ вѣкамъ Христіанства, чѣмъ къ XIX вѣку. Послѣ этого Голицына возили къ митрополиту Амвросію, человѣку недалекому; онъ довольно долго говорилъ съ нимъ, съ глазу на глазъ, и когда онъ его вывелъ къ лицамъ сопровождавшимъ его, то добродушно сказалъ имъ: „этотъ молодой человѣкъ сумасшедшій; нечего и возиться съ нимъ". Благоразумнѣе всего слѣдовало бы считать Іезуитовъ совсѣмъ непричастными къ этому обращенію; да и они, начавши свои совращенія съ дѣтей, которыя, конечно, выдали бы ихъ, выказали бы себя нетолько менѣе хитрыми, чѣмъ ихъ считаютъ, но и самыми глупыми людьми; а еслибъ даже они и увлеклись такою отвагою, то конечно не начали бы съ племянника министра духовныхъ дѣлъ. Однакожъ поднялся страшный шумъ противъ нихъ, и этимъ воспользовались считающіе себя ихъ врагами, тогда какъ они враждуютъ совсѣмъ съ другимъ, а ихъ глубокому басу отлично вторили многія дамы, злобствующія на нѣкоторыхъ другихъ дамъ, которыя сильно заподозрѣны въ Католичествѣ и дѣйствительно очень неосторожны. Кн. Александръ попросилъ къ себѣ генерала Іезуитовъ и началъ словами: „благодарю васъ, святой отецъ, за ваши попеченія о моемъ племянникѣ". Разговоръ происходилъ еще до страшнаго удара. Добродушный отецъ, съ своей дѣтской простотой, принялъ это за чистыя деньги и отвѣтилъ князю въ соотвѣтственномъ тонѣ. Но тутъ Голицынъ разошелся и наговорилъ святому отцу много жестокаго, въ чемъ я его виню. Генералъ Іезуитовъ ограничился отвѣтить ему: „князь, вы оскорбляете мою старость". Кн. Александръ безъ всякаго образованія, что онъ самъ признаётъ, такъ что онъ разсуждаетъ объ исповѣданіи хуже, чѣмъ еслибъ я сталъ говорить о Китайскомъ языкѣ; впрочемъ онъ уменъ, справедливъ, благоразуменъ и обязателенъ; сектантскія предубѣжденія, въ настоящемъ случаѣ, увлекли его до нѣкоторой грубости, но въ этомъ нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни достойнаго осужденія. Племянника своего онъ тотчасъ взялъ изъ Іезуитскаго пансіона и отдалъ въ пажи, въ чемъ послѣдовали ему еще нѣкоторыя семейства. Началь-

*) Митрополитъ Филаретъ (тогда епископъ Ревельскій) въ теченіи полугодья ѣздилъ къ молодому князю Голицыну для бесѣдъ о Православіи, но безуспѣшно. Князь уѣхалъ въ Римъ и оттуда возвратился Православнымъ. Такъ передавалъ намъ Московскій владыка и прибавилъ, что бесѣды къ княземъ Голицынымъ дали поводъ къ напечатанію его сочиненія: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ". Князь Александръ Михайловичъ кончилъ вѣкъ свой почтдиректоромъ Царства Польскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ника пажей открыто называютъ атеистомъ. и это однако никого не смущаетъ: всѣ заблуждающіеся дружатъ между собой, видя одного общаго врага, въ истинѣ! Молодого Голицына оставили въ покоѣ, не говоря съ нимъ ни о чемъ: онъ присутствуетъ на богослуженіяхъ своей церкви и слушаетъ уроки Закона Божія. не возражая ни на что, но соблюдаетъ католическіе посты и довольствуется, иногда, однимъ хлѣбомъ, если нѣтъ другой постной пищи. Я разспрашивалъ о немъ одного господина, видающаго его очень часто; онъ говоритъ, что Голицынъ очень любезенъ и что у него какіе-то восторженные глаза. Іезуиты письменно заявили министру вѣроисповѣданій, что отнынѣ они будутъ воспитывать только Католиковъ, а Православныхъ Русскихъ не будутъ принимать. Министръ вошелъ объ этомъ съ докладомъ, въ минуты страшнаго гнѣва, и не приложилъ заявленія Іезуитовъ, чтò новая съ его стороны ошибка. Многіе ожидали, что Императоръ страшно разгнѣвается. Какъ мало же его понимаютъ! Постоянными обманами они сдѣлали его подозрительность безошибочною. и онъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь, присмотрится къ дѣлу, не приступая необдуманно ни къ чему. Я, прямо, не надивлюсь, какъ онъ могъ выработать въ себѣ такую стойкость, такую надъ собою власть, такую религіозность, вмѣстѣ съ широкою вѣротерпимостью, не смотря на то, что, съ дѣтства, былъ окруженъ явными врагами Христіанства и особенно смертельными врагами Католиковъ и Іезуитовъ, этихъ Янычаръ Католической церкви *). Отъ его рѣшенія ожидаютъ значительныхъ послѣдствій.

С.-Петербургъ. 30 Марта (11 Апрѣля) 1815 г.

Тотчасъ по полученіи 7-го Февраля вашей депеши отъ 30 Декабря, я послалъ вашему сіятельству раздобытую мною записку касательно ввоза иностранныхъ товаровъ; по ней мы должны оставить всякую надежду на счетъ шелковыхъ издѣлій Піэмонта. Вы мнѣ писали, что маркизъ Сенъ-Марсанъ хотѣлъ поговорить объ этомъ въ Вѣнѣ съ императоромъ Александромъ и сообщить мнѣ, чтò изъ этого послѣдуетъ. Но его продолжительное молчаніе вынудило меня прямо переговорить съ гр. Гурьевымъ, здѣшнимъ министромъ финансовъ, котораго я имѣю честь знать коротко. Онъ сказалъ мнѣ, что Государь ничего не писалъ ему на счетъ этого и что къ тому же запретительные законы общіе для всѣхъ государствъ, одинаковые. Всѣ жаждутъ новаго тарифа: но все теперь откладывается до окончанія конгресса; а когда онъ кончится, кто это вѣдаетъ?

*) Янычарами папства называлъ Іезуитовъ, полвѣка спустя, и Герценъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ, 28 Апрѣля (10 Мая) 1815 г.

Я получилъ письмо вашего сіятельства, отъ 27-го Февраля, съ приложеннымъ къ нему письмомъ маркиза Массіито. Я не премину сдѣлать по немъ все, что вы желаете, какъ только Его Величество вернется; а до этого я могу подготовить дѣло, предварительно переговоривъ о немъ. Но когда же наконецъ Россія, такъ долго остающаяся на положеніи вдовы, дождется возвращенія своего супруга? Неслыханныя въ исторіи событія, вѣроятно, еще на долго отодвинутъ его возвращеніе. Россія, конечно, сильно страдаетъ отъ его отсутствія: однако, все спокойно, и это спокойствіе заставляетъ глубоко призадуматься надъ тѣмъ, цѣною чего оно дается: только рабство, большей части всего населенія дѣлаетъ возможнымъ такое спокойствіе! Еслибъ каждый здѣсь воленъ былъ дѣлать что хочетъ, не добиться-бы тогда порядка по нынѣшнимъ временамъ. Надѣюсь, что Императоръ доставитъ намъ больше славы, чѣмъ въ 1813 г. Послѣ сдѣланнаго имъ опыта надъ людьми и дѣлами и послѣ такого полнаго довѣрія къ нему со стороны всѣхъ націй, онъ имѣетъ все, чтобъ завершить начатое, оставаясь общей связью всей коалиціи. Вы увидите, графъ, посмотрѣвъ ближе, что такое собственно вся тяжба между Александромъ и Наполеономъ: слава одного изъ нихъ должна остаться въ рукахъ другаго.

С.-Петербургъ, 11 (23) Мая 1815 г.

По указу Государя, всѣ плѣнные Французы, еще не выѣхавшіе, по общему порядку, задерживаются въ Россіи, что вполнѣ справедливо, такъ какъ Франціи вернули слишкомъ уже много солдатъ; но относительно пользы, которую бы могли принесть эти ничтожные остатки, я такой не вижу; и эти бѣдные плѣнные будутъ страдать, а ни Россіи, ни Европѣ они не принесутъ никакой пользы.

С.-Петербургъ, 22 Мая (3 Іюня) 1815 г.

Гр. Виттенштейнъ, назначенный командовать резервами, попросилъ на это отставку: тогда его назначили въ дѣйствующія войска, и онъ двинулся къ границѣ. Гвардіи повелѣно выступать, такъ что черезъ нѣсколько дней я снова буду разлученъ съ сыномъ моимъ, что одинаково чувствительно и сердцу, и карману. Но, кажется, дѣло не дойдетъ до войны. Удивительное состояніе Россіи составило бы предметъ глубокихъ размышленій, отъ которыхъ воздерживаюсь, боясь дойти до размѣровъ цѣлой книги. О новомъ тарифѣ ничего не слышно, все откладывается до возвращенія Императора. Генералъ Обрѣзковъ, начальникъ департамента таможенъ, предложилъ 26-го числа кавалеру Рейберти должность съ 2.500 р. оклада, при квартирѣ и двухъ слугахъ (что очень важно). Но, такъ какъ эта должность судейская, то Рейберти отказался.

Библиотека "Руниверс"

боясь сдѣлать какую нибудь несправедливость, не хорошо понявъ говорящихъ. А между тѣмъ, онъ удивительно хорошо выучился по русски, только еще слухъ его не легко улавливаетъ Русскую рѣчь. Онъ не сдался даже на увѣреніе, что около него всегда будутъ люди, говорящіе по французски. Конечно его сочтутъ за сумашедшаго, по здѣшнимъ понятіямъ о добросовѣстности: но я нахожу, что онъ поступилъ отлично. Я еще не видѣлъ его послѣ его отказа, о которомъ узналъ стороною; но мнѣ хочется поставить его поступокъ на видъ вашему сіятельству.

С. Петербургъ, 14 (26) Іюня 1815 г.

Нѣкоторые разговоры о торговлѣ вернули меня къ вопросу о винахъ. Я крайне удивленъ, что мы еще ничего не предпринимаемъ съ ними. Мнѣ кажется, что еслибъ даже и наши вина скислись, при доставкѣ ихъ сюда, и намъ пришлось бы ихъ продавать какъ уксусъ, то и тогда мы выгодали-бы на нихъ. Теперь, что Генуя принадлежитъ нашему королю, намъ легко бы сдѣлать подобную пробу съ винами Сардиніи, особенно же съ винами Ниццы, и даже съ Піэмонтскими. Пошлина, около 80 рублей (т. е., приблизительно, около 75 фр., по настоящему курсу), за 240 бутылокъ. Но, если ввозъ нашихъ винъ станетъ значительнымъ, я увѣренъ, что здѣшнее правительство сдѣлаетъ намъ немало облегченій. Русскимъ выгодно, чтобы въ ихъ портахъ вино продавалось дешевле, и всякій негоціантъ, доставляющій имъ вино, одолжаетъ ихъ. Къ тому-же Русскіе знаютъ, что мы ихъ любимъ, и они всячески будутъ способствовать намъ по множеству на то причинъ. Масло оливковое изъ Сардиніи и Ниццы слѣдовало бы также принять въ расчетъ.

Въ послѣднее Воскресеніе 10 (22) читали, по польски, въ католической церкви, манифестъ Государя къ народу, по случаю войны; въ немъ только общія соображенія, вызываемыя всегда по этому поводу. О Польшѣ ни слова, но манифестъ этотъ былъ переданъ Государемъ одному изъ Поляковъ, какъ это и слѣдовало, по занимаемому имъ мѣсту. Я уже сообщалъ вашему сіятельству о недовольствѣ Русскихъ за частичное даже возстановленіе Польши. Два сильнѣйшихъ двигателя сердецъ: національная гордость и интересъ побуждаютъ ихъ противиться этому возрожденію Польши. У всякаго народа свои понятія, оспаривать которыя безполезно. Замѣчательно въ этомъ, что сами Поляки также недовольны, потому что расчитывали на большее!

Кто здѣсь совсѣмъ изводится въ продолжительномъ ожиданіи Государя, это Персидскій посолъ. Большимъ для него утѣшеніемъ служилъ Великобританскій посланникъ въ Персіи Ауслей, тоже поджидавшій здѣсь Государя, по его знанію Персидскаго языка и другихъ восточ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ языковъ, и по ихъ хорошимъ отношеніямъ еще въ Персіи. Но Ауслей не могъ оставаться долѣе и только что уѣхалъ съ женою, въ Лондонъ. Персидскій посолъ понимаетъ Англійскій языкъ и порядочно объясняется на немъ, но тѣмъ не менѣе его никто не посѣщаетъ и никто имъ не занимается. Говорятъ, что онъ очень жалуется и что у него были какія-то недоразумѣнія, относительно этикета, съ тайнымъ совѣтникомъ Вейдемейеромъ, заступающимъ канцлера въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, *во время отсутствія канцлера, который здѣсь.* Г-нъ Вейдемейеръ воплощенная вѣжливость, но, когда ему нужно предпринять что либо, онъ такъ долго обсуждаетъ свое рѣшеніе, что ждущему его оно кажется слишкомъ продолжительнымъ: впрочемъ, у него основательныя причины на свои права и требованія. Трудно себѣ представить, что̀ такое Россія безъ своего повелителя!

Здѣсь канцлеръ пользуется тѣмъ, чего такъ добиваются многіе государственные люди, или дѣлаютъ видъ, что добиваются, *otium cum dignitate.* Онъ даетъ большіе обѣды, на которые приглашаетъ во фракахъ. Я никогда не присоединялся къ кричавшимъ противъ него, въ извѣстную эпоху, потому, что я никогда не считалъ его за Русскаго императора: каждый государь знаетъ, какъ ему поступать, и министръ, держащійся мыслей своего повелителя, всегда правъ: я даже вижу геройство жертвовать, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, своей системой и склонностями. Во времена Коленкура, я слышалъ какъ говорили: *лучше подать въ отставку, чѣмъ быть привѣтливымъ съ подобнымъ господиномъ!* Да, но это легко только на словахъ. Нечего, впрочемъ, и толковать объ этомъ. Государь доказалъ, въ 1812 и 1813 гг., что, когда нужно, онъ способенъ и на нѣчто другое, чѣмъ любезности.

Г-нъ де-Ноайль готовится къ своему отъѣзду, который я объясняю себѣ его отозваніемъ. Ни Испанскаго, ни Австрійскаго, ни Португальскаго посланниковъ нѣтъ здѣсь. Англійскій посолъ и посланники Швеціи, Даніи и Виртемберга, если еще не въ главной квартирѣ, то не замедлятъ своимъ туда прибытіемъ; милордъ Вальполь тоже готовится выѣхать, такъ что я надѣюсь въ скоромъ времени быть самымъ богатымъ иностраннымъ министромъ въ этой богатой и блестящей столицѣ! Возвращаюсь къ предмету, съ котораго началъ. Я бы очень желалъ получить списокъ нашихъ отечественныхъ произведеній, на которыя можно ожидать здѣсь большой спросъ. Я подумалъ о сырцѣ, о парчахъ, о бархатѣ, о шеколадѣ, и проч. Я бы попросилъ ваше сіятельство ознакомить меня покороче съ этой частью и заняться спеціально винами. Курсъ все такой же низкій: червонецъ стоитъ 13 рубл. (а нарицательная цѣна—3). Громадное число отбывающихъ офицеровъ новое бѣдствіе для ихъ семействъ и для государства, такъ какъ на это нужны

Библиотека "Руниверс"

наличныя деньги. Уже Кабинетъ его величества не платитъ золотомъ, и это даже по пенсіямъ, установленнымъ на золото, но свято придерживаются курса, платя ассигнаціями. Жаловаться не имѣютъ права. Къ бѣдствіямъ отъ цѣпей, наложенныхъ на торговлю, и отъ расходовъ на военныя надобности, присоединяются еще и другія, какъ слѣдствія разныхъ продѣлокъ, монополій и проч., а все это происходитъ отъ того, что машина безъ главнаго двигателя*). Цѣны на все подымаются до невѣроятія; прямо не знаютъ, какъ существовать.

Персидскому послу дали почетный караулъ, какъ бы принцу: это по восточному этикету и не имѣетъ никакого значенія для крещеныхъ министровъ; согласно восточному-же обычаю, онъ на полномъ содержаніи Государя; столъ его обходится 25 т. р. въ мѣсяцъ. Любопытно видѣть, какъ лица, въ вѣдѣніи которыхъ это громадное управленіе, умѣютъ извлекать себѣ пользу. Зрѣлище презабавное. Не въ одной Латинской церкви говорится: ad utilitatem quoque nostram....

С. Петербургъ, 13 (25) Іюля 1815 г.

Установленъ новый титулъ для Польскихъ владѣній а именно титулъ: „*Царя*“. Государь именуется, *царемъ Казанскимъ*, *Астраханскимъ*, *Польскимъ*, *Сибирскимъ и Таврическимъ*. Однакожъ, Поляки говорятъ и пишутъ на своемъ языкѣ: „*король и королевство*“, и имъ въ этомъ не мѣшаютъ; а объ своей конституціи они говорятъ открыто. Я не имѣю никакого понятія, изъ чего будетъ состоять это королевство. Русскіе, какъ я уже говорилъ вашему сіятельству, очень озлоблены противъ Польши, такъ какъ они спекулировали ея землями, это во первыхъ, а потомъ они чувствуютъ себя приниженными этой конституціей, до которой ихъ будто считаютъ недоросшими. Пользуясь случаемъ, они строго осуждаютъ характеръ и нравы Поляковъ, что, дѣйствительно, достойно осужденія. Какъ постыдны и жалки существующіе у нихъ разводы: пока будетъ существовать подобное злоупотребленіе, нація эта будетъ достойна презрѣнія. Государь вполнѣ властенъ прекратить его. Но довольно объ этомъ предметѣ, чисто историческомъ для насъ, а не затрогивающемъ насъ прямо.

С. Петербургъ, 27 Іюля (8 Авг.) 1815 г.

23 Іюля (4 Августа) мы всѣ были собраны въ Казанскомъ соборѣ на благодарственномъ молебствіи, по случаю благополучнаго Его Вели-

*) Этимъ воспоминаются тогдашніе стихи князя П. А. Вяземскаго:

У насъ *авось*,
Россіи ось,
Крутитъ, вертитъ,
А кучеръ спитъ.

Плодилось общее неудовольствіе. Государь почти два года не жилъ въ Россіи, и подготовлялось 14 Декабря. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

чества вступленія въ Парижъ. Во время богослуженія послышался легкій шумъ, и мы увидѣли входящаго, въ дорожномъ костюмѣ гр. С..., генералъ-адъютанта Императора: вслѣдъ затѣмъ всѣ стали, со всѣхъ сторонъ, сообщать другъ другу: „онъ схваченъ, онъ схваченъ, онъ схваченъ"! Оберъ-гофмаршалъ, гр. Толстой, приблизился къ Императрицѣ и доложилъ ей что-то, отъ чего ея лице засіяло радостію: она подозвала Французскаго посланника и сообщила ему о захватѣ Наполеона у острова Ре. Никогда подобное извѣстіе не могло придти такъ кстати; нѣкоторые позволили себѣ говорить, что это все нарочно было такъ подогнано; но хотя бы и такъ, что же бы тутъ было предосудительнаго? Вчера ея величество говорила намъ, что это чисто *счастливое совпаденіе*, и мы, послѣ ея словъ, не сомнѣваемся въ этомъ. Кажется, графъ, что теперь мы присутствуемъ при послѣднемъ дѣйствіи.

Вчера, въ Воскресенье, 25-го Іюля (6 Авг.), ея величество удостоило меня съ женой моей и дочерьми приглашеніемъ провесть у нея день въ Павловскѣ. Такъ какъ дипломатическій корпусъ никогда не бываетъ въ Павловскѣ, то это случай исключительный. Не безъ труда удалось мнѣ, въ двое сутокъ, сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія, которыхъ, по этикету, немало: обѣдаютъ дамы въ длинныхъ платьяхъ, а вечеромъ, для катанья, требуются другія. Намъ, по милостивому распоряженію ея величества, были отведены очень удобные покои, для туалета моихъ дамъ. Согласно давно установленному правилу, приглашаютъ только состоящихъ въ званіи посланниковъ, такъ что, кромѣ Французскаго посла, былъ только Англійскій посланникъ и я. Въ 3 часа ея величество вышла къ намъ и удостоила бесѣдою, а затѣмъ начался обѣдъ. Столъ былъ въ видѣ большой подковы: посерединѣ стола изволили сидѣть: ея величество Императрица, вел. кн. Анна Павловна, принцесса Виртембергская и герцогъ Ольденбургскій: иностранные министры заняли мѣста противъ высочайшихъ особъ; кажется, было отъ 80 до 100 персонъ. Послѣ кофе всѣ разошлись, а въ половинѣ седьмаго всѣ дамы вернулись въ круглыхъ платьяхъ и шляпахъ, для катанья въ придворныхъ экипажахъ. Императрица пригласила въ свой экипажъ, съ вел. княгинями, Французскаго посла: во второмъ помѣстили, съ одной статсъ-дамой и фрейлиной, мою жену и дочерей, посланниковъ Англійскаго и Сардинскаго, кн. Лобанова Ростовскаго и гр. Аракчеева; въ прочіе экипажи сѣли, какъ пришлось. Насъ привезли къ такъ называемому „Павильону Розъ", прелестное мѣстечко, созданное волшебною палочкой ея величества, и особенно замѣчательное удивительными декораціями, сдѣланными Итальянскимъ художникомъ Гонзаго. Онъ представилъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ павильона, между деревьевъ, деревню, гостинницу, церковь, колонаду и проч.; но такъ

Библиотека "Руниверс"

все живо, что не вѣришь своимъ глазамъ, или вѣрнѣе, вынужденъ вѣрить имъ.

Вернулись мы въ томъ-же порядкѣ. Всѣ клумбы въ саду Ея Величества были изъ лилій, которыя распустились въ одинъ день. Государыня обратилась къ гр. Ноалю со словами: „Вы видите, графъ, какъ мы любимъ лилiи? Ужинъ подали рано, и на круглыхъ столахъ, знакомыхъ вашему сіятельству; я не мало былъ удивленъ, узнавши отъ моихъ людей, на счетъ ѣды которыхъ я самъ распорядился, что, по приказанію Ея Величества, ихъ всѣхъ отлично угостили. Около двухъ часовъ, я уже былъ въ Петербургѣ. Нельзя ничего желать лучше изящнаго убранства въ Павловскѣ покоевъ и стола, богатства фруктовъ, быстроты и ловкости прислуги. Но что̀ удивительнѣе всего, это любезная обходительность Ея Величества. Во время ужина, она подходила ко всѣмъ столамъ, удостоивая многихъ разговоромъ и не допускала, чтобъ вставали передъ нею. Французскій посолъ откланялся послѣ ужина; онъ пользуется хорошею погодою, чтобъ поѣхать въ Парижъ, за женой. Но вернется-ли еще онъ? Кажется мнѣ, что тамъ не все упрочилось.

Не зная, доходятъ-ли до Турина Англійскія газеты, я прилагаю здѣсь предерзкую статью изъ „Morning-Chronicle“.

„Morning Chronicle“, 29 Іюня.

„На имѣющемъ быть конгрессѣ, для окончательнаго устройства Франціи, вліяніе Англіи будетъ много сильнѣе, чѣмъ въ 1814 г. Тогда Александръ принялъ очень рѣзкій тонъ, на основаніи оказанной имъ дѣятельной поддержки. Въ настоящее же время ни Австрія, ни Россія подобныхъ основаній не имѣютъ. Ихъ взаимная зависть помѣшала ихъ стараніямъ. Поговаривали даже, что возвращеніе Государя было отложено изъ за открытаго трактата, между Франціей, Англіей и Австріей, которымъ они обязывались взаимно поддерживать другъ друга, при будущихъ успѣхахъ Россіи въ Польшѣ. Наполеонъ нашелъ этотъ трактатъ въ Тюльери, въ столѣ, и послалъ его Александру, въ прошломъ Апрѣлѣ. Вотъ и причина отсрочекъ Императора, которыя удерживали и Австрію. На письмо Людовика XVIII, писанное по прибытіи его въ Гентъ, Александръ отвѣтилъ кратко и холодно, и до памятнаго 18-го числа роялисты не расчитывали на помощь Русскихъ“.

Ваше сіятельство найдете, можетъ быть, что авторъ замѣтки двояко ошибается, такъ какъ личность Александра, безъ сомнѣнія, для Французовъ самая пріятная, и добрые живые Русскіе, которыхъ онъ можетъ всюду двинуть, конечно, подѣйствуютъ больше, чѣмъ трупы съ поля Ватерлоо!

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ 6 (18) Авг. 1815 г.

Мнѣнія относительно свободы торговли раздѣлились. Меня увѣряютъ, что, въ Государственномъ Совѣтѣ только одинъ Кочубей за нее. Я уже писалъ вашему сіятельству, что упрямство и національная гордость играютъ здѣсь большую роль при обсужденіи этого вопроса.

Отъѣздъ гр. Ноаля хотятъ непремѣнно истолковать тѣмъ, что онъ не понравился Императору; но я не допускаю, чтобъ сей послѣдній могъ составить себѣ окончательное понятіе о человѣкѣ послѣ одной или двухъ встрѣчъ съ нимъ. Вѣрнѣе всего, что графъ имѣетъ намѣреніе съѣздить за женой и вернуться сюда съ нею. Но, по нынѣшнимъ временамъ, когда государи не могутъ давать объясненій своимъ поступкамъ, нельзя ни за что ручаться. Сообщу вамъ, кстати, маленькій анекдотъ о графѣ Ноалѣ.

Въ день праздника, въ Павловскѣ, который я описывалъ вамъ, графъ Ноаль, послѣ ужина, подошелъ къ Императрицѣ и безъ всякихъ предвареній просить ея приказаній въ Парижъ. Императрица такъ была удивлена, что сразу не поняла его, и спросила, не посылаетъ-ли онъ туда курьера? „Нѣтъ, Ваше Величество, а самъ туда ѣду". Вы легко себѣ вообразите, какъ на всѣ манеры разукрасили подобное безцеремонное обращеніе. Но много-ли нашлось снисходительныхъ людей, чтобъ истолковать себѣ это, просто, незнаніемъ этикета? Людямъ, не бывшимъ во Франціи, за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, трудно себѣ представить, какая тамъ произошла перемѣна въ умахъ послѣ революціи. Понятія, для насъ самыя обыкновенныя, совсѣмъ чужды многимъ Французамъ, не смотря на носимыя ими фамиліи. Я всегда считалъ гр. Ноаля прямымъ, добрымъ, благочестивымъ и даже образованнымъ: жалѣю только, что онъ не знаетъ, какъ испрашиваютъ прощальную аудіенцію.

С. Петербургъ, 24 Августа (5 Сентября) 1815 г.

Всѣ Англійскія газеты полны очевидными доказательствами сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ Бонапартъ на всѣ умы. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ его предадутъ суду: по другимъ, ему ничего не было обѣщано при его сдачѣ. Дай Богъ, чтобъ эти слухи подтвердились. Графъ Агліе сообщилъ вамъ, вѣрно, всѣ подробности о немъ, такъ что я ограничусь замѣчаніемъ, что если начинаютъ дѣйствовать, не выяснивъ себѣ чего хотятъ, то происходитъ много страннаго. Когда Бонапарту пришлось переходить съ „Беллорофола" на Нортумберландъ. Англійскій капитанъ спросилъ у него: Генералъ, когда вамъ будетъ угодно перейти на мой корабль?—Бонапарта страшно оскорбило слово генералъ. Онъ отвѣтилъ: завтра, въ 10 часовъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ ужъ что можно назвать погрѣшностью по всѣмъ статьямъ, слѣдовало обратиться къ нему со словами либо: „ваше величество, когда вамъ угодно пожаловать на „Нортумберландъ?“ или же: генералъ, будьте готовы къ отплытію, завтра въ 10 часовъ!“

С.-Петербургъ. 14 (26) Сентября 1815 г.

На счетъ возвращенія Государя вы, вѣроятно, освѣдомлены лучше моего. Въ обществѣ держится слухъ, что онъ поѣдетъ въ Италію, но люди хорошо во все посвященные опровергаютъ это. Отсутствіе Императора приводитъ всѣхъ въ большое нетерпѣніе; но мнѣ любопытно бы знать, почему тѣ самые люди, которые восхищаются Петромъ I въ Саардамѣ, не относятся такъ же къ Александру, занятому вещами посущественнѣе, чѣмъ пиленіе досокъ и вбиваніе гвоздей? Не знаю, ошибаюсь-ли я, но мнѣ сдается, что Императору, по его пути, неизбѣжно попадалось много Европейскихъ понятій, которыя не пошли бы его искать въ Россіи; а важно, чтобъ понятія эти твердо проникли въ умъ такого значительнаго Государя.

Замѣтьте, графъ, что, наблюдаемое нами, въ настоящее время, въ Россіи, немыслимо въ какой нибудь другой странѣ; говорятъ, что такое полное спокойствіе народа, при настоящихъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ честь его характеру; ни у кого, полагаю, нѣтъ меньше моего охоты оспаривать добрыя качества Русскаго народа, который, по природѣ добръ, покоренъ, гостепріименъ, безъ малѣйшей кровожадности и проч.; однакожъ, я считаю совершенно невозможнымъ, чтобъ сорокъ милліоновъ свободныхъ людей могли бы два года обходиться безъ своего главы. Слишкомъ много волей пришло бы въ движеніе. Только при зависимости, въ которой находится большая часть населенія, и возможно подобное необычайное явленіе; даже самъ Императоръ, при всемъ своемъ умѣніи и силѣ, не смогъ бы, по моему, справиться съ такой массою свободныхъ людей. Я много писалъ по поводу этого пока для себя одного и пришелъ къ убѣжденію, что желающіе отмѣны здѣсь крѣпостнаго права тѣмъ самымъ приведутъ страну къ раздорамъ. Впрочемъ, здѣсь это право совсѣмъ не то, какимъ его всюду себѣ представляютъ. Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, и оно имѣетъ свои невыгодныя стороны; но, зато и большія преимущества и выгоды, съ которыми нужно считаться, при обсужденіи этого права.

Трудно выразить, до какой степени занимаетъ меня Россія въ настоящее время. Ошибаются здѣсь тѣ, которые считаютъ, что теперь 1815 годъ: мы всецѣло въ XVI столѣтіи, и вѣрнѣе бы считать себя въ

Библиотека "Руниверс"

1515 г. Просвѣщеніе уже недалеко и готовится къ своему первому подвигу, схвативъ вѣру за горло. Торжество протестанства надъ тѣмъ духовенствомъ, которое понимаетъ по латыни или по французски, поразительно; но, къ удивленію, это больше замѣчается иностранцами, чѣмъ самими Русскими. Религіозное движеніе, волнующее всю Европу, подходитъ и сюда и нѣкоторыхъ повергаетъ въ страхъ. Много говорятъ о Греческой церкви, но такой, кромѣ, какъ въ Греціи, нигдѣ нѣтъ. Русская церковь на столько же можетъ считаться Греческой, какъ Сирійской или Армянской. Вздумай Константинопольскій патріархъ прислать сюда какой нибудь указъ, его сочли бы за сумашедшаго. и совершенно справедливо.

Церковь Русская стоитъ совершенно особо, подъ главенствомъ гражданскимъ, какъ церковь въ Англіи. И вотъ, при подобномъ положеніи вещей, Библейское Общество пожаловало сюда закинуть свои сѣти. Вы меня очень одолжили бы, сказавъ мнѣ. извѣстно-ли это общество въ Піэмонтѣ или по сосѣдству съ нимъ? Народилось это общество въ Лондонѣ, и цѣль его: сдѣлать переводъ всего Священнаго Писанія на всѣ языки міра, распространять его чтеніе, даже въ лавочкахъ, и безъ всякихъ толкованій, т. е. по системѣ. совершенно противоположной нашей. Общество это израсходовало, въ прошломъ году, 42 т-чи ф. стерлинговъ. Появившаяся тутъ одна изъ его колоній тотчасъ же была принята, такъ какъ Русскіе еще больше Французовъ (съ которыми у нихъ есть нѣкоторое сходство въ характерахъ) падки на новости; въ числѣ членовъ общества есть люди очень значительные, какъ. напр., оба митрополита: и Русскій, и Католическій. Я себѣ объясняю это желаніемъ ихъ польстить Государю, котораго они воображаютъ расположеннымъ къ Библейскому Обществу; но, говоря правду, засѣдая тамъ, они имѣютъ прежалкій видъ. Министръ духовныхъ дѣлъ предложилъ генералу Іезуитовъ вступить въ это общество, но тотъ почтительно отказался. Кажется очевиднымъ, что Библейское Общество орудіе Соцініанское, выдвинутое для ниспроверженія общества церковнаго. Англиканская церковь забила тревогу, и нѣкоторые епископы сочли долгомъ выступить противъ общества съ торжественными пастырскими посланіями. Я прочиталъ по этому предмету много любопытныхъ Англійскихъ книгъ. Но здѣсь не чуютъ никакой опасности. Католики тоже принимаютъ участіе въ этомъ общемъ движеніи; ихъ упрекаютъ въ прирожденномъ рвеніи ихъ обращать въ свою вѣру, при чемъ. не хотятъ поразмыслить ни о сущности, ни о послѣдствіяхъ такой врожденной черты ихъ. Іезуитовъ страшно здѣсь строго судятъ. Кн. Александръ Голицынъ, о которомъ я уже писалъ вашему сіятельству, въ большихъ тревогахъ. Онъ вѣрный слуга

Библиотека "Руниверс"

Императора, человѣкъ достойный уваженія, и совсѣмъ не злой, но недостаточно свѣдующій, по занимаемому имъ мѣсту и не могущій предвидѣть того, что̀ готовится Европѣ. Впрочемъ, Императоръ сдѣлается скоро, самъ главою надъ 10 милліонами Католиковъ (число, которое найдется только у трехъ или четырехъ владѣтелей въ Европѣ) и какъ тогда такому министру быть посредникомъ между Императоромъ и такимъ количествомъ Католиковъ? Необходимъ посредникъ одинаковаго исповѣданія, иначе дѣло пойдетъ плохо, чему уже есть доказательство; и происходитъ это не отъ недостатка добросовѣстности Голицына, а отъ того, что нѣкоторыя изъ его понятій, которыя мы предоставляемъ ему считать справедливыми относительно его самого, тѣмъ не менѣе для насъ ложны и опасны.

Интересно увидѣть, какъ Императоръ распутаетъ эти различныя притязанія, послѣ того, что онъ столькому научился, за послѣднее время. Мое долговременное здѣсь пребываніе и тѣ добрыя отношенія, которыми я здѣсь пользовался, сдѣлали меня какъ бы Русскимъ, и я принимаю живѣйшее участіе во всемъ касающемся Россіи. Иностранцы причинили ей много вреда, отравляли ее, злословили на нее, обольщали ее или оскорбляли; я хотѣлъ бы, насколько это мнѣ возможно, отнестись къ ней совершенно по другому, и я увѣренъ, что, съ любовью и уваженіемъ, Россіи можно высказать много хорошаго. А пока я счелъ, что будетъ не лишнимъ дать вашему сіятельству бѣглый очеркъ ея настоящаго состоянія, по самой интересной части.

С. Петербургъ, 28 Сент. (10 Окт.) 1815 г.

Только что получено печальное извѣстіе о пожарѣ, уничтожившемъ до тла богатый городъ Казань; полторы тысячи домовъ и 18 церквей сдѣлались жертвою пламени; есть вѣскія основанія отнести это бѣдствіе къ злому умыслу, а не къ несчастной случайности, и много уже произведено арестовъ. Я слышалъ, что подозрѣваютъ въ поджогѣ ратниковъ, очень недовольныхъ тѣмъ, что ихъ не распустили по ихъ возвращеніи; а еще и раскольниковъ. Это родъ сектантовъ между простонародіемъ, въ родѣ того, что̀ иллюминаты среди высшихъ слоевъ общества. Здѣсь насчитываютъ до 40 различныхъ сектъ; нѣкоторыя совсѣмъ безъ всякаго смысла, другія—преступныя, но всѣ до крайности упорныя и фанатическія. Протестанты, съ одной стороны, и раскольники съ другой: вотъ тѣ двѣ пилы, которыя распатываютъ здѣсь религію, одна сверху, другая снизу, и онѣ, неминуемо, должны скоро встрѣтиться. Я впрочемъ не понимаю, какая выгода раскольникамъ жечь города, и на что̀ они могутъ жаловаться; правительство, хотя и обращаетъ на нихъ большое вниманіе, но пока не принимало

Библиотека "Руниверс"

противъ нихъ никакихъ мѣръ строгости, что вполнѣ похвально. Смѣшно и грустно видѣть поддержку Библейскаго Общества и его распространеніе, въ странѣ, гдѣ нелѣпое толкованіе, на простонародномъ языкѣ, нѣкоторыхъ текстовъ Св. Писанія породило опасную и сумасбродную секту раскольниковъ!

Много несчастныхъ сдѣлалъ бывшій здѣсь три дня тому назадъ большой пожаръ; у одного негоціанта сгорѣло сахару на сто тысячъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобъ и этотъ пожаръ приписывали злому умыслу; но несомнѣнно, что въ Россіи цѣлыя шайки поджигателей. Не считая Москвы, сгорѣвшей какъ Геркулесъ, еще три города выгорѣли, въ самый короткій срокъ: Тамбовъ, Саратовъ и Кіевъ. Какой это демонъ руководитъ этими бѣснующимися? Дай Богъ, чтобъ всѣ Русскіе могли поскорѣе собраться во едино и чтобъ прикосновеніе къ зачумленнымъ не причинило имъ вреда. Мнѣ такъ пріятно слышать, какъ Русскихъ хвалятъ во Франціи, за одно съ ихъ Государемъ: но здѣсь необходимъ глазъ главы дома. Не думаю, чтобъ эта великая нація могла еще долго оставаться въ своемъ настоящемъ положеніи. То что уже сдѣлано, что будетъ сдѣлано, что надлежитъ сдѣлать и что возможно сдѣлать, вотъ четыре неизсякаемыя темы для размышленій. Я не могу касаться этого предмета безъ содраганія соединеннаго съ нѣжностію.

Цѣны на все подымаются, здѣсь до невѣроятія. Португальскій посланникъ платитъ за свое помѣщеніе двадцать тысячъ въ годъ. И все въ такомъ же соотвѣтствіи. Просто, не знаешь, до чего это дойдетъ. А пока, я изнываю подъ бременемъ моего здѣсь положенія.

С. Петербургъ, 26 Окт. (7 Ноября) 1815 г.

Здѣсь много толкуютъ о конвенціи, заключенной, въ Парижѣ 14 (26) Октября, между ихъ Величествами Императоромъ Русскимъ и Австрійскимъ и Королемъ Прусскимъ. По этой конвенціи, отнынѣ навсегда знаменитой, они признаютъ себя какъ бы братьями, и главами трехъ великихъ христіанскихъ семей, составляющихъ одну единую. Вы очень удивитесь, ваше сіятельство, если еще не читали этого договора, что въ немъ буквально написано: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, Предвѣчное Слово. Слава Отца. Сокровище любви!“ Онъ еще не объявленъ, но его читали въ Гатчинѣ, при всемъ обществѣ Императрицы-матери, получившей его отъ своего Августѣйшаго сына. Я спрашивалъ у одного изъ присутствовавшихъ при этомъ чтеніи, есть-ли въ этой конвенціи какія нибудь постановленія; не обязались-ли напр., монархи поддерживать религію вооруженной силой? Ничуть. Это просто что у насъ въ судахъ

Библиотека "Руниверс"

называется разъяснительной декларацiей! Это какъ бы ихъ исповѣданiе вѣры, не скрѣпленное однакожъ ни однимъ министромъ (что̀ слѣдуетъ замѣтить). Редактировалъ этотъ актъ никто другой, какъ Императоръ Александръ, который пишетъ съ такой же легкостью, какъ и съ изяществомъ; покрайней мѣрѣ, онъ подписался на немъ послѣднимъ, что̀ уже было бы достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ его составлялъ, не будь другихъ, еще болѣе убѣдительныхъ.

Надъ цѣликомъ перенесенными въ политику изреченiями изъ Символа Вѣры и даже изъ литургiи, религiозная Европа разразится смѣхомъ. А пока нѣкоторые смѣются, другiе думаютъ и пишутъ.

Европѣ не избѣжать большой религiозной революцiи, и она уже очень недалека; это знаютъ тѣ, кто занимается извѣстными изслѣдованiями. Декларацiя, о которой я вамъ только что говорилъ, одна изъ ея фазъ; въ недалекомъ будущемъ она сдѣлается безполезной, но, въ настоящую минуту далеко нѣтъ; напротивъ, она очень большаго значенiя и произведетъ громадное впечатлѣнiе. Она составлена ни въ Греческомъ, ни Католическомъ, ни въ Протестанскомъ духѣ; въ ней совершенно особенный духъ, который я изучаю тридцать лѣтъ. Я забылъ вамъ сказать, что всѣмъ прочимъ государямъ предложено присоединиться къ этой декларацiи. Я ея еще самъ не читалъ, поэтому на счетъ послѣдняго пункта, не могу имѣть мнѣнiя; но думаю, что, въ общемъ, она вѣротерпима, т. е. что называется: „богословской терпимостью“; но я не могу еще сказать, какъ широко распространитъ эту терпимость Его Величество. Кажется мнѣ, что стремятся къ соединенiю всѣхъ религiй.

Замѣчательное явленiе, что люди больше всего опасающiеся здѣсь католичества, и ненавидящiе его, относительно протестанства не чувствуютъ ничего подобнаго, что и доказываетъ ясно, что религiя и разумъ тутъ не при чемъ. Еслибы посовѣтовались съ ними, то не отдали бы предпочтенiя системѣ, ниспровергающей почти всѣ догматы, противъ той системы, которая сохраняетъ ихъ всѣ, предлагая прибавить къ нимъ лишь одинъ новый.

безъ числа.

Съ перваго числа настоящаго мѣсяца (н. ст.) въ столицу послѣдовательно прибыли: Ихъ Императорскiя Высочества: в. кн. Екатерина Павловна, вдова принца Георга Гольштейнъ Ольденбургскаго, вел. кн. Марiя Павловна съ супругомъ, наслѣднымъ принцомъ Саксенъ-Веймарскимъ, в. кн. Николай и Михаилъ, и, наконецъ, царствующая Императрица, прибывшая послѣ всѣхъ, 12-го числа. На другой день, т. е.

Библиотека "Руниверс"

13 (н. ст.) великая душа возсоединилась наконецъ. съ своимъ великимъ тѣломъ. Императоръ пріѣхалъ, около 11-ти часовъ вечера. Послѣ остановки въ Казанскомъ соборѣ, онъ отправился къ августѣйшей супругѣ своей, вмѣстѣ съ ней посѣтилъ Императрицу мать, отъ которой и вернулся съ ней же. Не смотря на то, что Императоръ легъ только въ два часа, въ 8-мь, онъ уже былъ въ саняхъ; осмотрѣлъ экзерцисгаусъ, присутствовалъ на парадѣ и проч.: посѣтилъ больного предсѣдателя Государственнаго Совѣта, фельдмаршала Салтыкова; въ 10 ч. принялъ митрополита, и т. д. однимъ словомъ, все пошло по старому, съ удивительной точностью. Государь, съ твердостію и милостію, снова взялъ въ свои руки, начавшія ослабѣвать бразды правленія! Я увѣренъ, что онъ пріобрѣлъ много опыта и свѣдѣній, отъ которыхъ Россія очень выиграетъ, такъ что сопровождавшееся такою славой отсутствіе ея монарха, послужитъ ей на пользу.

Въ Европѣ за исключеніемъ Короля Французскаго, нѣтъ ни одного Государя изъ того народа, которымъ онъ властвуетъ, есть даже знаменитая народность, гдѣ всякое иностранное поколѣніе исчезаетъ какъ скоро къ нему привыкнутъ—это Англія. И ею послѣдовательно управляли государи изъ Нѣмцевъ, изъ Датчанъ, Норманновъ, Шотландцевъ, потомъ опять Нѣмцевъ и теперь вы видите, что сіе послѣднее поколѣніе открыто готово изчезнуть.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, царствующій домъ чужероденъ. Когда Филиппъ V вступилъ на Испанскій престолъ, его находили Французомъ, но никто въ настоящее время не вздумаетъ сказать, что Фердинандъ VII не Испанецъ: амальгама вышла полная. Въ Россіи не такъ. Здѣсь не царствующему дому сливаться съ народомъ, а напротивъ, народъ долженъ дать себя привлечь къ Императорскому дому. Отъ этого и возможно, что отличный Русскій государь еще нѣкоторое время менѣе оцѣнится своими подданными, чѣмъ иностранцами, такъ какъ онъ еще не достаточно пропитался особенными понятіями, вѣрованіями, мнѣніями, образомъ жизни и предразсудками своей страны.

С.-Петербургъ, 14 (26) Декабря 1815 г.

10-го числа текущаго мѣсяца, прибылъ сюда наслѣдный принцъ Оранскій. Императрица-мать благословена въ женахъ, и сердцу ея нечего уже желать. Бракосочетаніе Ея Имп. Выс. вдовствующей принцессы Ольденбургской, Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ состоится, какъ предполагаютъ, въ первыхъ числахъ Января. Затѣмъ, будетъ свадьба вел. кн. Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ. Бракъ в. кн. Николая Павловича откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ за молодости принцессы Прусской.

Библиотека "Руниверс"

Вчера, 12-го (24-го), день рожденія Его Величества былъ отпразднованъ съ особенною торжественностію. Во дворцѣ былъ выходъ, а вечеромъ балъ и ужинъ на 800 человѣкъ, какъ увѣряютъ. Персидскому послу передали отъ Государя, что если этикетъ его двора позволяетъ ему присутствовать на балѣ, до его торжественнаго пріема, то это предоставляется его волѣ. Онъ воспользовался позволеніемъ и былъ на балѣ. Для восточнаго человѣка было очень удивительно видѣть это смѣшеніе обоихъ половъ, такое множество барышень и дамъ, разодѣтыхъ такъ богато и такъ немногимъ, подхваченныхъ молодыми людьми за талію и вертящихся въ вальсѣ, по громадной залѣ, точно волчки.

Посолъ привелъ сюда трехъ слоновъ, изъ которыхъ одинъ, изъ предосторожности, палъ въ дорогѣ, такъ какъ эта страна совсѣмъ не подходитъ для слоновъ. Для двухъ оставшихся сдѣлали деревянную обувь, чтобъ они могли безопасно ступать по землѣ. Говорятъ, каждый изъ этихъ сапоговъ стоилъ 100 р. Персидскій посолъ, какъ и прочіе, ужиналъ за царскимъ столомъ. Англійскій посланникъ былъ съ тремя дочерьми, были кромѣ того, герцогиня де-Серра-Капріола съ дочерью, будущей гр. Апраксиной, госпожа де-Солданъ, жена моя и три дочери мои. Особенно много было мужчинъ, по случаю пріѣхавшихъ съ принцами камергеровъ, генераловъ и др. Ужинали въ залѣ, открываемой только въ особенныхъ случаяхъ. Столы были накрыты между цвѣтущими померанцевыми деревьями.

Посольства Виртембергское и Голландское уже составлены. Ожидаютъ, что и Баварское не замедлитъ. Все это на самую широкую ногу. Командиръ Солданъ тотчасъ же, по прибытіи своемъ, хотѣлъ слѣдовать правиламъ, выработаннымъ въ Вѣнѣ, относительно мѣстъ пословъ. Я сказалъ ему, что отъ моего двора я не получалъ никакихъ инструкцій и что отъ здѣшняго тоже никакихъ официальныхъ сообщеній: однако командиръ продолжалъ уступать мнѣ первенство. Въ сущности, новыя правила чрезвычайно разумны, такъ какъ хронологическій порядокъ предупреждаетъ всякія недоразумѣнія: зная, заранѣе свои мѣста, всѣ чувствуютъ себя ловко.

С.-Петербургъ, 16 (28) Декабря 1815 г.

Обыкновенно, по праздникамъ, Государыни Императрицы не принимаютъ желающихъ имѣть честь быть имъ представленными, и подобныя представленія всегда бываютъ днемъ; и не смотря на это, царствующая Императрица соблаговолила, въ послѣднее Воскресеніе, 12 (24) числа, допустить мою жену и обѣихъ дочерей быть ей пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленными въ 7 ч. вечера, дабы они тотчасъ за этимъ могли быть на балу и на ужинѣ. Я, только нѣсколько дней спустя, узналъ, что это было исключительно милостивое вниманіе Ея Величества. До этого я не былъ посвященъ въ этикетъ представленія дамъ.

С.-Петербургъ, 21 Декабря 1815 г. (2 Января 1816 г.)

Отрываюсь на минуту отъ тревогъ сегодняшняго дня, чтобъ сообщить вашему сіятельству о событіи, которое отзовется по всей Европѣ. Сегодня, утромъ Петербургскій губернаторъ, генералъ Вязмитиновъ, арестовалъ, по высочайшему указу, всѣхъ Іезуитовъ; часовые поставлены по всѣмъ дворамъ и коридорамъ дома, и даже у дверей каждаго монаха: сегодня вечеромъ, какъ говорятъ, ихъ всѣхъ увезутъ, неизвѣстно куда. Увѣряютъ, что опала распространится на весь орденъ, даже и въ Польшѣ. Здѣшнихъ іезуитовъ обвиняютъ въ совращеніи многихъ въ католичество, и въ томъ, что они проповѣдуютъ, что для спасенія, можетъ быть—только одна истинная религія. Совершенная правда, что очень много знати перешло въ католичество, но Іезуиты такъ же причастны къ этому, какъ къ восходу солнца, сегодня утромъ. Они уже 40 лѣтъ въ Россіи: какимъ же чудомъ, до 1815 г. ихъ не заподозрѣли въ совращеніи хотя бы одного Русскаго?

Поэтому, я и не считаю Іезуитовъ виновными въ бывшихъ здѣсь обращеніяхъ; они радовались имъ, одобряли ихъ, но и только. Впрочемъ доказывать все это безполезно. Приговоръ, по заведенному здѣсь порядку, тотчасъ приведенъ въ исполненіе. Отцы Іезуиты будутъ лишены возможности представить какое нибудь оправданіе въ свою защиту. Никто изъ ихъ друзей не былъ къ нимъ допущенъ и не могъ имъ оказать никакой помощи. Ихъ повезутъ въ открытыхъ саняхъ, какъ я слышалъ и это въ Январѣ! А есть-ли у нихъ шубы, успѣли ли они хоть сколько нибудь приготовиться? Старые и слабые перемрутъ въ дорогѣ. Но я разсчитываю на человѣколюбіе Государя и, до завтра, воздержусь считать что либо рѣшеннымъ.

Странное дѣло: когда Государи Католики, безсознательно подчиняясь духу времени, изгнали Іезуитовъ, Россія приняла ихъ; теперь же, когда умудренные опытомъ они призываютъ ихъ опять къ себѣ. Россія изгоняетъ ихъ, какъ будто возвращая намъ данное ей на сохраненіе!

Возбужденіе умовъ и нелѣпость подозрѣній на счетъ совращеній дошли до того, что меня самого подозрѣвали въ томъ, что я многихъ обратилъ въ Католичество, въ высшемъ кругу общества. По безпочвенности подобныхъ подозрѣній я сужу и о взводимыхъ на Іезуитовъ обвиненіяхъ. У меня никогда и въ мысляхъ не было говорить съ кѣмъ

Библиотека "Руниверс"

нибудь изъ Русскихъ противъ ихъ религіи, да и одно уже мое положеніе, какъ посланника, не позволило-бы мнѣ предпринять что либо подобное. Впрочемъ, меня здѣсь никогда и не считали опаснымъ, изъ чего я заключаю, что и тутъ, какъ и у Протестантовъ, произошла перемѣна умовъ. Событіе, о которомъ я только что повѣствовалъ вашему сіятельству, еще новая причина, побуждающая меня покинуть Россію, не смотря на то, что я такъ съ ней сроднился. Но человѣку, имѣющему семью, необходима полная свобода совѣсти, а нашу религію упразднили, здѣсь на дѣлѣ.

Государь при возвращеніи своемъ останавливался, на нѣсколько дней въ Варшавѣ. Нужно-ли говорить, какъ тамъ старались выказать ему чувство радости, преданности и благоговѣнія? Поляки воздвигли очень красивую тріумфальную арку, на одной сторонѣ которой былъ стихъ изъ Горація:

Hic ames dici pater atque princeps!

а на другой—слѣдующія слова изъ Виргилія:

Expectate, veni!
Sacra Suosque tibi commendat Troa penates.

Трудно бы придумать болѣе удачныя и значащія надписи, какъ эти двѣ, особенно вторая. Дай Господи, чтобъ Государь поймалъ Поляковъ на первомъ словѣ стиха, воскресилъ бы ихъ религію и чтобъ добрый геній открылъ ему пути къ достиженію сего и къ устраненію препятствій мѣшающихъ сему. Духъ разрушенія уже подулъ въ сторону Польши и коснулся даже среды епископовъ.

Государя такъ же ждали здѣсь, какъ дождя послѣ тропической жары; впрочемъ, его присутствіе не менѣе нужно и въ другихъ мѣстахъ. Кто не жилъ въ Россіи, тому невозможно понять, что̀ такое для нея Императоръ, одно имя котораго—ея конституція: и, какъ узнать, не самая-ли это лучшая для нея?

Во время своего пребыванія въ Варшавѣ, Государь возстановилъ орденъ Бѣлаго Орла и пожаловалъ его нѣсколькимъ лицамъ.

Теперь Его Величеству придется заняться предметами первой важности: арміей, асигнаціями, гражданскимъ устройствомъ, законами и религіей, на что обращены пытливые взоры всѣхъ.

Вчера Императоръ легъ въ три часа, а въ шесть отправился уже осматривать всѣ военные госпитали. Такой дѣятельный духъ, не имѣй онъ для выполненія всѣхъ своихъ потребностей такого желѣзнаго тѣла, остался бы безплоднымъ.

Библиотека "Руниверс"

С. Петербургъ 24-ое Дек. 1815 (5-ое Января) 1816.

Посылаю вамъ указъ Его Величества объ упраздненіи Петербургской Іезуитской коллегіи. Съ какою-бы грустію ни читали его нѣкоторыя лица, они все же найдутъ въ немъ кое что и для восхваленія Императора: каждая строка указа выражаетъ его гнѣвъ на Іезуитовъ; а, между тѣмъ, онъ не изгоняетъ ихъ изъ Россіи, а только воспрещаетъ жительство въ обѣихъ столицахъ; за такое смягченіе ихъ участи, нельзя не воздать ему должное.

Если ваше сіятельство примете во вниманіе, что Императоръ, болѣе всѣхъ другихъ государей, былъ предубѣжденъ противъ Іезуитовъ, которыхъ однако онъ терпѣлъ 14 лѣтъ, единственно изъ неувѣренности въ самомъ себѣ и изъ уваженія къ чужому мнѣнію, то вы согласитесь со мной, что даже въ этомъ неожиданномъ приговорѣ видны и доброта, и спокойствіе. Способъ, какимъ его привели въ исполненіе, осуждается даже самими Русскими, не смотря на то, что самъ приговоръ имъ по душѣ. Между властью карающей и обвиненнымъ не было ни судей, ни защитниковъ, ни обвинителей: все по военному. Очень вѣроятно, что Государь, этимъ такъ внезапно разразившимся, ударомъ хотѣлъ успокоить массу возбужденныхъ умовъ, не причиняя однако никакого вреда Іезуитамъ, которые не претерпѣли ни отъ кого дурнаго обращенія. Какъ я и предполагалъ, ихъ снабдили шубами, теплыми сапогами и усадили въ кибитки, экипажъ хотя и открытый, но въ которомъ можно усѣсться очень удобно.

Свиданія съ ними не разрѣшилъ Императоръ, въ предупрежденіе неминуемо происшедшихъ бы, при прощаніи, всякихъ сценъ. Увезли ихъ въ ночь, съ 22-го на 23-ье (ст. ст.) въ 3 ч. утра.

Указъ писалъ адмиралъ Шишковъ, добрый и простой старикъ, извѣстный глубокимъ знаніемъ своего языка, но совсѣмъ неспособный передавать своимъ перомъ мысли Русскаго Императора. Внесеніе въ дипломатическіе акты текстовъ изъ Св. Писанія, такъ не понравившееся въ Европѣ, введено имъ. Конечно, токай вино чудесное, но не льютъ же его въ супъ.

Въ этомъ же указѣ очень благоразумное распоряженіе о призывѣ другаго ордена для управленія Католической церковью, которая, въ рукахъ свѣтскаго духовенства, не замедлила бы сдѣлаться тѣмъ разбойническимъ мѣстомъ, какимъ она была до Іезуитовъ. Вмѣсто нихъ приглашены Доминиканцы; на мой вопросъ объ нихъ, мнѣ отвѣтили: „это Польскіе мужики“. Но люди всегда склонны и думать и говорить дурное. Какъ бы то ни было, Католической церкви нанесенъ смертельный ударъ, и общество вспомоществованія неимущимъ, безъ

Библиотека "Руниверс"

различія религій, почти что перестало существовать. Я увѣренъ, что Императору это извѣстно, что онъ скорбитъ, но вынужденъ уступить государственной необходимости. Онъ знаетъ, по исторіи, что̀ такое религіозныя войны, и совершенно правъ, опасаясь ихъ.

Русскому духовенству указъ, отъ 20 Декабря, наноситъ страшный ударъ; оно, само по себѣ, не имѣетъ здѣсь никакой ни жизни, ни власти, ни уваженія; оно ничего не знаетъ, молчитъ и бездѣйствуетъ. Ни одинъ невѣрующій не нападалъ на Восточную церковь, а послѣдняя никогда не выступала въ бой за свои догмы. Протестанство, Социніанизмъ и Иллюминаты, которые добились, чтобъ къ ихъ рѣчамъ прислушивались на верхахъ, вотъ кто, болѣе чѣмъ когда либо, дружно и сильно, нападаетъ на всѣхъ вѣрующихъ. А мы, какъ Альпійскія ели, стоимъ, задерживая снѣжныя лавины, а если, насъ уничтожатъ, онѣ немедленно все погребутъ подъ собой. И такъ Русскую церковь охраняли Іезуиты.

С. Петербургъ, 31 Декабря 1815 (12 Января 1816).

О знаменитой декларации, подписанной 14 (26) Сентября въ Парижѣ, Императорами Россіи и Австріи, и королемъ Прусскимъ, забыли окончательно, и, казалось, не хотѣли и говорить объ ней; какъ вдругъ ее напечатали официально, по русски и по французски, и она у меня сейчасъ передъ глазами. Ей не дали никакого названія, да и трудно подыскать подходящее, которымъ бы объяснялись ея духъ и цѣль. Одна старая статсъ-дама нашла ее слишкомъ мистической. По II-му параграфу этой декларации, всѣ три монарха признаютъ себя членами одной и той же христіанской семьи, состоящей изъ трехъ вѣтвей. Но мы только что видѣли, какія происходятъ неудобства, когда одному изъ этихъ братьевъ захотѣлось принять религію другаго! Значитъ, единство семьи еще не доказано и требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Въ этомъ же параграфѣ стоятъ знаменательныя слова, которыя я уже приводилъ вашему сіятельству, со словъ одного слушавшаго чтеніе декларации въ Гатчинѣ. Слова эти въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ невѣріемъ или съ религіознымъ равнодушіемъ нашего вѣка. Я не могу оторвать глазъ отъ конца Декларации, гдѣ вы прочтете: „съ подлиннымъ вѣрно, Александръ“. Вотъ ужъ, дѣйствительно приличный секретарь. Во всемъ этомъ дѣлѣ есть сторона трогательная и достойная уваженія, независимо отъ всякихъ вопросовъ о настоящемъ духѣ этой христіанской конвенціи, духѣ достаточно сильномъ, въ настоящее время, чтобъ подчинять себѣ монарховъ; правда, онъ работаетъ, самъ того не подозрѣвая, только для другой власти.

Библиотека "Руниверс"

Въ бывшемъ у меня съ Нессельроде разговорѣ, онъ передалъ мнѣ слова Императора, по поводу Іезуитовъ, очень кратко и вполнѣ вѣжливо. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ попросить канцлера увѣрить Императора моимъ честнымъ словомъ, что я никогда не покушался на религію его подданныхъ; но если-бы, случайно, кто нибудь изъ нихъ повѣрилъ мнѣ свои сомнѣнія въ ней, моя совѣсть и честность не допустили бы меня сказать ему, что онъ не правъ. Я присоединилъ къ моимъ объясненіямъ самыя горячія и искреннія увѣренія въ моей почтительной преданности къ Его Величеству. По этой части я очень краснорѣчивъ, такъ какъ мои уста глаголятъ отъ избытка чувствъ. Я вполнѣ увѣренъ, что мои слова дошли до Государя, во всей ихъ искренности и полнотѣ.

Могу увѣрить ваше сіятельство, что, при настоящихъ нападкахъ враговъ на Русскую церковь, теперь ужъ не о Греческой рѣчь, каждый изъ которыхъ, даже отдѣльно взятый, восторжествуетъ надъ нею; сохранить ее, такъ же невозможно, какъ восковую фигуру, въ жерлѣ кратера.

Настоящему положенію Русской арміи никогда не было ничего подобнаго. Ея наличный составъ въ 560,000, а въ запасѣ, 180,000 одной пѣхоты, при 80,000 кавалеріи; все изъ самой красивой молодежи, нисколько не смущающейся милліономъ убитыхъ, по меньшей мѣрѣ. Вотъ отличные уполномоченные на конгресѣ! Когда подумаешь, что у Петра I всего войска, было только 30,000, а императоръ Августъ весь тогда извѣстный міръ держалъ съ 400,000 войска, спрашиваешь себя, до чего насъ доведетъ такое прогрессивное увеличеніе военной силы?

Вамъ приходилось много слышать объ иллюминатахъ. Я очень хорошо освѣдомленъ на счетъ того, какими путями они достигли до Августѣйшаго составителя конвенціи: дѣло не обошлось и тутъ безъ женщинъ. Иллюминаты и были вдохновителями Парижской конвенціи, особенно въ странныхъ словахъ 1-го параграфа, прогремѣвшихъ по всей Европѣ. Кто-то недавно замѣтилъ, смѣясь, что въ ней обойденъ Св. Духъ, о которомъ не упомянуто. Но, тутъ не до шутокъ. Подобными иллюминатами наполнены Петербургъ и Москва. Обратили-ли вы вниманіе, что конвенція не названа никакъ; я нахожу, что по слѣдующей причинѣ ей и нельзя найти названіе: высокія особы, подписавшія ее, не знаютъ насколько простираются виды впушавшихъ ее, а послѣдніе остереглись, конечно, высказаться ясно.

Еслибъ духъ, говорящій въ этомъ курьезномъ документѣ, не скрывалъ своихъ замысловъ, то мы бы увидѣли на немъ слѣдующій заго-

Библиотека "Руниверс"

ловокъ: „Конвеція, по которой всѣ ее подписавшіе признаютъ, что всѣ христіане составляютъ одну семью, исповѣдующую одну и ту же вѣру; а что ихъ различныя наименованія, не имѣютъ никакого значенія.

Смыслъ конвеціи теменъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ она говоритъ, что Монархи царствуютъ только Божіею милостью. Вашему сіятельству, конечно, интересно бы знать, одобрилъ-ли Августѣйшій редакторъ догматы, и понялъ ли онъ чего они добиваются отъ него? Но, я ничего не имѣю сказать на счетъ этого, такъ какъ говорю только то, что̀ знаю. По многимъ сопоставленіямъ, мнѣ сдается, однако, что онъ никогда не имѣлъ дѣла съ какимъ нибудь ученымъ Католикомъ и что ему неизвѣстна вся философская и духовная сторона Католической церкви.

Не могу не замѣтить, что приговоръ надъ Іезуитами наилучшее противоядіе отъ опасныхъ выводовъ, которые могли быть сдѣланы изъ содержанія конвенціи. На той же недѣлѣ, въ которой, по ея напечатаніи, Русскіе, Пруссаки и Австрійцы объявлены христіанами одной и той же семьи, на Іезуитовъ разразились громы и молніи, за то, что они предложили нѣсколькимъ Русскимъ перейти въ религію Австрійцевъ; отъ этого далеко до всемірной церкви и до трансцедентальнаго христіанства. Въ указѣ 31-го Декабря сказано: „что Россія искони вѣковъ покоится на Греческой религіи, какъ на непоколебимой скалѣ“. Зачѣмъ и спрашивать тутъ, какая же это несокрушимая основа, которую могутъ поколебать три-четыре Іезуита, едва прикоснувшись къ ней пальцемъ.

С. Петербургъ, 18 (30) Января 1816 г.

Въ Среду 12-го (24-го), была отпразднована свадьба великой княгини Екатерины Павловны, вдовствующей принцессы Ольденбургской, съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Вѣнчаніе, по православному обряду въ церкви, при дворцѣ, предшествовало вѣнчанію по Лютеранскому обряду въ такъ называемой Бѣлой мраморной залѣ, гдѣ устроили подобіе алтаря. Покойный принцъ Ольденбургскій удовольствовался домашней церемоніей; но настоящій супругъ потребовалъ самой большой торжественности, присутствія всего двора и дипломатическаго корпуса. Екатерина Павловна, какъ великая княгиня, приноситъ въ приданое милліонъ наличными деньгами; къ этому Императоръ даетъ ей еще два милліона за Аничковскій дворецъ, который она возвращаетъ, и за землю, которую она должна была получить въ Тверской губ. Кромѣ того, у нея 60,000 душъ, полученныя ею изъ удѣловъ, при ея первомъ бракѣ. Она половину изъ нихъ отдаетъ своимъ

Библиотека "Руниверс"

двумъ сыновьямъ. Вотъ какъ богаты Русскія великія княжны! Ничего подобнаго не найти въ Европѣ, даже и въ самомъ Виртембергѣ!

Два Доминиканца, призванные для совершенія службъ въ здѣшней Католической церкви, уже прибыли сюда. Одинъ изъ нихъ епископъ по указанію; я не понимаю, что этимъ обозначается. Пока дѣла наши идутъ все къ худшему; но только время позволитъ судить объ этомъ справедливо. Призваніе монашескаго же ордена вмѣсто изгнаннаго дѣло высокой мудрости: нужно подождать послѣдствій.

Іезуиты прибыли въ Полоцкъ на шестой день, 28; ихъ сопровождалъ, въ дорогѣ одинъ подполковникъ и съ ними обращались отлично, что я отношу всецѣло къ благородству чувствъ Государя, какъ я уже имѣлъ честь говорить на счетъ этого вашему сіятельству, по поводу мягкости приговора. Я еще недавно, въ одномъ домѣ говорилъ, что ни въ какую эпоху дѣлу не кончиться бы такъ тихо. Петръ I, говорилъ я, обезглавилъ бы всѣхъ Іезуитовъ, а въ наше время Павелъ I сослалъ бы ихъ въ Сибирь, и т. д. Справедливость совмѣстили и съ недовольствіемъ.

Большое несчастіе для Католиковъ, что у нихъ нѣтъ ни представителя ихъ, ни защитника передъ Императоромъ, у котораго однако 10 милліоновъ подданныхъ католиковъ. Малѣйшая ихъ надобность не иначе доходитъ до него, какъ черезъ лицо открыто враждебное ихъ вѣры и совершенно незнакомое съ ихъ нуждами, для умѣлаго управленія ими. Мысли эти такъ просты и такъ очевидны, что, рано или поздно, онѣ непремѣнно сами встануть передъ прямымъ и безпристрастнымъ окомъ Государя. Дополните эту картину представленіемъ себѣ архіерея *), которому за восемьдесятъ лѣтъ, бывшаго протестанта и кавалериста (чѣмъ бы ему и слѣдовало оставаться), и Вы поймете, каково наше положеніе!

С. Петербургъ, 29 Февраля (12 Марта) 1816 г.

Безъ сомнѣнія, Россія представляетъ въ настоящее время, зрѣлище чрезвычайно интересное. Ея повелителю извѣстны всѣ ея недуги, и онъ очень желаетъ исцѣлить ихъ. Вообще, съ его возвращеніемъ въ управленіи стало больше строгости, а у мастера, если можно такъ выразиться, нѣкоторое неудовольствіе на инструменты, которые не хорошо ему служатъ.

Мы только что видѣли нѣчто очень удивившее иностранцевъ, тогда какъ здѣсь этому никто не удивляется: три адмирала и пять или четыре генерала, очень уже почтеннаго возраста и бывшіе не

*) Сестренцевича Богуша. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

у дѣлъ, сдѣланы сенаторами, на подобіе того что̀ называется у насъ въ Піэмонтѣ „*jubilation*“. Старѣйшій изъ этихъ господъ, адмиралъ Гатъ (Англичанинъ) сталъ указывать министру юстиціи на свои годы, на свою глухоту, на свое полное незнакомство съ судопроизводствомъ и на многое другое. Министръ возразилъ ему на это, что тутъ дѣло не въ познаніяхъ, что Его Величество расчитываетъ на его усердіе, неподкупность и здравый смыслъ! „Въ такомъ случаѣ“, замѣтилъ Гатъ, „что же мѣшаетъ Государю назначить васъ начальникомъ эскадры“? Я самъ не слышалъ этого, а передаю съ чужихъ словъ.

Новымъ указомъ, всѣ штабъ-офицеры, не отправляющіе никакихъ обязанностей, въ настоящее время, лишаются своего жалованья: что̀ дасть экономіи тыс. пятьсотъ. Въ принципѣ, это можетъ и справедливо: но что̀ станется со многими несчастными, у которыхъ только и было жалованье для существованія? Впрочемъ, иностранцу, не имѣющему необходимыхъ свѣдѣній, трудно судить о такой мѣрѣ.

Но вотъ еще указъ, очень важный на счетъ винныхъ откупщиковъ, которые, взявши на себя большія обязательства передъ казной, должны были представить соотвѣтствующія имъ обезпеченія. При всемъ ихъ богатствѣ, откупщики не могли найти у себя достаточно залоговъ. Они придумали слѣдующее: обращаются къ какому нибудь помѣщику, имѣющему тысячу душъ, напр. и говорятъ ему: ваша тысяча душъ приноситъ вамъ двадцать тыс. дохода, согласитесь дать намъ ихъ для представленія въ залогъ по нашимъ поставкамъ, и мы будемъ платить вамъ тридцать тыс.

Помѣщикъ, зная состоятельность, честность и дѣловитость откупщиковъ, охотно соглашается на подобную сдѣлку. Нельзя сказать, чтобъ подобный способъ увеличенія своего дохода былъ особенно благороденъ, но онъ принятъ здѣсь, и бо̀льшая часть помѣщиковъ, или, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ нихъ дали свои имѣнія откупщикамъ для залоговъ. А, теперь, оказалась за ними громадная недоимка—(кто говоритъ въ 20 милл., кто въ 50),—накопившаяся вслѣдствіе тяжелыхъ временъ, или черезъ послабленія, дѣлаемыя имъ покровителями ихъ, а вѣрнѣе всего, по небрежности царящей здѣсь во всемъ. Можете судить, какъ этотъ указъ, предписывающій, чтобъ въ трехъ-мѣсячный срокъ всѣ недоимки были внесены, сразилъ откупщиковъ и какъ онъ отразится и на залогодателяхъ. Говорятъ многихъ потревожатъ, и всѣ уже теперь въ волненіяхъ. Но и въ этомъ указѣ я вижу только справедливость.

Общественное настроеніе и министерство все въ томъ же положеніи, о которомъ я вамъ писалъ.

Библиотека "Руниверс"

Никто изъ министровъ не приступилъ къ отправленію своихъ обыкновенныхъ обязанностей. Аракчееву оставлено прежнее главенство. Я думаю, что Его Величество хочетъ, безъ всякихъ предварительныхъ законовъ, испробовать новое устройство правленія съ первымъ министромъ (премьеромъ). Министерство Иностранныхъ Дѣлъ безъ всякихъ перемѣнъ; гр. Нессельроде засѣдаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ; гр. Каподистріа и онъ имѣютъ свои канцеляріи, у нихъ есть внутренняя лѣстница для сообщеній, и они ходятъ вмѣстѣ къ Государю съ докладами.

Но ни о чемъ такъ не говорятъ, какъ объ положеніи войска. Оно не менѣе милліона человѣкъ, и, хотя Россія, обладаетъ средствами много болѣе значительными противъ прочихъ государствъ, тѣмъ не менѣе расходъ на войско громадный, и, силою вещей, онъ неминуемо еще болѣе увеличится, если не сдѣлаютъ сокращеній въ его численности, такъ какъ военнымъ физически становится невозможнымъ существовать. Недавно, одинъ молодой офицеръ говорилъ: „я получаю 1.200 р. жалованья; изъ нихъ на пару эполетъ трачу 200 р., а чтобъ имѣть всегда свѣжія, при дворѣ и въ обществѣ, мнѣ ихъ нужно полдюжины въ годъ. Разсчетъ коротокъ“. Но что̀ уже много печальнѣе, это положеніе тѣхъ офицеровъ, которые живутъ только на жалованье: мнѣ говорили, что многіе изъ нихъ, для сбереженія мундировъ своихъ, никуда не выходятъ, кромѣ какъ на службу, а остальное время сидятъ въ наброшенныхъ на себя шинеляхъ, на подобіе отцовъ—Траписторъ. Повторяю, что у Россіи средства, какихъ не найдете нигдѣ; а все же мнѣ интересно посмотрѣть на то, что̀ произойдетъ въ ней.

Императоръ сталъ очень строгъ, даже суровъ, сильно всѣхъ преслѣдуетъ. Его недовольство оправдывается злоупотребленіями, но тѣмъ не менѣе это несчастье. Успѣхъ, который онъ имѣлъ внѣ своего государства, преисполнилъ его такой самонадѣянностью, что онъ уже ни въ чемъ не сомнѣвается. Не допусти его Господь зайти слишкомъ далеко! Я продолжаю его любить, какъ нашего единственнаго друга. Австрія, та хочетъ все захватить сама, или черезъ своихъ принцевъ.

С. Петербургъ, 11-ое (23) Марта 1816 г.

Я уже имѣлъ честь объяснять вамъ, что милостивыя слова Императора, на данной мнѣ аудіенціи, не успокоили меня, такъ какъ я отнесъ ихъ больше къ общепринятой любезности монарховъ. Сдѣланная мною, затѣмъ, проба не оставляетъ никакихъ больше сомнѣній въ моихъ сомнѣніяхъ. Я написалъ гр. Каподистріа, вполнѣ посвященному въ мои дѣла, конфиденціальное письмо, 2-го

Библиотека "Руниверс"

числа сего мѣсяца; освѣжая въ его памяти тѣ двѣ причины, по которымъ я вынужденъ оставить мое мѣсто.—и о которыхъ излишне было бы повторять, привожу, поэтому, только конецъ моего письма.

„Что касается до моего содержанія, то это дѣло между моимъ королемъ и мною. Онъ знаетъ какъ ему поступить, и я счелъ бы преступленіемъ противъ деликатности, позволивъ себѣ просить Императора посодѣйствовать улучшенію моего положенія. Но могу ли я, не грѣша противъ скромности, надѣяться, что Его Величество соблаговолитъ поручить своему представителю въ Туринѣ засвидѣтельствовать королю, что я не имѣлъ несчастія заслужить неудовольствіе Императора и что мое рѣшеніе оставить мое мѣсто здѣсь вызвано единственно имущественными обстоятельствами?“ Не смотря на то, что письмо это читано человѣкомъ добрымъ и благожелательнымъ, оно оставлено безъ отвѣта, изъ чего я вывожу, что этимъ молчаніемъ мнѣ даютъ понять, что немилость къ Іезуитамъ распространяется и на меня. Я увѣренъ, что его величество король такъ же истолкуетъ себѣ это молчаніе. Я счелъ долгомъ сдѣлать ему извѣстными малѣйшія подробности этого обстоятельства.

Указъ на счетъ откупщиковъ идетъ своимъ чередомъ. Толковъ о немъ бездна. На дняхъ, меня увѣряли, что, вслѣдствіе этого указа, 360 помѣщиковъ разорены окончательно (отчего бы ужъ не 365?). Но какъ вѣрить этому числу, до министерскаго разслѣдованія? Жена бывшаго посла въ Туринѣ, княгиня Юсупова потеряетъ около милліона. Многіе говорили мнѣ: „Я совсѣмъ разоренъ“, я не очень-то впрочемъ, довѣряю такимъ рѣчамъ! Но, я слышалъ, что законъ о взысканіи недоимокъ ничего не сдѣлаетъ, или по крайней мѣрѣ не приведетъ къ тому, чего ждутъ къ назначенному сроку, такъ какъ имѣнія, до продажи, будутъ годъ подъ запрещеніемъ, а затѣмъ, три публикаціи о торгахъ, должны быть сдѣланы одна отъ другой, съ извѣстнымъ промежуткомъ времени: какой именно, мнѣ не могли сказать. Но во 1-хъ правительство расчитывало не на продажу имѣній, а на деньги, которыя внесутъ, чтобъ предотвратить оную: во 2-хъ, правительство можетъ и подождать всей недоимки, а 30 или 40 милліоновъ всегда пригодятся, когда ихъ принесутъ, въ 3-хъ если Императоръ издалъ указъ только для того, чтобъ отучить дворянство отъ подобнаго низкаго ростовщическаго способа обогащенія, то и въ этомъ отношеніи онъ нравственно поступилъ бы еще лучше чѣмъ по расчетамъ государственнымъ. Подумайте только, сколько подобныхъ залогодателей, вынужденныхъ покровителей откупщиковъ, чтобъ не сказать соучастниковъ, найдется на самыхъ высокихъ постахъ, въ Сенатѣ, между губернаторами, и даже въ Совѣтѣ Его Величества,

Библиотека "Руниверс"

и Вамъ станетъ ясно, какого значенія этотъ указъ. Вообще, Государь хочетъ ввести систему строгости, что не преминутъ, какъ всегда, найти жестокимъ; но состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Россію, по своемъ возвращеніи, нуждалось, для своего исцѣленія, въ рукѣ, даже болѣе чѣмъ твердой.

Новый тарифъ подписанъ вчера.

С. Петербургъ, 21 Марта (2 Апрѣля) 1816 г.

Третьяго дня, 19 Марта (31), въ славную годовщину вступленія въ Парижъ, мы насладились великолѣпнымъ зрѣлищемъ! 40 тыс. Императорской гвардіи прошли парадомъ, по Дворцовой площади и смежнымъ съ нею улицамъ, продѣлывая разныя передвиженія, и присутствовали при молебствіи, совершенномъ высшимъ духовенствомъ, на помостѣ, нарочно устроенномъ для сего по фасаду дворца, съ которымъ онъ сообщался внутреннимъ проходомъ.

30 тыс. великолѣпной пѣхоты стояли плотными каре на площади, кавалерія заняла улицы. Государь прибылъ въ двѣнадцатомъ часу, окруженный великими князьями братьями своими и адъютантами. Дружное Ура прокатилось, мгновенно по всей площади; затѣмъ, онъ поздоровался съ арміей (вполнѣ можно сказать съ „арміей“) обычнымъ привѣтствіемъ „здорово ребята!“ на что 30 тыс. человѣкъ отвѣтили: „здравія желаемъ, Ваше Величество!“ Погода была дивная, хотя и холодная, и солнечные лучи, освѣщая эту дивную картину, вызвали въ моей старой памяти стихъ Тасса:

Abiti, fregi, imperse, arme e colori
D'oro e diferro, al sol, lampi e tulgori

Государь сошелъ съ лошади и направился къ помосту-террасѣ, вмѣстѣ съ Императрицами и нѣкоторыми высшими чинами двора. Священники приступили къ молебствію, при чемъ вся армія обнажила головы. По окончаніи молебствія, Государь снова сѣлъ на лошадь и пропустилъ мимо себя всю пѣхоту и кавалерію. Послѣ парада, всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, бывшимъ при вступленіи въ Парижъ, и небольшому числу другихъ лицъ, изъ генералъ-адъютантовъ и почетныхъ военныхъ изъ иностранцевъ, былъ предложенъ великолѣпный обѣдъ на 800 приборовъ. Столы были размѣщены въ трехъ залахъ: въ Георгіевской, въ Бѣлой и Фрейлинской. Я имѣлъ возможность полюбоваться сервировкой и убранствомъ столовъ, когда, утромъ этого дня, приходилъ на мое мѣсто. Масса всевозможныхъ фруктовъ, особенно много апельсиновъ и винограду, красовались на всѣхъ столахъ.

Столовый сервизъ, очень подходящій къ настоящему празднеству, сдѣланъ на Русской фабрикѣ; онъ фаянсовый, напоминающій то, что

Библиотека "Руниверс"

мы называемъ Англійская глина Уэджвудъ. На каждой тарелкѣ изображенъ какой нибудь изъ Россійскихъ орденовъ, а по краямъ—лента того же ордена. На каждой ручкѣ ножей такія же ленты. Передъ каждымъ приборомъ обязательные три стакана изъ граненаго хрусталя. Ни минуты никто не ждалъ перемѣны тарелокъ, и ни одно блюдо не было подано простывшимъ. Императоръ провозгласилъ 3 тоста: 1-ый, за побѣдоносное Русское воинство, 2-ой, за доблестную Императорскую гвардію: 3-ій, за всѣ союзныя арміи. Эти тосты, (при которыхъ всегда подается Шампанское) были, по повелѣнію Государя, отпечатаны на билетикахъ и розданы всѣмъ гостямъ. Вопреки обычаю, весь дипломатическій корпусъ, не исключая дамъ, былъ приглашенъ на этотъ утренній праздникъ. Мы отлично любовались имъ, съ того мѣста Зимняго дворца, которое называютъ „Фонарь“ и который выходитъ на площадь. Англійскій посолъ, сопровождавшій Государя верхомъ, былъ приглашенъ къ царскому столу, вмѣстѣ съ сыномъ, который при немъ адъютантомъ и котораго считаютъ какъ бы необходимой пуговицей у мундира. Кромѣ посланника Виртембергскаго (гр. Винцингероде) никто изъ остальныхъ представителей державъ не получалъ приглашенія. Въ 1814 г., король Виртембергскій снабдилъ гр. Винцингероде деньгами, сказавши ему: „отправляйтесь!“ Онъ уѣхалъ, и его лошади привели его въ Парижъ, куда онъ и вступилъ съ Императоромъ, который вспомнилъ про это.—Да здравствуютъ перворазрядныя державы! Ихъ представители пользуются большими успѣхами.

Казалось бы, что пригласить остальныхъ посланниковъ, всего трехъ или четырехъ, было бы очень естественно; но здѣсь нѣтъ этого обычая. Въ числѣ нѣкоторыхъ восточныхъ чертъ, примѣченныхъ мною здѣсь, я всегда останавливался на одной, которая, болѣе или менѣе, отталкивала посланниковъ. Если между ними случится человѣкъ блестящій, широко живущій, въ которомъ нуждаются или котораго боятся, человѣкъ необходимый для заключенія желаннаго мира или брака, и т. д., конечно, такой посланникъ и здѣсь, какъ и вездѣ, будетъ лестно отличенъ; всякій же другой, просто обыкновенный посланникъ, останется мало обласканъ, и частенько только за нимъ однимъ дѣло, чтобъ замѣтить, что безъ него легко обходятся. Общество здѣшнее, слѣпо во всемъ подражающее двору, и въ этомъ придерживается его обыкновенія. Припоминается мнѣ по этому какъ покойный кн. Бѣлосельскій давалъ балъ, который дворъ удостоилъ своимъ присутствіемъ; зная, чѣмъ ему угодить, князь пригласилъ все высшее общество Петербурга за исключеніемъ представителей всѣхъ Европейскихъ государствъ и, чтобъ подчеркнуть свое угожденіе двору, онъ сдѣлалъ исключеніе въ этомъ исключеніи, для герцога

Библиотека "Руниверс"

Серра-Капріола, какъ для женатаго на Русской! Подобная Азіатская нелѣпость никого не удивила здѣсь, да ея и не замѣтили.

С.-Петербургъ. 25-ое Марта 1816 г.

Не знаю, что за сумасбродъ (но умная голова, какъ это часто встрѣчается) издаетъ въ Лондонѣ на Португальскомъ языкѣ журналъ „Португалецъ", пользующійся громаднымъ успѣхомъ, какъ все то, для чего нѣтъ ничего священнаго. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ онъ напечаталъ христіанскую конвенцію, заключенную въ Парижѣ и присоединилъ къ ней предерзкую статью, при семъ приводимую. „Въ исторіи дипломатіи, еще никогда не было подобнаго удивительнаго трактата, какъ по формѣ, такъ и по содержанію: форма грѣшитъ противъ общепринятаго порядка, отсутствіемъ уполномоченныхъ; государи сами составили его, сами и подписали, что̀ совсѣмъ новая манера въ подобныхъ актахъ, однимъ словомъ, въ немъ не видно ни цѣли, ни главнаго предмета. Хотятъ ли государи доказать всему свѣту, что они намѣрены поступать постоянно по правиламъ Св. Евангелія, справедливости, милосердія и христіанскаго мира? Но къ чему все это? Развѣ они, какъ христіане, не обязаны были поступать всегда согласно этимъ правиламъ? А развѣ всему міру неизвѣстенъ духъ братства и Евангелія, воодушевляющій этихъ милостивыхъ владыкъ? Польша, Генуя, Венеція, Ломбардія, Бельгія очень хорошо знакомы съ этимъ духомъ! Совершенно излишне распространяться о чувствахъ трехъ монарховъ и заносить ихъ на пергаментъ. Дѣла ихъ, лучше всякаго пергамента, познакомятъ насъ съ ними. Ex fructibus eorum cognoscetis eos" („Португалецъ", Февраль 1816, № XXII. стр. 467—8. Лондонъ).

Свобода печати, конечно, вещь хорошая, но не совсѣмъ-то приличны такія дерзкія статьи о столь высокихъ особахъ и предметахъ.

С.-Петербургъ, 28-ое Марта (19 Апрѣля) 1816 г.

Новый тарифъ подписанъ, но еще не объявленъ. Съ указомъ объ откупщикахъ произошло то, что̀ почти всегда слѣдуетъ за введеніемъ важнаго закона. Законодателю невозможно, при всей его мудрости и осторожности, учесть всѣ послѣдствія новаго закона. Очень много семействъ пострадали уже отъ этого указа. Мнѣ трудно допустить, чтобъ правительство не вошло въ какое нибудь соглашеніе съ этими заинтересованными лицами. Кто-то указалъ мнѣ на опасность, очень допустимую: рискъ залогодателей подымет̀ цѣну на залоги: какъ и законы противъ ростовщиковъ только усиливаютъ зло, причиняемое

Библиотека "Руниверс"

ими: за опасность, которой они подвергаются, они возвышаютъ проценты. Вѣроятно, послѣдуютъ нѣкоторыя измѣненія въ указѣ.

Въ обществѣ какая-то общая грусть, что̀ поражаетъ людей, возвратившихся сюда, послѣ двухъ, трехъ лѣтъ отсутствія. Насчитываютъ не менѣе 23-хъ самыхъ извѣстныхъ семействъ, готовыхъ къ выѣзду заграницу. Я, собственно, потеряю въ нихъ дома̀ мнѣ самые дорогіе и болѣе всего мною уважаемые. Слишкомъ долго разбирать причины этого грустнаго настроенія; но думаю, что одна изъ главныхъ, это жертвы, принесенныя въ 1812 г., заставившія столькихъ сократить свои расходы и не жить такъ открыто, какъ прежде.

Наканунѣ праздниковъ для военныхъ, о которомъ я писалъ вашему сіятельству, состоялся, въ одномъ ресторанѣ, пикникъ, изъ пятидесяти генералъ-адъютантовъ и другихъ генераловъ, по 200 р. съ человѣка; посланники Англійскій, Австрійскій и Прусскій, какъ военные, получили приглашеніе на этотъ пикникъ; баронъ Стагентейнъ, собственно не посланникъ Австрійскій, но, это все едино. Милордъ Cathcart, подымая тостъ за здравіе Императора, высказалъ откровенно, что, хотя всѣ союзныя державы вполнѣ исполнили свой долгъ, но, тѣмъ не менѣе, истинный спаситель Европы—Императоръ Русскій.

Въ то самое время, какъ я вамъ пишу, хоронятъ замѣчательную при своемъ положеніи женщину, г-жу Кремеръ, Нѣмку, жену Нѣмецкаго же негоціанта. Скончалась она отъ ушиба головы, при паденіи изъ саней, ушиба, который сначала никакъ не считали смертельнымъ. Я не былъ съ нею знакомъ домами, но охотно встрѣчался съ нею. Это была женщина большихъ достоинствъ, употреблявшая весь день на добрыя дѣла и бывшая самымъ дѣятельнымъ членомъ дамскаго общества попеченія о бѣдныхъ. Государь удостоивалъ ее своимъ лестнымъ уваженіемъ и проводилъ, иногда, у ней вечеръ. Во время ея предсмертной болѣзни, онъ, какъ мнѣ передавали, долго сидѣлъ у нея, расчитывая, что она его узна̀етъ. Но она такъ и не пришла въ себя.

Государь оказываетъ подобную же честь и другимъ домамъ, одинаковаго положенія какъ домъ Кремеръ, посѣщая ихъ, по вечерамъ, на короткое время. Задыхаясь отъ тяжести дѣлъ, онъ жаждетъ освѣжиться у семейнаго очага; утомленный окружающими его масками, онъ ищетъ лицъ открытыхъ. Неоднократно задавались вопросомъ, почему онъ не оказываетъ такой же чести Русскимъ домамъ, того же разряда, какъ домъ Кремеръ, или же домамъ самымъ высокопоставленнымъ? Но подобные вопросы, до очевидности, чрезвычайно глупы. Мнѣ собственно очень интересно видѣть, какъ l'Empereur de toutes les Russies, въ возрастѣ всякихъ наслажденій, запросто пьетъ чай съ честной женщиной и ея мужемъ, тогда какъ ему такъ было бы легко,

Библиотека "Руниверс"

время отъ времени, выбрасывать одну букву изъ своего титула и быть: l'Empereur de toutes les Russies.

P. S. Въ Варшавѣ, застрѣлилось нѣсколько офицеровъ. По газетамъ, четыре, а по правительственному сообщенію, семь. Къ этому, прибавляютъ, шепотомъ: одинъ изъ нихъ оставилъ записку: „я рѣшилъ убить, сперва Вел. Кн. Константина Павловича, а потомъ и себя: но я предпочитаю предстать на тотъ свѣтъ съ однимъ преступленіемъ, чѣмъ съ двумя". Двадцать офицеровъ поклялись сдѣлать тоже. Тутъ какая-то глубокая тайна!

Дворянство доведено до полнаго отчаянія дѣломъ о залогахъ. Однимъ словомъ, крайній произволъ съ одной стороны, и сильнѣйшее недовольство съ другой! Помилуй насъ Господи!

С.-Петербургъ, 18 (30) Апрѣля 1816.

Здѣшнія правила о траурѣ сводятся къ нулю. Въ обыкновенные дни всѣ во фракахъ и въ сапогахъ; въ торжественные-же дни, обязателенъ мундиръ, съ крестомъ на шпагѣ, на рукѣ, и проч. Въ приглашеніяхъ ко двору, всегда прибавляютъ: „трауръ на этотъ день снимается". Каждое вѣдомство имѣетъ здѣсь свою форму, что̀ очень удобно: при видѣ кого бы то ни было, тотчасъ знаешь, чиновникъ ли онъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, или Банковскій, или изъ Академіи Наукъ и т. д. Это установленіе, чуть ли единственный способъ у Государя для дѣйствительнаго обузданія роскоши. Ну, и мастера же Русскіе придумывать всевозможныя формы; никому не угнаться въ этомъ за ними!

9 (21) текущаго мѣсяца, въ первый день Пасхи, опять былъ парадъ, я бы сказалъ, еще великолѣпнѣе перваго, еслибъ это было возможно. Сорокъ тысячъ человѣкъ прошли подъ ружьемъ, въ полной парадной формѣ. Приготовленія шли всю ночь; въ 9 ч. утра всѣ войска были уже на своихъ мѣстахъ; Императоръ прибылъ только въ четверть перваго, а вернулись солдаты въ свои казармы въ исходѣ третьяго часа! Не знаю, правда ли, будто многіе солдаты ѣли только еще наканунѣ; во всякомъ случаѣ, этимъ только бы подтвердились, давно, впрочемъ, всѣми признанныя выносливость и подвижность Русскаго солдата, подобныхъ которымъ не найдешь ни у какого другого.

Но событіе гораздо болѣе важное, чѣмъ самый блестящій парадъ, это пріѣздъ Кара-Георгія, знаменитаго вождя Сербовъ. Онъ уже съ недѣлю здѣсь.

Надѣюсь, ваше сіятельство, что вы уже достаточно, теперь, ознакомились съ новой Польской конституціей? Меня увѣряютъ, что она, отчасти, списана съ знаменитой конституціи 1791 г.; но, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

я не сличалъ ихъ, то утверждать слышаннаго не могу. Въ послѣдней, говорятъ, въ 1-мъ ея параграфѣ, господство народа принимается въ основной пунктъ, вполнѣ ясно выраженный: въ новой конституціи не такъ ужъ торжественно сказано на счетъ этого, хотя, въ параграфѣ 31-мъ господство народа безпорно подтверждается словами: король представитель народа.

Изъ за парада, Государь оставилъ безъ обѣдни, въ первый день Пасхи, 40 тыс. христіанъ православныхъ и католиковъ: хорошее толкованіе христіанскаго соглашенія, подписаннаго въ Парижѣ! Великій Князь Константинъ Павловичъ выбралъ 140 Поляковъ, самыхъ рослыхъ, одѣлъ ихъ въ гвардейскіе мундиры и прислалъ ихъ сюда на почтовыхъ, въ подарокъ своему Августѣйшему брату. Хорошее тоже толкованіе Польской конституціонной хартіи! Екатерина II, та, въ праздники, отпускала даже обыкновенный караулъ дворца. Все улучшается!..

С.-Петербургъ, 24 Апрѣля (4 Мая) 1816.

Передаютъ за достовѣрное, что Императоръ скоро поѣдетъ въ Москву, гдѣ онъ намѣренъ провести часть зимы. Нужно привѣтствовать подобное рѣшеніе, если Государь хочетъ своимъ присутствіемъ утѣшить своихъ вѣрныхъ Москвичей, такъ сильно и безропотно пострадавшихъ. А пока Великій Князь Николай Павловичъ путешествуетъ, по обширнымъ владѣніямъ своего Августѣйшаго брата и посѣтитъ даже Крымъ, передъ тѣмъ, чтобъ направиться въ Берлинъ.

Много толковъ о новой организаціи въ военномъ дѣлѣ. Насколько я понялъ, главная мысль, употреблять одну часть солдатъ на общественныя работы, доселѣ производившіяся наемнымъ трудомъ, казенными крестьянами, а остальныхъ поселить на казенныхъ же земляхъ, для обработки оныхъ. Первой мѣрой, даже и при возвышенной платѣ солдатамъ, получится большая выгода. Относительно второй ничего не могу сказать, не имѣя никакихъ подробныхъ свѣдѣній. У Римлянъ было что-то подобное, но этихъ колонистовъ-солдатъ не употребляли никуда больше, какъ только для защиты ихъ земель отъ варваровъ. Но какія же могутъ быть колоніи безъ женщинъ, безъ хозяйствъ, такъ сказать? Государь, какъ кажется, хочетъ этой мѣрой имѣть солдатъ подъ рукой и даетъ имъ лопаты, чтобъ они, по первому призыву обмѣнили ихъ на ружья.

Отъ Государя не послѣдовало еще никакого рѣшенія насчетъ церковнаго имущества Католиковъ. Гр. Северинъ Потоцкій и гр. Кинскій оба сенаторы и члены Комитета, говорили, при обсужденіи этого вопроса, очень сильно, логично и съ достоинствомъ. Я ихъ обоихъ знаю хорошо, но, съ возбужденіемъ этого несчастнаго дѣла я старался

Библиотека "Руниверс"

не видаться съ ними, чтобъ не вывели изъ нашихъ свиданій какой-нибудь коалиціи. Приписываютъ Государю слѣдующія слова: „именно потому, что тутъ въ дѣлѣ не моя религія, я не долженъ торопиться съ моимъ рѣшеніемъ". Если онъ и не говорилъ этого, то все же слова эти совсѣмъ въ его духѣ.

P. S. Съ тѣхъ поръ, какъ я, въ 1812 г., сказалъ Императору, что я прошу его принять во вниманіе, что у меня не можетъ быть секретовъ отъ короля Сардинскаго, его милость ко мнѣ очень уменьшилась. Я тогда же, по его лицу, увидѣлъ, что я очень потерялъ въ его глазахъ; я лишился громаднаго счастья, но не могъ, по чувству долга, поступить иначе. Вотъ гдѣ былъ бы случай Макіавелю развернуться во всю!

С.-Петербургъ. 28 Апрѣля (10 Мая) 1816 г.

Очень многіе, изъ здраво разсуждающихъ, предсказывали, что удаленіе Іезуитовъ нисколько не остановитъ распространенія новыхъ идей. И это, дѣйствительно, такъ и есть, и дѣлается это совершенно добровольно. Еще недавно, одна родовитая дама, по ума и образованія самаго зауряднаго и до фанатизма ярая въ защиту своей вѣры, вдругъ, совершенно неожиданно, перешла въ Католичество. Кто-то изъ Русскихъ, считавшій себя въ правѣ порасспросить ее по душѣ, чѣмъ она можетъ объяснить столь внезапную измѣну Православію, услышалъ въ отвѣтъ: „глупостями попа, который говорилъ ихъ мнѣ, когда я говѣла, передъ Святой". Случай престранный и замѣчательный. Я, какъ-то, говорилъ вашему сіятельству, что, безъ сомнѣнія, Іезуиты воспользовались происшедшимъ поворотомъ умовъ, но что не ими онъ вызванъ.

С.-Петербургъ, 16 (28 Мая) 1816.

Графъ, вы помните, что, объявляя вамъ объ удаленіи Іезуитовъ и прежняго духовенства здѣшней Католической церкви, я выражалъ опасеніе, какъ бы этотъ ударъ не коснулся самой религіи нашей. По несчастью, мои опасенія оправдываются.

Послѣдній генералъ Іезуитовъ, отецъ Груберъ (Нѣмецъ), человѣкъ, дѣйствительно рѣдкій, одновременно богословъ, врачъ, химикъ, механикъ, оптикъ и проч. и проч., а къ этому и государственный умъ, созданный, быть можетъ, чтобъ быть министромъ у какого нибудь великаго государя, получилъ отъ щедротъ Павла I-го 9,000 р. Отецъ Груберъ, котораго я коротко зналъ, принялъ этотъ даръ для церкви и купилъ на эти деньги землю вокругъ церкви, поступая какъ-бы ея довѣренный. Затѣмъ, у него явилась мысль выстроить на этой землѣ

Библиотека "Руниверс"

домъ, въ собственность той же церкви. За средствами не стало дѣло: такимъ онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ. Домъ имъ выстроенный цѣнился въ 450 тыс., и ежегодно онъ выплачивалъ по 15 т., въ погашеніе капитальнаго долга и % на остающійся, такъ, что, къ Декабрю 1815 г., оставалось только 220.000 р. капитальнаго долга, и все шло чудесно, къ общему удовлетворенію. И, вдругъ, что же вздумали теперь! Кн. Александръ Голицынъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ прикончить Католическую церковь, отожествляя ее съ Іезуитами (хотя это совершенно двѣ разныя вещи), въ уплату долговъ которыхъ онъ хочетъ продать церковный домъ. Дѣло разбиралось въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ всѣ, за исключеніемъ двухъ, согласились съ княземъ, и его предложеніе можно считать утвержденнымъ, развѣ только Государь, благодатью свыше, не остановитъ этой вопіющей несправедливости, по которой продаютъ собственность должника, безъ требованія кредиторовъ его! Церковные старосты доказываютъ, что они тутъ на лицо, чтобъ отвѣтствовать, что дѣла пойдутъ по прежнему; кредиторы, въ свою очередь, просятъ не мѣшаться въ ихъ дѣла, такъ какъ имъ платятъ аккуратно, и они никакихъ претензій не предъявляютъ. Все напрасно! Католическій епископъ, вмѣсто противодѣйствій этому рѣшенію Голицына, несчастный участникъ въ его происках: ему давно хочется поселиться въ домѣ церкви. Въ виду наложенія запрещенія на домъ, квартиры не сдаются, чѣмъ лишаютъ церковь 24,000 дохода, что и повлечетъ продажу дома за долги. Духовенство, лишенное доходовъ, обратится въ жалкихъ наемниковъ, безъ положенія, безъ обезпеченія, которыхъ начальство будетъ отрѣшать отъ должностей по своему капризу, или же оно сдѣлается слабымъ, поддающимся подкупу, забитымъ; во всякомъ случаѣ, Католическая, церковь исчезнетъ, чего и добиваются.

Одинъ изъ членовъ Комитета громко заявилъ въ засѣданіи, что нѣтъ ничего справедливѣе этого наложеннаго запрещенія, по давно существующему указу, что на имущество ссылаемыхъ накладывается запрещеніе. Какъ будто прежніе жестокіе законы подобаютъ нынѣ царствующему Монарху! И какіе же это ссыльные, которымъ только воспрещается пребываніе въ двухъ столицахъ? И какъ можетъ собственность Католической церкви отдаваться Іезуитамъ? Когда вы будете читать, въ Европейской печати, восхваленія здѣшней вѣротерпимости, вы будете знать, какова она на самомъ дѣлѣ.

11/23 числа, Персидскій посолъ получилъ прощальную аудіенцію, такую же пышную, какъ была при его пріемѣ. За все свое здѣсь про-

Библиотека "Руниверс"

должительное пребываніе онъ не переставалъ говорить, что, если онъ не добьется того, что̀ ему было поручено, онъ поплатится за это головой. Бѣднягѣ остается держать ее на готовѣ для отсѣченія, такъ какъ онъ ничего не добился.

С.-Петербургъ, 16 (28) Іюня 1816.

1-го числа сего мѣсяца, были пышныя похороны фельдмаршала С., скончавшагося восьмидесяти съ лишнимъ лѣтъ. Онъ скрывалъ свои годы, но того не могъ скрыть, что, въ Семилѣтнюю войну, онъ имѣлъ уже чинъ полковника. Впослѣдствіи, онъ перешелъ къ дѣламъ гражданскимъ, но фельдмаршальскій жезлъ, тѣмъ не менѣе, былъ возложенъ на крышку гроба. Онъ удостоился чести быть воспитателемъ Его Величества и Вел. Кн. Константина Павловича. Государь очень часто посѣщалъ его въ день его кончины очень трогательно прощался съ нимъ. До Казанскаго Собора Государь изволилъ шествовать за гробомъ, пѣшкомъ, въ чемъ, конечно, всѣ послѣдовали за нимъ. Гробъ до зимы будетъ стоять въ склепѣ, подъ Казанскимъ соборомъ, а тогда его перевезутъ въ одно изъ имѣній князя, чтобъ похоронить, согласно его завѣщанію, рядомъ съ прахомъ его супруги.

Покойный фельдмаршалъ предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, во время отсутствія Государя, который, по своемъ возвращеніи, возвелъ его въ княжеское достоинство. У покойнаго былъ всегда добрый совѣтъ для обращающихся къ нему; онъ былъ отлично знакомъ съ родными нравами и обычаями и зналъ толкъ въ дѣлахъ; но всѣ эти свѣтлыя стороны его личности, затемнялись его непомѣрною любовью къ золоту. По этому поводу ходило не мало забавныхъ анекдотовъ. Онъ оставилъ 30 тысячъ душъ и громадное количество денегъ чистоганомъ, что̀ и не подлежитъ сомнѣнію для знавшихъ его доходы и его образъ жизни. Послѣ него осталось три сына, всѣ женатые, и у двухъ есть дѣти. Кн. Александръ, одинъ изъ его сыновей, человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ и достойный полнаго уваженія.

Въ то самое время, какъ я вамъ пишу, въ Павловскѣ празднуютъ годовщину битвы при Ватерлоо. Празднество это устроено, главнымъ образомъ, въ честь принца Оранскаго и его супруги. Чего только не было для приданія празднику полнаго великолѣпія: балъ, ужинъ, музыка инструментальная и вокальная, кантаты, куплеты, соотвѣтствующія событію, удивительныя декораціи и много другого. Изъ дипломатическаго корпуса никто не получилъ приглашенія на этотъ праздникъ; а, между тѣмъ, въ томъ же Павловскѣ мы всѣ присутствовали на праздникѣ, устроенномъ вдовствующей Императрицей въ честь Императора. Но здѣсь ничего не дѣлается по общимъ, разъ установленнымъ

Библиотека "Руниверс"

правиламъ, а все въ зависимости отъ воли и расположенія Монарха: а, какъ я уже говорилъ вашему сіятельству, мы не въ большой чести въ настоящую минуту. Только тотъ посланникъ пріятенъ здѣсь, кто военный или представитель родственной или дружественной державы, а безъ прочихъ посланниковъ легко обходятся! Англійскаго посла пригласили, какъ пользующагося большою милостію и считающагося какъ бы генералъ-адъютантомъ Императора; а Французскаго посланника не пригласили, считая, вѣрно, что для Французскаго уха „Ватерлоо" не можетъ быть пріятнымъ, какъ бы оно ни воспринимало его. Я понимаю эту деликатность, но все же это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда такъ же непріятно получить приглашеніе, какъ и остаться безъ оного. Собственно я былъ очень доволенъ, что чрезвычайныхъ посланниковъ не приглашали: я, все равно, рѣшилъ сказаться больнымъ.

Дѣло Католической церкви рѣшено противъ нея. Епископъ призналъ домъ собственностью Іезуитовъ, слѣдовательно, онъ подлежитъ продажѣ для покрытія долговъ; а могущій быть остатокъ пойдетъ на богоугодныя дѣла. Домъ отобрали, а надъ богоугодными дѣлами только посмѣялись. Вотъ что рѣшили: „Домъ принадлежитъ Іезуитамъ, а они изгнаны; и такъ какъ всѣ Католическія государства, уничтожившія у себя этотъ орденъ, завладѣли всѣмъ, что̀ ему принадлежало, то и Петербургскій домъ Іезуитовъ переходитъ въ казну. Кредиторы же, ссудившіе деньги на постройку дома, могутъ взыскивать съ Польскихъ Іезуитовъ сумму, въ размѣрѣ 230,000 рубл."

Заключу мое письмо моимъ убѣжденіемъ, что, какъ Государь еще обсуждаетъ какое нибудь дѣло, необходимо говорить ему правду, хотя бы и съ опасностью для себя; но разъ, что онъ уже рѣшилъ что̀, нужно молчать и повиноваться. Изъ многаго хорошаго сказаннаго Боссюэтомъ, приведу слѣдующія его слова: безропотно страдая черезъ законную власть, мы тѣмъ самымъ сражаемся за нее.

P. S. На празднество въ Павловскѣ, кромѣ Англійскаго посланника, были приглашены какъ посланники родственныхъ государствъ: Голландскій и Виртембергскій. Исключенными оказались: Неаполитанскій, Португальскій, Датскій и Сардинскій (Баварскій отсутствовалъ, а о Французскомъ я уже говорилъ).

С.-Петербургъ, 3 (15) Іюля 1816.

Русскій Императоръ спасъ Европу, а насъ въ особенности, тѣмъ, что, спасая Францію, поддержалъ всеобщее равновѣсіе. Горе намъ и многимъ другимъ, если Императору сдѣлается невозможнымъ удержать настоящее положеніе вещей. Тетива, дѣйствительно, натянута до

Библиотека "Руниверс"

послѣдней степени. У него подъ ружьемъ 1,200,000 человѣкъ и рекрутскіе наборы. Армія обходится ему больше милліона въ день, а доходовъ не больше 400 милл. Армія ропщетъ, отъ чрезмѣрнаго утомленія и голодаетъ. Большая часть дворянства разорена закономъ о залогахъ, на которомъ я такъ долго останавливался. Надѣюсь, что у Государя достаточныя основанія поступать, какъ онъ поступаетъ, и вполнѣ признаю, что онъ не обязанъ говорить мнѣ о нихъ.

P. S. Сейчасъ узналъ, что Прусскій посланникъ генералъ Шелеръ сообщилъ Португальскому (командору де Салданха-Гама), что ему было поручено его дворомъ условиться съ нимъ на счетъ отвѣта Португаліи, просящей позволенія вести самой переговоры съ Франціей. Командоръ отвѣтилъ, что его крайне удивляетъ это выраженіе; что Португалія не нуждается въ позволеніи поступать какъ хочетъ, а если опекающіе Францію, считаютъ нужнымъ запрещать Франціи поступать, съ ея стороны, какъ ей заблагоразсудится, то слѣдовало заявить объ этомъ. За этимъ разговоромъ Шелеръ открылся командору, что его правительство намѣрено примѣнять въ дѣло принципы Священнаго Союза (такъ, наконецъ принято называть Парижскую конвенцію), а что одинъ изъ его параграфовъ гласитъ: „въ случаѣ нарушенія кѣмъ нибудь независимости одного изъ союзниковъ, всѣ прочіе обязаны вступиться за него“. А въ тайномъ параграфѣ, можетъ быть, прибавятъ: если только нападающимъ не будетъ кто нибудь изъ насъ четырехъ.

С.-Петербургъ, 18 (30) Іюля 1816.

Въ Субботу, 14/29 текущаго мѣсяца, Петербургское купечество имѣло честь давать обѣдъ Его Императорскому Величеству и всей Августѣйшей семьѣ. Обѣдъ былъ въ большой залѣ новой Биржи, которую открыли въ этотъ день. Весь дипломатическій корпусъ, въ продолженіе двухъ дней, считался приглашеннымъ, гдѣ оставался 38 ч., по истеченіи которыхъ министръ торговли и финансовъ заявилъ устроителямъ празднества, что посланники не будутъ присутствовать на немъ.

Обѣдъ былъ на 300 персонъ, а именно: 180 изъ купечества и 120 изъ Двора и свиты: Его Императорское Величество, Ихъ Величества Государыни—Императрицы, Его Имп. Выс. Кн. Константинъ Павловичъ, Ея Имп. Выс. Вел. Кн. Марія Павловна съ принцемъ супругомъ, 3 статсъ-дамы 3 фрейлины, знатныя особы, министры, чины 1 кл. etc. etc. Обѣдъ былъ поданъ ровно въ 2 ч., согласно новому порядку, установленному Его Величествомъ, и кончился скоро: такъ Государь дорожитъ каждой минутой. Зала, сама по себѣ, очень красивая, еще болѣе выигрывала отъ множества цвѣтовъ, померанцевыхъ

Библиотека "Руниверс"

деревьевъ и растеній и ко всему этому присоединялись еще флаги всѣхъ государствъ; для пріема Высочайшихъ гостей, по ихъ пожалованіи, была отведена другая зала, а въ третьей было совершено молебствіе. Изъ духовенства, только одинъ митрополитъ присутствовалъ на обѣдѣ. Обѣдъ стоилъ 46,000 р., а именно: 18 т. получилъ господинъ Рикетти, поваръ Его Величества за то, что собственно называется обѣдъ; за дессертъ и проч.—18 т., за вина—10 тысячъ.

Обѣдъ былъ вполнѣ великолѣпенъ, особенно по изумительному обилію фруктовъ. Одна стерлядь стоила 500 р. Не думаю, чтобъ, кромѣ Лондона и Петербурга, возможно было, въ какомъ другомъ мѣстѣ, задать такой пиръ. А любой подданный нашего короля охотно взялся бы устроить такой же обѣдъ, за половинную сумму; развѣ что съ стерлядью было бы затрудненіе; но ее можно бы отлично замѣнить бѣлыми трюфелями.

Говорятъ, что въ Парижѣ знаменитый Робертъ, по приказанію Императора, данному съ вечера, изготовилъ на другое утро столъ за 6,000 фр., взявъ на себя и всѣ приготовленія, что̀ очень изумило Его Величество.

С. Петербургъ, 28 Іюля, (9 Августа) 1816 г.

22 Іюля (13 Авг.) былъ отпразднованъ въ Петергофѣ, съ обычнымъ блескомъ и пышностью, день тезоименитства Императрицы-матери. За столомъ дипломатовъ долженъ былъ быть хозяиномъ гр. Каподистрія, вмѣсто отсутствующаго гр. Нессельроде; но Государь пригласилъ его къ своему столу, и намъ его замѣнили оберъ церемоніймейстеромъ. Насъ было 35 человѣкъ, изъ коихъ 8 дамъ: супруга Англійскаго посла съ тремя дочерьми, герцогиня де Серра—Капріола, моя жена и двѣ дочери наши.

Балъ открылся около восьми часовъ вечера. Это собственно такъ называемый маскарадъ, т. е. балъ для всѣхъ, и безъ этикета, но весь маскарадъ состоитъ изъ однихъ только домино. Билетовъ было роздано шесть тысячъ.

Этотъ балъ останется мнѣ, навсегда, въ памяти, по выказанной мнѣ милости: Императрица-мать подозвала меня и осчастливила ласковой бесѣдой; а царствующая Императрица изволила посадить возлѣ себя, на мѣста фрейлинъ, мою жену и моихъ двухъ дочерей и милостиво говорила съ ними, что̀ всѣми было замѣчено, а меня преисполнило счастьемъ. Вѣроятно, какая нибудь искусная рука заранѣе устроила это для поддержанія равновѣсія.

За ужиномъ произошло что-то новое, заслуживающее вниманія. Утромъ праздника, Французскій посланникъ спросилъ у одного цере-

Библиотека "Руниверс"

моніймейстера, какой этикетъ будетъ за ужиномъ. Никакого, отвѣтилъ тотъ, такъ какъ Государь, въ этотъ день, какъ бы ужинаетъ по семейному, а представители иностранныхъ дворовъ ужинаютъ съ придворными и министрами. Посланникъ поблагодарилъ за разъясненіе какъ бы ему неизвѣстнаго. Вечеромъ, за ужиномъ, мы замѣтили два незанятыхъ мѣста за нашимъ столомъ. Оберъ церемоніймейстеръ до смѣшнаго суетился, розыскивая не пожаловавшихъ пословъ, изъ чего я заключаю, что онъ получивши приказанія, боялся заслужить выговоръ. Но посланники такъ и не пришли ужинать съ нами, и мы только на другой день узнали, что они ужинали за Царскимъ столомъ. Я такъ и слышу, что вы спросите меня, были-ли они въ самый моментъ ужина приглашены Императоромъ, безъ предварительнаго о томъ предупрежденія какъ ихъ самихъ, такъ и завѣдующаго церемоніаломъ, или же, просто, Англійскій посолъ, подбивши на то Французскаго, отправился съ нимъ за Царскій столъ по своей безмѣрной смѣлости. Не знаю, что̀ вамъ на это отвѣтить.

Закончился этотъ блестящій праздникъ весьма печально. Безчисленное множество шлюпокъ подвезли въ Петергофъ массу людей, желавшихъ полюбоваться на праздникъ, преимущественно купцовъ съ ихъ семьями. Вечеромъ, при ихъ возвращеніи, ихъ настигъ страшный порывъ вѣтра, и много лодокъ опрокинуло, а лодочники, почти всѣ, были пьяны. Трудно опредѣлить число погибшихъ, такъ какъ полиція здѣсь, замалчиваетъ и преступленія и несчастья (за что я ее хвалю): но говорятъ, что ихъ около 200. Разсказывали мнѣ, что одинъ живущій здѣсь иностранецъ отправился, утромъ, съ женой въ Петергофъ, оставивъ своихъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей на попеченіе одного пріятеля; а вечеромъ они оказались ужъ круглыми сиротами! Погибла цѣлая купеческая семья: отецъ, мать, дѣти и прислуга. А я, тѣмъ временемъ, спокойно дремалъ въ моей каретѣ, не подозрѣвая, какой ужасъ творится съ лѣва отъ меня. Происшествіе, по истинѣ, душу раздирающее!

Отъѣздъ Государя въ Москву и Варшаву, назначенъ на 8 число будущаго мѣсяца. Съ нимъ ѣдутъ кн. Волконскій и гр. Каподистрія, да два или три адъютанта.

Возвратился корабль „Суворовъ“, отправленный три года тому назадъ Американской Компаніей въ кругосвѣтное плаваніе, совершенное имъ замѣчательно благополучно. На немъ привезено много рѣдкихъ экземпляровъ: льяма, вигонь и огромныя живыя черепахи. Все это показывали въ Петергофѣ.

Бѣдный кавалеръ Манфреди скончался, только что получивъ аренду на 12 лѣтъ, 1.100 р. въ годъ. Императоръ подписалъ ее,

Библиотека "Руниверс"

знавъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ, чтобъ ею могла воспользоваться его вдова. Я не сомнѣваюсь въ этомъ: это совсѣмъ въ его духѣ. Вдова можетъ продать аренду тысячъ за 60, за 70.

С. Петербургъ, 15 (27 Августа) 1816.

Къ великому моему огорченію, я ничего не могу отвѣтить вамъ на счетъ графа де Брюсаска: Императоръ покончилъ со всѣми дѣлами, уѣзжая въ Царское Село, а у заставы повелѣлъ написать: „выѣхалъ въ Москву". Но гр. Каподистріа обѣщалъ мнѣ захватить мое письмо, чтобъ, при первомъ удобномъ случаѣ, переговорить о немъ съ Государемъ, а меня тотчасъ извѣстить о послѣдующемъ результатѣ. Впрочемъ, онъ не предвидитъ никакихъ затрудненій въ томъ, чтобъ у васъ тутъ на время оставался только повѣренный въ дѣлахъ у самого Императора: въ Парижѣ простой повѣренный въ дѣлахъ, тогда какъ у Франціи тутъ посланникъ.

Мнѣ придется только въ Ноябрѣ представить мои кредитивы, и это препятствіе задержитъ меня здѣсь до Мая; но я очень прошу васъ потрудиться передать гр. Брюсаску, что я его прошу считать мой домъ своимъ.

Въ самый день отъѣзда Государя Императора, гр. Нессельроде передалъ намъ циркулярную ноту, въ которой онъ сообщаетъ намъ, что Государь отправился осмотрѣть тѣ изъ своихъ губерній, которыя больше всего пострадали во время войны, дабы своимъ присутствіемъ оживить предпринятыя мѣры, и проч. и проч.; что, къ 15 Октября Государь расчитываетъ вернуться, а что статсъ-секретарю онъ повелѣлъ войти во всѣ подробности, дабы предотвратить всякія ложныя толкованія, въ отыскиваніи иныхъ причинъ къ его путешествію.

О Петергофскомъ несчастіи молчали, какъ молчатъ обо всемъ. Увѣряютъ только, что Императоръ сказалъ своей августѣйшей Родительницѣ, что больше не будетъ праздниковъ въ Петергофѣ: такъ они неудачны. Вѣдь, за нѣсколько лѣтъ передъ нынѣшнимъ, испугавшіяся фейерверка лошади причинили много несчастій.

С. Петербургъ, 5 (17) Сентября 1816 г.

Посѣщеніе Государемъ Москвы какъ нельзя болѣе удачно расчитано. Присутствіе Великаго Монарха въ своей коренной столицѣ привело ее въ восторженное умиленіе. Онъ ходилъ среди народной толпы, откуда слышались теплыя привѣтствія Государю, наговорившему, въ свою очередь, много пріятнаго своему вѣрному народу. Къ собрав-

Библиотека "Руниверс"

шемуся дворянству Императоръ обратился съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что сколько онъ ни видѣлъ народностей, лучше Русскихъ онъ не нашелъ; обѣщалъ прожить въ Москвѣ весь будущій годъ, и ежегодно затѣмъ пріѣзжать на два мѣсяца въ свою первопрестольную столицу.

Чтобъ не быть въ Москвѣ 3-го Октября, этого ужаснаго по воспоминаніямъ дня, Государь выѣхалъ 2-го. Отъ одного истинно-Русскаго человѣка я слышалъ, что, попроси Государь, въ это время, у дворянства двѣ десятыя всего ихъ имущества, оно бы тотчасъ согласилось, и плакало-бы отъ радости! И я не сомнѣваюсь въ этомъ.

Стараться уяснить себѣ будущія намѣренія Государя касательно его двухъ столицъ было бы равносильно неуваженію къ такому дальновидному и непроницаемому Монарху: но, конечно, они у него есть, и очень глубокія, а, можетъ быть, совсѣмъ не такія, какихъ ждутъ; кто моложе насъ, увидятъ это!

Если вашему сіятельству угодно убѣдиться, какъ Императоръ твердо и искусно ведетъ къ тому что намѣтилъ, вамъ стоитъ только посмотрѣть хорошенько на возстановленіе имъ Польши. Вы тогда увидите, какъ онъ неуклонно двигался къ своей цѣли, нисколько не считаясь ни съ ошибками, ни съ самолюбіемъ столькихъ людей, ни съ партіями. Вы уже, вѣрно, слышали, что Императоръ далъ обѣтъ воздвигнуть великолѣпный храмъ въ Москвѣ, во имя Христа Спасителя, какъ возблагодареніе Провидѣнію за Его великія милости въ только что истекшіе годы. Онъ выбралъ мѣсто для будущаго храма и уже утвердилъ, будто, и планъ.

Объ этомъ планѣ передаютъ такія безумныя вещи, что я передаю ихъ вамъ за что самъ купилъ. Дѣлалъ планъ одинъ очень молодой Русскій, безъ передышки, какъ бы вдохновенный для этого колоссальнаго проэкта. Храмъ обойдется въ 40 милліоновъ и будетъ готовъ черезъ 18 лѣтъ; по сравненію съ нимъ, церковь Св. Петра въ Римѣ покажется часовнею; достаточно сказать, что на карнизной части стѣны будетъ два ряда галлерей. Подобныя намѣренія кажутся прямо невѣроятными, хотя очень возможно, что патріотическій порывъ хочетъ создать что нибудь поражающее своими размѣрами: Русскій геній во всемъ, что онъ предпринимаетъ, особенно же по части искусствъ, остается такимъ же, какимъ мы его видимъ на полѣ брани: онъ двигается впередъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь. Здѣсь Казанскій соборъ замѣчательный сему образчикъ.

А тѣмъ временемъ, какъ архитекторы заняты соборами, другой архитекторъ, болѣе великій, Его Величество Государь Императоръ, думаетъ создать поселенія, людей и особенно солдатъ. Проэктъ

Библиотека "Руниверс"

военныхъ поселеній перешелъ уже въ дѣло и идетъ очень удачно. Изъ 3-хъ баталіоновъ, составляющихъ полкъ, выбираютъ одинъ, приблизительно изъ 600 или 700 чел., надѣляютъ ихъ казенной землей, для устройства ихъ жилищъ, и всѣхъ ихъ женятъ. Дома свои они должны строить по одной линіи и по плану назначенному для всей имперіи: въ каждомъ домѣ должны быть двѣ свободныя комнаты для двухъ солдатъ изъ остальныхъ двухъ баталіоновъ, такъ сказать, передвижныхъ, кочующихъ, которые будутъ только проходить или оставаться въ этихъ поселеніяхъ. Всѣ дѣти мужскаго пола, выходящія изъ этой фабрики, становятся солдатами, что не новость въ Россіи, гдѣ каждый сынъ солдата отъ рожденія солдатъ. За исключеніемъ сукна на мундиръ, все остальное, на свои потребности, солдаты этихъ поселеній должны сами изготовлять себѣ.

Первое пробное поселеніе устроено въ Витебской г. и дало, говорятъ, 144 мальчика въ теченіе года, а хлѣба пошло на 80,000 р. О расходахъ на это молчатъ.

Понятно, что это нововведеніе имѣетъ цѣлью создать цѣлый народъ солдатъ и самую громадную армію, по самой дешевой цѣнѣ, что приведетъ къ полному уничтоженію гражданскаго порядка, особенно, если за этимъ нововведеніемъ послѣдуетъ другое, о которомъ мнѣ только что сообщили. Императоръ отправляетъ цѣлый баталіонъ въ одно казенное имѣніе Новгородской г.: а такъ какъ установлено, что военныхъ поселеній не касается общее управленіе имперіей, то и казенные крестьяне, слившись съ солдатами, будутъ знать только свое военное начальство. Отъ лица хорошо освѣдомленнаго я слышалъ, что въ этомъ новомъ указѣ сказано: „Его Величество вводитъ этотъ способъ управленія, чтобъ испробовать, не будетъ ли онъ лучше нынѣ существующаго". Если къ этимъ новымъ порядкамъ прибавить предполагаемое освобожденіе крестьянъ, начатое уже въ Эстляндіи, то вы увидите, что я правъ, говоря, что Россія своими внутренними дѣлами удивитъ Европу еще больше, чѣмъ внѣшними. Но сдѣлать теперь же выводы изъ этихъ нововведеній преждевременно: только время и опытъ покажутъ, что выйдетъ.

Возвращаюсь къ дѣлу о домѣ Католической церкви. Государю представили такія убѣдительныя доказательства правъ церкви, что онъ усомнился въ правильности приговора и потребовалъ къ себѣ всѣ церковныя книги. Чувство справедливости говоритъ въ немъ и при гнѣвѣ. Онъ увидѣлъ, что Іезуиты только нанимали у Католической церкви домъ ея, за 8 тыс. въ годъ: послѣ этого онъ пріостановилъ рѣшеніе и уѣхалъ, не постановивъ другаго, такъ что все пошло вверхъ дномъ. Церковные старосты говорятъ, что они уже не состоятъ

Библиотека "Руниверс"

таковыми, жильцы не знаютъ кому платить, пустующія квартиры остаются неванятыми, и т. д. Насъ не спасетъ пріостановленіе Государемъ рѣшенія, если онъ, при этомъ, не вспомнитъ, что въ тяжебныхъ дѣлахъ проволочка равносильна отказу.

С.-Петербургъ, 3 (15) Октября 1816 г.

Инцидентъ или, вѣрнѣе puntiglio*) Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами, по поводу осужденія Русскаго консула К., заставилъ послѣднихъ прислать въ Кронштадтъ военный корветъ еще до полученія ими Русскихъ депешъ и нотъ. По подлинному дѣлу, доставленному сюда съ корветомъ, вполнѣ явствуетъ, что К., консулъ Русскій въ Филадельфіи, обольстилъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, ходившую за его ребенкомъ. Присяжные, въ числѣ 21, признали его виновнымъ, и его заключили въ тюрьму, откуда выпустили нѣсколько часовъ спустя, примѣнивъ къ нему habeas corpus. Я считаю фактъ и даже рецидивъ вполнѣ доказанными, но было-ли дѣйствительно изнасилованіе? По всему, что я слышалъ, даже отъ Американскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, это подъ большимъ сомнѣніемъ, такъ что дѣло можетъ быть въ большомъ грѣхѣ и маленькомъ преступленіи. Однако Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ, кажется, вѣскія основанія для отказа въ удовлетвореніи. А такъ какъ Американскіе Штаты, не смотря на могущество Россіи, не состоятъ ни въ малѣйшей отъ нея зависимости, то инцидентъ кончится, вѣроятно, взаимными разъясненіями. Ясно только то, что людей порочныхъ, могущихъ давать поводъ къ соблазну, не слѣдуетъ, ни въ какомъ случаѣ, считать достойными быть представителями въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ они легко могутъ опозорить государство, которому они служатъ.

С.-Петербургъ, 13 (25) Октября 1816.

Императоръ долженъ сегодня прибыть въ Гатчину, гдѣ отпразднуетъ завтра день рожденія своей августѣйшей матери. 16-го мы будемъ его встрѣчать, по его возвращеніи, изъ достопамятнаго путешествія. Въ Москвѣ онъ выбралъ мѣсто для будущаго храма. Я думаю, что очень преувеличили его размѣры: но составитель плана, дѣйствительно, очень молодой человѣкъ, ничего еще никогда не построившій, что, прямо, непонятно.

Считаю лишнимъ говорить о томъ любопытствѣ, съ которымъ новое королевство взирало на пребываніе Императора въ Варшавѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ могъ онъ такъ выказать всего себя, какъ здѣсь.

---

*) Point d'honneur.

Библиотека "Руниверс"

Масса производствъ возбудила зависть многихъ. Новосильцовъ, о которомъ я когда-то такъ много говорилъ и который въ настоящее время одинъ изъ первыхъ въ правительствѣ Польши, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, черезъ что онъ становится выше равныхъ съ нимъ и даже болѣе старшихъ его, а именно выше Козодавлева, министра внутреннихъ дѣлъ и князя Александра Голицына, министра духовныхъ дѣлъ. Я воспользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ обратить вниманіе вашего сіятельства на усиленное желаніе Государя не придерживаться очереди при наградахъ, которыя онъ жалуетъ, особенно же по военному производству, гдѣ онъ обыкновенно награждаетъ по заслугамъ, а не по старшинству.

На счетъ этого, какъ вамъ извѣстно, два мнѣнія: одни говорятъ, что система старшинства—рай для дураковъ; что какой-нибудь негодяй, получившій мѣсто по слѣпому случаю, будетъ всегда заслонять собою достоинства стоящаго за нимъ; что стоитъ-ли совершать подвиги въ странѣ, гдѣ награды даются по метрическимъ свидѣтельствамъ. Другіе возражаютъ на это, что предполагаемое награжденіе достойнѣйшихъ останется всегда одной мечтой, такъ какъ изъ тысячи человѣкъ пятьсотъ будутъ избраны Государемъ, точно такъ, какъ мы выбираемъ карту у фокусника, предлагающаго намъ выдернуть какую намъ угодно карту, а мы вынимаемъ именно ту, какую онъ хочетъ. И противъ этого Государю не поможетъ самая тщательная предосторожность. Если же Государь расчитываетъ на свою проницательность, то онъ ошибается, потому что тутъ нужны законы на всѣ случаи и общіе для всѣхъ людей; поставленное надъ нами начальство по старшинству можетъ насъ огорчать, но не унижать, тогда когда начальство, выбираемое правителемъ не по праву старшинства, и огорчаетъ, и унижаетъ; предпочтеніе заслугамъ передъ старшинствомъ походило бы на предпочтеніе, которое мы бы давали выборной монархіи передъ наслѣдственной. Подобная система оставляетъ широкое поле произволу, происканъ и самымъ безумнымъ притязаніямъ. Не берусь рѣшить, какая изъ этихъ двухъ сторонъ вѣрна.

С.-Петербургъ, 17 (29) Октября 1816 г.

Какъ я уже говорилъ вашему сіятельству, Императоръ прибылъ въ Гатчину. Мы его ожидаемъ съ минуты на минуту. Говорятъ, онъ остался чрезвычайно доволенъ Польскимъ войскомъ. Поляки народъ воинственный, а кавалерія ихъ славилась во всѣ времена. Сарматовъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ исторіи, отожествляли съ Центаврами. Конечно, Поляки постарались всячески угодить своему могущественному государю. Страну эту нужно наблюдать внимательно, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

все предвѣщаетъ, что она назначена возбудить вопросы большаго значенія.

Новаго на счетъ военныхъ поселеній ничего не слышно. Противъ нихъ многіе изъ значительныхъ здѣсь лицъ; но я не тороплюсь вторить этимъ хулителямъ, такъ какъ, въ настоящее время, во всей Европѣ царствуетъ противорѣчіе всему, что̀ дѣлаютъ государи, а въ Россіи оно особенно сильно. Говорятъ, что на два такихъ поселенія затрачено 800 тыс. Но вѣдь это еще толки, которымъ не всегда можно вѣрить.

С.-Петербургъ, 19 (31) Октября 1816 г.

Государь пріѣхалъ 17 (29)-го и на слѣдующій же день былъ парадъ въ 38 т. солдатъ; дѣла такъ и сыплются одно за другимъ, министры всѣ измучены. Я ограничился попросить аудіенціи на первый свободный часъ.

Парадъ состоялся въ самое негожее время, въ гололедицу; много солдатъ попадало, одинъ тутъ же умеръ, три офицера сломали себѣ ноги. Всѣ эти несчастія напомнили мнѣ мои старыя книги. Двадцать два вѣка тому назадъ одинъ великій человѣкъ сказалъ, что въ военномъ дѣлѣ безъ опасныхъ ученій нельзя обойтись; что если, при воображаемыхъ сраженіяхъ, надъ которыми практикуютъ солдатъ, нѣкоторые изъ нихъ и поплатятся жизнію, этого зла нельзя избѣжать; безъ него никогда не сформировать хорошихъ воиновъ. Сказано сильно, неправда-ли, ваше сіятельство? Но дѣйствительно, какъ избѣжать подобныхъ несчастій въ странѣ, гдѣ снѣгъ, ледъ, сильные холода, а подъ часъ и грязь, представляютъ всегда опасность для военныхъ ученій; они, такъ сказать, въ порядкѣ вещей, и съ ними нужно считаться при выгодахъ, которыя получаются отъ нихъ. Но никто изъ предшественниковъ Императора не заботился такъ горячо о людяхъ, какъ онъ; хирургія и аптеки при войскахъ обязаны ему почти своимъ существованіемъ и своими постоянными усовершенствованіями.

Новый тарифъ не произвелъ ожидаемыхъ послѣдствій, цѣны даже поднялись, и это не только на товарахъ: квартиры, напр., дошли до сумасшедшихъ цѣнъ. Разсужденій на счетъ этого безъ конца; но вѣдь эти повышенія только всеобщая предосторожность противъ паденія цѣнъ на ассигнаціи. Государь отмѣнилъ рекрутскій наборъ этого года, и армія, говорятъ, уменьшится на 200 тыс. человѣкъ, что̀ дастъ великое сбереженіе. Какъ подумаешь, государства, имѣющія 200 т. войска, считаютъ себя сильными, а здѣсь сокращаютъ его на столько же, не теряя нисколько своей мощи! Единственно, что̀ могло бы

Библиотека "Руниверс"

поддержать ассигнаціи, это свобода торговли; но противъ нея много враговъ, съ мнѣніемъ которыхъ обязаны считаться.

С-Петербургъ, 31 Октября (11 Ноября) 1816 г.

Императоръ соблаговолилъ предложить своимъ генералъ-адъютантамъ выстроить себѣ домá въ Петербургѣ, давая имъ на это, и землю, которая большой стоимости, и денежную ссуду; онъ въ подобныхъ случаяхъ самый честнѣйшій кредиторъ. Но, я еще не знаю, согласятся ли на это генералъ-адъютанты. У Государя великіе проэкты для украшенія столицы и, кажется, онъ начнетъ съ Исакіевской площади.

Новость первой важности, какъ для Петербурга, такъ и для всей Россіи: снята опала со Сперанскаго и съ Магницкаго; оба назначены губернаторами, но еще неизвѣстно, куда. Скажу, что изо всѣхъ удивленныхъ я менѣе всѣхъ удивленъ.

Императоръ совѣтовался на счетъ церковныхъ дѣлъ съ однимъ юристомъ-протестантомъ, который нашелъ, что все что̀ сдѣлано противъ Іезуитовъ и Католической церкви неосновательно и несправедливо.

С.-Петербургъ, 15 (27) Декабря 1816 г.

День рожденія Государя прошелъ съ обычными церемоніями, но, какъ мнѣ показалось, съ какою-то особенною торжественностію. Утро во дворцѣ было чрезвычайно блестящее, такъ какъ весь дипломатическій корпусъ былъ въ сборѣ, и многіе иностранцы должны были быть представлены; но ничто не можетъ сравниться съ пышностью бала и ужина.

Царствующая Императрица едва могла себя принудить присутствовать при утреннемъ пріемѣ, но вечеромъ она не выходила. Кончина маленькой двѣнадцатилѣтней Голицыной повергла ее въ безпредѣльную скорбь: эта дѣвочка была какъ бы завѣщана добрѣйшей Императрицѣ ея другомъ, кн. Голицыной, умершей въ очень молодыхъ годахъ. Въ то самое время, какъ маленькая Голицына, которую Императрица воспитывала при себѣ, кончалась на ея рукахъ, другая дѣвочка, дочь генерала Витгенштейна, которая воспитывалась ею же, но въ Смольномъ монастырѣ, была тоже при послѣднемъ издыханіи. Мнѣ передавали, что только что маленькая Голицына заболѣла, Императрица сказала: „ей не жить—она мнѣ дорогá.“ Какъ это трогательно! Государь, по общему отзыву, выказалъ себя, при этомъ случаѣ, удивительно хорошо; мнѣ и не нужно было слышать объ этомъ, чтобъ быть увѣреннымъ, что иначе онъ и не могъ поступить.

На утреннемъ пріемѣ и вечеромъ на балу, Императоръ и Императрица-Мать очень тепло поздравили меня съ новымъ назначеніемъ

Библиотека "Руниверс"

моего сына и милостиво говорили о моемъ отъѣздѣ. Я, вообще, получаю по этому поводу много доказательствъ сочувствія и расположенія; здѣсь привыкли считать меня своимъ, и мнѣ самому казалось, что я Русскій.

День рожденія Императора былъ ознаменованъ большою милостію: жалованье офицерамъ почти что удвоено. Одни говорятъ, что эта прибавка станетъ казнѣ въ 17 милліоновъ, другіе—что только въ 7. Мѣра эта была первой необходимостью; у насъ капитанъ получаетъ больше, чѣмъ здѣсь генералъ. Курсъ повышается по двумъ одновременно совпавшимъ причинамъ: крайней бѣдности всей почти Европы, и богатства Россіи въ хлѣбѣ. Корабли привезли недавно въ Одессу 40 милліоновъ звонкой монетой, такъ что не удивительно, что 100.000 р. стоившіе, еще съ мѣсяцъ тому назадъ, 100.000 франковъ, въ настоящую минуту представляютъ стоимость 114.000 фр.

Дѣло Католической церкви приближается, кажется, къ концу. Такое несчастіе, что церковь примѣшали въ Іезуитамъ и что на ней отозвался ударъ, сразившій ихъ, хотя она ничуть не причастна къ взводимымъ противъ нихъ обвиненіямъ. Слава Богу, что Государь убѣдился въ принадлежности дома Католической церкви и не допустилъ совершиться вопіющей несправедливости. Теперь, интересно бы мнѣ знать, что̀ думаетъ Императоръ о Совѣтѣ Министровъ и о судьбахъ, рѣшившихъ большинствомъ всѣхъ противъ двухъ, что домъ, вопреки очевидности, принадлежитъ Іезуитамъ, и это только изъ воображаемаго желанія ему угодить, поступаясь даже своею совѣстію? Впрочемъ, хотя и признано, что домъ принадлежитъ Католической церкви, но всѣмъ жильцамъ предложено выѣхать въ извѣстный срокъ и, вѣроятно, Государь его купитъ для какого нибудь военнаго учрежденія. Полной справедливости въ этомъ рѣшеніи Государя я не вижу; можетъ-ли церковь существовать рядомъ съ какимъ нибудь военнымъ учрежденіемъ? *)

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ все по старому: между гр. Нессельроде и гр. Каподистріа полное согласіе, хотя, подъ часъ, первую роль играетъ гр. Нессельроде. Но это внѣшнее преимущество уравновѣшивается внутреннимъ, и никто не сомнѣвается, что любовью пользуется король семи острововъ, какъ называлъ его Метернихъ. Весь дипломатическій корпусъ очень расположенъ къ гр. Каподистріа: такъ онъ простъ, естественъ и не похожъ на министра, хотя не скажетъ никогда ничего лишняго. Присущая ему доброта придаетъ ему видъ бесѣдующаго пріятеля, такъ что и всѣ министры любятъ его, не видя въ немъ министра.

---

*) Такъ и въ Москвѣ слышался ропотъ, когда въ Кремлѣ возникли казармы (1849). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Государь все свое время посвящаетъ дѣламъ военнымъ. Кн. А. Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ, бываетъ у него часто, обѣдаетъ, ужинаетъ съ нимъ, но это только какъ другъ, какъ постоянный, такъ сказать, сотрапезникъ. Комитетъ Министровъ вѣдаетъ всѣмъ управленіемъ и докладываетъ Государю о сдѣланномъ, а онъ уже рѣшаетъ. Первая особа—это графъ Аракчеевъ, артиллерійскій офицеръ, который посылаетъ приказы во всѣ департаменты. Человѣкъ онъ большаго природнаго ума и умѣетъ удержаться безсмѣнно въ своемъ фаворѣ: отъ денегъ онъ отказывается, такъ какъ богатъ, и въ лентахъ не нуждается тоже: онъ скромно довольствуется портретомъ Императора и военными почестями, которыя воздаютъ ему точно, какъ Императору, и, что̀ неслыханно, даже въ его присутствіи! Онъ ежедневно является къ Государю съ цѣлой кипой дѣлъ, по всѣмъ отраслямъ правленія. Мнѣ разсказывали какъ-то, что одинъ секретарь, докладывавшій ему по одному дѣлу, относящемуся къ департаменту духовныхъ дѣлъ, спросилъ у него, по полученіи его приказаній относительно этого дѣла: „не считаетъ-ли его сіятельство нужнымъ, чтобъ я довелъ до свѣдѣнія моего начальства ваше приказаніе?“— Аракчеевъ отвѣтилъ: „Какъ хотите!“ По дѣлу Католической церкви этотъ самый Аракчеевъ сказалъ: „Очень нужно рѣшать глупый вопросъ, кому принадлежитъ домъ? Захотѣли взять, и возьмутъ: вотъ и весь сказъ!“ Я не думаю, чтобъ въ Россіи и могъ быть когда нибудь другой способъ управленія.

12 (24) было собраніе у Его Величества, гдѣ произошло что-то доселѣ неслыханное. Государь говорилъ о политикѣ! Онъ подошелъ къ Португальскому послу, командору де-Сальданга-Гама со словами: „Я очень недоволенъ происходящимъ въ Америкѣ!“ Сальданга возразилъ на это: „А я, Ваше Величество, тѣми истолкованіями, которыя дѣлаютъ въ Европѣ по поводу происходящаго въ Америкѣ“. Испанскому послу Государь сказалъ: „Португалія и Испанія нарушили миръ, установленный послѣ столькихъ стараній“. Зеа увѣряетъ, что онъ отвѣтилъ Государю: „Ваше Величество, на Югѣ Европы никто не возмутитъ мира“. Но этихъ словъ Зеа никто однако не слышалъ. Командоръ де-Сальданга тотчасъ нашелъ гр. Каподистрію, прося объсненій по поводу этой Американской размолвки. Государь мѣшается рѣшительно во все. Никогда еще вліяніе Россіи не было такъ велико, но внутреннимъ дѣламъ предоставлено идти какъ угодно. Есть народы, которымъ нужно, чтобъ ими дурно управляли. Это кажется большимъ парадоксомъ, а между тѣмъ это сущая правда. Этимъ положеніемъ доказывается только, что подобные народы не

Библиотека "Руниверс"

способны къ воспринятію лучшаго правленія, и если имъ и дадутъ безполезные для нихъ законы, конституціонные, либеральные, преобразовательные, они ничего отъ нихъ не выиграютъ, а только потеряютъ свою силу.

С.-Петербургъ, 1816.

Не думаю, чтобъ какой-нибудь великосвѣтскій вертопрахъ такъ нетерпѣливо поджидалъ масляницы, какъ я поста. Наконецъ, онъ наступилъ, а съ нимъ прекратились и всѣ веселія. Катаньемъ на саняхъ завершился этотъ шумный и блестящій карнаваль; а наканунѣ, 29-го, (н. ст.) былъ фейерверкъ, балъ и ужинъ въ Таврическомъ дворцѣ. Приглашенныхъ было три тысячи человѣкъ. Залъ танцовальный (200 ф. длины) былъ освѣщенъ 12-ью тыс. свѣчей и 6-ью тыс. шкаликовъ; садъ при дворцѣ былъ такъ же чудно иллюминованъ. Фейерверкъ былъ волшебно великолѣпенъ. Ужинъ былъ сервированъ въ одиннадцать часовъ, а въ часъ начался разъѣздъ. На катаньи было отъ 40 до 50 саней самыхъ роскошныхъ. Мнѣ говорили, что, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать изъ нихъ стоили, своей упряжью, по 10 тыс. р., и я увѣренъ, что это такъ и есть. Катались только по городу, а по возвращеніи у Императора былъ большой завтракъ. Въ Пятницу на масляной были два частныхъ бала: у гр. Остермана и у гр. Лаваля: а въ Субботу самый разгаръ увеселеній.

С.-Петербургъ. 1816 г.

Вы помните, какъ я, съ Декабря мѣсяца, говорилъ вамъ, что Католичество почти уничтожено здѣсь. Императоръ не вѣритъ этому и не желаетъ этого, но подземныя силы знаютъ, что они творятъ. Указомъ 29-го Мая, находящимся еще въ Сенатѣ, домъ Католической церкви конфискованъ, какъ принадлежащій Іезуитамъ; но земля, на которой выстроенъ домъ, признана собственностію церкви. Библіотека Іезуитовъ и ихъ физическій кабинетъ тоже конфискованы. Домъ признанъ свободнымъ отъ всякихъ долговъ, а кредиторамъ предоставляется взыскивать съ другаго имущества ордена. Императоръ хочетъ отдать церковный домъ подъ какое-нибудь богоугодное заведеніе, а я увѣренъ, что въ немъ помѣстятъ инвалидовъ, сиротъ и вдовъ военныхъ людей. Указъ этотъ я вышлю вашему сіятельству. Для предотвращенія зла, было сдѣлано все возможное, а теперь съ должною почтительностію нужно избѣгать шума.

Настоящій виновникъ во всемъ этомъ—несчастный епископъ, предатель церкви и тайный Протестантъ*). При необходимости пожать ему руку, я не иначе сдѣлалъ бы это, какъ надѣвъ кожаную перчатку.

*) Сестренцевичъ-Богушъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ, 22-ое Декабря 1816. (3 Янв. 1817).

Вы вѣроятно знаете, что Ея Имп. Выс. принцесса Нассауская, супруга эрцгерцога Карла Австрійскаго, приняла Католичество. Переходъ ея сдѣланъ былъ ею послѣ свадьбы, и безъ всякаго принужденія. Въ Германіи онъ вызвалъ въ газетахъ нѣсколько статей полныхъ недовольства: но что здѣсь напечаталъ Инвалидъ по этому поводу заслуживаетъ быть переданнымъ: „Извѣстіе объ обращеніи принцессы Нассауской не соотвѣтствуетъ ни ея характеру, ни ея просвѣщенному уму, какъ равно и принципамъ, принятымъ Священнымъ Союзомъ“. Вашему сіятельству станетъ яснымъ истолкованіе, которое хотятъ придать Священному Союзу: все таже химера о всемірномъ христіанствѣ и безразличіи всѣхъ христіанскихъ религій, признаваемыхъ одинаково хорошими. Хотя статья эта прошла цензуру, но нельзя еще сказать, что она офиціальная; а только, такъ сказать, терпимая, согласная со мнѣніемъ многихъ, не смотря на то, что она не выдержитъ простой логики. Я увѣренъ, что Императоръ находитъ отличнымъ, чтобъ каждый правитель поддерживалъ у себя вѣру своего народа, а вмѣстѣ съ этимъ онъ страстно стремится къ соединенію всѣхъ церквей. Но увы, эти два желанія Императора въ полномъ противорѣчіи одно съ другимъ.

Необходимо, чтобы кто нибудь уступилъ: но кто именно и какъ? На такой вопросъ я отвѣтилъ какъ-то одной дамѣ изъ Женевы: „мы не можемъ ни на единый шагъ придвинуться къ вамъ: но, если вы захотите придти къ намъ, мы сгладимъ вамъ этотъ путь на свой счетъ“.

Германія наканунѣ религіознаго переворота. Знаетъ-ли его величество король, что знаменитый Гёте вернулся въ лоно Католической церкви? Подобное обращеніе самого Вольтера, въ его годы бодрости, не было бы такъ удивительно!

Не примите за бредъ мою увѣренность, что дѣло соединенія церквей только за Императоромъ, который можетъ все что хочетъ: а почему бы ему не захотѣть этого, разъ что можетъ? Дѣло вовсе ужъ не такъ трудно, какъ думаютъ: онъ уже отдѣлался отъ невѣжественнаго упорства восточныхъ патріарховъ, чѣмъ устраняется большое препятствіе. Конечно, на это нужно время: но Императору только 39 лѣтъ. Чье имя сравнялось бы съ его именемъ, еслибъ ему удалось, послѣ

Библиотека "Руниверс"

одержанной имъ побѣды подъ Лейпцигомъ и мира заключеннаго въ Парижѣ, завершить свои славныя дѣянія соединеніемъ церквей?

С.-Петербургъ, 5 (17-ое) Января 1817 г.

Первый день Новаго Года (13 н. ст.) былъ отпразднованъ по извѣстному вамъ порядку. Утромъ и вечеромъ торжественный выходъ, костюмированный балъ въ Зимнемъ дворцѣ и ужинъ въ Эрмитажѣ. Нужно самому видѣть эту толпу, чтобъ понять, что̀ это такое. Мнѣ кажется, что въ Европѣ не можетъ быть ничего подобнаго. Это что-то въ родѣ монархической сатурналіи и, съ этой точки зрѣнія, Императоръ придаетъ этому совершенно вѣрное и важное значеніе. Во дворцѣ Государя соединяются всѣ сословія: крестьянинъ тутъ бокъ о бокъ съ княземъ; народъ въ восторгѣ, что можетъ подходить къ своему Царю и всей его Августѣйшей семьѣ, любоваться ими въ волю, а Царь, безъ сомнѣнія, и самъ находитъ въ этомъ удовольствіе. Кто насъ очень забавилъ, это купецъ изъ Кашемира, пріѣхавшій сюда съ большей партіей шалей. Подвигаясь съ толпой, онъ дошелъ до мѣста, гдѣ стоялъ дипломатическій корпусъ, и, какъ восточный человѣкъ, пораженный блескомъ всего, что̀ видѣлъ, пришелъ въ такой восторгъ, что сталъ говорить намъ что-то какъ будто мы могли его понять. Въ это время появилась царствующая Императрица, залитая брилліантами и сіяя граціей. Она милостиво заговорила со мной, а Левантіецъ, пораженный еще болѣе этимъ волшебнымъ явленіемъ, сталъ еще громче говорить, созерцая Императрицу и какъ будто къ ней обращая свою рѣчь. Что̀ онъ говоритъ? спросила у меня Императрица. Ваше Величество, я знаю, что̀ онъ можетъ говорить передъ Вами, но перевести его словъ не умѣю. Чего бы я не далъ, чтобъ проникнуть на минуту въ голову этого Левантійца!

Совсѣмъ другая личность Карагеоргій (т. е. проклятый Георгъ). Онъ былъ тоже на этомъ балу. Вы знаете, какъ много говорили объ этомъ вождѣ Сербовъ. Онъ убилъ своего отца, за что и проклятъ матерью; затѣмъ, онъ убилъ собственнаго брата, и даже самъ, своими руками, повѣсилъ его, точно чтобъ еще болѣе доказать, какъ онъ заслужилъ проклятіе. Мнѣ было очень странно смотрѣть на такой экземпляръ. Только на Турецкомъ навозѣ могутъ выростать такія чуждыя Европѣ растенія.

Эрмитажъ былъ освѣщенъ по новому способу (изобрѣтеніе одного Итальянца) вамъ еще незнакомому и который я не съумѣю вамъ описать какъ слѣдуетъ. Скажу только, что свѣчей не видно: онѣ всѣ скрыты стеклянными трубочками. За столомъ министровъ было около 60 человѣкъ. Государь, какъ всегда, обходилъ всѣ столы; дотронувшись

Библиотека "Руниверс"

сзади до моего сына, онъ осчастливилъ его самыми милостивыми словами, а когда поравнялся съ нами, соблаговолилъ повторить мнѣ, „что отъѣздъ молодого человѣка очень имъ непріятенъ“. У Императора правило при подобныхъ праздникахъ забывать, что онъ Государь и дѣлаться просто свѣтскимъ человѣкомъ высшаго круга общества. Постоянно слышно, какъ онъ говоритъ: „я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ, сударыня..... прошу васъ извинить меня;... позволите ли вы мнѣ?.. и т. п. точно такъ, какъ всякій другой свѣтскій человѣкъ.

Послѣ баловъ при дворѣ, самые пышные у Англійскаго посла, который живетъ тутъ, какъ и слѣдуетъ человѣку съ его богатствомъ, и какъ представителю Великобританіи. Каждый Вторникъ у него балъ, на который приглашаютъ всѣхъ, кто въ числѣ всюду приглашаемыхъ въ обществѣ. У другихъ пословъ ужинъ не обязателенъ на такихъ балахъ; у него же, если на балъ сто приглашенныхъ, то и ужинъ готовится на такое же число. Кромѣ этихъ баловъ у лордъ Каткарта бываютъ по Вторникамъ еженедѣльно, менѣе многолюдные вечера, но много пріятнѣе, преимущественно изъ семействъ дипломатическаго корпуса, и на нихъ бываетъ музыка, когда между дамами и дѣвицами найдутся музыканты. Французскій посланникъ держится совсѣмъ иначе; у него еще не было ни одного бала, за что его очень осуждаютъ; но у него на то основательная причина: онъ въ траурѣ.

С.-Петербургъ, 15 (27) Января 1817 г.

6 (18) Января была великолѣпная церемонія освященія воды, а за ней парадъ, только изъ 36 тысячъ человѣкъ. Мы смотрѣли на него изъ Фонаря, знакомаго вашему сіятельству. Это уже второй разъ, что намъ отводятъ тамъ мѣста, избавляя насъ отъ присутствія на большомъ балконѣ, выходящемъ на Неву и гдѣ всегда сидятъ Императрицы. Красота войска, точность и акуратность въ движеніяхъ выше всякаго сравненія; кажется, что эта машина, приводимая въ дѣйствіе колесами. Удивительна хороша кавалерія; глядя на нее, можно подумать, что лошади получили способность разсуждать, а люди ее утратили, или, вѣрнѣе, что это Центавръ, повинующійся единой волѣ. Такое совершенство имѣетъ однако дурную сторону, какъ почти всѣ дѣла человѣческихъ рукъ. Прежде всего, такія частыя упражненія, при такомъ суровомъ климатѣ, изнурительны для людей. Я слышалъ отъ одного врача, что ежегодно въ одной гвардіи 3 тысячи человѣкъ умираютъ отъ переутомленія. Затѣмъ, офицеры, менѣе сильные чѣмъ солдаты, рады уже, когда у нихъ достаетъ силъ на выполненіе своей службы. По окончаніи ученія имъ необходимо выспаться, чтобъ стать годными

Библиотека "Руниверс"

хоть на танцы, такъ что у нихъ никогда нѣтъ возможности заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ, вопросами нравственными, или искуствами, и мн. др. Поэтому военная служба, такъ сказать, сила, постоянно годная для того, чтобъ сдѣлать человѣка вещью, въ лучшую пору его жизни. Я очень радъ, что король заинтересовался всѣмъ тѣмъ, что̀ я вамъ писалъ о военныхъ поселеніяхъ. По всему видно, что Императоръ будетъ ихъ увеличивать, въ виду ихъ пользы и плодотворности. Первыя военныя поселенія (колоніи) были устроены Римлянами, что̀ видно, и теперь еще, по названіемъ нѣкоторыхъ городовъ: Colonia Ubiorum, (Cologne, Кёльнъ), Colonia Agrippina (Женева) и др. Но первый опытъ съ ними въ Россіи былъ очень несчастливъ. Потребовалось переселить тысячу душъ крестьянъ въ очень отдаленную губернію, чтобъ, на ихъ мѣстѣ, устроить военное поселеніе. Люди, которымъ было поручено это дѣло, отнеслись къ нему такъ небрежно, что половина покрайней мѣрѣ этихъ переселенцевъ погибла въ пути. Когда Государю стало извѣстно это несчастіе, онъ всячески озаботился наградить оставшихся въ живыхъ; и я думаю, что теперь онъ, вообще, предпочтетъ, просто присоединять солдатъ и кантонистовъ къ крестьянамъ. Переселенія по принужденію вещь чрезвычайно тяжелая; вѣдь человѣкъ тоже растеніе, и нельзя его вырвать внезапно съ родной почвы, не причинивъ ему жестокихъ страданій. Впрочемъ, Императоръ, въ подобныхъ случаяхъ, пользуется одинаковымъ правомъ съ каждымъ помѣщикомъ. Мнѣ сдается однако, что это право уничтожать прежде всякаго другаго, или его измѣнять во многомъ. Вообще уваженіе къ естеству человѣка, опасеніе причинить ему какой-нибудь вредъ неосторожнымъ прикосновеніемъ далеко еще не привились къ Русскимъ, да и не могли привиться; но въ Зимнемъ дворцѣ имъ широко открыты двери, а оттуда они легко распространятся повсюду.

Г-нъ П., посланникъ Американскихъ Штатовъ, прибылъ сюда и былъ уже представленъ, какъ и супруга его, которая, по несчастію, не говоритъ по-французски, въ чемъ она сходится съ леди Каткартъ; но у послѣдней всегда по бокамъ три милыя переводчицы, тогда какъ у супруги посланника Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ такія же нѣмыя дѣти, какъ она. Да и самъ посланникъ объясняется по-французски съ большимъ трудомъ. Инцидентъ Филадельфійскій исчерпанъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣ взаимныхъ разъясненій. Я этому очень радъ, всегда желая, чтобъ всѣ государства оставались въ добрыхъ между собой отношеніяхъ.

С.-Петербургъ, 23 Января (5 Февраля) 1817 г.

Мое положеніе обязываетъ меня говорить вамъ обо всемъ: о войнѣ, о мирѣ, о законахъ, о религіи; поэтому поговорю и о балахъ.

Библиотека "Руниверс"

8 (20) Января, у лорда Каткарта былъ великолѣпный, парадный балъ, который удостоили своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Величества со всѣмъ дворомъ. Они пожаловали въ 8 ч. и открыли балъ полонезомъ. Императоръ шествовалъ съ Императрицей-матерью (на что я прошу обратить ваше вниманіе), царствующая Императрица шла съ посломъ. Императоръ, послѣ перваго тура, предложилъ руку супругѣ посла, а за тѣмъ все пошло своимъ порядкомъ, по установленному обычаю. Государь оставилъ балъ около 9 ч., сдѣлавъ столько же счастливыхъ, сколько и огорченныхъ. Балъ продолжался въ присутствіи прочихъ членовъ Царской семьи. Ужинали въ 12 ч., вся посуда была серебряная, вызолоченная. Разъѣздъ начался въ 2 ч.

Нѣсколько дней спустя, мы были на точно такомъ же балу у Французскаго посланника. Хотя Англійскій посолъ платитъ 30 тысячъ за свое помѣщеніе, но домъ, предоставленный правительствомъ въ распоряженіе Французскаго посланника, еще больше, что̀ позволило графу Ноалью пригласить на свой балъ на сто человѣкъ больше, чѣмъ было у лорда Каткарта. Но вотъ что тутъ произошло. Только что Ихъ Величества вошли, графъ Ноаль подошелъ къ Императору получить его приказанія, чтобъ начать балъ. Государь показалъ ему на Государыню Марію Ѳедоровну, сказавши что-то, при этомъ. Графу послышалось: offrez la main à ma mère“; но другіе говорятъ, что Императоръ сказалъ: „adressez-vous à ma mère“, т. е. „спросите какъ будетъ угодно Императрицѣ“. И, вотъ, гр. Ноаль, который совсѣмъ не такъ понялъ его слова, подходитъ къ вдовствующей Императрицѣ и подаетъ ей руку, и когда она пошла съ нимъ, Императоръ остался безъ дамы. Тогда онъ подошелъ къ герцогинѣ Серра-Капріола, которую посланникъ просилъ быть у него за хозяйку, такъ что она была на правахъ посланницы, и сталъ съ ней въ парѣ. Царствующая Императрица въ свою очередь стояла безъ кавалера, когда Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ поспѣшилъ подойти къ ней, и балъ могъ начаться. Вы не можете себѣ представить, сколько это недоразумѣніе вызвало толковъ. Я увѣренъ, что гр. Ноаль не такъ понялъ слова Императора, который слишкомъ хорошо знаетъ всѣ обычаи въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ можно было допустить, что онъ по разсѣянности не такъ выразился. Замѣтимъ еще подобныя неловкости, и все вмѣстѣ называютъ теперь „посланническіе грѣхи“: ихъ семь, столько же, сколько смертныхъ грѣховъ. Не смотря на всѣ эти злыя насмѣшки, балъ нужно признать замѣчательно удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: сервировка, освѣщеніе, музыка, пѣніе по французски, по италіански и по русски, все было превосходно. Стоилъ балъ 25 тысячъ; за одни растенія, взятыя на прокатъ, заплачено полторы тысячи рублей; вотъ, какъ въ этой

Библиотека "Руниверс"

столицѣ таютъ денежки! Перехожу отъ этихъ важныхъ дѣлъ къ маленькимъ. Графу Гурьеву, министру финансовъ, пожалована Андреевская лента; послѣ гр. Маркова это первый случай пожалованія этого ордена не военному, а гр. Марковъ получилъ его уже 13 лѣтъ тому назадъ. Это награда возбудила зависть и ропотъ многихъ, но Императоръ обращаетъ на это столько же вниманія, какъ на трещаніе сверчковъ.

С.-Петербургъ, 23 Января (4 Февр.) 1817.

Когда имѣешь важныя дѣла въ Россіи, нужно всегда помнить о чинѣ, чинѣ и чинѣ, и никогда не терять его изъ виду. Мы постоянно входимъ въ заблужденія, забывая, что здѣсь знатность происхожденія почти ничего не значитъ. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобъ родовитое дворянство не играло въ Россіи никакой роли; оно очень помогаетъ для полученія чиновъ, но, само по себѣ, на второмъ планѣ, и самый древній родъ не дастъ здѣсь человѣку положенія, если у него нѣтъ чина. Вотъ, почему я очень радъ, что графъ Брюсаскъ отказался отъ мѣста повѣреннаго въ дѣлахъ при нашемъ здѣсь посольствѣ. Ему пришлось бы видѣть г-на Бордо, бывшаго Амстердамскаго купца, или кавалера Зеа-Бермудеза, еще въ прошломъ году подписавшагося: „Зеа и К-о“, всегда впереди себя*). Съ ними милостиво бы говорили, а проходя мимо него, не удостоивали бы его ни единымъ взглядомъ. Врядъ-ли графъ Брюсаскъ, съ нашими понятіями о родовитости, могъ бы примириться съ такимъ положеніемъ.

Въ первое время моего здѣсь пребыванія, я очень часто бывалъ у княгини...., но вскорѣ я былъ предупрежденъ, что это не домъ для посланника. Я никакъ не могъ понять, какъ мнѣ можетъ повредить знакомство съ однимъ изъ знатнѣйшихъ домовъ столицы; развѣ, что на этомъ семействѣ есть какое нибудь пятно; на это мнѣ таинственно шепнули: „да вѣдь ея мужъ только маіоръ“. Намъ подобныя вещи не понятны, но, имѣя дѣло съ Россіей, необходимо съ ними считаться; тѣмъ болѣе, что ея глава, не особенно расположенный къ своему дворянству, страшно поддерживаетъ чины, предпочитая ихъ родовитости, съ которой здѣсь не далеко уѣдешь безъ чина.

С.-Петербургъ, 30 Января (11 Февраля) 1817 г.

Графъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вы изволили спрашивать у меня, какими преимуществами пользуются здѣсь посланники;

*) Перваго, какъ резидента Нидерландскаго, а втораго какъ посланника короля Испанскаго.

Библиотека "Руниверс"

я не могъ вамъ, съ точностію, отвѣчать на это, по частой ихъ здѣсь измѣнчивости. Теперь, Императоръ издалъ, по предложенію своего Совѣта, относительно этихъ преимуществъ указъ, который намъ всѣмъ сообщили циркулярной нотой. Прилагаю эту ноту въ подлинникѣ, чтобъ познакомить его величество, короля, если я еще не опоздалъ съ этою Литографіей, это слово значитъ: рисунокъ или гравюра по камню. Открытіе это принадлежитъ Баваріи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я уже видѣлъ образцы этого изобрѣтенія; но и съ нимъ вышло такъ же, какъ съ пароходами: прежде чѣмъ они вошли во всеобщее употребленіе, о нихъ только долго толковали, дѣлая изрѣдка попытки испробовать ихъ. Кстати, о пароходахъ; здѣшній отлично служитъ: я былъ на немъ въ прошломъ году, когда его спускали на воду. Теперь строится еще другой, въ 80 ф. длины; его спустятъ, тотчасъ по вскрытіи Невы. Первый пароходъ дѣлаетъ постоянные рейсы между Петербургомъ и Кронштадтомъ, пока нѣтъ льду. А что въ Піэмонтѣ, или въ какомъ другомъ мѣстѣ Италіи, не дѣлали еще пробъ съ пароходами, которые такъ бы пригодились для озеръ, для По и другихъ большихъ рѣкъ? Они дѣлаютъ большую экономію въ людяхъ, во времени, въ лошадяхъ и въ деньгахъ; но за то, это правда, требуютъ большаго расхода на топливо.

Вы, вѣрно, уже знаете, графъ, изъ газетъ о согласіи гр. Каподистріи принять Гельветическое гражданство. Это вполнѣ имъ заслуженное выраженіе благодарности. Самый актъ о сопричисленіи былъ вложенъ въ золотой ларецъ, на днѣ котораго Женевскіе господа ученые написали Греческую надпись. „Gazette de Saint-Pétersbourg“ перевела ее слѣдующими словами: „Нашему дорогому и высокочтимому согражданину etc. Достойному потомку Ѳеакійцевъ*), столь всегда ревностныхъ къ дѣланію добра по данной имъ Минервою способности къ подвигамъ, доблести и мудрости“.

Мнѣ захотѣлось провѣрить переводъ съ подлинникомъ, и что же я открылъ? Женевскіе знатоки Гомера примѣнили къ гр. Каподистріи его стихи (въ Одиссеѣ) къ женщинамъ Ѳеакіи. „Паллада“, говоритъ поэтъ, „наградила ихъ способностію къ изящнымъ работамъ и мудростію“. Мнѣ кажется, что, если уже была необходимость хвалить милаго гр. Каподистрію словами Гомера, можно бы подыскать болѣе подходящія. Прилагаю, при семъ этотъ переводъ; можетъ, вы захотите потѣшить имъ кого нибудь изъ нашихъ Туринскихъ Эллинистовъ.

*) О-въ Корфу, въ древности, назывался Ѳеакіею.

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ, 10 (22) Февраля 1817 г.

Какъ только пріѣдетъ мой почтенный преемникъ, я ознакомлю его со всѣми подводными камнями здѣшняго моря, и отъ души поздравлю его, если онъ пожалуетъ съ парусами и снастями на готовѣ въ чемъ, впрочемъ, я не сомнѣваюсь. Я-же удалюсь, оставляя здѣсь воспоминаніе о зрѣлищѣ грустномъ и незабываемомъ, и надѣясь, что подобнаго уже не повторится.

Я видѣлъ новаго гражданина Женевы; онъ былъ очень любезенъ и, между прочимъ, сказалъ мнѣ: теперь что̀ вашъ король возстановленъ въ своихъ правахъ, ему будетъ со временемъ возможно осѣдлать всю Италію. Слова эти, по моему, сто̀ятъ быть вамъ сообщенными.

Положеніе духовныхъ дѣлъ очень мрачное. Расколъ въ Польшѣ, повидимому, распространяется сильно. Государь хочетъ свое главенство наложить и на нашу церковь, а такъ какъ нашъ недостойный епископъ способствуетъ ему въ этомъ, то намъ есть чего бояться. Одинъ Молдаванинъ, камергеръ Стурдзе составилъ противъ насъ книгу, на Французскомъ языкѣ, а Императоръ даетъ ему 20 тыс., чтобъ онъ ее напечаталъ. Еще я узналъ, что Императоръ посылаетъ Поляка, гр. Льва Потоцкаго въ Римъ, чтобъ окончательно уладить наши дѣла тамъ; графъ уменъ, съ благими намѣреніями и къ тому же Католикъ, но онъ совершенно не свѣдущъ въ этихъ дѣлахъ. Такъ какъ неизвѣстно, какія ему даны инструкціи, постараемся доставить ему какія слѣдуетъ: обстоятельства очень щекотливыя и моментъ опасный. У Императора, навѣрно, важные планы въ умѣ, и можно опасаться, какъ бы онъ не объявилъ намъ открытой войны, что̀, при его настоящемъ могуществѣ, будетъ ужасно. Слѣдовало бы сдѣлать все это извѣстнымъ въ Римѣ.

С.-Петербургъ. 20 Февраля (4 Марта) 1817 г.

Графъ. Испанскій посланникъ, кавалеръ Зеа-Бермудезъ, отправилъ, на дняхъ, своего брата курьеромъ въ Мадридъ для доставленія новой королевѣ, отъ Его Величества, чудныхъ подарковъ, состоящихъ изъ шалей и шубъ. Гр. Татищевъ, котораго нашъ король очень хорошо знаетъ по Италіи, преуспѣваетъ при Испанскомъ дворѣ, и вы уже знаете, конечно, что король пожаловалъ ему орденъ Золотаго Руна, что̀ доказываетъ въ какомъ почетѣ теперь Русскій посолъ въ Мадридѣ; вѣдь, не смотря на вліяніе Екатерины Великой, великолѣпный князь Потемкинъ не могъ его добиться.

Прилагаю при семъ переводъ очень интереснаго указа, для поясненій къ которому я долженъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія. Между раз-

Библиотека "Руниверс"

нообразными сектами, которыхъ въ Россіи такое множество, есть одна очень странная, и даже съ непонятнымъ названіемъ. Ея послѣдователи называются „духоборцы", что̀ приблизительно значитъ: сильны противъ духа. Но что этимъ обозначаютъ, на это я не могъ получить ни отъ кого отвѣта. Слово это близко къ названію Іакова, боровшагося съ Богомъ.

Духоборцевъ переселяли съ одного мѣста на другое и, въ настоящее время, они поселены въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, губернаторъ которой живетъ въ Одессѣ. Когда-то тамъ губернаторствовалъ съ удивительнымъ успѣхомъ герцогъ Ришелье, о которомъ сохранилась такая добрая память. Въ настоящее время губернаторомъ въ Одессѣ гр. Ланжеронъ, одинъ изъ многихъ военныхъ, которыхъ революція привела въ Россію, и едва-ли не единственный изъ знатныхъ Французовъ, оставшійся у нея на службѣ.

Двое изъ этихъ духоборцевъ перешли въ Православіе и сдѣлали много разоблаченій о своей сектѣ, что̀ заставило губернатора предложить нѣкоторыя суровыя мѣры противъ духоборцевъ. Императоръ отвѣтилъ губернатору указомъ, который печатается во всеобщее свѣдѣніе и который равносиленъ выговору.

Это именно и есть тотъ указъ, который я вамъ посылаю, во Французскомъ переводѣ. Изъ него король увидитъ о духѣ терпимости, присущемъ Императору и какъ онъ его широко понимаетъ.

У духоборцевъ совершенно исключительные догматы: они не признаютъ ни іерархіи, ни таинствъ и, по примѣру Анабаптистовъ, допускаютъ общность женщинъ, что̀ нужно признать очень благотворнымъ догматомъ и единственнымъ для предупрежденія безчисленныхъ бѣдствій, происходящихъ у насъ отъ несоотвѣтственныхъ браковъ.

.....Херсонскому военному губернатору. „...Отпаденіе духоборцевъ отъ православной Грекороссійской церкви, конечно, съ ихъ стороны, заблужденіе, въ основу котораго положены ложныя толкованія истиннаго служенія Богу и настоящаго христіанскаго духа. Происходитъ же это отъ ихъ невѣдѣнія; „ибо они имѣютъ ревность по Богѣ, но не по разсужденію" (Посл. къ Римл. гл. 10, ст. 2). Но приличествуетъ-ли правительству просвѣщенному и христіанскому возвращать заблудшихся въ лоно церкви, мѣрами крутыми и жестокими, ссылая ихъ, угнетая ихъ, и тому подобными способами? Ученіе Спасителя, сошедшаго на землю, чтобъ спасти грѣшниковъ, не можетъ быть распространяемо силою и карами и не можетъ служить къ погибели, спасеннаго этимъ ученіемъ, котораго стараются вернуть на путь истины; настоящая вѣра распространяется благодатью свыше, убѣжденіями, поученіемъ, кротостію, а больше всего добрымъ примѣромъ.

Библиотека "Руниверс"

Мѣры насильственныя никогда никого не убѣждаютъ, а только еще больше ожесточаютъ. Всѣ строгости, къ которымъ прибѣгали противъ духоборцевъ до 1801 г., въ теченіе тридцати лѣтъ, не только не уничтожили эту секту, а, напротивъ, послужили къ увеличенію числа ея послѣдователей".

С. Петербургъ, 6 (18) Марта 1817.

Среди общаго оскудѣнія Европы, Россія представляетъ отрадное явленіе по богатству, которымъ она сама пользуется и которое даетъ ей возможность кормить прочіе народы Европы. За одинъ только хлѣбъ, вывезенный въ 1816 г., она получила болѣе 100 милл. серебромъ. Въ Одессѣ, въ настоящую минуту, 48 кораблей, на каждомъ изъ которыхъ полторы тысячи четвертей хлѣба, а въ каждой четверти 300 пудовъ и стоитъ она 45 рубл. Въ 1810 г., Государь занялъ у Банка 20 милл. ассигнаціями, обѣщая вернуть ихъ, черезъ семь лѣтъ, по расчету одного серебрянаго рубля за два ассигнаціями. Министръ финансовъ объявилъ недавно, что онъ можетъ, сейчасъ же, приступить къ уплатѣ этихъ 20 милл. Повидимому, все обстоитъ прекрасно.

С. Петербургъ, 18 (30) Марта 1817.

Императоръ, въ настоящее время, всемогущъ въ Европѣ, и намъ нужно держаться его. Не смотря на множество людей критикующихъ его дѣйствія, никто теперь не сомнѣвается въ его достоинствахъ. Кампаніи 1812 и 1814 г. велись имъ съ такою храбростію, осторожностію, и съ такимъ искусствомъ, что нельзя уже оспаривать столь непреложно пріобрѣтенную имъ славу.

По внутреннему управленію, онъ дѣлаетъ все возможное, но матеріалъ не поддается работнику. Единственное чего можно опасаться, это уничтоженіе гражданскаго строя, для созданія народа солдатъ, со всѣми бѣдствіями, неизбѣжными при такомъ положеніи вещей.

Есть еще поводъ опасаться его намѣреній относительно вѣры но такъ какъ онъ въ прямыхъ сношеніяхъ со Святымъ Отцомъ, то справедливость требуетъ подождать судить его дѣйствія. Какъ бы то ни было, мы наканунѣ великихъ событій и если даже Императоръ ошибается, то все же онъ останется однимъ изъ самыхъ великихъ, среди ошибающихся властителей.

С. Петербургъ, 25 Марта (6 Апр.) 1817 г.

Мнѣ нужно сообщить вамъ по дѣлу о предложеніи одному очень важному здѣсь лицу званія камеръ-юнкера при Турпискомъ дворѣ. Со мною совѣтовались на счетъ этого, и я, какъ представитель моего

Библиотека "Руниверс"

двора, выставилъ дѣло съ самой выгодной и блестящей стороны; но я очень хорошо видѣлъ, какой оборотъ оно приметъ. Лицо, о которомъ рѣчь, вполнѣ готовое принять камеръ-юнкерство, почло, однакожъ, необходимымъ попытать оракула, съ которымъ нельзя шутить. Отвѣтъ оракула былъ, что онъ вполнѣ осудилъ бы такое принятіе; при этомъ онъ употребилъ даже слово: „смѣшно“. Я долженъ, однако, признать, что поведеніе блестящаго губернатора было вполнѣ корректно и что онъ былъ искрененъ, высказывая свое желаніе принять предложенное. Все это только подтверждаетъ не разъ уже мною говоренное, что мы слишкомъ мало смотримъ на то, что дальше насъ. Извѣстное званіе у насъ очень много значитъ, тогда какъ здѣсь, ему не придаютъ такого значенія, а получить его будучи свыше 25 лѣтъ отъ роду близко къ смѣшному. Самъ же Государь почти что открыто презираетъ эти должности отдѣльно взятыя и не присоединяетъ къ нимъ никакого чина въ служебной іерархіи, если у носящаго это званіе нѣтъ чина по занимаемой имъ гражданской или военной службѣ. Вел. Кн. Константинъ, такъ мало стѣсняющійся въ выраженіяхъ, говаривалъ: „камергеры свиньи“. Но это касается камергеровъ, а объ камеръ-юнкерахъ никто и не говоритъ даже; это должность для дѣтей. Въ подтвержденіе приведеннаго мною взгляда Императора на такъ называемыя придворныя должности, прибавлю, что сегодня утромъ, при христосованіи, онъ принялъ Государственный Совѣтъ, за нимъ Сенатъ, всѣхъ военныхъ до послѣдняго чина, и только послѣ послѣдняго поручика, дошла, наконецъ, очередь до оберъ-камергера и прочихъ продворныхъ чиновъ. Я не знаю, какія будутъ послѣдствія такой системы Государя и не стану ее предпочитать нашей, за которую охотно постою, какъ въ отношеніи философскомъ, такъ и въ политическомъ. Уважая свою систему, необходимо считаться и съ чужими системами. А мы, посланники, на то и существуемъ, чтобъ знакомить съ страною, при которой мы состоимъ. Мы многимъ обязаны Россіи, да и нужно заглядывать въ будущее. Рано или поздно, Императоръ сведетъ свои счеты съ Австріей; намъ нужно быть на готовѣ къ этому.

С. Петербургъ. 27 Марта (8 Апрѣля) 1817 г.

25 Марта (6 Апрѣля) мы получили очень любезное приглашеніе отъ Его Величества, и такъ какъ, прежде, мы не получали подобныхъ на первый день праздника Пасхи, то я не мало былъ удивленъ, найдя у себя, въ Субботу вечеромъ, пригласительный билетъ, слѣдующаго содержанія: „Согласно приказу Его Императорскаго Величества, Оберъ-церемоніймейстеръ Нарышкинъ имѣетъ честь просить господина“ и проч. и проч. пожаловать

Библиотека "Руниверс"

25-го сего Марта, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Зимній дворецъ, въ половинѣ одиннадцатаго часа, чтобъ смотрѣть съ балкона на парадъ.

Приглашеніе ограничивалось на этотъ разъ одними послами и посланниками, поэтому хвоста не было. Подъѣзжали къ Эрмитажу, откуда всѣхъ провели въ апартаменты Императрицы-матери, куда вскорѣ пожаловалъ Императоръ съ обѣими Императрицами. Трудно передать, какъ милостивы были къ приглашеннымъ Августѣйшіе хозяева. Государь самъ указалъ посланникамъ на мѣста для нихъ на балконѣ, и тогда, по данному сигналу, 42 тысячъ войскъ, сразу, съ четырехъ разныхъ сторонъ, выступили на площадь и выстроились въ плотное каре, тотчасъ же разстроенное разными передвиженіями. Послѣ параднаго завтрака Государь сошелъ къ войскамъ.

Я много разъ говорилъ вашему сіятельству, что никто не сможетъ превзойти Императора, когда онъ захочетъ выказать свою милость любезнымъ пріемомъ, пріятной бесѣдой и разными другими способами. Точно такъ же, никому изъ прочихъ государей не съумѣть такъ выразить свое къ кому нибудь нерасположеніе, какъ это дѣлаетъ Императоръ, леденя и карая однимъ словомъ. Я и въ послѣднемъ хвалю его, такъ какъ Государь, у котораго только одна изъ этихъ двухъ способностей, будетъ какъ бы однорукій.

Къ великому моему сожалѣнію, я вынужденъ былъ написать оберъ-церемоніймейстеру, что лишенъ возможности воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ Императора, такъ какъ, не предвидя его, распорядился уже съ моей семьей этимъ утромъ для церковной службы, а при одномъ экипажѣ и по мѣсту моего жительства, мнѣ невозможно прибыть во дворецъ къ назначенному часу. Нѣкоторые посланники тоже не были, но не сочли при этомъ нужнымъ извѣстить Нарышкина и выставить причины ихъ отсутствія. Я ихъ не сужу, это ихъ дѣло.

Впрочемъ, еслибъ я и попалъ на парадъ, я ничего бы не увидѣлъ новаго, давно познакомившись съ превосходствомъ Русскихъ войскъ. Всю мою жизнь занимаясь мирными дѣлами, я нахожу, тѣмъ не менѣе, большое удовольствіе смотрѣть на парады, такъ какъ ничто не заставляло такъ работать мою мысль, какъ войны и военное дѣло; я ихъ считаю столь же любопытными для философа, какъ и для генерала.

Всѣ прежніе парады мы смотрѣли, когда они происходили по поводу какой нибудь церемоніи, или же когда насъ оповѣщали, что если намъ угодно смотрѣть на парадъ, намъ будетъ отведено нѣсколько оконъ во дворцѣ: но, на послѣдній парадъ, мы получили офиціальное приглашеніе отъ имени Его Величества посмотрѣть парадъ, и

Библиотека "Руниверс"

онъ удостоилъ насъ лично принимать. Ничего подобнаго прежде не было.

С. Петербургъ. 6 (18) Апрѣля 1817 г.

Мы схоронили аббата де-Сендильи, монастырскаго Мальтійскаго капелана и настоятеля здѣшней Католической церкви для службъ на Французскомъ языкѣ. Онъ изъ благородной семьи въ Бретаньи, былъ тамъ настоятелемъ очень богатаго прихода, гдѣ и имѣлъ счастье принимать императора Павла I-го, тогда еще Великаго Князя, во время его путешествія по Франціи.

Во время ужасовъ революціи, этотъ великій государь вспомнилъ объ немъ и послалъ ему, въ Германію, гдѣ аббатъ пытался устроиться, паспортъ и денегъ для пріѣзда въ Россію. Здѣсь онъ провелъ около двадцати лѣтъ, въ тяжелыхъ трудахъ своего служенія, нисколько не думая о себѣ самомъ, и пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Неустрашимый ходатай за обездоленныхъ, онъ сыпалъ на нихъ золото, ничего не оставляя себѣ. По своей удивительной добротѣ, Государь далъ ему средства, чтобъ держать свой экипажъ; но онъ скоро предпочелъ снова ходить пѣшкомъ, чтобъ отдавать бѣднымъ экипажныя деньги. Завершилъ онъ свои добрыя дѣла, заплативъ за одного плѣннаго Француза тысячу рублей, изъ за которыхъ его задерживали. Похороны были очень пышныя, и мнѣ кажется, что этой пышности посодѣйствовали и нѣкоторые Русскіе, скрывшіе свои имена. Покойнаго любили и уважали и за предѣлами его прихода, такъ осиротѣвшаго съ его кончиной.

С.-Петербургъ. 20 Апрѣля (2 Мая) 1817.

При семъ имѣю честь препроводить вашему сіятельству, копію съ ноты гр. Нессельроде, извѣщающую меня объ освобожденіи господина Лонжинотто, препорученнаго мнѣ Вами. Вы найдете тонъ ноты очень лаконичнымъ. Я тщетно старался понять, въ чемъ обвиняютъ Лонжинотто. Фраза: „приняты всѣ необходимыя мѣры“ означаетъ, повидимому, что несчастнаго посадятъ въ кибитку и прямехонько доставятъ на границу, гдѣ его оставятъ съ обычными формальностями. Что съ нимъ тамъ станется? Ничего не знаю. Но онъ на свободѣ, и это ужъ хорошо. Сомнѣваюсь, чтобъ я могъ добиться причинъ его задержанія. Здѣсь уголовный судъ совершенная противоположность нашему. Мы все дѣлаемъ гласнымъ, здѣсь все скрываютъ.

Вамъ уже извѣстенъ изъ газетъ замѣчательный законъ объ Израильтянахъ—христіанахъ. Вамъ эти два слова покажутся, прежде всего, равнозначущими квадратурѣ круга. Но нужно

Библиотека "Руниверс"

замѣтить, что, въ настоящее время, слово Жидъ стало такимъ унизительнымъ, позорнымъ, что придумали его замѣнить болѣе братскимъ наименованіемъ, и подобная деликатность замѣчательна.

Новый законъ предаетъ забвенію странную ошибку стараго закона, по которому Польскимъ Жидамъ было воспрещено дѣлаться Католиками. Трудно придумать что нибудь болѣе безсмысленное. Его Величество, предоставляя каждому выборъ вѣроисповѣданія, удовлетворяетъ этимъ совѣсть всѣхъ и прекращаетъ всякіе толки.

До меня дошло, по лакейской болтливости, что у Австрійскаго посланника говорили объ уничтоженіи Русской миссіи въ Туринѣ. Этотъ посланникъ замѣтно отдаляется отъ меня. Онъ только что обѣдалъ у Императора, что̀ милость совершенно исключительная и рѣдкая. Ужъ не намѣренъ-ли Императоръ Русскій объявить войну Австрійскому?

С.-Петербургъ, 27 Апрѣля (3 Мая) 1817 г.

Спѣшу сообщить Вамъ о совершенно неожиданно измѣнившихся приготовленіяхъ къ моему отъѣзду отсюда. Императоръ посылаетъ во Францію эскадру военныхъ кораблей, чтобъ привезть оттуда солдатъ, отъ которыхъ ему угодно избавить Францію; корабли эти отправятся въ самое благопріятное для плаванія время, и Государь, всегда готовый сдѣлать одолженіе, соблаговолилъ позволить очень многимъ воспользоваться этими кораблями для ихъ путешествій: въ этомъ числѣ и мнѣ, со всей моей семьей. Его Величество предоставилъ въ полное мое распоряженіе одинъ корабль, на который я могу пригласить кого пожелаю. Я не могу Вамъ выразить, какъ меня тронула подобная милость, снимающая у меня съ плечъ большую заботу. Когда вынужденъ ограничиться извѣстнымъ числомъ экипажей и прислуги, такое длинное путешествіе, сухимъ путемъ, и съ тремя дамами, представляется очень тяжелымъ. Эскадра или скорѣе флотъ, состоитъ изъ 7 или 8 кораблей и одного фрегата. Я еще не знаю, гдѣ мы высадимся, въ Гаврѣ или въ Шербургѣ.

День отплытія назначенъ на 15-ое Мая (ст. ст.), но вашему сіятельству извѣстно, какъ въ подобныхъ случаяхъ рѣдко придерживаются назначеннаго срока, хотя, съ другой стороны, было бы очень опасно подвергать войско Его Величества шкваламъ равноденствія; такъ, что все это вмѣстѣ взятое, позволяетъ думать, что мы отправимся въ концѣ Мая. Въ Парижѣ я найду приказанія вашего сіятельства у нашего тамъ посланника.

Библиотека "Руниверс"

На рейдѣ Борнгольма, на кораблѣ Его Императорскаго Величества „Гамбургъ“.

7-го Іюня 1817.

Было рѣшено, при нашемъ отплытіи, что мы не будемъ нигдѣ останавливаться, но воля человѣка, или воля человѣческая, измѣнчивая какъ вѣтеръ, привела меня на рейдъ Копенгагена, откуда я имѣю честь вамъ писать. Это было писано много раньше; а теперь, вотъ уже три дня, какъ мы стоимъ противъ о-ва Борнгольма, изъ за противнаго вѣтра.

Послѣдніе три—четыре дня моего пребыванія въ Петербургѣ были для меня очень мучительными въ обоихъ смыслахъ этого слова: я прямо задыхался отъ любезностей и вниманія всякаго рода, а какъ нарочно, у меня въ это время сдѣлались такія сильныя боли въ боку, что я съ трудомъ двигался, и мнѣ пришлось уѣхать, не побывавши даже у всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса. Тщетно поджидая пріѣзда моего преемника, я было рѣшилъ остаться до его пріѣзда, а отправить семью безъ меня, что̀ привело ее въ отчаяніе. На меня сразу посыпалась масса дѣлъ и огорченій. Только 24-го Государь вывелъ меня изъ затрудненій, принявъ моего сына, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Мысль эта принадлежитъ не мнѣ, а всему дипломатическому корпусу; Императоръ соблаговолилъ ее принять, чѣмъ я конечно поспѣшилъ воспользоваться, такъ какъ, дѣйствительно, мое положеніе было ужасное.

Жена моя и дочери мои откланялись Государынямъ Императрицамъ 22-го, а сынъ долженъ былъ откланяться въ Троицынъ день. Но, въ силу новаго устройства дѣла, Его Величество соблаговолилъ принять меня въ прощальной аудіенціи въ день, назначенный было для моего сына, послѣ чего я уѣхалъ на другіе же сутки, едва влача ноги. Судите же, ваше сіятельство, обо всѣхъ моихъ затрудненіяхъ!

Императоръ обошелся со мною великолѣпно, а подарокъ, который онъ соблаговолилъ мнѣ назначить, превосходитъ на много стоимость обыкновенныхъ подарковъ чрезвычайнымъ посланникамъ. Ящикъ, который онъ мнѣ прислалъ, стòитъ свыше 20 тыс. рублей. Я его везу въ Туринъ. Обѣ Императрицы точно также были милостивы ко мнѣ и къ моей семьѣ. Я, прямо, не могу достаточно выразить, какъ я тронутъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ я обязанъ этому двору.

Разставаться съ людьми, дружбой коихъ пользовался пятнадцать лѣтъ, очень тяжело. Я называю ампутаціей эту разлуку на всегда. Было пролито немало слезъ, съ обѣихъ сторонъ, и я сохраню навсегда благодарную память о моихъ здѣсь друзьяхъ. Уѣхалъ я 27-го,

Библиотека "Руниверс"

около одиннадцати часовъ утра; къ шести часамъ вечера я былъ уже на кораблѣ, а 28-го утромъ мы снялись съ якоря.

Я и на кораблѣ нашелъ туже Русскую любезность и доброту. Перейдя на корабль я спохватился, что забылъ въ Петербургѣ одну вещь, крайне мнѣ необходимую; я, тотчасъ, послалъ за нею моего сына на пароходѣ, который ходитъ ежедневно изъ Петербурга въ Кронштадтъ и обратно. Когда я сталъ говорить капитану, что я опасаюсь, какъ бы сынъ не опоздалъ къ назначенному для отплытія времени, онъ возразилъ мнѣ, что мои тревоги напрасны, что если бы мой сынъ и не возвратился вò время, то „Гамбургъ“ безъ всякихъ затрудненій остался бы ждать его возвращенія, такъ какъ ему легко будетъ догнать флотъ. Самъ я, конечно, никогда не позволилъ бы себѣ обратиться съ подобной просьбой. По счастью, сынъ мой успѣлъ вернуться вòвремя. Я никогда бы не кончилъ моего къ вамъ письма, еслибъ сталъ вамъ передавать подробно все утонченное вниманіе, которымъ я пользуюсь на этомъ кораблѣ. Россія сопровождаетъ меня до береговъ Франціи. Слѣдующее письмо мое къ вашему сіятельству будетъ изъ Калэ, или изъ Булонья.

P. S. Я забылъ вамъ сказать, что для переѣзда изъ Петербурга въ Кронштадтъ, Государь предоставилъ мнѣ одинъ изъ своихъ катеровъ, на которомъ перевезли и всѣ мои пожитки. Эта новая милость Его Величества преисполнила меня благодарностію.

Парижъ. 28 Іюня 1817 г.

Не буду васъ утомлять излишними подробностями о нашемъ плаваніи. Я воспользовался даннымъ мнѣ Императоромъ позволеніемъ приглашать на „Гамбургъ“, кого я пожелаю, только для одной милой дамы, для графини Разумовской, жены графа Григорія. Она и въ Парижъ пріѣхала съ нами. Наша давнишняя дружба сдѣлала намъ ее очень пріятною спутницей.

Насмотрѣвшись вдоволь на величіе на сушѣ, я нашелъ его и на морѣ: эти восемь линейныхъ кораблей, плывшихъ вмѣстѣ, были для меня совсѣмъ новымъ, великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Не помѣшай вѣтеръ въ Категатѣ, мы бы пришли въ 15 дней, что̀ прямо было бы удивительно. Не смотря, впрочемъ, и на это препятствіе, мы бросили якорь въ Калэ 14 Іюня, вышедши изъ Кронштадта 28 го Мая. Это тоже очень хорошо для флота изъ восьми линейныхъ кораблей.

Библиотека "Руниверс"

Изъ воспоминаній Д. С. Арсеньева *).

Второе путешествіе Шаха Музаферъ-Эдина по Россіи.

въ Іюлѣ 1900 года.

1900 г. 1-го Іюля. Шахъ со своимъ поѣздомъ прибылъ въ Вержболово во 2-омъ часу ночи. Все начальство и я со свитою, мы стояли въ парадной формѣ, и почетный караулъ стоялъ на платформѣ; но я не приказалъ командовать „на краулъ“ и играть музыку до моего приказанія, полагая, что Шахъ уже спитъ и по крайней мѣрѣ уже легъ спать, что̀ дѣйствительно и оказалось. Я видѣлъ, что онъ, раздѣтый, посмотрѣлъ изъ за шторы въ окно. Когда выяснилось, что Шахъ не выйдетъ изъ вагона, то я отпустилъ караулъ до утра. Но Садразамъ и всѣ министры и сановники не спали, и черезъ минуту они высыпали на платформу, буквально бросились на меня и сопровождавшихъ меня лицъ, со всѣми изъявленіями живѣйшей радости. Я пригласилъ всѣхъ къ ужину, который былъ приготовленъ на вокзалѣ, и тамъ, за оживленной бесѣдой, мы просидѣли до 3-го часа утра. Изъ разсказовъ Садразама, министра двора и Наиръ-Эль-Мулька (трехъ главныхъ собесѣдниковъ и дѣйствительно весьма пріятныхъ) мы узнали, что здоровье Шаха въ Контрексевилѣ очень поправилось, что онъ чувствуетъ себя не только лучше физически, но и душевно гораздо бодрѣе, вслѣдствіе того, что Французскіе доктора очень его успокоили на счетъ его здоровья, сказавъ ему, что его болѣзнь почекъ, захваченная въ начальномъ ея развитіи, не представляетъ опасности, значительно теперь уменьшилась и можетъ пройти совсѣмъ; что-же до состоянія сердца,

*) См. выше стр. 81.

Библиотека "Руниверс"

которымъ пугалъ Шаха его Англійскій докторъ Адкокъ, говоря, что оно плохо, Французскіе медики нашли его совершенно здоровымъ. Жизнь въ Контрексвилѣ очень понравилась Шаху и всей его свитѣ; Французское правительство было очень внимательно, а публика относилась къ Шаху сочувственно. Шахъ часто ходилъ въ толпу, забавлялся этой близостью къ роду человѣческому, держалъ себя съ большою сметкою, очень любезно и просто, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе жителей, а при нѣкоторыхъ встрѣчахъ съ нахалами или республиканцами, ярыми до невѣжества, Шахъ, говорятъ, очень ловко ихъ избѣгалъ, какъ-бы ихъ не замѣчая. Но все таки нигдѣ Шахъ и Персы не чувствовали себя такъ хорошо, какъ въ Россіи, не смотря на то, что были въ ней все время въ ѣздѣ, останавливаясь только въ немногихъ мѣстахъ и не по-долгу. Сердечность нашихъ попеченій, предупредительность, соединенныя съ простотою и задушевностью, все это очень понравилось Персамъ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя стороны нашихъ нравовъ, близкихъ восточнымъ, дѣлаютъ Персамъ жизнь въ Россіи легче, чѣмъ въ западной Европѣ.

2-го Іюля. Въ 8 часовъ утра мы уже были въ парадной формѣ, и я отправился въ вагонъ къ Шаху, который меня принялъ, мало сказать, съ величайшей любезностью, но съ живѣйшею нѣжностью и сказалъ мнѣ прежде всего, что очень радъ меня видѣть. Послѣ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о здоровьѣ Государя Императора и его, Шаха, сдѣланныхъ впрочемъ самымъ сердечнымъ образомъ, Шахъ выражалъ свое удовольствіе быть опять въ Россіи. Сегодня я въ первый разъ видѣлъ его въ штатскомъ сѣромъ пиджакѣ, и Шахъ имѣлъ видъ очень добраго и приличнаго господина южнаго происхожденія.

Затѣмъ онъ облачился въ свой обычный военный сюртукъ, баранью шапку съ брилліантовымъ Львомъ и Солнцемъ и, опоясавъ саблю, вышелъ къ почетному караулу, стоявшему на платформѣ вокзала. Принявъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, всѣ почести и пропустивъ мимо себя караулъ, Шахъ, сопровождаемый свитою, перешелъ на противоположную сторону вокзала, передъ которымъ уже стоялъ Русскій императорскій поѣздъ. Шахъ очень обрадовался знакомымъ вагонамъ и особенно красному салонному, въ которомъ онъ проводилъ всѣ дни и ночевалъ во время своего перваго путешествія отъ Владикавказа.

Въ 9 часовъ утра поѣздъ Шаха отправился въ Петербургъ, при звукахъ Персидскаго гимна, „ура“ почетнаго караула и при многочисленной толпѣ народа.

Библиотека "Руниверс"

Въ теченіи дня я нѣсколько разъ былъ у Шаха. Разспросамъ его и разсказамъ не было конца; онъ былъ очень веселъ, любезенъ и разсказывалъ съ улыбкою о своемъ пребываніи въ Контрекевилѣ. Онъ былъ доволенъ своимъ леченіемъ, чувствовалъ себя вполнѣ хорошо и былъ очень успокоенъ на счетъ своего здоровья. На видъ я нашелъ Шаха очень поправившимся: въ цвѣтѣ лица, въ глазахъ и движеніяхъ было гораздо болѣе живости и жизни, и онъ даже помолодѣлъ.

Шаха очень занимало, какой пріемъ его ожидалъ въ Петербургѣ и что будутъ тамъ для него дѣлать. Я ему сталъ читать предположенный порядокъ его пребыванія въ Петербургѣ.

Это предположеніе ему понравилось, и всякая его подробность давала поводъ къ разнымъ разспросамъ. Шахъ спрашивалъ меня про обычаи нашего двора, какъ быть съ тѣмъ и другимъ, кому подавать руку и т. п. Я ему описывалъ поименованныя въ проектѣ мѣстности и личности, церемоніи и всѣ подробности пріемовъ, и это очень его занимало. Я долженъ сказать, что во всѣхъ своихъ вопросахъ и сужденіяхъ онъ выказалъ много тонкаго пониманія и сердечнаго расположенія къ Государю, Россіи и Русскому образу жизни и совершенное отсутствіе всякаго непристойнаго любопытства.

3 Іюля. Поѣздъ Шаха останавливался завтракать и обѣдать въ Двинскѣ и Вильнѣ, а къ вечеру въ 9 часовъ мы прибыли на ночлегъ во Псковъ. Вездѣ были сдѣланы Шаху парадныя встрѣчи, почетные караулы, къ которымъ Шахъ вездѣ выходилъ и пропускалъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Представленія начальствующихъ лицъ и многочисленная публика, а далѣе большія толпы народа привѣтствовали Шаха безконечными громкими „ура“, что ему нравилось.

4 Іюля. Мы тронулись, сколько помню, изъ Пскова около 9 часовъ и вообще не торопились; ибо мнѣ было дано строгое приказаніе Государя ни подъ какимъ видомъ не пріѣзжать ранѣе трехъ часовъ дня въ Петербургъ, т. е. времени, назначеннаго для встрѣчи.

Завтракать Шахъ остановился въ Гатчинѣ, куда пріѣзжали депутаціи для его привѣтствія: отъ министра двора, отъ министра внутреннихъ дѣлъ: пріѣхали Петербургскій губернаторъ графъ Толь и многіе другіе.

Послѣ завтрака Шахъ одѣлся въ парадную форму, т. е. сюртукъ съ брилліантовыми бранденбургами, надѣлъ драгоцѣнную саблю, укра-

Библиотека "Руниверс"

шенную брилліантами, брилліантовую Персидскую звѣзду и Русскій Андреевскій орелъ съ брилліантами на шею, который у насъ дается обыкновенно Персидскому наслѣдному принцу на томъ основаніи, что орденъ Андрея Первозваннаго имѣетъ только Шахъ, а по Персидскимъ понятіямъ никто изъ подданныхъ его, ни даже родныхъ Шаха, не можетъ носить такой-же орденъ, что̀ самъ Шахъ, поэтому наслѣдному Персидскому принцу Русскій Государь обыкновенно жалуетъ Орла отъ Андреевскаго ордена (но безъ христіанскихъ эмблемъ) на шею на Андреевской лентѣ, и такой именно и былъ у Шаха, данный ему еще когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ, а Андрея у Шаха еще нѣтъ (въ этомъ же орденѣ Шахъ принималъ меня въ Маѣ мѣсяцѣ въ Джульфѣ).

Изъ Гатчины Шаховъ поѣздъ поѣхалъ обходными путями на Николаевскую желѣзную дорогу, такъ какъ встрѣча его была назначена на Николаевскомъ вокзалѣ. Мысль предстоящаго свиданія съ нашимъ Государемъ очень волновала Шаха. Наконецъ, мы стали приближаться къ вокзалу; въ окно я видѣлъ уже всю станцію во флагахъ, множество мундировъ, и увидѣлъ, наконецъ, Государя, о чемъ и сказалъ сейчасъ Шаху, такъ какъ я и вся Шахова свита собрались въ полной формѣ въ его вагонъ.

Ровно въ три часа поѣздъ вошелъ на станцію и остановился. Открыли вагонъ и Шахъ вышелъ къ Государю, который подошелъ къ дверямъ вагона. Государь дружелюбно пожалъ руку Шаха и привѣтствовалъ его любезно, спросивъ о его здоровьѣ и путешествіи и сказавъ: Je suis très content de voir Votre Majesté à Pétersbourg. Потомъ Государь представилъ Шаху всѣхъ великихъ князей и принцевъ, Шахъ со всѣми здоровался пожатіемъ руки. Ихъ Величества прошли мимо почетнаго караула, игравшаго все время Персидскій гимнъ, затѣмъ Государь съ Шахомъ сѣли вдвоемъ въ коляску. За симъ разсѣлись по экипажамъ члены Царской фамиліи, а потомъ Персидскіе сановники съ соотвѣтствующими ихъ званіямъ Русскими сановниками. Дома Невскаго проспекта были великолѣпно украшены Персидскими и Русскими флагами, коврами и гирляндами, улицы и окна полны народомъ; погода была чудная, ясная и теплая. Войска стояли шпалерами только съ одной стороны Невскаго и какъ гвардія была уже въ лагерѣ, то стояли только армейскіе полки. Затѣмъ все было согласно церемоніалу. А вотъ и высочайше утвержденный порядокъ пребыванія Его Величества Шаха Персидскаго въ С. Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

4 Іюля. Вторникъ. Прибытіе въ три часа пополудни.

На Николаевскомъ вокзалѣ изволятъ встрѣтить Его Величество Шаха Персидскаго Его Величество Государь Императоръ и ихъ высочества великіе князья, а также собираются на вокзалѣ свита его величества Государя Императора генералы и адъютанты ихъ высочествъ великихъ князей; временно-управляющій Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, С. Петербургскіе: градоначальникъ, комендантъ, городской голова.

Почетный караулъ и прямые надъ карауломъ начальники.

Съ вокзала ихъ величества Государь Императоръ и Шахъ Персидскій въ коляскѣ изволятъ прослѣдовать до конца Невскаго проспекта мимо Александровскаго сада и строющейся рѣшетки, по набережной въ Эрмитажное зданіе.

Экипажъ Ихъ Величествъ конвоируютъ двѣ сотни Собственнаго Конвоя.

По пути слѣдованія, отъ Николаевскаго вокзала до Эрмитажнаго зданія, разставлены будутъ войска.

На бывшемъ подъѣздѣ Государственнаго Совѣта встрѣчаютъ: министръ Императорскаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, въ д. гофмаршала, начальникъ С. Петербургскаго дворцоваго управленія.

На верхней площадкѣ лѣстницы ставится караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Въ новыхъ комнатахъ Эрмитажа, отъ лѣстницы, собираются придворные кавалеры, вторые и первые чины двора.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Шахъ Персидскій съ подъѣзда, въ предшествіи 2-хъ скороходовъ, 2-хъ гофъ-фурьеровъ и камеръ-фурьера, прослѣдуютъ въ приготовленные для Его Величества Шаха покои.

Въ новыхъ комнатахъ Эрмитажа, въ залѣ предъ внутренними покоями, изволятъ встрѣтить Его Величество Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и ихъ высочества великія княгини съ свитными дамами.

За Ихъ Величествами, Его Величествомъ Шахомъ и ихъ высочествами великими княгинями—камеръ-пажи.

Представленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ Персидской свиты.

По отбытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ свои апартаменты, Его Величество Шахъ въ экипажѣ „Домонъ", въ сопровожденіи всей своей свиты, изволитъ отправиться въ Зимній дворецъ.

На подъѣздѣ Ея Величества встрѣчаютъ: министръ Императорскаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, въ д. гофъ-маршала.

Въ Арабской комнатѣ собираются свитныя дамы Ея Величества и камеръ-пажи.

Библиотека "Руниверс"

Его Величество Шахъ, въ предшествіи 2 скороходовъ, 2 гофъ-фурьеровъ и камеръ-фурьера, прослѣдуетъ въ Малахитовую гостиную.

5 Іюля. Среда.

Пріѣздъ Его Величества Шаха въ Петергофъ.

Въ 5 часовъ пополудни посѣщеніе Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ.

Въ 7 часовъ парадный обѣдъ въ Петровскомъ залѣ большого дворца.

Отъѣздъ въ Петербургъ.

6 Іюля, Четвергъ.

Высочайшій смотръ войскамъ въ Красномъ Селѣ, въ 11 часовъ утра. Завтракъ на валикѣ.

7 Іюля. Пятница. Фамильный обѣдъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ въ 7 часовъ вечера. Парадный спектакль въ Петергофскомъ театрѣ, въ 9 часовъ вечера.

8 Іюля. Суббота.

Поѣздка въ Царское Село.

Обѣдъ въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

9 Іюля. Воскресніе.

Поѣздка на яхтѣ „Александрія" въ Кронштадтъ.

Обѣдъ на яхтѣ „Полярная Звѣзда".

10 Іюля. Понедѣльникъ.

Высочайшій завтракъ въ концертномъ залѣ Зимняго дворца и отъѣздъ Его Величества Шаха.

Взойдя въ залу новыхъ комнатъ Эрмитажа, Ихъ Величества Государь и Шахъ подошли къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и Шахъ пожалъ Ей руку, но не поцѣловалъ, такъ какъ у Персовъ не бываетъ, чтобы мужчина цѣловалъ руку женщинѣ. Императрица познакомила затѣмъ Шаха съ великими княгинями, потомъ представила ему свитскихъ дамъ. Затѣмъ Государь представилъ Шаху свою свиту и высшихъ сановниковъ двора, и Шахъ главнымъ только подавалъ руку и нѣкоторыхъ спросилъ: Comment santé? Потомъ Шахъ представлялъ Ихъ Величествамъ лицъ своей свиты. Послѣ этого Ихъ Величества повели Шаха въ его кабинетъ (рядомъ съ большой залой Эрмитажа) и пробыли у него нѣсколько минутъ. Тутъ Государь просилъ причять его орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ бриллiантами, который былъ принесенъ. Но вотъ двери кабинета растворились настежь стоявшими при нихъ Арапами, и Ихъ Величества Государь

Библиотека "Руниверс"

и Императрица стали прощаться съ Шахомъ. Онъ пошелъ ихъ провожать, причемъ шелъ рядомъ съ Императрицей, но не догадался подать ей руку. Потомъ онъ мнѣ сказалъ: N'est-ce pas qu'il fallait offrir le bras à Impératrice?—Je regrette n'avoir pas penser и уже въ слѣдующіе разы всегда это соблюдалъ.

Шахъ проводилъ Ихъ Величества до перехода, соединяющаго Эрмитажъ съ Мавританской залой и, простившись съ ними, пошелъ къ себѣ, сопровождаемый мною и своей свитой.

Посидѣвъ у Шаха въ кабинетѣ минутъ десять, я доложилъ ему, что пора ѣхать дѣлать визить Ихъ Величествамъ, куда онъ отправился уже въ Андреевской лентѣ, сопровождаемый мною и свитою. Онъ сѣлъ въ коляску „Домонъ", посадилъ меня рядомъ съ собою, а напротивъ Садразама и министра двора Гакимъ-уль-Мулька, и мы изъ Эрмитажа поѣхали по набережной кругомъ рѣшетки дворцоваго сада къ собственному подъѣзду Ея Величества, гдѣ Шахъ былъ встрѣченъ согласно церемоніалу. Оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій доложилъ Шаху, что Государь, во избѣжаніе утомленія Шаха, предлагаетъ ему подняться на подъемной машинѣ. И хотя это показалось Шаху немного страшно, но нечего было дѣлать: мы пошли съ нимъ и сѣли въ машину. Какъ только она стала подниматься, Шахъ схватилъ меня за руку и отпустилъ ее только, когда машина остановилась во второмъ этажѣ; тогда Шахъ сказалъ мнѣ. Pas si difficile! У выхода изъ машины ожидалъ Шаха Государь, который и повелъ его по малой фельдмаршальской залѣ и большому портретному коридору въ Малахитовую гостиную, гдѣ ожидала Шаха Императрица. Визитъ продолжался минутъ 20, и потомъ Государь повелъ Шаха обратно той-же дорогой до машины, на собственный Ея Величества подъѣздъ. Здѣсь, передъ тѣмъ какъ сѣсть въ машину, Шахъ благодарилъ Государя очень задушевно за пріемъ и гостепріимство, а потомъ, показывая, Государю на меня, сказалъ: Je Vous prie, recompensez amiral, je suis très content, très content de lui! Мнѣ сдѣлалось очень совѣстно. Положеніе вышло очень неловкое для всѣхъ, я рѣшился сказать Шаху, какъ бы благодаря его: „Votre Majesté, l' Empereur en me nommant auprès de Vous m'a fait la plus grande récompense possible, car en servant Votre Majesté, je savais que je sers l' Empereur". Государь любезно и добро при этомъ улыбнулся. Затѣмъ Шахъ тѣмъ же порядкомъ воротился домой и уже весь день никуда не ѣздилъ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ пріема Государя и Императрицы и, позвавъ меня къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорилъ, что очень

Библиотека "Руниверс"

тронутъ пріемомъ, что Государь ему очень понравился и что онъ видно очень добрый, благородный и величественный „très bon, très nobl et très magnifique“, такъ выразился Шахъ на своемъ своеобразномъ Французскомъ языкѣ. Вообще видно было, что Шахъ былъ подъ обаяніемъ Ихъ Величествъ, что̀ совершенно понятно. Онъ былъ тронутъ задушевностью, добротою и простотою обращенія Государя и въ тоже время польщенъ и благодаренъ Государю за воздаяніе ему Шаху при пріѣздѣ и пріемѣ всѣхъ почестей, торжественности и великолѣпія, которыя только возможно оказать. Онъ тѣмъ болѣе все это чувствовалъ и былъ этимъ тронутъ, да и всѣмъ пріемомъ по всей Россіи, что Англійская партія при его дворѣ постоянно пугала Шаха тѣмъ, что ему не будутъ оказаны тѣ почести, которыя подобаютъ Монарху и которыя воздавали его отцу. Теперь всѣ эти опасенія были торжественно разсѣяны, и кромѣ того личное впечатлѣніе Ихъ Русскихъ Величествъ на Шаха было самое отрадное и симпатичное.

Всю остальную часть дня Шахъ провелъ дома, но нѣсколько разъ и по долгу выходилъ въ залу смотрѣть въ окно и любоваться видомъ Невы и города. Шаха особенно занимали маленькіе пароходы, снующіе по Невѣ, и онъ спрашивалъ меня, что̀ это за суда, военныя или нѣтъ, а потомъ сказалъ, что хотѣлъ бы поѣхать на пароходѣ въ крѣпость, на слѣдующее утро. Увѣдомивъ объ этомъ Главный Морской Штабъ, я получилъ скоро увѣдомленіе, что великій князь Алексѣй Александровичъ предоставитъ его величеству на слѣдующее утро свой паровой катеръ, что̀ я и доложилъ Шаху.

Послѣ своего обычнаго одинокаго обѣда въ 9 часовъ вечера, Шахъ скоро легъ спать, а я отправился къ временно-управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ графу Ламсдорфу, чтобы поговорить съ нимъ о предназначаемыхъ Персидской свитѣ Шаха наградахъ, такъ какъ предположенныя казались мнѣ совершенно неподходящими, потому что Садразаму и главнымъ министрамъ рѣшили дать подарки, а не ордена, и это было бы для нихъ величайшею обидою. Я засталъ у графа Ламсдорфа, Кохановскаго, который уже ратовалъ по этому вопросу, но какъ подчиненный, рискующій собою, предъ начальникомъ, т. е. дѣйствительно увы! весьма робко и неудачно. Графъ Ламсдорфъ понялъ основательность моихъ доводовъ, т. е. что надо сдѣлать возможно пріятное, а не непріятное, и тоже понялъ, наконецъ, что Персы, какъ очень самолюбивые, особенно первые сановники, подарками обидятся, а Кохановскій добавилъ, что Садразамъ при самомъ вступленіи своемъ въ должность, объявилъ, что подарковъ принимать не будетъ.

Библиотека "Руниверс"

Но что-же дѣлать? въ смущеніи сказалъ графъ Ламсдорфъ: докладъ объ этомъ Государю уже былъ, Государь все утвердилъ, и какъ же докладывать опять? Я ему отвѣтилъ: Графъ, вы знаете Государя, что Онъ на правду никогда не разсердится и, напротивъ, будетъ очень недоволенъ, если потомъ узнаетъ, что были въ этомъ сдѣланы промахи и ошибки и что его во время не предупредили. Графъ Ламсдорфъ былъ совсѣмъ смущенъ; сбитый съ позиціи, онъ сказалъ, что все это правда, что онъ поразмыслитъ ночью и поговоритъ съ Русскимъ посланникомъ въ Персіи Аргиропуло. Вѣдь Аргиропуло и составилъ этотъ проэктъ, отвѣтилъ я графу Ламсдорфу, который, вы сами видите, никуда не годится; да и къ тому же у него въ спискахъ всего 12 человѣкъ, а свита Шаха состоитъ изъ 45 человѣкъ. Затѣмъ я уѣхалъ и утомленный до нельзя этими тяжелыми днями, отправился съ Недѣльковичемъ въ колескѣ прокатиться на острова, что̀ меня нѣсколько освѣжило.

5 *Іюля*. Въ 10 часовъ утра Шахъ со свитой отправился на паровой катеръ, стоявшій передъ дворцомъ, чтобы ѣхать въ крѣпость. Это была для Шаха большая эмоція, ибо онъ никогда не ѣздилъ на пароходѣ. День былъ чудный, яркій, солнечный, и на Невѣ совершенно тихо, такъ что Шаху не показалось совсѣмъ страшно. На флакштокѣ ка̀тера подняли Персидскій флагъ, и съ крѣпости начался салютъ, что̀ было Шаху очень пріятно. Изъ всѣхъ военныхъ почестей салютъ съ крѣпостей и вообще изъ пушекъ ему всего пріятнѣе. У воротъ крѣпости Шахъ былъ встрѣченъ комендантомъ, пошелъ пѣшкомъ въ соборъ и тамъ направился къ гробницѣ Государя Александра III. Взявъ изъ рукъ своего посланника приготовленный серебряный вѣнокъ, Шахъ положилъ его на гробницу, простоялъ нѣсколько мгновеній молча и потомъ сказалъ мнѣ: „Дýши не умираютъ, а здѣсь на землѣ живутъ великія дѣла такихъ добрыхъ государей“. Затѣмъ Шахъ подходилъ къ гробницамъ другихъ государей и царицъ. Шаху понравилась простота нашихъ царскихъ памятниковъ, простота величественная, вполнѣ соотвѣтствующая ничтожности человѣка и его скоропреходящности: все значеніе памятника *въ имени того*, кто подъ нимъ погребенъ. Шахъ съ почтеніемъ останавливался у памятниковъ императоровъ Александра II, Николая I, Александра Павловича, Екатерины и Петра Великаго. Но кромѣ памятниковъ и распросовъ о нихъ и о погребенныхъ государяхъ, Шахъ въ соборѣ ничего не смотрѣлъ; это было своего рода уваженіе къ чужой святынѣ.

Изъ собора Шахъ со свитой прошелъ на Монетный дворъ, гдѣ его ожидалъ министръ финансовъ, который и показалъ Шаху все

Библиотека "Руниверс"

производство плавки металла и чеканки монетъ, и представилъ Шаху медаль, выбитую въ честь его посѣщенія Монетнаго двора. Шахъ очень интересовался, но жара и духота были такіе страшныя, что ему стало дѣлаться дурно, и его посадили у открытаго окна и обмачивали лобъ и виски холодной водой. Изъ крѣпости Шахъ вернулся домой тоже на паровомъ катерѣ, и эта первая прогулка на водѣ ему не только очень понравилась, но онъ ею и нѣсколько гордился. Взойдя на эрмитажный подъѣздъ, я предложилъ ему подняться на подъемной машинѣ. Онъ къ ней подошелъ, посадилъ въ нее двухъ министровъ и велѣлъ ихъ поднять, а самъ сказалъ „нѣтъ“ и пошелъ на верхъ по лѣстницѣ и ужъ ни разу потомъ нигдѣ на подъемныхъ машинахъ не поднимался.

Около 4 часовъ дня, Великій Князь наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ къ Шаху (который о томъ былъ предупрежденъ мною), чтобы сопровождать его въ Петергофъ на парадный обѣдъ. Передъ отъѣздомъ, по просьбѣ фотографа Гана, я попросилъ Великаго Князя Михаила Александровича предложить Шаху сняться съ нимъ фотографически. Шахъ былъ этимъ очень доволенъ и, выйдя изъ Романовской галереи во внутренній (открытый) садъ, онъ фотографировался, сначала съ Великимъ Княземъ вдвоемъ, а потомъ съ нимъ и свитой. Затѣмъ по желѣзной дорогѣ мы отправились въ Петергофъ. Я долженъ былъ сидѣть въ вагонѣ съ Шахомъ и Великимъ Княземъ и способствовать разговору. Сначала это было тяжело, но потомъ двѣ высокія особы разговорились, и все пошло какъ нельзя лучше.

По пріѣздѣ въ Петергофъ Шаха отвезли въ его апартаментъ въ большомъ дворцѣ (комнаты близъ церкви, гдѣ всегда помѣщаютъ высокихъ пріѣзжихъ) и черезъ нѣсколько минутъ повели къ вдовствующей Императрицѣ въ ея апартаменты въ большомъ дворцѣ, какъ она сама назначила. Тутъ надо сказать, что Шаху предлагали, во время его пребыванія въ Россіи, жить не въ Петербургѣ, а въ Петергофѣ, и думали этимъ оказать ему вниманіе; но Шахъ отъ этого отказался подъ предлогомъ, что онъ боится Петергофской сырости, но въ сущности этою сыростью пугалъ его докторъ Адкокъ; да и всей свитѣ было гораздо удобнѣе и веселѣе жить въ Петербургѣ, и они всѣ уговорили Шаха, что такъ какъ его отецъ во время своихъ визитовъ Русскому Государю всегда жилъ въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, то и ему приличнѣе жить тамъ-же. Такъ это и устроилось.

Передъ обѣдомъ самъ Государь пріѣхалъ къ Шаху, чтобы съ нимъ вмѣстѣ идти къ столу.

Библиотека "Руниверс"

Я вышелъ въ залу навстрѣчу Государя. Онъ у меня спрашивалъ разныя подробности о Шахѣ и о всемъ его касающемся. При этомъ я доложилъ Государю, готовящуюся неловкость съ наградами министрамъ, и что Шаху очень желательно, чтобы четыре его главные любимца были награждены орденами, а не вещами. Государь съ этимъ совершенно согласился, сказавъ, что въ этомъ дѣлѣ „надо сдѣлать пріятное Шаху“. Что же до Садразама, то Его Величеству угодно было рѣшить дать ему знакъ Орла и Андреевскаго ордена, съ брилліантами для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ, и все это Государь приказалъ мнѣ сказать графу Ламсдорфу.

Затѣмъ Государь вышелъ къ Шаху и сказалъ, что пора идти къ столу; а Шахъ просилъ Государя сначала пройти на половину Государыни Александры Ѳеодоровны, чтобы поднести ей Персидскій орденъ, что̀ и было сдѣлано.

Обѣдъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, происходилъ въ Петровскомъ залѣ. Шахъ сидѣлъ между Государемъ и Императрицей, а сзади Шаха стоялъ Недимосъ-султанъ, оффиціальный переводчикъ Шаха, который очень хорошо говоритъ по французски. Государь, узнавъ, что Шахъ не можетъ пить Шампанскаго, былъ такъ внимателенъ, что самъ приказалъ, чтобы вмѣсто Шампанскаго Шаху наливали лимонадъ-газесъ. Обѣдъ прошелъ очень хорошо; Государь пилъ за здоровье Шаха и за его благополучное путешествіе. Шахъ пилъ за здоровье Государя и Ихъ Величествъ Императрицъ, затѣмъ превозгласилъ тостъ за всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ обѣда опять, какъ всегда, царская фамилія пошла покурить на балконъ, но было очень жарко и, чтобы не утомлять Шаха, Государь не дѣлалъ куртата, а предложилъ Шаху пройти въ отведенныя ему комнаты, гдѣ посидѣлъ съ нимъ около 20 минутъ и дружелюбно съ нимъ бесѣдовалъ.

Между прочимъ Шахъ спросилъ Государя, какъ идутъ дѣла въ Китаѣ. Государь отвѣтилъ: Mais très mal jusqu, à présent et probablement il faudra beaucoup de temps, d'argent et malheuresement beaucoup de sang repandu pour réparer tous ces désordres occasionnés par les Chinois.

Затѣмъ Государь простился съ Шахомъ, сказавъ, что Онъ поручаетъ Великому Князю Михаилу Александровичу довезти его въ Петербургъ, что̀ Великій Князь и исполнилъ.

Библиотека "Руниверс"

Шахъ остался очень доволенъ всѣмъ вниманіемъ, почетомъ и любезностью, съ которыми Государь и вся царская фамилія его принимали, сердечностью и особенно дружелюбіемъ Государя къ нему.

6 Іюля, Четвергъ. Погода была прекрасная, и Шахъ со свитою въ 11 часовъ утра былъ уже въ Красномъ Селѣ на ст. жел. дороги, куда прибылъ одновременно съ Государемъ, и съ Его Величествомъ въ коляскѣ поѣхалъ на военное поле. Здѣсь Шахъ пересѣлъ въ двухъмѣстную коляску къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Государь сѣлъ верхомъ и поѣхалъ вдоль линіи войска, а послѣ объѣзда Шахъ былъ приглашенъ въ высочайшую палатку на валикѣ, откуда и смотрѣлъ парадъ, сидя рядомъ съ Императрицей. Парадъ былъ великолѣпный, и я полагаю, что, глядя на наши войска вообще, а сегодня на нашу чудную гвардію, Шахъ не могъ, вспоминая свое необученное, плохо вооруженное и полуодѣтое войско, не сознавать своего безсилія передъ Россіей.

Послѣ парада Государь приказалъ артиллерійской батареѣ, вооруженной скорострѣльными орудіями, подъѣхать къ валику и тутъ объявилъ ей объ отправленіи ея въ Китай, что̀ было принято ею съ восторженнымъ „ура“.

Одинъ изъ придворныхъ Шаха, потомъ, при немъ и при мнѣ, сказалъ ему, что въ городѣ говорятъ, что когда Государь привѣтствовалъ артиллеристовъ, посылаемыхъ въ Китай, то будто бы онъ Шахъ обнажилъ мечъ, и сказалъ, что онъ всѣмъ сердцемъ этому сочувствуетъ. Шахъ отвѣтилъ, что народное чувство у насъ не ошиблось въ его полномъ сочувствіи къ нашей арміи и его желаніи ей успѣха.

Послѣ завтрака въ палаткѣ на валикѣ, мы съ Шахомъ возвратились въ Пѣтербургъ, и остальную часть дня онъ не выѣзжалъ изъ дворца. Но кругомъ него и въ его комнатахъ весь день была настоящая ярмарка. Безпрестанно пріѣзжали къ нему представляться наши министры, разные саповники и прочія лица. Постоянно подносили ему разныя вещи, или по его приказанію для выбора разные товары, и я долженъ былъ часто къ нему бѣгать для разныхъ распоряженій, докладовъ и пр., такъ что въ вечеру былъ буквально въ изнеможеніи.

Я былъ помѣщенъ надъ Мавританскимъ заломъ, въ тѣхъ двухъ комнатахъ, гдѣ нѣкогда, во время баловъ, ходятъ курить, и могъ ли я думать во время-оно, что мнѣ придется въ этихъ комнатахъ обитать, состоя при Персидскомъ шахѣ?

Библиотека "Руниверс"

7 Іюля. Пятница. Утромъ въ 10 часовъ, Шахъ отправился на паровомъ катерѣ со мною и ближайшей свитой въ Ботаническій садъ. При проходѣ мимо крѣпости опять былъ салютъ. Но во время пути Шахъ нѣсколько разъ пугался; отъ встрѣчающихся пароходовъ образовывалась небольшая волна, нашъ катеръ начинало качать, Шахъ схватывалъ руки своего сосѣда и съ безпокойствомъ спрашивалъ, что̀ такое. Министръ государственныхъ имуществъ встрѣтилъ Шаха на пристани и водилъ его по саду. Шахъ просилъ прислать ему сѣмянъ того или другого растенія. Когда онъ вошелъ въ теплицу, гдѣ цвѣтетъ *Victoria Régina*, то тамъ оказалась такая невыносимая жара, что Шахъ не могъ ея стерпѣть и сталъ говорить: домой, домой, и мы выскочили изъ теплицы. не осматривая ничего больше въ саду и воротились домой.

Въ 7 часовъ вечера былъ назначенъ въ Петергофѣ семейный обѣдъ, а послѣ этого парадный спектакль въ Петергофскомъ театрѣ.

Шахъ, обкураженный своими первыми переѣздами на паровыхъ катерахъ на водѣ, согласился на мое предложеніе отправиться въ Петергофъ на пароходѣ. Ему былъ приготовленъ царскій пароходъ „Александрія“; въ 4 часа онъ туда прибылъ и принятъ былъ на пристани со всѣми подобающими почестями, начальствующими морскими и городскими лицами. Погода сначала была прекрасная и тихая, потомъ сдѣлалась вѣтряною и, по выходѣ „Александріи“ изъ морского канала, ее стало покачивать. Но въ началѣ перехода было совсѣмъ тихо и спокойно. Шахъ вошелъ даже на мостикъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на совершенно новый для него міръ пароходовъ, парусныхъ судовъ. броненосцевъ, миноносокъ и миноносцевъ и всякихъ морскихъ сооруженій, заводовъ и стапелей со строящимися на нихъ судами или доканчивающими близъ заводовъ свое вооруженіе. Онъ про все распрашивалъ, и ему все объясняли. Потомъ Шахъ пошелъ пить чай внизъ въ каюту и былъ удивленъ видѣть столь большую комнату внутри парохода. Потомъ ему предложили сидѣть въ рубкѣ, что̀ онъ и дѣлалъ, а подходя къ Петергофу, стоялъ на палубѣ. опираясь на двухъ своихъ министровъ, совершенно какъ изображенъ Османъ-паша представляющійся Государю Александру II послѣ взятія Плевны.

По пріѣздѣ въ Петергофъ, Шахъ сѣлъ въ экипажъ, и я провезъ его по всему нижнему саду, при чемъ онъ любовался садомъ и восхищался фонтанами.

Библиотека "Руниверс"

Передъ 7-ю часами Государь заѣхалъ за Шахомъ и повелъ его къ столу. За Шахомъ опять стоялъ его переводчикъ. Обѣдъ былъ семейный, а вся свита и дворъ обѣдали въ Купеческомъ залѣ, и послѣ обѣда всѣ были немедленно отправлены въ театръ, чтобы занять мѣста до пріѣзда царской фамиліи.

Государь повезъ Шаха съ собою и вошелъ съ нимъ и съ Императрицею въ царскую ложу, гдѣ расположилась и вся царская фамилія, а за ними нѣсколько лицъ: министръ двора, министръ иностранныхъ дѣлъ и я, какъ состоящій при Шахѣ.

Когда занавѣсъ опустился послѣ перваго дѣйствія, и всѣ стали выходить изъ ложъ, то Шахъ, вмѣсто того, чтобы остановиться въ царскомъ фойе, побѣжалъ внизъ; я, конечно за нимъ. Оказалось, что ему сдѣлалось дурно отъ жары; принесли воды, помазали ему виски, дали напиться. Въ это время пришелъ Государь, недоумѣвавшій, что̀ такое случилось и куда дѣвался Шахъ, который самъ успокоилъ Государя, сказавъ, что ему было слишкомъ жарко. Государь самъ подалъ ему стулъ, предложилъ папироску и посидѣлъ съ нимъ, а потомъ, когда Шахъ отдышался, повелъ его въ фойе, устроенное въ галереяхъ вокругъ театра и очень богато убранное растеніями и цвѣтами, а посреди съ накрытыми столами для чая и десерта. Въ это время многихъ дамъ и сановниковъ представляли Шаху, и онъ былъ очень веселъ, любезенъ и доволенъ.

По окончаніи спектакля Шахъ поѣхалъ на станцію жел. дороги, куда сопровождалъ его Великій Князь Павелъ Александровичъ, и въ 12 часовъ мы прибыли въ Петербургъ: но до дворца ѣхали по обыкновенію долго, потому что Шахъ постоянно говоритъ: „не такъ скоро“; онъ боится скоро ѣздить, но всегда объясняетъ, что это для того, чтобы лучше видѣть городъ или дорогу.

Сегодня въ Петергофѣ роздали много орденовъ, преимущественно лицамъ свиты и сановникамъ двора.

8 Іюля. Около 1 часу дня Шахъ со мной, Садразамомъ и министромъ своего двора, въ коляскахъ, отправился на Бассейную улицу въ Персидское посольство на завтракъ къ Персидскому послу Мирзѣ-Ризѣ-Хану. Тутъ была вся свита Шаха, Русскіе состоящіе при Шахѣ и нѣсколько генеральныхъ консуловъ Персидскихъ и почетныхъ лицъ Персидской колоніи въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Шахъ былъ очень доволенъ, что уже теперь онъ познакомился съ Государемъ и что все такъ хорошо обошлось. Онъ меня еще разъ горячо благодарилъ за мои о немъ попеченія, труды и за всѣ мои совѣты, при чемъ онъ прибавилъ: je sens que Vous avez toujours dit du bien de moi à l' Empereur (я чувствую, что вы постоянно говорили обо мнѣ Государю доброе). И это была правда, такъ какъ я во всѣхъ своихъ телеграммахъ, съ пути, цитировалъ Государю собственныя выраженія Шаха. Полагаю что изъ всѣхъ этихъ донесеній у нашего Государя составилось такое впечатлѣнье, что Шахъ очень добрый и хорошій человѣкъ, искренно расположенный къ Россіи и признательный за пріемъ, который по повелѣнію Государя былъ ему повсюду въ Россіи оказанъ. Государь однажды мнѣ сказалъ, что Шахъ добрый человѣкъ. И дѣйствительно, Шахъ былъ очень добрый человѣкъ, съ очень здравымъ разсудкомъ, очень деликатный и съ прекраснымъ, ровнымъ и спокойнымъ нравомъ. Но вмѣстѣ въ тѣмъ онъ преисполненъ сознанія своего достоинства, какъ непреклоннаго Монарха: „Шахъ Инъ Шахъ“ то есть Царь Царей, какъ называютъ въ Персіи Шаха. Но при этомъ Шахъ отдаетъ себѣ отчетъ въ слабости своего государства сравнительно съ сильными Европейскими державами, и онъ страдаетъ отъ *этого униженія*, которое Англія ему жестоко давала чувствовать, за что Шахъ ее теперь ненавидитъ. Онъ чувствуетъ тоже и превосходство Россіи и сознаетъ, что Персія больше всего отъ нея зависитъ: но услуги, оказанныя въ эти послѣдніе годы Россіей Персіи и теперешній дружескій пріемъ его въ Россіи, великолѣпіе и почести этого пріема, къ чему Шахъ болѣе всего чувствителенъ, и наконецъ искренняя любезность нашего Государя, все это не только отняло у Шаха всякую горечь сознанія своей слабости передъ Россіей, но и сердечно его къ намъ расположило, и онъ теперь, кромѣ того, убѣдился въ миролюбіи Россіи и отсутствіи у нашего правительства всякихъ видовъ на Сѣверъ Персіи. Однимъ словомъ, онъ былъ теперь и спокоенъ, и доволенъ, и польщенъ.

Съ самаго начала я принялъ съ нимъ тонъ всей должной къ нему почтительности, съ сердечнымъ вниманіемъ къ его особѣ, всѣмъ его желаніямъ и ко всѣмъ подробностямъ его путешествія, а съ его министрами я былъ очень любезенъ и внимателенъ. Все это было тѣмъ болѣе пріятно и Шаху, и его свитѣ, что во время пріѣздовъ его отца Шаха въ Россію наши генералъ-адъютанты, назначаемые для его сопровожденія по Россіи, князь Владиміръ Меньшиковъ, адмиралъ Поповъ и генералъ Кушелевъ, не знаю уже почему вовсе не были къ Шаху*)

*) Насръ—Эддину—отцу теперешняго Шаха Музаферъ-Эддина.

Библиотека "Руниверс"

внимательны, относились къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, а съ министрами и свитою Шаха обращались съ полнымъ пренебреженіемъ что̀ ихъ очень оскорбляло, ибо Персы сами чрезвычайно вѣжливы и чрезвычайно чувствительны къ вѣжливости и вниманію.

Шахъ былъ встрѣченъ на подъѣздѣ посломъ со всей миссіей и музыкой и проведенъ въ гостинную. Тутъ были приготовлены *подарки*, подносимые Шаху посломъ: портретъ Шаха, чернетью на серебряной доскѣ, причемъ всѣ брилліантовыя украшенія на портретѣ были изъ настоящихъ брилліантовъ, вставленныхъ въ доску: это было очень дико и некрасиво, но Шаху и Персіянамъ очень понравилось. За симъ сервизъ золотой съ эмалевыми цвѣтами и разныя другія цѣнныя вещи. Шахъ все принималъ очень милостиво; это въ ихъ нравахъ и обычаяхъ: et il y avait en cela quelque chose d' enfantin. Тутъ же въ комнатѣ былъ органъ, заводной, который игралъ Персидскій гимнъ и разныя другія пьесы Персидской музыки и напѣвовъ. Шахъ все ходилъ кругомъ органа, слушалъ и восхищался. Тогда Мирза-Риза-Ханъ сталъ просить Шаха удостоить его принять этотъ органъ, и Шахъ остался и этимъ подаркомъ отмѣнно доволенъ. Всѣхъ подарковъ посолъ сдѣлалъ на 25 или на 30.000 рублей.

Послѣ поднесенія подарковъ Шахъ сѣлъ завтракать, но къ моему удивленію, не вмѣстѣ съ нами, а *одинъ* въ кабинетѣ посла; а мы въ это время, уже очень голодные, ходили изъ угла въ уголъ, наливаясь безвременно чаемъ и куря, уже безъ удовольствія, папиросу за папиросой; наконецъ, когда Шахъ позавтракалъ и легъ спать въ кабинетѣ посланника, насъ пригласили къ завтраку очень хорошему.

Когда завтракъ кончился, и Шахъ проснулся, въ залу вошли какіе-то Русскіе пѣвцы и пѣвицы и стали пѣть, и одна молодая дѣвица, довольно хорошенькая, въ мужскомъ костюмѣ, въ лаковыхъ ботфортахъ, плясала, все поправляла падающія пряди своихъ волосъ и лукаво улыбалась.

Часа въ три Шахъ всталъ, очень милостиво благодарилъ хозяина, пожаловалъ его малолѣтняго сына (ему 6 лѣтъ) адъютантомъ къ наслѣдному принцу и поѣхалъ домой.

Въ $5^1/_2$ часовъ прибылъ къ Шаху, по порученію Государя, Великій Князь Павелъ Александровичъ, чтобы везти Шаха въ Царское Село, гдѣ предполагался осмотръ дворца, парка и досторханъ въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

Царскосельскій паркъ и дворецъ очень понравились Шаху. Въ паркѣ онъ и свита катались въ коляскѣ и заѣзжали въ павильонъ съ поднимающимися кушаніями въ столахъ; Шаху такимъ образомъ поднимали фрукты, и это его очень забавляло. Къ 8 часамъ мы вернулись въ Петербургъ, и остальную часть дня онъ оставался дома. Къ вечеру у Шаха усилился насморкъ, погода испортилась, и Шахъ рѣшилъ отказаться отъ предполагавшейся на завтра поѣздки въ Кронштадтъ. Онъ боялся, чтобы этотъ отказъ не былъ непріятенъ Государю, о чемъ я и послалъ Его Величеству телеграмму. Государь отвѣтилъ очень любезно, что̀ и успокоило совершенно Шаха.

9 Іюля, *Воскресенье*. Погода была весь день худая и сильный вѣтеръ съ моря, при которомъ поѣздка въ Кронштадтъ была-бы не особенно пріятна, и Шахъ дѣйствительно бы могъ простудиться, да и укачало бы его жестоко. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, что поѣздка отмѣнена. Къ тому же сегодня предпослѣдній день его пребыванія въ Петербургѣ, и онъ былъ цѣлый день занятъ выборомъ разныхъ вещей, привозимыхъ изъ магазиновъ и окончаніемъ разныхъ дѣлъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Въ 5 часовъ по полудни онъ вдругъ вздумалъ посѣтить Эрмитажъ, и такъ какъ это было въ Воскресенье и начальника Эрмитажа Всеволожскаго не было, Эрмитажъ былъ запертъ, то было очень затруднительно. Къ счастью, отыскался эрмитажный гофъ-фурьеръ, который сказалъ, что онъ покажетъ Эрмитажъ не хуже Всеволожскаго. Всѣ коллекціи открыли, и Шахъ съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ оружія, Керченское отдѣленіе и останавливался передъ нѣкоторыми картинами Итальянской школы, распрашивая объ ихъ содержаніи, осматривалъ галерею Петра Великаго, собраніе разныхъ драгоцѣнностей, и рядомъ съ эрмитажнымъ садомъ и Романовскую галлерею. Въ Эрмитажѣ ему очень понравились столы и вазы изъ лапись-лазули; онъ выразилъ желаніе пріобрѣсти, если можно, нѣсколько вещей изъ этого камня, и я ему рекомендовалъ магазинъ Верфеля; но къ сожалѣнію, оказалось, что Верфель послалъ на Парижскую выставку все, что̀ у него было хорошаго изъ лаписа.

10 Іюля, *Понедѣльникъ*. Здоровье Шаха поправилось, насморкъ его болѣе не безпокоилъ, и погода была опять прекрасная. Все утро прошло въ невозможныхъ хлопотахъ, неразлучныхъ съ отбытіемъ великаго гостя изъ иностранной столицы.

Государь прислалъ Шаху большую серебряную вазу въ видѣ большаго шлема, прекрасной работы Фаберже, а Шахъ приготовилъ въ даръ Государю саблю, эфесъ и ножны, которые были покрыты рубинами и брилліантами.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1 часъ по полудни Шахъ въ мундирѣ, покрытомъ брилліантами, вся его свита въ полныхъ мундирахъ, въ предшествіи гофъ-фурьеровъ и мы всѣ, т. е. лица при Шахѣ состоявшія, отправились черезъ залы Зимняго дворца въ малахитовую гостинную, гдѣ Шахъ былъ встрѣченъ Ихъ Величествами и всей царской фамиліей, и Шахъ поднесъ Государю саблю, а потомъ всѣ пошли къ завтраку въ концертный залъ. Послѣ завтрака было представленіе Шахской свиты, т. е. откланиваніе и благодареніе за полученные Русскіе ордена; затѣмъ Шахъ простился съ Императрицей и великими княгинями и въ колескѣ, вдвоемъ съ Государемъ, отправился съ тою же церемоніей, что и при въѣздѣ въ Петербургъ, на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, гдѣ его ожидали всѣ великіе князья, дворъ, министры и множество начальствующихъ лицъ, почти всѣ украшенные Персидскими орденами.

Пройдя съ Государемъ мимо почетнаго караула, Шахъ простился съ царской фамиліей и горячо благодарилъ Государя за его дружелюбный пріемъ и гостепріимство; Государь тоже очень дружелюбно простился съ Шахомъ, пожелалъ ему добраго пути и съ чувствомъ и доброй улыбкой пожалъ ему руку. Шахъ вошелъ въ вагонъ, и поѣздъ тронулся.

Я оставался еще нѣсколько времени въ вагонѣ Шаха, который выражалъ мнѣ свое удовольствіе и благодарность Государю, а потомъ меня еще разъ сердечно за все благодарилъ. Онъ былъ въ какомъ-то радостномъ изступленіи и чувствовалъ потребность сообщать свои чувства и впечатлѣнія. Тутъ были Садразамъ, министръ двора и посланникъ, и Шахъ болталъ съ нами съ полчаса. Наконецъ онъ пошелъ переодѣваться, и всѣ разошлись по своимъ каютамъ, и когда я вошелъ къ себѣ, то съ благодарностью перекрестился и глубоко и радостно вздохнулъ. Слава Богу! Визитъ Шаха въ Петербургѣ былъ уже за плечами и удался вполнѣ, къ общему и взаимному удовольствію.

Мы ночевали въ Псковѣ, и тутъ Садразамъ и посланникъ Мирза-Риза-Ханъ стали меня просить устроить такъ, чтобы статскій совѣтникъ Кахановскій, котораго Шахъ пригласилъ было ѣхать съ нимъ въ Парижъ и дальше, *не ѣхалъ бы съ нимъ*, ибо Шахъ теперь былъ очень недоволенъ Кахановскимъ и совсѣмъ перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Хотя въ этомъ была отчасти и нѣкоторая зависть къ близости Кахановскаго Шаху и опасеніе, чтобы Кахановскій не воспользовался бы этимъ въ ущербъ Садразама и его партіи, но было и много правды. Шахъ дѣйствительно сталъ не довѣрять Кахановскому и избѣгалъ теперь случаевъ его звать къ себѣ и говорить съ нимъ безъ свидѣтелей; но все это Шахъ по своей деликатности и добротѣ дѣлалъ

Библиотека "Руниверс"

весьма незамѣтно, такъ что самъ Кахановскій и не догадывался еще о происшедшей перемѣнѣ.

Шаха увѣрили, что публика во Франціи считаетъ жену Кахановскаго и его трехъ дочерей скрытымъ гаремомъ самого Шаха, и это послѣднее и отвратило его болѣе всего отъ Кахановскаго. Разумѣется, что, признавъ основательность нежеланія Шаха имѣть съ собой Кахановскаго, въ тотъ же вечеръ я посовѣтовалъ Кахановскому, въ Парижѣ, куда онъ тоже ѣхалъ, не состоять при Шахѣ, а жить совершенно отдѣльно, а затѣмъ и совершенно отъ Персіанъ отдѣлиться и воротиться прямо въ Петербургъ въ концѣ Сентября, чтобы сопровождать только Шаха отъ границы Германіи до Джульфы во время проѣзда Шаха по Россіи. Эту часть путешествія Кахановскій долженъ былъ сдѣлать, какъ одно изъ лицъ, назначенныхъ состоять въ Россіи при мнѣ для сопровожденія Шаха. Такъ все и устроилось, хотя бѣдный Кахановскій былъ очень огорченъ и озадаченъ.

12 Іюля. Мы прибыли въ Вержболово благополучно утромъ 12 Іюля, и Шахъ вскорѣ перешелъ въ приготовленный для него поѣздъ Французскихъ вагоновъ, тотъ самый, въ которомъ онъ нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Контрэксвиля въ Вержболово, такъ какъ въ Германскихъ вагонахъ онъ ѣздить больше не захотѣлъ. Но тутъ произошла новая грубость со стороны Германіи, которая глубоко обидѣла Шаха.

Какъ только Шахъ со своей свитой пересѣлъ въ свой заграничный поѣздъ, Прусскій пограничный коммисаръ, въ формѣ, пришелъ къ бывшему тутъ же Персидскому посланнику въ Берлинѣ и сталъ требовать отъ него уплаты 19,000 марокъ за прогонъ Шахова поѣзда по Германскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Посланникъ просилъ его представить ему счетъ этихъ денегъ въ Берлинѣ, но коммисаръ грубо отвѣчалъ ему, что деньги надо уплатить немедленно и что онъ имѣетъ приказаніе въ случаѣ, что денегъ не отдадутъ, то не отпускать поѣзда Шаха со станціи, пока не внесутъ денегъ. Посланникъ страшно сконфузился, денегъ у него такихъ большихъ съ собой не было, и онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Дѣло наконецъ дошло до Шаха, который очень оскорбился такимъ поступкомъ Германскаго управляющаго желѣзными дорогами, разсердился на посланника, допустившаго до подобнаго скандала и приказалъ Садразаму деньги немедленно выдать, а посланника выгналъ изъ вагона.

Вслѣдъ за тѣмъ я вышелъ къ Шаху прощаться и ввелъ затѣмъ Русскую свиту. Шахъ былъ очень со всѣми любезенъ, а меня долго держа за руку еще разъ сердечно благодарилъ и поручилъ доложить Государю его глубокую радость, что съ нимъ видѣлся и сердечную

Библиотека "Руниверс"

благодарность за великолѣпный и дружественный пріемъ и гостепріимство. Затѣмъ мы вышли изъ вагона, и поѣздъ тронулся при звукахъ Персидскаго гимна и „ура“ почетнаго караула и всей публики. А я, со всей нашей свитой, въ тотъ же день, въ 3 часа дня поѣхалъ обратно въ Петербургъ и на другой день въ 3 часа дня высадился благополучно на Александровской станціи Варшавской желѣзной дороги въ Царскомъ Селѣ.

По возвращеніи моемъ въ Царское Село, я оставался тамъ съ семействомъ до конца Сентября, когда опять долженъ былъ встрѣтить Персидскаго Шаха, на этотъ разъ въ Волочискѣ (на Австрійской границѣ) и сопровождать его на Харьковъ, Ростовъ на Дону, Петровскъ, Баку и по Закавказью до Джульфы.

Въ первое же Воскресенье по возвращеніи, я былъ приглашенъ къ Ихъ Величествамъ въ Петергофъ къ обѣднѣ и къ фриштыку на фермѣ въ Александріи. За завтракомъ я сидѣлъ по правую руку Императрицы Маріи Ѳеодоровны и противъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, а Государь вверху стола, между обѣими Императрицами.

Во время завтрака Государь дѣлалъ мнѣ вопросы о путешествіи Шаха, объ Императрицы тоже, и я все время имъ разсказывалъ разные эпизоды путешествія, что̀ все очень забавляло Ихъ Величества и все общество. Я былъ такъ занятъ разговоромъ, что даже и не замѣтилъ, кто сидѣлъ съ моей правой стороны и только въ концѣ завтрака, случайно повернувшись направо, увидѣлъ, что моя сосѣдка была великая княгиня Ксенія Александровна, и она мнѣ сказала улыбаясь: „вы на меня не обращаете никакого вниманія“. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, и я сталъ всячески извиняться, но эту неловкость трудно было и поправить. Великая княгиня съ большой добротой мнѣ сказала: mais je dis cela en plaisantant. Но съ моей стороны это было неучтиво, такъ что я потомъ даже писалъ гофмейстеру Ея Высочества Евреинову записку съ просьбой попросить отъ меня прощенія; онъ отвѣтилъ, что Ея Высочество пошутила, и что она нисколько не сердится и т. п.

Затѣмъ всю остальную часть лѣта мы провели мирно и спокойно, живя въ Царскомъ Селѣ, какъ въ деревнѣ. Отъ времени до времени я видалъ нашихъ сосѣдей почтенныхъ и милыхъ графинь Перовскихъ и прочихъ сосѣдей по Китайской деревнѣ, Побѣдоносцева и еще кое-кого, но жизнь свою мы проводили въ семьѣ между собою.

Но такъ какъ это время глухое, когда никого въ городѣ и окрестностяхъ нѣтъ, то я и отклонилъ офиціальное празднованіе моего пятидесятилѣтняго юбилея, объявивъ, что въ этотъ день меня въ Петербургѣ не будетъ.

Офиціальное празднованіе юбилея человѣка, не находящагося во главѣ какого либо учрежденія, человѣка, отъ котораго никто не зави-

Библиотека "Руниверс"

сить и въ которомъ никто ничего не ищетъ, всегда блѣденъ и безцвѣтенъ, даже смѣшенъ и только утомленіе и для юбиляра и для тѣхъ, которые по добротѣ своей, или по какой либо причинѣ, считаютъ долгомъ къ вамъ въ этотъ день пріѣхать.

Поэтому мы рѣшили праздновать юбилей въ семействѣ. Моя жена заблаговременно изготовила для этого дня прекрасный образъ Знаменія, копію съ Царскосельскаго Чудотворнаго образа. Риза образа была украшена эмалью разныхъ цвѣтовъ, изображающихъ драгоцѣнные камни и жемчугъ, покрывающій ризу на оригиналѣ. Образъ этотъ былъ освященъ наканунѣ юбилея, и жена просила отца Іоанна, бывшаго въ этотъ день у насъ, благословить меня этимъ образомъ.

9-го Августа, въ день юбилея, я былъ произведенъ въ адмиралы и получилъ милостивый рескриптъ, который здѣсь и привожу.

Ко мнѣ пришло множество телеграммъ, изъ которыхъ нѣкоторые меня очень тронули. Наканунѣ юбилея пріѣхалъ къ намъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Въ самый день юбилея мы заказали литургію въ церкви Знаменія и потомъ отслужили молебенъ предъ чудотворною иконою Матери Божіей.

А вотъ и Высочайшій рескриптъ, данный на имя Члена Адмиралтействъ Совѣта, генералъ-адъютанта, адмирала Арсеньева:

Дмитрій Сергѣевичъ. Совершившееся пятидесятилѣтіе достохвальнаго служенія Вашего въ офицерскихъ чинахъ Престолу и Отечеству даетъ мнѣ поводъ привѣтствовать въ Васъ неутомимаго и довѣреннаго сотрудника Августѣйшаго Дѣда Моего и Незабвеннаго Моего Родителя. Вы еще въ молодыхъ лѣтахъ обратили на себя особое вниманіе своими отмѣнными способностями и дарованіями, почему по особому довѣрію Дѣда Моего, Вы назначены были состоять при находившихся тогда въ юношествѣ возлюбленныхъ дядяхъ Моихъ Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ Сергіѣ и Павлѣ Александровичахъ, а затѣмъ Ихъ Высочества, до полнаго совершеннолѣтія, ввѣрены были Вашему попечительству. Въ 1882 году, Родитель Мой, оцѣнивъ по достоинству заслуги Ваши, призналъ полезнымъ назначить Васъ на отвѣтственную должность начальника Николаевской морской академіи и морского училища, занимая которую въ теченіе 14 лѣтъ, Вы, со свойственною Вамъ энергіею и заботливостью, достигли серьезныхъ результатовъ по образованію морскихъ офицеровъ флота; въ день же Священнаго Моего Коронованія, памятуя заслуги Ваши Моимъ Предкамъ, Я пожелалъ приблизить Васъ къ Себѣ—назначеніемъ Своимъ генералъ-адъютантомъ, будучи твердо увѣренъ, что Вы останетесь Моимъ вѣрнымъ сотрудникомъ, и призвалъ Васъ къ участію въ тру-

Библиотека "Руниверс"

дахъ высшаго учрежденія морского министерства въ качествѣ члена Адмиралтействъ Совѣта.

Въ воздаяніе столь долговременной и обильной полезными трудами службы, пожаловавъ Васъ чиномъ адмирала, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ настоящей должности, пребываю къ Вамъ на всегда неизмѣнно благосклонный и „благодарный“ „Николай“.

Въ Лугѣ, 9 Августа 1900 года.

Въ слѣдующее за юбилеемъ Воскресенье я ѣздилъ въ Петергофъ къ обѣднѣ въ Александрію и потомъ былъ приглашенъ завтракать къ Ихъ Величествамъ.

Такъ какъ въ Александрійской церкви очень мало мѣста, то въ самой церкви кромѣ царской фамиліи стоятъ только дамы, а кавалеры остаются въ саду или идутъ курить въ сторожку. Но я вошелъ въ подземелье подъ церковью, въ которомъ находится ризница, и откуда отлично слышна вся служба.

Передъ завтракомъ я благодарилъ Государя за пожалованный чинъ и всемилостивѣйшій рескриптъ, и Государь очень добрымъ голосомъ сказалъ, что въ этомъ рескриптѣ сказано вполнѣ мною заслуженное и что онъ очень радъ, что могъ сдѣлать *хотя что нибудь* мнѣ пріятное. Затѣмъ онъ спросилъ меня, когда я поѣду на встрѣчу Шаха и, узнавъ, что на обратномъ пути я буду недалеко отъ Крыма, приказалъ мнѣ по окончаніи путешествія пріѣхать въ Ливадію. Можно себѣ представить, какъ я былъ осчастливленъ милостивыми словами Государя.

Послѣ этого я уже не видѣлъ Государя и Государыни до ихъ отъѣзда. Они уѣхали въ Ливадію, гдѣ предполагалось остаться до конца Ноября.

Прилагаю здѣсь и напечатанную въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ статью *о моей службѣ*. Статья эта напечатанная моимъ вѣрнымъ и старымъ товарищемъ С. И. Недѣльковичемъ за нѣсколько времени до моего юбилея; она содержитъ въ краткихъ словахъ все прохожденіе моей службы, въ совершенной точности.

Библиотека "Руниверс"

50-лѣтній юбилей генералъ-адъютанта Д. С. Арсеньева.

(1900).

9-го Августа настоящаго года исполнится 50 лѣтъ государственной службы, въ офицерскихъ чинахъ, генералъ-адъютанту, вице-адмиралу, Дмитрію Сергѣевичу Арсеньеву.

Д. С. Арсеньевъ, происходя изъ столбовыхъ дворянъ Московской губерніи, получилъ воспитаніе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ мичманомъ 9-го Августа 1850 г. и, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ оставленъ въ офицерскихъ классахъ Морского кадетскаго корпуса (нынѣ Николаевской Морской академіи). Въ то время слушатели офицерскихъ классовъ въ лѣтнее, въ свободное отъ классовъ время, посылались въ плаваніе, а потому и Д. С. кампанію 1851 года совершилъ на шкунѣ „Стрѣла", въ эскадрѣ Великаго Князя генералъ-адмирала Константина Николаевича, въ плаваніи по Финскому заливу и Балтійскому морю, а лѣтомъ 1852 года плавалъ на корветѣ „Князь Варшавскій", подъ командою капитанъ-лейтенанта Изыльметьева (будущаго героя Петро-Павловскаго боя), въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ, въ эскадрѣ вице-адмирала Замыцкаго.

Окончивъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, Д. С. былъ произведенъ въ лейтенанты осенью 1853 года и тогда же назначенъ въ дальнее плаваніе, къ берегамъ Амура, на корветѣ „Наваринъ" подъ командою капитанъ-лейтенанта П. И. Истомина. Но „Наваринъ" не дошелъ до мѣста своего назначенія. Вслѣдствіе ряда штормовъ, встрѣченныхъ имъ въ Нѣмецкомъ морѣ осенью, ветхій „Наваринъ", взятый у Турокъ еще въ 1828 году, такъ потекъ, что, несмотря на исправленіе въ Портсмутскихъ докахъ, оказался не въ состояніи держаться въ морѣ и долженъ былъ спуститься въ Голландію, въ Флиссингенъ, гдѣ и провелъ зиму. Въ это время была Россіи объявлена война Англіей и Франціей. Корветъ былъ сданъ на храненіе Голландскому правительству, а офицеры и команда корвета возвратились берегомъ въ Россію и изъ нихъ въ Ригѣ былъ образованъ кадръ для морского ополченія, состоявшаго изъ 12-ти канонерскихъ лодокъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Истомина. Въ этомъ кадрѣ Д. С. командовалъ дивизіономъ, состоявшимъ изъ 4-хъ лодокъ.

Весною 1855 года лейтенантъ Арсеньевъ былъ переведенъ въ Петербургъ и назначенъ командиромъ парохода „Фонтанка", состоявшаго при управляющемъ морскимъ министерствомъ генералъ-адъютантѣ баронѣ Врангелѣ. Лѣтомъ этого-же года Д. С. былъ назначенъ адъютантомъ управляющаго морскимъ министерствомъ, съ переводомъ въ Гвардейскій экипажъ и оставленіемъ командиромъ „Фонтанки", которою и командовалъ два года.

Въ 1857 г. Д. С. былъ назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на винтовой корветъ „Вепрь", въ эскадру капитана 1-го ранга Винка, состоявшую изъ 3-хъ корветовъ, отправленныхъ въ Черное море, куда эскадра и прибыла весною 1858 г. Здѣсь Д. С. состоялъ при управляющемъ морскимъ министерствомъ адмиралѣ Метлинѣ и совершилъ съ нимъ плаваніе по портамъ Чернаго и Каспійскаго морей и черезъ Тифлисъ вернулся въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ 1859 г. Д. С. былъ командированъ для кампаніи въ Аральскую флотилію, долженствовавшую идти въ Аму-Дарью для поддержанія независимости Кунградскаго ханства, отложившагося отъ Хивы, тогда намъ враждебной. Фло-

Библиотека "Руниверс"

тилія, состоявшая изъ 40-сильнаго парохода „Перовскій" и двухъ пушенныхъ баржъ, одною изъ которыхъ командовалъ лейтенантъ Арсеньевъ, вошла въ Аму-Дарью. Здѣсь флотилія была окружена десятитысячною арміею Хивинскаго хана, который снялъ осаду съ Кунграда, какъ только узналъ о приближеніи Русскаго отряда, намѣреваясь его уничтожить; но простоявъ нѣсколько часовъ передъ нашей флотиліей, готовой къ бою, ханъ не рѣшился атаковать ее, убралъ съ позиціи свою артиллерію и, продолжая отступательное движеніе со всею своею арміей, ушелъ въ Хиву. Русская же флотилія подошла послѣ того къ Кунграду, который, такимъ образомъ, былъ освобожденъ. Но вѣроломство Кунградцевъ заставило черезъ нѣсколько времени начальника флотиліи, капитана 1-го ранга Бутакова, предоставить Кунградъ его собственной судьбѣ и удалиться. Остальная часть лѣта была посвящена изслѣдованію многочисленныхъ руслъ нижняго теченія Аму-Дарьи и различныхъ пунктовъ береговъ и острововъ Аральскаго моря.

По возвращеніи изъ Аральскаго моря въ Петербургъ Д. С. былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю генералъ-адмиралу Константину Николаевичу, а осенью того-же 1860 г. Д. С., сохраняя званіе адъютанта Его Высочества, былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на канонерскую лодку „Моржъ" и совершилъ на ней плаваніе къ берегамъ Амура, куда „Моржъ" прибылъ весною 1862 г., пройдя Магелановымъ проливомъ и шкерами вдоль Чилійскаго берега до острова Шилоэ въ Тихомъ океанѣ. Во время этого плаванія Д. С. былъ произведенъ за отличіе въ капитанъ-лейтенанты, а по приходѣ въ Николаевскъ на Амурѣ Д. С. былъ назначенъ флагъ-капитаномъ на эскадрѣ Тихаго океана, начальникомъ которой былъ тогда свиты Его Величества контръ-адмиралъ А. А. Поповъ, съ которымъ Д. С. совершилъ плаваніе въ Китай, Японію, Камчатку, Ситху, Ванкуверъ и Калифорнію.

Въ С.-Франциско Д. С. получилъ отъ генералъ-адмирала приказаніе вернуться въ Россію и засталъ великаго князя въ Варшавѣ, гдѣ Его Высочество былъ въ то время Намѣстникомъ.

Изъ Варшавы Д. С. былъ командированъ въ Пруссію для пріисканія и покупки мелкосидящаго парохода для заводимой флотиліи на Вислѣ. Купивъ и вооруживъ пароходъ, названный „Висла" и заказавъ въ Пруссіи шлюпки для Вислинской флотиліи, Д. С. оставался потомъ все время въ Варшавѣ при великомъ князѣ, исполняя различныя порученія, преимущественно касающіяся флотиліи. Въ Августѣ 1863 г. Д. С. сопровождалъ генералъ-адмирала въ Крымъ и за границу. 29 Апрѣля 1864 г. капитанъ-лейтенантъ Арсеньевъ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Сергія Александровича, флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; 21-го же Сентября 1867 г. Дмитрію Сергѣевичу было поручено и воспитаніе великаго князя Павла Александровича. Съ 1864 г. Д. С. въ продолженіе 21 года находился постоянно при Августѣйшихъ Воспитанникахъ, и подъ высшимъ наблюденіемъ Государя и Государыни совершилъ дѣло воспитанія и образованія обоихъ великихъ князей.

19 Апрѣля 1877 г., при наступленіи совершеннолѣтія великаго князя Сергія Александровича, Д. С. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и попечителемъ при великомъ князѣ Сергіи Александровичѣ и вслѣдъ затѣмъ отправился съ великимъ княземъ на театръ войны въ Европейскую Турцію, гдѣ находился сначала при главной квартирѣ Государя, а потомъ въ Рущукскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ великаго князя Цесаревича Александра Александровича. Во время войны Д. С. получилъ орденъ Св. Станислава 1-й степени съ мечами.

21 Сентября 1880 г. Д. С. указомъ Правительствующаго Сената былъ назначенъ попечителемъ и великаго князя Павла Александровича.

Библиотека "Руниверс"

Въ Іюлѣ 1882 г. Д. С. былъ назначенъ директоромъ морского училища (потомъ переименованнаго въ Морской кадетскій Корпусъ) и начальникомъ морской Николаевской Академіи, сохраняя званіе попечителя великихъ князей.

Въ званіи директора Морского кадетскаго Корпуса Д. С. пробылъ 14 лѣтъ и въ 1886 г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы.

Кому не извѣстно то прекрасное состояніе, въ которое Д. С. привелъ морской кадетскій корпусъ, и кто не слышалъ ту благодарную память объ этомъ времени, которая живетъ въ сердцахъ бывшихъ его воспитанниковъ и ихъ родителей? При этомъ необходимо упомянуть объ услугѣ, оказанной флоту адмираломъ Арсеньевымъ, учрежденіемъ курсовъ военно-морскихъ наукъ при Николаевской морской Академіи. Необходимость этого учрежденія уже давно ощущалась во флотѣ, но отсутствіе подобнаго заведенія въ иностранныхъ первоклассныхъ флотахъ, переходное состояніе военно-морскихъ наукъ и неразработанность ихъ казались неодолимыми препятствіями къ созданію такого учрежденія въ Россіи. Но, несмотря на это, Д. С. рѣшился составить проектъ курса военно-морскихъ наукъ, который былъ признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ и соотвѣтствующимъ современной потребности. Благодаря сочувствію великаго князя генералъ-адмирала Алексѣя Александровича и Высочайшему одобренію Государя Императора Николая Александровича, означенный проектъ былъ призванъ къ жизни, и весною 1894 г. состоялось учрежденіе столь желаннаго курса военно-морскихъ наукъ, которое сразу отлично примѣнилось и теперь составляетъ одно изъ самыхъ полезныхъ учрежденій нашего флота.

Въ день Священнаго Коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича вице-адмиралъ Арсеньевъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Величества, членомъ Адмиралтействъ-Совѣта и награжденъ брилліантовыми знаками на орденъ Св. Александра Невскаго. Съ этихъ поръ началась новая дѣятельность адмирала, который, кромѣ своихъ генералъ-адъютантскихъ обязанностей и занятій въ Адмиралтействъ-Совѣтѣ, неоднократно удостоивался особо возлагаемыхъ на него Высочайшихъ порученій.

Такъ, во время коронаціи Ихъ Величествъ, онъ состоялъ при наслѣдномъ принцѣ Шведско-Норвежскомъ; въ 1897 г. сопровождалъ короля Сіамскаго во время пребыванія въ Россіи; въ 1898 г. состоялъ при королѣ Румынскомъ; въ 1899 г.—при владѣтельномъ герцогѣ Саксенъ-Кобургскомъ Герцогѣ Эдинбургскомъ, а весною настоящаго 1900 г. Д. С. былъ командированъ въ Москву на время пребыванія въ ней Ихъ Императорскихъ Величествъ и затѣмъ посланъ на Персидскую границу для встрѣчи Персидскаго Шаха и состоянія при немъ во время пребыванія Его Величества Шаха въ Россіи.

Состоя при вышеназванныхъ Высочайшихъ Особахъ, генералъ-адъютантъ Арсеньевъ получилъ отъ каждаго изъ нихъ высшіе знаки орденовъ тѣхъ государствъ съ лентами и брилліантовыми украшеніями.

Кромѣ того, онъ имѣетъ ордена первой степени со звѣздами отъ 10 иностранныхъ государствъ, а отъ своего правительства имѣетъ всѣ ордена первой степени, включительно до ордена Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.

Библиотека "Руниверс"

Возвратное путешествіе Персидскаго Шаха черезъ Россію.

25 Сентября. 25 Сентября наступилъ день отъѣзда моего въ Волочискъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтить Персидскаго Шаха и сопровождать его во время проѣзда черезъ Россію до Персидской границы въ Джульфѣ.

Я выѣхалъ съ Александровской станціи изъ Царскаго Села вечеромъ 25 Сентября въ Царскомъ поѣздѣ и доѣхалъ очень благополучно до Волочиска. Съ нами поѣхалъ Персидскій посланникъ въ Петербургѣ Мирза-Риза-Ханъ, Конногвардейскаго полка ротмистръ Ханъ Нахичеванскій и баронъ Врангель, а также и статскій совѣтникъ Кахановскій, назначенные состоять тоже при Шахѣ. Флигель-адъютантъ полковникъ Живковичъ и полковникъ Бельгардъ проѣхали прямо въ Волочискъ изъ мѣстности, гдѣ они живутъ.

31 Сентября. Шахъ прибылъ въ Австрійскомъ поѣздѣ въ Волочискъ 31 Сентября вечеромъ совершенно благополучно. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ командующимъ войсками генер.-адъют. Драгомировымъ, прибывшимъ изъ Кіева съ многочисленною свитою и со всѣми подобающими церемоніями; всѣмъ начальствующимъ лицамъ были даны ордена, причемъ Драгомирову сначала дали Льва и Солнца съ брилліантами, но, по моему настоянію, перемѣнили и дали Шаховъ портретъ на шею съ алмазами.

Шахъ выказалъ большое удовольствіе при свиданіи со мной, а Садразамъ и главные министры и всѣ Персы выражали мнѣ свою радость сердечнымъ образомъ; и я, право, былъ очень тронутъ, что заслужилъ съ ихъ стороны такое расположеніе.

1 Октября. Мы выѣхали изъ Волочиска утромъ въ 7 часовъ, и путешествіе наше по желѣзнымъ дорогамъ до *Баку*, куда мы прибыли вечеромъ въ 6 часовъ, 5 Октября, совершилось благополучно. По пути мы останавливались только на нѣсколько часовъ на ночь и утромъ поѣздъ пускался, незамѣтно для Шаха, въ путь, а Шахъ неоднократно похвалялся, что можетъ теперь ѣхать по желѣзной дорогѣ и ночью, говоря: je suis habitué, но все таки эти остановки на ночь были ему очень пріятны и дѣлали путешествіе Шаха вовсе для него неутомительнымъ. Царскій поѣздъ ему данный былъ тотъ-же самый, и Шахъ былъ радъ войти въ свой прежній вагонъ и въ свои Русскія привычки. Тоже и всѣ Персидскіе сановники чувствовали себя въ Русскомъ поѣздѣ какъ дома.

Самъ Шахъ много разсказывалъ мнѣ о своихъ посѣщеніяхъ иностранныхъ дворовъ, а за нимъ, и Садразамъ, и сановники, и министръ

Библиотека "Руниверс"

двора Гаки-Муль-Мулькъ, самый близкій человѣкъ къ Шаху и вліяніе котораго, или лучше сказать, фавора, чрезвычайно усилились со времени Парижскаго покушенія на жизнь Шаха, когда Гаки-Муль-Мулькъ отстранилъ руку убійцы и тѣмъ спасъ жизнь Шаху, который съ тѣхъ поръ отчасти по благодарности, *на которую онъ способенъ*, отчасти, можетъ быть, изъ суевѣрія, вслѣдствіе котораго считаетъ присутствіе при немъ Гаки-Муля-Мулька приносящимъ счастье и смотритъ на него какъ на живой талисманъ, но во всякомъ случаѣ показываетъ ему еще большее расположенія, даже замѣтно больше, чѣмъ къ Садразаму, и это сему послѣднему очень горько: онъ часто задумывается и даже нѣсколько разъ въ дорогѣ тайно плакалъ. Но Гаки-Муль-Мулькъ, какъ другъ и товарищъ юности Шаха, потомъ его докторъ и министръ двора, теперь и безъ того былъ ближе всѣхъ другихъ къ Шаху, хотя были лица, какъ и самъ Садразамъ, которые по положенію своему и должности стоятъ выше Гаки-Муль-Мулька. Говорятъ даже, что Шахъ неоднократно говорилъ, что онъ слишкомъ любитъ Гаки-Муль-Мулька, чтобы подвергать его всѣмъ трудностямъ, отвѣтственности и заботамъ, сопряженнымъ съ должностью Садразама, котораго кромѣ того, по уму, характеру и способностямъ, Шахъ считаетъ выше Гаки-Муль-Мулька, хотя сего послѣдняго любитъ больше.

Персы мнѣ разсказывали о своемъ путешествіи по Европѣ. Франціей и Парижемъ они очень довольны. Шахъ говорилъ, что видѣлъ тамъ очень много любопытнаго, полезнаго и поучительнаго и что тамъ было очень весело. Обращеніемъ Французскаго правительства Персы были вполнѣ довольны. Но видно все таки, что и во Франціи не умѣли ихъ окружить тѣмъ сердечнымъ вниманіемъ, дружелюбіемъ и какъ бы родственнымъ попеченіемъ, которыя Шахъ чувствовалъ въ Россіи. Этого нигдѣ онъ не нашелъ въ Западной Европѣ, и этого ему и не доставало, а это и составляло для Шаха и его свиты главную пріятность пребыванія въ Россіи, гдѣ имъ жилось и дышалось легко.

Въ Англіи и Берлинѣ Шахъ и не былъ, но въ душѣ онъ очень обиженъ поведеніемъ Германскаго императора, отклонившаго его визитъ, и всѣ случаи на Германскихъ желѣзныхъ дорогахъ Шаху остались памятны и непріятны.

Затѣмъ Шахъ былъ очень доволенъ пріемомъ Голландскаго двора: Брюссельскимъ гораздо меньше. Пріемомъ Австрійскаго императора, весьма любезнымъ и сердечнымъ, Шахъ былъ доволенъ, и вообще пребываніе въ Австріи и Венгріи, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, оставило Шаху и всѣмъ его сановникамъ пріятное воспоминаніе.

Что же до посѣщенія султана въ Константинополѣ, то Шаху было очень непріятны распущенные Константинопольскими газетами слухи,

Библиотека "Руниверс"

будто-бы Шахъ поцѣловалъ руку Султану, какъ главѣ Мусульманскаго міра. Никогда, ничего подобнаго не было. Затѣмъ Шаху было нѣсколько обидно, что султанъ не встрѣтилъ его на самой пристани (гдѣ встрѣчали Шаха только всѣ принцы и сановники), а въ воротахъ того проѣзда, дальше которыхъ султанъ боится выѣзжать. Но султанъ извинялся въ этомъ передъ Шахомъ, такъ чистосердечно признаваясь въ своей болѣзненной маніи страха, что Шахъ принялъ это объясненіе и не обижался, тѣмъ болѣе, что проявленія этой маніи султана бросались постоянно въ глаза, во время всѣхъ свиданій Шаха съ султаномъ, который былъ необычайно внимателенъ и любезенъ къ Шаху, и сдѣлалъ ему множество прекрасныхъ подарковъ. Между прочимъ султанъ подарилъ Шаху двухъ Негровъ-евнуховъ, мальчиковъ лѣтъ 15-ти, и они оба теперь постоянно находятся въ услуженіи при Шахѣ; они совершенно дикіе, чрезвычайно избалованы, и одинъ изъ нихъ прескердитый. Разъ я вдругъ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ пришелъ переодѣваться въ мое купе. Я ему преспокойно, мимо идя, приказалъ идти вонъ; но когда мой человѣкъ сталъ его выпроваживать, то Негръ заскрежеталъ зубами, сталъ топать ногами, грозить кулаками, плеваться, такъ что мой камердинеръ вытолкалъ его въ шею вонъ изъ купе; видно, Негръ совсѣмъ не понималъ невѣжливости придти одѣваться въ чужомъ купе.

Про пріемъ въ Сербіи и Болгаріи Шахъ отзывался со снисходительной улыбкой. И здѣсь, и тамъ съ нимъ были очень любезны и просили побыть подольше, что было невозможно, такъ какъ Шаху надо было возратиться въ Персію до наступленія дождевой погоды и худыхъ дорогъ.

Садразамъ и министръ двора тоже мнѣ всегда говорили о расположеніи Шаха ко мнѣ и о томъ, что онъ постоянно вспоминалъ о всѣхъ подробностяхъ нашихъ путешествій, чрезвычайно похваляя мои о немъ заботы и обхожденіе и вспоминалъ, какъ я напримѣръ, когда нужно было куда ѣхать, постоянно приходилъ къ нему говоря: Votre Majesté, tout est prêt, или на станціяхъ, когда слѣдовало трогаться, приходилъ говоря: Votre Majesté, il est temps, такъ что у нихъ эти слова вошли въ обычай. Были и серьезные разговоры, въ которыхъ они мнѣ высказывали, что и Шахъ и они понимаютъ, что безопасность, спокойствіе и благосостояніе Персіи (изъ чувствъ самолюбія не говорили цѣлость и независимость, но это явствовало) зависятъ отъ дружбы и покровительства Россіи.

4 Октября. Въ Баку мы пріѣхали въ 6 часовъ вечера, во время страшнаго шторма отъ NO. Шахъ, который пожелалъ непремѣнно ѣхать въ открытомъ экипажѣ, потомъ самъ былъ тому не радъ: намъ

Библиотека "Руниверс"

закидывало лицо пескомъ съ мелкими камушками и искрами отъ факеловъ сопровождавшаго Шаха казацкаго конвоя, и вой вѣтра былъ такъ силенъ, что, сидя рядомъ въ коляскѣ, мы не слыхали словъ сосѣда. Эти сѣверо-восточные штормы очень часты въ Баку и по всему западному берегу Каспійскаго моря, но для края они благодѣтельны, ибо они освѣжаютъ воздухъ и почти всегда приносятъ съ собою дождевыя облака. Такъ было и теперь, и весь слѣдующій день и ночь шелъ сильный дождь, такъ что Шахъ цѣлый день просидѣлъ дома. Къ тому же, во время переѣзда съ желѣзной дороги въ назначенный для его помѣщенія домъ въ Баку, Шахъ простудился. Потомъ онъ приписывалъ свое нездоровье близости моря и вліянію морского воздуха и, говоря о своемъ нездоровьѣ и бурѣ на морѣ, говорилъ мнѣ: j'ai bien fait de n'avoir pas voulu partir par mer (о чемъ была сначала рѣчь). Оно и правда, тѣмъ болѣе, что высадка съ парохода на берегъ въ Энзели очень опасна, такъ какъ осенью сѣверо-восточные вѣтры часты и сильны и разводятъ огромное волненье, при которомъ высадка на берегъ опасна.

Въ Баку для Шаха былъ приготовленъ большой домъ богатаго Армянина и, кажется, Персидскаго подданнаго Тумаянца. Главныя лица Персидской свиты и Русская свита были помѣщены въ томъ же домѣ. Но первая ночь, проведенная мною въ Баку, была ужасна. Желая украсить мою спальню, всѣ стѣны завѣсили коврами; коврами же покрыли диваны и устлали полы, но всѣ эти ковры были пропитаны нафталиномъ. Хотя этотъ запахъ для меня очень противенъ, но я все таки рѣшился спать, но когда всѣ двери были заперты, то запахъ сдѣлался ужасенъ, и я пришелъ въ какое-то болѣзненное состояніе, нѣчто въ родѣ угара. Я разбудилъ своего человѣка, и мы стали стаскивать ковры съ дивановъ и половъ, сдирать ихъ со стѣнъ и выносить въ другую комнату. Эта работа продолжалась очень долго, и только къ утру я могъ, наконецъ, уснуть. День былъ занятъ безчисленными представленіями и аудіенціями Персовъ и различныхъ личностей, изъ которыхъ, говорятъ, многіе подносили своему природному владыкѣ денежные и другіе дары, особенно Персидскіе купцы, которыхъ здѣсь очень много. На этихъ аудіенціяхъ я не присутствовалъ. Были и всѣ обычныя представленія Русскихъ властей; по вечерамъ зажигалась иллюминація; учебныя заведенія съ пѣснями и фонарями проходили мимо Шаховыхъ оконъ, а вдали съ военныхъ судовъ на рейдѣ пускались ракеты.

Въ это пребываніе въ Баку я ѣздилъ осмотрѣть ханскій дворецъ, родъ цитадели посреди города, очень любопытное зданіе, занятое теперь военными складами и въ варварскомъ состояніи, какъ и почти всѣ историческія зданія на Кавказѣ, находящіяся въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

Библиотека "Руниверс"

Еще до пріѣзда нашего на Кавказъ мною было получено свѣдѣніе о пріѣздѣ туда нѣсколькихъ *бабитовъ* изъ Персіи съ цѣлью произвести покушеніе на жизнь Шаха. Сообщивъ это извѣстіе секретно губернаторамъ тѣхъ губерній, по которымъ намъ надлежало ѣхать, я просилъ ихъ принять всевозможныя предосторожности по дорогѣ и нигдѣ не подпускать толпы близко къ экипажу Шаха, или къ домамъ, въ которыхъ онъ останавливался. Бакинскому губернатору я, кромѣ того, телеграфировалъ объ учрежденіи строжайшаго надзора за всѣми личностями, которыя подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ будутъ приходать въ домъ, занимаемый Шахомъ, что̀ и было тщательно исполнено.

Предупредивъ объ этомъ Шаха, я спросилъ его, не позволитъ ли онъ не допускать толпы до его экипажа, такъ какъ въ первое свое путешествіе и въ Тифлисѣ онъ постоянно просилъ, чтобы не отгонять отъ его экипажа толпами подбѣгавшихъ Персіянъ. И Шахъ теперь, уже очень устрашенный покушеніемъ, сдѣланнымъ на него въ Парижѣ и очень опасающійся бабитовъ, одинъ изъ которыхъ былъ убійцею его отца, очень меня просилъ соблюдать всѣ предполагавшіяся предосторожности и потомъ, говоря о бабитахъ, Шахъ прибавилъ: Ces babites, ils sont trés mauvais! *) Во время же выѣзда своего въ Баку на нефтяные заводы, когда сквозь конвой казаковъ пробрался къ нему какой-то Персіянинъ, Шахъ замахнулся на него палкой; конечно, казакъ тотчасъ его отогналъ.

Мы выѣхали изъ Баку 7 Октября въ 3 часа дня, со всѣми обычными церемоніями, и отправились по желѣзной дорогѣ, соединяющей Баку съ Тифлисомъ и Батумомъ. Шахъ долженъ былъ ѣхать по этой желѣзной дорогѣ до станціи Акстафы (4 часа отъ Тифлиса), откуда уже въ экипажахъ мы должны были ѣхать на Эривань и Нахичевань до Джульфы на берегу Аракса, границы Персіи.

Всѣ мы размѣстились по своимъ прежнимъ вагонамъ и были предовольны; это былъ отдыхъ послѣ Бакинской сутолоки. Шахъ былъ очень въ духѣ и говорилъ, что въ Баку воздухъ для него нехорошъ отъ близости моря и запаха нефти.

Вечеромъ около 8-ти час., не доѣзжая версты до ст. *Каджи-Кабулъ*, когда поѣздъ уже сталъ уменьшать ходъ, мы вдругъ почувствовали два сильные толчка, послѣ чего поѣздъ пошелъ спокойно дальше. Вслѣдъ затѣмъ мнѣ пришли доложить, что толчки произошли отъ удара локомотива о два большихъ камня, положенныхъ на рельсы. Но такъ

*) О бабитахъ, какъ и вообще о Персіи, см. Записки Дюгамеля, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

какъ около этого мѣста шли каменныя работы, то мы остановились на предположеніи, что камни эти обронены на пути случайно. За симъ нашъ путь продолжался благополучно до Акстафы, куда мы прибыли на другой день въ 8 часовъ утра.

Уже на обратномъ моемъ пути, по доставленіи Шаха въ Персію, проѣзжая черезъ Баку, я узналъ, что камни были положены не случайно, но что злоумышленниками поперекъ желѣзнодорожнаго пути была сложена цѣлая стѣнка въ аршинъ высоты изъ обтесанныхъ известковыхъ камней, приготовленныхъ для тамошнихъ построекъ. На этомъ мѣстѣ дорога спускается и дѣлаетъ поворотъ. Слава Богу, что поѣздъ въ это время шелъ очень тихо, благодаря чему ударъ былъ не силенъ: локомотивъ хотя былъ немного помятъ, но опрокинулъ стѣну, затѣмъ колесами были раздавлены два известковые камня (по мягкости ихъ), попавшихъ на рельсы, а остальные камни локомотивъ двигалъ впередъ на разстояніи около 30 саженъ, и затѣмъ поѣздъ прошелъ надъ ними благополучно. Заподозрѣны были три бабита, которымъ и порученъ былъ надзоръ надъ этимъ мѣстомъ дороги; но уликъ прямыхъ не было, и такъ какъ они клялись, что они не бабиты и горятъ преданностью къ Шаху, то полагаютъ, что ихъ подержатъ въ тюрьмѣ и затѣмъ выпустятъ.

8 Октября, Воскресенье. Утро въ Акстафѣ хотя было осеннее, прохладное, но солнечное и чудное. Перегрузка поклажи въ фургоны и разсадка въ экипажи продолжалась довольно долго. Шахъ ужасно торопился, имѣя въ виду длинный переѣздъ до ночлега, назначеннаго на полувысотѣ, въ ущельи Малаго Кавказа въ *Джулейджанѣ*, но только въ $9^1/_2$ часовъ мы, наконецъ, тронулись въ путь.

Дорога отъ Акстафы до Джулейджана, идущая сначала вдоль горныхъ рѣкъ до самаго подъема на Малый Кавказъ, мнѣ показалась еще живописнѣе чѣмъ весною; теперь растительность была въ полномъ своемъ развитіи, а лѣса на горахъ уже начинали желтѣть и восхищали разнообразными своими переливами отъ темной зелени сосенъ, можжевельныхъ деревьевъ и елей до всѣхъ оттѣнковъ желтаго и краснаго цвѣта листьевъ и прочихъ разнообразныхъ породъ лѣса, покрывающаго горы до верха.

Въ Джулейджанѣ Шаху съ его ближайшей свитой былъ отведенъ тотъ-же удобный домъ, что и весною, и до слѣдующаго утра онъ прекрасно отдохнулъ.

9 Октября. 9 Октября мы завтракали въ Еленовкѣ и въ 5 часовъ дня уже прибыли на ночлегъ въ Молоканское селеніе Нижняя Ахта. Проѣзжая берегомъ озера Гокчи, Шахъ пробовалъ стрѣлять дикихъ утокъ, водящихся во множествѣ въ тростникахъ у низменнаго берега,

Библиотека "Руниверс"

близъ Еленовки. Шахъ страстный охотникъ, и разсказы про охоту составляютъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ его разговоровъ. На дняхъ онъ подарилъ мнѣ альбомъ своихъ охотъ близъ Тегерана преимущественно на тигровъ и дикихъ горныхъ барановъ съ очень большими изогнутыми рогами.

10 Октября. Въ 2 часа дня Шахъ прибылъ въ Эривань, гдѣ былъ принятъ съ тѣми же церемоніями, что̀ и при первомъ своемъ проѣздѣ, и опять остановился въ губернаторскомъ домѣ, который былъ очень хорошо убранъ для этого пріема. Губернаторъ графъ Тизенгаузенъ пріѣхалъ встрѣтить Шаха въ Джулейджанъ и потомъ все время сопровождалъ его до границы. Графъ очень симпатичный и любезный человѣкъ. Шахъ и вся его свита его полюбили; поэтому кромѣ ордена Льва и Солнца 1-й степени, Шахъ подарилъ графу въ концѣ нашего путешествія табакерку съ алмазами mais ces cadeaux ont beaucoup d'apparence et peu de valeur réelle.

Пребываніе въ Эривани Шаху въ это время было по душѣ, и дѣйствительно это на половину Персидскій городъ; комнаты Шаха большія, высокія, были тоже на половину убраны по восточному, т. е. среди Европейской мебели было нѣсколько восточныхъ диванокъ, покрытыхъ коврами; коврами же были завѣшаны и стѣны и покрыты полы.

11 Октября. Шахъ поѣхалъ въ 2 часа дня посѣтить въ Эчміадзинѣ Армянскаго католикоса. Хотя въ началѣ онъ не хотѣлъ туда ѣхать, но потомъ разсудилъ, что для Армянскаго населенія своего царства это необходимо. Католикоса я извѣстилъ объ этомъ посѣщеніи еще наканунѣ.

Отъ Эривани до Эчміадзина 19 верстъ; но лишь только выѣдешь изъ покрытыхъ зеленью и садами окрестностей Эривани, почти всю остальную часть дороги приходится ѣхать песочной, однообразной и плоской мѣстностью. Къ великому моему ужасу, Шахъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ въ карету, чтобы ѣхать въ Эчміадзинъ. Что̀ я буду дѣлать и о чемъ съ Шахомъ буду говорить, думалъ я, и мы поѣхали. Шахъ посадилъ меня рядомъ съ собой, а на передкѣ Садразама и министра двора; но къ счастью разговоръ какъ-то сейчасъ же завязался и пошелъ прекрасно, и мы доѣхали до Эчміадзина безъ всякой скуки и утомленія. Признаюсь, что Эчміадзинъ былъ для меня великимъ разочарованіемъ. Кругомъ монастыря расположенъ посадъ, нѣчто въ родѣ уѣзднаго небольшого города, мѣстность плоская и голая. Зелень есть только въ монастырѣ. Древняго—только соборъ и еще одна церковь, и эти зданія весьма своеобразны; но внутренность собора выбѣлена известкой, и ни утвари, ни образовъ древнихъ нѣтъ, и намъ

Библиотека "Руниверс"

никто ничего не могъ ни показать, ни разсказать, ризница же въ величайшемъ безпорядкѣ. Вообще Эчміадзинъ былъ для меня разочарованіемъ. Имѣя въ виду, что это духовный, нравственный центръ всей Арменіи, я полагалъ, что это нѣчто въ родѣ Ватикана, конечно, безъ его художественной стороны; то что̀ я видѣлъ, до такой степени не соотвѣтствуетъ своему назначенію и такъ мизерно и запущено, что меня это изумило.

Патріархъ придавалъ визиту Шаха большое значеніе и въ глазахъ армянства хотѣлъ показать, что это какъ бы визитъ монарха къ монарху, и поэтому былъ написанъ цѣлый церемоніалъ пріема Шаха въ Эчміадзинѣ.

Шахъ былъ принятъ съ великими почестями и держалъ себя весьма достойно и прилично, посѣтилъ соборъ и ризницу, потомъ пилъ чай въ приготовленныхъ ему покояхъ въ патріаршемъ домѣ. Ему представили всѣхъ главныхъ лицъ Армянскаго духовенства, и въ концѣ визита онъ послалъ патріарху ленту и звѣзду Льва и Солнца. Когда при отъѣздѣ патріархъ пошелъ его провожать, то на пол-дорогѣ Шахъ, во вниманіе къ преклонному возрасту патріарха и его дряхлости, просилъ его не безпокоиться идти дальше и отпустилъ его, сказавъ, что очень радъ, что могъ его посѣтить, и сѣлъ въ карету, попросивъ меня опять съ нимъ ѣхать. Обратный путь прошелъ въ разговорахъ весьма оживленныхъ: между прочимъ рѣчь зашла о Севастопольской осадѣ, и Шахъ очень интересовался моими разсказами объ этой эпопеѣ. Мы незамѣтно доѣхали до Эривани, но я былъ очень радъ, когда, наконецъ, мы увидѣли Эриванскаго полиціймейстера верхомъ на городской границѣ. Мы вернулись уже около 7-ми часовъ, и вечеръ прошелъ спокойно. Шахъ, какъ всегда, обѣдалъ у себя и потомъ легъ спать, а вся свита обѣдала въ большой залѣ губернаторскаго дома съ обычнымъ парадомъ, т. е. множествомъ блюдъ, среди многочисленнаго общества военныхъ и гражданскихъ губернскихъ сановниковъ съ музыкой и обычными тостами, съ національными гимнами.

12 Октября. Въ 7 часовъ утра, при чудной погодѣ, выѣхали мы изъ Эривани съ большимъ тріумфомъ; все начальство въ залахъ и у подъѣзда почетный караулъ, войска шпалерами по улицамъ, при салютѣ изъ пушекъ и т. п. Въ $5^1/_2$ часовъ дня прибыли въ Башъ-Нарушенъ, гдѣ все было такъ-же хорошо устроено, какъ и при первомъ проѣздѣ. На дворѣ нашего дома я нарвалъ спѣлыхъ гранатъ, которыя уложилъ, чтобы привезти въ Петербургъ.

13 Октября. Выѣхавъ изъ Башъ-Нарушена, прибыли мы въ $4^1/_2$ часа въ Нахичевань. На этотъ разъ Шахъ и вся его свита остановились въ домѣ хана Нахичеванскаго, который состоитъ при Шахѣ

Библиотека "Руниверс"

(офицеръ л. гв. Коннаго полка). Домъ этотъ находится на мѣстѣ дворца прежнихъ хановъ Нахичеванскихъ; онъ на краю города и однимъ фасомъ, въ которомъ комнаты Шаха, обращенъ на долину рѣкъ Нахичевани и Аракса, текущихъ въ широкой долинѣ, покрытой виноградниками и садами, а вдали, за Араксомъ, высокія горы уже на Персидской землѣ, и вправо гора Араратъ, самый же домъ, равно какъ и весь городъ Нахичевань, на высокомъ берегу, окаймляющемъ эту чудную долину: въ этомъ берегѣ, въ пещерѣ, находится и могила Ноя, которую я посѣтилъ еще при первомъ посѣщеніи Нахичевани. Вдоль фаса дома, выходящаго на долину, большая веранда, прилегающая къ комнатамъ Шаха, откуда видъ истинно восхитительный, и Шахъ почти все время сидѣлъ на этой верандѣ и вечеромъ смотрѣлъ на фейерверкъ. Самый домъ очень удобенъ, убранъ въ восточномъ Персидскомъ стилѣ, камины и нѣкоторыя стѣны украшены арабесками изъ зеркальныхъ кусковъ, что̀ очень оригинально; но меблировка, кромѣ ковровъ и диванокъ, покрытыхъ коврами, состоитъ изъ Европейской мебели и бронзы, но все устроено очень декоративно. Большой дворъ обсаженъ деревьями и посреди фонтанъ. Рядомъ съ домомъ хана Нахичеванскаго домъ его дяди генерала Измаила-хана, 90-лѣтняго героя Баязета. Въ этотъ домъ ведетъ нѣсколько дверей, въ стѣнѣ двора, и въ большой залѣ дома Измаила-хана свита Шаха обѣдала и ужинала. Стѣны этой залы расписаны цвѣтами и фруктами, а одна стѣна занята огромнымъ каминомъ съ арабесками изъ зеркальныхъ кусочковъ: однимъ словомъ, эта зала совершенно въ Персидскомъ вкусѣ. Сегодня послѣдній обѣдъ съ Персами на Русской землѣ, и поэтому было много тостовъ и дружескихъ изліяній: во время обѣда играла военная музыка, и всѣмъ было весело.

Старику Измаилу-хану, котораго Шахъ очень обласкалъ, была дана лента Льва и Солнца, и старикъ былъ очень счастливъ. Да и всѣмъ родственникамъ хана Нахичеванскаго были даны ордена, а слугамъ медали, и ликованье продолжалось до поздней ночи, которая была чудно хороша.

14 Октября. Мы выѣхали изъ Нахичевани въ 9 часовъ утра, благополучно переѣхали рѣки Нахичевань-Чай и Алинда-Чай, въ которыхъ на этотъ разъ воды было немного, и въ 1 часъ дня мы прибыли благополучно на границу—въ Джульфу. Шахъ вошелъ въ приготовленный для него таможенный домъ и сталъ переодѣваться. Онъ вышелъ черезъ нѣсколько минутъ съ Андреевской лентой и звѣздой и съ богатымъ брилліантовымъ Львомъ и Солнцемъ на шапкѣ. Вся Русская свита, министры его и сановники уже въ мундирахъ собрались на площадкѣ таможеннаго дома, въ которомъ Шахъ переодѣвался и въ которомъ онъ жилъ во время перваго своего пребыванія въ Джульфѣ.

Библиотека "Руниверс"

Шахъ благодарилъ меня еще разъ за всѣ мои о немъ заботы, поручилъ представить его глубокую благодарность Государю и при этомъ сказалъ, что онъ съ намѣреніемъ надѣлъ Андреевскій орденъ, чтобы въ немъ вступить въ свою землю и показать своимъ подданнымъ свои чувства благодарности Русскому Императору. Затѣмъ Шахъ сказалъ по нѣсколько милостивыхъ словъ всѣмъ лицамъ Русской свиты, состоявшимъ при немъ, и шествіе къ Араксу началось. Почетный караулъ отдалъ честь, музыка заиграла Персидскій гимнъ, войска, расположенныя шпалерами отъ таможеннаго дома къ парому, кричали „ура", а равно и огромная толпа собравшаяся на берегу. Лишь только Шахъ вступилъ на паромъ, съ Русскаго берега началась стрѣльба изъ ружей, такъ какъ пушекъ тутъ не было: а на Персидскомъ берегу заиграли всѣ военныя музыки Персидскаго отряда войскъ и началась пушечная пальба. Я и вся Русская свита сопровождали Шаха на Персидскую землю и проводили его до приготовленныхъ для него великолѣпныхъ шатровъ.

Какъ только Шахъ чрезвычайно важно вступилъ на свою землю, наслѣдникъ его бросился къ нему въ ноги и на колѣняхъ лобызалъ его сапогъ. Шахъ ему только кивнулъ ласково головой; за наслѣдникомъ такимъ-же образомъ падали ницъ и цѣловали его сапогъ и всѣ другіе высшіе сановники, пріѣхавшіе встрѣтить своего монарха.

Шахъ шелъ раскачиваясь, медленно, мимо своихъ войскъ и, сопровождаемый Русской и Персидской свитой, вошелъ въ свои шатры, гдѣ снова повторилась сцена его прощанія со мной и Русской свитой, благодаренія Государю и, наконецъ, приглашеніе насъ всѣхъ сегодня въ 7 часовъ на обѣдъ у наслѣднаго принца и прощальную аудіенцію у него самого.

Сопровождаемые многими сановниками и всѣми военными почестями, мы вернулись на Русскій берегъ Аракса, который теперь уже не бурлилъ, какъ весной, и русло текущее между Персидскимъ берегомъ и островомъ такъ обмелѣло, что черезъ него были перекинуты мостки, покрытые краснымъ сукномъ, а паромъ ходилъ на нашемъ руслѣ, который во всѣ времена года быстръ и глубокъ. Я былъ очень счастливъ, когда воротился на Русскій берегъ съ сознаніемъ, что моя миссія кончилась и немедленно донесъ телеграммой о благополучномъ возвращеніи Шаха въ свои предѣлы Государю Императору.

Въ 5 часовъ дня налетѣлъ сильный шквалъ съ дождемъ, который сорвалъ часть флаговъ и фонарей, приготовленныхъ къ иллюминаціи, и отчасти подмочилъ фейерверкъ, приготовленный мною на островѣ Аракса для Шаха, но затѣмъ погода опять прояснилась, и къ 7-ми часамъ вечера вся моя свита и собравшіеся къ Джульфѣ начальствующія лица отправились на обѣдъ къ Шаху.

Библиотека "Руниверс"

Я былъ пораженъ великолѣпіемъ Шаховыхъ шатровъ. Это большія палатки въ 8 аршинъ высоты; снаружи онѣ красныя или зеленыя, но внутри обтянуты коврами, бархатомъ и шалями. Шатры поставлены одинъ близъ другого и между собою соединены, одни служатъ столовой, другіе пріемными, третьи для спаленъ и внутреннихъ комнатъ; кругомъ всѣхъ палатокъ обширное пространство огорожено большими высокими ширмами, покрытыми вышитыми арабесками, цвѣтами и т. п.; между палатками дорога устлана коврами и стоятъ курильницы съ духами. Это, можно сказать, послѣднее слово роскоши кочевой жизни, и я при этомъ вспомнилъ описаніе палатокъ султана Саладина въ романѣ Вальтера Скотта „Ричардъ въ Палестинѣ“; такъ это и есть въ дѣйствительности.

Наслѣдный принцъ принялъ насъ очень любезно и съ большой простотой и даже смиреніемъ, несмотря на то, что онъ видимо чувствовалъ, что долженъ соблюдать свое, если не величіе, то достоинство; но передъ Шахомъ никто не великъ, а его любезность или, правильнѣе, въ глазахъ его подданныхъ, его благосклонность ко мнѣ дѣлала обязательною большую любезность ко мнѣ, какъ со стороны принца, такъ и всѣхъ остальныхъ.

Передъ обѣдомъ насъ пригласили въ шатеръ Шаха. Онъ насъ принялъ чрезвычайно привѣтливо и сердечно. Прощаясь со мной, еще разъ выразилъ свою благодарность и свое сожалѣніе со мной разставаться, говорилъ, что никогда меня не забудетъ и поручилъ представить Государю Императору глубочайшую благодарность за Его гостепріимство, великолѣпный пріемъ и свою радость, что видѣлъ Государя и увѣренность, что это свиданіе будетъ еще болѣе служить укрѣпленію дружескихъ сношеній между Россіей и Персіей; все это онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ Шахъ подарилъ мнѣ великолѣпную саблю, украшенную рубинами и брилліантами и сказалъ, что это сабля его отца. Также флигель-адъютанту Живковичу, Бельгарду и другимъ чинамъ свиты раздавалъ подарки лично, послѣ чего простился съ нами и пошелъ къ себѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 14 блюдъ, былъ сервированъ по европейски, но все было полухолодное и не особенно хорошо; конечно, трудно было обѣдъ на сто персонъ сдѣлать хорошій, приготовивъ его на открытомъ воздухѣ, но сервированъ былъ великолѣпно.

Я сидѣлъ по правую руку отъ наслѣднаго принца, который очень разговорился и показался мнѣ весьма добродушнымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что страстно желалъ бы посѣтить Россію, даже просился у отца хотя бы теперь на встрѣчу пріѣхать въ Эривань или Нахичевань, но отецъ его и этого не позволилъ, опасаясь сдѣлать затрудненія въ лошадяхъ и экипажахъ. Во время обѣда играла Персидская музыка все

Библиотека "Руниверс"

Европейскія вещи и очень хорошо, особенно военный оркестръ Шаха. Обѣдъ кончился около 11-ти часовъ и, откланявшись принцу и попросивъ его еще разъ благодарить Шаха за его къ намъ милости, мы отправились къ берегу Аракса мимо войскъ, выстроенныхъ шпалерами и въ сопровожденіи всѣхъ министровъ и сановниковъ, которые, прощаясь, всѣ цѣловались со мною и съ большимъ чувствомъ благодарили и выражали сожалѣніе, что съ нами разстаются. Вечеромъ былъ фейерверкъ, который, хотя нѣсколько подмоченный, удался довольно хорошо.

15 Октября. На другой день, въ 8 часовъ утра, Шахъ отправился въ каретѣ въ дальнѣйшій путь*). Мало по малу разобрали шатры, снялся весь Персидскій лагерь, затѣмъ ушли войска Шаха и къ 10—11 часамъ Персидскій берегъ опустѣлъ. По просьбѣ всѣхъ лицъ нашей свиты мы остались весь день въ Джульфѣ, что̀ было необходимо для окончанія многихъ дѣлъ, отдохновенія прислуги, казаковъ и заготовленія лошадей.

Въ тоже утро я имѣлъ счастье получить отъ Государя Императора нижеслѣдующую телеграмму, которая меня очень обрадовала:

Генералъ-адъютанту Арсеньеву. Ливадія, 15-го Октября.

Благодарю Васъ за многочисленныя ваши донесенія и неусыпныя заботы по устройству путешествія со возможными удобствами для Шаха. Усматриваю изъ его телеграммъ, что вы вполнѣ успѣли въ возложенномъ на васъ порученіи. Поздравляю съ благополучнымъ доставленіемъ Шаха въ его предѣлы и съ окончаніемъ второго длиннаго путешествія.

Николай.

16-го Октября. На другой день, т. е. 16 Октября, въ 10 часовъ утра мы тронулись въ обратный путь, и всѣ въ очень благорастворенномъ состояніи духа. Съ нами ѣхалъ и Эриванскій губернаторъ графъ Тизенгаузенъ, котораго всѣ очень любили, Русскіе и Персы, и Шахъ кромѣ ордена 1-й степени подарилъ ему еще и табакерку. Дивизіонный начальникъ князь Орбеліани (отецъ фрейлины) тоже ѣхалъ съ нами (онъ сопровождалъ Шаха до границы); Садразамъ оказывалъ ему всякое вниманіе, такъ какъ въ Петергофѣ онъ очень плѣнялся его дочерью и былъ очень польщенъ тѣмъ, что во время парада въ Красномъ Селѣ ему удалось сняться фотографически рядомъ съ нею.

Погода была прекрасная, ни жарко, ни холодно, и въ 2 часа дня мы прибыли въ Нахичевань, гдѣ по настоятельнымъ просьбамъ хана Нахичеванскаго опять остановились въ его домѣ и оставались въ

*) Шахъ Музаферъ Эдинъ скончался въ 1905 году, заболѣвъ тою же болѣзнію, отъ которой ѣздилъ лечиться во Францію.

Библиотека "Руниверс"

Нахичевани до слѣдующего утра. Въ Нахичевани мы очень хорошо отдохнули, ходили смотрѣть внутренность старинной башни, находящейся на дворѣ дома хана Нахичеванскаго и въ которой, по преданіямъ, погребена ханша. Въ подземельномъ этажѣ сводъ поддерживался столбомъ (въ серединѣ подземелья и подъ этимъ столбомъ и погребена ханша); это устройство могилы такое же, какъ въ такъ называемой могилѣ Ноя, и это самый древній обычай погребенія въ этой мѣстности.

Вечеромъ мы ходили глядѣть на водопадъ Нахичевань-Су, который съ высоты, на которой стоитъ городъ, падаетъ съ обрыва въ низменную долину Нахичевань-Чая и Аракса; внизу омутъ, мельница, густая, богатая растительность и тѣнистыя деревья, все это очень красиво. Вся родня и дворня Нахичеванскаго хана были въ восторгѣ отъ розданныхъ Шахомъ наградъ, орденовъ и медалей.

18 Октября. Вечеромъ 18-го мы пріѣхали въ Эривань и были очень гостепріимно приняты и помѣщены въ домѣ губернатора; обѣдали у него, играли въ винтъ, и на другой день выѣхали дальше и 20 Октября въ $2^1/_2$ часа дня прибыли благополучно въ *Акстафу*, на желѣзной дорогѣ, гдѣ мнѣ былъ оставленъ тотъ самый вагонъ, въ которомъ весной я пріѣхалъ къ Акстафу изъ Петербурга. Отсюда черезъ Баку, Дербентъ, Петровскъ, Минеральныя Воды, Ростовъ-на-Дону и оттуда Таганрогъ, я прибылъ благополучно по желѣзной дорогѣ въ Севастополь утромъ 25-го Октября.

25 Октября, и сейчасъ же выѣхалъ въ коляскѣ на южный берегъ Крыма, гдѣ я не бывалъ съ 1878 года, т. е. 22 года.

Мы ѣхали отъ Севастополя уже не прежней дорогой на Херсонесъ, Георгіевскій монастырь и Балаклаву, и только проѣхавъ эту послѣднюю, мы выѣхали въ Байдарскую долину; когда же, проѣхавъ черезъ Байдарскіе ворота, я вновь увидѣлъ передъ собой этотъ волшебный Южный берегъ, а за нимъ необъятное Черное море, въ душѣ моей проснулся весь восторгъ, охватившій нѣкогда меня при первомъ видѣ южнаго берега, въ 1862 году, и роемъ поднялись въ душѣ всѣ воспоминанія о жизни на Южномъ берегу, все прекрасное и тяжелое, всѣ счастливые пережитые въ Крыму дни и все, что я здѣсь выстрадалъ.

Съ душевнымъ волненіемъ увидѣлъ я опять эту дорогу, столь мнѣ знакомую и мѣста столь мнѣ любезныя: Алупку, Мисхоръ, Гаспру, Оріанду и наконецъ Ливадійскій паркъ и дворецъ, освѣщенные теперь луною. Это было такъ меланхолично и такъ сообразно съ моими чувствами!

Библиотека "Руниверс"

И мнѣ вспомнились стихи, написанные мною въ 1869 году при отъѣздѣ изъ Крыма, на голосъ одного изъ вальсовъ, бывшаго тогда въ модѣ Лангера. Великій Князь Сергій Александровичъ полюбилъ эти стихи и нерѣдко пѣвалъ ихъ.

Мы всѣ съ великимъ сожалѣньемъ,
Сегодня покидаемъ Крымъ.
Была намъ жизнь здѣсь наслажденьемъ;
Увы, прошла она какъ дымъ!
Въ однообразіи счастливомъ
Здѣсь золотые дни текли;
Мы дорожили каждымъ мигомъ,
И мѣсяцы какъ мигъ прошли.
Когда-жъ опять, судьбы велѣньемъ,
Мы южный берегъ посѣтимъ,
Все тотъ-же-ль будетъ для насъ Крымъ?...

Но дорога отъ Ливадіи до Ялты стала неузнаваема. Тогда она была совершенно пустынна, а теперь представляла рядъ прекрасныхъ виллъ, разнообразной архитектуры, которыя не только тянулись вдоль дороги, но закрывали собою и горы.

Самая Ялта уже не была больше прежнею скромною Ялтою, но застроена большими домами, со множествомъ магазиновъ, отелей и кондитерскихъ и освѣщена электричествомъ, и на улицахъ было много народа. Мнѣ дали въ гостинницѣ „Россія“ двѣ прекрасныя комнаты въ бель-этажѣ, окнами на море; и вмѣсто прежняго пустыннаго открытаго рейда, теперь я увидѣлъ довольно большую гавань, огражденную моломъ, и въ гавани нѣсколько пароходовъ и много каботажныхъ судовъ.

Такъ какъ я телеграммой извѣстилъ министра двора о днѣ своего пріѣзда, то нашелъ у себя на столѣ повѣстку, назначавшую на завтрашній день мое представленіе Государю Императору. Но на-другой день оказалось, что Государь почувствовалъ себя нездоровымъ, и представленіе было отложено на послѣ-завтра. Увы, оно такъ и не состоялось! Государь съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя хуже и хуже; наконецъ, черезъ три дня, слегъ въ постелю. Сначала думали, что у него инфлюенца, но на четвертый день оказался *тифъ*. Можно себѣ представить всеобщее безпокойство и тревогу! При Государѣ былъ только докторъ Гиршъ; пригласили Крымскаго доктора великаго князя Петра Николаевича, старожила южнаго берега, Тимофѣева, который здѣсь считается хорошимъ докторомъ. Онъ констатировалъ тифъ, полагая, что это особаго рода мѣстный тифъ, имѣющій то великое

Библиотека "Руниверс"

преимущество, что онъ не сопровождается изъязвленіемъ кишекъ и не имѣетъ никогда печальнаго исхода. Это меня очень успокоило, однако этотъ тифъ сдѣлался очень сильнымъ. Болѣзнь продолжалась ровно три недѣли и послѣ 21-го дня ночью у Государя сдѣлался обильный потъ, затѣмъ утромъ температура упала, съ этого дня началось поправленіе, и, слава Богу, драгоцѣнное здоровье Государя было внѣ опасности. Но все это совершилось уже впослѣдствіи, а въ первые дни болѣзни, до кризиса, вся Россія была въ тревогѣ.

Представленіе мое откладывалось со дня на день, но когда выяснилось, что у Государя тифъ, я чрезъ министра двора испросилъ изволеніе ѣхать въ Петербургъ, полагая дальнѣйшее пребываніе въ Ливадіи нескромнымъ.

Во время моего пребыванія на южномъ берегу, я былъ нѣсколько разъ въ Ливадіи, въ которой жизнь текла обычнымъ порядкомъ: завтракали и обѣдали въ той-же самой столовой: она осталась безъ измѣненія, а равно и всѣ комнаты нижняго этажа, гостиныя, устроенныя съ такой заботой и любовью Императрицею, ея комнаты, столь полныя для меня священныхъ и дорогихъ воспоминаній! Былъ я и у обѣдни въ милой Ливадской церкви, въ которой тоже ничего не измѣнилось, даже ковры верблюжьяго цвѣта тѣ-же. Какъ мнѣ вспомнились дорогія высокія личности Государя и Императрицы и столько другихъ, кого уже нѣтъ! И великіе князья, мои воспитанники, и мои усердныя молитвы въ этой церкви, въ продолженіи столькихъ лѣтъ! Казалось будто все это было вчера: такъ неизмѣнны остались эти мѣста и въ тоже время такъ далеко было это время, такъ все измѣнилось въ жизни моей, и теперь уже новое поколѣніе жило въ Ливадіи.

Но, несмотря на меланхоличное состояніе духа, которое я не могъ не ощущать въ Крыму, я провелъ въ Ялтѣ пять дней пріятно. Гостиница „Россія“ была полна знакомыми: тамъ жилъ министръ двора баронъ Фредериксъ со своимъ семействомъ и очень гостепріимно: всякій день у нихъ собиралось человѣкъ десять къ обѣду, и потомъ проводили у нихъ вечера, которыя, благодаря почитаемому и любимому барону и его достойной супругѣ, были очень пріятны. Утромъ я пилъ кофе въ 9 часовъ на берегу моря, въ павильонѣ на набережной, и въ это время до 10 часовъ было солнечно и тепло; но около 11-ти начинался холодный вѣтеръ съ моря, который длился цѣлый день и отравлялъ въ это время года пребываніе на южномъ берегу.

Къ завтраку Николай Сергѣевичъ Мальцовъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день изъ Симеиса: мы завтракали въ отелѣ и потомъ въ эки-

Библиотека "Руниверс"

пажѣ отправлялись въ горы, въ Массандру или Аутку и оттуда возвращались пѣшкомъ домой пить чай, послѣ чего Н. С. уѣзжалъ въ Симеисъ. Я былъ очень тронутъ этимъ проявленіемъ его дружбы ко мнѣ, и мнѣ отрадны были долгія бесѣды съ этимъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, съ которымъ у меня было столько общихъ и дорогихъ воспоминаній и который живетъ культомъ этого прошедшаго, памятью своей матери и покойной Императрицы Маріи Александровны и своей неизмѣнной привязанностью къ великому князю Сергію Александровичу.

Вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Ялты былъ въ гостинницѣ „Россія“ концертъ хора Славянскаго. Зала была полна: всѣ придворные, министръ двора и его семейство, Мейендорфы, княгиня Мери Васильчикова, графиня Бенкендорфъ и проч. Хоръ пѣлъ прекрасно, всѣ давно извѣстныя пѣсни, слышанныя нѣкогда въ Ливадіи, но особенно: „А изъ рощи таже пѣснь несется“, „Не течетъ рѣка обратно, что̀ прошло, того не будетъ“, меня очень тронули, и онѣ мнѣ казались *эпирафомъ* моего теперешняго посѣщенія Ливадіи и достойнымъ къ нему заключеніемъ.

На другой день, 31-го Октября, въ 9 часовъ, на пароходѣ Черноморскаго Пароходнаго Общества я отправился въ Севастополь; погода была прекрасная, солнечная, и я еще разъ долго всматривался въ знакомыя, милыя очертанія южнаго берега. Мы прибыли въ Севастополь около 3-хъ часовъ дня.

Я еще не видалъ Севастополя послѣ его возрожденія. Въ семидесятыхъ годахъ еще Графская пристань, памятникъ Казарскаго, церковь и форты сѣверной стороны были почти единственные остатки прежняго; теперь на рейдѣ стояла экскадра броненосцевъ, затѣмъ Новоадмиралтейскій соборъ, домъ главнаго командира, клубъ, прекрасныя оживленныя улицы, меня пріятно поразили. Главный командиръ, адмиралъ Тыртовъ очень любезно меня всюду возилъ, но не догадался пригласить меня обѣдать, что̀ я исполнилъ очень скромно въ клубѣ и въ 9 часовъ вечера отправился на вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ меня ожидалъ мой вагонъ, и мы тронулись въ путь. Во время всего пути было холодно и по ночамъ морозы. Въ Петербургъ я прибылъ благополучно 4-го Ноября.

Жена и все семейство нѣсколько дней тому назадъ переѣхали въ городъ, и я былъ такъ счастливъ обнять жену и дѣтей, видѣть ихъ здоровыми и быть съ ними въ нашемъ симпатичномъ Петербург-

Библиотека "Руниверс"

скомъ домѣ; въ немъ теперь было уже сдѣлано электрическое освѣщеніе, и всѣ мы этимъ очень были довольны. Мы усердно благодарили Бога за мое благополучное возвращеніе по великой милости нашего Господа Іисуса Христа и Пресвятой Матери Божіей. Наши первые дни были посвящены благодарственнымъ молебнамъ, въ домѣ, въ Казанскомъ соборѣ, въ домикѣ Петра Великаго передъ образомъ Спасителя, въ посѣщеніи Невской Лавры и дорогихъ могилъ.

Ноябрь и Декабрь прошли совершенно тихо и однообразно, спокойно и благополучно. Съ половины Ноября стали приходить извѣстія о поправленіи здоровья Государя, и у всѣхъ на душѣ стало спокойнѣе. Но послѣ болѣзни Государю надо было окрѣпнуть и въ началѣ заниматься немного, что̀ ему было очень трудно: такъ привыкъ Онъ къ усиленнымъ занятіямъ. Ихъ Величества выѣхали изъ Крыма только въ началѣ Января и прибыли прямо въ Петербургъ совершенно благополучно.

Библиотека "Руниверс"

Стороженки. Фамильный Архивъ. Томъ IV-ый. Кіевъ, 1910. Большая 8⁰, 608 стр.

Нельзя не порадоваться, что Русское историческое самосознаніе растетъ и растетъ. Нѣсколько Архивныхъ Коммиссій разрабатываютъ усердно мѣстную старину. Частныя лица съ достохвальною заботливостью относятся къ быту и дѣяніямъ своихъ предковъ. Таковы сорокъ книгъ „Архива Князя Воронцова". Обработанныхъ по этой части трудовъ имѣется уже цѣлый рядъ. Первенство принадлежитъ семи томамъ подъ заглавіемъ „*Родъ Шереметевыхъ*". Это по истинѣ достопочтеннѣйшее сочиненіе. Въ немъ картины общей Русской Исторіи за нѣсколько столѣтій съ обозначеніемъ, какое въ ней участіе принимали Шереметевы, а они постоянно находились на вершинахъ общества. Глубоко сожалѣемъ, что посвятившій себя этому труду Александръ Платоновичъ Барсуковъ и состарившійся надъ нимъ, не можетъ долѣе заниматься имъ; онъ довелъ его только до послѣднихъ годовъ царствованія Алексѣя Михайловича. Затѣмъ назовемъ князей Волконскихъ. Раевскихъ, Татищевыхъ, огласившихъ свою родовую и семейную хронику. Къ числу такихъ изданій принадлежатъ и четыре тома о старинныхъ Малороссійскихъ дворянахъ Стороженкахъ, превосходно изданные и украшенные многими портретами. Тутъ не только письма, но и всякаго рода бумаги, имущественныя, хозяйственныя, отысканныя и въ родовомъ архивѣ и въ архивахъ разныхъ учрежденій. На книгахъ напечатано pro domo sua (то есть *для своего дома*); но мы надѣемся, достопочтенный А. В. Стороженко не посѣтуетъ, что мы приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ, которыя получалъ его родитель, будучи Дерптскимъ студентомъ, изъ Петербурга отъ Булгарина. Пушкинъ, заклеймившій Ѳаддея Венедиктовича своимъ четверостишіемъ, говоритъ, однако, что гдѣ нибудь въ переулкѣ, встрѣтя его, онъ даже будетъ съ нимъ разговаривать, но отнюдь не на большой улицѣ. Грибоѣдовъ былъ съ нимъ друженъ. П. Б.

Изъ писемъ Ѳ. Б. Булгарина къ В. А. Стороженко.

С.-Петербургъ. 22 Февраля 1844 г.

Вотъ я похвалилъ Дерптъ и Университетъ, и вы увидите, или уже и видите, что за это пріобрѣлъ болѣе враговъ, нежели друзей. „Зачѣмъ похвалили того, а не этого, зачѣмъ ставить меня на одну доску съ другимъ, кто его просилъ?" и т. п.: вотъ что вы услышите. Похваленные, чтобъ показать, что они не напрашивали меня, станутъ ругать меня. Все это я зналъ впередъ, ибо не разъ

Библиотека "Руниверс"

уже испыталъ—и плевать хотѣлъ и на ласки, и на гнѣвъ людской! Была бы правда чтима и уважаема!

Спб., 30 Октября 1844.

Купите, ради Бога, купите или выпишите книгу: la Russie envahie par les Allemands, да и для меня выпишите экземпляръ. Это chef d'oeuvres всего, что̀ написано о Россіи, правда о Лифляндскихъ Нѣмцахъ, какой не бывало. Я читалъ—прелесть.

Спб., 24 Марта 1845 г.

Ну вотъ Господь послалъ Лифляндіи генералъ-губернатора Русскаго! Назначенъ генералъ отъ инфантеріи Головинъ, бывшій главно-командующій на Кавказѣ! Здѣсь носятся слухи, что всѣ губернаторы въ Остзейскихъ провинціяхъ будутъ Варяго-Россы, и будто въ Ревелѣ будетъ генералъ Пущинъ, командиръ Дворянскаго полка. Такова молва! Мнѣ что̀ попъ, то батька.

Спб., 12 Февраля 1846 г.

Смертельно хочется мнѣ въ Карлово! Какое мнѣ дѣло до Лифляндцевъ? Развѣ я, находясь въ военной службѣ, не былъ счастливъ въ непріятельской землѣ! А мнѣ ужасно жаль теперь Лифляндцевъ, и я сильно симпатизирую съ ними, и по совѣсти не могу одобрить ни насильственнаго навязыванія Русскаго языка, ни привлеченія обманомъ къ Православію. По мнѣ: тише ѣдешь, дальше будешь. Громъ, шумъ, парадное усердіе, а на днѣ ленты и аренды! Вотъ изъ чего бьются усердные люди! Хотѣли творить Православныхъ, а Православный не пользуется никакими правами и хуже парія въ Лифляндіи: хотятъ, чтобъ всѣ знали по русски, а на Русскомъ языкѣ не пишутъ даже афишекъ!

Спб. 19 Марта 1846 г.

Полевой умеръ. По пріѣздѣ въ Карлово, покажу вамъ офиціальный документъ, яко царь, по благости своей далъ семьѣ Полевого пенсіонъ въ 1000 рубл. серебр., въ слѣдствіе моей просьбы; но семья его не стоитъ ни одного гроша! Изъ благодарности, сынъ Полевого подалъ прошеніе въ Управу Благочинія, чтобъ Сенковскаго отдать подъ судъ за то, что онъ хотѣлъ въ пользу семьи Полевого продавать его автографы, а меня за то, что я перепечаталъ въ „Пчелѣ“ объявленіе Сенковскаго! Управа было и согласилась, но военный генералъ-губернаторъ далъ ей порядочный нагоняй! Вотъ вамъ люди!

Хорошо, что вы отказались отъ Москвы. Тамъ бы все забыли, чему учились. Университетъ въ совершенномъ упадкѣ. А здѣшній? И смѣхъ, и горе. Каждый Дерптскій гимназистъ ученѣе Плетнева, Устрялова et consorts; скоты бо суть.

Библиотека "Руниверс"

Шуточная хроника Московскаго Университета полвѣка назадъ*).

II.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Подражаніе древнимъ.

Когда Діану дерзновенно
Узрѣлъ нагую Актеонъ,
Онъ былъ богиней раздраженной
На растерзанье обреченъ.
И мы игуменью святую
Узрѣли тожъ въ дезабилье,
Простоволосую, босую,
Да и въ запачканномъ бѣльѣ.
И вотъ уже готова кара:
Собаки ринулись тотчасъ,
И лаетъ бѣшеная пара,
И учитъ вѣжливости насъ:

---

*) Первая часть этой хроники, помѣщенная выше (стр. 125), носитъ названіе временъ Аркадскихъ и относится къ ректорству А. А. Альфонскаго, который, женатый на Е. А. Мухановой, принадлежалъ къ высшему Московскому обществу. Преемникъ его въ ректорской должности имѣлъ очень много достоинствъ, но происходилъ изъ духовнаго званія, которое въ ту пору еще не пользовалось подобающимъ ему общественнымъ уваженіемъ. При немъ начались такъ называемыя исторіи, благодаря которымъ пятеро даровитыхъ профессоровъ (Дмитріевъ, Рачинскій, Чичеринъ, Бабстъ и Соловьевъ) подали въ отставку. Новаго ректора прозвали *матерью-игуменьею*. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Никольскій то зальется шавкой,
То вдругъ подниметъ хриплый вой,
А Матюшенковъ съ бородавкой,
Бѣснуясь, брызгаетъ слюной.
Ужасенъ этотъ лай сугубый,
Страшна отвага забіякъ;
Но къ счастью, ихъ тупѣе зубы,
Чѣмъ Актеоновыхъ собакъ.

Отрывокъ.

Какое мудрое собранье!
Что̀ ни лицо въ немъ, то примѣръ
Не только глубины познанья,
Но и изящнѣйшихъ манеръ.
Здѣсь до малѣйшихъ вамъ оттѣнковъ,
Чуть кто въ Совѣтѣ зашумитъ,
Великосвѣтскій Матюшенковъ
Законы свѣта объяснитъ.
Сказавъ, съ находчивостью быстрой,
Что всѣ круги онъ изучалъ,
Отъ хижины и до министра
Вездѣ онъ, мудрый, побывалъ,
И если бъ въ хижинѣ послѣдней
Онъ занялъ свой хорошій тонъ,
То у министра онъ въ передней
И строгой чести обученъ.

Рѣчь преподобный матери-игуменьи о пребываніи ея въ Петербургѣ.

(Засѣданіе 22 Апрѣля 1863).

Вставши съ ложа спозаранку,
Захвативъ съ собою Анку*)
И напяливши чепецъ,
Я пустилась во дворецъ.
Тамъ я милою осанкой
Всѣхъ прельщала, какъ и встарь....
Насъ замѣтилъ тотчасъ съ Анкой
Восхищенный Государь.

*) Н. Б. Анке—деканъ медицинскаго факультета. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

А министры такъ толпились
Такъ толкались вкругъ меня,
Такъ красѣ моей дивились,
Столько было въ нихъ огня,
Такъ плѣнительно мнѣ было
Что, хоть къ чести я строга,
Но чуть-чуть не насадила
Я Никольскому рога.

Подражаніе Лермонтову.

„Въ полдневный зной въ долинѣ Дагестана“..
Въ полдневный часъ, въ совѣтской круглой залѣ
Съ тоской въ груди, сидѣлъ я недвижимъ...
Еще слова Никольскаго дрожали,
И всѣ безмолвно тяготились имъ.
Но я одинъ былъ сокрушенъ тоскою.
Вокругъ меня никто не унывалъ,
И лишь порой, голодною душою
Свой часъ обѣда Брашманъ вспоминалъ.
И снился мнѣ, сіяющій огнями,
У ректора великолѣпный балъ:
Среди купчихъ съ нелѣпыми чепцами,
Никольскій нашъ отважно танцовалъ.
Но у него однѣ плясали ноги,
Душа была отъ польки далека,
И ликъ его, величественно-строгій,
Глубокая отмѣтила тоска.
И снилася ему Совѣта зала:
Пока рѣчами нагонялъ онъ страхъ,
Все близъ него рука одна писала,
И чуялъ онъ пародію въ стихахъ.

26 Октября 1863.

Экспромптъ.

Краса инспекціи Московской,
Двора монаршаго краса,
Иванъ Ивановичъ Красовскій *).
Да гдѣ же ваши волоса?

*) Инспекторъ студентовъ Красовскій, родомъ изъ духовнаго званія, служилъ въ военной службѣ и подъ Севастополемъ былъ адъютантомъ князя Горчакова. Позднѣе Ѳ. М. Дмитріевъ устроилъ ему губернаторство въ Томскѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Ода

преподобной матери-игуменьи Серіи, настоятельницы нѣкоей мужской обители.

Октябрь 1863.

Въ дни вѣрноподданныхъ скандаловъ,
Когда пѣлъ оды Шевыревъ,
Въ честь тупоумныхъ генераловъ
Давали много мы пировъ.
Но нынѣ времена другія:
Стремясь къ развитью своему,
Уже покорствуетъ Россія
Теперь не силѣ, а уму.

Изобразитъ ли стихъ мой слабый,
Какъ старшій университетъ
Однажды, въ честь беззубой бабы,
Задалъ торжественный обѣдъ?..
На пиръ сей, истинно Московскій,
Стеклись друзья изъ всѣхъ угловъ:
Изъ синагоги Гивартовскій,
Изъ океана Соколовъ [1]).

Врагъ независимости Польской,
Сей препоясанный на брань,
Сей ярый патріотъ Никольскій
Принесъ сюда свою гортань.
И вмѣстѣ съ нимъ, покоренъ гласу
Леонтьева, сюда пришелъ
Пѣховскій [2]), воротясь изъ лясу,
Гдѣ онъ ваканцію провелъ.

Тутъ былъ премудрый Галиновскій,
Преподаватель для коровъ,
Сладкоглаголивый Лясковскій,
Страдающій теченьемъ словъ;
Мильгаузенъ, отецъ уступокъ,
Всѣмъ сердцемъ полюбившій всѣхъ
И все что только есть поступокъ
Уже считающій за грѣхъ.

---

[1]) См. выше, стр. 126.

[2]) Профессоръ Латинской словесности. Полякъ, ставленникъ профессора П. М. Леонтьева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

И факультетъ тутъ медицинскій
Весь въ сборѣ... эка благодать!
Читатель проситъ риѳмы: „свинскій“,
Ну нѣтъ! Ужъ лучше замолчать!
Всѣ мирно явства пожирали,
При громѣ Сакса скрипачей,
И длань игуменьи лизали,
Съ приправой тостовъ и рѣчей...

Вотъ Николай Богданычъ Анке,
О чудо! всталъ и говоритъ....
Онъ зналъ лѣкарственныя склянки,
Онъ зналъ и хересъ, и лафитъ;
Но было вовсе не по нраву
Ему публично говорить,
И краснорѣчія отраву
Съ трудомъ онъ силится излить.

За нимъ безцвѣтны, но пріятны,
Потоки полились рѣчей:
Давидовъ, Лешковъ непонятный
И самъ Галунинъ Алексѣй,
Съ дьячковскимъ голосомъ и видомъ,
Гласятъ игуменьѣ хвалу:
Сравнишься мудростью съ Давидомъ
И Валаамову ослу
Подобна ты, о мать святая!
И всѣхъ чаруешь насъ вполнѣ,
Ты, въ юбкѣ ректорской блистая,
Съ звѣздой на лѣвой сторонѣ!

Гостепріимна ты порусски,
Мила въ ужимкахъ и рѣчахъ;
Ты даже въ Пятницы закуски
Для насъ придумала на дняхъ.
И мы, за сыръ и за селедку,
За колбасу и за икру,
За то, что смачиваешь глотку
Ты намъ бутылкой ввечеру,
Тебѣ днесь пиршество во славу
Всей корпораціей даемъ,
Какъ будто выборному праву
Мы честь поздненько воздаемъ!

Мы, вѣрь, давно тебя желали,
И ясной дождались поры...

Библиотека "Руниверс"

Забудь лишь, матушка, что клали
Тебѣ мы черные шары.
И возвратившееся стадо
Ты попеченьемъ не оставь.
Не обойди ты насъ наградой.
И всѣхъ, in corpore, представь...

Такъ пѣлъ Галунинъ вдохновенный,
Какой-то испуская стонъ.
И слышенъ крикъ одушевленный
Ему въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.
Но чтобъ бесѣдѣ этой Росской,
Которой тонъ немного простъ,
Придать оттѣнокъ философскій,
Юркевичъ предлагаетъ тостъ.

Онъ пьетъ за наше единенье,
Внѣ всякихъ партій и преградъ,
Союзъ во имя просвѣщенья
И полученія наградъ,
И съ Матюшенкомъ и Пѣховскимъ,
Ни отъ кого не сторонясь,
И съ Галиновскимъ, и съ Лясковскимъ,
Со всѣми ими у нихъ связь.

Онъ говоритъ: „Я къ вамъ въ обитель
Судьбой недавно занесенъ.
И на нее смотря, какъ зритель,
Совѣтомъ вашимъ я прельщенъ.
Хотя и ссоритесь вы дома,
Хоть и деретесь вы слегка,
Но вамъ пословица знакома:
Рукою моется рука.

Тамъ говоритъ Никольскій въ мѣру,
Имѣетъ Лешковъ должный вѣсъ,
И мнится: вѣтренную Геру
Прогнавши, царствуетъ Зевесъ".
А мать игуменья, вздыхая,
Стыдливо говоритъ въ отвѣтъ:

„Извольте видѣть, честь большая
Мнѣ выборъ вашъ и сей обѣдъ.
И знаю я, что недостойна
На этомъ мѣстѣ я сидѣть:
Всѣ говорятъ, что непристойно
Меня вамъ ректоромъ имѣть.

Библиотека "Руниверс"

Но хватитъ все-жъ у насъ умишка,
Чтобъ вамъ, гдѣ нужно, угодить,
И своего чтобы дѣлишка
При этомъ также не забыть.

Да и смирна я непомѣрно...
За то отъ васъ какая честь!
Всякъ думаетъ: на ней ужъ вѣрно,
И мнѣ придется тоже сѣсть.
Не отставляюсь я осанкой,
Не оскорбляю васъ умомъ;
Большой, вотъ видите, приманкой
Нашъ служитъ пошлости дипломъ.
Не любимъ важности посольской;
Свой братъ кому изъ насъ не милъ?
Вотъ и ораторъ нашъ Никольскій
Ко мнѣ въ дворецкіе вступилъ.
Онъ у меня на побѣгушкахъ;
Я прикажу—плясать пойдетъ,
Мигну ему, и на пирушкахъ
Гостямъ Шампанскаго нальетъ.

Всего вѣрнѣе путь лакейскій,
Гласитъ нашъ опытъ, и держась
Смиренно мудрости житейской,
И я чиновника дождалась;
И ректорства, и генеральства
Меня сподобила судьба:
Раба я высшаго начальства,
Совѣта нашего раба!“

Хвала, изрекъ Крыловъ ученый,
О милый ректоръ нашъ, тебѣ!
Ты, правда, малый немудреный,
Но ты пришелся по избѣ.
Подъ властію Аркаши строгой
Нашъ голосъ оставался нѣмъ;
Хоть бунтовали мы немного,
А все какъ будто не совсѣмъ.
Но днесь казенному указу
Конецъ, конецъ уже насталъ!
Auspicia sunt fausta: сразу
Нашъ выборъ на старуху палъ!“

Но вотъ для новыхъ комплиментовъ,
Археологъ и либералъ.

Библиотека "Руниверс"

Искатель милости студентовъ,
Буслаевъ антикварный всталъ.
Почтимъ мы нынѣ силу слова!
Гдѣ сила, тамъ при ней я хвостъ.
Въ честь, понимаете, Каткова
Я предлагаю этотъ тостъ!"

И на привѣтъ сей отвѣчая,
Возсталъ въ величіи Катковъ,
Глазами медленно вращая,
И рекъ всей тяжестію словъ:
„Я силы слова представитель.
Такимъ самъ клубъ меня призналъ *)!
Россіи нашей я спаситель;
Я всю Европу застращалъ.

Въ моемъ журналѣ помѣщаетъ
Кто и плохія лишь статьи,
Тотъ лавры вѣчныя стяжаетъ,
Тому привѣтствія мои!
Однажды ректоръ вашъ для формы,
Въ моихъ печатался листахъ,
И вотъ—отъ дряни сей реформы
У насъ подвинулись въ судахъ!"

—„Ну, такъ ужъ если за Каткова,
Гласитъ игуменья, мы пьемъ,
Такъ и за Берга, Муравьева
И Горчакова мы тряхнемъ!
То пира всякаго программа:
Привѣтъ имъ клубъ Нѣмецкій шлетъ,
Бахмутскихъ барынь телеграмма
Ихъ вновь на подвиги зоветъ;
Отъ сихъ народныхъ ликованій
Ужель отстанетъ нашъ порывъ?!"
И встрѣтилъ громъ рукоплесканій
Патріотическій призывъ.

Не утерпѣлъ тутъ и сладчайшій,
И медомъ рѣчь его лилась:
„Друзья, на праздникъ величайшій
Семья вся наша собралась....
Семья! Ахъ, кто при этомъ звукѣ

*) Московскій Англійскій клубъ давалъ обѣдъ въ честь М. Н. Каткова за его статьи противъ Поляковъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Не скажетъ: университетъ?
О alma mater! храмъ науки!
Ты слаще меда и конфектъ!
И сердце чье не встрепенется,
Когда онъ зритъ священный храмъ,
Гдѣ такъ исправно выдается
Двойное жалованье намъ?“

Въ предѣлахъ университетскихъ
Какъ сладко все: хвала друзей,
Интриги кумушекъ совѣтскихъ
И громъ Никольскаго рѣчей!
И здѣсь на маленькомъ просторѣ
Какъ можетъ маленькій субъектъ
Потолковать о всякомъ вздорѣ
И выйдетъ маленькій эффектъ!
Не утомляяся въ работѣ,
Ты держишь проповѣдь съ ходуль,
Отпустишь фразу на Суботѣ,
И все-жъ не будешь просто нуль!
О други! все насъ здѣсь смѣняетъ!
Такъ, съ позволенія сказать,
Когда никто не возражаетъ,
На стулъ свой сяду я опять!“

Такъ рекъ Лясковскій улыбаясь
На весь профессорскій комплектъ.
И все съ ужимкой озираясь,
Чтобъ видѣть, вышелъ ли эффектъ...
Онъ сѣлъ, но сладкая улыбка
Коснѣла долго на устахъ,
Собой доволенъ онъ былъ шибко,
И счастье свѣтилось въ глазахъ.

И долго длится пиръ громадный,
И всякій рѣчи говоритъ:
Одинъ Любимовъ плотоядный
Все пьетъ, все ѣстъ и все молчитъ;
И только свѣтится во взорѣ
Душевный ректору привѣтъ,
Зане онъ съ басней не въ раздорѣ:
„Сильнѣе копыта звѣря нѣтъ!“

Распорядитель угощеній,
Всегда молчитъ онъ на пирахъ.
И лишь наѣвшись, нашъ Меценій,

Библиотека "Руниверс"

Всталъ съ мудрой рѣчью на устахъ.
И говоритъ онъ: „Эта шутка!
Нашъ пышный, ректорскій обѣдъ
Есть праздникъ истинный желудка,
И смысла въ немъ другого нѣтъ.

Желудокъ врагъ разъединенья,
Раздора онъ не признаетъ,
Онъ одинакія внушенья
Глупцу и мудрому даетъ.
Въ ѣдѣ никакъ не разойдемся
Мы и при разности натуръ,
При всѣхъ тенденціяхъ напьемся.
Такъ: gaudeamus igitur!“

„Пока мы молоды,—запѣли
Всѣ хоромъ вдругъ профессора,
Повеселимся! Надоѣли
Давно намъ лекціи! Пора
Не миновала наслажденій,
И часъ пока намъ не насталъ,
Въ честь легкихъ дѣвъ и обольщеній
Полнѣй нальемъ вина бокалъ!“

Трикраты пѣснью огласился
И кликами высокій залъ;
Самъ Брашманъ тутъ остервенился,
И Фишеръ пуще всѣхъ оралъ.
Но все непрочно въ здѣшнемъ мірѣ:
Напиткамъ даже есть конецъ.
Побушевавъ на долгомъ пирѣ,
Домой идутъ всѣ наконецъ.

Отяжелѣвъ, немного пьяны,
Чтобъ дружно завершить обѣдъ,
Въ подарокъ ректоршѣ деканы
Несутъ коробочку конфетъ.
Отверзла ректорша затворы,
Легко коробка отперлась,
И, какъ изъ ящика Пандоры,
Оттуда пошлость понеслась.

Удушлива и безконечна
Во всѣ углы она вошла,
И по Никитской быстротечно
И въ новый домъ переползла;

Библиотека "Руниверс"

Потомъ и въ Клиникахъ вселилась
И въ медицинскій институтъ:
Повсюду вонь распространилась
Науки нашей атрибутъ.
И долго стѣны сохраняли
Зловонія протухлый слѣдъ,
И долго други вспоминали
Веселый ректорскій обѣдъ.

Мадригалъ Галиновскому *).

Новый блескъ у насъ въ компаніи,
Радость новая въ сердцахъ:—
Галиновскій въ новомъ званіи
Въ генеральскихъ онъ чинахъ!

Онъ съ своею важной рожею
Нынѣ сдѣлался вельможею:
Вотъ куда его завезъ
Изученный имъ навозъ!

А въ саду-то безъ заботныя
Такъ и прыгаютъ животныя,
Но особенно процвѣлъ
Свѣтлой радостью оселъ.

*) Онъ завѣдывалъ Зоологическимъ садомъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ К. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА.

Глава пятая*).

Учебные годы.

Бабушка Юлія Ѳедоровна Розова не щадила заботъ и средствъ на наше воспитаніе. Когда мнѣ пришло время поступать въ гимназію, приглашены были опытные преподаватели для подготовленія меня къ экзаменамъ. Съ діакономъ изъ вдовьяго дома проходилъ я курсъ Закона Божія, съ А. Н. Кандиновымъ занимался ариѳметикой, географіей и исторіей; съ А. Н. Монастыревымъ—Русскимъ и Латинскимъ языками; уроки Французскаго языка давала мнѣ м-ме Bonroux, а Нѣмецкій преподавала сама бабушка. Домъ ея въ Скатертномъ переулкѣ обратился за это время въ подобіе школы, и на нашихъ занятіяхъ сосредоточивалось вниманіе нашей воспитательницы. Я учился старательно, хотя не отличался особенными способностями; сестра моя Еничка, напротивъ, показывала менѣе прилежанія, но быстрѣе усвоивала то что заучивала: вообще она была живѣе, здоровѣе и крупнѣе меня. Мы поступили въ учебныя заведенія почти одновременно. Я во второй классъ V классической гимназіи, которая тогда помѣщалась на Пречистенкѣ, въ зданіи 1-й гимназіи, и только на другой годъ послѣ моего поступленія перевелась на уголъ Поварской и Молчановки, у Арбатскихъ воротъ; сестра Еничка въ тотъ же годъ поступила въ женскую гимназію Министерства Народнаго Просвѣщенія близъ Страстного бульвара, гдѣ начальницей была здравствующая понынѣ Надежда Ивановна Соцъ. Оба мы были приходящими, такъ какъ послѣ неудачнаго

*) Первыя главы этихъ Воспоминаній см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1908 (5), 1909 (5), и 1910 (8). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

опыта съ собственнымъ сыномъ Константиномъ Александровичемъ Розовымъ, бабушка Юлія Ѳедоровна и слышать не хотѣла о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ: да она и не согласилась бы разстаться съ нами.

Я поступилъ въ гимназію въ 1869 году, когда приходящіе ученики не носили еще мундировъ; форма наша состояла изъ черной суконной двубортной тужурки съ синими петличками на воротникѣ; къ этому полагался черный галстухъ военнаго покроя, черныя длинныя брюки и фуражка также черная съ синимъ суконнымъ околышемъ. Красивая и удобная для дѣтскаго возраста форма эта продержалась однако не долго; первымъ нововведеніемъ явилась замѣна столь обрусѣвшаго головного убора, какъ картузъ, безобразнымъ и холоднымъ зимой Французскимъ кéпи, а затѣмъ, когда я перешелъ въ четвертый классъ, просторныя тужурки наши замѣнились узкими синими мундирами съ стоячимъ воротникомъ и серебряными пуговицами. При этомъ не догадались ввести для занятій болѣе просторное платье, и мы просиживали отъ 9 до 3 часовъ (т. е. по 6 часовъ подъ рядъ) въ наглухо застегнутыхъ мундирахъ съ подпиравшимъ подбородокъ стоячимъ воротникомъ, который обшитъ былъ серебрянымъ галуномъ. Трудно придумать болѣе непрактичную, неэкономную и вредную для подростающаго возраста одежду. Неудачной „формой“ цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, затянутыхъ въ гимназическіе мундиры съ утра до вечера, обречено было на узкогрудость, сутуловатость и худосочіе. Въ гимназіи училось немало мальчиковъ, не имѣвшихъ средствъ шить себѣ ежегодно новый мундиръ; нѣкоторые воспитанники носили свой мундиръ два, три года, искусственно препятствуя, такимъ образомъ, развитію грудной клѣтки и плечъ. Не этимъ ли объясняется, что мои современники такъ отстали въ физическомъ (а можетъ быть, и въ иномъ отношеніи) отъ предыдущихъ поколѣній?

Вообще мы любимъ часто мѣнять формы одежды, унаслѣдовавъ, вѣроятно отъ Петровскихъ временъ, убѣжденіе, что съ перемѣной этикета, обложки, мѣняется и сущность. Но, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ образовательный и умственный уровень не измѣнился къ лучшему отъ вновь введенной при гр. Д. А. Толстомъ формы, какъ не поднялась охота къ изученію Греко-латинскихъ классиковъ отъ послѣдовавшей въ 1871 году перемѣны гимназическихъ программъ. Достойно замѣчанія, что наши отцы, кончившіе среднюю школу въ сороковыхъ годахъ при старыхъ программахъ, охотнѣе чѣмъ мы занимались чтеніемъ древнихъ писателей и лучше понимали ихъ: среди сверстниковъ моего отца можно найти лицъ, не только свободно пи-

Библиотека "Руниверс"

савшихъ, но и говорившихъ полатыни по окончаніи одного гимназическаго курса. Такъ называемая „классическая“ реформа графа Толстого застала меня въ четвертомъ классѣ и еще болѣе убѣдила, по личному опыту, что задуманная съ явно политическими задачами реформа не только не достигла цѣли, но способствовала пополненію рядовъ революціи. Непомѣрное увеличеніе програмныхъ требованій по древнимъ языкамъ, въ ущербъ изученію отечественнаго языка и отечественной исторіи; недовѣріе къ педагогическому персоналу и введеніе формалистики въ экзамены повели къ тому, что менѣе способные или менѣе приспособляющіеся ученики начали отставать уже въ среднихъ классахъ и потомъ постепенно выталкивались изъ гимназіи на улицу. Особенно замѣтно было это грустное явленіе въ первые года примѣненія Толстовскихъ строгостей. Въ 1876 году изъ 36 учениковъ, поступившихъ со мной во второй параллельный классъ пятой гимназіи, до восьмаго класса дошло только 5 человѣкъ! Прочіе частью отстали въ другихъ классахъ, а частью повышли изъ гимназіи, не одолѣвъ „Курціуса“ и „срѣзавшись“ на „экстемпорале“.

Насколько мнѣ помнится, въ моемъ классѣ не было ни одного ученика, который занимался бы охотно изученіемъ древнихъ языковъ, что̀ объясняю себѣ, главнымъ образомъ, дурно составленной схоластической программой, направленной не на литературную сторону, а почти исключительно на грамматическую. Изучался не безсмертный духъ классиковъ, не пластика ихъ, а анатомическое строеніе ихъ слога и начертанія по рецептамъ нѣмецкихъ шульмейстеровъ. Другая причина всеобщей не любви къ древнимъ языкамъ крылась въ крайне недостаточномъ подборѣ преподавателей.

Но, въ этомъ отношеніи я долженъ оговориться: у насъ въ гимназіи былъ одинъ весьма выдающійся преподаватель Греческаго языка, Болгаринъ Ксенофонтъ Ивановичъ Жинзифовъ. Едва ли есть такая другая область человѣческой дѣятельности, гдѣ требовалось бы больше таланта, призванія и любви, какъ въ дѣятельности педагогической. Къ сожалѣнію, обыкновенно преподаватели принадлежатъ у насъ, по степени даровитости, къ среднему уровню, вѣроятно потому, что трудъ педагоговъ плохо оплачивается. Но за то, если между ними найдется одинъ истинно-даровитый, то онъ творитъ чудеса: ученики ловятъ каждое его слово и подчиняются его обаянію. Тогда нѣтъ способныхъ и неспособныхъ, внимательныхъ и разсѣянныхъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ: весь классъ, какъ одинъ человѣкъ. Такимъ рѣдкимъ даромъ педагога-учителя въ лучшемъ значеніи слова обладалъ К. И. Жинзи-

Библиотека "Руниверс"

фонъ. Онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ въ Славянофильскомъ кружкѣ, какъ горячій сторонникъ освобожденія Славянъ отъ Турецкаго ига. Поэтъ, ораторъ и писатель, Жинзифовъ горѣлъ постоянно какимъ-то внутреннимъ вдохновеніемъ и умѣлъ дѣйствовать на окружающихъ своей неподдѣльной восторженностью. Самая внѣшность его тому способствовала: сухой, угловатый, съ темнымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, черными, горящими глазами и шапкою жесткихъ черныхъ волосъ. Жинзифовъ смотрѣлъ отчаяннымъ головорѣзомъ. Его громовый голосъ, порывистая рѣчь, рѣзкія движенія въ первую минуту внушали недовѣріе, но скоро это чувство смѣнялось у насъ, его учениковъ, не только уваженіемъ и любовью, но даже поклоненіемъ. Это былъ человѣкъ добрѣйшаго сердца, благородный, прямодушный, готовый на всякое самопожертвованіе. Свои заработки онъ посылалъ домой угнетеннымъ своимъ сородичамъ, оставляя себѣ лишь столько, чтобы жить одинокимъ въ маленькой комнаткѣ, въ домѣ діакона церкви Федора Студита, что у Никитскихъ воротъ.

Жинзифовъ былъ отличнымъ знатокомъ Греческаго языка, великолѣпно читалъ Гомера и переводилъ его намъ бѣгло, часто рифмуя строфы стихами. Его уроки сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наслажденіемъ: мы стали впервые догадываться, почему Гомеромъ восхищаются и какая въ немъ кроется прелесть. Къ сожалѣнію, Жинзифовъ преподавалъ намъ только въ двухъ старшихъ классахъ VII и VIII-мъ, вообще не долго оставался въ V-ой гимназіи, откуда скоро вышелъ по какимъ-то непріятностямъ. Говорили, будто начальство округа смотрѣло неодобрительно на его политическую дѣятельность въ Славянскомъ Комитетѣ, находя ее не совмѣстимою съ обязанностью педагога. Какъ извѣстно, въ 1878 г. послѣ Берлинскаго конгресса, и самъ пресѣдатель Славянскаго Общества Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ высланъ изъ Москвы.

Не меньшей любовью и уваженіемъ пользовался у насъ другой нашъ преподаватель, Егоръ Васильевичъ Бѣлявскій, обучавшій насъ въ старшихъ классахъ Русской словесности. Е. В. Бѣлявскій былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ соединялъ съ строгимъ, критическимъ умомъ, твердый, спокойный характеръ и рѣдко внушительную внѣшность. Отечественный языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Крайне взыскательный и неумолимо строгій, Егоръ Васильевичъ вносилъ въ преподаваніе своего предмета нравственный элементъ, дѣйствуя на насъ не только своими глубокими литературными познаніями, ясною логикою ума и образнымъ словомъ, но и своею личностью. Въ немъ

Библиотека "Руниверс"

чувствовался сильный, крупный человѣкъ, хорошо уравновѣшенный и обладающій неисчерпаемымъ запасомъ спокойнаго, здраваго смысла. Все искуственное, неискреннее, надуманное и напыщенное было ему противно; всякій дешевый успѣхъ, всякій зазывъ осуждались имъ въ литературѣ, какъ недобросовѣстность и грубая пошлость. Онъ привилъ намъ свой вкусъ къ простотѣ слога, къ ясности мысли и безъискуственности; онъ училъ насъ читать и стихи такъ, какъ прозу, отнюдь не на распѣвъ, что̀ всегда смѣшно, если читающій не обладаетъ артистическимъ умѣньемъ владѣть своимъ голосомъ, а это дается рѣдко даже завзятымъ искусникамъ чтецамъ. Разбирая передъ классомъ наши ученическія сочиненія, Бѣлявскій научилъ насъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, разбирать каждый оборотъ рѣчи. Онъ бичевалъ ѣдкими замѣчаніями неудачныя или неуклюжія выраженія нашихъ письменныхъ работъ и особенно высмѣивалъ въ нихъ всякую фальшь, туманность, ходульность и расплывчивость; онъ прежде всего требовалъ правды и простоты. Любимыми его писателями были Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій, произведенія которыхъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Мы очень любили его уроки, хотя тотъ изъ насъ, сочиненіе котораго онъ читалъ въ классѣ, готовъ былъ иногда провалиться сквозь полъ отъ его насмѣшливой критики, которая была не сухимъ разборомъ ученической прозы, а настоящимъ испытаніемъ умственнаго и нравственнаго уровня ученика, своего рода examen de conscience. Ни одинъ изъ преподавателей V-й гимназіи, ни почтенный нашъ директоръ Н. О. Эминъ, ни даровитый учитель математики (онъ же инспекторъ) Дм. Ѳед. Назаровъ не имѣли такого вліянія на учениковъ, какъ Бѣлявскій; но онъ никогда не пользовался этимъ для личныхъ цѣлей или для снисканія себѣ извѣстности: такая мелочность была не въ его честной натурѣ. Я былъ счастливъ считать себя въ числѣ его лучшихъ учениковъ и если я вынесъ какія либо дѣйствительныя познанія изъ гимназическаго курса, то это главнымъ образомъ по его предмету. Изъ его рукъ мы вышли „грамотными“, и въ этомъ его великая заслуга.

По лицу Е. В. Бѣлявскій походилъ на Льва Толстого, но былъ громаднаго роста, прямой и широкоплечій. Егоръ Васильевичъ имѣлъ видъ настоящаго „наставника“. Спокойный взглядъ изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей, блѣдное, рѣдко улыбавшееся лицо, окаймленное широкою бородой, густые назадъ откинутые волосы, низкій голосъ, медлительныя движенія и неспѣшная походка: все въ немъ давало невольно чувствовать сильную, недюжинную личность. Мы не смѣли и подумать поболтать или пошалить у Егора Васильевича на урокѣ. Онъ никогда не волновался и не сердился, никогда не возвышалъ

Библиотека "Руниверс"

голоса, но страшно было и подумать, что онъ можетъ разсердиться или обидѣться нашимъ невниманіемъ: мы сидѣли, не сводя съ него глазъ и ловили каждое его слово.

Е. В. Бѣлявскій былъ впослѣдствіи директоромъ Рижской гимназіи и закончилъ служебную дѣятельность въ качествѣ члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Онъ скончался въ 1906 г. и похороненъ въ С.-Петербургѣ. Послѣ него остался замѣчательный трудъ подъ заглавіемъ: *„Полъ-вѣка педагогической дѣятельности“*.

Было бы несправедливо умолчать, что предшественникъ Е. В. Бѣлявскаго въ преподаваніи намъ Русскаго языка, давшій намъ первый толчекъ къ сознательности, былъ извѣстный Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, сочинитель столь распространенной грамматики Русскаго языка (онъ занимался съ нами еще во второмъ классѣ). Какъ теперь вижу его высокую, худую фигуру, въ форменномъ вицъ-мундирѣ и свѣтло-сѣрыхъ брюкахъ, шагающую по классной комнатѣ: бросая на насъ, малышей, добродушные взгляды сверхъ круглыхъ, синихъ очковъ, Александръ Ивановичъ терпѣливо диктовалъ намъ изъ своей книги разныя мудреныя по правописанію фразы, въ родѣ: „наѣздникъ подъѣхалъ къ подъѣзду“ или: „Товарищъ, дай мнѣ плащъ и мечъ“ и т. п. Онъ первый заставлялъ насъ думать и первый вдохнулъ въ насъ любовь къ родному слову и его творцамъ. Кирпичниковъ былъ отличнымъ чтецомъ и прекрасно читалъ намъ басни Крылова.

Въ честь А. И. Кирпичникова я сочинилъ шуточный диктантъ въ стихахъ на букву Ѣ, который начинался такъ:

Вѣдный, блѣдный, бѣлый бѣсъ
Отъ сѣдой свирѣпой вѣдьмы
Побѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ;
Вѣрно, вѣшаться хотѣлъ
Ужъ на вѣтвь покрѣпче сѣлъ,
Да замѣтилъ въ далекѣ
Бѣлку рѣзвую въ гнѣздѣ и т. д.

Совершенный контрастъ Жинзифову, Кирпичникову и Бѣлявскому представлялъ преподаватель латинскаго языка Владимиръ Григорьевичъ Зубковъ. Молодой, бѣлокурый, съ вьющимися волосами, розовыми щечками и голубыми глазками, Зубковъ, напоминавшій наружностью вербнаго херувима, не обладалъ ни талантливостью, ни характеромъ педагога. Отличный знатокъ латинскаго языка и самъ составитель толстаго учебника, заимствованнаго у Нѣмцевъ, Зубковъ не вносилъ въ свое преподаваніе той искры Божіей, которая только и можетъ ожи-

Библиотека "Руниверс"

вить столь сухую матерію, какъ изученіе мертваго языка. Между тѣмъ Зубковъ главной своей цѣлью ставилъ преподаваніе намъ разныхъ грамматическихъ тонкостей, въ родѣ наприм., различіе между „ut consecutivum“ и „ut finale“. Чтеніе классиковъ было отодвинуто имъ на второй планъ: мы твердили Энеиду, переводили съ грѣхомъ пополамъ рѣчи Цицерона и оды Горація, но Зубковъ не останавливалъ нашего вниманія на художественныхъ красотахъ Римской литературы и еще менѣе знакомилъ насъ съ философской основой Римскаго просвѣщенія. Главною задачею его было выполнить программу, вкропить въ нашу память нѣсколько десятковъ выдуманныхъ Нѣмецкими шульмейстерами грамматическихъ правилъ. Большую часть времени мы проводили въ изученіи неправильныхъ глаголовъ, прибѣгая для этого нерѣдко къ механическому пріему запоминанія. Напр., чтобы выучить глаголы: necto, divido, claudo, caedo, vado, ludo, нужно было запомнить глупую фразу: „нѣкто дѣвица Клавдія цѣдила воду людямъ“. Не мало мучилъ насъ Зубковъ и писаніемъ „экстемпорале“. Бывало сидишь, согнувшись надъ партой, передъ листомъ бумаги и стараешься возможно вычурнѣе изложить на латинскомъ языкѣ тяжеловѣсныя фразы, которыя диктуетъ намъ Зубковъ изъ своего учебника. „Сыновьямъ Тарквинія былъ данъ изъ глубины пещеры оракулъ“, или „Катилина вонзилъ Цицерону мечъ въ бокъ“, или „я не сомнѣваюсь, что буду подвергнутъ остракизму“, и т. п. Увы, надо сознаться, что труды В. Г. Зубкова пропали у насъ даромъ: мы не научились ни писать по латыни, ни понимать Цицерона въ подлинникѣ, а въ стихахъ Виргилія не всегда соблюдали „цезуру“ и плохо отличали „prothesis“ отъ „apotheosis“, и это при 8 часовыхъ урокахъ въ недѣлю. Безъ сомнѣнія, если бы латинскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ по системѣ изученія живыхъ языковъ, то мы всѣ бы, вѣроятно, свободно говорили по латыни на 8-ой годъ, но мы ограничивались прохожденіемъ министерской программы...

Не могу умолчать также о нашемъ молодомъ преподавателѣ естественной исторіи Василіи Ѳедоровичѣ Ошанинѣ, у котораго мы проходили курсъ зоологіи во II-мъ классѣ и ботаники въ III-мъ. В. Ф. Ошанинъ умѣлъ заинтересовать насъ своимъ предметомъ, и можно было только пожалѣть, что самостоятельное преподаваніе естественной исторіи было оставлено при введеніи, по программѣ графа Д. А. Толстого, усиленнаго „pensum“ древнихъ языковъ. В. Ф. Ошанинъ тогда же оставилъ V-ю гимназію и предался вполнѣ научной дѣятельности. Въ настоящее время онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ Географическаго Общества.

Библиотека "Руниверс"

Нужно отдать справедливость нашему гимназическому начальству: оно не сочувствовало учебному плану Толстовской реформы[1]). Особенно слѣдуетъ это сказать про почтеннаго директора V гимназіи Н. О. Эмина[2]), который самъ былъ извѣстнымъ лингвистомъ.

Когда я, мальчикомъ 14 лѣтъ, впервые увидалъ нашего гимназическаго директора, то, признаюсь, мнѣ стало какъ-то жутко: мы сидѣли въ классѣ у одного изъ любимѣйшихъ нашихъ учителей, преподавателя географіи Андрея Леонардовича Линберга (составителя учебниковъ и атласовъ, по которымъ и понынѣ учатся цѣлыя поколѣнія). А. Л. Линбергъ былъ представителенъ, хорошъ собой и краснорѣчивъ: онъ плѣнялъ насъ своими живописными разсказами о дальнихъ странахъ. Помню, какъ сейчасъ, что онъ, говоря о сѣверной Италіи, въ яркихъ краскахъ описывалъ намъ красоты Венеціанскихъ дворцовъ и каналовъ. Неожиданно дверь отворилась и въ классъ вошелъ вновь назначенный къ намъ директоръ Н. О. Эминъ. Это былъ почти карликъ лѣтъ 60-ти, необыкновенно крупнаго тѣлосложенія, плотный, широкоплечій, съ большой, совершенно лысой, головою, которая кверху суживалась, и съ длинными волосатыми руками. Изъ подъ черныхъ, рѣзко очерченныхъ бровей глядѣли сквозь золотые очки проницательные глаза съ шафрано-желтыми бѣлками: такого же цвѣта широкое лицо съ мясистымъ восточнымъ носомъ, окаймлялось коротко подстриженными сѣдыми бакенбардами; массивный бритый подбородокъ лежалъ на туго накрахмаленномъ воротничкѣ. Директоръ былъ одѣтъ не только чисто, но изысканно, въ свѣжій вицъ-мундиръ со звѣздою: на глубоко вырѣзанномъ жилетѣ блестѣла золотая цѣпочка часовъ со множествомъ брелоковъ, которые звенѣли при каждомъ его движеніи. Медленно войдя въ классъ и слегка кивнувъ намъ головою, онъ сѣлъ на пододвинутый ему стулъ и рѣзкимъ носовымъ голосомъ сказалъ смущенному Линбергу: „Прошу продолжать“.. Мы притихли и съ любопытствомъ смотрѣли на страшнаго посѣтителя. Особенно поражала непропорціональность его роста и фигуры, его смуглый южный цвѣтъ кожи, тонкія, едва очерченныя губы и длинные, загнутые внутрь, какъ у хищной птицы, острые ногти. Но когда мы ближе узнали Никиту Осиповича, то поняли, что при своей необыкновенной, наводящей

[1]) Выраженіе не совсѣмъ точное: творцемъ этой реформы былъ П. М. Леонтьевъ, товарищъ (по Дворянскому Институту) графа Д. А. Толстаго. Н. В.

[2]) Н. О. Эминъ не былъ счастливъ въ жизни семейной. Онъ рано лишился жены своей (дочери Московскаго оберполиціймейстера Шульгина), а единственный сынъ ихъ повредился въ умѣ. Скончался Эминъ 13 Декабря 1890 г. и погребенъ на Армянскомъ въ Москвѣ кладбищѣ.

Библиотека "Руниверс"

ужасъ внѣшности, онъ обладалъ золотымъ сердцемъ и благороднымъ, въ высшей степени справедливымъ характеромъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ джентельменъ, хотя замкнутый и холодный, но въ глубинѣ души добрѣйшій и благожелательный. Лично я вспоминаю Н. О. Эмина съ чувствомъ искренней благодарности. Онъ много содѣйствовалъ успѣшному окончанію мною курса гимназіи; изъ его рукъ я получилъ, при переходѣ въ университетъ, золотую медаль; „Преуспѣвающему“.

Всю свою долгую жизнь посвятилъ Эминъ филологической наукѣ, и въ мірѣ востоковѣдовъ извѣстенъ, какъ отличный знатокъ древней Армянской исторіи и словесности. Предметъ этотъ онъ читалъ въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, гдѣ былъ ординарнымъ, а потомъ заслуженнымъ профессоромъ. Уже будучи въ университетѣ, я и нѣкоторые мои товарищи посѣщали иногда Н. О. Эмина и вели съ нимъ бесѣды объ университетской жизни и научныхъ предметахъ. У него была огромная историко-филологическая библіотека, изъ которой мы, съ его разрѣшенія, пользовались рѣдкими книгами.

Пятую гимназію часто посѣщало высшее учебное начальство. Когда я поступилъ во 2-й классъ, попечителемъ округа былъ князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Онъ былъ великъ ростомъ, тученъ и важенъ, пріѣзжалъ къ намъ на утренніе уроки въ вицъ-мундирѣ, въ звѣздахъ, съ орденомъ на шеѣ, и заходилъ во всѣ классы. Его сильно побаивались, хотя онъ, кажется, былъ очень смирнымъ человѣкомъ. Его сановитая фигура, большое, бритое, нахмуренное лицо съ оттопыренными губами и густой голосъ устрашали насъ, и нашихъ учителей и надзирателей. Рѣже посѣщалъ насъ его помощникъ, князь Николай Петровичъ Мещерскій, высокій, изящный, очень схожій усами, бакенбардами и прическою съ портретами императора Александра Николаевича. Князь Мещерскій также говорилъ басомъ и хмурилъ лобъ, но трепета къ себѣ не внушалъ. Когда я былъ въ V-мъ классѣ, насъ посѣтилъ и самъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. О пріѣздѣ министра узнали въ гимназіи заранѣе и усиленно чистили дверныя ручки, печныя задвижки и оконные приборы, натирали воскомъ полъ, сметали паутину; словомъ, готовились, какъ въ такихъ случаяхъ полагается, достойно встрѣтить начальство. Наконецъ, министръ пріѣхалъ и всѣхъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали видѣть въ немъ соединеніе величавости Ширинскаго-Шихматова съ изяществомъ князя Мещерскаго, а вмѣсто того увидали невзрачнаго господина средняго роста, худощаваго и сутуловатаго, съ желчнымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица

Библиотека "Руниверс"

и жандармскими усами. Особенно непріятно поражали его холодные, безбровые глаза, подъ которыми висѣли мѣшками складки темной, морщинистой кожи. Министръ былъ въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, съ жемчужными запонками на груди, но безъ орденовъ. Онъ постоялъ у насъ въ классѣ съ минуту, спросилъ глухимъ, сиповатымъ голосомъ, что̀ мы проходимъ и, пожавъ учителю руку (чего никогда не дѣлалъ кн. Ширинскій-Шихматовъ), шаркнулъ намъ ногою и вышелъ въ сопровожденіи гимназическаго начальства.

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному нашему директору его чрезмѣрно малый ростъ, его какъ изъ желтаго воска вылитый черепъ, его привычка выговаривать слова въ носъ, и пр. служили у насъ въ гимназіи предметомъ безчисленныхъ шутокъ, забавныхъ разсказовъ и болѣе или менѣе фантастическихъ анекдотовъ. Такъ я съ моимъ товарищемъ по классу и другомъ кн. Николаемъ Владимировичемъ Щаховскимъ (впослѣдствіи начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати) сочинили о происхожденіи нашего директора цѣлую легенду въ формѣ драматическаго произведенія, подъ курьезнымъ названіемъ: „Судъ надо мною“. Согласно этой легендѣ, Н. О. Эминъ былъ современникомъ Ноя, помогалъ ему строить ковчегъ, но не попалъ туда за невозможностью подъискать ему пару во всей твари. Однако ему удалось спастись во время всемірнаго потопа въ резиновой галошѣ учителя словесности Е. В. Бѣлявскаго, въ которой онъ переплылъ Индѣйскій океанъ и присталъ, подобно Ною, но не на Араратѣ, а на Арбатѣ, гдѣ помѣщается пятая гимназія. Здѣсь онъ скрылъ свое происхожденіе и самозванно объявился директоромъ, за каковый проступокъ и былъ привлеченъ къ суду педагогическаго Совѣта. Одноактная драма наша начиналась именно сценою этого судилища, гдѣ свидѣтелемъ являлся самъ Бѣлявскій, а въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировала его громадная, допотопная калоша. Этимъ вздоромъ мы тѣшились, какъ малые дѣти. Здоровые физически и морально юноши, 16—18 лѣтъ, очень склонны выдумывать и говорить всякій вздоръ, чтобы посмѣшить себя и другихъ своей, идущей черезъ край жизнерадостностью. Этотъ веселый переходный возрастъ я и ближайшіе друзья мои и товарищи кн. Николай Шаховской и Александръ Ивановичъ Пелопидасъ переживали въ VI—VIII классахъ гимназіи. Особенно неудержимымъ весельемъ отличался кн. Шаховской. Въ товарищескомъ кружкѣ онъ сыпалъ остротами, шутками и шаржами, иногда довольно нецензурнаго свойства. Съ годами и жизненнымъ опытомъ свойственное юношамъ радостное настроеніе обыкновенно, проходитъ: но у Шаховскаго оно удержалось до зрѣлаго возраста и проявлялось

Библиотека "Руниверс"

подъ-часъ въ крайне-забавныхъ формахъ. Въ гимназіи я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на партѣ, а вечеромъ мы часто собирались то у меня, то у него, чтобъ вмѣстѣ готовить уроки. Само собою разумѣется, что бо́льшая часть вечера уходила у насъ на болтовню и шуточныя импровизаціи въ лицахъ. Начинали какой нибудь фантастическій разсказъ про гимназическое начальство, настроеніе поднималось, и мы договаривались до такихъ глупостей, что катались со смѣху.

Немало забавляли насъ преподаватели Исторіи Федоръ Эммануиловичъ Будде и учитель Нѣмецкаго языка Николай Ѳомичъ фонъ-Рейссъ. Первый—разъ вздумалъ прочесть намъ, ученикамъ V класса, главу изъ Ѳукидида по гречески, когда мы лишь съ трудомъ разбирали „Memorabilia" Ксенофонта. Если бы мы и отлично знали Греческій языкъ, то и тогда, навѣрное, не поняли бы ни слова изъ того, что̀ читалъ намъ г. Будде, такъ невнятно было его произношеніе, вдобавокъ еще онъ читалъ по „Рехлину", а мы учились по „Эразму". Каковъ же былъ смѣхъ въ классѣ, когда онъ предложилъ одному изъ насъ повторить „своими словами" прочитанную имъ главу „Исторіи Пелопонесской войны". Добрый нашъ Нѣмецъ фонъ-Рейссъ былъ чувствителенъ и любилъ читать стихотворенія Шиллера: а говоря по русски, усвоилъ себѣ привычку кстати и не кстати повторять—фотъ (вотъ) и фить (вѣдь). Эти слова онъ вставлялъ и въ Шиллера. Напримѣръ читалъ онъ знаменитый монологъ Маріи Стюартъ такимъ образомъ:

Eilende Wolken.
Segler der Lüfte!
фить Wer mit euch wanderte.
фить Wer mit euch schiffte!

Наше веселое времяпрепровожденіе не помѣшало намъ, однако, идти первыми учениками, и мы оба, а также другъ нашъ А. И. Пелопидасъ записаны въ V гимназіи на мраморную доску.

Патріархальное семейство князей Шаховскихъ жило въ то время въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, въ собственномъ домѣ. Оно состояло изъ старика отца-князя Владимира Львовича, матери—княгини Александры Павловны и трехъ сыновей: старшаго Льва, средняго Сергѣя и младшаго Николая. Два старшихъ были студентами Московскаго университета, а младшій учился со мной въ V гимназіи. Я часто посѣщалъ симпатичный, старозавѣтный особнякъ Шаховскихъ и провелъ въ немъ много пріятныхъ часовъ моей первой юности. Бывало, придешь къ Шаховскимъ часовъ въ 8 вечера и позвонишь у крыльца, во дворѣ, въ старинный подвѣсный колокольчикъ. Дверь отворяетъ

Библиотека "Руниверс"

старый слуга Михалычъ, въ потертомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, небритый, взъерошенный, съ небрежно завязаннымъ галстухомъ, но привѣтливый и фамильярно добродушный. Черезъ освѣщенную стѣнными лампами залу и узкій корридоръ поднимаешься по деревянной лѣстницѣ на верхъ, къ молодымъ людямъ. Тамъ, въ уютныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ, живутъ: налѣво—Левъ и Сергѣй, направо въ боковой комнатѣ съ окнами на сосѣдній дворикъ, Николай. Я часто заставалъ его у большого класснаго стола, обитаго черной клеенкой, уткнувшаго близорукіе глаза въ учебники и тетрадки. Но стоило мнѣ показаться на порогѣ, книги летѣли въ уголъ и начиналась веселая товарищеская бесѣда, длившаяся иногда до полуночи. Нерѣдко къ намъ присоединялся Пелопидасъ, (прислуга Шаховскихъ переиначила Пелопидаса въ *Пилософа*), и разговоръ нашъ принималъ болѣе серьезный характеръ. Толковали о литературѣ, строили планы будущаго. Уже въ VII классѣ было рѣшено, что я поступлю на юридическій факультетъ, князь Шаховской на словесный, а Пелопидасъ на медицинскій. Такъ впослѣдствіи и было, но различіе спеціальностей насъ не разъединяло. Князь Шаховской былъ очень музыкаленъ, и мы иногда спускались изъ его учебной комнаты внизъ въ залу „музицировать". Князь Шаховской бѣгло игралъ по слуху отрывки оперъ и вальсовъ и пѣлъ романсы. Старшихъ его братьевъ мы видѣли рѣдко: взрослые молодые люди—студенты на насъ, школьниковъ, глядѣли съ высока и рѣдко удостоивали своими разговорами. Зато старики относились къ намъ очень радушно и ласково. Князь Владимиръ былъ человѣкъ дореформеннаго вѣка; онъ когда-то служилъ на Кавказѣ, но не сохранилъ военной осанки: высокій, плотный, широкоплечій, совершенно лысый, съ большой окладистой сѣдой бородой и съ серебряной табакеркой въ рукахъ, онъ носилъ широчайшіе сюртуки и беззвучно ступалъ въ мягкихъ сапогахъ. Князь любилъ общество молодежи и, отличаясь неистощимымъ юморомъ, забавлялъ насъ часто своими анекдотами и смѣшными словечками. Онъ былъ большой любитель Русской музыки и самъ охотно пѣлъ съ нами хоромъ „Среди долины ровныя" или высокимъ старческимъ фальцетомъ выводилъ строфы изъ романсовъ Варламова и Гурилева. Забывая слова своихъ любимыхъ пѣсенъ, князь записывалъ ихъ на отдѣльныхъ листочкахъ и носилъ въ бумажникѣ: когда, бывало, начнетъ пѣть подъ звуки рояля, то вынетъ изъ кармана листокъ и слѣдитъ за текстомъ романса. При этомъ происходили иногда забавныя недоразумѣнія: рояль играетъ напр. музыку къ романсу „На зарѣ туманной юности", а князю попадается въ бумажникѣ листокъ съ словами: „Ты скажи, зачѣмъ душа дѣвица", и онъ удивляется, отчего никакъ не можетъ попасть въ тактъ.

Библиотека "Руниверс"

Добрѣйшая княгиня Александра Павловна души не чаяла въ своемъ мужѣ; всѣ мысли, всѣ заботы ея сосредоточивались на немъ. Дѣти ея (взрослые три сына) богатыри давно головой переросли свою тщедушную „мамашеньку“, и она, видимо, сторонилась отъ ихъ слишкомъ порывистыхъ ласкъ и затыкала уши, когда надъ ней раздавался ихъ раскатистый смѣхъ. Окруженная дома шумной мужской компаніей, княгиня любила уходить въ дальнюю комнату къ своему попугаю и прижавшись къ стѣнкѣ дивана и покуривая папиросу, раскладывала пасьянсъ, при участіи прожившей полвѣка въ домѣ экономки изъ дворянъ Анны Андреевны, а тѣмъ временемъ князь Владиміръ въ сосѣднемъ кабинетѣ игралъ „по маленькой“ пульку за пулькой съ своими постоянными партнерами: отставнымъ генераломъ Сорокинымъ, сосѣдомъ Милоховымъ и братомъ княгини—Александромъ Павловичемъ Ефремовымъ.

А. П. Ефремовъ жилъ у Шаховскихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Мы, мальчики, любили заходить къ нему въ кабинетъ и всегда заставали его за работой: онъ цѣлыми днями сидѣлъ за переводомъ иностранныхъ сочиненій объ островѣ Мадагаскарѣ, которымъ особенно занимался. Этому отдаленому острову А. П. Ефремовъ посвятилъ всѣ послѣдніе годы своей жизни. Огромный, компилятивный трудъ его, къ сожалѣнію, остался неизданнымъ. Не думалъ ли А. П. Ефремовъ, что Мадагаскаръ можетъ сыграть немалую роль въ Индѣйскомъ океанѣ, какъ опорная морская база противъ Индіи *).

Въ шестидесятыхъ годахъ А. П. Ефремовъ, ученикъ знаменитаго Риттера, читалъ курсъ географіи въ Московскомъ университетѣ. Но если не ошибаюсь, каѳедра эта почему-то была вскорѣ закрыта, о чемъ нельзя не пожалѣть. Оставшись не у дѣлъ, А. П. Ефремовъ доживалъ свой вѣкъ на Спиридоновкѣ, въ домѣ сестры, раздѣляя время между Мадагаскаромъ и семейною пулькой. Кабинетъ его былъ обращенъ въ библіотеку и сверху до низу заставленъ полками съ книгами; по срединѣ комнаты стоялъ огромный, заваленный бумагами и географическими картами письменный столъ, за которымъ старикъ работалъ. Свои черновики онъ писалъ на длинныхъ грифельныхъ доскахъ, а набѣло переписывалъ своеобразнымъ и мелкимъ какъ печать, но разборчивымъ почеркомъ, въ толстыя, тщательно разграфленныя тетради. Куда дѣвались вороха этихъ на диво-четкихъ рукописей, лежавшихъ на его письменномъ столѣ? По смерти А. П. Ефремова племянники его намѣ-

*) А. П. Ефремовъ † 6 Февраля 1879 г. и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ.

Библиотека "Руниверс"

ревались издать его трудъ, но, повидимому, не успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе. Впрочемъ, съ 1895 года Мадагаскаръ, занятый Французами, утратилъ для насъ всякій политическій интересъ.

Другой мой школьный товарищъ А. И. Пелопидасъ, съ которымъ я также былъ очень друженъ, жилъ въ Москвѣ у своего родственника Александра Петровича Петерсона, близкаго семьѣ Протасовыхъ и Буниныхъ, хорошо знакомаго Авдотьи Петровны Елагиной, Кирѣевскихъ и всего Московскаго кружка Славянофиловъ. А. П. Петерсонъ былъ одинокъ и снималъ маленькую квартиру подъ Новинскимъ, во дворѣ. Въ его скромно обставленныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ пахло сигарнымъ дымомъ и старыми книгами. Въ кабинетѣ его висѣлъ, надъ диваномъ, прекрасный портретъ его матери-красавицы, въ золотой рамѣ, писанный масляными красками извѣстнымъ Русскимъ художникомъ Тропининымъ. Самъ Петерсонъ былъ въ то время уже лѣтъ восьмидесяти; онъ смотрѣлъ весьма дряхлымъ и говорилъ старческимъ голосомъ, пришептывая и шепелявя. Къ намъ выходилъ онъ рѣдко и былъ мало сообщителенъ, проводя время, главнымъ образомъ, за чтеніемъ богословскихъ и церковныхъ книгъ. Мы прозвали его „Мелхиседекомъ", вѣроятно за его преклонныя лѣта, длинную, сѣдую бороду и хмурый, сосредоточенный видъ.

Лѣтомъ А. И. Пелопидасъ ѣздилъ въ деревню, къ матери, въ Тульскую губернію, въ родовое имѣніе Игнатьево, лежавшее на Окѣ, верстахъ въ 6 отъ извѣстнаго Мишенскаго, гдѣ родился поэтъ Жуковскій. Въ лѣтнія вакансіи, будучи уже въ VII классѣ, я, по приглашенію Пелопидаса и его матери, ѣздилъ погостить на нѣсколько дней въ Игнатьево. Небольшое имѣніе это оказалось чрезвычайно живописнымъ, хорошо обставленнымъ для постояннаго жительства лѣтомъ и зимою. Мать Пелопидаса, рожденная Азбукина, жила тамъ круглый годъ. Въ отличіе отъ Лукьянова *), которое служило намъ лишь дачею для двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, Игнатьево обладало совершенно городскимъ домомъ, гдѣ собраны были воспоминанія трехъ поколѣній. Въ одной изъ комнатъ въ шкапахъ съ зелеными занавѣсками хранилась прекрасная библіотека покойнаго отца Пелопидаса, составленная преимущественно изъ Французскихъ книгъ медицинскаго и литературнаго содержанія. Тамъ между прочимъ я впервые видѣлъ многотомныя прекрасно изданныя творенія Вольтера, энциклопедистовъ и герцога Сенъ-Симона.

*) См. главу IV-ую („Русс. Архивъ" Октябрь 1911 г.).

Библиотека "Руниверс"

Авдотья Петровна Елагина жила въ сельцѣ Уткинѣ съ своимъ сыномъ Николаемъ Алексѣевичемъ и съ дѣтьми сына Василія Алексѣевича. Мы поѣхали навѣстить старушку и застали ее въ просторной гостиной, въ Вольтеровскомъ креслѣ, съ бархатной скамейкой подъ ногами. Противъ нея на стѣнѣ въ богатой золоченой рамѣ висѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго въ натуральную величину; на лѣво открывалась дверь на стеклянную террасу, уставленную цвѣтущими растеніями. Авдотья Петровна вязала шерстью большой клубокъ, который лежалъ у ней на колѣняхъ. Старушка казалась очень бодрою и живою; тонкіе пальцы ея быстро и безостановочно перебирали спицы. Блѣдное лицо въ мелкихъ морщинкахъ окаймлялось бѣлымъ рюшемъ кружевного чепца, на плечахъ лежала сѣрая „синелевая“ косынка. Мы поочередно поцѣловали ей руку, и на минуту присѣли у ней въ гостиной. Авдотья Петровна, узнавъ мою фамилію, спросила меня, не родственникъ ли я поэту Мицкевичу и, поговоривъ съ нами о портретѣ Жуковскаго, отпустила насъ пить чай на балконъ. Здѣсь я познакомился съ Василіемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, который смотрѣлъ старше своей матери; въ памяти у меня остались его близорукіе глаза, скрытые за темными очками, жидкая бородка, съ просѣдью и длинные ногти на пальцахъ А. Елагинъ былъ съ нами неразговорчивъ и молчаливо попивалъ чай изъ стакана и покуривалъ папиросу, изрѣдка обращаясь къ Пелопидасу съ короткими вопросами о лугахъ, посѣвѣ и другихъ хозяйственныяъ предметахъ. Послѣ чая мы ѣздили съ молодымъ Елагинымъ въ Мишенское и обошли тамошній паркъ; тамъ я видѣлъ деревянное небольшое строеніе, съ заколоченными окнами, гдѣ, по преданію жила привезенная Бунину плѣнная Турчанка, отъ которой родился Жуковскій.

Въ числѣ моихъ товарищей по гимназіи со мной былъ друженъ еще одинъ мальчикъ—Николай Гавриловичъ Галаховъ, также иногда посѣщавшій меня для совмѣстныхъ занятій. Онъ жилъ въ Москвѣ у Зоологическаго сада, въ домѣ дѣда своего съ материнской стороны Юліуса Лурьѣ, банкира, на дочери котораго былъ женатъ первымъ бракомъ нашъ посланникъ въ Черногоріи Александръ Семеновичъ Іонинъ. У г-жи Іониной, временно проживавшей съ отцомъ, по вечерамъ собирались учащіеся въ Москвѣ Сербы, Черногорцы и Болгары. Бывали тамъ и члены Славянскаго Благотворительнаго Общества. Это было въ годъ войны за Сербскую независимость, и все Московское общество увлекалось Славянофильскимъ порывомъ. Собирались пожертвованія деньгами и вещами для добровольцевъ, щипали корпію для раненыхъ, устраивали литературно-музыкальные вечера, печатали сбор-

Библиотека "Руниверс"

ники. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, подъ заглавіемъ „Братская Помощь“, принялъ участіе и я. Это былъ мой первый литературный опытъ: по порученію Комитета Славянскаго Благотворительнаго Общества я сокращенно перевелъ съ французскаго книжку Blanqui „Путешествіе по Болгаріи“. Печатанье моей статьи дало мнѣ возможность бывать въ Славянофильскихъ кружкахъ и видѣть главныхъ дѣятелей тогдашняго Московскаго отдѣла Славянскаго Общества, какъ то: И. С. Аксакова, Н. А. Чаева, А. И. Кошелева, К. Н. Леонтьева и друг. На одномъ изъ вечеровъ, устроенныхъ въ пользу „Братьевъ Славянъ“ въ домѣ А. И. Кошелева, на Поварской, С. А. Юрьевъ[1]) читалъ переведенное имъ съ Черногорскаго стихотвореніе Князя Николая. Онъ читалъ превосходно и съ необыкновеннымъ жаромъ; глаза у него вспыхивали фосфорическимъ блескомъ, раскаты голоса потрясали всю аудиторію, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи. Послѣ каждой строфы героическаго стихотворенія Князя Николая, кончавшаго возгласомъ: „Здравствуй славный, храбрый мой народъ“, всѣ слушатели неистово аплодировали и кричали: „Живіо!“ Подъ конецъ Юрьеву устроена была восторженная овація.

Не менѣе горячо былъ встрѣченъ другой герой этого вечера К. Н. Леонтьевъ[2]), котораго молодежь встрѣчала и провожала бурными аплодисментами.

Съ предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества И. С. Аксаковымъ я познакомился нѣсколько позже. Меня возилъ къ нему близко знавшій меня съ дѣтства Николай Михайловичъ Павловъ, написавшій „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, сотрудникъ Аксакова по изданію „Русь“ и сослуживецъ его по Московскому Купеческому Обществу Взаимнаго Кредита, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ предсѣдателемъ, а Павловъ членомъ правленія. Повезъ меня Павловъ къ Аксакову по слѣдующему поводу. Къ Аксаковымъ пріѣхала ихъ родственница изъ Самары съ сыномъ, котораго предполагалось помѣстить въ одно изъ Московскихъ учебныхъ заведеній. Аксаковъ, слыша отъ Павлова, жившаго тогда въ нашемъ домѣ, въ Хлѣбномъ переулкѣ, что я кончилъ гимназію съ золотой медалью, просилъ Николая Михайловича устроить такъ, чтобы я проэкзаменовалъ мальчика. Я охотно на это согласился и поѣхалъ къ Аксакову. Сынъ его родственницы оказался очень благовоспитаннымъ и способ-

[1]) Извѣстный переводчикъ Макбета и Короля Лира; самъ за свою необыкновенную наружность прозванный въ Москвѣ „Королемъ Иромъ“.

[2]) Скончавшійся схимникомъ въ Оптиной пустынѣ.

Библиотека "Руниверс"

нымъ мальчикомъ, но слабымъ по математикѣ, и я посовѣтовалъ взять ему опытнаго преподавателя. Впослѣдствіи И. С. Аксаковъ, желая отблагодарить меня за потерянное время и совѣтъ, прислалъ мнѣ черезъ Павлова въ подарокъ портфель, который и понынѣ у меня хранится.

Наблюдая за своими сверстниками по гимназіи, я часто думалъ, какъ было-бы хорошо, если бы всѣ они учились одинаково успѣшно и если бы не было ни балловъ, ни экзаменовъ. Впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, я не разъ останавливался на этой мысли и пришелъ къ заключенію, что она была далеко не утопична. Педагоги наши занимаются, главнымъ образомъ, спрашиваніемъ уроковъ, выработкою учебныхъ плановъ и составленіемъ учебниковъ, но мало интересуются методикой преподаванія. Мѣняются программы и книги, а система обученія остается одна и таже. Какъ наши отцы, такъ и наши дѣти тянутся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ искуственно на слишкомъ сложныя требованія: три живыхъ и два мертвыхъ языка, пять математическихъ наукъ (ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія и физика), всемірная исторія отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, всемірная географія и проч. все это нужно усвоить ребенку въ возрастѣ отъ 11 до 18 лѣтъ, когда мозгъ его еще не сложился и нервы не окрѣпли. Рядомъ съ этимъ никакого, или почти никакого вниманія не обращается на физическое развитіе дѣтей. Не тѣмъ ли слѣдуетъ объяснить увеличивающуюся болѣзненность современныхъ поколѣній и склонность нашей интеллигенціи къ вырожденію? Необходимо оздоровить нашу среднюю школу сокращеніемъ ея программы, уменьшеніемъ продолжительности курса, введеніемъ въ обязательные предметы преподаванія физическаго труда и воспитательныхъ игръ, наконецъ измѣненіемъ устарѣлаго порядка экзаменовъ, при которыхъ главная доля успѣха выпадаетъ на смѣтливость и удачу.

Переходные и выпускные экзамены, вмѣсто того, чтобы быть радостнымъ праздникомъ учащихъ и учащихся, сводились у насъ къ сплошному мучительству и для тѣхъ, и для другихъ. Вспоминаю съ горечью свой выпускной экзаменъ. При круглыхъ годовыхъ пятеркахъ по всѣмъ предметамъ (при пятибальной системѣ) мнѣ, тѣмъ не менѣе, пришлось въ теченіи цѣлаго мѣсяца заниматься по 14—15 часовъ въ день, а наканунѣ испытаній по главнымъ предметамъ, засиживаться за книгой до 4 часовъ утра. Не удивительно ли поэтому, что по окончаніи курса ученики устраиваютъ своимъ учебникамъ „ауто-да-фе“, или безпощадно топятъ ихъ. Сколько молодыхъ силъ, сколько здоровья и умственной энергіи тратится даромъ! При окончаніи курса

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, я, какъ и мои товарищи, похудѣлъ и почернѣлъ, ходилъ съ воспаленными глазами и сухимъ ртомъ, терялъ въ вѣсѣ и часто засыпалъ сидя: стоило на минуту закрыть глаза. Но за то какое наслажденіе бывало послѣ такихъ трудовъ, ѣхать на полевой отдыхъ въ Лукьяново. Экзамены кончались поздно, около 20 Іюня, лѣто бывало уже въ полномъ разгарѣ и я пріѣзжалъ въ деревню, когда начинался сѣнокосъ.

Мы еще дѣтьми любили принимать участіе въ уборкѣ сѣна. Весело ходить съ граблями и собирать въ ряды, копеники и копны душистое, легкое сѣно. Еще веселѣй навивать его на воза въ обществѣ бойкихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, разряженныхъ по праздничному. Но не столько интересовали меня деревенскія красавицы, какъ пріѣзжавшая къ намъ въ Лукьяново погостить молоденькая кузина наша, Оленька Розова, прелестная, бѣлокурая дѣвочка, года на три моложе меня. Оленька была внучкой Степана Ивановича Розова, роднаго брата нашего дѣда Александра Ивановича *). О Степанѣ Ивановичѣ я многое слышалъ отъ бабушки Юліи Федоровны. Онъ былъ кореннымъ помѣщикомъ и безвыѣздно жилъ съ семьей въ своемъ имѣніи въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Небольшое имѣніе это, десятинъ въ 300, давало скромные доходы, но славилось своимъ благоустройствомъ. У дома разбиты были цвѣтники розъ и шиповника, къ берегу Москвы-рѣки вели тѣнистыя, усыпанныя пескомъ дорожки, въ фруктовомъ саду водились разнообразнѣйшія породы ягодъ, въ домѣ все блестѣло чистотой, на скотномъ дворѣ стояли отличныя коровы и сытыя лошади. Всѣмъ домоводствомъ Степана Ивановича завѣдывала родственница его жены Марія Борисовна Шереметьева, выводившая, не знаю на сколько основательно, свой родъ отъ графовъ Шереметевыхъ. Она была отличной хозяйкой и умѣла вести домъ, такъ, что хлѣбосольство Степана Ивановича стало извѣстнымъ во всемъ уѣздѣ. Жилось у него весело и привольно; сосѣди часто съѣзжались на обѣды и праздники Степана Ивановича. Но съ отмѣной крѣпостного права прежнее довольство скоро изчезло; умеръ и самъ Степанъ Ивановичъ. Имѣніе было раздѣлено между двумя его сыновьями Иваномъ и Михаиломъ; безродная дѣвица Марія Борисовна, считавшая еще недавно неприличнымъ подать на столъ разъ зажженыя свѣчи или остывшій бѣлый хлѣбъ (въ тѣ времена бѣлый хлѣбъ пекли у помѣщиковъ дома и подавали теплымъ) осталась на попеченіи двухъ дочерей Розова—Катерины Степановны и Маріи Степановны. Въ семьѣ пошли нелады и раздоры изъ-за

*) См. главу I („Русск. Архивъ“ Май 1908 г.).

Библиотека "Руниверс"

наслѣдства; многочисленная дворня разошлась. Наступило помѣщичье оскудѣніе, особенно тяжело отразившееся на семьѣ младшаго сына Степана Ивановича—Михаила. Старшій—Иванъ поправилъ свое состояніе, благодаря женитьбѣ на дочери помѣщика Глинки; при томъ у него была единственная дочь—Евгенія, вышедшая впослѣдствіи замужъ за г. Трусевича, помѣщика Тверской губ. а у Михаила Степановича было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери, младшая изъ нихъ, вышеупомянутая кузина наша Оленька, учились въ Москвѣ, въ институтѣ, и часто гостила у насъ въ городѣ по праздникамъ, а лѣтомъ въ Лукьяновѣ. Съ Оленькой Розовой связывала меня чистая, юношеская любовь, и хотя пути наши вскорѣ разошлись, но дружескія, сердечныя отношенія сохранились до послѣдняго времени.

Москва.

Библиотека "Руниверс"

Великій князь Владимиръ Александровичъ въ Омскѣ въ 1868 году.

Сибирскій генералъ-губернаторъ Кознаковъ, въ своихъ поѣздкахъ съ мѣста службы (изъ Омска) въ Петербургъ, неоднократно докладывалъ при Дворѣ о жаждѣ Сибиряковъ видѣть у себя на родинѣ кого-нибудь изъ Августѣйшихъ особъ. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ въ этомъ отношеніи свой выборъ остановилъ на Великомъ Князѣ Владимирѣ Александровичѣ, котораго и рѣшилъ отправить въ путешествіе по Сибири въ 1868 г. Государыня Императрица Марія Александровна, какъ разсказываютъ, долго боялась отправлять въ невѣдомую Сибирь тогда молодого своего сына-красавца, но въ концѣ концовъ, послѣ убѣдительныхъ доводовъ генералъ-губернатора Кознакова, милостиво согласилась. Обрадованный Кознаковъ о готовящемся посѣщеніи Великаго Князя поспѣшилъ увѣдомить тогдашняго губернатора въ Омскѣ Окольничаго, а тотъ въ свою очередь, вмѣстѣ съ видными Омичами, дѣятельно занялся приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ Великаго Князя. Прежде всего была заново отремонтирована старинная здѣсь Пророко-Ильинская церковь, о пребываніи въ которой Владимира Александровича гласитъ теперь прибитая въ храмѣ золотая доска съ соотвѣтствующею надписью. Впослѣдствіи стѣны этой же старинной церкви были осчастливлены посѣщеніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ бытность Его Наслѣдникомъ.

Городское самоуправленіе и домовладѣльцы дѣятельно работали по соотвѣтствующему украшенію города для пріема высокаго гостя въ возможномъ великолѣпіи. Степные Киргизы и казаки въ свою очередь расшивали себѣ блестящіе мундиры. И случись такъ, что гладкихъ погоновъ для этихъ мундировъ въ мѣстныхъ магазинахъ не хватило, а были только погоны съ иниціалами „С. К.“ (Сибирскій кадетъ), употреблявшіеся на кадетскихъ мундирахъ; выписать же погоны изъ столицъ было-бы немыслимо, такъ какъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, они не поспѣли бы къ сроку. Думали долго, какъ выйти изъ этого затруднительнаго обстоятельства, и въ концѣ концовъ, съ согласія губернатора Окольничаго, рѣшили, что „С. К.“ можетъ означать также и „Сибирскій Казакъ“, и вотъ потому Киргизы, а также и нѣкоторые казаки, щеголяли во время пребыванія Владимира Александровича въ Омскѣ съ кадетскими погонами на своихъ мундирахъ.

Великій Князь Владимиръ Александровичъ прибылъ въ Омскъ въ жаркій Іюнь мѣсяцъ. Съ противоположнаго городу берега рѣки Иртыша въ самый

Библиотека "Руниверс"

городъ высокаго гостя перевезли на роскошно убранной лодкѣ, гребцами въ которой были одѣтыя въ красныя шелковыя рубашки дѣти видныхъ мѣстныхъ купцовъ, все рослые, здоровые ребята. Очевидцы-старожилы разсказываютъ объ удивительномъ явленіи природы, имѣвшемъ мѣсто въ это время. Между тѣмъ, въ то время, когда Великій Князь вошелъ въ лодку, и послѣдняя начала отчаливать отъ берега, совершенно неожиданно налетѣлъ ураганъ. Иртышъ забурлилъ, и плывущую лодку стало бросать на волнахъ, какъ перышко. Стоявшая въ ожиданіи высокаго гостя на городскомъ берегу безчисленная толпа народа такъ и ахнула и съ замираніемъ сердца слѣдила за борьбой гребцовъ со стихіей. Но сильные гребцы, воодушевленные къ тому-же патріотизмомъ, съ честью выдержали стихійное испытаніе, и лодка благополучно пристала къ берегу. Въ это время неожиданная буря также сразу прекратилась, какъ и началась. Вышедшій изъ лодки Великій Князь былъ встрѣченъ радостнымъ оглушительнымъ „ура", повторявшимся безпрерывно и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по городу. Восторженная толпа радостно стремилась за нимъ. Буквально все населеніе желало видѣть Августѣйшаго гостя. Всѣ загражденія рвались, съ полиціей спорили. „Наши отцы и дѣды не видали великихъ князей, а вы и насъ хотите лишить этого счастья, можетъ-быть единственнаго въ жизни", роптали тѣ, кого пыталась не пускать полиція. И толпа все притекала и притекала. Великій Князь приказалъ ея не стѣснять. И дѣйствительно, восторженная толпа сама охраняла образцовый порядокъ.

Для Великаго Князя были предложены всевозможныя развлеченія. Между прочимъ, и Киргизская „байга" (туземная скачка на лошадяхъ). Въ кадетскомъ корпусѣ былъ устроенъ балъ, гдѣ Великій Князь танцовалъ съ красавицей-Маклаковой, женой полковника Маклакова, будто-бы до службы въ Омскѣ служившаго въ Петербургѣ въ одномъ полку съ Великимъ Княземъ, въ его ротѣ.

По маршруту высокій гость долженъ былъ прожить въ Омскѣ три дня; но населеніе просило его остаться еще на одинъ день. Телеграфировали о разрѣшеніи въ Петербургъ. Оттуда разрѣшили.

На четвертый день городъ устроилъ пышное всенародное гулянье въ мѣстной загородной рощѣ съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Великаго Князя восторженно чествовали. Но, къ сожалѣнію, конецъ гулянья былъ омраченъ ужаснѣйшей грозой и ливнемъ, каковыхъ старожилы ни раньше, ни позже не запомнятъ.

Въ воспоминаніяхъ старожиловъ-Омичей Великій Князь на вѣки запечатлѣлся молодымъ, могучимъ и статнымъ красавцемъ. Наши дѣдушки и бабушки увѣряютъ, что онъ и Омскомъ остался вполнѣ доволенъ, и будто-бы даже сказалъ: „Омскъ городокъ—Москвы уголокъ". Дѣйствительно Омичи тогда на украшеніе города не поскупились. Тогдашній Омскій градскій голова попросилъ Великаго Князя сдѣлать химическимъ карандашемъ собственноручную подпись Его имени на шлифованномъ камнѣ, который вмѣстѣ съ подписью и теперь хранится въ мѣстной городской управѣ.

И. Г. Кузнецовъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

Возвышеніе Воронцовыхъ.

Въ Ростовѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, жила очень бѣдная, набожная вдова, Воронцова. Она много плакала и молилась о будущей участи сыновей своихъ. Святитель Димитрій, къ которому она ходила, утѣшалъ ее предвѣщаніемъ, что сыновья ея будутъ счастливы и достигнутъ почестей. Одинъ изъ ея сыновей, Михаилъ Иларіоновичъ воспитывался въ Сухопутномъ Шляхескомъ корпусѣ. Это было уже при Аннѣ, когда Елисавета Петровна жила въ уединеніи, въ зданіи теперешняго Пажскаго Корпуса. Съ нею жила двоюродная сестра ея Анна Карловна Скавронская. Разъ сія послѣдняя какъ-то ѣздила въ Корпусъ, увидала тамъ Воронцова и влюбилась въ него. Она убѣдила Елисавету приглашать его къ нимъ на праздники. Тутъ онъ и бывалъ по Воскресеньямъ и вечерами наканунѣ. Склонность ихъ сдѣлалась извѣстна, и Государыня воспользовалась этимъ, чтобы досадить Елисаветѣ. Михаилъ Воронцовъ былъ наказанъ, исключенъ изъ Корпуса и посланъ въ отдаленный полкъ. Между тѣмъ Анна Леопольдовна чрезвычайно любила Елисавету. Когда она родила Іоанна Антоновича, Цесаревна крестила его и подарила родильницѣ дорогую вазу (Скавронская ѣздила покупать ее, у Елисаветы не доставало денегъ для уплаты, и купцы, узнавъ для кого идетъ покупка, не хотѣли взять ни копѣйки съ дочери Петра Великаго). Анна Леопольдовна была до того довольна, что не знала чѣмъ возблагодарить Елисавету; сія послѣдняя, по внушенію своей двоюродной сестры, упросила ее выхлопотать у Государыни возвращеніе Воронцова, что̀ и удалось ей, однако не безъ труда. Впослѣдствіи Воронцовъ участвовалъ въ возведеніи на престолъ Елисаветы и достигъ высшихъ почестей. Брата его Романа звали „Романъ Большой Карманъ“. Онъ женился на дочери нѣкоего

Библиотека "Руниверс"

Сурмина, накопившаго до 13 т. душъ крестьянъ. Отъ Михаила Ларіоновича, женившагося на А. К. Скавронской, не было мужского потомства. Отъ Ивана Ларіоновича—теперешніе Воронцовы-Дашковы. (Записано со словъ Ф. Ф. Вигеля).

*

Княгиня Варвара Александровна Шаховская (рожд. баронесса Строганова), родная сестра Анны Александровны Голицыной, матери князя Сергія Михайловича, образованная и получившая воспитаніе за границею, жила постоянно въ Петербургѣ открытымъ домомъ. Она славилась дѣятельностью и благодѣяніями: до 60 т. р. ежегодно у нея выходило на пансіоны и вспоможенія бѣднымъ семействамъ и родственникамъ, коими она себя окружала. Дочь ея сначала вышла за иностранца *Арамбера*, потомъ за князя Шаховского же: но замѣшана была въ исторіи съ графомъ Комаровскимъ и отравилась. Екатерина по этому случаю призывала Н. П. Архарова и приказала, кажется, не совершать надъ нею обрядовъ погребенія. Несчастная мать съ той поры отказалась отъ свѣта. Она взяла между прочимъ воспитывать къ себѣ дочь своего доктора Париса (Paris), отлично ее воспитала и выдала за Балабина. Эта Балабина—мать почтеннаго семейства, у котораго училъ Гоголь и съ которымъ такъ друженъ былъ Плетневъ*).

Тетка Балабиной была г-жа *Брейткопфъ*, жена книгопродавца, которому продавалъ первыя свои произведенія Крыловъ. Княгиня указала императрицѣ Маріи на Брейткопфъ, которая была гувернанткой ея дочерей, и Государыня опредѣлила ее начальницей С.-Петербургскаго Екатерининскаго Института, гдѣ она долгое время со славою трудилась надъ воспитаніемъ дѣвицъ. Изъ трехъ дочерей ея одна была дѣвицею и кончила вѣкъ на прекрасномъ казенномъ содержаніи въ Смольномъ монастырѣ, другая за *Дѣлицынымъ*, институтскимъ чиновникомъ, третья была третьей женой Василья Николаевича *Зиновьева*, отца множества дѣтей и брата княгини Орловой, рановременно скончавшейся въ Лозаннѣ.

*

Князь Семенъ Ѳедоровичъ *Волконскій*, г.-аншефъ, имѣлъ въ Москвѣ домъ недалеко отъ Лѣнивки, отъ коего прозвалась въ Москвѣ улица Волконка; былъ женатъ на княгинѣ Софьѣ Семеновнѣ Мещерской. У нихъ дѣти:

---

*) Позднѣйшее примѣчаніе: Одна изъ дочерей этой Балабиной (въ замужествѣ за княземъ Гагаринымъ)—бабка Николая Ѳедоровича Ѳедорова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

1) Анна Семеновна за Олениным*ъ*, ограниченным*ъ* человѣком*ъ*. Она была съ молодости красавица. Сын*ъ* ея, впослѣдствіи извѣстный Алексѣй Николаевичъ *Оленинъ*, воспитывался въ Стразбургѣ. У Анны Семеновны въ Московском*ъ* домѣ (близъ Леонтьевскаго переулка) кровать посреди горницы на высокой эстрадѣ, на ступеняхъ коей сидѣли дѣвочки, вязавшія чулокъ по урокамъ, а у дверей двѣ пожилыя женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, всѣ безъ башмаковъ; онѣ съ подобострастіемъ взирали на свою госпожу, лежавшую на кровати и предупреждали ея желанія. До конца сохраняла слѣды красоты. Умерла года за два до 1812 года.

2) Александра Семеновна, за дѣдомъ фаворита *Мамонова*, про котораго разсказывали, что онъ, злобясь на П. И. Панина, сдѣлалъ гдѣ-то вывѣску—большими буквами, промежъ коихъ были маленькія буквы, такъ что выходило что то брапное и неприличное.

3) Наталья Семеновна за Украинцомъ *Хрущевым*ъ; ея правнукъ служилъ у великой княгини Елены Павловны.

4) Екатерина Семеновна за отцомъ фаворита *Ермолова*. Чистоплотная старушечка, жившая небогато.

5) Марья Семеновна за Александромъ Васильевичемъ *Корсаковым*ъ, тоже родственникомъ фаворита. Это бабка по матери А. И. Васильчиковой. Марія Семеновна была очень крутаго нрава. Мужъ ея начальствовалъ полкомъ, въ которомъ былъ Мировичъ. Это вспомнили, когда Н. П. Архаровъ хлопоталъ о звѣздѣ для племянницы своей Екатерины Александровны, дочери его брата Ивана Петровича.

*

Одинъ изъ участниковъ горестнаго событія 11 Марта 1801 года Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ имѣлъ входъ ко Двору и даже на вечера въ Аничковъ дворецъ. Однажды, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, разговаривалъ онъ съ В. А. Жуковскимъ. Подошедшій Пушкинъ услышалъ, какъ Жуковскій распрашивалъ Скарятина о кончинѣ императора Павла. Входятъ въ залу Николай Павловичъ и Бенкендорфъ. „Ну что, сказалъ Пушкинъ Жуковскому, если бы Государь узналъ, что наставникъ его сына такъ любознателенъ?“ Очень можетъ быть, что самъ Николай Павловичъ допрашивалъ Скарятина о томъ же. Судьба отца отмѣнно занимала его во всю его жизнь. Онъ осиротѣлъ послѣ него четырехъ лѣтъ отъ рожденія и хорошо помнилъ ночной переѣздъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Сынъ Скарятина, Григорій Яковлевичъ (герой Венгерской войны) пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ и когда приходилъ благодарить, Государь сказалъ ему: Dites à votre père: voilà comme je me venge (скажи своему отцу: вотъ моя месть).

Библиотека "Руниверс"

*

Письма великаго князя Константина Николаевича къ А. В. Головину, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, выписаны мною, 27 Іюня 1882 въ Петербургѣ, изъ тетради съ копіями писемъ великаго князя, которую нежданно-негаданно сообщилъ мнѣ для прочтенія А. В. Головинъ изъ Царскаго Села при письмѣ, въ которомъ онъ говорилъ, что мое сочувственное великому князю выраженіе побудило его къ этой присылкѣ. Я же, бывъ у него въ Царскомъ по дѣлу о „Воронцовскомъ Архивѣ“ и увидавъ большой портретъ великаго князя, вспомнилъ добрыя его ко мнѣ отношенія во время хлопотъ по разрѣшенію 2-го тома сочиненій Хомякова и сказалъ, между прочимъ: „во всемъ причиною Николай Павловичъ“.

*

Графиня Фоссъ подъ 24 Февраля 1813 г.: Ich höre dass man mit Staffetten vorsichtig sein muss. General Benkendorf soll in Munchenberg, wo er sich befindet, alle Briefe öffnen, die er auffangen kann, т. е. Я слышу, что нужно быть осмотрительною съ письмами; генералъ Бенкендорфъ, говорятъ, вскрываетъ въ Мюнхенбергѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится, всѣ письма, которыя онъ только можетъ перехватить.

*

Въ Тифлисѣ, въ 1848 году князь С. М. Воронцовъ катался верхомъ съ отцомъ своимъ, намѣстникомъ. Тогда по всей Европѣ происходили революціи. „А что у насъ будетъ тоже?“ спросилъ молодой князь у старика-отца.—„Ничего подобнаго у насъ не произойдетъ, отвѣчалъ князь Михаилъ Семеновичъ: но у насъ возможно общенародное возмущеніе, и призывнымъ кличемъ къ нему будетъ: „Бей Нѣмцевъ!“ Если же это движеніе коснется старообрядцевъ, то никакая правительственная сила не въ состояніи будетъ съ нимъ справиться“.

*

Нѣкто Т., внушившій въ себѣ полное довѣріе Наслѣдника Престола, просилъ Клейнмихеля повысить по службѣ его брата, служившаго подъ его начальствомъ. Тотъ на прямикъ отказалъ, такъ какъ Т. былъ ненадеженъ. Тогда Наслѣдникъ, по настоянію своего любимца, сталъ просить Клейнмихеля о томъ же, но тоже получилъ отказъ, съ добавленіемъ о взяточничествѣ этого господина. Александръ Николаевичъ настаивалъ и убѣдилъ Клейнмихеля все таки представить Т. къ повышенію. Клейнмихель согласился, сказавъ напередъ, что и Государю доложитъ тоже самое. На докладѣ онъ прямо сказалъ, что за Т. проситъ Наслѣдникъ, но что господинъ этотъ ненадеженъ. „Мы съ тобой старики, Петръ Андреевичъ, что тебѣ за охота ссориться съ

Библиотека "Руниверс"

будущимъ Царемъ? Сдѣлай для него!“ Т. получилъ въ управленіе Крымскій округъ путей сообщенія, и онъ тамъ началъ хозяйничать. Прошло много лѣтъ. Въ Крымскую войну бездорожье Южной Россіи явилось государственнымъ бѣдствіемъ. Повсюду кляли инженеровъ. По вступленіи на престолъ Александра Николаевича, Клейнмихель тотчасъ же попросилъ увольненія, но Государь уговорилъ его оставаться и былъ съ нимъ по прежнему милостивъ и любезенъ. Въ Сентябрѣ 1855 года Клейнмихель проводилъ его до Москвы. Государь восхищался дорогою и тогда же по предложенію Клейнмихеля, назвалъ ее Николаевскою. Но дальше до Николаева и Севастополя Государю и его свитѣ приходилось испытывать всяческія невзгоды. Клейнмихель получаетъ собственноручное письмо, въ которомъ Государь очень рѣзко попрекаетъ ему дурное состояніе дорогъ. Старикъ былъ внѣ себя, зная, что главнымъ виновникомъ былъ Т., тотъ самый, который получилъ мѣсто по настоянію самаго Александра Николаевича. Клейнмихель кликнулъ своего писца и продиктовалъ ему въ нѣсколькихъ строкахъ прошеніе объ отставкѣ. Навѣстившій его Киселевъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что на собственноручное письмо отвѣтъ писанъ рукою писца и только подписанъ. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ посланъ, а Клейнмихель, не дожидаясь отставки, нанялъ домъ Жеребцова на Дворцовой набережной и въ него переѣхалъ. Позднею осенью, въ день возвращенія Государя изъ Крыма, пораженъ былъ ударомъ старшій сынъ Клейнмихеля графъ Александръ (вдова котораго Марія Эдуардовна, извѣстна своими вечерами въ Петербургѣ). Объ этомъ еще на вокзалѣ было доложено Государю, какъ о занимавшей всѣхъ новости. Не заѣзжая во дворецъ, Государь проѣхалъ прямо въ домъ Жеребцова, плакалъ и отмѣнно былъ любезенъ. Милостивое обращеніе продолжалось до конца. Въ особенности порадовало Клейнмихеля пожалованіе ему мундира Преображенскаго полка. Умирая онъ просилъ къ себѣ Государя и отдалъ подъ его покровительство сыновей своихъ. Государь сидѣлъ у его смертнаго одра, и когда уходилъ, старикъ сдѣлалъ движеніе поцѣловать у него руку. Государь не захотѣлъ. Тогда Клейнмихель сказалъ ему: не у васъ, а у моего Государя.

На похоронахъ Государь ѣхалъ верхомъ. Старшій сынъ Клейнмихеля поѣхалъ его благодарить, и Государь, вспомнивъ, что отецъ отдалъ сыновей ему подъ надзоръ, счелъ обязанностью разбраниться на нихъ, и когда молодой Клейнмихель передавалъ свое удивленіе великому князю Николаю Николаевичу. „Счастливъ твой Богъ, замѣтилъ тотъ, что ты не возражалъ: онъ бываетъ страшенъ, когда сочтетъ своимъ долгомъ разгнѣваться, и дѣйствительно согнулъ бы васъ въ бараній рогъ“.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АЛЬБОМА В. В. ГАНКИ.

(Выписано въ Ноябрѣ 1858 года).

Narody ne hasnau,

когда еще сохранили свой языкъ и когда особенно имѣютъ такихъ мужей, которые умѣютъ вдохнуть жизнь въ языкъ и сердце народное. Вотъ почему Ганка останется въ сердцѣ Чеховъ и соплеменныхъ имъ Русскихъ, имѣвшихъ счастіе быть съ нимъ знакомымъ.

Одинъ изъ послѣднихъ С. Соловьевъ.

Прага, 2 Іюня 1843 г.

Разставаясь съ Вами хотя на короткое время, сердечно благодарю за часы, посвященные Вами чтенію Кларедворской рукописи. Надѣюсь, что судьба сведетъ насъ въ стѣнахъ Кремля и что въ то время Славянская взаимность будетъ процвѣтать еще болѣе. Павелъ Леонтьевъ.

Прага, 21 Октября 1844.

Къ Русскимъ.

Вѣковать ли вамъ въ расколѣ,
Не пора-ль очнуться вамъ,
Цѣпь безжизненной неволи
Разорвать, подобно намъ[1])?
Вы несчастны съ колыбели,
Урожденные слѣпцы,
Всѣ вы бродите безъ цѣли,
Свесть не можете концы.
А случалось ли порою
На дорогу вамъ свернуть,
Ослѣпленные враждою
Шли вы вновь на ложный путь.
Въ стары годы Грековѣрецъ
Къ лести васъ переманилъ,
Въ наши же—туманный Нѣмецъ[2])
Чепухою окормилъ.

Иванъ Мартыновъ.

---

[1]) *Рукою Ганки:* т. е. измѣнившимъ Православію.

[2]) *Его же рукою:* Гегель.

Библиотека "Руниверс"

СТИХОТВОРЕНІЯ К. К. ПАВЛОВОЙ.

(Продиктованы мнѣ въ Дрездевѣ, въ Ноябрѣ 1858 года).

За деньги лгать и клясться рада
Ты, какъ безбожнѣйшій торгашъ;
За деньги измѣнишь, гдѣ надо,
За деньги душу ты продашь.

Не вѣришь ты, что, взявъ ихъ груду,
Быть можетъ совѣсть нечиста.
И ты за то винишь Іуду,
Что онъ продешевилъ Христа.

*

Преподаватель Христіанскій,
Онъ духомъ твердъ, онъ сердцемъ чистъ,
Не злой философъ онъ Германскій,
Не беззаконный комунистъ;

По собственному убѣжденью
Стоитъ онъ скромно выше всѣхъ;
Невыносимъ его смиренью
Лишь только ближняго успѣхъ.

(Около 1845 г.).

Грановскій бросился цѣловать у К. К. Павловой руку, выслушавъ эти стихи.

Я не изъ тѣхъ, которыхъ слово
Всегда смиренно, какъ ихъ взоръ,
Чье снисхожденіе готово
Загладить каждый приговоръ.

Я не изъ тѣхъ, чья мысль не смѣетъ
Облечься въ искреннюю рѣчь,
Чей разумъ всѣхъ привлечь умѣетъ
И всѣ сношенія сберечь.

Которые такъ осторожно
Владѣютъ фразою пустой,
И вѣдая, что все въ нихъ ложно,
Всечасно смотрятъ за собой.

25-го Января 1912 года скончался графъ Д. А. Милютинъ, переживъ на много лѣтъ своего сына, на нѣсколько недѣль своего племянника (Юрія Николаевича) и на нѣсколько часовъ свою супругу. Но долголѣтію былъ онъ въ своего прадѣда, даровитаго Калужанина Алексѣя Яковлевича Милютина „дворянина и разныхъ фабрикъ содержателя“, который скончался въ 1759 году на 95-мъ году жизни.

Много лѣтъ тому назадъ, графъ Д. А. Милютинъ приготовилъ себѣ мѣсто для вѣчнаго успокоенія въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ похоронены его братъ Николай Алексѣевичъ и двѣ его дочери. Устройствомъ склепа, по его просьбѣ, занимался Николай Павловичъ Горбуновъ (нѣкогда управлявшій хозяйствомъ въ Ливадіи). Онъ давалъ мнѣ читать то, что̀ писалъ ему графъ Милютинъ по этому поводу, и мы оба дивились точности въ дюймахъ и линіяхъ, съ какою произведенъ этотъ наказъ.

Миръ праху великаго трудолюбца! Имя его вполнѣ принадлежитъ Русской исторіи. Онъ увѣковѣчилъ себя и въ Русской исторіографіи.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Составилъ С. Р. Минцловъ. Выпускъ I. Новгородъ. Губернская типографія 1911 г. 8⁰, 171 стр. Цѣна 2 руб.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ царствованіямъ—цѣлесообразное и удачное по существу,—выполнено далеко не удовлетворительно. При такой системѣ поневолѣ приходится повторять одно и то же заглавіе по два и болѣе разъ, въ зависимости отъ того, сколькихъ царствованій касается содержаніе данной книги или статьи. Чтобы миновать подобныхъ, неизбѣжныхъ при названной системѣ, повтореній, г. Минцловъ сдѣлалъ оговорку: „документы (!), охватывающіе нѣсколько царствованій, упоминаются въ первомъ по времени изъ нихъ и потому желающіе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вѣкомъ или царствованіемъ *должны заглянуть и въ предыдущее*“. Но для чего тогда, спрашивается, составляются *систематическіе* указатели? Помимо этого, г. Минцловъ оказался еще непослѣдовательнымъ и самъ же доказалъ неудобство, вызванное его оговоркой. Для примѣра возьмемъ царствованіе Петра III. На первомъ мѣстѣ, подъ № 571-мъ, значутся „Дипломатическія донесенія графа Мерси д'Аржанто“, касающіяся временъ имп. Елисаветы и Петра III. По системѣ составителя „Обзора“, ихъ слѣдовало указать не въ данной, а въ предыдущей главѣ. Подъ слѣдующимъ, № 572-мъ помѣщены „Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Даниловскаго“, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о Петрѣ III, Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I. Если мы, заинтересовавшись эпохой Павла I, по указанію г. Минцлова будемъ искать эти выписки изъ бумагъ Даниловскаго въ „предыдущемъ царствованіи“ т. е. во главѣ, охватывающей времена Екатерины II, то очевидно, что поиски наши окажутся напрасными.

Нельзя также одобрить тотъ порядокъ, который г. Минцловъ примѣняетъ при перечисленіи записокъ, писемъ и пр. одного и того же автора. Въ одномъ случаѣ названія приводятся подъ особой нумераціей, въ другомъ опять онѣ упоминаются какъ будто „между прочимъ“. Для наглядности укажемъ на № 379-ый, гдѣ сказано слѣдующее:

„3) Переписка и бумаги (Б. Шереметева) 1704—1722. Съ портр. Спб. 1879 г.

Библиотека "Руниверс"

„Свѣдѣнія о другихъ бумагахъ его см. Русск. Арх. 1874 г., т. II, стр. 1127.

„4) „Переписка фельдмаршаловъ О. Головина и Б. Шереметева, М. 1851 г...

„Другія письма Шереметева см. Чтенія 1861 г. кн. 1"...

Надо было выбрать одинъ, опредѣленный способъ. Теперь читатель находится въ недоумѣніи: въ чемъ заключается преимущество писемъ и бумагъ, указанныхъ подъ №№ 3 и 4, передъ письмами и бумагами, упомянутыми въ примѣчаніяхъ къ нимъ?

На это наше замѣчаніе, пожалуй, могутъ возразить, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ *отдѣльныхъ изданіяхъ*, а во второмъ—о *журнальныхъ статьяхъ*. Но тогда позволимъ себѣ обратить вниманіе на № 474-ый, гдѣ записки Якова Штелина, напечатанныя въ тѣхъ же „Чтеніяхъ" и въ томъ же „Русскомъ Архивѣ", почему то указываются подъ особой нумераціей. Гдѣ же послѣдовательность?

Что касается заглавій книгъ и статей, то таковыя переданы составителемъ „Обзора" часто или слишкомъ сокращенно, или совершенно произвольно, что не должно было бы имѣть мѣста въ библіографическихъ работахъ, все достоинство которыхъ заключается въ точности изложенія. Не говоря уже о томъ, что г. Минцловымъ нерѣдко упускаются свѣдѣнія объ объемѣ книгъ и объ имѣющихся при нихъ приложеніяхъ (портретахъ и т. п.),—на основаніи его „Обзора" почти невозможно выяснить заглавій, подъ которыми тѣ или другія письма или записки, или выдержки изъ нихъ, напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ.

Въ предисловіи къ своему „Обзору" г. Минцловъ признается, что *часть книгъ* *) ему не удалось видѣть и свѣдѣнія о нихъ ему пришлось почерпать изъ разныхъ каталоговъ и библіографическихъ работъ. Принимая во вниманіе, что многія приведенныя имъ изданія принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, да и вообще, что не всегда представляется возможнымъ въ нужную минуту достать ту или другую, иногда даже совсѣмъ не рѣдкую книгу,—было бы несправедливо требовать, чтобы „Обзоръ" былъ составленъ исключительно по натурѣ. Но, къ сожалѣнію, у г. Минцлова нѣтъ указаній на то, какія названія онъ проѣрялъ, какія просто заимствовалъ. Въ силу этого, относительно точности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній у насъ не имѣется никакихъ гарантій.

Надо пожалѣть, что г. Минцловъ ограничился въ своемъ „Обзорѣ" книгами и статьями, напечатанными исключительно на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ цѣнныя по содержанію записки и письма, относящіяся къ исторіи Россіи, останутся неизвѣстными пользующимся его указателемъ лишь потому, что онѣ написаны на какомъ либо другомъ языкѣ и по той или другой причинѣ до сихъ поръ не появлялись въ печати въ русскомъ переводѣ. Такое изъятіе дѣлаетъ указатель г. Минцловъ очень неполнымъ, а кромѣ того вызываетъ

*) По описанію частной библіотеки г. Минцлова („Русскій Библіофилъ" 1911 г. № 6, стр. 40), въ которой „находятся *почти вся* записки, дневники, воспоминанія и письма, изданные какъ въ Россіи, такъ и заграницей на русскомъ языкѣ", надо думать, что замѣчаніе это касается лишь *очень незначительной части* поименованныхъ въ „Обзорѣ" г. Минцлова книгъ. У. И.

Библиотека "Руниверс"

и новый, существенный его недостатокъ: указываются часто отрывочные и плохіе русскіе переводы, тогда какъ на другихъ языкахъ существуютъ хорошія, полныя изданія. Серьезно интересующемуся русской исторіей, въ концѣ концовъ, безразлично, на какомъ языкѣ написаны записки, письма и т. п.; его интересуетъ ихъ содержаніе, ему важно, чтобы это содержаніе не было искажено и сокращено въ переводѣ. Но чего уже никакъ нельзя не поставить въ вину г. Минцлову, такъ это того, что имъ не отмѣчено, какія книги и статьи суть *переводныя*. Не указываются и авторы этихъ переводовъ, что также не совсѣмъ безразлично. Можетъ быть, отсутствіе подобныхъ указаній есть результатъ чрезмѣрной довѣрчивости г. Минцлова къ обще-библіографическимъ трудамъ Межова, Ламбиныхъ, и др., которыми онъ пользовался и въ которыхъ существуютъ тѣ же пропуски. Но тогда опять непонятно, по какимъ соображеніямъ г. Минцловымъ отброшено немало интересныхъ и цѣнныхъ деталей, имѣющихся въ названныхъ указателяхъ. Указывая напр, отзывы, онъ беретъ изъ числа перечисленныхъ въ этихъ трудахъ рецензій лишь нѣкоторыя, не поясняя, почему не приводятся остальныя. Выходитъ, что въ одномъ случаѣ г. Минцловъ зашелъ слишкомъ далеко—позаимствовавъ, безъ надлежащей провѣрки, готовыя свѣдѣнія другихъ указателей, а въ другомъ—остановился на полпути,—не помѣстивъ въ своемъ „Обзорѣ“ много вполнѣ пригоднаго для него матеріала, имѣющагося въ тѣхъ же указателяхъ.

Что касается обѣщаннаго въ предисловіи г. Минцлова поясненія содержанія книгъ и статей, очень важнаго при справкахъ, то поясненія эти имѣются далеко не при всѣхъ сочиненіяхъ и онѣ большею частью недостаточно подробны, а главное—мѣстами гораздо менѣе подробны, чѣмъ въ другихъ общихъ библіографіяхъ, просмотрѣнныхъ г. Минцловымъ. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ хотя бы на записки графа Сегюра (стр. 135 № 818), о содержаніи которыхъ у г. Минцлова не дается никакихъ почти свѣдѣній, между тѣмъ какъ въ указателѣ Межова поясненію содержанія этихъ записокъ отведенъ цѣлый столбецъ.

Касаясь авторовъ записокъ, дневниковъ, писемъ и т. п., изрѣдка приводятся даты ихъ рожденія и смерти, а еще рѣже—отзывы о нихъ современниковъ. Спасибо и на этомъ; но трудъ г. Минцлова несомнѣнно выигралъ бы при указаніи въ двухъ, трехъ словахъ хотя бы только еще и общественнаго положенія этихъ лицъ, что не потребовало бы особо большого труда.

Случайный и очень неопредѣленный характеръ носятъ и *всѣ* прочія указанія г. Минцлова (относительно числа отдѣльныхъ изданій, степени рѣдкости книгъ и т. п.), являясь нагроможденіемъ чернового матеріала, требующаго коренной провѣрки, значительныхъ дополненій и приведенія въ стройную гармонію.

У. Г. Иваснъ.

Библиотека "Руниверс"

ДМИТРІЕВЫ-МАМОНОВЫ, составили и издали А. И. и В. А. Дмитріевы-Мамоновы, б. 4°. Безъ означенія мѣста и года печати. 64 и 18 стр. съ большою родословною таблицею, многими геліогравюрами, рисунками, портретами и азбучнымъ указателемъ.

Дмитріевы-Мамоновы принадлежатъ къ числу старѣйшихъ Русскихъ родовъ: они происходятъ прямо отъ Рюрика. Екатерина II, въ Дневникѣ Храповицкаго, не безъ удовольствія замѣчаетъ про такое происхожденіе своего любимца; М. А. Дмитріевъ въ одномъ стихотвореніи своемъ прямо говоритъ, что онъ происходитъ отъ Мономаха; а дядя его, славный писатель, будучи министромъ юстиціи, назначилъ юношу графа Матвѣя Александровича оберъ-прокуроромъ въ Московскій Сенатъ. Коренное имя-Дмитріевы, и вѣроятно одинъ изъ нихъ получилъ нелестное (по церковному и простонародному употребленію) прозвище Мамона или Мамонова.

Нѣсколько человѣкъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ памятны въ Русской исторіи. Иванъ Ильичъ (1680--1730) начальствовалъ надъ Петропавловскою крѣпостію, когда князь Меншиковъ въ расплохъ возвелъ Екатерину на Русскій престолъ. Въ дни коронованій ея, Петра Втораго и Анны Іоанновны Иванъ Ильичъ стоялъ на верхней ступени трона. Еще при Петрѣ Великомъ онъ женился вторымъ бракомъ на младшей дочери царя Іоанна Алексѣевича (1695—1731), 30-ти лѣтней Прасковьѣ Іоанновнѣ; портретъ ея со своеручною подписью: „царевна Прасковья“ приложенъ при книгѣ. Сохранилось преданіе, что крутостью нрава походила она на свою родительницу. Василій Аѳанасьевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ отличился по морской части и былъ адмираломъ.

Въ слѣдующемъ поколѣніи замѣчателенъ Ѳедоръ Ивановичъ. Онъ отличался жестокостью надъ своими крѣпостными людьми, такъ что взятъ былъ подъ опеку. Въ тоже время это былъ писатель, и послѣ его осталось восемь книгъ, которыя вѣроятно и при его жизни и послѣ не читались.

Въ XIX столѣтіи памятенъ Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, основатель Общества Поощренія Художниковъ, боевой генералъ. Отъ него осталось два рисунка: Бородинскаго боя и взятія Парижа. Это отецъ портретиста Эмануила Александровича и Натальи Александровны, бывшей замужемъ за Н. С. Волковымъ, сынъ котораго извѣстенъ въ Европѣ своими миніатюрами; нынѣ онъ владѣлецъ села Баловнева, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, гдѣ превосходной архитектуры церковь и домъ, который строилъ Растрелли и въ которомъ много художественныхъ произведеній. (все это завѣщано Волкову Леонидомъ Матвѣевичемъ Муромцевымъ, отецъ котораго оставилъ Записки, помѣщенныя въ 1-й книгѣ „Р. Архива“ 1890 г.)

Графовъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ всего двое: любимецъ Екатерины и его сынъ; дочь, графиня Марья Александровна, умерла дѣвицею въ чужихъ краяхъ, и приказала передать отъ нея Русскому государю нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Дмитрію Іоанновичу. Откуда взялись у нея эти вещи? Не отъ царевны ли Прасковьи Ивановны? Романовы съ особымъ вниманіемъ относились ко всему касающемуся Дмитрія Царевича и Бориса Годунова.

Любители родной старины должны поблагодарить Алексѣя Ипполитовича и Василія Александровича Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ за то что они не пожалѣли издержекъ, чтобы отслужить такую историографическую панихиду по своимъ отцамъ и дѣдамъ.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ АРХИ́ВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать копѣекъ.**

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868. 1869, 1870. 1871, 1872, 1873. 1874. 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891. 1892, 1893, 1895. 1896. 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Годы: **1889, 1890, 1894, 1898—1906** продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы **1907, 1908, 1909** и **1910,** по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ **1907** и **1908**-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 6 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

3.

Стр.

321. Государево слово и дѣло. (Отказъ присягать Екатеринѣ II). **В. М. Кашкарова.**
332. Автобіографія **графа Д. Н. Толстого.**
352. Письма **графа Д. Н. Толстого** къ **графу М. Д. Бутурлину.**
371. Герои 1812 года. **П. С. Деменковъ.—И. О. Бартеневъ.**
378. **Архіепископъ Николай Японскій.** Въ перепискѣ съ прот. Благоразумовымъ.
403 Изъ архива **Н. О. Нутлубицкаго.** Сообщилъ **А. И. Брянскій.**
409 Изъ альбома Свѣтланы (Стихи **А. Ѳ. Воейкова** и **В. А. Жуковскаго**). Сообщила **графиня А. А. Бревернъ Делагарди.**
419. Письма братьевъ **Полевыхъ** къ В. К. Карлгофу. Сообщилъ **А. Ѳ. Кони.**
423. Письма **М. А. Дмитріева** къ **А. Н.** и **Ѳ. П. Глинкамъ.**
437. **А. Грасьё** о **Хомяковѣ** съ переводомъ его стиховъ на Французскій языкъ.
439. Баронъ Де-Бай. О городѣ Смоленскѣ.
441. **Н. Н. Овсянниковъ.** Некрологъ.
445. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива»: **М. Н. Катковъ.**
452. Очерки Терской старины. III. Богъ не выдастъ! IV. Самашкинское звѣрство. **Ѳ. Чернозубова.**
466. Поправка разсказа о Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ.
— Недосмотръ въ изданіяхъ стихотвореній Тютчева.
468. Россія, Германія, Франція въ 1870—1880 годахъ. Записка **П. А. Сабурова.**

Внутри обложки: о книгѣ **Д. Ѳ. Кобеко** «Царскосельскій Лицей».

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ. Наставники и Питомцы. 1811—1843. Дмитрія Кобеко. СПБ. 1911. б. 8°. 10 нен. и 553 стр.

Царскосельскій Лицей—одна изъ великихъ заслугъ императора Александра Павловича передъ потомствомъ. Лицей задумалъ онъ съ тѣмъ, чтобы два младшихъ брата его могли получить въ немъ обученіе и воспитаніе совмѣстно съ дѣтьми подданныхъ, предназначавшихся на гражданскую службу; но этому воспротивилась мать великихъ князей, не пожелавшая ихъ сближенія съ дѣтьми обыкновеннаго происхожденія.

Лицей помѣщался въ прекрасномъ отдѣленіи большого Елисаветинскаго дворца, рядомъ съ оранжереею. Изъ этого обширнаго зданія, предназначеннаго для мѣстопребыванія великихъ князей, виденъ главный подъѣздъ Государя, такъ любившаго Царское Село. Зоркому глазу можно было наблюдать за пріѣздомъ разныхъ лицъ къ Государю, и это уже знакомило съ ходомъ дѣлъ современныхъ. Пушкину доводилось подмѣчать недовѣдомое другимъ обитателямъ Царскаго Села, а чуткость эта была у него врожденная. Кромѣ того тамъ живы были преданія Екатерины Великой, какъ въ ея славѣ, такъ и въ слабостяхъ. Императрица-мать не дозволила осуществиться великодушной мысли, а наступившая гроза двѣнадцатаго года помѣшала ей отправить сыновей въ Лейпцигъ. Вотъ почему Николай Павловичъ дѣлалъ ошибки въ Русскомъ правописаніи (напр. мне вмѣсто мнѣ) и говорилъ про себя, что учился „на мѣдныя деньги“, тогда какъ оба старшіе братья его, воспитанные при Екатеринѣ, были люди вполнѣ образованные. Кромѣ того, въ Царскосельскомъ Лицеѣ, кажется, не прибѣгали вовсе къ тѣлеснымъ наказаніямъ и чуждались жестокой выправки Виртембергскихъ принцевъ.

Превосходная книга, которую выпустилъ въ свѣтъ Д. Ѳ. Кобеко, имѣетъ неполное заглавіе, такъ какъ въ ней изложена исторія не только Лицея, но и Благороднаго при немъ пансіона, директоръ котораго Католикъ Гауеншильдъ, находившійся въ близкой связи съ Австрійскимъ дворомъ, немало повредилъ Лицею, процвѣтавшему подъ управленіемъ Лютеранина Энгельгардта, образцоваго наставника-друга лицеистовъ, не покидавшаго ихъ своею безпристрастною заботою въ теченіи ихъ служебнаго и вообще жизненнаго поприща. Его отношенія къ нимъ поистинѣ умилительны: почти съ каждымъ изъ первокурсниковъ находился онъ въ перепискѣ въ теченіи многихъ лѣтъ по ихъ выходѣ изъ Лицея. Онъ не затруднялся вести сношенія съ тѣми изъ нихъ, которые сдѣлались декабристами. Однако нельзя не замѣтить, что онъ не оцѣнилъ Пушкина, который въ свою очередь могъ видѣть въ немъ и въ его дѣятельности что-то напускное. Онъ жалуется, что оба поэта, Пушкинъ и Дельвигъ, встрѣчаясь съ нимъ, отъ него убѣгаютъ. Зато къ третьему поэту-лицеисту Кюхельбекеру Энгельгардтъ относится съ нѣжностью, равно и къ Матюшкину.

Сочиненіе Д. Ѳ. Кобеко представляетъ собою вѣскій вкладъ въ нашу исторію за первую половину XIX вѣка, какъ его же книга о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ цѣнна для нашей исторіи за вторую половину XVIII вѣка. Точность и безпристрастіе отличаютъ оба эти сочиненія, плоды большого труда, долгихъ и тщательныхъ розысканій и умѣнья пользоваться всѣмъ, что до тѣхъ поръ было написано объ этихъ предметахъ. Читатель чувствуетъ, что ему предлагается лишь то, что вполнѣ провѣрено, и что авторъ знаетъ больше того, что имъ изложено, но не хочетъ приводить анекдотически-сомнительнаго. Кромѣ бумагъ Энгельгарта Д. Ѳ. Кобеко пользовался печатны-

Библиотека "Руниверс"

ГОСУДАРЕВО СЛОВО И ДѢЛО.

Первая четверть XVIII вѣка была у насъ временемъ крутой ломки, вѣками создавшагося уклада жизни. Государевы новшества, Нѣмецкія затѣи, какъ называли ихъ, многимъ были не по сердцу. Недовольство и глухой ропотъ бурлили въ народѣ, и только память о кровавой расправѣ со стрѣльцами, непреклонная воля Императора и его рѣшительныя дѣйствія, а отчасти затянувшаяся на долгіе годы война со Шведами, не дали этому недовольству обратиться въ явный мятежъ. Въ ворчливыхъ пересудахъ, въ „зазорныхъ“, непригожихъ разговорахъ о Петрѣ и его „фамиліи“—царицѣ Екатеринѣ и прижитыхъ сю отъ него до брака дѣтяхъ, отводили душу многочисленные тайные недруги Государя. Повсюду велись непристойныя рѣчи, и народъ охотно слушалъ ихъ.

Тогда учреждена была Тайная Канцелярія розыскныхъ дѣлъ. Подъ страхомъ смертной казни, каждый, знавшій за кѣмъ либо замыселъ противъ Государя или услышавшій нехорошія рѣчи о немъ, обязанъ былъ сказать за собою *Государево слово и дѣло*. Особыми указами установленъ порядокъ судопроизводства и вершенія такихъ дѣлъ.

Въ слѣдующія царствованія Тайная Канцелярія до того обременилась ложными доносами, что правительство было вынуждено издать рядъ указовъ, которые устанавливали тяжелыя кары за ложное доносительство, а Екатерина II, указомъ 19-го Октября 1762 г. вовсе запретила употреблять выраженіе „слово и дѣло“, добавивъ: „а если кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Изложенныя ниже дѣла извлечены мною изъ архива Калужскаго Губернскаго Правленія. Въ 1718 году, къ Калужской провинціи, входившей тогда въ составъ Московской губерніи, причислены были кромѣ Калужскаго уѣзда еще семь близкихъ къ нему уѣздовъ: Воротынскій, Козельскій, Лихвинскій, Медынскій, Мещовскій, Мосальскій, Перемышльскій, Серпейскій и Одоевскій. Въ 1777 году послѣдовало учрежденіе Калужскаго намѣстничества, и Калужская провинція переименована была въ Калужскую губернію. Боровскій, Малоярославецкій и Тарусскій уѣзды присоединены отъ Москвы къ Калугѣ, а уѣздъ

Библиотека "Руниверс"

Одоевскій отошелъ къ Тульской губерніи. Съ переходомъ этого уѣзда въ Тульское намѣстничество большая часть дѣлъ Одоевской воеводской канцеляріи передана была въ архивъ Тульскаго Губернскаго Правленія. Остались дѣла причастныя Калужской провинціальной Воеводской Канцеляріи и девять секретныхъ дѣлъ, относящихся къ 1750—1763 годамъ.

Извѣтъ.

Годъ отъ году хирѣющая нынѣ въ торговомъ отношеніи Калуга въ половинѣ XVIII в. была бойкимъ торговымъ мѣстомъ. Изъ подмосковныхъ городовъ одинъ только Ярославль могъ соперничать съ нею. Калужскіе купцы вели оживленную торговлю съ чужими краями. Ихъ знали въ Берлинѣ, Любекѣ, Гданскѣ и Лейпцигѣ. Они продавали тамъ юфть, мерлушку и воскъ. Въ Польшу они везли китайку, чай и пушной товаръ. На Балтійскихъ пристаняхъ и въ Питерѣ погружали на Англицкіе и Голандскіе корабли парусныя полотна, смолу и пеньку. Ѣздили они и въ Бухарскія владѣнія торговать съ Бесерменскими и Индѣйскими купцами; забирались совсѣмъ на край свѣта, за тридевять земель, къ Монгольскимъ князьямъ, въ Урянхай и въ городъ Кяхту, покупали тамъ чай и другіе Китайскіе товары. Изъ-за Польскаго и Нѣмецкаго рубежей везли они галантерею, ткани разныя и тонкія полотна, фарфоровую посуду, да жемчугъ, что идетъ на женскіе уборы. Продавали они тѣ товары по всей Руси православной, а для того ѣздили на ярмарки: Макарьевскую, Коренную, Боровскую и Свинскую (при Свинскомъ, иначе Свѣнскомъ монастырѣ, что у города Брянска Орловской губ.), на контракты въ Кіевъ и въ другія мѣста. Всюду были они желанными гостями, повсюду встрѣчали ихъ честь-честью. Въ 1756 г. Калужскій первостатейный купецъ Никита Шемякинъ, вкупѣ съ однимъ Ярославскимъ купцомъ, надумали было завести торгъ съ самимъ Царьградомъ, составили они коммерческую „компанію“ вести торговлю въ Туретчинѣ, а только не осилили, не справились съ Бусурманскими порядками и ту компанію въ 1762 году порушили.

Внутри Россійскаго государства вели Калужскіе купцы большой торгъ съ Украйной. Сбывали они тамъ Московскіе и заграничные товары, а оттуда гнали на Москву табуны степныхъ коней, скотъ Черкасскій, везли битую свинью, сало, хлѣбъ и овчинный товаръ.

Ходили Калужскіе купцы и по откупамъ. Все тотъ-же Никита Шемякинъ въ 1757 г. затѣялъ большое торговое дѣло: взялъ на шестилѣтній откупъ какъ есть всѣ Россійскія портовыя, пограничныя и внутреннія пошлины.

Многіе казенные подряды поснимали тогда Калужскіе купцы.

Отъ всѣхъ тѣхъ прибыльныхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ изрядно разбогатѣли они, нажили большія имѣнія, скопили хорошую деньгу.

Въ числѣ другихъ Калужскихъ купеческихъ семействъ особенно выдѣлялись по тому времени: Дехтеревы, Коробовы и Золотаревы. Не разъ ходили они въ земскихъ старостахъ города Калуги, выстроили себѣ большія каменныя палаты и украсили ихъ диковиннымъ на Руси заграничнымъ добромъ. По сіе

Библиотека "Руниверс"

время цѣлъ въ Калугѣ Золотаревскій домъ, нынѣ принадлежащій Кологривовымъ. Не разъ останавливались въ томъ домѣ „высокія персоны“: государи, великіе князья и княгини Россійскаго царскаго корня. Завалены были кладовыя Золотаревыхъ всякими цѣнными, да рѣдкостными Французскими и Нѣмецкими издѣліями. Не за одинъ годъ, не за два, почитай, цѣлое столѣтіе накопляли они пожитки тѣ. И, хотя по тому времени, къ которому относится нашъ разсказъ, затѣйнаго Золотаревскаго дома еще не существовало въ Калугѣ, да и казна ихъ была не столь велика, какъ въ началѣ XIX вѣка, когда Петръ Максимовичъ Золотаревъ сидѣлъ въ городскихъ головахъ (1813—1816), все же и тогда люди они были весьма состоятельные, домъ ихъ былъ что̀ чаша полная, избытками всякими преуспѣвалъ, и мошна Золотаревская куда какъ туго набита была.

По такой фортунѣ жить бы имъ только, да радоваться. Отъ всякой напасти берегла ихъ золотая казна. А между тѣмъ, приключилась и съ ними бѣда, да еще такая, что во вѣкъ не забудешь ея: отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, будетъ переходить память о ней. Правду молвятъ старые люди: отъ сумы, да тюрьмы не зарекайся. Стряслась та бѣда надъ Михайломъ Евдокимовичемъ Золотаревымъ.

2-го Мая 1752 года учинилось въ городѣ Одоевѣ озорничество. Наемный работникъ купца Торубаева, Ониська Пронинъ, вкупѣ съ другими цѣловальниками „билъ смертнымъ боемъ“ положеннаго въ подушный окладъ солдатскаго сына, Одоевца Ефрема Булгакова. За то его, Пронина, озорничество былъ онъ того же дня сысканъ въ Одоевскую Военную Канцелярію и поставленъ къ отвѣту; а на другой день, какъ стали его по тому дѣлу допрашивать, заявилъ онъ за собою великое Ея Императорскаго Величества „слово и дѣло“.

Знаю я за собою Государево слово и дѣло, показывалъ Пронинъ, и знаю великую важность за Калужскими купцами Иваномъ Григорьевымъ Торубаевымъ, да Михайломъ Евдокимовымъ Золотаревымъ. Во всемъ томъ могу я доказать въ конторѣ тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ. Покажу о томъ словесно, такъ какъ грамотѣ не ученъ и писать не умѣю.

Торубаевъ за поручительствомъ Михайлы Евдокимовича Золотарева вѣдалъ по городу Одоеву таможенными, кабацкими и всякими другими сборами.

Не было ничего удивительнаго въ показаніи Пронина. Люди они, что̀ Торубаевъ, что̀ Золотаревъ, богатые и сильные, въ посадскомъ міру значительные, по людямъ бывалые, да и къ верхамъ причастные. Могло статься, что и взаправду врагъ рода человѣческаго попуталъ ихъ, и сболтнули они такое, за что Государево слово и дѣло надлежитъ.

Всполошились Одоевскія власти. А, какъ на грѣхъ, оба Калужскихъ купца, и Торубаевъ, и Золотаревъ, на тотъ случай оказались на лицо въ Одоевѣ. Призываетъ Одоевскій воевода, Иванъ Языковъ, копіиста Одоевской Воеводской Канцеляріи Димитрія Тычинина и велитъ ему идти „въ скорости“ съ солдатами въ Одоевскую таможню и, взявъ тамъ купца Торубаева, привести

Библиотека "Руниверс"

его въ канцелярію. Выдаетъ онъ ему подписанную имъ „инструкцію“, а въ ней строго на строго наказываетъ хранить того Торубаева въ пути „бережно“, чтобы „не возымѣлъ онъ какой утечки“, до разговоровъ его ни съ кѣмъ не допускать, писемъ отъ него и къ нему не передавать и „во всемъ поступать согласно присяжной записи“.

Когда отдавалъ воевода свое приказаніе, время было уже позднее, темень наползала на городъ. Взять съ „малыми людьми“ Торубаева „насильно“ въ самой таможнѣ, гдѣ въ то время находилось изрядное число его цѣловальниковъ и его „наемныхъ людей“, Тычинину показалось опаснымъ; да если-бы и удалось, то въ пути, за ночнымъ временемъ, могло содѣяться всякое нехорошее дѣло. Указывая на все это, трусоватый Тычининъ просилъ воеводу отдумать на сегодня арестованіе Торубаева. Воевода, очевидно, и самъ опасался, какъ бы за позднимъ временемъ Торубаевъ и взаправду не учинилъ въ пути утечки, а побѣгъ столь важнаго государственнаго преступника являлся чреватымъ такими опасными для самого воеводы послѣдствіями, что бѣды съ ними и во вѣкъ не избудешь. Отдумалъ онъ свое рѣшеніе. Велитъ Тычинину арестомъ повременить, но все же идти къ Торубаеву и съ надежными караульщиками заночевать у него, строго на строго оберегая его отъ „утечки“, а какъ свѣтло станетъ, то Торубаева и Золотарева привести въ канцелярію.

4-го Мая Калужскій купецъ Михайла Евдокимовъ Золотаревъ сысканъ былъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію и секретно допрошенъ. Въ допросѣ упорно показывалъ онъ, что ни за собой, ни за кѣмъ либо другимъ никакихъ дѣлъ ни по одному изъ двухъ пунктовъ Государева слова и дѣла не знаетъ. За неграмотностью онъ то свое показаніе подтвердилъ рукоприкладствомъ: поставилъ вмѣсто имени, отечества и фамиліи три черты.

Хотя въ дѣлѣ не имѣется подлиннаго показанія Торубаева, но несомнѣнно, что и онъ допрошенъ былъ тѣмъ же днемъ, при чемъ показалъ тоже, что и Золотаревъ.

6-го Мая Пронина опять поставили къ допросу. На этотъ разъ онъ далъ показаніе другое.

—Зовутъ меня Анисимъ Ивановъ, самъ я посадскій человѣкъ изъ города Лихвина. Лѣтъ мнѣ отъ роду двадцать пять. Служу я наемнымъ работникомъ у Калужскаго купца, содержателя по городу Одоеву таможенныхъ, кабацкихъ, и другихъ сборовъ, Ивана Григорьева Торубаева. Кричалъ я намедни Ея Императорскаго Величества „слово и дѣло“ и показывалъ великую важность за Калужскими купцами Иваномъ Григорьевымъ Торубаевымъ и Михайломъ Евдокимовымъ Золотаревымъ напрасно, себя охраняя, показывалъ все то затѣмъ, чтобы отъ наказанія отойти. Послѣ того какъ вкупѣ съ другими цѣловальниками билъ я смертнымъ боемъ солдатскаго сына Ефрема Булгакова и привели меня въ Воеводскую Канцелярію, имѣлъ я большую опаску въ наказаніи за то мое озорничество. Вѣдомо было мнѣ, коли скажу я Государево „слово и дѣло“ на оныхъ Торубаева и Золотарева, отошлютъ меня въ Калужскую провинціальную Канцелярію, а тамъ Иванъ Григорьевичъ Торубаевъ слово за меня замолвитъ и, какъ господа присутствующіе Калужской Провинціальной Канце-

Библиотека "Руниверс"

ліріи весьма къ милости склонны, то меня по его слову, да по ходатайству Михайлы Евдокимовича Золотарева, отъ всякого истязанія ослобонять. Все то я имѣлъ въ своемъ упованіи, когда кричалъ Ея Императорскаго Величества слово и дѣло. А какъ стало теперь мнѣ извѣстно, что пошлютъ меня не въ Калужскую Провинціальную Канцелярію, а въ Московскую Контору Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, то винюсь я передъ вами и по присяжной своей должности показываю вамъ, что то Государево слово и дѣло кричалъ я напрасно и ни за собою, ни за Иваномъ Григорьевичемъ, ни за Михайломъ Евдокимовичемъ, никакого дѣла великой важности не знаю.

Новое показаніе Пронина немало изумило воеводу. Словно оно и похоже на правду; а всеже могло статься, что новое показаніе даетъ онъ корысти ради, въ чаяніи за то награды отъ обоихъ Калужскихъ купцовъ. Не возьметъ въ толкъ воевода, какъ ему лучше поступить въ такомъ дѣлѣ. Надумалъ онъ всѣхъ трехъ колодниковъ: Пронина, Торубаева и Золотарева отослать въ Москву въ Контору Тайныхъ и Розыскныхъ дѣлъ. Тамъ доподлинно все изслѣдуютъ, поступятъ, какъ надлежитъ по указамъ.

Порѣшили отправить арестованныхъ съ солдатомъ Леономъ Шкурановымъ и назначить въ его распоряженіе приличный конвой. Принявъ трехъ колодниковъ и запечатанное въ „ковертѣ“ доношеніе, Шкурановъ долженъ былъ слѣдовать до Москвы, требуя себѣ, въ выданной ему подорожной, отъ Одоева до Тулы обывательскія подводы, а отъ Тулы до Москвы, ямскихъ лошадей. Въ выданной ему инструкціи указывалось имѣть строгое береженіе колодниковъ. Отъ села до села и отъ города до города брать провожатыхъ людей человѣкъ по десяти. Во время слѣдованія въ пути колодниковъ тѣхъ хранить, чтобы не возымѣли какой утечки, до разговоровъ промежъ себя и съ посторонними ихъ не допускать, писемъ отъ нихъ и къ нимъ не передавать, а какъ пища и питье будетъ ими получаться, то таковую пищу и питье напередъ самому опробовать, дабы не произошло имъ въ пути какого вреда.

По колодники не были отправлены въ Москву. 5-го Мая, передъ самою отправкою ихъ, Пронинъ еще разъ завѣрилъ, что все показанное имъ въ его первомъ заявленіи извѣтъ: никакого Государева „слово и дѣло“ ни за собою, ни за обоими Калужскими купцами онъ не знаетъ, а показалъ все то „въ пьянствѣ“.

Новое столь положительное заявленіе, а можетъ быть, къ тому же и посулы богатыхъ Калужскихъ купцовъ, перемѣнили рѣшеніе Одоевскаго воеводы; и, повидимому, Торубаевъ и Золотаревъ тогда же были выпущены на волю. Пронина опять засадили подъ крѣпкій караулъ. За нимъ, помимо ложнаго кричанія Государева слова и дѣла, значилась еще и другая вина: 2-го Мая „наглостью своею и озорничествомъ“ вкупѣ съ другими цѣловальниками, билъ „смертнымъ боемъ“ солдатскаго сына Ефрема Булгакова.

Согласно именному указу 25-го Іюня 1742 года за ложное сказываніе Государева слова и дѣла виновный, если онъ принадлежалъ къ посадскимъ людямъ, и при томъ къ военной службѣ годенъ, наказывался вмѣсто кнута

Библиотека "Руниверс"

нещаднымъ битьемъ плетьми. На счастье Пронина его признали годнымъ къ отдачѣ въ рекруты, а потому, въ силу этого указа, присутствіе Одоевской Воеводской Канцеляріи опредѣлило его бить плетьми, а по учиненію наказанія отдать по прежнему въ городъ Лихвинъ въ купеческую слободу.

Рѣшеніе это занесено было въ журналъ присутствія только 26 Октября 1751 года. Что послужило причиной такой медлительности въ судопроизводствѣ, изъ дѣла не видно; очень можетъ быть, дѣлопроизводство по первой его винѣ, т. е. о „смертномъ боѣ“ Булгакова.

Заключительнымъ звеномъ дѣлопроизводства была поручительная расписка. 2-го Ноября 1752 г., города Лихвина посадскій человѣкъ, Анисимъ Пронинъ (указываетъ расписка) отданъ былъ того же городу посадскому человѣку Родіону Дементьеву сыну Ермолову съ обязательствомъ, буде въ томъ нужда окажется, поставить его, Пронина, въ Одоевской Воеводской Канцеляріи по первому ея требованію, а ежели онъ, Ермоловъ, какъ тотъ впредь воспотребуется не поставитъ Пронина, за то „повелѣно бы было съ нимъ Ермоловымъ учинить по указамъ чему будетъ достоинъ“.

Ничѣмъ закончилась для Золотарева изрядная передряга, учиненная извѣтомъ Ониськи Пронина; благополучно вернулся онъ въ богоспасаемую Калугу, но долго помнилъ непріятную оказію приключившуюся съ нимъ; охотно и часто разсказывалъ онъ и домашнимъ и добрымъ знакомымъ о тревогахъ, пережитыхъ имъ подъ арестомъ за крѣпкимъ карауломъ.

Одоевскій озорникъ.

По обнародованіи манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й всѣ сословія повсемѣстно приведены были къ присягѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Спокойно царствовала новая Государыня. Давно уже умолкли всякіе разговоры по поводу „Петербургскихъ дѣйствъ“. И вотъ совсѣмъ нежданно-негаданно, въ глухой провинціи, за много верстъ отъ обѣихъ столицъ, выплываетъ „секретное“ зазорное дѣло о „непристойныхъ рѣчахъ касательныхъ высокой персоны“: выплываетъ оно въ связи съ другимъ „непотребнымъ“ дѣломъ того же самаго озорника, дѣломъ явно богохульнымъ.

25-го Марта 1763 г. явился въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію, вотчины ротмистра конной гвардіи, князя Николая Алексѣевича Шаховского, его десятскій Максимъ Аверьяновъ, и подалъ доношеніе, и въ немъ по пунктамъ указывалъ, что 22-го того же Марта, въ церкви села Ильинского, Чоглоково тожъ, во время пѣнія божественной литургіи, вошелъ въ храмъ дворовый человѣкъ капитана Іевлева, Дементій Сергѣевъ и закричалъ „Государево слово и дѣло“.

А были тогда въ церкви: Ѳедоръ Яковлевичъ Іевлевъ, той церкви попъ Петръ Яковлевъ, дьяконъ Мартынъ Григорьевъ и немалое число крестьянъ разныхъ помѣщиковъ. Представляя при своемъ доношеніи взятаго имъ крестьянина Сергѣева, Максимъ Аверьяновъ просилъ принять онаго отъ него и учинить съ нимъ, какъ то указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Библиотека "Руниверс"

Того же 25-го Марта приведенный дворовый человѣкъ, Дементій Сергѣевъ, по учиненному въ Одоевской Воеводской Канцеляріи журналу, въ силу состоявшагося въ 1762 г. 19-го Октября именного Ея Императорскаго Величества указа, былъ въ присутствіи Воеводской Канцеляріи увѣщеваемъ и послѣ того секретно допрошенъ.

На допросѣ Дементій Сергѣевъ показалъ: Кричалъ онъ „Государево слово и дѣло" въ церкви Ильи Пророка по первому и второму пунктамъ. По первому пункту обвинялъ онъ Василія Иванова Елыгина, приказчика своего господина, въ томъ, что тотъ 7-го Января 1763 г. между разговоровъ въ побранкѣ съ священникомъ Ильинской церкви, попомъ Петромъ Яковлевымъ, когда попъ пришелъ къ нему съ крестомъ и святой водой, говорилъ попу озорническія слова: „Не токмо я попа выучить сумѣю, я и самаго Бога переучить могу". На тѣ его Елыгина дерзостныя рѣчи попъ указывалъ ему: „Какъ тебѣ Бога переучить, когда на Него не могутъ зрѣть ангели, архангели, херувими и серафими?" Присутствовалъ тогда въ горницѣ кромѣ попа сынъ его дьячекъ Василій Петровъ. Пустошныя рѣчи Елыгинъ при немъ сказывалъ. Какъ брань началась, дьяконъ Мартынъ Григорьевъ вышелъ изъ избы въ сѣни: слышалъ ли онъ приказчиковы слова или нѣтъ, про то Дементій Сергѣевъ не знаетъ.

По второму пункту Сергѣевъ показалъ: Въ прошломъ 1762 г., послѣ праздника Казанской Богородицы (8 Іюля), какъ взошла Ея Императорское Величество на Всероссійскій Императорскій престолъ, къ означенному приказчику Елыгину тотъ же священникъ, отецъ Петръ Яковлевъ, заходилъ съ сыномъ своимъ Василіемъ и звали его, Елыгина, въ городъ для присяги Ея Императорскому Величеству. А на это Елыгинъ сказалъ тогда попу Петру: „Есть-ли это гдѣ на свѣтѣ, чтобы жена у мужа волю взяла? Эхъ, не съ кѣмъ мнѣ стать, а то я всѣмъ бы градомъ не пошелъ къ присягѣ". На такія дерзостныя слова поповскій сынъ Василій возразилъ: „Какъ это ты, Василій Ивановъ, къ присягѣ не пойдешь? Дѣло это великое.—А что мнѣ идти продолжалъ перечить Елыгинъ? Развѣ гроши давать? Объяви указъ, въ какую силу присягать, и бывшій Государь живъ или нѣтъ?

Попъ Петръ прочиталъ ему доставленный изъ Одоева черезъ подьячаго Аѳанасія Сарычева указъ Ея Императорскаго Величества, повелѣвавшій учинить присягу. Но и этимъ не пронялъ его. Такъ тогда ни съ чѣмъ и ушли отъ него попъ съ сыномъ. Послѣ нихъ заходилъ къ Елыгину дьяконъ Мартынъ Григорьевъ и тоже звалъ его въ городъ на присягу. Приказчикъ не пошелъ и отвѣтилъ ему тоже, что и попу Петру съ сыномъ.

До сей поры Дементій Сергѣевъ обо всѣхъ этихъ озорническихъ дѣлахъ не доносилъ, потому что былъ боленъ, а послѣ того не могъ показать на Елыгина за тѣмъ, что тотъ содержалъ его подъ карауломъ и закованнымъ въ желѣзо.

22-го Марта прибѣжалъ онъ, Сергѣевъ, въ цѣпяхъ въ церковь и кричалъ „Государево слово и дѣло". Услышалъ то десятскій Максимъ Аверьяновъ, забралъ его и отвелъ на барскій дворъ своего господина, а съ того двора повезъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію.

Библиотека "Руниверс"

Что въ семъ допросѣ показалъ онъ самую сущую правду, слался Дементій Сергѣевъ на указанныхъ имъ свидѣтелей: попа Петра Яковлева, его сына Василія и на дьякона Мартына Григорьева.

Дѣло было не шуточное. Въ былые годы за такія „непотребныя“ слова касательныя „высокой персоны“ тянули къ розыску въ Тайную Канцелярію; теперь-же, согласно 8-му пункту именного Ея Императорскаго Величества Указу отъ 19-го Октября 1762 г., обвиняемое лицо, доносчика на него и всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтелей надлежало немедленно взять подъ крѣпкій караулъ, обо всемъ происшедшемъ донести въ Сенатъ и ждать оттуда указа что дальше дѣлать. Такъ присутствіе канцеляріи и рѣшило поступить.

Напередъ необходимо было сыскать тѣхъ свидѣтелей, на коихъ указывалъ Сергѣевъ. Могло случиться, что, по злобѣ на приказчика Елыгина, Сергѣевъ показалъ на него облыжно. Такіе поклепные доносы въ то темное, безпокойное время были часты, а потому надлежало предварительно „противъ его Сергѣева показанія“ секретно допросить всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтелей. Воеводская Канцелярія послала за ними подканцеляриста Ивана Сарычева.

Того-же 25-го Марта попъ Петръ Яковлевъ, его сынъ Василій и дьяконъ Мартынъ Григорьевъ доставлены были въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію, сысканы и порознь секретно допрошены.

Священникъ Петръ Яковлевъ противъ перваго пункта обвиненія показалъ тоже, что и Дементій Сергѣевъ, но добавилъ, что брани у него съ приказчикомъ Елыгинымъ не было, а бранился онъ, попъ, съ дьякономъ, бранился за мірскіе доходы. Приказчикъ вступился за дьякона и сказалъ тогда попу въ побранкѣ, что онъ не токмо его, попа, выучить сумѣетъ, онъ и самого Бога переучить можетъ.

По второму пункту обвиненія попъ Петръ показывалъ. Заходилъ я съ сыномъ своимъ къ приказчику Василію Иванову Елыгину и звалъ его для присяги Ея Императорскому Величеству, а онъ сказалъ: „Есть ли это гдѣ на свѣтѣ, чтобы жена у мужа волю взяла? Не съ кѣмъ мнѣ стать, а то я бы всѣмъ градомъ не пошелъ къ присягѣ“. На это сынъ мой, дьячекъ Василій Петровъ, указалъ ему: „Василій, какъ ты не пойдешь? Вѣдь это дѣло великое“. Остальныя приписываемыя Елыгину слова: „По что мнѣ идти, развѣ гроши давать!“ и „Пусть объявятъ указъ, въ какую силу присягать и живъ или нѣтъ бывшій Государь!“ тѣхъ словъ, показывалъ попъ Петръ, онъ отъ него не слыхалъ; напротивъ, сказалъ имъ Елыгинъ, какъ они уходили отъ него, что онъ-де и самъ за ними будетъ къ присягѣ въ городъ и тогоже числа взаправду пріѣзжалъ въ Одоевъ, а только былъ или нѣтъ у присяги, того попъ не вѣдаетъ.

Въ заключеніе Петръ Яковлевъ указалъ, что о всемъ происшедшемъ онъ нигдѣ не объявлялъ, и что при допросѣ по священству своему показалъ самую сущую правду.

Сынъ его, дьячекъ Василій Петровъ, полностью подтвердилъ всѣ показанія Дементія Сергѣева, включая и рѣчи Елыгина о грошахъ и требованіе

Библиотека "Руниверс"

его объявить указъ, живъ или нѣтъ бывшій Государь. Не донесъ онъ, Василій, въ свое время о дерзкихъ словахъ Елыгина (пояснялъ дьячекъ) только по простотѣ своей.

Простотою оправдывался и третій свидѣтель по этому дѣлу, Мартынъ Григорьевъ. Словъ Елыгина о томъ, что онъ можетъ Бога переучить, дьяконъ Мартынъ не слыхалъ, такъ какъ во время побранки приказчика съ попомъ онъ ушелъ изъ горницы въ сѣни. Но второму же пункту показалъ: Идучи въ городъ на присягу Ея Императорскому Величеству, увидалъ я на господскомъ дворѣ Василія Елыгина. Сталъ я звать его на присягу въ городъ, а онъ мнѣ на это и говоритъ: „Эхъ, не съ кѣмъ мнѣ стать, а то бы я всѣмъ городомъ не пошелъ къ присягѣ. Пусть объявятъ указъ, въ какую силу присягать и живъ или нѣтъ прежній Государь".

Допросъ свидѣтелей полностью подтвердилъ доносъ Дементія Сергѣева. Елыгинъ, Сергѣевъ и всѣ три свидѣтеля посажены были подъ крѣпкій караулъ. О всемъ происшедшемъ подробно тогдаже донесли Сенату.

Съ донесеніемъ въ Правительствующій Сенатъ отправленъ былъ солдатъ Семенъ Морозовъ. Его снабдили подорожной. Отъ Одоева до Калуги онъ долженъ былъ ѣхать на обывательскихъ, а отъ Калуги до Москвы на ямскихъ лошадяхъ. Прогонныя деньги расчитаны были на обывательскую подводу по деньгѣ на версту, а на ямскихъ лошадей по три копейки за десять верстъ.

2-го Апрѣля 1763 г. дѣло поступило въ Сенатъ. Нѣсколько недѣль пролежало оно тамъ безъ движенія. Проходили дни за днями. Наступили Петровки. Всѣ участники Ильинскаго дѣла: преступникъ, доносчикъ на него и три свидѣтеля все еще пребывали за крѣпкимъ карауломъ. Въ селѣ Ильинскомъ ходили самые невѣроятные разсказы объ участи арестованныхъ, строились всевозможныя предположенія. Никто въ точности не вѣдалъ, за что собственно забраны были они, но доподлинно всѣ знали, что дѣло было большое, секретное, касательное „высокой персоны". Всѣмъ памятно было, какъ дня за три до пріѣзда Сарычева съ солдатыми въ село Чоглоково для ареста Елыгина и Ильинскаго причта, кричалъ Дементій Сергѣевъ въ церкви страшныя слова: „Государево слово и дѣло". Упаси Богъ каждаго отъ такой напасти! Сколько народу православнаго по всей Руси сгибло отъ тѣхъ треклятыхъ словъ, особенно въ дни царствованія благовѣрной государыни Анны Ивановны. Безслѣдно, невѣдомо куда пропадали люди съ тѣхъ окаянныхъ словъ. Вчужѣ жуть брала отъ нихъ. Тоже и теперь могло статься. Немалую тревогу изжили тогда семейные попа и дьякона, сильно закручинились; хотя бы однимъ глазкомъ взглянуть на своихъ, хоть бы узнать толкомъ: за свою вину или за чужую по навѣту злому, избываютъ они бѣду свою.

Дошли вѣсти о передрягахъ Ильинскихъ до Лихвинскаго Духовнаго Правленія. Какъ видно изъ дѣла, Одоевскій уѣздъ въ духовномъ отношеніи былъ тогда ему подчиненъ. Обезпокоились отцы духовные. Пишутъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію промеморію.

Библиотека "Руниверс"

Сего Іюня 10-го дня (указывало Лихвинское Духовное Правленіе) поступило увѣдомленіе, что Одоевскаго уѣзда села Ильинскаго, Чоглоково тожъ, церкви святого пророка Ильи попъ Петръ Яковлевъ и дьяконъ Мартынъ Григорьевъ прошлаго 25-го Марта нарочно присланными для того солдатами взяты въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію и содержатся тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ, „По духовной командѣ“ о томъ знать не дано, а вслѣдствіе этого Ильинская церковь стоитъ праздна, приходскіе люди въ священнослуженіи и въ мірскихъ требахъ испытываютъ большую нужду. Между тѣмъ, по силѣ указа Крутицкой Духовной Консисторіи отъ 10-го Марта сего года, повелѣно подъ угрозою штрафа въ случаѣ, если бы при какой церкви священника не оказалось, или умеръ онъ, или подъ слѣдствіе взятъ или, наконецъ, какимъ либо другимъ случаемъ „выбудетъ“, то „въ самое тогдашнее время“ опредѣлять на тѣ праздныя мѣста священниковъ изъ другихъ селъ. Ссылаясь на этотъ указъ, Лихвинское Правленіе просило Одоевскую Воеводскую Канцелярію увѣдомить его, по какому дѣлу содержится подъ карауломъ арестованный Ильинскій причтъ и „впредь къ содержанію его касательство имѣется-ли“.

Какъ на поводъ къ своему запросу Духовное Правленіе указывало, что, буде освобожденія причта не воспослѣдуетъ, назначитъ оно въ село Ильинское другого попа, дабы къ совершенію требъ „приходскіе люди неудовольствіе просьбы имѣть не могли“.

Премеморія Лихвинскаго Духовнаго Правленія подписана управителемъ протопопомъ Василіемъ Ивановымъ и присутствующимъ священникомъ Андреемъ Іаковлевымъ.

14-го Іюня 1763 г. воеводская канцелярія увѣдомила правленіе, что арестованный причтъ села Ильинскаго содержится по секретному дѣлу, о чемъ представлено въ Правительствующій Сенатъ доношеніемъ, токмо указу не получено и до полученія его освобождены не будутъ.

Такимъ образомъ, попытка духовныхъ властей облегчить участь Ильинскаго причта или, по крайней мѣрѣ, вывѣдать за что арестованы попъ Петръ и его присные, окончилась неудачею.

Того-же 14-го Іюня поступило въ Воеводскую Канцелярію извѣщеніе изъ Сената. Генералъ-прокуроръ Александръ Глѣбовъ, увѣдомляя, что Ея Императорское Величество Высочайшимъ указомъ соизволила содержащагося въ Одоевской Воеводской Канцеляріи Василія Елыгина, буде онъ въ „говореніи“ имъ „продерзостныхъ словъ“ признается, дабы онъ впредь таковыхъ словъ говорить не отваживался—бить плетьми и послѣ того изъ подъ караула освободить: буде-же онъ запрется въ тѣхъ словахъ и объявитъ на доносителя, или попа, или дьячка какую ссору или злобу, то, не учиняя ему объявленнаго наказанія, донести о томъ ему, генералъ-прокурору. Содержащимся подъ карауломъ: человѣку Сергѣеву, попу и дьячку, которые, слыша тѣ „продерзостныя слова“ Елыгина долговременно о томъ не доносили и за то подлежать штрафу, повелѣно ту ихъ вину „изъ единаго Ея Императорскаго Величества милосердія“ оставить и о томъ имъ объявить и изъ подъ караула ихъ освободить.

Библиотека "Руниверс"

Въ силу этого предложенія Елыгинъ вновь былъ секретно допрошенъ. На допросѣ въ „говореніи имъ продерзостныхъ словъ" онъ учинилъ запирательство, но показалъ, что на Сергѣева, попа, дьякона и дьячка никакой ссоры и злобы не имѣетъ. Тѣмъ-же днемъ обо всемъ этомъ послано было донесеніе въ Сенатъ.

1-го Сентября получено было оттуда второе предложеніе. Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила: хотя приказчикъ Василій Елыгинъ „въ говореніи имъ нѣкоторыхъ продерзостныхъ словъ въ допросѣ запирательство учинилъ", но понеже на человѣка Сергѣева, попа, дьякона и дьячка никакой злобы и ссоры не показалъ, „и тако ежели-бъ онъ, Елыгинъ, тѣхъ словъ не говорилъ, то оному человѣку Сергѣеву съ товарищи о томъ на него, Елыгина, и показывать было не для чего, почему видно, что онъ, Елыгинъ, въ говореніи оныхъ словъ запирается, отбывая за то себѣ надлежащее наказанія": то, чтобы впредь онъ такихъ словъ говорить не отваживался и „отъ того имѣлъ воздержаніе" бить его батогами.

Сергѣева, попа, дьякона и дьячка предписывалось немедленно освободить. Такъ какъ относительно указанныхъ лицъ уже было дано высочайшее соизволеніе освободить ихъ изъ подъ караула, а Воеводская Канцелярія такового распоряженія своевременно не исполнила, за что сама подлежитъ штрафу, то, ставя таковое упущеніе ей на видъ, генералъ-прокуроръ на этотъ разъ вину ей отпускалъ, но предлагалъ впредь „въ таковыхъ случаяхъ поступать весьма осмотрительно подъ опасеніемъ за неисполненіе неупустительнаго штрафа".

Предложеніе генералъ-прокурора помѣчено 19 Августа 1762 г. Въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію оно поступило 1-го Сентября. Одоевскія власти, въ особенности воевода Щербачевъ, были немало смущены полученною бумагою. Допрежъ того такихъ случаевъ не бывало. Велика важность, что, ради ввящаго обереженія чести Ея Императорскаго Величества, одного „подлой породы" человѣка, да трехъ „долгогривыхъ" лишне продержали какія нибудь нѣсколько недѣль! При блаженной памяти покойной государыни Аннѣ Ивановнѣ такого выговора Воеводской Канцеляріи не написали бы. Эхъ, вправду, говорятъ: новая весна новыя пѣсни приноситъ.

Того-же 1-го Сентября освобожденный причтъ и „подлой породы" человѣкъ Дементій Сергѣевъ, вѣроятно во время тоскливаго содержанія подъ карауломъ не разъ поминавшій на себя за свой доносъ, радостно возвращались по своимъ домамъ. Нещадно избитаго батогами Василія Елыгина принялъ подъ росписку крестьянинъ его господина Степанъ Исаевъ.

В. Кашкоровъ.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФІЯ ОБЫКНОВЕННАГО ЧЕЛОВѢКА*).

Curandum est, ut habeas in factis memoriam, in tempore cautionem, in moribus ingenuitatem, in labore patientiam, in metu pietatem, in divitiis amititiam, in oratione persuasionem, in silentio decorum, in mente justiciam".

Bias ex Ausonio dicta.

Предпринимая писать свою автобіографію, я вовсе не имѣю въ виду разсказывать мои собственныя дѣйствія. Я жилъ какъ многіе другіе, прошелъ мой путь незамѣченнымъ, потому что не умѣлъ заставить себя замѣтить, и жизнь моя, если и могла-бы быть полезною, какъ собраніе опытовъ для предостереженія другимъ, вообще такъ мало представляетъ важнаго, что я не смѣю и думать описывать ее въ поученіе или назиданіе моихъ собратій. Какая же цѣль моего труда? Очень простая: сохранить на бумагѣ что̀ болѣе и болѣе утрачивается изъ нашихъ старинныхъ нравовъ, что̀ уже становится темно и въ самомъ преданіи, но чѣмъ жили наши отцы, что̀ служило основою тому развитію, которое видимъ въ настоящее время.—Многое я видѣлъ самъ и многое слышалъ отъ очевидцевъ. Періодъ этихъ разсказовъ и воспоминаній заключается въ $^3/_4$ столѣтія и если не непосредственно, то чрезъ третье лицо досягаетъ даже до первыхъ годовъ царствованія Елисаветы. Для сохраненія этого на бумагѣ я избралъ форму автобіографіи, какъ облегченіе для моихъ воспоминаній, потому что большая часть моихъ разсказовъ естественно связана съ фазами моей жизни. Послѣ этого, надѣюсь, меня не обвинятъ въ излишнемъ самолюбіи, которое могло-бы показаться побужденіемъ къ описанію моей жизни.

*) Подъ этимъ заглавіемъ графъ Д. Н. Толстой напечаталъ въ „Иллюстраціи" Башуцкаго (1848, № 33) свои Воспоминанія, которыя, много лѣтъ спустя, продолжалъ и помѣщалъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1887 года, выпускъ 5-й. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Я родился 12 Марта 1806 г. Рязанск. г. Данковск. у., въ селѣ...., Въ періодъ царствованія Екатерины II, большая часть государственныхъ дѣятелей образовалась по ея предначертаніямъ: почти всѣ помѣщики служили въ то время. Послѣ кратковременнаго царствованія императора Павла, новый молодой Императоръ, въ Бозѣ почивающій Александръ, вступая на престолъ, предрекъ идти по слѣдамъ мудрой бабки. И такъ эта эпоха, хотя хронологически принадлежитъ къ царствованію императора Александра, но должна быть разсматриваема какъ послѣдній остатокъ Екатерининскаго вѣка.

Отецъ мой родился въ 1754 г. Получивъ воспитаніе въ родительскомъ домѣ, онъ вступилъ въ службу въ Преображенскій полкъ, изъ котораго вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и по смерти своего отца, а моего дѣда, женился на дочери князя ....*) въ 1795 г.

Не вдаваясь въ подробности описанія жизни моихъ родителей, считаю однакоже нужнымъ хотя вкратцѣ начертить ихъ характеристику.

Отецъ былъ человѣкъ православный, сердечно былъ привязанъ къ церкви и строго исполнялъ ея предписанія; онъ былъ характера веселаго, любилъ шутить, былъ крайне добросердеченъ, но вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно вспыльчивъ: условіе его сангвиническаго сложенія. Онъ былъ знакомъ съ Нѣмецкимъ и Французскимъ языками, страстно любилъ чтеніе, но предпочтительно читалъ на Русскомъ, имѣлъ способности къ рисованію, былъ любителемъ живописи и музыки и самъ недурно игралъ на скрипкѣ.

Мать, которая была моложе его 20 годами, получила и образованіе позднѣйшее. Она уже свободнѣе разумѣла по французски, училась по итальянски, а изъ искусствъ—играть на флейтѣ. Привязанная не менѣе отца къ нашей церкви, она не столько, какъ онъ, была знакома съ ея чиноположеніями, но за то практически была истинною христіанкою въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Я былъ послѣднимъ сыномъ и меньшимъ членомъ изъ нашего семейства. Воспитаніе мое было повтореніе того, что̀ дѣлали со старшими, какъ учились и мои родители.

На 5-мъ году моего возраста мнѣ купили букварь, дали указку, заставили помолиться, повторить эпиграфъ букваря: „Вонми ми, Господи, и вразуми мя во ученіе сіе“ и посадили за грамоту.

Учитель мой былъ нашъ крѣпостной человѣкъ. Какъ теперь помню почтеннаго старика, небольшаго роста, сѣденькаго, съ совершенно

*) Львова. Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

плѣшивою головою. Онъ былъ хорошій грамотѣй, особенно привязанъ къ нашему семейству и насъ, дѣтей, любилъ искренно.

Ежедневно заставляли меня учиться, и всякій разъ урокъ начинался приказаніемъ перекреститься и произнести въ слухъ вышеприведенный эпиграфъ букваря.

Но едва я успѣлъ выучить азбуку, склады и читать довольно бойко: азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и пр., а изъ гражданской азбуки правоученіе (Буди благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ) какъ учитель мой умеръ, а съ нимъ прекратилось систематическое обученіе меня грамотѣ.

Въ это время у насъ въ домѣ жилъ учитель Французскаго языка и прочихъ наукъ, нѣкто Швейцарецъ М. Оставшаяся по немъ въ семействѣ нашемъ память доселѣ съ благодарностію свидѣтельствуетъ о его прекрасныхъ качествахъ, но онъ жилъ у насъ недолго. На мѣсто его для сестеръ нанята была Француженка m-me P. Она должна была обучать все семейство Французскому языку, сестеръ музыкѣ и рисованію и быть ихъ гувернанткою, а для братьевъ и для меня былъ нанятъ, по контракту, въ гувернеры Рижскій уроженецъ Ф. М. Итальянскаго происхожденія. M-me P. была Француженка въ полномъ смыслѣ слова, une femme complètement émancipée, гораздо прежде Жоржъ-Зандъ. Легкомысленная, кокетливая, до безумія любившая наряды и отнюдь не любившая своей 9 лѣтней дочери (милаго ребенка, терпѣливо переносившаго дурное обращеніе матери) она не долго оставалась съ нами и по приказанію моихъ родителей должна была уѣхать.

Herr или Signor Ф. М. имѣлъ другія качества и жилъ у насъ довольно долго. Онъ плохо и съ Нѣмецко-Итальянскимъ выговоромъ говорилъ по-французски, свободно изъяснялся по-нѣмецки и, принадлежа къ кондитерскому цѣху, превосходно работалъ картонныя вещицы. Женатый на одной Каширской дворянкѣ, онъ ей былъ обязанъ хорошимъ поведеніемъ. Эта почтенная женщина (умершая въ нашемъ домѣ) имѣла большое вліяніе на его характеръ и при ея жизни Ф. М. велъ себя неукоризненно. Умственное образованіе его не получило особеннаго развитія: онъ былъ безграмотенъ. По смерти жены онъ влюбился въ одну изъ нашихъ горничныхъ дѣвушекъ, женился на ней, былъ за это лишенъ чести обѣдать за однимъ съ нами столомъ, въ послѣдствіи предался совершенно пьянству, скитался нищимъ по Московскимъ улицамъ и умеръ въ Малороссіи.

Библиотека "Руниверс"

Познакомивъ читателя съ моими воспитателями, я естественно далеко ушелъ впередъ отъ моего дѣтства. Но я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобы показать, подъ вліяніемъ какихъ людей было воспитано наше семейство. И что же? Тѣ, которые знаютъ его, отдадутъ справедливость безукоризненной нравственности, высокой честности и непоколебимой дружбѣ его членовъ. Смѣло и съ чувствомъ гордости скажу, что я ни разу въ жизни не краснѣлъ за моихъ сестеръ и братьевъ. Что же оградило насъ отъ опасностей? Церковно-нравственное воспитаніе, практическіе примѣры родителей и ихъ бдительный за нами надзоръ. Наймомъ иностранцевъ отецъ платилъ дань своему вѣку, въ который думали, что „намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья“: но ни онъ, ни мать никогда не подозрѣвали, что пріемомъ въ домъ наемниковъ прекращаются собственныя ихъ обязанности къ дѣтямъ.

Со смертію моего крѣпостного учителя, какъ я сказалъ, уже кончилось систематическое ученіе мое грамотѣ, и я занимался ею въ „охотку“. Но „охота пуще неволи“, и я скоро прочелъ Часословъ, потомъ Псалтырь и принялся за Новый Завѣтъ, который читалъ подъ руководствомъ отца.

Я бойко уже читалъ Славянскую грамоту и, при еженедѣльно служимыхъ въ домѣ всенощныхъ, исправлялъ должность псаломщика, читая предначинательный псаломъ и стихословіе 1-й кафизмы. Такіе успѣхи, а пуще любовь къ чтенію, обратили на меня вниманіе отца: онъ рѣшился торжественно наградить меня.

Для этого былъ выбранъ день именинъ моихъ, 21 Сентября. За недѣлю отецъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ заставить меня читать Апостолъ въ этотъ день въ церкви. Тотчасъ меня начали учить читать его на распѣвъ, въ особенности же выводить голосомъ окончаніе чтенія, что составляетъ самую величайшую трудность для неумѣющихъ. Чтобы облегчить мнѣ, буквально, тяжесть книги, сдѣлали маленькій налой, на которомъ я долженъ былъ читать Апостолъ. Не помню, былъ ли я когда нибудь въ теченіи моей жизни чѣмъ либо болѣе обрадованъ, какъ этою наградою. Я, какъ говорится, ждалъ—не дождался дня; когда онъ насталъ, проснулся чрезвычайно рано и другимъ не давалъ спать повтореніемъ моего Апостола.

Не знаю, какъ покажется эта награда теперешнимъ моимъ современникамъ: но я, на разстояніи 35 лѣтъ отдѣляющихъ нынѣ меня отъ этой эпохи, все еще предпочитаю ее тѣмъ, которыя даются нынѣ въ семействахъ дѣтямъ за успѣхи въ ученіи. Притомъ же надо обратить

Библиотека "Руниверс"

вниманіе на выборъ Апостола: отецъ, знавшій твердо церковный уставъ, не безъ намѣренія выбралъ для этого чтенія день моихъ именинъ. Въ этотъ день церковь читаетъ 335 зач. посланія Св. Ап. Павла къ Евреямъ. Вотъ оно: „Повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ" и пр. Неправда ли, трудно выбрать лучшее для чтенія ребенка, который, изучая при этомъ звукоизмѣненія голоса на церковный напѣвъ, выучилъ и все посланіе наизусть?

Переходя къ дальнѣйшему разсказу о моемъ дѣтствѣ, я считаю нужнымъ прежде всего познакомить читателя, какъ съ мѣстомъ дѣйствія, такъ и съ дѣйствующими лицами.

Мы постоянно жили въ деревнѣ. Лѣтомъ мы помѣщались въ большомъ каменномъ домѣ, выстроенномъ еще дѣдомъ и окруженномъ огромнымъ садомъ въ Голландскомъ вкусѣ. Дѣдъ мой .....[1]), бывшій нѣкогда воеводою въ ....., въ послѣдствіи былъ предсѣдателемъ верховнаго земскаго суда въ ..... Онъ былъ женатъ на княжнѣ[2]) ..... Имѣя довольно большое состояніе, онъ жилъ открыто, былъ большой хлѣбосолъ и пользовался особеннымъ уваженіемъ въ своемъ кругу.

Я лично не зналъ его, потому что, какъ уже сказалъ, отецъ женился послѣ его смерти; но много слыхалъ о немъ какъ отъ отца, такъ и отъ людей нашихъ, которые ему служили. Эти послѣдніе съ особымъ восторгомъ разсказывали разныя барскія его затѣи, какъ напримѣръ давалъ онъ однажды у себя въ деревнѣ какой-то праздникъ и устроилъ въ сосѣдней рощѣ ярмарку, сдѣлалъ ряды, лавки, наполнилъ ихъ разными мелочными, а частію и мануфактурными, товарами; разсадилъ въ эти лавки своихъ дворовыхъ людей и послѣ обѣда пошелъ гулять въ рощу съ гостями, не предупредивъ ихъ о своей затѣѣ. Удивленіе гостей тѣмъ было для нихъ пріятнѣе, что товары изъ лавокъ продавали имъ даромъ. Разсказывавшіе мнѣ объ этомъ присовокупляли, что слухъ о ярмаркѣ такъ распространился между купцами, что на другой годъ къ этому дню пріѣхали торговцы, не только изъ ближайшихъ городовъ, но за 150 и 200 верстъ.

Дѣдъ изъ значительнаго состоянія оставилъ наслѣдство моему отцу только около 300 душъ и въ числѣ ихъ болѣе 100 ч. дворовыхъ людей.

На зиму перебирались мы въ деревянный домъ. Этотъ домъ первоначально состоялъ изъ 5 небольшихъ комнатъ; съ увеличеніемъ на-

[1]) Графъ Оедоръ Ивановичъ, депутатъ комиссіи объ Уложеніи: это внукъ перваго графа Толстого, что изловилъ царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

[2]) На княжнѣ Евдокіи Михайловнѣ Волконской. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

шего семейства отецъ перестраивалъ вновь сначала по комнатѣ. и потомъ цѣлыми связями и, наконецъ, присоединилъ къ этому строенію цѣлый домъ въ 8 комнатъ. Принимая въ соображеніе удобство жизни, а отнюдь не внѣшнее изящество, онъ не составлялъ предварительно никакого плана. Такимъ образомъ домъ этотъ росъ, можно сказать, какъ дикая трава, выпуская изъ себя отростки, одни длинные и узкіе, другіе широкіе и короткіе. Изъ этого вышло какое-то чудное зданіе, вмѣщавшее въ себѣ безчисленное множество комнатъ, расположеніе которыхъ сознательно никому не было извѣстно. Мы ходили въ немъ по привычкѣ или, можно сказать, по инстинкту.

Въ этомъ домѣ, къ которому прилегалъ другой садъ, разведенный моей матерью уже въ новѣйшемъ Англійскомъ вкусѣ, жили мои родители, пять сестеръ, два старшихъ брата и я; сверхъ того родная тетка моей матери и родная сестра моего отца (обѣ престарѣлыя дѣвицы), гувернеры, гувернантки, воспитанники и воспитанницы (дѣти бѣдныхъ сосѣднихъ дворянъ), камердинеры и подкамердинеры моего отца, офиціанты, буфетчики, лакеи, цѣлая дворня. Кромѣ того всякій день были гости, или сосѣдніе помѣщики, или городскіе чиновники. Съ этими послѣдними не церемонились: немногіе изъ нихъ удостоивались чести обѣдать съ нами, остальные кушали за офиціантскимъ столомъ.

Къ числу гостей принадлежали нѣкоторые періодическіе посѣтители.

Первое мѣсто изъ нихъ занимаетъ Н. А..... артилеріи штыкъ-юнкеръ, служившій еще во времена императрицы Елисаветы. Я какъ теперь его помню: небольшой, чистенькій старичекъ, совершенно лысый, веселаго характера. Жена его В. А., почти одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, добрая почтенная старушка, отмѣнно опрятная, можно сказать чопорная. У нихъ было двѣ дочери, давно отдѣленныя и выданныя замужъ: остальное значительное имѣніе они прожили на хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ, и все достояніе ихъ заключалось въ огромномъ шестимѣстномъ рыдванѣ, одной повозкѣ и фурѣ съ потребнымъ количествомъ лошадей, кучеровъ, въ форейторѣ, лакеѣ, поварѣ и горничной. Съ этою свитою и въ этомъ подвижномъ домѣ они разъѣзжали по своимъ родственникамъ и знакомымъ. Пріѣхавъ къ намъ, они чрезвычайно были рады насъ видѣть, помѣщались въ отдѣльныхъ комнатахъ и распоряжались какъ дома. Отецъ, кромѣ обычнаго своего гостепріимства, оказывалъ имъ всегда глубокое уваженіе, какъ старшимъ родственникамъ; но это не мѣшало, однако, старческимъ ихъ капризамъ, и мѣсяца черезъ два-три они начинали на насъ сердиться, потомъ ссори-

Библиотека "Руниверс"

лись и наконецъ уѣзжали *на всегда* къ другимъ роднымъ или знакомымъ. Тамъ, вѣроятно, повторялось тоже, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они опять являлись къ намъ и снова разставались *на вѣчную* разлуку. Привычка хлѣбосольства, стоившая имъ имѣнія, не оставляла стариковъ и въ чужомъ домѣ. Нерѣдко они и у насъ звали насъ же къ себѣ въ гости и угощали кофеемъ, единственнымъ произведеніемъ, которое пріобрѣтали на деньги и возили съ собою. Остальное содержаніе ихъ людей и лошадей никогда не стоило имъ ни копѣйки.

Другими періодическими посѣтителями были разные благочестивые путники, монахи, отшельники, отставные офицеры и т. п. Они получали помѣщеніе, имѣли особый столъ, нерѣдко получали и всю одежду. Занятія ихъ у насъ въ домѣ заключались въ хожденіи въ церковь, исправленіи при служеніяхъ обязанностей чтецовъ или клирошанъ лѣваго клироса. Многіе изъ нихъ, послѣ дальнихъ и безпрестанныхъ странствій, нашли послѣдній пріютъ подъ сѣнію нашей деревенской церкви.

Отношенія отца моего къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ были чисто-патріархальныя. Они искренно любили его и уважали въ немъ сознательно высшее передъ собою образованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они высоко цѣнили его практическія свѣдѣнія ихъ быта, знаніе ихъ нуждъ и потребностей и умѣнье всѣхъ работъ, составляющихъ задачу крестьянской жизни. И отецъ гордился этимъ послѣднимъ качествомъ. Я помню, какъ говаривалъ онъ не разъ, что онъ дворянинъ съ дворяниномъ и мужикъ съ крестьяниномъ, что умѣетъ насадить соху, выковать собственными руками подкову и что любому крестьянину умѣетъ указать его дѣло. „Вотъ почему, прибавлялъ онъ, меня нелегко обмануть работами".

При такихъ отношеніяхъ понятно, что связь помѣщика съ крестьянами была прочна, потому что основывалась на сознательномъ уваженіи и привязанности. Образъ жизни и нравы помѣщика, отличаясь болѣе просвѣщенными потребностями, въ сущности были тѣже съ крестьянами: по крайней мѣрѣ все, что было свято въ глазахъ сихъ послѣднихъ, не менѣе уважалось и помѣщикомъ. Они постились въ одни и тѣже дни, вмѣстѣ ходили въ церковь, праздновали тѣже праздники.

Чтобы указать на практическіе результаты такого порядка вещей, скажу только, что въ нашей деревнѣ бываютъ ярмарки и еженедѣльные базары и что пріѣзжающіе торговцы, до открытія рынка, т. е. до

Библиотека "Руниверс"

съѣзда жителей окрестныхъ селеній, никогда не ставили сторожей у своихъ возовъ и лавокъ. *Это фактъ*.

Привязанность къ намъ крестьянъ нашихъ была искренна.

Доселѣ все въ нашемъ домѣ жило стариною Екатерининскою. Всѣ посѣтители наши принадлежали къ ея вѣку, и слѣдовательно воззрѣнія немногимъ отличались между собою, а нравы и образъ жизни рѣшительно были одинаковы. Но вотъ явилось между нами новое лицо, представитель современныхъ нравовъ и понятій столицы. Это былъ родственникъ нашъ .... Онъ только что вышелъ въ отставку изъ гвардіи, женился и поселился въ своемъ имѣніи, въ 7-ми верстахъ отъ насъ.

Меня, какъ ребенка, болѣе всего поразилъ его столичный костюмъ и тщательно выстриженные бакенбарды, имѣвшіе форму обращеннаго внизъ Г и оканчивающіеся у самаго рта: въ женѣ его я болѣе всего замѣтилъ ея живые глаза, которые ни разу не останавливались на одномъ предметѣ, безпрестанно перебѣгая ихъ: такихъ глазъ я еще не видывалъ съ роду.

Они были самыми частыми нашими посѣтителями. Онъ уважалъ въ отцѣ моемъ его просвѣщенные взгляды, его опытность, высокую честность и чистоту понятій о честности дворянина; а отецъ взаимно цѣнилъ въ немъ успѣхи современнаго просвѣщенія, новыя свѣдѣнія и свѣткость. Ребенокъ, я не понималъ ихъ разговоровъ, но помню, что между ними нерѣдко бывали жаркіе споры *).

*

Наконецъ наступилъ грозный 1812 годъ, который доказалъ непобѣдимую силу народнаго нашего духа, столь твердо привязаннаго къ Церкви, Царю и Отечеству. Мы часто повторяемъ эти слова, сдѣлавшіяся какъ бы девизомъ нашимъ, но, чтобы понять смыслъ ихъ, надобно обратиться къ этому году, когда народъ, никогда не произносящій ихъ, мгновенно созналъ въ себѣ ихъ присутствіе, и не словами, а дѣломъ воплотилъ въ себѣ ихъ значеніе. Дорожа ими, я желалъ бы, чтобы ихъ съ большею разборчивостью употребляли, не только въ журналахъ и газетахъ, но даже въ самыхъ актахъ: ихъ должно беречь на случай и не произносить всуе.

Я помню этотъ годъ. Я помню, какъ всѣ сословія заодно спѣшили на помощь Отечеству, какъ любовь къ нему выражалась всеобщею

*) Къ сожалѣнію, разсказъ не конченъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ненавистью, которая сдѣлала войну 1812 года вполнѣ войною народною, созданною всѣми и каждымъ. Мы, дѣти, не понимая еще, что̀ значитъ Отечество, увлекаемые старшими, примѣромъ старшихъ, были уже проникнуты ненавистью къ Наполеону, и не разъ въ младенческихъ моихъ снахъ мнѣ грезилось, что я убилъ его. Еще не зная порядочно различія между жизнью и смертью, я уже мечталъ объ убійствѣ!

По манифесту Государя, призывавшаго подданныхъ на отраженіе врага, всѣ спѣшили или нести собственную жизнь для спасенія Отечества, или жертвовать имуществомъ и деньгами. Многіе изъ нашихъ людей охотно просились у отца въ ратники и, не смотря на то, что они были нужны для дома, онъ никому не отказывалъ въ дозволеніи.

Между тѣмъ газеты и изустные разсказы извѣщали насъ о безпрестанномъ приближеніи непріятеля къ сердцу Россіи: наконецъ пришло извѣстіе о сдачѣ Москвы и о выѣздѣ оттуда ея жителей. Не буду описывать уныніе, въ какое эти вѣсти повергали наше общество: я еще не понималъ его. Скажу только, что и мы, по примѣру другихъ сосѣдей, рѣшились уѣхать изъ нашей деревни въ дальнѣйшую глубь Россіи. Мѣстомъ пребыванія мы выбрали.....*). Тамъ жила родная сестра моего отца, съ которою онъ давно не видался и по нѣкоторымъ семейнымъ непріятностямъ не былъ въ перепискѣ. Сколько теперь могу судить, кажется, что выборъ этого города для бѣгства отъ Французовъ былъ только предлогомъ для свиданія съ сестрою.

Какъ бы то ни было, сборы начались. Нѣсколько каретъ, колясокъ, брички, кибитки, фургонъ и даже дрожки были запряжены, и мы отправились не только всѣмъ нашимъ семействомъ, но можно сказать всѣмъ нашимъ домомъ, потому что съ нами были воза вещей и вся домашняя безчисленная прислуга.

При выѣздѣ изъ села насъ провожала толпа крестьянъ, мужиковъ, бабъ и дѣтей, и все это плакало: провожали какъ будто на вѣки.

Ѣхали мы медленно и, если память не измѣняетъ мнѣ, не ближе, какъ черезъ недѣлю пріѣхали мы въ село К., принадлежавшее нашимъ родственникамъ..... и лежавшее верстахъ въ 100 отъ насъ. Здѣсь мы остановились погостить и... прожили нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что въ теченіи этого времени непріятель оставилъ Москву и началъ ретироваться къ границамъ Имперіи, а мы, видя удалившуюся опасность, возвратились во свояси.

*) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ не обозначены собственныя имена какъ мѣстныя, такъ и личныя. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

И такъ вотъ замѣчательное бѣгство отъ непріятеля, бывшаго отъ насъ въ 300 верстахъ, бѣгство на 100 верстъ далѣе. Я бы не упомянулъ объ этомъ, если бы мы одни принимали такую мѣру предосторожности, но почти всѣ наши сосѣди дѣлали тоже.

Съ этого времени мы постоянно жили въ деревнѣ до 1820 года. Всѣ путешествія наши въ теченіи 8 лѣтъ ограничивались посѣщеніями сосѣдей, поѣздками на Лебедянскую ярмарку и въ Задонскій монастырь, куда отецъ мой ѣздилъ ежегодно со всѣмъ семействомъ на могилу своего брата.

*

По возвращеніи изъ нашего бѣгства курсъ моего воспитанія нѣсколько расширился. Я забылъ сказать, что до отъѣзда нашего въ К. къ намъ поступилъ танцовальный учитель В. Л..... Онъ нѣкогда былъ пажемъ при дворѣ Станислава-Августа, потомъ во время Варшавской революціи уѣхалъ въ Львовъ и оттуда въ Вѣну. Истощивъ всѣ средства къ жизни, онъ съ трудомъ перебрался въ Москву, гдѣ предпринялъ преподаваніе танцовальнаго искусства. Поприще артиста ему благопріятствовало, но онъ оставилъ Москву, гдѣ уроки по билетамъ не представляли того обезпеченія, котораго онъ желалъ; онъ предпочелъ образовывать юные таланты нашихъ деревенскихъ дворянъ. Такимъ образомъ онъ поступилъ за возвышенную плату въ домъ одного изъ сосѣднихъ намъ помѣщиковъ, гдѣ, кончивъ, „выучку“, перешелъ къ другому. Курсъ его танцовальныхъ классовъ ограничивался обыкновенно тремя мѣсяцами. Къ намъ поступилъ онъ, помнится, отъ Б.

Независимо отъ танцевъ, онъ училъ насъ географіи, исторіи, ариѳметикѣ, музыкѣ и Французскому языку. Нравственный характеръ его былъ чрезвычайно замѣчателенъ; я въ жизни не встрѣчалъ человѣка честнѣе, добрѣе и уживчивѣе его. Но познанія его во Французскомъ языкѣ далеко не были такъ совершенны, какъ его нравственность. Вообще языковѣдѣніе ему не далось. Въ деревнѣ у насъ, гдѣ, пріѣхавъ на три мѣсяца, онъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ, онъ разучился по французски и по нѣмецки, забылъ по польски и не выучился по русски. Языкъ, которымъ говорилъ онъ, была какая-то чудная смѣсь этихъ всѣхъ нарѣчій съ сильнымъ акцентомъ Польскаго: мы называли это: говорить „по ски“. Привязанность его къ нашему семейству была выше всякаго описанія. Онъ умеръ въ нашей деревнѣ, присоединившись къ нашей Церкви и, оставя по себѣ дочь, которая, безъ сомнѣнія, не покинетъ также праха своего отца.

Библиотека "Руниверс"

Самая веселая эпоха нашей деревенской жизни была (Лебедянская) ярмарка. Нынѣ, когда, съ успѣхами нашей торговли въ городахъ, всѣ ярмарки вообще упадаютъ, уже непонятно то удовольствіе, тотъ праздничный видъ, который принимали уѣздные жители во время ближайшей ярмарки. Въ (Лебедяни) существовало тогда, какъ и теперь, четыре ярмарки въ году, но только двѣ изъ нихъ привлекали особенное стеченіе помѣщиковъ: Троицкая и Покровская: остальныя двѣ, бывающія зимою, посѣщаются только торговцами. Троицкая и Покровская ярмарки составляли двѣ эпохи въ году нашего края. Отъ нихъ считалось время или опредѣлялись сроки, на нихъ разрѣшались важныя недоумѣнія. „Это было передъ или вскорѣ послѣ ярмарки“, говорилъ помѣщикъ, разсказывая о какомъ нибудь происшествіи. Крестьянинъ просилъ денегъ въ ссуду до Покровской ярмарки. Въ случаѣ спора о какомъ либо головномъ уборѣ или вообще о модѣ, уѣздная щеголиха съ самодовольствомъ говорила: „ярмарка все скажетъ“.

По пріѣздѣ въ (Лебедянь) мы обыкновенно останавливались въ монастырской слободѣ. Тамъ одна крестьянская изба составляла нашъ салонъ, а другая служила помѣщеніемъ для прислуги. Переодѣвшись съ дороги и принарядясь, мы отправились на ярмарку „въ ряды“. Хотя разстояніе отъ нашей квартиры до этого форума было не болѣе $^1/_4$ версты, но дойдти туда пѣшкомъ не было никакой возможности по причинѣ грязи, которая, взмѣшиваемая смѣлыми ногами безчисленнаго множества окрестныхъ крестьянъ и городскихъ жителей, была буквально по колѣно. Вокругъ рядовъ, центра торговли предметами роскоши и высшихъ потребностей, стояло множество телѣгъ, повозокъ, шатровъ, шалашей и балагановъ: здѣсь продавались лошади, деготь, духи, колеса, мелкіе крестьянскіе товары, съѣстные припасы и разныя простонародныя лакомства. Шумъ, крикъ, движеніе толпы были безпрерывны. На ближнемъ лугу скакали лошади, которыхъ пробовали покупатели, и располагался таборъ кочующихъ Цыганъ, непремѣнныхъ участниковъ и экспертовъ въ лошадиной торговлѣ. Вся эта разнообразная, живая картина возвышалась характерическими физіономіями Цыганъ, живописно-грязными костюмами женщинъ и живою дикостію полунагихъ дѣтей ихъ.

Мы подъѣзжали къ „рядамъ“. Такъ назывался параллелограмъ въ нѣсколько улицъ изъ плетневыхъ шалашей, съ навѣсами изъ драни. Обѣ противоположныя стороны, соприкасаясь навѣсами, составляли крытую галлерею или пассажъ, освѣщаемый частію со стороны входа, а частію щелями неплотно лежавшихъ драницъ. Въ этомъ полусвѣтѣ

Библиотека "Руниверс"

медленно двигалась пестрая толпа или озабоченныхъ покупателей, или только праздныхъ зрителей. Всѣ были одѣты по праздничному, и лица всѣхъ выражали праздничное удовольствіе. Не рѣдко встрѣчалось тамъ или миловидное личико уѣздной барышни, дышавшее свѣжестію и простотою деревни, или болѣе претензливое лицо городской красавицы, отягченной всею роскошью провинціальной моды, а солнечный лучъ, внезапно ворвавшись въ одну изъ щелей крыши, ярко освѣщалъ ихъ на темномъ, подвижномъ грунтѣ толпы.

Всѣ эти шалаши, о которыхъ упомянулъ я, были красиво одѣты цвѣтными тканями, а раздѣляющіе ихъ столбы обернуты пестрыми обоями, столь яркими и безобразными, что въ настоящее время такихъ уже не найдете даже на постоялыхъ крестьянскихъ дворахъ. Ряды обыкновенно начинались двумя лавками часовщиковъ, которыхъ главное занятіе было не въ торговлѣ, а въ поправкѣ и регулированіи всѣхъ часовъ 5 или 6 окрестныхъ уѣздовъ, которые только вскорѣ послѣ ярмарки имѣли утѣшительную увѣренность знать время по часамъ. За ними слѣдовали Тульскія лавки, блестящія своими саблями, ружьями, самоварами и т. п. Послѣ нихъ начались и „красные товары“. Здѣсь обыкновенно бывала толпа. Всѣ дамы, сопровождаемыя услужливыми кавалерами, запасались тутъ нарядами и новостями. Здѣсь совершались торговые разсчеты помѣщиковъ съ купцами: всевозможныя сплетни, далѣе новыя знакомства и даже сватовства; здѣсь все носило иной характеръ, нежели въ прочихъ рядахъ ярмарки: костюмы были изысканнѣе, покупатели говорливѣе, рѣчи живѣе, лица одушевленнѣе, даже самый грунтъ земли былъ болѣе твердый. Грязь, покрывавшая всѣ другіе ряды, здѣсь утаптывалась и доставляла ногамъ пріятное ощущеніе мягкаго ковра.

Ряды посѣщались утромъ и послѣ обѣда. Въ часъ по полудни они были почти пусты. Мужчины утромъ отправлялись на бѣгъ, а вечеромъ въ трактиръ Пиватто, гдѣ, кромѣ попойки и довольно буйныхъ сценъ, была открытая игра въ карты. Разумѣется, что я знаю это только по наслышкѣ: отецъ мой никогда не посѣщалъ этого „заведенія“, а еще менѣе могъ быть тамъ я, ребенокъ. За то вечеромъ мы отправлялись въ театръ. Не буду описывать этого спектакля, помѣщавшагося въ плетневомъ сараѣ и освѣщеннаго сальными свѣчами, утвержденными въ двѣ крестообразно сложенныя дощечки, привѣшенныя къ верхнимъ балкамъ. О немъ можно судить по тѣмъ представленіямъ, какія и теперь даются странствующими артистами. Скажу только, что публика была совершенно довольна.

Библиотека "Руниверс"

Мы возвращались съ ярмарки съ полнымъ запасомъ всѣхъ домашнихъ потребностей и съ игрушками и подарками, которыя мы, дѣти, получали въ (Лебедяни). Я и теперь помню тотъ маленькій краснаго сафьяна альбомчикъ, который такимъ образомъ я получилъ отъ отца и въ которомъ первая написала мнѣ мать. Вотъ слова ея: „Люби Бога, вѣренъ будь Царю, люби дружески родителей, старшихъ почитай, ко всякому будь ласковъ, къ подданнымъ милостивъ: вотъ тебѣ мое наставленіе". За этимъ слѣдовало рукою отца: „И мое подтвержденіе". Это краткое наставленіе заключаетъ въ себѣ всю философію Русской жизни того времени.

Деревенская жизнь наша, сама по себѣ тихая и единообразная, оживлялась однакоже тою народною жизнію, которая съ чудной силой развивалась въ преслѣдованіи непріятеля изъ Москвы и на пути этомъ оставляла вѣковые памятники въ Бородинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ, Красномъ и др. Мимо насъ ежедневно проходили войска съ южныхъ и восточныхъ границъ Имперіи: казаки, Калмыки, Башкиры попеременно квартировали въ нашей деревнѣ. За столомъ нашимъ ежедневно обѣдали офицеры этихъ войскъ, и вечера проводили въ нашемъ домѣ. Скоро вмѣсто нашихъ войскъ стали показываться у насъ партіи плѣнныхъ. Одна изъ нихъ была расположена въ нашемъ уѣздѣ и помѣщики наши разобрали плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ къ себѣ. Отецъ мой взялъ пѣхотнаго поручика Р. Я помню этого полунагого, покрытаго лохмотьями Француза, котораго отецъ одѣлъ съ ногъ до головы и принялъ въ свое семейство какъ друга. Я помню, какъ отецъ внушалъ намъ, дѣтямъ, безпощадную вражду къ врагамъ Отечества, когда они встрѣтятся съ оружіемъ въ рукахъ, и Христіанскую любовь къ человѣку, котораго жребій войны поставилъ внѣ возможности вредить намъ. Въ этомъ заключается та высокая философія, истекающая изъ глубоко-религіознаго начала, которою проникнута Россія: и такъ дѣйствовалъ не одинъ мой отецъ, но всѣ окрестные помѣщики, и имъ сочувствовалъ нашъ добрый, умный народъ.

Поселившіеся у насъ Французы скоро поняли нашъ образъ жизни, наши нравы и такъ свыклись съ нами, что образовавшаяся тогда связь, основанная съ одной стороны на истомъ Русскомъ гостепріимствѣ, а съ другой па благодарности, прочно укрѣпилась въ душахъ. Въ доказательство скажу только, что я и донынѣ въ перепискѣ съ Р., который живетъ теперь въ небольшомъ своемъ помѣстьѣ близъ Лангедока.

Между тѣмъ партіи плѣнныхъ проходили мимо насъ и чаще, и многочисленнѣе. Отецъ кормилъ ихъ на нашемъ дворѣ, а офицеры

Библиотека "Руниверс"

угощались въ домѣ. Итальянцевъ и Нѣмцевъ угощалъ нашъ Рижскій М., Поляковъ—танцмейстеръ, а Французовъ—P. Suum cuique. Крестьяне, и наши, и окрестные, смотрѣли на это безъ всякаго чувства злобы и, хотя признавали ихъ „нехристями", но сочувствовали ихъ бѣдствіямъ и оправдывали тѣмъ, что „они люди невольные: не сами пришли, Бонапартъ привелъ", и все чувство любви къ родинѣ и всю ненависть къ врагу сосредоточивали на этомъ ненавистномъ имени.

Такъ какъ главная цѣль этой автобіографіи есть описаніе тогдашнихъ деревенскихъ нравовъ, то я начерчу вкратцѣ образъ препровожденія времени. Утро посвящалось отцемъ моимъ сельскому хозяйству и чтенію. Обѣдали въ 3 часа, послѣ обѣда отецъ отдыхалъ. Черезъ два часа онъ или отправлялся на дрожкахъ въ поле, или ходилъ по саду. Зимою игрывалъ на биліардѣ или въ шашки: карты были въ употребленіи рѣдко. Ужинали часовъ въ 10 или 11. За столомъ сидѣли долго, потому что отецъ любилъ послѣ ужина, не вставая изъ за стола, бесѣдовать о разныхъ предметахъ. Мы, дѣти, не смѣли дремать и нехотя вслушивались въ разговоры. Осенью иногда, хотя очень рѣдко, ѣзжали на охоту, для которой держали собакъ, по большей части служившихъ къ увеселенію нашей дворни.

Праздничные дни отличались тѣмъ, что съ вечера служили въ домѣ всенощную, а на другой день ходили къ обѣднѣ, гдѣ были всѣ крестьяне, мущины и женщины. Послѣ обѣда священникъ и причетъ приходили къ намъ; вступая на „барскій дворъ", они снимали шляпу и, не смотря ни на какую погоду, приходили въ домъ съ открытыми головами.

Годовые храмовые праздники однакоже имѣли еще и другое, болѣе торжественное отличіе. Съ вечера съѣзжались, во первыхъ, купцы и торговцы на ярмарку и открывали торгъ, называемый „подторжьемъ". Потомъ пріѣзжали гости тѣ, которые или по родству, или по другимъ тѣснѣйшимъ связямъ, безъ церемоніи располагались ночевать у насъ, и изъ города соборный священникъ. Онъ долженъ былъ совершить крестный ходъ изъ церкви къ намъ, принести мѣстный образъ и совершить всенощную. На другой день крестный ходъ возвращался въ церковь, и пріѣзжали изъ города протопопъ и строитель мѣстнаго монастыря. Они соборомъ совершали литургію, послѣ которой безпрерывно пріѣзжали гости до самаго обѣда. Вечеромъ бывалъ балъ. Рѣдкіе изъ гостей возвращались домой на другой день; большая часть съ людьми и лошадьми оставалась у насъ по недѣлѣ и болѣе.

Библиотека "Руниверс"

Домашнее занятіе моей матери было въ надзорѣ за дѣтьми, въ управленіи домомъ, въ вышиваніи. Пяльцы не заключали тогда ни модныхъ прошивокъ, ни узорчатыхъ подушекъ и т. п.; въ нихъ обыкновенно впяливались атласныя или гродетуровыя ткани, по которымъ золотомъ, блестками и стеклярусами вышивались церковныя облаченія, воздухи и пелены. Наша деревенская церковь донынѣ хранитъ въ своей ризницѣ немало облаченій, вышитыхъ руками моей матери, моихъ тетокъ и бабушекъ.

Я выше упомянулъ о поѣздкахъ нашихъ въ Задонскъ. Онѣ обыкновенно совершались лѣтомъ. За недѣлю до выѣзда готовились экипажи, а дня за два ихъ подвозили къ дому и начинали укладываться. Поѣздка почти на сто верстъ казалась столь далекою, что требовала немало хлопотъ и приготовленій. Прежде всего отправлялись кухня и палатка. Потомъ выѣзжали всѣ. Шли двѣ четвероместныя кареты, двѣ коляски, бричка, повозка и наконецъ дрожки. Эти послѣднія служили для переѣзда черезъ опасные мосты, спуски съ горъ и т. п., когда грязь препятствовала это дѣлать пѣшкомъ.

Дорогою ѣхали не торопясь. Когда путь лежалъ подъ изволокъ, лошадей пускали небольшою рысью: но если дорога хоть чуть поднималась въ гору, мы ѣхали непремѣнно шагомъ. При проѣздѣ черезъ лѣса намъ позволяли выйти изъ кареты и, идя пѣшкомъ, заниматься собираніемъ по дорогѣ цвѣтовъ и ягодъ.

Когда пріѣзжали на станцію, насъ ожидалъ уже обѣдъ или ужинъ, смотря по времени, въ какое мы останавливались, въ раскинутой за селеніемъ палаткѣ съ накрытымъ столомъ и скамьями. Вокругъ помѣщались экипажи, служившіе намъ спальнею, а лошадей отводили на постоялый дворъ. Нерѣдко, если мѣстоположеніе было живописно и нравилось отцу, мы оставались ночевать тамъ, гдѣ обѣдали и даже обѣдали тамъ и выѣзжали уже на другой день, чтобы ночевать на слѣдующей станціи. Такимъ образомъ не удивительно, что путешествіе наше до Задонска продолжалось не менѣе недѣли. Послѣдняя остановка къ монастырю всегда была въ селѣ Кожинѣ, за 7 верстъ отъ Задонска. Тутъ мы ночевали и на другой день, какъ ни торопились, чтобы выѣхать до жаровъ, никогда не выѣзжали прежде 10 часовъ утра. Эти 7 верстъ мы дѣлали пѣшкомъ, по песчаной дорогѣ, идущей вдоль Дона, который, опушенный зелеными кустами ракитника, вился голубою лентою по песчаному ложу и холоднымъ дыханіемъ влажной груди освѣжалъ начинавшій раскаляться воздухъ. Не должно думать, чтобы это пѣшее путешествіе совершалось изъ благочестивыхъ побужденій; мы не са-

Библиотека "Руниверс"

дились въ экипажи изъ опасности, которая представлялась намъ при ѣздѣ близъ крутоватаго берега Дона, отъ дороги саженяхъ въ двадцати.

Приблизясь къ городу, мы обыкновенно отдыхали у больницы, выстроенной при колодезѣ, ископанномъ руками преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго. Отсюда мы садились въ кареты и отправлялись въ монастырь.

Здѣсь помѣщались мы въ гостинницѣ, устроенной внутри самого монастыря и жили обыкновенно недѣлю. Въ теченіи этого времени мы вели совершенно монастырскую жизнь, присутствуя при всѣхъ богослуженіяхъ и сверхъ того нерѣдко заказывая особенные молебны и всенощныя. Непремѣннымъ долгомъ отецъ считалъ отслужить панихиды по преосвященномъ Тихонѣ, схимонахѣ Митрофанѣ и на могилѣ своего брата.

Задонскій монастырь пользуется особымъ уваженіемъ въ краѣ. Въ немъ жилъ на покоѣ и скончался преосвященный Тихонъ, извѣстный своими богословскими и въ особенности нравственно-христіанскими сочиненіями: онъ еще болѣе чѣмъ книгами назидалъ братію и окрестныхъ жителей практическимъ примѣромъ благочестивой и подвижнической жизни. Онъ погребенъ въ склепѣ подъ соборною церковью, въ особой палаткѣ, и могила его доселѣ посѣщается многочисленными его почитателями.

Когда мы пріѣзжали въ монастырь, то обыкновенно находили небольшой дворъ его, застроенный нагробными памятниками, наполненнымъ усердными богомольцами, пришедшими изъ разныхъ мѣстъ отдать долгъ уваженія памяти всѣми чтимаго архипастыря. Между ними бывало множество больныхъ и бѣснующихся, по большей части женщинъ: первыя со смиренною вѣрою притекали къ усердной молитвѣ: вторыя, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, оглашали воздухъ пронзительными криками. И все это происходило между могилъ, окружающихъ входъ въ палатку преосвященнаго Тихона, куда влекли ихъ для заклинаній. Въ палаткѣ, находящейся подъ церковью и слабо освѣщаемой свѣтомъ изъ небольшихъ оконъ и отъ свѣчъ, теплящихся передъ образами, находится гробъ преосвященнаго. На каменномъ саркофагѣ его лежитъ серебряная вызолоченная доска съ рельефнымъ во весь ростъ изображеніемъ усопшаго. При невѣрномъ мерцаніи свѣта, при переливахъ кадильнаго дыма едва можно было видѣть престарѣлаго монаха, съ епитрахилью

Библиотека "Руниверс"

на груди, однозвучнымъ голосомъ читавшаго заклинательныя молитвы: передъ нимъ стояла, преклонясь, бѣснующая, удерживаемая нѣсколькими человѣками, и по временамъ пронзительно кричала. Все это такъ сильно поражало меня, что я и теперь какъ будто вижу эту картину.

Между иноками монастыря были тогда многіе благочестивые подвижники, память которыхъ нынѣ всѣми уважается, и еще жили люди, лично знавшіе епископа Тихона. Между первыми были схимонахъ Агапитъ, затворническимъ житіемъ и строгимъ иноческимъ подвигомъ стяжавшій и при жизни всеобщее уваженіе, и Георгій, тогда еще юный послушникъ, въ послѣдствіи строгій затворникъ и подвижникъ, а по смерти украшеніе и честь Задонскаго монастыря. Благочестивая жизнь и нравственные афоризмы его извѣстны многочисленнымъ почитателямъ его памяти, изъ особо изданной о немъ книжки. Я видѣлъ его лично. Въ мое время онъ только что вступилъ въ монастырь. Онъ былъ молодой человѣкъ средняго роста и имѣлъ правильныя черты лица. Физіономія его выражала глубокое смиреніе и грусть, а блѣдное лицо только что начинало обростать запущенною русою бородою и длиннѣющими волосами. Въ это время онъ несъ послушаніе промѣна свѣчъ и тогда уже, при самомъ началѣ подвига своего, обрекъ себя на молчаніе. Мы особенно были знакомы съ Никандромъ Алексѣевичемъ Бехтѣевымъ, который былъ другенъ съ преосвященнымъ Тихономъ и послѣ кончины не хотѣлъ разстаться съ могилою праведника. Онъ оставилъ міръ и „вся яже въ мірѣ“ и навсегда поселился въ монастырѣ, на стражѣ святаго своего друга, не произнося впрочемъ монашескихъ обѣтовъ. Теперь около 30 лѣтъ, что и его уже нѣтъ на свѣтѣ, и тѣло его покоится въ этомъ же монастырѣ.

Время между монастырскихъ богослуженій посвящалось на посѣщеніе этихъ почтенныхъ старцевъ и на пріемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ у себя. За два дня до нашего отъѣзда отецъ обыкновенно давалъ обѣдъ, на который приглашалъ архимандрита, казначея и другихъ соборныхъ старцевъ; а на другой день дѣлалось такое же угощеніе всей братіи манатейной и рясофорной. Напослѣдокъ, одѣливъ ихъ по древнему Русскому обычаю милостынею, мы выѣзжали изъ Задонска и черезъ недѣлю были дома.

Въ началѣ этой автобіографіи я сказалъ, что сношенія отца моего съ своими людьми были чисто-патріархальными. Такъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ крестьянской жизни мы принимали непремѣнное участіе. Родится ли у крестьянина ребенокъ, воспріемниками бывалъ кто либо

Библиотека "Руниверс"

изъ насъ. Случалась ли свадьба, мы должны были посѣтить дѣвишникъ: такъ называется вечеринка наканунѣ свадьбы, которую невѣста даетъ своимъ бывшимъ подругамъ. Наброшу краткій очеркъ этого обряда. Въ избѣ у невѣсты накрывался большой столъ, на которомъ ставили разныя заѣдки, пряники, кренделя, орѣхи. Въ переднемъ мѣстѣ на коникѣ садились обрученные; подлѣ нихъ на лавкѣ мой отецъ, мать и всѣ мы. Пока намъ подносили домашнее пиво (брагу), подруги невѣсты, помѣщавшіяся въ углу избы, на кутникѣ, громкимъ голосомъ пѣли свадебныя пѣсни, въ коихъ поименно величали то жениха и невѣсту, то насъ, по очереди начиная со старшихъ. Послѣ каждой пѣсни тотъ изъ насъ, въ честь котораго она пѣлась, дарилъ пѣвицъ деньгами. Между тѣмъ мы должны были непремѣнно хоть отвѣдать пива, ибо отказъ принимался за обиду. При этомъ обыкновенно замѣчалось, что пиво или горько, или кисло, и всякій разъ женихъ услаждалъ его поцѣлуемъ невѣсты, которая краснѣла, и я помню, что, дѣлая эти „непремѣнныя“ замѣчанія, я краснѣлъ въ свою очередь, потому что мнѣ казалось, что я былъ причиною ея замѣшательства.

На другой день послѣ свадьбы молодые являлись къ намъ „на поклонъ“ и приносили „дары“. Дружка (шаферъ) снова потчивалъ пивомъ, причемъ повторялись опять тѣже замѣчанія, а новобрачная подносила каждому „ширинку“, т. е. полотенце изъ домашняго полотна, обшитое по концамъ краснымъ кумачемъ и кружевомъ изъ бѣлыхъ нитокъ и разноцвѣтнаго шелка. Эти ширинки приготовляются крестьянками до замужества и, свидѣтельствуя о „досужествѣ“ невѣсты, составляютъ главную статью приданаго, потому что, подносимыя въ даръ, онѣ обращаются въ наличныя деньги, которыми обыкновенно „отдариваютъ“ молодую.

Говоря объ этихъ деревенскихъ обычаяхъ, я не могу не упомянуть о „проценомъ днѣ“: такъ называется Воскресенье наканунѣ Великаго поста. Въ этотъ день послѣ обѣдни обыкновенно приходили къ отцу *всѣ* хозяева крестьянскихъ домовъ „проститься“ передъ постомъ. Вступая въ недѣлю покаянія и готовясь говѣть, они просили прощенія въ невольныхъ или умышленныхъ проступкахъ. Отецъ цѣловался съ каждымъ и взаимно просилъ прощенія у нихъ. Сознавая, что это былъ только обычай, изстари у насъ укоренившійся, я долженъ однакоже сказать, что со стороны отца въ этотъ день отпускались дѣйствительные проступки крестьянъ и прощались нѣкоторыя вины; въ этомъ-то, по мнѣнію моему, заключается та добрая практическая сторона, которую завѣщали намъ предки въ своихъ преданіяхъ. Великій постъ и начи-

Библиотека "Руниверс"

нался, и оканчивался взаимнымъ привѣтствіемъ: цѣловались при „прощаньи“, и цѣловались при „христосованіи“ въ день Пасхи. Оба эти обычая ведутъ начало свое изъ самой глубокой христіанской древности, когда цѣлованіе мира (osculum pacis), нынѣ сохранившееся лишь при церковныхъ обрядахъ, было во всеобщемъ употребленіи между Христіанами.

Между тѣмъ старшій изъ моихъ братьевъ кончилъ курсъ домашняго воспитанія и приготовлялся поступить на службу. Родители мои, никогда еще не разлучавшіеся съ нами, долго готовились къ этой жертвѣ, чувствительной для ихъ сердца. Братъ долженъ былъ вступить въ военную службу: о статской, какъ несогласной съ достоинствомъ дворянина, никому изъ насъ не могло даже придти въ голову. Все было готово къ отъѣзду. Отслужили напутный молебенъ, снабдили брата письмами къ Московскимъ родственникамъ и отправили въ Москву для поступленія въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, бригаднымъ командиромъ котораго былъ родственникъ нашъ генералъ Ш.: ему порученъ былъ надзоръ за нравственнымъ поведеніемъ брата.

Мое воспитаніе продолжалось дома. Мнѣ было тогда 14 лѣтъ и хотя я умѣлъ читать по французски и по нѣмецки, но не понималъ на нихъ ни одного слова. За то я прочелъ весь кругъ церковныхъ книгъ, коротко былъ знакомъ съ прологами, синаксарями, чети-минеями: зналъ Славянскіе переводы Златоуста, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Лѣствичника и другихъ великихъ свѣтилъ нашей церкви. Церковно-славянскій языкъ знакомъ мнѣ былъ въ совершенствѣ, а уставъ богослуженій и чинъ церковный я зналъ не хуже дьячка. Такимъ образомъ самое первоначальное воспитаніе мое было чисто-народное. Знакомы мнѣ были авторитеты нравственной жизни народа, а практическую его жизнь я видѣлъ ежедневно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ братъ пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ. Не буду описывать общей радости: мы на него не могли наглядѣться. Вскорѣ послѣ пріѣхали къ намъ изъ Москвы двое изъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ, которые, подружась съ братомъ въ Москвѣ, черезъ него хотѣли познакомиться съ дядею.

Это были молодые люди. Одинъ только что вышедшій въ отставку изъ военной службы, а другой недавно женившійся и бывшій тогда камеръ-юнкеромъ. Оба они были красивой наружности и носили щегольское платье, какого мы до того времени не видывали. На одномъ былъ

Библиотека "Руниверс"

свѣтло-голубого цвѣта фракъ, съ перламутровыми, украшенными бронзою, пуговицами, планшевые панталоны въ сапоги à l'écuyère, а другой, при зеленомъ съ искорками фракѣ, носилъ бѣлые панталоны и цвѣтной галстукъ. Я полюбилъ ихъ отъ всей души, и они были чрезвычайно ласковы; но меня крайне конфузили ихъ Французскія фразы.

Пріѣздъ ихъ къ намъ произвелъ важную перемѣну въ нашей жизни. Они уговорили оставить деревню и поселиться въ Москвѣ. Старикъ никогда бы не согласился разстаться съ деревнею, гдѣ провелъ столько счастливыхъ годовъ, если бы не нѣжность къ старшему моему брату. Чтобы не разставаться съ нимъ, онъ рѣшился ѣхать въ Москву. Для насъ это была чрезвычайная радость.

Этимъ заключаю я первый періодъ моего жизнеописанія. Періодъ жизни деревенской, чуждой столичнаго шума и развлеченій и тѣсно связанной съ народными нашими элементами. Читатель (если читатель найдется) замѣтитъ изъ этого краткаго и бѣглаго очерка описанной мною эпохи, что въ ней совершился окончательный переходъ отъ нравовъ старинной Русской жизни къ нововведеннымъ обычаямъ общеевропейскимъ. Весь образъ жизни нашего семейства, наши занятія, наши привычки истекали изъ древне-Русской жизни и, быть можетъ, досягали Руси даже до-Петровской; ей приписываю я ту церковную привязанность, которою была запечатлѣна жизнь моего отца и тѣ связи, которыя существовали у него съ крестьянами; къ ней же отношу и женскія рукодѣлія матери. Вышиваніе подушекъ и картинъ, которыми иногда занимаются нынѣ наши дамы, пришло къ намъ изъ чужбины: это доказываютъ даже ихъ узоры, получаемые изъ Берлина; но вышиваніе церковныхъ облаченій было любимымъ занятіемъ нашихъ великихъ княгинь и княженъ, начиная съ самаго перваго періода и до царевны Софіи. Всѣ эти мелочи, нынѣ уже не существующія, я нахожу не совершенно лишенными занимательности, тѣмъ болѣе, что онѣ уже часъ отъ часа изглаживаются изъ памяти.

Когда мы взглянемъ на состояніе современнаго нашего общества, на постепенную потерю оригинальнаго характера, который оно должно же имѣть отъ своей народности, мы поневолѣ сознаемся, что, не смотря на постоянныя завоеванія, которыми со времени Петра Великаго Россія увеличилась на 75 т. кв. миль въ своемъ пространствѣ, она не менѣе постоянно завоевывалась Нѣмецкими нравами и понятіями, которыя стремились къ намъ съ Запада. Сожалѣя о потерѣ нашимъ обществомъ

Библиотека "Руниверс"

національнаго своего типа, я отнюдь не объявляю себя врагомъ успѣха; напротивъ, я радуюсь, если мы усвояемъ себѣ плоды современной науки, потому что наука и просвѣщеніе принадлежатъ всему человѣчеству. Заимствуйте все полезное, все общечеловѣческое, начиная отъ желѣзныхъ дорогъ до Гамбсовскаго кресла; но не принимайте ничего Нѣмецкаго, Французскаго или Англійскаго только потому, что оно Англійское, Французское или Нѣмецкое: оно именно хорошо исключительно для каждаго изъ этихъ народовъ отдѣльно, а можетъ быть вредно или непригодно для другихъ.

Мнѣ было лестно и отмѣнно пріятно познакомиться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ. Старикомъ онъ жилъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ старой монастырской гостинницы, съ достойнѣйшею супругою своею и мальчикомъ-сыномъ Сергіемъ, при которомъ былъ наставникомъ юноша Звѣревъ, нынѣ достопочтенный протоіерей Степанъ Ивановичъ, настоятель церкви въ Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, столь успѣшно дѣйствующій въ Воронежской Ученой Коммиссіи. Бесѣда графа Дмитрія Николаевича была для меня занимательна и поучительна. Онъ былъ человѣкъ многосторонняго образованія и житейской опытности. Его нерѣдко посѣщали профессора Московской Духовной Академіи, а извѣстная устроительница „Дома Призрѣнія“ Елисавета Степановна Кроткова оживляла собесѣдниковъ своимъ остроуміемъ. Безпрестрасный хозяинъ держалъ середину между нею и архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ); но особенно друженъ онъ былъ съ графомъ М. Д. Бутурлинымъ. Письма къ нему помѣщены выше, стр. 148—160. Они дополняются нижеслѣдующими. П. Б.

Письма графа Д. Н. Толстаго къ графу М. Д. Бутурлину.

Рязань, 4 Авг. 1869 г.

Зная любовь вашу, искренне любимый и уважаемый графъ, къ святой Церкви и вѣря дружескому вниманію вашему ко мнѣ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ предложеніемъ сопутствовать мнѣ въ Римъ, куда мнѣ желательно бы ѣхать въ началѣ Октября и пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ продолженіи Собора*). Нѣтъ сомнѣнія, что событіе это, столь важное въ исторіи Западной церкви, не лишено значенія и для христіанъ Востока, и я увѣренъ, что оно интересуетъ васъ не менѣе меня. Мнѣ хочется выѣхать за долго до открытія Собора, чтобы имѣть возможность и время установить нѣкоторыя знакомства и связи, необ-

*) Это соборъ, на которомъ провозглашено было непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ходимыя, чтобы быть бы au courant des affaires du Concile[1]). Ваше содѣйствіе во всемъ этомъ дѣлѣ для меня неоцѣнимо, и согласіе ваше меня обрадовало бы несказанно. Зная, что матерьяльныя ваши средства могли бы быть для сего помѣхою, я уполномоченъ предложить вамъ субсидію отъ 200 до 300 р. въ мѣсяцъ. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта: отъ него будетъ зависить и собственное мое рѣшеніе.

*

С. Толстые, 25 Авг. 1869 г.

Выставленныя вами препятствія, истекающія изъ вашихъ *здѣшнихъ* обстоятельствъ, таковы, что возражать на нихъ я не только не могу, но и не считаю себя въ правѣ. За симъ, что̀ касается до тѣхъ, которыя вы предполагаете *за границей*, то съ ними согласиться не могу. Вы избѣгаете контроверсій, но ихъ и быть не можетъ. Наша миссія была бы совершенно дипломатическою, а вы знаете, что дипломаты не спорятъ. Хоть предполагаемая поѣздка не имѣетъ никакого офиціальнаго характера, со всѣмъ тѣмъ первою задачею было бы установленіе знакомствъ и сношеній съ лицами, болѣе или менѣе близко стоящими къ собранію и пріобрѣтеніе отъ нихъ нѣкоторой довѣренности; какія же тутъ контроверсіи? Ваши родственныя связи, ваше знакомство съ мѣстными языками, наконецъ—ваша привязанность къ Церкви, все это послужило бы мнѣ неоцѣнимымъ пособіемъ для составленія тѣхъ отчетовъ предназначенныхъ къ печати, которые на меня (говорю „на меня“, а не насъ, потому, что вы отказываетесь) возлагаются. Искренно скорблю о неосуществившейся надеждѣ! Со всѣмъ тѣмъ, если уже рѣшеніе ваше неумолимо, обращаюсь къ вамъ съ просьбой не отказать мнѣ въ рекомендаціи къ кому либо, чтобы я могъ удобнѣе и ближе познакомиться съ мѣстнымъ духовенствомъ. Я могу быть представленъ, какъ одинъ изъ любопытныхъ, которыхъ немало пріѣдетъ. Событіе слишкомъ крупное, чтобы не заинтересовать людей, даже равнодушныхъ, а я болѣе или менѣе интересуюсь знать, въ какой мѣрѣ сила убѣжденія присуща Русской церкви? Этотъ вопросъ, такъ поставленный, удаляетъ отъ меня всякія подозрѣнія въ непоколебимости моихъ убѣжденій[2]).

---

[1]) Чтобы знать про ходъ дѣла на Соборѣ.

[2]) Графу Бутурлину, который въ это время уже разорился, тяжело было бы въ Италіи, гдѣ состоялся Соборъ и гдѣ благоденствовалъ его старшій братъ, принявшій католичество. И. Б.

Библиотека "Руниверс"

*

С. Толстые, 14 Сентября 1869 г.

Если поѣздка моя въ Римъ состоится, что̀ еще окончательно не рѣшено, то я утѣшаю себя надеждою, что увижусь съ вами у Дивова[1]), куда непремѣнно заѣду съ этой цѣлью. Я такъ давно не видалъ васъ и такъ искренно люблю, что конечно не откажу себѣ въ этомъ удовольствіи.

С. Калистово[2]) 15 Іюня 1872.

Что̀ вздумалось вамъ, многолюбимый мною графъ, вызывать на свѣтъ Божій такое старьё, какъ открытіе гробницы Пожарскаго? Вѣдь этому минуло уже 20 л., и тогда же все было подробно описано и публиковано. И что̀ вы изъ этого сдѣлаете? Какой редакторъ помѣститъ у себя описаніе происшествія, давно совершившагося, всѣмъ извѣстнаго и всѣми забытаго? Со всѣмъ тѣмъ, какъ вѣрный исполнитель вашихъ порученій, я возвращаю вашу статью съ тѣми дополненіями, какихъ вы требовали. Не взыщите на моемъ многословіи. Мнѣ казалось, что если уже взять какой-нибудь предметъ, то слѣдуетъ обработать его глубже, а не ограничиваться одними поверхностными свѣдѣніями. Да послужитъ моя редакція вашей статьи доказательствомъ моего къ вамъ усердія, истекающаго изъ чувства моей къ вамъ дружбы, преданности и уваженія, съ коими и пребуду навсегда. Дм. Толстой.

Не оставляйте меня безъ извѣстій о себѣ. Вы теперь перелетная птица, и я не прежде могу писать къ вамъ, какъ по полученіи извѣстій о вашемъ мѣстѣ пребыванія, а мое вамъ извѣстно.

*

С. Калистово, 5 Іюня 1872.

Возвратясь вчера отъ Троицы, куда ѣздилъ на праздникъ, я нашелъ письма ваши, искренно любимый графъ. Порученія ваши исполню при первой моей туда поѣздкѣ. Что касается до Петра Сим-ча[3]), то вѣроятно вы уже получили отъ него и вашу съёмку и письмо. Здоровье его пришло въ обычное положеніе, особенно съ тѣхъ поръ какъ переѣхалъ въ свой домъ, гдѣ больше воздуха и спокойствія.

---

[1]) Николай Адріановичъ Дивовъ, по матери своей двоюродный братъ графа Бутурлина. П. Б.

[2]) Дача Прокоповича-Антонскаго, между станціями Талицами и Хотьковымъ. П. Б.

[3]) П. С. Казанскій, профессоръ Русской исторіи въ Московской Духовной Академіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

„Р. Архивъ“ получается мною въ Данковѣ; его читаютъ мои сестры, но я выпишу его къ себѣ для переплета и съ удовольствіемъ прочту указанныя вами статьи.

Николай Ивановичъ Надеждинъ, магистръ Московской Духовной Академіи, началъ свою дѣятельность воспитателемъ въ домѣ Самариныхъ, родителей извѣстнаго вамъ Юрія Ѳедоровича. Литературное поприще начато имъ въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся Мих. Трофим. Каченовскимъ, гдѣ онъ преимущественно работалъ по части Русской Исторіи и Археологіи. Потомъ онъ былъ издателемъ „Телескопа“ и за помѣщеніе въ немъ извѣстной статьи Чаадаева былъ высланъ, кажется, въ Усть-Сысольскъ. Въ послѣдствіи Левъ Алексѣевичъ Перовскій, отыскивавшій способныхъ людей въ ссылкѣ и въ крѣпости, взялъ его къ себѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Здѣсь онъ занимался изслѣдованіемъ всѣхъ видовъ раскола и написалъ книгу о скопцахъ, изданную Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ рисунками, въ числѣ 50 экз. Другія статьи его о расколѣ, а также и эту книгу перепечаталъ Кельсіевъ и издалъ въ Лондонѣ въ вольной Русской типографіи Трюбнера. Для изслѣдованія раскольничьихъ дѣлъ Надеждинъ ѣздилъ заграницу и былъ въ Бѣлой Криницѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей Географич. Общества и, если не ошибаюсь, предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла: по крайней мѣрѣ онъ много работалъ по этой части, труды его печатались въ изданіяхъ общества. Вообще, сколько я знаю, онъ не оставилъ ни одного самостоятельнаго труда, но во многихъ помѣщенныхъ имъ въ разныхъ изданіяхъ статьяхъ видѣнъ острый и основательный умъ, большая ученость и талантливость.

Вотъ вамъ бѣглыя свѣдѣнія о Надеждинѣ.

Вопросъ предложенный вами въ открытомъ письмѣ о Болгарской церкви гораздо труднѣе. Отвѣчать на него бѣгло нельзя. Запутавшіяся отношенія между Греками и Болгарами по всей вѣроятности потребуютъ собора. Какой онъ будетъ, вселенскій или помѣстный, рѣшить трудно, особенно изъ Калистова. Вѣроятнѣе послѣдній, и въ такомъ случаѣ вѣроятно окончится въ пользу Грековъ, потому что большинство или, лучше сказать, и весь соборъ будетъ изъ нихъ же. Предусмотрѣть всѣ послѣдствія распри невозможно, но несомнѣнно, что она угрожаетъ великими опасностями всему Православію и требуетъ особенной попечительности и благоразумія со стороны всѣхъ самостоятельныхъ церквей. Лично я вѣрую, что Церковь Православная, яко содержащая и хранящая истину, не погибнетъ, и врата адовы не одолѣютъ ей, ибо съ нею пребываетъ и пребудетъ самъ Христосъ до скончанія вѣка: это

Библиотека "Руниверс"

Его слова, а небо и земля прейдутъ, слова же Его не имутъ прейдти. Думаю, что вопросъ вашъ истекаетъ не изъ простого любопытства, а изъ источника болѣе серьезнаго. Въ такомъ случаѣ нужно только убѣжденіе, что слова Господни о Церкви относятся именно къ нашей церкви, а не къ другимъ. Для сего было бы достаточно простой вѣры: но по милости Божіей мы имѣемъ къ тому и другія историческія и несомнѣнныя доказательства. Вы, конечно, не потребуете ихъ въ краткомъ письмѣ, предѣлы котораго слишкомъ ограничены, а доказательства обильны, требуютъ и труда и времени. Впрочемъ вы сами хорошо ихъ знаете, а извѣстное мнѣ ваше благочестіе и преданность къ Церкви удостовѣряютъ, что съ помощью благодати Божіей вы никогда не усумнитесь въ ея истинѣ. „Держи еже имаши, и дамъ ти вѣнецъ живота“.

Прощайте, добрый и любимый графъ. Благодарю васъ за вашу дружбу и молюсь за васъ; молитесь и вы за меня: молитвы мнѣ нужны.

8 Марта 1872 г. (Сергіевъ посадъ).

Вотъ въ какомъ видѣ сохранился въ моей памяти эпизодъ изъ моего Калужскаго губернаторства *), о коемъ вы меня спрашиваете.

Въ то время, когда разработывался въ Россіи такъ называвшійся крестьянскій вопросъ и когда уже въ большинствѣ губерній возникли губернскіе комитеты, мы въ Калугѣ коснѣли. Вы помните причину; она лежала въ томъ ретроградномъ направленіи, какимъ отличались представители Калужскаго дворянства. Я не настаивалъ, потому что дѣло было уже вообще окончательно рѣшено свыше, и день раньше, день позже тутъ ничего не значило. Правда, многіе изъ моихъ товарищей спѣшили, чтобы выслужиться въ глазахъ Петербурга; но я считалъ, что въ дѣлѣ столь существенной важности поспѣшность и торопливость никуда не годны, тогда какъ опытъ другихъ губерній, особенно при господствовавшемъ въ Калугѣ направленіи, былъ бы не безполезенъ. Между тѣмъ, несмотря на эту медленность или лучше сказать благодаря ей, народная молва объ освобожденіи все усиливалась, но нигдѣ не выходила изъ границъ и ни въ чемъ не нарушала общаго спокойствія и порядка. Равнымъ образомъ и со стороны правительства въ Калугу посылались общія распоряженія его въ видѣ министерскихъ

*) Графъ Толстой, служившій нѣкогда директоромъ департамента полиціи въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ губернаторомъ въ Калугѣ, потомъ (1859) въ Воронежѣ (гдѣ оцѣнилъ поэта Никитина). Къ какому времени относится его Рязанское губернаторство, точно не знаемъ; кажется, раньше Калуги. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

циркуляровъ. Не помню, вслѣдствіе ли этихъ циркуляровъ, или по собственной моей иниціативѣ, я просилъ губернскаго предводителя извѣстить конфиденціально дворянство, что, въ виду предстоящей реформы, я не могу допустить г.г. помѣщиковъ переносить по произволу крестьянскіе дворы на новыя усадьбы; но такъ какъ, ограждая крестьянъ, я въ тоже время абсолютнымъ запрещеніемъ нарушалъ бы права душевладѣльцевъ, то я просилъ, чтобы, въ случаѣ необходимой надобности въ перенесеніи, г.г. помѣщики предварительно совѣщались о томъ со мною вмѣстѣ съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ. Мнѣ удалось получить на это согласіе Н. С. Щукина.

Въ Августѣ 1858 г. молодой Медынскій помѣщикъ г. Полтевъ пріѣхалъ изъ Москвы въ свое имѣніе и не захотѣлъ подчиниться этой мѣрѣ. Онъ по собственному усмотрѣнію приказалъ своимъ крестьянамъ переносить дворы на другое мѣсто. Крестьяне отказались. Справедливость требуетъ сказать, что г. Полтевъ, показавшійся мнѣ вообще человѣкомъ весьма порядочнымъ, указалъ имъ мѣстность удобную и не лишенную всѣхъ нужныхъ для нихъ угодій, и крестьяне, конечно, не воспротивились бы, если бы не усомнились въ самомъ правѣ помѣщика на принятую имъ мѣру. Между тѣмъ право это по закону еще всецѣло принадлежало ему, и явное ограниченіе его, особенно при существовавшемъ тогда вообще опасеніи крестьянскихъ безпорядковъ, могло произвести (по крайней мѣрѣ по моему убѣжденію) опасное впечатлѣніе, и уже во всякомъ случаѣ было бы съ моей стороны противозаконнымъ нарушеніемъ помѣщичьяго права. Положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что земская полиція, по приглашенію уѣзднаго предводителя, уже оказала содѣйствіе помѣщику, но крестьяне прямо отказались исполнить и ея требованія. Дѣло, какъ видите, измѣнилось по существу: ослушаніе оказывается уже не помѣщичьей, а правительственной власти, и примѣръ дѣлается опаснымъ. Я поручалъ предводителю Гончарову*) лично и отъ моего имени внушить крестьянамъ необходимость повиновенія: все было напрасно, и они продолжали упрямствовать. Оставалось ѣхать самому, но и мои продолжительныя увѣщанія не имѣли успѣха. Пришлось прибѣгнуть къ розгамъ. Началось сѣченіе, и хотя я секретно далъ приказаніе исправнику сѣчь легче, со всѣмъ тѣмъ, я не могъ присутствовать при этой экзекуціи и послѣ первыхъ ударовъ удалился, оставляя при наказаніи Гончарова, котораго также просилъ о снисхожденіи. Послѣ двухъ-трехъ первыхъ жертвъ, крестьяне подчинились силѣ, и Гончаровъ пришелъ сказать мнѣ объ

*) Дмитрію Николаевичу, владѣльцу Полотняныхъ заводовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

этомъ. Я сказалъ ему, что присутствую при экзекуціи въ послѣдній разъ. „Дай Богъ!“ отвѣчалъ онъ. „Это навѣрное, сказалъ я, потому что завтра же подамъ въ отставку“. Вы знаете, что я такъ и сдѣлалъ, но въ цитованныхъ вами моихъ словахъ есть ошибка. Вы пишете, что я сказалъ вамъ, что „въ душѣ не могу считать крестьянъ виновными, потому что обхожденіе съ ними ихъ владѣльца превзошло мѣру ихъ терпѣнія“.. Я не могъ сказать этого, ибо здѣсь не было злодѣйства, а была только глупость, или, если хотите, неловкость.

Вотъ какъ мнѣ помнится это дѣло.

Перехожу ко 2-му вопросу. Не въ лѣтописи, а въ „Кормчей“ изданной при Никонѣ, въ началѣ книги помѣщена статья подъ заглавіемъ (цитую на память): „Сказаніе извѣстно како святіи вселенстіи патріарси папу Римскаго отъ своея любве и своего духовнаго союза извергоша и како своего патріаршескаго постановленія отъ него не востребоваша“. Таково, или почти таково заглавіе, могущее дать поводъ къ подозрѣнію, не утверждалъ ли папа патріарховъ въ ихъ званіи? Слово это впрочемъ могло выражать и церковное общеніе или посылку извѣстительныхъ грамотъ о вступленіи на каѳедру, что вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса слѣдуетъ читать въ самой статьѣ, а не въ заглавіи.

По третьему вопросу о Пальмерѣ вотъ что пишетъ Муравьевъ въ кн. „Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М... Кіевъ 1869“, на стр. 122: Англійскій дьяконъ Пальмеръ, будучи представителемъ новаго религіознаго общества Пюзеитовъ, возникшаго въ Оксфордѣ, съ цѣлію возобновить древніе порядки церковные и искать союза съ Востокомъ, два раза пріѣзжалъ съ весьма странными предложеніями въ Спб.. Онъ хотѣлъ, чтобы въ лицѣ его наша церковь признала православіе Англійской и, разумѣется, былъ отвергнутъ. Впослѣдствіи съ тѣми же предложеніями обращался онъ къ Восточнымъ патріархамъ и кончилъ присоединеніемъ къ Риму. На сихъ дняхъ Пальмеръ былъ опять въ Кіевѣ уже безъ всякой цѣли (?), но какъ самый ревностный Католикъ. А митрополитъ спрашивалъ о немъ словами: „Пальмеръ, говорятъ, вновь въ Петербургѣ. Любопытно, чего еще онъ домогается и съ какимъ успѣхомъ?“

Посылаю письмо, изготовленное мною прежде полученія вашего. Прошу исполнить новыя мои просьбы, записать меня въ число миссіонеровъ общества и потомъ вытребовать отъ меня деньги, сколько не достанетъ.

Tuus ex animo Д. Толстой.

Библиотека "Руниверс"

*

Сергіевъ посадъ. 13 Іюня 1873.

Глубоко и сердечно сочувствую я горю посѣтившему васъ, добрѣйшій другъ мой, но вмѣстѣ и радуюсь, что приняли вы этотъ ударъ съ безропотною покорностію волѣ небеснаго нашего Отца. Который ведетъ насъ непостижимыми для ума нашего средствами къ несомнѣнной цѣли—нашему вѣчному благу. Для ума нашего непонятно: зачѣмъ бить того, кого любишь? а вѣра отвѣчаетъ, что Господь „біетъ всякаго сына, его же пріемлетъ"; а если нѣтъ, то прибавляетъ „убо не сынъ Ему еси, но прелюбодѣйчищъ". Кто же не предпочтетъ быть законнымъ сыномъ?

Я сказалъ эти нѣсколько словъ не для того, чтобы утѣшать васъ: утѣшеніе не приходитъ извнѣ, и источникъ его въ насъ самихъ, если мы умѣемъ покорять нашу волю волѣ Божіей, которая, по самому свойству своему, дурною быть не можетъ. Не мнѣ учить васъ этой покорности; вы уже явили собою такіе ея опыты, что я смѣло вѣрю, что посланное вамъ нынѣ искушеніе не заставитъ васъ потерять уже пріобрѣтенные плоды ея: „держи, еже имаши, получити вѣнецъ".

Обращаясь къ практической сторонѣ дѣла, скажу, что изъ двухъ способовъ, о которыхъ вы намекнули (залогъ земли и выкупъ) мнѣ кажется, что послѣдній былъ бы удобнѣе, если бы могъ совершиться скоро. Конечно съ нимъ теряется капитальная часть имѣнія, но за то не связывается будущая распорядительность ежегодными взносами, всегда зависящими отъ случайности и слѣдовательно подвергающими ей и все имѣніе. Мнѣ кажется лучшимъ имѣть меньшій доходъ, но не подвергать опасности капитала. Но все это вы, зная лучше меня всѣ силы вашихъ средствъ, лучше меня и рѣшите. Какъ завидую я теперь людямъ богатымъ, которымъ такъ удобно оказывать услуги!

Приписка рукою Бутурлина: Написано по случаю сгорѣвшаго 4 Іюня Знаменскаго*) нашего дома и всей тамъ усадьбы.

*

11 Окт. 1873.

2 Окт. Петръ Сим-чъ совѣтомъ Моск. Духовной Академіи *единогласно* признанъ докторомъ богословія. Этотъ неожиданный для многихъ результатъ, особенно послѣ той сильной интриги, о которой вамъ извѣстно, остается для меня и доселѣ необъяснимымъ. Его можно при-

*) Въ Знаменскомъ, близъ города Тарусы, жили супруга графа Бутурлина (рожд. Нарышкина) и сынъ ихъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

писывать многимъ причинамъ: неудовольствію, выраженному по поводу не состоявшагося прежде диспута, въ указѣ Синода, предсѣдательству на сей разъ въ Академіи викарнаго епископа, настойчивости диспутанта, и наконецъ—главнѣе всего—милости Божіей. Представьте, что наканунѣ праздника Покрова Пресв. Богородицы Петръ Сим-чъ, выходя отъ всенощной, простудился. Наканунѣ своего диспута онъ былъ серьёзно боленъ, и къ этому еще присоединилась мучительная зубная боль. Я былъ почти увѣренъ, что если первый диспутъ не состоялся по притворной болѣзни членовъ Совѣта, то этотъ не состоится за дѣйствительною болѣзнію самого диспутанта. Но онъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи, и въ самый день диспута, когда домашніе его боялись, что онъ не удержится на ногахъ, онъ явился на каѳедру. Самъ онъ послѣ говорилъ мнѣ, что боялся, что не выстоитъ на ногахъ и глазами искалъ, гдѣ бы прочнѣе примоститься, и что же? Едва начались пренія, какъ онъ оживился, зубной боли какъ не бывало, кашель пропалъ и—какъ говоритъ онъ — чувствовалъ себя въ силахъ простоять на каѳедрѣ еще два часа долѣе...

Горячее сочувствіе студентовъ, выразившееся единодушными рукоплесканіями, и успѣхъ самаго дѣла, благопріятно подѣйствовали на нашего друга. Хотя, послѣ диспута, онъ прохворалъ дня три, но теперь здоровъ, спокоенъ и веселъ. Удручавшая забота свалилась долой, и облегченный отъ этого бремени, онъ вполнѣ благодушествуетъ.

*

Сергіевъ посадъ, 5 Дек. 1873.

Трудъ вашъ*) подвигается, говорите вы. Дай Богъ успѣха, и главное чтобъ вы въ самомъ дѣлѣ не проработали на Прусскаго короля. Это было бы крайне досадно. Я не думаю, чтобы коварный Альбіонъ остался совершенно равнодушенъ къ типическому Русскому сочиненію, особенно въ настоящее время, когда Русская великая княжна становится Англійскою княгинею. Какъ ни говорите, если въ наше время подобные союзы не могутъ имѣть политическаго значенія, все же они должны пробуждать въ націяхъ желаніе взаимнаго ознакомленія. Будетъ ли на вашемъ трудѣ выставлено имя переводчика? Если да, то не посвятить ли переводъ ея высочеству? Подумайте объ этомъ: галантерія такого рода обыкновенно вознаграждается орденомъ или подаркомъ, а

*) Это переводъ на Англійскій языкъ повѣсти П. И. Мельникова „Въ лѣсахъ“. Онъ, кажется, не былъ напечатанъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ у Англичанъ нѣтъ по счастію такихъ обыденныхъ орденовъ, какъ у насъ, то вѣроятно вы получите подарокъ, чего я и желаю.

Вы привели мнѣ на память эпизодъ изъ моей блудной жизни, о которомъ я сожалѣю. Это съ моей стороны было дурное дѣло, потому что я никогда не чувствовалъ къ названной особѣ никакого нѣжнаго чувства, она обманулась моимъ ухаживаніемъ и была дѣйствительно ко мнѣ неравнодушна и даже, можетъ быть, больше.... Стихи, о которыхъ вы упоминаете, я такъ же помню; это было подражаніе нашимъ силлабическимъ піитамъ XVII в. на Славянорусскомъ языкѣ; оно носило названіе: „Краеграніе“ (акростихъ) и начиналось такъ:

Елижды аще будеши сія читати,
Лестныхъ отнюдь не взыскуй всуе поздравленій,
Иже еси отъ иныхъ обыкла пріимати:
Зане чуждъ есмь азъ.... и проч.

далѣе не помню. Очень бы я радъ былъ, чтобы она простила мнѣ мое поведеніе, въ которомъ я искренне раскаиваюсь.....

О Чаадаевѣ я раздѣляю ваше мнѣніе. Что касается до любопытной статьи архіепископа Антонія, которую я знаю, то позвольте мнѣ несовсѣмъ согласиться съ вами. Если худо, что у насъ нѣчто почерпаютъ изъ Перроне́, то нельзя радоваться и Макарію, который не чуждъ того же источника. Статей Ѳеоктистова я не читалъ, но Жобара зналъ лично. Это былъ человѣкъ истинно ученый и замѣчательно энергическій. Жаль только, что, выведенный изъ терпѣнія несправедливостію, онъ растратилъ эту энергію на безплодную борьбу съ личностями. Уварову прислалъ онъ свой переводъ оды Пушкина къ Лукуллу, при письмѣ, что онъ пошлетъ этотъ переводъ къ своему родному брату, издателю или редактору газеты: „Indépendance“, „avec quelques commentaires pour l'intelligence du texte“, прибавилъ онъ. У меня была цѣлая толстая тетрадь, писанная его рукою о его похожденіяхъ. Послѣднее, что́ я получилъ отъ него, была его визитная карточка: „Le professeur Jobard, chassé de Russie. p. p. c.“. Удивительный и несчастный чудакъ!

Вашъ степной чудакъ меня не удивляетъ. Сто́итъ только осмотрѣться вокругъ, и вы не замедлите увидѣть множество такихъ же, только въ формѣ менѣе рѣзкой, и если вы не услышите отъ нашихъ законодателей церковной реформы наивнаго восклицанія: „неужели и

Библиотека "Руниверс"

меня будетъ судить попъ?“, за то васъ серьезно будутъ увѣрять, что Св. Писаніе, апостольскія правила и соборы устарѣли и несовременны, что судебная власть должна непремѣнно быть отнята у архіереевъ (данная имъ Самимъ Господомъ), что бракоразводныя дѣла должны быть переданы въ свѣтскіе суды и т. п.[1]) Странная судьба нашей іерархіи! Петръ соперничалъ съ нею въ честолюбіи: въ знаменитомъ Духовномъ Регламентѣ, говоря о почестяхъ отдаваемыхъ архіерею, сказано: „дѣло убо великое, честь же никаковая“. Нынѣшніе реформаторы позавидовали и власти, и прибавляютъ: „власть же никаковая!“ Профессоръ здѣшней Академіи А. Ѳ. Лавровъ[2]) издалъ на дняхъ превосходный трудъ „О судебной реформѣ въ Русской церкви“. Онъ мнѣ доказалъ не только всю ея антиканоничность, но и разрушеніе единства церковнаго. Я нахожу это истиннымъ подвигомъ съ его стороны, и мнѣ кажется, что со временъ Арсенія Мацѣевича это первый *живой* голосъ, раздавшійся въ защиту правъ церкви[3]).

Вы спрашиваете о намѣстникѣ[4]). Онъ очень слабъ и неизлечимо боленъ старостію: со всѣмъ тѣмъ, не унадаетъ духомъ и доказываетъ собою силу безсмертнаго духа надъ бренною плотію. 4-го этого мѣсяца, т. е. вчера, онъ совершалъ литургію въ больничной церкви Великомученицы Варвары. Во все время службы его держали подъ руки два дьякона, а когда онъ выходилъ съ чашею, то іеромонахъ поддерживалъ св. чашу. О продолженіи его святой и многотрудной жизни мы всѣ здѣсь молимъ, и если Господь продлитъ вѣкъ его за 1 Января, то почему же бывшее ему видѣніе должно сдѣлаться галлюцинаціею? Почему можемъ мы знать цѣль, съ которою Господь послалъ ему это видѣніе и *какъ* оно отразилось на *немъ?* Потому только, что мы, *догадываясь:* что оно есть предвѣстіе близкой кончины, ошиблись, мы готовы признавать его бредомъ; но „кто уразумѣ умъ Господень?“[5])....

---

[1]) Оберъ прокуроромъ Св. Синода былъ въ это время родной племянникъ графа, нѣкогда имъ облагодѣтельствованный графъ Д. А. Толстой. П. Б.

[2]) Впослѣдствіи архіепископъ Литовскій. П. Б.

[3]) Позднѣйшія изслѣдованія доказали, что для Арсенія Мацѣевича защита правъ церкви была только предлогомъ для проявленій личной разнузданности и политическихъ замысловъ. П. Б.

[4]) Т. е. о знаменитомъ Грузинѣ Антоніи, которымъ въ это время завладѣла Е. С. Кроткова. П. Б.

[5]) За всенощной подъ новый 1873 годъ архимандриту Антонію показался въ алтарѣ умершій секретарь митрополита Филарета до того живо, что онъ покалилъ ему. Видѣніе тотчасъ же исчезло. Антоній принялъ это за предвѣщаніе своей кончины. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вы знаете, что у насъ были августѣйшіе гости; читали также и описаніе пребывавшихъ здѣсь, а потому я описывать всего не стану, а скажу только то, что̀ касается меня лично. Предъ пріѣздомъ Государя я облекся въ полную парадную форму, пробрилъ бороду, сбрилъ усы и отправился съ женою въ соборъ. Мы тамъ видѣли ихъ прекрасно. По окончаніи молебна и по вступленіи Государя съ своими спутниками въ митрополичьи кельи, попалъ и я туда же, но далѣе прихожей пробраться не могъ и остановился у дверей пріемной залы. Встрѣтясь съ *Долгоруким*ъ[1]), я просилъ его представить меня Государю: нельзя. Тотъ же отвѣтъ получилъ я и отъ Пушкина[2]). Грустна была мнѣ эта неудача, мнѣ, который такъ искренно преданъ Царю. Тутъ пришла моя жена[3]) и несмотря на мои слова, что дальше идти нельзя, отправилась прямо въ залу. Я думалъ, что ее прогонятъ, и ждалъ этой минуты. Между тѣмъ, видя, что она спокойно осталась тамъ, я рѣшилъ и самъ войдти и ждать тамъ, что̀ будетъ. Послѣ чая начали всѣ уѣзжать, и Государь въ дорожной шинели вышелъ, чтобы идти въ экипажъ, и проходя мимо меня узналъ меня (мы не видались около 11 л.), подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и удостоилъ нѣсколькихъ словъ. Узнавъ между прочимъ, что я здѣшній житель, онъ сказалъ мнѣ: „Такъ ты совсѣмъ здѣсь поселился? Я этого не зналъ". Да почему же онъ могъ и знать это? Вѣдь я въ перепискѣ съ нимъ не состою, не могъ увѣдомить его о моемъ мѣстопребываніи. На прощанье онъ снова подалъ мнѣ руку.

Сергіевъ посадъ, 17 Янв. 1874.

На замѣчанія ваши о соборѣ 1654 г. позвольте отвѣчать вамъ вкратцѣ. Вы говорите, что „Никонъ не обобщаетъ разностей", вкравшихся въ наши книги его времени, а „перечисляетъ ихъ", и выводите изъ этого, что послѣдующіе соборы не имѣли будто бы права исправлять погрѣшности, Никономъ неуказанныя. Напротивъ того, изъ изданнаго „дѣянія" видно, что переписанныя Никономъ неисправности приведены имъ какъ примѣры, за которыми слѣдуетъ *общая* мысль о необходимости исправленія и другихъ недостатковъ. Это прямо выражено имъ словами: „прошу рѣшенія, новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или Греческимъ и нашимъ старымъ, которыя купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ?" Здѣсь вопросъ несомнѣнно общій. Да если бы его и не было, то я не понимаю, почему бы

[1]) Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ (онъ содѣйствовалъ Е. С. Кротковой въ отобраніи у Лавры большихъ денегъ, чтобы устроить „Домъ призрѣнія", гдѣ она сдѣлалась полною хозяйкою). П. Б.

[2]) Не знаемъ, кто это. Не предводитель ли дворянства Мусинъ-Пушкинъ? П. Б.

[3]) Графиня Евфросинія Ѳедоровна. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

послѣдующіе соборы не имѣли права приступить къ пересмотру невѣрностей, не указанныхъ Никономъ? Цѣль изданія „дѣянія" заключалась въ томъ, чтобы показать, что пресловутый Павелъ Коломенскій былъ во всемъ съ соборомъ согласенъ, что и выразилъ своею подписью, кромѣ поклоновъ (здѣсь разумѣютъ 12 малыхъ, которые у раскольниковъ замѣняются земными), и по моему крайнему разумѣнію эта цѣль вполнѣ достигнута. Много бы я могъ сказать въ подтвержденіе этого, но оставляю до личнаго свиданія за недосугомъ. (Это письмо начато 17 ч.; сегодня 20-е, и я не знаю, успѣю ли кончить).

Перехожу къ мысли о томъ, что клятвы, наложенныя соборомъ 1667 г., не могутъ быть будто бы сняты „не только Платонами и Филаретами, но и Св. Синодомъ". А по моему ихъ имѣетъ право разрѣшить первый приходскій священникъ, къ которому обратится раскольникъ, желающій возвратиться въ церковь, точно также, какъ разрѣшаютъ клятвы, наложенныя вселенскими соборами на всѣ инославныя исповѣданія при присоединеніи къ Православію. Всѣ эти клятвы, и въ томъ числѣ тѣ, о которыхъ вы пишете, наложены условно „дондеже не раскаются". Отступленія отъ ереси или отъ раскола, какъ актъ раскаянія, влечетъ за собою и снятіе клятвы latae sententiae. Объ этомъ никогда не спорили и сами раскольники: но они умышленно увѣряютъ, будто клятвы положены на самые ихъ обряды и книги, а не на мятежъ церковный, назвавшій исправленныя книги, чины и обряды „еретическими и растлѣнными". Они говорятъ, что отдѣлились отъ церкви вслѣдствіе клятвъ, а изъ книжки Субботина мы ясно видимъ, что вожаки ихъ выразились гораздо прежде этихъ клятвъ, называя церковь безблагодатною и даже антихристовою, явившую новую „непоклонническую" ересь, и что расколъ вполнѣ организовался до 1667 г. На этотъ организованный расколъ и произнесъ соборъ этого года отлученіе, освобожденіе отъ котораго легко канонически получить посредствомъ раскаянія и признанія церковной истины. На непокорныхъ же и хулителяхъ Церкви клятва должна пребывать во всей силѣ, и я, вопреки приводимыхъ вами авторитетовъ (магистры Дух. Ак.), не вижу и надобности снимать ихъ.

Вы напрасно думаете, что я желаю представиться Царю изъ видовъ для будущности Сережи*). Я просто желалъ бы его видѣть по личной моей къ нему привязанности, какъ къ личному моему благодѣтелю. Ужели чувство благодарности всегда и вездѣ похвально, кромѣ

*) Т. е. своего единственнаго и тогда малолѣтнаго сына. Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

приложенія его къ Государю? Когда я былъ 9 или 10 лѣтн. ребенкомъ, мать моя подарила мнѣ альбомчикъ, на первой страницѣ котораго написала: „Люби Бога, вѣренъ будь Царю, люби дружески родителей, старшихъ почитай, ко всѣмъ будь ласковъ, къ подданнымъ милостивъ: вотъ тебѣ мое наставленіе“. Въ этомъ наставленіи первое мѣсто принадлежитъ Богу, второе—Царю, родители занимаютъ только третье; другими словами: прежде всего церковь, потомъ государство, а потомъ уже семья. Времена измѣнились, и такое ученіе нынѣ непонятно...

О Святцахъ[1]) я справлялся въ лаврской иконописной и получилъ въ отвѣтъ, что это будетъ стоить „очень дорого и будетъ работаться очень долго.“ Это буквальный отвѣтъ; опредѣльно выразиться не хотѣли, конечно самимъ показалось непрактичнымъ; при этомъ о. Симеонъ рекомендовалъ мнѣ въ Москвѣ, на Никольской ул., на углу Охотнаго ряда лавку купца Василія Матвѣевича Клаповскаго, гдѣ можно найти готовые, много дешевле заказныхъ. А я, съ своей стороны, рекомендую метахроматическіе Святцы, изданные покойникомъ Хрулевымъ съ рисунковъ Солнцева. Правда, они не на двухъ, а чуть ли не на 24 доскахъ, но за то весьма недурные и притомъ чрезвычайно дешевые, чуть ли не 48 р.

Походъ на Дѣвичье Поле дѣйствительно подвигъ, особенно по снѣгу. Я помню, что когда-то, ѣхавъ къ Погодину зимою въ каретѣ, я такъ застрялъ въ снѣгу, что съ трудомъ и не безъ посторонней помощи могъ выкарабкаться.

Мнѣ пріятно было прочесть, что вы довольны свиданіемъ съ Мельниковымъ[2]). Я люблю его: онъ очень даровитый писатель, хотя часто пишущій съ плеча, безъ дальнихъ справокъ. При устныхъ бесѣдахъ съ нимъ не всему слѣдуетъ вѣрить, не потому, чтобы онъ любилъ употреблять красное словцо, но по легкости дѣлаемыхъ имъ выводовъ. Я не разъ говорилъ ему, что онъ недаромъ носитъ фамилію Мельникова: все мелетъ.

Сергіевъ посадъ, 21 Марта 1874.

Грустное извѣстіе, почерпнутое вами *изъ вѣрнаго источника*, сообщили вы мнѣ. Но я надѣюсь во 1-хъ, на Бога, а во 2-хъ, на стойкость Государя, до нынѣ еще вполнѣ неоцѣненную. Вспомните осво-

---

[1]) Святцами называются изображенія нѣсколькихъ святыхъ на одной доскѣ. П. Б.

[2]) Павелъ Ив. Мельниковъ, совопросникъ и борецъ по раскольничьимъ предметамъ (какъ и Ник. Ив. Субботинъ). Примѣчаніе графа Бутурлина.

Библиотека "Руниверс"

божденіе крестьянъ. Сколько было настояній и интригъ, со стороны лицъ весьма вліятельныхъ, какъ напр. кн. Орловъ, а что̀ они сдѣлали? 19 Февраля все-таки наступило, и по милости Божіей праздновано уже 13 разъ! Вы знаете, что я небезусловный сторонникъ произведенныхъ реформъ; многое, и очень многое, нужно бы передѣлать, но къ этому приступить страшно. Покойникъ Даль разсказывалъ мнѣ, что у него въ походѣ сломался тарантасъ, въ полку же нашелся каретникъ. Даль показалъ ему экипажъ и спросилъ: можно ли починить его? Тотъ отвѣчалъ: „Можно, в. в-блгр., да будетъ хуже". Вотъ чего я боюсь и при починкѣ реформъ. Какихъ тамъ найдутъ нотаблей? Не Губониныхъ съ братіею (эти были бы еще туда-сюда), а Шуваловыхъ съ товарищи. Отъ нихъ-то упаси насъ, Боже*).

(Отъ 23 или 24 Марта 1873 года изъ Сергіева Посада).

Пользуюсь отъѣздомъ Николая Сергѣевича, чтобы сказать вамъ, мой добрый другъ, сердечное спасибо за ваше участіе въ моей болѣзни. Я, слава Богу, поправился и вчера впервый разъ вышелъ къ обѣднѣ, гдѣ молился и о васъ. Дай Богъ, чтобы эти строки нашли васъ въ лучшемъ здоровьѣ, а самихъ васъ умоляю беречься и строго исполнять предписанія врача: „береженаго и Богъ бережетъ", говоритъ пословица.

Образъ готовъ, но еще высланъ быть не можетъ. Я еще его не видѣлъ, потому что нигдѣ еще не былъ.

Изъ открытаго вашего письма къ Ник. Сер. вижу, что вы стѣсняетесь вашими средствами, а потому позвольте мнѣ приложить при семъ 25 р., прося васъ возвратить мнѣ ихъ, когда будете имѣть къ тому возможность, сполна или по частямъ, какъ окажется удобнѣе.

На письмо ваше о Златоустѣ и о 4 прав. Сард. собора не отвѣчалъ, потому что это требуетъ не письма, а цѣлаго трактата.

Теперь обращаюсь къ вопросу вашему о кондакѣ, на 8 Сент. Прежде выпишемъ его буквально: **Іѡакі́мъ и҆ а҆́нна поноше́нїѧ безча́дства, и҆ а҆да́мъ и҆ є҆́ва ѿ тли́ сме́ртныѧ свободи́стасѧ, пречⷭ҇таѧ, во ст҃ѣ́мъ рж҃ствѣ твое́мъ, то пра́зднꙋютъ и҆ лю́дїе твои̑, вины̀ прегрѣше́нїй и҆́збавльшесѧ, внегда̀ зба́ти ти̑: непло́ды ражда́етъ бцⷣꙋ и҆ пита́тельницꙋ жи́зни на́шеѧ.** За симъ, несмотря на

*) Грустное извѣстіе, мною переданное графу, было слухъ, что, въ виду несостоятельности всѣхъ реформъ, введенныхъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, Государь склоняется будто бы (по внушенію окружающей его клики) созвать изо всей имперіи собраніе *нотаблей*. Примѣчаніе графа Бутурлина.

Библиотека "Руниверс"

ясность церковнаго перевода, постараемся передать его на современномъ намъ языкѣ: Во святомъ рождествѣ Твоемъ, Пречистая, Іоакимъ и Анна нашли избавленіе отъ поношенія своей бездѣтности, а Адамъ и Ева отъ тлѣнія смерти. Народъ твой, празднуя (этотъ день) и избавляясь отъ причины прегрѣшеній, взываетъ: безплодная рождаетъ Богородицу и питательницу нашей жизни!“ Гдѣ же тутъ безгрѣшное зачатіе? Я не нахожу даже и малѣйшаго намека. При разсмотрѣніи ученія Церкви вообще слѣдуетъ, впрочемъ, всегда различать, что̀ Церковь учитъ и что̀ она воспѣваетъ. Въ первомъ случаѣ она выражается строго и опредѣлительно, не оставляя мѣста къ недоразумѣнію. Во второмъ нерѣдко распростираетъ свои хваленія въ мѣру своего усердія. Такъ всѣ ея пѣсни: тропари, кондаки, стихиры и въ особенности акаѳисты, почти исключительно состоятъ изъ хваленія, въ которыхъ естественно болѣе поэзіи, чѣмъ ученія; исключеніе—сколько мнѣ извѣстно—принадлежитъ Андрею Критскому, который во всѣхъ своихъ „славникахъ“ (стихахъ, которымъ предшествуетъ малое славословіе: „слава Отцу и Сыну и Святому Духу“) какъ въ канонахъ, такъ и въ стихирахъ, одушевлялъ свои поэтическія произведенія строгимъ смысломъ ученія; но за то Церковь и называетъ первые—„троичными“—а послѣдніе „догматическими“ *).

Мнѣніе о непорочномъ зачатіи, родившееся на Западѣ и получившее начало изъ любви и благоговѣнія къ „Честнѣйшей Херувимъ“, заходило и къ намъ. Это мы видимъ между прочимъ изъ приписки, сдѣланной Св. Димитріемъ Ростовскимъ на 9-й день Декабря въ его Чети-минеѣ. Онъ положительно его отрицаетъ. Въ новомъ Римскомъ догматѣ, кромѣ этого заблужденія, есть двѣ погрѣшности, которыя по моему мнѣнію бросаются въ глаза и сами осуждаютъ общество, ихъ принявшее. Во 1-ыхъ, введеніе этого ученія оскорбляетъ ту истину, что всѣ догматы, необходимые для нашего спасенія, во всей своей полнотѣ уже преданы намъ Апостолами. Это до того вѣрно, что св. Павелъ не колеблется предать анаѳемѣ даже ангела съ небеси, если бы таковый явился съ бо́льшимъ (излишнимъ) благовѣствованіемъ

*) Любопытно знать, чтутъ ли Католики Андрея Критскаго и его Канонъ. Когда въ Вѣнѣ умирала наша великая княжна Марія Михайловна, протоіерей тамошней посольской церкви Раевскій поднесъ скорбѣвшей матери Канонъ Андрея Критскаго съ Французскимъ прекраснымъ переводомъ. До того времени великая княгиня Елена Павловна говорила про нашу церковь: c'est la religion des poklonys (вѣра поклоновъ). По кончинѣ же второй своей дочери Елисаветы Михайловны, похороненной въ Висбаденѣ, Елена Павловна заказала и напечатала полный переводъ нашихъ богослужебныхъ книгъ на Нѣмецкомъ языкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нежели апостольское: „аще благовѣститъ вамъ паче, еже мы благовѣстихомъ“. Кто же далъ власть Риму благовѣстить паче Апостоловъ? Во 2-хъ, Пресвятая Дѣва, послужившая вслѣдствіе предвѣчнаго совѣта орудіемъ спасенія рода человѣческаго, достойно ублажается Церковію, ставящею ее выше всякаго созданія,—но только созданія,—и если приписать ей что либо сверхъ естественное кромѣ великаго и страшнаго таинства воплощенія и его послѣдствій или признать рожденною безъ грѣха, то это будетъ отрицаніемъ всего домостроительства нашего спасенія, цѣль котораго и составляетъ побѣду надъ грѣхомъ. Если рожденіе безъ грѣха совершилось, то грѣхъ уже побѣжденъ, а если побѣжденъ, то и вочеловѣченіе Сына Божія, и Его страшныя страсти, и Его Крестъ и воскресеніе—все это было излишне и напрасно! Это выводъ неотразимой логики. И вотъ къ чему привели съ одной стороны „ревность не по разуму“ чтителей Пресвятой Дѣвы, а съ другой дерзость „непогрѣшительнаго“ самомнѣнія [1]).

Изложивъ вамъ бѣгло, какъ представляется мнѣ этотъ вопросъ, позволю себѣ посовѣтывать вамъ не смущаться неясностью или даже нѣкоторымъ излишествомъ въ изложеніи церковныхъ пѣснопѣній: въ нихъ тоже усердіе,—но не догматъ.

За разъясненіемъ сего послѣдняго (если встрѣчается нужда, потому что безъ настоятельной потребности не слѣдуетъ вдаваться въ тонкости богословія, предпочитая „покорять разумъ въ послушаніе вѣры“, какъ говоритъ Апостолъ) обращайтесь къ писаніямъ отцовъ, гдѣ найдете преизобильно нужныя объясненія.

Сочувствуя скудному положенію вашего приходскаго храма, посылаю 10 р., прося покорнѣйше не зазрѣть этому скромному приношенію. Желалъ бы помочь болѣе, но что дѣлать, если самъ не могу похвалиться изобиліемъ? Во всякомъ случаѣ желаю, чтобъ усердіе ваше было увѣнчано успѣхомъ и чтобы другіе жертвователи не были такъ, какъ я, скупы.

Прощайте, Христосъ съ вами! Вѣрьте, что я искренне васъ люблю и душевно преданъ. Дм. Толстой.

---

[1]) Митрополитъ Филаретъ писалъ, что въ этомъ случаѣ церковь наша ограничивается выраженіемъ „утроба предочищенная Св. Духомъ“ (въ навечеріи 8 Сентября). Въ Москвѣ на Варваркѣ, въ церкви Зачатія Св. Анны, имѣются двѣ рѣдкія иконы, на которыхъ изображены родители Пресвятой Богородицы. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Бутурлинѣ.

Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ, правнукъ фельдмаршала Семилѣтней войны, любимца Императрицы Елисаветы Петровны, которая въ одной лишь Воронежской губерніи пожаловала ему чуть ли не 200 т. душъ крестьянъ, внукъ гр. Маріи Романовны Воронцовой, получилъ по кончинѣ отца своего, будучи 22 лѣтъ отъ роду, большое богатство. Все свое юношество провелъ онъ въ Италіи, большею частью во Флоренціи, гдѣ водворились его родители: графъ Дмитрій Петровичъ, человѣкъ обширнаго образованія, собиратель знаменитой библіотеки, съ которымъ читатели могутъ познакомиться по его письмамъ въ „Архивѣ Князя Воронцова“, и графиня Анна Артемьевна, внука третьяго изъ Елисаветинскихъ Воронцовыхъ графа Ивана Ларіоновича, женатаго на дочери Волынскаго и тоже очень богатаго человѣка. Она, ея старшій сынъ и три дочери перешли въ католичество, но старый графъ и младшій сынъ его графъ Михаилъ остались православными. Въ семьѣ произошла рознь. Обширными имѣніями предоставлено управлять иновѣрцамъ и иноземцамъ. Тогда какъ у графа Александра Романовича имѣніями и домами управляли Русскіе люди изъ мужиковъ (обращавшіеся въ случаѣ надобности за поддержкою въ дѣлахъ къ Захару Николаевичу Постникову въ Москвѣ и Кириллу Степановичу Рындину въ С.-Петербургѣ), благодаря чему все достояніе Воронцовское осталось цѣло и неприкосновенно до нашихъ дней, какъ напримѣръ въ селѣ Андреевскомъ Владимирской губерніи,—у Бутурлиныхъ великолѣпное Калужское имѣніе ихъ, село Бѣлкино, очутилось во власти Кавецкихъ или Обнинскихъ.

Молодой графъ Михаилъ Дмитріевичъ отправленъ былъ служить въ Россію подъ начальство своего родственника, Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова; но такъ какъ онъ плохо говорилъ по русски и при большихъ средствахъ не умѣлъ бороться съ искушеніями и соблазнами, то долженъ былъ мѣнять службу и безпрестанно бывалъ въ обществѣ людей, которые живились на его счетъ, и на его жизнь и обстановку оказывалось мало доходовъ съ имѣній. Въ особенности содѣйствовалъ его разоренію одинъ Еврей, уговорившій его построить гостинницы близъ Бородинскаго поля по случаю открытія памятника 12-аго года, на каковое торжество приглашены были гости со всѣхъ концовъ Европы. Предпріятіе кончилось тѣмъ, что графъ Бутурлинъ вошелъ въ неописанные долги и съ тѣхъ поръ до самой кончины своей жилъ въ нуждѣ.

Библиотека "Руниверс"

Начитанный и любознательный, онъ посѣщалъ Чертковскую библіотеку, и тамъ я имѣлъ истинное удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ. Владѣлецъ библіотеки Григорій Александровичъ Чертковъ, чтобы помочь ему, придумалъ напечатать особою книгою донесенія, которыя подавали Флорентійскому герцогу лица, состоявшія при Русскихъ посланцахъ царя Алексѣя Михайловича (Статейные списки этихъ посланцовъ были изданы отцомъ Черткова Александромъ Дмитріевичемъ). Молодой Чертковъ, будучи во Флоренціи, извлекъ изъ тамошнихъ архивовъ донесенія Флорентійскихъ чиновниковъ и пригласилъ графа Бутурлина заняться изданіемъ въ свѣтъ этихъ историческихъ бумагъ. Вышелъ большой томъ, и обѣднѣвшій графъ получилъ хорошія деньги, какъ плату за трудъ.

Связанный родствомъ и давнею пріязнью со многими представителями знати въ обѣихъ столицахъ, женатый на Нарышкиной, обѣднявшій графъ Бутурлинъ сталъ искать средствъ къ жизни трудомъ письменнымъ; но Русскій языкъ долго ему не давался, и въ особенности затрудняли его Русскія причастія и вообще косвенные падежи, каковыхъ по итальянски нѣтъ. Онъ принимался за многое, но по большей части неудачно. Подъ конецъ жизни занялся онъ Записками о своей жизни, которыя по кончинѣ его появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 и 1898 годахъ. Графу пришлось скончаться въ Московской Городской больницѣ, гдѣ его заботливо навѣщали князь Александръ Михайловичъ Хилковъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой. Флорентійскіе же родственники (получившіе, вопреки закону, право владѣть земельною собственностью въ Россіи) ничѣмъ не захотѣли помочь ему. Набожный графъ умеръ, молитвенно стоя на колѣняхъ (Осенью 1876 года). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ГЕРОИ 1812 ГОДА.

I.

Парменъ Семеновичъ Деменковъ.

Читатели „Русскаго Архива“ помнятъ статью П. С. Деменкова „о Войнѣ и Мирѣ“, помѣщенную въ 1911 г. (вып. XI). Хотя нельзя ставить въ вину художнику историческія неточности въ его произведеніяхъ, но изображеніе событій 1812 года въ „Войнѣ и Мирѣ“ такъ противорѣчитъ дѣйствительности и разнесло столь вредное и превратное понятіе о доблестныхъ подвигахъ Русскихъ людей, что весьма цѣнно опроверженіе умышленныхъ искаженій, которыя позволилъ себѣ геніальный писатель. Это опроверженіе написано однимъ изъ очевидцевъ и участниковъ двѣнадцатаго года*). Парменъ Семеновичъ Деменковъ долженъ быть признательно помянутъ уже за одно это.

Происходя изъ старинныхъ дворянъ Курской губ., П. С. Деменковъ, родился въ 1790 году въ селѣ Бобровѣ, Рыльскаго уѣзда.

Дѣтство его протекло среди многихъ братьевъ и сестеръ, которые до самой смерти были между собою необыкновенно дружны.

Въ 1799 году С. А. Деменковъ отвезъ своего 9-ти лѣтняго сына Пармена въ Москву и помѣстилъ въ Благородный Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1804 года, когда, по волѣ родителей, переведенъ былъ въ Петербургъ, въ знаменитый тогда Іезуитскій пансіонъ, помѣщавшійся на мѣстѣ церкви св. Екатерины, что на Невскомъ

*) Въ то время, какъ печатались нами первые 3-и тома „Войны и Мира“, восхищенные ими князь С. С. Урусовъ и С. А. Юрьевъ писали графу Толстому чуть не акаѳисты и убѣдили его, что романъ—не романъ, когда нѣтъ у него философической подкладки. Какая же была эта философія, можно судить по этимъ ея ревнителямъ. Оба они были отличные люди, но князь Урусовъ (отмѣнный шахматистъ и математикъ) написалъ цѣлое сочиненіе о томъ, что Павелъ Петровичъ скончался смертію естественною, а С. А. Юрьевъ читалъ въ теченіи нѣсколько мѣсяцевъ лекціи о двухъ-трехъ стихахъ изъ второй части Фауста. Вотъ откуда неразбериха въ умозаключеніяхъ графа Толстого. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

проспектѣ, а другою стороною выходившій на Михайловскую площадь, въ то время еще пустынную улицу. По выходѣ изъ пансіона, въ которомъ онъ былъ на отличномъ счету, въ 1808 году, Деменковъ поступилъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ. Въ томъ же 1808 году, на войну со Швеціею, посланъ былъ, въ числѣ другихъ полковъ, четвертый батальонъ Преображенскаго полка, въ которомъ служилъ Деменковъ. Совершивъ всю кампанію до самаго Улеаборга и простоявъ два мѣсяца въ Вазѣ, батальонъ пошелъ въ Або для переправы по льду въ Мартѣ мѣсяцѣ на Аландскіе острова*). Такъ какъ въ это время заключено было перемиріе, то наши возвратились тою-же дорогою въ Або, гдѣ и простояли всю весну и лѣто. На парадѣ при церемоніальномъ маршѣ Деменкову пришлось салютовать Государю знаменемъ. По возвращеніи въ Петербургъ, что было уже въ началѣ 1810 года, П. С. произведенъ былъ въ офицеры. Въ 1812 году, незадолго до объявленія войны, П. С. ѣздилъ къ своимъ родителямъ въ село Боброво.

Всю кампанію 12-го года онъ находился въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и черезъ нѣсколько дней послѣ этой битвы писалъ своимъ родителямъ изъ-подъ Подольска, на дневкѣ знаменитаго фланговаго марша въ обходъ Москвы, въ то время занятой непріятелемъ.

„Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка“.

„Тотъ самый день какъ я къ вамъ писалъ съ курьеромъ, посланнымъ въ армію Курскимъ губернаторомъ, я былъ отправленъ въ городъ Торопецъ, для принятія полковыхъ тягостей. Былъ во Ржевѣ, Старицѣ; но какъ нигдѣ оныхъ не получилъ, принужденъ былъ возвратиться въ армію черезъ Москву, гдѣ уже не нашелъ сестрицъ, видѣлся съ Александрою Николаевною Полтевою, которая такъ же на другой день хотѣла выѣхать. Не спавши двѣ ночи, ѣдучи въ Москву и на третью писавши къ вамъ, въ 1-мъ часу ночи былъ почти сонный, однако, узнавши, что черезъ день или два должно быть большое сраженіе (ибо армія наша остановилась въ 8 верстахъ отъ Можайска при Бородинѣ, на выгодной позиціи) я, оставивши письмо Васькѣ своему для отдачи на почту, самъ на легкѣ туже ночь отправился къ арміи, но по причинѣ большого разъѣзда курьеровъ такое имѣлъ затрудненіе въ лошадяхъ, что цѣлую станцію принужденъ былъ идти пѣшкомъ; нанять такъ же не могъ, ибо всѣ обывательскія употреблены были подъ раненыхъ. Прибывши вечеромъ къ арміи, на разсвѣтѣ 26-го были атакованы непріятелемъ во всѣхъ пунктахъ. Сраженіе продолжалось до ночи и было наикровопролитнѣйшее, ибо уронъ съ обѣихъ сторонъ считаютъ до 60,000 человѣкъ. Нашъ полкъ и Семеновскій менѣе всѣхъ;

*) Е. А. Баратынскій писалъ объ этомъ героическомъ переходѣ: наступи оттепель, и весь батальонъ могъ погибнуть. Къ сожалѣнію, этихъ стиховъ Баратынскаго не сохранилось, и только одну изъ нихъ строфу слышалъ я отъ его друга Н. В. Путяты. Въ ней было выражено изумленіе морского бога, заслышавшаго надъ собою шаги Русскихъ воиновъ; строфа эта была мною записана, но потеряна. Помню только стихъ „Пучины богъ сѣдобрадатъ“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ нашемъ не достаетъ теперь одинадцати человѣкъ офицеровъ и около двухъ сотъ рядовыхъ убитыми и ранеными. Мы ночевали на мѣстѣ сраженія. Французская армія отступила за пятнадцать верстъ; но какъ наша армія не менѣе была разстроена, свѣтлѣйшій для приведенія въ порядокъ отступилъ къ Можайску, намѣреваяся на другой день самому атаковать непріятеля. Но онъ, узнавши наше отступленіе, предупредилъ насъ, и мы, не имѣя выгодной позиціи, ретировалися далѣе и далѣе и наконецъ за Москву".

„Новость сія должна была васъ всѣхъ опечалить, но не безпокойтесь: уступленіе Москвою, правда, для всякаго Русскаго кажется большимъ несчастіемъ, но нашей арміи на лицо 20,000, у непріятеля не болѣе; сверхъ того у насъ милиція. Только чтобы не было мира! Наполеонъ долженъ погибнуть въ Россіи съ своими войсками. Теперь половина нашей арміи стоитъ за 40 верстъ отъ Москвы по Рязанской дорогѣ, а другая, съ которой теперь и гвардія, стоитъ у Подольска, задомъ къ Тулѣ".

„Письмо сіе прошу одного знакомаго ѣдущаго въ Тулу отдать тамъ на почтѣ. Наши Курчане, находящіеся въ гвардіи, очень счастливы: ни одинъ не убитъ и не раненъ. Послѣ Бородинскаго сраженія я уже къ вамъ писалъ, прося то письмо одного нашего раненаго офицера гдѣ нибудь отдать на почтѣ. Отъ васъ же, батюшка, уже давно не имѣлъ никакихъ свѣденій. Вашъ всепокорнѣйшій и много васъ почитающій сынъ Парменъ Деменковъ".

„1812 года Сентября 7 дня. Подъ Подольскомъ".

„Сестрицъ и братцевъ сдѣлайте милость за меня поцѣловать, дядюшкѣ Семену Андреевичу прошу сказать мое глубочайшее почтеніе".

„Наканунѣ отдачи Москвы Ваську портнова я послалъ въ Москву для покупокъ, онъ до сего времени не являлся".

16 Августа 1813 года подъ Кульмомъ П. С. Деменковъ былъ очень тяжело раненъ въ животъ навылетъ. Хотя рана была не смертельная, но все же очень опасна. Не смотря на это, онъ ея сначала не чувствовалъ, какъ и самъ пишетъ: „Энтузіазмъ въ бою невозможно передать никакими описаніями. Этимъ только энтузіазмъ и объясняется, почему иной разъ раненые, опасно даже, не чувствуютъ полученныхъ ими ранъ, не ощущаютъ боли и физически истощенные падаютъ на землю облитые кровью и видя, что они ранены. Это я испыталъ на себѣ: у меня ноги подкосились прежде чѣмъ почувствовалъ боль."

Упавши, обливаясь кровью, онъ впалъ въ безсознательное состояніе. Очнулся онъ лишь вечеромъ, когда увидѣлъ, что на немъ лежитъ еще нѣсколько убитыхъ и раненыхъ тѣлъ. Доктора обходили поле сраженія. Подойдя къ нему, докторъ нашелъ его столь слабымъ, что велѣлъ внести въ списокъ за мертво убитыхъ; а когда замѣтили, что онъ еще дышетъ, то докторъ отвѣчалъ, что все ровно, скоро умретъ. Черезъ нѣкоторое время мимо проходило нѣсколько солдатъ его полка, которые, услышавъ стонъ, узнали его, подняли и перенесли на перевязочный пунктъ, чѣмъ его и спасли. Въ то самое

Библиотека "Руниверс"

время родители его служили молебенъ объ его здравіи передъ домашнею иконою Всемилостиваго Спаса, которая теперь находится въ родственной семьѣ Боборыкиныхъ.

За это сраженіе Деменковъ получилъ Кульмскій крестъ, любимый его орденъ. Находясь въ лазаретѣ подъ Прагою, онъ былъ осчастливленъ, въ числѣ другихъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ офицеровъ его полка, высочайшею милостью, выразившейся въ выдачѣ каждому по сту червонцевъ на излеченіе. По выздоровленіи, онъ нагналъ Русскія войска, продолжавшія свой побѣдоносный путь и вмѣстѣ съ ними вошелъ въ Парижъ. Въ 1818 году П. С. былъ уже командующимъ гренадерскою ротою въ 3-мъ батальонѣ Преображенскаго полка, который, такъ же какъ и Семеновскій, составлялъ 1-ю гвардейскую бригаду, находившуюся подъ командою В. К. Михаила Павловича. Даже такой строгій начальникъ, какимъ былъ В. К., не могъ ничего сказать противъ Деменкова, и П. С. писалъ: „Я могу похвалиться тѣмъ, что пользовался особымъ его ко мнѣ расположеніемъ и былъ такъ счастливъ, что заслуживалъ очень часто его многомилостивые отзывы, въ особенности, когда приходилось представлять ординарцевъ и вѣстовыхъ отъ моей роты". Всякій, хотя нѣсколько знакомый съ личностью Великаго Князя, пойметъ, что̀ значило угодить ему, когда приходилось представлять ординарцевъ и вѣстовыхъ.

Въ слѣдующемъ 1819 году П. С. произведенъ былъ въ полковники и назначенъ командующимъ тѣмъ же 3-мъ батальономъ. Въ это время ему исполнилось 29 лѣтъ. Весною 1820 года начали готовиться къ полковому ученью въ присутствіи Государя, который въ то время изъ Вѣны проѣхалъ въ Италію на свиданіе съ королемъ Неаполитанскимъ. Но у Деменкова открылись раны, и онъ вынужденъ былъ испросить отпуска, для излѣченія на Кавказѣ. Имѣя уже отпускъ, не смотря на сильныя боли отъ открывшихся ранъ, онъ, по желанію Великаго Князя, остался командовать своимъ батальономъ въ присутствіи Государя. Ученье прошло блестяще. Великій Князь, подъѣхавъ къ П. С., сказалъ: „Благодарю во первыхъ за то, что, имѣвъ уже отпускъ, участвовалъ въ этомъ ученьи, и второе за то, что батальонъ исполнилъ свое дѣло отлично хорошо", и прибавилъ: „Прощай, выздоравливай и возвращайся скорѣе".

Но судьба рѣшила иначе. Хотя Кавказскіе минеральные источники и помогли, но всетаки раны давали себя чувствовать, и П. С., при всей своей любви къ военному дѣлу, долженъ былъ отказаться отъ мысли снова вступить въ полкъ и подалъ въ отставку, которую и получилъ въ Январѣ 1821 года за ранами съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. О томъ, какъ ему жаль было бросить военную службу, до какой степени онъ привыкъ къ ней, можно судить изъ того, что когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ Маѣ 1824 года, то въ первое же утро пошелъ смотрѣть на разводъ, происходившій на дворцовой площади. Здѣсь Михаилъ Павловичъ увидѣлъ его въ числѣ зрителей и по окончаніи развода, взявъ его подъ руку, увелъ во дворецъ и милостиво съ нимъ разговаривалъ.

Библиотека "Руниверс"

Приблизительно въ это же время П. С. приписанъ былъ къ Министерству Финансовъ. Кончина императора Александра Павловича поразила Деменкова. Его воспоминаніе о томъ читатели имѣли въ XI кн. „Русскаго Архива" 1911 г. Въ большой гостинной Бобровскаго дома, гдѣ окончилъ дни свои Деменковъ, висѣлъ надъ диваномъ портретъ Александра Павловича во весь ростъ. Любимый его разговоръ былъ именно объ А. П. Никто никогда не осмѣлился бы сказать какое нибудь неодобрительное слово объ этомъ Государѣ.

П. С. былъ очевидцемъ событія 14 Декабря и описалъ его. Статья эта была напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" въ 1877 году. Черезъ нѣсколько дней послѣ 14-го Декабря онъ стоялъ въ толпѣ народа на дворцовой площади, въ ожиданіи прохода новаго Государя. Вдругъ эту толпу заставили разступиться сани, выѣхавшія изъ Милліонной улицы; въ нихъ сидѣлъ Михаилъ Павловичъ съ своимъ адъютантомъ. П. С. очутился такъ близко къ санямъ, что могъ слышать произнесенныя В. К. слова: „Вотъ и Деменковъ здѣсь!" На другой день командиръ Преображенскаго полка Исленьевъ передалъ ему, что В. К. желаетъ повидать его, а также, чтобъ онъ вновь вступилъ въ военную службу. На другой день онъ явился къ В. К. и объяснилъ ему причины, по которымъ онъ не могъ вступить въ полкъ: пробывши 4 года въ отставкѣ, онъ сильно отсталъ отъ своихъ товарищей, и главное, что рана продолжала его безпокоить. В. К. спросилъ: „Такъ чего же ты желалъ-бы?" П. С. сказалъ, что онъ уже причисленъ къ М. Ф. и просилъ о хорошемъ отзывѣ новому его начальству. „Хорошо, напишу Канкрину и очень буду радъ, если письмо мое послужитъ тебѣ въ пользу".

Очевидно, что В. К. далъ хорошій отзывъ о П. С., такъ-какъ въ Февралѣ слѣдующаго 1826 года, т. е. черезъ два мѣсяца, Канкринъ поручилъ ему ревизовать Владимирскую Казенную Палату. 26 Августа того же года, послѣ коронаціи, онъ назначенъ былъ Курскимъ вице-губернаторомъ и оставался въ этой должности пять лѣтъ. Много потрудился онъ для благоустройства города, въ которомъ до настоящаго времени сохранился живой о немъ памятникъ: прекрасный общественный садъ, имъ разбитый. Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ Москву на должность вице-губернатора-же въ прежнемъ ея значеніи. Должность эта была много сложнѣе теперешней, т. к. въ то время вице-губераторы имѣли въ своихъ рукахъ городскіе финансы и завѣдывали откупнымъ отдѣломъ. Въ Москвѣ онъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе. Княгиня Луиза Трофимовна Голицина, которая пользовалась въ Москвѣ большимъ значеніемъ и у которой, бывало, по Понедѣльникамъ, когда она принимала, весь обширный дворъ ея дома на Покровкѣ заставлялся экипажами, отзывалась о Деменковѣ не иначе какъ съ полнымъ уваженіемъ, называя его человѣкомъ необыкновенно благороднымъ; а ея отзывы и слова всегда очень цѣнились, т. к. она была женщина очень умная и въ понятіяхъ своихъ твердая.

Въ 1833 году Императоръ Николай Павловичъ такъ же оцѣнилъ Деменкова и былъ къ нему милостивъ, что̀ можно усмотрѣть изъ того, что онъ поручилъ ему постройку Бородинскаго памятника, какъ достойному участ-

Библиотека "Руниверс"

нику этого сраженія. Памятникъ освященъ и открытъ въ присутствіи П. С. 26 Августа 1839 г. Въ этомъ же году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 1842 году Деменковъ захотѣлъ заняться откупами, и такъ-какъ для такого значительнаго предпріятія нужны были и значительныя средства, то онъ и совершилъ въ томъ же году полюбовный раздѣлъ со своимъ братомъ Михаиломъ Семеновичемъ Деменковымъ въ Курской Гражданской Палатѣ, по которому онъ, взамѣнъ денежнаго капитала, отдалъ брату свою часть имѣнія. Онъ взялъ въ откупъ города: Козловъ Тамбовской губ., Тимъ и Короча Курской, а также пріобрѣлъ 15 паевъ въ С. Петербургскомъ откупѣ. Но съ самаго начала 1843 года сборы пошли съ большими убытками, такъ что онъ, для ежемѣсячныхъ казенныхъ взносовъ, долженъ былъ продать свое подмосковное село „Знаменское“ и писчебумажную фабрику. Но всѣ эти жертвы его не спасли, и четырехлѣтіе окончилось съ такими убытками и недоимками, что поглотили все его состояніе. Къ довершенію несчастья, въ 1845 году наложено было на все оставшееся у него имущество запрещеніе въ 85,000 р. сер. Такимъ образомъ человѣкъ, всю жизнь свою не знавшій ничего кромѣ удачъ, всю жизнь не только обезпеченный, но и богатый, въ какіе нибудь четыре года потерялъ все до послѣдней копѣйки и сдѣлался буквально нищимъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ своей племянницѣ Маріи Дмитріевнѣ Львовой, что онъ радъ обрушившимся на него несчастіямъ, что онъ благодаритъ Бога, такъ-какъ они не дали ему совершенно погибнуть духовно, погрязнуть въ грѣхахъ, какъ онъ выражался. Видя его въ такомъ ужасномъ положеніи, братъ его Мих. Сем. пригласилъ его жить къ себѣ въ ихъ родовое имѣніе село Боброво, на что П. С. и согласился. Здѣсь П. С. занялся садомъ, разбилъ его по образцу Версаля, терассами (конечно въ уменьшенномъ размѣрѣ), устроилъ фонтаны, оранжереи. Братья жили такъ дружно, что посторонніе не могли-бы сказать, кто изъ нихъ хозяинъ. Кромѣ того П. С. занимался астрономіею, чтеніемъ; читалъ онъ до самой смерти безъ очковъ очень много, а изъ современныхъ изданій особенно любилъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Архивъ“. Кромѣ чтенія предавался онъ размышленіямъ, о чемъ онъ и пишетъ.

„Какъ въ молодости, такъ и позже, не смотря на службу и разсѣянную жизнь въ столицѣ, я любилъ иногда предаваться уединенію, чтенію и размышленіямъ, а чтобы нѣкоторыя изъ такихъ мыслей и записокъ не могли по забвенію быть потеряны для меня навсегда, я записывалъ ихъ иногда для памяти, при чтеніи же нѣкоторыхъ книгъ дѣлалъ изъ нихъ иногда выписки.“

Въ 1877 году, будучи уже 87 лѣтъ отъ роду, изъ любознательности предпринялъ онъ поѣздку въ Крымъ; особенностью этой поѣздки было то, что весь южный берегъ Таврическаго полуострова объѣхалъ онъ верхомъ и лишь частью на пароходѣ. Въ Февралѣ 1881 года П. С. по просьбѣ своего брата М. С. и племянника Плат. Сем. Воронова, поѣхалъ въ гор. Рыльскъ на дворянскіе выборы. Здѣсь онъ говорилъ рѣчь (слѣдствіемъ которой было избраніе его племян-

Библиотека "Руниверс"

ника на должность предводителя дворянства). Онъ очень утомился этою поѣздкою и по возвращеніи въ Боброво почувствовалъ себя нехорошо.

Въ это время пришло извѣстіе объ убіеніи Государя, которое отъ него скрыли. Онъ продремалъ нѣсколько дней въ креслѣ, и 3 Марта 1881 года, тихо скончался, на 91 году жизни, переживъ нѣсколькими днями пятое царствованіе.

Онъ имѣлъ пріятныя черты лица, былъ очень высокаго роста, строенъ, даже въ послѣдніе годы отличался очень легкой походкой, ходилъ безъ палки, за годъ до своей смерти могъ входить на 2-й этажъ безъ передышки. Отличительными чертами его характера были привѣтливость, необыкновенная доброта и ласковость въ обращеніи. Его разговоръ былъ всегда живой, разговаривалъ-ли онъ со старикомъ, равно какъ и съ ребенкомъ; всякому умѣлъ онъ сказать что нибудь пріятное, занимательное. Былъ онъ очень набоженъ, не пропускалъ ни одной службы. Много способствовалъ его долголѣтію правильный образъ жизни, какой велъ онъ. Вставая ежедневно въ 6 часовъ утра, онъ передъ чаемъ дѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ.

Въ его краткомъ некрологѣ, помѣщенномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1881 г. сказано: „Москва вѣрно христіански помянетъ П. С. Деменкова“.

Нѣтъ, скажу я, не Москва только, вся Россія должна, въ особенности въ виду наступающаго юбилея 12-го года, помянуть того, кто проливалъ кровь свою за нее, за ея настоящее благополучіе, проливалъ на поляхъ Бородинскихъ, на поляхъ Кульмскихъ.

Иванъ Леонид. Смирновъ.

II.

ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссійскаго и пр. и пр. и пр.

Предъявитель сего Иванъ Осиповъ сынъ Бартеневъ, который, какъ изъ полкового формулярнаго списка значится, отъ роду имѣетъ 42 года, изъ дворянъ, въ службу вступилъ рядовымъ 1795-го года Декабря 20-го дня, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, въ которомъ произведенъ капраломъ тогожъ года Декабря 28-го, прапорщикомъ 1796-го года Генваря 1-го съ опредѣленіемъ въ Иркутской драгунской полкъ. Въ семъ происходилъ чинами: подпорутчикомъ 1798-го Октября 19-го, порутчикомъ 1799-го Декабря 10-го, штабсъ-капитаномъ 1802-го Декабря 29-го, капитаномъ 1803-го Марта 1-го дня. Изъ онаго поступилъ въ Арзамасской Конно-егерскій полкъ 1806-го Ноября 10-го, въ которомъ маіоромъ съ 1807-го года Іюня 27-го дня.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолженіи службы былъ въ походахъ: 1805-го и 1806-го годахъ по Іюнь мѣсяцъ при императорскомъ посольствѣ въ Китай съ командою ему ввѣренною внутри Россіи, также и за границею въ Монголіи, за что объявлено высочайшее благоволеніе и выдано не въ зачетъ годовое жалованіе, за сбереженіе въ семъ случаѣ людей и лошадей, съ коими проходилъ около 9,000 верстъ, получилъ въ подарокъ отъ Его Императорскаго Величества золотые часы и сверхъ того объявлено высочайшее благоволеніе. Въ 1807 году съ 27-го Апрѣля въ Пруссіи, 1809-го года въ Австріи въ преслѣдованіи непріятеля до мѣстечка Барни, оттоль обратно въ Россію. 1812-й годъ въ Россіи противъ Французовъ Ноября 9-го при взятіи штурмомъ города Борисова, гдѣ за взятіе знамени награжденъ орденомъ Св. Владимира четвертой степени съ бантомъ, 14-го и 16-го при селеніяхъ Стаховѣ и Березинѣ во время переправы непріятельской арміи черезъ рѣку Березину, а оттоль въ преслѣдованіи непріятеля въ авангардѣ до г. Вильно, 28-го при с. Погулянкѣ, гдѣ, командуя полкомъ, ударивъ съ онымъ на непріятельскую колонну, состоявшую изъ 1000 человѣкъ, отнялъ знамя и взялъ въ плѣнъ одного генерала, 36 штабъ-оберъ-офицеровъ и рядовыхъ 700. Декабря 2-го, при взятіи г. Ковно, а оттоль въ преслѣдованіи непріятеля до города Данцига по 8-го Генваря 1813-го года. Отъ Данцига командированъ въ Россію для формированія резервныхъ эскадроновъ. 1814-го года находился въ походѣ Прусскаго владѣнія до крѣпости Глогау, а оттоль обратно въ Россію. Подъ судомъ и въ домовыхъ отпускахъ не бывалъ, а сего 1818-го года Апрѣля въ 15-й день по высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ подполковника и съ мундиромъ.

*

Это отецъ мой, потомственный дворянинъ Костромской губерніи, Солигаличскаго уѣзда, помѣщикъ въ сельцѣ Ликурговѣ, родившійся 20 Августа 1776 года и скончавшійся 21 Іюля 1834 года, въ городѣ Липецкѣ, гдѣ онъ нѣкоторое время служилъ по выборамъ уѣзднымъ судьею и оставилъ по себѣ память человѣка правдиваго, защитника бѣдныхъ людей и врага бумажной волокиты. Онъ говорилъ еще по костромски, какъ еще недавно говорило большинство жителей родного ему края, и наше имя писалось въ старину Бортеневъ (отъ слова *борть*—дикій улей). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Архіепископъ Николай въ письмахъ къ протоіерею Н. В. Благоразумову.

Въ исторіи распространенія и утвержденія православія въ Японіи имя высокопреосвященнѣйшаго начальника Японской миссіи Николая должно занять самое первое мѣсто. Назначенный, по окончаніи курса со степенью кандидата богословія въ С.-Петербургской Духовной Академіи 8-го Іюня 1861 года настоятелемъ Консульской церкви въ Японіи, Николай Касаткинъ тогда же, 30-го Іюня, былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха. Черезъ девять лѣтъ въ 1870 году онъ былъ опредѣленъ начальникомъ Японской миссіи и возведенъ въ санъ архимандрита. 22-го Марта 1880 года состоялось высочайшее повелѣніе числиться архимандриту Николаю епископомъ Ревельскимъ и, по возведеніи 30-го Марта въ санъ епископа, онъ оставленъ начальникомъ Японской миссіи. Марта 24-го 1900 г. епископъ Николай пожалованъ въ санъ архіепископа. Всецѣло посвятивъ себя дѣлу христіанской проповѣди въ далекой Японіи, архіепископъ Николай въ теченіе своего полувѣкового служенія имѣлъ не только ревностныхъ помощниковъ и сотрудниковъ своему апостольскому дѣлу, но и искренне преданныхъ друзей. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ скончавшійся въ Декабрѣ 1907 г. настоятель Московскаго придворнаго Верхоспасскаго собора и благочинный Московскихъ придворныхъ соборовъ и церквей, протоіерей Николай Васильевичъ Благоразумовъ. Тѣсныя узы дружбы покойнаго о. Благоразумова съ Николаемъ не прерывались до самой кончины перваго. Въ годы академическаго студенчества Н. В. Благоразумовъ и самъ искренне желалъ посвятить себя миссіонерской дѣятельности и именно въ Японіи. Только снисходя просьбамъ своего отца, священника въ одномъ изъ селеній Пензенской епархіи, долженъ онъ былъ оставить это намѣреніе.

8-го Апрѣля 1906 г. архіеп. Николай писалъ, между прочимъ, Благоразумову: „Вотъ еще просьба: помощника шлите, т. е. молодого, добраго миссіонера; просьба эта многіе десятки лѣтъ повторяется мною въ разныя стороны и до сихъ поръ остается мертвою. Какъ быть? Мнѣ 70 л., одна нога въ гробу, ужель такъ и отправлюсь на тотъ свѣтъ, не дождавшись смѣны? А вѣдь правду

Библиотека "Руниверс"

говоря, другъ Николай Васильевичъ, наше время куда какъ лучше было. Припомните: лишь только явился листъ на столѣ съ вызовомъ, да еще на какой постъ—настоятеля Консульской церкви, какъ этотъ листъ забросали именами и какими еще! Вы, М. И. Горчаковъ*) въ томъ числѣ—бывшій цвѣтъ академической молодежи. А послѣ того я лично два раза обыскивалъ всѣ четыре академіи, ища человѣка, и не нашелъ! Теперь 25 лѣтъ прошу и жду человѣка—мертвая просьба, безплодное ожиданіе. И взаправду ржавчина съѣла вконецъ всякую идеальность во всѣхъ академіяхъ. Вѣдь до крови больно, до слезного плача обидно. Вотъ теперь Соборъ въ Россіи готовится. Какъ бы хотѣлось побыть въ Россіи хоть на этотъ разъ послѣ 26 л. Но я боюсь думать объ этомъ; минуй меня чаша сія, какъ она ни сладка! На кого же я брошу церковь здѣсь? А мнѣ она дороже всѣхъ своихъ удовольствій. И такъ будешь издали смотрѣть и ждать. Авось либо великими усиліями вкупѣ собравшихся лучшихъ людей церкви возгнетется огнь, и заблестятъ искорки, и одна изъ нихъ со временемъ канетъ къ намъ сюда. Дай Богъ, дай Богъ!“ На этомъ письмѣ рукою покойнаго о. Благоразумова отмѣчено: „Студентовъ охотниковъ (т. е. посвятить себя миссіонерству) записалось тогда человѣкъ 10—12-ть, и всѣ при условіи женитьбы, а Касаткинъ (т. е. преосвященный Николай)—одинъ монахомъ и перебилъ всѣхъ“.

При многочисленныхъ обязанностяхъ, соединенныхъ съ должностію ректора многолюдной Московской семинаріи, при постоянныхъ литературныхъ занятіяхъ, о. Благоразумовъ находилъ возможность помогать дѣлу Японской миссіи, какъ бы соразділяя апостольскіе труды своего друга. Повидимому, разстояніе, отдѣляющее Москву отъ Токіо и продолжительность разлуки не препятствовали развитію и укрѣпленію дружбы, сѣмена которой глубоко заложены были еще въ Петербургской Академіи.

21 Октября 1879 г. Благоразумовъ получилъ отъ тогдашняго предсѣдателя Православнаго Миссіонерскаго Общества Московскаго митрополита Макарія оффиціальное (за № 790) письмо. „Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей Николай Васильевичъ! По случаю открывшейся въ Совѣтѣ Православнаго миссіонерскаго Общества вакансіи члена, приглашаю васъ къ занятію этой вакансіи, такъ какъ въ общемъ собраніи 14-го Мая 1878 г. вы избраны кандидатомъ въ члены Совѣта сего Общества. Призываю на васъ Божіе благословеніе. Макарій, митрополитъ Московскій“.

Позднѣе архіепископъ Николай писалъ отцу Благоразумову:

„Ваше высокопреподобіе, досточтимый о. ректоръ, примите глубочайшую благодарность отъ меня и всей здѣшней миссіи и церкви за вашу доброту и ласку къ нашему воспитаннику Арсенію Ивасави за отеческую заботливость о преуспѣяніи его въ умственномъ развитіи и въ навыкахъ христіанскаго бла-

*) Скончался въ санѣ протоіерея минувшимъ лѣтомъ. Профессоръ С.-Петерб. Университета.

Библиотека "Руниверс"

говеденія. Не знаю на сколько онъ успѣлъ въ наукахъ, но нимало не сомнѣваюсь, что успѣлъ во всякомъ случаѣ въ двое болѣе, чѣмъ сколько могъ бы находясь здѣсь. Не льщу себя при всемъ томъ надеждою, чтобы онъ былъ готовъ къ поступленію въ Академію на равнѣ съ хорошими воспитанниками Русскихъ семинарій. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ уѣхалъ отсюда на срокъ не болѣе пяти лѣтъ, покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе, снабдивъ его надлежащими документами, отпустить въ С.-Петербургъ ко времени пріемныхъ экзаменовъ въ тамошней Духовной Академіи. Одновременно съ симъ я посылаю прошеніе къ преосвященному Арсенію, епископу Ладожскому, ректору С.-Петербургской Духовной Академіи, о допущеніи Арсенія Ивасава къ держанію экзаменовъ и о снисходительномъ пріемѣ его въ число обучающихся въ Академіи. Испрашивая вашихъ святыхъ молитвъ для себя и для всей здѣшней миссіи и церкви, съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть, вашего высокопреподобія всегдашнимъ молитвенникомъ и покорнѣйшимъ слугою. Начальникъ Россійской Духовной миссіи въ Японіи, Николай, епископъ Ревельскій".

15 Октября 1898 года онъ писалъ: „Достолюбезнѣйшій и истинно чтимый товарищъ Николай Васильевичъ! Давно лежитъ у меня на днѣ души созрѣвшая просьба къ вамъ слѣдующая. Будьте милостивы принять на себя званіе сотрудника миссіи въ Москвѣ. Послѣ отца Гавріила Григорьевича Срѣтенскаго*) въ Москвѣ сотрудниковъ нѣтъ, и это очень неудобно: не знаешь, въ случаѣ нужды, къ кому обратиться. Конечно много я не безпокоилъ бы васъ. Петербургскаго сотрудника о. Ѳеодора Николаевича Быстрова, часто приходится безпокоить: книги ли нужно, что другое по миссіи, все къ нему; изъ Петербурга удобнѣе, въ Москвѣ же я о. Гавріила рѣдко безпокоилъ и васъ тоже не часто утруждалъ бы. Но сотрудникъ есть домъ, прибѣжище; родной домъ есть, надежнѣй себя чувствуешь. Итакъ не позволите ли именовать васъ сотрудникомъ миссіи? Не могу придумать, почему бы вы отказали въ этой милости. Но я и всѣхъ обстоятельствъ вашихъ знать не могу; а потому, если вы не согласитесь (на что, конечно, будутъ уважительныя причины), то не укажете ли въ Москвѣ вполнѣ надежное лицо, къ которому бы я могъ обратиться съ своею просьбою? Помогите ради Бога и въ этомъ!" Благоразумовъ съ живѣйшею радостію откликнулся на предложеніе своего далекаго друга и согласился принять на себя въ качествѣ члена Совѣта Миссіонерскаго Общества еще и особое званіе ближайшаго Московскаго сотрудника Японской миссіи.

Въ письмѣ отъ 24-го Апрѣля 1898 г. читаемъ: „Несказанно обрадовало меня ваше доброе письмо. Вновь повторяю: не очень буду докучать вамъ; но какъ пріятно чувствовать и знать, что и въ Москвѣ есть для миссіи родной уголокъ, есть къ кому въ случаѣ нужды обратиться, кто несомнѣнно приметъ участіе и сдѣлаетъ что нужно. Вотъ и теперь смотрите, съ какою смѣлостію

*) Это былъ достопочтенный священникъ церкви Малаго Вознесенія на Никитской, отличный преподаватель, другъ С. М. Соловьева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

я посылаю вамъ то, что̀ прилагается! Если бы не къ сотруднику, то могъ ли-бы я сдѣлать это? Дѣло собственно и нетрудное, но требующее личнаго и именно теплаго участія: окажетъ ходатай такое участіе—миссія получитъ вѣроятно немало весьма хорошихъ книгъ; не окажетъ—не будетъ того. Нынѣ я увѣренъ, что все, что̀ можно сдѣлать, будетъ сдѣлано, потому что ходатай будетъ не посторонній или случайный человѣкъ, а свой родной сотрудникъ. И такъ сдѣлайте пожалуйства все, что̀ возможно. Въ полученныхъ здѣсь календаряхъ я не могъ найти, кто нынѣ директоромъ Публичной Библіотеки Румянцевскаго Музея, потому пишу ему безъименно. Вы, быть можетъ, й лично знакомы съ нимъ. Во всякомъ случаѣ не поставьте въ трудъ лично побыть у него въ удобное время; передайте ему мое отношеніе и каталогъ и попросите быть столь же щедрымъ Русскимъ вельможей, какимъ былъ его предшественникъ. Конечно, послѣдній былъ и вѣрнымъ своему долгу вельможею: ни на волосъ не поступился тѣмъ, что̀ нужно для завѣдуемой имъ Библіотеки, но что̀ оказалось совершенно лишнимъ въ ней, то онъ щедрой рукою отдалъ—тоже заслуживающему участія Русскому учрежденію православной заграничной миссіи. Не можетъ быть, чтобы въ теченіе 18 л. вновь не накопилось въ Публичной Библіотекѣ вторыхъ и третьихъ экземпляровъ, которые тамъ не нужны, а здѣсь составили бы драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Вотъ ихъ-то и просите у новаго директора въ неизгладимую здѣсь память о немъ, какъ вѣчно будетъ памятоваться имя его предшественника и въ вѣчную похвалу всегда и во всемъ доброй матушкѣ Москвѣ... Расходы рѣшительно на все до копѣйки должны быть мои. О. Ѳеодоръ Быстровъ всегда имѣетъ на сей конецъ небольшую сумму, которая, по мѣрѣ истощенія, восполняется мною отсюда посылкою довѣренности на полученіе имъ въ хозяйственномъ управленіи изъ суммъ, отправляемыхъ въ миссію, сколько нужно на расходъ по миссіи въ Россіи. Я и нынѣ съ такою довѣренностію посылаю ему деньги, пожертвованныя здѣсь однимъ инженеръ-полковникомъ изъ Владивостока спеціально на панагію для миссіи; приложу къ нимъ нѣсколько въ видахъ ожидаемой отправки ящиковъ съ книгами изъ Москвы, и напишу о. Ѳеодору, чтобы онъ по первому вашему извѣстію выслалъ вамъ сколько нужно. Не думаю, чтобы ящикъ съ книгами изъ миссіи не былъ до сихъ поръ отправленъ въ Публичную Библіотеку Румянцевскаго музея. Если же бы, сверхъ чаянія, оказалось это, то ящикъ спрашивайте также у о. Ѳеодора. Что ящикъ съ книгами доставили въ Петербургъ, объ этомъ онъ уже извѣстилъ меня, но разосланы ли онѣ изъ Петербурга—это еще опредѣленно не знаю“.

„На дняхъ получилъ отъ о. Ѳеодора пакетъ съ архитектурными и фотографическими снимками съ горняго мѣста и каѳедры въ соборѣ Христа Спасителя. Приношу глубочайшую благодарность вамъ за нихъ! Это наконецъ и рѣшаетъ дѣло. Каѳедра проста, изящна и, главное, изъ знаменитаго Московскаго собора. Мы и устроймъ здѣсь возможно точное подражаніе ей, только безъ тумбъ, для которыхъ нѣтъ мѣста; быть можетъ, тоже сдѣлаемъ изъ бѣлаго мрамора, который здѣсь дешевъ, хотя за то, къ сожалѣнію, плохого качества.

Библиотека "Руниверс"

(У насъ всѣ три престола и три жертвенника построены изъ сего матеріала). Посовѣтуемся съ мастерами, сдѣлаемъ смѣты на дерево и камень, изберемъ лучшее и когда каѳедра будетъ готова и установлена, снимемъ фотографію и пошлемъ вамъ".

„За списокъ именъ богачей тоже весьма благодарю. Только, охъ, какъ много здѣсь лицъ, которымъ я очень надоѣлъ просьбами, когда строилъ соборъ! Но, что Богъ дастъ! Воспользоваться-то имъ я воспользуюсь (иначе откуда же облаченія для соборныхъ служеній?); только вотъ посвободнѣе станетъ, писать начну".

„Пріѣхавшіе сюда новые миссіонеры архим. Сергій и іером. Андроникъ прекраснѣйшіе люди и, дастъ Богъ, будутъ отличными миссіонерами. О. Сергій, еще прежде служившій здѣсь три года и потому знающій Японскій языкъ и имѣющій опытъ, будетъ въ качествѣ благочиннаго посѣщать всѣ Японскія церкви; отецъ же Андроникъ поселится въ центрѣ Японіи, въ Оссаки, и станетъ руководить окрестныхъ, еще малоопытныхъ, священниковъ и ихъ церкви. Но какъ бы хорошо имѣть еще одного миссіонера для водворенія въ Хакодатэ и завѣдыванія оттуда сѣверными церквами; еще одного для острова Кіусіу, еще одного для Сегодая, т. е. всего трехъ. Больше бы уже не просилъ ни одного, но трехъ еще просимъ и не перестанемъ просить у Бога и у Россіи. Только миссіонеры должны быть хорошіе, вотъ въ родѣ тѣхъ, что̀ пріѣхали: прилежные, вполнѣ преданные своему служенію и не думающіе больше ни о чемъ на свѣтѣ. Насколько можете, способствуйте и вы, добрый сотрудникъ, пріобрѣтенію для миссіи таковыхъ".

„Политическія тревожныя комбинаціи послѣдняго времени не мѣшаютъ здѣсь миссіонерскому дѣлу: оно идетъ обычнымъ путемъ, не очень живо, но и не слишкомъ косно; нынѣ какъ будто оживляется, покрайней мѣрѣ, по пасхальнымъ письмамъ изъ всѣхъ церквей христіане праздновали Пасху въ нынѣшнемъ году гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ".

Вопросомъ о высылкѣ книгъ для библіотеки миссіи преосв. Николай, кажется, еще и раньше былъ озабоченъ. Такъ еще 15-го Октября 1896 г. онъ писалъ о. Благоразумову: „Крѣпко надѣясь на ваше доброе расположеніе отчасти, быть можетъ, и ко мнѣ, многогрѣшному однокашнику вашему, а главное къ дѣлу миссіи, которой и вы служите въ качествѣ члена Совѣта Миссіонерскаго Общества, обращаюсь къ вамъ съ слѣдующими усердными просьбами":

„Въ нашемъ здѣшнемъ соборѣ еще неустроена запрестольная архіерейская каѳедра, не потому, чтобы нельзя было здѣсь купить или заказать сѣдалище какой угодно формы поддѣлки, а потому, что я съ самаго начала предложилъ каѳедру заимствовать изъ Москвы, т. е. скопировать одну изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ и въ тоже время изящныхъ каѳедръ Московскихъ соборовъ.

Библиотека "Руниверс"

Не приведено въ исполненіе это желаніе до сихъ поръ потому, что лишь только окончена была постройка собора, и мнѣ оставалось добыть изъ Россіи только облаченія и каѳедру, случилось это ужасное событіе въ Оцу, послѣ котораго у меня просто руки опустились просить что либо изъ Россіи. Оттого до сихъ поръ облаченія въ соборѣ почти всѣ старыя и разрозненныя, лучшія изъ которыхъ, однако, тоже Московскія, вывезенныя мною въ 1880 г., каѳедрою же служитъ простая табуретка".

„Въ Апрѣлѣ прошлаго года я рѣшился, наконецъ, освѣдомиться у приснопамятнаго главнаго ктитора нашего Ѳ. Н. Самойлова; но мое письмо, должно быть, уже не застало его въ живыхъ. Нисколько не теряя надежды добыть каѳедру изъ Москвы, я не зналъ, къ кому теперь обратиться съ просьбою, какъ неожиданно выведенъ былъ изъ недоумѣнія недавно полученнымъ изъ Москвы письмецомъ слѣдующаго содержанія: „потрудитесь мнѣ написать, могу ли я прислать для вашей миссіи маленькую библіотеку на Русскомъ языкѣ, а также можно ли это чрезъ Миссіонерское Общество? Хорошо ли у васъ устроенъ православный храмъ? Все ли въ немъ есть изъ утвари или чего недостаетъ? Е. Четверикова, Тверская, д. Варгина". Книги конечно тоже весьма нужны, и если г-жа Четверикова говоритъ о готовой уже библіотекѣ, то ее положительно нужно просить сюда, чего я, однако, не сдѣлалъ, боясь просить разомъ двухъ вещей, а оставилъ вашему благоусмотрѣнію; но книги все же, какъ видите, я прошу въ другихъ мѣстахъ. Утварію и прекраснѣйшею соборъ снабженъ, благодаря Ю. С. Нечаеву-Мальцеву, а также нѣкоторымъ Московскимъ благотворителямъ. Ризницу просить у г-жи Четвериковой боюсь, не зная ея состоянія, такъ какъ ризница для соборнаго служенія съ 6-ю или даже 4-мя священниками дорого стоитъ. И такъ прошу у нея каѳедру. Но каѳедру для образца даже и выбрать дама не можетъ, не имѣя доступа въ алтарь. А между тѣмъ нужны и свѣдѣнія, потому что мнѣ именно хочется каѳедру, которая бы служила нѣмымъ назиданіемъ для всѣхъ, кто будетъ имѣть честь возсѣдать на ней, начиная съ меня недостойнаго, т. е. каѳедру, которая бы напоминала о великихъ и святыхъ Московскихъ архіереяхъ Божіихъ, хотя въ тоже время и возможно изящную, что, вѣроятно, можно совмѣстить. И такъ помогите сдѣлать выборъ. Я пишу г-жѣ Четвериковой, что прошу васъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ совѣтомъ и руководствомъ. Быть можетъ, у нея есть и другія духовныя лица, руководствомъ которыхъ она можетъ пользоваться. Но во всякомъ случаѣ вашъ совѣтъ будетъ полезенъ. Поэтому, если незнакомы съ нею, пожалуйста, познакомьтесь, поговорите и устройте дѣло полезное миссіи. Да кстати посмотрите и догадайтесь, нельзя ли у нея попросить и прибора облаченій и до какихъ предѣловъ можно въ семъ направленіи простираться. Нужны вѣдь нѣсколько приборовъ: воскресный, великопраздничный, пасхальный и великопостный. Всѣ я разумѣю изъ серебряной парчи и для епископа и 6-ти священниковъ, съ комплектомъ прочихъ (о 12-ти я и подумать не смѣю, хотя случается иногда служатъ здѣсь и съ бо́льшимъ числомъ). Нужны облаченія также для трехъ престоловъ и жертвенниковъ съ столиками и аналоями.

Библиотека "Руниверс"

Списки всего этого, съ обозначеніемъ размѣровъ и проч. у меня были заготовлены еще предъ происшествіемъ въ Оцу (къ двумъ тремъ лицамъ даже и посланы были, но безъ послѣдствій). И такъ могу ли я просить одинъ приборъ облаченій у г-жи Четвериковой? (Четверикова въ Москвѣ когда-то были знаменитые благотворители. Нынѣшняя г-жа Четверикова изъ нихъ-ли?) Затѣмъ, у кого просить другіе приборы, посовѣтуйте, поруководите! У васъ тамъ всѣ богачи и благотворители предъ лицомъ, а я 16 л. какъ изъ Россіи; мои всѣ знакомые или перемерли, или раззнакомились; или уже я до того надоѣлъ имъ, что больше и просить не смѣю. Дайте свѣдѣнія, указанія, къ кому писать? Не бѣда, если нѣкоторыя или большая часть указаній останутся неудачными. Я готовъ безропотно писать даромъ въ 10-20 м. лишь бы въ 21-мъ дали просимое т. е. одинъ приборъ облаченій, въ 42-мъ другой и т. д.".

По дѣламъ устройства какъ собора въ г. Токіо, такъ равно и другихъ Японскихъ православныхъ церквей преосвященный начальникъ миссіи вообще обращался за совѣтомъ и помощію къ о. Благоразумову, 26-го Апрѣля 1901 г. „Пришло время безпокоить васъ важною просьбою, которую пожалуйста исполните. Прошу прочитать прилагаемое письмо и потомъ прошу доставить его и вмѣстѣ заказать колокола. Пишу Николаю Дмитріевичу Финляндскому, съ которымъ былъ лично знакомъ въ 1880 г. Онъ былъ тогда молодымъ и цвѣтущимъ по здоровью; не хочется думать, чтобы онъ померъ, между тѣмъ въ вашемъ спискѣ Московскихъ богачей онъ не значится, а есть П. Н. Финляндскій; не сынъ ли это Николая Дмитріевича? А самъ онъ обрѣтается ли уже въ живыхъ? Если нѣтъ, то очень сожалѣю объ этомъ. Но дѣлу это нисколько неповѣха. Значитъ, пусть Павелъ Николаевичъ приметъ письмо, адресованное его отцу, и сдѣлаетъ то, о чемъ просится въ немъ, т. е. отольетъ колокола для нашей церкви въ Кіото и вышлетъ ихъ сюда, какъ о томъ изъясняется въ письмѣ. Пожалуйста Николай Васильевичъ, не поставьте въ трудъ, сами повидать г. Финляндскаго, лично переговорить и условиться съ нимъ о цѣнѣ и времени исполненія заказа, которое должно быть возможно скорымъ; также попросить чтобы заказъ былъ исполненъ съ полною добросовѣстностію къ чести имени г. Финляндскаго*) и въ такой дали какъ Японія. Если нуженъ задатокъ при заказѣ, то о. Оедоръ Быстровъ по вашему слову о семъ вышлетъ вамъ тотчасъ же. Я ему пишу о семъ нынѣ же и посылаю 500 р. какъ на нѣкоторые другіе расходы по миссіи, такъ и на случай сего требованія. Вся же уплата за колокола будетъ или выслана мною отсюда, по полученіи вашего извѣстія о стоимости ихъ, или произведена благотворителемъ, къ которому мнѣ посовѣтовалъ обратиться Левъ Александровичъ Тихоміровъ — постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей", сочувственно относящійся къ дѣлу миссіи, какъ показываетъ и его статья, касающаяся миссіи въ „Московскихъ

*) Знаменитый колокольный заводчикъ Финляндскій былъ крѣпостной человѣкъ князя Андрея Петровича Оболенскаго, сынъ котораго князь Василій Андреевичъ сказывалъ намъ, что Финляндскій не только не забывалъ того, но выражалъ неизмѣнно благодарность, какъ своему бывшему господину, такъ и дѣтямъ его. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вѣдомостяхъ" и его письма ко мнѣ. Я пишу нынѣ къ сему благотворителю черезъ г. Тихомірова и объ успѣхѣ или неуспѣхѣ моей просьбы будьте добры узнать у него. Г-ну Тихомірову я пишу также о васъ и прошу его повидаться и переговорить съ вами, а васъ нынѣ прошу о томъ относительно его.

Я пишу также благотворителю и объ иконостасѣ, прошу пожертвовать и этотъ весьма важный предметъ для церкви въ Кіото, т. е. заказать писаніе иконъ и подѣлку самаго иконостаса въ Москвѣ, какъ это было сдѣлано въ Петербургѣ для здѣшняго собора. Богъ вѣсть, будетъ ли успѣшна моя просьба. Если нѣтъ, то вы вмѣстѣ съ Львомъ Александровичемъ не придумаете ли къ кому другому обратиться? Такъ или иначе, только и иконостасъ съ иконами, также какъ и колоколà непремѣнно слѣдовало бы получить изъ Россіи, потому что, если мы станемъ устраивать его здѣсь, своими средствами и силами, то выйдетъ такъ бѣдно и некрасиво и такъ несоотвѣтственно столичной церкви, что печально и подумать о томъ. Ради Бога, примите душевное участіе въ этомъ и сдѣлайте все, что возможно съ вашей стороны! Какъ только уяснится дѣло о пожертвованіяхъ дайте мнѣ телеграмму по адресу Biscop Nicolay Tokio Iapan. Est. Это будетъ значить, что просьба и ваши старанія были успѣшны, или... (цыфра, сколько нужно выслать за иконостасъ) iconostas—это будетъ значить, что просьба моя и ваши старанія не имѣли успѣха и что я долженъ тотчасъ же выслать деньги за колоколà, а иконостасъ здѣсь дѣлать. Прилагаю здѣсь 50 р. Телеграмма вѣроятно будетъ стоить не больше половины этой суммы, и остальные 25 р. прошу передать Льву Александровичу за „Московскія Вѣдомости" для меня.

Ваша телеграмма отъ 26 Іюня получена была здѣсь въ самое горячее рабочее время, когда заканчиваемо было учебное дѣло предъ каникулами, и въ тоже время я выслушивалъ постепенно собиравшихся на соборъ священниковъ о состояніи ихъ церквей. Нечего и говорить, какъ много мы всѣ обрадованы были вашимъ первымъ словомъ: „есть". Мы прославили и возблагодарили Бога за милосердое Его благоволеніе къ миссіи, такъ очевидно являемое въ возбужденіи добрыхъ христіанъ благотворить ей и попеченіями и пожертвованіями. Развернувъ планы и чертежи, я вновь все прикинулъ, подумалъ и удивился, почему же не можетъ быть иконостасъ 3-хъ ярусный? Высота съ избыткомъ достаточная для того. Потомъ уже сообразилъ, что вѣроятно 3-хъ ярусный иконостасъ найденъ не гармонирующимъ съ величиною церкви. Но и въ одинъ ярусъ, какъ по плану, ужъ слишкомъ бѣдно и по моему тоже не изящно. Поэтому я и отвѣтилъ: „Нельзя ли два яруса?" Но въ тоже время, не полагаясь на свой вкусъ и не желая стѣснять соображеній спеціалистовъ, прибавилъ: „впрочемъ вполнѣ предоставляю вамъ".

Тѣмъ съ большею готовностію я сдѣлалъ это, что иконы, предполагаемыя въ иконостасѣ, всѣ обѣщаны были вашею телеграммою: „прочія иконы отдѣльно". По окончаніи собора и всѣхъ соборныхъ хлопотъ, я отправился въ Кіото взгля-

Библиотека "Руниверс"

путь на постройку храма. Она близка къ окончанію. Куполы уже высятся надъ окрестностію и ожидаютъ крестовъ, которые тоже отлиты и скоро будутъ позолочены и водружены на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ. Внутри стѣны приготовлены подъ штукатурку. Здѣсь я опять и много разъ соображалъ отношенія иконостаса къ церкви. Становясь въ разныхъ пунктахъ церкви, вблизи и вдали, и смотря на воображаемый иконостасъ—въ одинъ ярусъ, въ два и въ три. Прилагаю снятые на мѣстѣ размѣры алтарнаго фасада, если еще не поздно, для соображеній архитектора. Если иконостасъ будетъ въ 2 яруса, то одинъ рядъ иконъ вынесется на стѣны храма, какія это будутъ иконы: праздничныя или единичныхъ святыхъ, пусть опредѣлятся планомъ иконостаса и соображеніями объ изящности его и соотвѣтствіи плану храма. Не знаю въ точности, Василій Геннадіевичъ или другой благотворитель, или нѣсколько, открыли свою душу внушенію благодати Божіей помочь миссіи, но вижу, что это дѣло Божія Промысла во спасеніе благотворителей и многихъ здѣсь черезъ нихъ. Да будетъ же слава и благодареніе Господу и признательность благотворителямъ! Дѣло устроилось, очевидно, по вашимъ и Л. А. Тихомірова хлопотамъ. Примите же сами и передайте ему мою и всѣхъ насъ здѣсь глубочайшую благодарность за это.

7-го Января 1902 г. Какъ видите изъ прилагаемыхъ фотографій, въ Кіото постройка храма по наружности, перестройка церковныхъ зданій и обнесеніе всего оградой, съ трехъ сторонъ кирпичной, съ лицевой стороны чугунной на кирпично-каменномъ фундаментѣ закончены. Я посылаю фотографіи также добрымъ ревнителямъ благолѣпія миссіи и жертвователямъ Л. А. Тихомірову, В. Г. Дудышкину, А. Е. Епанешникову.

Паникадила и подсвѣчники, кажется, также обезпечены, какъ видно изъ письма г. Тихомірова. Преосвященный Нароѳній принимаетъ доброе участіе въ этомъ. Остается позаботиться о пріобрѣтеніи священническаго и причетническаго облаченій для воскресныхъ и праздничныхъ богослуженій въ новомъ храмѣ, а также и одинаковаго съ этимъ облаченіемъ куска парчи съ гасомъ, крестами для пошивки облаченій, на престолъ, жертвенникъ, аналой и столики. Не будете ли добры исходатайствовать у кого нибудь? Не слѣдуетъ, мнѣ кажется, безпокоить для сего вышеозначенныхъ благотворителей: они и безъ того очень много сдѣлали; совѣстно больше безпокоить ихъ.

Кстати ужъ, чтобы сказать все разомъ, а объ этомъ я давно хотѣлъ просить васъ: нельзя ли исходатайствовать у кого либо архіерейское облаченіе и для здѣшняго собора? Здѣсь есть золотое, подаренное Государемъ Императоромъ, когда онъ, будучи Наслѣдникомъ, посѣтилъ Японію; но я его берегу пуще глаза. Есть и бархатныя, пожертвованныя графинею Шереметевой и другими; эти изрѣдка, въ опредѣленные для того праздники, употребляются. А для воскресныхъ богослуженій было и есть одно—серебряной позолоченой парчи, пожертвованное въ Москвѣ въ 1880 г. Больше 20-ти лѣтъ почти не-

Библиотека "Руниверс"

измѣнно каждое воскресенье я его употребляю; и, конечно, оно устарѣло, какъ ни бережно мы съ нимъ обращаемся. Въ замѣнъ его нужно другое, такое же. Облаченіе изъ серебряной позолоченой парчи—самое приличное для воскресныхъ богослуженій. Для священниковъ и прочихъ, участвующихъ въ соборномъ служеніи мы почти ежегодно выписываемъ изъ Петербурга мишуровыя облаченія. Онѣ дешевы и новыя, благолѣпны, но скоро портятся, тогда мы разсылаемъ ихъ въ провинціальныя церкви, а для собора выписываемъ новыя. Такимъ образомъ у насъ кромѣ епископа, облаченія всегда свѣжія и благолѣпны: только у епископа всегда одно и тоже—старое, правда, изъ серебряной парчи, но обтершееся и съ висящими нитками, которыя то и дѣло приходится обрывать повозможности незамѣтно.

Вы прислали мнѣ большой списокъ Московскихъ богачей, и я часто держу его въ рукахъ, стараясь угадать, къ кому бы? Но какъ подумаю, сколько при постройкѣ собора я исписалъ бумаги на совершенно безотвѣтныя письма, то ужасъ обдержитъ пуститься опять въ такое же безнадежное и безвѣстное море. Дайте вѣрный компасъ.

29-го Іюля того же 1902 г. преосвященный Николай увѣдомлялъ о. Благоразумова о томъ, что многоразличныя просьбы его по дѣламъ устройства церквей, обращенныя какъ къ о. Благоразумову, такъ и къ другимъ благотворителямъ, исполняются.

„А вотъ и новая, сравнительно небольшая и не трудно исполнимая просьба. Домовыя иконы здѣсь есть—хромотипографія Троице-Сергіевой Лавры на полотнѣ, а также здѣшняго печатанія. Но часто просятъ иконъ по цѣнѣе. Цѣнныя, въ серебряныхъ окладахъ, также имѣются на всякій случай, но ихъ весьма рѣдко спрашиваютъ, а просятъ среднихъ между тѣми и другими. Въ Москвѣ не печатаются красками иконы на такихъ металлическихъ доскахъ. Недавно одинъ священникъ нашего военнаго судна подарилъ мнѣ такую икону Божіей Матери, весьма благолѣпную, и у меня тотчасъ же выпросили ее родители одной четы для благословенія ея предъ совершеніемъ бракосочетанія. Другіе также просятъ подобныхъ иконъ. Будьте добры купить такихъ намъ, на первый разъ не болѣе 10-ти. Если окажутся тѣми самыми, какихъ мы желаемъ, то, конечно, мы будемъ частыми заказчиками иконнаго магазина. Иконы должны быть именно благолѣпныя; если съ неправильными ликами, или съ другими изъянами, препятствующими чувству благоговѣнія и вмѣстѣ чувству изящнаго, то ихъ придется спрятать здѣсь и не показывать никому.

Иконы Пресвятой Богородицы благолѣпныя есть,—видѣнный образчикъ даетъ мнѣ увѣренность въ этомъ: но иконы Спасителя такія же благолѣпныя есть ли? Во всякомъ случаѣ иконы двѣ или три Спасителя пусть положатъ; прочія же иконы Пресв. Богородицы. Высота должна быть отъ 5-ти до 6-ти вершковъ. Пусть въ магазинѣ постараются уложить иконы такъ, чтобы тѣ

Библиотека "Руниверс"

пришли сюда безъ всякаго поврежденія. Адресъ черезъ Одессу въ Японію: Biscop Nicolay. Care of the Russian Imperial Consulate. Nagasaki Japon. По сдачѣ или отправленіи ящика въ контору Добровольнаго флота въ Москвѣ или въ Одессѣ, будьте любезны извѣстить меня объ этомъ, изъ магазина пусть извѣстятъ, чтобы мнѣ здѣсь попросить Нагасакскаго консула принять ящикъ съ парохода Добровольнаго флота и направить сюда. Счетъ изъ магазина съ вашимъ засвидѣтельствованіемъ пусть отправятъ къ о. Ѳеодору Быстрову: онъ неумедлитъ уплатить; я его теперь же прошу объ этомъ".

Чувство благодарности самое первое, что я ощутилъ по полученіи вашего дорогого письма отъ 17-го Ноября: его прежде всего и выражаю предъ вами и въ душѣ никогда не перестану питать, прося васъ и впередъ съ такою же любовію заботиться о миссіи, какую являетъ ваше нынѣшнее письмо. Съ исторіею иконостаса я отчасти знакомъ по письмамъ Л. А. Тихомірова, отъ васъ же нынѣ узналъ подробности. Заплатить за него 4335 р. и за колокола 1700 р. очень не желалось бы: это обѣднитъ миссію, а у насъ настоящихъ и будущихъ нуждъ непроглядное множество. Какъ и быть иначе? Она заводится съ ни кола—ни двора. Слава Богу, до сихъ поръ благопопеченіе святѣйшаго Сунода, Миссіонерскаго общества и разныхъ благотворителей не оставляло ея, за тоже она и обставлена уже порядочно въ Токіо, да вотъ и въ Кіото. А въ Оосака, гдѣ богослуженіе совершается въ тѣсной и низкой комнатѣ, лѣтомъ точно въ банѣ. А въ Хокодато, гдѣ досчатый храмикъ, построенный когда-то консульствомъ отъ гнилости грозитъ задавить молящихся? А въ Моріока? Въ Сапоро? Въ Окаяма? Въ Какосима? и т. д. Все это важные церковные пункты, гдѣ живутъ священники, и церкви крайне нужны, но гдѣ сами христіане, при всемъ ихъ усердіи, еще далеко не въ состояніи построить ихъ. Далѣе: увеличеніе числа служащихъ, при умноженіи церквей и проповѣди, расширеніе школъ для воспитанія служащихъ, развитіе церковно-печатнаго дѣла и т. д. Все это насущныя потребности, а мѣстныхъ средствъ для нихъ до того недостаточно, что почти и въ расчетъ ихъ нельзя принимать. Оставить эти нужды такъ? Тогда Японская церковь будетъ обречена на застой и мизерное существованіе... Вопросъ этотъ чрезвычайно важный и трудно разрѣшимый; многія головы здѣсь бьются надъ его разрѣшеніемъ, но успѣха еще не видно. Потому многія другіе головы и не пытаются разрѣшать; такъ, Католическая миссія на все свое церковное вынимаетъ прямо изъ своего кармана деньги и употребляетъ ихъ, не тратя многихъ словъ на вымоганіе издержекъ отъ Японскихъ христіанъ; епископальная и многія другія Протестантскія миссіи поступаютъ также; нѣкоторыя Протестантскія миссіи усиленно добиваются расходовъ отъ самихъ Японцевъ, и результаты до сихъ поръ всегда были мизерные. Конечно Японскіе христіане были бы рады не зависѣть въ своихъ церковныхъ нуждахъ отъ помощи иностранныхъ христіанъ; да что же дѣлать, когда и малое число ихъ и рѣдкость между ними людей богатыхъ дѣлаютъ физически невозможнымъ это? Рано еще для этого; бросьте дитя, даже отрока безъ посторонней помощи—что изъ него выйдетъ? Погибшій человѣкъ. Тоже можетъ быть и съ христіан-

Библиотека "Руниверс"

скимъ обществомъ, когда оно еще не возросло, не оперилось, не окрѣпло физически и нравственно. Оттого здѣсь и расчитываешь и экономишь въ одномъ, чтобы достало на другое, обрѣзываешь третье, чтобы надставить четвертое... Иконостасъ и колокола я задумалъ въ Россіи на обумъ; у меня съэкономлены и приготовлены были деньги на это, которыя и въ настоящее время имѣются наготовѣ. Но, какъ я обрадовался, когда получилъ извѣстіе, что то и другое будетъ пожертвовано! И у меня уже зароились планы и совершенно готовы въ головѣ обзавестись также храмомъ и небольшою школою Оосака, или же Хокодате: куда въ данную минуту рѣшительнѣе направилъ бы Господь мысли. Понятно, что мнѣ теперь не очень пріятна мысль похоронить всѣ эти надежды и внести вотъ ту цифру за иконостасъ и колокола. И такъ, добрѣйшій Николай Васильевичъ, насколько Богъ поможетъ, постарайтесь сохранить для миссіи эти суммы или часть ихъ. Если же это окажется неисполнимымъ, то, конечно, уплатите изъ миссійскихъ; примемъ это за волю Божію и успокоимся. Благодарность же моя вамъ и всѣмъ, принимавшимъ участіе въ устройствѣ иконостаса и колоколовъ, нимало и никогда чрезъ то неумалимы. Тѣмъ большая и глубокая всегдашняя благодарность будетъ за много истинныхъ пожертвованій, о которыхъ упоминаете, добытыхъ вами и лично вашихъ для Кіотской церкви и для миссіи. По полученіи здѣсь всего, распредѣленія въ храмѣ и освященіи его, я сочту, своимъ священнымъ и пріятнымъ долгомъ извѣстить жертвователей о полученіи ихъ даровъ и благодарить ихъ.

Для Якова Ефимовича Ванчикова препровождаю теперь же здѣсь письмо съ карточкою, а по наружности Евангеліе. Будьте добры пробѣжать, что я пишу ему и упоминаемый рисунокъ или фотографію иконостаса, если имѣется, пожалуйста возьмите у него и поспѣшите выслать, или побудите его поскорѣе сдѣлать это. Въ мелодіи и гармоніи колокольнаго звона я заранѣе увѣренъ. Въ превосходной отдѣлкѣ иконостаса и въ томъ, что онъ понравится Японцамъ, также увѣренъ. На сѣверной алтарной двери будетъ св. пророкъ Моисей. Значитъ, и во всѣхъ тѣхъ юго-западныхъ храмахъ, которые со временемъ построятъ Японскіе христіане, имѣя образцемъ Кіотскій храмъ, будетъ тоже. Спросятъ: „чей это обычай?" Я отвѣчу: „И. В. Благоразумова". Впрочемъ буду приводить и представленные вами резоны; значитъ, выйдетъ по Божьи. Когда освятится храмъ, какъ вы совѣтуете, опишу иконостасъ, приложу фотографію его и пришлю въ ваше распоряженіе.

Спрашиваете о Петрѣ Исикамэ. Не хотѣлось бы говорить, но вотъ: Сначала служилъ наставникомъ семинаріи; потомъ, прельстившись бо́льшимъ жалованьемъ, забылъ свои обѣты служить церкви, для чего былъ воспитанъ миссіею и перешелъ на службу переводчикомъ въ посольство; тамъ однажды, получивъ полторы тысячи отнести куда-то, удержалъ эти деньги у себя: когда хватились его въ посольствѣ, то могли вернуть отъ него только тысячу, а пять сотъ, какъ и мнѣ говорилъ посланникъ, онъ уже успѣлъ растратить. Потомъ онъ заболѣлъ и умеръ въ казенномъ госпиталѣ: умеръ съ напутствіемъ

Библиотека "Руниверс"

и погребенъ миссіею какъ бывшій наставникъ семинаріи. Женѣ его съ маленькою дочерью и матери его дано на дорогу къ отцу первой, служащему небольшимъ чиновникомъ. Недавно, по ходатайству одного изъ бывшихъ сослуживцевъ его здѣсь у его товарищей по Московской Академіи, получены мною отъ о. Быстрова 125 р., собранные этими товарищами для него, каковыя деньги тотчасъ же и переданы его женѣ и матери".

Заботы и хлопоты по устройству церкви въ Кіото не переставали тревожить и волновать преосвященнаго начальника Японской миссіи и въ 1903 г. Такъ уже въ Мартѣ означеннаго года онъ писалъ своему сотоварищу въ Москву слѣдующее письмо изъ Токіо. „Я только что вернулся изъ Кіото, куда ѣздилъ раскрыть ящики съ иконостасомъ и прочими церковными предметами, принять колокола, распорядиться установкою иконостаса и поднятіемъ колоколовъ. Послѣдніе пришли безъ всякаго изъяна изъ 10-ти ящиковъ; съ иконостасомъ, въ 5-ти, иконы вынали изъ кіотъ и свободно двигались внутри, почему въ кіотахъ не безъ ломки и порчи, на иконахъ также есть царапины, но, слава Богу, немного. Въ иконостасѣ еще оказалось то неудобство, что онъ почти на два фута оказался шире нашей церкви, почему мы принуждены были завернуть крайнія кіоты на клиросы; впрочемъ видъ отъ этого не испортился, и иные находятъ, что такъ еще лучше. Иконостасъ установленъ, колокола подняты, но освященіе приходится отложить до послѣ Пасхи, пока мастера исправятъ поврежденія: надо ихъ нѣсколько разъ красить и давать высыхать. Поврежденія впрочемъ всѣ мелкія; по исправленіи едва ли они будутъ бросаться въ глаза и портить общій видъ иконостаса; а онъ, дѣйствительно, весьма красивъ, настояще-фарфоровый; Японскіе мастера не поддѣлаютъ точь въ точь подъ эту манеру, не знаютъ какъ; у меня спрашивали, какъ это сдѣлано, я тоже не знаю. Впрочемъ, надѣюсь, что и они не очень ударятъ лицомъ въ грязь: образчикъ своей поддѣлки, наскоро приготовленный, они приносили показать; совсѣмъ на настоящую работу похоже, только едва ли долго сохранитъ этотъ видъ. Послѣ Пасхи, никакъ не позже недѣли Самаряныни, освятимъ храмъ. Тогда будетъ снята фотографія иконостаса и всего, что можно и прилично будетъ снять и послано будетъ вамъ, Якову Ефимовичу и другимъ радѣтелямъ и благотворителямъ. Дай Богъ, чтобы за иконостасъ не пришлось платить миссіи. Если же придется, то я немножко поропщу за дороговизну. Иконостасъ собора, ограждающій три алтаря, несравненно болѣе высокій и весь золотой, стоилъ всего 11-ть тысячъ, тогда какъ за Кіотскій Як. Ефим. хочетъ 4335 р. Впрочемъ, какъ я и писалъ, неизбѣжное приму за волю Божію и успокоюсь, а вамъ и другимъ радѣтелямъ и Якову Ефимовичу все таки буду благодаренъ за то, что иконостасъ и иконостасъ превосходный все же есть.

Металлическія хоругви—даръ вашихъ хоругвеносцевъ—что за прелесть! Только богатырей у насъ нѣтъ носить ихъ. Постараемся, впрочемъ, чтобы онѣ участвовали въ процессіи при освященіи храма; тогда, быть можетъ, удастся

Библиотека "Руниверс"

снять ихъ на фотографіи, которую и вышлю любезнымъ жертвователямъ вмѣстѣ съ благодарностію за этотъ даръ. Священные сосуды отъ г. хоругвеносцевъ тоже получены въ совершенно исправномъ видѣ; брошюры ихъ тоже.

Златокрасная парча, пожертвованная В. Г. Сапожниковымъ, великолѣпна. Изъ нея нынѣ здѣсь шьютъ облаченіе, въ которомъ священнослужащіе будутъ при освященіи храма, что, вѣроятно, тоже будетъ видно на предположенной фотографіи, которую, если удастся, отправлю тогда къ Владимиру Григорьевичу и буду благодарить его за щедрое пожертвованіе.

Образъ Спасителя—копія съ образа въ Москворѣцкой часовнѣ, писанный Михаиломъ Васильевичемъ Тѣлинымъ, пришелъ въ совершенной цѣлости; для него заказана кіота, и онъ будетъ поставленъ на правой сторонѣ храма. Противъ него, на лѣвой, будетъ въ такой же кіотѣ образъ Иверской Божіей Матери, копія съ чудотворной Московской, писанная В. П. Гурьяновымъ и пришедшая безъ малѣйшаго поврежденія. Обѣ иконы одинаковой мѣры и совершенно одинаковаго письма.

Ящикъ съ 10-ю иконами на дняхъ пришелъ въ цѣлости, и иконы мнѣ очень нравятся; но спасибо, что предупредили насчетъ ихъ непрочности. Я собирался благословлять ими вступающихъ въ бракъ нашихъ церковно-служащихъ, что большею частію и до сихъ поръ дѣлалъ, но на что подходящія иконы вышли. Придется отложить это намѣреніе. Но нѣтъ ли тамъ другихъ иконъ для сего неподвергаемыхъ упреку въ непрочности, но не менѣе благолѣпныхъ и не очень дорогихъ? Святоотеческая хрестоматія 3 экземп., св. Василій Великій какъ богословъ, естествоиспытатель 5 экз., описаніе Спасоборскаго собора—все получено и распредѣлено, какъ вами назначено, и за все приносимъ вамъ искреннюю благодарность. Получены еще:

1) Прекрасное паникадило на 20-ть свѣчей, вызолоченное, съ эмалью. Ставникъ къ нимъ въ пути, заказанъ въ Токіо.

2) Два большихъ и одинъ выносной подсвѣчники, тоже вызолоченные, первые со ставниками для елея.

3) Ковчегъ и еще приборъ священныхъ сосудовъ.

4) Сшитыя облаченія для священника и діакона, на престолъ и на жертвенникъ.

5) Напрестольный серебряный небольшой крестъ, и приборъ воздуховъ въ одной коробкѣ.

6) Большая запрестольная лампада, со стекляннои чашей подъ ней.

7) Душеполезное Чтеніе за нѣсколько лѣтъ, слова и прочія сочиненія преосвященнаго Виссаріона и прочія брошюры.

Библиотека "Руниверс"

Отъ кого и что отъ кого, спрашиваю у васъ, В. Г. Дудышкина и Л. А. Тихомірова, которымъ пишу нынѣ; они, конечно, знаютъ. Снабдившись свѣдѣніями, всѣхъ извѣщу о полученіи пожертвованій и, какъ вы благоразумно совѣтуете, всѣхъ поблагодарю. Нынѣ пишу также Як. Еф. Епанешникову, извѣщая о полученіи и постановкѣ иконостаса и благодаря его за оный.

Но вотъ еще что,—приникните внимательнымъ, но скромнымъ ухомъ. Писали вы „архіерейское облаченіе шлетъ вамъ г. Дудышкинъ". Онаго нѣтъ, и, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ Василій Геннадіевичъ, какъ и самъ писалъ о себѣ, человѣкъ небогатый. И такъ, не говоря ему ни слова объ облаченіи, чтобы не огорчить его (я ему никогда не перестану быть благодарнымъ, такъ какъ все же его иниціативѣ Кіотская церковь обязана тѣмъ, что имѣетъ иконостасъ и колокола) не обратитесь ли вы при удобномъ случаѣ къ кому нибудь другому съ просьбою сдѣлать доброе дѣло—пожертвовать епископское облаченіе для миссійскаго собора въ Токіо? Но именно золотой, или съ золотомъ парчи для воскресныхъ богослуженій, а не бѣлое или бархатное, такіе здѣсь есть и употребляются въ свойственные для того дни; воскресное же здѣсь совсѣмъ обветшало, такъ что совѣстно становится. Облаченіе это, конечно, не дешево, и потому не хотѣлось бы расплачиваться за него миссійскими средствами, для которыхъ и безъ того предвидятся многія нужды. Но если не найдется жертвователя, то нечего дѣлать, придется справить на миссійскій счетъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, т. е. по уясненіи, что пожертвованія не послѣдуетъ, будьте добры извѣстить О. И. Быстрова, чтобы онъ заказалъ на миссійскій счетъ. Я ему нынѣ же пишу о семъ и объясню все.

Сердечно, горячо благодаря васъ за всѣ минувшія и будущія хлопоты по миссіи, съ глубочайшимъ уваженіемъ и братскою любовію остаюсь вашимъ преданнымъ товарищемъ и благодарнымъ епископъ Николай".

20-го Мая того же 1903 г. преосвященный Николай извѣщалъ о. Благоразумова объ освященіи церкви въ Кеоте.

„Пишу вамъ подъ радостнымъ впечатлѣніемъ недавно совершившагося храмоосвященія въ Кеото. Благодареніе Господу! Онъ увѣнчалъ наши надежды и ваши хлопоты полнымъ успѣхомъ. Изъ прилагаемаго описанія вы увидите подробности. Будьте добры напечатать его въ Православномъ Благовѣстникѣ, для свѣдѣнія жертвователямъ. Посылаю и проповѣдь для напечатанія въ Благовѣстникѣ, если годится. Писали вы, въ видахъ исходатайствованія Я. Еф. Епанешникову званія придворнаго поставщика, прислать вамъ „описаніе" церковнаго торжества съ особеннымъ удареніемъ на иконостасъ. Не знаю, годится ли написанное мною для предположенной цѣли: но писать больше мнѣ кажется, вышло бы искусственно, между тѣмъ какъ написанное и кстати, и искренно: иконостасъ по истинѣ заслуживаетъ такого отзыва и отъ души желалъ бы Якову Ефимовичу получить искомое званіе, если бы даже и не сопряжено было съ

Библиотека "Руниверс"

этимъ еще болѣе глубокое мое желаніе, чтобы онъ освободилъ миссію отъ уплаты ему стоимости иконостаса. Пишу ему нынѣ по его адресу, а копію письма прилагаю здѣсь для вашего свѣдѣнія. Не знаю, какъ Богъ расположитъ его сердце. Для миссіи было бы очень тяжело уплатить 4335 р. Однакоже, если придется сдѣлать это, то, конечно, сдѣлайте, заимствовавъ изъ суммы миссійскаго содержанія; пусть будетъ имя миссіи честно, а ваше безъ нареканія".

„Писали вы еще „послать описаніе торжества въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", для напечатанія", и это дѣлаю. Посылаю Л. А. Тихомірову и прошу напечатать сполна, или въ сокращеніи, какъ редакція найдетъ удобнымъ; но что говорится про иконостасъ, то, навѣрное, не будетъ опущено".

„Исполняю и другія ваши указанія. Прилагаю здѣсь благодарность хоругвеносцамъ за хоругви и свящ. сосуды и прошу васъ передать имъ. Посылаю Японскій Новый Завѣтъ В. Г. Сапожникову и письмомъ благодарю его за парчу. Иконописцу В. Тюлину, адреса котораго не знаю, прилагаю здѣсь письмо. Будьте добры прочитать его, а потомъ передать и попросить, чтобы онъ принялъ дѣло также прямо и благодушно, какъ прямо и простодушно оно изложено. Тоже самое будьте добры сообщить и пожертвовавшему икону Иверской Божьей Матери г-ну Гурьянову, если знакомы съ нимъ и встрѣтите его; я не знаю ни имени, и отчества, ни адреса его и потому не могъ написать ему".

Въ двухъ письмахъ сохранившихся отъ слѣдующаго 1904 года преосвященный Николай ходатайствуетъ о скорѣйшей высылкѣ денежныхъ суммъ, ежегодно отпускаемыхъ на миссію Совѣтомъ Миссіонерскаго Общества. „Меня очень тревожитъ то, что деньги на содержаніе миссіи не приходятъ. Въ этомъ году не получена ни одна сумма ни откуда. Миссія доживаетъ послѣдніе остатки бывшей въ запасѣ построичной суммы. Если не поспѣетъ изъ Россіи помощь, то не знаю, какъ и быть. Въ долгъ едва ли кто дастъ. Если же дастъ кто, то возьметъ такіе проценты, что потомъ долго не перестанемъ ахать отъ убытка. И такъ, всячески надо стараться, чтобы изъ Россіи поспѣшили присылкою слѣдующихъ на содержаніе миссіи суммъ. На случай, если бы не дошло по назначенію мое подлинное отношеніе къ совѣту, посланное на дняхъ съ Англійскою почтою, прилагаю сію копію и покорнѣйше прошу высокочтимый Совѣтъ общества принять ее вмѣсто подлинника и сдѣлать неумедленно то, о чемъ здѣсь усердно просится. Прошу васъ также не оставить меня возможно скорымъ увѣдомленіемъ по сему предмету. Если деньги будутъ посланы телеграфнымъ способомъ, то онѣ придутъ раньше вашего письма. Но и при телеграфной пересылкѣ можетъ произойти, по нынѣшнему времени, какое нибудь недоразумѣніе, и тогда ваше письмо очень поможетъ ускорить устраненіе его. Церковь здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, пользуется полной охраной правительства. Изрѣдка, кое-гдѣ, черни пытается безпокоить христіанъ, но по первому же свѣдѣнію этого, мѣстныя власти принимаютъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію сего".

Библиотека "Руниверс"

„Я безмятежно занимаюсь переводомъ богослуженія, Пасху мы праздновали совершенно также, какъ всегда. Соборъ снялъ и былъ полонъ христіанъ. Я совершалъ богослуженіе соборнѣ, хотя въ прочее время предоставляю служить однимъ Японскимъ священникамъ, самъ же стою въ алтарѣ или на клиросѣ и молюсь часто о мирѣ и благоденствіи родныхъ душъ. Прошу засвидѣтельствовать мое глубокое уваженіе, при свиданіи, В. А. Гримгмуту, Л. А. Тихомирову, В. Дудышкину, Я. Е. Епанечникову и другимъ добрымъ знакомымъ и благотворителямъ миссіи. Церковь въ Кіото сохраняется въ дѣвственной чистотѣ и свѣжести и служитъ къ умноженію и преуспѣянію словесной церкви тамъ".

„Денегъ нѣтъ и нѣтъ никакихъ извѣстій о нихъ. Нынѣ уже дерзнулъ писать къ самому предсѣдателю миссіонерскаго общества высокопреосвященному Владимиру, все о томъ же, чтобы выслали поскорѣе содержаніе, не допустили миссію до страшнаго бѣдствія—морить съ голоду служащихъ, или же распустить ихъ, послѣ чего и христіане, еще не окрѣпшіе въ вѣрѣ, также разбредутся, за неимѣніемъ руководителей и пастырей или будутъ расхищены инославными. Такъ какъ въ душу закралось сомнѣніе, доходятъ ли моя корреспонденція, отправляемая чрезъ Японскій почтамтъ, то я нынѣ просилъ Французскаго посланника отправить пакетъ къ высокопреосвященному Владимиру, а равно и настоящее письмо, вмѣстѣ съ корреспонденціею чрезъ Французскій почтовый пароходъ. Ради Бога, выручите изъ бѣды! Похлопочите всячески, чтобы содержаніе миссіи безъ всякаго замедленія достигло ея. Если еще не послано, то поскорѣе напишите въ хозяйственное управленіе, чтобы оттуда чрезъ Французское посольство телеграфнымъ способомъ препровождено было къ Французскому посланнику здѣсь, для передачи мнѣ".

„Теперь отвѣчу на ваше письмо отъ 8-го Января, которое я получилъ 9-го Апрѣля. Дѣйствительно вы очень порадовали меня извѣстіемъ, что В. Г. Сапожниковъ пожертвовалъ на архіерейское облаченіе полный наборъ изъ золотаго глазета. Глубоко благодаренъ вамъ за просьбу о пожертвованіи и В. Г. за самое пожертвованіе и прошу васъ передать ему прилагаемую мою письменную благодарность. О. Ѳеодоръ пишетъ, что отдалъ парчу сшить облаченіе, но пришлетъ его для вѣрности, не раньше окончанія войны. Онъ благоразумно распорядился, и я терпѣливо подожду обновы. Очень пріятно также увѣдомленіе ваше, что директоръ Румянцевскаго Музея и публичной библіотеки сочувственно отнесся къ миссіи и не прочь одарить ее дублетами изъ музейской библіотеки. Что касается вопроса, какого рода книги желательны для здѣшней библіотеки, то, конечно, прежде всего по религіознымъ вопросамъ, начиная съ Св. Писанія, св. отцевъ, догматики и далѣе, а за тѣмъ и по свѣтскимъ наукамъ, начиная съ естественныхъ религій, философіи и далѣе и при томъ, если можно, не на одномъ Русскомъ, а и на другихъ языкахъ, особенно на Англійскомъ. Въ миссіи

*) „Освященіе храма въ Кіото (въ Японіи)" статья епископа Николая была отпечатана въ 13-мъ № журнала „Православный Благовѣстникъ" за 1903 г. а затѣмъ и отдѣльными оттисками. Москва, печатня Снѣгиревой.

Библиотека "Руниверс"

библіотека уже порядочная, больше 10 т. томовъ, и, нужно правду сказать, книги не застаиваются на полкахъ, есть кому читать: наши писатели, издатели нашей текущей прессы, наставники семинаріи, священники, катихизаторы, ученики. Все серьезное, чѣмъ будетъ одарена библіотека, непремѣнно принесетъ свою пользу. Скажите все это достопочтенному г-ну директору и попросите не поскупиться одарить насъ хорошими книгами. 60 р. переданы мною попечителю семейства покойнаго Исикамэ г. Ивасова и здѣсь прилагается его росписка. Миссія и церковь по всей Японіи благополучны. Правительство строго слѣдитъ, чтобы война не имѣла никакого религіознаго оттѣнка, чтобы за Православіе, хотя имя его связано съ Россіею, никто изъ христіанъ не былъ преслѣдуемъ. Въ двухъ мѣстахъ были попытки фанатиковъ обидѣть Православныхъ, такъ правительство съ такою строгостію отнеслось къ этому, что нашимъ же христіанамъ пришлось потомъ просить простить обидчиковъ. Спасибо имъ за это! Но грустно, грустно, грустно, что нашъ флотъ почти уничтоженъ, войска два раза разбиты. Вотъ что значитъ неприготовленность и самомнѣніе. Нужно надѣяться, что въ концѣ концовъ мы одолѣемъ. Терпѣливый Куропаткинъ дождется достаточно войскъ, чтобы побѣдоносно двинуться и погнать Японскія арміи обратно. Но Боже, сколько крови, сколько калѣкъ, сколько смертей впереди, хотя и назади уже многія тысячи! Да умягчится скорѣе гнѣвъ Божій и да пошлетъ Господь миръ мірови".

31-е Марта 1905 г. Токіо.

„Изъ военноплѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Японіи, въ числѣ 63844 человѣкъ, многіе не грамотны; имъ нужны первоначальныя книжки для обученія чтенію и письменныя принадлежности для обученія письму, потомъ грамматики и христоматіи, всѣмъ же прочимъ, какъ офицерамъ, такъ и грамотнымъ нижнимъ чинамъ, нужны книги для чтенія. Изъ книгъ прежде всего нужны религіозныя: Священное Писаніе, творенія, или извлеченія изъ твореній св. отцевъ, священныя исторіи, житія святыхъ, объясненіе богослуженія и различныя другія вѣроучительныя и нравоучительныя сочиненія; затѣмъ книги серьезно научныя для гг. офицеровъ, учебники по всеобщей и Русской исторіи, географіи, математикѣ, физикѣ и прочимъ наукамъ, какъ для школъ, заведенныхъ офицерами въ разныхъ колоніяхъ, такъ и для чтенія грамотнымъ нижнимъ чинамъ, и наконецъ, беллетристическія сочиненія и періодическія изданія, особенно иллюстрированныя. Обращаюсь съ усерднѣйшею просьбою ко всѣмъ, имѣющимъ возможность жертвовать, не поскупиться на книги для облегченія участи плѣнниковъ, скучающихъ и тоскующихъ какъ отъ своего тяжелаго положенія, такъ и отъ неимѣнія чѣмъ занять душу и наполнить время. Книги изъ всѣхъ мѣстъ Россіи могутъ быть посылаемы прямо въ Японію, по адресу: Японія. Токіо. Начальнику Русской духовной миссіи епископу Николаю Japon, Tokio, Biskop Nicolai. Все съ почты здѣсь безпрепятственно доставляется въ миссію. По полученіи въ миссію, книги немедленно будутъ распредѣлены сообразно съ числомъ имѣющихъ пользоваться ими и разсылаемы по колоніямъ военноплѣнныхъ.

Библиотека "Руниверс"

„Желающихъ жертвовать деньгами на книги, прошу посылать свои приношенія сотрудникамъ Японской духовной миссіи: въ Москвѣ: Благочинному придворныхъ соборовъ и церквей, протоіерею Николаю Васильевичу Благоразумову (Зубовскій бульваръ, д. дворцоваго вѣдомства); въ Петербургѣ—протоіерею Михайловскаго Инженернаго замка—Ѳедору Николаевичу Быстрову (въ зданіи замка) и протоіер. Благовѣщенской, на Васильевскомъ островѣ, церкви Іоанну Іоанновичу Демкину (въ церковномъ домѣ близъ Благовѣщенія). Они будутъ покупать и посылать сюда книги, указанныя жертвователемъ; если же не указаны, то по своему усмотрѣнію".

„Кромѣ книгъ нужны для военноплѣнныхъ шейные крестики. Многіе потеряли имѣвшіеся у нихъ, просятъ у миссіи въ замѣну потерянныхъ другіе; просятъ въ благословеніе Японскій крестикъ. Миссія по возможности удовлетворяетъ просящихъ, но, къ прискорбію своему, далеко не можетъ удовлетворить всѣхъ. Серебряный крестикъ съ прочнымъ шелковымъ шнуркомъ къ нему, стоитъ здѣсь 15 коп. У миссіи рѣшительно нѣтъ средствъ на такой расходъ чтобы благословлять всѣхъ военноплѣнныхъ крестиками; а какъ хорошо было бы порадовать всѣхъ ихъ удовлетвореніемъ столь благочестиваго желанія. Помогите, добрые соотчичи, сдѣлать это. Вѣрьте, что рѣдко на что другое болѣе богоугодно можно употребить отъ имѣющагося у васъ избытка, чѣмъ на это. Военноплѣнные, когда или на полѣ битвы, заранѣе обрекли себя на всѣ страданія отъ ранъ и на смерть за отечество и за насъ съ вами; великій крестъ они взяли тогда на себя и смѣло, рѣшительно, понесли. Господь сохранилъ ихъ отъ смерти, но многіе изъ нихъ несутъ крестъ страданія отъ ранъ, и всѣ вообще несутъ крестъ скорби, несравненно болѣе тяжелый, чѣмъ несемъ мы съ вами, скорбя за отечество. Всѣ они своими подвигами и страданіями не ложно заслужили крестъ на грудь; но это дѣло нашего Милостиваго Государя Императора; мы же скромно благословимъ ихъ знакомъ, который еще ближе сердцу христіанина, видимымъ и ощутимымъ знакомъ ихъ невидимаго душевнаго креста, понесеннаго и несомаго ими. Кто участливымъ сердцемъ проникнетъ къ этой моей усердной просьбѣ, того прошу свою жертву препровождать сюда или чрезъ одинъ изъ банковъ, имѣющихъ сношенія съ Японіей, или чрезъ вышеозначенныхъ сотрудниковъ миссіи съ упоминаніемъ, что это на крестики военноплѣннымъ. Быть можетъ также редакція „Московскихъ Вѣдомостей" будетъ столь обязательна, что позволитъ желающимъ въ контору ея присылать свои пожертвованія, для препровожденій ихъ сюда. Отчетъ во всѣхъ суммахъ присылаемыхъ въ Миссію для военноплѣнныхъ будетъ своевременно напечатанъ начальникомъ миссіи къ общему свѣдѣнію. Прошу другіе газеты перепечатать это мое воззваніе. Епископъ Николай 31 Марта 1905 г. Токіо".

„23 Марта 1906 г. Скоро пришлю отчетъ миссіи о пожертвованіяхъ черезъ нея на военноплѣнныхъ. Такъ какъ его многимъ нужно послать, то онъ отпечатается здѣсь и въ такомъ видѣ будетъ разосланъ.

Неутѣшительны новости изъ Россіи! Нѣтъ ли чего тамъ и такого, на чемъ могутъ покоиться радостныя надежды на будущее? Написали бы, если

Библиотека "Руниверс"

есть! Порадовали бы! А то, право, тоска гнететъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ въ настоящіи дни здѣсь обираютъ Русскія пушки и разставляютъ на площади возлѣ императорскаго мѣста. И будетъ ихъ 500! Слышите ли, 500 Русскихъ пушекъ, забранныхъ у Русскихъ. Иныя изъ нихъ 24 сант. Чудища, взятыя, кажется, преимущественно съ отдавшихся въ плѣнъ судовъ. И будутъ эти трофеи вмѣстѣ съ множествомъ другихъ, возимы въ процессіи по всей столицѣ 30-го Апрѣля, когда будетъ справляться великое военное торжество—пораженія Россіи, разбитія ея въ пухъ и прахъ на сушѣ и на морѣ; а потомъ свидѣтели сего, эти 500 пушекъ будутъ установлены на площади на всегданнее напоминаніе о силѣ и вліянія Японіи и позорѣ и уничиженіи Россіи для воспитанія національной гордости и еще вящаго патріотизма въ будущихъ поколѣніяхъ. У насъ то, Русскихъ, при видѣ всего этого какія чувства могутъ питаться? Вы какъ-то писали, винили между прочимъ и меня, будто мы здѣсь проглядѣли силу Японіи и ея приготовленія къ войнѣ? Нашли кого винить! Здѣсь всегда жили военный и морской агенты, которыхъ спеціальная обязанность была наблюдать за военными дѣлами Японіи, обо всемъ оповѣщать кого слѣдуетъ и предупреждать. Кажется, и они невиноваты. Они писали, предупреждали, и тѣ, кому вѣдать надлежитъ, не обращали на нихъ вниманія. Говорятъ, что когда открылась война, донесенія нашихъ агентовъ такъ и нашли подъ сукномъ, быть можетъ даже и не просмотрѣнными. Гордость-то у насъ была не соразмѣрна съ нашей силой. Одинъ генералъ Вогакъ, тоже бывшій военный агентъ, только не въ Японіи, а въ Китаѣ, выразился такъ: „Война Японіи съ Россіей? Да это тоже, что стрекоза задумала бы напасть на военную колесницу". Ну вотъ и напала! Только роли перемѣнились. Стрекозою огромнѣйшею, мягкотѣлою и неуклюжею оказалась Россія, а военною колесницею—Японія, катающаяся теперь на 500 лафетахъ отъ Русскихъ пушекъ и стоняющая эти пушки точно стадо гусей къ себѣ на площадь на явленіе всему міру своей славы и Русскаго позора. Будемъ благодарить Бога хоть за то, что наше съ вами суденышко, не видимо ведомое Великимъ Кормчимъ самимъ Господомъ, все же благополучно плыветъ по волнамъ моря житейскаго, нимало не повредившись; все на немъ уцѣлѣло въ полной сохранности, и плыветъ оно, повидимому еще бодрѣе заковыляло по волнамъ".

А вы за это успокойте его слѣдующимъ: похлопочите, чтобы Совѣтъ Общества поскорѣе послалъ сюда содержаніе. Миссійскій отчетъ я давно уже послалъ, и онъ, кажется, полученъ и провѣренъ. Изъ него видно, что еще за прошлый годъ не все содержаніе выслано, а за нынѣшній—нисколько. А деньги здѣсь на исходѣ; пришло только изъ казны за 1-е полугодіе, и изъ этого остается всего на мѣсяцъ: если скоро не придетъ изъ Совѣта Общества, то миссія поставлена будетъ въ большое затрудненіе. И такъ ускорите присылку, если еще не послано. Вещевой отчетъ, т. е. о пожертвованіяхъ военнолѣчебнымъ книгами и проч., также готовъ у меня. Скоро будетъ напечатанъ для разсылки многимъ. Послать бы для напечатанія въ „Москов. Вѣд." и „Новое Время"? Да напечатаютъ ли? Слишкомъ великъ, и множество жертвователей останутся въ

Библиотека "Руниверс"

недоумѣніи, дошли ли ихъ жертвованія. Оттого и печатаю; кстати это дешево и при томъ же на мой личный счетъ. И такъ до скораго свиданія еще при посылкѣ отчетовъ".

Въ письмѣ отъ 8-го Апрѣля того-же года.

Такъ какъ вы писали, что Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Осодоровна изволила препроводить еще для военно-плѣнныхъ изданія Лавры преподобнаго Сергія, то я взялъ смѣлость препроводить и къ ней отчеты съ тѣми же приложеніями, какіе посланы вамъ. Если это сдѣлано мною неблагоразумно, то вашей любезности предоставляю извинить предъ Ея Высочествомъ мою неумѣстную смѣлость.

„Послалъ также и другимъ военнымъ лицамъ въ Москву; высоковреосвященному Владимиру, преосвящ-мъ викаріямъ Трифону и Никону. Послалъ редакторамъ „Москов. Вѣдом." и „Русскаго Дѣла", также Л. А. Тихомирову. Послалъ еще нѣкоторымъ, чьи адресы знаю. Но нѣкоторымъ не могу послать за неимѣніемъ адресовъ. Напр. докторъ Дерюжинскій прислалъ 40 р. Слѣдовало бы увѣдомить его о полученіи его жертвы, а гдѣ же онъ? Не знаю. Вотъ для этого пришлю вамъ по 5 экз. обоихъ отчетовъ; будьте добры, если найдете д-ра Дерюжинскаго, передайте одинъ ему, а другіе кому сами знаете изъ жертвователей".

„23 Марта я писалъ вамъ, послалъ росписку А. Ивасова въ полученіи имъ 60 р. для семьи Исикамэ; надѣюсь письмо дошло до васъ. Тамъ я просилъ еще объ ускореніи ассигновки на этотъ годъ изъ Совѣта Миссіонерскаго Общества, потому что деньги здѣсь на исходѣ, а въ долгъ не у кого просить. Прошу и теперь отослать: пожалуйста, похлопочите, чтобы скорѣй послали. Всегда сердце не на мѣстѣ, когда видишь дно кассы, а спокойствіе духа нужно для могущества дѣлъ—помогать вѣдь некому и такъ пожалѣйте и меня и дѣло!.... А какъ дѣло по уплатѣ за иконостасъ для Кіотской церкви? Чѣмъ кончилось и кончилось ли? Я еще не знаю, извѣстите. Денегъ съ миссіи новидимому не требуютъ и дай-то Богъ чтобы не потребовали! Въ нынѣшнемъ году особенно много экстренныхъ расходовъ и было и будетъ; соборъ нынѣ очень большой у насъ будетъ, и на это немалый расходъ,—сторожамъ, служащимъ церкви, содержаніе ихъ здѣсь и проч. Церковныя дѣла здѣсь идутъ гораздо оживленнѣе нынѣ, чѣмъ во время войны; съ военнымъ порохомъ улетѣло на воздухъ много предразсудковъ Японцевъ противъ Православной церкви, спасибо и за это! Пишите пожалуйста: что вы такъ скупы на письма? Если бы вы знали, какъ радъ здѣсь бываешь письму отъ васъ и отъ другихъ сотрудниковъ, то вы конечно, были бы болѣе сострадательны и щедры къ утѣшенію письмами—знайте же!

Токіо 27 Іюля 1906.

Приношу вамъ душевную благодарность за ваше любезное письмо отъ 31-го Мая и отвѣчаю на него. Вы меня удивили извѣстіемъ о посланныхъ въ пользу военнопл'ѣнныхъ суммахъ. Вотъ ясныя и вѣрныя свѣдѣнія каса-

Библиотека "Руниверс"

тельно сего предмета съ моей стороны. 1 (14) Сентября 1905 г. я получилъ изъ хозяйственнаго управленія для военноплѣнныхъ въ числѣ разныхъ другихъ суммъ: „отъ протоіер. Николая Благоразумова 500 р.“. А въ вашемъ письмѣ ко мнѣ, полученномъ раньше этого, сказано было, что изъ этихъ 500 р. должно быть выдано 60 р. семейству Исакамэ. Я въ точности такъ и поступилъ,—это вы и видѣли въ приходо-расходномъ отчетѣ о пожертвованіяхъ на военноплѣнныхъ.

Въ церкви здѣсь, благодареніе Богу, все благополучно. Изъ семинаріи нынѣ выпущено 7, изъ Катехизическаго училища 8 на службу катехизаторами. На только что окончившимся здѣшнемъ соборѣ засѣдали 216 чк., въ томъ числѣ 172 служащихъ церкви въ разныхъ званіяхъ и 44 представителя церквей. На немъ уяснено, что нынѣ всѣхъ Православныхъ христіанъ въ Японіи 22283 человѣка; за послѣдній годъ, съ прошлогодняго собора, крещено 801 чк. Японскихъ священниковъ нынѣ у насъ 31, изъ нихъ одинъ рукоположенъ по избранію нынѣшняго собора: діаконовъ 7, проповѣдниковъ 169,—больше, чѣмъ когда либо доселѣ. Прилагаю небольшую фотографію собора; снята внезапно, безъ всякаго предупрежденія, любителемъ все снимать, писателемъ нашихъ христіанскихъ брошюръ, Исаіею Мидзусима, который и самъ тамъ видѣнъ стоящимъ у клироса“.

Кстати прилагаю и другую фотографію,—передачи мнѣ облаченія и чтенія адреса въ соборѣ. Это, изволите видѣть, христіане справили 25 лѣтіе моего епископства. Оно было въ прошломъ году, но тогда неудобно было; я надѣялся, что забудутъ и совершенно неожиданно попалъ вотъ въ какое положеніе, въ какомъ видите. Безъ малѣйшаго свѣдѣнія моего собрали сумму на епископское облаченіе и справили его, все изъ Японскихъ матеріаловъ, даже митру вышили и точно изъ лучшей мастерской въ Москвѣ! 28-го Іюня предложили мнѣ отслужить благодарственный молебенъ, въ сослуженіи всѣхъ собравшихся на соборъ священниковъ, и послѣ молебна,—вотъ дарятъ облаченіе; а о. Павелъ Савабе и о. Симеонъ Мія, кандидатъ Кіевской Академіи, выступили читать адресъ. Когда я сталъ отвѣчать на адресъ, то увидѣлъ, что между нашими христіанами, наполнявшими соборъ, были и посторонніе гости: направо Англійскій епископъ и другой изъ самыхъ уважаемыхъ Протестанскихъ миссіонеровъ,—налѣво нашъ посланникъ съ супругою и члены посольства; по выходѣ изъ храма было, конечно, снятіе общей фотографической группы, а потомъ еще въ ближайшей къ миссіи городской залѣ духовный концертъ вокальный и музыкальный, устроенный нашими пѣвцами и артистами. Не могу не упомянуть, что Англійскіе и Американскіе епископы сдѣлали еще слѣдующую любезность. Въ это время было въ Токіо 11-ть епископовъ, здѣшнихъ и прибывшихъ изъ Китая и Кореи для совмѣстныхъ, исключительно епископскихъ засѣданій и составленія правилъ къ руководствамъ ихъ миссіямъ. Они прислали мнѣ чрезъ одного изъ нихъ же подписанное всѣми привѣтственное письмо съ поздравленіемъ и молитвенными благопожеланіями. Вообще

Библиотека "Руниверс"

нужно сказать, что епископы здѣсь, также д. б. и въ Китаѣ и Кореѣ, относятся къ нашей миссіи очень дружелюбно: мы имъ платимъ тѣмъ же. Впрочемъ мы со всѣми стараемся жить мирно и избѣгаемъ ссоръ, помня апостольскую заповѣдь: „рабу Господню не подобаетъ сваритися".

„Не напрасно вы сообщили то, что я послалъ отчеты и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Осодоровнѣ: Ея Императорское Высочество удостоила меня телеграммою, въ которой благодаритъ за это. Если найдете возможнымъ, то будьте добры повергнуть передъ нею мою глубокую признательность за эту неожиданную для меня честь. Быть можетъ, также найдете возможнымъ выразить мое истинно сердечное сочувствіе ея горю. Я вдали здѣсь скорбѣлъ о смерти Великаго Князя, ея супруга. Смѣю увѣрить, не менѣе, если не болѣе всѣхъ патріотовъ въ Россіи, имѣю къ тому, кромѣ общихъ всѣмъ побужденій, свои личныя: я имѣлъ счастіе узнать Великаго Князя, когда онъ былъ еще отрокомъ. Въ 1870 г., когда я былъ въ Петербургѣ, я былъ приглашенъ во дворецъ разсказать объ Японіи ему и его младшему брату Павлу Александровичу, и онъ до сихъ поръ въ моемъ воображеніи какъ живой съ тѣмъ серьезнымъ, дѣтски-прекраснымъ лицомъ и внимательнымъ взоромъ, съ какими тогда слушалъ мой разсказъ".

Послѣднее письмо архіепископа Николая отъ 8-го Февраля 1907 г.

„Въ Москвѣ печатаютъ иконы очень благолѣпныя и въ тоже время не дорогія, на металлѣ и другихъ матеріалахъ. Хотѣлось бы имѣть нѣсколько такихъ иконъ для особыхъ случаевъ здѣсь, напр. для благословенія брачущимся, не отъ меня, а отъ родителей: просятъ у миссіи такихъ иконъ за деньги. Простыя домовыя иконы у насъ имѣются, но я говорю о болѣе благолѣпныхъ. Видѣлъ я такія иконы у священниковъ на судахъ, кое у кого въ посольствѣ; всѣ говорятъ, что иконы въ Москвѣ куплены; какъ будто въ серебряныхъ рядахъ, но несеребряныя; лики очень благолѣпные: вѣроятно по 1 р. или нѣсколько больше. Вотъ такихъ будьте добры купить и послать сюда или же переслать о. Ѳ. Быстрову для пересылки сюда; но не очень большія, но и не малыя, вершк. 4—6. Спасителя и Богоматери иконъ по десяти, хорошо уложенныхъ, такъ чтобы бумага не касалась ликовъ, не пристала къ нимъ".

Пожалуйста пишите побольше! Что это вы все молчите. Пеняю вамъ на васъ. Радуйте иногда вѣстями о себѣ, о дѣлахъ Миссіонер. Общества, о прочемъ интересномъ въ Москвѣ; тамъ ли теперь нѣтъ интереснаго? А теперь примите поклонъ, привѣтъ, почтеніе и любовь искреннѣйше преданнаго вашего однокашника и слуги, покорнаго архіепископа Николая".

Этимъ письмомъ заканчивается переписка высокопреосвященнѣйшаго Николая съ о. Благоразумовымъ.

Сообщилъ **Н. Кедровъ**.

Библиотека "Руниверс"

Извлекаемъ изъ „Новаго Времени“ (8 Февраля 1912) слѣдующія автобіографическія показанія архіепископа Николая.

„Будучи отъ природы жизнерадостнымъ, я не особенно задумывался надъ тѣмъ, какъ устроить свою судьбу. На послѣднемъ курсѣ Духовной Академіи я спокойно относился къ будущему, сколько могъ веселился и какъ-то отплясывалъ на свадьбѣ у своихъ родственниковъ, не думая о томъ, что черезъ нѣсколько времени буду монахомъ. Проходя какъ-то по академическимъ комнатамъ, я совершенно машинально остановилъ свой взоръ на лежавшемъ листѣ бѣлой бумаги, гдѣ прочиталъ такія строки: „Не пожелаетъ ли кто отправиться въ Японію на должность настоятеля посольской церкви въ Хокодате и приступить къ проповѣди Православія въ указанной странѣ?—„А что, не поѣхать ли мнѣ?“ рѣшилъ я и въ тотъ же день за всенощной уже принадлежалъ Японіи. Когда я ѣхалъ туда, я много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ невѣста, поджидавшая моего прихода съ букетомъ въ рукахъ. Вотъ пронесется въ ея тьмѣ вѣсть о Христѣ, и все обновится. Пріѣхалъ,—смотрю моя невѣста спитъ самымъ прозаическимъ образомъ и даже не думаетъ обо мнѣ. Какое было мое разочарованіе, когда я встрѣтилъ совершенно противоположное тому, о чемъ мечталъ! Тогдашніе Японцы смотрѣли на иностранцевъ, какъ на звѣрей, а на христіанство, какъ на злодѣйскую секту, къ которой могутъ принадлежать только преступники. Мало того, правительство Японіи издало такой указъ, что если „даже Самъ христіанскій Богъ явится въ Японію, то и Ему голову долой“. Надо мною издѣвались, меня травили собаками, бросались камнями, а самурай Савабе пришелъ меня убить, и только помощь Божія спасла меня отъ неминуемой смерти тѣмъ, что въ душѣ Савабе произошелъ неожиданный душевный переворотъ, и я его крестилъ своими руками, какъ первенца Японскаго православія“. „Въ эти первые годы, всѣ три врага спасенія, міръ, плоть и діаволъ, со всею силою возстали на меня и по пятамъ слѣдовали за мною, чтобы повергнуть меня въ первомъ же темномъ и узкомъ мѣстѣ. И искушенія эти были самыя законныя по виду: развѣ я, какъ всякій человѣкъ, созданъ не для семейной жизни? Развѣ не можешь въ мірѣ блистательно служить Богу и ближнимъ? Развѣ, наконецъ, не нужны нынѣ люди для Россіи болѣе, чѣмъ для Японіи?“ и т. д.

„Господь попустилъ насъ испытать гоненіе, но неизбѣжная туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красы природы, такъ минувшее испытаніе воспламенило еще болѣе и безъ того полныя ревности сердца чадъ Христовыхъ. Въ Сендай бы теперь! Болѣе сотни вѣрующихъ жаждутъ тамъ св. крещенія. Въ Осака бы теперь! Вездѣ сочувствующіе намъ, вездѣ жаждущіе насъ, вездѣ дѣло живое, животрепещущее, вездѣ зачатки жизни полной, горячей, глубокой. И да внемлетъ Богъ моимъ словамъ, моей клятвѣ! Не вѣрите искренности моихъ словъ? Увы, я слишкомъ ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую самъ свою искренность. Что я? Имѣю косный и слабый языкъ возвѣщать дѣла Божіи. Но камень бы развѣ на моемъ мѣстѣ не заговорилъ?..“ *).

*) Напомнимъ, что въ „Р. Архивѣ“ 1907 г. помѣщена любопытнѣйшая записка архіепископа Николая о Японіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АРХИВА Н. О. КУТЛУБИЦКАГО*).

Среди обширной корреспонденціи на имя Николая Осиповича Кутлубицкаго и его жены Авдотьи Савельевны, рожд. Ваксель, сохранились письма историко-бытоваго значенія. Въ нихъ выразилась Русская жизнь за сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ не похожая на нынѣшнюю. Таковы прилагаемыя здѣсь письма—о собачкѣ отъ Дм. Панютина, о тканомъ платкѣ отъ Колокольцовой, о Французахъ-учителяхъ—Ив. Трусевича, о *„продажныхъ людяхъ“* отъ него-же; воззваніе о способномъ ученикѣ Ивановѣ, письмо Панютина о Московской жизни, и др. Не менѣе своеобычно объявленіе самаго Кутлубицкаго о потерѣ имъ *„сантимента“*.

*

Милостивая государыня Авдотья Савельевна.

Пріѣхалъ въ Москву и сейчасъ уѣзжаю, но успѣлъ исполнить приказаніе ваше сыскать собачку-оболоночку безподобную. Цѣна триста рублевъ, то ежели угодно получить, то извольте препоручить знакомымъ оную осмотрѣть и отписать моей женщинѣ Маврѣ, которая живетъ въ домѣ Ѳ. М. Вельяминова-Зернова, на Арбатѣ, у Спаса на Пескахъ, возмете или нѣтъ, потому что другіе отымаютъ: но я по знакомству мадамъ упросилъ не продавать до полученія вашего письма.

Покорный слуга Дмитрій Панютинъ.

Москва, 23 Декабря 1802 года.

---

*) *Н. О. Кутлубицкій* († 1849 г.) (бывшій ген.-адъютантъ Павла) съ 1801 г. по 1841 г. проживалъ въ *Костянкѣ*, Арзамасскаго уѣз. Нижегородской губ., пожалованной ему въ 1796 г., гдѣ и сохранилась часть его архива. Очень любопытны и для біографіи Павла важны его разсказы, записанные А. И. Ханенкою и напечатанные въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г. Въ настоящее время въ домѣ Кутлубицкаго помѣщается Земская больница.

Библиотека "Руниверс"

*

Я возвратился изъ Петербурга 24 Ноября. Новостей тамъ много, но вы знаете по газетамъ. Многихъ охотниковъ нашелъ было къ вашему превосходительству иностранцевъ, но въ деревню никто не ѣдетъ. Ободранъ, ощипанъ, сутки не ѣвши, а въ деревню, баитъ, не хочу! Наконецъ одного Француза напалъ было по рекомендаціи молодого князя Лопухина; онъ прожилъ три дня тамъ у меня, за 500 р. въ годъ, но подговорили его учителемъ за 1200 р. Посудите, до какого состоянія дошли, а онъ ничто иное, какъ солдатъ, правда по-французски и по-нѣмецки знаетъ, но не по правиламъ: каковы-же дѣти будутъ у этаго учителя? И здѣсь ихъ много, а въ деревню не хотятъ ѣхать.

Князь Гаврила Петровичъ вамъ кланяется; онъ въ подмосковной поживаетъ; я вчерась отъ него пріѣхалъ.

Ея превосходительству Авдотьѣ Савишнѣ особое мое почитаніе свидѣтельствую и цѣлую заочно объ ея ручки. Я думаю, ей нетерпѣливо хочется видѣть меня, и знаю для чего.... Но увѣрьте ее, что я не гожусь!

Если вы не будете эту зиму, то увѣдомьте. Я опять стану стараться. Мнѣ жалко вашихъ маленькихъ кавалеровъ, что они не будутъ воспитаны Французами. Первое благополучіе—Французское нравоученіе имѣть. Покорный слуга Иванъ Трусевичъ.

19 Декабря 1807 года.

*

Я вамъ послалъ берейтора, коновала и штукмейстера и цырульника, а всего одинъ, кажется, человѣкъ добрый; если онъ вамъ полюбится, то будетъ вашъ, но съ тѣмъ, чтобъ и жену его взяли отсюдова, она сахаръ добрый. Про здѣшніе слухи я не смѣю писать, ибо больше ложныхъ, чѣмъ справедливыхъ; но утверждаютъ, что Французъ съ Цесарцами замирился и много Цесарцевъ взялъ что-то и на насъ непріятно смотритъ; сказываютъ, уже рекрутъ съ 500 душъ 7, безъ зачету милиціонныхъ и квитанціевъ.

Иванъ Васильевичъ Гудовичъ въ Москву—главнокомандующимъ, а Кочубей, говорятъ, министромъ финансовъ, а впрочемъ много болтаютъ, а писать нечего. Иванъ Трусевичъ.

8 Сентября 1809 года. Москва.

Библиотека "Руниверс"

Увѣдомляю еще о вашей дѣвушкѣ. Она, проживъ на мѣстѣ полгода—и сошла куда, за чѣмъ, неизвѣстно, и не могли сыскать пока срокъ паспорту не кончался. Тутъ сама явилась, и узнали, что живетъ у ужасной мадамы, которая торгуетъ дѣвками, а не шляпками. Я ее взялъ и отвезъ было къ Алексашкѣ, но тотъ не принялъ и сказалъ, что ему даромъ ея не надобно. Теперь отдали на Кузнецкій мостъ къ мадамѣ, и она уже говоритъ, что молодые люди къ ней приходятъ подъ видомъ родственниковъ; боюсь, что не будутъ больше держать. Худо мужчину пущать на оброкъ, а дѣвку и того хуже: захвораетъ либо страстной болѣзнею, и тогда бросить ее надобно! И не знаю, что вамъ вздумалось ее отпустить, вотъ вамъ и непріятность. Я съ нея насилу 25 р. оброку получилъ.

*

Милостивый государь Николай Осиповичъ.

За одолжительное ваше намъ посѣщеніе приношу мою покорную признательность. Съ удовольствіемъ выполняю волю вашу: платокъ какой вамъ угодно я велю ткать, и противъ назначенной мѣры съ двухъ сторонъ широкая кайма, а съ другой узкимъ бортомъ; точно эдакимъ манеромъ ткутъ у графини Толстой, которой заставитъ немножко замѣшкаться, и я васъ прошу меня увѣдомить, угодно ли вамъ, такъ я бы не мѣшкая заставила отдѣлать, а безъ вашего письма я не могу рѣшиться затыкать, а цѣною для васъ 800 р. Графини Толстой небольшой для ея дочери 600 р., а такой величины какой вамъ угодно, я два продала по тысячѣ рублей нынѣшнее лѣто въ Москвѣ. Прошу васъ увѣдомить меня поскорѣе. Аполонъ Никифоровъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Вамъ, милостивый государь, покорная къ услугамъ Елисавета Колокольцова.

Получ. Сентября 26, 1812 г.

*

Письмо вашего превосходительства отъ 6 Октября имѣлъ честь получить, а по нонѣшней почтѣ и довѣренность отъ князя о продажѣ дворовыхъ людей, въ томъ числѣ который у васъ Иванъ Петровъ. Я очень радъ, что могу имъ услужить вашему превосход—ву за 500 р. Въ довѣренности сказано, или я кому повѣрю отъ себя, то какъ вамъ угодно, здѣсь ли крѣпость совершить на имя ваше, то пришлите совершить, или вамъ прислать вѣрющее письмо. Пришлите на расходы 25 р., а жену его непремѣнно возьмите и тамъ можете по паспорту отпустить, а здѣсь этого сдѣлать нельзя. Съ письменными паспортами здѣсь не держутъ. Она уже успѣла и мужнино все пропить, отбила его

Библиотека "Руниверс"

№	Реэстръ придворнымъ людямъ.	Лѣта.		Цѣна.	
		Муж.	Женщ.	Руб.	Коп.
1.	Василій Матвѣевъ бочаръ.	42	—	500	
	Жена его Катерина.	—	42		
	Сынъ Павелъ	8	—		
2.	Максимъ Петровъ садовникъ, пальцы отморожены.	32	—	600	
	Жена его Ѳекла.	—	28		
3.	Петръ Степановъ, хорошій егерь.	59	—	250	
	У него жена Катерина.	—	51		
4.	Филипъ Михайловъ.	68	—	800	
	У него жена Дарья.	—	65		
	У нихъ сынъ Никита, печникъ, годенъ въ солдаты.	20	—		
5.	Потапъ Кондратьевъ мельникъ.	38	—	1000	
	У него жена Дарья.	—	33		
	У нихъ дѣти:				
	Федоръ грамотѣ умѣетъ.	14	—		
	Алексѣй	12	—		
	Петръ	8	—		
	Николай.	6	—		
6.	Иванъ Ильинъ полотеръ и трубочистъ. . .	43	—	500	
	У него жена Домна.	—	25		
	Сынъ Иванъ.	4	—		
	Дочь Матрена	—	2		
7.	Егоръ Новожилокъ кучеръ	44	—	500	
	У него жена Мавра.	—	39		
	Дочь Наталья	—	12		
8.	Иванъ Петровъ берейторъ и канавалъ. . .	36	—	700	
	У него жена Катерина	—	32		

Библиотека "Руниверс"

сундуки и все вытаскала; вотъ какое сокровище! Какіе люди назначены въ продажу, прилагаю реэстръ. Поведенія я ихъ не знаю, а спросите Ивана Петрова. Если вздумается вамъ купить, скорѣй увѣдомьте.

Иванъ Трусевичъ.

27 Октября 1809 года. Москва.

Отвѣты.

Милостивая государыня Елисавета Григорьевна. Почтеннѣйшее вашего превосходительства письмо имѣлъ честь съ нарочно ѣздящимъ отъ Егора Григорьевича получить. Приношу мою чувствительнѣйшую благодарность, что вы утѣшили меня въ малодушіи моемъ относительно платка и позволяете для меня оный заткать. Я съ большимъ удовольствіемъ назначенную вами за оной цѣну согласенъ къ вамъ доставить; только покорнѣйше прошу, когда поспѣетъ, то не отказать вашимъ увѣдомленіемъ. Теперь позвольте мнѣ особенно быть вамъ благодарнымъ и признательнымъ какъ вамъ, такъ и м. г. Аполлону Никифоровичу.

Николай Кутлубицкій.

Письмо отъ васъ имѣла честь получить. Съ большимъ удовольствіемъ выполняю волю вашу, платокъ велю заткать, какой вамъ угодно мѣрой и цвѣтомъ, точно такой каймой, которую вы изволили видѣть. Истинно желала бы, какъ можно скорѣе вамъ услужить; за отъѣздомъ нашимъ въ Саратовъ не могу прежде Февраля вамъ услужить, а всѣ силы употреблю скорѣе назначеннаго сроку. Ел. Колокольцева.

Октября 10-го 1812 г.

Черновикъ объявленія отъ Н. О. Кутлубицкаго.

Сего 1805 года Маія 12 дня потерянъ въ красномъ сафьянномъ футлярѣ *сантиманъ изъ черныхъ волосъ*, на коемъ подъ стекломъ въ золотой оправѣ сдѣланы бляшки изъ волосъ-же: а въ золотой пряжкѣ врѣзанъ *перстень* съ свѣтло-голубымъ сафиромъ, осыпанъ въ два ряда бриліантами. Обронень-же онъ по Арбатской улицѣ, промежду Арбатскихъ воротъ и Николы на Пескахъ. Кто оный *сантиманъ* найдетъ и доставитъ на Поварскую улицу, въ приходъ Ржевской Богородицы, въ домѣ Кошелева подъ № 28, то подарено будетъ 25 *р.*

Библиотека "Руниверс"

Воззваніе.

Почтеннѣйшіе покровители наукъ!

Имѣя честь знать одного бѣднаго офицера обремененнаго большимъ семействомъ и принужденнаго отказывать себѣ даже въ приличномъ званію его содержаніи, рѣшился я въ облегченіе ему принять подъ свой надзоръ одного сына мальчика *), немало обѣщающаго въ себѣ, котораго и содержалъ своимъ капиталомъ $1^1/_2$ года. Въ теченіи сего времени успѣлъ онъ кончить Россійскую грамотку, отъ части ариѳметики, математики и часть отечественной географіи, также довольно показалъ успѣховъ въ чистописаніи и наконецъ, обучаясь рисованію, превзошелъ по мнѣнію свѣдущихъ и безпристрастныхъ цѣнителей многихъ, гораздо долѣе и при лучшихъ пособіяхъ занимавшихся симъ искусствомъ, въ доказательство чего можетъ онъ представить опыты своего искусства передъ лицомъ благодѣтельныхъ особъ. Такимъ образомъ узнавъ о его способностяхъ и дарованіяхъ, прискорбно всякому благородно чувствующему сердцу оставить ихъ безъ дальнѣйшаго усовершенствованія. Почему его сіятельство господинъ здѣшній губерніи представитель дворянства князь Георгій Александровичъ Грузинскій, движимъ будучи чувствомъ человѣколюбія, пожертвовалъ на вспомоществованіе ему 50 рублей. Одобренной благотворительной рукой его сіятельства, имѣлъ я счастіе собрать отъ благотворныхъ особъ больше 100 руб., на кои и купилъ мальчику нѣсколько классическихъ книгъ и екипировалъ его приличнымъ офицерскому сыну образомъ. Поступивъ нынѣ самъ въ ополченіе, долженъ я съ прискорбіемъ оставить его безъ призрѣнія. Почтеннѣйшіе покровители наукъ! Къ вамъ прибѣгаю съ покорной просьбой: ежели гдѣ щедроты ваши могутъ достойнѣе быть излиты, то по чувству благородныхъ душъ на содержаніе безпомощнаго мальчика, образующагося въ наукахъ и доказывающаго къ нимъ любовь свою. Одно ваше человѣколюбіе можетъ изъ сего безпомощнаго птенца сдѣлать благодарнаго сына не только вамъ покровителямъ, но и отечеству.

Ив. Филимоновъ.

Нижній-Новгородъ, 18 Декабря 1812 г.

Сообщилъ **Ив. А. Бронскій.**

*) Ученикъ П. Г. Ивановъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АЛЬБОМА „СВѢТЛАНЫ".

У А. А. Протасовой (которую Жуковскій прозвалъ „Свѣтланою"), отъ брака ея съ Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ, было три дочери. Младшая изъ нихъ, Марія Александровна, вышла замужъ за графа Александра Ивановича Бревернъ-Делагарди и отъ него имѣла сына и двухъ дочерей, изъ коихъ графиня Александра Александровна Бревернъ-Делагарди любезно доставила намъ альбомъ своей бабушки, съ рисунками и стихами Жуковскаго и многими стихотвореніями дѣда своего. Писаны они въ селѣ Муратовѣ, Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, куда владѣтельница Екатерина Аѳанасьевна, обыкновенно жившая въ Бѣлевѣ, по кончинѣ своего супруга Андрея Ивановича Протасова (бывшаго Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства) уѣхала въ 1812 году, вѣроятно для того, чтобы быть дальше отъ непріятельскаго нашествія, гроза котораго вынуждала многихъ помѣщиковъ уѣзжать въ ихъ дальнія владѣнія. Въ альбомѣ только одно стихотвореніе написано въ Дерптѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Воейковъ, женившись, получилъ должность профессора Русской словесности черезъ посредство Жуковскаго и А. И. Тургенева.

Почти весь альбомъ относится къ 1814 году, когда Воейковъ сдѣлался женихомъ младшей изъ двухъ дочерей Екатерины Аѳанасьевны. Воейковъ былъ очень даровитый и умный человѣкъ, но стихи его въ этомъ альбомѣ не имѣютъ особеннаго достоинства и конечно далеко уступаютъ его „Дому Сумасшедшихъ".

Жуковскій былъ ему товарищемъ по Университетскому Благородному Пансіону, но между ними въ нравственномъ отношеніи не было никакого сходства. Можетъ быть, Жуковскій и познакомилъ Воейкова съ Протасовыми, еще въ Москвѣ, куда онѣ иногда пріѣзжали изъ Тульской губерніи на зимніе мѣсяцы.

Екатерина Аѳанасьевна Протасова (рожд. Бунина) была женщина высокой добродѣтели и, какъ видно изъ Уткинскаго сборника, который издала ея правнучка М. В. Безъ, твердо держалась церковныхъ уставовъ: она не позволила Жуковскому жениться на старшей ея дочери Маріи Андреевнѣ (вышедшей въ 1817 году замужъ за профессора Дерптскаго Университета И. Ѳ. Моера).

Библиотека "Руниверс"

Альбомъ этотъ переплетенъ въ кожанный тисненный золотомъ переплетъ и состоитъ изъ 30 уцѣлѣвшихъ листовъ (многіе листы вырваны). Всѣ стихотворенія писаны рукою Воейкова, и только въ двухъ мѣстахъ рука Жуковскаго. Кромѣ стихотвореній и нѣсколькихъ отлично исполненныхъ акварельныхъ рисунковъ, много набросковъ карандашомъ. Кому принадлежатъ эти рисунки, Жуковскому, великому мастеру рисованія, или самой Свѣтланѣ, мы не знаемъ. На 15 листѣ изображеніе дѣвушки, играющей на арфѣ, на 17-мъ набросокъ карандашомъ какой-то пожилой женщины въ кацавейкѣ, на 18-мъ копія съ картины изъ восточнаго быта, въ маленькомъ видѣ, и рядомъ часть ея увеличенная; на оборотѣ 19-го листа пейзажъ, раскрашенный акварелью; на 27-ой въ четырехъ кружкахъ акварельные портреты (два вырѣзаны); на 28-мъ акварельный набросокъ громаднаго стариннаго Нѣмецкаго зданія; на 30-мъ рисунокъ карандашемъ дѣвушки, закутанной шалью. Но главное содержаніе альбома составляютъ стихотворенія Воейкова, выдержки изъ его перевода Делилевыхъ Садовъ и многочисленныя обращенія къ своей невѣстѣ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, а также два доселѣ неизвѣстныхъ стихотворенія Жуковскаго. П. Б.

Къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ (Протасовой).

Цвѣтами счастія, ума, высокихъ чувствъ,
Природы и искусствъ,
Осыпавшей тебя Судьбинѣ,
Угодно было дать двухъ грацій-дочерей,
И отказать тебѣ въ любезномъ сынѣ.
Но Благость щедрою десницею своей
Жуковскаго тебѣ усыновила,
И въ немъ вознаградила.
Онъ нѣжный сынъ. Нѣтъ, онъ нѣжнѣе сыновей;
Примѣръ почтенья, послушанья.
Сынъ есть даръ случая, а онъ любви твоей
И твоего избранья*).

P. S. Сіи стихи написаны безъимяннымъ авторомъ, принесены зефиромъ, высочайше одобрены и внесены за скрѣпою въ разрядную книгу. Контрасигнировалъ А. Воейковъ.

На оборотѣ рукою Жуковскаго:

Ктобъ ни былъ ты, зефиръ, пѣвецъ иль чародѣй!
Когда ей сыномъ быть лишь тотъ имѣетъ право,
Кто первою своей
И радостью и славой
Считаетъ тишину ея священныхъ дней:

*) Тутъ намекъ на возможность Жуковскому быть зятемъ Е. А. Протасовой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ комъ каждое души движенье
Любовью къ ней освящено.
И для кого надеждъ малѣйшихъ исполненье
Въ ея желаніи одномъ заключено;
Кто цѣнитъ счастье только съ нею.
И презритъ счастіе одинъ:
То право на сіе названье я имѣю.
Ты не ошибся: я ей сынъ!

Ж.

1814. 12 Генваря.

Посланіе Воейкова къ Жуковскому.

Ты, который съ равной легкостью
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и элегіи,
Музъ любимецъ и учитель мой
Въ описательной поэзіи!
Добрый другъ, открой мнѣ таинство!
Гдѣ ты взялъ талантъ божественный
Восхищать, обворожать умы,
Нѣжить сердце, воображеніе?

Не Зевесъ ли положилъ печать
На челѣ твоемъ возвышенномъ?
Не Минерва ль обрекла тебя
При рожденьи чистымъ Музамъ въ даръ?
Намъ талантовъ пріобрѣсть нельзя:
Мы съ талантами рождаемся.
Всѣ піитики, риторики,
Всѣ Лагарпы, Аристотели
Не содѣлаютъ поэтами.
Что̀ наука? Кормчій смысленный,
Искушенный и воспитанный
Въ школѣ времени и опытовъ:
Но безъ вѣтра моремъ плыть нельзя
И писать безъ дарованія.

Ты поэтомъ родился на свѣтъ,
Въ колыбели повитъ лаврами.
Родился—и улыбнулася

Библиотека "Руниверс"

Мать природа сыну милому,
И всѣ виды для очей твоихъ
Въ красоту преобразилися.
И всѣ звуки сладкогласіемъ
Въ нѣжный слухъ твой проливалися.
Представляешь ли Фантазію.
Какъ она по свѣту рыскаетъ,
Подостлавши самолетъ-коверъ
Алый макъ держа въ одной рукѣ,
А въ другой ширинку бѣлую,
Претворяетъ въ пурпуръ рубище,
Въ пышный храмъ шалашъ соломенный;
Узы тяжкія желѣзныя
Въ вязь мельчайшую, цвѣточную.
Всѣ блестящія краски радуги
На палитру натираешь ты.
Всѣ цвѣты въ поляхъ растущіе
Рвешь, плетешь изъ всѣхъ одинъ вѣнокъ.
И вѣнчаешь имъ прелестную
Дщерь Зевесову—Фантазію.

Со друзьями ли бесѣдуешь
Подъ покровомъ клёновъ сѣтчатыхъ,
На коврѣ луговъ узорчатыхъ,
Гдѣ ручей журчитъ по камешкамъ,
Гдѣ шумъ сладкій бродитъ по лѣсу:
Ты, сливая голосъ съ лирою,
Поощряешь къ наслажденіямъ,
Къ сладострастію изящному.

О, друзья мои! вѣщаешь ты,
Жизнь есть мигъ; она пройдетъ какъ сонъ,
Какъ улыбки слѣдъ прелестныя,
Какъ минутный Филомены гласъ
Умолкаетъ за долиною.
Посмотрите, какъ за часомъ часъ
Оставляетъ насъ украдкою.
Какъ знать? Быть можетъ, завтра же
Мы уснемъ въ могилѣ праотцевъ;
Такъ почто же дни столь краткіе
Отравлять еще заботами.
Подлой страстью сребролюбія,

Библиотека "Руниверс"

Домогаться пресмыканіемъ
Мзды за низость жалкихъ почестей?
Насладимся днемъ сегодняшнимъ,
Въ чашѣ радости потопимъ грусть
И, стаканомъ о стаканъ стуча,
Смерть попросимъ, чтобъ нечаянно
Посѣтила среди пиршества,
Такъ какъ добрый, но нежданный другъ.
Иль съ Свѣтланою прелестною
Вечеркомъ Крещенскимъ рѣзвишься.
Топишь въ чашу бѣлый воскъ
И, бросая свой золо̀тъ перстѐнь
Ты поешь подблюдны пѣсенки
О потерѣ друга милаго.
О, соперникъ Гёте, Бюргера!
Этой сладкою поэзіей,
Этой милой философіей
Ты плѣняешь, восхищаешь насъ.
Превосходенъ и въ бездѣлицахъ,
Кисть Альбана въ самыхъ мелочахъ.

Но почто же, мой почтенный другъ,
Ты съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летишь,
Такъ какъ пчелка златокрылая,
Такъ какъ рѣзвый мотылекъ весной?
Ты умѣешь соколо̀мъ парить
И конемъ летѣть черезъ поприще.
Состязайся жъ съ исполинами
Съ увѣнчанными поэтами:
Соверши двѣнадцать подвиговъ,
Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
Въ Русскомъ вкусѣ повѣсть древнюю,
Будь нашъ Виландъ, Аріостъ, Баянъ.

Мы имѣли славныхъ витязей,
Святослава со Добрынею;
А Владиміръ Русско-солнышко,
Нашъ Готѳредъ иль великій Карлъ,
А Димитрій басурмановъ бичъ,
Петръ-Самсонъ, раздравшій челюсть льва,

Библиотека "Руниверс"

Великанъ межъ великанами;
А Суворовъ—мечь Отечества,
Затемнившій славой подвиговъ
Александра, Карла, Цесаря;
А Кутузовъ—щитъ Отечества.
Мышцей крѣпкою, высокою
Сокрушившій тьмы и тысячи
Колесницъ, коней и всадниковъ,
Такъ какъ вѣтръ великій Сѣвера
Истребляетъ пруги алчные,
Губитъ жабы ядовитыя.
А Платовъ, который, какъ волхвъ,
Сѣрымъ волкомъ рыщетъ по лѣсу,
Сизымъ орломъ по поднебесью,
Щукой зоркой по рѣкѣ плыветъ,
И въ единый мигъ и тамъ и здѣсь
Колетъ, гонитъ и въ полонъ береть!

Выбирай, соображай, твори!
Много славы много трудностей.
Слава цѣнится опасностью,
Одолѣнными препятствіями.
Въ колыбели сынъ Юпитеровъ
Задушилъ змѣй черной зависти,
Но за то Геракль на небо взятъ,
И тебѣ, орелъ поэзіи,
Подлѣ Грея, подлѣ Томсона
Мѣсто на небѣ готовится.

Надпись на бѣлой книгѣ, которая опредѣлена Жуковскимъ для эпической поэмы Владиміръ.

Не книга это—поле Славы!
Въ ней не бумажные—лавровые листы.
И не каракульки—Альбановы черты.
Развѣянъ прахъ царей, повержены державы.
Не устоялъ Гомеръ.
Пѣвца Владиміра стихи славнѣе будутъ,
Ихъ станутъ приводить изящности въ примѣръ,
Когда и самого Гомера позабудутъ.

Библиотека "Руниверс"

Гомеръ былъ Музою Парнасской наученъ,
Жуковскій Ангеломъ небеснымъ вдохновленъ.

Далѣе слѣдуютъ извѣстные стихи Жуковскаго къ Воейкову „Добро пожаловать пѣвецъ“....

*

Въ грозу прогуливаясь съ Александрой Андреевной, 31 Марта 1814 г.

Фантазія.

Гремитъ! Покойны мы душою.
Твой Богъ и я съ тобою,
Чего бояться намъ?
Отецъ, рази! Съ надеждой ожидаемъ,
Съ любовью, вѣрою въ тотъ міръ перелетимъ,
И передъ трономъ мы Твоимъ
Свою молитву окончаемъ.

*

Къ Александрѣ Андреевнѣ побѣдительницѣ въ шахматной игрѣ.

11-го Января.

Что̀ шашечница?—Поле славы!
Что̀ шашки?—Вѣстники о подвигахъ твоихъ.
Неотразимъ твой жезлъ кровавый,
И смерть плыветъ въ Ладьяхъ твоихъ.
Шумъ, стукъ мечей, полотрясенье,
Болтанье Нѣмочки, текущее рѣкой,
Вранья Жуковскаго свирѣпое стремленье
Впереди, окрестъ и за тобой!
Глуха, нѣма, слѣпа, не видишь, не внимаешь:
Твоя душа въ конѣ.
Твой умъ въ слонѣ!
Холоднокровіемъ противника смущаешь.
Блистаешь и разишь.
Ты больше чѣмъ Кутузовъ:
Онъ побѣждалъ, плѣнялъ лишь Турокъ и Французовъ.
А ты и Русскихъ не щадишь.

*

Библиотека "Руниверс"

На болѣзнь матушки, 3 Апрѣля 1814 г.

Когда бъ Творецъ, склонясь къ мольбамъ и плачу,
Здоровье намъ твое позволилъ выкупать:
Годъ жизни Сашиной рѣшился бъ я отдать,
Свою бы отдалъ всю въ придачу.

*

Къ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

Не сходно съ вами мнѣ играть—божусь.
Ничѣмъ не возвратить мнѣ первенства утрату:
Вы *Шахъ* мой—этимъ я горжусь;
Но, признаюсь.... боюсь я *Мату*.

Рукою Жуковскаго:

Восйковъ, братъ.
Ты славно въ шахматы играешь:
Ты счастье Матомъ называешь.
И подлинно ты *Матъ!*

Къ Маріи Николаевнѣ Свѣчиной*).

Не правда, нѣтъ! Не всѣ ты побѣдила страсти:
Согласенъ, надъ тобой любовь лишилась власти;
Прошло желаніе талантами блистать,
Плѣнять и ослѣплять:
Но бѣдныхъ, страждущихъ и сирыхъ къ утѣшенью....
Осталась страсть къ благотворенью.

*

Къ моему другу.

Когда потухнутъ солитеры,
Слиняетъ злато власъ,

---

*) Это двоюродная сестра „Свѣтланы", дочь ея тетки Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой. Она разошлась со своимъ супругомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

И станетъ шамкая, соперница Венеры,
Плевать зубами каждый разъ:
Ты будешь мнѣ мила равно, мой другъ сердечный.
Душа прекрасна вѣчно!

*

Къ ней же.

Веселая мечта, услада горькой муки!
Пріятно въ часъ разлуки
Свиданья часъ воображать,
Его прекрасно ожидать
Еще прекраснѣе дождаться,
А лучше бы не разлучаться.

*

Къ Сашѣ.

О Ангелъ! Голосъ твой молящій
Творца благодарящій,
Есть голосъ горнихъ лиръ.
Взглядъ на тебя—въ восторгѣ умиленну,
Предъ Искупителемъ колѣнопреклоненну,
Есть взглядъ въ небесный міръ.

*

Къ моей Сашѣ.

Вотъ Петербургъ, Москва въ изображеньѣ!
На нихъ смотря,
Гуляй по улицамъ столицъ въ воображеньи,
И только!... Вѣрь пловцу, который всѣ моря
Всѣ мели, всѣ скалы извѣдалъ въ бурномъ бѣгѣ,
И только слышалъ лишь о брегѣ.
Муратовскихъ небесъ всегда ясна лазурь,
Въ домашнемъ ручейкѣ не опасайся бурь:
Но отъ береговъ его не удаляйся
И странствовать лишь въ садъ пущайся.

*

Тостъ Января 6-го 1814.

Ура, сегодня твой возвратъ
Съ полей отмщенія и крови,
Подъ сѣнь и дружбы и любви,
Поэтъ нашъ милый, милый братъ.

Библиотека "Руниверс"

Скажи, средь ужасовъ хранимый,
Какова ангела рукой,
Ты возвратился невредимый?
Скажи, кто смерть смягчилъ мольбой?
Кто небо умолилъ слезами
Принять тебя въ покровъ святой?
Сей добрый геній, твой спаситель,
Твой Богъ намъ будетъ божествомъ.
Ему, друзья, бокалъ съ виномъ.
Ура! Жуковскаго Хранитель*).

*

Къ моей первой и послѣдней.

Счастливъ кому своей рукой
Ты чай душистый наливаешь
Счастливъ съ кѣмъ въ шахматы играешь,
Счастливъ кто говоритъ съ тобой.
Но безъ сомнѣнія счастливѣе тотъ смертный
Стихамъ котораго, какъ будто бы при немъ,
Заочно свой хранишь альбомъ
Завѣтный.

*) Служившій въ народномъ ополченіи, участникъ Бородинскаго боя, Жуковскій, тяжко заболѣлъ послѣ сраженія подъ Краснымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Изъ писемъ братьевъ Полевыхъ къ В. К. Карлгофу.

Марта 10 дня 1833 г. Москва.

Милостивый государь Вильгельмъ Карловичъ.

Если бы вы пріѣхали теперь въ Москву и пришли ко мнѣ, то застали бы все точно такъ, какъ было прежде. Блаженъ народъ, котораго исторію читать скучно. Оборотя эту фразу, можно примѣнить ее къ семейственной жизни, и однообразіе въ жизни семьянина есть порука, что ему хорошо.

Я печатаю теперь IV-й томъ Исторіи; готовилъ съ братомъ остальные номера Телеграфа за прошедшій, и 4-ю и 3-ю за нынѣшній годъ. Скоро начну печатать новый романъ свой (опять подъ благочестивымъ названіемъ: „Судъ Божій“). Послѣдняя часть „Клятвы на гробѣ Господнемъ“ отпечатана. Еще думаю выдать собраніе старыхъ и новыхъ повѣстей своихъ, подъ титуломъ: „Мечта и жизнь“ (одну изъ новыхъ, можетъ быть, вы прочитали въ 1-мъ и 2-мъ номерѣ Телеграфа за сей годъ: „Блаженство безумія“. Другую помѣщу въ 6-мъ и 7-мъ, подъ названіемъ, „Художникъ“. Если только не умру, то издамъ въ нынѣшнемъ году Исторіи IV, V и VI-й томы. Шестой оканчивается восшествіемъ на престолъ Годунова. Изъ всего этого можете судить, какъ я занятъ. Чего другого, а въ недостаткѣ трудоспособности меня упрекнуть нельзя.

Что-то вы подѣлываете? Новоселье. . . . . *) Петербургъ, прекрасно для одного, двухъ издателей; но признаюсь отъ цѣлаго собранія Русскаго Парнаса я ожидалъ болѣе. Съ чего Жуковскій лѣзетъ въ Русскую кожу? Для чего Пушкинъ такъ фигуритъ, чтобы

*) Одно слово не разобрано. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

сказать вздоръ? Брамбеусъ уморителенъ, но онъ забылъ, что лежачаго не бьютъ, и что ему не годится тыкать чорта à posteriori—это гадко! Одоевскій слишкомъ перехитрилъ. Всего лучше понравился мнѣ Гречъ своими „Воспоминаніями“. Изъ воспоминаній Шишкова я узналъ, что Екатерина писала дурные стихи. Жаль!—Кстати, *кто-то* обѣщалъ мнѣ стихи (къ Алексѣеву, помнится) и отдалъ ихъ другому....

Простите болтливость: вѣдь я журналистъ и притомъ самый старшій послѣ Греча. Но я всегда новъ буду въ чувствѣ совершенной преданности, съ какою есть и буду вашъ усердный

П. Полевой.

*

Москва. 1833. Мая 17 дня.

Вы меня порадовали извѣстіемъ о Кукольникѣ. Вѣрю вамъ, восхищаюсь наперед, если онъ оказываетъ такой необыкновенный талантъ; но совсѣмъ не помню что̀ онъ печаталъ до сихъ поръ и гдѣ? Если онъ удерживался еще и печатать, это одинъ изъ признаковъ дарованія сильнаго, надежнаго на себя, недовольнаго собою, а недовольство собою есть ручательство хорошаго. Прошу васъ поручить меня знакомству истиннаго поэта. Въ обмѣнъ за извѣстіе о Кукольникѣ скажу вамъ нѣчто смѣшное. Здѣсь также проявился было геній, нѣкто Бахтуринъ. Дамы, а многіе и кромѣ, были отъ него въ восторгѣ. Мой любезный увлекающійся всѣмъ прекраснымъ Вельтманъ жестоко спорилъ со мною. Наконецъ—тиснулъ одну поэму Бахтурина, и я похохоталъ надъ Вельтманомъ, когда онъ съ изумленіемъ говорилъ: „Да онъ и грамоты Русской не знаетъ!“ На дняхъ получилъ я Языкова и прочиталъ его въ три присѣста отъ доски до доски, нарочно, чтобы дать себѣ полный отчетъ (статью объ немъ въ Телеграфѣ писалъ мой братъ). Знаете ли, что Языковъ навелъ на меня грусть? Да, грусть именно! Можно ли съ такимъ языкомъ, съ такими формами стиха, соединять такую безсмыслицу, такую пошлость содержанія! Стихъ у него чудный—содержаніе, душа стиха мышья, точно мышьимъ огнемъ согрѣтая! Еще болѣе досады принесъ мнѣ Одоевскій. Этого я хорошо знаю, знаю, что онъ человѣкъ съ залогомъ прекраснымъ; но—Боже! Что̀ это такое „Пестрыя сказки“? Камеръ-юнкеръ хочетъ подражать Гофману, и подражаетъ ему еще не прямо, а на Жанетовскій манеръ, и не забываетъ при томъ, что онъ аристократъ и камеръ-юнкеръ. Это сборъ мельчайшихъ претензій на остроуміе, философію, оригинальность. Чудаки! Не смѣютъ не сдѣлать въ условный день визита и пишутъ à la Hoffmann! Надобно быть поэтомъ, сойти съ ума и быть геніемъ, трепетать самому того, что̀ пишешь, ра-

Библиотека "Руниверс"

стерзать свою душу и напиваться до пьяна виномъ, въ которое каплетъ кровь изъ души—тогда будешь Гофманомъ! Ради Бога, если Кукольникъ вашъ таковъ, какъ вы пишете, оживите намъ душу его созданіями. Я истомился на пустоцвѣтахъ Русской литературы, въ духотѣ этого концерта аматёровъ, которые разыгрываютъ чужія пьесы въ пользу бѣдныхъ. Сколько разъ бывалъ я обманутъ ожиданіемъ! Подолинскій, Козловъ, Шевыревъ, Языковъ, Алексѣевъ, Шишковъ. Погодинъ, etc, etc, такой обѣщалъ быть тѣмъ, другой другимъ, и ни одинъ изъ нихъ не сдержалъ своего обѣщанія. У однихъ литература есть средство интриги (Погодинъ), у другихъ мимоходомъ занятіе отъ скуки (такихъ сотни), иные слишкомъ перемудрили (Шевыревъ, Одоевскій), иные выпарились въ звукахъ (Подолинскій etc). Я самъ однакожъ испугался теперь сердитаго тона моего; впрочемъ, съ вами неискренность почелъ бы я грѣхомъ, любя и уважая васъ, какъ человѣка еще болѣе, нежели какъ литератора. Кстати о литераторахъ: въ № 8-мъ, который печатается, я написалъ статью о вашихъ Повѣстяхъ, хвалю и браню, положа руку на сердце, а на это вы можете положиться, какъ и быть увѣреннымъ въ неизмѣнности къ вамъ бранчливаго, но любящаго васъ

Полевого.

P. S. Хотите ли знать идею рецензіи моей на ваши Повѣсти? Вотъ она: человѣкъ съ неподдѣльнымъ поэтическимъ дарованіемъ, которому недосугъ писать и уединяться въ свою душу. Такъ-ли? Скажемъ откровенно.

*

30 Декабря 1833. Москва.

Мы съ Телеграфомъ подвигаемся раковымъ ходомъ, и дѣлаемъ и хлопочемъ болѣе другихъ журналистовъ, отъ того, что и работаемъ усерднѣе, да и цензурушка-голубушка заставляетъ часто дѣлать вдвое, выключая цѣлыя статьи, искажать другія и вообще поступаетъ съ нами немилосердно. Особенно съ тѣхъ поръ какъ министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ, цензоры съ ума сошли. За невинную статью мою о Наполеонѣ онъ столкнулъ съ мѣста почтеннаго, заслуженнаго старика Двигубскаго, и остальныхъ загонялъ такъ, что они мечутся какъ угорѣлыя кошки. Каково же литературѣ отъ этого? Каково намъ? Представьте себѣ, что намъ только 1-го Декабря позволили объявить о Телеграфѣ; таскаютъ каждую книжку недѣли по три, по мѣсяцу, потому что каждую строчку обсуживаютъ полнымъ присутствіемъ цензуры, и проч. и проч... Видно, Уваровъ не хочетъ жить въ исторіи, или не боится приговоровъ ея, также какъ не боится употреблять во зло довѣренность Государя.

Библиотека "Руниверс"

Какъ исковеркала цензура прелестныя статьи Марлинскаго о романѣ—это ужасъ! Цѣлыя страницы исключены; смыслъ во многихъ мѣстахъ перепначенъ!.. Кстати о Марлинскомъ. Онъ жестоко разсердился на Смирдина, который объявилъ его сотрудникомъ своимъ, даже не извѣстивши и однимъ словомъ о томъ. Въ гнѣвѣ, Марлинскій написалъ рѣзкое отреченіе отъ его журнала и прислалъ къ намъ для напечатанія. Мы въ большомъ затрудненіи, боясь повредить самому разсерженному, если напечатаемъ и разсердить его противъ самихъ себя, если спрячемъ подъ сукно; надобно будетъ посовѣтовать ему смолчать.... Предпріятіе Смирдина не безполезно и начато съ добрымъ намѣреніемъ; но что оно будетъ мыльнымъ пузыремъ, это видно изъ объявленія о статьяхъ первой книжки. Какой вздоръ! Первая книжка должна бъ была грянуть громомъ, а она просипитъ какъ осѣкшійся пистолетъ. Съ нашей стороны сдѣлано все доброжелательное: я уговаривалъ Марлинскаго пособлять Смирдину, не зная, что Смирдинъ насолилъ ему до озлобленія.

К. Полевой.

Сообщилъ **А. Ѳ. Кони.**

Библиотека "Руниверс"

Письма М. А. Дмитріева А. П. и Ѳ. Н. Глинкамъ.

10 Февраля 1856 г. Богородское.

Почтеннѣйшія Ѳедоръ Николаевичъ. Не знаю гдѣ вы, въ Твери ли или въ Петербургѣ, и потому пишу къ вамъ наудачу, боясь, что не дойдетъ до васъ мой пакетъ. Вопервыхъ, позвольте, по пословицѣ: mieux vaut tard que jamais, поздравить васъ и милостивую государыню Авдотью Павловну съ наступившимъ уже новымъ годомъ; дай Богъ вамъ отъ Подателя благъ всякаго блага; потомъ, дай Богъ и вамъ и намъ въ одно время возвратиться въ Москву, чтобы видѣться и бесѣдовать по прежнему. Этого я желаю уже, поэтому, для себя, хотя бы вамъ и не хотѣлось поселиться въ Москвѣ, которая васъ впрочемъ такъ много любитъ.

Позвольте препроводить къ вамъ мои стихи на сдачу Севастополя и брошюрку объ Раичѣ, котораго и вы любили. Богъ привелъ меня писать объ немъ, столько потому, что я любилъ этого добраго человѣка, сколько и потому, что кто же о немъ вспомнитъ въ неблагодарномъ и пошломъ нынѣшнемъ поколѣніи? Въ стихахъ моихъ я дозволилъ себѣ обращеніе къ Государю; въ другихъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, опять къ нему же. Тридцать лѣтъ не хвалила моя Муза, но у меня всегда была наклонность—не талантъ, а наклонность—къ лирному. И потому

Хвалы мои ему примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ него желалъ:
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Библиотека "Руниверс"

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 6 Сентября. Извините, что я не отвѣчалъ на него; не хотѣлъ васъ безпокоить, какъ бы опять вызывая отвѣтъ, хотя мнѣ всегда чрезвычайно пріятно и писать къ вамъ и получать отъ васъ письма. Слава Богу, никто изъ прежнихъ моихъ друзей и пріятелей не забылъ меня: всѣ ко мнѣ пишутъ, кромѣ великаго мужа Лихонина, и всѣ меня помнятъ; за то и я душевно люблю и помню кого привыкъ любить въ лучшее время моей жизни. Въ доказательство же, что васъ всегда люблю и помню, вотъ вамъ— длинное посланіе, написанное еще въ Октябрѣ прошедшаго года, слѣдовательно по полученіи письма вашего: я мысленно отвѣчалъ вамъ.

Въ Москвѣ, пишетъ мнѣ сынъ, производитъ фуроръ книга Серг. Тимоѳ. Аксакова. Онъ мнѣ прислалъ ее и требуетъ, чтобъ я сказалъ ему всю правду, потому что его родные не довольны его откровенностію. Вы меня знаете, я и скажу всю правду, или, какъ онъ требуетъ, голую правду: книга написана прекрасно, и слогъ прекрасный, и искусство разсказа. Но, со времени Confessions de Roussau не было еще такого примѣра, съ тою разницею, что Roussau говоритъ о себѣ, а тутъ—о дѣдѣ, о родныхъ и объ отцѣ. Такая книга могла появиться только въ нынѣшнее время. Въ журналахъ, какъ мнѣ извѣстно, готовится апоѳеозъ этой книгѣ; расходится она ужасно быстро, и черезъ полгода, пишетъ авторъ, будетъ другое изданіе.

Вотъ у насъ и новый журналъ: „Русскій Вѣстникъ“. Читаете ли вы его? По первымъ книжкамъ нельзя еще ничего заключить вѣрнаго, но матеріаловъ будетъ много, ибо редакторъ платитъ хорошую цѣну. Подписчиковъ теперь же 2500. Въ немъ буду я печатать, по желанію редактора, всѣ сатиры Горація, по порядку, и съ обильными примѣчаніями, такъ чтобъ онѣ были, до послѣдней мелочи, понятны всякому, даже и не знающему Рима, его людей и обычаевъ. Можетъ быть, для ученыхъ многія примѣчанія покажутся и не нужными; но я ихъ писалъ для обыкновенныхъ читателей, если они будутъ, и для слушающихъ лекціи о Горація, для которыхъ они будутъ въ большую помощь при слушаніи Леонтьева. Я испыталъ уже это на одномъ студентѣ, которому сообщалъ нѣкоторыя въ рукописи, но отъ журналовъ и отъ публики, натурально, я не ожидаю большаго участія и успѣха.

Оду мою на восшествіе на престолъ, какъ вы видѣли, можетъ быть, въ 6 № „Московскихъ Вѣдомостей“, я имѣлъ счастіе поднести Государю и Еленѣ Павловнѣ, чрезъ единственнаго моего Петербургскаго

Библиотека "Руниверс"

знакомаго, графа Блудова, съ которымъ я часто видался въ два его пріѣзда въ Москву. Еленѣ Павловнѣ поднесъ я потому, что она не одинъ разъ удостоивала меня личнаго разговора и отзыва о стихахъ моихъ. Вы можете себѣ представить (вы знаете, что я и на свой счетъ откровененъ) вы можете, говорю, легко понять, что представить оду мою Государю мнѣ было, можетъ быть, нужнѣе, чѣмъ другому. Во первыхъ, мое увольненіе отъ службы, котораго я не стыжусь, но о которомъ могутъ быть разныя мнѣнія; во вторыхъ, толки, произведенные этой одой въ Москвѣ. Видя, что объ этомъ поднесеніи никто не печатаетъ въ газетахъ, я по тѣмъ же причинамъ послалъ самъ въ „Московскія Вѣдомости“ самое скромное, оффиціальное объ этомъ извѣстіе. Редакторъ очень былъ радъ напечатать, но цензура испугалась. Напрасно я доказывалъ, a priori, что никто не можетъ быть столько дерзокъ, чтобы наклепать на себя монаршее благоволеніе; напрасно доказывалъ, a posteriori подлиннымъ письмомъ статсъ-секретаря; напрасно писалъ я къ ректору Альфонскому и къ попечителю Назимову. Послѣдній по крайней мѣрѣ, хоть и отказалъ, но отвѣчалъ мнѣ учтиво; а Аркадій Алексѣевичъ, старый знакомый, не удостоилъ меня и отвѣта. „Honores mutant mores“, почести измѣняютъ нравы; это, признаюсь, мнѣ было досадно тѣмъ болѣе, что вы знаете — „irritabile genus vatum „стихотворцы народъ раздражительный“, и я долженъ былъ писать къ министру просвѣщенія! Министръ и отвѣчалъ, и разрѣшилъ. Мы сами другъ друга ѣдимъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ: нечего намъ жаловаться на нѣчто высшее, когда мы сами никуда не годимся.

Жена моя поздравляетъ съ новымъ годомъ и васъ, и Авдотью Павловну. За симъ съ душевнымъ уваженіемъ и никогда неизмѣняемымъ, теплымъ о васъ и супругѣ вашей воспоминаніемъ, неразлучнымъ съ воспоминаніемъ моего хорошаго времени, навсегда остаюсь искренно вамъ преданный Мих. Дмитріевъ.

Вы позвольте при семъ случаѣ поздравить васъ и съ наступающимъ днемъ имянинъ вашихъ.

Мой адресъ просто: въ Сызранъ.

*

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

Приношу вамъ искреннюю, душевную мою благодарность за письмо ваше, отъ 21 Февраля и за присланную мнѣ вашу повѣсть: „Графиня Полина“. Благодарю васъ за нее въ двойнѣ: вопервыхъ, какъ знакъ вашей памяти обо мнѣ; а вовторыхъ, за литературное и мо-

Библиотека "Руниверс"

ральное наслажденіе, доставленное мнѣ этимъ чтеніемъ. Ваша повѣсть есть не только хорошая книга, но и хорошій поступокъ. Если бы вы не сами ея издавали, если бы я былъ ея издателемъ, я бы, безъ вашего вѣдома, поставилъ къ ней эпиграфомъ извѣстный стихъ: „La mère en prescrira la lecture à sa fille“, и потому, прочитавши вашу книгу, извините Французскую фразу je n'avais rien de plus pressé que de la faire lire par ma fille. Дай Богъ, чтобъ вы намъ дали болѣе и болѣе повѣстей въ такомъ разумномъ и христіанскомъ духѣ, и столько же занимательныхъ, и такъ же хорошо написанныхъ. Я вашу „Полину“ прочиталъ какъ получилъ съ почты, въ тотъ же день и однимъ духомъ: началъ въ 7 часовъ вечера и кончилъ въ 11. Это значитъ, что не могъ оторваться отъ чтенія. На другой же день она перешла къ женѣ и дочери.

Чрезвычайно утѣшительно для меня видѣть, что есть еще люди, которые идутъ противъ всеувлекающаго потока. Но ихъ немного! Что̀ это за тайная сила, которая насъ такъ и тянетъ за Европой? Въ концѣ 18 вѣка было въ Европѣ вольтеріанство, и у насъ безбожіе и насмѣшки надъ религіей почитались признакомъ высшаго ума. Послѣ 1815 года въ Европѣ библейскія общества, мистицизмъ, и у насъ тоже; тамъ завелся комунизмъ, соціализмъ, и у насъ явились послѣдователи. Въ Европѣ стали ставить зеркала по угламъ да диванъ посерединѣ комнаты, и у насъ давай перестанавливать мебель съ мѣста на мѣсто. Что̀ это за власть, что̀ это за сила—Европа? Насъ не исправилъ 1812 годъ; не исправитъ и Крымъ съ своимъ святымъ Севастополемъ. Мы будемъ, и непремѣнно будемъ, поклонниками и данниками морскихъ разбойниковъ Англичанъ, подчиненными и подражателями Французовъ и искренними другими друзьями подлецовъ Австрійцевъ.

А знаете-ли вы, что ваша повѣсть возбудила во мнѣ, между прочимъ, горькое воспоминаніе. Я вспомнилъ, что мнѣ разсказывалъ ея содержаніе Александръ Павловичъ Протасовъ, которому вы читали ее въ рукописи. И этого человѣка нѣтъ уже на свѣтѣ! Вообразите, что я такъ недавно получилъ отъ него письмо на четырехъ страницахъ, письмо и дѣльное, и шутливое, на которое я даже не успѣлъ еще отвѣчать ему. Вотъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ не узнать у насъ въ Россіи. Онъ былъ смиренъ и скроменъ: кому нужда отыскивать подъ этимъ достоинство? Онъ былъ страненъ, а у насъ наружное затмѣваетъ всю внутреннюю цѣну. Сила и обстановка—вотъ у насъ два права на уваженіе, но за то на какое уваженіе! Почти на

Библиотека "Руниверс"

поклоненіе: ибо у насъ между поклоненія и пренебреженія нѣтъ середины. Но я зналъ его, какъ человѣка, и какъ сенатора. Онъ былъ истинный христіанинъ, чистой души, и исполнявшій всѣ постановленія церкви: а въ Сенатѣ не было человѣка дѣльнѣе и справедливѣе его. Вы знаете, что онъ былъ робокъ, почтителенъ и до крайности остороженъ. Но стоять за правду—онъ былъ первый. Тутъ онъ побѣждалъ свою трусость, свое уваженіе къ высшимъ и сильнымъ лицамъ, и помнилъ только свою душу. Откуда бралась у него смѣлость, нельзя было надивиться. Онъ, бывало, вставши съ креселъ и кланяясь низко, говорилъ сенаторамъ: „Ваши превосходительства. Если бы у меня было двѣ души, то съ тѣмъ уваженіемъ, которое я къ вамъ питаю, я конечно готовъ бы вамъ одною пожертвовать: но у меня только одна и есть; приду на тотъ свѣтъ, спросятъ: гдѣ душа? А я ее вамъ отдалъ! И потому извините, никакъ не могу съ вами согласиться“. Сынъ мой былъ на его похоронахъ: изъ всего Сената былъ одинъ Рюминъ. Но за то люди его, которыхъ вы знаете, онъ давно всѣхъ отпустилъ на волю, были въ отчаяніи и рыдали неутѣшно. Для меня лишеніе Александра Павловича есть душевная, большая потеря. Онъ очень любилъ Ѳедора Николаевича, и всегда бывало начинаетъ говорить объ немъ такъ: „добрый нашъ Глинка“. Жаль мнѣ Алекс. Павл. и вѣчная память этому доброму человѣку!

Кончивши мою карьеру и живя въ забытьи, я, мнѣ кажется, остаюсь на свѣтѣ, чтобы поминать умирающихъ авторовъ и добрыхъ знакомыхъ. У меня въ селѣ двѣ церкви и два священника; я заказывалъ поминовеніе и по Жуковскомъ, и по Гоголѣ; теперь будетъ по Раичѣ и по Алекс. Павл. Это, я думаю, полезнѣе, чѣмъ поминать ихъ въ газетахъ; но я написалъ бы и объ Алекс. Павл., если бы имѣлъ хоть послужной его списокъ, но у насъ гдѣ достанешь? Все трудно и затруднительно!

Извините, что я не скоро отвѣчаю на письмо ваше, не зная вашего Петербургскаго адреса, и почти двѣ недѣли думалъ куда его адресовать, наконецъ рѣшилъ послать это письмо къ моему сыну, чтобы онъ узналъ вашъ адресъ и отправилъ. И потому не удивитесь, что вы получаете это письмо изъ Москвы. Извините также, что оно длинно; хотѣлось съ вами наговориться. Ваши слова о Петербургѣ меня разшевелили: я почти увѣренъ, что я тамъ нашелъ бы кругъ, въ которомъ мнѣ было бы хорошо и просторно. Люблю Москву, люблю добрыхъ моихъ знакомыхъ, какихъ мнѣ наживать вновь уже поздно; но въ ея кружкахъ много чего-то капризнаго, такъ что надо иногда

Библиотека "Руниверс"

лавировать, чтобы не наткнуться на какое нибудь неожиданное, а иногда и дикое мнѣніе. Но—съ моимъ состояніемъ и съ большой семьей—и въ Москву насилу попадешь!

Читаете-ли вы „Московскія Вѣдомости“. Тамъ у насъ ораторы говорятъ спичи, а дамы пьютъ сивуху. Русской духъ, вмѣстѣ съ Англійскимъ!

Прошу васъ сказать мое душевное и искреннее почтеніе Ѳедору Николаевичу. Нельзя ли теперь напечатать ему „Іова“ и „Божественную каплю“? Говорятъ, что въ цензурѣ началась оттепель. Жена моя благодаритъ васъ за воспоминаніе и свидѣтельствуетъ вамъ также свое почтеніе.

За симъ съ совершеннымъ уваженіемъ и неизмѣнною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнымъ слугою

Мих. Дмитріевъ.

19 Марта 1856 г.
С. Богородское.

*

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

Извините, что я такъ долго замедлилъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15 Мая. Нѣсколько времени нездоровья сдѣлали меня невольно передъ вами виноватымъ. Позвольте принести вамъ теперь искреннюю и душевную мою благодарность, и за письмо, и за присланныя вами двѣ ваши книжки, а также и за статью Н. И. Греча.

Новая повѣсть написана мастерски, расположена прекрасно и исполнена художнически: въ ней цѣлость идеи, соотвѣтственность частей и живость въ исполненіи. Въ ней нѣтъ собственно того, чего ищутъ въ повѣстяхъ читатели, любопытствующіе однихъ происшествій; но въ ней другой интересъ, высшаго разряда, для всѣхъ могущихъ и хотящихъ понять его: это вѣрное зеркало нынѣшнихъ идей нѣкотораго круга; это увлекательность правды, никѣмъ еще необнаруженной и представленной вами точно и вѣрно. Всѣ лица, какъ будто всякой ихъ знаетъ! Вотъ какъ должна изображать литература правду жизни и общество, а не копируя, какъ натуральная школа. И вотъ что называется въ литературѣ современность идеи и цѣли, безъ всякихъ прямыхъ поученій, заключающая въ себѣ прямоту и пользу.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ начали кричать объ убѣжденіи, о направленіи, и проч., вы однѣ рѣшились сказать всю истину о томъ

Библиотека "Руниверс"

вредномъ направленіи нашихъ гуманистовъ и просвѣтителей, о которомъ никто ни слова, какъ будто бы его и не было: одни молчатъ потому, что дѣйствительно его не замѣчаютъ; другіе по равнодушію; третьи потому, что боятся партій, которыя, имѣя въ рукахъ своихъ журналы, однѣ имѣютъ голосъ. А я узналъ въ словахъ Леонида даже нѣкоторыя журнальныя фразы, напримѣръ о нашихъ прежнихъ писателяхъ; не говоря уже о его варварской фразеологіи, цѣликомъ взятой изъ языка журнальныхъ просвѣтителей. Вы однѣ не побоялись выставить весь вредъ и всю нелѣпость той гуманности, которая просто мѣтитъ на демагогію. Для умѣющихъ понимать, это ясно! Просто скажу, что повѣсть ваша: „Леонидъ“, дѣлаетъ вамъ великую честь, какъ писательницѣ, показавшей много духа, много смѣлости и гораздо болѣе просвѣщенной любви къ Россіи, чѣмъ всѣ тѣ, которые кричатъ и пишутъ о ней въ какомъ-то остервененіи мнимыхъ убѣжденій. Вы съ „Леонидомъ“ пробились морально сквозь новыя Ѳермопилы!

Увидѣвъ изъ письма вашего, какъ „Полина“ принята была журналами, я, признаюсь, вышелъ изъ себя отъ такого отзыва. Нынѣшній годъ я не получаю „Современника“; а отъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ отказался давно: онѣ волнуютъ мою правдолюбивую душу, а я на старости хочу быть покоенъ. Но вообразите же, какъ далеко идетъ у насъ зло въ литературѣ! Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ я получилъ Le Nord и вижу тамъ въ 141 №, что Петербургской корреспондентъ разсказываетъ все содержаніе критики „С. П. Б. Вѣдомостей“, какъ мнѣніе журнала, имѣющаго наибольшее число подписчиковъ. А онъ и не знаетъ того, что у насъ больше всего подписчиковъ на газеты, не потому что онѣ выражаютъ мнѣніе публики, а потому что тамъ объявленія о продажѣ икры, и что это большинство подписчиковъ состоитъ изъ лавочниковъ! Такъ знаютъ Россію корреспонденты иностранныхъ журналовъ, и такова участь нашей литературы. Какой нибудь соціалистъ напишетъ статейку, какой нибудь корреспондентъ иностранной газеты, вѣроятно, иностранецъ же незнающій по русски и не читавшій книги, повторитъ эту статейку, потому что надобно же что нибудь написать, получая за это деньги, и это расходится по Европѣ! Объ иностранныхъ сочиненіяхъ это было бы невозможно, потому что всякой самъ прочитаетъ книгу. О литературѣ Датчанъ, Шведовъ, покрайней мѣрѣ ничего не пишутъ: это все-таки лучше; а объ насъ даютъ извѣстія, какъ объ какихъ-то рѣдкихъ птицахъ, которыхъ Европа сама не видала: слѣдовательно, что хочешь напиши! Стоило бы кому нибудь изъ людей благонамѣренныхъ написать въ Le Nord и предостеречь его отъ литературныхъ извѣстій его корреспондента, не знаю-

Библиотека "Руниверс"

щаго порусски и не читающаго Русскихъ книгъ, а потомъ стоило бы и обнаружить наши литературныя шайки, пишущія изъ своихъ видовъ, и совсѣмъ не литературныхъ. Критика „С. П. Вѣдом.“ на вашу „Полину“, думаю я, обращена совсѣмъ не на литературное произведеніе, а на благородный тонъ, на аристократическое начало въ обычаяхъ и нравахъ, хотя вы и не одобряете ихъ пустоты и безсмысленнаго свѣтскаго блеска: главное же, она обращена на нравственное начало чистоты и на строгость основаній, которыя, очевидно, вы кладете первымъ основаніемъ общественной жизни и ея счастія.

Замѣтки Н. И. Греча правдивы, прекрасны, сильны и благородно высказаны. Вотъ что стоило бы довести до свѣдѣнія иностранцевъ! И право, это доброе дѣло лежитъ на обязанности Греча. Онъ не чужой „Сѣверной Пчелѣ“; Сѣверная Пчела первая возвѣстила о газетѣ Le Nord, съ ожиданіями, подающими большія надежды; а Le Nord сколько разъ уже писалъ противъ Сѣверной Пчелы и въ защиту безграмотнаго и криводушнаго фельетона. Весь тотъ періодъ брошюры, въ которомъ находится noblesse oblige, возвышаетъ до прекрасной ораторской апологіи! А разсказъ молодаго литератора, кажется, такъ обнаруживаетъ всю подноготную нашей критики, что не оставалось бы ничего прибавить для вразумленія нашихъ Русскихъ благосклонныхъ читателей, если бы они понимали нашу литературу и смотрѣли на нее не такъ, какъ на препровожденіе времени, между сигарой и картами. Жалкая наша литература, да хороши и читатели! Я имѣю причины однако надѣяться, что въ Москвѣ не оставятъ вашей „Полины“, не отдавши ей должной справедливости и правосуднаго отзыва. Еще болѣе мнѣ бы хотѣлось, чтобы благонамѣренный критикъ выставилъ въ ясномъ свѣтѣ идею вашего „Леонида“: но какой журналъ согласится помѣстить объ этомъ всю правду?

Если у насъ будетъ когда нибудь полная и отчетливая исторія нашей литературы, которая скажетъ о духѣ нашего времени, о духѣ тайныхъ и явныхъ партій, о причинахъ демократическаго направленія нѣкоторыхъ людей и о вредномъ отраженіи его въ словесности: тогда она должна будетъ выставить и вашего „Леонида“, какъ противодѣйствующую сторону, въ доказательство, что и въ наше время были люди честнаго и прямого направленія, которые видѣли ясно въ этомъ омутѣ.

Нынѣшняя наша литература представляетъ что-то странное и нигдѣ не бывалое: она вся состоитъ, съ одной стороны, изъ какихъ-то фокусниковъ, съ другой изъ какихъ-то badeaux; а изъ за нихъ

Библиотека "Руниверс"

не видать ни серьезныхъ талантовъ, ни серьезныхъ читателей. Въ столичныхъ газетахъ поднимутъ къ небу какихъ нибудь своихъ любимыхъ мастеровъ (лучше назвать не умѣю), а тамъ и видишь въ губернскихъ газетахъ спичъ какого нибудь учителя гимназіи, который тоже кричитъ о великихъ людяхъ: отъ Жуковскаго до Аксакова, отъ Пушкина до Островскаго!" Это было недавно въ Ярославльскихъ газетахъ и повторено въ Московскихъ. Но это повѣтріе безсмыслія у насъ не въ одной литературѣ, а во всемъ. Въ 25 № „Земледѣльческой Газеты" напечатано вотъ что: „Смѣйтесь сколько вамъ угодно, но по моему надобно добиться до такихъ семейныхъ отношеній, чтобъ крестьянинъ считалъ большимъ удовольствіемъ поцѣловать руку своей жены". „Добейтесь до установленія такихъ учтивыхъ, нѣжныхъ отношеній между мужикомъ и бабою, все пойдетъ иначе". А между тѣмъ, въ той же статьѣ, въ 24 №, эта баба, у которой совѣтуютъ цѣловать руку, изображена вотъ какъ: „Но что-то пыхтитъ близко васъ и ворчитъ въ досадѣ; это пыхтящее существо есть безобразная чучела, безобразно, грязно одѣтая, которая развалилась на печи, на полатяхъ или на скамьѣ, не помышляя о томъ, благопристойна или нѣтъ ея артистическая поза. Это существо—баба". Какъ-же, все это вмѣстѣ, не безуміе? Надъ земледѣльческими совѣтами, хорошо еще, что хозяева смѣются; но литературныхъ мнѣній большая часть читателей не разберутъ сами, и потому вѣрятъ печатному на слово. Такъ журналы воспитываютъ у насъ поколѣніе, сводятъ съ ума молодыхъ, наводятъ туманъ на стариковъ, истребляютъ естественныя здравыя понятія и дѣлаютъ всеобщій вредъ вмѣсто пользы. У насъ и въ старину, и въ наше время просвѣщали публику не идеи, не науки, а литература: она сдѣлала вкусъ нашъ мягче, понятія чище, благороднѣе. Къ намъ, уже воспитаннымъ литературою, поэтами, начала приставать наука. А теперь, сбивши съ толку всѣ понятія, пріучивши умъ къ хаосу, хотятъ погрузить насъ загрубѣлыхъ, опошлившихся, въ темную бездну понятій ученыхъ, требующихъ ясности ума и благородства духа! Къ чему поведетъ это?

Извините длинное письмо мое. Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Ѳедору Николаевичу. Съ такимъ же уваженіемъ и искренною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою Мих. Дмитріевъ.

2 Іюля 1856 г.

С. Богородское.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Андреевичъ Дмитріевъ, племянникъ Ивана Ивановича, сынъ младшаго его брата Александра Ивановича и дочери одного изъ губернаторовъ Сибири, Шведа по происхожденію. Что-то Шведское, стойкое и было въ Михаилѣ Александровичѣ. Онъ во всемъ былъ самостоятеленъ и неуклоненъ. По своей вѣрности къ тому, что̀ почиталъ онъ за истину, покинулъ онъ видную должность въ Министерствѣ Юстиціи и предался исключительно занятіямъ словесностью. Его переводы Латинскихъ поэтовъ своего рода образцовые, его книга „Мелочи изъ запаса моей памяти“ никогда не утратитъ цѣны своей въ исторіи нашей письменности и образованія. Книгу его собственныхъ стихотвореній читаешь, поучаясь искусству языка и своеобразности мысли. Къ дядѣ своему, другу Карамзина и послѣдователю Карамзинскаго романтическаго направленія, оставался онъ холоденъ, будучи такъ называемымъ классикомъ и тѣмъ давъ поводъ князю Вяземскому прозвать его лже-Дмитріевымъ. Соболевскому принадлежатъ стихи про него:

Михаилъ Дмитріевъ помре.
Онъ былъ чиновникъ въ пятомъ классѣ,
Былъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камеръ-динеръ на Парнасѣ.

Стихи разнеслись, а Дмитріевъ сталъ говорить, что сочинитель не освѣдомился даже, въ какомъ онъ чину. Тогда Соболевскій добавилъ:

Такъ, я въ твоемъ ошибся классѣ;
Но вѣрно въ томъ не ошибусь,
Что ты посуда на Парнасѣ,
Плевальница для Музъ!

Прошли года. Дмитріевъ жилъ въ Москвѣ, когда князь Вяземскій навѣстилъ его, и для прочтенія Императрицы Маріи Александровны получилъ отъ него въ рукописи Записки его дяди. Когда зашла рѣчь объ печатаньи этихъ Записокъ, Дмитріевъ настоялъ, чтобы тогдашней придирчивой цензурѣ приказано было не вымарывать ни одного слова, что̀ и было сдѣлано.

Дмитріевъ былъ другомъ Лабзина, до конца жизни остался вѣренъ его направленію и отъ того пользовался вниманіемъ митрополита Филарета, нѣкогда бывшаго въ сношеніяхъ съ Лабзинымъ („Угрозомъ Свѣтовостокомъ“).

Товарищъ Дмитріева по Университетскому благородному пансіону Н. В. Сушковъ хвастался передъ нимъ своей близостью къ митрополиту Филарету.

Что̀ это, говорилъ ему Дмитріевъ, я, какъ ни поѣду на Троицкое подворье, владыка то занятъ, то отдыхаетъ, а тебя всякій разъ принимаетъ. Ужъ не съ дѣвичьяго ль крыльца ты къ нему ходишь?

По кончинѣ Филарета М. Н. Лонгиновъ въ уста Сушкова вложилъ такіе стихи:

Библиотека "Руниверс"

Могу сказать вамъ по секрету,
Что былъ я тѣломъ и душой
Всецѣло преданъ Филарету
И на подворьи былъ какъ свой.
Дружнѣй мы были годъ отъ году,
И навѣщалъ я мудреца
Не то чтобъ съ дальняго проходу,
А такъ, съ дѣвичьяго крыльца.

Къ концу жизни Дмитріева навѣщалъ я его чуть не ежедневно (на Садовой, противъ Полтавскихъ бань). До послѣдняго дня былъ онъ бодръ и чуть ли не наканунѣ смерти написалъ карандашемъ на мраморной дощечкѣ стихи про Н. В. Сушкова, которые мнѣ показывалъ; изъ нихъ вспоминаю:

„Восхвалимъ истину отъ нынѣ и до вѣка.
На свѣтѣ не было пустѣе человѣка"...

Бесѣда Дмитріева была очень мнѣ дорога, и меня влекло къ нему близкое знакомство его съ произведеніями Латинской классической словесности, это своеобразное, словно изваянное, изящество ея, которое на старцѣ-писателѣ отражалось. Дмитріевъ одаренъ былъ талантомъ сатирическимъ (который унаслѣдованъ однимъ изъ его сыновей) и умѣлъ не щадить своихъ противниковъ. Въ особенности доставалось отъ него братьямъ Полевымъ и Бѣлинскому, къ портрету котораго сочинилъ онъ злую надпись. Эпиграммы Дмитріева ходили безъ печати; у него былъ ихъ цѣлый сборникъ, и рукопись эту онъ давалъ читать М. Н. Лонгинову (которому сотрудничалъ въ сочиненіи извѣстной книги его „Новиковъ и Московскіе мартинисты". Пора этому сборнику выйти на свѣтъ Божій). По кончинѣ Дмитріева появился въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" написанный мною его некрологъ, и вскорѣ послѣ того митрополитъ Филаретъ выразилъ Сушкову желаніе меня видѣть; въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ о моихъ бесѣдахъ съ нимъ.

*

Супруги Глинки не были мнѣ знакомы, такъ какъ я началъ появляться въ печати уже послѣ того, какъ они покинули свой Московскій домъ у Красныхъ воротъ и переселились въ Тверь. Они были бездѣтны, а жили въ полномъ супружескомъ счастьѣ. Ѳ. Н. Глинка писалъ про себя и супругу свою:

Мы съ тобою, какъ два тома
Или книга въ двухъ частяхъ;
Оттого всегда намъ дома
Веселѣе, чѣмъ въ гостяхъ.
Пусть того постигнутъ громы,
Поразятъ его во прахъ,
Кто разрознитъ эти томы,
Эту книгу въ двухъ частяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ Авдотьѣ Павловнѣ Глинкѣ художникъ Е. А. Мамоновъ написалъ шуточный акаѳистъ, изъ котораго сохранились въ нашей памяти стихи:

Радуйся, сѣдыхъ кудрей ношеніе,
Радуйся, Запада ненавидѣніе,
Радуйся, Гегеля проклинаніе,
Радуйся, Глинки преполовеніе!

О. Н. Глинка заподозренъ былъ въ сочувствіи къ Декабристамъ, и даже посылали его на нѣкоторое время въ ссылку въ Орловскую губернію. Будучи нѣкогда правителемъ канцеляріи Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, Глинка, по высылкѣ Пушкина изъ Петербурга, печатно выразилъ ему свое сочувствіе, на которое тотъ отвѣчалъ чудесными стихами: „Когда средь оргій жизни шумной...“, а черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ надсмѣялся надъ нимъ въ стихахъ, посланныхъ князю Вяземскому, который напечаталъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ съ перемѣною вмѣсто „Оита-поэтъ, кутейникъ въ эполетахъ“, „Поэтъ-Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ“. Глинка издавна перекладывалъ въ стихи псалмы Давидовы. Нѣкоторыя изъ благочестивыхъ его стихотвореній удачны (какъ напр. „Завтра, завтра въ домъ Закхея Гость Таинственный придетъ“...), но позднѣе Глинка вдался въ поэзію мистическую и написалъ поэму „Таинственная капля“ (это капля млека Пресвятой Богородицы), очень немногимъ извѣстную, такъ какъ она была задержана духовною цензурою. Князь Вяземскій разсказывалъ, что, ѣдучи съ Государемъ и Государыней изъ Петербурга по Николаевской ж. д., на станціи въ Твери, увидавъ въ многочисленной народной толпѣ Глинку, онъ поспѣшилъ извлечь изъ моря народнаго эту каплю и поднесъ ее Государынѣ Императрицѣ. Надо замѣтить, что Глинка былъ необыкновенно малаго роста. Онъ скончался въ Твери въ глубочайшей старости, такъ что его еще при жизни звали въ печати покойникомъ. Судьбою и нравомъ не походилъ онъ на брата своего, тоже дѣятеля двѣнадцатаго года, издателя „Русскаго Вѣстника“ и сочинителя любопытнѣйшихъ Записокъ.

Романсъ Ѳ. Н. Глинки: „Вотъ мчится тройка удалая“ сдѣлался общенароднымъ; кажется и теперь еще поютъ его. П. Б.

*

A. Gratieux. Un poète slavophile. A. S. Khomiakof. 1804—1860.

Extrait de la Revue de l'Institut Catholique de Paris. 1909. Librairie V-ve Charles Poussielgue. Rue Cassette 15. Paris. 8-ка, 32 стр.

Мы обрадованы появленіемъ въ свѣтъ этой брошюры по ея сочувственному отношенію къ нашему Алексѣю Степановичу. Г. Грасьѣ опровергаетъ превратное мнѣніе о Славянофилахъ.

Библиотека "Руниверс"

Хомяковъ, ученикъ аббата Буавень, писалъ на прекрасномъ Французскомъ языкѣ свои богословскія сочиненія, нѣсколько извѣстныя во Франціи; но съ другими его произведеніями и со стихами Французы почти совсѣмъ не знакомы.

Вотъ что говоритъ онъ: „На нихъ охотно смотрятъ черезъ призму предосужденія западниковъ; ихъ разсматриваютъ какъ фанатиковъ, поклонниковъ стараго варварства, до крайности дикихъ приверженцевъ руссификаціи, жаждущихъ задушить всѣ чуждыя народности... Не предпринимая прямого и полнаго опроверженія всѣхъ этихъ предубѣжденій, скажемъ, что ничто не оглашено столь поверхностнымъ образомъ какъ Русская душа, тѣ идеи, при которыхъ она слагалась, и въ частности великое Славянофильское движеніе".

Предваривъ изображеніемъ окруженіе Алексѣя Степановича, авторъ знакомитъ читателя съ творчествомъ Хомякова и приводитъ многіе стихотворные переводы его стиховъ; но бѣдный языкъ Французскій безсиленъ ихъ передать, и намъ вспоминается сравненіе языковъ Французскаго съ Русскимъ, которое находимъ у Екатерины Великой въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму. Государыня называетъ Русскій языкъ прекраснымъ юношей, у котораго здоровье прыщетъ съ лица, а языкъ Французскій тощимъ щеголемъ, въ которомъ все искуственно. Но нѣкоторые переводы у г. Грасьё удачны. Вотъ напримѣръ.

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Нѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ; ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поётъ—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ, но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ-ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ.

Dans le silence, sous le manteau de la nuit,
Moscou attendait, et l'heure sainte arriva,
Et la sonnerie puissante se précipita sur la terre,
Et l'air tout entier se mit à vibrer et à frémir.
Puissantes comme le tonnerre, les mélodies argentines
Redirent la nouvelle de la sainte solennité.
A leur voix bien connue
La grande Moscou s'ébranla.
C'est toujours la même voix. Et nos agitations,
Et les soucis auxquels nous attachons une mesquine grandeur
Lui sont inconnus: messagère de la Rédemption,
Elle nous redit, des hauteurs, toujours le même chant,
Un chant de liberté, un chant de captifs délivrés.
Nous l'entendons, mais comment l'écoutons-nous?
Est-ce que les genous orgueilleux se fléchissent?
Est-ce que les esprits présomptueux s'humilient?
Ouvrons-nous les bras de notre âme
Pour nos jeunes frères, pour nos frères souffrants?
Nous souvenons-nous seulement de ce qu'est ce nom de frères,
Le plus cher, le plus saint de tous les noms terrestres?

Или еще:

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжёлый свой водилъ.
Довольно дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою....
Я утомленъ, я утомленъ!
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!
Стереть бы потъ дневного зноя!

Библиотека "Руниверс"

Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя;
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы?“
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать, въ трудѣ и нотѣ,
Удѣлъ назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него
Покуда не прорѣжу нивы
Господь, для сѣва Твоего.

Переводъ.

Le long des rudes glèbes de la jachère en friche,
Depuis le matin, jusqu'à l'épuisement de mes forces,
J'ai, laboureur patient,
Assez mené ma pesante charrue.
Entouré d'âpre inimitié
Et de sottise méchante,
J'ai assez soutenu de luttes acharnées.
Je suis fatigué, fatigué.
Il est temps de respirer. O bocage,
O calme des champs et des eaux,
O voûte des branches enlacées
Capricieusement au-dessus des ruines!
Une fois seulement, sous l'ombre délicieuse,
Penché sur le ruisseau à l'onde sonore,
Je voudrais de toute ma poitrine, ma poitrine altérée,
Aspirer le frais courant du soir:
J'aimerais essuyer la sueur d'une journée brûlante,
Secouer le fardeau des soucis du jour.

Библиотека "Руниверс"

„Insensé! Il n'est point pour toi de repos,
Point de répit. En avant! En avant!
Regarde la jachère: il reste beaucoup à laboureur,
Et il ne reste guère de jour.
Debout, serviteur paresseux de Dieu!
C'est l'ordre du Seigneur: Marche! Marche!
Tu as été acheté à grand prix,
Acheté par la croix et par le sang.
Courbe, toi, laboureur, sur le sillon!
Lutte, lutteur, jusqu'à la pleine nuit!"
Devant la voix du redoutable appel.
Je m'incline d'un front tremblant
Mais toi, de mes murmures insensés,
Ne te souviens pas dans ton jugement!
Je vais accomplir, dans le travail et la sueur,
La tâche que tu m'as assignée:
Je ne fermerai pas mes yeux ensommeillés,
Je ne faiblirai pas devant la lutte.
Je ne laisserai pas la charrue, serviteur paresseux,
Et je ne fuirai pas loin d'elle,
Jusqu' à ce que j'aie ouvert la jachère,
O Seigneur, pour recevoir ta semence.

*

Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, когда прошли слухи, что онъ оставляетъ свою должность и что этому повѣрилъ въ Москвѣ А. С. Хомяковъ, послалъ ему, вмѣсто опроверженія, эти стихи. П. Б.

Господинъ Грасьѣ былъ въ Москвѣ въ недавнее время, уже послѣ того какъ поправленъ памятникъ на могилѣ Гоголя. Онъ сообщаетъ по преданію, что два брата Хомякова, Ѳедоръ и Алексѣй, будучи еще мальчиками, мечтали принять участіе въ великой борьбѣ съ Наполеономъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо Ѳедоръ спросилъ Алексѣя: съ кѣмъ же будемъ мы теперь драться?—„Я подыму Славянъ" отвѣчалъ Алексѣй.

Въ заключеніе г. Грасьѣ пишетъ, что извѣстный своимъ благотворительнымъ учрежденіемъ въ Черниговской губерніи Неплюевъ любилъ разсказывать какъ началось въ немъ почитаніе Хомякова. Онъ привезъ издателю „Р. Архива" Записки своего предка Ив. Ив. Неплюева, знаменитаго Петровскаго дѣятеля и взамѣнъ ихъ получилъ нѣсколько годовыхъ изданій „Р. Архива", къ которымъ издатель приложилъ небольшую книжку стихотвореній Алексѣя Степановича, при чемъ сказалъ, что въ этой книжкѣ найдетъ онъ для себя болѣе нежели во всемъ „Р. Архивѣ". У себя въ Ямполѣ Неплюевъ поставилъ Хомякову памятникъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

BARON DE-BAYE. SMOLENSK,—Les Origines.—L'Épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Paris. Малая 8-ка, 296 стр.

Въ краткомъ предисловіи авторъ говоритъ, что если, по прошествіи ста лѣтъ, предано забвенію соперничество Наполеона съ Александромъ I-мъ и оба народа теперь союзники, то память о геройствѣ сражавшихся стала вдвое дороже, что на предстоящихъ юбилейныхъ празднествахъ Бородинской битвы могутъ смѣло присутствовать съ Русскими и Французы, и въ Музеѣ 1812 года имъ тоже отведется подобающее мѣсто. Однако остается вопросъ: что одушевляло Французовъ и тѣхъ кого они пригнали въ Россію, и что Русскихъ людей въ тогдашнихъ бояхъ? Прощеніе обязательно для Христіанина, и оно дано на главной площади Парижа въ Пасхальную заутреню 1814 года („и ненавидящихъ насъ простимъ"), но забвеніе невозможно, и особливо для историка, какія бы ни возникли новыя политическія сопряженія.

Баронъ де-Бай сначала знакомитъ читателя съ исторіей Смоленска. Книга написана для Французовъ, но найдется много Русскихъ, для которыхъ она поучительна. Спросите-ка любого гимназиста съ аттестатомъ зрѣлости, да и студента, знаютъ ли они, что еще въ IX вѣкѣ Константинъ Порфирородный упоминаетъ о „Милинискѣ" (древнее названіе Смоленска) какъ о богатомъ и значительномъ городѣ, который уступалъ только Кіеву и соперничалъ съ Новгородомъ Великимъ. Многіе ли знаютъ, что уже въ первой половинѣ XII в., при Романѣ Мстиславичѣ (1160—1190), въ Смоленскѣ были высшія школы съ преподаваніемъ Греческаго и Латинскаго языковъ и что необразованныхъ священниковъ не допускали совершать богослуженіе? Когда остальная часть Россіи была подъ Татарскимъ игомъ, Смоленскъ достигъ высшаго своего процвѣтанія. О числѣ его жителей можно судить по тому, что въ чуму 1230 года ихъ вымерло 32 т. А и въ настоящее время число ихъ только 63 тысячъ.

На 85-й стр., въ живомъ пересказѣ, баронъ де-Бай описываетъ всю исторію Смоленска, особенно за время его подчиненія сперва Литвѣ, потомъ Польшѣ и при усиліяхъ Россіи возвратить его себѣ. Геройская защита Смоленска въ 1611 г. подъ начальствомъ М. Б. Шеина, котораго прозвали сами Поляки Гекторомъ новой Трои, даетъ картину этого трагическаго эпизода. Если въ 1812 г. Смоленскъ сравнивали съ Саррагосою, то въ 1611 г. его уподобляли Сагонтѣ (тоже Испанскому городу).

Авторъ отводитъ мѣсто сказаніямъ о мѣстной чтимой иконѣ Божіей Матери Одигитріи, которою Константинъ Порфирородный благословилъ дочь свою Анну, отпуская ее въ жены Всеволоду (отчего и называется она *Одигитріею*— Путь Указующею). Приведены случаи изъ житія чтимыхъ Смолянами святыхъ, Андрея, Авраамія и Меркурія. Баронъ склоненъ приписать нѣкоторыя измѣ-

Библиотека "Руниверс"

ненія въ укладѣ Русской жизни женскому вліянію въ царской семьѣ черезъ Евдокію Лукьяновну Стрѣшневу*), долго жившую въ Смоленскѣ, и особенно черезъ Наталью Кирилловну, которая провела молодость при княгинѣ Праидѣ Куракиной тоже въ Смоленскѣ. Находясь въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригою и Ганзейскими городами, Смоленскъ раньше другихъ городовъ пріобщился къ Западному строю жизни, особенно за время своего подчиненія Польшѣ. Татары два раза подходили къ нему, но отступали, не входивъ въ городъ. Его называли ключемъ къ Москвѣ первопрестольной.

Съ рѣдкимъ безпристрастіемъ относится авторъ ко всѣмъ выдающимся личностямъ 1812 г. и, прежде всего, къ Наполеону. Его неудачу въ Россіи онъ приписываетъ отчасти разноязычному составу его арміи, которую онъ велъ какъ бы Крестовымъ походомъ на Россію, побаиваясь оставлять всѣхъ этихъ чужихъ солдатъ позади себя, чтобы они не пошли походомъ на него самого. Не такова была его прежняя побѣдоносная армія Булонскаго лагеря, да и въ 1809 году. Обычный его пріемъ—изводить непріятеля, чтобы потомъ сразу нанести ему непоправимый ударъ, удававшійся ему въ долинахъ По, Эльбы и Дуная, оказался непримѣнимъ въ Россіи по чрезвычайному растяженію мѣстности. Къ геройству Русскихъ присоединились морозъ и голодъ. Люди не только что ѣли падаль, но были случаи, что ѣли и людскіе трупы.

Наша литература обогатилась множествомъ книгъ по исторіи Отечественной войны, вѣрнѣе новѣйшими источниками о ней, до которыхъ не дожили ни Жомини, ни Михайловскій-Даниловскій. Сколько подробностей дано напримѣръ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ изданной имъ перепискѣ Государя съ его сестрою. Французская литература имѣетъ также много новаго по исторіи Наполеона, особенно за послѣднее время. Появился даже въ этомъ году особый журналъ „Revue des études Napoléoniennes, издаваемый Эдуардомъ Дріо (Edouard Driault). Тѣмъ не менѣе соотечественники барона де-Бая должны поблагодарить его за его книжку. Почтивъ насъ ея доставленіемъ, баронъ къ имени своему прибавилъ слова: Ami fidèle de la Russie (вѣрный другъ Россіи). П. Б.

*) Исторія рода Шереметевыхъ Барсукова (ч. III, стр. 55 и 56). Баронъ приводитъ свидѣтельство Шведа Страленберга о томъ, что Евдокія Лукьяновна состояла въ дѣвицахъ при дворѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, женатаго на двоюродной сестрѣ царя Михаила Ѳедоровича.

Библиотека "Руниверс"

Н. Н. ОВСЯННИКОВЪ.

2-го Января сего года въ гор. Твери скончался д. ст. сов. Николай Николаевичъ Овсянниковъ, бывшій директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи и гимназій Калужской и Тверской.

Покойный происходитъ изъ потом. дворянъ Казанской губ., родился въ Казани 29 Марта 1834 г., дѣтство провелъ въ имѣніи матери (урожденной Дембровской, принадлежавшей къ роду извѣстныхъ дѣятелей Казанскаго края Кудрявцевыхъ), селѣ Шуранѣ, на берегу рѣки Камы. Отецъ Н. Н. служилъ, по обыкновенію того времени, въ военной службѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ деревнѣ, а впослѣдствіи поступилъ опять на службу по Министерству Госуд. Имуществъ въ Вятскую губернію. Учился Н. Н. въ Казанской 1-ой (нынѣ Императорской) гимназіи съ 1845 по 1851 г. и въ Казанскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, курсъ котораго окончилъ въ 1855 году, съ награжденіемъ серебряной медалью за сочиненіе „Характеристика князя А. М. Курбскаго". О пребываніи его въ Казанскомъ университетѣ см. „Записки студента Казанскаго университета (1851—1855)", въ „Русскомъ Архивѣ" 1909 г. вып. 12-й. Судя по Исторіи первой Казанской гимназіи, составленной В. Владимировымъ къ столѣтнему юбилею ея (1868 г.), гимназія представляла тогда вполнѣ благоустроенное учебное заведеніе при директорѣ Н. А. Галкинѣ (отцѣ извѣстнаго дѣятеля М. Н. Галкина-Враскаго).

Болѣе 30 лѣтъ покойный состоялъ на службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. 10 Октября 1855 г. онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи Нижегородскаго Александровскаго Дворянскаго Института; въ 1864 г. перемѣщенъ на такую же должность въ Нижегородскую губернскую гимназію, оставаясь $1^1/_2$ года преподавателемъ и въ Институтѣ. Онъ преподавалъ также исторію въ Нижегородскомъ Маріинскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ (1856—1864) и Маріинскомъ училищѣ I разряда (нынѣ Маріинская ж. гимназія) 1861—1863 г. Въ 1867 г. получилъ онъ назначеніе на должность инспектора Нижегородской гимназіи, а съ 1874 г. назначенъ первымъ директоромъ народныхъ училищъ Нижегородской губ. и занималъ эту должность до 1881 г., когда вышелъ въ отставку. Въ 1882 г. онъ вновь поступилъ на службу директоромъ Калужской гимназіи, въ 1887 г. перемѣщенъ въ г. Тверь на таковую же

Библиотека "Руниверс"

должность и въ 1891 г. окончательно вышелъ въ отставку. Послѣдніе годы проживалъ онъ въ Твери.

Свои досуги покойный посвящалъ литературнымъ трудамъ. Печататься онъ сталъ съ 1859 года. Помимо статей во многихъ газетахъ ему принадлежитъ немало и другихъ трудовъ. Съ 1861 г. онъ началъ изучать Нижегородскую ярмарку и ея отношенія къ другимъ мѣстностямъ Россіи, для чего объѣхалъ 17 губерній. Въ 1865 г. помѣстилъ двѣ статьи о торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Въ 1866 г. за свои труды по изученію ярмарки былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а еще ранѣе, въ 1862 г., дѣйствительнымъ членомъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета. Въ 1867 г. онъ напечаталъ „Отношеніе верхней части Поволжья къ Нижегородской ярмаркѣ“ (Нижегородскій Сборникъ, т. II), „Отношеніе Кіева, Курска, Орла, Тулы и Рязани къ Нижегородской ярмаркѣ“ (тамъ же т. III), „Въ защиту южнаго направленія Уральско-Сибирской желѣзной дороги, въ отношеніи Сибирскаго транзита къ Нижегородской ярмаркѣ (тамъ же т. IV) и отдѣльно“. Нижегородское Губернское Земское Собраніе въ засѣданіи 14 Декабря 1870 г., ознакомясь съ ходомъ дѣла о выборѣ направленія Урало-Сибирской желѣзной дороги, обратило вниманіе на безвозмездные труды Н. Н. Овсянникова въ защиту такъ называемаго южнаго направленія (проектированнаго Евген. В. Богдановичемъ) и постановило выразить искреннюю признательность Собранія Н. Н. О трудахъ покойнаго, касающихся ярмарки, съ похвалою отзываясь такой знатокъ, какъ академикъ В. П. Безобразовъ (†), по просьбѣ котораго Овсянниковымъ написанъ очеркъ промышленныхъ занятій въ Нижегородской губ., напечатанный Безобразовымъ въ видѣ приложенія къ т. II его изданія „Народное хозяйство Россіи“ 1885 г.

Въ 1863 г. покойный представилъ записку о селѣ Павловѣ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. О ней и объ авторѣ ея см. отзывъ Побѣдоносцева и Бабста на стр. 218 ихъ книги „Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи“ М. 1864. Въ 1881—1882 г., находясь въ отставкѣ, покойный служилъ по опекунству надъ имѣніями И. А. и Е. А. Всеволожскихъ въ Пермской губ. Плодомъ его изученія вотчиннаго хозяйства на Уралѣ явились статьи, помѣщенныя въ 3, 11 и 12 кн. „Русской Мысли“ за 1883 г. подъ заглавіемъ: „Вотчинное хозяйство на Уралѣ“.

Другіе труды Н. Н. относятся къ области вопросовъ педагогическихъ и историческихъ. Онъ явился новаторомъ въ дѣлѣ приложенія педагогическихъ идей къ преподаванію исторіи. Въ 1861 г. въ журналѣ Чумикова „Воспитаніе“ онъ помѣстилъ статью „Съ чего начинать преподаваніе исторіи въ III классѣ гимназіи?“ (съ Русской исторіи), а въ журналѣ „Учитель“—„Въ чемъ заключается недостатокъ въ преподаваніи исторіи въ нашихъ гимназіяхъ“; здѣсь авторъ доказываетъ пользу приложенія концентрическихъ курсовъ. Въ 1862 г. онъ помѣстилъ въ „Воспитаніи“ нѣсколько статей критическаго содержанія и началъ переводы изъ Дистервега. Къ 1863 г. относятся статьи: „Примѣненіе общихъ педагогическихъ началъ къ преподаванію исторіи“, „Особенности преподаванія исторіи“, „Нѣкоторыя практическія замѣчанія при преподаваніи

Библиотека "Руниверс"

исторіи". Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный журналъ (едва ли не лучшій изъ педагогическихъ журналовъ) скоро прекратился. Въ 1866 г. вышелъ главный трудъ покойнаго „Учебникъ всеобщей исторіи въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Опытъ примѣненія педагогики къ преподаванію исторіи. Два курса. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщенія". Въ 1869 г. вышло 2-ое изданіе перваго курса. Мысль о концентрическихъ курсахъ покойный старался проводить во все время своей педагогической дѣятельности; ею воспользовались и другіе. Въ 1878 г. имъ была издана книга: „Внѣ-европейскій міръ. Уроки географіи". М. 1878 г.

Служебная дѣятельность по должности директора народныхъ училищъ Нижегородской губ. поглощала почти все время покойнаго. Заинтересовавшись народной школой, онъ помѣстилъ три статьи, касающіяся этого дѣла въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія": „Объ обученіи граматѣ" (1876, I), „Объяснительное чтеніе въ народной школѣ" (1877, IV) и „Къ вопросу о ревизіи начальныхъ училищъ" (1878, X).

Въ 1886 г. Н. Н. издалъ книгу „Дунай въ географическомъ, историческомъ и др. отношеніяхъ. Для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ". Книга получила одобреніе Ученаго Комитета Министерства Нар. Просвѣщенія. Въ томъ же году въ газетѣ С. Ѳ. Шарапова „Русское Дѣло", имъ помѣщена статья „Къ вопросу о преподаваніи исторіи" (№№ 27, 28 и 30), впослѣдствіи перепечатанная въ журналѣ „Гимназія".

Въ журналѣ Янчевецкаго „Гимназія", покойный помѣстилъ статьи: „О современномъ положеніи нашихъ гимназій" (1890), „Критическія замѣтки. Гр. Капнистъ. Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. Н. Скворцовъ. Объ организмѣ гимназіи. В. Грингмутъ. Нашъ классицизмъ (1892)". „Что такое филологія" (1897). Помѣщалъ также Н. Н. статьи и въ „Педагогическомъ Еженедѣльникѣ" (приложеніе къ журналу „Гимназія)". Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" помѣщены статьи: „Греко-Славянскій міръ въ книгѣ для чтенія" (проф. Виноградова) 1899, II. „Средніе вѣка въ книгѣ для чтенія" (1899).

Въ разныхъ журналахъ помѣщены покойнымъ статьи историко-литературнаго содержанія, а именно: „Ипполитъ Тэнъ, какъ историкъ" (Русское Обозрѣніе 1894, IV), „О рукописяхъ библіотеки гр. А. С. Уварова" (Русскій Вѣстникъ 1894, VIII), „Къ біографіи Жуковскаго" (Историческій Вѣстникъ, 1895, III), „Къ біографіи Лажечниковой" (Истор. Вѣстникъ, 1895, X). „По поводу одного учебника" (Виноградова) Русскій Вѣстникъ, 1895 г. X. „Право, славіе въ исторіи Русскаго народа (Русск. Вѣстникъ, 1896, V—VI), „Критика на книгу Е. А. Бѣлова—Исторія Россіи до Петра В." (Русск. Вѣстникъ 1896, IX—X), „Л. Н. Майковъ, какъ историкъ" (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, VIII); „Новый историческій трудъ"—Русская исторія Павлова (Наблюдатель, 1900, XII), „Девятнадцатый Вѣкъ" (Наблюдатель, 1901, II—III), „Замѣчательный трудъ" (Русское Обозрѣніе, 1901, I), „Идеи XIX вѣка (о Французской революціи)" (Наблюдатель, 1901, XI), „Тэнъ въ Англіи" (Наблюдатель, 1904, XII) „Записка студента Казанскаго университета (1851—1855)"—

Библиотека "Руниверс"

Русскій Архивъ 1909, XII. „По поводу сужденій г. Валишевскаго о нашемъ расколѣ“ (Русскій Архивъ, 1910, XI), „Мартовскія событія въ Петербургѣ въ 1801 г.“ (Русскій Архивъ 1911, V).

Въ Твери покойный принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ мѣстной Архивной Комиссіи, состоя ея членомъ съ 1887 года. Онъ былъ близокъ къ основателю и вдохновителю Комиссіи А. К. Жизневскому († 1896 г.) Изъ работъ Н. Н. напечатано: „Переписныя книги Бѣжецкаго у. 1709 г.“ (1888), „Къ 4 Марта 1889 г. Ко дню чествованія памяти убіенныхъ на р. Сити въ битвѣ съ Татарами“ (1889). „Тверь въ XVIII в. Историческій и археологическій путеводитель по Твери“ (1889), „Но поводу паденія Твери и участія въ этомъ событіи Тверскихъ бояръ“ (1892). Двѣ главы изъ „Исторіи Тверскаго собора“ (1896). Къ сожалѣнію, вся Исторія собора церковнымъ старостою не напечатана. „О Новгородско-тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей“ (1903), „О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи“ (1904), „О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверскаго княжества“ (Труды Тверскаго областнаго съѣзда, 1904, и отдѣльной брошюрой), „Тверской историческій календарь“ въ „Тверской Газетѣ“.

Въ 1892 г. покойный помѣщаетъ рядъ фельетоновъ и статей преимущественно историко-литературнаго содержанія, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Откликаясь на каждый историко-литературный юбилей, немало написалъ отзывовъ о новыхъ историческихъ трудахъ.

Онъ сотрудничалъ также въ Новомъ Времени и многихъ другихъ газетахъ: Сѣверной Пчелѣ, Русскомъ Дневникѣ, Справочномъ Листкѣ для Нижегородской ярмарки, который редактировалъ, кромѣ того, въ 1867 году, Голосѣ, Русскомъ Инвалидѣ, Россіи, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, Нижегородскихъ и Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Московскомъ Листкѣ, Гражданинѣ, Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, Родной Рѣчи, Русскомъ Словѣ (Александрова), Правительственномъ Вѣстникѣ, Практической Жизни, Днѣ, Тверскомъ Словѣ, Тверскомъ Поволжьѣ, Голосѣ Русскаго и Еженедѣльникѣ Голоса Русскаго, Русской Землѣ, Колоколѣ, Голосѣ Истины, Извѣстіяхъ по Казанской епархіи.

Въ 1865 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ произнесъ рѣчь „О значеніи праздненства Ломоносова“ на 100-лѣтнемъ юбилеѣ, 6 Апрѣля, прочиталъ публичныя лекціи: „Къ столѣтней памяти Н. М. Карамзина“, 1 Декабря 1866 г., и „О цѣли воспитанія“, 17 Марта 1868 г. (Вышла отдѣльными брошюрами). Помѣщалъ, кромѣ того, статьи въ журналахъ „Велосипедъ“ и „Самокатъ“.

Нѣкоторые труды остались въ рукописи или на рукахъ у редакторовъ. Большой трудъ по исторіи Французской революціи цензура нашла несвоевременнымъ печатать и не пропустила въ 1873 году, а это былъ трудъ нѣсколькихъ лѣтъ.

До конца жизни покойный сохранилъ свѣжесть ума и чувства, много читалъ, писалъ, всѣмъ интересовался. Скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ, похороненъ 5-го Января на Тверскомъ Смоленскомъ кладбищѣ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА".

8 Іюля 1887 (Ревель).

Тяжко заболѣлъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, дорогой мнѣ съ самаго моего студенчества, когда ходилъ я къ нему въ скромнѣйшее его помѣщеніе въ глубинѣ двора на Цвѣтномъ бульварѣ, а нынѣ „подспудный премьеръ", какъ его назвалъ Ѳ. М. Дмитріевъ. Политически палъ онъ еще нынѣшней весною. Онъ самъ сказывалъ Кокореву (а тотъ потомъ передавалъ мнѣ), что на Ѳоминой, когда онъ излагалъ Государю свои соображенія относительно нашей дипломатіи, Государь приказалъ ему поѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу и передать ему все говоренное. Швейцаръ Гирса сказалъ Каткову, что тотъ день министръ никого не принимаетъ. Тогда Катковъ поѣхалъ къ И. А. Зиновьеву*) и просилъ передать Гирсу, что онъ былъ у него по высочайшей волѣ и что онъ будетъ ждать, когда министръ сдѣлаетъ ему честь и къ нему пожалуетъ. Прошло нѣсколько дней. Гирсъ не пріѣхалъ, и Катковъ, изложивъ содержаніе того, что онъ долженъ былъ передать Гирсу, отправилъ эту бумагу черезъ Побѣдоносцева Государю. (Доселѣ самъ Катковъ Кокореву, далѣе—слухи). Съ тѣхъ поръ онъ уже не видалъ Государя, который не допускалъ его къ себѣ, такъ какъ изъ Берлина прислали перехваченное письмо нашего генерала N. въ Парижъ къ Буланже, а N. считался орудіемъ Каткова. Государь приказалъ немедленно уволить N., этого бывшаго старосту Исакіевскаго собора изъ службы, и великій князь Владиміръ Александровичъ отзывался Кокореву: „Удивительно, какъ такой умный человѣкъ не сообразилъ, что нельзя ставить между собой и своимъ Государемъ газетную статью!" и, глядя на стоявшій у него на столѣ пузырекъ, прибавилъ: „Вѣдь все равно, Гирсъ ли, Пузырьковъ ли,

*) Начальнику Азіатскаго Департамента.

Библиотека "Руниверс"

во всякомъ случаѣ это только секретарь, а дипломатіей занимается самъ Государь, какъ занимались дѣдъ нашъ и отецъ. Катковъ долженъ же былъ это знать, тѣмъ болѣе, что Государь допускалъ его къ себѣ, и онъ могъ подать ему на прочтеніе новую записку".

Я думаю, что Катковъ увлекся примѣромъ Аксакова и вздумалъ дѣйствовать самъ. Онъ уже давно вошелъ въ частыя сношенія съ извѣстнымъ Ашиновымъ и съ какимъ-то Индійскимъ принцемъ (бумаги котораго по словамъ близкаго къ Каткову лица, увезены были имъ въ Петербургъ). Вообще же Катковъ ошибся, слишкомъ подолгу оставаясь въ Петербургѣ. И. П. Хрущовъ, сидя у Делянова, слышалъ, какъ бывшій тутъ же Побѣдоносцевъ говорилъ Каткову: „Да уѣзжайте же, Михаилъ Никифоровичъ; вамъ давно пора!"

Увѣряютъ, что Деляновъ въ сущности радъ паденію Каткова, хотя квохчетъ о его болѣзни. „Да, самое главное колесо изъ нашей машины выпадаетъ", говорилъ онъ мнѣ. Въ силу того, что „умъ, любя просторъ, тѣснитъ" и давитъ всѣхъ имѣющихъ съ нимъ дѣло, это несомнѣнно; но какъ все-таки жаль Каткова! Еще Грановскій говорилъ мнѣ: „Катковъ улитка: хочешь разсмотрѣть, что̀ онъ такое: онъ немедленно прячется въ раковину".

9 Іюля 1887 года въ Ревелѣ, князь С. В. Шаховской, бывшій въ Петербургѣ во время исторіи съ N. и по словамъ его видавшій ежедневно Каткова, разсказалъ мнѣ слѣдующее. Еще въ Февралѣ N. приставалъ къ Каткову, съ тѣмъ, чтобы ему ѣхать въ Парижъ, хвалясь своей якобы дружбой съ тамошнимъ губернаторомъ Соссé; но когда онъ попросилъ для того денегъ, Катковъ наотрѣзъ ему отказалъ. Послѣ 7-го Марта, зная, какъ тревожился министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, разными слухами о революціонныхъ замыслахъ, N. обратился къ нему съ предложеніемъ послать его въ Парижъ, но уже для того, чтобы черезъ его посредство добиться отъ Французскихъ властей преслѣдованія и выдачи нѣкоторыхъ лицъ. Графъ Толстой согласился, но никакого служебнаго наставленія ему не далъ (N., нося военный мундиръ, числился по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ) и ограничился частнымъ письмомъ. Ему выданы были крупныя деньги изъ негласнаго капитала, и въ Парижѣ онъ началъ увѣрять, что хотя пріѣхалъ для лѣченія глазъ, но что онъ адъютантъ Государя. Флокé (президентъ палаты) далъ ему обѣдъ, на которомъ былъ и Греви, но Буланже небыло; онъ его тоже просилъ къ себѣ, но N. не рѣшился поѣхать. Французскія власти объявили, что этихъ соціалистовъ нѣтъ теперь во

Библиотека "Руниверс"

Франціи, но что они рады служить Россіи чѣмъ могутъ; а Флоке (нѣкогда ратовавшій за Поляковъ) написалъ къ нему письмо съ просьбою обѣлить его въ глазахъ Русскаго правительства и устроить, чтобы посолъ нашъ Моренгеймъ не чуждался его и къ себѣ пригласилъ (это было нужно въ виду усилившагося сочувствія къ Россіи). N. письмо это переслалъ въ Петербургъ Обручеву для показанія Гирсу. Только что вернулся N. изъ Франціи, какъ пришло донесеніе Моренгейма о его хвастовствѣ, и вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ графъ Шуваловъ изъ Берлина и привезъ жалобы Бисмарка на посылку N. якобы офиціальную. Государь прогнѣвался и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ написалъ военному министру, чтобъ на другой же день въ „Инвалидѣ“ было напечатано объ увольненіи N. изъ всякой службы и неопредѣленіи никуда болѣе. (Записка Государя къ Ванновскому начиналась словами: „всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ“).

Князь Шаховской видѣлъ N. въ тотъ же день у Зайки, блѣднаго и уничтоженнаго. Но вдругъ, желая угодить Гирсу и Зиновьеву, а можетъ быть и по ихъ внушенію, онъ сталъ распространять, будто ѣздилъ въ Парижъ по порученію и на деньги Каткова. Онъ говорилъ это многимъ и въ Англійскомъ клубѣ. Это привело Каткова въ крайнее раздраженіе. Когда ему доложили, что пріѣхалъ N., онъ во всю глотку кликнулъ слугѣ, такъ что N. не могъ не услышать: Если въ другой разъ этотъ негодяй осмѣлится пріѣхать ко мнѣ, вытолкать его въ шею. Между тѣмъ Государь сталъ недоволенъ Катковымъ; тотъ ѣздилъ къ великому князю Владимиру Александровичу и просилъ разъяснить дѣло. Никакого отзыва не было. Тогда Катковъ написалъ Государю большое письмо, въ которомъ оправдывался, исчислялъ свои заслуги и говорилъ, что доселѣ служилъ безкорыстно отечеству, какъ могъ, не щадя силъ, но если сталъ старъ и неугоденъ, то по первому слову Государя совсѣмъ прекратитъ свою дѣятельность и какъ частный человѣкъ займется устройствомъ личныхъ дѣлъ своихъ, для которыхъ не имѣлъ до сихъ поръ досуга трудиться. На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта. Катковъ попросилъ аудіенціи, опять нѣтъ отвѣта. Тогда-то не только Побѣдоносцевъ, но и Деляновъ стали ему говорить, что Петербургскій климатъ ему вреденъ. Обыкновенно Катковъ испрашивалъ аудіенціи простыми письмами на имя Государя, и князь Шаховской видѣлъ у него нѣсколько Государевыхъ отвѣтныхъ записокъ.

Въ то самое время, какъ выгнанъ былъ со службы N., поступилъ къ Государю докладъ графа Толстого о назначеніи N. членомъ канцеляріи въ Совѣтѣ Министровъ съ жалованіемъ въ 10 тысячъ рублей. Государь возвратилъ бумагу графу Толстому съ самымъ рѣзкимъ отзывомъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда графъ Толстой уѣхалъ въ Москву, N. пустился на новыя пакости и написалъ Государю, что онъ не оправдывается, что виноватъ кругомъ, но что, долго служа въ военной службѣ, привыкъ исполнять безпрекословно приказанія начальства, и въ подтвержденіе приложилъ упомянутое выше письмо графа Толстого къ нему передъ его отъѣздомъ въ Парижъ!

Въ исходѣ Марта, въ Москвѣ графъ Д. А. Толстой опредѣлительно говорилъ мнѣ, что неудавшееся покушеніе 1-го Марта ведено было изъ Берлина и что онъ именно такъ и доложилъ Государю. Я ему сказалъ, что это въ первый разъ въ новой Русской исторіи Русскій министръ говоритъ Русскому царю противъ Берлина. А портреты Луизы и Фридриха Великаго, возмутившіе меня своимъ присутствіемъ въ Гатчинской гостиной въ прошломъ году, теперь уже, говорятъ, куда-то убраны. Слава Богу, что эти Берлинскія нѣжности миновали.

Каткову назначается уже преемникъ по изданію „Московскихъ Вѣдомостей“. Это князь Левъ Владимировичъ Шаховской, его зять. Если это сбудется, то „Московскія Вѣдомости“ опять перейдутъ отъ тестя къ зятю.

Сердечно жаль мнѣ Михаила Никифоровича. Его погубили самоувѣренность и недостаточная осторожность въ отношеніи къ Петербургу. Въ послѣднее время сталъ онъ похваливать и Петербургскій климатъ! А помню, въ Февралѣ 1852, когда я жилъ учителемъ у Шевичей, а онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, пошелъ я къ нему проститься въ Пассажъ, въ крошечную его комнату на верху. Уѣзжая назадъ въ Москву, онъ мнѣ тогда сказалъ: „Парижъ и Лондонъ младенцы противъ Петербурга относительно развращенности“. Какъ и Аксаковъ, Катковъ сталъ искать себѣ не друзей и сотрудниковъ, а поклонниковъ. Любопытно, что крупная сила выливается у насъ всегда почти въ единоличное самодержавіе.

Ревель, 21 Іюля 1887.

Сегодня былъ у меня князь Н. В. Шаховской съ извѣстіемъ, что вчера въ 5-мъ часу дня Катковъ скончался въ своемъ Знаменскомъ или Бутовѣ подъ Москвою. Государь спрашивалъ у Делянова про его здоровье, и говорятъ, что какая-то Французская медицинская знаменитость выписана была изъ Парижа отъ Русскаго правительства для Каткова. Онъ скончался въ день пророка Иліи. „Громовникъ Илія“ (какъ этого пророка зовутъ Сербы) поразилъ Россію этимъ ударомъ.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 16 Августа 1887.

Много говорилъ съ Н. и просидѣлъ часъ въ разговорѣ съ С. П. К. Оказывается, что каверза ведена была довольно искусно и широко. Государя колебали въ довѣріи къ Каткову съ разныхъ сторонъ. Флоке получилъ письмо, якобы написанное къ нему Катковымъ, самоувѣренное, утверждавшее, что въ немъ вся сила и вліяніе, призывавшее къ дѣйствію, т. е. къ разрыву съ Германіей, что ему хорошо извѣстно общее настроеніе, а Государь будетъ за Французовъ, какъ скоро они начнутъ дѣйствовать *). Когда это поддѣльное письмо явилось въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ (Matin), президентъ республики не зналъ, что̀ ему дѣлать и имѣлъ объясненіе съ Моренгеймомъ, который шифрованной депешей передалъ содержаніе этого письма въ Петербургъ. Катковъ еще успѣлъ черезъ Ціона и Щербину узнать, что подложное письмо написано бывшимъ Американскимъ посланникомъ нашимъ, проживавшимъ во Франціи на большой пенсіи, которую устроилъ ему князь Горчаковъ, въ отплату за необличеніе разныхъ его, Горчакова, недосмотровъ.

Государь потомъ приказалъ графу Толстому показать Каткову эту депешу Моренгейма. Почти въ одно съ нею время пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ и привезъ письмо Императора Вильгельма съ жалобами на Каткова, со ссылками на то, что именемъ Каткова генералъ N. Богъ вѣдаетъ что̀ распространялъ въ Берлинѣ, съ убѣдительною просьбою продолжить хоть еще на три года союзный трактатъ (срокъ истекалъ въ Іюнѣ), при чемъ старикъ (дѣдъ-дядя) писалъ, что больше трехъ лѣтъ ему еще не прожить и что онъ умоляетъ дать ему спокойно умереть. Государь остался непреклоненъ относительно Каткова. Вмѣстѣ съ N. уволенъ отъ службы нашъ Берлинскій посланникъ за то, что сообщалъ бумаги для книги и статей Татищева (племянника Половцева).

Въ Мартѣ предостереженіе Каткову было уже подписано, но послѣ бесѣды съ Государемъ оно отмѣнено. Государь самъ сказалъ потомъ Каткову: „А какъ они на васъ злились!“

Катковъ ничего не зналъ о пройдошествѣ N. горевалъ объ его увольненіи, даже ѣздилъ къ нему и просилъ за него, какъ вдругъ ему открылась вся его облыжность. N. самъ разсказывалъ: про себя

*) Однажды Катковъ сказалъ мнѣ про Государя, восхищаясь его качествами; бѣда только, что онъ не рѣшается садиться въ сѣдло правленія.

Библиотека "Руниверс"

бывало: я вру, вру, а Дмитрій Ерофеичъ (Сакенъ) скажетъ: „Да полно, N“! Такъ и смотрѣлъ на него Катковъ, но принималъ изъявленія его преданности и вѣрилъ ей.

Отецъ Каткова, мелкій Чухломскій помѣщикъ, огромнаго роста красавецъ, служилъ въ Москвѣ въ Губернскомъ Правленіи и умеръ ударомъ, оставивъ жену Варвару Акимовну (ур. Тулаеву, Грузинку родомъ) и двухъ сыновей. Она была всего три года замужемъ. Женщина добродѣтельная, отмѣнно строгихъ правилъ. Катковъ женился (1853) только послѣ ея кончины, зная, что мать не дастъ самостоятельности его женѣ. Любила же она его такъ, что когда, бывало, онъ придетъ со службы и разбросаетъ свое платье, она, убирая за нимъ, все перецѣлуетъ.

По словамъ Н. А. Любимова, Катковъ, незадолго до кончины, называлъ себя „государственнымъ сторожевымъ псомъ, охраняющимъ достояніе Хозяина и чующимъ, если въ домѣ что̀ не ладно“. Императоръ Александръ Николаевичъ дозволилъ ему печатать что̀ захочетъ, лишь бы онъ не затрогивалъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ.

Ѳ. П. Еленевъ печаталъ какую-то статью свою въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Катковъ вымаралъ въ ней страницу противъ Евреевъ. Еленевъ пожелалъ, чтобы статья появилась не иначе какъ вполнѣ. Такою она и вышла въ экземплярахъ цензурныхъ и доставленныхъ автору, который очень удивился, узнавъ, что во всѣхъ остальныхъ оттискахъ Евреи были таки пощажены. Случилось такъ, что первая панихида по Катковѣ въ Петербургѣ была отслужена въ синагогѣ: но всѣ слухи о томъ, что Евреи снабжали Каткова деньгами—сущая клевета.

Ѣздилъ я въ Одессу въ тотъ годъ, когда тамъ произошелъ погромъ Евреевъ. Въ газетахъ нашихъ одинъ только Гиляровъ въ своихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ указалъ на то, что Одесскіе простолюдины разоряли Еврейскіе пожитки, рвали ихъ денежныя бумаги, но себѣ ничего не присваивали, тогда какъ другія газеты усматривали въ погромѣ дѣйствіе нигилистовъ. Но Государь Александръ Александровичъ поручилъ князю Сергѣю Владимировичу Шаховскому разслѣдовать *неласно*, въ чемъ настоящая причина, и князь доложилъ, что вполнѣ виновны только одни Евреи, отъ которыхъ не становилось житья Русскимъ людямъ въ Одессѣ. Тамошнему усиленію еврейства содѣйствовалъ попечитель Одесскаго округа знаменитый Пироговъ, по своей матери Еврей (что̀ видно и на лицѣ его и о чемъ онъ умолчалъ въ своихъ Запискахъ, обильныхъ невѣрными показаніями). Покой-

Библиотека "Руниверс"

ный Н. Н. Мурзакевичъ сказывалъ мнѣ, что однажды въ день Страстной Пятницы Пироговъ встрѣтилъ на улицѣ нѣсколько человѣкъ студентовъ и когда они ему сказали, что идутъ въ церковь, онъ отнесся къ этому насмѣшливо. Къ Евреямъ благопріятно относился и бывшій тогда уже въ отставкѣ Новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Когда я пріѣхалъ въ Одессу, извозчикъ, Русскій парень, спросилъ меня: „Ну, что, баринъ, не гнѣвается на насъ Государь?“ Изъ Одессы я ѣздилъ въ Алупку и когда возвращался оттуда на пароходѣ, между спутниками зашла рѣчь объ Одесскомъ погромѣ, и кто-то изъ нихъ спросилъ меня: „Какъ вы объ этомъ думаете?“—Да какъ же думать?, отвѣчалъ я, коль скоро у генералъ-губернатора правителемъ канцеляріи Еврей.

Только что я приплылъ въ Одессу, какъ въ гостинницу ко мнѣ прибылъ пріѣхавшій тоже на пароходѣ этотъ правитель канцеляріи и именемъ генералъ-губернатора Коцебу предложилъ мнѣ побывать въ генералъ-губернаторской канцеляріи. Признаюсь, я немного струсилъ, такъ какъ въ тѣ времена аресты еще не были рѣдкостью. Каково же было мое изумленіе, когда мнѣ предложено было прочитать нѣсколько донесеній, которыя Коцебу посылалъ въ Петербургъ въ царствованіе Александра II-го съ предъявленіями крайней необходимости принять мѣры противъ Евреевъ? Мѣры эти были сначала одобрены, а потомъ отмѣнены. „Зачѣмъ же вы мнѣ это показываете? спросилъ я, вѣдь я занимаюсь исключительно „Русскимъ Архивомъ“ и „Архивомъ Князя Воронцова“.—Его высокопревосходительство проситъ васъ сдѣлать ему одолженіе, по пріѣздѣ въ Москву, передать М. Н. Каткову то, что вы прочли въ этихъ бумагахъ („Московскія Вѣдомости“ были тогда во всей своей силѣ). По пріѣздѣ въ Москву я немедленно поѣхалъ къ Каткову и пересказалъ ему мною прочитанное въ Одессѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: Все это вздоръ. Я совершенно безпристрастенъ къ Евреямъ вѣрно-подданнымъ Государя Императора.—Гораздо позднѣе говорилъ я Каткову о томъ, что его усиленно обвиняютъ въ мирволеніи Евреямъ и что у него въ дѣлахъ по изданію „Московскихъ Вѣдомостей“ немало Евреевъ. Я выражалъ опасеніе, чтобы они ему не навредили; но онъ отвѣчалъ, что онъ имъ вовсе не вѣритъ и что только одинъ изъ нихъ человѣкъ въ его глазахъ вполнѣ надежный и ему преданный.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ[1]).

III. Богъ не выдастъ![2]).

Селясь по Тереку и Кубани, образовывая городки и станицы, казаки естественно считали церкви центромъ своей духовной и общественной жизни. Въ храмъ Божій собирались они по благовѣсту на молитву. Набатъ сзывалъ казаковъ на пожаръ и тревогу. Церковнымъ же звономъ старались наши предки прогнать грозовую тучу и саранчу. На литургію сходилось все населеніе станицъ. Тутъ начинались и кончались всѣ дѣла. И долго, по окончаніи службы, стояли у своей церкви казаки. Естественнымъ наставникомъ, совѣтникомъ и другомъ паствы часто являлся священникъ. Поэтому къ его авторитету прибѣгало начальство изстари, для объявленія въ церкви послѣ литургіи разнаго рода распоряженій.

Такъ патріархально и просто шло дѣло до 1849 года.

Но тутъ повздорилъ въ станицѣ Михайловской командиръ 4-й бригады Кавказскаго линейнаго войска полковникъ Войцицкій[3]) съ благочиннымъ, священникомъ Михайло-Архангельской церкви, отцомъ Герасимомъ Сперанскимъ. Долго караулилъ полковникъ своего врага, не упускалъ случая доносить о его провинностяхъ наказному атаману[4]) и, наконецъ, нашелъ случай доканать священника. Въ Іюлѣ 1849 года послѣдовало распоряженіе командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генералъ-лейтенанта Завадовскаго, о прочтеніи, три Воскресенія подрядъ, во всѣхъ церквахъ по окончаніи литургіи, приказа князя

---

[1]) См. выше, стр. 68.

[2]) Дѣла войскового дежурства 1849 г.—№ 318. Связка 12—дѣло 100.

[3]) Католикъ.

[4]) Феликсъ Антоновичъ Круковскій, католикъ.

Библиотека "Руниверс"

Воронцова, чтобы казаки не смѣли обращаться къ высшимъ властямъ, минуя своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Приказъ, разумѣется, былъ выполненъ во всѣхъ церквахъ Кавказскаго линейнаго войска, за исключеніемъ Михайло-Архангельской.

Случаемъ этимъ воспользовался полковникъ Войцицкій и къ Феликсу Антоновичу полетѣлъ рапортъ съ жалобою на строптиваго священника. Начальство тогда не знало препонъ и преградъ власти и, воинственный и рѣшительный Круковскій, ничто же не сумняшеся, рѣшилъ наказать отца Герасима Сперанскаго. Войсковое дежурство запросило священника о причинахъ неисполненія приказа начальства.

Но и попъ не дремалъ. Онъ прежде всего постарался затянуть дѣло. И лишь на повтореніе дежурства отвѣтилъ, что до сихъ поръ никакого запроса отъ послѣдняго не получалъ. Тѣмъ же временемъ, очевидно, самъ обратился къ защитѣ въ Тифлисъ къ оберъ-священнику отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, протоіерею Лаврентію Михайловскому.

По крайней мѣрѣ на довольно рѣшительную просьбу г.-л. Круковскаго о взысканіи съ отца Сперанскаго, оберъ-священникъ отвѣтилъ слѣдующее: „Непослушаніе въ семъ случаѣ священника Сперанскаго благоразумно, не только не противозаконно; слѣдовательно не подлежитъ ни суду, ни взысканію. Опрометчиво, напротивъ, поступили другіе священники, выполнившіе подобныя требованія полковыхъ правленій и подлежатъ строгому взысканію потому, что объявленіе въ Православной церкви прилично только о дѣлахъ церкви или ея догматахъ, или важныхъ іерархическихъ распоряженіяхъ, или, наконецъ, о происшествіяхъ, касающихся дѣлъ государственныхъ или Августѣйшаго Императорскаго Дома, и никогда о частныхъ гражданскихъ, въ которыя духовенству вмѣшиваться вовсе не слѣдуетъ. Изъ обстоятельствъ сихъ ясно изволите усмотрѣть, что не причтъ Михайловской станицы подлежитъ взысканію, *а тѣ, которые, не понимая или не хотя понимать своихъ отношеній къ духовенству, стѣсняютъ его неосновательными требованіями и увлекаютъ начальство въ непріятныя пересѣки.* По сему долгомъ начальника станичнаго духовенства обязываюсь просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, дабы ни станичное, ни полковое правленіе не позволяло себѣ простирать власти свои на священниковъ и не обременяло бы ихъ непосильными, а часто незаконными требованіями, и тѣмъ положить предѣлъ разнымъ нестроеніямъ, происходящимъ отъ неразумѣнія отношеній станичныхъ начальниковъ или полковыхъ командировъ къ духовенству, естественно влекущаго за собою вредныя послѣдствія: ибо, что можетъ успѣть духовенство въ дѣлѣ служенія его, если оно въ глазахъ простого народа

Библиотека "Руниверс"

будетъ такъ притѣсняться мѣстнымъ военнымъ начальствомъ? Какое же будетъ сдѣлано по сему предмету распоряженіе, покорнѣйше прошу почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ".

Получивъ такую бумагу, Круковскій видимо почувствовалъ себя въ самомъ глупомъ положеніи. Умный оберъ-священникъ, правда, билъ не по коню, а по оглоблямъ, но кто долженъ былъ себя признать „тѣми, которые и т. д.". И Круковскій рѣшилъ передать эту честь г.-л. Завадовскому, къ которому вся переписка и была направлена „на благоусмотрѣніе".

Командовавшій войсками Кавказской линіи и Черноморіи поступилъ однако въ высшей степени умно и рѣшительно. Онъ принялъ всю отвѣтственность на себя и просилъ оберъ-священника все это дѣло, „какъ не влекущее за собою никакихъ послѣдствій, оставить безъ дальнѣйшаго производства": г.-м. же Круковскому было предписано всѣ распоряженія впредь въ станицахъ читать при церквахъ, или на мірскихъ сходкахъ.

IV. Рѣдкая награда *).

Въ началѣ Февраля 1856 года изъ образцоваго конно-артиллерійскаго казачьяго дивизіона былъ за неспособностью отправленъ въ войско бомбардиръ Алексѣй Сазоновъ. Онъ прибылъ въ станицу Суворовскую и явился командующему конно-артиллерійскою казачьею № 14 батареею капитану Крыжановскому.

На груди у бомбардира сіялъ на Владимирской лентѣ какой-то особенный знакъ отличія. Это былъ довольно большого размѣра крестъ съ изображеніемъ на концахъ: Николая Чудотворца, Александра Невскаго, Архистратига Михаила и Георгія Побѣдоносца и съ надписью: „Богъ намъ прибѣжище и сила, а спасеніе крестъ".

Нечего говорить, что подобная, до тѣхъ поръ невиданная въ Россійской арміи награда возбудила всеобщее вниманіе и на вопросъ капитана Крыжановскаго, что̀ это за крестъ, Сазоновъ отвѣчалъ: „Крестъ этотъ былъ мнѣ пожалованъ Государемъ Императоромъ за стоянку на позиціи противъ войска Аглицкаго, на морѣ Балтійскомъ".

Тогда капитанъ Крыжановскій, не найдя объясненія въ формулярѣ артиллериста, рапортомъ запросилъ командира образцовой батареи полковника Осипова, который отвѣтилъ, что бомбардиръ Сазоновъ никакимъ особеннымъ знакомъ отличія удостаиваемъ не былъ. Поэтому

*) Арх. Войскового Дежурства, Св. № 47—дѣло 733.

Библиотека "Руниверс"

командующій № 14 батареей просилъ по командѣ о законномъ разслѣдованіи, за какіе именно подвиги жалованъ состоящему на льготѣ бомбардиру Сазонову знакъ на Владимирской лентѣ. Пройдя нѣсколько инстанцій, переписка черезъ четыре мѣсяца попала для исполненія къ начальнику Новотроицкой станицы.

Призванный въ станичное правленіе, бомбардиръ Сазоновъ показалъ: „Крестъ этотъ былъ мнѣ переданъ въ 1854 году командиромъ дивизіона полковникомъ Осиповымъ. Въ отрядѣ я его не носилъ въ то время, а когда отправился на Кавказъ, то спросилъ у полковника, гдѣ мнѣ прикажетъ носить этотъ знакъ, на груди или на шеѣ, на что командиръ отвѣтилъ: „Царскую награду гдѣ хочешь, тамъ и носи". Послѣ этого, въ пути слѣдованія, я самъ возложилъ крестъ на себя на Владимирской лентѣ".

Переписка опять пошла въ образцовый дивизіонъ съ просьбою увѣдомить „надписью на семъ же", дѣйствительно-ли означенный знакъ былъ пожалованъ бомбардиру Сазонову за бытность его на Балтійскомъ морѣ, на позиціи противу Англичанъ.

Трудно себѣ представить, какой эффектъ произвела эта переписка на полковника Осипова, въ тогдашній вѣкъ формалистики, шнурочковъ и кантиковъ. Онъ увидѣлъ лишь одно: его, командира образцовой батареи, любимца генералъ-фельдцейхмейстера, его, отъ котораго долженъ былъ исходить свѣтъ трынчиковъ и ремешковъ, его обвинялъ какой-то дерзкій казакъ въ раздачѣ какихъ-то небывалыхъ наградъ. И, подъ вліяніемъ горькой обиды, въ отвѣтѣ своемъ онъ называлъ поступокъ Сазонова „неслыханнымъ ложнымъ и противозаконнымъ дерзкимъ вымысломъ" и просилъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства съ преданіемъ суду. Однако въ концѣ своего отношенія полковникъ Осиповъ писалъ:

„При семъ, въ объясненіе дѣла, присовокупить честь имѣю, что Его Императорское Высочество генералъ-фельдцейхмейстеръ при выступленіи образцоваго дивизіона въ 1854 году въ походъ противъ Англо-Французовъ выразилъ дивизіону особую милость, прощаясь, какъ отецъ съ дѣтьми, и осчастливилъ всѣхъ крестнымъ знаменіемъ отцовскаго благословенія, на какой предметъ выслалъ при рескриптѣ на мое имя священные кресты, которые и были розданы мною, какъ г. г. офицерамъ, такъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ томъ числѣ и Сазонову, о чемъ и было объявлено тогда же въ приказѣ по дивизіону. А потому не этотъ ли даръ святыни, удостоенный Его Высочествомъ, считаетъ дерзкій казакъ Сазоновъ—знакомъ отличія и выдумываетъ ложныя показанія на своего командира дивизіона".

Библиотека "Руниверс"

Ларчикъ открывался просто. И когда многолистная переписка дошла до наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска, то генералъ-маіоръ Рудзевичъ, принявъ во вниманіе, что бомбардиръ Сазоновъ былъ отправленъ въ войско за неспособность, а также, что неспособность бываетъ и умственная, очень просто рѣшилъ дѣло. Онъ приказалъ объявить бомбардиру Алексѣю Сазонову, что священный крестъ, пожалованный имъ въ числѣ прочихъ чиновъ образцоваго дивизіона великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, онъ обязанъ носить не въ петлицѣ и не на Владимирской лентѣ, а точно также, какъ носятъ вообще всѣ священные кресты, т. е. на тѣлѣ подъ рубашкою.

V. О дѣвицѣ Шабельской, завезенной съ двумя дѣтьми ея изъ Варшавы на Кавказъ*).

Въ сводно-иррегулярномъ дивизіонѣ Кавказскаго Линейнаго войска въ Варшавѣ служило много туземцевъ уроженцевъ сѣвернаго Кавказа. Поляки смотрѣли на нихъ, какъ на жертвъ Русскаго произвола. А они, красивые, рослые и пылкіе, сбили съ толку не одну бѣлокурую головку.

Не избѣгъ этой участи и прапорщикъ Чахой Шамсединовъ, плѣнивъ дочь квартирной хозяйки, красавицу Франциску Шабельскую. Наслаждаясь прелестями жизни въ Варшавѣ, Ногаецъ совершенно забылъ и аулъ, и Магометанскую семью. Онъ весь отдался Полькѣ и обожалъ двухъ дочерей.

Но скоро наступилъ часъ расплаты. Неумолимая судьба звала Шамсединова на родину. И вотъ, пообѣщавъ принять Православіе и жениться, прапорщикъ, не заглядывая далеко въ будущее, въ Мартѣ 1856 года поскакалъ черезъ Ставрополь на перекладной съ Франциской и дѣтьми къ посту Осторожному.

Но то, что̀ казалось возможнымъ въ Варшавѣ, стало труднымъ на Кавказѣ. Все родство, весь Мусульманскій міръ аула, предупрежденный о намѣреніи Шамсединова измѣнить вѣрѣ отцовъ, да притомъ изъ-за женщины, возмутился. На посту уже поджидали прапорщика родственники, прибывшіе изъ-за Кубани со многими Ногайцами. Франциску съ дѣтьми усадили на воловую арбу и повезли въ аулъ. Тутъ въ саклѣ четыре мѣсяца жила она съ Шамсединовымъ. Наконецъ, его подъ предлогомъ службы удалили, и Франциска осталась одна. Держали ее въ самомъ черномъ тѣлѣ и большой нуждѣ.

---

*) Архивъ войскового дежурства, дѣла №№ 959 и 1118.

Библиотека "Руниверс"

Тогда мужественная женщина рѣшила бѣжать къ тѣмъ самымъ Русскимъ, которыхъ такъ глубоко ненавидѣла въ Варшавѣ. Темною ночью явилась она въ Бѣломечетское станичное правленіе и принесла жалобу на обольстителя. Шабельскую немедленно отправили въ Ставрополь.

Войсковое правленіе, какъ водится, взглянуло на дѣло по канцелярски. Оно считалось не съ людьми, а съ документами и, разсмотрѣвъ паспортъ Шабельской, постановило: „такъ какъ срокъ послѣдняго кончился, и Шабельская къ мѣсту своего жительства не вернулась, то тѣмъ самымъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ худыхъ поступкахъ и особенно въ блужданіи по Кавказу, а потому полагать ее въ бѣгахъ и вернуть въ Баталпашинскъ для производства разслѣдованія".

Затѣмъ станичнымъ правленіемъ по тракту отъ Ставрополя было приказано препроводить въ пятую бригаду запечатанный конвертъ, а при немъ дѣвицу Шабельскую съ двумя дѣтьми на паро-воловой подводѣ подъ строгимъ присмотромъ.

Шабельскую съ дѣтьми посадили подъ строгій караулъ, но бригадное начальство приложило всѣ старанія вывести изъ тяжелаго положенія несчастную Польку. Слѣдователю по ея дѣлу, хорунжему Ильину, удалось вызвать прапорщика Шамсединова и взять съ него письменное обѣщаніе перейти въ Православіе и жениться на Шабельской.

Осталось только переженить ихъ, совершивъ необходимыя формальности. Но Шамсединовъ не нашелъ въ себѣ достаточной рѣшимости идти противъ родни. Онъ снова отказался отъ даннаго обѣщанія, сославшись на Магометанскіе законы, просилъ о прекращеніи дѣла и отправкѣ Шабельской на его счетъ въ Варшаву.

Наказный атаманъ имѣлъ, конечно, полную возможность принудить Шамсединова исполнить данное имъ письменное обязательство: но соотвѣтствовалъ ли такой образъ дѣйствія догматамъ Православной вѣры, а главное политикѣ нашей на Кавказѣ, краеугольнымъ камнемъ которой была полная вѣротерпимость? Не слѣдовало-ли опасаться, что принудительный переходъ Шамсединова въ Православіе дастъ поводъ къ взрыву неудовольствія среди фанатиковъ-магометанъ и какъ разъ въ то время, когда близилась развязка съ Шамилемъ?

Разумъ перевѣсилъ голосъ сердца, и генералъ-маіоръ Рудзевичъ заставилъ Шамсединова лишь матеріально обезпечить Шабельскую. Но наказный атаманъ приказалъ ее увезти съ отправляющимся въ Варшаву дивизіономъ, дать ей подводу изъ числа положенныхъ подъ тяжести и заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ и продовольствовать въ пути,

Библиотека "Руниверс"

дабы сохранить ей 180 рублей, взысканныхъ съ Шамсединова на проѣздъ до Варшавы.

Мать выговорила право увезти дѣтей.

Такъ сердечно отнеслось войсковое начальство къ попавшей въ тяжелое положеніе женщинѣ. Преслѣдуя добрую цѣль, генералъ-маіоръ Рудзевичъ не побоялся „превысить власть", и никому въ голову не пришло осудить его. Шабельская благополучно прослѣдовала съ дивизіономъ до Новградъ-Волынска, гдѣ и пожелала остаться.

Устное преданіе дополняетъ эту исторію сказаніемъ, что Шабельская горько оплакивала любимаго человѣка. Но извѣстно, что все добро выростаетъ изъ материнскихъ слезъ; вѣроятно поэтому въ 1859 году прапорщикъ Шамсединовъ вернулся къ своей первоначальной мысли и пожелалъ окончательно воспринять свѣтъ ученія Христова.

VI. Свадьба *).

Вдова казака Прасковія Кочеткова выдавала замужъ дочь свою Акулину за крестьянина Рязанской губерніи Петра Попова. Въ чихирѣ и водкѣ не было недостатка. Гости чувствовали уже себя въ томъ блаженномъ состояніи, когда языкъ начинаетъ развязываться, да и ноги сами идутъ плясать. Обязанности дружки исполнялъ внутренно-служащій казакъ Горскаго полка Павелъ Поляковъ и особенно-рьяно относился къ выполненію всѣхъ установленныхъ стариною свадебныхъ обычаевъ.

Наконецъ, приближалась торжественная минута. Когда молодые удалялись въ свадебный покой, дружка Поляковъ передалъ новобрачному ружье и приказалъ въ знакъ торжества въ необходимую минуту сдѣлать салютъ въ землю. Самъ же Поляковъ остался за затворенною дверью и подсматривалъ въ скважину, очевидно, опасаясь, что крестьянинъ Поповъ, какъ человѣкъ не военный, пропуститъ время и забудетъ про салютъ.

Но новобрачный оказался на высотѣ положенія. Напряженное состояніе гостей вскорѣ было удовлетворено раздавшимся громкимъ выстрѣломъ. Пороху очевидно не пожалѣли. Но, стрѣляя, Поповъ приподнялъ дуло нѣсколько вверхъ, и дробь, которою было заряжено для „гулкости" ружье, ушла не въ землю, какъ предполагалось, а пробивъ досчатую дверь, угодила въ обѣ голени старательному и любопытному дружкѣ.

---

*) Архивъ войскового правленія св. 16, дѣло 364.

Библиотека "Руниверс"

Поляковъ упалъ на полъ: подъ нимъ образовалась лужица крови. Женщины попадали въ обморокъ. Находившійся въ числѣ гостей ста̀ничный фельдшеръ бросился къ раненому и нашелъ въ обѣихъ голеняхъ 28 небольшихъ ранокъ отъ вошедшей довольно крупной дроби и оставшейся въ икряныхъ мускулахъ. Раны признаны были неопасными для жизни и Поляковъ вскорѣ выздоровѣлъ: однако въ лѣвой голени осталось полусведеніе, и Поляковъ былъ признанъ неспособнымъ къ строевой службѣ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Ставропольская Палата гражданскаго и уголовнаго суда освободила крестьянина Попова отъ всякой отвѣтственности, но вынесла слѣдующую, довольно ехидную сентенцію: „Такъ какъ вообще на Кавказѣ, особенно въ казачьемъ вѣдомствѣ, существуетъ дѣйствительно обыкновеніе при свадьбахъ стрѣлять изъ ружья, а по законамъ гражданскимъ стрѣлять въ жилыхъ мѣстахъ безъ необходимости совершенно воспрещается, безъ всякихъ изъятій, то можетъ ли это обыкновеніе допущаться на будущее время и не будетъ ли оно противно ограждающимъ личную безопасность военнымъ постановленіямъ, представить разсмотрѣнію его высокопревосходительства г. командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи“. Сей послѣдній постановилъ просить наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска генералъ-маіора князя Эристова распорядиться: для отвращенія на будущее время подобныхъ происшествій подтвердить строжайше жителямъ войска, чтобы они при стрѣльбѣ непремѣнно соблюдали установленныя по военной части правила.

Очевидно, въ виды военнаго начальства не входило запрещать казакамъ владѣть оружіемъ при всѣхъ случаяхъ жизни.

Достопамятное происшествіе на свадьбѣ имѣло мѣсто въ Екатериноградской станицѣ 12 Октября 1851 года.

VII. Самашкинское звѣрство[1]).

Къ 1852-мъ въ главныхъ чертахъ было уже окончено начатое Николаемъ Павловичемъ Слѣпцовымъ устройство Верхне-Сунженской линіи.

Изъ вызванныхъ съ Терека, Кубани и съ Дону казаковъ было заселено по лѣвому берегу Сунжи пять станицъ: Троицкая, Сунженская

[1]) Дѣло 3-го стола Войскового дежурства № 415.

Библиотека "Руниверс"

(нынѣ Слѣпцовская), Михайловская, Самашкинская и Алханъ-Юртовская (Ермоловская), да по рѣкѣ Ассѣ одна—Ассинская.

Въ новыя станицы эти пошли казаки-поселенцы двухъ родовъ: охочіе люди, т. е. тѣ сильные и предпріимчивые, энергія которыхъ искала выхода на новыхъ мѣстахъ. Они стремились на Сунжу въ надеждѣ подвиговъ, славы и быть можетъ, плодородной земли и добычи. То были безусловно лучшіе въ боевомъ отношеніи люди Линейнаго войска, принесшіе, какъ и прежде, великую пользу при новомъ толчкѣ распространенія Русскаго владычества. Остальные поселенцы (а ихъ было большинство) двинулись по жребію, по принужденію, и шли они конечно безъ особеннаго удовольствія. На Дону[1]) разрѣшалось даже вынувшимъ жребій нанимать вмѣсто себя бѣдняковъ, снабжая ихъ скотомъ и деньгами. Разселившись по новымъ Сунженскимъ станицамъ, эти переселенцы, не привыкшіе къ хозяйству и домовитости, быстро растратили привезенное съ собою имущество и превратились въ такихъ же бѣдняковъ, какими были и прежде. Нравственностью своею они, конечно, не могли похвалиться.

Линейныхъ казаковъ, разумѣется, не могла удивить чисто-боевая обстановка жизни на Сунжѣ; но Донскіе переселенцы попадали въ необычайныя условія существованія. Имъ пришлось столкнуться съ совершенно новымъ міромъ по понятіямъ и воззрѣніямъ. Ближайшими сосѣдями ихъ явились аулы такъ называемыхъ мирныхъ горцевъ, за которыми дальше находились уже поселенія Чеченцевъ, открыто воевавшихъ съ нами. И тѣ и другіе отличались храбростью, жестокостью, ловкостью, находчивостью, хитростью, корыстолюбіемъ, лицемѣріемъ и коварствомъ. Прямо Русскому человѣку трудно было ужиться съ людьми, которые всегда готовы предать, и на обѣщанія и клятвы которыхъ нельзя было положиться.

Устройство Верхне-Сунженской линіи, т. е. появленіе Русскихъ городковъ въ мѣстности, которую Чеченцы считали своею, подняло всѣхъ туземцевъ противъ насъ. Кромѣ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ Шамиля и его наибовъ, Чеченцы мелкими партіями и даже по одиночкѣ, по собственному почину, дерзко нападали на насъ, сознательно мѣшая Русскому водворенію. Въ каждой балкѣ и оврагѣ, за всякимъ кустомъ и камнемъ можно было ждать Чеченца. Они бросались на всякаго проѣзжаго, на работающихъ въ полѣ, на безпечные посты, на женщинъ и дѣтей. Смерть и тяжелый плѣнъ грозили каждому.

Приходилось потому казакамъ воздѣлывать поля лишь въ ближайшихъ окрестностяхъ станицъ, да и то подъ прикрытіемъ[2]). Работали

[1]) Статистическія монографіи Терскаго казачьяго войска 1881 г. стр. 98.

[2]) П. Л. Юдинъ. Г.-м. Слѣпцовъ, какъ устроитель Сунженской линіи, стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

старики, женщины и подростки, а служилые казаки оцѣпляли мѣстность, наблюдая за появленіемъ непріятеля. На ночь никто не оставался въ полѣ. Съ захожденіемъ солнца и люди, и четвероногіе всѣ убирались въ станицу. Послѣднія представляли собою маленькія крѣпостцы, расположенныя на разстояніи не болѣе полу-перехода одна отъ другой. Обыкновенно станица была въ родѣ полигона, большею частію четыреугольника, и была обнесена валомъ съ земляным тыномъ и окопана довольно глубокимъ рвомъ. Выходъ ограждался воротами, а по угламъ располагались башни-барбеты, вооруженныя гарнизонными орудіями. На болѣе возвышенномъ мѣстѣ, внутри станицы, возводилась вышка, съ которой часовой наблюдалъ за окрестностью. При появленіи значительной партіи, на верху вышки зажигался пукъ соломы. Тогда поднималась тревога, раздавались вѣстовые выстрѣлы, часть казаковъ спѣшила къ валамъ, а большинство скакало въ поле, чтобы соединенными усиліями съ помощью другихъ станицъ поразить и прогнать хищниковъ.

Жизнь казака была не легка. Но особенно допекали Чеченцы ското-и коно-крадствомъ. Грабили одинаково и мирные аулы и во всякомъ случаѣ всегда помогали родичамъ укрывать и угонять украденныхъ у казаковъ животныхъ.

16-го Марта 1852 года изъ Заканъ-Юртовскаго аула отправились въ Казакъ-Кичу*) къ своимъ роднымъ жена Чеченца Мусы Исаева съ двухлѣтнею дочерью Докунуръ, съ родною сестрою Мусы, восемнадцатилѣтнею дѣвицею, и съ своею родною сестрою, вдовою Хосяпать, а всего вчетверомъ на пароволовой арбѣ. Женщины побывавъ у родныхъ, должны были въ тотъ же день вернуться домой. Однако пришелъ вечеръ, а ихъ не было. Поэтому на другой день послали мальчика въ Казакъ-Кичу, разузнать, что съ ними случилось. Мальчикъ вскорѣ вернулся. Оказалось, женщины еще въ полдень выѣхали обратно изъ Казакъ-Кичу.

Аулъ всполошился, и вскорѣ все населеніе вышло на поиски. Не доходя трехъ верстъ до станицы Самашкинской. Чеченцы увидѣли колеи арбы, свернутой съ дороги къ сторонѣ Сунжи и слѣдъ сапогъ, подбитыхъ гвоздями. Идя по слѣдамъ, туземцы дошли до глубокаго оврага, ведущаго въ лѣсъ у рѣки. Послѣ недолгихъ поисковъ, на днѣ оврага нашли изрубленные и избитые трупы женщинъ и ребенка около опрокинутой разбившейся арбы.

---

*) Рапортъ завѣдывающаго лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи отъ 21 Августа 1852 года № 528.

Библиотека "Руниверс"

Преступленіе конечно не было совершено Чеченцами. Объ этомъ зналъ бы Заканъ-Юртъ въ силу крѣпкой сплоченности и взаимнаго укрывательства, до нынѣ существующихъ у нихъ. Тогда Присунженскіе Чеченцы безусловно молчали бы; между тѣмъ они повсюду заговорили объ убійствѣ, очевидно съ цѣлью, чтобъ слухъ о преступленіи дошелъ до Русскаго начальства. Прямо жаловаться, изъ опасенія мести казаковъ, не допускала Азіатская политика мирныхъ Чеченцевъ.

И молва, попавъ въ уста Русскаго человѣка, сдѣлало свое дѣло. Прибывшій 16 Марта въ Самашки вновь назначенный начальникъ станицы [1]), сотникъ Отченашенко уже на другой день „какъ-то стороною узналъ объ убійствѣ".

Но поднимать это дѣло казачьему начальству было не къ чему, даже совершенно невыгодно. Сталкиваясь въ жизненномъ обиходѣ съ тяжелыми условіями казачьей жизни и близко зная Чеченцевъ, полковое начальство предъявляло казакамъ суровыя требованія. Командиръ 1-го Сунженскаго полка Кавказскаго Линейнаго войска, полковникъ Предимировъ, заставлялъ посылать въ непокорныя мѣста, т. е. за Сунжу, Ассу и Урусъ-Мартанку, казаковъ для занятія „удобныхъ подъ дорогами мѣстъ секретами для отраженія непокорныхъ горцевъ отъ вторженія въ наши предѣлы". Сотенные командиры уже болѣе опредѣленно развивали инструкцію охотникамъ. Отлично зная про участіе въ грабежахъ и мирныхъ Чеченцевъ, они говорили: „Казакамъ слѣдуетъ быть разъѣзжающими около станицъ на переправахъ и, не разбирая въ ночное время, мирный или не мирный Чеченецъ, кто бы ни ѣхалъ, конный или шелъ пѣшій, оклику не дѣлать, а бить". Этотъ суровый, но единственно дѣйствительный способъ дѣйствій противъ шакаловъ, конечно шелъ въ разрѣзъ съ этикою, а главное съ требованіями высшаго начальства, говорившаго изъ Тифлиса и Ставрополя: „Не оставьте внушить всѣмъ и каждому о необходимости кроткихъ и миролюбивыхъ отношеній къ Азіатцамъ, какъ единственное средство общаго спокойствія въ покоренныхъ отъ непріятеля странахъ подъ строгою отвѣтственностью ближайшаго начальства" [2]).

Поэтому, подозрѣвая въ совершенномъ преступленіи посланную въ секреты въ ночь съ 16-го на 17-е Марта команду казаковъ подъ начальствомъ урядника Банникова, сотникъ Отченашенко молчалъ. Молчали бы очевидно и другіе офицеры, и дѣло кануло бы въ лету, если бы не болтливость казаковъ. Русскій человѣкъ очевидно не могъ

---

[1]) Докладъ войскового дежурства 1853 года.

[2]) Предписаніе командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи отъ 12-го Сентября 1852 года № 19587.

Библиотека "Руниверс"

примириться съ ужасомъ преступленія. Слухъ объ убійствѣ дошелъ до войскаго начальника Самашкинской станицы маіора Баженова, находившагося не въ ладахъ съ казачьимъ начальствомъ. Онъ донесъ о звѣрствѣ начальнику Верхне-Сунженской линіи, а послѣдній всесильному князю Александру Ивановичу.

Князь Барятинскій, тогда начальникъ Лѣваго фланга, приказалъ тому же маіору Баженову начать слѣдственное производство, при чемъ депутатомъ отъ 1-го Сунженскаго полка былъ незначенъ сотникъ Отченашенко. Дѣло принимало скверный оборотъ.

Уже дней черезъ пятнадцать послѣ происшествія въ Самашки прибылъ Предимировъ. Онъ собралъ всю сотню и допрашивалъ казаковъ. Однако никто не сознался. Командиръ приказалъ сотнику Отченашенко: „непремѣнно отыскать мошенниковъ“.

Сотникъ принялъ „многія мѣры къ тому“. Онъ послалъ между прочимъ отставного урядника Павла Горепекина со стариками по станицамъ для обыска по домамъ говядины отъ зарѣзанныхъ быковъ.

Найдено, однако, ничего не было. Но поиски шли, такъ сказать, сами собою. Урядникъ Банниковъ „невинно страдалъ въ подозрѣніи“. Страдали и ходившіе въ секреты съ нимъ казаки. Общественное мнѣніе станицы очевидно порицало звѣрское преступленіе, и знавшіе виновныхъ рѣшили выдать убійцъ.

Случайно возвращаясь изъ станицы Слѣпцовской въ Самашки, сотникъ Отченашенко „завелъ разговоры“ съ слѣдовавшими съ нимъ казаками Ѳедоромъ Неткачевымъ и Михайлою Чередниковымъ. „Удивляюсь“, сказалъ сотникъ, „что такъ секретно сдѣлали надъ Азіатскими женщинами, и нельзя открыть онаго“.

Казаки помялись. Но затѣмъ передали сотенному слухъ, что казаки Ястребовъ и Петровъ поссорились изъ-за дѣлежа вещей убитыхъ женщинъ. Выяснилось также изъ дальнѣйшей бесѣды, что тѣже лица палили у себя воловьи ноги.

Нитка была найдена. Клубокъ началъ разматываться. Прибывъ въ станицу, Отченашенко позвалъ судью Мирошниченко и урядника Банникова. Первому было поручено вновь обыскать подозрѣваемымъ, послѣднему начальникъ посовѣтовалъ дѣйствовать настойчивѣе.

Обыскъ ничего положительнаго не далъ, но Мирошниченко вынесъ твердое убѣжденіе въ виновности Ястребова. Банниковъ же привелъ казака Ивана Мотылева, который разсказалъ:

„Въ Мартѣ, какъ то разъ, когда я спалъ, въ домъ вошелъ братъ Калина: „Вставай, пойдемъ со мною, мы привели оленя!“

Библиотека "Руниверс"

Быка зарѣзали и подѣлили находившіеся тутъ казаки: Калина Мотылевъ, Родіонъ Ястребовъ, Яковъ Петровъ, Иванъ Якушевъ, Константинъ и Павелъ Степановы и Минай Куриленко.

Признаніе Ивана Мотылева сотнику Отченашенко раскрыло дѣло. Потребованные въ правленіе Ястребовъ, Якушевъ и Петровъ немедленно сознались въ преступленіи.

Дѣло произошло такъ.

16-го Марта въ сумеркахъ, безъ вѣдома начальства, семь казаковъ пошли на охоту къ сторонѣ Заканъ-Юрта*). Увидѣвъ тихонько ѣхавшую арбу съ туземками, по предложенію Ястребова, казаки скрытно ее окружили и погнали оврагомъ къ обрыву около Сунжи. Наступила уже ночь, и женщины кричали, плакали и умоляли казаковъ не обижать ихъ, взять все, но только отпустить живыми. Однако просьбы не подѣйствовали на казаковъ—разбойниковъ. Мотылевъ, ударомъ ружья въ голову, заставилъ замолчать одну изъ громче кричавшихъ женщинъ. Остальныя въ страхѣ замолкли. Тогда, выпрягши воловъ, Мотылевъ подвинулъ ближе къ яру арбу и вмѣстѣ съ Куриленко начали сталкивать ее въ кручу. Одна изъ женщинъ успѣла выскочить съ ребенкомъ на рукахъ, а остальныя вмѣстѣ съ арбою покатились въ оврагъ. Якушевъ, подбодряемый Ястребовымъ, ударилъ прикладомъ ружья въ голову спрыгнувшую женщину и сшибъ въ кручу. Она выпустила изъ рукъ ребенка, который и покатился вслѣдъ за матерью въ яръ.

Спустившись въ оврагъ, Константинъ и Павелъ Степановы ограбили Чеченокъ и шашками изрубили двухъ еще полуживыхъ женщинъ. Затѣмъ, захвативъ быковъ, одѣяло, бешметъ, ожерелье дѣвочки изъ мелкой монеты (на рубль двадцать копѣекъ) и узелъ, заключавшій въ себѣ выкроенный шелковый бешметъ и рубашку, два мотка шелку, козловый поясъ, казаки переправились черезъ Сунжу и лѣсомъ пошли въ Самашки. Опасаясь уликъ, они бросили въ лѣсу все награбленное за исключеніемъ быковъ и ожерелья...

На окликъ часового при воротахъ „что вы за люди“ разбойники отозвались казаками Ассинской станицы, будто ѣхавшими съ сѣномъ, у которыхъ по дорогѣ сломалась телѣга.

Въ станицѣ казаки подѣлили быковъ. Ожерелье досталось Куриленкѣ, Петрову и Константину Степанову.

На дворѣ казака Константина Степанова увидѣли быка. „Гдѣ взяли?“ спросилъ Иванъ Мотылевъ. „Богъ далъ“.

---

*) Повелѣніе главнокомандующаго отъ 9 Марта 1853 года № 516.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ семь казаковъ были преданы суду. Полевой аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ главнѣйшими виновниками казаковъ Ястребова и Якушева и высказалъ заключеніе: Ястребова, какъ зачинщика разстрѣлять. Якушева, Константина и Павла Степановыхъ наказать шпицрутенами, прогнавъ черезъ пятьсотъ человѣкъ каждаго по шести разъ, а остальныхъ трехъ (Мотылева, Петрова и Куриленко) прогнать также черезъ пятьсотъ человѣкъ, по четыре раза. Затѣмъ Якушева и обоихъ Степановыхъ сослать въ Сибирь въ каторжныя работы безъ срока, а остальныхъ на пятнадцать лѣтъ. Казнь и экзекуцію произвести въ станицѣ Самашкинской въ присутствіи депутатовъ отъ мирныхъ Чеченцевъ.

Заключеніе это было конфирмовано главнокомандующимъ генералъ-адъютантомъ княземъ Воронцовымъ и приведено въ исполненіе.

Казачье войсковое начальство не оставило со своей стороны ужасающаго „Самашкинскаго звѣрства“ безъ вниманія. Еще 31 Декабря 1852 года наказный атаманъ генералъ-маіоръ князь Эристовъ опубликовалъ это преступленіе по войску, предписавъ имѣть приказъ на стѣнкахъ въ станичныхъ правленіяхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ 1-го Сунженскаго полка.

Но уже въ 1855 году командовавшій 1-мъ Сунженскимъ полкомъ доносилъ временно завѣдывающему Кавказскимъ линейнымъ войскомъ полковнику Мейеру 3-му:

„Казаки, сдѣлавшіе поступки по суду наказаны: одни смертью, а другіе ссылкою въ Сибирь въ каторжныя работы. Между тѣмъ пятно поступковъ ихъ оставлено на первомъ Сунженскомъ полку, заслужившемъ славу блистательными подвигами мужества и храбрости подъ предводительствомъ генералъ-маіора Слѣпцова, павшаго вмѣстѣ съ храбрыми Сунженцами въ дѣлѣ съ непріятелемъ 10 Декабря 1851 года, и сподвижника его полковника Предимирова. По вступленіи въ командованіе 1-мъ Сунженскимъ полкомъ, онъ нашелъ всѣхъ чиновъ въ отличномъ состояніи, исполняющими въ точности обязанности службы, перенося безропотно всѣ трудности въ походахъ при недостаткахъ, постигшихъ ихъ отъ неурожая хлѣбовъ сряду въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и ведутъ жизнь нравственную, строго соблюдая дисциплину, покорные и расположенные другъ къ другу взаимно.

Прежній духъ храбрости, поселенный въ нихъ генераломъ Слѣпцовымъ, сохранили вполнѣ, въ ихъ послѣднемъ походѣ за Аргунъ убѣ-

Библиотека "Руниверс"

дился я лично самъ. Первый Сунженскій полкъ вполнѣ заслуживаетъ чести и похвалъ, но поступки казаковъ Самашкинской станицы чернятъ его славу.

Самая станица Самашкинская, жители которой сдѣланнымъ злодѣяніемъ наложили пятно на сунженцевъ, больше не принадлежитъ къ 1-му полку [1]).

А потому прошу одну милость: приказать снять вывѣску, опозоривающую полкъ. Ручаюсь, что всѣ чины командуемаго мною полка употребятъ всѣ усилія, чтобы оправдать ваше вниманіе" [2]).

Представленіе это было уважено. Наказный атаманъ генералъ-маіоръ Рудзевичъ разрѣшилъ: приказъ бывшаго наказнаго атамана г. м. князя Эристова о злодѣйскихъ поступкахъ жителей Сунженской станицы снять со стѣнъ всѣхъ станичныхъ управленій полка и хранить только при дѣлахъ.

Самашкинское звѣрство нынѣ совершенно изгладилось изъ памяти казаковъ Сунженскихъ станицъ.

Ѳедоръ Чернозубовъ.

---

[1]) Вошла въ составъ 2-го Сунженскаго полка.

[2]) Дѣло Архива войск. дежурства № 638, связка № 44.

Библиотека "Руниверс"

ПОПРАВКА

невѣрнаго разсказа о Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ.

Въ 12-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1911 г. напечатана статья К. П. Добровольскаго „Высочайшій смотръ Николаевскаго времени“. Въ статьѣ этой передано то, чего не было и что̀ дошло до писавшаго по невѣрнымъ слухамъ. Достопочтенное лицо, нѣкогда близкое къ великому Князю Николаю Николаевичу, почтило „Русскій Архивъ“ сообщеніемъ нижеслѣдующаго.

Никакого Гоголева при дворѣ никогда не было. Былъ, но гораздо позднѣе, генералъ Гогель, воспитатель Цесаревича Николая Александровича. Затѣмъ можно ли вообразить себѣ, чтобы Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, на рѣдкость благовоспитанные, скромные, даже нѣсколько застѣнчивые, молодые люди, ворвались ночью къ какому-то Польскому помѣщику и проплясали тамъ до утра? Въ 1851 году я чуть ли не ежедневно видѣлся съ Ихъ Величествами и никогда ничего подобнаго, какъ и о какомъ либо неудовольствіи на нихъ Государя не слыхалъ. Напротивъ, они съ восторгомъ разсказывали объ этомъ первомъ, кажется, ихъ путешествіи съ Государемъ. Наконецъ, никогда Императоръ Николай Павловичъ не могъ скомандовать: „перемѣни дирекцію на право кругомъ“. Конечно это возможное построеніе, и оно встрѣчалось въ тогдашнемъ многосложномъ и мудреномъ уставѣ кавалерійской службы; но покойный Государь принципіально этого построенія на ученіяхъ (которыя производилъ онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ) не допускалъ. Я лично это слышалъ отъ Государя Александра Николаевича на смотру въ Варшавѣ, въ бытность мою командиромъ отдѣльной Варшавской гвардейской кавалерійской бригады, когда генералъ-адъютантъ А. А. Краснокутскій, командовавшій кавалерійскимъ сборомъ, приказалъ моей бригадѣ исполнить это трудное и замысловатое построеніе. Оно намъ удалось, къ тому же на карьерѣ. Государь насъ поблагодарилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что, по завѣтамъ покойнаго Государя, такого построенія, ставящаго кавалерійскую часть тыломъ къ непріятелю, *даже* на ученіяхъ производить не слѣдуетъ.

Недосмотръ въ стихахъ Тютчева.

Намъ довелось издавать стихотворенія Тютчева въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь, когда они всѣ уже разошлись, и готовится въ Петербургѣ къ выпуску новое изданіе, должны мы повиниться въ очень важномъ недосмотрѣ, который не былъ замѣченъ нами въ нашихъ изданіяхъ. Въ стихотвореніи на взятіе Варшавы, въ предпослѣдней строфѣ, вмѣсто *идетъ къ таинственной мечтѣ* у насъ печаталось: *идетъ къ таинственной мечтѣ*.

Надѣемся, что въ Петербургское изданіе войдутъ прекрасные стихи Тютчева, позднѣе изданій нашихъ обнародованные. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКА П. А. САБУРОВА

Россія.—Франція.—Новая Германія.

1870—1880.

Сорокъ лѣтъ назадъ прежнее, политическое равновѣсіе въ Европѣ было сильно потрясено. Франко-Прусская война повлекла за собою измѣненіе взаимоотношеній и условій въ сближеніи державъ, и возникла необходимость воссоздать равновѣсіе на новыхъ началахъ. Для этой работы нужно было время. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи я ограничусь лишь указаніемъ на тѣ общія идеи, подъ вліяніемъ которыхъ, послѣ войны 1870 г., отношенія между Россіею и Германіею стали подвергаться измѣненію.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій уже носилось въ воздухѣ невполнѣ, быть можетъ, опредѣлившееся сознаніе того, что преобразованіе Пруссіи въ Германскую Имперію, выведетъ политическія взаимоотношенія изъ рамокъ прошлаго. Политической работѣ кабинетовъ, казалось, настаетъ конецъ: на ея мѣсто выдвигалась политика народная, съ повышенною чувствительностью и болѣе радикальными стремленіями, нежели политика монарховъ, сообразовавшаяся со взаимными узами родства.

Событія, однако, заслоняя политику дворовъ, внезапно выдвинули на первый планъ борьбу двухъ соперничающихъ расъ, раздѣленныхъ сознаніемъ опасности усиленія одной за счетъ другой. Подъ давленіемъ этого сознанія заработалъ инстинктъ самосохраненія, поднялась національная гордость, и невольно напрашивался вопросъ: приведетъ ли это соперничество къ раздѣленію сферы господства и политическаго вліянія Славянскаго и Германскаго племенъ, или повлечетъ за собою столкновеніе, отъ котораго поколеблятся міровыя основы.

Таковы были, до извѣстной степени, еще туманныя очертанія идей, бродившихъ по сю и по ту сторону границы.

Давленіе этихъ идей на правительственную политику придаетъ особый драматическій интересъ послѣднему десятилѣтію царствованія покойнаго Государя Императора Александра II-го.

Библиотека "Руниверс"

Въ появившейся недавно политической статьѣ, подписанной однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей названной эпохи*), роль Императора Всероссійскаго обрисована въ выраженіяхъ, которыхъ я здѣсь приводить не буду; замѣчу однако, что выраженія эти свидѣтельствуютъ безусловно, что авторъ запамятовалъ полноту событій, повелительно опредѣлявшихъ политическое направленіе Монарха въ 1870 году.

Да будетъ мнѣ позволено, въ видахъ возстановленія исторической истины, вернуться къ этимъ событіямъ.

Императоръ Александръ II-й вступилъ на прародительскій престолъ при тяжеломъ наслѣдіи Крымской кампаніи. По мирному трактату 1 Марта 1857 г. мы потеряли часть нашихъ владѣній и лишились права возсоздать наши морскія силы въ Черномъ морѣ, а конвенціею 15 Апрѣля того же года Франція, Австрія и Англія обязались, на случай нарушенія названнаго выше трактата, объявить намъ войну. Такимъ образомъ вышло, что мы были поставлены лицомъ къ лицу, съ направленною противъ насъ постоянною коалиціею державъ. Въ создавшемся положеніи, связанные по рукамъ и ногамъ и пользуясь дружественнымъ расположеніемъ одной только Пруссіи, мы очевидно не могли болѣе продолжать политику дуализма Императора Николая I, направленную къ отстаиванію интересовъ Австріи противъ Прусскихъ вожделѣній. Пруссія же, наоборотъ, одерживая побѣды на Богемскихъ равнинахъ, безсознательно содѣйствовала нашему политическому возрожденію. Ея побѣда въ сраженіи при Кёнигсгрецѣ была, послѣ Италійской войны, вторымъ ударомъ, подрывавшимъ крѣпость коалиціонной конвенціи 15 Апрѣля 1857 г.

Наступила наконецъ всѣми ожидавшаяся война 1870 г. Наполеонъ III, въ поискахъ за союзниками, обращался къ Австріи. Возможность такого союза въ общихъ чертахъ обсуждалась осенью 1869 г. при свиданіи Монарховъ въ Зальцбургѣ, причемъ обстоятельствомъ этимъ и опредѣлялось направленіе въ нашемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Вѣдь не подлежало сомнѣнію, что, на случай пораженія Пруссіи, мы бы очутились опять въ томъ самомъ положеніи разобщительности и безсилія, которое было создано Крымскою кампаніею, да еще, въ придачу, получили бы Германію съ преобладающимъ въ ней Австрійскимъ вліяніемъ.

Такой именно взглядъ на дѣло былъ и руководящею нитью въ политикѣ Императора Александра II въ началѣ войны 1870 г., и—могучимъ двигателемъ успѣховъ Пруссіи.

Россіи необходимо было нейтрализовать Австрію въ предстоящей борьбѣ, и можно безъ преувеличенія утверждать, что, при наличности приведенныхъ

*) Emile Olivier, Ministre de Napoléon III: „La guerre de 1870“ Révue des deux Mondes, I Février 1911.

Библиотека "Руниверс"

выше обстоятельствъ, успѣхъ Прусскаго оружія былъ побѣдою и для насъ! Лучшимъ доказательствомъ тому да послужитъ отказъ нашъ отъ Парижскаго трактата въ 1870 г.

Но часто случается, что и самыя безспорныя основанія для той или иной человѣческой дѣятельности, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ созданными ими же обстоятельствами, вызываютъ сомнѣніе.

И такъ уже первыя Прусскія побѣды, предвѣщавшія возможность возникновенія у нашихъ предѣловъ могущественной Германской Имперіи, побудили „Московскія Вѣдомости“ напечатать цѣлый рядъ статей, выражавшихъ „патріотическія опасенія“ въ широкомъ кругу читателей.

Изъ двухъ созданныхъ такимъ путемъ политическихъ теченій правительству приходилось выбирать.

Для молодого поколѣнія Крымская кампанія отошли въ область далекаго историческаго прошлаго. Поколѣнію этому чужды были и мысли, и горькія чувства обиды, таившіяся въ сердцахъ людей, переживщихъ паденіе Севастополя. Новыя общественныя наслоенія, имѣя въ виду неизбѣжное возникновеніе Германской Имперіи въ нарушеніе началъ Европейскаго равновѣсія, считали первѣе всего необходимымъ, ради безопасности самой Россіи, предотвратить полный разгромъ Франціи. Они опасались очутиться разобщенными передъ лицомъ могущественной Германіи, блистательно доказавшей военную мощь свою послѣдовательнымъ разгромомъ двухъ великихъ континентальныхъ государствъ *).

А лицамъ, которыя ближе знакомы были съ политическимъ направленіемъ предшествовавшей эпохи, казалось, наоборотъ, необходимымъ бережно относиться къ дружественной связи съ Пруссіею. Признавая разрывъ и нежелательнымъ, и несвоевременнымъ, они бы рады были въ раздвинувшейся и усилившейся Пруссіи привѣтствовать союзника, который можетъ, наконецъ, быть полезенъ, союзника, котораго намъ въ тяжелые дни не доставало, и который могъ бы теперь быть противовѣсомъ сопряженіямъ, преграждавшимъ намъ путь на Востокъ.

Императоръ Александръ II-й, послѣ Франкфуртскаго мира, оставался вѣренъ этимъ именно идеямъ, о чемъ Европу оповѣстилъ обмѣнъ знаменитыхъ депешъ между двумя Монархами. По этому поводу утверждали тогда, будто Россія предоставила себя Пруссіи въ пользованіе. Слово это, безконечно повторяемое, превратилось, наконецъ, для Московскихъ патріотовъ въ исто-

*) Бисмаркъ, посѣтивъ въ Петербургѣ Ѳ. И. Тютчева, прямо сказалъ ему, что послѣ Австріи и Франціи, чередъ за Россіею. (Слышано нами отъ самого Тютчева). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

рическую истину, хотя въ немъ не было даже и крупицы правды: ибо, если и была пожива, то во всякомъ случаѣ двусторонняя, и лишь съ того времени Императоръ Александръ II, политически болѣе не стѣсняемый въ Европѣ, освободился отъ стѣснявшихъ его сопряженій и вернулъ Россію въ прежнее міровое ея положеніе.

Въ 1873 году, согбенный годами и покрытый славою Императоръ Германскій отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи князя Бисмарка и фельдмаршала графа Мольтке. Создатели Германской Имперіи прибыли для выраженія чувства благодарности и самолично принесли Монарху Всероссійскому памятныя историческія слова Версальской депеши: „Всемогущему Богу, а потомъ Вашему Величеству мы обязаны побѣдою“. И, конечно, испытанное въ эту минуту Государемъ Императоромъ чувство глубокаго удовлетворенія стоило того милліона, который, говорятъ, былъ истраченъ для достойнаго пріема и встрѣчи двухъ повелителей міра.

Да, въ то время они таковыми были безспорно: ибо двѣ континентальныя державы, которыя, пожалуй, могли оспаривать міровое положеніе Монарховъ, были разгромлены, и не было прежняго Европейскаго равновѣсія. Для насъ этимъ вызывалось воспоминаніе о положеніи нашемъ въ Тильзитѣ, но безъ неудачъ подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ. И стоило Государю Императору подчеркнуть наше политическое единомысліе съ Пруссіею, чтобы, не вынимая меча изъ ноженъ, достигнуть положенія столь блестящаго. Нечего дивиться, что въ виду такого вѣскаго политическаго успѣха, у Монарховъ зародилась мысль о болѣе прочномъ длительномъ союзѣ.

Система принесла обильные плоды. Она принесла бы ихъ и еще въ будущемъ.

Начертанная политическая линія вѣроятно оказалась бы плодотворною и въ надвинувшемся вслѣдъ за симъ Восточномъ вопросѣ, еслибы Императоръ Александръ II былъ Самодержцемъ не только на дѣлѣ и по нраву, но и по своимъ наклонностямъ.

Въ то время, какъ Государь рѣшительно настаивалъ на союзѣ съ Пруссіею, антигерманское теченіе въ обществѣ крѣпло, развивалось и успѣло проникнуть до самаго правительства, черезъ большую дверь Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Канцлеръ князь Горчаковъ, уже при самомъ началѣ событій, относился съ нѣкоторымъ опасеніемъ къ грядущему объединенію Германіи. Не имѣя возможности при возникновеніи войны помѣшать самоличному обѣщанію Александра II-го побудить Австрію къ невмѣшательству размѣщеніемъ двухсоттысячной Русской арміи у ея предѣловъ, онъ однако не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ такому политическому шагу. Позднѣе, во время осады Парижа, не особенно довѣряя обѣщаніямъ князя Бисмарка, который

Библиотека "Руниверс"

въ ту эпоху готовъ былъ обѣщать рѣшительно все, канцлеръ совѣтовалъ Государю не выжидать окончательной побѣды Пруссіи и немедля отказаться отъ статей Парижскаго трактата касательно Чернаго моря.

Отказъ этотъ, послѣдовавшій въ крайне-рѣшительныхъ выраженіяхъ, допускавшихъ возможность столкновенія, вынудилъ Пруссію дѣйствовать съ нами заодно, въ случаѣ если бы Англія и Австрія вздумали, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать неприкосновенность Парижскаго трактата.

Въ Прусскомъ лагерѣ, въ эти критическія минуты, осязательно ощущалась опасность всеобщей войны, и князю Бисмарку, какъ лицу, главнымъ образомъ, заинтересованному въ томъ, чтобы Франція продолжала оставаться безъ союзниковъ, пришлось поработать для насъ, добиваясь у Англіи мирнаго разрѣшенія вопроса о Черномъ морѣ. Старанія Бисмарка увѣнчались успѣхомъ, и событія оправдали расчеты князя Горчакова. Не взирая однако на вполнѣ заслуженное благоволеніе Государя къ князю Горчакову за мастерской политическій шагъ, существовавшее дотолѣ политическое разномысліе канцлера и Монарха не сгладилось.

Императоръ Александръ II-й, въ своей логической послѣдовательности, продолжалъ считать сильную Пруссію средствомъ для собственнаго усиленія. Онъ не хотѣлъ забывать, что, при началѣ его царствованія, Австрія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе слабости Пруссіи, рѣшила присоединиться къ западной коалиціи. Онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не допускалъ возможности перехода Пруссіи въ лагерь своихъ противниковъ. Естественно, что, при такомъ взглядѣ, Государь признавалъ союзъ съ Германскою Имперіей вѣнцомъ политики всего своего царствованія.

Князь Горчаковъ, со своей стороны, далеко не былъ увѣренъ въ прочности благожелательныхъ отношеній Пруссіи. Не имѣя возможности помѣшать быстрому ея усиленію, онъ, подобно Государю, мечталъ изъ возрастанія Пруссіи извлечь выгоды для Россіи, но иными путями. Онъ зналъ, что „идея реванша“ будетъ долгіе годы жить въ душѣ Французскаго народа, и ему хотѣлось создать для Россіи роль посредницы, вершительницы судебъ Европейскихъ народовъ. Канцлеръ любилъ сравнивать свое отечество съ богатой наслѣдницею, разрѣшавшею поклонникамъ ухаживать за собою, но ревниво оберегавшею свою свободу.

Которая же изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, въ пережитые нами историческіе дни, была вѣрна?

Печальнымъ исходомъ послѣдней Русско-турецкой войны отчасти разрѣшается этотъ вопросъ. Князю Горчакову къ тому времени было уже около 75-ти лѣтъ. Въ такомъ преклонномъ возрастѣ будущее кажется краткимъ, и,

Библиотека "Руниверс"

неохотно предаешься предугадыванію новыхъ событій; а надлежитъ предполагать, что Императоръ Александръ II не отказался еще отъ надежды получить удовлетвореніе за утерянную часть Бессарабіи. Предвидя возможность столкновенія съ Турціей, Государь въ тѣсной связи съ Германіей усматривалъ могущественную поддержку Россіи.

Такимъ образомъ, личная политика Императора Александра II находила помѣху во взглядахъ и образѣ дѣйствій его канцлера, а противуположныя теченія Русской политики не могли не отразиться и на преисполненной сомнѣній политикѣ Германскаго правительства.

Здѣсь будетъ умѣстно поставить вопросъ: кто же совершилъ первый ложный шагъ? Россія ли или Пруссія расшатала тѣсную связь, задолго до того скованную событіями, между двумя великими державами?

Въ Русскихъ общественныхъ кругахъ вину приписывали князю Бисмарку, но упрекъ, направленный въ его сторону, кажется мнѣ мало обоснованнымъ. Этотъ государственный человѣкъ, довершая объединеніе Германіи, не могъ очевидно упускать изъ виду тѣхъ опасностей, которымъ отечество его подвергалось въ будущемъ. Не противорѣчило ли его выгодамъ, ставить рядомъ съ разгромленной Франціею враждебно настроенную Россію? И могъ ли онъ не считаться съ законами географіи, которые повелительно предписываютъ Германіи отстаиваніе трехъ уязвимыхъ границъ?

Австрія, положимъ, къ тому времени уже не была опасна. Великодушный побѣдитель при Кёнигсгрцѣ, отказавшись отъ земельныхъ пріобрѣтеній за счетъ ея, тѣмъ самымъ подготовлялъ почву для будущаго соглашенія съ этою державою. Но не такъ легко было справиться съ двумя другими границами.

Разбитая Франція была лишь временно обезсилена. Быстрый ростъ ея военной мощи смущалъ Германію. Въ этомъ отношеніи событія не оправдали расчетовъ князя Бисмарка, который поддерживалъ республиканскій режимъ, ибо, въ концѣ концовъ ему не удалось ни примирить съ собою Францію, ни ослабить ее внутренними раздорами.

Относительно восточной границы задача также была не изъ легкихъ. Граница—эта крупнѣйшая забота новой Германіи, это ея Ахиллесова пята, которую можно было обезопасить лишь союзомъ съ Россіею. Князь Бисмаркъ превосходно понималъ положеніе. Онъ зналъ, что не выгодно для Германіи перемѣною фронта поддерживать антинѣмецкое теченіе, пробивавшееся въ Россіи послѣ событій 1870 года. Это фатальное, неизбѣжное теченіе зародилось на почвѣ названныхъ событій, какъ самодовлѣющій національный порывъ, не охлаждаемый политическимъ расчетомъ, и именно въ немъ, въ этомъ порывѣ, кроются причина и исходная точка новаго вида взаимоотношеній Россіи и Германіи послѣ Франкопрусской войны.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря однако на все это, было бы трудно предугадать событія, если бы воля Императора Александра II-го была столь же непреклонна, какъ воля его Предшественника и его Наслѣдника, и если бы покойный Государь съумѣлъ удержать канцлера въ узкихъ рамкахъ исполнителя своихъ собственныхъ предначертаній. Нѣтъ большей опасности для монарха, какъ держать при себѣ министра, съ которымъ онъ расходится во взглядахъ. Міръ идей, подчиняясь закону равенства, не допускаетъ отклоненія отъ этого начала безъ перемѣны дѣйствующихъ лицъ: въ противномъ случаѣ можетъ наступить обмѣнъ ролей, и монархъ подвергнется риску стать невольнымъ орудіемъ въ рукахъ своего министра. А вѣдь послѣдній и безъ того, какъ руководящій подробностями работы, придаетъ политикѣ свой личный отпечатокъ.

Такъ оно и оказалось въ 1875 г. Французское правительство, встревоженное въ то время донесеніями своего Берлинскаго посла объ одномъ разговорѣ съ г. Радовицемъ, обратилось къ Петербургскому кабинету съ просьбою оградить Францію отъ воинскихъ замысловъ Германіи. Князь Горчаковъ горячо откликнулся на призывъ Франціи. Онъ не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы сыграть роль посредника—примирителя между Франціею и Германіею, и уговорилъ Государя, отправлявшагося въ то время въ Эмсъ, остановиться въ Берлинѣ для переговоровъ съ Императоромъ Вильгельмомъ. Канцлеръ въ поѣздкѣ этой сопровождалъ Государя и успѣлъ заручиться согласіемъ Англіи на совмѣстное съ Англійскимъ посломъ оффиціальное представленіе князю Бисмарку. Привожу точное изложеніе событій со словъ трехъ лицъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи.

По изложенію князя Горчакова, Франція искала у насъ защиты отъ воинственныхъ намѣреній Германской военной партіи. Государя нашего въ этомъ отношеніи вполнѣ успокоилъ Императоръ Вильгельмъ, заявивъ, что, при его жизни, больше войны не будетъ. Съ другой стороны и князь Горчаковъ имѣлъ дружеское, но рѣшительное объясненіе съ княземъ Бисмаркомъ, который выражалъ сожалѣніе, что къ его стремленію сохранить миръ относятся съ недовѣріемъ, тогда какъ онъ надъ этою задачею проводитъ безсонныя ночи. „Вотъ эти-то ваши безсонныя ночи и тревожатъ Европу", возразилъ нашъ канцлеръ. „Подумайте, надъ вами тяготѣетъ бремя вашей славы. Когда вы страдаете безсонницей, и Европѣ не до сна; а появись у васъ мигрень, Европу трясетъ лихорадка". „Я долженъ, впрочемъ, признать", продолжалъ канцлеръ, „что князь Бисмаркъ къ преподанному ему въ этомъ комплиментѣ уроку отнесся, какъ умный человѣкъ. Онъ отрицалъ всякія враждебныя намѣренія по отношенію къ Франціи, которой хотѣлъ лишь дать дружеское предостереженіе. Мы съ нимъ разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ".

А вотъ изложеніе лорда Одо Росселя:

„Я какъ-то получилъ депешу изъ Департамента Иностранныхъ Дѣлъ (Foreign Office), что Парижъ сильно встревоженъ содержаніемъ одной бесѣды

Библиотека "Руниверс"

Радовица съ Гоно-Бирономъ. Отправляюсь къ князю Бисмарку и прошу его дать возможность успокоить мое правительство. Князь просилъ меня сообщить въ Лондонъ, что онъ считаетъ для себя оскорбительнымъ приписываемое ему намѣреніе новою войною поставить на карту существованіе Германской Имперіи. Онъ-де въ неудовольствіи не на Францію, а на военные круги въ обѣихъ странахъ, и если бы кругамъ этимъ предоставлена была полная свобода дѣйствій, они бы быстро довели дѣло до войны. „Такъ вотъ, продолжалъ князь, чтобы сосредоточить въ моихъ рукахъ нити этихъ жгучихъ вопросовъ, мнѣ и пришлось поставить ихъ на почву дипломатическихъ объясненій. Объясненія состоялись, я достигъ цѣли, войны не будетъ". „Я сообщилъ объ этихъ подробностяхъ лорду Дэрби, а нѣсколько дней спустя, прибылъ въ Берлинъ Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи своего канцлера. Одновременно съ симъ я, къ крайнему моему удивленію, получилъ изъ Лондона приказаніе присоединиться къ тѣмъ представленіямъ, которыя князь Горчаковъ намѣревался сдѣлать князю Бисмарку. Пришлось подчиниться, хоть я и былъ убѣжденъ и въ безцѣльности этого шага, и въ томъ, что онъ подѣйствуетъ раздражающе на князя Бисмарка. Порѣшивъ сыграть роль нѣмого дѣйствующаго лица въ пьесѣ, я умышленно опоздалъ къ совѣщанію на четверть часа. Князь Горчаковъ привѣтствовалъ меня словами: „Садитесь, дорогой посолъ. Вы далеко не лишній въ нашей бесѣдѣ". Усѣвшись, я сталъ прислушиваться къ словесному турниру между двумя канцлерами и не могу не признать, что всѣ преимущества оказались на сторонѣ князя Горчакова. Онъ побивалъ своего противника и хладнокровіемъ, и рыцарскими пріемами, и тонкимъ пониманіемъ положенія, и широтою кругозора. Князю Бисмарку было какъ будто не по себѣ, и мнѣ, чуть ли не въ первый разъ пришлось замѣтить, что онъ съ трудомъ подыскивалъ возраженія".

„На другой день меня навѣстилъ статсъ-секретарь Бюловъ, и послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ заявилъ самымъ оффиціальнымъ тономъ: „Его свѣтлость канцлеръ Германскій поручилъ мнѣ выразить вашему превосходительству сожалѣніе, что кредитъ вашъ у Англійскаго кабинета оказался далеко не такимъ значительнымъ, какъ то казалось его свѣтлости".

„Пораженный неожиданностью этой выходки, я возразилъ статсъ-секретарю Бюлову: „Будьте любезны сообщить императорскому канцлеру отъ моего имени, что я также имѣлъ преувеличенное понятіе о кредитѣ, коимъ пользуется его свѣтлость у Русскаго кабинета".

Таковъ былъ ходъ переговоровъ по изложенію лорда Одо Росселя.

Князь Бисмаркъ, лишь много лѣтъ спустя, намекнулъ мнѣ какъ-то на описанный выше случай, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мнѣ иногда бываетъ труднѣе сговориться съ собственнымъ правительствомъ, чѣмъ съ правительствами иностранныхъ державъ. Генеральный штабъ нашъ ведетъ непрерывную

Библиотека "Руниверс"

войну съ тремя сосѣдями нашими, не исключая Австріи. Воевать—это ихъ ремесло, но уже во всякомъ случаѣ не мое. Наши стратеги въ 1875 г. зашли слишкомъ далеко, и мнѣ пришлось вмѣшаться въ дѣло. Имъ казалось, что Франція черезчуръ быстро оправляется послѣ разгрома. Хотя Императоръ нашъ, къ счастью, больше не желаетъ воевать, я опасался однако оставлять его подъ вліяніемъ нашего генеральнаго штаба. Вотъ почему мнѣ пришлось вызвать Францію на объясненіе. Я, по крайней мѣрѣ, знаю, когда пора остановиться, военные этого не знаютъ никогда". И канцлеръ продолжалъ, горячась: „Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ меня не понималъ и предпочелъ одержать за мой счетъ дипломатическую побѣду".

Я дополню изложеніе этихъ событій любопытнымъ разсказомъ Парижскаго корреспондента газеты „Times" господина Бловица, съ которымъ я случайно познакомился, много лѣтъ спустя, въ одно изъ моихъ путешествій.

„Незадолго до пріѣзда Императора Александра II въ Берлинъ, разсказывалъ Бловицъ, меня призвалъ министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ и, обращаясь съ просьбою оказать ему услугу, сообщилъ: мы получили важныя извѣстія изъ Берлина; къ намъ придираются за наши вооруженія. Императоръ Всероссійскій, у котораго мы искали защиты, выразилъ готовность остановиться въ Берлинѣ по пути въ Эмсъ, для переговоровъ съ дядею своимъ Императоромъ Германскимъ. Но чтобы касаться столь щекотливаго предмета, не подвергаясь упреку въ явномъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла, слѣдовало бы начать съ подготовки общественнаго мнѣнія, съ извѣщенія всей Европы, что она, быть можетъ, находится наканунѣ новой войны. Французскимъ газетамъ неудобно поднимать этотъ вопросъ: насъ бы тотчасъ обвинили въ ухищреніи. Эту задачу могла бы принять на себя независимая Англійская газета „Times", которой я готовъ доставить всѣ необходимыя къ тому показанія".

„Я написалъ объ этомъ, продолжалъ Бловицъ, къ издателю „Times". Сей послѣдній однако безъ документальнаго подтвержденія тревожныхъ извѣстій Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ (Foreign Office) не призналъ возможнымъ помѣстить въ своемъ изданіи корреспонденцію, приписывающую дружественной державѣ намѣреніе совершить разбойничій набѣгъ на Францію".

„Получивъ мое сообщеніе, герцогъ Деказъ послѣ засѣданія въ Совѣтѣ Министровъ, пригласилъ меня къ себѣ и предъявилъ депеши графа Гонто-Бирона, излагающія содержаніе его бесѣдъ съ г. Радовицемъ. Независимо отъ сего герцогъ сообщилъ мнѣ, что копіи этихъ депешъ высланы въ Лондонъ для предъявленія ихъ Англійскому правительству, и вторично, убѣдительно, просилъ меня стать на защиту моей второй родины. На этотъ разъ колебаніямъ моимъ положенъ былъ предѣлъ: вернувшись домой, я написалъ „корреспонденцію", послалъ ее издателю „Times" и просилъ не считать меня болѣе сотрудникомъ газеты, если статья моя не будетъ напечатана".

Библиотека "Руниверс"

„Черезъ два дня „корреспонденція“ появилась въ „Times“, и будучи тотчасъ же воспроизведена во всѣхъ изданіяхъ континентальной Европы, произвела на биржахъ паническій переполохъ“. Указывая на свой орденъ Почетнаго Легіона, Бловицъ закончилъ словами: „Съ той поры розетка эта украшаетъ мою петлицу“.

Подробности изложенія Бловица, если только считать ихъ точными, не нуждаются въ комментаріяхъ.

И такъ князь Горчаковъ достигъ цѣли. Не подвергая фронтальной атакѣ политику союза съ Германіею, проводившуюся Государемъ, онъ однако осуществлялъ свои собственные планы. Какъ въ лучшіе дни Императора Николая I, Россія въ 1875 г. предписывала Германіи миръ. Чтобы подчеркнуть, въ широкихъ политическихъ кругахъ Европы, значеніе этого событія, изъ Берлина былъ разосланъ всѣмъ Русскимъ дипломатическимъ агентамъ заграницею циркуляръ, извѣщавшій, что сохраненіе мира обезпечено. Враги Германіи торжествовали. Въ Россіи Московскіе патріоты „гордо поднимали голову“. Какъ въ 1863 г., по Польскому вопросу, они провозгласили князя Горчакова истиннымъ представителемъ національной политики *).

Послѣдствія этого политическаго событія были великія. Князь Бисмаркъ призналъ значеніе свое поколебленнымъ и съ преувеличеніемъ, какое свойственно липамъ не испытывавшимъ неудачъ, сравнивалъ униженіе, пережитое новою Германіею, съ судьбою, постигшею слабую Пруссію при Ольмюцѣ. Такимъ образомъ оказалось, что Германія, не взирая на удивительный успѣхъ своего оружія, не освободилась отъ Русской опеки. И безъ разгрома Россіи, въ третьемъ по счету, всегерманскомъ смертномъ бою, безъ рѣшимости поставить на карту всѣ новѣйшія пріобрѣтенія Германской Имперіи, желѣзный канцлеръ не могъ измѣнить созданнаго обстоятельствами положенія. Князь Бисмаркъ по опыту убѣдился въ невозможности склонить чашу вѣсовъ въ свою сторону: всякое дальнѣйшее расширеніе Пруссіи встрѣчало противовѣсъ въ неотразимомъ влеченіи Франціи къ Россіи. Россія же, въ свою очередь, усиливалась за счетъ всѣхъ силъ побѣжденной Франціи.

Вѣроятно, въ эти именно критическіе дни и зародилась у Германскаго канцлера мысль усилить центръ Европы путемъ тѣснаго союза съ Австріею.

Кажется, было уже кѣмъ-то сказано, что геній—это терпѣніе. Князь Бисмаркъ терпѣливо ждалъ три года, глубоко скрывая свое недовольство.

---

*) Въ Москвѣ тогда прошелъ слухъ, что князь Горчаковъ покидаетъ свою должность, и тогда-то, въ опроверженіе этого слуха, князь Горчаковъ, великій охотникъ рисоваться, котораго Ѳ. И. Тютчевъ назвалъ Нарцисомъ чернильницы (Narcisse de l'écritoire) послалъ А. С. Хомякову его же стихотвореніе „Труженикъ“ см. выше, стр. 438. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Судя по тому, какъ предупредительно онъ шелъ на встрѣчу желаніямъ Русскаго правительства во всѣхъ переходахъ Восточнаго вопроса вплоть до самаго Конгресса, слѣдовало заключить, что случай 1875 года имъ давно забытъ; но онъ собирался напомнить о себѣ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Ему надо было ждать, чтобъ почва въ Вѣнѣ была достаточно подготовлена. И не безъ чувства удовлетворенія смотрѣлъ желѣзный канцлеръ на пробужденіе Восточнаго вопроса, представлявшаго обширное поле для его политическихъ ходовъ и переходовъ.

Я не стану излагать здѣсь въ подробности исторію ошибокъ, допущенныхъ нами за все время сложныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ 1877 года и послѣдовавшихъ непосредственно за нею; скажу только, что князь Бисмаркъ зналъ, къ чему стремился, и шелъ по пути къ заранѣе намѣченной цѣли, мы же, наши намѣренія и наши цѣли видоизмѣняли смотря по ходу событій. Да будетъ мнѣ позволено остановиться на обстоятельствѣ, имѣвшемъ первенствующее значеніе въ исторіи той эпохи: о нашемъ внезапномъ преткновеніи у воротъ Константинополя.

Согласно первоначальному плану кампаніи, имѣлось въ виду, не переходить черезъ Балканы и ограничиться созданіемъ маленькой Болгаріи. И Государь, и князь Горчаковъ, отказываясь отъ широкихъ военныхъ замысловъ, предпочитали руководиться нашею вѣковою политикою: освобождать постепенно христіанскія народности отъ Турецкаго владычества. Этимъ путемъ казалось возможнымъ и примирить сторонниковъ войны съ ея противниками, и не поднимать всѣхъ военныхъ силъ страны. Да и вмѣшательство Европы при такихъ условіяхъ намъ не угрожало. Державы готовы были молчаливо согласиться на отторженіе отъ Турціи области, залитой Болгарскою кровью. Пока Константинополь пребывалъ внѣ сферы нашихъ операцій, а Турція оставалась Турціею, и выгоды Англіи ничѣмъ не нарушались, и Австрія лишена была возможности требовать земельныхъ пріобрѣтеній. Наконецъ, скромная задача наша сама по себѣ, освобождала насъ отъ необходимости союзовъ и соглашеній, тѣмъ болѣе неугодныхъ князю Горчакову, что онъ дорожилъ полною свободою по отношенію къ Германіи и ревниво избѣгалъ ея содѣйствія.

Къ сожалѣнію мы недолго оставались въ предѣлахъ этого соображенія.

Вслѣдъ за переходомъ войскъ нашихъ черезъ Дунай, штабъ Великаго Князя Николая Николаевича потребовалъ, въ видахъ обезпеченія успѣха кампаніи, полной свободы дѣйствій.

Въ столь справедливомъ, съ военной точки зрѣнія, требованіи не могло конечно быть отказа, хотя оно и выводило первоначальный политическій планъ изъ строго очерченныхъ рамокъ. Создателямъ плана слѣдовало это предвидѣть. Уже въ Іюнѣ мѣсяцѣ генералъ Гурко первый разъ перешелъ черезъ

Библиотека "Руниверс"

Балканы. Послѣ взятія Плевны, вся наша армія, какъ снѣжная лавина, скатилась черезъ Балканы и, не встрѣчая болѣе особеннаго сопротивленія, обрушилась на Царьградъ.

Выступала предъ нами вѣковая задача, для которой ни мы, ни Европа не были подготовлены. Соглашеніе съ державами касалось лишь первоначальной нашей скромной программы. Неимовѣрно быстро развернувшіяся событія создали новое, никѣмъ не предусмотрѣнное, положеніе. Правда, съ Австріею, на случай окончательнаго разгрома Турціи, велись переговоры о присоединеніи къ Габсбургской монархіи двухъ приграничныхъ областей, но вѣдь случай этотъ еще не наступилъ: урѣзанная Турція продолжала существовать, и столица ея была невредима. Такимъ образомъ приходилось либо вести съ Австріею переговоры на другихъ основаніяхъ, либо сговориться съ Германіею, чтобы воспрепятствовать вмѣшательству Вѣнскаго кабинета.

Съ Англіею мы наскоро сговорились, давъ обѣщаніе не касаться ни Константинополя, ни Галлиполи, и получивъ взамѣнъ увѣреніе, что Англійскій флотъ въ проливы не войдетъ. Но соглашеніе это было подорвано напоромъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, и заключившему его лорду Дэрби пришлось выйти изъ состава Кабинета.

Въ такомъ полномъ неожиданностей положеніи надлежало имѣть что-либо въ рукахъ. И вотъ почему Англія ввела свою эскадру въ Мраморное море и захватила у безпомощнаго султана островъ Кипръ; а Австрія, не расчитывая болѣе на наше содѣйствіе, сговорилась съ Англіею и Германіею относительно присоединенія двухъ приграничныхъ областей. Россія въ тѣ дни могла занять Константинополь, но, къ несчастью, заколебалась, и единственная историческая минута была безвозвратно упущена. А вѣдь Государь Императоръ какъ будто предчувствовалъ событія. Приказъ занять Константинополь уже былъ данъ. Въ тотъ самый день, когда стало извѣстно, что Англія, въ нарушеніе даннаго обѣщанія, ввела флотъ свой въ Дарданеллы, приказъ занять столицу Турціи былъ напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Въ оправданіе случившагося ссылались потомъ на несвоевременную передачу депеши. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ Императора Александра II-го въ лучшихъ его начинаніяхъ. Къ сожалѣнію, за все его царствованіе, столь обильное событіями крупнѣйшаго значенія, природная доброта человѣка причиняла непоправимый вредъ энергіи самодержца. И вотъ почему, въ эту достопамятную историческую эпоху, плоды побѣды фатально ускользали изъ нашихъ рукъ.

Ходъ событій превзошелъ ожиданія князя Бисмарка, который расчитывалъ лишь на то, что подогрѣтое Восточною войною Славянское теченіе запугаетъ Австрію и подготовитъ ее для дальнѣйшихъ его замысловъ. Россія,

Библиотека "Руниверс"

безъ руководящей нити, безъ союзника, бродила въ потьмахъ. Князю Бисмарку оставалось избрать удобное время, чтобы открыть свои карты.

Вскорѣ послѣ заключенія Берлинскаго трактата политическіе круги Европы съ удивленіемъ прочитали въ газетѣ „Times“ содержаніе бесѣды князя Бисмарка съ корреспондентомъ названнаго изданія, пребывавшимъ въ Берлинѣ во время засѣданій Конгресса. Желѣзный канцлеръ не постѣснился передать гласности свое давнишнее неудовольствіе противъ князя Горчакова. „Я, говорилъ канцлеръ, искренній другъ моихъ друзей и искренній врагъ моихъ противниковъ. Въ этомъ нынче вѣроятно убѣдился и князь Горчаковъ. Причина его пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ кроется въ случаѣ 1875 года“.

Съ этого времени разрывъ сталъ явнымъ. Сношенія между канцлерами были прерваны. Князь Горчаковъ сталъ чаще пользоваться продолжительными отпусками, для поддержанія ослабѣвавшаго здоровья, и все бремя руководства политическими дѣлами падало на самого Государя.

Оставаясь вѣрнымъ дружественному расположенію къ Пруссіи, Александръ II-й не понималъ сложной политической игры князя Бисмарка и упрекалъ его въ неблагодарности.

Наконецъ, осенью 1879 года, нароставшія недоразумѣнія, достигнувъ своего зенита, разразились случаями чуть было не создавшими размолвки между двумя правительствами. Я не считаю себя въ правѣ предавать событія эти гласности. Ограничусь замѣчаніемъ, что князь Бисмаркъ достигъ цѣли. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду доводить дѣло до войны, но предлогъ, чтобы склонить Императора Вильгельма къ союзу съ Австріею, былъ найденъ, и открылась новая глава современной исторіи.

С.-Петербургъ, 1911 г.

Петръ Сабуровъ.

Библиотека "Руниверс"

ми и рукописными записями не одного изъ лицеистовъ. Книга одушевлена любовью къ дѣлу, и хотя самъ авторъ лицеистъ не Царскосельскаго, а уже Александровскаго Лицея, но его сочувствія обращены къ высокимъ благороднымъ началамъ, которыя были положены въ основу воспитанія первокурсниковъ.

Лицей уже при Александрѣ Павловичѣ очутился въ управленіи военномъ и отданъ подъ начальство великому князю Константину Павловичу, которому онъ вовсе не былъ пріятенъ, и онъ ни разу въ немъ не былъ. Стѣснительные порядки дошли до того, что въ 1829 году Лицеистамъ строго запрещено было читать Библію. Д. О. Кобеко приводитъ по этому поводу выдержку изъ письма митрополита Филарета. „Причина та, что два кадета лишились ума; но достовѣрно извѣстно, что они не были охотниками читать Библію, что одинъ лишился ума отъ отчаянія, а другой отъ раздраженнаго честолюбія. Но вотъ что не менѣе печально: старшіе законоучители, въ томъ числѣ и пресловутый Кочетовъ, не отверзали устъ своихъ для представленія истины. Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили бы Библіи."

Для обращенія Лицея Царскосельскаго въ Лицей Александровскій, которому отведено помѣщеніе уже въ Петербургѣ, Николай Павловичъ заявилъ, что семья у него растетъ, Лицейская часть дворца нужна ему для великихъ князей и что Лицей Царскосельскій беретъ онъ подъ особое свое покровительство. Преобразованіе совершилось мирно подъ руководствомъ Я. И. Ростовцева, который былъ пріятелемъ И. А. Крылову и нѣкогда самъ писалъ стихи. Однажды Государь, проѣзжая верхомъ мимо Лицейской ограды, спросилъ у воспитанниковъ: „Quomodo valetis?" Ему хоромъ отвѣчали: „Valeo bene." Затѣмъ еще спросилъ: „Quid editis?" и опять хоромъ ему отвѣчали: „Supum et carnem." Это напоминаетъ про Латинскія слова изъ Свѣтонія, произнесенныя Государемъ въ 1839 г., когда на Бородинскихъ маневрахъ проходили мимо него сводные гренадерскіе батальоны и на объясненіе графа Воронцова, что отъ нихъ остались въ живыхъ лишь очень немногіе, Государь неожиданно выразился: И такъ, проходя мимо меня, они могутъ сказать: Caesar, morituri te salutant.

Въ такомъ большомъ трудѣ, какъ книга Дмитрія Ѳедоровича Кобеко, не легко найти промашку; однако вотъ про Корсакова, умершаго во Флоренціи, сказано, что онъ похороненъ возлѣ церкви, тогда какъ въ то время во Флоренціи нашего церковнаго зданія еще не было. Стр. 234. князь В. Ѳ. Одоевскій въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, еще ни разу не ѣздилъ за границу.

Вообще же книга отличается тщательностью и своеобразною даровитостью, какими отмѣчены и другія печатныя произведенія сочинителя. Давно бы пора собрать его труды по Русской исторіи, генеалогіи и археологіи и особо издать ихъ: иначе они доступны лишь для немногихъ, тогда какъ иная въ нихъ мелкая замѣтка имѣетъ для освѣщенія предмета большую цѣнность.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать копѣекъ.**

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865. 1866. 1867, 1868. 1869. 1870, 1871, 1872, 1873. 1874. 1875. 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888. 1891, 1892, 1893, 1895. 1896. 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

годы: **1889, 1890. 1894. 1898—1906** продаются по 7 рублей за каждый годъ.
годы **1907, 1908, 1909 и 1910,** по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ **1907** и **1908**-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: „День“, „Москва“ и „Русь“). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТІЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

4.

Стр.

381. Двѣнадцатый годъ. Письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

548. Схимонахъ Сергій. (Семенъ Ивановичъ Яновскій и его записки). Сообщилъ **В. М. Кашкаровъ**.

584. Письма **И. В. Кирѣевскаго** къ іеромонаху Макарію. Сообщилъ **В. М. Кашкаровъ.**

597. Патріархъ Гермогенъ. Статья **А. П. К.**

603. Письмо Московскаго **Митрополита Филарета** къ И. В. Кирѣевской.

606. Даръ Кавказу Князя Михаила Семеновича **Воронцова. Ѳ. Чернозубова**.

610. Стихи **Т. Н. Грановскаго.**

611. Къ исторіи заговора и колдовства въ XVII и началѣ XVIII столѣтій на Руси. Статья **Е. Е. Елеонской**.

625. П. И. Тургеневъ †.

627. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ"

ВѢСТНИКЪ ДЛЯ СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

ПРОГРАММА: Исторія книги и гравюры, библіографія, описанія частныхъ библіотекъ, біографіи писателей художниковъ, граверовъ и собирателей. Опубликованіе неизданныхъ рукописей и автографовъ. Снимки съ переплетовъ, книжныхъ знаковъ, старинныхъ грамотъ и т. д. Корреспонденціи изъ Франціи и Германіи. Хроника.

Подписная цѣна **6** р. **50** к. Редакція Литейный, 51,

Редакторъ-Издатель Н. В. Соловьевъ.

Оглавленіе 8-го выпуска.

О портретахъ Тальони —Н. Соловьевъ.

Литературная и книгопечатная дѣятельность въ провинціи въ концѣ 18 и 19 вѣковъ. (Окончаніе).—В. Семенниковъ.

Отечественная Война въ Русской журналистикѣ. «Сынъ Отечества»,—К. Военскій.

Частныя библіотеки въ Россіи.—У. Иваска.

Библіографія: 1. Пиковая дама.—А. С. Пушкина съ рис. А. Бенуа; Н.—2. Извѣстія отд. русск. словесн., 14. И. Л.—3. Журналъ военно-историч. общ.—В. А.

Труды и изданія А. А. Титова. У. Иваска.

Печать съ гербомъ Ганнибала—В. Лукомскій.

Библиотека "Руниверс"

1812-й годъ.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

С.-Петербургъ, 17-го Мая 1812 г.

Какъ хорошо, что графъ Михаилъ теперь уже съ графомъ Сенъ-При, начальникомъ штаба, и съ Кретовымъ: общество ихъ такъ же пріятно, какъ жива и крѣпка ихъ дружба. Они отлично проводили время, въ добромъ здоровьи и хорошемъ расположеніи духа, выжидая или дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, или заключенія временнаго мира. Гренадерская дивизія графа Михаила была уже вся въ сборѣ, въ самомъ городѣ*), и Бенкендорфъ увѣрялъ меня, что лучше этой дивизіи нѣтъ во всемъ войскѣ. И въ Луцкѣ полкъ графа Михаила выдѣлялся отъ прочихъ, судя по медалямъ за Бадаржикъ, которыми украшены солдаты, больше чѣмъ на половину всего полка. Хозяйственная часть у графа Михаила тоже лучшая во всемъ войскѣ; но, вмѣстѣ съ этимъ, она и самая дорогая, по множеству лицъ состоящихъ при этомъ штабѣ постоянно, кромѣ еще офицеровъ сводныхъ батальоновъ и ротъ, среди которыхъ, конечно, и не могло быть полковыхъ командировъ имѣющихъ возможность расходоваться. Я, прямо, не понимаю, какъ можно, даже при самой строгой экономіи, удовлетворять всѣмъ нуждамъ, платя за все серебромъ, и когда серебряный рубль стоитъ с и н е н ь к у ю! Вообще, армія князя Багратіона считается самою лучшею, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали развязки вопроса, остающагося и теперь еще не рѣшеннымъ. Это служило къ тому, что солдаты, все болѣе горѣли

*) Луцкѣ.

Библиотека "Руниверс"

желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ страшнымъ, неукротимымъ врагомъ, котораго весь міръ жаждетъ увидѣть побѣжденнымъ и изничтоженнымъ, съ помощію Промысла, такъ долго терпѣвшаго кровавыя дѣла этого изверга.

Конечно, я вамъ обязанъ, графъ, что имѣю счастье состоять при августѣйшей особѣ Государыни Императрицы, которая неимовѣрна добра и милостива ко мнѣ*). Продолжай я служить по Министерству Финансовъ, Гурьевъ, конечно, не смотря на свою неподатливость, не могъ бы, въ виду такой рекомендаціи, какъ ваша, не предоставить мнѣ нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ, тѣмъ болѣе, что онъ удостоивалъ меня выраженіемъ своего хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Теперь, что̀ я больше не подъ его начальствомъ, все будетъ нелишнее, чтобъ онъ утвердился въ своемъ обо мнѣ мнѣніи, хотя мнѣ нѣтъ уже надобности его вымаливать передъ его врожденною, непомѣрною гордостью. Вы, можетъ, удивитесь, графъ, что мое назначеніе вовсе не пришлось ему по душѣ; по крайней мѣрѣ, я, вполнѣ убѣдился въ томъ. Не отъ того ли это, что̀ о назначеніи моемъ не посовѣтовались съ нимъ, и что я не открылся ему, зная о томъ за мѣсяцъ до моего выздоровленія и назначенія? Въ обоихъ случаяхъ я вовсе не виноватъ; въ первомъ—все зависѣло единственно отъ воли Ея Величества; а что̀ касается втораго, то я нахожу себѣ полное оправданіе въ совершенномъ равнодушіи Гурьева къ моей судьбѣ, а еще и въ моей жестокой болѣзни, которая почти что отнимала у меня надежду получить это назначеніе, не смотря на милостивое увѣреніе Ея Величества, что она будетъ ждать, когда я оправлюсь; я могъ опасаться, что ей наскучитъ, наконецъ, ждать. Гурьевъ, у котораго, вѣрно, былъ припасенъ на это мѣсто какой-нибудь племянничекъ, долженъ однако убѣдиться, вмѣстѣ со всѣми прочими, что я не по какимъ нибудь происканъ получилъ мѣсто, а что оно, прямо, свалилось мнѣ съ неба, въ минуту, когда я менѣе всего могъ ожидать этого. Утѣшаюсь еще и тѣмъ, что я никому не перебилъ дороги, такъ какъ до меня при Императрицѣ не было секретаря. Гурьевъ, котораго я видѣлъ два раза послѣ моего назначенія, обошелся со мной крайне холодно; мнѣ любопытно будетъ посмотрѣть, произведетъ-ли на него какое нибудь дѣйствіе ваше послѣднее письмо.

Относительно даннаго вами министру Гурьеву порученія, онъ сказалъ, что ваше сіятельство освобождены отъ заключенныхъ вами съ казною

*) Въ Апрѣлѣ 1812 г. Н. М. Лонгинову повелѣно быть у исправленія письменныхъ дѣлъ при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ съ жалованьемъ изъ Кабинета по 2 тыс. Государыня прибавила ему еще своихъ денегъ по 4 т. въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

условій; но онъ не былъ увѣренъ въ возможности продать землю въ Финляндіи, послѣ введенныхъ въ ней Шведскихъ законовъ. Трудно, конечно, найти, между нашими новыми подданными достаточно богатаго человѣка для покупки такого большаго имѣнія [1]). Однако, баронъ Ребиндеръ, статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи, недавно просилъ меня дать ему знать, рѣшитесь-ли ваше сіятельство продать свое имѣніе. Ему поручено, говорилъ онъ, купить земель для разныхъ лицъ новой Финляндіи, которыя желаютъ пріобрѣсть владѣнія недалеко отъ столицы. Между прочими, баронъ Армфельдъ купилъ землю у Копьева, въ 1200 душъ, за 240000 рублей. Цѣна громадная, сравнительно съ тою, которую вамъ предлагала казна. Впрочемъ, причиною всему паденіе нашихъ ассигнацій; а во всякое другое время Копьевъ былъ бы очень радъ отдѣлаться отъ своей земли за половинную цѣну. Имѣніе вашего сіятельства, соображаясь съ цѣною Копьевскаго, пошло бы въ милліонъ съ лишнимъ, еслибъ его купили теперь; но гдѣ найти такого богача, если не раздробить имѣніе для продажи? Число богатыхъ покупщиковъ уменьшается еще и потому, что всѣ Русскіе помѣщики бѣгутъ изъ Финляндіи, чтобъ основаться въ Россіи, такъ что скоро только помѣщики изъ Финновъ будутъ покупать, а у нихъ капиталы не велики.

Изъ Дунайской арміи получено здѣсь извѣстіе, что графу Кутузову повелѣно возвратиться въ Петербургъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, заключивъ миръ, онъ будетъ торжественно принятъ; если же ему не удастся заключить миръ, то виновникомъ сего можетъ быть и не онъ, а глава нашей несчастной дипломатіи. Здѣсь, послѣдніе дни, говорятъ съ увѣренностію, что сей послѣдній [2]) получитъ отставку, въ которую, конечно, самъ не просился. Давай Богъ! Говорятъ, что съ Турціей миръ заключенъ, но, какъ будто, не увѣрены въ его ратификаціи. Я не вѣрю ничему этому, не смотря на приводимое сильнѣйшее доказательство: извѣстіе о мирѣ такъ подѣйствовало на патріотизмъ канцлера, что его постигъ апоплексическій ударъ. Впрочемъ, отъ удара у него станетъ только одной странностію больше: у него перекосило ротъ. Если Чичаговъ и Грейгъ не заключатъ этого желаннаго и столь необходимаго мира, никогда намъ не добиться его. Утверждаютъ, что, вмѣстѣ съ канцлеромъ, уволенъ и Кочубей, и что во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ будетъ Чичаговъ. Очень бы я желалъ

[1]) Это имѣніе (Кренгенбургъ) осталось непроданнымъ и по кончинѣ графа Воронцова перешло въ собственность его дочери, леди Пемброкъ.

[2]) Т. е. канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ.

Библиотека "Руниверс"

сего, но не вѣрю; и мнѣ кажется, что Чичаговъ пойдетъ гораздо дальше Бухареста. Какая бы иначе надобность перемѣщать Грейга съ Балтійскаго моря, для совокупнаго дѣла съ Чичаговымъ? Во всякомъ случаѣ, всѣ должны быть довольны, и такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, что они оба призваны къ дѣлу. Князь Лобановъ*), военный губернаторъ Риги, извѣстный подъ прозвищемъ „князя мира“, уволенъ, и на его мѣсто назначенъ Эссенъ. Интендантъ Лабатъ тоже смѣщенъ. Замѣнилъ его князь Яшвиль, артиллеріи генералъ-маіоръ, вполнѣ достойный офицеръ. Хотя Нарбонъ провелъ сутки въ Вильнѣ, но война, кажется, рѣшена.

*

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1812.

Вы находите, графъ, что Императрица слишкомъ скромна. Я вполнѣ въ этомъ согласенъ съ вами, прибавляя къ этому ея излишнюю деликатность во всемъ, что она дѣлаетъ, вслѣдствіе чего я нисколько не обремененъ дѣлами. Моя самая главная работа заключается въ принятіи прошеній, которыхъ, по несчастью, чрезмѣрно много, въ настоящее бѣдственное время. Ея щедрое сердце никогда не отказываетъ въ помощи несчастнымъ; а я никогда такъ не жалѣлъ, что не имѣю дара живо передавать сильныя ощущенія, какъ теперь, при постоянной встрѣчѣ съ ними. Два раза въ недѣлю я дѣлаю Ея Величеству доклады по принятымъ прошеніямъ. Для другихъ надобностей Императрица присылаетъ за мной, или же я получаю отъ нея на домъ бумаги; но эти оба случаи рѣдки, такъ какъ Ея Величество управляется обыкновенно сама съ большею частію дѣлъ. Ея доброта, любезность и вниманіе, при передачѣ мнѣ приказаній, превосходятъ всякое сравненіе; и ей прямо кажется, что она очень много дастъ мнѣ работы, тогда какъ мнѣ почти нечего дѣлать съ тою, которую она мнѣ предоставляетъ. Лѣтомъ я буду жить на дачѣ графини Строгановой, близъ Каменнаго острова, и тогда, быть можетъ, Ея Величество будетъ мнѣ давать больше дѣла, а то я могу со временемъ обратиться въ счастливаго человѣка, не имѣющаго никакого дѣла. Императрица уже вчера изволила переѣхать на Каменный островъ, и сегодня она спросила у меня, когда и я переѣду; на сколько я понялъ, спрашивала она объ этомъ, опасаясь, что меня утомятъ поѣздки къ ней отсюда.

Что Прутъ станетъ нашею границею, кажется дѣломъ рѣшеннымъ. Еще толкуютъ о наступательномъ союзѣ съ Турціей и о независимости Сербіи. Послѣднее такъ прекрасно, что боишься вѣрить этому, но горячо желаешь, чтобъ это подтвердилось. Это стоитъ цѣлыхъ царствъ!

*) Онъ заключилъ Тильзитскій миръ.

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ, если миръ и не принесетъ намъ ничего, онъ все же великое счастіе въ настоящее время. Съ часу на часъ ожидаютъ начала непріязненныхъ дѣйствій, всякое сообщеніе съ Пруссіей прервано приказомъ Давў, который его напечаталъ и объявилъ во всеобщее свѣдѣніе; всѣ письма перехвачены и уничтожены [1]). Это-ли не начало непріязненныхъ дѣйствій?

*

С.-Петербургъ, 18 Іюня 1812 г.

Вчера вечеромъ получено извѣстіе о вступленіи непріятеля въ Ковну. Никакого сраженія, какъ кажется, еще не было, изъ чего можно предположить, что генералу Баговуту повелѣно отступать не оказывая сопротивленія. Удивительнаго ничего не будетъ, если непріятелю, аттакующему насъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, удастся одержать верхъ надъ нами. Тогда какъ намъ приходится защищать границу въ 800 верстъ протяженія. Не по началу, а по исходу непріятельскихъ дѣйствій рѣшится наша судьба! Вся армія Багратіона двинулась на Бѣлостокъ и Гродну, уступая свое мѣсто арміи Тормасова, который будетъ наблюдать за Австрійцами въ Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ, и т. д. Составъ ея стотысячный.

Излишняя откровенность могла-бы быть недостаткомъ опаснымъ; но такъ какъ Императрица, до сихъ поръ, не считаетъ ея таковою, и такъ какъ я, кромѣ Ея Величества, ни съ кѣмъ изъ придворныхъ не имѣю никакихъ отношеній, то и надѣюсь избѣгнуть всякихъ каверзъ. Вы вполнѣ правы, графъ, что бо̀льшаго счастія я не могъ бы получить. Я такъ проникнутъ этой истиной, что никогда не перемѣню своего настоящаго положенія, если только мнѣ удастся сохранить довѣріе Императрицы. Вамъ извѣстны, графъ, ея доброта, кротость, равно какъ и ея положительный, твердый умъ; поэтому, вы можете знать, какъ я преданъ ей и какъ не подходитъ къ моимъ правиламъ предпочесть повышеніе служебное благополучію быть при лучшей изъ лучшихъ Государынь. Нѣтъ положенія и чина, которые, въ настоящее время, могли бы меня соблазнить и, если Господу угодно, а равно и Императрицѣ, я останусь при ней навсегда.

Я передалъ ваше порученіе графинѣ Строгановой [2]); она очень цѣнитъ вашу, графъ, о ней память. Я пишу вамъ на ея дачѣ, гдѣ имѣю помѣщеніе, чтобъ быть поближе къ Каменному острову. Вамъ

---

[1]) Спасенная нами въ 1807 году Пруссія ничего не сдѣлала, чтобы не принять участія въ нападеніи на насъ Наполеона.

[2]) Графиня Софья Владимировна, дочь княгини Голицыной *Усатой* (Princesse Moustache).

Библиотека "Руниверс"

и графинѣ съ ея супругомъ я считаю себя навѣки обязаннымъ. Государь много лѣтъ тому назадъ обѣщалъ Императрицѣ найти ей секретаря; но, вслѣдствіе-ли забывчивости Государя, или по ненахожденію человѣка подходящаго, дѣло это оставалось безъ исполненія. Дѣлами Ея Величества завѣдывалъ статсъ-секретарь Молчановъ; но такъ какъ у него, при этомъ, было много обязанностей по дѣламъ Императора, то дѣла Императрицы оставались въ небреженіи, а частенько ихъ и вовсе забывали. Графъ Строгановъ воспользовался случаемъ, чтобы назвать меня, а такъ какъ Императрица уже слышала раньше добрые отзывы графа и графини обо мнѣ, то и соизволила испросить у Государя мое къ ней назначеніе, ни разу меня не видѣвши до указа объ опредѣленіи меня секретаремъ при ней.

*

С.-Петербургъ, 5 Іюля 1812.

Дня три назадъ, Ея Величество спрашивала меня о вашемъ здоровьи, графъ. Я воспользовался этимъ, чтобъ засвидѣтельствовать Ея Величеству о вашей къ ней безпредѣльной преданности. „Значитъ, я не въ долгу передъ графомъ“, прибавила Императрица, „такъ какъ трудно уважать кого-нибудь болѣе того, какъ я уважаю графа Воронцова; и я васъ прошу, первый разъ, что вы ему будете писать, передать ему мой поклонъ. Я очень жалѣю, что наше съ нимъ знакомство было такъ непродолжительно; но, тѣмъ не менѣе, я и за это короткое время, успѣла его узнать, оцѣнить и поэтому уважаю его съ особенною искренностью. Пожалуйста-же, не забудьте все это написать графу, прибавивъ, что я часто вспоминаю о немъ съ большимъ удовольствіемъ“ *).

*

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1812 г.

Вчера, поздно вечеромъ, прибылъ на Каменный островъ адъютантъ Его Величества князь Любомирскій, съ подтвержденіемъ извѣстія о соединеніи, подъ Смоленскомъ, 23-го сего мѣсяца, армій Барклая и Багратіона. Я только что отъ князя Любомирскаго, къ которому ходилъ справиться о графѣ Михаилѣ, и я вполнѣ доволенъ, что могу вамъ сообщить, что князь его видѣлъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ сюда, въ полковомъ штабѣ, вмѣстѣ съ графомъ Сенъ-При. За неимѣніемъ писемъ отъ дорогаго вашего сына мнѣ казалось, что личное свидѣтельство князя будетъ вамъ пріятно, какъ вполнѣ достовѣрное. Послѣ послѣднихъ его писемъ, отъ 28 Іюня, которыя я имѣлъ честь вамъ

---

*) Въ полугодовое (1802) пребываніе свое въ Россіи графъ С. Р. Воронцовъ сопровождалъ императрицу Елисавету въ Швецію, куда она ѣздила повидаться съ своею сестрою, Шведскою королевою.

Библиотека "Руниверс"

переслать, я не получалъ отъ него прямыхъ извѣстій; да и нельзя было и ожидать таковыхъ, при постоянномъ движеніи арміи Багратіона, которому, для достиженія Смоленска, пришлось пройти такое огромное пространство. Въ этомъ знаменитомъ городѣ, 23-го сего мѣсяца, сошлись два главнокомандующіе: Барклай съ Багратіономъ, и генералъ Платовъ, чтобы отобѣдать вмѣстѣ! Расположеніе нашихъ армій подъ Смоленскомъ такое крѣпкое, что врядъ ли Бонапартъ рискнетъ напасть тутъ на насъ, и опасаются, какъ бы онъ не свернулъ на Кіевъ, въ то время, какъ Тормасовъ будетъ занять Шварценбергомъ и Ренье, стоящими во главѣ Австрійцевъ и Саксонцевъ. Я посылаю послѣдніе отчеты барону Николаи*), прося его доставить ихъ вамъ съ настоящимъ письмомъ. Вы узнаете о блестящей побѣдѣ корпуса Витгенштейна надъ знаменитымъ корпусомъ Удино, отъ котораго, послѣ трехдневной битвы, почти ничего не осталось. Но графъ Витгенштейнъ не удовольствовался этою побѣдою: по вчерашнимъ извѣстіямъ, онъ преслѣдовалъ послѣдніе остатки непріятеля и былъ уже въ 15 верстахъ отъ Полоцка, захвативъ еще тысячу человѣкъ плѣнными, кромѣ взятыхъ за эти три дня битвы. Ожидаютъ, что на обратномъ пути онъ найдетъ много пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ въ сосѣднія рѣчки, озера и рѣки, которыхъ тамъ множество. Неизвѣстно, что сталось съ Удино, и даже сами плѣнные говорятъ, что уже съ 3-го дня сраженія о немъ ничего не знали, послѣ того, какъ онъ имъ роздалъ много водки, и увѣрилъ, что самъ Бонапартъ прибылъ и лично участвовалъ въ сраженіи. Всѣ въ этотъ день взятые въ плѣнъ, начиная отъ солдата до генерала, были мертвецки пьяны. Корпусъ Витгенштейна состоялъ изъ 25 т. человѣкъ; но въ бою было только 17 т. противъ 30 тысячъ непріятеля, такъ что у Витгенштейна есть еще свѣжія части его корпуса, чтобъ отразить Макдональда, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, начиналъ уже отступать послѣ неудавшагося намѣренія окружить Витгенштейна и оттѣснить его даже до Петербурга.

Третьяго дня было, по случаю побѣды Витгенштейна, молебствіе. Графу, какъ человѣку очень бѣдному, положена пенсія въ 12 т. р., переходящая послѣ него къ его женѣ, которая пожалована въ кавалерственныя дамы ордера Св. Екатерины. Вы увидите, графъ, какъ всѣ донесенія графа Витгенштейна ясны и не хвастливы, тогда какъ, вообще донесенія первой арміи очень запутаны, а подъ часъ совсѣмъ непонятны. Графъ Паленъ, такъ отлично дѣйствовавшій подъ Витебскомъ съ нашимъ арьергардомъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты,

*) Баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи былъ нашимъ посланникомъ въ Даніи.

Библиотека "Руниверс"

что вполнѣ заслужено имъ. Дѣло Тормасова, подъ Кобринымъ, одно изъ блестящихъ. Если онъ будетъ также успѣшно продолжать, то возможно, что окажется въ тылу великой арміи великаго человѣка и великой націи, которыхъ и низведетъ съ ихъ хвастливаго величія. Надѣются, что генералу Ренье не уйти отъ Тормасова, что дастъ хорошій оборотъ нашимъ дѣламъ и приведетъ къ побѣдѣ. Впервыя услышали мы о гнусномъ Шварценбергѣ и объ Австрійцахъ, и всѣ удивлены, что они уже такъ далеко проникли вглубь страны.

Императоръ тутъ, и еще неизвѣстно, вернется-ли онъ къ арміи или нѣтъ. Большинство увѣряетъ, что онъ пріѣдетъ; но возвращеніе графа Румянцова и Кочубея, прибывшихъ сюда три дня тому назадъ, даетъ право сомнѣваться въ этомъ. Ополченіе формируется чрезвычайно быстро. Сформированіе онаго и начальство надъ нимъ поручено графу Кутузову. Я посылаю вашему сіятельству копію съ манифеста объ ополченіи. Прибавлю, что любовь къ отечеству и общее восторженное состояніе духа выступили при этомъ во всей своей полнотѣ, и только надо удивляться невѣроятнымъ жертвамъ приносимымъ на алтарь отечества.

*

С.-Петербургъ, 28 Іюля 1812 г.

Все что вы изволите мнѣ писать на счетъ того, что благоразуміе требуетъ держаться войны оборонительной, вполнѣ справедливо, по положенію нашихъ финансовъ и по нашимъ политическимъ отношеніямъ изъ за промедленія заключить во время миръ съ Англіей. Россіи, безъ субсидій, нельзя и на десять шаговъ переступить свою границу, особенно по нашимъ филантропическимъ убѣжденіямъ, которыя основаны на ложной щепетильности и за которыми неизбѣжно слѣдуютъ полумѣры, какъ это и было, во всѣ наши войны съ Бонапартомъ. Россія должна Австріи 12.000.000 флориновъ за Аустерлицкую кампанію, въ которую она лишилась такъ много солдатъ, какъ въ бояхъ, такъ и отъ голода; солдатъ, присланныхъ для защиты Австріи! Въ прошломъ году Пруссіи было заплачено около 6.000.000 талеровъ за кампанію 1807 г., въ которую мы не взяли куска хлѣба, не заплативъ наличными или не выдавъ квитанцій, по которымъ было потомъ заплочено сполна. А, между тѣмъ, доподлинно извѣстно, что нашимъ войскамъ часто приходилось голодать, и что они и тогда ничего не брали силою; Австрія же и Пруссія мало заботились о предоставленіи имъ необходимаго. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что тамъ, гдѣ мы во всемъ терпѣли недостатокъ, непріятель находилъ избытокъ всего. Пока мы не оставимъ этихъ пріемовъ (не доброты, а сла-

Библиотека "Руниверс"

бости) мы никогда не сможемъ бороться съ непріятелемъ одинаковыми силами и перейти въ наступательную войну, за предѣлами Россіи. Бонапартъ, у котораго нѣтъ ничего святаго, тащитъ за собой цѣлое поколѣніе Европы и революцію. Онъ такой же мощный, какъ и ужасный врагъ по духу разрушенія; но вѣдь и его можно побѣдить, и Россія, какъ я надѣюсь, докажетъ ему это. Намъ только и оставалось вести войну оборонительную, но не слѣдовало доводить ее до настоящаго положенія вещей. Безъ всякаго сопротивленія, Бонапарту дали завладѣть мѣстностію до Двины и даже до Днѣпра; онъ въ 350 в. отъ Москвы, и какъ знать, чѣмъ можетъ кончиться генеральное сраженіе? Кажется, у насъ ошибочно считались съ примѣромъ Испаніи и Португаліи, не сообразивъ, какъ мало Польша имѣетъ съ ними сходства. Развѣ въ ней есть неприступныя горы, ущелія? Развѣ ея подлые жители, чуждые любви къ отечеству, какъ и всякаго благороднаго, великодушнаго чувства, пожертвуютъ своими домами и прочимъ добромъ, чтобы не оставить ихъ непріятелю? Испанцы и Португальцы заслужили безсмертную себѣ славу, отстаивая съ оружіемъ въ рукахъ свою независимость отъ Бонапарта; а Поляки, напротивъ, ждутъ его какъ Мессію и освободителя для возстановленія прежняго царства Польскаго и для возвращенія этому племени, недостойному считаться націею, его имени. Я презираю Поляковъ еще больше, чѣмъ Французовъ, за ихъ неумѣніе сохранить себя какъ государство, и за нежеланіе по своей страсти къ анархіи, безпорядку и измѣнѣ, присоединяться къ какому нибудь иностранному государю. По всему этому, вопросъ становится очень важнымъ, и невозможно предрѣшать его послѣдствій. По мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ, Бонапартъ создаетъ царство, которое, конечно, сдѣлаетъ своимъ; а изгнать врага изъ его владѣній куда какъ труднѣе, чѣмъ побѣдить его. За Россію я нисколько не боюсь, зная храбрость и любовь ея народа къ отечеству. Какому нибудь Тамерлану удалось-бы легче ее покорить, чѣмъ Бонапарту со всею Европою, такъ какъ Россія, и за Ураломъ, все же останется страшною и для него, и для Европы. Но наша оборона, по Двинѣ и Днѣпру, обойдется намъ въ тридорога противъ того, во что должна бы стать. Всѣ Поляки до единаго воспрянули: едва Платовъ выступилъ изъ Бѣлостока, какъ они вооружились и напали на остававшихся тамъ Русскихъ. Но и пораскаялись же они въ этомъ, когда Платовъ, повернувъ назадъ, сжегъ Бѣлостокъ и перебилъ всѣхъ его жителей, найденныхъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ именемъ Бонапарта на устахъ. А въ Вильнѣ, за два дня до вступленія въ нее Французовъ, громко уже говорили о новомъ правительствѣ. Вотъ какое состояніе умовъ, не говоря объ естественныхъ условіяхъ мѣстности, которую хотятъ уподобить Испаніи. Фран-

Библиотека "Руниверс"

цузы, встрѣченные ихъ друзьями, вошли къ намъ свободно, не имѣя надобности въ переходѣ черезъ Пиринеи и Сіерра-Морену, и въ бою на каждомъ шагу, съ каждымъ жителемъ страны, въ которую они вторглись. Если мы выиграемъ сраженія на Двинѣ и Днѣпрѣ, то сколько еще останется одержать побѣдъ до изгнанія врага за Нѣманъ. Вынужденные пока только обороняться, надѣюсь, если Господь благословитъ насъ побѣдами, мы не останемся спокойными зрителями бѣгства непріятеля, такъ какъ судьбу Европы никогда не рѣшитъ оборонительною войною, какъ и не такою войною уничтожить бичъ человѣчества!

Многія страны жаждутъ уже свергнуть давящее ихъ иго, но соединеніе ихъ во едино не возможно, пока Россія не перейдетъ въ наступленіе. Правда, что очень еще далеко отъ стѣнъ Москвы до наступательной войны за предѣлами Россіи, но несомнѣнно, что только тогда кончатся бѣдствія Европы и прекратится революція. Карлъ XII былъ очень опаснымъ врагомъ, но онъ не былъ революціонеромъ, и намъ была страшна только его сила, тогда какъ въ настоящее время надобно больше воевать мнѣніями и умами, чѣмъ войсками, что̀ не всегда удается съ человѣкомъ такимъ вѣроломнымъ и съ такими ужасными спутниками, каковъ Бонапартъ и его приверженцы. Да и все войско Карла равнялось одной дивизіи Бонапарта. Долго будутъ чувствоваться бѣдствія и разореніе страны отъ варварства этихъ современныхъ Гунновъ. Теперь никто ужъ не удивляется, какъ Бонапартъ достаетъ деньги и людей, чтобъ воевать; на такой способъ веденія войны, какого онъ до сихъ придерживался, всегда найдутся и люди, и деньги. Его можно будетъ одолѣть только его собственнымъ оружіемъ, т. е. когда его лишатъ возможности употреблять его въ дѣло и направятъ его противъ него же самого; но только одни Испанцы, кажется мнѣ, способны это доказать на дѣлѣ, а они доведены до такого отчаянія, что приступятъ къ этому. Бургосскіе разстрѣлы ужасны; но думаю, что Французы не посмѣютъ уже болѣе разстрѣливать инсургентовъ, какъ они ихъ называютъ. Испанцы имъ доказали, что изъ этихъ инсургентовъ состоитъ вся Испанія. Отъ нашихъ Поляковъ нельзя ожидать такихъ подвиговъ, и единому Господу вѣдомо, что̀ станется съ Россіей. Хотя я увѣренъ, что наши люди не примутъ дара свободы отъ подобнаго чудовища, но все же нельзя не тревожиться. Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что нашъ солдатъ не такъ годенъ для оборонительной войны, какъ Нѣмецкій или Англійскій. У насъ скоры видѣть измѣну и падать духомъ, при чемъ побѣды становятся невозможными. Цѣлые корпуса̀ уже отказывались идти, особенно корпусъ гр. Шувалова. До Свѣнцянъ наши солдатики выказали себя очень терпѣливыми,

Библиотека "Руниверс"

но послѣ Дриссы и Витебска не было возможности ихъ сдерживать. Вмѣстѣ съ необходимостью сформировать ополченіе, это и было поводомъ оставленія Императоромъ арміи. Въ Смоленскѣ былъ почти бунтъ, ибо народъ не можетъ понять отступленіе 400.000 войска, уступающаго непріятелю пять громадныхъ губерній, безъ единаго выстрѣла, и въ этомъ стали обвинять Нѣмцевъ. Судите же, какое ужасное и затруднительное положеніе! Солдаты наши сражаются отлично; но, чтобъ они могли побѣдить врага, ихъ нужно вести на него. Избави насъ Богъ отступать; и еслибъ это продолжилось, солдаты наши сами пойдутъ въ бой, безъ начальства, безъ всякаго порядка, и сразятся навѣрняка. Такого мнѣнія держались всѣ наши генералы при обсужденіи плана Пфуля и принца Ольденбургскаго о дальнѣйшемъ отступленіи. Всѣ пришли въ негодованіе отъ него, что̀ дѣлаетъ честь нашимъ достойнѣйшимъ корпуснымъ и дивизіоннымъ начальникамъ, подобныхъ которымъ не найдется у непріятеля. Несчастіе въ томъ, что нѣтъ достойной главы, чтобъ руководить всѣми.

Единственный кому можно бы ввѣрить армію, это графъ Кутузовъ; но, кажется, что ему хотятъ дать въ распоряженіе только ополченіе, а, чтобъ не дѣлать его фельдмаршаломъ, его сдѣлаютъ княземъ за Турецкую кампанію и за послѣдовавшій за ней миръ. Ему предложили на выборъ: получить княжескій титулъ или его супругу сдѣлать кавалерственной дамой. Онъ предпочелъ первое, говоря, что не жена его вела войну и заключала миръ, и что изъ двухъ наградъ онъ выбираетъ наименьшую, такъ какъ титулъ князя, за неимѣніемъ у него сына, угаснетъ съ нимъ. При составленіи ополченія, наши выказали, до чего сильна ихъ любовь, къ отечеству и какая въ нихъ бодрость духа. Здѣсь охотно даютъ 10 человѣкъ со 100, и въ нѣсколько дней 2000 человѣкъ были уже готовы къ выступленію. Можно привесть еще множество примѣровъ изумительной любви къ родинѣ и такихъ щедрыхъ пожертвованій, подобныхъ которымъ въ другихъ странахъ съ трудомъ найти. Молодой графъ Мамоновъ, камергеръ и прокуроръ Сената, Московскаго присутствія, предложилъ 7000 тысячъ своихъ душъ, 300,000 рублей и на 800,000 рублей брилліантовъ. Государь принялъ только десять человѣкъ со ста, разрѣшивъ ему составить полкъ изъ своихъ крестьянъ. Молодой графъ Мамоновъ, не бывши самъ никогда въ военной службѣ, просилъ сдѣлать его только офицеромъ въ этомъ полку, а командиромъ его назначенъ полковникъ князь Четвертинскій*).

*) Борисъ Антоновичъ, братъ Маріи Антоновны Нарышкиной, но вовсе съ нею не дружный; она же въ это время утратила уже свое значеніе.

Библиотека "Руниверс"

Молодой графъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала Ивана Петровича, составилъ, на свои средства, полкъ легкой кавалеріи, а одинъ изъ князей Гагариныхъ—стрѣлковый. Дочь графа Алексѣя Орлова дала 275,000 р. серебряной монетой и тысячу лошадей. Слишкомъ было бы долго перечислять вамъ, графъ, много и другихъ подобныхъ примѣровъ.

Графъ Кутузовъ командуетъ Петербургскимъ ополченіемъ, а графъ Толстой, бывшій посланникъ, Московскимъ и четырехъ другихъ губерній. Ополченцамъ оставленъ простонародный кафтанъ, только онъ нѣсколько укороченъ и болѣе приспособленъ для военнаго времени.

Графы Румянцевъ и Кочубей возвратились покрытые позоромъ, болѣе чѣмъ грязью и пылью. Оба въ полнѣйшемъ у всѣхъ презрѣніи. Чичаговъ не возвращался; его даже и не ждутъ, въ виду морской экспедиціи, которая будетъ подъ его начальствомъ. Новосильцевъ при арміи и слѣдуетъ за дивизіей графа Строганова. А здѣсь, недѣли двѣ, его считали уѣхавшимъ въ Англію. Чарторижскій въ Венгріи для пользованія водами, въ которыхъ вовсе не имѣетъ надобности; но, въ настоящее время, это единственное ему остающееся дѣло.

*

С.-Петербургъ, 9 Августа 1812.

Кутузовъ сдѣланъ третьяго дня генералиссимусомъ (хотя онъ не фельдмаршалъ) надъ тремя арміями, которыя въ Польшѣ, а Бенигсенъ—главнокомандующимъ 1-ой арміи, на мѣсто Барклая-де-Толли, которому предоставлено остаться тамъ или вернуться, какъ ему заблагоразсудится. Этого назначенія давно всѣ желали, такъ что теперь всѣ чрезвычайно довольны этою перемѣною. Надежды наши оживились съ подчиненіемъ всего нашего войска одному лицу, что единственный способъ для одолѣнія врага, которому благопріятствовало, въ бояхъ съ нами, это раздѣленіе нашихъ армій подъ начальствомъ трехъ генераловъ съ одинаковыми полномочіями. Къ тому же, новый главнокомандующій доказалъ, что умѣетъ сражаться и побѣждать. Когда дѣло идетъ о спасеніи государства, тутъ уже не до испробованія дарованій генераловъ. Барклаю немыслимо быть главнокомандующимъ и распоряжаться судьбою войскъ, которымъ онъ не вселяетъ довѣрія и любви которыхъ, какъ равно и генераловъ, онъ не съумѣлъ заслужить своимъ тяжелымъ характеромъ; терпѣніе же солдатъ совсѣмъ истощилось Барклай очень хорошъ, какъ военный министръ, и былъ бы отличнымъ генераломъ подъ начальствомъ другаго. Богъ знаетъ почему, но дѣла наши были плохи, хотя мы не терпѣли большихъ уроновъ, и нужно признать, что Провидѣніе до сихъ поръ оберегало насъ, быть можетъ, для того, чтобъ

Библиотека "Руниверс"

мы окончательно восторжествовали надъ общимъ тираномъ. Князь Кутузовъ отъѣзжаетъ завтра. Бенигсенъ въ Смоленскѣ, и въ настоящую минуту, можетъ быть, онъ уже принялъ начальство надъ своей арміей. Говорятъ, онъ объявилъ, что не приметъ начальства ни надъ какой арміей, иначе какъ при Кутузовѣ, что̀ и рѣшило назначеніе послѣдняго. Бенигсену дѣлаетъ честь, что онъ выдвинулъ достоинства того, передъ превосходствомъ талантовъ и передъ патріотизмомъ котораго онъ преклоняется. Для Кутузова дни великіе, и я вполнѣ увѣренъ, что почтенный старикъ оправдаетъ довѣріе Государя и народа. Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что Барклай давно уже просилъ уволить его, такъ какъ сознавалъ, что его распоряженія не вселяютъ довѣрія войскамъ.

Государь отбылъ сегодня ночью въ Або. На предстоящее свиданіе возлагаютъ надежды. Канцлеръ отбылъ туда же, тремя днями раньше, адмиралъ Бентикъ выѣхалъ вчера также въ Або.

*

С.-Петербургъ, 21-ое Августа 1812 г.

Я такъ счастливъ, что могу дать вамъ еще болѣе свѣжія извѣстія о здоровьи вашего дорогаго сына, полученныя мною, хотя и не прямыми путями, но вполнѣ достовѣрными. Во первыхъ, Ея Величество Государыня Императрица сообщила мнѣ, по своей добротѣ, тѣ извѣстія, которыя ей привезъ Великій Князь*), пріѣхавшій сюда пять дней тому назадъ. Узнавъ отъ меня, что послѣ Смоленскаго сраженія я не имѣлъ вѣстей отъ графа Михаила, Императрица изволила мнѣ сообщить, что она подробно распрашивала о немъ Великаго Князя, который сказалъ ей, что видѣлъ его 10-го, въ Дорогобужѣ, совершенно здоровымъ, и что его дивизія не была въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ. Императрица поручила мнѣ обо всемъ этомъ тотчасъ же сообщить вашему сіятельству.

Затѣмъ, Вильсонъ, пріѣхавшій сюда одновременно съ Великимъ Княземъ, сообщилъ мнѣ слово въ слово тоже, что̀ Императрица, прибавивъ, что онъ жилъ у графа Михаила все время своего пребыванія въ арміи; что здоровье его отличное, расположеніе духа удивительное, и что его дивизія изъ ряду вонъ по своему превосходному состоянію. Письмо отъ графа къ вамъ Вильсонъ переслалъ лорду Каткарту, въ самый день своего пріѣзда сюда. Я очень пожалѣлъ, что не могъ, тѣмъ же днемъ, послать вамъ мое письмо обо всемъ этомъ; но я только въ двѣнадцать часовъ видѣлъ Императрицу, а Вильсона послѣ обѣда, почта же закрывается въ часъ, а съ Каменнаго острова до нея далеко.

*) Константинъ Павловичъ.

Библиотека "Руниверс"

Вчера я видѣлъ Новосильцева, наканунѣ пріѣхавшаго сюда. Послѣдній кого онъ видѣлъ, выѣзжая изъ Вязьмы, 12-го числа, былъ графъ Михаилъ. Онъ подтвердилъ мнѣ, что никогда не видѣлъ его такимъ здоровымъ, и что онъ, Новосильцевъ, былъ счастливъ проводить все время съ нимъ и съ графомъ Строгановымъ, со дня соединенія армій до своего отъѣзда. Онъ превозноситъ графа Михаила, который по общему дружному голосу заслужилъ довѣріе начальствующихъ, уваженіе подчиненныхъ, обожаніе солдатъ, которыми онъ вполнѣ достоинъ командовать. При этомъ онъ привелъ мнѣ слова генерала Тучкова, сказанныя имъ въ обществѣ у графа Толстаго, во время войны въ Пруссіи, слова одинаково дѣлающія честь тому, кто ихъ сказалъ, какъ и тому, къ кому они относились. Шла рѣчь о молодыхъ офицерахъ, отличившихся въ послѣднюю кампанію, и между ними первымъ назвали графа Михаила. „Да это дерево“, сказалъ Тучковъ (имѣющій привычку говорить съ перерывами; всѣ съ удивленіемъ уставились на него, такъ какъ всѣ до единаго были согласны въ признаніи храбрости вашего сына), „изъ котораго тешутъ фельдмаршаловъ“, добавилъ Тучковъ*). Вы легко себѣ можете представить, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести такой отзывъ Тучкова, котораго всѣ чрезвычайно уважаютъ, какъ, дѣйствительно, достойнѣйшаго и храбрѣйшаго изъ нашихъ корпусныхъ и дивизіонныхъ генераловъ. Въ настоящее время онъ командуетъ 3-мъ корпусомъ, также, кажется, отличившимся подъ Смоленскомъ.

Краткость письма, которое я пересылаю вашему сіятельству, показываетъ, какъ графъ Михаилъ торопился, писавши его, тѣмъ болѣе, что мнѣ онъ черкнулъ всего пять строкъ, чтобъ только сказать, что старшій братъ мой, вступившій въ Нарвскій полкъ, былъ уже въ дѣлѣ, но остался живъ и невредимъ. Этотъ полкъ, какъ я уже, кажется, говорилъ вашему сіятельству, не входитъ въ составъ дивизіи графа Михаила. Я опасаюсь, какъ бы краткость письма графа Михаила не дала вашему сіятельству ложнаго представленія о битвѣ подъ Смоленскомъ, развѣ только, что въ своемъ къ вамъ письмѣ, чрезъ Вильсона, онъ не сообщилъ вамъ нѣкоторыя подробности о немъ. Не лишнимъ однако будетъ, если я скажу вамъ объ этомъ дѣлѣ со словъ очевидцевъ, какъ своихъ, такъ и иностранцевъ. Изъ посланнаго мною вашему сіятельству донесенія, отъ 3-го Августа, вы изволили видѣть, что бо́льшая часть непріятельской арміи двинулась

*) Фельдмаршалскій жезлъ данъ былъ Воронцову лишь въ 1856 году, за немного мѣсяцевъ до его кончины.

Библиотека "Руниверс"

къ Днѣпру, чтобъ, перейдя его, идти на Ляды, въ Красное. Генералъ-маіоръ Невѣровскій, находившійся въ этомъ городѣ, съ отрядомъ отъ 4 до 5 т. человѣкъ, долженъ былъ получить подкрѣпленіе отъ 7-го корпуса подъ командою генералъ-лейтенанта Раевскаго, которому приказано было тоже перейти Днѣпръ. Но Французы опередили его, и Невѣровскій, видя себя окруженнымъ 18 тысячнымъ непріятельскимъ войскомъ, принялъ геройское рѣшеніе пробиться черезъ непріятеля и привелъ это тотчасъ въ исполненіе. Увы! онъ потерялъ при этомъ почти всю свою кавалерію, но вышелъ сомкнутыми рядами на соединеніе съ корпусомъ Раевскаго. Непріятель, превосходившій числомъ этотъ корпусъ и находившійся въ болѣе благопріятной мѣстности для сраженія, чѣмъ мы, напалъ на Раевскаго, который, въ отличномъ порядкѣ, отступилъ къ Смоленску для защиты этого города, тотчасъ же бомбардированнаго Французами. Пока все это происходило на лѣвомъ берегу Днѣпра, Бонапартъ атаковалъ армію Барклая съ фронта. По расположенію мѣстности не представлялось возможнымъ пустить одновременно обѣ арміи въ дѣло, поэтому Багратіону велѣно было стать за Смоленскъ; да изъ арміи Барклая всего только 3 корпуса были въ дѣлѣ, а именно: корпуса Тучкова, Баговута и графа Остермана-Толстаго. Корпусу Дохтурова, которому мѣстность не позволяла принять участія въ боѣ, повелѣно было замѣнить корпусъ Раевскаго въ Смоленскѣ, а послѣднему—идти на соединеніе съ остальною частью арміи Багратіона. Французы были отбиты со всѣхъ сторонъ, какъ съ фронта, такъ и въ Смоленскѣ, и прекратили атаку, потерявъ болѣе 20 тысячъ убитыми и ранеными. Наша потеря была, какъ говорятъ, отъ 7 до 8 тысячъ. На другой день Барклай отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи всей арміи, не исключая корпуса Дохтурова, стоявшаго въ самомъ Смоленскѣ. Дохтуровъ два раза дѣлалъ представленіе, что онъ въ состояніи защитить городъ, а что если ему дадутъ подкрѣпленіе тысячъ въ 8, онъ будетъ въ силѣ, въ продолженіи десяти дней, удерживать всю армію Бонапарта. Однакожъ, рѣшительный приказъ главнокомандующаго заставилъ его покинуть городъ. Онъ отслужилъ молебенъ передъ чудотворною иконою Смоленской Божіей Матери и, повелѣлъ нести, снявъ ее съ большою торжественностью, все время передъ войскомъ. Армія продолжала отступать на Дорогобужъ и далѣе, на Вязьму, а непріятель, по мѣрѣ нашего отступленія, занималъ оставляемыя нами мѣста.

По послѣднимъ извѣстіямъ, непріятель былъ въ Дорогобужѣ. Кутузовъ долженъ былъ найти нашу армію въ Вязьмѣ. Сегодня ожидаютъ извѣщенія объ его прибытіи въ армію, вмѣстѣ съ Бенигсеномъ.

Библиотека "Руниверс"

котораго онъ взялъ съ собою. Можно ожидать перемѣны въ направленіи нашихъ дѣйствій, такъ какъ только оставалось сдать Москву, послѣ того что сдали всѣ къ ней преддверія, не смотря на то, что мы всюду брали верхъ надъ непріятелемъ, который не можетъ похвастаться болѣе чѣмъ 2000 плѣнными, тогда какъ у насъ ихъ болѣе 20 тыс., не считая плѣненныхъ графомъ Витгенштейномъ, въ его сраженіяхъ съ Удино и съ Баварцами.

Вотъ каковы, графъ, подробности этого въ сущности удачнаго дѣла, но очень несчастнаго по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ, не считая гибели магазиновъ, которые мы сами всюду уничтожали, жестокій врагъ оставляетъ всюду послѣ себя разрушеніе и запустѣніе. Нравственное впечатлѣніе, производимое всѣмъ этимъ, какъ внутри Имперіи, такъ и за рубежомъ, необходимо изгладить многими кровавыми побѣдами, исходъ которыхъ далеко еще не извѣстенъ. Какъ убѣдить Европу, что мы побѣждаемъ, когда Бонапартъ, взятіемъ Смоленска и всей мѣстности до самой Москвы, имѣетъ въ рукахъ очевидное, хотя и невѣрное, доказательство противнаго? Въ настоящую пору изобилія всѣхъ жизненныхъ припасовъ, они всѣ въ его власти, а позади у него Польша, сильно укрѣпляющаяся, чтобъ причинить намъ возможно больше вреда, предупредить который было бы много легче, чѣмъ уничтожить. Никто не сомнѣвается въ томъ, что Кутузовъ оставитъ этотъ Нѣмецкій образъ дѣйствій, придуманный Пруссаками и перенятый Австрійцами, основанный на осторожности и военной выправкѣ, и совершенно чуждый нашимъ войскамъ, которыя привыкли, послѣ побѣдъ, двигаться впередъ, а не со стыдомъ отступать, при сознаніи, что они того не заслужили. Этотъ недостойный образъ дѣйствій обойдется намъ дорого, такъ какъ Бонапартъ укрѣпляетъ Смоленскъ и всѣ сколько нибудь удобныя для защиты мѣста. При славномъ воспоминаніи о полуторогодовой защитѣ Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, сердца всѣхъ въ настоящую минуту обливаются кровью. Впрочемъ, всѣ увѣрены, что Бонапарту погибнуть въ борьбѣ съ нами, и войско наше жаждетъ, какъ можно скорѣе, доказать ему это. Бонапартъ, познакомившись уже со стойкостью Русскаго солдата, порядкомъ побаивается его. Но, чтобъ пресѣчь гидру революціи и дальнѣйшіе успѣхи этого звѣря-Бонапарта, у насъ, боюсь, не достанетъ средствъ, и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ вынуждены заключить какой бы то ни было миръ, если только Англія не рѣшится на жертвы, доселѣ ей незнакомыя, т. е., если не дастъ намъ чѣмъ пополнить неизбѣжный недочетъ нашего казначейства отъ такого Тевтонскаго способа веденія войны, черезъ который мы потеряемъ треть, если не половину, дохо-

Библиотека "Руниверс"

довъ государства. Петръ I, хотя и велъ подобную войну, но не доходилъ до такихъ предѣловъ; да при томъ у него не было ни копѣйки долга, и по его кончинѣ нашли еще много туго набитыхъ сундуковъ. Безполезны, впрочемъ, всякія сравненія между людьми и обстоятельствами, ибо вѣкъ Петра былъ совсѣмъ иной, чѣмъ нашъ; но, при видѣ того что творится, невольно обращаешься къ болѣе отдаленному времени, къ IV-му вѣку, хотя для Бонапарта слишкомъ велика честь уподоблять его Аттилѣ, котораго онъ превзошелъ въ варварствѣ; скорѣе это—новый Батый, столь же слѣпой и отчаянный, какъ и жестокій.

Баронъ Николаи доставитъ вашему сіятельству донесеніе о новыхъ побѣдахъ храбраго графа Витгенштейна. Его способъ веденія дѣлъ, его непобѣдимая отвага и разумныя распоряженія достойны признательнаго удивленія всей Россіи. Послѣднія о немъ извѣстія гласятъ, что при новомъ дѣлѣ убитъ Баварскій генералъ Вреде, и непріятель прогнанъ за Двину. Отсутствіе Государя причиняетъ промедленія въ обнародованіи такихъ славныхъ для нашего оружія успѣховъ. По той же причинѣ еще не обнародовано пораженіе Тормасовымъ, въ Поддубьѣ, Саксонцевъ и Австрійцевъ, подъ предводительствомъ Ренье и Шварценберга. Мѣстечко это должно быть въ Минской губ. Не поздоровится, полагаю, Бонапарту отъ такого пораженія въ тылу его арміи! Говорятъ положительно, что разгромъ былъ полный и что множество плѣнныхъ. Генералъ Левизъ, изъ корпуса Эссена въ Ригѣ, тоже разбилъ одинъ Прусскій корпусъ, шедшій къ корпусу Макдональда. Подробности и объ этомъ еще неизвѣстны.

Новосильцевъ, Вильсонъ и всѣ прибывающіе изъ арміи согласны въ томъ, что Бонапартъ двигается скорѣе очертя голову, чѣмъ по зрѣло обдуманному намѣренію. Онъ шествуетъ, какъ человѣкъ, влекомый рокомъ, и, кажется, расчитываетъ больше на наши промахи, чѣмъ на дѣйствительныя силы идущей за нимъ толпы. Дай Господи, чтобъ наши ошибки пошли, по крайней мѣрѣ, ему во вредъ; а ихъ такое несмѣтное число, и онѣ такого рода, что онъ не могъ на нихъ расчитывать, не смотря на всѣхъ лазутчиковъ, а можетъ, даже, и измѣнниковъ. Возвратившіеся изъ арміи подняли здѣсь духъ, приходившій въ уныніе отъ всего творящагося, такъ какъ никто не зналъ, чѣмъ это объяснить. Общественное мнѣніе считаетъ Новосильцева кандидатомъ на мѣсто посла въ Лондонѣ. Я уже называлъ вашему сіятельству трехъ другихъ, которыхъ прочили туда же. Я буду очень радъ, если назначатъ Новосильцева, какъ самаго пріятнаго человѣка для Англичанъ, кто бы ни управлялъ ихъ министерствомъ иностран-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ дѣлъ: Каннингъ или кто другой. Здѣшніе Англичане тоже за Новосильцева. Неизвѣстно, на комъ остановятся въ выборѣ посла. Р., какъ я полагаю, не за Новосильцева; но, конечно, если Государь назначитъ его, то Р. тотчасъ же будетъ въ восторгѣ, на седьмомъ небѣ.

Баронъ Николаи сообщаетъ мнѣ, что ему велѣно готовиться къ отъѣзду въ Лондонъ. Назначеніе это меня очень радуетъ, какъ за самаго барона, такъ и за ваше сіятельство, а равно и за Новосильцева, если онъ будетъ тамъ посломъ. Можетъ быть, настоящее письмо, отправляемое мною еще къ барону [1]), найдетъ его уже въ Лондонѣ. Я посылаю его уже на имя того лица въ посольствѣ, на котораго онъ мнѣ особенно указывалъ.

*

С. Петербургъ, 28 Августа 1812.

Третьяго дня, во время моего доклада у Государыни, я не преминулъ прочесть Ея Величеству то мѣсто изъ вашего ко мнѣ письма, въ которомъ вы выражаете глубочайшую признательность за ея милостивое памятованіе о васъ. Императрица слушала меня съ большимъ вниманіемъ и прервала на слѣдующихъ словахъ: „это, дѣйствительно, чрезвычайная милость Ея Величества, что она вспоминаетъ меня“, сказавши: „такъ естественно помнить о человѣкѣ, который вселяетъ въ себѣ уваженіе съ перваго вида и котораго я очень желаю снова увидѣть“ [2]). Это подлинныя слова Ея Величества; смѣю увѣрить, что слова эти искренни, такъ какъ Государыня говоритъ только то, что̀ дѣйствительно чувствуетъ ея сердце.

Лордъ Каткартъ принялъ меня чрезвычайно любезно, и я несказанно благодаренъ вашему сіятельству за столь лестное для меня знакомство. Узнавъ отъ Вильсона, что лордъ Каткартъ хочетъ передать мнѣ письма въ собственныя руки, я хотѣлъ предупредить его посѣщеніе и поѣхалъ къ нему вчера; но оказалось, что онъ уже наканунѣ былъ у меня въ городѣ, но писемъ не оставилъ. Мнѣ было очень пріятно получить ихъ отъ него лично.

Онъ обѣщалъ мнѣ отправлять мои письма къ вамъ, каждый разъ, какъ будетъ на то оказія. Вчера онъ былъ у Государя во дворцѣ. Я увѣренъ, что ему здѣсь повезетъ при его чудной репутаціи и по

[1]) Т. е. въ Данію.

[2]) Покойный графъ А. О. Ростопчинъ, видавшій графа Семена Романовича въ 1819 году въ Парижѣ, куда тотъ пріѣзжалъ на свадьбу сына своего, говорилъ намъ, что, когда появлялся престарѣлый графъ, всѣмъ становилось какъ-то пріятно.

Библиотека "Руниверс"

знакомству его съ дѣлами и людьми. Онъ сказалъ мнѣ, что отлично справляется съ нашимъ языкомъ.

Кавалеръ Безерра получилъ приказъ изъ Бразиліи вернуться въ Ріо-Жансйро. Очень жаль, что мы лишаемся въ немъ такого достойнаго и нравственнаго человѣка.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ, тотъ самый кн. Горчаковъ, котораго вы изволили знать въ Финляндіи. Онъ далеко не геній, но извѣстенъ, какъ отличный военный еще съ Суворовскихъ походовъ, какъ человѣкъ съ правилами и патріотъ.

*

Получено въ Лондонѣ 7-го Октября н. ст. 1812 г.
С. Петербургъ, 30-го Августа 1812.

Сегодня, въ 9 ч. утра, я отправился въ Каменноостровскій дворецъ, передъ съѣздомъ придворныхъ, для принесенія поздравленія Ея Величеству, по случаю тезоименитства Государя Императора. Почти вслѣдъ за мной, прискакалъ курьеръ отъ Кутузова съ извѣстіемъ о пораженіи всей непріятельской арміи 26-го сего Августа, при ея атакѣ на нашу позицію въ *Бородинѣ*, отстоящемъ отъ *Можайска*, къ Москвѣ, въ 12-ти в. Какъ только ушелъ Государь, Императрица соизволила призвать меня къ себѣ и сообщила эту радостную вѣсть, присовокупивъ, что въ этомъ сраженіи ни единый изъ нашихъ генераловъ не былъ убитъ, но что въ числѣ раненыхъ значится графъ Михаилъ. Ея Величество поручила мнѣ успокоить васъ отъ ея имени, такъ какъ въ рапортѣ князя Кутузова точно сказано: „*легко раненъ*“ и, что онъ до конца оставался на полѣ битвы, несмотря на то, что сраженіе кончилось въ 10 ч. вечера. Въ Александро-Невской Лаврѣ былъ отслуженъ молебенъ по этому поводу, и я думаю, никогда еще Лавра не праздновала такъ радостно своего праздника. Въ донесеніи князя Кутузова, прочитанномъ въ церкви, упомянуто о тяжкихъ ранахъ князя Багратіона, генералъ-лейтенанта Тучкова и генералъ-маіора Бахметева; первый изъ нихъ раненъ въ ногу. Въ числѣ легко раненыхъ названы генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ, братъ исправляющаго должность военнаго министра, и три генералъ-маіора: графъ Михаилъ, Кретовъ и другой еще Бахметевъ. Лордъ Каткартъ, котораго я видѣлъ въ церкви, сообщилъ мнѣ, что онъ сегодня вечеромъ посылаетъ курьера въ Лондонъ, чѣмъ я пользуюсь для отправленія къ вамъ настоящаго письма, чтобъ успокоить васъ.

Библиотека "Руниверс"

Мои свѣдѣнія о графѣ Михаилѣ вполнѣ достовѣрны по источнику, изъ котораго я ихъ получилъ; а до васъ могли бы дойти менѣе вѣрныя извѣстія отъ лицъ плохо освѣдомленныхъ, или не хорошо разслышавшихъ чтеніе донесенія Кутузова въ Лаврѣ, куда собиралась, со всѣхъ концовъ города, несмѣтная толпа людей.

Императрица, сообщая мнѣ о ранѣ графа Михаила, изволила прибавить: „когда графъ Воронцовъ узнаетъ, что сынъ его раненъ, онъ возблагодаритъ Господа, приведшаго его сына пролить кровь за отечество, безъ особеннаго вреда для его здоровья“. Подробностей о Бородинской битвѣ еще не получено, такъ какъ князь Кутузовъ отправилъ своего курьера тотчасъ по окончаніи битвы, въ ночь съ 26 на 27-ое[1]).

Я справлялся у князя Горчакова, нѣтъ ли мнѣ писемъ отъ графа Михаила, но онъ увѣрилъ меня, что, кромѣ трехъ донесеній Кутузова, не было ни одного частнаго письма; но обѣщалъ, если таковыя будутъ, тотчасъ доставить ихъ мнѣ; я же не замедлю переслать ихъ вашему сіятельству. Графъ Михаилъ участвовалъ въ дѣлѣ 24-го Августа, самомъ блестящемъ, но и самомъ кровопролитномъ, и вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, покрытый славою. Непріятель атаковалъ нашъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ двухъ дивизій, одна изъ которыхъ была дивизія графа Михаила. Атаку отбили, и непріятель потерялъ 16 тыс. ранеными и убитыми! 26-го онъ повелъ атаку по всей нашей линіи, но, точно также потерпѣлъ неудачу и былъ преслѣдуемъ.

P. S. Я вскрываю письмо, чтобъ добавить, что княгиня Голицына, рожденная Измайлова, особа во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшая и очень расположенная къ графу Михаилу и ко мнѣ[2]), прислала мнѣ письмо флигель-адъютанта Орлова, отъ 25-го числа, въ которомъ я прочелъ слѣдующее: „Вчера 24-го я былъ свидѣтелемъ (скорѣе зрителемъ, какъ не состоявшій ни при чемъ) геройской битвы 15 т. нашихъ съ 40 т. Французовъ, атаковавшихъ насъ съ лѣваго фланга и совершенно разбитыхъ нами. 8 пушекъ, 4 орла, 2 знамя и 4 т. плѣнныхъ, вотъ трофеи этого сраженія, въ которомъ первыми героями выказали себя графъ Воронцовъ и графъ Сенъ-При. Оба здоровы и очень вамъ кланяются; я только что отъ нихъ и, зная какъ они вамъ дороги, тотчасъ же пишу вамъ о нихъ“.

[1]) Донесеніе свое князь Кутузовъ продиктовалъ Александру Ивановичу Казначееву, который сказывалъ мнѣ, что писать пришлось ему на барабанѣ, стоя на колѣняхъ.

[2]) Княгиня Евдокія Ивановна, извѣстная позднѣе подъ прозвищемъ *Княгини Ночной*. (Princesse Nocturne).

Библиотека "Руниверс"

Прилагаю при семъ послѣднія напечатанныя донесенія. Ими завершается славное поприще Барклая-де-Толли, который, какъ я узналъ, проситъ въ полную отставку и не состоитъ уже военнымъ министромъ. Между этими донесеніями есть Кутузовское, въ которомъ онъ говоритъ о размѣщеніи своего лѣваго фланга, на который и ожидалъ нападенія. Дѣло 24-го Августа доказываетъ, что его опасенія оправдались: 26-го числа непріятель повторилъ атаку на лѣвый флангъ и одновременно напалъ и на правый. Отражая эти фланговыя атаки, Кутузовъ нападалъ и на центръ непріятеля. Бойня превосходитъ всякое описаніе; завтра получимъ подробности. Мы преслѣдовали непріятеля ночью за 4 в., послѣ чего побѣдоносная армія вернулась на свое прежнее мѣсто. Кутузовъ добавляетъ, что если Бонапартъ не атакуетъ его завтра, онъ намѣренъ самъ перейдти въ наступленіе.

Сегодня Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы; кромѣ того онъ получилъ 100 т. наградныхъ, а жена его портретъ. Каждый солдатъ получитъ по 3 р.; остальныя награды не замедлятъ быть объявлены, и мнѣ будетъ очень пріятно поздравить васъ съ полученною графомъ Михаиломъ. А пока я благословляю Провидѣніе, сохранившее намъ его въ ужасный день 26 Августа. Объ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего напечатаннаго.

*

С. Петербургъ, 31 Августа 1812 г.

Сегодня вечеромъ меня чрезвычайно обрадовалъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ фельдегеръ Березовскій, состоявшій при Багратіонѣ и пріѣхавшій изъ арміи. Онъ передалъ мнѣ два письма отъ графа Михаила, при семъ мною прилагаемыя. Очень былъ я радъ повидать этого стараго нашего, съ графомъ Михаиломъ, пріятеля, и разспросить его о вашемъ поистинѣ героѣ-сынѣ. Въ одномъ изъ его писемъ ваше сіятельство найдете его собственное подтвержденіе на счетъ писаннаго вамъ мною объ его неопасной, хотя и тяжелой, ранѣ. Березовскій клятвенно увѣрилъ меня, что онъ видѣлъ графа Михаила въ Можайскѣ, 27 числа, и что онъ провелъ ночь спокойно. Въ то время, какъ фельдъегеръ откланивался Багратіону передъ своимъ отъѣздомъ сюда, графъ Михаилъ поѣхалъ въ Москву. Я очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ: въ Москвѣ ему будетъ удобнѣе залечить свою славную рану. Скромность графа невѣроятна, даже въ описаніи этого славнаго дѣла, гдѣ его дивизія была атакована первою. Въ этотъ отнынѣ памятный бой графъ Михаилъ вошелъ первымъ, а вышелъ послѣднимъ. Сраженіе при Эйлау его слабое подобіе. Началось сраженіе 24-го, продолжалось 25-го канонадою и нѣсколькими частичными боями, а кончилось только

Библиотека "Руниверс"

26-го, около 10-ти ч. вечера. Графъ Михаилъ былъ раненъ между 7—8 ч. вечера. Почти вся его доблестная дивизія уничтожена. Онъ оплакиваетъ ее, называя ее *„покойница моя дивизія“*. Много, много если изъ нея уцѣлѣла сотня людей; всѣ остальные перебиты. Раненыхъ въ ней было очень немного, такъ какъ она все время то отбивала, то брала непріятельскія и свои батареи. Всѣ оберъ-офицеры его дивизіи были убиты, и когда онъ самъ былъ раненъ, ему пришлось попросить въ другомъ корпусѣ о присылкѣ полковника, для командованія надъ горстью его гренадеровъ, въ случаѣ, что рана заставитъ его ихъ покинуть. Ему откомандировали полковника Ахтé, котораго онъ именно и желалъ (Его полкъ состоялъ въ корпусѣ Раевскаго и соприкасался съ гренадерами графа Михаила). Въ настоящую минуту изъ всего этого полка осталось не болѣе 200 ч. Онъ отбилъ у непріятеля два знамени. Командиръ этого полка, полковникъ Богдановскій, опасно раненъ; всѣ батальонные командиры перебиты; большая часть офицеровъ ранена, и, подъ конецъ сраженія полкомъ командовалъ штабсъ-капитанъ адъютантъ графа Михаила, Соколовскій, (онъ прозвалъ его неустрашимымъ); онъ былъ убитъ ядромъ возлѣ него, точно также, какъ и бывшій деньщикъ покойнаго Бальмена, взятый графомъ въ память друга, за его честность, и который ни на шагъ не оставлялъ графа, во все время этого ужаснаго дня. Изъ всей 30 т. арміи Багратіона осталось, приблизительно, 8 т. человѣкъ. Вы можете судить по этому, до чего велико было ожесточеніе и какая шла рѣзня. Французы, всѣ эти три дня, были мертвецки пьяны и дрались отчаянно. На другой день они отошли на 11 верстъ, и Платовъ преслѣдовалъ ихъ съ большимъ отрядомъ конницы. Такъ обстояли дѣла при отъѣздѣ фельдегеря. На 28-ое ожидали завершенія этого страшнаго боя.

Нѣкоторая часть Московскаго ополченія участвовала въ немъ и выказала чудеса храбрости. Въ ночь подошла еще часть ополченія, для зарытія тѣлъ убитыхъ. По словамъ Французскихъ плѣнныхъ, ихъ потерю можно считать въ 60 тыс. человѣкъ, а наша, какъ говоритъ фельдъегеръ, тыс. въ 30. Всѣхъ подробностей еще не знаютъ; но, говорятъ, что отбито 30 пушекъ, изъ которыхъ арміей Багратіона 16. Число попавшихъ въ плѣнъ точно не установлено; одинъ бригадный генералъ Бонамѝ, въ числѣ ихъ. Къ числу убитыхъ, съ нашей стороны, нужно еще прибавить графа Кутайсова, одного изъ лучшихъ нашихъ артиллеристовъ. Принцъ Мекленбургскій раненъ пулей, а графъ Сенъ-При сильно контуженъ. У князя Багратіона раздроблена нога, и хотя думаютъ, что дѣло обойдется безъ отнятія ея, все же ранѣе двухъ мѣсяцевъ ему не поправиться. Генералъ Тучковъ раненъ

Библиотека "Руниверс"

пулею въ бокъ, на вылетъ. Кретовъ тоже раненъ незначительно, но сохранилъ свою обычную веселость. Вильсонъ сообщилъ мнѣ сегодня, что онъ вамъ писалъ о томъ, что графъ Михаилъ раненъ въ руку. Оказывлется, онъ спуталъ то, что̀ князь Горчаковъ ему говорилъ о своемъ братѣ, генералъ-лейтенантѣ, которому ранило руку разорвавшейся бомбою, и поэтому очень просилъ меня извиниться за него передъ вами. Я заходилъ къ князю Горчакову, надѣясь, что онъ мнѣ сообщитъ офиціальное донесеніе князя Кутузова; но Государь держитъ еще его у себя. Тотчасъ по полученіи писемъ къ вамъ и подробностей о послѣднемъ дѣлѣ, я поѣхалъ къ лорду Каткарту, чтобъ узнать, отправленъ-ли уже его курьеръ. Знавъ, что онъ выѣдетъ только завтра утромъ, въ 9 ч., пользуюсь этого ночью, чтобъ сообщить вамъ, все что̀ я узналъ, съ такимъ расчетомъ, что мое настоящее письмо къ вамъ застанетъ еще курьера здѣсь. Возблагодаримъ Создателя, сохранившаго намъ графа Михаила, одного изъ первыхъ и главныхъ спасителей отечества, честью и славой котораго онъ не замедлитъ сдѣлаться. Это общее о немъ мнѣніе, и онъ уже доказалъ, какъ оно справедливо.

*

С.-Петербургъ, 4 Сентября 1812 г.

Прилагаемое при семъ письмо я получилъ черезъ Москву, съ эстафетой Александра Львовича Нарышкина, старшій сынъ котораго, капитанъ въ гусарскомъ Изюмскомъ полку, также былъ легко раненъ въ голову ружейнымъ выстрѣломъ. Вы изволите увидѣть, что это именно то письмо, о которомъ упоминаетъ графъ Михаилъ въ копіи, посланной мною вашему сіятельству 31-го Августа. съ курьеромъ лорда Каткарта. Надѣюсь, вы вполнѣ убѣдитесь, что рана графа Михаила не опасна. Ея Величество, въ самый день моего послѣдняго къ вамъ письма, изволила писать графинѣ Строгановой, чтобъ успокоить меня на его счетъ, а черезъ меня васъ. Она принимаетъ самое живое участіе въ вашемъ, графъ, сынѣ. Когда я, затѣмъ, имѣлъ счастье быть у нея, она пожелала видѣть его письма, которыя я и счелъ долгомъ показать ей. Князь Багратіонъ не говоритъ иначе о немъ, какъ героѣ, и дѣйствительно, никто болѣе его не достоинъ этого. Жду теперь о немъ извѣстій уже изъ Москвы. Курьеръ сказалъ мнѣ, что графъ Михаилъ беретъ съ собой много раненыхъ офицеровъ, которымъ тамъ будетъ легче имѣть необходимый уходъ. Домъ вашего сіятельства обращенъ вѣроятно въ госпиталь, и эта черта человѣколюбія вашего сына дѣлаетъ ему не менѣе чести, чѣмъ его славные подвиги на полѣ брани для спасенія отечества. Подробностей о жестокой битвѣ 26-го еще нѣтъ. Прибывающіе изъ Москвы увѣряютъ, что на другой день сраженія однихъ нашихъ погребено 15,000; кромѣ того, еще могутъ найти

Библиотека "Руниверс"

много убитыхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бородина, гдѣ наши отряды бились одновременно съ центромъ арміи. Изъ писемъ частныхъ лицъ явствуетъ, что двѣ трети нашихъ генераловъ ранены. Помимо поименованныхъ уже мною, называютъ ген.-лейт. графа Остермана. Толстого, князя Бориса Голицына, брата графини Строгановой, Коновницына, ген.-маіора Тучкова, младшаго изъ трехъ братьевъ, Васильчикова и еще нѣкоторыхъ, которыхъ здѣсь не знаютъ. Много извѣстныхъ молодыхъ офицеровъ убито или ранено. Боишься спрашивать о друзьяхъ и знакомыхъ, чтобъ не услышать рокового извѣстія. Въ числѣ убитыхъ Валуевъ, котораго вы знали въ Лондонѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Остермана. Изъ гвардіи, участвовало въ бою по батальону отъ каждаго полка, а Финляндскій полкъ и Егерскій въ полномъ составѣ, какъ равно и гвардейская кавалерія. Въ этомъ великолѣпномъ корпусѣ страшно много перебито. Увѣряютъ, что Бонапартъ, снявшись съ своей позиціи, на которую онъ 29-го числа вернулся послѣ сраженія, отошелъ на 30 в. Князь Кутузовъ, объясняя себѣ это отступленіе выжиданіемъ Бонапарта подкрѣпленій, рѣшилъ сдѣлать тоже и отошелъ, въ тотъ же день, на 19 верстъ, какъ для соединенія съ шедшими корпусами изъ Москвы, Костромы, Владимира и т. д., подъ начальствомъ князя Лобанова, такъ и для того, чтобъ занять позицію менѣе извѣстную непріятелю, чѣмъ только что оставленная. Вильсонъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ проведетъ одинъ день у графа Михаила. Онъ просилъ меня повторить вамъ его просьбу, лично переданную имъ вамъ, о содѣйствіи къ скорѣйшей доставкѣ сюда возможно большаго числа оружія. Оно намъ необходимо, но въ людяхъ мы не терпимъ недостатка. Вильсонъ былъ здѣсь принятъ съ полнымъ почетомъ: ему дали гвардейскаго офицера, говорящаго по англійски, и фельдшера для сопровожденія его въ пути, чего еще никогда не дѣлали для иностранца.

*

С.-Петербургъ, 7 Сентября 1812 г.

Спѣшу отправить вашему сіятельству письмо отъ графа Михаила, полученное мною изъ Москвы. Въ немъ вы найдете утѣшительныя вѣсти на счетъ его раны и успокоитесь, узнавши, что при немъ чудный хирургъ Ивановъ. Графъ Михаилъ отлично сдѣлалъ, что перебрался въ Андреевское изъ Москвы, которая теперь въ ужасномъ смятеніи, гдѣ все и вся готовится къ отчаянной защитѣ на случай несчастія съ нашей арміей, что, конечно, скорѣе мѣра предупредительная, по невозможности допустить, чтобъ нашъ смертельный врагъ смогъ когда либо проникнуть въ Москву. Древнюю столицу нашу защищаютъ не Вѣнцы, а народъ, духъ котораго не дастъ себя покорить. Трогательное зрѣлище всѣ эти крестьяне, изъ подъ Смоленска и Москвы, рас-

Библиотека "Руниверс"

положившіеся бивуакомъ подъ стѣнами Кремля, вооруженные топорами, косами, лопатами, кольями, ружьями и кричащіе: „мы побросали наши деревни и избы, чтобъ спасать Матушку-Москву; дайте намъ оружіе, ведите насъ на супостата; только черезъ наши трупы ему проникнуть въ нее“. И возможно-ли, спрашиваю я, завладѣть Москвой? Императрица, передавая мнѣ объ этой изумительной преданности народа, плакала отъ радости и волненія и находила, что, кромѣ Русскихъ никто, даже Испанцы, не подаютъ такого дружнаго примѣра любви къ отечеству, порядку и повиновенію. Московское и Смоленское ополченія отличались въ битвѣ 26-го. Когда у нихъ не было ружей, они шли на врага съ кулаками и валили его руками. Бонапартъ такъ же отчаивается, вѣрно, какъ и бѣсится, что такъ ошибся въ своихъ расчетахъ, и что пропасть, въ коей ему суждено погибнуть, уже разверзлась передъ его ногами. Но возвратиться ему нельзя: слишкомъ уже далеко онъ зашелъ и, какъ видно, онъ рѣшилъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, оставаясь у насъ. Говорятъ, что въ своемъ приказѣ онъ объявилъ: „Французы! Вы сразились и покрыли себя позоромъ и безчестіемъ, которые должны смыть кровью Русскою“. Послѣдній курьеръ отъ князя Кутузова былъ 1-го Сентября; по этому молчанію заключаютъ, что въ арміи творится что-то ужасное. Въ настоящую минуту, можетъ быть, рѣшена судьба этой борьбы! Пошли Господи Европѣ и всему міру возвратиться къ покою и безмятежному житію, коихъ мы лишены ужъ четверть вѣка. Говорятъ и вѣрятъ, не знаю на какихъ основаніяхъ, что Кутузовъ отошелъ къ Воскресенску, чтобъ занять болѣе выгодное мѣсто и присоединиться къ князю Лобанову, вѣроятно уже подошедшему туда съ большимъ ополченіемъ. Если даже непріятель и войдетъ въ Москву, то она будетъ ему могилой. Графъ Растопчинъ отлично исполняетъ свой долгъ и поднимаетъ духъ населенія съ большимъ успѣхомъ. Онъ началъ съ того, что арестовалъ главныхъ Мартинистовъ, замѣшанныхъ въ распространеніи гнусной прокламаціи о свободѣ, составленной однимъ Мартинистомъ и гражданскимъ чиновникомъ, но не произведшей никакого впечатлѣнія. Я увѣренъ, что никогда Русскій народъ не приметъ свободы изъ рукъ этого чудовища, опустошающаго вселенную.

Посломъ въ Лондонъ назначенъ графъ Ливенъ; онъ тотчасъ же и отправится туда.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо графа М. С. Воронцова къ его родителю.

Андреевское, 11-ое Сентября 1812 г.

Третьяго дня я посылалъ въ Покровъ, и мой посланный только на полчаса не засталъ тамъ Вильсона, проѣзжавшаго изъ Петербурга въ армію. Я увѣренъ, что еслибъ онъ его увидѣлъ, то Вильсонъ заѣхалъ бы ко мнѣ, а я такъ былъ бы радъ его повидать и узнать отъ него, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, такъ какъ здѣсь всѣ наши знакомства не идутъ дальше ста или полутораста верстъ. Къ великому нашему сожалѣнію, вчера получена плохія вѣсти о князѣ Багратіонѣ. Онъ въ 70-ти верстахъ отъ насъ, въ Симѣ, имѣніи князя Голицына, по дорогѣ между Владимиромъ и Ярославлемъ. Раненъ князь въ ногу, съ раздробленіемъ кости, и жестоко страдаетъ. Что̀ до моей раны, дорогой батюшка, она пустячная; я хожу на костыляхъ и могу уже немного опираться на раненое лѣвое бедро. Ночь съ 25-го на 26-ое Августа, проведенная нами на бивуакахъ, была очень холодная, и я былъ тепло одѣтъ; по счастью, шинель моя сбилась именно на томъ мѣстѣ, въ которое попала пуля, что̀ и смягчило ударъ.

Я посылаю это письмо въ Владиміръ на почту; кажется, она теперь ходитъ на Ярославль. Прощайте, дорогой батюшка, поцѣлуйте, пожалуйста за меня Катеньку*) и кланяйтесь всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Всѣ эти дни я до вечера работалъ, отбирая изъ множества находящихся здѣсь бумагъ тѣ, которыхъ, по ихъ значенію, жалко было бы лишиться, въ случаѣ какой опасности здѣсь. Я ихъ возьму тогда съ собою.

*

С.-Петербургъ, 13 Сентября 1812 г.

Татищевъ только что получилъ назначеніе посломъ при Испанской юнтѣ и собирается скоро выѣхать. Онъ радуется при одной мысли повидать ваше сіятельство въ Лондонѣ. Указа еще нѣтъ; но это все равно, какъ бы онъ уже былъ, такъ какъ Государь третьяго дня повелѣлъ объявить ему объ его назначеніи. Онъ намѣренъ взять Полетику секретаремъ, на что̀, конечно, послѣдній охотно согласится, такъ

*) Т. е. леди Пемброкъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ служить съ такимъ человѣкомъ очень лестно. Баронъ Строгановъ[1]) назначенъ въ Швецію, а въ Сицилію прочатъ графа Мусина-Пушкина-Брюса. Графъ Михаилъ и я въ большой дружбѣ съ этимъ достойнѣйшимъ человѣкомъ.

Въ Лондонъ можно было бы безъ сомнѣнія назначить кого нибудь лучше Ливена; но все же это назначеніе не такъ ужъ плохо. Вашему сіятельству будетъ легче узнать его; я же знаю его только по отзывамъ, которые слышу о немъ. При немъ будетъ маркизъ Мезонфоръ, извѣстный вашему сіятельству. Мы съ графомъ Михаиломъ были съ нимъ здѣсь очень хорошо знакомы. Онъ изъ давнихъ эмигрантовъ и назначенъ самимъ Государемъ сопровождать Ливена, вѣроятно, въ предвидѣніи употребить его со временемъ во Франціи, если дѣло дойдетъ до того, какъ нужно надѣяться.

Полетика передалъ письмо госпожи В. Бутль графинѣ Строгановой, такъ какъ меня тогда не было дома. Письмо это дошло до своего высокаго назначенія, какъ мнѣ это соизволила сообщить Императрица. Ея Величество постоянно спрашиваетъ у меня про рану графа Михаила и интересуется всѣмъ до него касающимся. Она соизволила поручить мнѣ сказать графу, что если ему, или его раненымъ товарищамъ что нибудь нужно, чтобъ онъ написалъ объ этомъ мнѣ, и что она будетъ очень рада быть ему полезною.

*

С.-Петербургъ, 21 Сентября 1812 г.

Пріѣхавшій сюда пять дней тому назадъ курьеръ отъ князя Багратіона сообщилъ слѣдующія вѣсти. По его устройствѣ въ Симѣ, имѣніи кн. Бориса Андреевича[2]) Голицына, въ 50-ти в. приблизительно, отъ Андреевскаго, его навѣстилъ тамъ гр. Сенъ-При, сопровождавшій графа Михаила въ Андреевское. Онъ сообщилъ кн. Б., что графу значительно лучше, и что черезъ недѣлю онъ расчитываетъ совсѣмъ уже поправиться отъ своей раны. Самъ графъ Сенъ-При, получившій контузію въ грудь, чувствуетъ себя почти совсѣмъ хорошо. Объ отправкѣ отъ князя .Багратіона курьера гр. Михаилъ ничего не зналъ, а графъ Сенъ-При пріѣхалъ въ Симу въ самый день этой отправки. Я счелъ долгомъ сообщить вашему сіятельству все что̀ слышалъ отъ этого курьера и что считаю вполнѣ достовѣрнымъ, и надѣюсь, что, въ настоящее время,

---

[1]) Григорій Александровичъ, получившій графство лишь въ коронацію Николая Павловича.

[2]) Перепутано. Надо: Андрея Борисовича.

Библиотека "Руниверс"

вашъ драгоцѣнный сынъ вполнѣ здоровъ. Такъ досадно, что наши почты такъ разстроились, что мы не получаемъ писемъ изъ Москвы и изъ мѣстностей за нею. Только сегодня объявленъ указъ объ положеніи новыхъ трактовъ для почтовыхъ сообщеній Москвы съ Югомъ; но пока еще все это наладится, съ трудомъ можно будетъ знать что происходитъ подъ Москвой. Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ племянницы вашей, бѣдной графини Бальмэнъ, находящейся въ Вологдѣ съ теткой своей гр. Евдокіей Воронцовой. Въ письмѣ своемъ она говоритъ, что графъ Михаилъ писалъ ей 31-го Августа изъ Москвы, за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда въ Андреевское, и давалъ ей самыя успокоительныя извѣстія о своей ранѣ. Молодой Нарышкинъ, братъ графини Бальмэнъ, состоявшій при немъ адъютантомъ, подтвердилъ ей эти добрыя вѣсти. Надѣюсь, что, послѣ всего сообщаемаго мною, ваше сіятельство успокоитесь вполнѣ на счетъ графа Михаила. Надѣюсь на скорую возможность успокоить васъ собственноручными его увѣреніями о томъ же.

Извѣстія изъ арміи идутъ такими дальними, обходными путями, что курьеры прибываютъ сюда только на десятый день. Дороги ужасны, и повсюду недостатокъ въ лошадяхъ: такъ мало были подготовлены къ необыкновеннымъ событіямъ, переживаемымъ нами въ настоящее время. Сегодня утромъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, о которомъ, впрочемъ здѣсь знали уже три дня тому назадъ, о нашей побѣдѣ надъ непріятельскимъ авангардомъ, подъ начальствомъ Мюрата, по дорогѣ въ Коломну или Бронницы 7 или 8 сего мѣсяца, корпусомъ Баговута и кавалерійской дивизіей Уварова. Потерю непріятеля считаютъ въ 4000 убитыхъ и раненыхъ, 2000 плѣнныхъ и 5 пушекъ, доставшихся намъ. Донесеніе князя Кутузова помѣчено Красной Пахрой, недалеко отъ г. Подольска. Лѣвое крыло нашей арміи прикрывало дорогу на Калугу, правое—на Рязань, а центръ на Тулу, съ отрядами, кромѣ того, въ разныя стороны. Командиръ Изюмскихъ гусаръ, генералъ-маіоръ Дороховъ, былъ на Смоленской дорогѣ съ большимъ отрядомъ кавалеріи и доходилъ съ своими аванпостами до барона Винценгероде, прикрывающаго дороги на Тверь, Волоколамскъ и Дмитровъ.

Самое трудное проникнуть въ намѣренія непріятеля, у котораго такъ много различныхъ дорогъ для движенія изъ Москвы вглубь государства; но главное и наиболѣе чувствительное зло для него начинаетъ выражаться въ препятствіяхъ, устроенныхъ ему по Смоленской дорогѣ, гдѣ онъ легко можетъ утерять сообщеніе съ своими силами по ту сторону Двины. Кажется, удастся совершенно закрыть для него эту дорогу.

Библиотека "Руниверс"

Посылаю вашему сіятельству появившіеся печатные листки о нашихъ дѣйствіяхъ. Если успѣютъ напечатать подробности дѣла съ Мюратомъ до отъѣзда курьера, я вамъ ихъ тоже отошлю. Ваше сіятельство увидите, что мы заняли Митаву. Не сомнѣваются, что черезъ нѣсколько дней вся Курляндія будетъ очищена. Говорятъ, будто получено извѣстіе о встрѣчѣ Чичагова съ Тормасовымъ. Корпусъ въ 26.000 людей, бывшихъ въ Мозырѣ, теперь въ Пинскѣ и вскорѣ долженъ составить правое крыло этой соединенной арміи. Но смертельный ударъ нанесется графомъ Витгенштейномъ, который въ данное время долженъ находиться на пути въ Смоленскъ, подкрѣпленный всѣмъ гарнизономъ изъ Риги; этотъ же послѣдній замѣщенъ войсками, прибывшими изъ Финляндіи. Талантъ графа Витгенштейна и неоднократные успѣхи корпуса, которымъ онъ командуетъ, заставятъ дрожать Бонапарта въ Москвѣ, которую онъ въ своей жестокой и отвратительной ярости превратилъ въ пепелъ. Все было сожжено, исключая нѣсколькихъ зданій, занятыхъ войсками. Когда я говорю „все“, это не есть преувеличеніе, потому что даже Воспитательный домъ подвергся той же участи. Завѣдующій имъ, Тутолминъ, просилъ Бонапарта взять это учрежденіе подъ свое покровительство; онъ обѣщалъ, а черезъ три дня превратилъ его въ пепелъ, оставя только одинъ флигель, куда велѣлъ перевести грудныхъ дѣтей. Швейцаръ этого учрежденія, ставшій однимъ изъ видныхъ лицъ въ Москвѣ послѣ того, какъ всѣ изъ нея бѣжали, былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ. Онъ надѣялся вселить въ насъ ужасъ и побудить къ миру, но ошибся, потому что возбудилъ ненависть и возмущеніе сильнѣе прежняго и укрѣпилъ рѣшеніе не помышлять о мирѣ, отъ котораго онъ, сидя въ Москвѣ, болѣе далекъ, чѣмъ при переходѣ черезъ Нѣманъ. Немногія церкви, уцѣлѣвшія отъ этого ужаснаго пожара, стали конюшнями, потому что онъ всюду, гдѣ проходитъ, ставитъ лошадей именно въ церквахъ. Даже Татары никогда не совершали столько и подобныхъ гнусностей. Судьба этой прекрасной и славной столицы надрываетъ сердце; но съ другой стороны онъ этимъ самъ себѣ создаетъ зло, которое скоро восчувствуетъ и подготовляетъ освобожденіе Россіи и всего міра, потому что онъ зажегъ народную войну и увидитъ что пребываніе въ Москвѣ не тоже самое, что̀ пребываніе въ Вѣнѣ или Берлинѣ. Частныя письма изъ арміи наполнены надеждами и даже убѣжденіемъ, что его могущество исчезнетъ при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ. Я видѣлъ нѣсколько подобныхъ писемъ и между прочими одно отъ Бенигсена, котораго можно считать авторитетомъ; онъ говоритъ, оплакивая разрушеніе Москвы, объ его уничтоженіи, какъ о событіи вѣрномъ и непремѣнномъ.

Библиотека "Руниверс"

Третьяго дня были огорчены извѣстіемъ о смерти графа Багратіона, происшедшей отъ раны. Это извѣстіе, полученное косвеннымъ путемъ, кажется вѣроятнымъ. Вѣроятно, что онъ откладывалъ операцію; пуля проникла въ кость правой ноги; ее не могли извлечь изъ за сильнаго воспаленія, а на ампутацію онъ ни за что не соглашался. Переносимый съ мѣста на мѣсто, при дурной погодѣ и отсутствіи покоя, онъ схватилъ лихорадку, которой не выдержалъ. Это чувствительная потеря для Россіи въ минуту, когда трудно найти людей подобныхъ Багратіону. Пока еще не публикуютъ объ этой утратѣ, дожидаясь оффиціальнаго подтвержденія; но къ сожалѣнію сомнѣваться нельзя. Всѣ искренно жалѣютъ о немъ; и дѣйствительно, не говоря о его заслугахъ, извѣстныхъ всей Европѣ, это былъ человѣкъ достойный и уважаемый.

Ваше сіятельство спрашивали, оставилъ ли графъ Бальмэнъ ребенка. Въ прошломъ году, въ Сентябрѣ, вслѣдствіе несчастнаго случая въ дорогѣ, стоившаго жизни одному изъ прислуги (упавшему съ козелъ) жена графа выкинула и долго была больна. Она нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ лѣчилась въ Москвѣ и вернулась къ мужу передъ самымъ его отъѣздомъ отсюда въ Мартѣ мѣсяцѣ. Не знаю, не беременна ли она въ данное время, но она очень несчастна. Она потеряла старшую сестру Пашетту, скончавшуюся мѣсяцъ или шесть недѣль тому назадъ въ имѣніи графа Бутурлина. Она любила ее, какъ мать, и въ ней имѣла все утѣшеніе, такъ какъ старшій братъ имѣетъ жену и дѣтей и не очень счастливъ въ семейной жизни, а младшій, прекрасный юноша, находится въ арміи. Теперь ея добрая тетка Евдокія взяла ее къ себѣ и замѣняетъ ей мать, сестру и подругу. Онѣ въ данное время въ Вологдѣ, гдѣ у графини Евдокіи помѣстье близъ города.

Вчера на таможнѣ я получилъ колесо для измѣренія дорогъ, ящикъ хины и ящикъ съ Испанскимъ табакомъ: присылка г-на Тоокера изъ Кронштадта. Я отдалъ осмотрѣть этотъ инструментъ одному изъ нашихъ лучшихъ мастеровъ, Мильсу, чтобы узнать, не испортилось ли что нибудь и не надо ли чего починить. Но я не знаю, какъ переправить его до зимы графу Михаилу, потому что отправить его съ курьеромъ въ телѣгѣ значило бы совершенно испортить инструментъ, везти же въ каретѣ или коляскѣ такую громоздкую машину никто не возмется. Я думаю, лучше оставить его здѣсь до зимы и отправить по первому санному пути. Впрочемъ я увижу, какъ лучше поступить.

Я не могу понять, какъ мы будемъ продолжать ужаснѣйшую войну, если Англія не дастъ намъ субсидій. Мы часто о семъ раз-

Библиотека "Руниверс"

суждали съ Вильсономъ, который, согласившись съ моимъ мнѣніемъ, что способовъ у насъ не достанетъ, хотѣлъ отъ себя приватно писать къ своему двору о предложеніи намъ, отъ доброй воли и даже безъ нашей просьбы, денегъ въ видѣ займа, субсидій или какъ мы захотимъ. Не знаю, исполнилъ ли онъ свое намѣреніе. Дѣло столь важно, что времени терять ни минуты не должно, тогда какъ половина Имперіи въ разстройствѣ и столько же доходовъ у насъ меньше. Каковы будутъ инструкціи новому послу Ливену, Богъ вѣсть, а не Румянцеву, вѣрно: но если ваше сіятельство разсудите, то частнымъ образомъ это дѣло, можетъ быть, лучше вами обработается, чѣмъ посредствомъ бѣдной и несчастной нашей дипломатіи. Вильсонъ также писалъ, что оружіе намъ отмѣнно нужно, и просилъ меня о томъ же написать вашему сіятельству. Я то исполнилъ прежде, а теперь снова поставляю долгомъ повторить. По газетамъ видно, что намъ даютъ 50,000 ружей. Правда ли то или нѣтъ, не знаю; но, кажется, не худо бы еще столько же выпросить.

Вильсонъ предлагалъ, чтобы Туркамъ отдать то, что по трактату мы у нихъ взяли съ тѣмъ, чтобы они за насъ себя объявили. Онъ мнѣ показывалъ о томъ бумагу, которой я не одобрилъ. Кажется однакоже, что она никакого дѣйствія не произвела. Но слухи носятся, что Турки даютъ 100,000 противу Австрійцевъ, что крайне желательно, хотя я этимъ слухамъ никакъ не вѣрю.

Вильсонъ былъ здѣсь обласканъ всѣмъ дворомъ, какъ нельзя больше, часто обѣдывалъ у Государя и былъ у обѣихъ императрицъ, особливо у Елисаветы А. Государь часто имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры. Это нужно довести до свѣдѣнія его правительства, потому что человѣкъ намъ душевно преданъ и можетъ оказать величайшую услугу дѣламъ, до пользы общей относящимся, такъ какъ и правила и чувства его извѣстны вашему сіятельству. Я знаю, что онъ часто въ Лондонъ пишетъ, и нужно, чтобы представленія его были уважаемы. Я не могу довольно нахвалиться лордомъ Каткартомъ: онъ столько васъ любитъ и почитаетъ, что меня не забываетъ извѣщать, при отправленіи курьеровъ. Вниманіе его имѣетъ право на всю мою благодарность.

За тайну здѣсь говорятъ, что Императрица беременна. Я ничего еще не могъ примѣтить, но желаю того отъ всего сердца и души.

*

Петербургъ, 5 Октября 1812.

Почта третьяго дня привезла мнѣ два письма графа Михаила,

Библиотека "Руниверс"

помѣченныя Андреевскимъ 5—8 и 12 числами прошлаго мѣсяца. Имѣю честь отослать съ сегодняшней почтой послѣднее письмо; что̀ касается перваго, то я отошлю его завтра съ графомъ Бальмэномъ или послѣ завтра съ графомъ Воронцовымъ (оба причислены къ новой миссіи въ Лондонѣ), вмѣстѣ съ письмомъ къ Пемброку, которое я получилъ одновременно. Я воспользуюсь также одною изъ этихъ оказій, чтобы сообщить вамъ, графъ, много подробностей слышанныхъ съ разныхъ сторонъ о вашемъ любезномъ сынѣ. Радуюсь, что пока могу дать вамъ хорошія вѣсти о его ранѣ и, не дожидаясь отъѣзда вышеупомянутыхъ господъ, отсылаю безъ задержки послѣднее письмо, дабы окончательно успокоить васъ относительно его здоровья. Надѣюсь, что ваше сіятельство останетесь вполнѣ довольны.

Послѣднія извѣстія объ арміи князя Кутузова имѣемъ отъ 23-го. Ихъ привезъ адъютантъ князь Волконскій. Говорятъ, будто было значительное дѣло съ авангардомъ, состоявшимъ изъ 40.000 людей подъ личнымъ командованіемъ Мюрата. Съ нашей стороны командовалъ Милорадовичъ, поддержанный графомъ Остерманомъ-Толстымъ, а генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, вступившій теперь въ дѣйствующую армію, прибылъ съ подкрѣпленіями, когда побѣда уже оказалась въ нашихъ рукахъ. Потери непріятеля простираются до 2000 убитыхъ и раненыхъ и 300 плѣнныхъ; наши—никогда не были такъ незначительны, какъ въ этотъ разъ. Непріятеля преслѣдовали 12 верстъ. Дѣло происходило на рѣкѣ Пахрѣ, гдѣ, кажется, расположенъ нашъ авангардъ. Главная армія отодвинута нѣсколько назадъ, но я не знаю точно названія мѣста. Мнѣ кажется, что главная квартира находится на рѣкѣ Нарѣ, въ деревнѣ Тарутино. Донесеніе долженъ появиться сегодня, и мнѣ досадно, что я не могу отослать его съ сегодняшней почтою, которая отправляется сейчасъ. Графъ Бальмэнъ, ѣдущій въ Лондонъ, братъ генерала, умершаго на дняхъ, о которомъ мы очень сожалѣемъ; онъ былъ когда-то капитаномъ конной гвардіи и уже 12 лѣтъ служитъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ не сто́итъ брата, но самъ по себѣ прекрасный человѣкъ, и я смѣло могу его рекомендовать вашему сіятельству, зная его издавна и коротко. Въ Неаполѣ несчастная страсть почти свела его съ ума; онъ вернулся. Мы нашли полную перемѣну во всемъ его существѣ. Баронъ Николаи знаетъ его исторію. Онъ уменъ и образованъ, но все же вашъ племянникъ Иванъ будетъ жемчужиною въ новой миссіи. Дѣйствительно, я не знаю молодого человѣка его лѣтъ, котораго можно было бы приравнять къ нему въ поведеніи и по уму, воспитанному и укрѣпленному въ высшихъ началахъ.

Библиотека "Руниверс"

*

Петербургъ, 12 Октября 1812.

Неисправность почты—причина, что я не получаю правильныхъ извѣстій отъ графа Михаила съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Андреевскомъ. Его послѣднія письма ко мнѣ отъ 12-го прошлаго мѣсяца. Кавалеръ Вильсонъ переслалъ мнѣ, четыре дня тому назадъ, записку, полученную имъ 20 Сентября. Имѣю честь переслать ее вашему сіятельству; надѣюсь, что вы вполнѣ успокоитесь насчетъ его раны, которая хорошо заживала, и думаю, что онъ уже въ арміи, куда вчера я адресовалъ ему свои письма.

Кажется, графъ, мы больше не услышимъ о большихъ битвахъ. Все, что̀ доходитъ до насъ о положеніи Бонапарта въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ, что онъ не въ состояніи дать сраженіе. Занятіе Москвы безъ боя стоило ему, по меньшей мѣрѣ, 30.000 людей; потери его людьми должны быть по 1000 человѣкъ въ день, если считать тѣхъ, что̀ забираютъ своими летучими отрядами Винценгероде по дорогамъ въ Тверь, Ярославль, Владиміръ, Волоколамскъ, Воскресенскъ и т. д. и генералъ Дороховъ по Смоленской дорогѣ на Можайскъ, Звенигородъ, Вязьму и Верею, не считая того, что̀ захватываетъ ежедневно главная армія и что̀ уничтожается болѣзнями, пьянствомъ и т. д.. На Московскихъ улицахъ безпрестанно попадаются мертвые или умирающіе. Отчаяніе Французскаго солдата дошло до высшей точки, и неповиновеніе не могутъ уже прекратить частые разстрѣлы. Такъ какъ нашлись погреба, и въ нихъ множество винъ, то каждое послѣ обѣда Французы мертвецки пьяны, а для этого нужно немного, въ виду недостатка въ пищѣ и необходимости питаться кониною безъ хлѣба. Если бы у Винценгерода было 15.000 собранныхъ вмѣстѣ, онъ могъ бы напасть на Москву и уничтожить во время подобныхъ сатурналій всѣ ихъ силы. Лористонъ посланъ къ Кутузову предложить перемиріе, чтобы затѣмъ трактовать о мирѣ. Ему отвѣчали, что это будетъ только когда Французы перейдутъ обратно Вислу. „Придется, слѣдовательно, выходить отсюда съ боемъ, сказалъ тотъ, такъ какъ ваши отряды идутъ со всѣхъ сторонъ“. Князь Кутузовъ отвѣчалъ, что мы ихъ не приглашали въ Москву; пусть выходятъ, какъ смогутъ, а то можно и сговориться, подразумѣвая капитуляцію, и что наша кампанія только еще начинается съ Москвы. Признанія Лористона выясняютъ, въ какомъ положеніи находится пресловутый герой. Мюратъ тоже явился на аванпосты и видѣлся съ Бенигсеномъ. Онъ предлагалъ перемиріе и миръ для себя, какъ Неаполитанскій король. Бенигсенъ только разсмѣялся на такую глупую претензію, говоря, что даже не беретъ на себя доводить о томъ до свѣдѣнія

Библиотека "Руниверс"

князя. Я пришлю вашему сіятельству много другихъ подробностей съ графомъ Ливеномъ и его чиновниками, которые отбудутъ навѣрное черезъ четыре дня. (Отъѣздъ былъ отложенъ изъ за болѣзни графа Ливена).

*

Петербургъ, 16 Октября 1812.

Графъ Ливенъ прибудетъ въ Лондонъ въ счастливый часъ, вѣстникомъ побѣды, настолько же блестящей и почетной для нашей арміи, насколько ужасной для непріятеля. Никогда не бѣжали они съ такой стремительностью и не теряли столько артиллеріи. Ваше сіятельство ознакомитесь съ подробностями этого сраженія въ объявленіи, которое при семъ приложено и которое читали въ Казанскомъ соборѣ на благодарственномъ молебнѣ; я на немъ присутствовалъ и только что вернулся. Прибавлю лишь нѣсколько подробностей, которыхъ не находится въ немъ и о которыхъ я знаю, какъ изъ частныхъ писемъ Кутузова и Бенигсена, такъ и изъ писемъ ихъ офицеровъ и адъютантовъ. Кажется, что, кромѣ генерала Дери, командира Неаполитанской гвардіи, Французы потеряли убитыми трехъ генераловъ, именно: князя Понятовскаго, Мерсье и Жонвеля или Жувеля и всю военную казну, доходившую до 4 милліоновъ франковъ въ золотыхъ, которую Императоръ приказалъ раздать своимъ побѣднымъ войскамъ. Знамя, взятое у кирасиръ, покрыто именами: Іена, Ейлау, Аспернъ, Ваграмъ, Аустерлицъ и т. д. Въ лицѣ генерала Баговута мы лишились прекраснаго офицера; онъ былъ командиромъ 2-го корпуса. 3-мъ корпусомъ, о которомъ упоминается въ объявленіи, командовалъ, вѣроятно, графъ Строгановъ, старѣйшій генералъ-маіоръ послѣ генералъ-лейтенанта Коновницына, бывшаго его командиромъ, но причисленнаго незадолго передъ тѣмъ къ свитскимъ генераламъ; 4-й корпусъ—корпусъ графа Остермана-Толстаго. За исключеніемъ Баговута, ни одинъ изъ нашихъ генераловъ ни убитъ, ни раненъ. Князю Кутузову будетъ пожалована шпага, роскошно украшенная брилліантами и лаврами, а генералу Бенигсену—орденъ св. Андрея съ брилліантами и 100.000 рублей. Князь Кутузовъ самъ пишетъ женѣ, что Французы бѣгутъ какъ зайцы: такъ поражены были они паническимъ страхомъ при неожиданномъ нападеніи и видя, что Русскіе идутъ на нихъ, тогда какъ до сего времени они привыкли видѣть, что Русскіе уступаютъ и отступаютъ, вѣрные Нѣмецкой системѣ сильныхъ позицій. Донскіе казаки, недавно прибывшіе въ армію, для нихъ ужасны; это казачій резервъ, состоящій изъ отслужившихъ свой срокъ и жившихъ въ покоѣ на родинѣ. Они поклялись не давать пощады злодѣямъ, потревожившимъ ихъ старость*).

*) Въ подлинникѣ: Aux scélerats qui ont troublé lour vieillesse. Эта строка написана рукою графа Семена Романовича, очевидно, для Англійскихъ друзей его. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Кажется, князь Кутузовъ проникъ въ намѣренія Бонапарта, отдавшаго приказъ собраться всей арміи 8-го для общаго смотра. Онъ предвидѣлъ, что его могутъ атаковать 7-го, предупредилъ ударъ, нанеся его самъ, а можно надѣяться, что за нимъ послѣдуетъ и второй, еще болѣе ужасный. Расположеніе непріятельской арміи, судя по частнымъ письмамъ, было, какъ кажется, таково, что половина силъ подъ начальствомъ Мюрата должна была отвлечь наше вниманіе на фронтъ; другая же половина должна была въ это время продвинуться впередъ, чтобы выйти изнутри имперіи, или чтобы соединиться съ маршаломъ Викторомъ, ведущимъ подкрѣпленія и боевые припасы и находившимся уже близъ Смоленска, по словамъ однихъ съ 30.000, по словамъ другихъ только съ 18.000 людей. Если бы это намѣреніе удалось, то наша армія была бы захвачена сзади; но, какъ кажется, Кутузовъ, не обладая талантомъ Бонапарта, оказался умнѣе его, и теперь каждый день и часъ могутъ принести намъ извѣстія о послѣдствіяхъ побѣды великой важности. Помимо многочисленныхъ отрядовъ въ окрестностяхъ Вязьмы и Можайска, причинившихъ столько бѣдъ Бонапарту, князь Кутузовъ послалъ туда же, нѣсколько дней тому назадъ, Платова съ 15.000 казаковъ и регулярнаго войска, что̀ составитъ внушительный корпусъ, способный противостоять Виктору, если онъ приблизится и даже затруднитъ возвращеніе разбойника, ибо ему не останется другого выбора, какъ со стыдомъ уходить. Французы, разбитые еще разъ какъ 6-го Октября, привыкнутъ къ бѣгству, и я увѣренъ, что они дадутъ тягу, особенно если ихъ еще разъ побьютъ или уже побили въ данное время.

Можетъ статься, что въ своей ярости Бонапартъ захочетъ, для своего собственнаго спасенія, наказать или разжаловать Мюрата; но сей послѣдній можетъ натворить ему много зла, потому что онъ, какъ извѣстно всѣмъ, смѣется надъ своимъ королевствомъ и пользуется имъ только, чтобы набрать на будущее время денегъ, не вѣря, что навсегда останется королемъ. Если Бонапартъ не погибнетъ въ какомъ нибудь сраженіи, конецъ его будетъ позоренъ, подобно всѣмъ захватчикамъ, коихъ покинули слава и военная удача, и мнѣ кажется, мы скоро увидимъ гибель его въ Россіи, куда завело его Провидѣніе, дабы онъ окончилъ здѣсь свое поприще, утомившее весь міръ, а мы бы стали умнѣе и получили урокъ для себя и для нашего потомства, какъ поступать въ будущемъ.

Ваше сіятельство за рапортомъ о побѣдѣ получите еще рапортъ генералъ-маіора Иловайскаго касательно занятія Москвы отрядомъ

Библиотека "Руниверс"

генерала Винценгероде 10-го сего мѣсяца. Храбрость, можно сказать, дерзость этого генерала была причиною его плѣна, тогда какъ его отряды занимали Москву. Левъ Нарышкинъ[1]), старшій сынъ Маріи Алексѣевны, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, подвергся той же участи. Неизвѣстность о томъ что̀ съ нимъ сталось, повергла всю семью въ глубокую печаль. Онъ прекрасный малый, совсѣмъ не похожій на младшаго, въ которомъ врядъ ли найдется хотя одно хорошее свойство.

Я очень боюсь за Винценгерода, который къ несчастью Вестфалецъ и заклятый врагъ всѣхъ Бонапартовъ: онъ вѣчно искалъ службы тамъ, гдѣ дрались съ Французами, и его голова была даже оцѣнена 3 или 4 года тому назадъ. Несмотря на то, что у насъ нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ генераловъ, отвѣчающихъ за жизнь Винценгероде, ярость Бонапарта не остановится передъ такими пустяками, и у него всегда будетъ тотъ предлогъ, что Винценгероде подданный его брата[2]), этого образца подлости и всякой низости.

Обѣ эти вѣсти пришли вчера одновременно, одна кружнымъ путемъ, другая прямо изъ Москвы. Ея Величество Императрица была такъ добра, что сообщила мнѣ лично первыя подробности, прибавивъ, что она очень рада, что въ дѣлѣ не было графа Михаила. Я отвѣчалъ, что сей послѣдній будетъ считать для себя это обстоятельство великимъ несчастіемъ. „Я знаю“, отвѣчала она, „но все жѐ однимъ безпокойствомъ меньше. Первый вопросъ, что̀ я сдѣлала полковнику Мишо̀ (привезшему извѣстіе), былъ о немъ и о графахъ Строгановѣ и Остерманѣ“. Я не преминулъ поблагодарить Ея Величество за доброту и вниманіе, какъ отъ имени вашего сіятельства, такъ и отъ себя лично, и въ тоже время сообщилъ ей то, что̀ ваше сіятельство поручили мнѣ въ своихъ послѣднихъ письмахъ за №№ 48 и 49, кои я получилъ третьяго дня вечеромъ съ письмомъ барона Николаи, которое помѣчено Готтенбургомъ. Ея Величество приказала вамъ отвѣчать, графъ, что она всегда чувствительна къ вашей памяти о ней, о чемъ я вновь и вновь вамъ повторяю.

---

[1]) Двоюродный братъ графа М. С. Воронцова, матерью котораго была Екатерина Алексѣевна Нарышкина. П. Б.

[2]) Т. е. Вестфальскаго короля Іеронима, котораго Наполеонъ женилъ на дочери Зельмиры, т. е. на племянницѣ нашей Маріи Ѳеодоровны. Есть книга съ описаніемъ этого бракосочетанія, и къ ней приложены снимки почерковъ всей семьи Наполеона. Они писали какъ лавочники. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

6-е Октября былъ счастливымъ днемъ для нашихъ войскъ: ибо въ тотъ же день, что̀ главная армія со стремительностью опрокинула Мюрата, графъ Витгенштейнъ прогналъ Французовъ съ большими потерями изъ Полоцка. Самъ Сенъ-Сиръ былъ раненъ. Ваше сіятельство узнаете всѣ подробности изъ донесенія, который имѣю честь при семъ приложить. Наши военныя дѣйствія становятся съ каждымъ днемъ живѣе, и послѣдствія должны быть таковы, каковыхъ Бонапартъ безъ сомнѣнія не ожидалъ. Онъ въ этомъ раскается, и надѣюсь, что будетъ уже поздно. Графъ Витгенштейнъ за предъидущее дѣло произведенъ въ полные генералы, но извѣстіе о томъ не дошло еще до него въ день Полоцкаго боя. Это назначеніе доставитъ удовольствіе вашему сіятельству: вы издавна признаете заслуги этого генерала, котораго по справедливости можно назвать спасителемъ второй столицы Россіи. Что же касается лентъ, которыя ему пожалованы раньше, то я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что это не награда, потому что у насъ до обиды много увѣшанныхъ лентами. Покрытый орденами и лентами, онъ такъ бѣденъ, что безъ помощи Императрицы ему нечѣмъ жить. Ея Величество, знавшая его еще въ Курляндіи, гдѣ онъ служилъ во время ея поѣздки на воды, сразу увидала, чего онъ сто̀итъ, помѣстила его шестерыхъ сыновей въ Пажескій корпусъ за свой счетъ и взяла его подъ свое покровительство въ то самое время, когда онъ подвергался самымъ сильнымъ непріятностямъ и притѣсненіямъ; а потому она въ восхищеніи и отъ его производства, и отъ побѣды, имъ одержанной. И всѣ раздѣляютъ ея удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Эссенъ (поджигавшій Ригу безъ всякаго смысла и толку) и графъ Штейнгель, прибывшій съ войсками изъ Финляндіи, оба, какъ генералъ-лейтенанты, старше его. Только недавно признали неспособность Эссена, хотя онъ давалъ тому многочисленныя доказательства, а заслуги Штейнгеля извѣстны, какъ квартимейстера, и никто еще не видалъ его на полѣ сраженія. Судите же, что если бы Витгенштейну пришлось столкнуться съ этими господами, то, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ находился бы въ зависимости отъ нихъ, и дѣла̀ пошли бы дурно, тогда какъ теперь онѣ идутъ хорошо. А это было бы неминуемо, такъ какъ всѣ три генерала должны были дѣйствовать почти въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Эссенъ поступаетъ какъ дрянной фанфаронъ, а не генералъ и, только что соединился со Штейнгелемъ, какъ вызвалъ его на поединокъ. Послѣдній отвѣчалъ, что припомнитъ о томъ послѣ войны. Эссена отправили назадъ въ Ригу, и его долженъ замѣстить маркизъ Паулуччи. Я не поклонникъ этого Итальянца, но все онъ лучше Эссена. За нимъ есть заслуги, много ума и живость Итальянская. Вспомнимъ его обращеніе къ Пфулю при Дриссѣ,

Библиотека "Руниверс"

когда онъ сказалъ, что сочинитель плана дѣйствій при Іенѣ или невѣжа, или предатель, годный погубить монархію, а не составлять военные планы для защиты страны. Императоръ велѣлъ ему выйти изъ военнаго совѣта, но слова Паулуччи останутся у него навсегда въ памяти.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вкратцѣ, насколько позволяло мнѣ время, упомянулъ о порученіи Лористона къ князю Кутузову. Пополню его нѣсколькими позднѣйше полученными подробностями. Князь принялъ Лористона при всѣхъ генералахъ, включая, какъ увѣряютъ, и кавалера Вильсона. Лористонъ открылъ совѣщаніе, сказавъ, что его прислали предложить перемиріе и просить князя отослать Его Величеству письмо Бонапарта, содержащее предложеніе мира, дабы прекратить ужасающіе потоки крови, проливаемой съ такимъ ожесточеніемъ и варварствомъ. Князь отвѣчалъ, что не уполномоченъ принимать какія либо предложенія мира или перемирія и, конечно, не приметъ письма, написаннаго къ Его Величеству; кромѣ того онъ долженъ заявить, что на сторонѣ Русской арміи слишкомъ много преимуществъ, чтобы терять ихъ изъ за перемирія, въ которомъ она не нуждается. „Войну все равно придется прекратить; она не можетъ длиться вѣчно, особенно при такомъ варварскомъ способѣ, съ которымъ она ведется“. Князь Кутузовъ возразилъ: „Варварство введено въ войны просвѣщеннаго міра Французскими революціонерами и съ большимъ успѣхомъ продолжается Бонапартомъ. Война, дѣйствительно, не можетъ длиться вѣчно, но о мирѣ заговорятъ у насъ не раньше, какъ Французы перейдутъ Вислу. Россія не вызывала на войну, потому что отъ Государя зависѣло уничтожить всѣ приготовленія Бонапарта по ту сторону Вислы, прежде нежели онъ былъ готовъ къ войнѣ, напавъ всѣми готовыми силами на магазины и отряды въ Польшѣ; но онъ не пожелалъ ни нарушать спокойствія, ни быть наступателемъ, а надѣялся сохранить миръ. Бонапартъ самъ вступилъ въ Россію, даже не объявивъ войны, и опустошилъ большую часть государства; онъ можетъ выбираться изъ Москвы, какъ хочетъ, потому что мы его туда не приглашали. Мы же, съ своей стороны, должны дѣлать ему насколько возможно больше вреда; когда онъ объявилъ своимъ войскамъ въ Москвѣ объ окончаніи похода, Русскіе еще начинали его: если онъ этого не зналъ тогда, то пусть знаетъ теперь“.—„Если нѣтъ надежды на миръ, то, конечно, надо уходить; но какъ же выйти? Все же придется проливать кровь, все же сражаться, *ибо ваши отряды идутъ со всѣхъ сторонъ* (страшное признаніе)“, добавилъ Лористонъ. „Повторяю“, отвѣчалъ князь, „принимайте, какія можете, мѣры для выхода, мы же будемъ мѣшать вамъ, но о мирѣ будутъ разговоры только послѣ

Библиотека "Руниверс"

перехода черезъ Вислу. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, „еще не пришло время, а можетъ и придетъ, когда о вашемъ выходѣ позаботимся мы сами, если уже на то пошло“.

Лористонъ жаловался еще на ожесточеніе и ярость, возбужденную въ народѣ, съ цѣлью устранить всякое сближеніе съ Французами, росказнями, будто сіи послѣдніе сожгли и разграбили Москву, тогда какъ виновниками были сами жители. Князь отвѣчалъ, что не было еще примѣра жалобъ на одушевленіе и любовь къ родинѣ всей націи, защищающей свою страну противъ непріятеля, напавшаго на нее и возбудившаго то ожесточеніе и ярость, которыя мы не можемъ достаточно похвалить и оцѣнить. „Что же касается пожара Москвы, то я слишкомъ старъ, у меня слишкомъ много военнаго опыта и вѣры въ Русскій народъ, чтобы не быть ежедневно и подробно освѣдомлену о томъ, что происходитъ въ Москвѣ. Я самъ приказалъ уничтожить нѣкоторыя лавки и склады, жители помогли мнѣ въ этомъ; но со времени входа Французовъ въ Москву они сожгли только экипажные магазины, когда вы захотѣли обзавестись экипажами. Въ столицѣ было очень мало пожаровъ, причиненныхъ жителями. Наоборотъ, вы послѣдовательно разрушали столицу, намѣчая кварталы, которые должны были быть сожжены въ опредѣленные дни. У меня объ этомъ есть особый приказъ, и я его имѣю давно. Этому приказу слѣдовали точно, и доказательствомъ тому, что не жители разрушили Москву, служитъ то, что дома и зданія, выстроенные слишкомъ прочно, вы разрушали, кидая въ пламя бомбы. Безъ сомнѣнія, мы постараемся отплатить вамъ и заставить васъ почувствовать вашу вину. Наше совѣщаніе окончено“, прибавилъ онъ.

Разумѣется, Лористонъ не былъ доволенъ. Французы давно привыкли устраивать подобныя дѣла съ глазу на глазъ или въ дружескомъ свиданіи; здѣсь же 30 человѣкъ были свидѣтелями достоинства Русскаго фельдмаршала и низости мерзавца, посланнаго къ нему разбойникомъ.

При семъ посылаю вашему сіятельству нѣсколько бумагъ касающихся злосчастной Москвы и между прочимъ донесеніе управляющаго Гнѣздарева къ Постникову*) о томъ, что домъ вашъ болѣе не суще-

*) Захару Николаевичу, пріятелю графа С. Р. Воронцова. Домъ, унаслѣдованный графомъ отъ брата-канцлера, находился въ Нѣмецкой Слободѣ и въ наши дни принадлежалъ Гольцгоеру. Для отвоза изъ него вещей были высланы изъ Андреевскаго подводы, но привезенный туда съ Бородинскаго поля графъ Михаилъ Семеновичъ приказалъ вносить вещи назадъ въ домъ, а на подводахъ уѣхали въ Андреевское раненые солдаты, сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, находившихся подъ его начальствомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ствуетъ. Ваше сіятельство будете въ восторгѣ, узнавъ, что только графъ Румянцовъ и князь Куракинъ удостоились чести получить стражу къ своимъ домамъ, и что Французы прилагали всѣ старанія, чтобы отстоять ихъ отъ сосѣднихъ пожаровъ. Вообразите, что первый имѣлъ глупость или гнусность хвалиться этимъ за столомъ у Ея Величества Императрицы-матери. Почти всѣ дворцы другихъ знатныхъ лицъ были разрушены, сожжены, а нѣкоторые даже срыты до основанія. Когда узнаются всѣ подробности, я не премину сообщить ихъ вамъ, а пока ваше сіятельство найдете кое-что въ письмѣ нѣкоего Булгакова, правителя канцеляріи графа Ростопчина; его задержали нѣсколько дней въ Москвѣ, а потомъ онъ бѣжалъ [1]). Вы найдете также въ присланномъ смѣшную прокламацію Лессепса, бывшаго здѣсь консуломъ, такъ называемаго Московскаго губернатора, которая не произвела никакого впечатлѣнія. Порядокъ дѣлъ—документъ любопытный; въ немъ видно, какихъ трудовъ стоило Бонапарту получить свой обозъ, и онъ его такъ и не получилъ, благодаря стараніямъ Винценгероде и Дорохова. Я посылаю также газету, которая должна появиться здѣсь и гдѣ будутъ печататься всѣ извѣстія касательно событій. Я велѣлъ подписаться на нее для вашего сіятельства и буду высылать съ оказіями [2]).

Посылаю вашему сіятельству двѣ выдержки изъ письма Вильсона ко мнѣ: вы прочтете, что онъ говоритъ о сынѣ вашего сіятельства. О немъ никогда нельзя сказать слишкомъ много. Такъ какъ онъ пишетъ мнѣ по англійски, то я предпочитаю послать вамъ эти письма лучше въ подлинникѣ, нежели въ слабомъ, быть можетъ, переводѣ. Отсылаю также копію съ письма графа Михаила, написаннаго мнѣ послѣ оставленія Москвы. Чувства и мнѣнія достойны быть сохранены на всѣхъ языкахъ. Я имѣлъ честь читать это письмо Государынѣ. Ея Величество благодарила меня и сказала, что никогда еще не встрѣчала въ краткихъ словахъ болѣе полнаго и яснаго военнаго и политическаго трактата, какъ въ этомъ письмѣ.

*

Петербургъ, 17 Октября 1812 г.

Я встрѣтилъ у графа Ливена лорда Каткарта, который передалъ мнѣ письмецо отъ кавалера Вильсона и пригласилъ къ себѣ, чтобы прочесть, что онъ ему отвѣчалъ. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ только, что „начало новой драмы, подъ названіемъ Месть, было

[1]) Этого письма не имѣли мы, печатая письма А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ“. Онъ вѣроятно описалъ это бѣгство изъ Москвы въ своихъ неизданныхъ Запискахъ, рукопись которыхъ нынѣ принадлежитъ графу С. Д. Шереметеву. П. Б.

[2]) Это „Сынъ Отечества“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

исполнено наканунѣ съ большимъ блескомъ и успѣхомъ, а продолженіе будетъ даваться безпрерывно". За подробностями онъ меня отсылаетъ къ лорду Каткарту, и тотъ, дѣйствительно, даетъ ихъ съ точностью. Непріятельская кавалерія въ самомъ ужасномъ положеніи, и лошади падаютъ тысячами. Французы ѣдятъ падаль, поддерживая заботливо лошадей до послѣдняго признака жизни; найдены Французскіе котлы, полные этихъ отвратительныхъ яствъ, и рядомъ трупы животныхъ! Они попомнятъ Москву! Никто не могъ дать свѣдѣній о Бонапартѣ, развѣ только, что его ждали на завтра, и казаки захватили его лошадей съ племянникомъ военнаго министра Кларка, ожидавшихъ его въ одной деревнѣ. Одинъ казачій отрядъ захватилъ громадную добычу, до ста червонцевъ на голову, кромѣ вещей, а отрядъ Татаръ выказалъ безкорыстіе и патріотизмъ, достойные всякой похвалы: захвативъ обозъ съ богатой церковной утварью, они не прельстились золотомъ и серебромъ и тотчасъ же отправили все главнокомандующему для возвращенія въ церкви Божіи. Предполагаютъ, что Себастіани убитъ, потому что нашли трупъ, весь изсѣченный саблями и на немъ ордена Легіона и Croissant.

Нѣсколько дней тому назадъ отрядъ бѣднаго Винценгероде захватилъ Французскаго курьера со множествомъ писемъ. Между ними нашлось одно Бонапарта къ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ пишетъ, что вся Русская пѣхота уничтожена: что, не будучи въ состояніи заставить Александра просить мира занятіемъ Москвы, онъ намѣренъ двинуться на Петербургъ, чтобы привести ихъ въ разумъ. Негодяй обманываетъ даже свою жену, потому что въ указаніяхъ, которыя отъ него получилъ Саварй, онъ говоритъ приблизительно противоположное, посылая ему статьи для „Монитёра" и приказанія о томъ, что онъ долженъ говорить. Это тенета, содержащія въ себѣ столько противорѣчивыхъ нитей, такъ любопытны, что я жалѣю, что у насъ не помышляютъ о напечатаніи ихъ сполна.

Ваше сіятельство были правы, говоря, что Бернадоттъ слишкомъ тонокъ въ личныхъ совѣщаніяхъ. Событія, кажется, подтвердили это мнѣніе; ибо именно съ этой поѣздки Швеція не думаетъ болѣе ни объ содѣйствіи, ни о высадкѣ въ Германію, и въ тоже время всѣ убѣждены въ противномъ. Впрочемъ никакая держава не сможетъ спасти Россію въ данное время, если Россія не спасетъ себя сама. Благодареніе Богу, у насъ въ этомъ наконецъ явились надежда и довѣріе. Нація будетъ имѣть заслугу, что спаслась сама, безъ того, чтобы стоящіе у кормила дали себѣ трудъ толково подумать объ этомъ. Я нахожу, что прокла-

Библиотека "Руниверс"

мація Испанскаго регента по поводу заключеннаго съ нами трактата дѣлаетъ намъ слишкомъ много чести, и дайте самому искусному изъ нашихъ министровъ задачу оправдать насъ за прошлое, никто не съумѣетъ дать такой смыслъ и оборотъ, какъ это сдѣлалъ инфантъ въ своей прокламаціи, потому что она, безъ сомнѣнія, чужда низкимъ чувствамъ нашихъ министровъ и далеко выступаетъ за предѣлы нашихъ узкихъ умовъ, хотя по существу своему она справедлива и соотвѣтствуетъ чувствованіямъ Государя. Мы должны повергнуться къ ногамъ этого Испанскаго гранда за то, что онъ далъ себѣ трудъ благородно сдѣлать для насъ то, что̀ мы сами неспособны были оказать для поддержанія чести и достоинства, если отъ нихъ что нибудь еще осталось послѣ нашего униженія. Надо воздать должное Испанцамъ, что они не умѣютъ дѣлать дѣло наполовину, ни въ своихъ рѣчахъ, ни въ своихъ поступкахъ. Какая энергія, какая твердость, какая храбрость! Если лордъ Веллингтонъ не остановится на своемъ поприщѣ, онъ возродитъ Югъ Европы физическими и моральными качествами трехъ націй, ему послушныхъ. Что̀ касается насъ, дай Богъ выпутаться намъ изъ бѣды; но не съ Р. и компаніей во главѣ станемъ мы на правильный путь.

Нашъ военный планъ не болѣе, какъ случайность, я въ этомъ твердо увѣренъ; потому что только въ припадкѣ безумія можно было довести непріятеля до Москвы и сдать ее. Провидѣніе, уставшее отъ преступленій ужаснаго злодѣя, гнетущаго міръ, можетъ погубить его въ ней, если мы отдадимъ себя въ волю Его и не выпустимъ злодѣя на этотъ разъ. Увѣряю васъ, что я не покоенъ на этотъ счетъ, принимая во вниманіе все, что̀ происходитъ въ арміи: разрозненность, каверзы, раздоры, полумѣры, и особенно опасные проходимцы, которыми мы окружены. Эта бездна закроется только съ исчезновеніемъ Бонапарта. Во всемъ вышесказанномъ надо искать причину, и плана военныхъ дѣйствій и возвышенія Пфуля, какъ автора плана, и Барклая, какъ его исполнителя. Впрочемъ, я уже затрогивалъ раньше этотъ вопросъ; не буду болѣе говорить, скажу только, что плана не существуетъ и никогда не существовало, потому что его тысячу разъ перемѣняли, и что ссылка Сперанскаго мало что мѣняетъ въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Слѣдовало, быть можетъ, сослать нѣсколько тысячъ его подлыхъ послѣдователей, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ и начисто вычистить государство. Говорятъ, будто дѣло возобновилось, но о немъ снова ничего не слышно. Б., какъ говорятъ, долженъ былъ недавно дать отчетъ въ извѣстныхъ бумагахъ, найденныхъ будто у Сперанскаго, которыхъ онъ не представилъ и даже не упомянулъ о нихъ въ своихъ донесеніяхъ,

Библиотека "Руниверс"

хотя въ существованіи бумагъ увѣрены. Не знаю, далъ ли онъ отчетъ и какой, но всѣ его поступки очень сомнительны; и все же онъ остается на мѣстѣ.

Адмиралъ Бентингъ, находящійся здѣсь, долженъ быть большимъ пройдохою, но человѣкъ съ умомъ. Онъ называетъ себя ближайшимъ другомъ Бернадотта и его горячимъ поклонникомъ; таинственный тонъ, принятый имъ вначалѣ, когда онъ давалъ понять, что онъ агентъ принца Вельскаго и его повѣренный, доставилъ ему пріемъ, слишкомъ подчеркнутый, нѣкотораго рода энтузіазмъ (что довольно часто встрѣчается у насъ); но съ тѣхъ поръ, какъ его немного раскусили, послѣдовала остуда. Однако, онъ говорилъ достаточно, чтобы повредить дѣламъ, какъ будто онъ былъ уполномоченъ диктовать законы. Все это произвело дурное впечатлѣніе, и ему нужно приписать, что Новосильцова не назначили въ Лондонъ, потому что онъ требовалъ этого съ шумомъ и гамомъ. Государь въ общемъ не любитъ подобнаго тона и дѣлаетъ обыкновенно обратное, а Р. окончилъ и хвастается этимъ. Новосильцовъ былъ первымъ изъ трехъ, коихъ Его Величество намѣтилъ на этотъ постъ въ Свѣнцянахъ. Лордъ Каткартъ былъ принужденъ, какъ увѣряютъ, дать хорошій урокъ этому адмиралу и заставилъ его замолчать. Что касается Новосильцова, онъ пока ничего не дѣлаетъ. Его Величество, однако, обходится съ нимъ внимательно и даже дружелюбно. Пріѣхавъ сюда, онъ помѣстился въ такомъ плохомъ и нездоровомъ домѣ, что я предложилъ ему помѣщеніе въ домѣ вашего сіятельства, въ ожиданіи, пока домъ, нанятый имъ, будетъ отдѣланъ. Онъ переѣдетъ на этихъ дняхъ. Онъ просилъ меня засвидѣтельствовать вашему сіятельству почтеніе.

Здѣсь д'Ивернуа. У насъ страсть бѣгать за всѣми вновь прибывающими. Д'Ивернуа, писавшій только за деньги Англійскаго правительства то, чего Англичане никогда не читали, потому что у нихъ много лучшихъ финансистовъ, нежели онъ, считается у насъ удивительнымъ человѣкомъ, и этого педанта принимаютъ, какъ человѣка исключительнаго. Мало того: говорятъ, онъ просмотритъ наши финансы и выскажется по поводу ихъ! Иностранецъ, не знающій ни языка страны, ни ея законовъ и источниковъ доходовъ, предпринимаетъ книгу подобнаго рода. Я предвижу, что она будетъ очень глупа: а пока онъ наводнилъ насъ своими брошюрами, которыхъ, какъ кажется, привезъ цѣлый тюкъ. Я уже не говорю о неосторожности допускать иностранцевъ всякаго пошиба въ ту область администраціи, гдѣ тайна необходима.

Библиотека "Руниверс"

Мы съ удовольствіемъ узнали о наказаніи, понесенномъ Американцами отъ Англичанъ. Они его заслужили. Успѣхъ ихъ войскъ не соотвѣтствовалъ ихъ дерзости, и я надѣюсь, что они, наконецъ поймутъ, что заниматься торговлею и быть солдатомъ не одно и тоже. Мадизону должно быть не по себѣ, и я надѣюсь, что онъ не останется на своемъ мѣстѣ.

Ваше сіятельство спрашиваете, есть ли у насъ газета съ послѣдовательнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Къ несчастью и стыду нашему у насъ нѣтъ ничего въ этомъ родѣ, развѣ только тѣ летучіе листки, что̀ я вамъ правильно посылаю, и то ихъ стали выпускать регулярно и понятнымъ языкомъ только со времени командованія Кутузова *).

Англичане и вообще всѣ иностранцы испугались первые и убирали свои пожитки, а теперь остаются, но вещей не раскладываютъ, боясь повторенія того же. Множество уѣхало. Они-то и произвели общій переполохъ. Богъ знаетъ, откуда они получаютъ вѣсти, а зложелатели, ненавистные мнѣ Поляки, умѣютъ заставить ихъ всему вѣрить. Англичане истратили значительныя суммы, нанявъ корабли здѣсь и въ Кронштадтѣ, чтобы тѣ были наготовѣ взять ихъ на бортъ.

Графъ Ростопчинъ опасно боленъ во Владимирѣ. Отъ времени до времени онъ выпускаетъ прокламаціи. Ваше сіятельство найдете одну изъ нихъ въ пакетѣ графа Михаила. Не скрою, что тонъ и слогъ не приличествуетъ его сану. Это могло быть хорошо въ началѣ, въ Москвѣ, единственномъ городѣ имперіи, гдѣ были тѣ, кого зовутъ чернью; что̀ касается народа, то онъ никогда не нуждался въ подобныхъ писаніяхъ и всегда шелъ навстрѣчу желаніямъ, требованіямъ и ожиданіямъ и выказывалъ свойства и энергію, достойныя похвалы. Прокламаціи подобнаго рода теперь особенно неумѣстны. Кому проповѣдуютъ? Пустымъ стѣнамъ и развалинамъ? Правда, Ростопчинъ воодушевилъ чернь, но теперь она разбрелась, и собрать ее въ данное время трудно. Вообще, онъ слишкомъ любитъ ремесло писаки.

*

Петербургъ. 18 Октября 1812.

Сегодня вернулся курьеръ Березовскій, давнишній знакомецъ графа Михаила и мой, изъ Нижняго Новгорода, куда сопровождалъ тѣло князя Багратіона для преданія его землѣ въ помѣстьѣ князя въ Грузіи. Онъ ѣхалъ мимо Андреевскаго и привезъ отъ графа Михаила письмо мнѣ отъ 11 сего мѣсяца и пакетъ, при семъ прилагаемый, для вашего

*) Благодаря Андрею Сергѣевичу Кайсарову, который въ военной Типографіи при главной арміи напечаталъ прекрасные стихи своего пріятеля: „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ", а также приказы И. И. Скобелева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

сіятельства. Меня удивляетъ, почему письмо къ вамъ помѣчено 7-мъ, тогда какъ мое—11-мъ; а курьеръ подтвердилъ мнѣ, что онъ выѣхалъ именно въ этотъ день. Рана графа уже закрывалась, и онъ думалъ оправиться дня черезъ 3—4. Онъ еще ходилъ на костыляхъ, но болѣе для предосторожности, нежели по необходимости. Другіе раненые (ихъ оставалось еще довольно) понемногу поправлялись, и нѣкоторые уже догнали армію, благодаря великодушнымъ заботамъ графа Михаила. Кромѣ 50 или 60 офицеровъ, въ Андреевскомъ жило слишкомъ 150 солдатъ, изъ коихъ 100 человѣкъ уже отосланы въ армію, и они, уѣзжая, благословляли ваше сіятельство и вашего достойнаго сына за пріютъ, найденный ими на вашей землѣ и за всѣ о нихъ заботы, которыя расточались въ изобиліи.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему, измѣнивъ политическую систему, не смѣнили министровъ, чувства и мнѣнія которыхъ не могутъ не быть противными новому порядку вещей? Признаюсь, я не въ состояніи объяснить и бьюсь о закладъ, что этого не съумѣетъ сдѣлать самый ловкій человѣкъ. Татищевъ, уѣзжающій дня черезъ 3—4, не больше меня объяснитъ; но, можетъ быть, онъ дастъ болѣе ясныя указанія. Мнѣ думается, что сюда входитъ въ большой степени малодушіе передъ будущимъ, не взирая на крайнія мѣры и рѣшимость не помышлять ни при какихъ обстоятельствахъ о мирѣ, коими мы какъ бы обѣлялись отъ слабости или отсутствія храбрости и твердости. Можетъ быть, это заблужденіе по отношенію къ чувствамъ людей, между которыми Государь думалъ найти вѣрнаго пособника въ лицѣ графа Р. и таковымъ выставлялъ его, какъ увѣряютъ, въ Або. Не буду распространяться по этому поводу, потому что я сказалъ все, что могъ, въ письмѣ, посланномъ съ кавалеромъ Безерра. Такъ какъ зло остается, будемъ молить Бога, графъ, чтобы оно длилось не вѣчно; но я боюсь, что Россія будетъ погублена этими развращенными людьми.

Весь народъ Московской и Смоленской губерній вооруженъ; непріятеля губятъ тысячами въ сраженіяхъ и въ большомъ количествѣ забираютъ въ плѣнъ, особенно мародёровъ. Въ Сычевкѣ есть городничій, проявившій чудеса храбрости: онъ такъ возбудилъ населеніе, что въ его распоряженіи состоитъ отрядъ охочихъ людей въ 10.000 человѣкъ. Нѣкій князь Мещерскій *), маіоръ въ отставкѣ съ незапамятныхъ временъ, владѣющій землею съ 1200 душами близъ Воскресенска, вооружилъ ихъ всѣхъ, и военные подвиги этого отряда достойны быть занесены на страницы исторіи; вся округа присоединилась къ нему, и онъ считаетъ до 16.000 человѣкъ способныхъ къ бою, которые дѣй-

*) Это владѣлецъ Латошина, потомокъ боярина Матвѣева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ствуютъ, совмѣстно съ Винценгероде, твердо рѣшивъ отдать свое имущество и свободу только цѣною жизни. Вотъ народъ, который Бонапартъ думалъ покорить! Звѣрства, совершенныя имъ, только разожгли месть. Ничто не можетъ такъ хорошо очертить гнусностей святотатства этихъ звѣрей-Французовъ какъ простой и наивный вопросъ Арнаута или Албанца у графа Строганова при видѣ осквернен-ныхъ Божіихъ храмовъ: „Развѣ Французы не такіе Христіане, какъ вы? Вѣдь Русскіе отнеслись съ уваженіемъ къ нашимъ мечетямъ, хотя вы и не Мусульмане!“ Никто не говоритъ, ни про убытки, ни про жертвы, помышляя только о славѣ родины и благополучіи всей вселенной. Москва заслуживаетъ чествованія, на которое должны были бы въ паломничествѣ прійти всѣ страны и принести дары для ея возстановленія. Много лицъ, окончательно разоренныхъ, предлагаютъ ей и себя. Нѣкій сенаторъ Бибиковъ, недавній министръ въ Неаполѣ, лишился всего въ Могилевѣ и Смоленскѣ: все было сожжено и разграблено, и у него остался только домъ здѣсь, въ которомъ онъ сдалъ одинъ этажъ внаймы, чтобы было чѣмъ существовать съ семьею, а раньше имѣлъ 75.000 доходу. Я видѣлъ, какъ онъ съ радостью уѣзжалъ съ здѣшней милиціею, которою командуетъ при графѣ Витгенштейнѣ съ большими отличіями, покинувъ Сенатъ и многолюдную семью, съ которой никогда раньше не разставался; я видѣлъ, съ какой готовностью и твердостью отправлялъ онъ своего 18-ти лѣтняго сына въ главную армію. Можно привести много примѣровъ, какъ придворныхъ, такъ и частныхъ лицъ, жертвующихъ своимъ имуществомъ и жизнью; вотъ, хоть, Мордвиновъ, камергеръ, убитый подъ Полоцкомъ во главѣ отряда храброй милиціи, о которой Витгенштейнъ говоритъ съ такимъ уваженіемъ. Есть только одинъ негодяй или безумецъ, нѣкій Загряжскій, который способствовалъ гнуснымъ дѣйствіямъ Бонапарта. Онъ былъ назначенъ префектомъ Москвы послѣ того, какъ Лессепсъ увидалъ, что ничего не можетъ сдѣлать и дѣла не идутъ согласно желаніямъ завоевателя. Этого негодяя произвели въ графы патентомъ Бонапарта съ пожалованіемъ ему имѣнія графа Алексѣя Разумовскаго (подмосковная Горенки). Все закончилось празднествомъ, которое онъ далъ тамъ и которое стоило, вѣроятно, немало. Желалъ бы я знать, что̀ съ нимъ станется потомъ.

*

Петербургъ, 27 Октября 1812.

Призванный вчера къ Ея Величеству Императрицѣ, я успѣлъ только задѣлать пакетъ въ Стокгольмъ, содержавшій послѣднія донесенія, прося г-на Лангеля тотчасъ переслать ихъ барону Николаи. Однако, на всякій случай, я при семъ посылаю дубликаты и два доне-

Библиотека "Руниверс"

сенія сегодняшняго утра, одно генерала Чичагова, другое—князя Кутузова. Они подробны и, слѣдовательно, избавляютъ меня отъ необходимости повторять все, что̀ касается нашихъ военныхъ дѣйствій, которыя таковы, что даютъ намъ надежду на скорое освобожденіе отъ кровожаднаго тигра, терзающаго и опустошающаго вселенную. Думается мнѣ, что ото всей этой орды варваровъ не останется ни единаго, чтобы принести извѣстіе о ихъ пораженіи въ Европу.

Донесеніе графа Витгенштейна послано вчера по почтѣ. Этотъ храбрый генералъ побилъ остатокъ корпуса Сенъ-Сира въ Чашникахъ и большую часть корпуса Виктора, посланнаго ему на помощь. Лордъ Каткартъ думаетъ, не знаю на какомъ основаніи, что Викторъ присутствовалъ въ дѣлѣ лично: между тѣмъ намъ говорятъ, что командовалъ Легранъ. Армія Витгенштейна шла усиленнымъ маршемъ на Сѣнно и должна уже теперь соединиться съ Чичаговымъ. По слухамъ сей послѣдній уже въ Несвижѣ. Польскій генералъ Конопко, взятый въ плѣнъ въ Слонимѣ, братъ г-жи Татищевой. Онъ запятналъ свои руки Испанской кровью; не знаю, имѣлъ ли онъ случай сдѣлать тоже у насъ. Дмитрій Павловичъ долженъ быть огорченъ, но что же дѣлать? Ошибки подобнаго рода не такъ легко искупаются.

Списокъ наградъ, который ваше сіятельство при семъ найдете, не заслуживаетъ поясненій. Онъ возбудилъ всеобщее негодованіе. Если уже даютъ награды, которыхъ никто не проситъ за эту войну, то нужно соблюдать извѣстное соотношеніе, мѣру и самую строгую справедливость. Вмѣсто того возбуждаютъ только недовольство, вполнѣ, впрочемъ, справедливое, и я могу увѣрить васъ, что орденъ св. Анны съ брилліантами, данный графу Михаилу, возмутилъ всѣхъ.

Есть отличныя перехваченныя письма, особенно одно—Бонапарта къ Бассано изъ Вильны о томъ, какъ ему обманывать союзниковъ, чтобы скорѣе и возможно больше получать рекрутовъ, льстя и угрожая, сообразно характеру и настроенію каждаго. Затѣмъ онъ пишетъ, что въ газетахъ непремѣнно надо увеличивать вдвое и втрое количество подкрѣпленій, дабы насъ устрашить. Я думаю, что Бонапартъ пожертвуетъ Богъ знаетъ чѣмъ, только бы не печатали этого письма, и графъ Р. исполняетъ его желаніе, сохраняя его въ неизвѣстности, какъ все, что̀ давно заслуживало бы обнародованія.

Не могу умолчать о геройствѣ одного крестьянина, котораго хотѣли сдѣлать знаменосцемъ непріятельскаго знамени. Едва наложили

Библиотека "Руниверс"

на него клеймо (сообразно обычаю во Франціи), свидѣтельствующее, что онъ съ этого времени Французскій солдатъ, какъ тотъ взялъ топоръ и на глазахъ у всѣхъ отрубилъ себѣ кисть руки. Послѣ Муція Сцеволлы это первый извѣстный случай, и надо принять во вниманіе разницу между Римскимъ сенаторамъ и крестьяниномъ; положеніе ихъ обоихъ не имѣетъ ничего общаго для сравненія. Другой крестьянинъ подговорилъ своихъ односельчанъ безстрашно напасть на отрядъ непріятельскихъ фуражировъ въ ту минуту, какъ эти оголодавшіе волки кинулись въ избы въ поискахъ за съѣстными припасами, и захватилъ 150 плѣнныхъ, не считая убитыхъ. Фельдмаршалъ далъ ему крестъ Георгія 5-й степени (установленный для солдатъ) и позволилъ носить саблю.

*

Петербургъ, 8 Ноября 1812.

Имѣю честь переслать вашему сіятельству два письма графа Михаила; одно изъ нихъ, отъ 24 прошлаго мѣсяца, получено мною черезъ курьера графа Ростопчина четыре дня тому назадъ, второе—почтою, третьяго дня. Отъ всего сердца поздравляю ваше сіятельство съ выздоровленіемъ графа Михаила. Думаю, что онъ уже въ арміи, куда направляю послѣднее время свои письма. Хвала Богу, положеніе нашихъ дѣлъ таково, что намъ нечего больше опасаться ни большихъ сраженій, ни боень, въ родѣ Бородинской. Въ другомъ пакетѣ въ Стокгольмъ я посылаю послѣднія донесенія съ просьбою немедленно переслать ихъ либо вашему сіятельству, либо барону Николаи. Какъ увидите, отступленіе непріятеля таково, что онъ теряетъ всю свою артиллерію, кидаетъ багажъ и отдаетъ въ наши руки великое количество плѣнныхъ, почти безъ значительныхъ потерь съ нашей стороны, въ виду того, что дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ казаки, которые не даютъ завлечь себя въ бой. Платовъ искупилъ свою вину, совершенную послѣ Бородинскаго боя *). Онъ пожалованъ въ графы. Захватить въ дѣлѣ 62 пушки только казаками, вещь до сей поры неслыханная, а именно это и сдѣлалъ Платовъ 28 прошлаго мѣсяца, какъ ваше сіятельство увидите изъ донесеній. Между ними находятся два перехваченныхъ письма Богарнэ къ Бертье, въ которыхъ онъ рисуетъ плачевную картину состоянія корпуса, коимъ командуетъ. Должно произойти полное уничтоженіе непріятеля, и мы съ минуты на минуту ждемъ этой вѣсти. Походъ князя Кутузова прямо черезъ Ельню на Красное по моему настолько же мудръ, какъ страшенъ для непріятеля, который видитъ у себя слѣва могучую и побѣдоносную армію, идущую параллельно ему и которую онъ ни разу не смогъ прорвать: въ тоже

Библиотека "Руниверс"

время справа и сзади, его на каждомъ шагу осаждаетъ туча легкихъ отрядовъ, о которыхъ онъ нѣкогда отзывался съ презрѣніемъ, которымъ теперь ничего не можетъ противопоставить и которые не даютъ ему возможности даже вздохнуть. Послѣ происшедшаго въ Дорогобужѣ и Духовщинѣ, надо ждать чего нибудь болѣе важнаго подъ Смоленскомъ: зная, какъ близко были войска вокругъ этого знаменитаго города, ваше сіятельство можете судить о нетерпѣніи получить извѣстіе о томъ, что должно было тамъ произойти. Думаютъ, что Бонапартъ долженъ былъ въ Смоленскѣ ждать прибытія своей побитой и прогнанной арміи, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о немъ лично и объ его намѣреніяхъ. Графъ Витгенштейнъ взялъ направленіе къ Оршѣ, чтобы быть наготовѣ идти либо на Могилевъ, либо на Витебскъ. Мнѣ кажется, что Бонапартъ не сможетъ выйти изъ Смоленска, не повстрѣчавшись съ нимъ. Хотя и нѣтъ оглашенныхъ вѣстей о Чичаговѣ, но я увѣренъ, что онъ будетъ находиться на назначенномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что генералъ-лейтенантъ его корпуса, Сакенъ, уже давно прошелъ Слонимъ, захвативъ въ этомъ городѣ милаго брата г-жи Татищевой отрядомъ нашихъ гусаръ подъ командованіемъ генералъ-маіора Чаплица. Однимъ словомъ, дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и конечный успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Крикуны арміи (изъ нихъ наиболѣе ожесточенный Вильсонъ, я этимъ очень недоволенъ) говорятъ, что можно было окончательно уничтожить Бонапарта и его армію подъ Малымъ Ярославцемъ и Вязьмою, напавъ на него по всѣмъ пунктамъ; но Кутузовъ, какъ говорятъ, заявилъ этимъ господамъ, что не потеряетъ безъ необходимости ни одного человѣка, что непріятелю, усталому, голодному, ослабленному до послѣдней степени, надо идти еще 800 верстъ, а онъ, идя въ порядкѣ съ побѣдными, свѣжими, хорошо накормленными и обезпеченными всѣмъ войсками, всегда будетъ имѣть время нагнать непріятеля, не утомляя безполезно своей арміи ни сраженіями, ни форсированными маршами и достигнетъ той же цѣли, сохранивъ людей и провіантъ. Графъ Сенъ-При писалъ сюда, что онъ не узналъ арміи, оставленной имъ при Бородинѣ: такъ она пополнилась и поправилась послѣ отступленія изъ Москвы и что съ подобной арміей можно идти не только до Вислы, но если нужно, то и значительно дальше. Но этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, еще не рѣшенъ.

*

Петербургъ, 11 Ноября 1812 г.

Посылаю при семъ донесенія о нашихъ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Новые успѣхи графа Витгенштейна величайшей важности.

Библиотека "Руниверс"

Думаютъ, что какъ ни стремительна была атака Виктора съ 40.000 людей, тогда какъ Витгенштейнъ, имѣя многочисленные отряды, разбросанные по всѣмъ сторонамъ, могъ ему выставить только 15.000. но она была ложная, потому что Викторъ не возобновилъ ея, не смотря на свое большое преимущество. Полагаютъ, что онъ повернетъ, подкрѣпленный другими частями со стороны Смоленска, на Минскъ, и такимъ образомъ адмиралъ Чичаговъ будетъ атакованъ всѣми силами Бонапарта. И все же за его армію не боятся: она составлена изъ очень хорошихъ частей и генераловъ. Впрочемъ князь Кутузовъ продолжаетъ идти параллельно Французамъ черезъ Ельню на Красное, откуда помѣчены его послѣднія донесенія. Было прекрасное дѣло авангарда съ непріятелемъ, вслѣдствіе коего 4.000 Французовъ съ тремя генералами сложили оружіе вмѣстѣ съ 22 пушками. Одна часть состояла изъ Французской гвардіи съ лучшимъ гвардейскимъ генераломъ Дюфоромъ. Рапортъ о дѣлѣ еще не напечатанъ; если онъ выйдетъ до отправки этого письма, ваше сіятельство его получите. Князь Кутузовъ пишетъ, что предоставляетъ казакамъ позаботиться о голодной смерти гарнизона въ Смоленскѣ, который укрѣплялъ тамошній губернаторъ Жомини, тотъ самый, что̀ много писалъ о военномъ искусствѣ. Поэтому мнѣ кажется, что главная армія успѣетъ подойти къ Чичагову приблизительно къ тому времени, когда сего послѣдняго атакуетъ непріятель. Думаютъ, что именно таковъ долженъ быть планъ Бонапарта, потому что онъ идетъ Оршею и Минскомъ на Вильну, а Шварценбергъ находится со стороны Галиціи, наблюдаемый генераломъ Сакеномъ съ 30.000 людей. У адмирала ихъ приблизительно 50.000. Всѣ эти подробности сообщены намъ какъ офиціальными рапортами, такъ и генераломъ Винценгероде и вашимъ племянникомъ Львомъ Нарышкинымъ, которые освобождены авангардомъ Чичагова и прибыли сюда вчера. Они увѣряютъ, что у непріятеля есть цѣлые корпуса, питающіеся въ теченіи уже 13 дней одною кониной безъ хлѣба: Ихъ отослали со всей поспѣшностью изъ Дорогобужа, увидавъ, что казаки и авангардъ тѣснятъ бѣгущую армію. Офицеръ и жандармы, ведшіе ихъ, получили приказъ остановиться только въ Вильнѣ на короткое время и вести ихъ въ Мецъ, не позволяя никому ни видѣть ихъ, ни разговаривать. Въ трехъ переходахъ до Минска, при выходѣ изъ Бобра, они встрѣтили 10 казаковъ, пикетъ казачьяго полка подъ начальствомъ адъютанта Его Величества Чернышова, высланнаго развѣдать, гдѣ находится Витгенштейнъ. Этотъ полкъ, взявъ окольную дорогу, остановился въ 4 верстахъ отъ Бобра, оставивъ на главной дорогѣ пикетъ, которому и удалось освободить плѣнниковъ и захватить трехъ курьеровъ, двухъ отъ Бонапарта и одного изъ Парижа съ бумагами величайшей важности. Между прочими есть письмо Бонапарта къ Саварй,

Библиотека "Руниверс"

подтверждающее слухи о возмущеніи въ Парижѣ, потому что онъ упрекаетъ послѣдняго за непринятіе мѣръ противъ бунта, который онъ долженъ былъ предвидѣть. Увѣряютъ, будто плѣнный генералъ Дюфоръ сообщилъ, что въ арміи есть положительное извѣстіе о бунтѣ, что Марія-Луиза со своимъ незаконнымъ сыномъ, спаслась, а Саварй захваченъ Талейраномъ и Фуше, главными руководителями возмущенія. Говорятъ, будто изъ Вѣны пріѣхалъ курьеръ съ тѣмъ же извѣстіемъ, но я этого не утверждаю. Дай Богъ, чтобы вѣсть была вѣрна, и міръ освободился наконецъ отъ этого жестокаго и подлаго чудовища. Съ Нарышкинымъ всѣ, начиная съ Бонапарта, обходились хорошо, но съ Винценгероде Бонапартъ обращался недостойно. Вначалѣ онъ приказалъ его разстрѣлять, но потомъ боязнь мщенія заставила его измѣнить рѣшеніе.

Петербургъ, 13 Ноября 1812 г.

Я только что вернулся изъ Казанскаго собора съ благодарственнаго молебна по поводу еще невиданной блестящей побѣды. Можно сказать, что теперь съ Французской арміей и самимъ Бонапартомъ кончены всѣ разсчеты. Не буду распространяться: ваше сіятельство найдете всѣ подробности въ опубликованной реляціи, которую имѣю честь при семъ приложить вмѣстѣ съ нѣсколькими предъидущими донесеніями.

Скажу только, что Бонапарта едва не захватили наши охотники въ Лядахъ, гдѣ онъ отдыхалъ среди батальона гвардіи, поставленнаго въ карре. Онъ не рискнулъ войти въ селеніе и расположился рядомъ на дорогѣ. Наши охотники и казаки остановились въ 6 верстахъ, узнавъ слишкомъ поздно о его сосѣдствѣ; они опоздали только на одинъ часъ. Нѣтъ вѣроятія, чтобы онъ ушелъ, развѣ что броситъ конвой и переодѣнется Жидомъ*), потому что всѣ дороги заставлены нашими войсками и отрядами. Князь Кутузовъ названъ Смоленскимъ, титулъ, который въ потомствѣ будетъ воскрешать славныя воспоминанія. Георгіевская лента, какъ увѣряютъ, была ему послана на дняхъ. Ждутъ съ минуты на минуту болѣе подробнаго извѣщенія о всемъ происшедшемъ и о послѣдствіяхъ, важныхъ какъ для всего міра, такъ въ частности для Россіи. Я хотѣлъ бы быть свидѣтелемъ радости въ Англіи, когда услышатъ столько добрыхъ вѣстей; вотъ настоящая минута повторить Англійскій каламбуръ на Кутузова, сдѣлавъ изъ его имени фразу cut—us—off. Лордъ Каткаръ сказалъ мнѣ въ соборѣ, что отошлетъ курьера тотчасъ же, какъ реляція будетъ переведена на Французскій языкъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ и, чтобы не лишиться

*) Недѣли черезъ двѣ Русскую границу Наполеонъ переѣхалъ въ Жидовской кацавейкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

его, кончаю пожеланіями вмѣстѣ съ вашимъ сіятельствомъ и всѣмъ свѣтомъ, чтобы тиранъ погибъ и далъ бы намъ покой.

Петербургъ, 7 Декабря 1812.

Бонапартъ ускользнулъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ его распоряженіи послѣ перехода Нѣмана останутся только маршалы безъ войска. Онъ составилъ новую гвардію, принявъ чинъ капитана; солдатами—офицеры Почетнаго Легіона. Окруженный этой гвардіей, онъ идетъ пѣшкомъ, чтобы остановить ропотъ арміи. Французскіе солдаты болѣе не дерутся и сдаютъ оружіе безъ единаго ружейнаго выстрѣла.

Петербургъ, 11 Декабря 1812.

Сегодня ждемъ мы извѣстій о прибытіи Государя въ Вильну, и я увѣренъ, что получимъ какія нибудь вѣсти объ остаткахъ Французской арміи, которая насчитывала при выходѣ изъ Вильны едва 17.000 человѣкъ. Ими, кажется, командуетъ Давў. Безъ сомнѣнія, при переходѣ черезъ Нѣманъ онъ долженъ былъ потерять по меньшей мѣрѣ половину. Вотъ каковы жалкіе остатки варварской орды, затопившей Россію съ намѣреніемъ унизить ее въ конецъ. Бѣдствія, заготовленныя ею для насъ, обрушиваются на тѣхъ, кто ихъ приготовилъ. У Французовъ осталось только 20 пушекъ, и есть надежда, что ихъ даже они не смогутъ увезти. Государь взялъ съ собою ленту св. Георгія, чтобы украсить ею главнокомандующаго, который заслужилъ ее по справедливости. Бонапартъ даже не вошелъ въ Вильнѣ въ домъ, приготовленный для него; князь нашелъ въ немъ полный порядокъ, какъ будто Французы позаботились именно о немъ. Бонапарта видѣли въ сѣромъ поношенномъ сюртукѣ съ дырами на локтяхъ*). Онъ принялъ имя Коленкура, и это инкогнито дало поводъ Французамъ выдумать каламбуръ notre Collin court. Взято обратно рѣшительно все, захваченное имъ въ Россіи, и вся Польша такъ наводнена иностранными монетами, что казаки отдаютъ ихъ дешево за ассигнаціи.

Петербургъ, 14 Декабря 1812.

О Бонапартѣ ничего опредѣленнаго не слышно. Предполагаютъ, что онъ самъ руководилъ боемъ подъ Ковно, но это невѣроятно, такъ какъ много раньше перешелъ Нѣманъ. Одни говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Вѣну, другіе—въ Дрезденъ. Самое же вѣроятное, что онъ въ Данцигѣ, гдѣ еще остался гарнизонъ и небольшой корпусъ Ожеро, приблизительно въ 16 или 18 тысячъ; нѣсколько укрѣпленныхъ позицій съ гарнизонами скроютъ его отъ неожиданнаго нападенія и дадутъ

*) Подробности о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи читатели найдутъ въ Запискахъ Польскаго епископа Буткевича, въ „Р. Архивѣ" 1876 (II. 7). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

пріютъ на нѣкоторое время. Отданъ приказъ набирать рекрутовъ въ мѣстахъ, не выставлявшихъ ихъ еще, и это даетъ поводъ думать, что война перенесется за наши границы; думаю, что вопросъ выяснится въ Вильнѣ.

Письмо графа М. С. Воронцова къ Н. М. Лонгинову [1]).

С. Андреевское, 13 Сентября 1812 г.

Наконецъ получилъ отъ васъ три письма, любезнѣйшій Николай Михайловичъ № 36, 37 и 38 и узналъ чрезъ оныя, что мое письмо съ Березовскимъ къ вамъ дошло и приложенное батюшкѣ пошло съ курьеромъ лорда Каткарта. Не могу описать вамъ, любезнѣйшій другъ, чувствованіе и признательность наиглубочайшую, наполнившія сердце мое при чтеніи милостивѣйшихъ на мой счетъ выраженій обожаемой нашей Государыни. Зная очень, что не имѣвъ еще возможности содѣлаться достойнымъ лично столь великой милости, я долженъ приписать оныя заслугамъ батюшки моего и дяди; но не меньше того благодарность моя равняться можетъ развѣ съ тѣмъ глубочайшимъ благоговѣніемъ, которое обще со всѣми нашими соотчинами я имѣю къ несравненной и дражайшей нашей Государынѣ. Продли Богъ жизнь ея и Государя нашего! Пятьдесятъ милліоновъ подданныхъ Всевышняго ежечасно о томъ просятъ, и покамѣстъ онъ намъ сохраненъ, никакой врагъ намъ страшенъ быть не можетъ. Пріятно жертвовать жизнію, когда любовь къ отечеству ничѣмъ не отдѣляется отъ любви къ своимъ государямъ, и ничто иное, какъ одно и тоже.

Сегодня я вамъ мало пишу, ибо много долженъ писать въ армію съ отъѣзжающими: да и здѣсь занимаюсь разобраніемъ бумагъ [2]), но на дняхъ непремѣнно пространно обо всемъ къ вамъ напишу. Пушкину, прошу поклониться. Прощайте, любезный Николай Михайловичъ! Будьте здоровы и веселы.

P. S. Вильсонъ пишетъ, что Государыня и ему велѣла мнѣ поклониться. Сдѣлайте милость, повергая меня къ стопамъ Ея Величества, увѣрьте, что новыя силы и выздоровленіе отъ такой высокой и незаслуженной милости чувствую.

Письмо мое къ батюшкѣ прочтите. Я ему объ здѣшнихъ дѣдахъ говорю.

---

[1]) Это не переводъ, а подлинникъ. Обыкновенно графъ М. С. Воронцовъ писалъ по французски.

[2]) Богатый Воронцовскій Архивъ (котораго лишь часть обнародована въ 40 книгахъ „Архива Князя Воронцова") находился тогда въ селѣ Андреевскомъ, откуда позднѣе перевезенъ былъ въ Одессу. Говорятъ, что послѣ 1882 г. перевозили его въ Алупку, а что теперь онъ въ Петербургѣ на Моховой, въ Шуваловскомъ домѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

*

Петербургъ, 13 Октября 1812.

Кавалеръ Безерра отправляется отселѣ завтра, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы отвѣтить вашему сіятельству на вопросъ вашъ о происшествіяхъ въ арміи, гдѣ вы справедливо заключаете, что не безъ интригъ было сначала и до нынѣ, къ несчастію и вреду нашему. Письмо сіе назначая для васъ единственно, или для немногихъ, коимъ ваше сіятельство сообщить заблагоразсудите, я почитаю за лучшее писать оное порусски, дабы любопытное око иностранцевъ не могло проникнуть содержаніе онаго.

Коль скоро правительство составлено изъ частей несогласныхъ между собою, нельзя ожидать, чтобы оное могло поддерживать себя иначе, какъ интригами: а сіи, распространяясь повсюду, наполняютъ всѣ мѣста, зависящія отъ онаго [1]). Такимъ образомъ стоитъ только упомянуть имена министровъ нашихъ, чтобы все понять и всѣхъ цѣнить какъ должно.

Графъ Румянцовъ одинъ, можно сказать, наибольше имѣлъ вліяніе на всѣ мѣры правительства. Если не купленъ Франціею, то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности; всегда такъ дѣйствовалъ какъ бы на жалованьи у Бонапарта, до того, что если бывали когда минуты добраго расположенія Государя къ доброму дѣлу, то оное не иначе исполнялось, какъ мимо его. При всемъ томъ онъ вообразилъ и заставилъ многихъ о себѣ думать, что онъ Макіавель, хотя слова его нимало не похожи на сего умнаго софиста въ политикѣ. Описывать больше Румянцова было бы излишне; а довольно сказать, что онъ до начала сей войны вѣрилъ словамъ и обѣщаніямъ Бонапарта болѣе чѣмъ Евангелію, о которомъ и понятія не имѣетъ, какъ и о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанина.

Козодавлевъ [2]), министръ внутреннихъ дѣлъ, и есть его креатура, подлѣйшій изъ подлецовъ, знающій порядокъ и теченіе обыкновенныхъ дѣлъ и ничего никогда не знававшій кромѣ, провозглашая правила Румянцова въ своей газетѣ [3]), много препятствовалъ сближенію Россіи съ Англіею и постоянно показывалъ себя врагомъ послѣдней. Сей глупый, впрочемъ, педантъ никакого никогда вліянія, даже понятія о

[1]) Тоже самое говорилъ мнѣ М. Н. Катковъ, подъ конецъ царствованія Александра II-го. По его выраженію, министерства наши воевали одно противъ другого. П. Б.

[2]) Его настоящее фамильное имя Козъ-индаленъ (Kosindahlen). Онъ воспитывался въ Лейпцигѣ въ товариществѣ съ Радищевымъ.

[3]) „Сѣверной Почтѣ". П. Б.

Библиотека "Руниверс"

политической системѣ нашей. если то можно назвать системою, не имѣлъ. Князь Куракинъ его вывелъ въ люди, и когда просилъ себѣ въ товарищи по внутреннимъ дѣламъ, Государь самъ сказалъ ему, что онъ согрѣваетъ змѣю за пазухой: однакоже по вторичной его просьбѣ не отказалъ ему въ семъ выборѣ.

Барклай, выведенный изъ ничтожества Аракчеевымъ, который думалъ имъ управлять какъ секретаремъ, когда вся армія возненавидѣла его самого, показалъ однакоже характеръ, коего А. не ожидалъ, и съ самаго начала взялъ всю власть и могущество, которыя А. думалъ себѣ одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоивъ ихъ мѣсту, а не себѣ, и Барклай ни на шагъ не уступилъ ему, когда вступилъ въ министерство. Я почитаю, сколько могу судить, что Барклай есть честный, тяжелый Нѣмецъ, съ характеромъ и познаніями, кои однакоже недостаточны для министра. При томъ, не имѣя ни связей, ни могущихъ друзей, онъ одинъ стоялъ противъ всѣхъ бурь, пока наконецъ Ольденбургская фамилія[1]) и Сперанскій, какъ утверждаютъ, приняли его въ покровительство.

Траверсе, по сходству положенія своего съ Барклаемъ, нашелъ въ немъ одномъ, можно сказать, товарища и друга; но въ дѣлахъ никогда ничего не значилъ.

Гурьевъ человѣкъ съ хорошими правилами и довольно честный, но пренеспособный къ мѣсту и дѣламъ, поддерживаемый Толстымъ, Голицынымъ и другими придворными, часто боролся со Сперанскимъ, но устоялъ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ прочими товарищами своими, и въ дѣлахъ кромѣ своей части никогда голоса не имѣлъ.

N., полиціи министръ, другого ремесла въ вѣкъ не имѣлъ какъ шпіонство, бывъ долго въ Москвѣ и здѣсь полицмейстеромъ. Подлой должности и поручить нельзя, какъ душѣ подлой, которой никто не могъ себя ввѣрить или вступить съ нимъ въ связь. Онъ много дѣлалъ зла, добра немногимъ, а въ политикѣ ничего не смыслитъ.

Разумовскій[2]), начальникъ и покровитель Московскихъ Мартинистовъ, зарывшись въ ботанику и метафизику, былъ и есть находкою для всѣхъ педантовъ, подъ именемъ ученыхъ, кои все могли дѣлать, лишь бы не нарушали его лѣности и покоя, и вездѣ въ ученыхъ обществахъ ввели правила такія, кои въ одной Франціи покровительствуемы. Стоитъ назвать Московскій и Дерптскій университеты, чтобы

---

[1]) Т. е. великая княгиня Екатерина Павловна, ея супругъ, свекоръ и деверь. П. Б.

[2]) Старшій сынъ гетмана, Алексѣй Кириловичъ, отецъ Перовскихъ, министръ народнаго просвѣщенія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

изобразить Гетингенскій, гдѣ не знаютъ ни Бога, ни закона. Сперанскій глубоко проникнулъ и для достиженія своей цѣли разсудилъ, что надобно революцію начать съ образованія юношества безъ разбора, по своимъ правиламъ, въ предоразсужденіе дворянству и заслугамъ предковъ. Ему надобно было не Завадовского*), а того, кто бы ему не мѣшалъ. Разумовскій выполнилъ сію цѣль, въ прочихъ дѣлахъ не участвуя.

Дмитріевъ, піита, человѣкъ прямой и честный, немного Мартинистъ, шелъ своею дорогою, не входя въ большія связи; кромѣ съ старинымъ пріятелемъ Балашевымъ и съ Разумовскимъ съ прочими онъ мало зналъ и дѣлалъ одни свои дѣла.

Министерство, такъ составленное, не могло почти дѣйствовать. Для него надобна была душа; нашлась она въ Сперанскомъ, къ несчастію Россіи. Креатура Кочубея. Самъ Кочубей, вывезшій изъ Парижа знаменитый планъ Совѣта (правительства всеобщаго преобразованія) сталъ у него секретаремъ и исполнителемъ: самъ Румянцовъ, при всей гордости своей, былъ у ногъ его. Онъ преобразовалъ правительство, воспитаніе, армію, финансы. Сенатъ остановилъ его, тогда какъ разрушеніе онаго было начертано, и великій творецъ онаго забытъ. Образованіе Сената продолжалось въ Совѣтѣ нѣсколько мѣсяцевъ; въ послѣднемъ засѣданіи по сему предмету недостойнаго отца (Николая Ив. Салтыкова) предостойный сынъ Александръ Н. имѣлъ духъ подписать журналъ такъ: „остаюсь при своемъ мнѣніи, а журналъ подписываю по волѣ Его В-ва, изъявленной мнѣ черезъ государственнаго секретаря“. Нѣсколько другихъ было противъ разрушенія стараго зданія Сената, почему Государь остановился, хотя большинство и было на сторонѣ Сперанскаго, и совершеніе сего дѣла отложено, пока политическія сношенія наши заставили обратить въ другую сторону вниманіе. Сперанскій и тутъ сталъ душою; онъ создалъ для себя такое мѣсто, что мимо его ничто не могло и не должно было пройти. Румянцовъ, Барклай, даже Ольденбургская фамилія, имѣли въ немъ нужду. Кочубей гордился, что вывелъ на сцену столь великаго мужа, и думалъ, что онъ посредствомъ Сперанскаго все дѣлаетъ и все вѣдаетъ. Какъ онъ ошибся, когда, послѣ случившагося съ нимъ катастрофа, увидѣлъ, что у Сперанскаго никто кромѣ Магницкаго не былъ въ секретѣ и еще нѣсколькихъ низшихъ его креатуръ и что онъ былъ ничто иное, какъ глупый и сильный покровитель цѣлой шайки измѣнниковъ и предателей.

До сихъ поръ неизвѣстно завѣрно, въ чемъ состояла вина сихъ ссылочныхъ; но вообще вѣроятнѣе почитается слѣдующее обстоятель-

*) Котораго смѣнилъ графъ Разумовскій въ должности министра. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ство. Когда война была рѣшена и планъ оной окончательно принятъ, всѣ мѣры распоряжены и докладъ военнаго министра утвержденъ, вдругъ бумаги сіи пропали изъ портфеля военнаго министра, который обыкновенно хранился у полковника Воейкова, флигель-адъютанта и управлявшаго канцеляріею военнаго министра. На допросъ его, куда дѣлись бумаги, Воейковъ отвѣчалъ: не знаю. Барклай тотчасъ возвратился къ Государю, не оставилъ ли ихъ у него въ кабинетѣ: ихъ не нашли. По возвращеніи, Воейковъ говоритъ, что онъ отдалъ ихъ списать статск. сов. Болховскому, который былъ секретаремъ коммиссіи составленія военнаго уложенія: отъ сего перешли онѣ къ Магницкому и Сперанскому, такъ что съ трудомъ отыскали сіи бумаги, кои почитались величайшею тайною извѣстною только Его Величеству, Барклаю и Воейкову. На допросѣ Болховской и Воейковъ отвѣчали, на вопросъ, для чего нужна была копія, что Сперанскій ея потребовалъ, и что они нашли нужнымъ ему въ томъ повиноваться, а спросить позволенія не имѣли времени, или не почли нужнымъ. Для чего могли быть нужны Сперанскому и Магницкому сіи военныя распоряженія, была вещь подозрительная и, по опечатаніи ихъ бумагъ, особливо послѣдняго, подозрѣнія сіи оказались основательными. Въ тоже время оказалось, что Сперанскій велъ переписку въ шифрахъ, кои требовалъ по произволенію отъ дѣйств. ст. сов. Бека, въ Иностранной Коллегіи, мимо гр. Румянцова и чрезъ посредство экспедитора канцеляріи послѣдняго Жерве. Какъ сей, такъ и Бекъ показали, что государственный секретарь, имѣя право объявлять именные указы, они не могли отказать ему въ шифрахъ тѣмъ болѣе, что онъ именно не велѣлъ имъ спрашивать о томъ канцлера. Однимъ словомъ, нѣтъ сомнѣнія, что Лористонъ имѣлъ сіи бумаги и даже успѣлъ отправить въ Парижъ, такъ какъ, наканунѣ ссылки виновныхъ, отправленъ былъ адъютантъ его, который даже стрѣлялъ по нашемъ фельдъегерѣ, который его объѣхалъ близъ Риги совсѣмъ по особенному порученію, а не для поимки его. Всѣ назначенія и распоряженіи по арміямъ были уже сдѣланы, и всѣ мѣста наполнены людьми преданными симъ измѣнникамъ, по большей части, такъ какъ вся власть и люди въ ихъ рукахъ были: ибо Сперанскій былъ все въ имперіи, такъ какъ Магницкій, военный законодатель, съ Воейковымъ и Болховскимъ дѣлали все, что̀ ни заблагоразсудили по военному департаменту. Люди сіи почти всѣ остались при мѣстахъ въ арміи. Можно ли чего хорошаго отъ нихъ ожидать? Недавно графъ Михайло Семеновичъ поймалъ одного въ семъ родѣ, который былъ при начальникѣ генеральнаго штаба 2-й арміи, по имени маркизъ Делезеръ, который часто отлучался и любилъ ѣздить на аванпосты и парламентеромъ. Графъ М. С. приказалъ слѣдовать за нимъ

Библиотека "Руниверс"

и, когда оказалось, что онъ совсѣмъ не былъ тамъ, гдѣ сказалъ, подозрѣнія сдѣлались основательными, и онъ принужденъ былъ сказать о томъ начальнику его графу С. При, который по допросѣ и отправилъ его къ графу Растопчину, гдѣ подозрѣнія дознаны справедливыми. Послѣ сего неудивительно, что въ бумагахъ Себастіани нашли распоряженія и планъ движенія 2-й арміи. Сей Лезеръ былъ корпуснымъ адъютантомъ у Дохтурова, но нашелъ выгоднѣе быть при источникѣ всѣхъ военныхъ дѣйствій, и успѣлъ. Можно было предвидѣть, что Сперанскій и ему подобные не однимъ Лезеромъ армію наградили; но у насъ никогда ничего не додѣлывается: довольствовались сослать главныхъ, а прочихъ безъ вниманія оставили. Воейкову еще дана бригада въ дѣйствующей арміи, гдѣ онъ и теперь находится. Почему онъ меньше другихъ виновенъ, не знаю. Впрочемъ, можно ли почесть наказаніемъ и ссылку тѣхъ, коихъ предать смертной казни было бы мало? Сперанскій въ Нижнемъ Новгородѣ чуть не былъ закиданъ камнями[1]) и послѣ не сталъ показываться: а Магницкій въ Вологдѣ громогласно вездѣ проповѣдывалъ вольность, что̀ и побудило его услать далѣе.

Чтобы докончить исторію сихъ людей, скажу, что Сперанскій есть сынъ одного дьячка[2]), воспитывался въ здѣшней семинаріи и потомъ училъ Русской грамотѣ побочныхъ дѣтей князя Александра Б. Куракина, который и помѣстилъ его на службу. Будучи надворнымъ совѣтникомъ, онъ поступилъ къ графу Кочубею въ министерство внутреннее и пошелъ въ чины и знать, имѣя способности и даръ хорошо писать. Кочубей и Сперанскій были два педанта, кои ничего не сдѣлали кромѣ вѣчныхъ образованій и преобразованій, такъ что въ пословицу вошло подъ именемъ *образованія* и *соображенія* разумѣть ихъ двоихъ. Самое пустое незначащее мѣсто, вновь учреждаемое, получало томы *наставленій*, *правилъ* и *предписаній*, кои и до исполненія никогда не могли дойти. Сперанскій женился послѣ на дочери одной Англичанки, бывшей при дворѣ нянькою: имѣетъ дочь, и теща у него живетъ и внучку воспитываетъ, а жена умерла. Онъ былъ въ Эрфуртскомъ вояжѣ, гдѣ отмѣнно былъ обласканъ Бонапартіемъ: видно, что Коленкуръ его хорошо описалъ. Часто видѣли сего посла верхомъ у Сперанскаго по утрамъ, тогда какъ онъ еще не былъ государственнымъ секретаремъ. Зачѣмъ и почему, никто не любопытствовалъ узнать: а цѣлый городъ про то зналъ. Человѣкъ сей прошелъ всѣ департаменты правительства, былъ у Лопухина и Новосильцова по Министерству Юстиціи и былъ извѣстный взяточникъ. Полагаютъ, что

[1]) Графъ Растопчинъ изъ Москвы посылалъ своихъ людей оберегать въ Нижнемъ Сперанскаго отъ оскорбленій со стороны простонародья. П. Б.

[2]) Не вѣрно: сынъ священника. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

имѣніе его неисчетно. и кромѣ деревень онъ имѣетъ 11 каменныхъ домовъ здѣсь и множество капиталовъ; но навѣрно никто того не знаетъ, и большая часть домовъ, говорятъ, куплены на имя Злобина, купца, коего сынъ ему своякъ и имъ на службѣ получилъ чины, мѣста и жалованье, кромѣ того, что отецъ по торговлѣ и процессамъ своимъ имѣлъ въ Сперанскомъ подпору и защиту, а въ спекуляціяхъ товарища.

Магницкій изъ самыхъ бѣдныхъ дворянъ. Отецъ его почти милостынею питался въ Москвѣ, пока сынъ доставилъ ему мѣсто, чинъ, ленту, пенсію и жалованье. Началъ онъ служить въ Иностранной Коллегіи, былъ въ Парижѣ при Марковѣ, откуда почти былъ высланъ. По возвращеніи сюда онъ написалъ письмо покойному графу Александру Романовичу, который правила и мысли его нашелъ толь непристойными и дурными, что приказалъ его изъ Коллегіи исключить. Кочубей, протекторъ всей сволочи, и его къ себѣ прибралъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и довелъ его до статсъ-секретаря съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и лентою, въ 30 лѣтъ отъ роду. Женился онъ на какой-то Француженкѣ изъ модной лавки, братьевъ и родню ея вывелъ въ люди и въ мѣста и, ничего не имѣя, кромѣ жалованья, содержалъ пышно всю сію семью и самъ жилъ какъ Лукуллъ; никто даже не спросилъ, чѣмъ и какъ?—О прочихъ зачѣмъ упоминать? Свой своего ищетъ.

Описавъ такимъ образомъ корень всего зла, можно удобнѣе приступить къ отраслямъ, кои не меньше имѣли вліянія на нашу армію. Нѣкто Фуль, который принятъ изъ Прусской въ нашу службу генералъ-майоромъ, былъ творцомъ нашего плана войны. Человѣкъ сей имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть не иное, какъ Нѣмецкій педантъ и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака. Онъ самый начерталъ планъ Іенской баталіи и разрушенія Пруссіи. Барклай и Ольденбургская фамилія покровительствовали его какъ Нѣмца, Сперанскій какъ человѣка нужнаго, или по крайней мѣрѣ ни въ чемъ ему не мѣшающаго. Многіе не безъ причины почитаютъ его шпіономъ и измѣнникомъ. Кто и какъ его сюда выписалъ, неизвѣстно; только онъ послѣ Тильзита здѣсь очутился. О планѣ его и говорить нѣтъ нужды: онъ былъ слишкомъ виденъ по всѣмъ происшествіямъ войны. Барклай, исполнитель онаго, Нѣмецъ въ душѣ, привлекшій ненависть всѣхъ Русскихъ генераловъ, у коихъ онъ былъ недавно въ командѣ, соединяющій гордость съ грубостью, положилъ за правило никого не видѣть и не допускать. Все его общество состояло изъ нѣкоего Веймарскаго барона Фольцогена, адъютанта Левенштерна и другого Нѣмца

Библиотека "Руниверс"

же. На всѣхъ ихъ были большія подозрѣнія, особливо на перваго, который неизвѣстно какъ и зачѣмъ при немъ очутился, не будучи даже на нашей службѣ. Въ главной квартирѣ кромѣ Нѣмецкаго языка и слова не слышно. Солдаты главнокомандующаго не видѣли и не знали кромѣ въ дѣлѣ противъ непріятеля, гдѣ онъ всегда оказывалъ много храбрости и присутствія духа; но все, что̀ касалось до распоряженій прежде и послѣ дѣла, при безпрерывномъ отступленіи послѣ успѣховъ, казалось непонятнымъ, а о движеніяхъ непріятеля не иначе узнавали, какъ когда оныя уже были произведены въ дѣйство, тогда какъ наши казались ему извѣстными. До Смоленска винить Барклая нельзя (онъ исполнялъ предписанный планъ); но послѣ Смоленска, когда предписано ему дѣйствовать наступательно, и онъ имѣлъ къ тому способы, одержавъ значущій успѣхъ, отразивъ непріятеля, оправдать его трудно, тѣмъ больше, что большая часть генераловъ доказали ему возможность удержать позицію, которая одна могла закрыть Москву. Многіе поставляютъ его на одной доскѣ со Сперанскимъ, но несправедливо, кажется; а вѣроятно, что послѣдній въ выборѣ семъ участвовалъ....*)

Князь Багратіонъ, хотя и неучъ, но опытный воинъ и всѣми любимъ въ арміи, повиновался, но весьма неохотно, Барклаю, который его моложе, хотя и министръ. Впрочемъ онъ долгъ свой исполнилъ и соединился съ нимъ, несмотря на всѣ препятствія и трудности. Послѣ Смоленска онъ писалъ Государю, что онъ готовъ повиноваться кому угодно, даже и Барклаю, но что сей командовать не способенъ и всѣ солдаты ропщутъ. Изнурили ихъ напрасно, половину растеряли для того, чтобы Москву и знатную часть Россіи разорить, тогда какъ свѣжими еще войсками въ началѣ можно было непріятеля остановить. Государь самъ былъ свидѣтелемъ, когда, въ бытность его въ Видзахъ, корпусъ гр. Шувалова (нынѣ графа Остермана-Толстого) почти громко закричалъ: измѣна! По рапорту о семъ графа Шувалова, его смѣнили и планъ по старому продолжали исполнять, пока нашли, что не по нашему, а по своему плану непріятель дѣйствуетъ. Въ Дриссѣ узнали, что непріятель устремился на Смоленскъ; въ военномъ совѣтѣ положено туда идти. Государь потерялъ голову и узналъ, что война не есть его ремесло, но все не переставалъ во все входить и всему мѣшать. Графъ Аракчеевъ уговорилъ его ѣхать въ Багратіонову армію съ собою. Лишь коляски тронулись съ мѣста, онъ велѣлъ ѣхать въ Смоленскъ, а не въ Витебскъ и объявилъ ему, что ему должно ѣхать въ Смоленскъ

*) Точки въ подлинникѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и Москву, учредить новыя силы, а что въ арміи присутствіе его не только вредно, но даже опасно. Говорятъ, что Аракчеевъ взялся быть исполнителемъ общаго желанія всѣхъ генераловъ. Маркизъ Паулуччи, Піемонтецъ и человѣкъ съ большими свѣдѣніями, при Государѣ въ военномъ совѣтѣ, на предложеніе Фуля ретироваться снова сказалъ: что тотъ, кто похоронилъ Пруссію и ея армію въ Іенѣ, не можетъ быть какъ измѣнникъ или глупецъ и готовитъ подобный жребій Россіи. Государь приказалъ ему выйти, и отступленіе продолжалось—вотъ и до Москвы дошло. Ольденбургцы, поддерживая Фуля и его мнѣніе, даже изъяснялись насчетъ нашихъ Русскихъ генераловъ весьма нехорошо. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой сказалъ одному изъ нихъ, что онъ счастливъ быть зятемъ Государя: иначе онъ ему бы показалъ, что̀ Русскіе генералы значатъ. Ненависть въ войскѣ до того возрасла, что если бы Государь не уѣхалъ, неизвѣстно, чѣмъ все сіе кончилось бы.

Вся публика кричала: Кутузова послать! Кутузовъ былъ здѣсь и трактованъ, какъ всякій офицеръ, не смотря на прошлую кампанію и на миръ съ Турками, о коихъ даже и слова не сказано ему по пріѣздѣ Государя, пока наконецъ онъ самъ не сталъ требовать объясненія, дурно ли, хорошо ли онъ сдѣлалъ, и что онъ желаетъ знать мнѣніе Государя. Тутъ и сторговались съ нимъ выбрать княжескій титулъ или женѣ портретъ. Наконецъ, когда дѣло зашло и за Смоленскъ, нечего дѣлать: надобно послать Кутузова поправить то, что̀ уже близко къ разрушенію. Увы! Москва не спасена, не смотря на 26 Августа, стоившее намъ до 30.000 героевъ. Вотъ каковы слѣдствія Ольденбургцовъ, Сперанскихъ, Фулей, Барклаевъ! Богъ знаетъ, что̀ впередъ случится. Никогда не слыхано, чтобы судьба всей арміи и цѣлой имперіи ввѣрялась человѣку, хорошо командовавшему бригадою или дивизіею и который нетерпимъ подчиненными, ненавистенъ солдатамъ. Если Россія устоитъ послѣ толь ужаснаго испытанія достоинствъ главнокомандующаго, то одному Провидѣнію и своему народу тѣмъ обязаны будемъ, а не правительству. Поляки уже были въ нашихъ границахъ, а Румянцовъ увѣрялъ, что войны не будетъ, быть не можетъ, что то были какіе ни есть сумасбродныя головы (têtes évaporées) Поляковъ, коихъ голодъ или пьянство заставили войти въ наши предѣлы. Генералы почти не имѣли предписаній, полагаясь на увѣренія Румянцова, и когда Багговуту рапортовали, что Французы переходятъ у Ковно Нѣманъ, онъ не повѣрилъ, какъ получа вторичный рапортъ. Иностранцы Армфельдъ и Паулуччи, бывшіе съ Государемъ, говорили какъ Русскіе: жаль, что Русскихъ не ставятъ въ такое мѣсто, гдѣ говорить должно за себя—все Нѣмцы! Слава Богу, что случился тутъ Аракчеевъ,

Библиотека "Руниверс"

лично злодѣй большей части генераловъ и Гатчинскій тиранъ войскамъ, но патріотъ извѣстный, преданный отечеству и Государю. Безъ его рѣшимости и присутствія духа чего должно бы ожидать? Онъ же совѣтовалъ отозвать великаго князя и..... повѣсу, которые снова просились въ армію, но ихъ не пустили. Они тамъ только нужны гдѣ нужно все разстроить; обоихъ можно бы для сего Французамъ уступить. Ваше сіятельство увидите со временемъ, чего будетъ намъ стоить сія..... фамилія. Далеко уже и теперь они власть свою простираютъ: не вижу, гдѣ остановятся, особливо съ извѣстнымъ нравомъ и надменностью видовъ великой княгини. Герцогъ Виртембергскій, находясь въ арміи съ тѣхъ поръ, какъ Витебскъ нами оставленъ, напротивъ, оказалъ много пользы, пособій и даже познаній, съ твердостью и присутствіемъ духа. Послѣ отступленія изъ Смоленска, если бы онъ не навелъ двухъ мостовъ чрезъ болото, о чемъ Барклай не думалъ, можетъ быть, вся армія пропала бы.

Ваше сіятельство еще до полученія сего узнаете о вступленіи Французовъ въ Москву. Сіе случилось вслѣдствіе военнаго совѣта, который былъ созванъ и въ коемъ Бенигсенъ и Коновницынъ, генералъ-лейтенантъ, предлагали защищать Москву; прочіе всѣ были оставить оную, въ томъ числѣ и князь Кутузовъ, несмотря на то, что при отъѣздѣ отсюда и по прибытіи въ армію онъ объявилъ, что непріятель не иначе вступитъ въ сію древнюю столицу, какъ по его мертвому трупу. Видно, были важныя причины, кои заставили отступить и не произвести въ дѣйство первоначальнаго плана защищать ее, какъ Сарагоссу. Если то справедливо, что сначала Кутузовъ отступилъ 15 верстъ по Рязанской и Тульской дорогѣ, а теперь опять лѣвымъ крыломъ занялъ Можайскъ, то можетъ статься, что непріятель обойденъ и долженъ выйти, чтобы открыть себѣ путь: ибо Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимирская и другія милиціи могутъ ему попрепятствовать идти далѣе со всѣми силами, особливо имѣя въ тылу цѣлую армію, недавно сражавшуюся съ успѣхомъ подъ Можайскомъ и усиленную корпусомъ вновь формированныхъ войскъ подъ командою князя Лобанова и милиціями. Съ другой стороны, корпусъ отдѣльный бар. Винценгероде находится около Клина до 28.000 человѣкъ, прикрывая Ярославскую и Тверскую дороги и посылая отряды на Волоколамскъ. Многія письма, кои я самъ видѣлъ, полагаютъ, что дѣла наши чрезъ отдачу Москвы много выиграли; но кромѣ того, что почти невозможно преградить совершенно путь арміи до 200.000 простирающейся, зло (морально судя) потери столицы есть пятно для чести народной и можетъ произвести въ народѣ печальныя слѣдствія, если духъ начнетъ упадать и жаръ простынетъ. Чтобы предупредить

Библиотека "Руниверс"

сіи пагубныя послѣдствія, надобно немедленно дѣйствовать наступательно. Надѣюсь, что князь Кутузовъ сего не упуститъ; но съ 4-го числа извѣстій отъ него нѣтъ. Вооруженный Московскій народъ, который графомъ Растопчинымъ удивительно былъ электризованъ, подъ именемъ клича, вышелъ съ нимъ въ числѣ 63.000 человѣкъ и соединился съ арміей, унеся съ собою запасовъ, сколько возможно; прочіе всѣ истреблены или вывезены заблаговременно, такъ какъ и наши раненые и больные, коихъ было до 11.000 человѣкъ. Всѣ войска, регулярныя и нерегулярныя, кои должны быть нынѣ съ Кутузовымъ, полагаютъ въ 225.000 человѣкъ. Тормасовъ и Чичаговъ получили повелѣнія дѣйствовать немедленно на Смоленскъ.

Все сіе, если не замѣшкается, будетъ имѣть важныя слѣдствія: но если станутъ долго откладывать, можетъ быть только для будущаго полезно, такъ какъ Шведская высадка и занятіе Мадрита Велингтономъ. Намъ же теперь настоитъ нужда въ дѣйствіяхъ немедленныхъ, каковыхъ спасеніе Россіи и Европы требуютъ. Безъ того вся Польша и цѣлый свѣтъ на насъ возстанутъ; въ Полынѣ и самые преданные покинутъ насъ и возьмутъ его сторону. Въ два мѣсяца будетъ противу насъ 100.000 войска, которое доселѣ не существовало. И теперь уже говорятъ, что Бонапарте Поляковъ и нашихъ, оставшихся назади больныхъ и усталыхъ, поставилъ у себя десятыми въ войскахъ; что же будетъ послѣ? Барклая винятъ наиболѣе, что цѣлая армія донынѣ въ бездѣйствіи и отдаленности оставлена. Въ самомъ дѣлѣ, выключая Тормасову армію, дѣйствующую противъ Австрійцевъ и Саксонцевъ, резервъ его до 30.000 оставленъ въ Житомирѣ безъ всякаго движенія и пользы, такъ какъ и резервный корпусъ подъ командою Эртеля до 25.000 въ Черниговѣ и Мозырѣ, Бобруйскій гарнизонъ 26 баталіоновъ и корпусъ 15.000, бывшій въ Крыму и Одессѣ, которому давно бы слѣдовало придти.

Безъ сомнѣнія, не будучи военнымъ, трудно судить о сихъ распоряженіяхъ; но коль скоро солдаты вслухъ кричатъ, что Барклай съ Сперанскимъ въ измѣнѣ, кажется, и оправдать его во всемъ трудно. Если бы сначала дали команду Кутузову или посовѣтовались съ нимъ, и Москва была бы цѣла, и дѣла шли бы иначе; но предубѣжденія противу него съ Австрійской кампаніи, гдѣ онъ впрочемъ нимало не виновенъ, доселѣ остались непреклонными, даже когда отечество стало на краю гибели. Государь даже и не начиналъ говорить съ нимъ про войну. Кутузовъ почелъ обязанностью говорить о томъ и доказалъ, что планъ былъ самый необдуманный и войска были расположены не по военнымъ правиламъ и болѣе похоже на кордонъ противу чумы. Хотя и поздно, принялись за него; но по крайней мѣрѣ надежда

Библиотека "Руниверс"

остается, что отечество не погибнетъ, и что почтенный сей старикъ, и военными способностями, и опытностью, и именемъ своимъ можетъ спасти и поправить дѣла. Что до Москвы, знающіе положеніе мѣстъ и войскъ доказали, что, отдавши Смоленскъ, ее удерживать было бы безразсудно. Съ часу на часъ ожидаемъ теперь о случившемся въ арміи съ 4-го числа извѣстій: они должны быть важны и рѣшительны. Одно къ утѣшенію намъ остается, что Государь и не думаетъ о мирѣ и рѣшился никакихъ предложеній не принимать, хотя бы дѣло дошло до Казани и Архангельска. Вчера Императрица, говоря о слухахъ, разсѣваемыхъ злонамѣренными людьми на счетъ мира, именно мнѣ поручила, если о томъ будетъ рѣчь при мнѣ, противорѣчить, и позволила даже на нее ссылаться. Не меньше тому доказательствомъ и то служитъ, что съ полученія вѣстей о занятіи Москвы укладка архивовъ и пр. продолжается во всѣхъ департаментахъ правительства и другихъ казенныхъ мѣстахъ. Кажется, сіе совершенно напрасно: ибо нельзя думать, чтобы непріятель рѣшился сюда идти: развѣ несчастіе довело бы насъ потерять всю армію безъ остатка, чего при помощи Бога случиться не должно и не можетъ. Также объявленное вчера назначеніе Татищева посланникомъ къ Гишпанской юнтѣ и барона Строгонова въ Швецію не меньше почесть можно доказательствами, что миръ съ Бонапарте теперь больше еще отдаленъ, чѣмъ при вступленіи его въ наши предѣлы. Румянцовъ долженъ быть въ отчаяніи: но я давно уже сказалъ, что онъ на все готовъ, лишь бы остаться при мѣстѣ, изъ коего иначе не выдетъ, какъ тогда, когда со стыдомъ его изъ онаго выгонятъ. Теперь онъ одного изъ находящихся въ его канцеляріи, князя Козловскаго*), посылаетъ гласить по городу, что публика кричитъ противу Румянцова и что Государь не долженъ уступить и позволить духу революціи и факцій повелѣвать правительству и его мѣрамъ: что если теперь уступить, то чрезъ три мѣсяца народные вопли станутъ требовать перемѣны всякаго другого министра, а потомъ и до Государя дѣло можетъ дойти; что въ Россіи не должно быть и несогласно съ ея правительствомъ народному духу или гласу, тогда какъ отечество одному сему духу обязано своимъ спасеніемъ. Таковы мысли Румянцова, коими онъ поддержать себя хочетъ и вѣроятно надѣется устрашить Государя. Въ Або, когда Бернадотъ коснулся нашей политики и неспособности Румянцова, говорятъ, государь назвалъ его своимъ другомъ (ami), и что Бернадотъ отвѣчалъ, что онъ и не станетъ болѣе касаться до такого предмета, который относился

*) Это князь Петръ Борисовичъ, впослѣдствіи извѣстный своимъ умомъ, острословіемъ и обжорливостью. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

до собственныхъ чувствій Государя. Назначеніе Татищева и Строгонова служитъ однакоже невольно великимъ знакомъ сихъ чувствій, ибо оно есть отъ выбора Государя, и Румянцовъ въ вѣкъ ихъ не назначилъ бы никуда. Между тѣмъ мы вездѣ и во всемъ опоздали по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ: въ мирѣ съ Турціею, въ мирѣ съ Англіею, въ союзѣ съ Швеціею, въ высадкѣ Шведскихъ войскъ, однимъ словомъ во всѣхъ сношеніяхъ нашихъ. Если планъ Румянцова былъ, чтобъ вездѣ опоздать и при взятіи Москвы миръ заключить, какой ни есть: онъ успѣлъ въ предположеніяхъ, но ошибся въ послѣдствіи. Умышленно ли онъ дѣйствовалъ или отъ глупости, заключеніе одно, что онъ измѣнникъ и врагъ отечества, за каковаго и всѣ его почитаютъ. При отъѣздѣ Государя въ армію, во время молебствія въ Казанской церкви, всѣ взоры на него обращены были, и только не доставало зачинщика, чтобы онъ былъ растерзанъ народомъ. Много можно бы еще примѣчаній сдѣлать, но ваше сіятельство сами изъ сего сдѣлаете всѣ прочія заключенія. Отъ графа М. С., по причинѣ прерваннаго сообщенія между Москвою и сей столицею, писемъ нѣтъ. Есмь на вѣкъ преданный Л.

P. S. Я забылъ упомянуть, что генералъ Бенигсенъ находился въ арміи во все время при Государѣ, или что̀ называлось *при особѣ Его Величества*. Сіе новое званіе сдѣлано для него, Аракчеева, Армфельда, Чичагова, въ которое и Зубовъ попалъ въ Вильнѣ уже. Это былъ родъ военнаго совѣта, котораго не слушались, и спрашивали только въ крайности и безъ намѣренія слѣдовать мнѣнію его. Бенигсенъ игралъ роль, которая, я думаю, удивляла его и совсѣмъ не была пріятною. Вообще странно совѣтоваться въ исполненіи плана съ тѣми людьми, кои въ составленіи онаго не участвовали. По отъѣздѣ Государя изъ арміи повелѣно Барклаю и Багратіону во всемъ совѣтоваться съ Бенигсеномъ и дѣйствовать *съ его согласія*, но не *по его приказаніямъ*, т. е. онъ былъ родъ дядьки безъ всякой власти. Бенигсенъ, не смотря на болѣзнь свою, выполнилъ сіе желаніе, остался въ арміи, хотя ни тотъ, ни другой изъ главнокомандующихъ его не спрашивали. Послѣ Смоленскихъ несчастій, Государь предлагалъ ему главное начальство, отъ чего онъ отказался по двумъ причинамъ, кои дѣлаютъ ему честь: первое, что онъ не въ силахъ ни физически, ни морально принять на себя столь великое бремя, зная, что есть человѣкъ способнѣе его; второе, что для Русскихъ войскъ надобно Русскаго начальника, особливо въ такое время, когда нужно ихъ одушевить и ободрить. Кутузовъ, по мнѣнію его, соединялъ всѣ таковыя качества съ извѣстными его способностями, почему и объявилъ, что онъ охотно подъ нимъ служить будетъ. Пока сіе происходило, роптаніе въ войскахъ до того

Библиотека "Руниверс"

усилилось, что онъ почелъ нужнымъ и благопристойнымъ удалиться въ Вязьму; а при отступленіи изъ Дорогобужа войска почти взбунтовались и громогласно требовали Бенигсена. Сіе побудило его оставить въ Вязьмѣ экипажи и поскорѣе далѣе удалиться. Князь Кутузовъ нашелъ его близъ Торжка, и такимъ образомъ оба сіи генералы и старинные друзья возвратились въ армію и нашли ее уже въ Гжати. Бенигсенъ теперь есть первый по главнокомандующемъ и генералъ-квартирмейстеръ всѣхъ дѣйствующихъ армій. Здѣсь Нѣмцы кричали за Палена; но къ чести Бенигсена онъ былъ пружиною, что Русскимъ Русскаго дали начальника, хотя самъ Нѣмецъ. Теперь Нѣмцы опять вопятъ Палена, съ тѣхъ поръ какъ Москва потеряна: но, испытывая генераловъ, какъ Барклая, можно и армію, и имперію потерять сразу: ибо Паленъ кромѣ бригады вѣкъ ничѣмъ не командовалъ, а что до головы его, которую такъ славятъ, то не всякая голова способная къ революціи можетъ управлять арміею противъ Бонапарта.

Что я не ошибся, полагая потерю нашу въ вѣчныхъ отступленіяхъ, видно будетъ изъ того, что Барклаева армія состояла изъ 135 т. чел. и Багратіонова изъ 65-ти, а въ Дорогобужѣ сочлось обѣихъ вмѣстѣ 84 т. челов. Гдѣ прочіе дѣвались? Безъ сумнѣнія ни убиты, ни всѣ въ плѣнъ взяты, а растеряны по дорогѣ больными, ранеными, усталыми, кои къ нимъ не возвратились. Непріятель столько же терялъ, но всѣ къ нему возвращались, такъ какъ онъ шелъ впередъ, а мы отступали. Не лучше ли было пожертвовать половиною сей потерянной арміи въ дѣлѣ, когда оная была полна и дышала мщеніемъ и жаромъ сразиться съ непріятелемъ? Если бы корпусъ Милорадовича, вновь формированный, и Московская милиція не подошли къ Можайску, то не было бы съ чѣмъ сраженіе дать непріятелю, который имѣлъ 160 т. по крайней мѣрѣ, и весьма вѣроятно, что вся армія наша была бы истреблена, не видавъ даже Москвы. Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла!

Слава Богу, что надежда не потеряна къ исправленію. Кутузовъ, Строгановъ, самъ Бенигсенъ, хотя и былъ противнаго мнѣнія, пишутъ, что отдачею Москвы ничего не потеряно: напротивъ, Строгановъ говоритъ, что непріятель отъ сего обмана долженъ понести такую потерю, какой онъ не воображаетъ. Дай Богъ! Отперли ворота: коли удастся запереть, сомнѣнія нѣтъ, что ему будетъ худо. Но я не вещественнаго, а моральнаго зла боюсь, какъ выше упомянулъ.

Кочубей былъ въ арміи, никто не знаетъ зачѣмъ, и почти все время прожилъ въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ, въ премиломъ обще-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ канцлера и свиты ихъ обоихъ, составленной изъ людей имъ подобныхъ. Кочубей, будучи членъ совѣта и только, не касаясь ни до какой части правленія, въ немъ надобности тамъ не было. Онъ самъ напросился, и Государь не могъ отказать ему въ его настоятельной просьбѣ. Онъ думалъ чрезъ то утушить народный крикъ противу себя по исторіи Сперанскаго, котораго даже послѣ защищать и оправдывать хотѣлъ. Но ничто не обмоетъ сего пятна. Человѣкъ ничтожный въ характерѣ, пустой въ дѣлахъ, надменный въ видахъ, игрушка измѣнниковъ и негодяевъ, онъ впалъ въ такое презрѣніе, что вся публика отъ него отступилась, и Государь не можетъ безъ стыда видѣть его и вспомнить, что онъ могъ имѣть на него вліяніе. Одна умная женщина сдѣлала сравненіе, что онъ и Румянцовъ оба сидятъ въ лужѣ, съ тою разницею, что послѣдній радъ и доволенъ вѣкъ тамъ сидѣть, а Кочубей и радъ бы выйти, но силъ не достаетъ и долженъ по неволѣ тамъ остаться *).

Я могъ во многомъ ошибиться, но описалъ все, что знаю.

*) Любопытно, что подобнаго же мнѣнія былъ о Кочубеѣ и Пушкинъ, имѣвшій возможность видать Кочубея, когда посѣщалъ живущую у него въ домѣ Н. К. Загряжскую. По кончинѣ Кочубея (1834) Пушкинъ занесъ о немъ цѣлую страницу въ свой дневникъ, доселѣ неизданную. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СХИМОНАХЪ СЕРГІЙ.

(Семенъ Ивановичъ Яновскій и его Записки).

Въ 1876 году, 6 Января, на Богоявленіе Господне, въ Тихоновой пустыни, Калужской губ., скончался на 87 году жизни многоболѣзненный, слѣпой старецъ-схимонахъ Сергій, въ мірѣ статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Яновскій, какъ сказано на его могильномъ памятникѣ.

Родился Семенъ Ивановичъ въ 1789 г. 15 Апрѣля въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. Родители его, отличавшіеся благочестивою жизнію, честностью, были коренные дворяне. Отецъ, Иванъ Ивановичъ Яновскій, служилъ въ военной службѣ, былъ храбрый воинъ, отличился во многихъ сраженіяхъ и походахъ подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, былъ въ извѣстной Кагульской битвѣ, получилъ двѣ раны и вышелъ съ пансіономъ въ отставку капитаномъ. Мать, Елена Максимовна, также изъ дворянской фамиліи Яценковыхъ. Всѣхъ дѣтей у нихъ было пятеро, воспитывали ихъ въ страхѣ Божіемъ. Старшій Тимофей служилъ въ морской службѣ, второй Семенъ и меньшой Иванъ и двѣ дочери, Ульяна умерла еще дѣвицей, а Марія была выдана замужъ.

Дѣтство свое и первоначальное воспитаніе Сем. Ивановичъ Яновскій получилъ въ домѣ родителей, но записанный на казенный счетъ за службу отца въ Морской Корпусъ, онъ въ 1802 г., 12 лѣтъ, былъ отправленъ съ надежными людьми въ Петербургъ, гдѣ сначала его принялъ къ себѣ дѣдъ, адмиралъ Максимъ Петровичъ Коробка, состоявшій начальникомъ Балтійскаго порта въ Кронштадтѣ. Подготовивши его какъ слѣдуетъ, онъ по тогдашнему обычаю представилъ маленькаго Сеню Государю, который, милостиво обласкавъ мальчика, приказалъ принять въ Морской Корпусъ. Прекрасныя дарованія, острая

Библиотека "Руниверс"

память и ревность къ наукѣ вскорѣ обратили на него вниманіе начальства; онъ получилъ чинъ гардемарина, далѣе унтеръ-офицера, и такъ проходя съ отличнымъ поведеніемъ и успѣхомъ науки, онъ въ 1808 г. Января 1 дня вышелъ первымъ по выпуску. Первый офицерскій чинъ всегда приводитъ въ восторгъ молодыхъ людей, болѣе нежели впослѣдствіи адмиральскій. Радовало это и Сем. Ив-ча, но печалило то, что онъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ на экипировку, которая стоила дорого. Отецъ его уже скончался, мать сама была скудна средствами, хотя и прислала ему 50 р. ас., да дѣдъ Максимъ Петровичъ нѣсколько помогъ: но все многого не доставало. Впервыя грустно задумался молодой мичманъ, но дѣлать нечего: рѣшился взять у казны въ долгъ, чтобы послѣ вычитали изъ жалованья. Жалованье въ то время мичману давалось 200 р. асс., изъ этого вычиталось ежемѣсячно за обмундировку небольшой окладъ. Скудно было жить, какъ разсказывалъ самъ Сем. Ивановичъ; соединялся я съ товарищемъ и частенько не только чаю, да и ѣсть было нечего. Деньщику стыдно сказать, что не на что купить провизіи; скажу, бывало: мы въ трактирѣ будемъ обѣдать, а сами поѣдимъ хлѣбца, да такъ и проведемъ денекъ-другой.

Одно еще поддерживало Сем. Ив-ча, что его, какъ отличнаго моряка, посылали ежегодно въ походъ за границу, гдѣ всегда давалось двойное жалованье и столовыя. Въ первый же годъ его выпуска была война со Шведами и Англичанами. Онъ назначенъ былъ въ походъ въ Финляндію, въ Свеаборгъ, и тутъ ему дано было весьма важное порученіе: изъ Свеаборга въ Або онъ долженъ былъ отвезти большую сумму серебра и золота къ главнокомандующему и обратно; онъ съ однимъ солдатомъ проѣхалъ черезъ непріятеля по Финляндіи, удивительно какъ сохранилъ его Господь! По окончаніи войны онъ назначаемъ былъ въ походы; много разъ бывалъ въ Англіи, въ Голландіи, около Готланда вытерпѣлъ страшную бурю, фрегатъ былъ старый и сильно потекъ, такъ что едва-едва не потонули, но рука Всевышняго за молитвы матери хранила его. Любознательный къ наукѣ, онъ много пріобрѣлъ опытности и знанія: могъ бы и поправить свои средства, потому что жилъ всегда скромно, не участвовалъ въ компаніяхъ вредныхъ, но вотъ бѣда, имѣлъ страстишку къ хорошимъ Англійскимъ стальнымъ вещамъ и инструментамъ (и эта охота сохранилась у него до старости), накупалъ ихъ и тратилъ на нихъ большія деньги, такъ что нерѣдко должалъ и бывалъ въ затрудненіи. Однажды, уже бывши лейтенантомъ, по возвращеніи изъ Англіи, гдѣ по обыкновенію накупилъ много вещей, онъ явился къ дѣду Максиму Петровичу. Добрый старикъ поругалъ внука за мотовство и напомнилъ ему, что его долгъ помогать матери, а не мотать зря деньги. Это очень

Библиотека "Руниверс"

тронуло Сем. Ив-ча, тѣмъ болѣе что онъ очень любилъ мать и самъ всегда имѣлъ желаніе какъ-бы устроиться, чтобы помогать ей, но на дѣлѣ все не выходило такъ, да еще и долги... Надо перемѣнить свою жизнь, но какъ? Вдругъ, читая газеты, онъ узнаетъ, что корабль Русской Американской Компаніи „Суворовъ“ пришелъ съ большимъ грузомъ изъ Америки, и его хотятъ опять отправить туда съ готовымъ уже для этого вояжа кораблемъ „Кутузовъ“. Командиромъ уже былъ назначенъ лейтенантъ Панафидинъ, хорошій и опытный морякъ, а офицеры еще не назначены. Тотчасъ счастливая мысль блеснула, что еслибъ проситься поступить въ Американскую Компанію, служба казенная все равно считалась, чины шли, а совершить кругосвѣтное плаваніе такъ заманчиво и лестно для моряка, въ особенности для такого, какъ былъ Яновскій. Мечта за мечтой манила его. Сколько новаго увидѣть, сколько опытности пріобрѣсти можно, къ тому-же и въ матеріальномъ отношеніи хорошо, жалованье большое, а казенная половина шла сама собою. И такъ, рѣшившись, онъ поѣхалъ посовѣтоваться къ старику дѣду Мих. Петровичу, который не только одобрилъ его намѣреніе, но далъ и рекомендательныя письма къ г. Гагемейстеру и директору компаніи Булдакову. Оба начальника изъявили согласіе и, заключивши контрактъ, приняли его и велѣли заняться осмотромъ и поправкою корабля. Въ короткое время все было сдѣлано въ отличномъ видѣ. Корабль „Суворова“ хорошей Американской постройки купленъ въ Нью-Іоркѣ, прекрасно и красиво отдѣланъ. Оба корабля были вооружены все какъ слѣдуетъ для дальняго вояжа. Провизіи, что могло не портиться, взяли на три года. Вечеромъ въ Сентябрѣ отслужили напутственный молебенъ на палубѣ; вечеръ прекрасный, тихій; всѣ горячо молились, отправляться въ дальній вояжъ на нѣсколько лѣтъ, оставлять родину, родныхъ, друзей, вернешься-ли, увидишь ли еще родной край!.. Все трогало, но вотъ молебенъ конченъ, всѣ приложились къ кресту. Священникъ окропилъ св. водой всѣхъ и корабль, эту пловучую крѣпость, въ которую заключались они на три года. Утромъ подулъ попутный вѣтерокъ, и по поданному съ корабля „Кутузовъ“ сигналу снялись съ якоря.

Плаваніе вначалѣ было весьма благопріятное. Заѣзжали въ Копенгагенъ, потомъ Нѣмецкимъ моремъ прошли острова Аркадскіе. Шотландскіе, вытерпѣли тутъ сильный противный штормъ, едва не разбило ихъ о скалы; на вахтѣ стоялъ молодой лейтенантъ, отъ его неопытности едва не погибли, порывомъ вѣтра корабль такъ погрузился носомъ въ волны, что думали погибнутъ, совсѣмъ зароется въ волнахъ. Хорошо, что капитанъ и Яновскій стояли тоже на палубѣ, тотчасъ скомандовали что надо, и онъ поднялся, только всего залило водой. Далѣе шли

Библиотека "Руниверс"

Атлантическимъ океаномъ, который прошли, можно сказать, вдоль и поперекъ, далѣе Южнымъ, обошли Африку, о-ва Зеленаго мыса, заходили въ г. Порто-Прае, великолѣпная Африканская растительность, что̀ за гигантскія деревья, одно дерево, буабабъ, 12 человѣкъ едва могли обхватить; говорятъ, оно допотопное. Но все это путешествіе описано подробно Яновскимъ особенно, въ видѣ журнала въ то время, весьма интересно. Переходили черезъ экваторъ, это бываетъ особенное торжество и праздникъ у моряковъ. Были въ Бразиліи, Ріо-Жанейро, наконецъ Южную Америку, около мыса Горна, до Порта. Калао, въ Перу, въ Лимѣ. Въ Южномъ океанѣ вытерпѣли страшную бурю, но всемогущая рука Господня вездѣ спасала ихъ; только два несчастія: одного матроса во время бури оторвавшимся парусомъ сорвало съ мачты, и онъ погибъ въ волнахъ: другой также упалъ съ мачты и, не смотря на поданную помощь, погибъ. Чего, чего не перенесетъ морякъ! Каждую минуту онъ въ опасности, то бури, то можно погибнуть о подводныя скалы. Сколько зоркости, вниманія надо, малѣйшая ошибка вахтеннаго офицера, и все погибнетъ; надо испытать, чтобы понять весь ужасъ; ни одно сраженіе не сравнится съ бурею въ океанѣ, когда волны подымаются какъ горы и корабль швыряетъ какъ щепку и бьетъ волнами, ужасная, страшная картина! Правда, пословица говоритъ: кто на морѣ не бывалъ, Богу не маливался.

Наконецъ Тихимъ океаномъ объѣхавши сѣверо-западную Америку, они стали подходить къ Сѣверной Ситхѣ. Послѣ почти годоваго плаванія, объѣхавши половину земнаго шара, по исчисленію прошли 45 т. верстъ. 25 Іюля 1817 г. благополучно прибыли въ Ситху, въ Малоархангельскій портъ. Слава и благодареніе Господу!

Тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на корабль правитель колоній Александръ Андреевичъ Барановъ, привезъ имъ всякой свѣжей рыбы, просилъ къ себѣ обѣдать, вообще принялъ ихъ очень гостепріимно, ласково. Барановъ очень умный, начитанный, опытный, самъ и пріобрѣлъ Ситху и 27 лѣтъ жилъ уже тутъ, радъ былъ гостямъ, а Яновскаго вскорѣ такъ полюбилъ, что черезъ полгода въ 1818 г. 10 Января онъ женился на его дочери Иринѣ Александровнѣ и занялъ мѣсто правителя всѣхъ Американскихъ колоній. Постъ не маловажный быть правителемъ такой обширной области, вести торговыя дѣла, которыя были очень значительны; все лежало на немъ, такое довѣріе лестно для молодого 27 лѣтняго человѣка. Со всею ревностью занимался С. И. этою трудною обязанностью. Какъ отличный, опытный морякъ, онъ строилъ корабли, какъ самъ послѣ разсказывалъ своимъ дѣтямъ: черезъ мои руки шли милліоны, ежегодно оборотъ торговли былъ въ $1^1/_2$ милліона, но благодареніе Господу, Онъ меня сохранилъ, я ни копейкой

Библиотека "Руниверс"

не пользовался, получая жалованья 30.000 р. ас., хотя и при дорогой тамошней жизни я могъ половину оставлять и что нибудь скопить себѣ. Въ такомъ дикомъ, еще непросвѣщенномъ краѣ весьма трудно было жить, много разъ онъ подвергался опасности. Однажды Колоши сговорились убить его, но по счастію прислуга, женщина, знавшая ихъ языкъ, открыла заговоръ ихъ во время, чѣмъ избавила отъ неминуемой смерти. Въ другой разъ девять человѣкъ вооруженныхъ Алеутовъ пришли къ нему съ намѣреніемъ убить, но и тутъ Господь сохранилъ. Онъ смѣло вышелъ къ нимъ, сталъ уговаривать, потомъ вынесъ имъ штофъ рому угощать, и дѣло кончилось миромъ: они оставили свое намѣреніе; послѣ онъ ихъ всѣхъ простилъ, но вскорѣ Богъ ихъ самъ наказалъ: двое изъ нихъ умерли скоропостижно, двое утонули, что очень подѣйствовало на другихъ. Да и мало ли труда жить среди дикаго, грубаго народа. Впрочемъ надо сказать, что Алеуты лучше, они смирны и просты, а Колоши хуже.

Въ 1819 г. Яновскій предпринялъ вояжъ для обозрѣнія всѣхъ Американскихъ колоній. Для этого онъ, командуя самъ небольшимъ 80-ти футовымъ бригомъ, имѣя 40 чел. команды, съ женою и маленькимъ сыномъ, объѣхалъ всю Сѣверную Америку, почти до Берингова пролива, всего 7 тысячъ верстъ. Посѣтилъ Китовые острова, о. Св. Георгія и Павла, ос-ва Уналашку и Кадьякъ. Вотъ какъ самъ Яновскій разсказывалъ свое путешествіе.

„Плаваніе наше сначала было довольно благопріятное. Осмотрѣвъ Китовые о-ва, прибылъ я на о. св. Георгія, тамъ жители почти всѣ Алеуты, Русскихъ человѣкъ 12 было; всѣ живутъ въ землянкахъ. Главный промыселъ тамъ: во множествѣ водится песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, а лѣтомъ приплываетъ много морскихъ котовъ; они выходятъ на берегъ, и ихъ тутъ ловятъ, убиваютъ просто колотушками по головѣ, за одинъ разъ набиваютъ отъ 3 до 4 тыс., а въ годъ прежде добывалось до 100 т. штукъ, но отъ такого несообразнаго количества ихъ стало убывать, и мнѣ велѣно брать не болѣе 20 т. въ годъ; песцовъ же ловится до 1000 штукъ въ годъ. Зимой на полярныхъ льдинахъ приноситъ бѣлыхъ медвѣдей, но главный промыселъ котовъ, они у насъ дороги, въ родѣ бобра; величиною старые 3 арш., а молодой $1^1/_2$ аршина. Ужасно жалко смотрѣть, когда ихъ бьютъ; матокъ стараются оставлять для приплода, но онѣ такъ оберегаютъ своихъ дѣтенышей, что нерѣдко собой закрываютъ ихъ, не даютъ убивать и буквально плачутъ, слезы такъ и льются. Ужасно жалко!

Далѣе посѣтилъ я Уналашку. Это совершенно пустынный островъ, покрытый густымъ лѣсомъ: тамъ Русскихъ также очень мало, все Алеуты, но они очень добрые, ласковые, приняли насъ очень радостно;

Библиотека "Руниверс"

но престранный и смѣшной обычай у Алеутовъ: когда ихъ начальникъ ѣдетъ къ нимъ съ корабля въ лодкѣ, они кидаются въ воду, схватываютъ лодку на руки и несутъ на плечахъ на берегъ, потомъ всего его обсыпаютъ пухомъ: это знакъ великаго почтенія. Всѣ они живутъ въ землянкахъ, внутри обшитыхъ лѣсомъ; главный управитель тамъ былъ нашъ Крюковъ, уже 27 лѣтъ живетъ; разъ годъ къ нимъ приходитъ судно изъ главнаго управленія, привозятъ все что̀ для нихъ нужно, и потомъ опять на цѣлый годъ они никого не видятъ и ничего не знаютъ: вотъ пустыня-то!

Этотъ Крюковъ разсказывалъ мнѣ, что однажды, плывя на большой байдаркѣ (байдарка—это плетеная изъ камыша лодка, обтянутая сивучей кожей, очень легкая), они видѣли морскую змѣю. Сначала видимъ, плыветъ какое-то чудовище: мы подумали, что это китъ, саженяхъ въ 50-ти, но вдругъ она поднялась перпендикулярно и подняла голову. О, ужасъ! громадина толщиною въ большую морскую бочку, аршина $1^1/_2$ въ діаметрѣ, голова въ родѣ лошадиной, и открыта пасть, мы оцѣпенѣли отъ страха. Она опустилась опять въ воду и за нами! Ну думали, пропали; но къ счастью на встрѣчу большое стадо касатокъ. Киты и всѣ большія животныя боятся касатокъ, это рыба небольшая, аршина въ 3, но онѣ ходятъ большими стадами и иногда заганиваютъ кита до смерти. Чудовище, увидавъ касатокъ, поворотило и быстро удалилось отъ насъ. Такъ Господь сохранилъ насъ. Уналашку я оставилъ въ Октябрѣ и направился къ Кадьяку. Проходя проливомъ изъ океана въ Камчатское море, я встрѣчалъ ужасный сумо̀й. Такъ называется теченіе, противное вѣтру; тутъ подымаются противныя теченію страшныя, почти перпендикулярныя волны, которыя сильно ударяютъ о корабль и иногда поворачиваютъ его совсѣмъ; съ опасностью я едва подвигался. Застигнула ночь, мы проходили близъ одного острова, на которомъ огнедышащая гора извергала пламя, камни и искры постоянно черезъ $^1/_4$ часа; мы были близко въ верстахъ въ 5 отъ горы, слышали ужасный подземный шумъ, и вдругъ изъ горы подымается огненный снопъ, высоко разлетается искрами, потомъ замолчитъ, потемнѣетъ и черезъ $^1/_4$ часа опять. Великолѣпное, но ужасное зрѣлище природы! Наконецъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ я благополучно прибылъ на Кадьякъ и вышелъ на берегъ, потому что на кораблѣ жить было холодно. Ко мнѣ тотчасъ явились миссіонеры: іеромонахъ, іеродіаконъ и одинъ простой монахъ Германъ. Еще въ царствованіе Екатерины прислана была сюда миссія, состоявшая изъ 12 человѣкъ, но всѣ они кто умеръ, нѣкоторые замучены и остались только эти, вскорѣ даже одинъ о. Германъ. Не стану говорить о двухъ старшихъ, но скажу объ о. Германѣ. Это былъ святой жизни рѣдкій подвижникъ, жилъ уединенно пустын-

Библиотека "Руниверс"

никомъ на Еловомъ островѣ. Съ какой любовью онъ обращался съ Алеутами, какъ съ дѣтьми!

Во время моего пребыванія на Кадьякѣ, въ Ситху прибыло Американское судно изъ Явы съ зараженнымъ экипажемъ и распространило заразу: вскорѣ люди стали занемогать, и открылась смертельность. Болѣзнь начиналась такъ: насморокъ, кашель, изъ носа течетъ зловонная, заразительная матерія, жаръ, удушье, наконецъ колотье, и на 3 день человѣкъ умираетъ; но если захватить, пить потогонное, то выздоравливали. На Ситхѣ умерло человѣкъ 40. Когда болѣзнь еще не совсѣмъ утихла, пришло изъ Охотска наше судно и привезло изъ главнаго управленія важныя бумаги и представленія: исправляющій мою должность Хлѣбниковъ немедленно снарядилъ бригъ и съ нарочнымъ прислалъ мнѣ всѣ бумаги на Кадьякъ, а съ ними привезли и заразу. Она быстро распространилась по всему селенію и даже по всему острову, дѣйствовала сильнѣе, потому что не имѣли никакихъ мѣръ, и наступленіе холодовъ еще болѣе способствовало простудѣ. Въ жару несдержанные Алеуты пили холодную воду, даже глотали снѣгъ и ледъ, что̀ губительно дѣйствовало на болѣзнь и ускоряло смерть. Зараза такъ быстро дѣйствовала, что трупы лежали незарытые дня 3—4; некому было копать могилъ и хоронить. Я употреблялъ всѣ возможныя средства, ходилъ по больнымъ, увѣщевалъ, успокоивалъ, давалъ имъ пить бузину, чай, чтобы произвести испарину, и многіе изъ Русскихъ выздоравливали, а Алеутовъ трудно было уговорить. Находящійся тогда на Кадьякѣ старецъ о. Германъ неутомимо, съ самоотверженіемъ, посѣщалъ всѣхъ больныхъ, приготовлялъ къ смерти, увѣщевалъ приносить покаяніе, готовиться къ будущей блаженной жизни, пріобщаться св. Таинъ; для этого онъ посылалъ іеромонаха, и такимъ образомъ много, много душъ онъ направилъ въ царствіе небесное. Кажется, онъ только одинъ изъ всего селенія не получилъ заразы.

Тогда я въ первый разъ посѣтилъ кажимъ, т. е. Алеутскую казарму. Это большой длинный сарай, рубленный изъ бревенъ, съ потолкомъ, но безъ печей, съ землянымъ поломъ, по сторонамъ сдѣланы нары, въ которыхъ Алеуты помѣщаются и спятъ съ своими семьями. Въ большіе холода это зданіе согрѣвается огнемъ, разложеннымъ посрединѣ на землѣ въ ямкѣ, а дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное на крышѣ и въ потолкѣ. Въ это время въ этомъ зданіи находилось немного болѣе ста человѣкъ обоего пола съ дѣтьми; всѣ они въ большомъ безпорядкѣ валялись въ нарахъ полуобнаженные, въ порванной одеждѣ, съ изможденными отъ болѣзни лицами, они представляли страшную печальную картину ужаса и отчаянія. При самомъ входѣ я пораженъ былъ страшнымъ воплемъ, криками отчаянія и стонами больныхъ и умирающихъ,

Библиотека "Руниверс"

Я прошелъ по всему зданію, подходилъ, увѣщевалъ ихъ терпѣть, молиться Богу, велѣлъ давать имъ теплое питье. Содрогаюсь отъ ужаса, во всю жизнь свою ни прежде, ни послѣ я не видалъ и не могъ себѣ представить подобной картины ужаса, которая тогда представилась мнѣ. Я видѣлъ несчастныхъ матерей съ изможденными лицами и впалыми глазами при послѣднемъ издыханіи, а голодныя дѣти ползали и отчаянно кричали, обливаясь слезами, и никто ихъ не утѣшалъ, всякому было до себя, нѣкоторыя матери уже умерли, а дѣти грудныя ползали, хватаясь уже за охладѣвшія груди, ища себѣ пищи. Сердце разрывалось и обливалось кровью, видя такую ужасную горестную картину вопля, отчаянія, смерти! О, Господи, Боже мой, воскликнулъ я: умилосердись надъ этимъ жалкимъ народомъ, надъ бѣдными созданіями Твоими! Я возвратился домой очень разсерженный, я послалъ туда все, что у меня было запасу съѣстнаго и питья, но къ вечеру самъ занемогъ также, жаръ, сильная головная боль, насморкъ, колотье: я думалъ, что уже и мнѣ пришелъ конецъ, но принялъ всѣ мѣры: напился бузины и велѣлъ укрыть себя, къ утру сильно вспотѣлъ, и мнѣ стало легче: дня 3—4 я не выходилъ, а потомъ опять пошелъ навѣщать больныхъ и распоряжаться на счетъ умершихъ и оставшихся сиротъ. Недѣли черезъ 3 болѣзнь стала утихать, и въ Декабрѣ я сталъ собираться, чтобы отправиться обратно въ Ситху".

Теперь надо сказать нѣсколько словъ объ отцѣ Германѣ, потому что эта личность имѣла больше вліяніе на всю жизнь Яновскаго. О. Германъ жилъ одинъ на пустынномъ Еловомъ островѣ, невдалекѣ отъ Кадьяка, и ежедневно посѣщалъ острова. Это былъ дивный подвижникъ, его жизнь напечатана особой книжкой. Познакомился о. Германъ съ Яновскимъ тотчасъ по прибытіи на Кадьякъ. Несчастное событіе смертности ихъ сблизило: они вмѣстѣ ходили по больнымъ, помогали каждый чѣмъ могъ, и старецъ полюбилъ молодого человѣка, часто посѣщалъ его. Надо сказать, что Яновскій, получившій высокое, прекрасное образованіе, говорившій на многихъ языкахъ, хотя имѣлъ залогъ первоначальнаго христіанскаго воспитанія въ домѣ родителей, но оторванный отъ нихъ 12 лѣтъ, онъ зналъ религію, какъ большая часть молодыхъ людей, только теоретически, къ несчастію начитался еще безбожныхъ сочиненій Вольтера и др. философовъ 18 вѣка, былъ христіаниномъ только по названію, а въ душѣ совсѣмъ сбился. О. Германъ это замѣтилъ, видя его хорошія душевныя качества и доброту, отъ всей души полюбилъ и желалъ обратить его на путь истинный. Простой, необразованный монахъ, въ ветхонькой рясочкѣ, ежедневно посѣщалъ и по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ съ высокообразованнымъ молодымъ человѣкомъ, и тотъ, удивляясь самъ себѣ, съ жадностью

Библиотека "Руниверс"

вслушивался и внималъ его словамъ. Иногда при всей своей учености онъ становился въ тупикъ и не могъ ему возражать, такъ умѣлъ онъ говорить,—такой даръ далъ ему Господь,—рѣчь его такъ и лилась своимъ потокомъ, о христіанской жизни, о любви Божіей, о вѣчности. Не видя время, они просиживали въ такихъ бесѣдахъ за полночь, но ночевать о. Германъ никогда не оставался, а уходилъ въ свою пустыньку. Сѣмя падало на добрую землю: по уходѣ молодой человѣкъ ощущалъ необыкновенную отраду въ сердцѣ, которое болѣе и болѣе согрѣвалось любовію къ Богу. Господь озарилъ его познаніемъ истины: въ мѣсяцъ знакомства съ о. Германомъ онъ сталъ совершенно инымъ. Старецъ внушилъ ему твердую вѣру, научилъ его молитвѣ. Словомъ, изъ молодого вольнодумца онъ сталъ высокой жизни христіанинъ.

Въ концѣ Декабря Яновскій отправился обратно въ Ситху. Въ этомъ пути они выдержали ужасную бурю: съ ужасною силою и порывами дулъ вѣтеръ, и въ океанѣ развело страшное волненіе, которое иногда обдавало маленькій корабль-бригъ „Ильмену", волны иногда переливались черезъ корабль и нерѣдко отрывало и уносило въ море что̀ попадалось; боялись, чтобы не снесло людей, несчастные, промокшіе до костей дрожали отъ холода. Такъ продолжалось $1^1/_2$ сутокъ. Но благодареніе Господу, стало стихать, и 2 Января 1820 г. они благополучно достигли Ситхи и стали на якорь въ Малоархангельскѣ.

Продолжая свою жизнь въ Ситхѣ и занимаясь постоянно дѣлами, С. И. старался свободное отъ занятій время удѣлять молитвѣ, какъ научилъ его о. Германъ; но врагу рода человѣческаго конечно это не нравилось, онъ всячески сталъ нападать на него, наводя разныя искушенія, страхованія, и однажды ему было странное явленіе, вотъ его разсказъ. „Въ 1820 г., въ поздній вечеръ, я всегда ложился за полночь, чтобы отдохнуть отъ занятій. Я прохаживался по комнатѣ и размышлялъ о своей прошедшей жизни, о своихъ грѣхахъ; она такъ меня ужаснула, такой страхъ напалъ на меня, какъ я много прогнѣвалъ Бога, вдругъ передо мною явилась какъ бы книга, въ которой записаны всѣ мои грѣхи отъ юности, отъ 5 лѣтняго возраста; я оцѣпенѣлъ отъ ужаса, волосъ дыбомъ сталъ на головѣ, я былъ какъ бы на страшномъ судѣ безъ отвѣта, искалъ что либо въ себѣ добраго и ничего не находилъ, холодный потъ выступилъ у меня; какой-то голосъ шепталъ мнѣ: видишь, какъ велики твои грѣхи, Богъ не проститъ тебя, ты погибъ, вотъ адъ готовъ поглотить тебя. Мнѣ представилось, что домъ колеблется, половина дома уже обрушилась у самыхъ моихъ ногъ, полъ провалился и тамъ ужасная бездна, и внизу страшный огонь,—это адъ. Въ отчаяніи я схватилъ пистолеты, которые всегда были у меня заряжены и хотѣлъ лишить себя жизни. Но какой-то голосъ въ

Библиотека "Руниверс"

сердцѣ отозвался: не отчаивайся, надѣйся на милосердіе Божіе, Онъ щедръ и милостивъ къ кающимся, до послѣдней минуты жизни не надо предаваться отчаянію. Конечно это были голоса моего Ангела-хранителя, я кинулъ пистолетъ и, отступивъ шагъ назадъ, взглянулъ на Распятіе Спасителя, слезы градомъ полились у меня, я упалъ на колѣни и плакалъ, плакалъ пока не помню какъ заснулъ тутъ же. Просыпаюсь, встаю, утро, ничего нѣтъ, все на мѣстѣ, на душѣ спокойно. О, Господи, думалъ я, какъ велико Твое милосердіе! На другой же день я исповѣдывался и причастился св. Таинъ и тогда совсѣмъ успокоился".

Проживши 4 года въ Америкѣ, Яновскій сильно сталъ скучать, тянуло на родину, и потому просилъ Американскую Компанію объ увольненіи. Въ то время жизнь тамъ была весьма трудная, со многими лишеніями, не смотря на то, что жалованья давалось больше 30 т., но достать нѣкоторыхъ продуктовъ негдѣ; изъ Россіи только два раза въ годъ приходила почта и привозили что надо. Разъ прислали боченокъ кислой капусты, то правитель такъ былъ обрадованъ, лакомились ей какъ дорогимъ десертомъ, а во многомъ недостатокъ, что намъ Русскимъ дорого. Ни рогатаго скота, ни птицы домашней, наприм. курица стоила 5 р.; десятокъ яицъ тоже 5 р.: все это рѣдкость, а все больше рыба и рыба морская. Климатъ суровый, все будто осень.

Вскорѣ присланъ былъ на смѣну Яновскому капитанъ 1 ранга Муравьевъ. Сдавши ему должность, Я-ій сталъ готовиться къ отъѣзду. Компанія предложила на его выборъ: если хочетъ на томъ же кораблѣ „Бородино", что пріѣхалъ Муравьевъ, отправиться тѣмъ же путемъ вокругъ свѣта, или черезъ Охотскъ. Онъ выбралъ послѣднее, потому что съ семьей пускаться въ такое далекое плаваніе было опасно, тѣмъ болѣе, что жена его была беременна, и такъ ему дали небольшой 80-ти фунтовый галетъ „Румянцева", строившійся въ Ситхѣ, и 52 человѣка команды и пассажировъ, которые отправлялись для торговли съ товаромъ въ Охотскъ. 4 Мая 1821 г. былъ назначенъ отъѣздъ. Отслужили напутственный молебенъ и простились съ своими сослуживцами, которые такъ его полюбили, что многіе плакали, даже Колоши и Алеуты всѣ прощались съ чувствомъ, привозили кто зелень и рыбы, модельки байдарокъ на память. Со всѣми простившись при крикѣ ура, они снялись съ якоря. Не смотря на все желаніе и стремленіе на родину, Яновскій самъ говорилъ, что съ глубокой грустью онъ оставилъ Ситху, гдѣ онъ съ такой честью прослужилъ 4 года, заслужилъ и благодарность начальства и любовь сослуживцевъ, ему было 31 годъ и онъ занималъ такой высокій постъ. Тутъ его Господь благословилъ семействомъ, наконецъ много, много перечувствовалъ и перенесъ онъ и отрадныхъ и тяжелыхъ ему только одному вѣдомыхъ чувствъ!

Библиотека "Руниверс"

Погода была хотя какъ и обычно пасмурная, но тихая, и плаваніе отъ Ситхи до о. Атхи, куда имъ велѣно было зайти по торговлѣ, было самое благопріятное. Долго берегъ Америки виднѣлся, высокія горы, которыхъ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, долго стояли въ глазахъ. Въ Атхѣ они пробыли нѣсколько дней и отправились снова въ путь. всего до Охотска надо было проѣхать 6.000 верстъ Плаваніе океаномъ сначала также было довольно тихое, но когда стали подходить къ Курильскимъ островамъ, вѣтеръ крѣпчалъ, и волненіе поднялось ужасное. Мрачность была настолько велика, что ничего не было видно, и ихъ несло и обдавало волнами ужасно. Восточный океанъ особенно бурный, и волны такъ велики, какъ горы подымали и кидали маленькій корабль, а иногда громадная волна перекидывалась черезъ корабль и буквально заливала его. Команда, хотя была прекрасная, работала усердно, но ничего нельзя было сдѣлать, вѣтромъ такъ несло и прямо на Курильскіе острова, которыхъ за мракомъ нельзя было видѣть. Такъ продолжалось двое сутокъ. Наконецъ сквозь туманъ усмотрѣли страшную скалу, не болѣе 5 минутъ она была видна, покажется затѣмъ, чтобы еще болѣе устрашить бѣдныхъ путешественниковъ. Новый порывъ, и волны закрыли отъ нихъ эту грозную скалу смерти. Ужасная минута! Гдѣ и въ чемъ искать спасенія? Тутъ-то крѣпкая вѣра и горячая молитва къ Господу только подкрѣпляютъ и спасаютъ человѣка. Страшныя ужасныя минуты переживаетъ человѣкъ. Надо было поворачивать, но какъ! Одни только моряки знаютъ, какъ опасно при такомъ ужасномъ порывистомъ вѣтрѣ въ океанѣ поворачивать, къ тому же они не знали, гдѣ именно находятся и какъ попасть въ проливъ и какой именно; сильнымъ вѣтромъ и волненіемъ ихъ несло на острова. Надо было избрать одно, или остаться на ночь на одномъ мѣстѣ, но боялись, что изъ океана волненіемъ выкинетъ на острова и разобьетъ, спускаться же въ проливъ наудачу тоже очень опасно. Извѣстно изъ исторіи Русскаго мореплаванія по Охотскому морю и Восточному океану, что болѣе всего разбивалось кораблей у Курильскихъ острововъ. Войдя въ каюту, съ горячею вѣрою, со слезами помолился С. Ив. Богу и въ изнеможеніи отъ усталости сѣлъ немного отдохнуть. Самъ не знаетъ какъ онъ какъ бы забылся и видитъ двухъ старцевъ, одинъ изъ нихъ будто по виду апостолъ Петръ, указывая на другаго говоритъ: это святитель Николай, проси его, онъ тебѣ поможетъ. Опомнившись, онъ обратился съ молитвой къ угоднику, и вдругъ у него является мысль спускаться въ проливъ. Вышелъ на палубу и сказалъ командѣ, что рѣшился спускаться, надѣясь на помощь св. Николая, помощника по морю плавающимъ, чтобы слушались. Началъ командовать, пошли... бравая команда съ усердіемъ работала. Черезъ

Библиотека "Руниверс"

часъ увидали птицъ и наконецъ китовъ, что̀ ихъ обрадовало, потому-что это признакъ, что попали въ проливъ; но тутъ встрѣтили онять сильное спорное волненіе, что̀ бываетъ: когда теченіе моря противъ вѣтра, то волны такъ круто и высоко поднимаются, что какъ горы, и въ узкомъ мѣстѣ, въ проливахъ, это очень опасно. корабль бьетъ этими волнами, подымаетъ и кидаетъ какъ щепку. Наконецъ показались утесы горъ, множество птицъ парило. въ особенности красивые альбатросы садились на волны. Альбатросы весьма красивая птица, бѣлый съ черными пятнами, величиной въ 3 аршина, когда распуститъ крылья, они всегда парятъ надъ волнами и даже садятся на волны. Величественная была, но страшная картина; волны гнали корабликъ, съ Запада немного прояснивало, но сзади была непроницаемая мрачность; по сторонамъ шли два кита и испускали фонтаны. Въ 9 часовъ вечера они прошли противъ и вступили въ Охотское море, небо прояснилось, вдали видѣнъ былъ Камчатскій мысъ Лапатка и гряды Курильскихъ острововъ, страшныхъ скалъ, о которые едва не разбило и не погибъ бѣдный маленькій корабль. Эти горы простираются грядой отъ Сѣвера на Югъ и всегда удерживаютъ мокрый туманъ. Въ Охотскомъ морѣ плаваніе было тихое, проходили мимо о. Сахалина, въ устьѣ р. Амура, тогда еще принадлежавшаго Японцамъ, прекрасный, плодородный, въ умѣренномъ прекрасномъ климатѣ. Наконецъ 26 Іюня они прибыли на видъ Охотскаго порта, противъ устья рѣки Охоты. Надо сказать, что входъ въ Охотскъ самый затруднительный, очень узкій, усѣянный подводными камнями, мелями, такъ что легко можно сѣсть на мель. надо опытнаго и умѣлаго лоцмана.

Въ Охотскѣ они пробыли до 22 Іюля. отдохнули, губернаторъ Ушинскій былъ хорошо знакомъ Яновскому и принялъ ихъ какъ родныхъ. Охотскъ небольшой и малонаселенный городъ, въ немъ ничего интереснаго нѣтъ, кромѣ, какъ разсказывали ему, зимой катанья на собакахъ, но какъ это было лѣтомъ, то и нельзя было испытать этого удовольствія, однако чтобы имѣть понятіе, запрягли 7 собакъ въ маленькія санки, родъ скамеечки на полозкахъ и прокатили по травѣ, по росѣ. Ѣхать отъ Охотска до Якутска иначе лѣтомъ нельзя какъ верхомъ, дорогъ проѣзжихъ въ то время не было, и поклажу вьючатъ на лошадей. Нанявъ нѣсколько человѣкъ Якутовъ и 22 лошади, губернаторъ далъ казаковъ: 23 числа сѣли всѣ верхомъ, а маленькаго сына уложили въ корзину и повѣсили на лошадь, а на другую сторону для равновѣсія шкатулку; они выѣхали изъ Охотска. Дороги никакой, но Якуты знаютъ на память путь, провизіи и всякой дорожной принадлежности изъ посуды все надо взять, палатки также, потомучто селенія рѣдки, и отдыхать надо просто въ полѣ или въ лѣсу. О труд-

Библиотека "Руниверс"

ности этого путешествія и говорить нечего. По непроѣздимымъ дорогамъ нѣсколько разъ приходилось переѣзжать въ бродъ рѣки и нѣкоторыя очень быстрыя и опасныя; вода хотя и по брюхо лошади, но такъ быстра, что лошадь съ трудомъ идетъ, а если лошадь споткнется бѣда: ее унесетъ съ сѣдокомъ и разобьетъ о каменистое дно; отдохнуть негдѣ, просто въ полѣ на землѣ, хоть и раскинуть шатры, но какое же это удобство? Къ тому же много было слуху о бѣглыхъ разбойникахъ, а тутъ еще нерѣдко нападаютъ и медвѣди, хотя на людей они рѣдко нападаютъ, а больше таскаютъ лошадей и провіантъ, какой попадется: для этого всегда зажигаютъ костеръ, потомучто медвѣдь огня боится, и при огнѣ никогда не тронетъ, но хитрое животное что̀ дѣлаетъ? Онъ заливаетъ огонь: для этого окунется въ рѣку, намокнетъ, и подойдя къ огню, начнетъ стряхиваться и такъ не разъ, пока зальетъ, тогда самъ опять онъ нападетъ на добычу. Такъ и у нихъ было, пропало 2 лошади и сумки съ провизіей, которыя послѣ нашли изорванныя и пустыя. Въ этотъ годъ особенно было много медвѣдей, потомучто былъ неурожай ягодъ, которыя это животное очень любитъ; много было слышно, что они разбойничаютъ: гдѣ лошадь, гдѣ быка зарѣжутъ. Медвѣдь вообще очень умное животное, напр., онъ очень любитъ лакомиться рыбкой; для этого онъ чтоже дѣлаетъ? Войдя въ рѣку, онъ надуется, чтобы шерсть вся распушилась, мелкая рыбка массами воткнется въ его шерсть, тогда онъ проворно выскочитъ и начнетъ стряхиваться, рыбка падаетъ, а онъ ее подхватываетъ; это впрочемъ болѣе живущіе около морей медвѣди, въ заливахъ, гдѣ водится мелкая рыба.

Тутъ съ Яновскимъ было ужасно непріятное происшествіе: лошадь его подошла къ рѣчкѣ напиться къ самому краю, а берегъ былъ крутенекъ, земля подъ ногами ея обсыпалась, пугливая Якутская лошадь испугалась и начала биться, стараясь сбросить сѣдока, потомъ закусила удила и понесла во весь опоръ; но какъ это было лѣсомъ и безъ дороги, между деревьевъ въ одномъ мѣстѣ пронеслась подъ наклонившееся дерево, о которое онъ ударился прямо нижней частью груди и животомъ; ударъ былъ такъ силенъ, что онъ съ сѣдломъ упалъ на землю безъ чувства, замертво и не могъ вздохнуть минутъ 10, наконецъ чувства возвратились, но ни вздохнуть, ни шевельнуться не могъ. Горькое чувство овладѣло имъ; вотъ, думалъ онъ, гдѣ пришлось умирать среди дикой пустыни, вдали отъ родины, умирать безъ покаянія, безъ напутствія христіанскаго. Господи, не дай погибнуть душѣ моей! Но милосердный Господь вездѣ хранилъ его. Наконецъ его нашли, подняли, влили въ ротъ воды и подали всевозможную помощь; онъ

Библиотека "Руниверс"

чувствовалъ сильную боль въ груди и въ боку; остановились тутъ ночевать; понемножку онъ оправился и могъ потихоньку ѣхать далѣе. Дорога становилась все труднѣй и труднѣй, переѣздъ черезъ Яблоновый хребетъ, то спускались съ крутизны, то снова подыматься круто, и это на далекое разстояніе тянется хребетъ, то переѣздъ черезъ рѣки весьма опасный, иногда спускались въ долины, гдѣ лежалъ вѣчный ледъ, и довольно толстый и не таетъ. Зимой его наноситъ огромную массу, а лѣтомъ между горъ солнце мало проникаетъ и его много остается; иногда приходилось ѣхать по самому обрыву горы, такъ что страшно глядѣть внизъ, но Якутскія лошади привыкли: ступаютъ осторожно и съ горъ спускаются очень осторожно, но бѣдныя не подкованы и о каменистую почву очень сбиваютъ копыта; выѣдутъ въ лѣсъ, дорога завалена валежникомъ, или лучше сказать, дороги и вовсе нѣтъ, только Якуты знаютъ, какъ проѣхать. Стало уже довольно холодно, хотя было еще начало Августа, но по ночамъ морозы, и по утру все покрыто какъ бы инеемъ. Переѣзжали чрезъ Чердальскій хребетъ, Аспидныя горы, ихъ очень много, грядой, ужасно трудно-крута, каменисто, скалы такъ и висятъ, мѣстами виднѣлись какъ бы изломанные хребты, и камни обломками лежали въ низу, а другіе торчали какъ стѣны и даже нависли, угрожая упасть и задавить. Величественная, но мрачная, дикая и страшная природа! На нѣкоторыхъ утесахъ поставлены были кресты, которые далеко видно; видъ креста много даетъ чувства Русскому путешественнику, какъ могли взобраться и укрѣпить ихъ тамъ—удивительно. Селеній встрѣчали очень мало и рѣдко, а если и были, то это юрты бѣдныхъ Якутовъ, гдѣ ничего почти нельзя достать, юрта изъ бревенъ, обмазанная глинкой, а печи большею частью дѣлаютъ изъ дикаго камня, обсыпанныя землей. Проѣзжая рѣку Бѣлую (она называется такъ потому, что течетъ по бѣлымъ камнямъ), дорога стала лучше, черезъ рѣчки и тундры были мосты и довольно длинные; болото тянется долго и гать, а въ нѣкоторыхъ мостъ—саженъ 500 и даже въ 1200 саженъ, но только мало исправныхъ. Черезъ большія рѣки были перевозы, въ родѣ барокъ или расшивъ, на которыхъ перевозятъ, наприм. на Алданѣ, ширина ея верста, но за перевозъ берутъ дорого, по 50 коп. за лошадь, а за вьюкъ по 15 коп. и за человѣка тоже. Бѣдные Якуты, чтобы не платить денегъ, перегоняютъ лошадей вплавь, но это ужасно трудно для лошади: бѣдное животное иногда выбьется изъ силъ, теряетъ сознаніе, вдругъ повернетъ назадъ, бьется, бьется и тонетъ, хотя это и рѣдко, но бываютъ случаи, а которые переплываютъ, то такъ устанутъ, долго стоятъ, отдыхаютъ, дрожатъ всѣмъ тѣломъ, жалко смотрѣть; наши лошади не вынесли бы этого.

Библиотека "Руниверс"

Чѣмъ ближе приближались къ Якутску, тѣмъ мѣста становились веселѣе, равнины, луга и дорога лучше, можно и въ экипажѣ пріѣхать, или хоть въ телѣгѣ: вскорѣ показалась и широкая, величественная Лена, виды были такіе красивые, что только бы художнику снимать. Черезъ Лену переправляются въ большихъ лодкахъ, впрочемъ весьма плохихъ, но благодареніе Господу переправились и наконецъ послѣ 28 дневнаго весьма труднаго, сопряженнаго съ ужасными опасностями путешествія, добрались до Якутска, гдѣ должны были остановиться надолго, по болѣзненному и трудному положенію Ирины Александровны (жены). 21 Августа они прибыли въ Якутскъ и пробыли тамъ до конца Ноября. Тутъ Богъ далъ имъ дочь Марію. Якутскъ, хоть городокъ и небогатый и скучный, но люди тамъ гостепріимные, ласковые, много Русскихъ, и такъ привѣтливо обошлись съ путешественниками, что они пользовались всѣми удобствами жизни, тѣмъ болѣе послѣ трудовъ и лишеній въ пути, все это показалось особенно дорого и отрадно. Проживши до Ноября и оправившись совершенно, надо было помышлять опять объ отъѣздѣ. Тутъ уже наняли большія повозки тройками, губернаторъ далъ конвой казаковъ, потому что тамъ много бѣглыхъ арестантовъ, нападаютъ, и безъ конвоя нельзя. Нанявъ съ собою прислугу, они отправились 21 Ноября. Морозы Сибирскіе ужасные, и въ такіе-то морозы везли 2 малютокъ дѣтей, одного 3 лѣтъ и 2 мѣсячную малютку. Не мало горя; но съ помощью Божіею все возможно. Доѣхали до Томска благополучно, но тутъ люди, нанятые до Петербурга, отказались ѣхать далѣе; оказалось, что они попали теперь на родину и далѣе не желаютъ. Дѣлать нечего, надо искать другаго, но добрый тамошній начальникъ принялъ участіе и пріискалъ прекраснаго молодаго человѣка, который честно и исправно служилъ всю дорогу. Переѣзжая черезъ Уральскія горы, едва не лишились жизни. Это было на разсвѣтѣ, они всѣ спали: спускъ съ горы ужасно крутой, обледенѣлый, надо было затормозить большую, тяжелую повозку, въ которой ѣхало все семейство; но ямщикъ этого не сдѣлалъ, лошади не сдержали, понесли, на срединѣ горы надо было поворотить вправо, а прямо стремнина крутая и глубокій оврагъ, лошади несутъ прямо въ эту бездну, ямщикъ кричитъ, они проснулись въ ужасѣ, а чѣмъ и какъ помочь? Съ горячей вѣрой обратился С. И—чъ къ Господу. Спаси Создатель, призвалъ въ помощь св. Николая, который его всегда спасалъ отъ неминуемой смерти... и, о чудо, лошадь коренная упала, пристяжныя все несутъ и тащатъ несчастную, наконецъ она ударилась о столбы, на самомъ краю бездны и тѣмъ остановила лошадей; оказалось, на краю оврага стояли столбики, но они уже до половины въ снѣгу и вдобавокъ на 7 аршинъ одинъ отъ другаго, были

Библиотека "Руниверс"

когда-то и перила, но онѣ сломаны, попади лошадь между столбиковъ, всѣ бы рухнули въ стремнину, гдѣ рѣка.

Переѣхавъ черезъ Уралъ, дорога пошла уже со всѣми удобствами; вездѣ постоялые дворы удобные, къ тому же и теплѣе стало въ милой родинѣ. Вотъ—Малороссія! Кто можетъ выразить тѣ чувства, которыя испытываетъ человѣкъ, послѣ долгой разлуки возвращаться на родину; это надо испытать, чтобы понять, что̀ такое родина, когда мы надолго разлучаемся съ ней. Родина святая, кому не дорога она! Но вотъ добрались и до роднаго Глухова. Можно представить себѣ радость нѣжной матери: старушка не видала сына, когда ребенкомъ отпустила его въ Петербургъ, и вотъ почти черезъ 20 лѣтъ онъ передъ ней заслуженный, съ семьей. Не меньше радовался и сынъ, онъ очень любилъ мать, а теперь онъ могъ и помочь ей, чего давно желалъ.

Повидавшись со всѣми родными, они не могли оставаться долго и поспѣшили въ Петербургъ.

Но въ Петербургѣ его ждали уже несчастіе и разныя неудачи. Истинно Слово Божіе: хотящіе о Христѣ Іисусѣ благочестно жити, гонимы будутъ. Это совершенно сбылось на С. И—вичѣ; какъ прежде все ему удавалось и счастіе везло, какъ говорится, такъ напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ обратился онъ всѣмъ сердцемъ къ Богу, врагъ всячески сталъ возставать на него, то воздвигая на него разныя гоненія отъ злыхъ людей, то злая клевета возбуждала начальство, то разстройство въ дѣлахъ матеріальныхъ. Много, много приходилось терпѣть, Господь попускалъ, желая вести его не высокимъ и широкимъ, а узкою стезею, смиреннымъ и крестнымъ путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное.

Первое, что̀ постигло его, это то, что онъ лишился ожидаемаго большаго состоянія. Барановъ, отдавая за него дочь, далъ небольшое приданое, а обѣщалъ по окончаніи дѣла съ Американской Компаніей, съ которой онъ долженъ былъ по контракту получить болѣе милліона за свою службу, все это по наслѣдству передать своему сыну и дочери Иринѣ. Но что же случилось? Барановъ, отправившись уже послѣ отъѣзда Яновскаго изъ Ситхи на кораблѣ, въ кругосвѣтномъ пути заболѣлъ горячкой, надлежащихъ медицинскихъ пособій ему не дали, онъ умеръ дорогой, и могила ему была океанъ. Но что же Американская Компанія? Захватила всѣ его бумаги и контракты и все скрыла. По пріѣздѣ въ Петербургъ Яновскій сталъ спрашивать ихъ, ему сказали, что ничего нѣтъ, тогда онъ обратился къ нимъ съ просьбой, чтобы заплатили слѣдуемыя деньги его сыну и дочери; ему во всемъ отказали. Такая несправедливость крайне оскорбила и возмутила его, онъ завелъ съ ними дѣло. Но справедливая пословица: съ сильными

Библиотека "Руниверс"

не борись, съ богатыми не тягись; дѣла, конечно, онъ не выигралъ, а раздраженная компанія лишила его слѣдуемой ему за его безкорыстную и усердную службу награды, годовое жалованье 30 т. руб. Скорбно было С. И—чу за все его усердіе и неутомимую, трудную службу ничего не получить. Но что дѣлать, надо было перенести; онъ продолжалъ казенную службу, въ которую тотчасъ по пріѣздѣ былъ принятъ. Но главное, самое тяжкое для него испытаніе было то, что скончалась его молодая, любимая имъ супруга, оставя ему 2-хъ малютокъ: сына Александра 5 и дочь Марію 2 лѣтъ. Это несчастіе поразило его сердце глубокою скорбію. Похоронивши ее на Смоленскомъ кладбищѣ, онъ сталъ проводить жизнь болѣе уединенную, удалялся отъ развлеченій міра, да и настроеніе его души было не таковое. Занимаясь постоянно службой, онъ свободное время иногда уѣзжалъ въ монастыри на Валаамъ. Такъ прошло два года, но малютки-дѣти, которыя нуждались въ попеченіи и присмотрѣ, побудили его вторично вступить въ бракъ. Въ 1826 г. онъ женился на хорошей, происходившей изъ дворянской фамиліи, дѣвицѣ, бывшей подругѣ его жены, которая всегда любила и ласкала его дѣтей, но небогатой, и послѣ свадьбы вскорѣ вышелъ въ отставку и оставилъ Петербургъ, переселившись на родину въ Малороссію. Но мы отвлечемся нѣсколько отъ повѣствованія, чтобы сказать нѣсколько словъ о двухъ ужасныхъ событіяхъ, случившихся во время пребыванія его въ Петербургѣ. Это именно наводненіе, бывшее въ 1824 г. 7 Ноября. Вотъ разсказъ самаго Яновскаго, очевидца этого горестнаго событія.

„Я жилъ на Васильевскомъ островѣ во 2 линіи, домъ былъ каменный 2-хъ этажный, я жилъ въ нижнемъ, но довольно высоко; подъ нами было еще жилье и мелочная лавочка. Утромъ 7 Ноября въ 8 час. я пошелъ по должности, на экзаменъ мичмановъ въ Адмиралтейство. вѣтеръ дулъ крѣпкій съ Юго-запада. Подходя къ первой линіи, я увидѣлъ, что Нева выступила изъ береговъ и начала заливать площадь. 1-й корпусъ и Академію Художествъ. Исаакіевскій мостъ былъ высоко поднятъ отъ прибывшаго теченія съ моря, вскорѣ его разорвало и понесло въ верхъ рѣки, т. е. противъ теченія. Сообщенія черезъ рѣку не было; не имѣя возможности попасть въ должность, я возвратился домой, но вода настолько уже прибыла, что я шелъ по колѣно въ водѣ, добрался до средняго проспекта, какъ тамъ тротуары возвышены, то на нихъ было сухо, и я добрался благополучно до своей квартиры и не ожидалъ, чтобы вода могла дойти до нашего жилья, потому что этажъ былъ высокъ. По улицѣ ѣздили сначала въ дрожкахъ, но потомъ стали тонуть и принуждены были пустить лодки. вскорѣ къ нашему дому принесло небольшой домикъ. Подвалы наши и лавку залило, и вода

Библиотека "Руниверс"

сквозь полъ начала показываться: я скорѣе отправилъ дѣтей въ верхній этажъ, а самъ сталъ спасать сундуки и шкапы съ книгами, до которыхъ былъ я большой охотникъ, но не успѣлъ я ничего сдѣлать, какъ вода хлынула въ окна, въ двери и затопила мгновенно, мебель вся плавала, вода была съ полу на 1 арш. и 2 вершка. Изъ втораго этажа въ окошко ужасное было зрѣлище. Экипажи съ лошадьми тонули, людей старались спасать на лодкахъ, а бѣдныя лошади выбивались изъ силъ, падали и тонули; съ 2-хъ часовъ вѣтеръ сталъ стихать, и вода замѣтно стала упадать, къ 8-ми часамъ вечера уже, показались тротуары, но пройти еще нельзя было. На другой день я отправился осмотрѣть свои казармы въ Галерной гавани. По улицамъ едва можно было пройти, онѣ всѣ завалены были нанесеннымъ водой лѣсомъ, обломками разрушенныхъ домовъ, гдѣ выкинутыми и обмелѣвшими барками и всякимъ хламомъ, трудно было перелѣзть, тутъ валялись и трупы утонувшихъ людей, женщинъ, дѣтей. Ужасная, жалкая картина! Въ Галерной гавани я узналъ, что 3 большія казармы были снесены и разрушены, онѣ были хоть деревянныя, но на сваяхъ; волненіе было такое сильное, и вода прибыла болѣе 3 сажень, то онѣ не могли устоять; но къ великому моему счастію и радости команда вся цѣла, ни одинъ не утонулъ: они спасались кто на крышахъ домовъ, кто на пловущихъ мостикахъ и обломкахъ. Милосердый Господь всѣхъ сохранилъ! Въ Галерной гавани почти всѣ дома были снесены и разрушены, казенные яхты и фрегаты выкинуло на берегъ, большой запасъ корабельныхъ мачтовыхъ лѣсовъ вода разбросала по всему Петербургу. Впослѣдствіи я узналъ, что въ одной Галерной гавани утонуло до 100 человѣкъ, да на чугунномъ заводѣ по Петергофской дорогѣ 250 чел. Было показано въ вѣдомостяхъ, что всѣхъ утонуло 560 чел., но общая молва говорила, что всѣхъ до 1000 чел. Но кто исчислитъ всѣ бѣдствія, всѣ потери, причиненныя наводненіемъ? Они громадны. Начнемъ съ народа: положимъ, что утонуло только до 1000 чел. (по огромному Петербуртскому населенію это еще бы ничего), а сколько попростудилось, схватили горячку, чахотку и умерли впослѣдствіи. Сколько умерло отъ печали, потерявши родныхъ, потерявши все свое состояніе. Сколько изъ богатыхъ людей стали нищими, потерявши все. У иного барки разбиты съ грузомъ хлѣба, пшеницы, пеньки, соли и др. многоцѣнными товарами, все поглощено волнами! На одной баркѣ подмокло сахару и др. вещей болѣе нежели на 10 милліоновъ. А въ подвалахъ, лавочкахъ, въ магазинахъ сколько золота перепорчено и совсѣмъ уничтожено дорогихъ вещей! Собственная мся форменная шинель вся была на бобровомъ, лучшихъ рѣчныхъ бобровъ мѣху, хранилась у лучшаго скорняка на Невскомъ проспектѣ, пропала бывши залита.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ скорнякъ изъ богатѣйшихъ потерялъ на многіе десятки тысячъ мѣховъ, которые всѣ подмокли, почти ничего не успѣли выхватить. Должно замѣтить, что вода, которая затопляла дома, была самая нечистая, вонючая, грязная, потому что прежде всего она вымыла всѣ помойныя ямы и ретирады и смѣшалась съ ними, а потому и послѣ наводненія всѣ каменныя зданія были повреждены и напитались этою сыростью. На другой же день назначенъ былъ графъ Бенкендорфъ на Васильевскомъ острову генералъ-губернаторомъ, ему дана была команда, въ томъ числѣ и нашъ экипажъ, чтобы собирать разнесенные казенные лѣса, помогать жителямъ строить дома, спускать яхты, выкинутые корабли, барки и проч. Исаакіевскій мостъ на 3 день былъ наведенъ, улицы спѣшили очищать, чтобы можно было проѣхать Государю, и тѣла убирать. На 3-й день прибылъ Государь, сперва ѣхалъ на дрожкахъ, но по невозможности пересѣлъ на верховую лошадь, доѣхалъ до Галерной гавани. Его поразило это ужасное разрушеніе, тѣла не всѣ еще успѣли убрать, онъ видѣлъ утопленниковъ, его чувствительное сердце потрясено было скорбію, и онъ плакалъ! Немедленно прислано было пособіе лишившимся всего имущества, имъ раздавали хлѣбъ, калачи и другіе съѣстные припасы, раздавали деньги, теплыя одежды, потому что наступили холода. Безпріютныхъ, лишившихся жилищъ и всего имущества помѣщали въ дома, больныхъ отправляли въ больницы, дома исправляли по возможности или строили новые, раздавали кому корову, кому лошадь, оказывали всевозможныя пособія, дѣйствовали неутомимо, энергично. Пожертвованія со всей Россіи и изъ заграницы были огромныя. Изъ Англіи, изъ Гамбурга и изъ др. мѣстъ были присланы большія суммы для пособія пострадавшимъ. По Невскому проспекту вода доходила до Литейной и до Владимирской улицы, Литейная была затоплена. Въ Зимнемъ дворцѣ подвалы всѣ залиты, площади, Милліонная и Лѣтній садъ были залиты. Петербургская и Выборгская сторона очень пострадали. Я говорю, что всей великости потери невозможно исчислить, она громадна! Меня съ командой назначили спускать яхты и фрегаты на воду, помогать строить дома и пр. Каждый день съ 7 час. утра до вечера я былъ въ дѣлѣ и на холоду, такъ что отъ усердія своего сильно простудился, едва не получилъ чахотку; но благодареніе Господу, Онъ милосердный помиловалъ.

Другой разсказъ—это ужасное кровопролитіе, бывшее на другой годъ послѣ наводненія, именно бунтъ 14 Января 1825 г. „Послѣ смерти императора Александра I, послѣдовавшей 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ, объявлено было, что вступилъ на престолъ братъ его Константинъ Павловичъ, находившійся въ это время намѣстникомъ Царства Польскаго въ Варшавѣ. Самъ В. К. Николай Павловичъ, Государ-

Библиотека "Руниверс"

ственный Совѣтъ, Сенатъ, всѣ министры, войска и весь народъ были приведены къ присягѣ Константину I, и я принялъ присягу. Вдругъ въ короткое время, кажется, чрезъ 2 недѣли, получено изъ Варшавы отъ В. К. Константина Павловича, что онъ отказывается отъ престола, что онъ далъ обѣщаніе еще при жизни императора Александра, что онъ не будетъ царствовать и уступаетъ престолъ брату Николаю Павловичу, что объ этомъ тогда же составленъ актъ, въ 3-хъ экземплярахъ, одинъ находится въ Верховномъ Совѣтѣ, одинъ въ Невскомъ соборѣ и одинъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что эти акты хранятся въ позлащенныхъ ковчегахъ, запечатанные печатью имп. Александра I, что объ этомъ извѣстно императрицѣ матери Маріи Ѳеодоровнѣ, Николаю Павловичу и предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Народъ и никто этого не зналъ. А между тѣмъ въ Петербургѣ и въ Россіи готовился тайный заговоръ, чтобы сдѣлать государственный переворотъ: уничтожить самодержавіе и ввести конституціонное правленіе.

Заговоръ этотъ началъ имѣть вскорѣ по выходѣ нашихъ войскъ изъ Парижа. Заговорщики имѣли намѣреніе истребить всю царскую фамилію и сдѣлать республику. Чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе, заговорщики считали самымъ благопріятнымъ случаемъ, воспользоваться отказомъ отъ престола Константина. Они пропустили слухъ въ народѣ, особенно въ войскахъ, что Константина хотятъ отстранить и не допустить царствовать, что это все обманъ, будто онъ отказывается, что онъ идетъ изъ Варшавы съ войсками, но его удерживаютъ и хотятъ захватить въ плѣнъ, и др. подобныя басни пущены были въ ходъ. Когда объявили, что Константинъ отказывается отъ престола и требовали присяги Николаю, это было рано утромъ 14 Декабря; команда наша стояла въ казармахъ въ Галерной улицѣ, недалеко отъ Сената; въ 8 часовъ мы привели се къ присягѣ и отвели въ казарму. Но самъ я, руководясь совѣстью, не хотѣлъ нарушить данной недавно клятвы Константину, не присягалъ и не подписывалъ присяжнаго листа Николаю. Мы не знали ничего о заговорѣ, а я желалъ по совѣсти, чтобы меня увѣрили и показали отреченіе Константина.

Между тѣмъ, не зная ничего, я еще не присягалъ Николаю и присяжнаго листа не подписывалъ и въ этотъ день сказался больнымъ; меня потребовали къ капитану, я не поѣхалъ, сказалъ, что боленъ. Въ такомъ положеніи меня могли бы прямо принять за соучастника съ бунтовщиками и отправить въ крѣпость; но добрѣйшій командиръ нашего экипажа капитанъ 1-го ранга Титовъ зналъ меня хорошо и хотѣлъ спасти, пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру и спросилъ: отчего я не

Библиотека "Руниверс"

подписалъ присяжнаго листа Николаю I-му? Я отвѣчалъ: по совѣсти. Онъ мнѣ сказалъ: не сомнѣвайся, другъ, совѣсть твоя будетъ чиста, я самъ вчера былъ во дворцѣ и видѣлъ подлинное отреченіе, а это вотъ что, вотъ что.... и разсказалъ подробно о заговорѣ, что заговорщики воспользовались этимъ случаемъ и распускали эти нелѣпые слухи. Подписывай скорѣй, я привезъ присяжный листъ, а иначе я долженъ немедленно тебя отправить въ крѣпость. Я благодарилъ его, тутъ же подписалъ, и мы съ нимъ дружески обнялись: онъ очень любилъ меня! Не пріѣзжая ко мнѣ, онъ могъ бы меня отправить въ крѣпость.

Главные заговорщики были: отъ артиллеріи поручикъ Рылѣевъ, полковникъ Пестель, Каховскій, Муравьевъ, также князь Оболенскій, Александръ и Николай Бестужевы (послѣдніе всѣ 4 брата были въ заговорѣ), Кюхельбекеръ и пр. Со многими изъ нихъ я былъ лично знакомъ, какъ наприм. Рылѣевъ былъ секретарь главнаго управленія—мнѣ знакомъ; Николай Бестужевъ—сослуживецъ, хорошо знакомый; Торсонъ, адъютантъ морскаго министра—мой товарищъ и другіе, всѣ пошли кто на висилицу, кто въ каторжную работу! Иные невинно обманомъ были увлечены, нѣкоторые изъ нихъ прекрасные, даровитые люди, наприм. Александръ и Николай Бестужевы съ большими дарованіями; Торсонъ прекрасной души человѣкъ, и жаль было его! По короткому съ ними знакомству, я опасался, чтобы меня не впутали и не посадили бы въ крѣпость, какъ и многихъ невинныхъ тогда хватали, но послѣ оправдали и выпустили. Но Господь хранилъ, не впутали. Говорятъ, что покойному государю Александру I передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга въ Таганрогъ было секретно сообщено о заговорѣ и даже былъ присланъ списокъ нѣкоторыхъ заговорщиковъ. Это его до глубины души огорчило, потому что онъ всѣмъ старался дѣлать добро. Послѣ его смерти записку эту и списокъ нашли въ его кабинетѣ. Послѣдствія этого заговора были извѣстны по суду и были публикованы. Теперь обращаемся опять къ нашему повѣствованію.

Возвратившись часу въ 9 на свою квартиру на Владимирской, слышу, что нѣкоторыя войска взбунтовались и бѣгутъ на Исаакіевскую площадь. Первые взбунтовавшіеся полки были Московскій и Лейбъ-Гренадерскій, они съ заряженными ружьями, и офицеры съ обнаженными шпагами шли скорымъ шагомъ по Гороховой и стали около Сената, желая захватить сенаторовъ; это было около 9—10 час. утра. Но сенаторы въ 8 час. присягнули и уѣхали во дворецъ, и Сенатъ уже былъ пустъ. Надо знать, что Государь, не зная о заговорѣ, съ вечера отдалъ приказъ военному генералъ-губернатору Милорадовичу и др. властямъ, сенаторамъ и министрамъ, чтобы 14 числа Сенатъ

Библиотека "Руниверс"

собрался въ 10 ч. утра, привели бы всѣхъ служащихъ къ присягѣ. и послѣ того сенаторы и министры съѣзжались бы во дворецъ. Но около полуночи чиновникъ Шервудъ былъ увлеченъ заговорщиками противъ воли и, узнавъ подробно о заговорѣ. явился въ полночь въ дворецъ и просилъ немедленно допустить къ государю Николаю Павловичу и лично объявилъ ему обо всемъ. Государь и вѣрилъ и не вѣрилъ. однако призвалъ коменданта дворца и Милорадовича и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1, чтобы съ 7 час. утра 1-й Преображенскій полкъ съ заряженными ружьями былъ поставленъ на дворахъ дворца, 2, чтобы весь Преображенскій полкъ также съ заряженными ружьями стоялъ на дворцовой площади, также и кавалергарды и конная гвардія, артиллерія, Семеновскій и Измайловскій полки приведены были на дворцовую площадь; 3-е, чтобы г.г. сенаторы и министры привели къ присягѣ вмѣсто 10 въ 8 час. утра, а въ 9 час. чтобы Сенатъ былъ закрытъ и сенаторы и министры были во дворцѣ. Всю ночь скакали курьеры и адъютанты по всему Петербургу, развозили приказы объ этой перемѣнѣ. Къ счастію. заговорщики этого не знали. а потому все было исполнено по приказанію. Заговорщики покушались было увлечь въ заговоръ артиллерію, и трое офицеровъ стали было склонять солдатъ. но начальникъ тутъ былъ, велѣлъ арестовать офицеровъ, а артиллерію привелъ ко дворцу на площадь. Это счастіе, что бунтовщики не успѣли склонить артиллерію, а то было бы большое кровопролитіе. Бунтовщики склонили въ заговоръ гвардейскій экипажъ. Бестужевъ кинулся было и въ нашъ 15 экипажъ, но тамъ не приняли, сказали, что они присягнули Николаю. Финляндскій полкъ тоже взбунтовался и кинулся ко дворцу просить корпуснаго офицера, который у воротъ гауптвахты. чтобы отворилъ ворота и впустилъ ихъ во дворецъ, но офицеръ не впускалъ; однакоже комендантъ по приказанію Государя велѣлъ отворить ворота. и тамъ Преображенцы приложились принять ихъ пулями. тѣ. какъ увидали, принялись назадъ по льду. по Невѣ подошли къ Сенату. Когда два полка. какъ потокъ рѣки стремились на Исаакіевскую площадь. то по улицамъ увлекали съ собой весь народъ, спрашивая: что ты, кого признаешь царемъ, Константина или Николая? И кто скажетъ Николая. то закалывали и разрубали, а кто кричалъ Константина. тѣмъ велѣли слѣдовать за собой и привлекли огромную массу простаго народа. Около Исаакіевскаго собора было поставлено нѣсколько бочекъ съ виномъ, поили народъ, чтобы стоялъ за Константина. Послали было къ бунтовщикамъ уговаривать митрополита Серафима. Маститый старецъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. сопровождаемый 2-мя протодіаконами, вышелъ на площадь. но ему закричали: ступай, убирайся, пока живъ, а то тебя сейчасъ же поло-

Библиотека "Руниверс"

жимъ на мѣстѣ. Старецъ воротился, сѣлъ въ чью-то коляску, а протодіаконы стали на запятки и пріѣхали ко дворцу. Тогда поѣхалъ уговаривать Милорадовичъ, Кюхельбергъ выстрѣлилъ ему въ животъ, еще нанесли ему рану въ ногу, такъ что его замертво отвезли въ домъ, и онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Послѣ этого пустили конную гвардію и кавалергадовъ и жандармовъ въ атаку, но бунтовщики изъ за каменьевъ, заборовъ и сараевъ открыли мѣткій огонь по кавалеріи, а потому ее воротили назадъ. День уже склонялся къ вечеру, бунтовщики не сдавались, а между тѣмъ ихъ стало умножаться, потому что нѣкоторые изъ полковъ солдаты по одиночкѣ стали перебѣгать къ нимъ. Тогда уговорили Государя открыть огонь изъ артиллеріи картечью. Послали 12 орудій, сдѣлали по 2 выстрѣла, какъ бунтовщики дрогнули и пустились бѣжать по Галерной улицѣ, по Англійской набережной и чрезъ Неву, кидали ружья и спасались. Это уже смерклось, за ними въ погоню послали кавалерію, приказали хватать и приводить безъоружныхъ, много перехватали. Слава Богу все утихло! Гвардію поставили на бивуаки на Дворцовой, Адмиралтейской и Исаакіевской площадяхъ и вокругъ дворца и на Невѣ. Разложили костры огня на площадяхъ, и Петербургъ въ первый разъ увидѣлъ военное положеніе и лагери на площадяхъ! Всю ночь приказано было полиціи подбирать убитыя тѣла, считать и кидать въ пролубь, чтобы къ утру очистить площади. Всего, говорятъ, убитыхъ было до 1000 человѣкъ. Въ этомъ числѣ немало было и простого народу, зѣвакъ, даже женщинъ и дѣтей, пришедшихъ посмотрѣть-позѣвать. Картечь хватала даже черезъ Неву на площадь Академіи Художествъ, и тамъ были убитые. Заговорщиковъ множество перехватали, наполнили всѣ казематы въ крѣпости, другихъ разсажали по гауптвахтамъ и отправили въ Шлиссельбургъ. Послѣ этого назначенъ военный государственный судъ. Открылось, что заговоръ былъ ужасный, чтобы умертвить Государя и всю царскую фамилію, сдѣлать переворотъ въ государствѣ и сдѣлать республику. Одинъ Богъ ихъ спасъ!"

Когда С. И. вышелъ въ отставку, то Американская Компанія, зная его безкорытность и знаніе въ дѣлѣ, предлагала и убѣждала опять вступить къ нимъ въ службу, обѣщая ему прекрасное мѣсто въ Петербургѣ, съ жалованьемъ въ 7 тыс. и квартирою. Онъ отказался, рѣшился оставить Петербургъ и переселиться на родину въ Глухово, въ Черниговской губ., надѣясь тамъ съ семьей пожить покойно близъ своихъ родныхъ. Но къ удивленію не нашелъ тамъ полнаго спокойствія, сталъ замѣчать, что родные, т. е. братъ и сестры не полюбили его жены, не нравилось имъ, что она не богата, что воспитана по Петербургски, изнѣжена, все это было не по нихъ, и бѣдненькой при-

Библиотека "Руниверс"

ходилось отъ нихъ иногда тяжеленько, тѣмъ болѣе еще, что и горе за горемъ,—родилась дочь, прелестная малютка, но не доживши года отлетѣла на небо, черезъ годъ другая—и ту Богъ взялъ! Все это ихъ потрясло, жена тосковала, не могла привыкнуть къ образу жизни Малороссіянъ, и рѣшились они, проживши $3^1/_2$ года, уѣхать въ Россію. Пріискали себѣ небольшое имѣніе и переѣхали въ Калужскую губернію. Тамъ С. И. занимался хозяйствомъ, семейство его умножилось, Богъ далъ 2 сыновей Николая и Ивана, и 2 дочерей, Елисавету и Елену, старшаго сына Александра отвезли въ Петербургъ, въ Морской Корпусъ, куда впослѣдствіи и меньшой былъ опредѣленъ, дочь старшая также была отдана въ пансіонъ къ Москву. Жить небольшимъ имѣніемъ стало трудненько, да и дѣтей надо воспитывать. С. И. сталъ искать службы гражданской, случай представился, ему предложили занять мѣсто директора Гимназіи въ Калугѣ, что̀ онъ и принялъ въ 1834 г. переѣхалъ въ Калугу. Обязанность директора совершенно была по немъ, онъ такъ любилъ дѣтей и ревностно занимался, чтобы воспитывать ихъ въ христіанскомъ духѣ. Скорби все не оставляли его. Господь попускалъ на него тяжкія испытанія, но твердая вѣра и покорность волѣ Всевышняго его поддерживали.

Злая клевета возбудила противъ него начальство. Попечитель Московскаго округа графъ Строгановъ сталъ нападать на него и такъ сильно, что бѣдный С. И. не зналъ, что̀ и дѣлать, хоть въ отставку подавать, передъ Господомъ только изливалъ свою скорбь, не зная самъ за что терпить. Бывши однажды въ Петербургѣ, Яновскій заѣхалъ къ князю Ширинскому-Шахматову, бывшему министромъ народнаго просвѣщенія. Все семейство кн. Ширинскихъ-Шахм. отличалось особеннымъ благочестіемъ и прекрасными свойствами; братъ этого князя былъ на Аѳонѣ архимандритомъ о. Аникита, извѣстенъ святою жизнію. Князь хорошо зналъ Яновскаго еще съ молодыхъ лѣтъ, даже въ корпусѣ, когда Яновскій былъ кадетомъ, князь былъ корпуснымъ офицеромъ, и послѣ всегда имѣлъ съ нимъ сношенія. С. И. разсказалъ ему чистосердечно всѣ свои обстоятельства, князь принялъ большое участіе, уговаривалъ его потерпѣть, не оставлять службы, обѣщая, что все уладится, и слѣдствіе ли его участія, или несчастіе постигшее графа Строганова (онъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ ногу, отчего цѣлый годъ былъ болѣнъ), заставило его перемѣниться; скорѣе первое, но когда Яновскій пріѣхалъ къ нему во время его болѣзни, то графъ принялъ его такъ любезно, такъ радушно, какъ никогда; просилъ продолжать службу и сказалъ, что Калужская гимназія у него на лучшемъ счету и пр.

Библиотека "Руниверс"

Но проходила одна скорбь, возставала другая. Губернаторъ въ Калугѣ въ это время было С., онъ сталъ просить С. И. объ одномъ ученикѣ (его воспитанникѣ), чтобы дать ему право на поступленіе въ университетъ, а тотъ не только былъ достоинъ этого, но едва былъ терпимъ въ Гимназіи. Я-скій отказалъ, да и совѣсть была противъ этого. Губернаторъ сталъ грубо настаивать, а директоръ и тѣмъ болѣе устоялъ, сказавши, что это не по совѣсти, да и отвѣчать можно было за него. Разсерженный губернаторъ нашелъ какъ отомстить директору. Онъ написалъ секретно шефу жандармовъ графу Орлову, что директоръ вольнодумъ, революціонеръ, воспитываетъ учениковъ въ либеральномъ духѣ, словомъ все, что только могла внушить злоба врага. Доложили Государю. Государь велѣлъ спросить министра нар. просвѣщенія кн. Шир. Шихм. Тотъ сказалъ, что это не можетъ быть, я знаю Я—го: онъ благонамѣренный человѣкъ, и предложилъ, такъ какъ въ это время назначена была ревизія на всю Калужскую губ., то предписать сенатору кн. Давыдову, чтобы строгое вниманіе обратилъ на Гимназію и директора, что тотъ и исполнилъ; а между тѣмъ и Калужскому жандармскому полковнияу секретно дано предписаніе чтобы слѣдить за директоромъ и донести обо всемъ. Полковникъ хорошо зналъ Ян-скаго, его направленіе воспитанія и положительно опровергнулъ клевету. Это было при императорѣ Николаѣ Павл., когда строго на все смотрѣли и могли бы, не наводя справокъ, совершенно погубить, но Господь защитилъ его. Кн. Давыдовъ, разузнавши обо всемъ и познакомившись поближе съ директоромъ, очень полюбилъ его и вотъ все это ему разсказалъ о доносѣ См., при этомъ обнялъ дружески Ян-аго и сказалъ: будьте же покойны, я все донесу какъ слѣдуетъ. Такъ клевета обрушилась на главу клевещущаго: губернатору сдѣлали строгое замѣчаніе.

А сколько было тяжелыхъ, сердечныхъ скорбей, которыя приходилось перенесть отъ людей близкихъ, людей, которымъ онъ много благотворилъ, это еще труднѣе нести, но о нихъ лучше умолчать... Да проститъ имъ Богъ, какъ простилъ ихъ почившій и заповѣдавшій и дѣтямъ всегда прощать и молиться за враговъ. Послѣ гр. Строганова попечителемъ Московскаго Округа былъ Назимовъ; онъ съ особеннымъ расположеніемъ относился къ Я-му, когда пріѣзжалъ, всегда останавливался въ его квартирѣ, вообще весьма былъ благосклоненъ. Когда С. И., прослуживши 18 лѣтъ, по болѣзни сталъ проситься въ отставку, то онъ очень уговаривалъ его еще служить, предлагалъ представить къ чину, но Я-ій отказался и просилъ, если можно, дать ему добавочный пенсіонъ: въ то время окладъ жалованья былъ небольшой, 3 т. ассиг.; стало быть и пенсіонъ небольшой, а службы его было всей, какъ морской и гражданской, болѣе 40 лѣтъ. Состояніе его было весьма огра-

Библиотека "Руниверс"

ничено, а воспитывать 3-хъ дочерей (старшая уже кончила) требовало расхода не малаго. Назимовъ исполнилъ его просьбу, къ тому же выдалъ ему прекрасный аттестатъ. Такъ въ 1852 г. Яновскій оставилъ службу. Семейство его жило въ Калугѣ, а самъ большею частью въ деревнѣ, гдѣ занялся построеніемъ дома и усадьбы, чтобы переѣхать впослѣдствіи туда на постоянное житье, что̀ и исполнилось черезъ 3 года. Деревенская жизнь была по душѣ всей семьѣ, имѣніе хотя небольшое, но хорошенькое, и жилось имъ хорошо; но чрезмѣрная доброта С. И., которой пользовались и употребляли во зло его крестьяне, ставила его иногда въ затруднительное положеніе; онъ не могъ и не умѣлъ отказать когда его просятъ, а домашняя жизнь тоже требовала немалыхъ средствъ; къ тому же, онъ былъ всегда радушенъ въ пріемѣ, хлѣбосоленъ, всякій находилъ у него и бѣдный, и богатый ласковый пріемъ, всѣхъ съ любовью принималъ, и Господь удивительно какъ помогалъ ему: случалось иногда просятъ у него крестьяне кто на лошадь, кто на что, чуть не послѣдній рубль отдастъ, или хлѣбъ весною на паствы, все до зерна раздастъ: семейство когда и поропщетъ но скудости и нужды никогда не имѣли. Всѣмъ онъ всегда готовъ былъ сдѣлать добро, да и самъ не разъ говорилъ своимъ дѣтямъ: девизомъ моей жизни всегда было по возможности всякому дѣлать добро, и никому никогда зла; хотя бы былъ и врагъ твой, старайся всячески ему заплатить добромъ, то всегда будешь спокоенъ совѣстью. Дѣйствительно онъ почти всегда былъ миренъ и покоенъ, хотя постигали и тяжкія скорби; онъ хотя и скорбѣлъ въ душѣ, но никогда не упадалъ духомъ, даже если видѣлъ, что семейство пріуныло, онъ первый всегда развлечетъ, успокоитъ, или если даже семейное какое смущеніе, отецъ являлся первымъ миротворцемъ, видитъ, что смущены чѣмъ, помалкиваютъ, онъ сообщитъ какой разсказъ, что читалъ или разскажетъ какой анекдотъ приличный, невольно заставитъ улыбнуться и такъ втянетъ всѣхъ въ общую бесѣду, и дѣло обойдется миромъ. Молитва или память Божія была всегда присуща ему: въ трудныхъ случаяхъ жизни недоумѣваешь бывало, говаривалъ онъ послѣ дѣтямъ, какъ поступить: тотчасъ обращаюсь умомъ въ сердцѣ и слышу голосъ: дѣлай такъ и такъ. Случалось, придетъ крестьянинъ „помоги, батюшка, отецъ родной, вотъ нужда, лошадь пала“, какъ быть денегъ мало, но голосъ въ сердцѣ говоритъ: просящему у тебя дай, и я перекрестясь отдавалъ послѣдній рубль. Или случалось оскорбленіе, непріятность отъ кого, внутренно разгорается гнѣвъ, хочется отомстить заплатить хоть укоризной ближнему; углубляюсь въ сердце и слышу голосъ опять говоритъ: научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Перенесешь и въ душѣ водворяется миръ и радъ послѣ, что смолчалъ. Не

Библиотека "Руниверс"

разъ тяжкія оскорбленія отъ ближняго, клеветы терзали мою душу, возбуждая къ отмщенію, что и могъ бы: но молитва и заповѣдь Божія любите враги ваша, благословите, а не кляните, заставляла меня все прощать, забывать всѣ наносимыя скорби и смотрѣть на него съ любовію какъ на друга. Вѣра у него была необыкновенно твердая, онъ всегда говорилъ, что если молить Бога о чемъ, то надо твердо вѣрить, что Богъ дастъ и даетъ. И точно ему Богъ все давалъ и помогалъ. Сыновья его были прекрасные. Старшій Александръ въ 1849 г. поступилъ въ монастырь; хотя это нѣсколько и потревожило отца, но какъ онъ всегда пользовался руководствомъ и совѣтами прекраснаго св. старца, великаго подвижника о. игумена Антонія, бывшаго настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря и потомъ проживавшаго на покоѣ въ Оптиной пустыни, то старецъ успокоилъ его и просилъ не тревожить сына на избранномъ имъ пути и положиться на Бога, Который всѣмъ управляетъ и каждому назначаетъ свой путь, а путь имъ избранный добрый и благонадежный,—такъ онъ успокоится и самъ былъ радъ, что сынъ будетъ молитвенникомъ за семью. Второй Николай служилъ въ Калугѣ по гражданской службѣ и утѣшалъ отца своими прекрасными свойствами и отзывами начальства объ немъ. Третій Иванъ, воспитывавшійся въ Морскомъ Корпусѣ, служилъ морякомъ въ Черномъ морѣ, вполнѣ былъ достойнѣйшій сынъ, но увы недолго утѣшалъ родителей; въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ онъ погибъ во время Севастопольской компаніи, будучи уже лейтенантомъ 24 лѣтъ, батарейный 3 баталіона, 10 мѣсяцевъ. Господь хранилъ его, онъ былъ невредимъ, но 8 Іюля ночью упавшая на бастіонъ бомба осколкомъ разбила ему чашку колѣнки, тотчасъ ногу отняли выше колѣна, поборовшись 3 недѣли со смертію, онъ 30-го Іюля окончилъ свою жизнь какъ герой, какъ мученикъ за царя и отечество: горько оплакивала семья эту потерю, сынъ, который подавалъ много надежды въ будущемъ, такъ всей душой былъ преданъ семьѣ, опора началась бы крѣпкая для старика-отца, но надо покориться волѣ Всевышняго, на Котораго твердая вѣра и упованіе никогда не посрамятъ.

Перенесли эту тяжелую потерю, вскорѣ постигла новая скорбь—тяжкая болѣзнь! Въ 1860 г., будучи уже 70 лѣтъ, С. И. простудился, у него на спинѣ образовался нарывъ, называемый карбункулъ. Въ это время онъ жилъ въ деревнѣ съ старшей дочерью, семейство же все было въ Калугѣ. Боль въ груди была такая невыносимая, думалъ, что дѣлается воспаленіе. Прежде всего послали за священникомъ, исповѣдался и причастился св. Таинъ и, не надѣясь уже остаться живымъ, послалъ за женою и дѣтьми лошадей въ Калугу, чтобы пріѣхали проститься и принять благословеніе. На другой день все семейство было

Библиотека "Руниверс"

при немъ, привезли и доктора, который, осмотрѣвши нарывъ, объявилъ, что надо немедленно ѣхать въ Калугу, придется дѣлать разрѣзъ. По ужасно ухабистой дорогѣ, это было въ Февралѣ, повезли больнаго въ большой повозкѣ; дорога столько причинила ему страданій, что едва живаго довезли. На другой же день съѣхались врачи, опредѣлили непремѣнно сдѣлать большой надрѣзъ, и при этомъ сказали, что больной очень опасенъ, болѣзнь весьма трудная, въ его годы едвали можно вынести. Глубокою скорбію была поражена вся семья: крѣпко молились они за любимаго отца, послали въ Оптину къ старцу о. игумену Антонію, безъ молитвы и благословенія котораго у нихъ ничего въ семьѣ не начиналось, моля его вымолить имъ отца. Старецъ отвѣчалъ: за молитвы дѣтей выздоровѣетъ—будьте покойны. И точно Богъ услышалъ молитву вѣрнаго своего раба о. Антонія: операцію сдѣлали очень удачно, хотя и мучительно для страдальца, и хоть медленно, но сталъ оправляться. Онъ еще разъ пріобщился св. Таинъ и особоровался св. елеемъ. Въ это время онъ видѣлъ необыкновенный сонъ, который уже послѣ его смерти нашли описанный въ его запискахъ.

„Въ ночь съ 17 на 18 числа долго я не спалъ, размышляя, а больше я занятъ былъ богомысліемъ, какъ Господь милосердъ къ роду человѣческому: воплотился, претерпѣлъ столь ужасныя страданія и самую смерть, и какъ мы не благодарны увлекаемся суетою міра сего! Наконецъ подъ утро я заснулъ, и чтоже вижу: будто ни ширмы, которая стояла около моей кровати, ни окошка, ни стѣны, ничего нѣтъ—все чистое, синее, безъоблачное небо, воздухъ чистый, теплый; я гляжу и любуюсь, вдругъ вижу спускается съ небя Ангелъ въ видѣ младенца, какъ рисуютъ на образахъ, неописанной красоты, взоръ его такъ свѣтелъ, я съ благоговѣйнымъ вниманіемъ смотрю на него, въ лѣвой рукѣ его прелестная яблоновая вѣтвь, листья ея мнѣ показались по краямъ какъ-бы позлащеные, а на верху яблоко. Съ какимъ восторгомъ я любовался небожителемъ, какъ все въ немъ было стройно, воздушно, прозрачно, какая улыбка, подобной красоты я никогда не видалъ на землѣ; но взоръ его устремленъ былъ не на меня, и я думалъ, онъ пронесся мимо; кому-то, думалъ, онъ несетъ такой драгоцѣнный подарокъ изъ рая? Какъ только я подумалъ, ангелъ остановился прямо противъ меня, обратилъ свое прекрасное личико ко мнѣ и устремилъ свѣтлые глаза прямо на меня, взоръ его былъ столь прекрасенъ, что я забылъ свою болѣзнь, забылъ все на землѣ. Онъ обратился ко мнѣ и началъ говорить, голосъ его былъ необыкновенно чистъ и звученъ, но не какъ голосъ младенца, а уже юноши, онъ сказалъ: „Эта вѣтвь назначена тому, кто оплакиваетъ свои грѣхи, кто все терпитъ на землѣ. Проси у Бога терпѣнія и когда все перенесешь съ терпѣніемъ,

Библиотека "Руниверс"

тогда и тебѣ дадутъ также яблоко!“... Сказавши это онъ полетѣлъ и скрылся изъ глазъ моихъ. Я протянулъ къ нему свои грѣшныя руки, воскликнулъ: Ангеле святый, ты помолись, чтобы Богъ далъ мнѣ терпѣніе! Но все кончилось, Ангела нѣтъ, я проснулся, заплакалъ, горько зарыдалъ, что своими грѣхами такъ часто прогнѣвляю Господа, отгоняю отъ себя Ангела-хранителя, который столь же прекрасенъ, какъ этотъ. Было уже 9 часовъ, я забылъ время, забылъ все, что около меня сидятъ дѣти, я плакалъ и не могъ остановить своихъ слезъ... Дѣти тотчасъ кинулись ко мнѣ, стали спрашивать: что вы, что съ вами, папенька? позвали мать, и та стала спрашивать: о чемъ ты? Я только и могъ сказать: я оплакиваю грѣхи свои; какіе грѣхи, да ты вчера только пріобщался. Да, сказалъ я, пріобщался, но не оплакалъ своихъ грѣховъ. Я просилъ ихъ оставить меня и призвать ко мнѣ духовника; я не хотѣлъ разсказывать имъ, боясь, что они будутъ передавать другимъ. Дивны дѣла Твои, Господи! Дивно милосердіе Твое къ грѣшному человѣку!

По выздоровленіи они продолжали жить въ деревнѣ тихо, покойно. Тихая деревенская жизнь очень благотворно вліяетъ на человѣка, а тѣмъ болѣе еще молодого, такъ вліялъ, подъ руководствомъ и молитвамъ св. старца, добрый примѣръ родителей и на дочерей Сем. Ив—ча. Однажды одна изъ дочерей, послѣ общей семейной скорби, видя отца, какъ ей казалось, какъ бы грустнымъ и желая утѣшить, подошла къ нему съ лаской. Папочка, вы скорбите?—„Я? Нѣтъ, другъ мой, я не скорблю, я вѣрую, что такъ угодно Богу, а все что по Его св. волѣ дѣлается, все къ нашей душевной пользѣ; да и то скажу тебѣ, что если молить Бога, то никакая скорбь не тяготитъ душу“. Слыша это, дочь спросила дѣтски: Папа, да какъ же любить Бога? Вѣдь и рада бы, да если не имѣешь, не чувствуешь въ сердцѣ такой любви“. Отецъ говоритъ: „О, дружочекъ мой, если хочешь научиться любить Бога, то проси Его, проси съ вѣрою, съ горячностью, и Онъ дастъ тебѣ такую любовь къ І. Христу, что ничего въ мірѣ не пожелаешь, какъ только Его одного!“ Эти слова глубоко запали въ сердце... И за молитвы отца Господь призвалъ къ себѣ его дѣтей; три его дочери пожелали вступить въ монастырь, жить для Бога и для спасенія души, а 4-я Елена осталась съ ними и посвятила себя на служеніе престарѣлымъ родителямъ. Съ благословенія старца о. игумена Антонія, который самъ и ходатайствовалъ, чтобы не препятствовать имъ, говоря, что у васъ останется еще дочь, а Богъ Своею милостью не оставитъ васъ за это. Въ 1864 г. 1 Октября, на Покровъ. Пр. Богородицы, онѣ вступили подъ кровъ царицы Небесной въ Казанскій Калужскій дѣвичій монастырь.

Библиотека "Руниверс"

Надо сказать, что о. игуменъ Антоній былъ особенно расположенъ къ С. И. Съ какой любовью онъ всегда его принималъ, и когда случалось, что дѣти, по молодости, не понимая всей христіанской любви его, бывало поропщутъ на отца и откровенно высказывали это старцу, то онъ всегда говорилъ имъ: нѣтъ ужъ вы, мои голубушки, не скорбите на родителя, я вамъ скажу: дающая рука не оскудѣетъ, и всегда добавитъ: берегите, покойте старца.

Съ годами, имѣя 75 лѣтъ, старецъ все сталъ слабѣть, хозяйство утомляло и затрудняло его все болѣе и болѣе, онъ рѣшился просить благословенія о. игумена продать имѣніе. Въ это время къ общей скорби самъ старецъ о. игуменъ, и всегда болѣзненный, сильно занемогъ. Дали знать въ деревню, тотчасъ собрались ѣхать С. И. съ женой и дочерью, которая осталась при нихъ, отправились въ Оптину; застали еще живого. Старецъ благословилъ всѣхъ образами, и отсутствующихъ, давалъ послѣднія наставленія для жизни, благословилъ продать имѣніе и даже назначилъ и цѣну за сколько отдать (что точно и исполнилось), благословилъ С. И. по продажѣ имѣнія переселиться пожить послѣдніе годы жизни въ уединеніи, въ монастырѣ, именно въ Тихоновой пустыни. Когда С. И. сталъ просить старца помолиться, чтобы спасти ему душу, говоря, что боится смерти, боится грѣховъ, какъ предстать на судъ Божій, то старецъ сказалъ: царствіе небесное будетъ ваше; идите, батюшка, и дѣтокъ за собой ведите. По кончинѣ старца, который столько лѣтъ былъ отцемъ, руководителемъ всего семейства, С. И. сталъ хлопотать о продажѣ имѣнія; все случилось какъ предсказалъ старецъ, покупщикъ нашелся, но выше назначенной о. игуменомъ цѣны не далъ, такъ и отдали. С. И., расплатившись со всѣми долгами и успокоившись вполнѣ, разстался съ міромъ, съ женою и дочерью, которыя переѣхали въ Калугу къ сыну, а самъ переселился въ тихое пристанище, въ Тихонову пустынь, оплакивать свои грѣхи, какъ говорилъ самъ. Въ 1865 г. въ Декабрѣ онъ пріѣхалъ въ обитель; о. архимандритъ съ любовью его принялъ и былъ его духовнымъ отцомъ; дали ему маленькую келейку и послушника. Не легко было С. И., не говорю разстаться съ міромъ, этого онъ давно желалъ, суетная жизнь тяготила его, но разстаться съ семьей, которая такъ глубоко чтила его и готова была всѣмъ жертвовать, чтобы его покоить. Старецъ самъ желалъ покоя: онъ желалъ хотя остатокъ дней своихъ посвятить Богу, приносить покаяніе, вѣруя, что и пришедшихъ въ единодесятый часъ пріемлетъ Господь. И тутъ-то сталъ подвизаться старецъ; не смотря на свои уже 76 лѣтъ, со всею юношескою ревностью принялся онъ за подвиги, службу церковную никогда не упускалъ; привыкши всю жизнь ложиться за полночь, онъ и теперь ко-

Библиотека "Руниверс"

нечно не могъ уже оставить этой привычки, съ которой какъ бы сжился. Онъ едва засыпалъ, какъ въ 2 часа являлся будильщикъ къ утрени, и старецъ кряхтя поднимался и спѣшилъ къ началу, выстаивалъ иногда за утреней и раннюю обѣдню, а когда позднюю, тогда онъ хоть часикъ между службами могъ отдохнуть. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ сильно занемогъ, и о. архимандритъ, зная его духовную жизнь, такъ какъ онъ былъ его духовнымъ отцомъ, постригъ его въ мантію и нарекъ Сергіемъ. Новоначальный инокъ просилъ у Бога, чтобы хоть годокъ далъ ему пожить на покаяніе, на оплакиваніе своихъ грѣховъ. Но милосердный Господь далъ не годокъ, а 10 лѣтъ онъ подвизался, съ терпѣніемъ неся свой тяжелый крестъ.

Приготовляясь однажды къ принятію св. Таинъ и исповѣди, о. Сергій написалъ генеральную исповѣдь, т. е. всѣ какъ припомнилъ грѣхи отъ юности и положилъ въ ожиданіи назначеннаго времени исповѣди эту записку на божницѣ за образа. Отдохнувши часокъ послѣ обѣда, онъ сидѣлъ на кроваткѣ и размышлялъ о своихъ грѣхахъ; вдругъ видитъ вошли двѣ старухи въ лохмотьяхъ безобразнѣйшаго вида, и одна прямо къ образамъ и протянула уже руку по направленію, гдѣ лежала записка. О. Сергій сотворилъ молитву и крикнулъ: зачѣмъ ты тутъ, прочь пошла; другая схватила ее за рукавъ, и обѣ вышли. Онъ всталъ за ними, никого нѣтъ, дверь заперта. Что за странное явленіе? Видно, врагу не нравилось, что хотятъ его обличить и очистить совѣсть.

Дряхлость и болѣзненная старость всегда требуютъ покоя, а онъ лишалъ себя его и, можно сказать, вполнѣ: язвы Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ носилъ. Кромѣ всегдашнихъ недуговъ старости, онъ еще страдалъ грыжею, которая иногда причиняла ему тяжелыя страданія: по Средамъ и Пятницамъ утромъ не пилъ чаю, еще въ деревнѣ онъ по какому-то обѣщанію наложилъ на себя этотъ постъ и до самой смерти соблюдалъ его, въ семьѣ когда былъ, уже любовь близкихъ найдетъ, чтобы чѣмъ подкрѣпить старичка, но одинъ онъ лишалъ себя. Бывало, его монахини пріѣдутъ, и жалко имъ старичка, изнемогаетъ, станутъ просить его нарушить правило,—нѣтъ никогда. Или когда, бывало, пришлютъ ему что изъ Калуги, не скушаетъ самъ, все разошлетъ кому изъ братіи. Но Господь судилъ послать ему еще тягчайшее испытаніе—онъ ослѣпъ. На одномъ глазу у него давно былъ катарактъ, его взялись лѣчить въ Калугѣ и испортили: но это бы еще ничего, съ однимъ глазомъ онъ 10 лѣтъ жилъ и продолжалъ заниматься, всегда читалъ, писалъ, любилъ дѣятельно заниматься умственно. Но лишиться совсѣмъ зрѣнія—тяжкое испытаніе, величайшая скорбь! Въ его годы операцію уже дѣлать рисковано, да и съ вѣрою, спроси со-

Библиотека "Руниверс"

вѣта у старца, котораго чтилъ, получилъ отвѣтъ: довольно, батюшка, посмотрѣли, теперь заботьтесь о просвѣтлѣніи внутреннихъ очей. Такъ онъ рѣшился терпѣть это лишеніе. О трудности его и говорить нечего, еще бы! Въ семьѣ окруженному заботами близкихъ и то не легко: а одному на чужихъ рукахъ приходилось немало терпѣть. Келейники не всегда попадались добрые, были и такіе, которые обращались съ нимъ не церемонно, грубо, молодой народъ скучаетъ ходить за старцемъ, они не понимаютъ всей пользы этого послушанія, тѣмъ болѣе что и старецъ-то былъ тихъ и кротокъ, какъ рѣдко встрѣтишь, но имъ скучно. Бывало, старцу хочется, чтобы ему почитали что, или принесутъ письма изъ Калуги отъ дѣтей, ему хочется скорѣе знать, такъ какъ это было любимое его утѣшеніе, а они уйдутъ себѣ, бросятъ его одного, терпитъ, ждетъ, никогда не жаловался; случалось, что пріѣдутъ дѣти, онъ съ ними подѣлится скорбями, но строго запретитъ, чтобы не говорили о. архим. Моисею, зная, что онъ тотчасъ перемѣнитъ, потому что очень любилъ его и желалъ успокоить, но такъ попускалъ Господь. Бывало, скажетъ: ни слова не передавайте батюшкѣ; вы знаете, что я за свои грѣхи и больше достоинъ потерпѣть, а это такъ только подѣлиться съ вами разсказалъ; я за брата усердно молюсь и вѣрую, что Господь его самъ обратитъ ко мнѣ любовію. Да и всего передать нельзя что̀ приходилось потерпѣть. Но взявши на рамена крестъ Христовъ, онъ терпѣливо несъ его. Послѣдніе годы Богъ утѣшилъ его: у него былъ прекрасный послушникъ, который, какъ сынъ за отцемъ, съ любовію служилъ и успокоивалъ его. Какъ всегда радъ былъ старецъ, когда пріѣзжали къ нему дѣти! Это бывало единственное его утѣшеніе; съ какою любовію онъ ласкалъ ихъ: дѣточки мои, монашечки мои драгоцѣнныя, всегда называлъ ихъ и бывало не знаетъ ужъ чѣмъ утѣшить. Этой любви, этой ласки имъ никогда не забыть. Тутъ уже онъ много имъ открывалъ о своей прошлой жизни, о своей духовной жизни еще въ Америкѣ, какъ о. Германъ училъ его непрестанной молитвѣ, такъ что онъ въ сердцѣ всегда имѣлъ І. Христа и проч. благодатныя ощущенія. Память у него была о прошломъ очень свѣтла, настоящее же забывалъ. Всегда говорилъ, что его первая молитва была за враговъ его, которые много причиняли скорбей, и слава Богу я всѣмъ имъ простилъ и не только простилъ, но благодарю моего Господа, что попускалъ имъ оскорблять меня и смирялъ меня и всегда добавитъ: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси! Иногда Господь утѣшалъ его душу, посылалъ ему отрадныя видѣнія. Однажды онъ, подойдя прикладываться къ ракѣ преп. Тихона, увидѣлъ свѣтъ и руку преподобнаго. Иногда онъ видалъ икону Царицы Небесной, она долго стояла въ его глазахъ, и это явленіе утѣшало его. Да, безъ бла-

Библиотека "Руниверс"

годатныхъ утѣшеній отъ Господа трудно бы человѣку и вынести всѣ лишенія и скорби. Семейство нерѣдко посѣщало его, а два раза въ годъ пріѣзжали и монахини; какъ радъ былъ старецъ, дѣтски утѣшался онъ ихъ разсказами, какъ ласками; прогостивши бывало недѣльку, онѣ все свободное отъ церковной службы время проводили съ нимъ. Иногда, случалось, придутъ послѣ обѣденнаго отдыха, потихоньку отворятъ дверь, думаютъ не отдыхаетъ ли еще, чтобы не потревожить, а старичекъ въ маленькой мантійкѣ, съ четками въ рукахъ, стоитъ на колѣняхъ, слезы льются по старческимъ ланитамъ, онъ не слышитъ вошедшихъ, слухъ уже притупился, но чуткимъ ухомъ онѣ ясно слышатъ шопотъ его молитвы: горячо старецъ молится о дѣткахъ. Невольно и у нихъ вызываетъ слезы эта молитва, постоятъ $^1/_4$ часа, да и выйдутъ, чтобы не тревожить, не смутить этой святой молитвы. Походятъ съ $^1/_2$ часа и придутъ опять, а старецъ уже встрѣчаетъ ласковымъ упрекомъ: что же вы, я давно всталъ и жду чаю, напойте меня. А кто можетъ знать и видѣть всѣ тѣ молитвы и слезы, которыя въ одиночествѣ онъ проливалъ, зримыя однимъ Всевидящимъ? Съ каждымъ годомъ о. Сергій все ослабѣвалъ, за 3 года до смерти онъ принялъ великій ангельскій образъ—схиму и готовился къ исходу; каждую недѣлю по Суботамъ пріобщался св. Таинъ. Въ этотъ же годъ, именно въ 1883 переселился къ нему въ обитель и сынъ его іеромонахъ Христофоръ, который полагалъ начало въ Оптиной пустыни, потомъ былъ въ миссіи въ Іерусалимѣ 7 лѣтъ и наконецъ перешелъ въ Тихонову пустынь. Это очень утѣшило старца-отца. Утѣшало также старца, когда его посѣщалъ Калужскій преосвященный Григорій, котораго о. Сергій очень чтилъ. Пріѣзжая въ Тихонову пустынь, владыка всегда заходилъ навѣщать старца, побесѣдовать съ нимъ; послѣ о. Сергій съ большимъ утѣшеніемъ разсказывалъ о его посѣщеніяхъ. За годъ до его кончины посѣтилъ его именитый гость, князь Ширинскій-Шахматовъ; еще бывши молодымъ человѣкомъ, онъ съ Начитовымъ былъ въ Калугѣ у Яновскаго; а теперь, бывши проѣздомъ въ Калугѣ, пожелалъ повидаться съ бывшимъ своимъ товарищемъ по корпусу, Яновскимъ о. Христофоромъ, а также посѣтилъ и о. Сергія. Безъ всякихъ орденовъ, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ ходилъ князь по монастырю, и никто не зналъ, что это тайный совѣтникъ, товарищъ министра; въ убогой келейкѣ, у кровати больного старичка сидѣлъ князь съ часъ, и надо было видѣть, съ какимъ смиреніемъ испрашивалъ онъ молитвъ о себѣ и своему семейству. Послѣ о. Сергій не могъ безъ слезъ вспомнить его посѣщенія.

Въ 1874 г., на 73 году жизни, скончалась его добрая жена, болѣе 40 лѣтъ раздѣлявшая съ нимъ всѣ трудности и невзгоды жизни. И

Библиотека "Руниверс"

всегда съ молоду слабая, болѣзненная, она послѣдній годъ 10 мѣсяцевъ лежала на болѣзненномъ одрѣ, тяжко недугуя, но терпѣливо несла страданія; за два дня до кончины она послала къ преосвященному Григорію просить благословенія и св. молитвъ, что ей уже очень трудно. Владыка велѣлъ сказать: пусть потерпитъ еще немного, за то всѣ ея страданія уже окончатся здѣсь. Такъ 17 Мая, послѣ всѣхъ христіанскихъ напутствій, благословивъ всѣхъ дѣтей, которыя всѣ были при ней, она тихо предала душу свою Богу. Похоронили ее при церкви св. Креста въ Калугѣ. О. Сергій по слабости не могъ уже поѣхать проститься съ ней, ни на похороны; въ церковь еще выходилъ иногда и то больше его возили, зимой на саночкахъ, а лѣтомъ на самокаткѣ послушникъ возилъ; съ большимъ трудомъ выстаивалъ праздничную долгую службу, больше сидѣлъ, но очень утѣшался, когда бывалъ во храмѣ, и какъ самъ говорилъ, что иногда съ такимъ трудомъ шелъ, что, кажется, умру тамъ, ну что же рѣшался: думаю, умру въ церкви, такъ и хорошо: монаху надо до самой смерти ходить въ храмъ.

Сынъ его Николай былъ уже женатъ, въ 1873 г. онъ женился, а черезъ годъ о. Сергій дождался и внучки: возблагодарилъ Господа и за сію великую милость. Какъ самъ говорилъ: все, все для меня Господь сдѣлалъ, о чемъ я молился, все далъ, теперь молю объ одномъ—подать мнѣ христіанскую кончину и добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Съ наступленіемъ новаго 1876 г., въ самый день, старецъ заболѣлъ, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ съ нея. Дали знать въ Калугу: дѣти на другой же день пріѣхали, всѣ были около него, кромѣ сына Николая, у котораго въ это время заболѣла малютка-дочь крупомъ. Старецъ былъ въ полной памяти, но ослабѣлъ, видимо жизнь его догорала, какъ свѣтильникъ, въ которомъ оскудѣваетъ елей. Слабымъ голосомъ онъ давалъ еще послѣднія наставленія, съ глубокимъ чувствомъ благодарности взывалъ ко Господу, благодарилъ за всѣ ниспосланныя ему милости во всю его долголѣтнюю жизнь. Неизреченно благъ ко мнѣ Господь, такъ говорилъ онъ, сколько милостей я получилъ отъ Господа... что выразить не могу!.. Все поджидалъ онъ сына и видимо боялся, что онъ не застанетъ его; его особоровали св. елеемъ. Наконецъ 5 числа пріѣхалъ Николай; онъ очень былъ утѣшенъ, уже чуть слышнымъ голосомъ говорилъ ему въ послѣдній разъ, благословилъ его крестомъ, всегда висѣвшимъ у него въ кельѣ и отпустилъ обратно въ Калугу, потому что у него больна была дочь. 5 числа въ послѣдній разъ онъ причастился св. Тайнъ. Всю ночь дочери сидѣли около кровати, ожидая кончины, но ночь прошла, старецъ еще дышалъ слабо, кончилась обѣдня на Богоявленіе, пришли съ крестами

Библиотека "Руниверс"

окропили св. водою. Въ 3 часа дыханіе стало все тише, тише, въ $^1/_2$ 4 послѣдній тяжелый вздохъ, и двѣ выкатившіяся слезинки дали знать, что почилъ подвижникъ. Необыкновенно тихая была кончина, какъ лампадникъ догораетъ, угасла жизнь, или какъ младенецъ заснулъ онъ праведнымъ сномъ; на лицѣ была улыбка, необыкновенно пріятное было выраженіе лица; кажется, все бы смотрѣть на него!

Какъ обычно, ударили 3 раза въ колоколъ. По опрятаніи тѣла іеромонахи одѣли во все схимническое одѣяніе и положили на одрѣ. о. архимандритъ облачился, съ 2 іеромонахами, отслужили большую панихиду, какъ обычно началось чтеніе Псалтири. Пріѣхалъ и сынъ Николай Сем., привезъ все нужное къ погребенію, хотя старецъ и говорилъ, чтобы его хоронить, какъ можно проще, но по желанію сына все было торжественно. На 4 день, т. е. 9 числа было погребеніе схимническое, все какъ слѣдуетъ по уставу, весьма торжественно отпѣвали о. архимандритъ съ большимъ соборомъ, почтили смиреннаго схимонаха. Тѣло ничего не измѣнилось, все тоже пріятное выраженіе. Похоронили его возлѣ церкви, поплакали дѣти надъ дорогимъ отцомъ молитвенникомъ, кинули послѣднюю горсточку земли въ его могилу... и все кончилось! Вѣчная тебѣ память, схимонахъ Сергій!..

Не долго пережилъ старца отца и сынъ его іеромонахъ Христофоръ.

17 Апрѣля, день ангела при крещеніи о. Сергія, о. Христофоръ служилъ, поминалъ отца, на другой день Воскресный опять готовился служить, и какъ онъ имѣлъ обыкновеніе не ложиться спать, когда готовился, то и въ этотъ разъ ночью совершалъ свое правило. Было 2 часа; онъ читая зацѣпилъ какъ-то книгою лампу, она упала, разбилась, и керосинъ загорѣлся, но его такъ было мало, что онъ счелъ это ничтожнымъ и, не позвавши въ помощь келейника, хотѣлъ самъ затушить, но, какъ на немъ были брызги и въ добавокъ онъ былъ въ легкомъ льняномъ балахонѣ, то и вспыхнулъ. Слѣдовало бы тотчасъ накинуть, что нибудь тяжелое, одѣяло или тулупъ, который тутъ же и висѣлъ, но онъ забылъ это и началъ тушить руками. Видя, что все безуспѣшно, крикнулъ келейнику, что горю, а тотъ со сна, не разобравши въ чемъ дѣло, думалъ, что келья горитъ, выбѣжалъ изъ кельи и началъ кричать, созывать народъ, что келья горитъ. Когда вернулся, то бѣдный о. Христофоръ уже упалъ на полъ и все еще горѣлъ, тутъ онъ вылилъ ведро воды на него, но было уже поздно. Несчастный страшно обгорѣлъ, съ самыхъ ногъ до пояса.

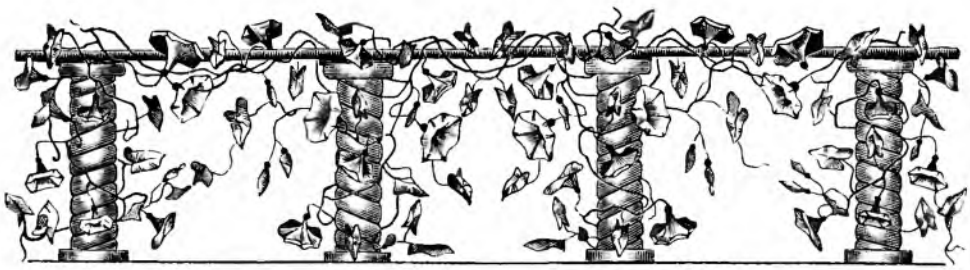
Тотчасъ послали въ Калугу за докторомъ, но скоро-ли это? 17 верстъ! Докторъ пріѣхалъ, употреблялъ всѣ средства, просилъ, чтобы перевезти въ Калугу, такъ какъ леченіе неудобно такъ далеко.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхали и родные, братъ, сестры, надѣясь еще помочь: они перевезли его въ Калугу, въ квартиру брата Николая С., но ничего не могло спасти. Не надѣясь жить, о. Христофоръ просилъ совершить надъ нимъ таинство елеосвященія и постричь его въ схиму, что̀ и было совершено пріѣхавшимъ настоятелемъ съ 2-мя іеромонахами: постригли въ схиму съ именемъ Александра; каждый день причащался св. Таинъ. За часъ или менѣе до кончины онъ открылъ глаза, которые передъ этимъ были закрыты, весело, такъ весело улыбнулся, что удивилъ всѣхъ, крѣпко жалъ руку стоявшей около него сестры и радостно заговорилъ: милость Божія, слава Богу! Потомъ смолкъ. Черезъ нѣсколько минутъ снова открылъ глаза, окинулъ всѣхъ родныхъ стоявшихъ около его кровати, поднялъ руку, благословилъ, взглянулъ на висѣвшій подлѣ него образъ Б. Матери... Такъ и остановились глаза, устремленные на ликъ Царицы Небесной. Лицо покрылось смертной блѣдностью. Ни вздоху тяжелаго, ни малѣйшей судороги, такъ что окружающіе нѣсколько минутъ недоумѣвали: кончено ли все или нѣтъ. Но увы, все уже кончилось! Не стало любящаго брата. Страданія земныя кончились, и душа отлетѣла въ небесныя селенія, 25 Апрѣля въ 10 часовъ, во время поздней обѣдни.

Настоятель о. архимандритъ и вся братія желали, чтобы отпѣвали его въ обители, потому и просили преосвященнаго разрѣшить имъ отвезти тѣло въ обитель для погребенія. Преосвященный дозволилъ, но чтобы это было попозднѣе, вечеромъ, когда не такъ людно въ городѣ, что̀ и исполнили. Въ 9 часовъ вечера 3 священника отслужили панихиду и сдѣлали выносъ тѣла. Вечеръ былъ необыкновенно тихій, теплый, такъ что ни одна свѣча не гасла, необыкновенное было шествіе въ такую позднюю пору; всѣ спрашиваютъ: что̀ значитъ, кого хоронятъ, и когда скажутъ схимника въ Тихонову пустынь, всѣ идутъ; такъ что собралась большая толпа народа; хотѣли сдѣлать потише, но вышло это и торжественно, и умилительно смотрѣть на это ночное шествіе. Такъ продолжалось до заставы, тамъ поставили на дроги и повезли: сестры провожали, а другой день утромъ пріѣхалъ и братъ съ женой къ обѣднѣ и отпѣванію. Положили его рядомъ со старцемъ-отцомъ въ одномъ склепѣ, и одинъ памятникъ напоминаетъ о двухъ почившихъ схимонахахъ!

Библиотека "Руниверс"



Изъ писемъ Ивана Васильевича Кирѣевскаго къ Оптинскому іеромонаху Макарію.

Много и сердечно уважаемый батюшка!

Я давно уже[1]) не слѣжу за нашею литературою, и потому не знаю, что̀ дѣлается съ нашимъ языкомъ и какіе законы онъ принимаетъ. Поэтому я въ этомъ случаѣ имѣю счастіе имѣть сходство съ вами, милостивый батюшка. Также какъ и вы, не понимаю, почему по русски нельзя сказать: вопросъ того же къ тому же. Но если о. Амвр., Авва Іоаннъ и Левъ Алекс. держатся этого мнѣнія, то, конечно, оно имѣетъ какое нибудь основаніе. Впрочемъ С. П. Шевыревъ, который былъ у васъ, вѣроятно, разрѣшилъ ваши сомнѣнія своимъ профессорскимъ авторитетомъ. Очень любопытно мнѣ будетъ видѣть переводъ вашъ первой главы С. Исаака, также и замѣчанія ваши на переводъ Лаврскій[2]). Въ присланной вами рукописи С. Григорія Паламы есть нѣкоторыя мѣста очень темныя. Я сличалъ нѣкоторыя изъ нихъ съ Греческимъ подлинникомъ въ Филокаліи, и нашлось, что эта темнота иногда происходитъ отъ пропусковъ, а иногда отъ неправильныхъ знаковъ препинанія. Въ одномъ мѣстѣ я осмѣлился вставить пропущенное слово умъ, безъ чего смыслъ совсѣмъ терялся, въ другихъ же мѣстахъ я не рѣшился этого сдѣлать. Впрочемъ, я списалъ не все. Лексиконъ Греческій нынче отправился къ вамъ (съ м. Аѳанасіею и Магдалиною) тотъ, какой мнѣ показался лучшимъ. Но Ферапонтовъ говоритъ, что въ Саратовѣ изданъ еще Греческо-Русскій лексиконъ однимъ ученымъ Смарагдомъ, изъ духовнаго званія, и если вамъ

---

[1]) Съ весны 1845 года, когда И. В. Кирѣевскій издавалъ „Москвитянинъ“ онъ, подъ воздѣйствіемъ своей супруги Натальи Петровны (мать которой Евдокія Николаевна, рожд. Арбенева, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ разными духовными лицами) занялся усиленно чтеніемъ книгъ богословскихъ. П. Б.

[2]) Т. е. переводъ, которымъ занимались въ Лаврѣ профессора Московской Духовной Академіи подъ общимъ наблюденіемъ митрополита Филарета. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

будетъ угодно, то предлагаетъ его выписать. Потому, если вы не будете довольны лексикономъ Косовича, то извольте прислать его ко мнѣ, а лексиконъ Смарагдова приказать выписать. Онъ стоитъ 3 р., а Косовича 4 р. Одинъ мой знакомый далъ мнѣ просмотрѣть находящійся у него переводъ нѣкоторыхъ книгъ „Добротолюбія“ на Русскій языкъ. Я просилъ сестру мою списать ихъ и сообщу вамъ. Видно, что переводчикъ владѣетъ хорошимъ Русскимъ языкомъ и переводилъ съ перевода Паисія, однакоже имѣлъ и Греческій подлинникъ передъ глазами. Потому читать эту книгу и легко, и пріятно. Однакоже при томъ видно то, что ученый переводчикъ не обращалъ большаго вниманія на тѣ оттѣнки выраженій, которыя въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ имѣютъ большую важность. Потому иногда бездѣлица опущенная, или бездѣлица прибавленная измѣняетъ всю силу рѣчи. Потому этотъ переводъ нужно бы было просмотрѣть вамъ и поправить; тогда онъ вышелъ бы прекрасный. Слово Греческое гнозисъ, которое Паисій переводитъ разумъ, въ Русскомъ „Добротолюбіи“, также какъ и въ Лаврскомъ Исаакѣ Сиринѣ, переводится: „познаніе“. Испрашиваю за тѣмъ молитву и благословенія и съ сердечною преданностію остаюсь вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

5 Августа 1847 г.

1852 г.

Милостивый государь, сердечно уважаемый батюшка!

Я вчера отправилъ вамъ по почтѣ мою статью*) съ перерывомъ въ срединѣ (ибо эти листы были въ типографіи) и не успѣлъ при томъ написать къ вамъ ни слова. Я прошу васъ, милостивый батюшка, когда вы будете, по благосклонности вашей ко мнѣ, читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что̀ вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ вамъ находятся мои разсужденіи о просвѣщеніи Западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли умъ Западнаго человѣка къ наружности и предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Поэтому я думаю для васъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропускъ. Для меня же особенно важны будутъ ваши замѣчанія о томъ, что̀ я говорю о св. отцахъ Восточной церкви

*) Появившуюся въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 г. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и о Россіи, какъ она была въ древнія времена. Хотя я думаю, что говорю истину, однакоже чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ вы. А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго или невѣрнаго, особливо объ ученіи св. отцовъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ я писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ пустыхъ тревогахъ, которыя были у насъ отъ пустыхъ мыслей. Послѣ письма моего вамъ, какъ то обыкновенно бываетъ, это безпокойство, благодаря Бога, утихло, по крайней мѣрѣ по наружности.

*

Многоуважаемый батюшка!

Я прочелъ и сличилъ вашъ переводъ первой главы Исаака Сирина и просмотрѣлъ также ваши замѣчанія на переводъ Лаврскій и большую часть изъ нихъ сличилъ съ Паисіемъ; мнѣ кажется, что почти вездѣ вы совершенно правы. Мѣстахъ въ двухъ, и то незначительныхъ, казалось мнѣ, что еще возможно сомнѣніе между Лаврскимъ переводомъ и вашимъ исправленіемъ; но вообще я думаю, что вы были слишкомъ снисходительны къ этому переводу, и въ немъ осталось, сверхъ вашихъ поправокъ, еще очень многое, требующее исправленія. Очень любопытно мнѣ будетъ слышать мнѣніе митрополита. Ваши рукописи и письмо, я доставилъ ему только сегодня, и то черезъ Александра Петровича. Прежде митрополитъ или не принималъ по нездоровью или уѣзжалъ въ Лавру; теперь же онъ готовится къ завтрашнему служенію и также по причинѣ нездоровья не принимаетъ. Если возможно мнѣ будетъ видѣть его завтра, то я постараюсь представить ему ваше мнѣніе о словѣ разумъ и о переводѣ вообще. Разумѣется, слова его сообщу вамъ. Между тѣмъ позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ вашемъ переводѣ: созерцаніе и доброе. Для чего вы предпочитаете созерцаніе слову видѣніе или зрѣніе? Первое новое, любимое Западными мыслителями и имѣетъ смыслъ болѣе разсматриванія, чѣмъ видѣнія. Потому нельзя, напримѣръ, сказать, что умъ отъ состоянія молитвы возвышается къ степени созерцанія, также какъ нельзя сказать, что онъ возвышается къ степени разсматриванія. Если же одинъ разъ необходимо Греческое слово θεоρία перевести „видѣніе“, то не худо бы, кажется, навсегда одному слову усвоить одинъ смыслъ. Такимъ образомъ можетъ у насъ составиться вѣрный философскій языкъ, согласный съ духовнымъ языкомъ Словенскихъ и Греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово доброе, которое на Словенскомъ языкѣ, кажется, значитъ тоже, что̀ на Русскомъ прекрасное, вы вездѣ изволите и на Русскомъ языкѣ переводить словомъ „доброе“. Отъ этого кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выхо-

Библиотека "Руниверс"

дитъ не полный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину разума совершеніе и добраго (по естеству) и изящнаго. По словенски первое названо благое, а второе доброе. Поэтому всю дѣятельность изящныхъ искуствъ можно отнести къ области разума этой степени. Если же слово изящное или прекрасное замѣнить словомъ доброе. то весь этотъ смыслъ пропадетъ. Прошу васъ, милостивый батюшка, сказать мнѣ, ошибаюсь ли я. и въ этомъ случаѣ простить со свойственнымъ вамъ благодушіемъ. Осмѣливаюсь же я говорить свои замѣчанія вслѣдствіе вашего приказанія. Посланную къ вамъ тетрадь Русскаго перевода Ѳеолипта прошу васъ прочесть и исправить. Языкъ, кажется, хорошъ: но вездѣ ли вѣрно переведено, не знаю. Послѣ вашего исправленія мнѣ бы хотѣлось Комаровскому *) и еще кое кому не могущему читать пословенски, чтобы они получили какое нибудь понятіе о томъ ученіи нашей церкви, которое не знакомо Западу. 21 Августа.

У митрополита я былъ на другой день послѣ того. какъ оставилъ ему ваши рукописи. Онъ въ этотъ день служилъ. несмотря на зубную боль, и рукописей просмотрѣть еще не успѣлъ. а только взглянулъ на нихъ, и изъ того что̀ видѣлъ, замѣтилъ многое такое. въ чемъ неправильность перевода Лаврскаго бросается въ глаза. „Очень бы жаль было, сказалъ онъ, если бы съ этими ошибками рукопись пошла въ печать. Но о другихъ замѣчаніяхъ Оптинскихъ я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу съ подлинникомъ“. О словѣ разумъ онъ тоже сказалъ. что ничего не можетъ сказать, не сличивши съ Греческою книгою. Когда же я сказалъ ему. что по всей вѣроятности это по-гречески гнозисъ, то онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ мудрено переводить иначе какъ вѣдѣніе. Впрочемъ надобно справиться съ текстомъ. О 17-мъ словѣ. въ которомъ выражается понятіе того времени объ устройствѣ солнечной системы, Владыка сказалъ. что, кажется, примѣчанія къ тому мѣсту не нужно, но болѣе объ этомъ не распространялся. Когда же я сказалъ ему. что въ той же главѣ есть мѣсто темное. которое даже и васъ затрудняетъ, то онъ пошелъ за книгою, принесъ (тотъ самый экземпляръ, который онъ, еще бывши архимандритомъ, нашелъ въ библіотекѣ Амвросія и испросилъ себѣ), прочелъ то мѣсто. о которомъ шла рѣчь и задумался. Какъ ваше в-ство изволите понимать это? спросилъ я.— „А вотъ, отвѣчалъ онъ. показывая на поле книги: когда я еще въ первый разъ читалъ это, то поставилъ вопросительный знакъ. который

*) Это графъ Егоръ Евграфовичъ, пріятель И. В. Кирѣевскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

стоитъ еще и теперь". Тогда я сказалъ ему, какъ покойный о. Филаретъ объяснялъ это мѣсто, какъ относящееся къ Михаилу Архангелу. Я только хотѣлъ сказать это самъ[1]), прервалъ онъ меня. Если таково было мнѣніе о. Филарета и такое же вашего высокопреосвященства, сказалъ я, то для меня кажется уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ значеніи этого мѣста. 26 Августа.

Лексиконы, присланные вами съ Полугарскимъ, ко мнѣ доставлены. Но я жалѣю, что возвратили ихъ; ибо тотъ лексиконъ, о которомъ я вамъ писалъ со словъ Ферапонтова Синайскаго (я ошибочно написалъ Смарагдова), не съ Греческаго на Русскій, а съ Русскаго на Греческій. Потому я думаю послать вамъ лексиконъ Ивашковскаго; онъ старый, но, говорятъ, полнѣе Косовича и состоитъ изъ 4 толстыхъ томовъ. Стоитъ онъ 5 руб. серебр. Но лучше ли Косовича, я не знаю. Извольте просмотрѣть его, и если окажется хуже, то извольте прислать назадъ.

*

Сердечно любимый и безпредѣльно уважаемый батюшка!

На этой первой недѣлѣ поста мы начали говѣть. Потому особенно испрашиваю вашихъ св. молитвъ и св. благословенія, преклоняюсь къ стопамъ вашимъ и прося Господа вашими молитвами мнѣ прощенія грѣховъ моихъ, и чтобы Господь даровалъ мнѣ разумъ сердечно сознать всю глубину моей грѣховности и всю божественность той благодати, которой я желаю и готовлюсь сообщиться. При этомъ не неумѣстнымъ считаю просить васъ еще и о томъ, чтобы вы вашими св. молитвами и совѣтами устроили и земное неустройство наше, которое доходитъ почти до крайности, и не только ее дѣлаетъ совершенно несчастною, но и Н. П. огорчаетъ почти до болѣзни. Подробности объ этомъ вамъ вѣроятно пишетъ теперь Н. П.; я же говорю только для того, что думаю, судя по нѣкоторымъ опытамъ, что когда горе[2]) напишется къ вамъ, то Господь тотчасъ же облегчитъ его. Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугой и духовнымъ сыномъ И. К. 9 Марта 1853 г.

2 Сентября (1853).

Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, Нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына Карла, который тому года два вышелъ изъ

---

[1]) Если не ошибаемся, это былъ іеромонахъ, къ которому особенно близки были супруга И. В. Кирѣевскаго и ея родительница. П. Б.

[2]) Горе состояло между прочимъ въ постоянныхъ ссорахъ супруги Ивана Васильевича Натальи Петровны съ ея сестрою, дѣвицею Александрой Петровной. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья. Этотъ молодой человѣкъ вскорѣ послѣ перваго знакомства открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія передъ Лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однакоже это онъ надѣется сдѣлать со временемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію*), на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію и, можетъ быть, тамъ совершитъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, совѣтывалъ я ему поѣхать къ вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать къ вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготовлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелѣе долженъ быть для его отца, что онъ самъ пасторъ и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ Нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу. Теперь, тому дней 10, онъ возвратился изъ Смоленской губ. и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, онъ просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь Русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы сколько нибудь узнать хорошую сторону нашего бѣлаго духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Серг. Гр-у письмо, которое онъ доставилъ самъ. Серг. Григор. точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однакоже мнѣ поручилъ сказать съ Облеуховымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ. Однакоже молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнять своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде чѣмъ совершить этотъ

*) Гдѣ въ Сычевскомъ уѣздѣ въ Дугинѣ, у графини А. С. Паниной, жилъ старшій братъ Зедергольма, врачъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

великій и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ намъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ онъ воротится въ Москву и окончитъ уже это дѣло здѣсь, а къ вамъ поѣдетъ послѣ поговѣть и познакомиться съ вами, многоуважаемый батюшка, и видѣть вашу обитель, и между прочимъ познакомиться съ о. Іоанномъ, о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Я не боялся затруднить васъ этимъ, батюшка; ибо дѣло идетъ о спасеніи души. Можетъ быть то, *какимъ образомъ*, съ какой полнотою убѣжденія совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ его поступокъ будетъ или камнемъ назиданія или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу васъ простить мнѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, испрашивая вашихъ св. молитвъ и благословенія, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугой и духовнымъ сыномъ. И. К. 28 Іюля 1853 г.

Искренно любимый и безпредѣльно уважаемый батюшка.

Прежде всего прошу вашего св. благословенія. Если ваша лихорадка еще продолжается, то изъ посылаемыхъ вамъ на этой почтѣ лѣкарствъ извольте прежде принимать порошки, по 4 раза въ день, поутру, передъ обѣдомъ за полчаса, передъ вечернимъ чаемъ и передъ утреннимъ за полчаса, въ такой день, когда лихорадки не бываетъ. Если же придется такъ, что вы успѣете принимать два дня сряду передъ лихорадкою, то еще лучше. Можно принимать и въ тотъ день, когда она приходитъ, но только прежде ея приступа. Но если эти порошки окажутся не довольно дѣйствительными къ прогнанію вашей лихорадки, и послѣ принятія порошковъ лихорадка всетаки будетъ: то тогда извольте принимать пилюли такъ, какъ написано на ярлыкѣ, черезъ два часа по двѣ пилюли въ день передъ приходомъ лихорадки, чтобы успѣть ихъ принять всѣ прежде, чѣмъ лихорадка приступитъ. Но прежде, чѣмъ принимать пилюли, надобно совершенно удостовѣриться, что у васъ точно лихорадка правильная, т. е. что въ опредѣленное время приходитъ ознобъ и потомъ жаръ и потомъ потъ. Если же ваша болѣзнь этихъ правильныхъ признаковъ не имѣетъ, то можетъ быть это и не лихорадка, а другая болѣзнь, и тогда пилюль принимать не надобно, а лучше извольте тогда списаться съ докторомъ черезъ Н. Петровну.

Библиотека "Руниверс"

Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на Отче Нашъ, кажутся мнѣ совершенно согласными со смысломъ перевода св. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій, также и примѣчанія нѣкоторыя мнѣ кажутся весьма драгоцѣнными; наприм. примѣчаніе на стр. 16 и на стр. 25. Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою самаго м—а*). Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ. Но послѣ того, какъ рукопись была у митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія и, кажется, напрасно. Наприм. онъ вставилъ въ текстъ слова на 16 стр. глаголя: „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“. Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчею книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ. Но съ этимъ было дѣлать нéчего. Однакоже другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на иное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія и приписывать ихъ Паисію? Это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: ниже яко иною йну; небо по производству отъ Единицы Троица, небытна (не созданна) Суща и самоизъявлена. Голубинскій поправилъ: ниже видѣти яко ину чрезъ ину: небо посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безотносительное, аки бы произведеніе къ винѣ своей относящееся, ниже яко отъ иныя ину: небо по производству отъ Единицы Троица, небезъимствована бытіе имуща и самоизъявлена суща. Здѣсь, какъ вы изволите видѣть, слова подчеркнутыя два раза у Паисія не находятся, и вставлены Голубинскимъ изъ Латинскаго изданія. Но, державши корректуры, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что сомнительно даже, написалъ ли бы онъ и было ли въ какомъ нибудь текстѣ у Максима; ибо Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочиняютъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Св. Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но васъ, батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ

*) Т. е. митрополита Филарета. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ли я поступилъ или слишкомъ самовольно. Въ другомъ же писаніи св. Максима, въ Словѣ Постническомъ, Голубинскій многое перемѣнилъ въ рукописи и, кажется, очень часто по напрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ (какъ мнѣ кажется) неправильный. Дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предубѣдился противъ всего сочиненія и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, а что переводъ носитъ характеръ Паисіевской системы до слова, а что поправки Голубинскаго не совсѣмъ удачны. Наприм. слово: смотрѣніе онъ напрасно замѣняетъ словами цѣль или намѣреніе. Мысль, что Господь терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ, Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслію, говоря, что Господь наказывалъ лукаваго любовію къ людямъ. Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Такъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предубѣжденію. Все однакоже эта брошюрка, съ двумя писаніями св. Максима, есть по моему мнѣнію одна изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ печатаемы.

На 15 стр. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться. Въ Исаакѣ Сиринѣ мнѣ кажется очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ васъ, въ которомъ сказать, что Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками различныя отношенія между словами, которыя, въ Греческомъ языкѣ очевидныя сами собою, въ Словенскомъ сами собою не выражаются. О значеніи этихъ точекъ Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что Русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ надсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется, необходимо сдѣлать для того, чтобы во 1-хъ, оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ Греч. и Словен. иначе покажутся ни къ чему не ведущими, а во 2-хъ, для того, чтобы оправдать себя: ибо, печатая предисловіе Паисія и выбросивъ изъ него что-либо, нельзя не оговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и передъ его жизнію.

Вотъ уже вторая Пасха наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ мы надѣялись праздновать ее подъ звонъ большого колокола Софіи. Видно

Библиотека "Руниверс"

времена начинаются, труднѣе чѣмъ мы предполагали. Парижскій архіерей открыто говоритъ въ рѣчи своей, что война не за Турокъ, а противъ Восточной церкви, и что прежніе крестовые походы были не противъ Магометанъ, а противъ раскольнической церкви, какъ они называютъ нашу святую православную церковь. Въ самомъ дѣлѣ, похоже что-то на послѣднія времена, какъ они предсказаны въ Апокалипсисѣ.

9 Апрѣля 1854 г.

Н. П. уже писала къ вамъ о той непріятности, которая случилась у насъ въ домѣ, какъ наши люди утащили у нашего сосѣда два мѣшка крупъ, и потомъ эти мѣшки найдены у насъ въ колодцѣ. Хотя сосѣдъ нашъ и оставляетъ это дѣло безъ послѣдствій, но я просилъ полицейскаго офицера сдѣлать розыскъ между нашими людьми, чтобы узнать, кто изъ нихъ сдѣлалъ это воровство. Завтра онъ будетъ допрашивать ихъ. Теперь я пишу къ вамъ объ этомъ подъ вліяніемъ той мысли сердечной, что если ваши св. молитвы помогутъ моимъ грѣшнымъ, то Господь защититъ невиннаго и насъ спасетъ отъ несправедливаго дѣйствія и домъ нашъ сохранитъ отъ разстройства и безпорядковъ. Особенно боюсь несправедливости и уже нѣсколько дней страдаю душой отъ необходимости дѣйствовать тамъ, гдѣ дѣйствовать темно и неудобно. 20 Апрѣля 1854 г.

Вчерашніе распросы полицейскаго не повели ни къ какому открытію. Сегодня онъ хотѣлъ придти опять распрашивать кучеровъ и стараться узнать изъ ихъ словъ виноватаго. Не думаю, чтобы и изъ этого вышло что-нибудь. Не знаю что дѣлать. Оставить безнаказанно такое явное воровство нельзя, а наказать невиннаго—еще хуже.

22 Апрѣля 1854 г.

Въ послѣдній разъ какъ я имѣлъ счастіе видѣться съ вами въ Калугѣ, я просилъ васъ благословить мнѣ опять курить табакъ: ибо думаю, что послѣ двухъ лѣтняго воздержанія могу уже приступить къ этому съ умѣренностію и безъ страстности, между тѣмъ какъ послѣ тридцати слишкомъ лѣтней постоянной привычки я чувствую нѣкоторое неудобство для моего здоровья отъ такого совершеннаго измѣненія діэты; ибо прежде я курилъ безпрестанно. Такъ какъ дымъ табачный имѣетъ нѣкоторое сходство съ дѣйствіемъ вина, то я такъ пріучилъ къ нему нервы мои, что при теперешнемъ отсутствіи куренія чувствую почти постоянно связанность въ головѣ и нѣкоторую неловкость въ горлѣ и груди. Это нѣсколько облегчается, когда я вхожу въ комнату, наполненную дымомъ. Вы тогда приказали мнѣ поговорить объ этомъ съ митрополитомъ и попросить у него благословенія: но я до сихъ

Библиотека "Руниверс"

поръ не имѣлъ случая бесѣдовать съ нимъ объ этомъ, да и признаюсь, совѣщусь объ этомъ говорить ему. Безъ вашего же благословенія приступать къ этому мнѣ не хотѣлось бы.

27 Мая 1854 г.

То состояніе умственной сдавленности, которое я испытывалъ прежде, когда на время оставлялъ трубку, и теперь послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ чувствуется мною. Я нахожусь обыкновенно въ состояніи человѣка, на котораго, какъ говорится, нашелъ тупикъ. Я затрудняюсь въ мысленныхъ движеніяхъ, часто ищу самаго обыкновеннаго слова. Иногда, начиная говорить, я съ трудомъ удерживаю въ памяти конецъ того, что̀ хочу сказать. Иногда замѣчаю, что посреди разговора я задумался, не отъ увлеченія какой нибудь сильной мыслію, а отъ слабости, съ которою переворачиваю обыкновенныя. Ежедневно почти собираясь писать задуманное сочиненіе и до сихъ поръ не написалъ ничего, съ трудомъ собирая мысли. Но въ тоже время какъ умственная дѣятельность моя слабѣла, страстная сдѣлалась еще раздражительнѣе.

Прошу васъ также, милостивый батюшка, помолиться Господу и о томъ, чтобы дѣло рекрутства, которое теперь по моему предписанію совершается въ Долбинѣ, было исполнено безъ несправедливости, съ возможнымъ меньшимъ зломъ и вредомъ для несчастныхъ семействъ и для имѣнія. Это лежитъ у меня на совѣсти, потому что я самъ не могъ поѣхать туда. И. К. 27 Іюля 1854 г.

*

Митрополитъ взялъ у меня для просмотра нѣкоторыя рукописи изъ представленныхъ въ цензуру, т. е. Сотницы Аввы Θалласія и главы Каллиста Антиликуды. Вчера я былъ у него съ Зедергольмомъ, желавшимъ получить его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочиталъ Сотницы А. Θалласія и думаетъ, что они должны бы быть изданы особою книжкою, что въ нихъ много полезнаго, но читатели вообще лѣнивы на духовное чтеніе и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ; но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы вы поступили съ нимъ также, какъ съ книгою Исаака Сирина, т. е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ и, сличивъ съ подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницъ, а гдѣ найдутся явныя ошибки переписчика Словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще, кажется, онъ очень доволенъ изданіемъ Исаака Сирина и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ.

Что же касается до Каллиста Антиликуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ и, судя по началу, сомнѣвается, полезно ли

Библиотека "Руниверс"

будетъ его напечатать, потому что онъ кажется ему очень труденъ для пониманія: мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ такъ, что не каждый распутаетъ ихъ. „Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много: не лучше ли ограничиться немногимъ, явно полезнымъ? Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многаго печатанія. Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошія книги задавлены грудою безполезныхъ, такъ, что до нихъ и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подвергалась такой же участи?" Я отвѣчалъ ему, что ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенныя Св. Паисіемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изо всѣхъ книгъ самыя полезныя.

5 Ноября 1854 г.

*

Между тѣмъ, какъ міръ православный встрѣчаетъ новый годъ, хотя въ молитвахъ, но съ опасеніемъ и страхомъ за будущее, Западный міръ въ упоеніи радости отъ новаго догмата вѣры, который ихъ папа разсудилъ за благо имъ объявить, т. е. догматъ о безгрѣшномъ зачатіи Пр. Дѣвы,—догматъ, которымъ, кажется, самое основаніе христіанскаго ученія разрушается. Видно, что Богу угодно ихъ заблужденіе довести до крайняго обличенія, можетъ быть, на пользу и утвержденіе истинно вѣрующихъ. 31 Декабря 1854 г.

*

Сознаюсь, что занятія мои шахматной игрой дѣйствительно дошли до излишества и до нѣкоторой страстности. Подлѣ меня постоянно стояла маленькая дощечка съ разставленными шашками, которая безпрестанно оттягивала мои мысли отъ другихъ занятій къ себѣ. Сначала я поставилъ ее для того, чтобы только въ минуты свободныя отъ другихъ занятій разбирать на ней замысловатые ходы; а потомъ ея всегдашнее присутствіе передъ глазами мало-по-малу отвлекало меня отъ другихъ важнѣйшихъ занятій. Я уже и самъ начиналъ чувствовать это излишество и признаюсь вамъ, что наканунѣ полученія вашего письма довольно усердно молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ силу избавиться отъ этой страстности. Однакоже до вашего письма силы въ себѣ не находилъ. Получивши же письмо ваше, я убралъ свою дощечку съ шашками и заперъ въ шкафъ. Кромѣ того я положилъ себѣ на двѣ недѣли совсѣмъ не играть даже съ игроками, которые будутъ пріѣзжать ко мнѣ, а по истеченіи этого срока играть съ умѣренностію и дощечки подлѣ себя уже не ставить. Но къ удивленію моему я замѣчаю, что это рѣшеніе дѣйствуетъ на меня почти также мучительно, какъ самый строгій постъ.

Библиотека "Руниверс"

Недавно я слышалъ достовѣрное извѣстіе о томъ, какъ защищалась наша крѣпость Бомарсундъ на Аландскихъ островахъ и, полагая, что вамъ любопытно будетъ слышать это, спѣшу сообщить. Въ крѣпости было гарнизону всего 1200 чел. Больше не могло помѣститься. Государь хотѣлъ еще прошлаго года вывезти это войско въ Россію, но жители упросили его не оставлять ихъ совсѣмъ беззащитныхъ. Теперь же, когда весь Англофранцузскій флотъ вознамѣрился атаковать ее, то Императоръ послалъ сказать гарнизону, что онъ позволяетъ ему сдаться, потому что силы нападающія несоразмѣрны ихъ малому числу. Комендантъ Бодиско собралъ совѣтъ, и всѣ единогласно рѣшили просить у Императора позволенія не сдаваться, а если придетъ необходимость, то умереть, не уронивъ чести Русскаго имени. Съ приказаніемъ Императора и съ отвѣтомъ гарнизона ѣздилъ на маленькомъ суднѣ адъютантъ министра Шеншинъ, который удачно умѣлъ пробраться мимо всѣхъ непріятельскихъ кораблей и привезъ отвѣтъ, опять въ другой разъ проѣхалъ туда, а оттуда тоже безвредно. Между тѣмъ Бодиско сжегъ всѣ предмѣстья, всѣ деревни и дома вокругъ крѣпости и, затворившись въ ней, вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ началъ готовиться къ смерти молитвою, исповѣдью и причащеніемъ св. Таинъ. Въ это время окружилъ крѣпость флотъ изъ 15 линейныхъ кораблей, не считая малыхъ судовъ, на островъ же высажено было болѣе 1200 сухопутнаго войска. Больше тысячи пушекъ безумолку день и ночь разрушали стѣны, жгли дома и убивали людей въ продолженіи 10 сутокъ. Русскіе отстрѣливались, потопили одинъ линейный корабль, другой разбили такъ, что сдѣлали его совсѣмъ неспособнымъ къ плаванію. Но, не отдыхая ни день ни ночь, они такъ устали, что едва могли стоять на ногахъ. Непріятель разрушалъ стѣны въ прилежащемъ къ крѣпости особомъ укрѣпленіи, и тѣмъ принудилъ находящееся въ немъ войско перебраться въ главную крѣпость, а самъ занялъ полуразрушенное укрѣпленіе. Но въ немъ находился погребъ съ порохомъ. Русскіе изъ крѣпости стрѣляли туда, попали въ пороховой погребъ и взорвали съ нимъ большое количество непріятельскаго войска. Однакоже стѣны крѣпости были послѣ 12 дневной осады совсѣмъ разбиты, и войско утомлено до совершеннаго изнеможенія, почему непріятель вошелъ въ нее и взялъ въ плѣнъ оставшихся живыми. Говорятъ, что изъ офицеровъ остались живыми только два, а изъ солдатъ число неизвѣстно. Французскій генералъ Бараге-Дильe такъ пораженъ былъ ихъ мужествомъ, что̀ первое, что̀ сдѣлалъ, когда ему привели плѣнныхъ офицеровъ, возвратилъ имъ шпаги въ знакъ уваженія къ ихъ доблести. Потеря ихъ, говорятъ, большая. Честь Русскаго войска и духъ его не уронены*).

*) На гибель Бомарзунда написана по латынѣ и посвящена Наполеону III-му хвалебная ода Адамомъ Мицкевичемъ, нѣкогда, по Московской его жизни, пріятелемъ И. В. Кирѣевскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Святѣйшій Гермогенъ патріархъ Московскій и всеа Русіи.

(† 17 Февраля 1612 г.).

Мы не знаемъ о мѣстѣ рожденія патріарха Гермогена. Есть предположеніе, что онъ происходилъ изъ рода князей Голицыныхъ; большинство же, по сохранившейся надписи на Вятской иконѣ „посадскаго человѣка“ Корнилія Рязанцева (зятя Гермогену) считаетъ его человѣкомъ изъ народа. Только съ Іюля 1579 г. становится извѣстнымъ имя его какъ священника Гостинодворской церкви св. Николы въ Казани, этой тогда отдаленной окрайны Россіи, въ которой съ тѣхъ поръ въ теченіи 26 лѣтъ протекла дѣятельность Гермогена въ санѣ архимандрита Спасскаго монастыря (съ 1587 г.) и затѣмъ митрополита Казанскаго (съ 1589 г.). Уже въ эти годы святитель является ревностнымъ поборникомъ Православія и народности: онъ составилъ Сказаніе о новоявленной чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери („Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго“...), Житіе св. Гурія и Варсонофія, установилъ торжественное поминовеніе воиновъ, павшихъ при взятіи Казани, прославленія трехъ христіанъ-мучениковъ за вѣру, заботился о распространеніи христіанства среди Татаръ и другихъ инородцевъ, обращался къ свѣтской власти за содѣйствіемъ къ удержанію новообращенныхъ. Труды эти свидѣтельствуютъ также про обширную начитанность святителя въ церковной письменности.

Между тѣмъ на Руси произошли чрезвычайныя событія: прекратился домъ Московскихъ князей Даниловичей, трагически погибла семья Годуновыхъ, воцарился Разстрига. Тогда-то Гермогенъ впервые выступаетъ, какъ „крѣпкостоятельный“ пастырь, мужественно возвысивъ свой голосъ противъ оставленія въ Католичествѣ Марины Мнишекъ. „Не достоитъ царю православному пріимати жену некрещену“, заявилъ святитель, за что былъ лишенъ каѳедры и заточенъ въ одинъ изъ Казанскихъ монастырей. Вскорѣ въ Москвѣ произошелъ новый переворотъ (17 Мая 1606 г.): Разстрига погибъ, воцарился В. Шуй-

Библиотека "Руниверс"

скій, а 3 Іюня 1606 г. Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ Московскимъ и всея Руси.

Трудно было положеніе патріарха Гермогена подлѣ В. Шуйскаго, четырехлѣтнее царствованіе котораго наполнено почти непрерывными смутами (такъ назыв. „разруха“ Московскаго государства). Патріархъ постоянно дѣйствуетъ на ряду съ правительствомъ В. Шуйскаго, оставаясь вѣрнымъ ему до конца: „видѣ бо добрый пастырь царя малодушествующа, много пользова его отъ своего искусства и не возможе“ (кн. И. А. Хворостининъ). Совѣты, которые патріархъ подавалъ царю, свидѣтельствуютъ о его государственномъ разумѣ и прозорливости и имѣютъ постоянною цѣлью охраненіе Православія, народности и государственной самобытности. Для успокоенія умовъ во время начавшагося въ Сѣверной украйнѣ возстанія князя Шаховскаго и Болотникова патріархъ разсылаетъ по городамъ грамоты съ увѣщаніемъ стоять за Шуйскаго, „царя благочестиваго и поборателя по Православной вѣрѣ“. 6 Февраля 1607 г. онъ, вмѣстѣ съ бывшимъ патріархомъ Іовомъ, устраиваетъ въ Успенскомъ соборѣ всенародное покаяніе Москвичей въ прежнихъ нарушеніяхъ присяги (отъ Іоанна Грознаго до Разстриги) и предаетъ проклятію Болотникова. Послѣ взятія Тулы, главнаго оплота мятежниковъ (Октябрь 1607 г.), онъ совѣтуетъ царю крѣпче продолжать борьбу въ Сѣверской украйнѣ, но царь предпочелъ мнѣніе другихъ („неподобныхъ совѣтниковъ“, какъ ихъ называетъ современникъ) и „во царствующій градъ Москву во успокоеніе возвратися“, а „врагомъ тогда рука и возвысися“: Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ надолго утвердилъ свой станъ второй самозванецъ, такъ назыв. Тушинскій Воръ (1 Іюня 1608 г.). Съ этого времени патріарху пришлось вести борьбу съ разлагающимъ вліяніемъ Тушина на Московское общество. Не только среди мірскихъ людей появились такъ наз. „перелеты“, но и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ „возбѣсишася“ и, по словамъ Авр. Палицына, „не стерпѣвше бѣдъ и ко врагомъ причастницы быша“; были и добровольные перебѣжчики (Левкій Смагинъ). Противъ такихъ-то „крамольниковъ“ Гермогенъ дѣйствовалъ поученіями, просьбами, церковными проклятіями, разсылалъ грамоты къ Тушинскимъ перебѣжчикамъ съ трогательными и сильными увѣщаніями отстать отъ Вора; кающихся же истинно онъ съ любовію прощалъ, многихъ отъ смерти избавляя ходатайствомъ своимъ, единственно по велѣнію своего добраго сердца. Въ тоже время патріархъ не переставалъ ходатайствовать о помощи осажденной Тушинцами Троице-Сергіевой лаврѣ: „весь предѣлъ Россійскій и до окіана-моря погибнетъ, конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ“, настаивалъ патріархъ, вслѣдствіе чего въ лавру была послана малая

Библиотека "Руниверс"

помощь. Когда безсильное правительство В. Шуйскаго рѣшило заключить союзъ съ Шведами, патріархъ возвысилъ голосъ противъ этого союза, предвидя вмѣшательство иноземцевъ въ наши внутреннія дѣла. Дѣйствительно, едва былъ заключенъ союзъ съ Шведскимъ королемъ Карломъ IX (Февраль 1609 г.), какъ Сигизмундъ III осадилъ Смоленскъ (21 Сентября 1609 г.). Въ Субботу на масляной, 25 Февраля 1609 г., на Шуйскаго поднялось возстаніе, заводчикомъ котораго былъ Михалко Молчановъ: бушующая толпа человѣкъ въ 300, на Лобномъ мѣстѣ толкала Гермогена, бросала ему песокъ въ лицо, хватала за грудь и требовала его согласія „ссадить Шуйскаго". Но патріархъ смѣло укорялъ бунтовщиковъ въ нарушеніи присяги и заявилъ, что онъ, какъ и весь Русскій народъ, не желаетъ сверженія царя: „До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ"... На время положеніе Шуйскаго нѣсколько улучшилось: съ осадою Смоленска исчезло Тушино, Воръ бѣжалъ въ Калугу, снята осада Лавры (Январь 1610 г.), М. Скопинъ-Шуйскій съ Шведами вступилъ въ Москву (12 Марта 1610 г.) и готовился идти противъ Поляковъ. Но неожиданная и загадочная смерть М. Скопина-Шуйскаго (Апрѣль 1610 г.) и послѣдовавшее затѣмъ Клушинское пораженіе (24 Іюня 1610 г.) рѣшили судьбу В. Шуйскаго. 17 Іюля 1610 г., во время поднявшагося въ Москвѣ бунта (Захаръ Ляпуновъ), одинъ Гермогенъ отстаивалъ „несчастливаго" царя: плакалъ, заклиналъ, грозилъ карою Божіею и возставалъ противъ насильственнаго постриженія царя: „егда Владыка мой Христосъ на престолѣ владычества моего укрѣпитъ мя, совлеку его (т. е. царя) отъ ризъ и отъ иночества освобожду его".

Какъ и предвидѣлъ Гермогенъ, послѣ сведенія царя В. Шуйскаго „розруха" Московскаго государства достигла высшаго предѣла. Временному правительству („Семибоярщина") приходилось выбирать между притязаніями Сигизмунда (войско котораго подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго раскинуло шатры свои противъ Дѣвичьяго монастыря) и требованіями возвратившагося въ Тушино Вора. Въ это-то безгосударное время Гермогенъ, какъ „начальный человѣкъ", снова выступаетъ несокрушимымъ поборникомъ Православія и Русской народной самобытности. По низложеніи Шуйскаго онъ настаивалъ на избраніи царя изъ Русскихъ (его кандидатомъ былъ М. Ѳ. Романовъ, другіе предлагали князя В. В. Голицына), но въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ онъ долженъ былъ согласиться на избраніе Владислава (сына Сигизмундова), подъ непремѣннымъ условіемъ его крещенія въ Православіе и полной независимости Москвы отъ Польши (договоръ

Библиотека "Руниверс"

27 Августа 1610 г.). Патріархъ при этомъ рѣшительно противился вводу въ Москву Польскаго гарнизона, а впослѣдствіи возставалъ также противъ захвата Жолкевскимъ В. Шуйскаго (Октябрь 1610 г.). Для переговоровъ съ Сигизмундомъ отправлено въ Смоленскъ „великое посольство", слишкомъ тысяча человѣкъ съ кн. В. В. Голицынымъ и Ф. Н. Романовымъ во главѣ (27 Сентября 1610 г.). Скоро обнаружилась вся безплодность этихъ переговоровъ; въ самомъ посольствѣ выдѣлились сторонники Сигизмунда (съ нимъ былъ заключенъ договоръ еще 4 Февраля 1610 г.), который началъ распоряжаться какъ Московскій государь. Главною помѣхою притязаніямъ Сигизмунда былъ все тотъ же патріархъ. Когда 30 Ноября и 1 Декабря 1610 г. Михаилъ Салтыковъ, Ѳ. Андроновъ и другіе сторонники Сигизмунда явились къ нему съ требованіемъ „благословить крестъ цѣловати королю", при чемъ Салтыковъ позволилъ себѣ непристойную брань и даже угрожалъ ножомъ, патріархъ твердо отвѣчалъ: „не только Сигизмундъ не надобенъ Россіи, но тако и его отрасль (т. е. Владиславъ), аще не пріидетъ въ наше хотѣніе". Затѣмъ патріархъ обращается къ представителямъ Московскаго посадскаго міра: собранные въ Успенскомъ соборѣ гости и торговые люди, послѣ рѣчи патріарха, „отказали, что имъ королю креста не цѣловати".

Во второй половинѣ Декабря 1610 г., послѣ того какъ въ Москву пришло извѣстіе о гибели Вора (убитъ въ Калугѣ 11 Декабря), Гермогенъ приступаетъ къ главному своему подвигу: онъ разсылаетъ грамоты въ Переяславль Рязанской Муромъ, Нижній и другіе города съ призывомъ спѣшить по зимнему пути къ очищенію Москвы отъ Поляковъ, благословляетъ „на кровь дерзнути" для спасенія родины и становится настоящимъ вождемъ народнаго движенія. Грамоты его производятъ необычайное впечатлѣніе, города пересылаются между собою „о совѣтѣ и соединеніи" противъ Поляковъ, и къ началу 1611 г. составляется первое земское ополченіе Прокопія Ляпунова, къ которому примкнуло и Тушинское казачество. М. Салтыковъ и другіе сторонники Поляковъ требуютъ, чтобы патріархъ запретилъ ополченію идти къ Москвѣ, на что патріархъ далъ такой отвѣтъ: „Азъ къ нимъ стану писати: ежели ты измѣнникъ, Михайла Салтыковъ съ Литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы, и я имъ не велю ходити: а буде вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю потерпѣть за Православную вѣру". Первымъ потерпѣлъ самъ патріархъ: къ нему приставили наблюдателей и запретили пускать кого-бы то ни было (Февраль 1611 г.). Скоро обнаружились и послѣдствія ввода Польскаго гарнизона въ Москву: во Вторникъ на Страстной недѣлѣ, 17-го Марта 1611 г., произошелъ бой въ Кремлѣ и Китай-городѣ (при этомъ

Библиотека "Руниверс"

былъ раненъ кн. Пожарскій), а затѣмъ въ теченіи трехъ дней горѣла Москва, подожженная руками Поляковъ. Патріарха свели съ престола и подвергли тѣсному заключенію въ подземельяхъ Чудова монастыря. Сюда снова приходили къ нему Гонсѣвскій (начальникъ Польскаго гарнизона) и М. Салтыковъ съ прежними требованіями и грозили ему лютою смертью, на что получили прежній отвѣтъ: „Что вы мнѣ угрожаете? Единаго я Бога боюсь: буде же вы выйдете, всѣ Литовскіе люди изъ Московскаго государства, и я ихъ благословляю отойти прочь: а будетъ вамъ стояти въ Московскомъ государствѣ, и я ихъ благословляю всѣхъ противъ васъ стояти и померети за Православную христіанскую вѣру".

Къ Благовѣщенію, на второй день Пасхи, къ Москвѣ подошло сто-тысячное ополченіе Ляпунова и съ 1 Апрѣла обложило Кремль и Китай-городъ, въ которомъ засѣли Поляки. Скоро, однако, патріарху пришлось пережить еще одно тяжкое испытаніе: 25 Іюля 1611 г. въ казацкомъ „кругу" былъ убитъ Ляпуновъ. Земское ополченіе стало разстраиваться, и взяло верхъ казачество, одинъ изъ предводителей котораго (Заруцкій) замыслилъ даже посадить на Московскій престолъ сына Марины Мнишекъ и Тушинскаго Вора (такъ назыв. Воренка). Въ тоже время „великое посольство" вмѣстѣ съ захваченнымъ В. Шуйскимъ было отправлено въ Польскій плѣнъ въ Варшаву (13 Апрѣля). Поляки послѣ 20-мѣсячной осады взяли, наконецъ, Смоленскъ (3 Іюня). Шведы обманомъ захватили Новгородъ (16 Іюля 1611 г.), и такимъ образомъ вся Западная часть Россіи очутилась въ рукахъ иноземцевъ, противъ чего еще два года назадъ предостерегалъ патріархъ. Въ добавокъ во Псковѣ появился третій самозванецъ (Сидорка). Наступило такъ назыв. „лихолѣтіе"... Но и при такихъ обстоятельствахъ, находясь въ тѣсномъ узилищѣ, патріархъ нашелъ возможность оказать еще одну послѣднюю услугу горячо любимой имъ родинѣ. Въ Августѣ 1611 г. онъ отправилъ грамоту въ Нижній Новгородъ о новыхъ замыслахъ казаковъ и атаманья, умоляя распространить ее по всѣмъ городамъ, совѣтовалъ послать изъ всѣхъ городовъ отъ имени митрополита Ефрема и другихъ владыкъ и мірскихъ властей учительныя грамоты къ подмосковному ополченію, заранѣе благословляя доставителей грамотъ на страданія за вѣру и родину. Нашлись безстрашные люди (наприм. служилый человѣкъ Романъ Пахомовъ, посадскій человѣкъ Свіяженинъ Родіонъ Монсѣевъ), которые проникали въ заключеніе патріарха и получали отъ него грамоты и словесныя наставленія. Какъ и раньше, грамоты патріарха находили живой откликъ въ народѣ: города снова пересылались между собою объ „общемъ совѣтѣ и единеніи", установили всеобщій постъ для очищенія отъ грѣховъ, и уже

Библиотека "Руниверс"

въ Мартѣ 1612 г. изъ Н.-Новгорода направилось къ Ярославлю второе земское ополченіе, съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ. (Значеніе Гермогена въ Нижегородскомъ ополченіи установлено изслѣдованіями И. Е. Забѣлина, что́, конечно, нисколько не умаляетъ заслугъ Троицкихъ властей, архимандрита Діонисія, любимца патріарха, и келаря Авр. Палицына). Поляки и сторонники ихъ сдѣлали еще попытку склонить патріарха послать грамоту въ Нижній-Н. съ запрещеніемъ идти къ Москвѣ, „онъ же великій *) государь-исповѣдникъ рече имъ: да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, и вы окаянные, Литовскіе измѣнники, будьте прокляты“.

Гермогену не суждено было увидѣть второе земское ополченіе. 17 Февраля 1612 г., послѣ годичнаго томленія въ подземельѣ, онъ скончался, его уморили голодомъ. Останки его, погребенные сначала въ Чудовомъ монастырѣ, черезъ 40 лѣтъ (въ 1651 г. при патріархъ Никонѣ) были перенесены въ Успенскій соборъ, въ которомъ покоятся и нынѣ.

Современники называютъ Гермогена „крѣпкостоятельнымъ пастыремъ“, „великимъ столпомъ Православія“, „твердымъ адамантомъ“, „словеснымъ и хитрорѣчивымъ“, „новымъ Златоустомъ“, хотя и отмѣчаютъ, что онъ былъ „несладкогласливъ“, имѣлъ голосъ нѣсколько глухой и хриплый. Въ дѣлахъ и милостяхъ имѣлъ онъ „ко всѣмъ одинъ благосердый нравъ“. Онъ прощалъ личныя обиды и отличался широкою благотворительностію: „питаше всѣхъ въ трапезѣ своей часто, и самъ въ послѣднюю нищету пріиде“.

Таковъ лучезарный образъ патріарха Гермогена, котораго еще при жизни называли „святымъ мужемъ“.

А. П. К.

*) Стало быть, называли „великимъ государемъ“ еще патріарха Гермогена. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма Н. П. Киреевской къ іеромонаху Макарію.

(Декабрь 1846).

Иванъ Васильевичъ такъ огорчился кончиною Языкова, что сдѣлался нездоровъ. Докторъ запретилъ ему выѣзжать, но онъ поѣхалъ не только на отпѣваніе въ церковь, но и въ Даниловъ, гдѣ похоронили Языкова. И еще разстроился и простудился: глаза очень болятъ, спина, бокъ и, кажется, сердце опять болятъ, хотя онъ скрываетъ и не ложится. Доктора говорятъ про него, что онъ нехорошъ, что ему должно очень беречься и полѣчиться, но онъ ничего не хочетъ дѣлать. Это меня сильно огорчаетъ, часто боюсь за него и прошу васъ, милостивый отецъ мой, помолитесь ко Господу о исцѣленіи и сохраненіи его жизни.

Письмо митрополита Филарета къ Н. П. Киреевской.

Милостивая государыня Наталья Петровна.

Вы конечно не ожидаете отъ меня письма, и я не думалъ, что буду писать и особенно въ сіи дни. Но до меня дошли свѣдѣнія изъ вашего края и сужденія о нихъ такія, по которымъ опасаюсь, чтобы не согрѣшить молчаніемъ.

Помнится, отъ васъ самихъ я слышалъ, что вы устроили уединенную келію для принятія странствующихъ изъ монашествующихъ. Теперь слышится мнѣ, что вы приглашаете въ нее о. Макарія и нетолько при посѣщеніи васъ, для отдыха въ ней на нѣсколько часовъ или на день, но и на мѣсяцъ и болѣе. Позвольте вамъ сказать, что доброе намѣреніе не всегда вѣрно ручается за доброту дѣла и его послѣдствій. Какъ о. Макарій многимъ въ обители духовный отецъ и наставникъ, а такъ же и посѣщающимъ обитель: то его удаленіе на долгое время многихъ можетъ затруднить и разстроить. И какъ такое удаленіе было бы не въ обыкновенномъ законномъ порядкѣ, то онъ

Библиотека "Руниверс"

можетъ подать случай къ разнымъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Можетъ случиться, что и начальство обратитъ на сіе такое вниманіе, которое не будетъ пріятно ни о. Макарію, ни настоятелю, ни обители. Естьли бы случилось, что ваше приглашеніе уже дано и принято, не колеблюсь предложить, чтобы вы показали сіе письмо о. Моисею и о. Макарію, и чтобы они положили на вѣсы безпристрастнаго разсужденія съ одной стороны безмолвное успокоеніе, вѣроятно желательное для о. Макарія, съ другой тѣ послѣдствія, о которыхъ выше сказано, и посмотрѣли бы, которая сторона должна взять перевѣсъ. Провидѣніемъ Божіимъ устроено и послушаніемъ ограждено нынѣшнее положеніе о. Макарія, и трудъ на пользу душъ братіи безъ сомнѣнія Господь обратитъ во благо и душѣ трудящагося. Простите меня, если вамъ покажется, что я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла и мѣшаю дѣлу доброму и пріятному душѣ вашей. Богъ, видящій сердце, принялъ ваше служеніе рабамъ Его, если оно и не такъ, или не тогда исполнится какъ вы предполагаете.

Впрочемъ Господь да внушитъ и старцамъ и вамъ, что это истинно Ему благоугодно и душамъ полезно.

Божіе благословеніе и миръ вамъ, и супругу вашему, и чадамъ, усердно призываю.

Вашъ смиренный богомолецъ Филаретъ м. Московскій.

Въ Москвѣ, Марта 7-го 1850 г.

Оправдательное письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Лабзину.

29 Мая 1813 (Москва).

Получа письмо ваше, я для того тотчасъ на оное не отвѣчалъ, что шесть дней страдалъ головою. Начну съ совѣстной очистки на пункты уголовныхъ дѣлъ.

1-е. Глупо упрекать меня, что я возмущалъ народъ противъ иностранныхъ, говоря: *тащите ко мнѣ*. Симъ я принудилъ черни водить къ себѣ все то, что̀ имъ казалось подозрительно. Когда говорятъ: *есть, дескать, законъ*, —я его и не нарушалъ; но я былъ главной начальникъ Москвы съ полной властію, и изо ста человѣкъ, кои у меня были въ приводѣ, ни одинъ не былъ битъ, а по растолкованіи всѣ отпущены. Тѣ два Нѣмца, о коихъ вы говорите, навлекли на себя злость, говоря дурно о Русскихъ, браня ихъ и заспоривъ съ мѣнялами. Но оба выздоровѣли.

Библиотека "Руниверс"

2-е. Верещагинъ остался у меня на дворѣ лежащій отъ удара сабли, которой я велѣлъ ему дать, а что̀ съ нимъ дѣлалъ народъ, о томъ я узналъ уже на другой день по выходѣ изъ Москвы. Верещагина же и Сенатъ осудилъ къ кнуту, чего онъ былъ достоинъ.

3-е. Что я грабилъ магазейнъ Шальме. Онъ уже былъ разграбленъ и козаками, и мужиками. Остался фарфоръ и бронза. Я себѣ взялъ незначущій сервизъ и 4 дюжины чашекъ, часы отослалъ одни къ архіерею, а 13—описаны и продаются. Магазейнъ и домъ по высочайшей волѣ описаны, и первой назначенъ въ пользу бѣдныхъ, для чего и открылись аукціоны.

Фарфоръ же и чашки я взялъ, какъ начальникъ города, коему ни пить, ни есть нельзя было, не имѣя ничего своего въ домѣ. И когда другой пріѣдетъ на мое мѣсто, то я ему отдамъ эту мерзость. Сіе обвиненіе вамъ докажетъ, что у насъ ничего святаго нѣтъ, и въ воровствѣ, кажется, можно бы было не подозрѣвать человѣка, которой не хотѣлъ вывезти на 500 тысячъ рублей имущества (а могъ бы), и для того, чтобъ не ночевали Французы въ его домѣ (въ Вороновѣ), сжегъ его со всѣми строеніями также на 500 тысячъ и болѣ.

4-е. Что не выставилъ молодцовъ 100 тысячъ въ армію, то это отъ того, что его свѣтлость рѣшился скоропостижно оставить Москву Бонапарту. А городъ былъ уже пустъ, и симъ Россія и армія были спасены. Но, право, мерзко и о семъ говорить.

Я вамъ скажу, что я ни шагу ни сдѣлаю, чтобъ меня хвалили, любили и превозносили. Предоставляю сіе о томъ, кои достойны сего подлостью, воровствомъ и обманомъ. Нѣтъ народа умнѣе Русскаго, но нѣтъ и безразсуднѣе и легковѣрнѣе. Площадь, бесѣда—все эхо. Я нахожу, что въ 20 лѣтъ перестать должно учиться, въ 30—нравиться женщинамъ, въ 40—искать общаго мнѣнія, а въ 50—жить для другихъ. Вотъ мое исповѣданіе, при немъ останусь непоколебимъ и преображаюсь изъ гаера въ зрителя.

Прощайте. Я боюсь одного, чтобъ Цесарцы не пристали вмѣсто насъ къ Французамъ: тогда опять много суматохи будетъ и безпокойства, а я хочу быть покоенъ. Россія лишилась холоднаго своего спасителя князя Смоленскаго, но обрящетъ его паки въ лицѣ Валуева, Жида Перца и архимандрита Мельхиседека. Вотъ наши: Пожарской, Мининъ и Палицынъ, а я вашъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ“ *).

*) Извлечено изъ „Русскаго Слова“, изъ статьи П. Е. Щеголева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ДАРЪ КАВКАЗУ ОТЪ КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА[1]).

1.

Въ 1849 году, весною, главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, князю Михаилу Семеновичу Воронцову, довелось быть въ Червленной станицѣ.

Присматриваясь къ быту и занятіямъ, маститый намѣстникъ не могъ не обратить вниманія на желательность и полную возможность развитія въ Притеречныхъ станицахъ садоводства и въ особенности виноградарства и винодѣлія. По его волѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Червленной былъ заведенъ полковой садъ и учреждена школа садоводства, въ которую отъ всѣхъ станицъ Гребенского полка было назначено восемь неслужащихъ казаковъ, преимущественно изъ неспособныхъ, съ цѣлью улучшенія во всѣхъ станицахъ садоводства[2]).

Въ помощь инспектора сада[3]), есаулу Тихонову, былъ назначенъ надзиратель, урядникъ Красненкинъ, которому, по уваженію къ бѣдному его состоянію, было приказано „производить жалованіе“ по двадцати рублей серебромъ въ годъ изъ станичныхъ суммъ всѣхъ станицъ Гребенского полка, уравнительно: восьми же ученикамъ, вмѣсто предполагаемаго жалованія, по десяти рублей въ годъ. наказный атаманъ генералъ-лейтенантъ Николаевъ нашелъ удобнѣе „замѣнить въ земскую повинность нахожденіе ихъ въ школѣ съ тѣмъ, чтобы для поддержанія домашняго быта они увольнялись по очереди въ домъ“.

На этомъ князь Воронцовъ конечно не остановился. Прозрѣвая важную будущность Гребенского винограднаго района, онъ прика-

---

[1]) Матеріалы. Дѣло Полкового Правленія Гребенскаго полка 1850 г. № 16.

[2]) Журнальное постановленіе Войскового Правленія Кавказскаго Линейнаго войска отъ 22 Іюня 1850 года № 8301.

[3]) Рапортъ Полкового Правленія Гребенского полка отъ 1 Ноября 1850 года № 6747.

Библиотека "Руниверс"

залъ выслать изъ своего имѣнія на южномъ берегу Крыма весною 1850 года двадцать тысячъ виноградныхъ лозъ и 3200 прививочныхъ фруктовыхъ черенковъ[1]).

17 Апрѣля въ Червленную прибылъ щедрый даръ намѣстника въ 41 тюкѣ и одномъ ящикѣ. Лозы были четырехъ сортовъ поровну: Рислингу, Мускату-бѣлаго, Бордо-краснаго и Франкъ-пино. Прививочныхъ фруктовыхъ черенковъ было прислано: яблонь — 1000, грушъ—1000, сливъ—500, черешенъ—300, вишенъ—200, персиковъ—100 и абрикосовъ—100.

Командиръ Гребенского полка, подполковникъ баронъ Розенъ, немедленно распорядился вызвать изъ станицъ: Калиновской, Николаевской, Червленной, Щедринской, Шелковской и Новогладковской по одному пріемщику на пароконной подводѣ[2]) для полученія прививочныхъ лозъ и черенковъ и приказалъ назначить въ полковой садъ рабочихъ: отъ Червленной—5, а изъ Калинова—7 человѣкъ.

Распредѣливъ лозы и черенки, Полковое Правленіе приказывало станичнымъ правленіямъ предложить сперва господамъ офицерамъ взять сколько угодно лозъ и черенковъ, а затѣмъ остальное раздѣлить между жителями съ тѣмъ, чтобы всѣ посадки и прививки были сдѣланы непремѣнно къ Пасхѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ давалось такое наставленіе[3]): „Фруктовые черенки можно прививать къ дичкамъ или къ простого сорта садовымъ деревьямъ; яблони и груши къ ормуднику и бояровому дереву. При посадкѣ винограда соблюсти самыя простыя условія: хорошенько взрыхлить землю, сажать стоймя, не густо, рядами. На лозѣ не оставлять болѣе пяти глазковъ (пупышковъ), но чтобы въ землѣ было три глазка, четвертый при самой землѣ, а пятый на верху. Остальное срѣзать такъ, чтобы срѣзъ былъ косвенно, при чемъ высокую часть срѣза оставить на южной сторонѣ, а нижнюю часть срѣза на Сѣверъ". Затѣмъ рекомендовалось „только слѣдить, чтобы посадка не заросла во время лѣта сорными травами, а во время сильной жары поливать". Главнымъ же образомъ по мнѣнію Полкового Правленія „успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ желанія жителей и отъ того, чтобы станичные управители съумѣли расположить къ этому казаковъ".

---

[1]) Предписаніе Штаба Войска Кавказской линіи и Черноморіи отъ 7 Апрѣля 1850 года № 7528.

[2]) Открытое предписаніе Гребенского Полкового Правленія отъ 18 Апрѣля 1850 года № 2532.

[3]) Предписаніе Гребенского Полкового Правленія отъ 19 Апрѣля 1850 года № 2585.

Библиотека "Руниверс"

2.

Къ приказанію намѣстника въ 1849 году завести садъ полковое начальство и инспекторъ сада, повидимому, отнеслись, какъ къ мимолетной прихоти высшей власти. Но присылка лозъ показала, что князь не забылъ начатаго дѣла. Подполковникъ баронъ Розенъ, да и все Правленіе, а въ особенности войсковой старшина Тихоновъ, всполошились. По Гребенскому полку весною 1850 года былъ отданъ строгій приказъ*): разводить въ станицахъ виноградные, фруктовые и овощные сады.

Въ полковомъ саду тоже закипѣла работа. По требованію войскового старшины Тихонова, Полковое Правленіе дѣлало наряды рабочихъ. Собственно говоря, потребовалось ихъ очень немного—въ теченіе Мая двадцать человѣкъ, да два плотника для сооруженія шлюзовъ. Но станицы посылали людей неисправно, а Щедринская совершенно отказалась, представивъ въ доказательство невозможности выполнить нарядъ „вѣдомость о состояніи и раскомандировкѣ отставныхъ, неслужащихъ и льготныхъ казаковъ“. Словомъ, казаки выказывали пассивное сопротивленіе полковому саду. Какъ на грѣхъ, ученикъ Карпъ Тихановъ. 17 Мая, очищая свой пистолетъ, сдѣлалъ нечаянно вспышку и воспламенилъ 20 патроновъ закубреннаго въ роговую натруску и обжогъ себѣ лицо, руки и глаза. Это обстоятельство еще больше возбудило недружелюбіе казаковъ къ мѣрамъ начальства по улучшенію садоводства.

3.

Все казачье начальство вслѣдъ за присылкою намѣстникомъ лозъ и черенковъ трепетно ожидало пріѣзда и самаго князя. Войсковой старшина Тихоновъ, считая нужнымъ быть въ курсѣ дѣла, просилъ Полковое Правленіе доставить свѣдѣніе, сколько было заведено въ 1849 и 1850 годахъ переселенцами-жителями садовъ виноградныхъ, фруктовыхъ и овощныхъ во исполненіе распоряженія главнокомандующаго.

Обширная переписка выяснила, что въ 1849 году было заведено 34 виноградныхъ, три фруктовыхъ и 132 овощныхъ сада, въ 1850 г.— 97 виноградныхъ и 119 овощныхъ садовъ. Заводили сады не всѣ станицы.

Упирался больше всего Щедринъ, показавшій на бумагѣ въ 1850 г., т. е. когда уже невозможно было провѣрить, о заведеніи

*) Къ сожалѣнію, пока не найденъ.

Библиотека "Руниверс"

въ 1849 году ста садовъ овощныхъ, т. е. просто говоря. огородовъ. Не щегольнули и Шелковцы.

4.

О судьбѣ присланныхъ лозъ и черенковъ Полковое Правленіе не интересовалось узнать на бумагѣ, или вѣрнѣе не смѣло запрашивать, зная частнымъ путемъ о ихъ погибели. Николаевское и Калиновское станичныя правленія, давая отвѣтъ на запросъ о количествѣ заведенныхъ садовъ, правда, донесли Полковому Правленію о пропажѣ лозъ и черенковъ, но получили отъ барона Розена нагоняй за доношеніе о предметахъ, о которыхъ никто не спрашиваетъ. Все это позволяетъ думать, что щедрый даръ намѣстника, вѣроятно, безрезультатно погибъ. Быть можетъ лозы и черенки засохли еще въ долгомъ пути изъ Крыма на Терекъ. Быть можетъ, кое-что принялось и привилось. Не откликнутся и на этотъ вопросъ старожилые Гребенцы?

5.

Въ 1850 году намѣстникъ опять посѣтилъ Червленную.

На вопросъ, какъ идетъ дѣло съ садомъ, казаки къ удивленію князя заявили просьбу: „разрѣшить уничтожить полковой садъ, какъ не приносящій жителямъ полка никакой существенной пользы, кромѣ одного труда*).

Услыша судъ такой...

Князь Воронцовъ разрѣшилъ упразднить садъ. Трудно было бороться съ косностью и невѣжествомъ казаковъ. Да и само Гребенское полковое начальство настолько смутно понимало дальновидность намѣстника и его просвѣщенныя начинанія, что съ торжествомъ приняло рѣшеніе его.

„Главнокомандующему угодно было“, доносилъ подполковникъ баронъ Розенъ наказному атаману, „приказать упразднить садъ“. И всѣ дальнѣйшія распоряженія по уничтоженію этого начинанія носили характеръ какого-то торжественнаго исполненія „воли князя Воронцова“. Полковое Правленіе не только уничтожило новый садъ, но рѣшило за одно упразднить и старый, состоявшій изъ вѣковыхъ тутовыхъ деревьевъ. Червленному станичному правленію было приказано объявить на полномъ станичномъ сборѣ о приказаніи продать съ аукці-

*) Рапортъ Полкового Правленія Гребенского полка 1850 г. № 6747.

Библиотека "Руниверс"

оннаго торга оба сада, т. е. деревья и лозы, а вырученныя деньги обратить въ доходъ станицы.

Но желающихъ купить деревья и лозы среди казаковъ не оказалось. Нашелся лишь одинъ человѣкъ: унтеръ-офицеръ Кавказскаго Линейнаго баталіона № 13 Заборовскій [1]), который просилъ разрѣшенія „нарыть разныхъ деревьевъ“ и насадилъ ихъ около Николаевскаго моста. Остальной же „сказанный садъ хозяйственнымъ способомъ зарыли“ [2]).

Ѳеодоръ Чернозубовъ.

Москва.

Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой
Царица-мать земли моей родной!
Какъ гробъ—костей, ты дѣлъ былыхъ полна:
Но гдѣ-жъ они, кѣмъ ты была сильна?..
Державный градъ на Сѣверѣ стоитъ:
У ногъ его сѣдое море спитъ:
Порой оно подъемлетъ голосъ свой
И берегъ бьетъ широкою волной.
Но дивный градъ стоитъ неодолимъ,
И море вновь стихаетъ передъ нимъ...
Когда бъ взглянулъ на рядъ гробовъ твоихъ.
На ветхій Кремль, на сонмъ церквей святыхъ,
То со стыда въ нерусскую Неву
Вѣнчанную сокрылъ бы онъ главу...
Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой,
Царица-мать земли моей родной!..

Т. Н. Грановскій.

Эти единственные въ печати (сколько намъ извѣстно) стихи Тимоѳея Николаевича Грановскаго перепечатываются изъ стариннаго изданія „Альбомъ Русскаго Слова“. П. Б.

[1]) Предписаніе Полкового Правленія Гребенского полка 1850 г. № 7154.
[2]) Рапортъ Червленнаго станичнаго правленія 9 Декабря 1850 г. № 1235.

Библиотека "Руниверс"

Заговоръ и колдовство на Руси въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ Московскомъ Архивѣ М. Юстиціи хранится цѣлый рядъ дѣлъ, касающихся колдовства и знахарства *). Эти судебныя бумаги заключаютъ въ себѣ во многихъ случаяхъ запись заговоровъ, этого необходимаго орудія вѣдовства; поэтому онѣ могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для исторіи заговора на Руси, особенно для выясненія тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ распространялся и развивался заговоръ.

При изученіи вышеназванныхъ судебныхъ дѣлъ передъ изслѣдователемъ открывается яркая картина такого быта, необходимою принадлежностію котораго былъ заговоръ. Историческія показанія свидѣтельствуютъ о томъ, что съ одной стороны за заговоромъ признавали спасительную силу, избавляющую отъ болѣзни, неудачи и бѣды и прибѣгали къ нему въ различныхъ жизненныхъ случаяхъ; съ другой стороны заговоръ считали опаснымъ, „еретическимъ“ орудіемъ, такъ какъ онъ могъ погубить человѣка, и потому настаивали на уничтоженіи его въ лицѣ его знающихъ. Но какой бы ни былъ заговоръ, его заучивали и употребляли, какъ во спасеніе, такъ и на погибель.

Такимъ образомъ и положительная и отрицательная сторона заговора вызывала желаніе обладать имъ; желаніе это приводили въ исполненіе, вслѣдствіе чего заговоръ былъ хорошо знакомъ всѣмъ слоямъ общества; всѣ сословія признавали его значеніе и не относились къ

*) Большая часть этихъ дѣлъ напечатана Томскимъ профессоромъ Н. Я. Новомбергскимъ въ его сборникахъ: „Колдовство въ Моск. Руси 17-го в.,“ (дѣла Новгор. Моск. Бѣлгород. столовъ); „Матеріалы по исторіи медицины на Руси“ 4 тома (дѣла Приказнаго и др. столовъ); „Слово и Дѣло Государевы“ 2 тома (дѣла Преображенск. прик. и др.).

Библиотека "Руниверс"

нему безразлично. Мало того, что знали заговорныя слова, знали и то, что съ ними должно въ большинствѣ случаевъ соединяться извѣстное дѣйствіе, что нѣкоторые предметы въ связи съ заговоромъ получали благодѣтельную или вредоносную силу. Наконецъ, знали и то, что губительный заговоръ могъ издалека настигать свою жертву. Такое знаніе было не только частнымъ, но и общепризнаннымъ. Правительственнымъ требованіемъ было, чтобы, присягая царю, клялись не прибѣгать къ заговору и также къ дѣйствіямъ и предметамъ, съ нимъ связаннымъ. Въ подкрестной записи еще 16-го в. на вѣрность царю читается: „Также мнѣ надъ Государемъ своимъ въ ѣствѣ и питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не испортити.... на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не выимати“ [1]).

Судебныя дѣла послѣдующихъ лѣтъ показали, что какъ разъ пища, питье, одежда и слѣдъ человѣка чаще всего служили проводниками губительной силы заговора. Заговоры передавались изустно, а иногда и посредствомъ письма; какъ тѣ, такъ и другіе имѣли присущія имъ особенности, по которымъ и опознавались, причемъ опознавались не только свѣдущими людьми, но почти каждымъ услыхавшимъ или прочитавшимъ ихъ: таково было знаніе заговоровъ. Богородицкій попъ Давидъ [2]) билъ челомъ ц. и в. к. Ѳеодору Алексѣевичу на Мишку Кирѣева и на жену его Аринку въ порчѣ его дочерей, указывая, что послѣ словъ ея „чтобъ-де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать, ни прясть“ дѣвушки заболѣли. Волхвъ-коновалъ Дороѳей Прокофьевъ былъ сожженъ въ срубѣ за то, что по свидѣтельству разныхъ людей „заговорными словами по вѣтру напущалъ“ на царя Петра Алексѣевича въ подмосковномъ селѣ Хорошовѣ. Вѣра въ слово была глубока въ народѣ; слову приписывали внутреннюю силу, которая могла оказывать вліяніе иногда даже помимо желанія человѣка, его произносившаго: произносимое же съ извѣстнымъ намѣреніемъ, оно какъ бы усиливалось въ своемъ вліяніи и становилось опаснымъ орудіемъ.

Каковы же были эти устные заговоры, ходившіе въ разныхъ слояхъ Русскаго общества въ 17 вѣкѣ? Не было ли какой нибудь опредѣленной разницы между городскимъ и сельскимъ загово-

---

[1]) Акты Археограф. экспедиціи т. II, стр. 57. 94. 102.

[2]) А. М. Ю. Бѣлгород. столъ № 826 л. 81—96.

Библиотека "Руниверс"

ромъ? Судебныя бумаги даютъ нѣкоторую возможность отвѣтить на эти вопросы уже потому, что онѣ подробно описываютъ, въ какой обстановкѣ и при какихъ обстоятельствахъ произносился тотъ или другой заговоръ, кто и съ какой цѣлью прибѣгалъ къ волшебной заговорной рѣчи и тщательно излагаютъ ихъ. Эта тщательность записи объясняется тѣмъ, что „заговорныя“ рѣчи были исходной точкой судебнаго дѣла и воздѣйствовали на его окончательное рѣшеніе. Если устанавливалось, что заговорныя рѣчи были причиною болѣзни или смерти, онѣ опредѣлялись, какъ вредоносныя и навлекали на знающаго ихъ суровую кару. Но, различавшіеся по своей внутренней силѣ, устные заговоры со внѣшней стороны по своему строенію были похожи между собою: по бо́льшей части они отличались несложностью содержанія и краткостью изложенія: это простое, но опредѣленное выраженіе какого нибудь желанія, иногда усложненное сравненіемъ: „чтобъ-де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать, ни прясть“ [1]): „какъ мертвый не вставаетъ, такъ бы онъ не вставалъ: какъ у того мертваго тѣло пропало, такъ бы онъ пропалъ вовсе“: „каковъ-де тяжелъ столбъ, такъ-де бы и попадьѣ было тяжело“ [2]); „какъ духъ по свѣту ходитъ, такъ и ты бы отошелъ по свѣту“ [3]): „какъ люди смотрятся въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену, да не насмотрѣлся: какъ-де тоё соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“ [4]). Простота приведенныхъ заговорныхъ реченій заставляетъ предполагать, что многія изъ нихъ составлялись тотчасъ же, какъ только въ нихъ являлась нужда и представляли собою непосредственное отраженіе того или другого душевнаго состоянія. Такое заговорное реченіе въ большинствѣ случаевъ связывалось съ какимъ нибудь дѣйствіемъ; такъ заговоръ на погибель человѣка соединялся съ хожденіемъ на могилу за землею: „ходила... Овдошка ночью на погостъ, имала съ могилы землю и ту землю съ приговоромъ давала пить“ [5])... „Ариика украла у попадьи кокошникъ, да подубрусникъ..... свекровья ея велѣла положить подъ столбъ и говорить: „каковъ-де тяжелъ столбъ, такъ-де бы и попадьѣ было тяжело“.

Повидимому и дѣйствіе при заговорѣ не отличалось сложностью и совершалось въ узкихъ предѣлахъ повседневнаго быта съ помощью предметовъ, по существу совершенно безопасныхъ. Между тѣмъ дѣйствіе

[1]) А. М. Ю. Бѣлгородск. столъ, ст. 826 л. 81—96.
[2]) Ар. М. Ю. Бѣлгород. ст. № 284 л. 425—447.
[3]) Ар. М. Ю. Приказный столъ ст. № 1225.
[4]) Новомбергскій: Колдовство въ М. Руси 17 в. ст. 121.
[5]) Ар. М. Ю. Бѣлгородск. столъ № 284 л. 391—418.

Библиотека "Руниверс"

при заговорѣ подобно сопровождающимъ его рѣчамъ по внутреннему своему значенію было опаснымъ и страшнымъ и трудно. рѣшить. что̀ пугало больше. слова или дѣйствія, совокупность ли ихъ. Нѣкоторые поступки и безъ заговорнаго реченія являлись страшными по ихъ слѣдствію; вышеупомянутый попъ Давыдъ такъ жаловался въ судъ: „Объявились у меня.... въ избѣ за потолкомъ въ углу заткнуты коренья и земля“.... И въ распросѣ обвиняемый сказалъ: „Затыкалъ за потолокъ... для того, чтобъ онъ попъ Давыдъ со всею семьею сохли и отъ той сухотной болѣзни они померли“ [1]). Крестьянинъ идетъ къ воеводѣ съ жалобой на то, что „... онъ Тимошка о свадьбѣ испортилъ его сына... Мишку... вышелъ изъ своихъ воротъ и кинулъ подъ него щепку“...[2]). Розыскное дѣло въ Преображенскомъ идетъ по поводу того, что „Петрова-де жена Волынскаго Авдотья еретица какъ была вдовою, ходила въ Преображенское... и вынимала Государевъ слѣдъ землю... до перваго до Азовскаго похода по присылкамъ изъ Дѣвичья монастыря отъ царевны Софіи Алексѣевны... Съ приставомъ приводятъ „разорителя и волшебника“ на Луки Великія. на котораго бьютъ челомъ въ томъ, что онъ разорилъ насъ. холопей твоихъ заломалъ... въ отчемъ... сельцѣ... рожь“ [4]). Крупное и затяжное дѣло возникаетъ изъ-за того, что дворцовая мастерица Дарья Ламанова „женныя своей рубашки пепелъ сыпала наслѣдъ государыни царицы и великія княгини Евдокеи Лукьяновны“ [5]), изъ-за чего произошла „въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка“. Несложность волшебнаго дѣйства и простота сохранившихся заговорныхъ реченій очевидно могутъ быть объяснены тѣмъ, что какъ то, такъ и другое должны были свершаться быстро, украдкою, подъ страхомъ кары: не было времени усложнять дѣйствія и рѣчи, приходилось выбирать такія слова и совершать такія поступки, которые своего опредѣленностью и отчетливостью прямо бы вели къ цѣли.

Но приведенныя краткія заговорныя реченія не исчерпываютъ всѣхъ устныхъ заговоровъ, судебныя дѣла сохранили и такія. которыя отличаются большею сложностію: такъ напр. записаны при судебномъ допросѣ слѣд. устные заговоры отъ болѣзни: „На морѣ окіанѣ, на островѣ Буянѣ стоитъ сыръ дубъ крѣковистъ. на дубу сидитъ чернъ воронъ, во рту держитъ пузырь и слетаетъ съ дуба на

[1]) А. М. Ю. Бѣлгород. столъ № 826. л. 81—96.
[2]) А. М. Ю. Бѣлгор. стол. № 284 л. 425—447.
[3]) Новомбергскій: Слово и дѣло государевы стр, 17. 19. т. II.
[4]) Новомбергскій: Матеріалы по истор. медиц. въ Рос. т. IV. с. 263.
[5]) Новомбергскій: Колдовство въ М. Р. въ 17 в. с. 127.

Библиотека "Руниверс"

море. а самъ говоритъ: ты пузырь въ водѣ наливайся. а ты кила у него развымайся“ [1]), или „Утиши самъ Христосъ въ человѣкѣ болѣзнь сію. да Уваръ Христовъ мученикъ. да Иванъ Креститель, да Михайла Архангелъ. да Тихонъ святый“ [2]). Здѣсь мы уже имѣемъ одинъ заговоръ, снабженный эпическимъ введеніемъ. другой. облеченный въ молитвенную рѣчь; какъ одно. такъ и другое осложненіе указываютъ на извѣстную обработку заговора и позволяютъ предположить, что устныя заговорныя реченія были неодинаковы и размѣры ихъ такъ же, какъ обработка. зависѣли, вѣроятно. отъ лица и случая. Лица, хранившія заговоры, употреблявшія ихъ и обучавшія имъ разнообразны. Судебныя дѣла всегда точно обозначаютъ, кѣмъ былъ произнесенъ заговоръ и отъ кого онъ ведетъ свое начало. иными словами возстановляютъ путь заговора. Это возстановленіе производилось допросомъ и пыткою и показанія. иногда ложныя, вслѣдствіе растерянности и страха, въ большинствѣ случаевъ вскрывали картину распространенія заговора и обрисовывали тѣхъ. кто обладалъ знаніемъ волшебныхъ рѣчей. Судебныя дѣла 17 в. свидѣтельствуютъ. что волшебство и заговоръ не были принадлежностію непремѣнно одного какого нибудь опредѣленнаго круга людей или какой нибудь отдѣльной личности: заговоръ былъ нуженъ и въ городѣ. и въ деревнѣ. при царскомъ дворцѣ и въ крестьянской семьѣ, при удобномъ случаѣ ему всѣ учились, и весьма многіе его знали. Заговоръ хранился въ семьяхъ: мать передавала его дочери, свекоръ или свекровь невѣсткѣ. сестра сестрѣ: волшебныя слова и дѣйствія передавались между односельчанами: иногда учителями были инородцы: „Голова Василій Павловъ купилъ бабу Татарку ворожею“. которая узнавала будущее по рукѣ. „А въ роспросѣ Марѳица говорила... учила-де ее волшебству Шацкаго уѣзда села Брехова новокрещенныя Мордовки Наровка. да Улевка“ [3]). Заговору могъ выучить случайно прохожій человѣкъ „...а съ пытки онъ (Иванъ Мучниковъ) говорилъ... училъ всякому волшебству *на Дьдиловѣ* кружечнаго двора голову Микитку Лукьянова крикотѣ и всякой порчѣ... На *Каширѣ* подъячаго Ваську Микулина. да казачья сына Панку Микулаева икотѣ и къ женкамъ привороту и всякому волшебству. На *Коломнѣ* посадского человѣка Ивашка Ананьина всякому волшебству. Въ *Серпуховѣ* посадскаго человѣка Левку Усова. да Высоцкаго монастыря служку Якушка Максимова всякому чародѣйству“ [4]); незнакомые между собою люди

[1]) Новомбергскій: Колдовство въ Мос. Руси 17 в. стр. 66. Еще стр. 99. см. Приказ. столбецъ № 564. л. 219.

[2]) Новомбергскій: Колдов. въ М. Руси 17 в. стр. 123.

[3]) Арх. М. Ю. Москов. столъ. приказ. столб. № 861.

[4]) Ар. М. Приказ. столъ ст. № 416 л. 149—161.

Библиотека "Руниверс"

могли при случаѣ выучиться другъ у друга заговору: ...„а учился я-де Терешка тому дурну на Волгѣ на судахъ, слыхалъ у судовыхъ ярыжныхъ людей, а на чьихъ судахъ на Волгѣ и въ которомъ году и у кого именемъ хаживалъ, того-де я не помню“[1]). Бывали и такіе случаи, что кто нибудь придумывалъ заговоръ и пользовалъ имъ, не обучая ему никого: и Нестерка сказалъ: „тѣ-де стихи даны ему отъ Бога, просто никто-де его Нестерку не учивалъ, и людей самъ онъ Нестерка... никого не учивалъ“[2]). Волшебное знаніе давалось видѣніемъ: „и баба Дарьица въ роспросѣ сказала: ... „і въ церкве-де было ей привидѣнье, пришелъ к неі старъ мужъ и сказалъ ей, чтобъ она угадывала всякимъ людемъ, что̀ кому надобно“[3]). Достаточно составить краткій перечень лицъ, упоминаемыхъ судебными дѣлами, какъ хранителей заговорнаго знанія, чтобы убѣдиться, какъ оно было распространено въ разныхъ сословіяхъ: дворцовая боярыня, священникъ, скотникъ, боярскій сынъ, работница—всѣ запасались волшебнымъ орудіемъ и при случаѣ пользовались имъ. Къ человѣку, извѣстному своими волшебными знаніями шли за помощью люди разныхъ положеній и состояній. Такъ къ бабѣ Дарьицѣ села Володятина Дмитровскаго уѣзда, извѣстной своимъ искусствомъ ворожить, присылали бояре и ихъ жены и даже по ея словамъ „Царь Борисъ Ѳедоровичъ, какъ былъ в правителех и отъ нево-де присланъ кней былъ дворянинъ Микиѳоромъ звали, а чей сынъ и прозвище того не упомнитъ и тотъ-де дворянинъ загадывалъ быть ли-де Борису Ѳедоровичу на царстве....“[4]).

Кромѣ заговоровъ, выраженныхъ въ опредѣленномъ видѣ пожеланія, смыслъ и значеніе заговора имѣли также угрозы и похвальныя рѣчи, если ихъ слѣдствіемъ были болѣзнь или смерть того, къ кому онѣ относились. Такія рѣчи также заносились въ судебныя бумаги, и на ихъ основаніи строилось обвинительное рѣшеніе. Некрасова жена Дарьица „на того Евтифѣя похвалилася: и сдѣлаю-де его такова черна, какъ въ избѣ черенъ потолокъ и согнется такъ, какъ серпъ согнулся“. „И послѣ-де той Дарьицыной похвалки тотъ Евтюшка заболѣлъ вскорѣ, и три года ходя сохъ и сохши умеръ“[5]). Та же Дарьица сказала: „что-де Ѳедька у меня корчится, а и Лукьяну Ѳедотову сыну корчиться у меня также“. „оборочу-де я ихъ (братьевъ Ѳурсовыхъ) вверхъ носомъ и будутъ-де они у меня въ четырехъ углахъ“... Ѳедька заболѣлъ, а

[1]) А. М. Ю. Бѣлгород. столъ ст. 284. л. 291—418.
[2]) А. М. Ю. Бѣлгород. столъ ст. 768. л. 54—55.
[3]) А. М. Ю. Прик. ст. О 564 л. 211.
[4]) А. М. Ю. Приказный столъ, столбецъ 564. л. 211.
[5]) Арх. М. Ю. Бѣлгород. столъ № 284.

Библиотека "Руниверс"

братья слегли и, полежавши немного, померли. Похвальбы Дарьицы были точно воспроизведены въ судебныхъ бумагахъ, подобно заговорнымъ реченіямъ. Помѣщикъ бьетъ челомъ ц. г. и в. к. Алексѣю Михайловичу на то, что „похвалялся человѣкъ мой Ивашка Рыжій... хотя-де бояринъ мой каковъ нибудь на меня сердитъ будетъ, а я-де поговорю идучи на сѣни,.. а онъ-де мнѣ ничего не учинитъ“ [1])... Въ этомъ случаѣ были и похвальба, и заговоръ („поговорю“), о которомъ Ивашка на пыткѣ сказалъ, что наученъ ему Сѣвскимъ стрѣльцомъ.

Устную заговорную рѣчь все таки было трудно записать въ судебную бумагу, такъ какъ обвинитель не всегда ее помнилъ, а обвиненный не всегда въ ней признавался; поэтому часто въ судебныхъ спискахъ излагается какое нибудь дѣйствіе, признанное колдовскимъ безъ передачи „еретическихъ“ рѣчей: „А въ роспросѣ Марѳица говорила: свекру своему Харитону и свекрови Маланьѣ и мужу своему Ѳедору въ постелю клала уголь, да глинки кусокъ, да съ конопли лычка, и мышь мертвую и всякаго хлѣба зерна... чтобъ до нея свекорь и свекровь и мужъ были добры“ [2]) Въ приведенномъ примѣрѣ можно видѣть, что самые незамысловатые предметы пріобрѣтали значеніе волшебныхъ, очевидно вслѣдствіе соединенія ихъ съ заговорными словами. Нѣкоторымъ травамъ и корнямъ усвоялись таинственныя силы, о чемъ знали многіе и пользовались этимъ:... „Ходилъ онъ Тимоѳей за Москву рѣку, за Воробьевскую рощу... и вырылъ два корешка травные... далъ... и сказалъ: буде кто тѣ корешки носитъ при себѣ, и до того люди добры бываютъ“ [3]). Было ли въ томъ и другомъ случаѣ нужно какое либо заговорное реченіе, судебный списокъ не говоритъ: очевидно воровскія рѣчи здѣсь не были узнаны. Но если трудно уловимый устный заговоръ всетаки не могъ совершенно избѣжать закрѣпленія своего на столбцахъ судебныхъ дѣлъ, то тѣмъ болѣе не удавалось это заговору, хранившемуся въ письмени. Его легче было захватить у обвиненнаго; разсмотрѣть и описать. Поэтому-то свѣдѣнія о письменномъ заговорѣ, получаемыя изъ списковъ судебныхъ дѣлъ въ достаточной мѣрѣ полны и разнообразны. Прежде всего изъ судебныхъ списковъ мы знакомимся со внѣшнимъ видомъ „воровскихъ писемъ“,— такъ обычно выражаются судебныя дѣла 17 в. Описаніе дается тщательное. Это или столбцы, или листки, или тетради бумаги разнаго размѣра; тетради во многихъ случаяхъ переплетались въ кожу, или

---

[1]) Ар. М. Ю. Приказ. столъ ст. № 567 л. 202—206.

[2]) Ар. М. Ю. Приказ. столъ, ст. № 861.

[3]) Арх. М. Юс. Приказ. столъ, ст. № 861.

Библиотека "Руниверс"

обшивались ею. Запись зачастую снабжалась рисунками, очевидно, имѣвшими связь со словами. „На тетраткахъ изображенные кресты осмиконечные и четвероконечные, и змии и протчее“ [1]). „Тетрадь въ полдесть... на последнемъ листу написанъ крестъ вкругу, а втом кругу и около писано: святый Боже, св. Крѣпкій, св. Безсмертный, помилуй насъ“ [2])... „въ письмахъ заговоръ на столбцѣ... Русскаго письма Полского нарѣчія“ [3])... „тетратка въ четверть, въ ней писанныхъ пять листовъ, а писано статейками строки по три и по четыре, знатно гадательныя рѣчи, а на поляхъ противъ тѣхъ статеекъ писаны въ графицахъ оники маленкіе по двѣнадцати и больши и меньши... писаны заговорныя и приговорныя рѣчи... шесть столпцевъ большихъ, да три по четверти столпца, да пять столпцовъ на сдиркѣ писаны... приличныя къ ворожбѣ рѣчи“ [4]). Описавъ внѣшность „воровского письма“ приказный дьякъ переходилъ къ содержанію и давалъ ему опредѣленіе, причемъ не ошибался въ описаніи рукописи; онъ точно различалъ, которая литературнаго, лѣчебнаго, заговорнаго или просто безсмысленнаго содержанія. „А по досмотру въ той книжке писано о Бове королевиче“ [5])... „въ тѣхъ его Петровыхъ письмахъ написано недѣпожъ“ [6]). „Во 2-омъ письмѣ *знатно заговоръ:* ограждаютъ его ангелы Михайло и Гавріилъ тыномъ желѣзнымъ отъ земли до небеси. А къ чему тотъ заговоръ, того познать не почему, потому что конца не дописано“. Очевидно дьякъ судитъ о заговорѣ по внѣшнему строенію рѣчи. Особенности внѣшняго построенія заговоровъ настолько были хорошо знакомы, что если онѣ примѣнялись къ произведенію другого характера, то тотчасъ же распознавались:... „писанъ сонъ Богородицы *заговоромъ* на имя его же попа Андрея“ и тотчасъ же приводятся тѣ слова, которыя придаютъ написанному заговорный оттѣнокъ. Не одни дьяки умѣли различать и опредѣлять „воровскія письма“, съ ними были знакомы люди разныхъ сословій и при случаѣ, подобно приказнымъ дьякамъ, безошибочно опознавали ихъ. У садовниковой жены Ѳедорки 15 лѣтъ въ коробьѣ лежала неизвѣстно кѣмъ подкинутая тетрадка въ 15 листовъ небольшихъ, обшитая въ кожицу, и что въ ней было написано Ѳедорка не знала, но вотъ въ „великій постъ въ дому мужа ея молодъ солодъ гулящій человѣкъ Ивашко и, увидя тетрадку, по-

---

[1]) Дѣло Св. Синода № $^{211}/_{269}$.
[2]) А. М. Ю. Приказ. столъ № 734.
[3]) Ар. М. Ю. Приказный столъ № 1153, л. 176—199.
[4]) Ар. М. Ю. Приказ. ст. № 734 л. 168.
[5]) Новомбергскій: Слово и Дѣло Государев. т. II. стр. 8.
[6]) Ар. М. Ю. Преобр. Прик. оп. 288, д. 1035.

Библиотека "Руниверс"

смотрѣлъ, отдалъ и сказалъ: бѣда де твоя, что ты такую тетрадку у себя держишь, не бралъ ли де кто у тебя ее списывать: и буде не бралъ и ты де ее брось или сожги; а буде ее кто бралъ и списывалъ, и тебѣ де того дѣла просто поставить нельзя, возвѣсти де про то отцу своему духовному, это де дѣло страшное"[1])... „въ прошломъ во 178 году билъ челомъ и извѣщалъ Иванъ Леонтьевъ сынъ Лаптевъ: поднялъ онъ Иванъ на дорогѣ къ Никольскому письма вражьи"[2]). Не умножая примѣры, можно сказать, что письменный заговоръ былъ не менѣе устнаго хорошо извѣстенъ въ 17 в. людямъ различныхъ слоевъ общества и его боялись настолько, что всякій исписанный клочекъ бумаги, а тѣмъ болѣе письмо, тетрадь являлись поводомъ къ обвиненію человѣка въ волшебствѣ:... „привелъ на Елецъ въ приказную избу губный цѣловальникъ... человѣка съ книжкою... и тотъ приводный человѣкъ съ тою книжкою... роспрашиванъ"[3]). Написанный заговоръ зашивали въ шапку носили на себѣ:... „а онъ де Андрей тѣ письма, зашивъ въ шапку, носилъ съ собою для того, чб. ему отъ людей во всякихъ дѣлахъ было счастье"[4])... „а была де та книжка на немъ Гаврилкѣ"...[5]). Письменные заговоры отнимались у обвиненныхъ и прикладывались къ судному дѣлу; но такъ какъ окончательный приговоръ обрекалъ ихъ на уничтоженіе, то значительное количество ихъ (судя по дѣламъ о волшебствѣ) пропало безслѣдно. Обычное заключеніе, рѣшавшее судьбу писаннаго заговора, было таково: „а воровскія письма, его руки сжечь у него на спинѣ, чтобъ впредь неповадно было такимъ воровскимъ заговорамъ учиться и писать". Лишь случай, какъ напр. въ дѣлѣ № 1133 Приказнаго стола сохранилъ какимъ то образомъ точныя записи заговоровъ, сдѣланныя разными почерками, на разныхъ по размѣру листахъ бумаги. Нѣкоторые заговоры сохранились въ столбцахъ, переписанные дьяками[6]), или же изложенные ими въ косвенной рѣчи, или просто перечисленные по содержанію[7]). Обладаніе письменными заговорами влекло за собою различныя наказанія, включая сюда и сожженіе виновнаго въ срубѣ и все таки, не смотря на страхъ тюрьмы, кнута, смерти, „воровскими письмами" пользовались широко и списывали ихъ для своего употребленія при всякомъ удобномъ слу-

---

[1]) Новомбергскій: Слово и Дѣло Государевы т. II, стр. 24. Дѣло Преоб. Прик. оп. 288. д. 796.

[2]) Арх. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 1006.

[3]) А. М. Ю. Пр. ст. № 1091.

[4]) Новомб. С. и. Д. Г. стр. 89.

[5]) Новомб. М. по ист. Мед. на Руси т. IV. стр. 280.

[6]) Приказн. столъ ст. № 653, у Новомб. Матер. по ист. мед. т. IV. с. 197—200.

[7]) Приказ. ст. № 734.

Библиотека "Руниверс"

чаѣ. „А съ пытки Петрушка Поповъ... говорилъ... что то воровское письмо писалъ со словъ гулящаго человѣка Артюшки Плохова на имя Петрушки Карнѣева у брата его... въ банѣ“ [1]). „И тотъ волшебникъ Прохорка Козариновъ въ роспросѣ сказалъ... что де писалъ... волшебное письмо онъ Прохорка у того у Левки“ [2]). Мишка Свашевскій... „списывалъ... тѣ черные книги съ тѣхъ книгъ, каковы были у боярина у Артемона Сергѣевича Матвѣева“ [3]). Судебное слѣдствіе, стараясь дознаться, откуда списанъ тотъ или другой заговоръ, привлекало къ допросу многихъ людей и изъ показаній ихъ отчетливо выясняется, что „еретическія письма“, подобно устному заговору, распространялись среди самаго разнообразнаго общества и иногда совершенно случайно попадали въ руки обвиненныхъ. Начиная съ боярина и кончая гулящимъ человѣкомъ, каждый могъ имѣть „воровское письмо“ и употреблять его по своему усмотрѣнію. Изъ судебныхъ бумагъ можно видѣть и то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ устный заговоръ ложился въ основу письменнаго. Заговоръ записывался со словъ, а потомъ уже переписывался и хранился не въ памяти, а на бумагѣ:... „да у него жъ Артюшки тѣмъ заговоромъ учился заговаривать Козельскаго уѣзда села Коробокъ помѣщикъ... Булгаковъ и тѣ заговоры... *списывалъ со словъ* его Артюшковыхъ.., а перенялъ ли де онъ... тотъ воровской заговоръ или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ“ [4]). И этотъ гулящій человѣкъ Артюшка (какъ видно изъ дѣла) свои, хранимые имъ въ памяти, заговоры продиктовалъ многимъ и его „воровскія“ рѣчи разошлись уже въ тетрадкахъ и столбцахъ. Въ судебномъ изложеніи обращаетъ между прочимъ на себя вниманіе отмѣта „писалъ“ или „писанъ“ заговоръ „на имя такого-то“. Это *писаніе на имя* являлось доказательствомъ того что тотъ, на чье имя былъ писанъ заговоръ владѣлъ имъ сознательно т. е. зналъ его значеніе и употреблялъ его съ цѣлію. Когда разсматривали книжку, взятую на Гаврилѣ Чефраковѣ, а онъ отрицалъ свои „воровскія“ знанія и употребленіе этой книжки съ опредѣленными намѣреніями, однимъ изъ оправдательныхъ обстоятельствъ явилось то, что... „писался въ тѣхъ заговорныхъ рѣчахъ рабомъ Божіимъ „Андрей“, а въ иныхъ во многихъ мѣстахъ... имя перечищивано и приписывано имя Родіоново“. Отсюда понятно почему пытаемый заявлялъ: „писалъ на одно Петрушково имя Корнѣева, а на Ивашково имя не писалъ“ [5]), такимъ заявленіемъ онъ отрицалъ, что онъ распространялъ заговоръ.

[1]) Новом. Матер. по ист. мед. IV. стр. 394.
[2]) Арх. М. Ю. Приказ. столъ ст. № 653.
[3]) А. М. Ю. Приказ. столъ № 734. л. 116.
[4]) Арх. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 1812. л. 1—12.
[5]) Арх. М. Юс. Приказ. ст. столб. № 1812. л. —12.

Библиотека "Руниверс"

Грамотность являлась проводникомъ письменнаго заговора, а такъ какъ въ 17 в. по словамъ ак. А. И. Соболевскаго можно было встрѣчать нерѣдко грамотныхъ и въ крестьянской средѣ, не говоря уже о служилой и торговой [1]), то дѣлается яснымъ, что для распространенія письменныхъ заговоровъ не было препятствій съ этой стороны. Писанный заговоръ продавали: и на судебномъ допросѣ обвиняемый оправдывался не только въ томъ, что онъ никого не учивалъ, но и что воровскихъ писемъ „не продавывалъ“ [2]).

Каково же было содержаніе „еретическихъ“ писемъ, распространявшихся на Руси въ 17 в.? Судить о точномъ содержаніи заговоровъ по судебнымъ бумагамъ трудно, такъ какъ подлинники въ большинствѣ случаевъ сжигались и сохранялось лишь ихъ краткое изложеніе или обозначеніе, сдѣланное дьяками, но руководясь и указаніями правительственныхъ лицъ, можно составить представленіе о заговорномъ богатствѣ, находившемся въ обращеніи въ русскомъ обществѣ 17-го вѣка. Не излагая дословно описаній дьяковъ, укажемъ нѣкоторые виды заговоровъ ими отмѣченные [3]). Въ ходу были заговоръ: 1) Отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ... (для) ко властямъ идущимъ, 2) отъ грому, 3) отъ грыжи, 4) на зайцы, 5) отъ застрѣленія человѣка, 6) отъ звѣринаго съѣденія, 7) отъ зубной боли, 8) отъ лиха человѣка (колдуна и т. п.), 9) для лошадей, 10) для любви людей, 11) для остуженія мужа съ женою, 12) отъ очной болѣзни, 13) для привороту женщинъ, 14) отъ всякихъ пакостей (болѣзней), 15) отъ пищальной стрѣльбы, 16) отъ притки, 17) на птицъ, 18) какъ пчелъ водить, 19) на руду, 20) отъ разбойниковъ, 21) отъ ружья, 22) свадебный заговоръ, 23) отъ скотскаго падежа, 24) отъ трясавицы, 25) уразной заговоръ. Кромѣ перечисленныхъ, играли роль заговора Сонъ Пр. Богородицы, рѣчи о пятницѣ, гаданіе царя Давида, молитва Арх. Михаилу. Всѣхъ перечисленныхъ заговоровъ не сохранилось въ судебныхъ дѣлахъ въ полной и точной записи, но возстановить ихъ содержаніе (по крайней мѣрѣ многихъ) возможно, такъ какъ трудно предположить, чтобы рѣшительно всѣ списки были уничтожены.

Ознакомленіе съ семейными архивами уже не разъ вело къ отысканію заговорныхъ записей [4]), хранившихся изъ рода въ родъ, какъ

---

[1]) Рѣчь и отчетъ И. СПб. у-ма 1892 г. „Образованность Мос. Руси XV—XVII в.

[2]) А. М. Ю. Приказ. столъ д. 268 л. 156.

[3]) Очень полный перечень заговоровъ составленъ въ дѣлѣ бывшаго Новгород. Ландрихтера И. И. Мякинина въ 1725 г. Дѣла Св. Синода № $^{211}/_{269}$. Изъ этого дѣла взято указаніе на нѣкоторые виды заговоровъ.

[4]) Древности, т. V. Архивъ Маслова, описанный А. И. Станкевичемъ.

Библиотека "Руниверс"

лѣчебное средство: изъ сравненія же судебныхъ перечней заговоровъ и записей, сохранившихся и совпадающихъ съ описаніемъ, можно пожалуй возстановить заговоры 17-го и начала 18-го в. Не лишнее отмѣтить и то, что бывали случаи, когда отобранныя заговорныя письма, снова пускались въ обращеніе. Когда разбиралось сложное дѣло Мишки Свашевскаго [1]), кончившееся смертнымъ приговоромъ для обвиняемыхъ, въ качествѣ участниковъ были привлечены между прочимъ и приказные, изъ которыхъ одинъ сознался: „что онъ писмо о грому с столбца списывать давалъ, а нашелъ де онъ тотъ столбецъ у приказа большого дворца въ приказномъ сору(?) [2]); такіе случаи могли и повторяться съ записями, прикладываемыми къ дѣлу. Не входя въ разборъ каждаго изъ сохранившихся въ судебныхъ бумагахъ письменныхъ заговоровъ можно сказать относительно ихъ строенія, что оно, по сравненію съ устнымъ заговоромъ, отличается сложностію и носитъ явные слѣды обработки и книжнаго вліянія: переписыванія внесли ошибки и искаженія, которыя и не исправлялись, какъ вслѣдствіе непониманія, такъ и вслѣдствіе вѣры въ непогрѣшимость написаннаго. Что касается до дѣйствій, сопряженныхъ съ писанными заговорами, судебные документы иногда отмѣчаютъ ихъ, такъ же какъ и разные предметы, которые вмѣстѣ съ заговоромъ носились на груди, въ шапкѣ и т. д. По большей части это были травы, коренья, камни. Въ лѣчебникахъ, гдѣ зачастую рядомъ съ полезнымъ совѣтомъ писался заговоръ, находятся указанія, какіе предметы имѣютъ волшебную силу и въ какихъ случаяхъ ихъ нужно носить: „отъ птицъ—оредъ: правое ево око вынявъ носить подъ лѣвою пазухою о укроченія царского гнѣву“ [3]).

Въ перечнѣ заговоровъ, составленномъ дьяками обращаетъ на себя вниманіе то, какъ они именовали заговоры, эти названія не ясны, вслѣдствіе отсутствія точнаго содержанія заговоровъ. Дьяки отмѣчаютъ „заговорецъ“, „уговоръ“, „статью“; въ просторѣчьи встрѣчается терминъ „стихъ“: какая разница однако въ содержаніи или строеніи поименованныхъ такимъ образомъ заговоровъ, рѣшить трудно. Но заговорецъ ли, стихъ, статья—всякаго названія заговоръ былъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ и его брали, гдѣ могли, не пренебрегая знаніями прохожаго и проѣзжаго незнакомаго человѣка. Вслѣдствіе этого и является невозможнымъ точно опредѣлить эти въ большинствѣ случаевъ переплетающіеся пути распространенія письменныхъ заговоровъ.

---

[1]) А. М. Ю. Приказный столъ, № 734.

[2]) Л. 159.

[3]) А. М. Ю. Приказ. столъ, столб. № 744, л. 189.

Библиотека "Руниверс"

Не только восточные сосѣди русскихъ (татары, мордва) являлись учителями русскихъ въ волшебствѣ, но и западные (нѣмцы) передавали имъ свои колдовскія знанія. Такъ по поводу одного заговорнаго дѣла[1]) былъ привлеченъ къ отвѣту иноземецъ Германъ Липстеръ, взятый въ плѣнъ у Шведовъ, и онъ о заговорѣ на ружье, о которомъ между прочимъ шло дѣло, сказалъ: „какъ де онъ, Германъ, жилъ въ Алыстѣ[2]), и у нихъ-де охотники, ходя за птицею, тѣхъ птицъ бьютъ изъ ружья, а другіе ихъ же братья иноземцы, у тѣхъ охотниковъ ружье портятъ, и за тою ихъ порчею охотникъ изъ того ружья... птицы убить не можетъ". Кромѣ этого заговора, текстъ котораго неизвѣстенъ, Германъ продиктовалъ своему ученику Григорью Емельянову изъ нѣмецкой книги прозваніемъ „Малицыной (?)", заговоръ отъ пожара, состоящій изъ словъ Спасителя на крестѣ, и въ допросѣ ссылался на то, что „въ Алыстѣ... *ученые* ихъ братья... подписываютъ на хоромахъ, гдѣ горитъ... Христово слово и... пожаръ перестаетъ". Судебное дѣло было поднято изъ-за того, что иноземка же вдова Ульяна приворачивала Петра Великаго къ свояченицѣ полковника Балка... „чтобъ сестрѣ жены его Аннѣ быть за государемъ"[3]). Такимъ образомъ заговоръ принимался отъ каждаго, его знающаго, какъ необходимое и полезное орудіе, отсюда и разнообразіе путей его распространенія. Заговоръ всѣ желали имѣть: вредный ли, полезный, страшный—это было все равно: къ обладанію его стремились, хотя практика прямо показывала все его безсиліе: „и Ивашко въ роспросѣ сказалъ... словами де пытался надъ женкою... дворовою Павловою надъ Ненилкою... и не учинилъ де онъ ничего"[4])... „а съ пытки тотъ роспопа говорилъ такіе де письма... зашилъ въ шапку и носилъ отъ людей для счастья, и счастья де ему отъ тѣхъ писемъ никакого не бывало и по его гадательству не сбывалось[5]). Но, стремясь къ знанію заговора съ одной стороны, съ другой—возставали противъ знающихъ людей, предполагая, что, если случается бѣда, то это результатъ ихъ дѣятельности.

Городъ Духовъ билъ царю челомъ на волшебника Прохора Казаринова за то, что онъ вредитъ людямъ:... „мы сироты твои всѣмъ городомъ отъ такого волшебства и женишка наши и дѣтишка... многіе исперепорчены и многіе померли", а между тѣмъ его заговорными

[1]) Арх. М. Ю. Преображ. прик. оп. 287. вяз. 27. д. № 92. л. 33—38.

[2]) Алыстъ-Маріенбургъ, г. въ Пруссіи на правомъ берегу Ногаты, рукава Вислы. Принадлежалъ то Польшѣ, то Пруссіи.

[3]) Ар. М. Ю. Преобр. приказъ оп. 288. д. № 1157. л. 4—7.

[4]) Арх. М. Юст. Приказ. столъ, ст. № 567 л. 202—206.

[5]) Ар. М. Ю. Преобр. прик. вяз. 5. д. 26.

Библиотека "Руниверс"

письмами нѣкоторые попользовались[1]). Правительственныя лица относились къ употребленію заговоровъ весьма строго, сыскъ велся тщательно, но рѣшеніе окончательное было различно и не всегда судъ выносилъ смертный приговоръ. Изъ этихъ различныхъ судебныхъ заключеній можно сдѣлать слѣдующее наблюденіе: въ 17 в. смертью каралось такое колдовство, которое, имѣло связь съ дѣяніями преступными по существу.... „а болховичи посадскіе люди, сказали, что онъ Савка людей кореньемъ порчивалъ... и Савка Курченинъ въ Болховѣ посаженъ въ тюрьму“... и велѣно было розыскать... „*не уморилъ* ли онъ Савка кого... отравою ли или инымъ какимъ наговоромъ и шептаньемъ“[2]). Отпаденіе отъ вѣры, злоумышленіе противъ высшей власти связывались въ большинствѣ случаевъ съ волшебствомъ, съ употребленіемъ заговора, и въ такихъ случаяхъ „еретическія“ рѣчи и письма являлись яркимъ свидѣтелемъ преступности, тогда заговоръ особенно строго разсматривался и осуждался. Мишка Свашевскій послѣ долгаго и запутаннаго сыска былъ сожженъ; и главной причиной этой строгости были найденные у него отреченіе отъ Бога и заговоръ съ обращеніемъ къ бѣсамъ, а волхвъ Дороѳей поплатился жизнію за посыланіе по вѣтру злыхъ словъ на царя Петра. Колдовство, не имѣвшее никакихъ послѣдствій все-таки наказывалось тюрьмою, битьемъ кнутомъ, ссылкою, какъ дѣяніе, въ которомъ усматривалось безусловно злое намѣренье. Серьезно боязливое отношеніе къ колдовству и заговору въ теченіе 17-го в. постепенно мѣняется и постановленія средины 18-го в. значительно разнятся отъ приговоровъ предыдущаго вѣка. То, что въ 17 в. каралось сожженіемъ въ срубѣ, въ 18-мъ в. вызываетъ постановленіе лишь... „подвергнуть шестилѣтнему запрещенію съ посылкою въ монастырь, дабы онъ (виновный) сожалѣя, яко въ намѣреніяхъ своихъ онъ не Бога вся дѣйствующаго, но на бѣсовъ.... полагалъ надежду, истинное приносилъ покаяніе и, упражняясь въ постѣ и молитвахъ, просилъ Всемилостиваго Господа Бога оставить его преступленія“[3]).

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи колдовства и заговора на Руси можетъ считаться послѣднимъ временемъ ихъ значительности. Заговоръ—эта яркая бытовая черта всего русскаго общества 17-го в. постепенно тускнѣетъ и рамки его распространенія суживаются.

Елена Елеонская.

Москва.

[1]) А. М. Ю. Приказ. ст. ст. № 653.

[2]) Арх. Мин. Ю. Приказный столъ, столб. № 567.

[3]) Дѣло Св. Синода № 422 (286). См. Описаніе документовъ Св. Синода т. XVI. Стр. 529.

Библиотека "Руниверс"

П. Н. ТУРГЕНЕВЪ. (†)

Вотъ что я нахожу о немъ въ Записной книжкѣ „Русскаго Архива“ 1896 года. П. Б.

Петръ Николаевичъ Тургеневъ (Paris, rue de Lille, 97), младшій и нынѣ единственный сынъ Н. И. Тургенева отъ его брака съ дѣвицею Viaris (родственницею историка Сисмонди), занимается ваяніемъ; мастерская его въ Зеленой Рощѣ (Vert Bois), близъ Фонтенебло. Ему за 40 лѣтъ; онъ похожъ лицомъ на дядю своего Александра. Четыре года назадъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, померли у него сестра съ горя о томъ, что мать ослѣпла, братъ Альбертъ и мать. У него небольшое имѣніе Каширскаго уѣзда, недалеко отъ Серпухова, называется *Стародубъ*. Доходу не приноситъ, и онъ же приплачиваетъ на школу, добродушно говоря, что мужичекъ-прикащикъ обкрадываетъ. Но здѣсь онъ богатъ и живетъ въ полномъ довольствѣ. У него трехъ-этажный домъ, свое вино въ Зеленой Рощѣ. Какіе-то денежные обороты помогли его отцу разбогатѣть. Я у него завтракалъ 29 Марта 1896. Тутъ были старикъ докторъ-ветеринаръ Weber, другъ семьи Тургеневской, Альжирскій помѣщикъ Odillon-Barrot и какой-то молодой офицеръ въ сертукѣ (имъ позволяется), полкъ котораго стоитъ въ Люневилѣ.

Другомъ Тургеневскаго дома Виленскій Литвинъ Осипъ Ѳедоровичъ *Рустейко*, старичекъ, очень образованный и отлично говорящій по русски. Онъ замѣшанъ былъ въ заговорѣ 1849 г., предпринятомъ для того, чтобы вредить Русскимъ во время Венгерскаго похода, бѣжалъ въ Лондонъ и до 1855 года жилъ въ заточеніи въ Эренбрейтштейнѣ, и выпущенный поселился въ Парижѣ, гдѣ до того полюбился Тургеневу, что когда принялъ участіе въ мятежѣ 1862 года и захваченный Пруссаками былъ въ Берлинской тюрьмѣ, Николай Ивановичъ ѣздилъ туда нарочно хлопотать объ его освобожденіи. По словамъ Рустейки, жена Тургенева такъ хорошо вела денежныя дѣла свои и мужа, что у нихъ было до 200 т. франковъ годоваго дохода. Петръ Николаевичъ

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ много меньше, такъ какъ приходилось уплачивать большой налогъ съ наслѣдствъ послѣ матери и брата.

Я былъ у Рустейко (2 rue s-t Louis en Isle). Онъ живетъ во дворцѣ молодыхъ внуковъ князя Адама Чарторижскаго, и у нихъ въ домѣ онъ свой. Это цѣлый замокъ, построенный, какъ значится на фронтонѣ, въ 1646 г. Рустейко принялъ меня внизу въ конторѣ, гдѣ идетъ раздача пенсій и пособій обѣднѣвшимъ Полякамъ, которые и при мнѣ приходили. За столомъ засѣдаетъ тоже прекрасно знающій по-русски рослый и здоровенный Пожерскій, вернувшійся изъ ссылки Сибирской. Онъ жилъ въ Омскѣ. Оба отзываются съ благодарностью о великодушіи простаго Русскаго народа и не обнаруживаютъ никакой злобы къ Русскимъ, а Рустейко (какъ въ 1858 г. говорилъ мнѣ и Лелевель въ Брюсселѣ) прямо осуждаетъ Поляковъ за ихъ дѣйствія противъ Россіи. Притворство ли это? Меня не ждали, и широкая благотворительность князей Чарторижскихъ смягчаетъ мое доселѣ низкое понятіе объ ихъ дѣятельности.

П. Н. Тургеневъ подарилъ мнѣ прекрасный портретъ отца своего. Съ виду это крѣпышъ. Еще за два дня до смерти онъ ѣздилъ верхомъ въ своей Зеленой Рощѣ, которую пришлось ему вновь устроивать послѣ грабежа Нѣмцевъ. Парижскій домъ не пострадалъ отъ неистовствъ комуны. Тургеневы уѣхали въ концѣ Августа 1870 въ Лондонъ и вернулись въ концѣ Марта 1871 года, а въ Ноябрѣ Николай Ивановичъ умеръ.

П. Н. Тургеневъ сказывалъ, что Эмиль Золà выведенъ въ люди И. С. Тургеневымъ, который сначала заставлялъ его писать о Парижѣ въ „Вѣстникѣ Европы", а потомъ возилъ его съ собою и всячески покровительствовалъ.

Боголюбовъ сказывалъ, что И. С. Тургеневъ въ послѣдніе свои мѣсяцы не зналъ, какъ ему избавиться отъ назойливости О....., а Полина Віардо, уже по кончинѣ изнывшаго у нея Тургенева, говорила Боголюбову, что О..... обокралъ ее при разборѣ его рукописей. Она же съ горечью жаловалась на Русскихъ, что они ее ненавидятъ и на Полонскаго, который мечталъ, что Тургеневъ оставитъ ему что либо въ наслѣдство.

*

Оставаясь не долго въ Парижѣ, я могъ только три утра поработать надъ разборомъ бумагъ, которыя П. Н. Тургеневъ унаслѣдовалъ отъ отца и дяди. Въ разборѣ участвовали О. Ѳ. Рустейко и самъ владѣлецъ. Онъ понимаетъ порусски, но говорить затрудняется. Человѣкъ онъ милый, и мнѣ не забыть его.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

Когда Милютинъ писалъ свою исторію войны 1799 года, изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ были имъ взяты бумаги, касающіяся Русскихъ войскъ, потершѣвшихъ пораженіе въ Голландіи отъ Французовъ. Въ нѣсколькихъ коробкахъ Архива, вмѣсто бумагъ лежатъ листки съ означеніемъ: „выдано полковнику Милютину“. Просмотрѣть эти бумаги было мнѣ нужно, когда я издавалъ „Архивъ Князя Воронцова“, такъ какъ войска наши и дѣла о нихъ переданы были въ вѣдѣніе посла нашего въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Не знаемъ, возвращены ли нынѣ въ Архивъ эти историческіе документы.

*

Князь В. А. Черкасскій въ 1856 г. писалъ въ Москву изъ деревни... А что̀ скажете о смерти бѣднаго Иванова? Видно, и впрямь, душна атмосфера. Уже изъ Рима, гдѣ видѣлъ я его каждый день, ѣхалъ онъ сюда къ намъ какъ осужденный и живо предчувствовалъ себѣ конецъ. Никогда не забуду о его страхѣ при мысли о возвращеніи въ Россію. Говорятъ, на другой день по смерти его, ему принесли орденъ Св. Владимира и 30,000 р. сер. за картину. Любопытно бы знать, было ли все это назначено ему до смерти или вызвано этимъ страшнымъ ударомъ. А данное двумя мѣсяцами, быть можетъ нѣсколько лишь днями ранѣе оно бы его совершенно успокоило, разсѣяло бы то тревожное состояніе, въ которомъ онъ жилъ уже цѣлый годъ и вѣроятно избавило бы его отъ холеры, а Россію отъ значительной утраты. Нѣтъ, не ходко еще отечество наше на независимое дарованіе, а скоро ли будетъ иначе? Замѣчательно въ 28 № „Атенея“ предпослѣднее письмо Карамзина, единственное, въ которомъ можно найти нѣчто похожее на жалобы на свое удаленіе отъ дѣятельнаго политическаго поприща.

*

Я пріѣхалъ нынѣшній годъ (1886) въ Ревель 30 Іюня. Теперь 10-й день что̀ живу въ немъ, слушаю, приглядываюсь и замѣчаю боль-

Библиотека "Руниверс"

шую перемѣну въ сужденіяхъ и толкахъ сравнительно съ третьягодняшнимъ и даже прежними моими пріѣздами: но сердце все еще не хочетъ вѣрить прочности Русскаго успѣха въ этомъ необыкновенномъ и по многимъ отношеніямъ для Россіи драгоцѣнномъ углу ея. Великій Князь Владиміръ Александровичъ и его супруга только что здѣсь были. Нѣмцы подняли было очень головы. Великая Княгиня сыскала въ одномъ изъ поднесенныхъ ей букетовъ сирень о пяти лепесткахъ и, подавая ее кому-то изъ бароновъ, сказала: возьмите на счастье; а потомъ, видя опять этого барона, спросила, куда онъ положилъ ея подарокъ, на его отвѣтъ, что сирень хранится у него въ портфелѣ, замѣтила: „нѣтъ, ее надо положить въ часы; счастье дается временемъ“. Нѣмецкій языкъ въ устахъ ея окрылялъ Нѣмцевъ надеждами, хотя во всѣхъ нашихъ здѣшнихъ церквахъ Великая Княгиня прикладывалась ко Кресту, а въ Гапсалѣ поцѣловала даже заскорузлую руку пріѣзжавшаго туда на то время соборнаго Ревельскаго священника о. Карпа Тизика (изъ Эстовъ, учившихся въ Троицкой Лаврѣ). Я спрашивалъ о томъ его самаго, замѣтивъ, что вѣроятно онъ польщенъ этимъ. Я тутъ не при чемъ, отвѣчалъ о. Тизикъ: „она поцѣловала руку не у меня, а у православнаго іерея“. Расчетливые Нѣмцы и супруги ихъ раскошеливались на угощеніе высокихъ гостей, оправдывая издержки патріотическимъ побужденіемъ. Вскорѣ Дерптская рѣчь сразу охолодила ихъ. Рѣчь эта была предначертана еще въ Петербургѣ: Великій Князь долженъ былъ сказать ее въ Ригѣ: но лавирующій Зиновьевъ[1]) устроилъ, что произнесена она была въ Дерптѣ, на квартирѣ, и всего въ присутствіи какихъ нибудь 20-ти человѣкъ (сказывалъ мнѣ Капустинъ[2]), бывшій тутъ 2-го Іюня на обратномъ пути въ Ригу). Тонъ Нѣмцевъ вдругъ упалъ: а на прощаньи, уже въ Нарвѣ или гдѣ-то по близости, Великая Княгиня совсѣмъ охолодила ихъ, подаривъ представителямъ ихъ свои фотографическія карточки въ Русскомъ сарафанѣ. Слава Тебѣ, Господи! Воля царская есть воля Русскаго человѣка, и она покамѣстъ непреклонна.

Въ этомъ убѣдился я изъ продолжительнаго одинъ на одинъ разговора съ здѣшнимъ губернаторомъ княземъ Шаховскимъ, вчера вечеромъ (9 Іюля) въ Екатерингентальскомъ дворцѣ, въ его кабинетѣ, рядомъ съ прекрасною залою, гдѣ бюсты Петра и Екатерины Первой, а на потолкѣ нарисованы Антеноръ, пришедшій глядѣть на купающуюся Діану и ея обнаженныхъ спутницъ. Какъ это знаменательно для Петровскаго сооруженія!

---

[1]) Покойный Михаилъ Алексѣевичъ, ученый артиллеристъ. П. Б.

[2]) Попечитель Рижскаго учебнаго округа. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Князь Сергій Владимировичъ Шаховской (ему теперь съ небольшимъ 30 л. отъ роду), математикъ изъ Московскаго Университета, внучатный племянникъ извѣстнаго драматурга, князя А. А. Шаховскаго, т. е. родной внукъ его брата Льва Александровича, а по матери племянникъ добрѣйшаго Александра Павловича Ефремова, что̀ былъ пріятелемъ Каткова по Берлинскому университету и весь свой вѣкъ занимался географіей*), но успѣлъ прочесть изъ нея лишь нѣсколько лекцій въ Московскомъ Университетѣ, а потомъ облѣнился въ кабинетномъ чтеніи, подобно братьямъ Елагинымъ, высоко образованнымъ и умнымъ людямъ, но вовсе не изъявительнымъ, каковыхъ такъ много на Святой Руси. Но къ князю С. В. Шаховскому никакъ нельзя отнести Русской поговорки: *подъ лежачій камень вода не бѣжитъ*; вчинательности ему не занимать. Онъ служилъ по иностранному вѣдомству у Игнатьева и потомъ въ Средней Азіи, а въ первые мѣсяцы новаго царствованія проживалъ на дачѣ подъ Москвою, незадолго передъ тѣмъ женившись на дочери еще многовластнаго тогда графа Д. А. Милютина, умной, начитанной, благочестивой и симпатической Елисаветѣ Дмитріевнѣ (которая много лѣтъ старше мужа и дѣвицею проживала въ Костромскомъ монастырѣ у тамошней знаменитой игуменьи Давыдовой). Въ Іюлѣ 1881 г. внезапною телеграммою новый министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ вызываетъ молодаго князя въ Москву. Я живо помню то время. Былъ я въ Парижѣ и въ тамошнихъ газетахъ читалъ извѣстіе, будто Русскій Царь бѣжалъ изъ своихъ столицъ къ предѣламъ Азіи; а И. С. Аксаковъ послѣ мнѣ сказывалъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ въ Кремлевскомъ дворцѣ хвасталъ ему: „Ну что̀, довольны вы теперь? Вотъ я вамъ привезъ царя!“ Московскій народъ крестился, глядя на Царя и Царицу посреди себя. Государыню очень удивляли эти крестныя знаменья: супругъ растолковалъ ей, что тутъ нѣтъ и тѣни кумирослуженія, и что благодарятъ Бога, видя опять Царя и Царицу послѣ страшныхъ пережитыхъ дней. Недоумѣвающему князю Шаховскому говоритъ Игнатьевъ, что въ Черниговской губ. Еврейскій погромъ, что тамошній губернаторъ Шостакъ стрѣляетъ въ народъ, что Государь намѣренъ прибѣгнуть къ мѣрамъ крутымъ, что туда посланъ графъ К. для дознаній, но что этотъ графъ не способенъ узнать настоящее дѣло, и что для настоящаго дознанія онъ посылаетъ туда отъ себя его князя Шаховскаго. „Да какъ же мнѣ быть? Я

*) Мадагаскаръ была особеннымъ предметомъ его работъ. Ефремовъ думалъ, что Россіи слѣдуетъ его занять, дабы, на всякій случай, имѣть въ немъ точку опоры въ борьбѣ съ Англіею. Эту мысль осуществила Франція: нынѣ ей принадлежитъ Мадагаскаръ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

вовсе не служилъ по внутреннему управленію, не умѣю отличить предѣловъ власти между Губернскимъ Правленіемъ и Земскою Управою". — „Ничего, такія ли дѣла мы съ вами обдѣлывали въ Турціи? Поѣзжайте!" — „Да я дипломатическій чиновникъ" — „Все вздоръ! Завтра же отправляйтесь!"

Князю Шаховскому вскорѣ вручаютъ открытый листъ отъ министерства, и онъ все въ томъ же мундирномъ платьѣ, ѣдетъ въ Нѣжинъ, Черниговъ, Глуховъ и т. д., шатается по трактирамъ, говоритъ съ народомъ, съ помѣщиками, съ чиновниками и возвращается въ Петербургъ съ докладною запискою, въ которой выражаетъ, что противо-еврейское движеніе вовсе не имѣетъ политическаго и анархическаго значенія, а вызвано просто вымогательствомъ Евреевъ, что тутъ не грабежъ и не разореніе и присвоеніе Еврейской собственности, а только острастка: что народъ только рветъ Жидовскія деньги и даже не хочетъ скверниться Жидовскими пожитками, а только ихъ уничтожаетъ. — „Какъ же быть?" говоритъ ему Игнатьевъ: графъ К. уже пріѣхалъ тоже и подалъ Государю докладъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, выставляя дѣло какъ слѣдствіе нигилистической пропаганды. Но я подамъ вашъ докладъ Государю, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать въ такой-то день". Оказалось, что Государь прочиталъ докладъ князя Шаховскаго, сдѣлалъ на немъ свои замѣтки и не только остался имъ доволенъ, но тотчасъ же отмѣнилъ намѣреніе объявлять Черниговскую губернію на военномъ положеніи.

Тогда же рѣшено было послать туда князя Шаховскаго губернаторомъ. На пріемѣ князь предъявлялъ Государю свою молодость и полную неопытность въ бумагопроизводствѣ канцелярскомъ Государь отозвался, что по его докладу видно, что онъ уже ознакомился съ краемъ; а что до канцелярскаго порядка, то онъ иной разъ не уясняетъ, а только мѣшаетъ видѣть ясно дѣло. Это было въ началѣ осени 1881 г.

Князь Шаховской утвердился въ Черниговѣ, но черезъ $3^1/_2$ г., весною 1885 г., управлявшій министерствомъ Дурново шлетъ ему шифрованную телеграмму объ его назначеніи въ Ревель, прибавляя, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ, что указъ предварительно рѣшенъ, но еще не подписанъ. Это взволновало и обидѣло губернатора, не успѣвшаго привести къ концу начатыхъ мѣропріятій. Онъ полагаетъ, что причиною были произведенныя взысканія недоимокъ съ имѣній самаго Дурново (Черниговскаго помѣщика и по отзыву, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый я слышалъ отъ покойника А. Ф. Томашевскаго, человѣка вовсе небезупречнаго) и губернскаго предводителя Неплюева (о семъ послѣднемъ князь Шаховской отзывается очень дурно). Нечего дѣлать, надо ѣхать въ Петербургъ, куда предварительно послана телеграмма съ полнымъ отказомъ отъ Ревеля. Дурново встрѣтилъ князя выговоромъ за дерзкій яко бы отвѣтъ, а князь объяснилъ ему на прямикъ, что такъ служить онъ не можетъ, коль скоро безъ его вѣдома имъ помыкаютъ, и что во всякомъ случаѣ въ Ревель онъ не поѣдетъ, вовсе не зная тамошняго края и даже не говоря по-нѣмецки. Дурново мѣняетъ тонъ и говоритъ ему, что нельзя отказываться, такъ какъ Государь уже рѣшилъ его назначеніе. Начинаются переговоры съ Побѣдоносцевымъ, который убѣждаетъ къ покорливости и разными доводами о томъ, что сверху видно лучше кого куда посылать, что Государь выбралъ его изъ 40 кандидатовъ, что надо служить отечеству и т. д., склоняетъ князя не отказываться отъ новаго губернаторства. Въ Гатчинѣ назначено представленіе. Дежурный флигель-адъютантъ передаетъ князю, что онъ будетъ принятъ послѣднимъ и особо. Когда онъ вошелъ въ памятный мнѣ кабинетъ, Государь приказалъ флигель-адъютанту уходить совсѣмъ, самъ затворилъ дверь, закурилъ папироску и стоя выслушалъ долгіе доводы князя о непригодности его для Эстляндіи. Князь сказалъ между прочимъ, что съ дѣтства въ немъ не истребилась нелюбовь къ Нѣмцамъ.—„А вы думаете, я-то люблю ихъ?“ Относительно незнанія Нѣмецкаго языка Государь замѣтилъ: „Въ Гапсалѣ я всегда говорилъ съ ними по-русски, и они меня понимали“. „То Вы, Государь; но для меня могутъ выдти изъ того всякія усложненія, не говоря уже о клеветахъ и доносахъ“.—„Но тутъ моя воля!“—„Конечно воля Ваша для подданныхъ священна, и формально будетъ она исполняться; но Вы, Государь, защитите меня отъ самыхъ органовъ Вашего правительства, въ которыхъ Нѣмцы составляютъ великую силу, такъ какъ ими сплошь замѣщены всѣ вліятельныя положенія“.—„Въ вашихъ словахъ много справедливаго, тѣмъ не менѣе затрудненія можно устранить. Поѣзжайте съ Богомъ. Христосъ съ вами!“

Вступленіе въ должность послѣдовало 20 Мая 1885 г.

Князь Шаховской говоритъ, что объ этомъ разговорѣ онъ передавалъ кромѣ Дурново (яко бы по обязанности), Побѣдоносцеву, Аксакову, Каткову. И тѣмъ не менѣе о немъ знаютъ Нѣмцы, и кто-то изъ бароновъ увѣрялъ его, будто отзывы Государя помѣщены въ какой-то Нѣмецкой корреспонденціи.

Библиотека "Руниверс"

*

(Ревель, 11 Іюля 1892 Пр. гр. В. В. Адлербергъ).

Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ съ женою, двумя дочерми и тремя сыновьями, до Ноября 1841 года (когда, съ отъѣздомъ въ Крымъ князя А. Н. Голицына, освободился большой домъ на Фонтанкѣ. тогда бывшій почтоваго вѣдомства, а теперь министра двора) проживалъ на дворѣ Аничковскаго дворца. рядомъ съ Кабинетомъ. въ небольшихъ семи комнатахъ, даже безъ чистаго хода. Лѣстница была одна съ кучерскою, зимою обледѣнѣлая, лѣтомъ она вонючая, такъ какъ находилась рядомъ съ отхожими мѣстами. Однажды, Адлербергъ заболѣлъ и Николай Павловичъ пріѣхавшій навѣстить его. поразился убожествомъ и неудобствомъ этого входа. Онъ призвалъ смотрителя дворца, разбранилъ его и много кричалъ. Тѣ же дни все приведено было въ наилучшій видъ. который и длился, пока Адлербергъ былъ боленъ и Государь ежедневно къ нему ходилъ. За тѣмъ и сыновья успѣли вырости (старшій женился въ 1842 г.), и дочери стали невѣстами, а другъ царевъ никогда о себѣ ничего не просившій, продолжалъ жить въ самой мизерной обстановкѣ. Государь, любившій его сердечно, ни разу не обратилъ на то вниманія.

Предшественникъ его по должности министра двора князь П. М. Волконскій, le prince Non, какъ его звалъ самъ царь за его скупость на казенныя траты и деньги, держалъ дворцовое управленіе въ величайшемъ безпорядкѣ. Много спустя по его кончинѣ какой-то лордъ прислалъ изъ Англіи образцики большаго столоваго прибора съ императорскими гербами и вензелями Екатерины II-й, предлагая Министерству Двора купить его, стали наводить справки. и оказалось. что за приборъ этотъ заплачены деньги еще въ прошломъ столѣтіи, что онъ выкраденъ, и проданъ былъ въ Англію. При графѣ В. Ѳ. Адлербергѣ завелись подробныя описи всего дворцоваго имущества. и на каждую. самомалѣйшую вещь, наложены особыя, неистребимыя клейма.

Въ тотъ годъ, когда изъ Греціи выгнали короля Баварца Оттона. Государь возвращался изъ чужихъ краевъ и ѣхалъ въ одной коляскѣ съ Адлербергомъ. На одной станціи письмо отъ Меттерниха. который въ этомъ переворотѣ обвинялъ нашего посланника Катакази. Государь вспылилъ и приказалъ Адлербергу въ слѣдующую же остановку написать бумагу о преданіи Катакази суду. На другой перепряжкѣ вопросъ Государя. отправлена ли бумага. Нѣтъ, Ваше Величество. Какъ ты смѣлъ и т. д. полились бранныя выраженія и страшные окрики.—Я полагалъ, что надо подождать увѣдомленія отъ графа Нессельроде; а

Библиотека "Руниверс"

предать Катакази суду еще будетъ довольно времени“.— Государь замолчалъ и черезъ нѣсколько времени бросился обнимать Адлерберга. Спасибо, Эдуардъ! ты, можетъ быть, избавилъ меня отъ великой несправедливости.

Оказалось, что Катакази и потомъ долго служилъ. (Это отецъ Неклюдовой и того Катакази, бывшаго посломъ въ Америкѣ, что̀ погубилъ въ 1887 году Каткова, сочинивъ и напечатавъ въ газетѣ Votaire письмо отъ яко бы Каткова съ возбужденіемъ Французовъ напасть на Германію).

Графъ В. В. Адлербергъ, служившій въ Конной гвардіи, передаетъ ужасы о порядкахъ того времени. Никто изъ офицеровъ, какъ бы старательно ни служилъ онъ, не былъ обезпеченъ отъ вздорной, мелочной придирчивости Великаго Князя Михаила Павловича. Офицеры цѣлыми десятками сажались на гауптвахты (и никогда одного полка вмѣстѣ). На преданіе аресту (иной разъ многонедѣльному) еще надо было самому выправить билетъ отъ коменданта. Однажды Адлербергъ пріѣхалъ домой, чтобы переодѣться и ѣхать въ оперу. Вдругъ вѣстовой съ бумагою объ отправленіи на гауптвахту по приказанію Его Высочества. Онъ спрашиваетъ у полковаго адъютанта, за что же? Великій Князь встрѣтилъ двухъ солдатъ вашего полка на углу Кирпичнаго переулка, они не отдали ему чести и вѣроятно безъ спросу пошли изъ казармы. Офицеру предоставлялось выбрать себѣ гауптвахту для ареста, лишь бы не съ однополчаниномъ. Графъ Адлербергъ поѣхалъ въ Адмиралтейскую казарму. Тамъ же сидѣло человѣкъ десять. Духота, смрадъ, сырость и множество крысъ. Тутъ же печка, на которой разогрѣвалось кушанье, приносимое арестованнымъ офицерамъ изъ домовъ или трактировъ. Въ полу большая дыра, изъ которой такъ и шныряютъ большія крысы. На другой день графу Адлербергу привели его собаку. Та кинулась въ эту дыру и уже не показалась назадъ: крысы ее заѣли.

Другой разъ гр. Адлербергъ, ѣздилъ съ Канкринымъ и княземъ Павломъ Павловичемъ Голицынымъ, въ Ораніенбаумъ осмотрѣть лѣтнія помѣщенія. По возвращеніи двое послѣдніе посажены подъ арестъ на полтора мѣсяца за то, что на заставѣ не росписались.

Въ 1849 г., отправляя конный полкъ въ Венгерскій походъ, Великій Князь постоянно гнѣвался, протестовалъ за самые пустяки, выходилъ изъ себя и приводилъ въ отчаяніе и солдатъ и офицеровъ. Между

Библиотека "Руниверс"

солдатами былъ нескрываемый ропотъ. Это было мѣсяца за три до кончины Великаго Князя. Рыжій, сутуловатый, весь красный, съ огромнымъ загривкомъ, онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

И только тотъ одинъ
Кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ
И дѣйствовалъ, и жилъ,

Сказалъ объ этомъ времени зло-желательный полу-Полякъ Некрасовъ. Но еще много раньше, въ 1834 году, Пушкинъ писалъ въ своемъ „Памятникѣ“:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсень я обрѣлъ,
Что въ мой *жестокій* вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

Эта невѣроятная для нашихъ дней муштра — принадлежность Нѣмецкихъ князей и Нѣмецкой власти. Генеалогію надо искать въ Штутгардѣ и Людвиглюстѣ, въ предкахъ четырехъ братьевъ, отъ которыхъ столько пострадало Русскихъ людей изъ-за кантиковъ, выправокъ, окраски будокъ, ровненія шагомъ и пр.

По кончинѣ Михаила Павловича, преемникъ его, т. е. Александръ Николаевичъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но много мягче.

Графъ Василій Владим., нынѣ слѣпой, 12 лѣтъ служилъ въ конной гвардіи (1846—1858). Онъ помнитъ, какъ въ 1852 г. въ Гатчинѣ торжествовали открытіе памятника Императору Павлу. Покровы сняли, но веревка осталась на шеѣ статуи, и державный сынъ увидя это, заплакалъ. Всѣхъ поразила эта случайность. Графъ Адлербергъ не помнитъ, тогда ли или позже сняли знаменательную веревку.

Любопытно, что, по словамъ графа В. В. Адлерберга и другихъ, солдаты между собою, называли Николая Павловича: *Карлъ Ивановичъ*.

Конная гвардія стояла въ какомъ-то Польскомъ городкѣ, когда скончался Михаилъ Павловичъ. Собрались въ церковь. Священникъ сказалъ проповѣдь съ пышными фразами. Солдаты хмурились, а потомъ на площади, когда полковой командиръ объявлялъ, что незабвенный отецъ и благодѣтель, который не замѣнимъ для полка, замѣщенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ полку громко осуждали. Личныя благодѣянія великаго князя, негласныя пенсіи, уплата долговъ, щедрыя пособія, больше относились къ офицерамъ. Но сихъ послѣднихъ донималъ швейцаръ Великаго Князя, ссужая ихъ деньгами за страшные проценты. Однажды

Библиотека "Руниверс"

задолжалъ ему будущій фельдмаршалъ князь Барятинскій. Покойный Соболевскій, славившійся опытностью въ счетахъ и денежныхъ дѣлахъ, сказывалъ мнѣ, что однажды Пушкинъ просилъ его принять участіе въ нелѣпомъ положеніи молодого красавца и помочь ему разобраться въ поддѣланныхъ деньгахъ, т. е. скупить векселя и усовѣстить заимодавцевъ. Соболевскій съ Пушкинымъ пошли къ задолжавшему молодцу и нашли, у него остались только богатые ковры, и вся обстановка роскошнаго помѣщенія увезена заложенная. Это былъ князь Александръ Ивановичъ. Онъ и весь вѣкъ свой всего менѣе думалъ о деньгахъ.

Памяти Тютчева.

И у домашняго простаго камелька,
И въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной.
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душой благосклонной.
Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, что̀ на пути замѣтилъ
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.
Искусство, знаніе, событья нашихъ дней
Все откликъ въ немъ будило неизбѣжно.
И словомъ брошеннымъ на факты и людей
Клеймо онъ вѣчное накладывалъ небрежно.
Вы помните его среди его друзей,
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые.
Въ немъ злобы не было; когда онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ жизнью или вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ.

*

24 Іюля 1893 въ Ревель.

Эстляндскій губернаторъ кн. Шаховской, внучатный племянникъ славнаго комика и младшій братъ повредившагося въ умѣ супруга старшей дочери Каткова самъ мнѣ разсказывалъ о началѣ своей извѣстности. Будучи вице-консуломъ въ Рагузѣ, сдѣлался онъ агентомъ Славянскаго благотворительнаго общества и на присылаемыя Аксаковымъ деньги Московскихъ купцовъ доставалъ оружіе и порохъ, которыя держалъ у себя подъ поломъ и раздавалъ Герцеговинскимъ повстанцамъ. Паша въ Рагузѣ имѣлъ жену Француженку, которая ему

Библиотека "Руниверс"

надоѣла. Однажды онъ познакомилъ съ нею кн. Шаховскаго. Начались катанья верхомъ и отвергнутая своимъ господиномъ жена до того сблизилась съ Русскимъ вице-консуломъ, что для него похитила у мужа ключъ его переписки. Молодой князь такимъ образомъ получилъ возможность заранѣе узнавать о направленіи и передвиженіяхъ Турецкихъ войскъ, предупреждалъ повстанцевъ и тѣмъ облегчалъ имъ побѣды и одолѣніе. Вдругъ посолъ Вѣнскій требуетъ его телеграммой въ Вѣну, и оттуда немедля посылаетъ его въ Петербургъ. До Русской границы провожалъ его Австрійскій жандармъ, далѣе Русскій. Его приводятъ въ Мин. Ин. Дѣлъ, и Гирсъ, тогдашній директоръ Азіатскаго департамента, объявляетъ ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ много занимается Славянскимъ Благотв. Обществомъ. Князь ссылается на то, что Общество это дозволено, и что вѣроятно самъ Николай Карловичъ членомъ какого либо благотворительнаго учрежденія, и объявляетъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на стѣсненіе этой его дѣятельности. За тѣмъ идетъ онъ къ кн. Горчакову, его не принимаютъ, къ Вестману, къ Гамбургеру—тоже. Горе и смущеніе свое сообщаетъ онъ гр. Блудовой, и та его утѣшаетъ и велитъ придти къ ней тогда-то въ часъ дня. Оказывается, это день ея имянинъ; у нея накурено, принаряжено. Вскорѣ приходитъ Государь, и когда князь хочетъ удалиться, графиня вмѣсто того представляетъ его. „Такъ вотъ ты какой молодецъ! Ну сказывай, какъ по твоему справятся тамъ съ Турками?—Если прислано будетъ столько-то милліоновъ, да прибудутъ переодѣтые Русскіе солдаты, тогда можно ручаться.—Ужъ очень ты горячъ!“

Вечеромъ того же дня присылаетъ за нимъ канцлеръ. Но князь велитъ сказать посланцу, что такъ какъ онъ не былъ принятъ и подаетъ въ отставку, то не имѣетъ никакой надобности безпокоить его свѣтлость своимъ посѣщеніемъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно подалъ прошеніе и уѣхалъ въ Москву, гдѣ умиралъ его дядя, симпатичнѣйшій Александръ Павловичъ Ефремовъ. Отецъ отнесся не довольно сурово къ быстрому рѣшенію сына, который за тѣмъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Нежданно-негаданно телеграмма отъ канцлера съ запросомъ о здоровьѣ его чиновника. Отецъ пишетъ отвѣтъ о его болѣзни. Отъ канцлера снова телеграмма съ просьбою ежедневно увѣдомлять о ходѣ болѣзни. Потомъ выяснилось, что за маленькимъ обѣдомъ у Наслѣдника, гдѣ былъ Государь и гр. Блудова, стали жаловаться на кн. Горчакова и объясняли болѣзнь молодого князя недоброжелательствомъ канцлера. По выздоровленіи онъ получилъ отличную должность въ Одессѣ, и тутъ, переодѣвшись чумакомъ, успѣлъ перевести въ Румынію много оружія, доставленнаго Аксаковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Его несчастная княгиня передала мнѣ новость: Боткинъ, ея пріятель, сказывалъ ей, что Юрій Самаринъ страдалъ падучею болѣзнію.

У нихъ я встрѣтилъ игуменью новаго Курляндскаго монастыря, нѣкогда гувернантку въ пансіонѣ Трубà. Монашескаго что-то мало. У нея 23 сестры и учебное заведеніе дѣвочекъ на сто. И то слава Богу!

*

Весною 1854 года, стихи Хомякова, въ которыхъ онъ призывалъ Россію къ покаянію и грозилъ судомъ Божіимъ за гордыню, всполошили нашу высшую власть, и вѣщему поэту грозила правительственная кара. Въ особенности негодовалъ на него Наслѣдникъ престола. Графиня А. Д. Блудова обратилась съ оправдательною запиской къ супругѣ графа А. Ѳ. Орлова, который тогда былъ шефомъ жандармовъ и начальникомъ III-го Отдѣленія Государевой канцеляріи. (И азъ грѣшный потребованъ былъ въ Москвѣ къ графу Закревскому, о чемъ будетъ особо разсказано). Вотъ отвѣтное письмо графини Орловой, которое графиня Блудова отдала мнѣ.

Chère comtesse. Lorsque j'ai reçu votre lettre, j'étais dans un état à devoir mettre une demi-heure à la lire. Les incluses et les vers ont été remis à mon mari; mais j'étais hors de toute possibilité de vous répondre, quoique ce que j'ai à vous transmettre soit très court. Le voici. Aucune décision n'a été encore prise au sujet de m-r Homiakoff, et on attend des renseignements que doit fournir le c. Zakrewsky. Vous pouvez être sûre que tout ce qu'il sera possible de faire, sans manquer à des devoirs auxquels on ne saurait capituler, sera fait. Je n'en sais pas davantage.

Pour vous, chère comtesse, il me semble que vous n'avez aucun reproche de conscience à vous faire. On ne saurait vous blâmer d'aimer vos amis malgré leurs défauts et on ne peut qu' admirer votre dévouement à les servir. Continuez, je vous prie, de disposer de moi sans scrupules et croyez que je serai heureuse de vous prouver par là ma sincère affection. C. Orloff.

Le 21 Mai 1854.

Переводъ.

Дорогая графиня, я такъ страдала, когда получила ваше письмо, что на одно прочтеніе употребила полчаса. Все въ немъ вложенное и стихи передано

Библиотека "Руниверс"

мужу, но отвѣтить вамъ я не имѣла никакой возможности, не смотря на то немногое, что имѣю вамъ сообщить, а именно, что на счетъ Хомякова еще ничего не рѣшено. Ждутъ запрошенныхъ у Закревскаго свѣдѣній. Можете быть увѣренной, что все что возможно сдѣлать, не нарушивъ долга, которымъ нельзя поступаться, не преминутъ сдѣлать. Больше я ничего не знаю. Мнѣ кажется, графиня, что совѣсть ваша ни въ чемъ не можетъ упрекать васъ. Нельзя осуждать васъ за то, что вы любите друзей вашихъ, несмотря на ихъ недостатки. Можно только удивляться, какъ вы имъ преданно служите. Пожалуйста, продолжайте располагать мною, безъ стѣсненій; я такъ буду счастлива доказать вамъ въ этомъ мою искреннюю привязанность. Е. гр. Орлова.

*

21-го Мая 1854.

Анна Ѳедоровна Аксакова по кончинѣ мужа своего нѣсколько разъ восклицала: „онъ былъ такъ добръ, что даже со мной могъ ужиться!“

Передъ женитьбой, Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ готовитъ себѣ ясную осень жизни и что влюбился въ умъ Анны Ѳедоровны.

Онъ разсказывалъ мнѣ, возвратившись изъ Ильинскаго, гдѣ жила съ Императрицей его невѣста (и куда онъ съ трудомъ пробрался, такъ какъ царское пребываніе уже тогда окружалось тѣсною, явною и тайною стражей), что будущій тесть его Тютчевъ, обращаясь къ дочери, говорилъ: Anna, comme tu es heureuse; tu vas aimer et estimer ton mari.

М. А. Дмитріевъ (глубокій тогда старецъ) сочинилъ на этотъ бракъ стихи:

Какое счастье Ванѣ!
Женатъ на царской нянѣ!
При томъ какая честь:
Ему и Тютчевъ тесть.
Сказать пришлося къ слову,
Родня онъ и Сушкову.
Какую дребедень
Теперь заоретъ
„День“.

Но съ женитьбою Аксаковъ прекратилъ изданіе своего „Дня“ и, говорятъ, Тютчевъ по этому поводу сказалъ Государю, что онъ разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: избавляется отъ несносной фрейлины и несносной газеты.

И. С. Аксаковъ былъ убѣжденъ, что вышеприведенные стихи написаны Соболевскимъ и, разсердившись на меня за то, что я помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ какое-то шуточное стихотвореніе Соболевскаго, когда я выразилъ недоумѣніе, при чемъ же тутъ самъ-то онъ, увѣрялъ меня, что стихи про его свадьбу писаны Соболевскимъ, тогда какъ М. А. Дмитріевъ самъ мнѣ читалъ ихъ, какъ свое произведеніе.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1912 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

597. Патріархъ Гермогенъ **А. П. К.**

321. Государево слово и дѣло (Отказъ присягать Екатеринѣ II). **В. М. Кашкарова.**

134. Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ **Я. Штелинымъ.**

131. Изъ донесеній **графа Б. П. Шереметева** въ Правительствующій Сенатъ.

5. Изъ переписки княгини Е. Р. Дашковой съ ея братьями.

21. Павелъ Первый и Станиславъ Августъ. **С. М. Горяинова.**

403. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкаго.**

381. 1812-й годъ. Письма **Н. М. Лонгинова** къ графу С. Р. Воронцову, изъ Петербурга въ Англію.

604. Письмо графа **Ростопчина** къ Лабзину.

46. Депеша **графа Жозефа де-Местра** Сардинскому королю о нашей Отечественной войнѣ.

62. Письмо неизвѣстнаго лица о предыдущей депешѣ.

161. Письма **графа Жозефа де-Местра** изъ Петербурга въ Сардинію. 1814—1817.

439. Баронъ де-Бай. О Смоленскѣ.

129. Наполеонъ Первый и наши поддѣльныя ассигнаціи. **С. Фарфоровскаго.**

371. Герои 1812 года. **П. С. Дѣменковъ. И. О. Бартеневъ.**

80. Мы въ половинѣ XIX вѣка *(стихи)*.

332. Автобіографія **графа Д. Н. Толстого.**

352. Письма **графа Д. Н. Толстого** къ графу **М. Д. Бутурлину.**

148. Изъ писемъ графа **Д. Н. Толстого** къ графу М. Д. Бутурлину.

548. Схимонахъ Сергій (С. И. Яновскій). Его Записки.

584. Письма **И. В. Кирѣевскаго** къ іеромонаху Макарію.

603. Изъ письма **Н. П. Кирѣевской** къ іеромонаху Макарію.

290. Изъ воспоминаній **Н. А. Малевскаго-Малевича.** Учебные годы.

81 и 235. Изъ воспоминаній генералъ-адъютанта **Д. С. Арсеньева.** 1900. Путешествія съ Персидскимъ шахомъ по Россіи.

257. Пятидесятилѣтній юбилей **Д. С. Арсеньева.**

606. Даръ князя М. С. Воронцова. (Садоводство на Кавказѣ). **Ѳедора Чернозубова.**

441. Н. Н. Овсянниковъ. Некрологъ.

378. Архіепископъ Николай Японскій. Въ перепискѣ съ протоіереемъ Благоразумовымъ.

309. Великій Князь Владимиръ Александровичъ въ Омскѣ. 1868. **И. Г. Кузнецова.**

468. Россія, Германія, Франція въ 1870—1880 годахъ. Записка **П. А. Сабурова.**

319. О книгѣ **С. Р. Минцлова:** «Обзоръ Записокъ». **У. Г. Иваска.**

619. Графъ Д. А. Милютинъ. Некрологъ.

138. Куманины. Ихъ Родословіе. **У. Г. Иваска.**

409. Изъ альбома Свѣтланы (Стихи **А. Ѳ. Воейкова** и **В. А. Жуковскаго**). Сообщила **графиня А. А. Бреверн Делагарди.**

419. Письма братьевъ **Полевыхъ** къ В. К. Карльгофу. Сообщилъ **А. Ѳ. Кони.**

Библиотека "Руниверс"

143. Изъ портфеля стараго журналиста (Ѳ. А. Кони). Письма **А. О. Вельтмана. К. Ѳ. Рулье, Н. В. Беклемишева и П. С. Мочалова.**

277. Изъ фамильнаго архива Стороженокъ. Письма Булгарина къ В. А. Стороженку.

423. Письма **М. А. Дмитріева** къ **А. П.** и **Ѳ. Н. Глинкамъ.**

125. Шуточная хроника Московскаго университета 60-хъ годовъ.

280. Шуточная хроника Московскаго университета полвѣка назадъ. Времена историческія.

316. Изъ альбома **В. В. Ганки.**

610. Москва. Стихотвореніе **Т. Н. Грановскаго.**

466. Недосмотръ издателя въ стихѣ Тютчева.

317. Стихотворенія **К. К. Павловой.**

437. А. Грасье о **Хомяковѣ** съ переводомъ его стиховъ на Французскій языкъ.

603. Письмо Московскаго митрополита **Филарета** къ **Н. П. Кирѣевской.**

311, 445 и 625. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (графы Адлерберги, графъ Клейнмихель, Катковъ, князь Шаховской въ Ревелѣ).

Внутри обложекъ: I. О перепискѣ **А. С. Пушкина.** изданной **В. И. Саитовымъ.**

II. О письмахъ **Ю. Ѳ. Самарина.**—О книгѣ: «Дмитріевы-Мамоновы»).

III. О книгѣ **Д. Ѳ. Кобеко** «Царскосельскій Лицей».

466. Поправки разсказа о Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ.

68 и 652. Очерки Терской старины: I. Побѣги къ непокорнымъ горцамъ и жизнь у Шамиля. II. Разбойникъ Яшка Алпатовъ. III. Не выдастъ Богъ! IV. Самашкинское звѣрство. **Ѳедора Чернозубова.**

611. Заговоръ и колдовство на Руси въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. **Е. Н. Елеонской.**

ПОПРАВКИ.

Выше, на стр. 376-й во 2-й строкѣ снизу, племянникъ П. С. Демёнкова Платонъ Семеновичъ *Воропоновъ* названъ ошибочно Вороновымъ. П. Б.

На сорочкѣ къ 3-мъ выпускѣ вмѣсто *А. И. Брянскій* слѣдуетъ А. И. Брюнскій.

Библиотека "Руниверс"

СТАРЫЕ ГОДЫ

для любителей искусства и старины.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб. безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

Оглавленіе 2-й книжки.

Витбергъ и его проектъ храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ.

Вас. Щавинскій: Леонардъ Брамеръ. Н. Бетсъ: Правосудіе. Неизвѣстный рисунокъ Альбрехта Дюрера. С. Яремичъ: Классики и романтики на «Выставкѣ Французской за сто лѣтъ».

О работахъ въ Эрмитажѣ.

Некрологъ графа Строганова.

А. Р—въ: Вѣсти за мѣсяцъ.

С. Д. Къ реставраціи Успенскаго Собора.

W. Norbert: Свѣдѣнія изъ Берлина.

Е. Л.: Объ аукціонахъ и продажахъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать копѣекъ.**

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868. 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874. 1875. 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891. 1892, 1893, 1895. 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по **три** рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

годы: **1889, 1890, 1894. 1898—1906** продаются по 7 рублей за каждый годъ; годы **1907, 1908. 1909** и **1910**, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТІЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"